

ЕЖИ БРОНИСЛАВСКИЙ, ГЕОРГИЙ ВАЧНАДЗЕ

ПОЛЬСКИЙ ДИАЛОГ

ЕЖИ БРОНИСЛАВСКИЙ, ГЕОРГИЙ ВАЧНАДЗЕ

ПОЛЬСКИЙ ДИАЛОГ

**События в Польше
глазами польских,
советских,
американских,
английских,
западногерманских
и французских
журналистов**

Тбилиси
Издательство «Ганатлеба»
1990

664(0)
Б 885

Под общей редакцией
доктора философских наук,
профессора В. Н. Иванова

Брониславский Ежи, Вачнадзе Георгий Николаевич.

Польский диалог. События в Польше глазами польских, советских, американских, английских, западногерманских и французских журналистов. — Тбилиси: Ганатлеба, 1990. — 640 с.; ил.

В 1983 г. в Тбилиси небольшим тиражом издана книга Г. Вачнадзе «Заговор против Польши?».

Вступительную главу к данной повторной публикации «Заговора» написал польский публицист Ежи Брониславский. Готовя по просьбе издательства отзыв на рукопись книги, рецензент (Е. Брониславский) согласился на диалог с автором (Г. Вачнадзе), из которого читатель почерпнет немало интересных документальных свидетельств об обстановке в Польше в 80-х годах.

В $\frac{47000000-112}{M602(08)}$ рез 90-90 — 89

©Ежи Брониславский, Г. Н. Вачнадзе. 1990

ПРОЛОГ

Политика западных держав в отношении стран социалистического содружества долгое время выражалась в противоборстве двух разных социальных систем на мировой арене.

Империалистические концерны, банки, реакционные круги зарубежной польской общины, буржуазные средства массовой информации приложили немало усилий в осуществлении ожесточенной кампании по идеологическому и экономическому разложению социализма в ПНР

Именно в 70-е годы на авансцену политической жизни Запада были выдвинуты деятели польского происхождения, известные отнюдь не в качестве защитников социализма: в США — Збигнев Бжезинский и Ричард Пайпс, главные внешнеполитические советники в администрациях Дж. Картера и Р. Рейгана, Дж. Гронуски — председатель Совета международного радиовещания, политический куратор радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа», президент американского «Польского научного института»; во Франции — архиепископ Парижа Ж. М. Люстингер; в Ватикане — Кароль Войтыла, краковский кардинал, ставший папой-неитальянцем впервые за последние четыреста лет существования святейшего престола.

В начале 80-х годов западная пресса и телевидение расценивали платформы буржуазных политических партий в США, Франции и ФРГ, в большей степени ориентируясь на предвыборные обещания кандидатов «проявить твердость в польском вопросе» и поддержать оппозиционные силы в Польше.

В Соединенных Штатах все чаще слышались голоса о желании «демократизировать» социализм в ПНР, рассчитывая в конечном итоге на размывание социалистических основ на польской земле, а затем и в Других восточноевропейских странах. Хотя, конечно, причины здесь более глубокие. В первую очередь — экономические.

Не секрет, что США постепенно теряют экономический и политический контроль над союзниками по НАТО. Им все труднее дается экономическое соревнование с блоком стран «Общего рынка». Особенно явственно это почувствуется после интегрирования Западной Европы в 1992 г.: захватывает американский внутренний рынок Япония, противятся политике неокOLONIALИЗМА развивающиеся страны, наконец, набирают силы перестроечные процессы в социалистическом лагере, в том числе в Польше и СССР, и рано или поздно под действием всех этих сил будет расти европейский экономический потенциал.

При чем здесь Польша, скажете вы? А вот при чем! Для стран СЭВ разваленная польская экономика — не подарок, это ясно. Но и капиталистическим странам Европы польские события 80-х годов больших дивидендов не принесли. В западных средствах массовой информации появились тревожные комментарии о том, как бы кризис в Польше не усилил в их странах политическую нестабильность и тем самым не вызвал бы напряженность в экономике стран Западной Европы. Отмечалось также, что все эти явления выгодны в первую очередь заокеанскому партнеру.

Непосредственно вовлеченной в польский кризис оказалась Федеративная Республика Германии, не только из-за близкого соседства, но и из-за искусственно подогреваемых страстей в среде двух миллионов немцев, до 1945 г. проживавших на исконных польских землях, отошедших после второй мировой войны к законному владельцу — польскому государству. Курс американской администрации в какой-то степени подорвал позиции социал-демократического правительства большинства в ФРГ, осложнил положение правительства социалистов во Франции. В Италии и Испании удалось сделать «польский вопрос» предметом чуть ли не основных разногласий в политической жизни.

Со временем будет написано немало книг, публицистических и художественных, документальных и философских, в которых подвергнутся тщательному научному анализу события, происходившие в Польше в 80-х годах. Никто лучше польских ученых не справится с такой задачей — показом внутренних причин и условий политического обновления в стране, сильных и слабых сторон деятельности таких польских политиков, как В. Ярузельский и Л. Валенса, М. Раковский и Т. Мазовецкий, таких массовых политических организаций, как ПОРП и «Солидарность». Полным ходом идет демонтаж государственно-монополистического социализма и однопартийной диктатуры. На обломках партии польских коммунистов, самораспустившейся в январе 1990 года, возникла новая партия — Социал-демократия республики Польша. Среди всех стран Восточной Европы поляки уверенно лидируют в историческом процессе десталинизации.

Книга, которую держит в руках читатель, — это попытка взгляда со стороны. В ней собраны выдержки и комментарии из статей польских, советских, а также западных публицистов.

Издательство выражает признательность советским ученым и журналистам, оказавшим содействие ценными материалами и рекомендациями: Е. А. Александрову, Е. А. Амбарцумову, Г. Г. Кубанейшвили, а также сотрудникам справочных и исследовательских служб ТАСС, АПН, Гостелерадио СССР, Института научной информации по общественным наукам АН СССР, польского Центрального агентства фотоинформации, варшавского Музея карикатуры.

УРОК ИСТОРИИ

*Вступительная глава для второго издания
написана рецензентом книги польским писателем
Ежи БРОНИСЛАВСКИМ*

Работу доктора исторических наук Георгия Вачнадзе «Заговор против Польши?», выпущенную на русском языке в 1983 г. тбилиским издательством «Мерани», я прочитал с большим интересом. Ведь это была первая книга о политическом кризисе в братской социалистической стране, написанная советским автором и изданная в СССР на русском языке. Ничего подобного до той поры, насколько мне известно, не появлялось ни после событий в Венгрии 1956 г., в Чехословакии 1968 г. и т. д. Повторное рассмотрение автором проблем текущей польской истории кажется мне поэтому вполне закономерным.

Во-первых, речь там идет о горячем периоде в истории Польши — о 1980-х годах и о доселе не исследованном феномене, который мы условно именуем понятием «Солидарность». Пройдет еще немало времени, пока историки разберутся в этой проблеме. Благодатное поле для исследований найдут здесь и социологи, и политологи, философы, психологи, а быть может, и ...психиатры. Ведь иррациональное в какой-то степени поведение сторон — и правительства и оппозиции — и по сей день не нашло обоснования.

Во-вторых, автор работы располагал обширным, но, увы, неполным пропагандистским материалом, касающимся Польши тех лет. Хотя и написанным с использованием серьезных исторических источников. Сегодняшнее прочтение выдержек из этой книги, несомненно, вызовет у читателя интерес — авторские заголовки первого издания приводятся полностью. А в конце каждой главы рецензент и автор, полемизируя друг с другом, комментируют события и оценки прошлых лет, опираясь на опыт и знания дня сегодняшнего. Очень любопытной и поучительной получилась такая критика и самокритика. Не все суждения автора, высказанные в первом издании, выдержали испытание временем. Подобное мнение рецензента также субъективно и в каждом конкретном случае может быть оспорено автором и читателями. Ведь сегодня в свете перестройки международных отношений и политики польского обновления мы располагаем новыми данными и видением — как бы из иной исторической эпохи. Ну не мог же в 1982 г. Г. Вачнадзе предполагать, что спустя семь лет министр внутренних дел ПНР будет заниматься организацией «круглого стола» с участием бывших эзков во главе с Валенсой и самых высоких полномочных представителей бессменного генерала Ярузельского, а «Солидарность» будет легализована.

В-третьих, нам, полякам, полезно знать, как судьбы народа с Вислы воспринимаются в Советском Союзе. Ведь это, несомненно, дружественная нам интерпретация польских событий. В противовес информации со стороны западных радиостанций, прессы и телевидения, экстремистски настроенной внутренней оппозиционной печати.

И, наконец, в-четвертых, книга была издана тиражом для Советского Союза, можно сказать, библиофильским — 3 тыс. экземпляров, а следовательно, предназначена для узкого круга читателей. Авторское предисловие еще более убеждает в этом. Чтение работы, насыщенной выдержками из различных зарубежных источников, оценками и выводами, способно вызвать чувство удовлетворения у читателя и даже пресыщения, когда речь идет о политической панораме Польши тех лет. Но есть много вопросов, на которые автор не дает ответа. Он не избежал некоторых упрощений и даже ошибок в области новейшей истории Польши.

Итак, в несколько, может быть, пространном вступлении ко второму, теперь уже массовому изданию книги Георгия Вачнадзе я выскажу свои соображения относительно целесообразности объяснения польского кризиса 1980—1982 гг. происками внешних сил, а также попытаюсь продемонстрировать читателю свою точку зрения на политический кризис в стране как на результат многолетнего нежелания властей решать назревшие в обществе проблемы как материального, так и духовного характера. Ведь только недавно одним из главных компонентов курса Польской объединенной рабочей партии и правительства ПНР на обновление и национальное согласие стала гласность, коснувшаяся всех страниц новейшей истории Польши, в том числе и «белых пятен» в польско-советских отношениях.

Заговор против Польши?

Подобное понимание польских событий 1980—1982 гг. грешит серьезным их упрощением, и повинен в этом не только доктор Вачнадзе, но в равной степени и те многие советские ученые и журналисты, которые выступали по проблемам ПНР того периода. К счастью, Г. Вачнадзе избежал тех кардинальных ошибок, какие совершил примерно в то же время другой советский автор — Вадим Трубников в своем труде «Крах операции «Полония», адресованном в том же 1983 г. издательством агентства печати Новости широкой советской публике. Ошибки, им допущенные, столь многочисленны и вопиющи, что обсуждение хотя бы части из них выходит за рамки моих нынешних возможностей. Однако есть то единственное, что объединяет позиции обоих авторов, — признание теории заговоров, только в первом случае употребляется слово «заговор», а во втором — «операция». Логика подсказывает, что из фальшивых предпосылок не может получиться верных выводов. С другой стороны, понятно, что традиция сдержанного отношения советских журналистов и идеологов в отношении проблем братских стран — как бы не навредить неосторожно брошенным словом — не способствует свободе пера и полному раскрепощению в оценках. Я вовсе не хочу сказать, что мне неизвестны были тогда, да и сейчас козни американских и других спецслужб против народной Польши на протяжении всего послевоенного сорокалетия, а в 1980—1982 гг. в особенности. Наши власти обменяли дюжину осужденных в Польше агентов на одного нашего разведчика, пребывавшего в американской тюрьме, а в начале 80-х годов из нашей страны за серьезные нарушения, а попросту говоря за подрывную деятельность и за шпионаж было выслано более десятка западных дипломатов и корреспондентов, что, в частности, послужило поводом для еще большего обострения дипломатических отношений между Варшавой и Вашингтоном. Не для того ежегодный бюджет ЦРУ составляет около 10 млрд долларов, чтобы

тратить их на малоэффективные акции США, направленные против других государств. Мы не должны забывать, что приоритет принадлежит тем управлениям и отделам, которые «курируют» социалистические государства, они-то и занимают верхние ступеньки соответствующей иерархии, и лишь потом очередь доходит до Латинской Америки, Азии, Африки и других частей света. К тому же пропагандистская служба Соединенных Штатов, в том числе и Информационное агентство США (ЮСИА) с его многотысячным штатом сотрудников, существует уже давно и действует достаточно эффективно.

Мы должны помнить также, что каждое современное капиталистическое (да и не только капиталистическое) государство располагает четырьмя инструментами своей внешней политики: вооруженными силами, дипломатией, экономикой и пропагандой. Первый инструмент в эпоху атомного паритета между государствами с каждым годом делается все менее пригодным, в чем, к счастью, начинают отдавать себе отчет влиятельные политические круги. Дипломатия, как показал Ближний Восток, тоже порой приносит непредвиденные результаты. В арсенале, особенно американском, доминирующую роль давно уже играет синтез экономики и пропаганды. Вот что писал в связи с этим американский автор Джон Скотт в книге «Политическая война» (Нью-Йорк, 1960): «...основной деструктивной целью политической войны является ослабление и, по мере возможности, уничтожение врага путем дипломатических маневров, экономического давления, информации и дезинформации, провокации и устрашения, саботажа и террора, а также путем изоляции врага от его друзей и пособников...» Развивая эту концепцию, один из главных специалистов США по социалистическим странам, поляк по происхождению, профессор Збигнев Бжезинский так дополнил его: «...американская политика экономической помощи Восточной Европе должна руководствоваться двумя основными критериями: как только какое-нибудь государство расширяет радиус своей независимости от советского контроля, оно должно получить награду; как только какое-нибудь государство существенно изменяет свою внутреннюю систему в направлении либерализации, оно должно получить награду. И наоборот, когда намечаются противоположные тенденции, США должны воздержаться от помощи, отказать в привилегиях, таких, например, как принцип наибольшего благоприятствования .. и без колебаний предоставить политические обоснования этого шага. Учитывая, что Восточная Европа испытывает потребность в зарубежных инвестициях, гибкое применение долгосрочных американских кредитов может быть важным средством нажима...» (из книги З. Бжезинского «Альтернатива расколу». Вашингтон, 1965).

Конечно, все эти методы до сих пор применяются политико-пропагандистским комплексом США в отношении Польши, и, если бы наши руководители 70-х годов внимательней отнеслись к предостережениям ученых, а уж тем более помнили о тезисах В. И. Ленина в его работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», Польша не попала бы в долговую зависимость от Запада, что, хотя и обострило кризис 1980 г., все же не было главной его причиной. Ведь первые забастовки протеста рабочих в Польше проходили под лозунгом «Социализм — да, искажениям — нет!», и именно под него стала подстраиваться подстрекательско-пропагандистская машина Соединенных Штатов. Однако нет оснований говорить о каком-то заранее подготовленном сценарии или заговоре, ведь из этого

следовало бы, что в нем участвовала большая часть польского общества, а администрация Вашингтона этой большей частью руководила. Такая постановка вопроса явно искажает и значительно упрощает действительность.

В завершение рассуждений относительно обоснованности поисков «руки Запада» в разжигании польского кризиса сошлюсь на текст одной польской статьи о ПОРП и рабочем классе. По прочтении нижеследующего отрывка читатель согласится со мной, что подобная аргументация была бы немыслима на страницах советской книги 1983 г. издания.

Проблемам рабочего класса в Польше и связи с ним ПОРП посвящено интервью профессора Института исследований проблем рабочего класса Академии общественных наук при ЦК ПОРП П. Вуйчика студенческому еженедельнику «ИТД» (18.12.1988). Ему был задан вопрос: почему рабочие в Польше регулярно выступают против своего рабочего государства? Отбросим эту сталинскую фразеологию, сказал П. Вуйчик. Со времени «перестройки» можно официально говорить, что это была ложь. По своему опыту знают об этом и рабочие. А почему они бунтуют? Потому, в частности, что власти совершают одни и те же ошибки. Директор Центра по исследованию общественного мнения С. Квятковский сказал как-то, что **вся оппозиция при помощи всех западных радиоголосов не в состоянии сделать то, что может натворить один заместитель Председателя Совета Министров, — привести в состояние забастовочной готовности все молодое поколение рабочих. Некомпетентность губит нас.** Имеется в виду операция в области цен и доходов в начале 1988 г., приведшая к существенному росту дороговизны, но не только это. До 1985 г. мы постепенно выбирались из экономической пропасти, улучшалось настроение, родились надежды... С 1986 г., когда власть в правительстве перешла в руки лобби горнодобывающей и сырьевой отрасли, ускоренными темпами начался регресс, подталкивание страны к катастрофе.

Посмотрим на жилищное строительство. Ведь были же постановления Сейма ПНР и X съезда ПОРП об увеличении расходов по этой статье. Но только после отставки прежнего правительства новый состав Совета Министров признал приоритет жилищного строительства. Три года были потрачены впустую. X съезд партии также принял решение, что до 1990 г. 150 тыс. трудящихся, занятых на вредном производстве, будут улучшены условия труда. Под угрозой находятся 3 млн, в том числе 1,5 млн работают в условиях, где превышены верхние границы допустимых норм воздействия вредных факторов, где, добавим, работа вообще должна быть запрещена. И здесь ничего не делается, а если и делается, то в таком темпе, что последний рабочий перестанет работать в условиях, создающих угрозу для здоровья, через 300 лет. Чего же удивляться протестам рабочих, если хозяйственная бюрократия таким вот образом удовлетворяет требования трудящихся.

Почему же решения X съезда ПОРП, являющиеся обязательными для двухмиллионной партии, остаются на бумаге, учитывая, что одних только начальников в партии почти 800 тыс.? В этом и заключается ответ, подчеркнул П. Вуйчик. Партия по названию рабочая, но каждый второй ее член — начальник. Если отбросить мастеров и бригадиров, лишь каждый пятый член ПОРП — рабочий. Если же исключить пенсионеров, то процент рабочих будет еще меньше. Как же можно тогда говорить о том, что это партия, выражающая интересы рабочих? Вряд ли какая-либо группа, прослойка, класс могут освободиться от преобладания собственных интересов и вдобавок претворять в жизнь иные, чуждые интересы, вступая в коллизии с собственными. Разнородность мнений, взглядов и предложений в программной области, внутри партии ничем не отличаются от существующих во всем обществе. Можно даже рискнуть утверждать, что соотношение сил в партии хуже, чем во всем обществе. В партии нет возможности выбора между разными программными платформами, нет открытой идейной жизни, которая была во времена Ленина. В результате партия стала полем скрытой, закамуфлированной борьбы разного рода лобби, 1 групп по интересам. В результате съезды принимают одну систему социальных ориентиров, а затем правительство и Комиссия планирования при Совете Министров устанавливают другую иерархию целей.

Поэтому необходимо прежде всего приступить к изменению модели партии. В нынешней есть еще множество остатков сталинизма. Доминирует модель института сверхнадзора за всеми проявлениями жизни. Сейчас предпринимаются попытки изменить эту модель, но изменения явно недостаточны, непоследовательны и не слишком быстры.

Из наших исследований вытекает, что рабочие хотят иметь организацию, которая бы боролась только за их интересы, а не была бы ширмой для удовлетворения интересов бюрократии, технического надзора и администрации либо трамплином для политической карьеры. К сожалению, эти чаяния не были выполнены ни в «Солидарности», ни в новых профсоюзах, ни в партии. До сих пор эта проблема не решена.

В сфере экономики суть проблемы сейчас в структуре народного хозяйства и распределении национального дохода. Если 49,6% средств предназначено для капиталовложений в топливно-энергетический комплекс, еще 30% — для металлургии и машиностроения, то на оставшиеся 20% живет все население. Эта абсурдная экономическая структура — корень всех несчастий нашей экономики, и, пока она не будет преобразована, ничего фактически изменить не удастся.

Цель социализма — ликвидация рабочего класса. Чем быстрее это произойдет, тем лучше. Сегодня рабочий класс — это дискриминация в сфере условий труда, в социально-бытовых условиях, в просвещении, в участии во власти. Если ликвидировать эти виды дискриминации и неравенства, не нужно будет выделять категорию «рабочий класс». Но подозреваю, что за теориями об анахронизме рабочего класса кроется нечто иное: попытки игнорировать потребности и чаяния рабочих, сеять раздоры между рабочими и интеллигенцией к выгоде для властей. Видимо, на это большая часть рабочих не пойдет, указывает П. Вуйчик.

3—4 марта 1988 г. в Варшаве по инициативе писателей — членов ПОРП и Отдела культуры ЦК ПОРП была проведена конференция писателей — членов партии, в которой приняли участие и беспартийные литераторы. Ниже приводится выступление на ней З. Сафьяна, известного польского прозаика, автора переведенных на русский язык романов и повестей: «Встречный свет», «Ничейная земля», «Дневник инженера Геины», «Ключ следствия» и других, а также в соавторстве с А. Шипульским, под псевдонимом Анджей Збых, романа «Ставка больше, чем жизнь». Думается, что мысли моего коллеги по литературному цеху, опубликованные полностью в органе ЦК ПОРП газете «Трибуна люду» (9.03.1988) под заголовком «История и писатель», помогут составить яркое, зримое впечатление об атмосфере среди польской творческой интеллигенции начала 80-х годов:

«Мои размышления о судьбах писателей в предкризисные годы не претендуют на роль историко-литературного исследования. Я не ученый и исхожу главным образом из личного опыта. Само определение «предкризисные годы» кажется мне сомнительным, хотя спор о терминах и датах вряд ли имеет смысл.

После короткого периода стабилизации и надежд 70-х годов мы вступили в «предгрозовую эпоху»; признаки приближающегося перелома становились все отчетливее. Я был одним из тех, кто поддержал новую экономическую программу, в которой основной акцент делался на повышение жизненного уровня, введение самых современных методов хозяйствования, широкое международное сотрудничество во всех областях экономики. Такое лекарство могло бы излечить наше народное хозяйство, пострадавшее в годы застоя. Но первые восторги скоро утихли. Программа и реальность шли как бы двумя параллельными путями, почти нигде не пересекаясь. Благие намерения остались лишь намерениями. Назревали противоречия, множились ошибки, заметные каждому. Культурная политика сводилась к тому, что от литературы ожидали либо безоговорочной поддержки, либо невмешательства. Цензурные запреты стали обычным явлением, разрушалась материальная база культуры.

Когда я сегодня оглядываюсь назад, то с болью вижу наше тогдашнее бессилие, наши робкие и часто тщетные попытки создать единую картину мира, нашу борьбу против тех, кто все более явно старался толкнуть Польшу на иной путь — не социалистический.

Я помню двухдневную встречу писателей на Зегжинском озере во второй половине 70-х годов и бурную дискуссию о цензуре, о праве писать правду. И помню, как на примере из истории второй мировой войны нам доказывали, что с правдой следует обращаться осторожно. Советский народ, говорили нам, в 1941 г. привык считать, что немцы всегда находятся на 30 километров ближе, чем утверждают официальные средства информации. Поэтому, когда гитлеровская армия подошла к Москве и Сталин приказал сказать правду — что «враг на подступах к Москве», люди прибавили 30 километров, и в центре Москвы началась паника. Из этого следовало, что к правде надо приучать постепенно.

Но происходило скорее обратное. Мы защищали нашу историю и наше настоящее, понимая в то же время, сколько вокруг лжи, умолчаний и просто равнодушия, чувствуя, что жизнь каждую минуту ставит нас перед неразрешимыми дилеммами.

В чем источник этих наших противоречий? Что определяло позицию писателя в предгрозовые дни? Что ограничивало возможности и поле зрения? Почему в ситуации все более углубляющегося кризиса мы так остро чувствовали беспомощность литературы?

Любой ответ на эти вопросы был бы неполным и неточным, а главное — слишком абстрактным. Однако я считаю, что сейчас нужно попытаться его найти. И еще: можно попытаться. Сегодня мы должны понять нашу тогдашнюю позицию, чтобы увидеть корни сегодняшней.

Нельзя сказать, что только последние десять лет сформировали взгляды наших писателей. Свой отпечаток на них наложила вся история народной Польши, кризисы, потрясения, переломы, драматические поиски решений. Сталинизм создал искаженную картину мира: черно-белую, но привлекающую своей логичностью, которую трудно было заменить другой концепцией. Сталинизм, который мы старались преодолеть, но который продолжал жить в нашем сознании, мешал поискам альтернативы. Мы все еще находились под влиянием поколебленных, но пока распространенных мифов и комплексов, порожденных сталинизмом и польской традицией. Странная смесь! Никто до сих пор не предпринял серьезного анализа этого явления, польской разновидности сталинизма, не увидел его «двойного дна»: скрытых комплексов, двойственности позиций. Эта проблема требует отдельного разговора. Я всего лишь хотел бы попытаться дать классификацию мифов и комплексов, особенно ярко проявившихся в предкризисные периоды. Я и сам не был от них свободен. Можно считать эту концепцию спорной или неполной, но, когда хочешь развеять мифы, не самое ли важное назвать их?

Я начну с **мифа о единственной правде**, корни которого в сталинском искажении ленинских идей. Каждая очередная программа руководства партии сразу же после провозглашения становилась догмой, чем-то бесспорным, единственно возможным. Любое сопротивление объявлялось ревизионизмом, раскольнической, противоречащей интересам государства деятельностью. Но ведь если без моего участия решается, что ложь, а что правда, если я лишен возможности влиять на этот процесс, я не приму эту правду сознательно, она будет для меня не собственным убеждением, а лишь откровением свыше, причем в любую минуту какое-то новое откровение может уничтожить эту правду и заменить ее иной. Как это ни парадоксально, единственная правда оказывается в то же время правдой легко заменимой.

Миф о том, что правда — всегда только одна, продолжал жить и тогда, когда пришел конец эпохе сталинизма. Он, конечно, стал проявляться иначе: зачисленных в оппозицию уже не ликвидировали физически. Миф просто создавал оппозиционные настроения и драмы совести. Братный в «Дневнике моих книг», вспоминая о своих публицистических сражениях в 1977 г., пишет: «Ограничения у нас в крови, поэтому мы не способны на открытый бунт против собственного государства и даже в критических ситуациях с трудом можем решиться на него». Все правильно! Вот только речь шла не о «бунте против собственного государства», а просто-напросто о бунте против опреде-

ленной программы. Неверной программы. Когда читаешь стенограммы наших тогдашних обраний, невольно замечаешь, что все, что мы тогда клеймили как ревизионизм или отступничество, звучит сегодня как робкая, полуконформистская попытка сказать хотя бы часть правды.

С мифом о единственной правде тесно связан и другой миф, **миф о том, что верность — это послушание**. Сознательное злоупотребление высоким принципом верности идеалам, верности партии тоже сковывало мышление. И дело не в нашем конформизме. Страх — да, но не только страх. Ведь это было бы не просто несогласие с каким-то отдельным решением, а предательство своих собственных идеалов, дела, за которое боролся всю жизнь, идеей своего творчества. Достаточно было, например, усомниться в поправке к Конституции, чтобы тут же тебе наклеивали ярлык «уклониста». И начинался процесс отчуждения, распада всех человеческих связей. Очень часто сначала начинали кричать о чем-либо переходе в так называемую оппозицию и лишь потом это происходило в действительности. То же мы наблюдали и в партийных писательских организациях.

А разве не были результатом этого извращенного понимания верности разного рода сделки: в обмен на эту верность, за добровольно принятые на себя ограничения — успехи в литературе, официальное признание и одобрение?

Опасным и очень живучим был, а может, и остался **миф об исторической необходимости**. Таковы условия, так надо — эти аргументы, заменявшие идеологическое обоснование, широко применялись в период поисков реальных решений. Если какие-то меры цензурного характера или ограничивающие гражданские свободы, препятствующие реализации демократических принципов, невозможно было оправдать ни с точки зрения идеологии, ни с точки зрения их рациональности, оставалась лишь историческая необходимость. Необходимость эта действительно существовала и существует, но, когда о ней говорилось не открыто и конкретно, а туманными намеками, она становилась опасным оружием, пригодным для любой цели. Радикальные реформы невозможны, твердили в течение десяти лет, потому что нам не позволят. И никто даже и не пытался сделать что-то в этом направлении. «Историческая необходимость» играла роль магического заклятия, а с заклятиями не поспоришь. Эти рассуждения о таинственных «условиях» нередко толкали людей на путь конформизма и безыдейности.

Миф о единстве общества также глубоко уходит корнями в события нашей послевоенной истории. Есть что-то трагическое в том, что руководство партии даже тогда, когда и в самом деле пользовалось реальной поддержкой всего общества (а ведь именно так было после октября, после декабря 1970 г.), само в эту поддержку не верило, не воспользовалось шансом по-настоящему проверить правильность партийного курса, а обратилось к магическим заклинаниям. Потому что как же иначе можно это назвать, когда, желая, чтобы оно было, провозглашают, что вот оно уже есть?

В призыве всемерно помогать реализации партийных программ уже было заложено зерно будущих конфликтов: «мы» осуществим необходимый перелом, «мы» это берем на себя, а «вы» нам только помогите. Можно ли удивляться, что общество не чувствовало никакой своей ответственности за происходящее, а лишь ожидало выполнения обещаний, действия заклятий, не желая нести расходы. Призывы «работайте хорошо» — в сущности не что иное, как шаманство или особого рода литургия, бывшая обязательной для всех.

Миф о единстве, который существовал и в нашей среде, мешал заметить конфликты, противоречия, хотя обстановка становилась все более взрывоопасной. В Польше действительно совершался перелом, росла новая молодая интеллигенция, стали теснее связи с миром, следовательно, появилась возможность сравнивать, и в то же время структура общества становилась все более архаичной, устарела вся система отношений между властью и гражданами. Это противоречие неминуемо должно было обостриться. Общество развивалось независимо от своей структуры, даже вопреки ей. Социальным выражением этого явления стал конфликт между бюрократическим правящим аппаратом, с одной стороны, и рабочим классом и интеллигенцией — с другой. Конфликт этот проявлялся в разных, постепенно все более резких формах, оказывая влияние на писателей и их творчество.

На вопрос, видела ли литература все эти противоречия и как реагировала на это,

невозможно ответить однозначно. Интересные и очень разные книги, вышедшие в это десятилетие, еще ждут всестороннего анализа. Появились выдающиеся произведения, которые наверняка останутся в литературе, были новые находки в жанре психологического и политического романа, вскрывающие и исследующие механизмы власти и иногда поднимающиеся до острой критики. Но ведь практически нетронутой осталась область реальных конкретных конфликтов, кризисов и потрясений в структуре общества. Трудно думать об этом без горечи. До какой же степени мы замкнулись в кругу мифов и комплексов?

Я попытался дать классификацию мифов, распространенных в нашем обществе в те годы. Теперь назову некоторые комплексы, которыми страдала значительная часть творческой интеллигенции.

Комплекс неполной самостоятельности сыграл трагическую роль в истории народной Польши. Причины его следует искать в сталинизме, в механическом копировании советского примера, в признании иерархической структуры международного коммунистического движения, в том, что Гомулка на октябрьском пленуме определил формулой — «светить отраженным светом». Сказались и недомолвки, отсутствие смелого и откровенного анализа польско-советских отношений, так называемые «белые пятна», возникшие потому, что некоторые темы оставались табу для партийной исторической науки Польши, а общественное мнение в отношении многих исторических событий формировали наши идейные противники.

Комплекс неполной самостоятельности стал причиной того, что в политическое мышление части польской интеллигенции проникли архаические, утратившие свое значение ценности, ставшие впоследствии, в предкризисный период, важным фактором политической борьбы. Словно проклятие тяготеет над нашей историей! Поиски «истинной Польши» привели к странному явлению — уреченности в современности идеалов времен разделов. На эту тему говорилось много. А. Василевский назвал эту манипуляцию преступлением против польского общественного сознания. Да, конечно. Но это преступление стало возможным в результате реальных ошибок, отразившихся и на общественных процессах этого десятилетия. Еще не так давно у символического креста в Катыни возлагались цветы, и это не было только результатом провокаций и манипуляций. В общественном сознании существует нечто вроде незалеченных психологических травм, которые долгое время совершенно не дают о себе знать, но в критические моменты могут вдруг проявиться с невиданной силой. Реальная политика должна не ограничиваться простыми сообщениями о выступлениях общественности, а искать причины явлений. Психологические травмы — это факт, с которым следует считаться.

Еще один комплекс — ощущение, что система не поддается **никаким реформам**, — приводил к двум, казалось бы, противоположным последствиям: заставлял часть партийной интеллигенции держаться за свои догматические установки и сопротивляться всяким переменам в структуре общества, якобы угрожающим основам строя, и в то же время, как известно, способствовал появлению великодушного аргумента, обосновывающего необходимость возврата к капитализму, поскольку в рамках этой социалистической системы, якобы не оправдавшей себя и не выполнившей своих обещаний, уже ничего сделать нельзя. Это, конечно, демагогия. Но как комплекс невозможности реформ действовал на наше мышление в предкризисные годы! Как он мешал любым попыткам создать новую концепцию, найти новое решение!

К тому же это был своего рода жупел: еще один шаг в этом направлении — и все, ревизионизм, предательство, отступление от важнейших принципов социализма... Хотя и не слишком было понятно, что же именно должны включать в себя эти основные принципы? Очерченные указания партийного руководства? А если уж кто-то и отваживался на этот шаг, пытаясь что-то изменить, наказание следовало немедленно, и никакие заверения — «я продолжаю быть сторонником социализма» — помочь уже не могли. Объективно такой человек становится противником.

Очевидна связь этого комплекса с другим, который я назвал бы «мартовским» (в марте 1968 г. в Польше происходили студенческие волнения и выступления творческой интеллигенции. — Прим. Е.Б.). Его воздействие на писателей требует специального анализа, отсутствие которого отрицательно сказывалось в течение всего по-

следнего десятилетия, и совершенно ясно, что сегодня назрела настоятельная необходимость пересмотра взгляда на март. Появившиеся в печати статьи, особенно статья в «Трибуна людю», отражают сложность происходивших тогда событий. Однако, несмотря на все попытки манипулировать общественным сознанием, большая часть творческой интеллигенции по-прежнему считает, что «мартовский» удар был направлен именно против нее, против тех ее представителей, которые наиболее остро реагировали на интеллектуальной застой 60-х годов, отход от идей Октября, отказ от перестройки структур, основанных на сталинских принципах. В ответ на студенческие демонстрации и проявления антисемитизма и национализма, абсолютно чуждые традиции польской коммунистической мысли, стали тормозиться любые попытки реформ.

Этот комплекс надолго укоренился в нашем сознании. Март многие годы был одной из главных тем нелегальной публицистики, излюбленным аргументом идейных противников социализма, аргументом, остающимся без ответа.

Вот именно: без ответа, поскольку позиция партийной интеллигенции не могла не быть двойственной. Каждый, кто помнит знаменитое февральское собрание Варшавского отделения Союза польских писателей, поймет, в чем тут было дело. Аргументы, высказанные против предложенной тогда резолюции о консолидации, не касались существа дела; представитель интеллигенции не мог полностью оправдать действия властей (или части партийного аппарата), не поступившись в определенной мере своей честностью. Можно было ссылаться на объективные условия, на необходимость отмежеваться от пропагандистской шумихи, поднятой реакционерами на Западе, на высшие интересы государства и все ту же историческую необходимость, но вынужденность и слабость этой позиции были очевидны.

Был скомпрометирован принцип сотрудничества с творческой интеллигенцией, принцип компромисса, искусственно создана драматическая поляризация сил. Март завершал определенный этап нашей истории; он показал, что необходимые перемены трудно осуществить в рамках существующей структуры власти.

Писательская позиция в период бюрократического правления формировалась, как мне кажется, по-разному: кто-то освобождался от мифов и комплексов, а кто-то им подчинялся. Часто возникали настоящие драмы. Ведь писатель, особенно писатель партийный, всей своей жизнью связанный с социалистической Польшей, был вынужден бороться с собственной властью за право сказать правду, хотя бы часть правды, и при этом чувствовал, что поступает вопреки велению своей совести и своим понятиям о верности — пусть ложным, но искренним.

Партийные писатели не позволили отнять у них право на критический взгляд, но постоянно разрывались между потребностью критики и долгом отказа от критики. И если отказывались, то не только под влиянием цензуры и различных запретов, но и потому, что верили в миф об исторической необходимости. Ведь долг партийного писателя, если он серьезно относился к своей партийности, состоял в защите политики ПОРП, по крайней мере социальной и культурной. Этот долг мы не всегда могли выполнить, так что неудивительно, что в наших убеждениях была явная двойственность, большей частью, впрочем, вполне осознанная. Защищать и критиковать. Защищать от нападок на культурную политику партии и государства с позиций враждебных или признанных несоциалистическими и в то же время критиковать ту же политику, в которой мы многое не принимали.

Отсюда чувство разлада с самим собой, тяжелое душевное состояние, постоянный поиск компромисса, к чему, собственно, сводится выдвинутый Ивашкевичем принцип организации СПП: сохранить внешнее единство литераторов и в то же время найти формулировки, приемлемые для политического руководства. Несправедливо обвинять писателей в конформизме; в двойственности позиции — да, но эта двойственность была трагической по своей сути.

На XX съезде СПП произнес свою знаменитую речь Анджей Браун; сегодня даже более демагогично и резко сформулированное требование о ликвидации «белых пятен» в нашей истории никого не удивляет и не возмущает.

Тогда делегаты — члены партии, не вступая в принципиальную дискуссию, осуди-

ли Брауна, а зачитывавший это заявление с осуждением старался употреблять как можно более мягкие, ничего не значащие выражения. Сегодня я вспоминаю об этом с горечью. Можно ли было поступить иначе? Можно ли было вступить в дискуссию? Наверняка нет. И говоря это, я знаю, что отрекаюсь от чего-то очень важного. Но, чувствуя ответственность за весь писательский цех и не только за него, я не должен был поднимать трагические глобальных вопросов.

Партийная принадлежность в любом обществе означает подчинение. Партийная дисциплина бывает тяжела для творческого человека. Можно не вступать в партию. Но если ты вступил, если сознательно решился отстаивать ее идеи и подчиняться требованиям эпохи, как истинным, так и мнимым, ты должен принять на себя долю ответственности за кризис, к которому привели эти «требования эпохи». Я считаю, что мы, партийные писатели, должны сознавать эту свою ответственность. И выводы из этого достаточно очевидны.

Можем ли мы сегодня с чистой совестью утверждать, что наше молчание, наш отказ от своего мнения и в литературе, и в политике были оправданны и необходимы, служили интересам Польши и социализма? Мы защищали паше мировоззрение, основные принципы истории и современности, стараясь делать это честно. Мы платили за свой выбор дорогой ценой.

Было бы несправедливо и оскорбительно не замечать того, что и партийные писатели выступали с критикой партии. Достаточно перелистать стенограммы партийных собраний Варшавского отделения СПП, чтобы убедиться, насколько острыми бывали дискуссии и резолюции. Именно партийные писатели представили отчет о состоянии книгоиздательского дела и протестовали против запретов цензуры. Сколько современных произведений, написанных с абсолютно партийных позиций, вызывали тогда сомнения «Надо ругаться с нашими политиками, свести цензурные ограничения к минимуму», — эта фраза повторяется в стенограммах чаще всех. Мы не приняли формулировку тогдашнего секретаря ЦК: «Мы не можем согласиться на распространение произведений, несущих угрозу общественной нравственности и единству общества или нацеленных против основ нашего строя и подрывающих авторитет Польши в мире». Эта неопределенно-общая формула давала возможность запретить практически любую книгу. И многие оказались под запретом. Даже полное издание «Мастера и Маргариты». Книги Бараньчака, «Месиво» Анджеевского, книги Быстшицкого, Кивевского, Комольки, Новаковского, Ворошильского, пьесы Абрамова, Кра-синьского. За многие из них более или менее успешно боролись партийные писатели. Анджей Василевский на XXI съезде СПП говорил о 29 «освобожденных» книгах, которые благодаря этой борьбе стали доступны читателю за последние два года. И он был прав, утверждая, что, в сущности, писатели — члены партии сохраняли тогда необходимый всем литераторам союз и его единство, отстаивая право художника на свое собственное мировосприятие. Это правда. Свою роль тут сыграла и готовность идти на компромиссы как с той, так и с другой стороны.

Мы несли потери. С середины 60-х годов мы с мрачной методичностью сами создавали оппозиционеров. Мифы об исторической необходимости и о единственной правде, комплекс невозможности реформ, «мартовский» комплекс помогали подбрасывать все новые поленья в этот костер. Впрочем, слово «оппозиция» не кажется сейчас таким страшным. Только в политическом пекле 80-х годов оно могло приобрести свой грозный смысл. Ведь если писатель в предкризисные годы выходил из партии, то это не значит, что его мировоззрение и творчество тут же претерпевали коренные изменения. Я думаю, что неприятие истин, которые признает партийная организация, нельзя назвать грехом оппозиционности. Порой это было вызвано личными причинами: разочарованием, горечью; иногда приводило к отказу от современных тем и поискам истинно польского духа в истории. Приводило ли это впоследствии к привнесению идеалов прошлого в изображение современности? Иногда. Но ведь ни Кусьневич, ни Парницкий наверняка не изменили бы своей тематики, даже если бы могли в полный голос говорить о сегодняшнем дне. Свободу от всех ограничений давали нелегальные издательства. Мы понимали их притягательность. Счастлив тот писатель, который, как Марек Новаковский на съезде СПП, мог сказать: «Благодарим и рассудительность — не для меня!» Однако его уверенность в том, что он полностью свободен

и может снять с себя всякую ответственность за свое слово, заблуждение. Чаще всего речь идет лишь о переходе из одного лагеря и другой. Ответственность за слово — это не миф, созданный нами, это веление совести, которое нельзя ни обойти, ни заглушить, в каком бы лагере ни находился писатель.

Писатели, «ушедшие в подполье», и их произведения, даже чересчур пессимистические, были сигналом тревоги. Но к такой литературе относились исключительно как к проявлению антисоциалистических, оппозиционных настроений, а заодно использовали в качестве доказательства собственной либеральности ну да, ведь никаких особых преследований не было. Карикатурный образ действительности хотя бы в таких романах, как «Малый апокалипсис», «Польский комплекс» (произведения Тадеуша Конвицкого. — *Прим. Е. Б.*) или даже «Кто это сделал?» Марека Новаковского, вырос из горечи и разочарования, из существующих, а не придуманных общественных противоречий, которые литература имела право и даже обязана была отразить. И отнестись к этому следовало как к предостережению. Побольше бы таких предостережений! Ведь патриотизм может проявляться в разных формах, и уж наверняка не только в оптимизме.

Неверие в социализм как строй, не поддающийся реформам, толкало на поиски альтернативных идеологий. Однако они оказывались, как правило, творчески бесплодными.

Как это ни парадоксально, драма польских кризисов тесно связана с драмой польских коммунистов и коммунистической мысли. Социалистическая идея, на основе которой строилась народная Польша, глубоко укоренилась в общественном сознании. Если отбросить эту истину, связанную с успехами и поражениями, трагическими ошибками, нельзя постигнуть правду о сегодняшнем дне Польши. Не случайно подпольной литературе это часто не удавалось. В этом случае вновь заявил о себе миф о правде единственной, неделимой, но уже беспартийные писатели подпали под влияние этого мифа. В черно-белом мире, какой видела вокруг себя часть нашей творческой интеллигенции, никаких драм не было. Повинуясь моральному императиву, нужно было просто отбросить все, связанное с идеями социализма. По одну сторону — «красный», по другую — честный поляк-патриот. Так рождался социализм наоборот.

Это, конечно, крайность. Но разве элементов этой крайности, этого мифа о единственной правде нет, скажем, в «Сроке полномочий» Яна Юзефа Щепаньского? В высказываниях (совершенно искренних) многих писателей об их собственной судьбе в годы сталинизма? Поражает почти трагическая неспособность понять самих себя, свою позицию и решения. Почему я был таким? Ведь если зло — простое и очевидное, как же я мог поддаться этому злу? Уже понимал? В сущности, был против? Оказался конформистом?

Истинный плюрализм предполагает неоднозначность мировосприятия и диалог, когда отбрасывают принцип единственной правды, а свою правду защищают с полным уважением к мнению оппонента Спорят не с намерениями, а с аргументами. Не прибегают к шантажу, потому что подмена доказательства -каким бы то ни было моральным или политическим императивом есть не что иное, как шантаж. Это правда, партийные писатели верили в мифы; это правда, процесс освобождения труден и длителен. Но он идет.

Я часто слышу вопрос: так что же происходит? Допустим, прежняя система не оправдала себя, но есть ли концепция новой? Где наша идейная принципиальность? Что же мы поставим под сомнение завтра? Какой еще пересмотр взглядов на прошлое и настоящее ожидает нас в скором времени? Что мы оставим после себя, пустыню: мифы разрушены, боги свергнуты? И нас это не пугает?

Поищем ответа, заглянув поглубже в нас самих! Мы часто рассуждаем о читательском кризисе, о необходимости возвращения в Союз наших отлученных братьев, как мы это красиво называем, о ценах на книги, о быте писателя... Это важные проблемы. Но ведь не от них зависит наша деятельность, наше существование в будущем. Какой выход мы предложим, какую картину мира изобразим, согласовав ее с нашей совестью, нашим знанием о жизни, нашим пониманием социалистической идеологии, а не с быстро меняющимися требованиями политиков?

Мы, безусловно, присутствуем при смене эпох. Сценарии будущего пока что лишь предлагаются: начало перестройки мышления кажется легким, но ведь никто никакими заклинаниями не разрушит барьеры ограничений, не устранил навсегда угрозу рецидивов.

Будут ли польские писатели — члены партии и вся польская литература достойны грядущих времен?

Преодолеют ли слабость и пассивность или позволят втиснуть себя в корсет стереотипного мышления и шаманства?

Чему уж наверняка пришел конец, так это табу настоящим и придуманным. И никто уже не станет оправдывать добровольного следования всяческим ограничениям, не вручит за это медаль.

Быть может, мы еще не сознаем до конца, на пороге каких перемен мы стоим. Не исключено, что то, что мы в состоянии сказать сегодня, — уже анахронизм, а то, что пытаемся делать, — заклинание дьявола.

По обе стороны разделенного мира идет поиск концепции будущего. Будущее будет принадлежать тому, кто первым поймет сущность нового»

О «белых» или черных пятнах

Не рассмотрев подробно некоторых последствий сталинской диктатуры в отношении поляков, мы не сможем понять причины и истоки появления в 1980 г. многомиллионного польского национального движения под названием «Солидарность». Советско-польская история в глазах как поляков, так еще больше — советских людей нуждается в новом прочтении, в извлечении из нее необходимых уроков. В польском сознании и политических эмоциях, как считает известный польский историк В. Тыбура, всегда присутствует Восток. Именно на этом направлении поляки видят самое большое количество исторических загадок, в том числе мрачных, охваченных страстью, здесь концентрируется особенно много обид, которые формировались на почве прошлого. Не раз приходилось слышать полные беспокойства слова, что весь комплекс этих проблем, особенно это касается политики восточного соседа в период 1939—1945 гг., необоснованно нарушает баланс нашего трагического опыта и придает ему одностороннее направление.

В этот период произошли драматические события, отразившиеся на судьбах миллионов людей, и вполне естественно, что они занимают важное место в истории Польши, в биографии сотен тысяч поляков, биографий в большинстве своем драматических, часто и трагических. А правда об этих событиях существовала в коллективном сознании народа в форме рассказов самих участников пережитого. Одновременно как бы в стороне функционировала приукрашенная правда или голая ложь, нередко подкрепленная молчанием.

Это длилось довольно долго и не могло не оставить следов в историческом сознании нации, в том числе и в виде обид. Сформировался своеобразный комплекс Востока. В то же время историки, изучающие события в другом направлении — западном, могли получить в распоряжение все материалы, источники практически без каких-либо трудностей политического характера. Стремление узнать истину о преступлениях, совершенных гитлеровцами, не встречало никаких препятствий ни в их установлении, ни в разглашении. Этого, однако, нельзя сказать об истории советско-польских отношений.

И вот сейчас, после нескольких десятилетий, такие возможности открываются. Наконец историки могут, правда еще в ограниченной степени, пользоваться источ-

никами, печатать то, что уже удалось установить в некоторых фрагментах истории. Именно это не только накаляет эмоции в кругах, интересующихся историей, но и создает впечатление односторонности исследований. Все это будет продолжаться так долго, как долго придется ждать публичного выяснения многочисленных еще тайн и драматических событий в истории советско-польских отношений.

Будут уменьшаться и обиды, которые сегодня еще живы. Недаром говорят, что горечь, лишенная возможности стать достоянием гласности, оставляет глубокие следы в психике людей, в том числе и целых народов. А провозглашенная публично, она становится собственностью времени. Конечно, это не означает, что она освобождает от долга памяти. Но зато освобождается история от непосредственного нажима эмоций. Только так можно освободиться от тяжкого груза сталинизма.

«Трагедия и вера» — под таким заголовком газета «Трибуна люду» (17.08.1988) опубликовала статью, посвященную 50-й годовщине со дня роспуска Коммунистической партии Польши:

«16 августа 1938 г. Исполком Коммунистического интернационала на основании ложных и провокационных обвинений принял официальное решение о роспуске Коммунистической партии Польши. Тяжелый удар обрушился на польских коммунистов и рабочее движение в стране. Ведь КПП играла большую роль в истории народа, особенно в последние годы своей деятельности»

Преодолевая в своих собственных рядах догматические и сектантские тенденции, КПП обрела все большее влияние среди рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Ее инициативы находили поддержку у тех социалистов, которые стояли на позиции единого фронта, радикальных крестьянских деятелей и прогрессивных демократов. Именно поэтому особой трагедией польских коммунистов было то, что она была распущена именно в этих условиях.

Сегодня мы уже имеем больше данных, связанных с этим решением, хотя и не знаем еще всего. Исследования в этом направлении начаты и продолжаются советскими и польскими историками. Но и тех знаний, которыми мы располагаем, достаточно, чтобы оценить важность постановлений 1956 г. В феврале 1956 г. решение о роспуске КПП было аннулировано. Руководство четырех партий, главы которых участвовали в принятии решения о роспуске КПП, и руководство ПОРП выступили с заявлением по этой проблеме. Таким образом, было восстановлено и подтверждено доброе имя Коммунистической партии Польши и ее руководителей. Была создана также возможность во весь голос сказать о трагедии, которая в результате несправедливого решения Исполкома Коминтерна стала уделом польских коммунистов.

Следует напомнить, что КПП была одним из учредителей Коминтерна, одним из наиболее боевых его отрядов. Ее руководители внесли большой вклад в выработку тактики и политической линии Коминтерна. Фамилии многих из них находятся в числе ближайших соратников В. И. Ленина. Есть среди них и участники строительства первого в мире государства рабочих и крестьян.

Несчастье, которое в результате решения тогдашнего Исполкома Коминтерна обрушилось на КПП, неразрывно связано с эпохой сталинизма. Среди тех, кто пал жертвой такой практики, были деятели КПП. Решению Исполкома Коминтерна предшествовали аресты почти всех руководителей и ведущих деятелей КПП, находившихся на территории СССР. Аресты и репрессии против них начались еще в 1933 г. Наивысшая их волна приходилась на 1936 и 1937 и Сегодня уже известно, что приговор Сталина о роспуске КПП был вынесен в конце 1937 г. Позднейшее решение Исполкома Коминтерна было лишь дополнительной формальностью.

Необходимо сказать, что польские коммунисты, большинство которых в глубине души не верили или не могли поверить в обвинения в адрес партии, не прекращали борьбы как перед лицом угрозы гитлеровской агрессии, так и осенью 1939 г., а затем в годы немецкой оккупации. На базе богатого, зачастую противоречивого опыта поль-

ских революционеров родилась программа КПП, воплотившая в себе идеалы борьбы за социальное и национальное освобождение, за суверенную жизнь польского народа. И хотя во второй половине 1948 г. произошел отход от правильной политической линии КПП, в современных условиях ее продолжает и развивает Польская объединенная рабочая партия.

Важным является и то, что сегодня, особенно после XXVII съезда КПСС, IX и X съездов ПОРП, ПОРП и КПСС связывают очищенные от наслоения и окаменелостей сталинизма отношения, характеризующиеся суверенным партнерством и ленинским духом интернационалистской дружбы. Так претворяются в жизнь чаяния и стремления польских и советских коммунистов, которые даже в самые горькие для себя годы не теряли веры в то, что именно такими должны быть отношения между коммунистами двух наших стран и народами».

В тот же день, 17 августа, агентство ПАП передало:

«Ровно полвека назад Исполком Коминтерна принял в Москве решение о роспуске Коммунистической партии Польши. Это один из наиболее противоречивых фактов в истории Польши с начала XX века. Свое мнение относительно этого решения высказал в газете «Штандар молодых» научный сотрудник Института исследований проблем рабочего класса Академии общественных наук при ЦК ПОРП Ю. Кешинский.

Процесс ликвидации КПП начался еще в 1933 г. и продолжался несколько лет. Уже тогда в Советском Союзе начали обвинять некоторых деятелей КПП в агентурной деятельности, пишет он. Массовые аресты начались в 1936 г. В СССР находилось больше всего польских политэмигрантов. Среди них были коммунисты, немногочисленные группы левых социалистов и радикальных крестьянских деятелей. В общей сложности — около 18 тыс. человек. Значительная часть их проживала в Москве. Польские эмигранты активно участвовали в общественно-политической жизни СССР. Они занимали различные партийные и государственные посты, участвовали в дискуссиях, которые велись в Стране Советов в 20-е и 30-е годы. Раньше всех в Советском Союзе оказались деятели так называемого «большинства» — Вера Кошутская-Костшева, Альфред Варский-Варшавский, Генрих Валецкий, которые не всегда занимали просталинскую позицию, довольно часто подвергали ее обоснованной критике.

Представители этого «большинства» оплачивали жизнью за то, что с самого начала делали замечания и возражали против многих форм деятельности Сталина, против применяемых им методов, то есть против подавления любой критики, излишнего вмешательства в дела отдельных коммунистических партий.

Можно предположить, что Сталин еще в 1935—1936 гг. хотел договориться с Гитлером, но КПП преграждала ему путь. Этот вопрос еще нуждается в изучении, однако часть советских историков выдвигают подобный тезис. Якобы существуют документы, свидетельствующие в переговорах посланцев Сталина с Германией в 1935 и 1936 гг. Быть может, речь шла о разделе Польши и таким образом Сталин хотел направить внимание Гитлера на Запад.

Именно этими причинами объясняются действия Сталина, который подsunул председателю Коминтерна Димитрову сфабрикованные документы, говорившие о руководстве КПП как об агентах Пилсудского и т. п.

Я занялся изучением того, как выглядела система репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК КПП в 1936—1938 гг., пишет Ю. Кешинский. Мною подсчитано, что 58 из 91 человека были сразу же расстреляны либо отправлены в лагеря и бесследно исчезли. Но это не окончательные цифры. Несомненно, погибло больше».

Еженедельник «Пшегленд католицки» (27.01.1989) опубликовал интервью историков Польской академии наук М. Каминьского и М. Захариаса о советско-польских отношениях в период 1918—1939 гг. Поводом для беседы послужила статья эстонского ученого Арумяэ о секретном пакте Риббентропа — Молотова в 1939 г. о разделе советско-германских сфер влияния в Восточной Европе.

Польские ученые в этой связи утверждают, что статья частично приподняла занавес с руководимой Сталиным советской внешней политики, однако эстонскому ученому не удалось избежать некоторых стереотипов, касающихся Польши. Он, в частности, пишет, что польское правительство в 1918—1938 гг. проводило близорукую и честолюбивую политику, направленную против Советского Союза. Во-первых, эта политика, по утверждению польских историков, была очень перспективной, а ее главной целью являлась безопасность независимого польского государства. Концепция федерации Пилсудского была направлена к тому, чтобы Польша была отделена от любой России — «белой» или «красной» — буфером маленьких государств, лишь бы на Востоке не остаться с глазу на глаз со своим великим соседом. С точки зрения Пилсудского, эта политика была правильной. Он также хорошо понимал, что если Польше приходится существовать между двумя великими державами — Россией и Германией, то необходимо их каким-то образом от себя отдалить. При этом он считал, что более широкое поле деятельности открывается на Востоке. Нельзя также согласиться с утверждением эстонского историка, что политика Польши была направлена против Советского Союза. Ведь Польша не требовала ничего от СССР, просто обе страны имели разные интересы. При этом даже сегодня некоторые советские историки не скрывают, что Советское государство стремилось к внешней экспансии. Это не была экспансия в традиционном смысле слова. Речь шла не о расширении территории СССР, а скорее о мировой революции, создании «семьи пролетарских народов». Поэтому многое, что делал Советский Союз на международной арене, он делал с пропагандистскими целями, и не случайно советская дипломатия в своих действиях часто пользовалась мирной фразеологией для достижения своих политических целей.

На XVII съезде ВКП(б) в январе 1934 г. Сталин подверг критике Германию и Гитлера, однако считал возможными контакты коммунистического государства с фашистской страной, в данном случае с Италией Муссолини. Подобные мысли высказывали многие советские дипломаты, и скорее всего результатом этих действий и стал пакт Риббентропа — Молотова.

Пилсудский хорошо понимал, что немцы до прихода Гитлера к власти опасности не представляли, в то же время СССР со своим человеческим потенциалом, сосредоточенной у границы Польши армией, значительно превышающей численность всех польских войск, был грозной силой. Именно это и диктовало политику Пилсудского, определяло ее антисоветский характер, сознание того, что диспропорция сил требует любыми мерами избегать влияния русского государства.

Не лучшим образом складывались отношения Польши и с другими соседями — Литвой и Чехословакией. Однако если в отношении Чехословакии нежелание установить контакты было обоюдное, то с Литвой Польша хотела установить дипломатические отношения. Как известно, когда обе страны обрели свою независимость, остались нерешенными приграничные вопросы. Литва требовала возвращения исторически принадлежавших ей территорий — Вильнюса и Вильнюсского края. Однако, утверждают польские историки, не всегда исторические аргументы являются решающими, а в связи с тем, что Польша была сильнее в военном отношении, выиграв войну с Россией, она и диктовала свои условия. Несмотря на это, Польша стремилась к дипломатическим отношениям с Литвой, потому что эта страна в довоенный период была объектом игры СССР против Польши, а одновременно «троянским конем» среди Прибалтийских стран, с которыми Польша увязывала свои политические планы.

Имелись также реальные возможности подписать договор с немцами, конечно, на диктуемых ими условиях. В этом случае Германия скорее всего не искала бы путей к соглашению с СССР. Однако польская дипломатия была убеждена в том, что сотрудничество с Советским Союзом в те годы не имело шансов на существование. Некоторые рассуждали так, что если Польша установит контакты с немцами, то потеряет только независимость, а договор со Сталиным грозил потерей души, что означало потерю не только независимости внешней, но и внутренней. Однако Сталин, по-видимому, не был намерен искать Дружбы с Польшей, о чем наглядно свидетельствует пакт Риббентропа — Молотова, который подписал смертный приговор для Польши, считают польские историки.

Другим ударом по Польше было участие СССР вместе с фашистской Германией в так называемом IV разделе Польши 17 сентября 1939 г. (Так поляки называют эту очередную потерю государственной независимости в ряду предыдущих разделов в 1772, 1793 и 1795 гг., в которых принимала участие царская Россия.) Абстрагируясь от политических интересов СССР в тот период, особенно после того как польское правительство отвергло советское предложение о совместной военной коалиции против Германии, участие в этом акте ничем не было оправдано, а высказывание тогдашнего советского премьера В. Молотова о Польше как «ублюдочном порождении Версальского договора» было просто оскорбительным. Обоснование этого шага — как это делали позднее советские историки — передвижением границы на запад для выигрыша во времени не выдерживало критики, особенно после того, что произошло 22 июня 1941 г., когда советские укрепления на границе рухнули от первых же ударов вермахта. Последовало в 1939 г. и ничем не оправданное переселение поляков с занятых территорий, сотнями тысяч вывозились они в лагеря, в отдаленные районы Советского Союза или на принудительные работы в гибельных для них климатических условиях.

Все это было трагично для поляков, как и сам факт того, что гитлеровские и советские войска, сомкнувшись на польской территории, устроили... совместный военный парад в Бресте (!), о чем советская сторона никогда не упоминала публично до 1989 г. Повторялась лишь время от времени достаточно справедливая мысль о том, что в 1939 г. СССР лишь вернул себе те земли, которые принадлежали ему ранее.

В советских учебниках истории результаты военной акции СССР от 17 сентября 1939 г. квалифицировались как воссоединение Западной Украины и Западной Белоруссии с родиной, как необходимость защиты белорусского и украинского населения на территориях, захваченных в результате войны 1920 г. Поляки относительно вышеописанных событий 17 сентября 1939 г. высказывались куда более остро: «Нож в спину!» В тех же самых польских кругах не составляла секрета суть опубликованной на Западе версии о содержании секретного приложения к советско-германскому пакту о ненападении, заключенном в августе 1939 г. А ведь был еще и советско-германский договор о дружбе и границах, который успешно претворялся в жизнь.

Какими бы ни были «польские прегрешения» в глазах Сталина, его карательная политика в отношении поляков оказалась несоразмерно масштабной и жестокой. К такому выводу можно прийти, проштудировав, в числе других источников, книгу американского профессора социологии Я. Гросса «Революция из-за границы. Покорение СССР польской Западной Украины и Западной Белоруссии», вышедшую в 1988 г. в издательстве Принстонского университета (США). Его перу принадлежит также исследование «Польское общество в годы германской оккупации: генерал-губернаторство (1939—1944 гг.)». Гросс также редактировал книги «Польская самоограничивающая революция» и «Война глазами детей».

По признанию Гросса, его книга — результат случайной находки в Гуверовском институте войны, революции и мира. Изучая там относящиеся к истории германской оккупации Польши в период второй мировой войны документы, Гросс натолкнулся на рукописные свидетельства поляков, в которых описывалась их жизнь в период «советской оккупации» восточной части страны начиная с сентября 1939 г. «В архивах Гуверовского института, как я позже узнал в итоге своего целенаправленного поиска дальнейших сведений по данному вопросу, — рассказывает автор, — содержатся мно-

гие тысячи подобных личных свидетельств, позволивших провести подробное изучение политики СССР на территории оккупированной Польши». По словам Гросса, знакомого с архивными материалами, хранящимися в Англии, Франции, ФРГ и Израиле, Гуверов-ский архив содержит наиболее богатое собрание документов.

Предыстория упомянутых свидетельств такова: «В сентябре 1939 г. СССР, связанный договором с гитлеровской Германией, оккупировал более 50% территории польского государства. В течение двадцати одного месяца советского правления в этом районе — с момента нападения Красной Армии на Польшу 17 сентября 1939 г. и до начала войны между СССР и Германией 22 июня 1941 г. — советские власти депортировали около 1,2 млн польских граждан (приблизительно 9% численности местного населения) в разные части Советского Союза. Затем, после нападения Гитлера на СССР, польско-советские дипломатические отношения были восстановлены и между двумя странами был подписан договор. Соглашение призывало к амнистии (то есть освобождению) всех польских граждан, содержащихся в Советском Союзе, и сформированию на территории СССР польской армии. В 1942 г. около 120 тыс. солдат только что созданной польской армии и их семьи были эвакуированы в Иран. Их попросили написать свидетельства о своей жизни при советском режиме. Около 20 тыс. подлинников хранится в Гуверовском институте». Эта книга и является плодом изучения автором упомянутых документов.

Говоря о советско-германском договоре о ненападении, подписанном в Москве 23 августа 1939 г., Гросс дает следующую трактовку «секретному приложению» к упомянутому документу: «Секретный протокол устанавливал цену, которую СССР запросил за свой добродушный нейтралитет в предстоящей войне: Бессарабия, Эстония, Латвия и большая часть Польши, включая половину ее столицы — Варшавы. Первый проект содержит примечание, которое эзоповским языком устанавливает советские претензии на Польшу: «Настоящий договор вступает в силу лишь в случае одновременного подписания с ним специального Протокола, в котором затрагиваются моменты, к которым Договаривающиеся Стороны проявляют заинтересованность в области внешней политики». Таким образом, дополнительный протокол, как указывал Гитлер в своем ответе Сталину, был «желателен для правительства Советского Союза». В случае территориальной и политической трансформации территорий, принадлежавших польскому государству, говорилось в пункте 2 Секретного Дополнительного Протокола, сферы интересов как Германии, так и СССР разграничиваются приблизительно по линии рек Нарев, Висла и Сан .. Установленная в спешке, очевидно без наличия под рукой точных карт, предполагаемая советско-германская граница оставляла брешь протяженностью в несколько километров в месте, где река Писа была ошибочно принята за верхние притоки Нарева. Несколько дней спустя после церемонии подписания по настоянию Молотова (советские дипломаты заметили ошибку) наименование Писа было введено в положение пункта 2 Секретного Дополнительного Протокола. И все же, проявляя щедрость при работе с картой Польши, советские руководители предоставили вермахту возможность реализации задачи по военному завоеванию».

Гросс дает следующую оценку «советской кампании» против Польши в сентябре 1939 г.: «Польские вооруженные силы, окруженные в середине сентября на западном фронте и удивленные советскими действиями, не смогли оказать Красной Армии организованного сопротивления. Прежде чем бежать в Румынию с остатками польского правительства, верховный главнокомандующий отдал приказ не оказывать сопротивления советским войскам. Это распоряжение мало что дало: система командования и линии коммуникаций были уже сломаны, старшие офицеры, оказавшиеся на театре военных действий Красной Армии, не имели иного выбора, кроме как импровизировать и действовать скорее на основе слухов, нежели приказов. И в самом деле, в ходе двухнедельной кампании, принесшей СССР территорию площадью 200 тыс. квадратных километров, 13,5 млн новых граждан и 250 тыс. военнопленных, Красная Армия, согласно приведенным Молотовым данным, потеряла менее чем 3 тыс. человек — 737 человек убитыми и 1862 ранеными».

Гросс утверждает, что действия советских войск на территории Польши сопровождалось насилием: «Убийства, избиения и уничтожение собственности имели место на всей территории Восточной Польши на протяжении нескольких дней, прежде чем Красная Армия фактически занимала конкретный район, и после этого продолжались еще несколько дней. Этническая ненависть глубоко укоренилась в украинской

и белорусской сельской местности, и она заполнила кровью вакуум, образовавшийся в результате краха польской администрации. Поляки, составлявшие численное меньшинство в районе и обычно селившиеся в больших городах и лишь незначительно представленные в сельской местности, подвергались жестокому обращению. Тысячи были убиты, часто с примитивной и преднамеренной жестокостью».

Значительное место в книге Гросс отводит описанию арестов, допросов, условий содержания польских заключенных, действий сотрудников НКВД и применения таких античеловечных методов воздействия, как пытки. «Советский аппарат службы безопасности в своей работе принял на вооружение два взаимодополняющих стратегических приема, действуя по принципу «пылесоса», депортируя широкие категории граждан без изучения подробностей их биографических данных, он одновременно тщательно следил и избирательным образом устранял лиц, которых он называл врагами народа. НКВД представлял собой профессиональную организацию и имел в своем распоряжении достаточные людские ресурсы для выполнения рутинных полицейских функций. Многие из депортированных лиц и бывших заключенных трудовых лагерей рассказывают о практически идентичных обстоятельствах своего ареста. Будучи предупрежденными о возможности ареста, они бежали из своего дома и скрывались в отдаленных местах порой на протяжении целых месяцев. Но если они возвращались домой хотя бы на одну ночь или даже несколько часов, чтобы попрощаться, прежде чем пересечь границу, или взять что-нибудь необходимое, например зимнюю одежду, или же передохнуть, будучи больными, — через несколько часов появлялась милиция, чтобы произвести арест». «...Быстро стало заметно, — продолжает автор, — что НКВД хорошо знает биографические данные жителей недавно присоединенных территорий, и это неудивительно... Большая часть архивов, личных дел и официальных документов политических организации, всевозможных добровольных ассоциаций и местных органов управления оказалась в руках у советских властей, которые тут же стали заводить личные дела на каждого жителя этой территории. Многочисленные регистрации, приказ о проведении которых был отдан непосредственно после вступления частей Красной Армии в данный район, равно как и захваченная документация, давали необходимые сведения. Постоянно в ходе допросов людям задавали конкретные вопросы об их жизни два десятилетия назад, вплоть до начала польско-русской войны 1920 г. Многие получили срок просто за то, что вели активный образ жизни как граждане независимого суверенного государства в 20—30-е годы».

Гросс приводит данные о численности депортированных в СССР поляков, почерпнутые им из меморандума МИД лондонской эмигрантской правительства Польши от 15 марта 1944 г.: «Численность польского населения, депортированного в СССР в 1939—1941 гг., — 1,25 млн человек». Одни из них выехали в СССР добровольно в поисках работы, другие были призваны в Красную Армию и размещены по службе в отдаленных районах страны; третьи содержались в лагерях для военнопленных после сентябрьской кампании 1939 г.; около 900 тыс. человек было вывезено на восток, примерно половина — в качестве заключенных (конечным пунктом следования был трудовой лагерь) и половина как «специальные поселенцы», то есть депортированные».

Помимо депортации людей, как пишет Гросс, имела место повсеместная широкая конфискация и транспортировка в СССР со всех оккупированных территорий всевозможного оборудования и материалов — «от целых предприятий до облицовочной плитки, дверных замков и ручек от дверей правительственных учреждений».

Польские ученые лишь начинают освоение тематики «белых пятен» в истории отношений их страны с восточным соседом. В 1987 г. в польской печати эти публикации часто сопровождались ссылками на принятую тогда Декларацию о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры, которая поистине стала свидетельством доброй воли и намерений обеих стран провести совершенно новые исследования или дать новую публичную интерпретацию многим фактам, явлениям и процессам в истории польско-советских отношений.

Реакция президиума Главного правления Польского общества историков, президиума Комитета исторических наук при ПАН, дирекции и научного совета Института истории свидетельствовала о том, что в Польше есть достаточно много компетентных и старательных исследователей, которые справились бы с трудностями ломки стереотипов в историографии польско-советских отношений. Похоже, что они сумеют справиться со сторонниками фальшивой принципиальности, схематизма, догматизма, разного рода парадных интерпретаций интернационализма. То есть с явлениями, которые причинили столько вреда и продолжают вредить польским гуманитарным наукам, и особенно новейшей истории.

Дискуссии, статьи, интервью в Советском Союзе, например профессора Ю. Афанасьева и академика А. Самсонова, создают новый климат вокруг исторических исследований, формулируют как бы их новые принципы. Например, хотел бы сослаться на мнение этих ученых, с которыми полностью согласен: нельзя познать сути многих наиболее существенных фактов в новейшей истории, в том числе также польско-советских отношений, без понимания и исследования того, чем был сталинизм, чем была политика И. В. Сталина. Тем временем, как говорил в одном из интервью Ю. Афанасьев, на эту тему, по существу, нет ни одной крупной работы. Эта точка зрения нашла отзвук и в выступлениях М. С. Горбачева. Он отмечает необходимость создания новой, честной и смелой книги по истории КПСС и СССР. Ее должны написать прежде всего советские историки. Без этого невозможно исследование Польско-советских отношений.

Важным моментом в деле реализации Декларации является работа совместной комиссии ученых, которые занимаются вопросами ликвидации «белых пятен» в польско-советских отношениях. На призыв польского еженедельника «Политика» к читателям назвать те моменты в истории отношений между двумя странами, которые требуют выяснения, в редакцию пришло огромное количество писем. Проблема «белых пятен» вызвала весьма широкий интерес в обществе. Авторы писем считают, что все эпизоды польско-советских отношений, в том числе и наиболее драматичные, должны быть выяснены до конца. Еженедельник отмечает, что западные радиостанции уже составили свой список «белых пятен», куда включили проблему роспуска в 1938 г. Коммунистической партии Польши, советско-германский договор 1939 г., вступление советских войск в сентябре 1939 г. на территорию Польши; вопрос, касающийся судьбы польских солдат, которые были взяты в плен Красной Армией осенью 1939 г., также проблему захоронения польских офицеров в Катыни, о котором гитлеровское радио сообщило 13 апреля 1943 г.

Практически по всем этим основным проблемам в польской печати уже появились материалы. К ним добавились также исторические статьи и исследования о войне Польши с Россией в 1920 г. В рамках кампании по ликвидации «белых пятен» еженедельники активно поднимают тему сталинизма, его влияния на исторические судьбы Польши.

Польские ученые, публицисты значительное внимание уделяют историческим деталям, личностным характеристикам отдельных государственных, военных, политических деятелей СССР, находившихся на руководящих постах в так называемый сталинский период. При этом многие оценки даются на базе собственных польских, а также западных источников. Причем наряду с обилием цитат

и фактов ссылки на источники встречаются редко. Весьма показательна в этом отношении книга польского историка Т. Ковальского «Пакт Риббентроп — Молотов», отрывки из которой печатались в десяти номерах краковского общественно-политического еженедельника «Жиче литератке» (1987 г.). Автор подвергает в ней резкой критике содержание пакта между СССР и Германией 1939 г., а также пропагандистскую кампанию в Советском Союзе, последовавшую за заключением этого документа. Он обвиняет И. В. Сталина, советских руководителей того периода в отходе от ленинских принципов ради сиюминутных политических интересов, в антипольской фразеологии. Т. Ковальский дает понять, что советская историография по данному вопросу бедна, некоторые материалы и документы в СССР никогда не публиковались, однако они были обнародованы на Западе. В качестве примера он приводит текст секретного приложения к советско-германскому договору о ненападении 1939 г.

Польский историк М. Марчиньский, выступивший с комментарием о ходе польско-советской войны в 1920 г. в еженедельнике «Одроздене» (10.09.1987), заявил, что в польской научной литературе по данному вопросу основополагающими фактологическими материалами служат работы Ю. Пилсудского, генерала Сикорского и других непосредственных участников событий. Из советских авторов М. Марчиньский называет только лекции маршала Тухачевского, прочитанные им в Москве слушателям военных академий в 1923 г. На исследование данного вопроса, указывает историк, в послевоенный период оказывала влияние известная политическая атмосфера. Считалось, что разработка этой темы может бросить тень на советско-польские отношения. На исследованиях в СССР отразилось также то обстоятельство, что Тухачевский в своей работе недвусмысленно обвинил в неудачах Сталина.

Активно поднимает проблему «белых пятен» также католическая печать. Как сообщил католический еженедельник «Недзеля» (5.10.1987), примас католической церкви в Польше кардинал Ю. Глемп, выступая в Риме на ужине для польских и украинских епископов, в частности, сказал: «Сегодня мы обращаем наши мысли к Украине. К краю, где живет великий народ, история которого не может быть отделена от жизни поляков. Мы не хотим в данный момент затрагивать историю, в которой на первый план выдвигаются болевые точки (сейчас имеется такая тенденция смотреть на нашу общую историю). Может быть, когда-нибудь мы откроем в ней и добрые страницы, потому что были и такие. Были в нашей истории украинцы, которые любили поляков, и были поляки, которые любили украинцев. Однако сегодня нас гнетет как бы привычка к жалобам, предубеждениям, воспоминаниям о слезах и даже о крови. Нельзя нам начинать подсчитывать, кто кому больше сделал зла; это ни к чему не приведет. Особенно нам, духовным пастырям, необходимо сознавать, что не следует трогать гноящиеся раны. Необходимо задуматься над тем, что мог быть кто-то третий, кто нас взаимно сталкивал друг с другом, чтобы добиться обеспечения собственных интересов». Справедливы слова польского кардинала.

Последние три года характеризуются оживлением дискуссии на тему польско-советских отношений. Все чаще говорят о том, что необходимо основывать отношения с нашим восточным соседом на фундаменте исторической правды. До сих пор содержание как учебников истории, так и официальных выступлений производило впечатление, что сторонники польско-советского союза боятся фак-

тов. Считалось, что говорить обществу всю правду не стоит, учитывая его политическую незрелость и податливость к манипулированию. Поэтому это был своеобразный подсчет потерь и выигршей, хотя и проводился он весьма неудачно. Дошло до ситуации, о которой только и мечтали сторонники антисоветской ориентации. Историческая правда становилась инструментом в их руках: они получили на нее монополию в силу добровольного отказа от нее государственной пропаганды. Последствия этой ошибки глубоко укоренились в сознании многих слоев.

Та часть патристически настроенных поляков, которые стоят за союз с СССР, не должна бояться даже наиболее болезненных исторических фактов. Их замалчивание лишь ставит под сомнение ее общественное доверие. Есть немало аргументов, достаточно убедительных для каждого здравомыслящего человека, — как исторических, так и современных, — чтобы показать отсутствие разумной альтернативы тесному сотрудничеству с Советским Союзом и возможность увеличения вытекающей из него взаимной выгоды. Это должно приблизить ситуацию, при которой никому не придет в голову использовать полную историческую правду для того, чтобы ставить под вопрос требования зрелого патриотизма и здравого рассудка.

А интерес в Польше к национальной истории огромен. Спрос намного превышает предложение. Согласно данным социологического исследования, проведенного летом 1988 г. варшавским Центром по изучению общественного мнения о спорных моментах польской истории, более 60 процентов опрошенных определили свою заинтересованность этой темой как очень сильную и среднюю. Молодежь проявила большую осведомленность в этих вопросах. Большинство опрошенных считают, что «белые пятна» относятся только к новейшей истории, и в качестве главных из них назвали «катынское дело», Варшавское восстание, советско-польскую войну 1920 г. и деятельность Армии Крайовой во время второй мировой войны.

Каждая новая публикация на эти темы становится событием. Так было и с мемуарами Юзефа Бека, известного польского политика. Согласно пожеланию Юзефа Пилсудского в ноябре 1932 г. он был избран главой внешнеполитического ведомства страны и занимал этот пост до 30 сентября 1939 г., то есть до момента образования правительства Владислава Сикорского во Франции. 18 сентября 1939 г., находясь в Румынии, он был интернирован. Три последних месяца своей жизни провел в деревне близ Бухареста. Скончался 5 июня 1944 г.

«Последний доклад» — это первое полное издание оригинального польского текста очерков, написанных Юзефом Беком в Румынии. В январе 1988 г. их выпустил в свет Государственный издательский институт (КИВ). «Как известно, политика Юзефа Бека, — отмечало агентство ПАП, — была одной из причин сентябрьского военного поражения Польши. Она подвергнута резкой критике публицистов и историков». Во вступлении к нынешней публикации Мариан Войцеховский пишет, в частности: «Бек, готовя «Последний доклад», как будто не замечал последствий осуществления своих положений польской внешней политики. Ее принципы он, правда, определил. В них говорится, что Польша не должна связываться многосторонними договорами, вступать в близкие отношения ни с одним крупным соседом. Все это нашло свое выражение в политике равного расстояния Варшавы от Берлина и Москвы. В период между двумя войнами Польша торпедировала проект восточного пакта, который в своей первой версии был на-

правлен против немцев. Это антинемецкое острие затем было притуплено, — пишет М. Войцеховский, — в результате переговоров, продолжавшихся многие месяцы. Ю. Бек последовательно не хотел также вступать в Антикоминтерновский пакт, острие которого было направлено против Советского Союза. Начиная с 1937 г. немцы многократно уговаривали Ю. Бека принять такое решение. Последний раз — еще в марте 1939 г., но Ю. Бек отказался».

В издательском примечании обращается внимание на то, что могут поражать некоторые замечания Ю. Бека, особенно вытекающие из его негативного отношения к СССР. Источником этого была, несомненно, принципиально антисоветская ориентировка автора и политических кругов, из которых он происходил.

Начало 1989 г. было отмечено серией материалов о сталинизме в польской религиозной печати. В частности, журнал гданьской епархии «Гвезда можа» поместил статью А. Халла «Истоки сталинизма». Еженедельник «Зожа» в серии номеров начал публиковать впервые в Польше часть списка польских военнопленных, которые были интернированы в СССР в 1939 г. и до сих пор считаются пропавшими без вести. «Воркута» — так озаглавлена статья в еженедельнике «Лад». Ее автор Э. Махула делится своими воспоминаниями о пребывании в лагере. «Тыгодник повшехны» печатает отрывки из книги С. Свяневича «В тени Катыни», выпущенной в Париже.

Постепенно со страниц польских журналов историческая тема продвинулась на более высокий общественный уровень. В ходе дискуссии по внешнеполитическим проблемам, которая состоялась в начале марта 1989 г. в Сейме ПНР, ряд депутатов затронули проблему так называемых «белых пятен» в истории польско-советских отношений.

Председатель польской части совместной советско-польской комиссии ученых-историков Я. Мачишевский, в частности, заявил: «Огромны области незнания, умолчания и даже неправды. К этому добавляются эмоции, особенно по обеим сторонам границы, о чем часто забывают. Историю нельзя изменить, но историю надо уметь преодолевать во имя настоящего и будущего».

Эта напряженная исследовательская работа не должна напоминать ни сведения счетов, ни каталог жалоб и обид. Во многовековом соседстве между нами и нашими восточными соседями были ведь и прекрасные страницы, которые сейчас представляются достойными для подчеркивания корней нашей дружбы. Все проблемы должны быть прояснены всесторонне. Благодаря политическим решениям, принятым ПОРП и КПСС, мы смогли начать работу в столь широком масштабе.

Часто раздаются призывы действовать быстрее, что действительно нужно. Комиссия, кстати, работает весьма интенсивно. Первая группа уже исследованных проблем касается 1917—1921 гг. Еще одна группа тем, где мы уже далеко продвинулись, — это трагедия польских коммунистов, связанная с роспуском КПП в августе 1938 г., а также с гибелью многих ее руководителей.

Приблизились мы к решению комплекса проблем, связанных с событиями 1938—1939 гг., включая советско-германский договор от 23 августа 1939 г., а также соглашения от 28 августа того же года. Думаю, что скоро выйдет в свет обширный совместный материал о событиях 1938—1939 гг. Уже есть авторитетное и компетентное заявление председателя советской части комиссии относительно характера войны 1939 г. со стороны Польши, признанной с самого начала войной справедливой, войной оборонительной со всеми вытекающими отсюда подтекстами и последствиями. Есть также необычайно важное заявление не только о недопустимом и оскорбительном для польского народа характере высказываний Вячеслава Молотова осенью 1939 г., но и о том, что формулировка, будто польское государство перестало существовать, была неверной, вредной и оскорбительной для польского народа.

Еще один круг проблем, который нужно исследовать, — это перемещения (судьбы польского населения в СССР в 1939—1941 гг. Я использовал термин «перемещения», поскольку это был сложный процесс, охватывавший пять или даже шесть потоков перемещений польского населения, включая депортацию разного типа. Еще одна крупная проблема для исследования — перемещения и депортация, связанные с комплексом проблем Армии Крайовой 1944—1945 гг. Здесь речь идет не только об изложении хода событий, связанных с этим, но и о фактах, забытых или малоизвестных, прекрасного боевого сотрудничества партизан АК, Батальонов Хлопских с Советской Армией. Нам необходимо заполнить все «белые пятна», в том числе и те, которые касаются корней нашей дружбы.

Мы стараемся исследовать проблемы всесторонне. Крупной проблемой, поставленной советской стороной, является, например, судьба военнопленных, бывших советских солдат, на территории Польши, помощь им со стороны польского населения, их участие в польских и советских партизанских отрядах.

Никто из членов комиссии не обходит молчанием одно из самых трагичных слов — «Катынь», — продолжал Я. Мачишевский. — Но слово это символизирует только часть проблемы, причем более широкой, чем «катынское дело». Эта проблема — судьба офицеров, унтер-офицеров и солдат, интернированных в трех лагерях: Козельск-1, Старобельск и Осташков. Здесь, как и в любом другом вопросе, необходима научная точность. Одни полуправды нельзя заменять другими. Это не та проблема, в которой можно публично оперировать гипотезами. Это столь трагичное дело, что здесь должны быть проведены необычайно тщательные, точные исследования источников.

При рассмотрении всех этих тем необходимо помнить, что недовольство бытует не только по нашу сторону границы, но и по другую, что также оправдано. Горько мне, как поляку, говорить о том, что на последнем заседании комиссии я передал советской стороне список офицеров и солдат Красной Армии, павших на польской земле от рук поляков, причем не в ходе случайных или неслучайных сражений, а, скажем, при расформировании, при попытках разоружения партизанского отряда где-нибудь близ Люблина или дальше на восток, близ Мехова, Кельце и даже на возвращенных землях. Это обширный список. Но если мы хотим открыть правду, то ее надо открыть в полном виде. Со своей стороны советские товарищи выдвигают в наш адрес некоторые требования, например увековечить память около миллиона советских граждан, которые погибли на нашей земле от рук гитлеровских оккупантов.

Обоюдному сближению и взаимовыгодному сотрудничеству в международной области Польши и СССР будет служить устранение «белых пятен» со страниц нашей истории. Хорошо, что работает комиссия польских и советских историков по этим проблемам. Но не надо никого убеждать в том, что для устранения «белых пятен» исследователям нужны политические решения. Они открывают архивы, выявляют недоступные пока документы, касающиеся сложных, замалчивавшихся и хранившихся в секрете событий нашего прошлого».

«В этой высокой палате, — сказал Р. Бендер, — должно прозвучать слово «Катынь» — этого требует честь польского народа, его мученическая история в годы последней войны. Произношу это слово с убеждением в том, что компетентные правительственные органы проследят за тем, чтобы все обстоятельства, касающиеся Катыни, были как можно быстрее глубоко, с заботой о правде выяснены. Выяснить следует также весь клубок дел, связанных с пактом Риббентропа — Молотова от 23 августа 1939 г., с его трагическими для Польши последствиями 17 сентября 1939 г., с вывозом в Сибирь многотысячного контингента поляков, продолжавшимся вплоть до 1941 г. В этой палате есть лица, которые болезненно ощутили на себе это».

Религиозная пресса в Польше оказалась в числе тех публичных институтов, которые больше всего выиграли от проводимой ПОРП и Другими прогрессивными силами страны курса на обновление. Польская перестройка преобразила национальную прессу, и некоторые статьи, а подчас и целые номера ксерокопируются и передаются из рук в Руки.

Еженедельник «Пшеглэнд католицки» (9.02.1989) опубликовал статью Ежи Эйслера «Неофициальная истина», посвященную «белым пятнам» в новой истории Польши. В ней, в частности, говорится:

«Уже почти год, как «белые пятна» в польской истории снова стали популярной темой, занимают важное место в публицистике Отличительной чертой большинства этих материалов является то, что они носят описательный характер, а их авторы не стремятся проанализировать конкретные исторические случаи. Создается впечатление, что все пишущие на эту тему ждут окончательных результатов совместной комиссии советских и польских историков. Следует с удовлетворением отметить, что многие материалы все меньше подвергаются цензурной правке. Трудно поверить, что девять лет назад статьи и книги, посвященные Армии Крановой, можно было сосчитать на пальцах, а материалы, посвященные операциям этой армии во время второй мировой войны в восточных районах, запрещались вообще.

«Белые пятна» в истории Польши периода второй мировой войны являются очень важными для выяснения советско-польских отношений в это время. В этом случае, как правило, на первое место выдвигаются пакт Риббентропа — Моло-това и его секретный протокол о разделении сфер влияния в Центральной Европе между Сталиным и Гитлером. Достоверность данного документа, опубликованного на Западе сорок лет назад, как известно, оспаривает СССР. Однако это еще не означает, что этот документ фальшивый и его вообще не было. Давайте спросим: что об этом думают польские историки, специалисты других стран? Что о нем знает польская общественность? Что об этом думают простые люди, которые еще помнят события 1939 г.? Когда речь идет о советско-польских отношениях во время второй мировой войны, как правило, появляется дата 17 сентября 1939 г. и все, что с ней связано: одни ее называют советской агрессией против Польши, другие — освобождением Красной Армией Западной Украины и Белоруссии. И снова молодые читатели нашей истории не могут понять, что такие понятия, как «лагерь», «ссылка», «депортация поляков в глубь СССР», появились совсем недавно, а драма судеб нескольких сот тысяч, а может быть, и миллионов людей определялась всего несколькими словами: «дороги войны завели их в глубь СССР». Сейчас же в некоторых книжках уже появляется термин «советская оккупация».

Наконец, когда речь идет о советско-польских отношениях во время второй мировой войны, появляется «самое белое из белых пятен» или «самое черное из черных» — Катынь. О том, что это место для поляков является символом, свидетельствует тот факт, что в польских городах появляются на стенах надписи: «Помним Катынь!» А что же помнят авторы этих подписей? Перед тем как ответить на этот вопрос, попробуем выяснить, можно ли изолировать группу или даже целое общество от правды. Думается, что можно. Так утверждать позволяют факты: миллионы молодых поляков никогда даже не слышали о погроме в Кельцах в июле 1946 г. Как могло случиться, что почти четверть века спустя многие молодые поляки не знают о событиях 1956 г., уличных событиях в Познани?

Однако для миллионов поляков Катынь всегда была священным местом. Так неужели нет ни одного свидетеля, ни одного факта, документов, которые позволили бы историкам установить, кто несет ответственность за это преступление? Конечно, этого быть не может. Правда, пока не появился ни один живой свидетель убийства польских офицеров в этом смоленском лесу.

Необходимо также уяснить себе, что вопрос Катыни, как и других «белых пятен» в советско-польских отношениях второй мировой войны, скорее относится к политической сфере, чем к истории. Следует также помнить, что государственная монополия на информацию принадлежит прошлому. И поэтому придет время, когда правда, какой бы она ни была, станет открытой».

Катынь

К числу наиболее важных событий второй половины июля 1988 г. многие поляки, несомненно, отнесли скромное религиозное богослужение в Катыни, где побывала группа капелланов Войска Польского, писал З. Сломковский в газете «Трибуна люду» (18.08.1988). Это богослужение, прошедшее на земле, обгащенной кровью польских офицеров, должно тронуть верующих и неверующих, всех тех, для кого это место неразрывно связано с историей Польши. Ведь эта проблема, независимо от личного отношения к ней, в течение десятилетий накладывала отпечаток на отношения между двумя народами. Сегодня мы знаем, пишет автор статьи, приводя слова одного из советских историков, что те, кто совершил это преступление, убивали и советских граждан. Поэтому, когда на могилы в Катыни возлагаются польские цветы, почетный караул несут советские солдаты.

«Долго пришлось ждать этого, и мы знаем почему. Знаем, что необходимо для того, чтобы «белые пятна» в истории начали заполняться правдой или хотя бы о них можно было открыто говорить, если саму правду еще трудно раскрыть. Мы понимаем, что означали те минуты, когда М. С. Горбачев задержался у плиты Тадеушу Костишко в Кракове, осмотрел алтарь Вита Ствоша и витражи краковского костела Девы Марии, возложил цветы к памятнику Нике, к памятнику юному повстанцу и в Варшавской цитадели. Я не хочу произносить громкие слова. Но думаю, что многие разделяют мои чувства, ибо в этих актах было выражено уважение к истории нашего народа, почтена память ее создателей, прежде всего тех, кто боролся под разными знаменами, опираясь на разные программы, но отдал свою жизнь во имя единой цели — свободы Польши.

То, что сейчас происходит в сфере истории, то, что с такой силой подчеркнул во время своего визита в Польшу М. С. Горбачев, является выпрямлением — окончательным и неотвратимым — тех тропинок нашей общей истории, которые не раз запутывались и вели в никуда, запутывая и усложняя столь необходимое для нас подлинное взаимное понимание. Таким образом, партнерство становится уже подлинным и равноправным, ибо диктуется потребностями и реалиями жизни.

Ветер перемен очищает и укрепляет советско-польские отношения, сказал советский руководитель в семье. К этому выводу можно добавить, что это двусторонний ветер, который стал особенно ощутим со времени июльского визита».

Если выражаться менее завуалированно и не столь высокопарно, если использовать официальные сведения, которые польская сторона распространила в печати чуть позже, в начале 1989 г., то вырисовывается следующая картина. Одним из главных преступлений сталинизма против польского народа стало убийство нескольких тысяч польских офицеров, которые после 17 сентября 1939 г. были интернированы в лагеря Осташков, Старобельск и Козельск.

Преступление в катынском лесу, раскрытое в 1943 г., нашло широкий отклик в мире и стало причиной разрыва польско-советских отношений, налаженных ранее правительством генерала Сикорского в Лондоне. Доволен этим мог быть разве что премьер Великобритании Уинстон Черчилль, поскольку выведенные с территории СССР польские воинские соединения могли теперь защищать британские интересы на Ближнем Востоке, в Иране, Африке и в других местах. Несмотря на трагедию, польский солдат не предал антигитлеровскую коалицию и продолжал бороться против Германии вместе с союзниками.

В 1989 г. в книжных магазинах ПНР появились публикации, посвященные катынской трагедии. Книгу «Эпитафия польским офицерам, похороненным в Катыни» подготовил варшавский Военно-исторический институт. В ней помещены би-

ографии более 4 тыс. лиц, останки которых были обнаружены в массовых захоронениях в катынском лесу. Издательство «Ксенжка и ведза» выпустило работу Чеслава Мадай-чика «Катынская драма». Ее автор использует отчеты и радиопередачи, а также результаты исследований совместной советско-польской комиссии историков по данному вопросу. На основе этих документов показан ход трагических событий. В книге представлены уже известные и еще неопубликованные документы из английских, немецких, польских и советских архивов. Книги о катынском преступлении готовят и другие издательства, в том числе «Ведза повшехна» и «Альфа».

Газета «Нью-Йорк Таймс» (8.03.1988) поместила под заголовком «Польша официально возлагает вину за массовое убийство польских офицеров во время войны на Советы» следующую статью Джона Таглиэйбю:

«Варшава, 7 марта. Сегодня правительство Польши заявило, что советские войска несут ответственность за массовое убийство польских офицеров во время второй мировой войны.

Это заявление, сделанное представителем правительства Ежи Урбаном, представляет собой фундаментальное изменение официальной позиции правительства, отвергнувшего существовавшую в течение 45 лет официальную советскую версию этого преступления, в соответствии с которой солдаты нацистской Германии расстреляли 4443 польских офицера, останки которых были найдены в массовых захоронениях 45 лет назад в катынском лесу близ Смоленска.

Урбан заявил: «Мы считаем, что все указывает на то, что это преступление было совершено сталинским НКВД».

Исчезли также и остальные 10600 польских офицеров.

Немногие вопросы столь же глубоко затрагивают польско-советские отношения, как убийство в Катыни. Совершив его, как считают поляки, Сталин уничтожил цвет польского руководства. Резонанс этого убийства вышел за пределы Польши и дошел до Запада, войдя в перечень самых зверских преступлений Сталина и продемонстрировав один из примеров наиболее злонамеренной манипуляции историей в Советском Союзе.

В последние недели несколько польских газет опубликовали сообщения, из которых следует, что массовое убийство было совершено Советами. На прошлой неделе министр иностранных дел Тадеуш Ожеховский, выступая в сейме, призвал Советский Союз сообщить правду об этих убийствах.

Это заявление, сделанное в то время, когда правительство продолжает свои сложные переговоры о будущем Польши с оппозицией, очевидно, возлагает бремя признания ответственности на Москву.

Когда польский руководитель генерал Войцех Ярузельский объявил в 1987 г. о создании совместной комиссии для устранения «белых пятен» в польско-советских отношениях, в Польше появилась надежда на то, что советская политика гласности, возможно, наконец поможет выяснить судьбу тысяч пропавших без вести польских офицеров. Помимо этого комиссия изучает заключенный в 1939 г. Гитлером и Сталиным пакт, по условиям которого Россия и нацистская Германия договорились разделить Польшу, а также действия советских войск во время Варшавского восстания в 1944 г. Многие поляки и большинство западных историков считают, что части Красной Армии выжидали, позволяя нацистским войскам подавить сопротивление прозападных повстанцев и стереть Варшаву с лица земли.

Решение Польши продвигаться дальше и опубликовать новые документы о Катыни, очевидно, свидетельствует об официальном недовольстве медленными темпами работы комиссии. Урбан признал, что советские историки в этой комиссии «справедливо» утверждают, что представленные польской стороной материалы, состоящие в основном из докладов Красного Креста об обнаружении захоронений, представляют собой лишь «косвенное свидетельство» и что советские историки стремятся найти собственные свидетельства в советских архивах. Вместе с тем он сказал, что польское правительство хочет, чтобы работа шла быстрее.

После того как немецкие войска в 1943 г. эксгумировали останки убитых польских офицеров, немцы утверждали, что эти люди были казнены в 1940 г. советскими войсками.

Сталин заявил тогда, что немцы сами расстреляли польских офицеров. Когда эмигрантское польское правительство в Лондоне потребовало объяснения, Сталин использовал это дело как предлог для разрыва отношений и создания польского правительства, ставшего предшественником сегодняшнего режима.

Для поляков Катынь в течение длительного времени являлась делом национальной чести. В 1981 г., в период наивысшей активности движения «Солидарность», на одном из варшавских кладбищ был воздвигнут памятник убитым в Катыни. Позднее этот памятник был убран милицией, когда профобъединение в том же году было подавлено введением военного положения».

8 первые мартовские дни 1989 г. центральный ежедневный орган ЦК ПОРП газета «Трибуна люду» опубликовала интервью профессора Ярема Мачишевского под заголовком «Все ближе к правде». Отвечая на вопрос корреспондента, на какой стадии находится работа совместной комиссии советских и польских историков по изучению катынской проблемы, он, в частности, говорил:

«Польская сторона предоставила советской стороне обширную экспертизу, которая опирается в основном на польские и западные источники. Советскими же документами мы еще не располагаем. Из представленных источников следует, что виновниками катынского преступления являются органы НКВД. Советская сторона с пониманием восприняла нашу критику доклада Бурденко, который был основным и в то же время единственным документом со стороны советских историков до момента создания нашей совместной комиссии. Одновременно было обращено внимание, что в экспертизе нет непосредственных доказательств вины. Исходя из этого, советские историки со своей стороны считают необходимым провести существенные поиски и исследования советских источников. Пока мы остаемся на этом этапе. Поэтому считаю, что все вопросы о дальнейших действиях в этом деле следует направлять в адрес председателя советской части комиссии».

Более четкое представление о катынском деле читателю данной книги может дать знакомство с рядом обширных статей, появившихся в польской прессе. В еженедельнике «Аргументы» (8.03.1989) был опубликован материал под заголовком «Катынский календарь», начинающийся с высказывания М. С. Горбачева на встрече с польскими деятелями науки и культуры во время его визита в ПНР в июле 1988 г. о том, что, по убеждению многих людей в Польше, массовое уничтожение польских офицеров в Катыни — дело рук Сталина и Берии. Сейчас история этой трагедии тщательно изучается. Ниже следует опубликованная еженедельником хроника событий, связанных с катынским вопросом:

«Лето 1942 г. Работающие недалеко от Смоленска в составе рабочей команды «Тодт» поляки узнают от местных жителей, что в катынском лесу находятся массовые захоронения польских солдат. В указанном месте были поставлены два березовых креста.

Февраль 1943 г. Могилами интересуется немецкая полевая гайная полиция. Опрошенные местные свидетели перекопали часть территории и обнаружили массовые захоронения. Секретный рапорт попадает в руки Альфреда Йодля, а его копия — профессору Вроцлавского университета Герхарду Бутцу, специалисту по судебной медицине, который позднее руководил эксгумацией.

29 марта. Вскрытие могил.

9 апреля. В Берлине принято решение направить в окрестности Смоленска делегацию с целью осмотра массовых захоронений. Становится ясно, что немецкие власти хотят использовать катынское преступление как большой пропагандистский заряд, который должен служить политическим целям.

13 апреля. Власти третьего рейха официально сообщают, что обнаружены могилы 10 тыс. польских офицеров: «Речь идет о всех польских офицерах, кото рые попали в руки Советов при занятии Восточной Польши. Эксгумация пока зала, что все офицеры имеют отличительные знаки и документы, позволяющие установить личность каждого. К работам по эксгумации привлечены польский Красный Крест, делегация польских ученых, врачи, артисты и промышленники. Следует привлечь к этому также комиссию Международного Красного Креста».

14 апреля. Очередная польская «техническая» группа вылетела в Смо ленск. Первая информация о катынском преступлении появляется в «Новом варшавском курье-ре», который позднее опубликовал некоторые списки убитых офицеров.

15 апреля. Генерал Владислав Сикорский на завтраке у Черчилля пред ставляет рапорт о польско-советских отношениях. На информацию о Катыни премьер Велико-британии отвечает, что немецкая пропаганда хочет посеять вражду между союзниками.

Генерал Лидере отправляет телеграмму генералу Сикорскому с просьбой дать официальное разъяснение по катынскому вопросу.

Московское радио в 7.15 передало коммюнике, в котором указывается, что теперь нет никакого сомнения в трагической судьбе польских военнопленных, которые в 1941 г. были использованы при строительных работах в окрестностях Смоленска и вместе с советскими гражданами попали в руки гитлеровцев.

17 апреля. Би-би-си передает коммюнике польского правительства, в котором содержится обращение к Международному Красному Кресту о посылке делегации на место убийств.

19 апреля. Москва. В «Правде» появляется сенсационная, весьма антипольская статья, острие которой направлено против «польских соучастников Гитлера», поддерживающих «нацистских провокаторов».

21 апреля. Москва. В личном письме Сталина к Черчиллю говорится о вражеской кампании против Советского Союза, которую в одном и том же духе ведет немецкая и польская печать. Сталин говорит о необходимости порвать отношения с польским правительством.

26 апреля. О часов 15 минут. Главе польской дипломатической миссии в Куйбы-шеве вручается нота Советского правительства о разрыве отношений с Польшей.

28 апреля. Москва. В выступлении Ванды Василевской утверждается, что лондон-ское эмигрантское польское правительство окончательно себя скомпрометировало, участвуя в проводимой немцами антисоветской пропаганде по делу о катынском лесе и утверждая: эти жертвы якобы дело рук советских органов, тогда как в действительности польские военнопленные были убиты гитлеровцами.

1 мая. Польская рабочая партия в своем обращении обвиняет в катынском пре-ступлении гитлеровцев.

5 мая. Польский посол покидает территорию Советского Союза.

8 мая. Публикуется коммюнике о согласии Советского правительства на форми-рование польской дивизии.

Июнь. Смоленск. Доказано, что в Катыни обнаружено 4443 жертвы, из них иден-тифицировать удалось 2730. Немецкие данные, что жертв 12000, а советские— 11000, подтвердить документально не удалось.

25 августа. Советские войска занимают Смоленск.

26 августа. Официальная советская комиссия начинает исследование катынских могил.

24 января. Опубликовано официальное коммюнике так называемой комиссии Бур-денко, в котором утверждается, что катынское преступление — дело рук гитлеровцев.

1—3 июля 1946 г. Нюрнберг. В приговоре гитлеровским преступникам катынское дело не фигурирует».

Под заголовком «Доклад о Катыни» еженедельник «Одрозжене» (17.02.1989), издаваемый Патриотическим движением национального возрождения (ПДНВ), опубликовал найденный в британских архивах текст «Секретного доклада поль-ского Красного Креста» (ПКК) из Катыни под Смоленском. Делегация ПКК ве-

ла там работы по эксгумации и опознанию трупов в апреле — июне 1943 г. Техническая комиссия ПКК в период с 15 апреля до 7 июня 1943 г. эксгумировала в катынском лесу 4443 тела, которые были затем вновь погребены.

«Секретный доклад» был подготовлен генеральным секретарем ПКК К. Скаржинским и представлен в июне 1943 г. на заседании главного правления ПКК.

В июне 1945 г. этот документ, существующий только в одном экземпляре, как писал К. Скаржинский, был им передан поверенному в делах Британского посольства в Варшаве. В Лондоне документу был присвоен гриф «Совершенно секретно», и к нему не допускали представителей польского эмигрантского правительства. Как в то время, так и позднее британское правительство, пишет открывший этот документ профессор В. Т. Ковальский, держалось в стороне от этого дела, не желая ухудшать свои международные отношения. Документ хранится в актах МИД Англии в Лондоне.

«Одродzene» предварил текст «секретного доклада ПКК» вступлением профессора Я. Мацшевского, сопредседателя совместной комиссии польских и советских историков, а также замечаниями В. Т. Ковальского.

Я. Мацшевский отмечает, что особая ценность найденного документа состоит в том, что этот исторический источник не был до сих пор известен ни исследователям, ни тем более широкому общественному мнению. Он касается всего, что происходило после того, как были раскопаны могилы убитых там польских офицеров. В документе содержится важнейшая информация, касающаяся техники эксгумации и идентификации, данных о числе жертв, специфике отдельных могил и т. д. Правдиво сообщается об условиях работы технической комиссии ПКК, о характере вмешательства немецких надзирателей, раскрываются некоторые механизмы немецкой пропаганды.

Этот документ, продолжает Я. Мацшевский, служит важным дополнением известных и в значительной степени опубликованных на Западе сообщений Красного Креста. Одновременно он позволяет проверить или уточнить некоторые из приведенных в нем выводов и описаний. Подробная информация, содержащаяся в материале Скаржинского, может быть весьма пригодна при реконструкции «первого акта катынской драмы», то есть хода событий, связанных с массовым истреблением тысяч польских офицеров.

Профессор отмечает, что свидетельство Скаржинского имеет важное значение по той причине, что позволяет показать и еще раз напомнить гражданскую позицию деятелей ПКК, которые свою трудную и трагическую миссию выполняли с чувством патриотического и гуманного долга. Они не позволили втянуть себя в орбиту немецкой пропаганды, правильно понимая, что если Советский Союз ведет войну с гитлеровской Германией, то независимо от развития событий и собственной точки зрения на события 1940—1941 гг. ни в коей мере нельзя оказать хоть какую-либо услугу немецкой пропаганде. ПКК, сознавая нею ответственность положения, решительно отказался сообщить гитлеровским властям, несмотря на возможные суровые последствия, дату преступления в какой-либо форме. Как известно, определение даты катынского преступления однозначно указало бы на виновных, заключает Мацшевский.

В. Т. Ковальский пишет, что темой, вызывающей самый большой интерес и эмоции в процессе устранения так называемых «белых пятен» из истории польско-советских отношений, является судьба польских офицеров, интернированных советскими властями после 17 сентября 1939 г. и помещенных в трех лагерях: в Козельске, Старобельске и Осташкове. Судьба офицеров из Козельска (за исключением небольшого числа переведенных в лагерь в Грязовце) оказалась трагичной, когда в апреле 1943 г. были обнаружены их массовые захоронения в Катыни.

Вопрос этот подробно изучается, а тема Катыни часто затрагивалась в СССР и Польше, особенно уполномоченным польского правительства, а также сопредседателями польской и советской частей совместной комиссии историков Я. Мацшевским и академиком Г. Смирновым в связи с визитом М. С. Горбачева в Польшу.

Историки видят необходимость выяснить по возможности все обстоятельства этого преступления, а это требует поисков и раскрытия новых документов, особенно из архива аппарата, возглавлявшегося в то время Берией.

В 1943—1944 гг. в результате работ, проведенных на месте преступления, по Катыни были опубликованы три документа:

1. Протокол международной группы специалистов и экспертов по судебной медицине и криминалистике из 12 стран, созданной по инициативе гитлеровской Германии, опубликованный в Берлине в мае 1943 г. Среди членов этой группы только швейцарец Ф. Навиль был не из страны, занятой Германией.

2. «Официальный материал по делу массового убийства в Катыни. Собран, обработан и издан на основе документального материала германским информационным бюро по указанию министерства иностранных дел». Опубликован в Берлине весной 1943 г.

3. «Сообщение специальной комиссии по выяснению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в катынском лесу военнопленных — польских офицеров», опубликованное 24 января 1944 г. в Москве.

После 1945 г. в эмиграции публиковались разные сообщения. Однако не было единого документа польской стороны. Недавно, после кропотливых поисков, мне удалось найти в архивах в Лондоне документ, представляющий позицию главного управления ПКК. Подлинность документа не вызывает сомнений.

В. Т. Ковальский пишет, что К. Скаржинский, передавая этот документ в 1945 г. Британскому посольству, приложил собственный комментарий, написанный в июне того же года. Комментарий содержит оценки, на которых отразились эмоции, текущие политические события, в том числе полемика вокруг сообщения специальной комиссии и прежде всего возмущение по поводу представления катынского вопроса властями в Варшаве. Историческую ценность этого комментария нельзя поставить наравне с «Секретным докладом», который регистрировал факты систематически, в текущем порядке. Семь лет спустя, когда К. Скаржинский давал показания перед так называемой комиссией Маддена, созданной конгрессом США для выяснения катынского преступления, он так освещал вопрос, как будто забыл, что содержал его «Секретный доклад».

Ковальский отмечает, что различия между «Секретным докладом» и более поздним комментарием Скаржинского — налицо.

«Секретный доклад» состоит из двух обширных частей. Первая из них содержит описание работ ПКК в Катыни до 16 апреля. 18 апреля Скаржинский представил главному управлению ПКК доклад, из которого следовало, в частности:

1. Недалеко от Смоленска, в местности Катынь, находятся частично раскопанные массовые могилы польских офицеров.

2. Основываясь на обследовании около 300 извлеченных тел, можно констатировать, что эти офицеры были убиты выстрелами в затылок. Причем одинаково вышит тип всех этих ран, без всякого сомнения, свидетельствует о массовой расправе.

3. Убийство не имело целью грабеж, поскольку тела остаются в мундирах, при ордене, в обуви, причем при них найдено большое количество польских монет и купюр.

4. Исходя из бумаг, найденных там, убийство было совершено в марте — апреле 1940 г.

В первой части доклада Скаржинский пишет также: «На месте между соснами постарше выросли со времени убийства, по-моему, путем самосева, сосенки, которые, вероятно, указывают на то, что экзекуции были проведены весной 1940 г. Профессиональный лесник установил, как говорят, такой же возраст сосен, исследуя корни. Сосенок, которые росли над могилами, я не видел, поскольку могилы были уже открыты».

Во вторую часть включен «Отчет технической комиссии», в котором говорится, в частности, что 17 апреля 1943 г. работы были прерваны ввиду прибытия делегации, состоящей из польских офицеров, находящихся в плену в Германии. Самым старшим по званию был подполковник кавалерии С. Моссор.

«Поведение офицеров в отношении немцев, — говорится в отчете, — было исключительно сдержанным и достойным. В коротком разговоре они с видимым удовлетворением приняли к сведению, что ПКК занимается исключительно технической стороной работ по эксгумации, полностью отмежевываясь от политической».

В выводах отчета Скаржинский, в частности, пишет, что на основе исследования пуль, извлеченных из тел офицеров, и гильз, найденных в песке, можно утверждать, что стреляли из пистолетов калибра 7,65-мм, по-видимому, германского образца. Боясь, чтобы большевики не воспользовались этим обстоятельством, германские власти внимательно следили, чтобы ни одна пуля, ни одна гильза не была спрятана членами комиссии ПКК. Такое распоряжение было наивно, проследить было невозможно. Впрочем, доверенные сотрудники НКВД, проводившие расстрел в Катynи, могли иметь пистолеты какого угодно образца.

В заключение Скаржинский подчеркивает самоотверженную работу членов технической комиссии, которые собственноручно извлекали тела из ямы, заполненной водой. «Это яма, которую я сам видел, будучи в Катynи. Ее образовывал нижний край одной из семи огромных могил, сходящих террасами к ложбине. Яму заполнила грунтовая вода, и из нее торчали части трупов. Немцы обещали предоставить насосы, и яма оставалась неразработанной вплоть до последних дней работ. И вот господин Водзиновский заметил как-то, что русские рабочие засыпают яму. Он моментально остановил работы, но получил сообщение, что ввиду постоянных советских налетов и объявленной противопожарной готовности армия поставить насосы не может. От рабочих требовать извлекать трупы в таких условиях было нельзя. Тогда пять членов технической комиссии Польского Красного Креста, руководимые господином Водзиновским, вошли в яму и своими руками в течение 17 часов извлекли из воды 46 тел польских офицеров».

Империалистическая пресса не замедлила откликнуться на сенсационную публикацию в ПНР.

Данные из «Секретного доклада Польского Красного Креста» всегда были известны на Западе, хотя и приводились без ссылок на источник.

Катynь — это символ. Это трагедия польских офицеров, попавших в плен к Красной Армии после советского вторжения в Польшу в сентябре 1939 г. Напомним, что 40% этих военнопленных были офицерами запаса, то есть людьми интеллектуального труда, мобилизованными в армию после германского нападения на Польшу. Среди них были ученые, политические и общественные деятели, литераторы и врачи. Можно с уверенностью сказать, что эти пленные (около 15 тыс.) были цветом польской нации. Из них в живых осталось только 449 человек. Остальные были расстреляны НКВД в 1940 г.

Справедливости ради следует отметить, что сокрытию правды о катынском расстреле много лет способствовали правительства Великобритании и США, не заинтересованные в подрыве престижа Советской власти во время и сразу после войны с нацистской Германией. Только в 1951 г., во время корейской войны, где бывшие союзники — СССР и США — находились по разные стороны фронта, палата представителей американского конгресса создала наконец комиссию по расследованию катынских расстрелов. И комиссия пришла к выводу, что расстрелы произведены НКВД в 1940 г.

Среди различных течений общественной мысли в Польше на тему о Катynи сформировалась в последние три года единая точка зрения, которая сводится к лозунгу «Гласность!». Сейм и оппозиция, правительство и историки, пресса и церковь были настроены одинаково — побыстрее выяснить правду и тем самым еще раз отдать дань памяти павшим, восстановить достоинство народа, попра-

ное ложью. Знакомство с аргументацией каждой из сторон политического процесса в Польше дает представление об общем нравственном климате у поляков. Не случайно, что данный аспект польско-советских отношений стал одной из центральных, дежурных тем польской и западной прессы. Можно сказать без преувеличения, что вся Европа, взбудораженная журналистами, напряженно наблюдала за тем, как руководящие инстанции в Варшаве и в Москве решатся обнародовать «правду, всю правду, одну только правду» о Катыни. Такое вот своеобразное испытание для советской перестройки и польского обновления.

В марте 1988 г., впервые в истории народной Польши, депутат Сейма поднял тему о Катыни, заявив в запросе министру иностранных дел ПНР, что выяснение подлинных обстоятельств злодейского убийства тысяч «польских офицеров послужит укреплению взаимной дружбы и доверия между польским и советским народами. В сейме состоялась тогда долгая дискуссия, которая имела большой резонанс на страницах польской печати.

В газете «Трибуна люду» (12.03.1988) был опубликован полный текст письма 58 польских интеллектуалов 54 советским деятелям науки и культуры без подписей и фамилий адресатов с примечанием: перевод по сообщениям, переданным радиостанцией «Свободная Европа». Хотя и советский историк Юрий Афанасьев, также включенный в число адресатов письма, на страницах влиятельного польского еженедельника «Политика» уже давно высказал свое мнение, а именно то, что необходимо ликвидировать темы табу, что в рамках этого одно из важнейших мест должно быть оставлено для Катыни. В подобном духе на страницах нашей прессы не раз выступал профессор Ярема Мачишевский, председатель польской части совместной советско-польской комиссии историков, занимающихся именно ликвидацией «белых пятен». Но то, что польские оппозиционные деятели пожелали подключиться к хору требующих гласность и справедливость,— симптоматично. Набор фамилий, обрамляющих упомянутое «Открытое письмо», впечатляет, и я решил привести весь текст обращения полностью, взяв его из парижской газеты «Русская мысль» (18.03.1988):

СКАЗАТЬ ПРАВДУ О КАТЫНСКОМ ЗЛОДЕЯНИИ

Открытое письмо

Сергею Аверинцеву, Абелу Аганбегяну, Анатолию Ананьеву, Сергею Антонову, Юрию Афанасьеву, Григорию Бакланову, Алексею Баталову, Андрею Битову, Александру Бовину, Елене Боннэр, Павлу Бунину, Федору Бурлацкому, Юрию Бур-тину, Игорю Виноградову, Андрею Вознесенскому, Александру Гельману, Даниилу Гранину, Сергею Григорьянцу, Виталию Гольданскому, Владимиру Дудинцеву, Евгению Евтушенко, Виктору Ерофееву, Олегу Ефремову, Сергею Зальгину, Татьяне Заславской, Вениамину Каверину, Элему Климову, Игорю Кону, Юрию Корякину, Александру Кушнеру, Владимиру Лакшину, Геннадию Лисичкину, Дмитрию Лихачеву, Андрею Михалкову-Кончаловскому, Булату Окуджаве, Глебу Панфилову, Василию Поликарпову, Геннадию Попову, Анатолию Приставкину, Валентину Распутину, Анатолию Рыбакову, Андрею Сахарову, Анатолию Стреляному, Аркадию Стругацкому, Борису Стру-

гактому, Михаилу Ульянову, Юрию Черниченко, Лидии Чуковской, Олегу Чухонцеву, Михаилу Шатрову, Николаю Шмелеву, Константину Щербакону, Натану Эйдельману, Егору Яковлеву.

Мы обращаемся к вам, выдающимся представителям русской культуры и науки, со словами приветствия и уважения. Желаем, чтобы наступивший год принес вам больше радости, свободы и мира.

Мы убеждены, что происходящие в вашей стране преобразования важны для всего мира. И потому мы в Польше с вниманием и надеждой следим за вестями от вас. Радует нас каждый факт, возвещающий о возрождении как русской культуры, так и культур других народов СССР, о возвращении читателям выдающихся произведений, созданных в стране и в эмиграции, о демократизации общественной жизни. Эти факты будят также осторожную надежду на перелом в отношениях между нашими народами.

Думается, что наступило время публичного диалога, диалога людей свободных и независимых, людей, не связанных официальными указаниями и дипломатическими условностями. Мы готовы вести такой диалог со всеми народами СССР. Но сейчас мы обращаемся к вам, русским.

Проблемой, которая особенно отрицательно сказывается на польско-русских отношениях, было и продолжает оставаться дело катынского расстрела нескольких тысяч польских офицеров в 1940 году. Это преступление, совершенное палачами Сталина и Берии, а также позднейшая ложь об этом злодеянии отравили наши взаимоотношения. С тем большей благодарностью вспоминаем мы сегодня голоса тех русских, кто в течение многих лет добивался правды об этом. Сейчас, когда на страницах советских газет мы видим фамилии жертв сталинского произвола: ученых и писателей, военных и политиков, — мы обращаемся к вам с предложением высказаться публично о катынском преступлении.

Слова правды должны прозвучать громко. Эти слова диктует нам долг памяти об убитых и убеждение, что правда — обязательное условие для радикальных перемен в отношениях между нашими народами.

Мы жаждем отношений, опирающихся на дружбу свободных со свободными, равных с равными. Мы жаждем отношений, из которых будут изъяты сервиллизм, ложь и угроза насилия. Знаем, что здесь ничего нельзя узаконить декретами, однако мы верим, что наши народы должны вступить на этот путь во имя правды, во имя здравого разума, во имя лучшего будущего. Мы хотим, чтобы это письмо было воспринято как дружеский голос в польско-русском диалоге. Ибо если не мы — то кто? Если не сейчас — то когда?

Яцек Бохенский, Анджей Богуславский, Мариам Брандыс, Зби-гнев Буяк, Анджей Дравич, Казимеж Дзевановский, Марек Эдельман, Яцек Федорович, Владислав Фрасынюк, Богдан Гальстер, Ирена Гальстер, Вацлав Гавевский, Бронислав Гере-мек, Юлия Хартвиг, Ежи Хольцер, Витольд Карчевский, Кристина Керстен, Ян Келяновский, Стефан Кеневич, о. Ян Анджей Ключовский, Ян Кофман, Владзимеж Колос, Тадеуш Конейцкий, Кишитоф Козловский, Анджей Красинский, Мартин Круль, Рышард Криницкий, Владислав Куницкий-Гольд-фингер, Зофья Куратовская, Яцек Куронь, о. Веслав Лауэр, Тадеуш Липковский, Тадеуш Ломницкий, Станислав Лоренц, Анджей Мандальян, Адам Михник, Артур Мендзыжецкий, Тадеуш Мазовецкий, Даниэль Ольбрыхский, о. Станислав Опеля, Эдмунд Ян Османчик, Ярослав Марек Рымкевич, Хен-рик Самсонович, Анджей Стельмаховский, Юлиан Стрыйков-ский, Ежи Шацкий, Клеменс Шпаньский, Анджей Щекли, Ян Юзеф Шепаньский, Анджей Щепковский, о. Юзеф Тишнер, Ежи Турович, Анждэй Вайда, Лех Валенса, Збигнев Вуцик, Виктор Ворошильский, Янек Возняковский, Кристина Залатович.

Среди подписавших оказались заслуженные деятели польской науки и культуры, имеющие безупречную репутацию. Однако наряду с уважаемыми находят-

ся и такие имена, которые встречаются почти под каждым письмом или петицией, которые имеют хотя бы самый малый шанс для того, чтобы вызвать шум.

Список советских адресатов также содержит фамилии известных писателей, главных редакторов изданий в сфере культуры, деятелей науки. Но и здесь оказались имена малоизвестные или даже совсем неизвестные советским людям и тем более польскому общественному мнению. Например, рядом с Сергеем Залыгиным, Андреем Сахаровым одним духом произносится фамилия Сергея Григорьянца, в последнее время подписывающегося под лозунгами перестройки и издающего полулегально бюллетень «Гласность». Как информирует советская пресса, его усиленно рекламируют радиостанции «Свобода» и «Голос Америки», которые делают из него главного защитника «прав человека», «известного интеллектуала».

Определенный свет на это проливает радиостанция Би-би-си, которая, комментируя 8 марта письмо, заявила: «Адресатами письма являются известные деятели в борьбе за права человека — такие, как профессор Андрей Сахаров и его жена Елена Боннэр, а также главный редактор независимого журнала «Гласность» Сергей Григорьянц. Можно утверждать, что польские авторы письма имеют с ними больше общего, нежели с издателями, писателями, поэтами, актерами, историками и журналистами, фамилии которых составляют большинство списка адресатов».

Би-би-си, как кажется, предполагает, что письмо адресовано многим лишь для того, чтобы среди них могли оказаться те «настоящие» и чтобы — добавим от себя — возвысить их таким способом, придать им гласность, создать возможность оказаться в одном ряду со звездами — такими, как Евгений Евтушенко, Михаил Шатров или Элем Климов.

Так или иначе, но западные агентства и радиостанции позаботились о том, чтобы известно было не только то, что написано в письме, но и то, что читается между его строк.

Комментарий газеты «Русская мысль», сопровождающий публикацию «Открытого письма», может быть, и стоит прочитать до конца — эти строки за подписью Н. Горбаневской демонстрируют уровень ставок в антисоциалистической игре, наглядно показывают профессионализм и жесткость нашего идеологического противника (все выделения в тексте принадлежат редакции «Русской мысли»):

«...Первое, что требуется с советской стороны: от историков, журналистов, архивистов и тех, кто дает «допуск» в архивы, — это, во-первых, публично признать советскую вину, во-вторых, сказать правду о тех обстоятельствах катын-ского дела, которые могут быть отражены только в советских документах. Кто, когда, как отдал приказ об уничтожении тысяч польских офицеров? Кто, когда, как выполнял этот приказ на разных ступенях служебной лестницы? Ибо, если советская вина доказана со всей несомненностью, из имен прямых Виновников известна лишь горстка. Между тем катынское дело было включено в обвинительный акт на процессе главных военных преступников в Нюрнберге, то есть квалифицировано как преступление против человечности. Оно не вошло в приговор Нюрнбергского трибунала, и это естественно: те, кто совершил это злодеяние, не сидели на скамье подсудимых. Напомним, что по преступлениям против человечности не существует срока давности, и если в СССР усердно вылавливают (и требуют выдать из-за границы) реальных или мнимых участников массовых убийств, совершавшихся под командованием гитлеровских оккупантов, то

такая же участь должна постигнуть и всех, кто еще жив, — от генерала до стрелка НКВД, замешанных в катынском преступлении. (Или же следует помиловать либо амнистировать тех и других, и тогда, не страшась уголовной расплаты, бывшие преступники, быть может, поведают нам детали страшной правды.)

Еще раз повторим: загадки хатынского преступления, как такового, не существует; ставить под сомнение советскую вину — то же самое, что ставить под сомнение существование газовых печей в гитлеровских лагерях массового уничтожения. Однако, если взять катынское дело в более широком плане, в нем остается мрачная загадка, и раскрыть ее могут только советские власти с помощью и под давлением отечественных журналистов, как независимых, так, надеемся, и официальных. В то же самое время, как польских офицеров вывозили из лагеря в Козельске, их вывозили из двух других лагерей — в Старо-бельске Харьковской области и Осташкове Калининской (расположенных, кстати, тоже в монастырях). Общее число погибших или, как считалось до 1943 г., пропавших в СССР без вести польских офицеров — около четырнадцати с половиной тысяч. Где убиты и зарыты еще 10 тысяч? Далее и здесь встают все вышеназванные вопросы: кто, когда, как? Хотя ясно, что на самом высшем уровне решение было принято относительно всех 15 тыс. польских офицеров в советском плену (спаслись от расстрела несколько сот, отобранных в результате одновременно проводившейся органами НКВД «селекции» и отправленных в лагерь в Грязовце Вологодской области либо сидевших в следственных тюрьмах; следует отметить, что жертвами массового расстрела не стали и польские офицеры, захваченные после июня 1940 г. на территории Прибалтики; операция была закончена, и образцово выполненный приказ на них уже не распространился).

Оглашение всех обстоятельств катынского дела не может не привести к вопросу о том, почему польские офицеры оказались в советском плену, а следовательно, к вопросу о нападении СССР на Польшу 17 сентября 1939 г., а также выдвигаемому общественностью, главным образом в Прибалтике, требованию, которое Советская власть и ее официальная пресса пока отказываются удовлетворить, опубликовать в широкой советской печати секретный протокол к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г. — так называемому пакту Молотова — Риббентропа (хотя вернее было бы его называть пактом Сталина — Гитлера).

В апреле 1980 г. 32 советских эмигранта-правозащитника (не только русских) в заявлении, горько и справедливо озаглавленном «Оглянись в раскаянье» («Континент» № 24), писали:

«...Никто из нас никогда не забывал и не забудет о той ответственности, которую несет наша страна за преступление, совершенное ее официальными представителями в Катыни. Мы уверены, что уже недалек тот день, когда наш народ воздаст должное всем участникам этой трагедии, как палачам, так и жертвам: одним — в меру их злодеяния, другим — в меру их мученичества».

Скоро мы сможем убедиться, приблизила ли этот день эпоха гласности».

Расставить нужные акценты в упомянутой пропагандистской кампании поможет нам выступление в правительственной газете «Речь По-сполита» (9.02.1989) известного публициста, депутата сейма Р. Войны. В статье под заголовком «Во имя правды...» он, в частности, пишет:

«Как известно, для выяснения всей правды о Катыни и других вопросов советско-польских отношений была образована смешанная группа советских и польских историков, которые занялись так называемыми «белыми пятнами». Пишу «так называемыми», потому что они были «белыми» скорее для историографии, чем для польского общества.

Одним из тех, кто добивался немедленного и публичного выяснения в этом вопросе позиции польской стороны, не ожидая окончания работы смешанной комиссии, был адвокат В. Сила-Новицкий. В то же время я предлагал подождать согласованного совместного заявления советских и польских историков. Я выразил также мнение (придерживаюсь его, кстати, и сейчас), что речь идет здесь не столько об убеждении, которое глубоко укоренилось в польском обществе, сколько о том, чтобы найти

общую правду, которая была бы принята и признана как советским, так и польским обществом. На последнем заседании Консультативного совета при Председателе Государственного совета ПНР Сила-Новицкий снова вернулся к этой теме, утверждая, что «тайна Катynie должна быть незамедлительно раскрыта, ибо это дело чести нашего народа». Одновременно он подчеркнул, что в этом требовании не следует усматривать желание посадить на скамью подсудимых советский народ, который сам стал жертвой сталинизма. Речь идет только об установлении вины и ответственности. На этот раз я с ним не полемизировал. С начала деятельности смешанной комиссии прошло достаточно много времени, и нельзя не учитывать нетерпение общества. Обмен мнениями по вопросу преступления в Катynie и других массовых преступлений, совершенных над 15 тыс. поляков, в том числе 8300 офицерами, в лагерях Козельска, Старобельска, Осташкова, не должен продолжаться за закрытыми дверями заседаний смешанной комиссии. Как депутат на десятках встреч с избирателями я слышу один и тот же вопрос: почему польская сторона не опубликовала до сих пор своей позиции, представленной советским ученым?

Мне известно, что такой документ, названный словом «экспертиза», польские историки передали своим советским коллегам почти год назад, что существуют неизвестные до недавнего времени и до сих пор не опубликованные документы, которые также были переданы советским членам смешанной комиссии. Информация о позиции, которую занимают польские историки в советско-польской комиссии, не должна быть предназначена только для советских ученых. Знать эту позицию, а также новые документы имеет право все польское общество.

Выступая за опубликование «экспертизы» и нескольких документов, я не хочу вставлять палки в колеса и создавать дополнительные трудности для профессора Мацишевского и сотрудничающих с ним историков. Наоборот. Их советские партнеры должны знать, что такие болезненные проблемы нельзя держать под стеклянным колпаком научных секретов, потому что это может привести к взрыву.

Моя просьба не должна стать неожиданностью. Советские люди открыто и глубоко ведут расчет с преступлениями Берии и Сталина. На меня самое большое впечатление произвела информация в белорусской газете «Куропаты — дорога смерти». Способ уничтожения людей напоминает преступление в Катynie. Советский народ, который имеет смелость открыто говорить и писать об этом, я убежден, понимает, что Катынь — это не только научный вопрос. Напечатав «экспертизу» польских историков, мы ослабим натиск болезненных тем на советско-польские отношения. О трудных периодах советско-польской истории уже говорится несколько лет, и мы видим, как слабеет волна антисоветизма в Польше».

А что думает о катынском преступлении польское общество? Центр изучения общественного мнения в Варшаве дважды проводил опрос по этому поводу. В конце 1987 г. были опрошены взрослые жители Польши, а в апреле 1988 г. — выпускники средних школ.

Результаты опросов показывают, что большинство из анкетированных знают о катынской трагедии, причем взрослые меньше, чем молодежь (соответственно — 81,6 и 85,9%). Среди осведомленных — больше мужчин. Очень большое влияние на степень знаний о Катynie оказывает образование.

Вопрос, кто несет ответственность за преступление в Катynie, задавался только тем, кто его знает. Как среди взрослых, так и среди молодежи большинство обвиняют в этой трагедии Сталина, причем молодежь сильнее, чем взрослые, — соответственно 68,4 и 49,5%.

Сторонники официальной версии, гласящей, что виновными являются гитлеровцы, составляют только 6,5%. 16% опрошенных считают виновными и немцев, и СССР. Среди молодежи 9,4% придерживаются мнения, что ответственны обе страны. Немцев виновниками считают люди старшего возраста, со средним

образованием, члены ПОРП, не интересующиеся политикой, но являющиеся сторонниками существующего политического строя.

Лишь сегодня в польской прессе можно прочесть то, что многие граждане ПНР знали и раньше. В 1939 г. Красная Армия интернировала 12 польских генералов. Четверо из них оказались в лагере в Козельске (Б. Бохатеревич, Г. Минкевич, М. Сморовинский и Е. Волко-вицкий). Восемь генералов были в лагере в Старобельске. Из них уцелел только генерал бригады Ежи Волковицкий, который был в 1941 г. назначен заместителем командира 6-й дивизии в армии генерала В. Андерса. В ее составе в 1942 г. он покинул СССР. Из 11 генералов были обнаружены останки только двоих, остальные исчезли. Останки генерала бригады М. Сморовинского были обнаружены и идентифицированы в Катыни, в частности, на основе военной книжки и удостоверения кавалера креста «Виртути милитари». Среди 4443 останков, выкопанных в Катыни, находились только офицеры из козельского лагеря, не был найден никто из старобельского лагеря.

Нет ничего удивительного в том, что польская, а уж тем более западная публика была морально предрасположена к восприятию исторической информации, в которой осуждается сталинская политика и... приветствуется нынешняя открытость московских руководителей. Образец такого подхода виден в публикации Александра Адлера «Бойня в Катыни: признание Москвы» во французской газете «Либер-сьон» (3.06.1988):

«Восстановление исторической правды в СССР в конце этой недели перешагнуло через государственную границу с Польшей. Москва косвенно признала, что расстрел пленных польских офицеров в конце 1940 г. в лесу близ Катыни мог быть делом рук советского НКВД по приказу Сталина. В течение полувека Москва отвергала эту версию и возлагала ответственность за бойню на нацистов. С непреднамеренным юмором Московское радио в передаче на английском языке сообщило в субботу о якобы всплывшем на поверхность «немецком докладе», где говорится, что «советские пули» сразили 12 тыс. жертв катынской бойни. Это вынудило СССР причислить это дело к тем «белым пятнам» истории, на которые Горбачев намекает уже целый год. Московское радио сообщило также, что в пятницу советские официальные лица вместе с поляками приняли участие в посвященной памяти жертв церемонии, которая состоялась в лесу близ Катыни, недалеко от Смоленска, у стелы, установленной на этом месте несколько лет назад.

Эта краткая церемония — первый осязаемый результат работы советско-польской комиссии историков, созданной в начале этого года в результате личной договоренности между Горбачевым и Ярузельским.

Катынское дело, чрезвычайно важный вопрос с точки зрения всех поляков, имеет не меньшую важность и для СССР, так как оно с безжалостной ясностью вскрывает характер политики Сталина в отношении Польши. В 1939 г. подписание германо-советского пакта привело к развязыванию мировой войны и разделу страны. Красная Армия, вступив на территорию Польши через десять дней после начала военных действий с Германией, оккупировала одну треть территории страны и взяла в плен десятки тысяч офицеров и солдат польской армии, которая была уже наголову разбита вермахтом.

С 1941 г. польское правительство в изгнании, находившееся в Лондоне, требовало вернуть своих граждан, интернированных в СССР (за исключением евреев, которых оно не учитывало), но 12 тыс. из них, офицеры и унтер-офицеры, находившиеся в заключении на западе страны, не откликнулись на этот призыв. Русские уклончиво говорили тогда о возможном захвате лагеря нацистами в ходе их наступления на Москву летом 1941 г.

Затем правда выяснилась благодаря самим же нацистам, которые узнали о бойне в 1942 г. и пригласили поляков из Лондона убедиться в этом на месте при посредничестве Красного Креста, что те в итоге и сделали, несмотря на протесты Черчилля и Рузвельта.

Но не всякую правду можно сказать Советское правительство тогда же Разорвало дипломатические отношения с польским правительством в изгнании, что развязало ему руки во время вступления в Польшу и дало возможность установить там свой собственный так называемый Люблинский комитет. Англичане и американцы, заботясь о сохранении компромисса, охотно принимали до начала «холодной войны» советскую официальную версию о том, что нацисты устроили в Катыни инсценировку, с тем чтобы поссорить союзников на решающем этапе войны.

Генерал Сижорский, глава польского правительства в изгнании и инициатор поездки делегации в Катынь, находившуюся в оккупированной немцами зоне, вскоре погиб в авиакатастрофе над Гибралтаром, в тот момент, когда союзники в Тегеране стремились достичь компромисса со Сталиным в отношении Польши. Наконец, летом 1944 г. Сталин остановил Советскую Армию на Висле, предоставив немцам время, чтобы разгромить Армию Крайову, выполнявшую приказы из Лондона и организовавшую восстание в Варшаве.

Поэтому катынское дело оставило глубокий след в душах поляков-националистов и тех, кому свойственны антисоветские настроения. Советское правительство решило придерживаться своей версии событий, тем более что она казалась удовлетворительной Лондону и Вашингтону до 1948 г. Даже Гомулка после 1956 г. посоветовал Хрущеву не касаться этого опасного дела. После появления «Солидарности» продолжать эту линию стало все труднее. Каждый год в апреле тысячи поляков украшали цветами «катынский квадрат» — пустырь на историческом Варшавском кладбище. Два года назад власти почти тайком установили памятный крест, на котором была высечена двусмысленная надпись с упоминанием «гитлеровского фашизма». Позднее благодаря гласности в Польше возобновились дискуссии на эту тему, и у самого Ярузельского по различным причинам, в том числе биографическим, могло бы возникнуть желание добиться от русских действий в этом направлении. В общей атмосфере восстановления правды в СССР Горбачев пошел на создание этой советско-польской комиссии историков, основной задачей которой должно было стать катынское дело. Два месяца назад глава государства Громько, принимая второго по значению польского лидера Мечислава Раковского, счел нужным напомнить ему, сколько Сталин боролся с Западом, «чтобы Польша стала такой, какая она сегодня» Значит ли это, что, по мнению того, кто был послом Сталина у Рузвельта именно тогда, когда стало известно о бойне, поляки должны сохранять определенную сдержанность? Горбачев, который склонен к более тесному и равноправному союзу Москвы и Варшавы, принял решение сделать этот важный символический жест».

«Трибуна люду», другие органы печати сообщили в августе 1988 г. о том, что примас Польши кардинал Ю. Глемп освятил в Высшей духовной семинарии Варшавы крест, который будет временно установлен в Катыни. На дубовом кресте, высота которого 5 метров, сделаны надписи по-польски и по-русски: «В этом месте будет воздвигнут крест в память о смерти польских офицеров».

За независимость Польши!

Помимо постоянного мушкетирования трех вышеуказанных главных преступлений сталинизма против Польши в предвоенный период польские антисоциалистические силы внутри страны и за ее пределами выдвигают на авансцену политической жизни множество других имен, дат и событий, традиционно имеющих негативный аспект или попросту замалчивающихся в официальной истории ПНР и польско-советских отношений.

Есть и другая тенденция: антисоциалистические силы в свою очередь пытаются предать забвению тот факт, что именно Октябрьская революция претворила в жизнь чаяния нескольких поколений поляков, не прекращавших борьбы за

возрождение независимости своей родины. Русские революционеры-демократы выражали им сочувствие и солидарность, борясь за свержение царизма — тюремщика всех народов Российской империи. Они приветствовали боевой клич Костюшко: «За вашу и нашу свободу!» В. И. Ленин повторял вслед за Марксом и Энгельсом, что не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы.

Примечательно, что именно в Польше в октябре 1913 г. на Поро-нинском совещании ЦК РСДРП был подтвержден основной лозунг партии по национальному вопросу, право наций на самоопределение, то есть на отделение и образование самостоятельного государства. Октябрьская революция претворила его в жизнь.

Один из первых документов Советской власти — Декларация прав народов России гарантировала всем угнетенным нациям право на самоопределение, вплоть до отделения и создания собственного государства. А подписанный Лениным в августе 1918 г. декрет Совнаркома перечеркнул все пакты и договоры царского правительства с Германией и Австро-Венгрией о разделах Польши, признал за польским народом неотъемлемое право на самоопределение, обеспечил международно-правовую основу для восстановления независимого и единого польского государства.

«Из всех нынешних российских партий лишь партия Ленина... стоит безусловно и искренне, без каких-либо оговорок... на позициях независимости Польши». Так писала краковская газета «Напшуд» в ноябре 1917 г. Достойным ответом польских революционеров на эту безусловную и искреннюю позицию большевиков стало участие 200 тыс. поляков в борьбе за победу Октября.

Революционно-освободительная волна поднялась и в самой Польше. Рабочий люд разоружает немецких и австрийских солдат, создает свои отряды Красной гвардии. Над Варшавой, Люблином, Лодзью переплетались на ветрах истории поднятые рядом бело-красные — национальные и красные — революционные знамена. Во многих городах организуются Советы рабочих, крестьянских, солдатских депутатов.

11 ноября 1918 г. Польша обрела независимость. Но власть оказалась в руках имущих классов. Возродившееся польское государство сформировалось к 1921 г. как буржуазная парламентская республика с относительно широким спектром демократических свобод. С 1926 г. после майского переворота, совершенного Ю. Пилсудским, эти свободы постоянно урезались, в стране начала складываться авторитарная система власти.

С самого начала восстановления независимости правящие классы буржуазной Польши, особенно круги, связанные с Пилсудским, выдвигали экспансионистские планы в отношении Страны Советов. Спекулируя на национальных чувствах поляков, они фактически с 1918 г. повели вооруженную борьбу за сохранение власти польского помещика над украинскими и белорусскими крестьянами, писал советский историк Виктор Любовцев в московском еженедельнике «Новое время» (#47, 1987).

Ленинский интернационализм, по словам В. Любовцева, непоколебим и в период развязанной антисоветскими силами «польской войны» против молодой Страны Советов: захвата войсками Пилсудского Киева, ответного похода Красной Армии на Варшаву. В мае 1920 г. Ленин шлет записку в Секретариат ЦК РКП(б), в которой предлагает Дать редакторам газет директиву. «Не пересаливать, т. е. не впадать в шовинизм, всегда выделять панов и капиталистов от рабо-

чих и крестьян Польши».

Хроника этой никогда официально не объявлявшейся войны достаточно известна. Принято считать, что она началась в апреле 1920 г. походом войск маршала Юзефа Пилсудского на Киев, который и был занят поляками 7 мая. Но уже через неделю Красная Армия, развернув контрнаступление, вступила на этнические польские земли и 12 августа подошла к Варшаве. После многодневных тяжелых боев польские войска отбили атаку и двинулись вперед. Они заняли Западную Белоруссию и Западную Украину. Ленин тогда констатировал: «...нам не хватило сил довести войну до конца». 12 октября 1920 г. было подписано перемирие, а 18 марта 1921-го — мир.

В следующем номере вышеупомянутого «Нового времени» (#48, 1988) доктор исторических наук Инесса Яжборовская делает очень важные выводы о польско-советской войне 1920 г.:

«С обеих сторон через фронты той войны прошло более чем по миллиону человек И та и другая стороны потеряли десятки тысяч убитыми, ранеными и пленными, понесли огромный материальный ущерб. Трагическая вооруженная конфронтация оставила в истории взаимоотношений двух народов весьма глубокий отпечаток, отразившись на судьбах и мышлении нескольких поколений.

Сейчас, когда появилась возможность тщательного выяснения логики поведения обеих сторон, соотнесения сложившихся в нашем сознании клише с исторической реальностью, освобождения от устаревших представлений и восприятий, приходится констатировать, что сколь-либо систематических исследований в этой области нет.

Предпосылки. Была ли в весьма драматическом военном столкновении двух соседних стран роковая неизбежность? Вопрос не простой.

Рождение первого социалистического государства оказалось многотрудным. Ему приходилось утверждать себя в жесткой схватке с капиталистическим миром. На карту было поставлено само существование Советской России. Разоренная страна, прошедшая через тяжелейшие испытания гражданской войны и иностранной военной интервенции, к 1920 г. оказалась перед необходимостью вместо восстановления хозяйства вновь собирать силы на защиту. На этот раз — от западного соседа.

В те же годы польский народ, которому революция в России открыла путь к возрождению своего суверенного государства, соединял ранее разделенные территории, определял национальные границы, приступал к решению переплетавшихся многообразных социальных и национальных проблем.

Обратимся к позициям, на которых строилась внешняя политика Советской России в первые годы революции и политика возрождавшейся Польши.

Бесспорно, что уже в те годы ленинская внешняя политика складывалась как сугубо оборонительная. Шли поиски путей, как устоять, как обеспечить Советской России «мирную передышку».

Но принятой после Брестского мира ленинской внешнеполитической линии на переход к длительному мирному строительству социализма противостояли крайне экстремистское толкование концепции мировой революции Л. Троцким, его авантюристическая установка на подталкивание мировой революции методом «революционной войны», идеей привнесения революции в другие страны насильственным путем, именуемым «военной помощью рабочим мира». Короче — форсированием любой ценой мировой революции как конечной цели Октябрьской социалистической революции.

Долгое время эти две позиции отождествлялись зарубежными историками и в таком виде приписывались Ленину.

О действительно же отношении Ленина и к мировой революции, и к независимости Польши говорят такие документы, как Декрет о мире, Декларация прав народов России, признание за польским народом права на самостоятельное независимое существование, отмена тайных договоров о разделах Польши и другие практические шаги в защиту права польского народа на создание суверенного государства, свидетельствовавшие, что Советская Россия не будет продолжать политику царизма.

Что касается политики польских властей, то характерно, что они скрывали от своего народа многократные предложения Советского правительства урегулировать отношения на благоприятных условиях и установить выгодные для Польши границы.

Вооруженные столкновения практически начались уже в феврале 1919 г., всего через несколько месяцев после возрождения Польши. 5 февраля Пилсудский, в чьих руках была тогда вся военная и гражданская власть в стране, заключил соглашение с германским командованием, отводившим свои войска из Литвы и Белоруссии, и польские части начали занимать эти земли. В руках Пилсудского оказались Вильнюс, Брест, Луцк, Минск, Ровно. Германское командование сознательно провоцировало вооруженное противостояние польских войск и Красной Армии; благодаря этому польская армия отвлеклась от поддержки антинемецкого восстания на Познаньщине.

Экспансия на Восток отвечала устремлениям польских правящих кругов. Они трактовали ленинский декрет об отмене тайных договоров XVIII в относительно разделов Польши как автоматическое восстановление границ польского государства того времени.

Пилсудский еще в 1918 г. не скрывал, что заинтересован именно в продвижении на Восток. Он считал невозможным решить судьбу Силезии в пользу Польши и фактически отказывался от упорядочения ее западных границ. Ею классовым и национальным целям отвечало создание «санитарного кордона» — полосы изоляции, отделяющей Польшу от революционной России, и восстановление польского государства в границах 1772 г. Сторонники Пилсудского добивались объединения с Польшей (в форме федерации или включения в сферу ее влияния) Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, большей части Украины и даже Кубани и Кавказа.

Правая национально-демократическая партия Р. Дмовского выступала с программой поглощения всей Литвы, половины Латвии, части Северо-Западной России, почти всей Белоруссии, Подолии, Вольны, Восточной Германии, Западной Украины.

Уже в этих планах зрело ядовитое зерно раздора и агрессии.

Пилсудский и Антанты. У советских историков долгие годы бытовало представление, что Пилсудский начал войну по наущению Антанты. Отсюда и синоним этой войны — «третий поход Антанты». Это — упрощение. Теперь очевидно, что намерения польских правящих классов и курс Антанты, оценивавшей ситуацию с позиций интересов возрождения царской России, во многом расходились.

Антанта подталкивала Польшу к оказанию помощи русской белой армии, и польский премьер-министр И Падеревский горячо заверял в готовности такую помощь оказать, надеясь взамен заручиться поддержкой польских территориальных притязаний. Однако Антанта не признавала польские права на территории восточнее так называемой «линии Керзона», то есть этнических польских земель Зондаж взглядов Деникина и других белых генералов убедил Пилсудского, что ич позиции не позволяют надеяться не только на федерацию, но Даже на сохранение только что обретенной независимости Максимум — автономия

Поэтому капитан Бернер, делегированный Пилсудским на тайные переговоры с представителем Советского правительства Ю. Мархлевским, дал понять, что не в интересах Польши поддерживать начавшееся наступление Деникина на Москву. И на линии соприкосновения польских и советских войск воцарилась тишина. Деникин, рассчитывавший на помощь Пилсудского, утверждал позже, что именно это позволило Красной Армии нанести ему поражение.

Однако вскоре польская сторона прервала переговоры. Советское правительство 28 января 1920 г. вновь предложило их начать. Оно исходило из того, что в отношениях между двумя соседними государствами нет ни одной проблемы — территориальной, экономической или какой-либо иной, — которая не могла бы быть решена мирным путем. Ленин 1 марта 1920 г. подчеркивал: «...Никогда ту границу, на которой стоят теперь наши войска, — а они стоят гораздо дальше, чем живет польское население, — мы не перейдем. И мы предлагаем на этой основе мир, потому что мы знаем, что это будет громадное приобретение для Польши. Мы не хотим войны из-за территориальной границы, потому что мы хотим вытравить то проклятое прошлое, когда всякий великоросс считался угнетателем».

Но Пилсудский и его сторонники провели через комиссию сейма по иностранным делам требование отвода советских войск «за границы 1772 г.».

Вместе с тем Пилсудский уклонился и от принятия переданного через французскую миссию предложения Врангеля о действиях по единому плану, хотя и разрешил формировать на польской территории «3-ю русскую армию». Гут он руководствовался вполне трезвым расчетом: со стороны Советов существованию независимого польского государства ничто не угрожало.

Кто кого приглашал? В апреле 1920 г. польское правительство заключило с одним из главарей контрреволюционного буржуазно-националистического движения на Украине Симоном Петлюрой договор о совместных военных действиях против Советской России. В итоге польские войска к маю захватили Киев и вышли на левый берег Днепра.

Польские ученые справедливо полагают, что никто Пилсудского в Киев не приглашал. Он просто использовал трудное положение своих восточных соседей для достижения собственных целей. И нас не убеждают нынешние попытки отождествлять эти цели с интересами украинского, белорусского, литовского и других народов. Да и самой Польши. На рубеже второго десятилетия XX в. нельзя было подходить к решению судеб этих народов, прошедших длительный путь социального и национального развития, с мерками XVIII в.

Договор Пилсудского с Петлюрой («законным представителем украинского народа») походу на Киев законности не придает. Украинский народ уже выразил к тому времени свое отношение к Петлюре: никаких оснований считать его «законным представителем народа» не было. Да, Пилсудский намеревался утвердить на Украине власть Петлюры, который обещал Польше часть украинской территории. Однако даже в договоре с Петлюрой Пилсудский не заикнулся о федерации. Эта идея нигде не находила поддержки, и, сменив рассуждения о федерации на практические дела, Пилсудский пошел силой перекраивать территории соседних народов...

Но есть и другая сторона у этой истории. Почему Красная Армия — армия социалистического государства, так энергично провозглашавшего свое миролюбие, — не остановилась на этнической границе Польши, выпроводив войска Пилсудского за Буг? Кто ее приглашал или что заставляло двигаться дальше — на Варшаву?

В июле 1920 г., когда Красная Армия пересекла «линию Керзона», установленную Антантой в качестве восточной границы Польши, вопрос о мире обсуждался. Тогда Англия предложила Советской России заключить перемирие с Польшей и остановиться на этой «этнической границе» с соседней страной Советское правительство отклонило посредничество Англии, но выразило готовность вести мирные переговоры непосредственно с поляками, соглашаясь даже на некоторые отступления от «линии Керзона» в пользу Польши. Однако Варшава не ответила, и наступление продолжилось.

Красноармейцы шли по польской территории не как завоеватели. Многочисленные документы убедительно свидетельствуют, что идея порабощения польского народа была им глубоко чужда. 14 августа, накануне решающей битвы всей кампании, когда Красная Армия стояла на пороге Варшавы, Ленин поручил сообщить председателю русско-украинской делегации на мирных переговорах с Польшей К. Х. Данишевскому, чтобы он «начал с торжественного заявления

- а) независимости и суверенности
- б) границ больше (линии) Керзона
- в) никаких контрибуций»

Победа Красной Армии над белогвардейскими полчищами — защитниками российской монархии была одним из факторов, обеспечивших независимость возрождавшейся Польши. Бойцы Красной Армии руководствовались идеей помощи братьям по классу и в этом видели объяснение своего пребывания и на польской земле.

Надежды, иллюзии... И для многих советских идеологов и стратегов явилось неожиданностью, что по мере продвижения фронта к Варшаве симпатии населения к Красной Армии сменялись враждебностью. Это вызывало горечь и недоумение. Возникло стремление объяснить происходящее несознательностью масс, антисоветской пропагандой правящих классов, «крестьянским национализмом». Появилось клише

«панская Польша», а термин «белополяки» оказался распространенным на весь польский народ.

Между тем такой поворот событий предвидели польские коммунисты, которые хорошо чувствовали настроения в стране. Причина крылась вовсе не в мифическом «крестьянском национализме», а в национальном патриотизме поляков.

Ведь по мере приближения Красной Армии к Варшаве у польского населения усиливалось опасение, что с Востока польскому народу вновь угрожает национальное порабощение. Ленин понял тревогу поляков. «Мы знаем,— говорил он,— что величайшим преступлением было то, что Польша была разделена между немецким, австрийским и русским капиталом, что этот раздел осудил польский народ на долгие годы угнетения, когда пользование родным языком считалось преступлением, когда весь польский народ воспитывался на одной мысли — освободиться от этого тройного гнета».

Тот факт, что Красную Армию не стали поддерживать ни польские крестьяне, ни польские рабочие, подтвердили на IX Всероссийской конференции РКП(б) очевидцы. Так, член реввоенсовета 15-й армии Западного фронта Д. Полуян заявил: «В польской армии национальная идея спаивает и буржуа, и крестьянина, и рабочего, и это приходится наблюдать везде».

Неожиданное для многих советских руководителей и военачальников того времени объединение всех сил польского общества, и в том числе трудящихся, против Красной Армии, пришедшей к стенам Варшавы вследствие спровоцированных нападением на Киев военных действий, в сущности, можно было ожидать. Свою роль сыграло, в частности, их неумение верно оценить ситуацию, предвидеть последствия более чем векового угнетения польского народа, недостаточное уважение к его национальным чувствам. Сказалась и чрезмерная вера в то, что польские трудящиеся, которые вместе с народами России боролись с царизмом, уже готовы подняться на социальную революцию. И связанная с этим убежденность в реальности развертывания мировой революции. Осле-пленность этой перспективой.

Да, в первый трудный период становления Советского государства надежды на мировую революцию были в значительной степени надеждами на международную помощь и поддержку наших усилий. И 200 тыс. поляков вместе с другими интернационалистами приняли участие в Октябрьской революции, помогли утвердиться первой в мире Республике Советов. Однако надежды на быстрое развитие революционного процесса в Польше оказались преждевременными. Ни польская, ни мировая революция не состоялась. Больше того, в результате просчета польское рабочее движение оказалось резко ослабленным, а доверие к коммунистам — значительно подорванным.

В последующие десятилетия память о войне тяготела над советско-польскими отношениями. Они складывались трудно. Старый антирусский стереотип времен самодержавия в Польше не только не исчез, но закрепился, перенесенный на отношения к соседнему социалистическому государству. Антисоветизм лег в основу всей польской политики. В Советской стране тоже, в свою очередь, сложился стереотип «польской угрозы». Укоренилось вопреки реальной ситуации представление, будто мирная передышка носит временный характер и надо постоянно быть готовым к новым ударам. Подобные плоды взаимных предубеждений и враждебности известны. Нынешним летом М. С. Горбачев говорил в Варшаве на встрече в сейме: «Не будь, скажем, драматической для обеих сторон войны 1920 г., не сложись польско-советские отношения в межвоенные десятилетия так, как это случилось на практике, кто знает, как повернулись бы судьбы дальнейшего развития событий в Европе».

Ю. Пилсудский понимал, что Советская власть в Россию пришла надолго, поэтому в 1933 г. начал искать контактов и сближения с ней, хотя самую большую опасность он видел именно со стороны Советского Союза. Он стремился к установлению длительного мира со своим восточным соседом.

Такую позицию Пилсудского в 30-е годы в Советском Союзе понимали лучше, чем долгие годы после второй мировой войны. Понимали и ценили. Хорошей иллюстрацией сказанного могут послужить статья в «Известиях» от 14 мая 1935 г.,

спустя два дня после смерти Пилсудского, и выступление наркоминдела СССР М. Литвинова в Женеве 20 мая 1935 г., в котором Пилсудский был назван народным героем, человеком, стремившимся к миру в Европе, подписавшим с СССР пакт о ненападении.

...Много воды утекло с тех пор в Волге и Висле. По-прежнему по-разному истолковываются наиболее острые перипетии недавней совместной истории в различных кругах европейских стран. Со временем меняются государственные интересы. Да и западная пропаганда не может устоять перед искушением по-своему освещать то, что всегда волновало и будет волновать поляков. И примером тому может служить публикация корреспондентом агентства Франс Пресс от 20 октября 1988 г. из ПНР материала «О реабилитации Ю. Пилсудского в Варшаве»:

«Маршал Юзеф Пилсудский, провозгласивший независимость Польши в 1918 г., но официально преданный забвению после того, как коммунисты пришли к власти в 1945 г., постепенно реабилитируется.

28 июня 1919 г Версальский договор признал независимость Польши, провозглашенную маршалом 11 ноября 1918 г., после более чем столетнего раздела страны.

Однако коммунистические власти сочли возможным вычеркнуть его имя из учебников истории. В 1919—1920 гг он руководил боевыми действиями против Красной Армии и спас Польшу от большевиков, что побудило коммунистов заклеить его как империалиста.

Вместе с тем в последние недели в нынешних условиях гласности имя Пилсудского несколько раз всплыло в официальных органах массовой информации, в том числе на телевидении.

Региональный катовицкий совет официального Патриотического движения национального возрождения (ПДНВ) решил даже установить ему памятник в столице Верхней Силезии, где шахтеры несколько раз восставали против германских властей в 20-х годах, требуя включения Силезии в состав Польши.

ПДНВ, образованное после запрета в 1981 г. профобъединения «Солидарность», намерено доставить из Югославии конную статую маршала. Эта статуя была отлита в Югославии накануне второй мировой войны, но ее не удалось доставить в Польшу из-за разразившегося военного конфликта.

Польские власти также официально признали Общество памяти Ю. Пилсудского, которое поставило перед собой задачу добиться того, чтобы его роль в истории Польши была отражена в учебниках истории.

Общество обратилось к варшавским муниципальным властям с просьбой назвать площадь или улицу именем маршала, чтобы отметить 70-ю годовщину независимости Польши 11 ноября.

До начала последней войны одна из главных улиц столицы носила имя Пилсудского.

До недавнего времени лишь католическая церковь и польская оппозиция регулярно отдавали должное памяти маршала.

Хотя не так давно милиция пресекала открытие внучкой Пилсудского памятной доски в честь основателя польского государства в Лодзи, в столице власти рассматривают вопрос об издании мемуаров маршала, хранящихся в Вавельском замке в Кракове».

В том же стиле было выдержано и сообщение, распространенное в мире по каналам американского телеграфного агентства ЮПИ (Юнайтед пресс интернэшнл) 13 ноября 1988 г.:

«День годовщины независимости не отмечался после того, как коммунисты захватили власть в Польше в 1944 г., но 11 ноября (1988 г.— *Прим. Е. Б.*) польский лидер Войцех Ярузельский в военной форме генерала принимал парад польских вооруженных сил в ходе церемонии, состоявшейся в полдень у могилы Неизвестного солдата в

Варшаве, а военный оркестр исполнил марш, который до недавнего времени был запрещен.

Этот марш — «Мы первая бригада» — пели войска маршала Юзефа Пил-судского, который разгромил русских в бою под Варшавой в 1920 г. и отбросил их до Киева.

В числе других событий в пятницу, о которых передало информацию агентство ПАП, — сообщение о том, что в могиле Неизвестного солдата захоронен прах солдата, погибшего в бою с Россией в 1918 г., а польское телевидение передало мессу из воинского костела.

11 ноября в день 70-й годовщины восстановления независимости Польши состоялись религиозные церемонии в ряде костелов по всей стране с богослужением «во имя родины». Центральной была вечерняя месса в Кафедральном соборе св. Яна в Варшаве, которую отправлял секретарь епископата католической церкви в Польше архиепископ Бронислав Домбровский.

Помещение собора было заполнено до отказа, несколько сот человек толпились на улицах Старого города близ собора. Среди них были многочисленные активисты «Независимого союза студентов» (НСС), связанного с «Солидарностью», «Борющейся «Солидарности», «Конфедерации независимой Польши» (КНП), «Польской социалистической партии» и некоторых других подпольных группировок. Они с самого начала развернули транспаранты с лозунгами «Солидарности».

Архиепископ Б. Домбровский особо отметил роль церкви в движении за независимость Польши и подчеркнул, что каждому поколению поляков необходимо бороться за независимость страны. Если независимости нет, за нее надо бороться, если независимость ограничена, надо бороться за полную независимость, если независимость есть, надо бороться за ее сохранение, сказал он. Архиепископ призвал жить в мире внутри страны и с ее соседями

Собравшимся у собора раздавали листовки, подписанные «Борющаяся «Солидарность» и посвященные годовщине восстановления независимости Польни, которые носили явно антисоциалистический подстрекательский характер Героическая борьба польского солдата, говорится в листовке, не принесла Польше свободы после разгрома Германии. Снова пришел давнишний наш захватчик в еще худшем облике — недавний союзник Гитлера, обгаренный кровью замученных польских офицеров в Катыни и других еще неизвестных местах, убийца солдат Армии Крайовой, палач гражданского населения. Он до сих пор здесь, представленный полностью подчиненным ему режимом, который реализует его цели, режимом, чуждым стремлениям и настроениям общества. Поэтому мы снова задаемся вопросом о пути к независимости, согласие или бескомпромиссная борьба с коммунизмом или на этот раз деятельность в рамках легальной оппозиции? Нынешние начинания коммунистических режимов поддерживает гигантская пропагандистская кампания, призывающая вступить на одну из мирных «дорог». Зная, однако, существо коммунизма, нельзя обольщаться его заверениями. Есть ли еще сомнения относительно устремлений СССР?

Современную политику коммунизма, отмечается далее, политику «открытости», «гласности» и «демократизации», мы оцениваем как тактику выжидания. До лучших времен для разрушенной империи и обанкротившейся идеологии. Поэтому считаем, что к свободе и независимости ведет единственно дорога борьбы с коммунизмом.

По окончании богослужения ряд его участников, в том числе активисты подпольных группировок, с транспарантами и флагами «Солидарности» присоединились к колонне ветеранов войны со своими знаменами, которая под национальным флагом Польши направилась от Старого города по Краковскому предместью к могиле Неизвестного солдата на площади Победы. В шествии участвовало несколько тысяч человек. Некоторые несли зажженные факелы, пели патриотические и военные песни. Часть колонны, шедшая под флагами «Солидарности», скандировала: «Солидарность», «Лех Валенса», КНП, НСС, а также антикоммунистические лозунги. «1918 год: Польша будет такой, куда дойдет штык ее солдата», «1988 год: Польша будет столько, сколько Удастся вырвать ее у коммунизма» — гласила надпись на самом большом транспаранте.

На всем протяжении шествия милиция не вмешивалась в ее ход, помогая лишь освободить дорогу от транспорта, порядок на всем протяжении обеспечивали сами ор-

ганизаторы шествия. Колонну сопровождали по тротуарам тысячи горожан, которые собрались затем на площади Победы.

У могилы Неизвестного солдата состоялся митинг, который приобрел антисоциалистическую, антисоветскую окраску. В нем приняли участие Б. Геремск и Я. Куронь.

Вначале была проведена так называемая проверка погибших, в числе которых упоминались солдаты польско-советской войны 1920 г., «воины, погибшие в лагерях в Катыни, Старобельске, Осташкове и других», «жертвы сталинского террора», солдаты и офицеры Армии Крайовой, а также те, кто «погиб в борьбе за свободу и независимость после окончания второй мировой войны».

Затем выступил бывший поручик АК. некий Эдвард Богдан, который заявил, что Польша была независимой лишь в течение двадцати лет в период 1918—1939 гг. Оратор призвал собравшихся бороться за независимость страны в духе идеалов Ю. Пилсудского, которые он назвал немеркнущим образцом для подражания. Он призвал также бороться против обольванивания и спаивания нации.

Следующим оратором был один из руководителей «Солидарности», С. Яворский, который также разглагольствовал о том, что «Польша недолго была независимой». Польша должна стать свободной и демократической отчиной всех поляков, в том числе тех, кто живет вдали от родины. Яворский договорился до того, что в СССР якобы находится большое число поляков, которые боятся сказать открыто, что они поляки. Нашим идеалом, продолжил он, является Польша, окруженная дружественными народами — литовцами, белорусами, украинцами, немцами, живущими свободно и справедливо. Он пространно восхвалял достижения межвоенного двадцатилетия, когда страна была полностью независимой, и призвал собравшихся бороться за эти идеалы «до смерти». В качестве передового авангарда такой борьбы Яворский рекламировал «Солидарность».

Лидер «Конфедерации независимой Польши» Л. Мочульский огласил текст обращения к польскому народу президента лондонского эмигрантского правительства К. Сабата по случаю 70-летия восстановления независимости ПНР. Это послание содержало грубые выпады против польских властей и высказывания антисоветского характера, призывы бороться с «иностранным господством». Л. Мочульский поддержал обращение К. Сабата и добавил от себя, что освобождение уже близко. Вслед за Мочульским толпа троекратно повторила: «Мы верим, что независимость будет завтра».

Митинг у могилы Неизвестного солдата завершился возложением венков и цветов. Они были возложены от имени ветеранов Армии Крайовой, «президента» К. Сабата, различных структур «Солидарности», «Борющейся «Солидарности», КНП, «Польской социалистической партии» и других оппозиционных группировок. После митинга толпа без вмешательства милиции разошлась».

Подобные и достаточно драматичные интерпретации событий польской истории происходят постоянно. Полемика столкновения различных течений общественного мнения становятся даже детская литература и школьные учебники. Католическая газета «Слово повсехне» (18.10.1988) опубликовала интервью с одним из руководителей Института школьных программ при Министерстве национального образования ПНР — А. Щесньяком, в котором, в частности, говорится:

«Самой противоречивой проблемой является советско-польская война. Повсюду бытует мнение, что это война только 1920 г. В то же время она практически продолжала войну, начатую в 1918—1919 гг. Говоря о ее причинах, необходимо указать на два фактора, которые способствовали ее возникновению и привели к тому, что она стала неизбежной. Первый — это попытка реализовать идеи революции в мировом масштабе и начало так называемого красного похода на Запад. Вторым фактор — отношение Польши к своим восточным границам. Одна концепция принадлежит Дмовскому, желавшему включить в состав Польши небольшие территории, на которых проживали

небольшие национальные меньшинства. Вторую выдвигал Пилсудский, мечтавший о федерации Польши, Литвы и Белоруссии, а независимая Украина должна была оставаться союзником этой федерации.

В зарубежных учебниках распространена мысль, что «Польша принимала участие в интервенции против Советской России». Такая трактовка совершенно неправильна. Пилсудский не собирался уничтожить советский строй. Свидетельством тому может послужить факт, что, когда Красная Армия вела борьбу с Деникиным в ноябре 1919 г. и Врангелем в 1920 г., польские войска воздержались от военных действий. А также факт, что вопреки пожеланиям Антанты Польша прекратила эту войну. С точки зрения Пилсудского, она велась только с целью охраны безопасности государства».

Председатель польской части совместной комиссии историков СССР и ПНР Я. Мацшевский, встретившись с журналистами 1 июля 1988 г., отметил, что комиссии известны основные факты, проблемы и оценки событий 1919 и 1920 гг. Необходимо, сказал он, чтобы каждый поляк и житель СССР могли пользоваться совместно написанной учеными двух стран монографией о польско-советской войне 1920 г. Я. Мацшевский также предложил издать приложение к этой монографии, в которое бы вошли книги маршалов Пилсудского «1920 год» и Тухачевского «Возвращение за Вислу».

Интересно мнение на этот счет другого видного польского историка, декана исторического факультета Варшавского университета профессора Анджея Горлицкого, высказанное в беседе со специальным корреспондентом «Нового времени» (№ 45, 1988) профессором Рудольфом Борецким:

«**Новое время**». А не упустили ли мы еще один, так сказать, личный фактор? Я имею в виду фигуру Юзефа Пилсудского. Многие считают, что «начальник государства польского» сыграл существенную роль в подготовке, развитии и особенно в завершении рассматриваемого нами процесса... (возрождения польской независимости в 1918 г.— *Прим. Е. Б.*)

А. Гарлицкий. Пилсудский сыграл роль, которая политикам выпадает нечасто. Нечто подобное можно было бы сказать о роли Уинстона Черчилля в Англии во время второй мировой войны. Роль Пилсудского — роль символа. Ведь для каждого крупного массового движения важно иметь свой символ, в котором персонифицировались бы его устремления. Пилсудский был наделен всеми чертами, необходимыми для того, чтобы в массовом сознании стать символом борьбы за возрождение Польши. Его поддерживали и левые (не говорю здесь о коммунистах, так как они придерживались совершенно иной позиции в отношении независимости Польши, оставаясь сторонниками европейской и мировой революции, а потому — противниками создания буржуазных государств), и правые. Таким образом, не только в массовом сознании, но и в оценке политиков Пилсудский был той личностью, которая могла способствовать национальному единению.

«**НВ**». В общем, стал легендой...

А. Г. И в этом как раз состоит его роль в завершении процесса обретения национальной независимости и создания польского государства. Конечно, историки должны ответить на вопрос, насколько реалистична эта легенда. Мы же говорим о факте социальном. Легенда ведь всегда — явление общественное.

«**НВ**». Вспоминая события многотрудной польской истории, не могу не согласиться с часто повторяемым самими поляками суждением о ней как об «истории многих неиспользованных возможностей». Но напоминает и хорошо известный афоризм: «знать, чтобы мочь». Иначе говоря, учиться на историческом опыте, чтобы избежать повторения ошибок. В этой связи вопрос: чему учит поляков их история сегодня, в нынешней непростой политико-экономической ситуации? И может ли история чему-нибудь учить?

А. Г. Это напоминает мне известное утверждение: «история — учитель жизни». Я не согласен с таким суждением. История — не цепь аналогий, повторений и совпадений. Нельзя из нее делать прямолинейные выводы. Она может учить лишь тому, что нет простых решений, однозначных причин и непосредственно вытекающих из них последствий».

* * *

В демократическом цивилизованном обществе историческая память—важное поле деятельности ученых и политиков, всего народа. Поляки не могут забыть, что в XX веке они дважды обретали национальную независимость, и оба раза благодаря собственным героическим усилиям, помноженным на мужество деятелей Советского государства и самопожертвование солдата Красной Армии.

Как польское общество оценивает отношения между СССР и ПНР? Считает ли оно, что необходимо что-либо в них изменить? Какими должны быть перемены? Ответы на эти вопросы регулярно публикует варшавский Центр по изучению общественного мнения. Приводимые данные взяты из газеты «Трибуна люду» (25.02.1989):

«Уже три года этот известный в Польше социологический центр систематически изучает советско-польские отношения. Последний опрос, проведенный в октябре 1988 г., показал, что 63,9% опрошенных считают их хорошими, а плохими — 8,1%. Был задан также вопрос о динамизме этих отношений. 53,2% полагают, что в них что-то меняется, противоположного мнения придерживаются 45% анкетированных. Одновременно 64,8% утверждают, что отношения должны меняться, 30,3% думают, что необходимости в этом нет.

С целью определения основных направлений перемен центр задал дополнительные вопросы по отдельным темам. Среди них можно выделить следующие:

1. Ликвидация «белых пятен», правда об истории советско-польских отношений. 19,3% считают, что ситуация в этой области меняется, 8,7% — что должна меняться.

2. Гласность, открытая информация о том, что происходит в СССР и Польше: соответственно 8,3 и 3,3%.

3. Экономическое сотрудничество, партнерство, товарообмен: 6,4 и 22,4%.

4. Вмешательство СССР во внутренние дела Польши, зависимость Польши от Советского Союза: 4,7 и 17,1%.

5. Обмен туристами: 4,6 и 8,5%.

Других тем — сближение обоих народов, отношение русских к полякам и поляков к русским, проблема проживающего в СССР польского национального меньшинства, культурно-научное сотрудничество, обмен опытом — коснулось только небольшое число опрошенных: от 0,1 до 4,1%.

Многие опрошенные критически оценивают отношения между социалистическими странами в рамках СЭВ, считают, что здесь необходимы коренные перемены.

А как относятся поляки к Советскому Союзу? С симпатией — 60,9%, с безразличием — 17,7%, враждебно — 21,7%. Анализ показывает, что две трети опрошенных к Советскому Союзу относятся с двойственным чувством: видят как плюсы, так и минусы. Позитивно настроено около 23%, негативно—12,5% опрошенных».

Любой чуточку циничный историк скажет вам, что в 40-х годах нашего века поляки много путешествовали... Но перемешались они не по своей воле, а за казенный счет. Гитлеризм миллионами гнал поляков на принудительные работы в рейх, а евреев — в газовые камеры. Сталинизм вывез в глубь России около 1,5—1,8 млн поляков. А следует помнить, что после 17 сентября 1939 г. в СССР оказа-

лось 12 млн жителей Польши. Наряду с украинцами, белорусами, евреями, писала газета «Речь Посполита» (2.03.1988), было около 4 млн поляков. К ним следует причислить беженцев с территорий, оккупированных немцами. На основании декрета от 29 ноября 1939 г. все они стали советскими гражданами. Правда, были и такие, которые советское гражданство не приняли.

В далеком 1928 году в Польше был создан «Союз сибиряков» в память о сосланных участниках ноябрьского и январского восстаний против царского самодержавия. Деятельность союза прервала война 1939 г. Через 50 лет он вновь продолжил свою работу. Однако нынешний объединяет тех поляков, которых коснулись репрессии со стороны Советского Союза. В этом контексте можно определить четыре главные категории потерпевших. Первая — военнопленные, взятые Красной Армией после ее вторжения в Польшу 17 сентября 1939 г. Вторая — польское гражданское население, вывезенное в массовом порядке в глубь СССР. Третья — поляки, вывезенные позднее и после разоружения частями НКВД подразделений Армии Крайовой после 1944 г. Четвертая — известные деятели польского народа, арестованные и вывезенные из Польши во второй половине 40-х годов. Председатель «Союза сибиряков» так объяснял свои задачи в интервью католическому еженедельнику «Лад» (16.02.1989):

«Для нас Сибирь не является только географическим понятием. Это символ первых царских репрессий, затем Сталина и его присных. Сибиряками являемся и мы, как еще живущие, так и семьи тех, кто погиб или был убит в ссылке.

Согласно уставу союза, мы намерены реализовывать три главные цели — оказывать помощь членам союза, заботиться об инвалидах и членах семей погибших и убитых сибиряков, увековечивать память сосланных поляков. Конечно, нас обременяет трагедия прошлого, от которой мы не можем отказаться как от тяжелого балласта. Но одновременно мы не хотим обременять отношений между живущими на рубеже нашего столетия поколениями поляков, русских, украинцев, белорусов, литовцев и всех народов Советского Союза. Тень могил не может помешать сближению с теми, кто приезжает к нам, сближению, достигнутому не путем затирания следов, а путем совместной моральной, юридической и политической оценки системы, создавшей и пустившей в ход эту террористическую машину.

Это великое искусство — говорить громко о том, что было плохо, однако не для того, чтобы мстить, а чтобы освободить советско-польские отношения от взаимных обид. Наш союз не будет настраивать людей против СССР. Одной из характерных черт политики нашей организации является десталинизация. А этого можно добиться только путем громкой правды, свободной от умолчаний и различных манипуляций. Однако мы не должны позволить втянуть себя в политическую ненависть в силу личных побуждений.

До сих пор наш союз, как и многочисленные его члены, предоставлен самому себе. Правительство ПНР не приняло никаких шагов, чтобы возместить ущерб тем, кто был насильственно лишен свободы, замучен голодом, принужден к непосильному труду. Многие инвалиды и люди старшего возраста бедствуют. Мы считаем, что годы, проведенные в СССР, должны быть засчитаны в трудовой стаж так, как засчитывается служба в армии, в плену или в концентрационных лагерях. Следует также вернуть всем воинские звания, которые польские военнослужащие имели до 1939 г.

Отдельной проблемой являются проживающие сейчас в СССР сибиряки. Они ведь тоже не выехали туда добровольно. Многие просто остались в тех местах, где содержались в лагерях. Раньше до нас доходила информация о желании поляков выехать из СССР, о стремлении пригласить к себе родных; об открытии польских школ. Союз намерен помочь им сохранить свою польскую самобытность. Мы намерены также открыть фонд, который позволит оказывать помощь старым людям. Для нас, сибиряков, самое важное, чтобы нас не считали теми, кому необходимы жалость и сострадание. Свою деятельность мы хотим сконцентрировать прежде всего на том, что необходимо сделать, чтобы больше никогда не повторялось прошлое, которое нам пришлось пережить».

С начала 1989 г. и в комиссии сейма по жалобам и предложениям населения, и в Министерстве труда и социальной политики ПНР велись дискуссии, в том числе и переговоры с советской стороной, о выплате компенсации с советской стороны полякам, находившимся на территориях, вошедших в состав СССР после присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939 г. С требованиями о такой компенсации обращаются в парламент польские граждане.

Во время второй мировой войны и в послевоенные годы были четыре волны реэмиграции поляков из СССР. Многие покинули страну с армией генерала Андерса, другие вступили в первую армию Войска Польского. После войны была проведена операция «Висла», и часть людей вернулась на родину в 1957 г. В 1944—1948 гг. в Польшу прибыло из СССР 1 517 988 репатриантов. Среди них были рабочие крупных промышленных предприятий, учителя, работники умственного труда, артисты, представители свободных профессий из Львова, Вильнюса и других мест. Столь точные данные почерпнуты из вышедшей в 1987 г. в Варшаве книги Яна Чернякевича «Репатриация польского населения из СССР в 1944—1948 гг.», которая написана на материалах польских государственных и партийных архивов.

За пределами Польши проживает на сегодня 12—14 млн лиц польского происхождения. В Советском Союзе находится самая большая после США колония поляков. Большинство из советских этнических поляков никогда не эмигрировали из Польши. Передвинулись пограничные столбы, люди оказались на чужбине, и вины их в этом никакой нет.

Как и перед войной, самое большое количество поляков, проживающих в СССР, было во Львове, Вильнюсе и Гродно. Около 100 тыс. поляков проживают в РСФСР. Например, недалеко от Иркутска находится деревня, в которой все жители говорят по-польски. Подобные деревни можно найти на Сахалине, близ Смоленска. Около 60 тыс. поляков проживают в Латвии. В Казахстане также засчитывается 50—100 тыс. человек польского происхождения, куда они были переселены в 1936—1938 гг. в результате сталинских репрессий. Многие годы они официально как будто и не существовали. Хотя когда-то все было иначе. Ленинские принципы национальной политики предусматривали свободное развитие национальных меньшинств и этнических групп, не имеющих собственной территории. Было открыто польское бюро при ЦК ВКП(б) и соответствующие бюро при комитетах Компартий Белоруссии и Украины, работал польский комиссариат при Совете по национальным вопросам Совета Народных Комиссаров, польские советы депутатов и уполномоченные по польским делам. Действовали также бюро просвещения в РСФСР, в Белоруссии и на Украине, где работало 500 польских школ, а еще в 200 польский язык был вторым языком. Издавались книги и учебники, более десяти газет, в том числе центральный общественно-культурный журнал «Советская трибуна». В 1922 г. было создано культурно-просветительское общество «Труд», которое в 1927 г. имело на Украине 24 клуба, 42 библиотеки, 135 читален.

Проблемы проживающих в СССР поляков перестали быть запрещенными темами. Ими готово заниматься влиятельное польское общество «Полония», помогающее поддерживать культурные и личные связи с этнической родиной. Об этих проблемах взхлеб заговорила как польская, так и западная пресса. Появился сюжет для очередных политических спекуляций. Вот как трактует тему поляков в СССР варшавский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» (22.11.1988):

«Варшава. Ян Платер-Гаевский пережил годы заключения в одной из московских тюрем и многочисленных аресты и допросы советской милиции. Единственное преступление этого 79-летнего выходца из Кракова состояло в неустанной защите им прав 1—2 млн этнических поляков, разбросанных по всему Советскому Союзу.

Сейчас Платер-Гаевский, проведший большую часть своей жизни в этнических польских поселениях в Казахстане, стал своего рода героем среди поляков. После многих лет молчания жизнь этнических поляков в Советском Союзе улучшилась благодаря проводимой Москвой новой политике гласности и большей терпимости в отношении этнических меньшинств.

Официальная польская печать в своих публикациях под такими заголовками, как «Польская культура в Белоруссии» и «Они никогда не эмигрировали из Польши», привлекает внимание к жизни этих далеких дальних родственников. В условиях либерализации въезда в СССР репортеры польского телевидения приезжают в такие города, как столица Литвы Вильнюс, чтобы брать интервью у людей, говорящих по-польски.

Частные польские предприниматели борются за установление коммерческих связей с предприятиями на Украине. Минувшим летом делегации из Литвы впервые приняли участие в ежегодном фольклорном фестивале в Кошалине, где на конкурсной основе выступали танцоры из Канады, Соединенных Штатов и Австралии.

В сентябре, когда примас католической церкви Польши кардинал Юзеф Глемп совершил первую после второй мировой войны поездку главы польской католической церкви в Белоруссию, его приветствовали восторженные толпы говорящих по-польски верующих.

Отчасти открытие вновь польских общин отражает новую советскую политику либерализации в отношении национальных меньшинств и изменение отношения советских властей к церкви. Но эта политика также вновь ставит сложные вопросы о польско-советских отношениях, вновь открывая черные главы истории, особенно сталинского периода.

Судьба Платер-Гаевского является как раз показательным примером. В одном из своих недавних интервью он рассказал, как попал в советский плен в 1939 г., являясь польским солдатом, после того как советские войска заняли Львов.

Позднее он провел два года в одной из московских тюрем, прежде чем его выслали в польские поселения в Казахстане, куда Сталин переселил поляков из западных районов, считая их угрозой для советской обороны в случае нацистского вторжения.

В 1962 г., для того чтобы ослабить нехватку школ, учебников и учебных пособий для польских учащихся в Казахстане, Платер-Гаевский начал организовывать группы самопомощи. В 1969 г. он получил разрешение для поездки в Польшу, чтобы попытаться убедить издателей передавать нераспроданные газеты и использованные учебники польским поселенцам.

Последовали выставки польских плакатов и ознакомительные поездки из Гданьска и Кракова в разбросанные польские общины на востоке страны.

Эта деятельность вызвала подозрение у советских властей. В 1972 г. Платер-Гаевский был арестован и обвинен в антисоветской деятельности. Позже он был освобожден. Сейчас он надеется использовать расширившуюся открытость в Советском Союзе, чтобы получить новую помощь для восточных поляков.

«Мы хотим делать все то, что мы делали всегда, только в массовом масштабе», — сказал он.

В последнее время он оказался в центре внимания в Польше, где оживляются национальные чувства и где правительство после многих лет молчания вновь открыло тему поляков, живущих к востоку от польской границы.

Варшава расширила свои дипломатические связи с этими поляками. Во Львове открыто консульство, и еще одно начнет работать в Вильнюсе в ноябре в Дополнение к консульствам, уже действующим в Москве, Ленинграде, Минске и Киеве.

В этом году 20 польских студентов из Литвы учатся в Кракове, в следующем году число таких студентов достигнет 100 человек. Варшава хочет расширить снабжение школьными учебниками и молодежные обмены между Польшей и анклавами, расположенными к востоку от границы.

Вся эта деятельность направляется через официальную организацию «Полония», которая до сих пор специализировалась на поддержании связей Польши с объединениями поляков на Западе.

В элегантной штаб-квартире «Полонии» в одном из дворцов на окраине варшавского Старого города заместитель генерального секретаря этой организации Станислав Зажецкий сказал, что, по данным советской статистики за 1979 г., в Советском Союзе проживают 1,15 млн поляков. По его словам, сегодня эта цифра, возможно, превышает 1,2 млн человек. Эмигрантские организации на Западе оценивают численность этого населения гораздо большей цифрой — от 2 до 2,5 млн человек.

Мало кто из них хочет переехать в Польшу, сказал он, поскольку большинство этих людей являются коренными жителями обширных районов на Западе Советского Союза. Около 400 тыс. человек живут в Белоруссии, 270 тыс. — на Украине и 250 тыс. — в Литве.

Этот поворот в советской и польской позициях проявился на встрече в апреле 1987 г., когда советский руководитель Михаил Горбачев и польский руководитель генерал Войцех Ярузельский договорились ликвидировать «белые пятна» в сложной истории отношений двух стран. Польские культурные организации были созданы в Вильнюсе, в Гродно и во Львове.

Зажецкий сказал, что жизнь этнических поляков в Литве «несколько лучше», там с конца 50-х годов действует 95 школ с преподаванием на польском языке. Там действуют фольклорные коллективы и польский театр.

«Однако в Белоруссии ситуация очень сложная, — сказал он. — Там нет польских школ, и, хотя в Литве 88% поляков говорят по-польски, в Белоруссии по-польски говорят лишь 15% поляков».

Должностные лица «Полонии», как и Зажецкий, называют своими главными задачами получение учебников и литературы на польском языке, обучение преподавателей для польских школ и организацию молодежных обменов между Польшей и Советским Союзом.

Правительственные контакты организуются параллельно деятельности польской католической церкви в стремлении удовлетворить духовные запросы поляков в районах, которые пережили преследования верующих, закрытие костелов или превращение их в музеи, преследования и заточение священников в тюрьму. Польские священники добиваются улучшения своего положения в Советском Союзе, увеличения числа ксендзов и восстановления костелов, пострадавших от разрушений или же используемых в светских целях.

Другой точкой зрения является то, что может быть достигнут лишь незначительный прогресс в обеспечении прав этнических поляков на территории Советского Союза, пока не будет покончено с некоторыми из исторических призраков.

Например, на бывших восточных территориях довоенной Польши тысячи польских офицеров были взяты в плен советскими войсками, оккупировавшими этот район в соответствии с условиями заключенного между Гитлером и Сталиным пакта. Около 15 тыс. пленных офицеров исчезли, о них больше никто не слышал. И именно из этих районов были депортированы миллионы поляков, которых переселили за сотни километров по приказу Сталина после второй мировой войны.

Эти события, которые живут в памяти большинства поляков, символизированы для многих в катынской трагедии.

«Пока психологический подход поляков к Советскому Союзу не изменится, любые позитивные изменения будут недолговечными, — сказал Платер-Гаевский. — Пока не будет полностью признана моральная, юридическая и экономическая ответственность Советского Союза за действия, совершенные в период с 1939 г. по 1960-е годы, пока этою не будет сделано, даже самая лучшая система не будет достаточно хорошей».

К сожалению, ни один западный «голос», вещай он хоть круглосуточно по радио или даже с телеэкрана, ни один буржуазный доброхот не в состоянии сделать то, что может совершить сама нация, — осознать политические реалии, ничего не преувеличивая и не преуменьшая. Вполне возможно, что действительная картина польско-советских отношений отличается от той, которую себе рисуем

мы, поляки. Такую гипотезу в интервью Гданьском воеводской газете «Глос выбжежа» (4.08.1988) развивает доктор исторических наук из Варшавского университета Влодзимеж Борозея:

«Ведь не могло быть так, что после 1944 г. в Польше установилась идеальная жизнь, которую мutilовали только Сталин с Берией. Как перенесло польское общество шок от потери Вильнюса и Львова? Какой образ Польши рисовался в послевоенной советской печати? Какие отношения складывались между властями в Москве и Варшаве сразу после войны и после октябрьских событий 1956 г.? Это только несколько требующих ответа вопросов, а их имеется значительно больше.

В самой Польше в послевоенное время пропагандировались два взаимоисключающих мифа. Один был официальный, согласно которому народная Польша шла по пути прогресса, который время от времени прерывался периодом «ошибок и перекосов». Позднее же все возвращалось к норме, потому что партия находила единственно правильное решение для выхода из создавшейся ситуации. Существует и другой миф — неофициальный, но, как и первый, упрощенный до границ абсурда, пришли русские, которые на штыках принесли нам коммунистическую власть, и с того времени на штыках эта власть и держится. Решения за нас принимают «они», потому что сами мы ничего толком не способны сделать.

Все отчасти происходит от того, что историки, особенно до 1980 г., практически не имели доступа к архивным документам. Сейчас положение несколько улучшилось, однако оказалось, что даже возможность пользоваться материалами заседаний Политбюро ЦК ПОРП не во многом помогает. Многие документы были уничтожены в 1955—1956 гг. Большая группа документов систематически подделывалась. Вместо стенографических записей существовали так называемые протокольные листки, из которых можно лишь узнать, какие вопросы поднимались и какое решение было принято. Большинство вопросов решалось по телефону. В этом я убедился при изучении документов Министерства иностранных дел ПНР 1945—1947 гг. Однако не теряю надежды, что в течение двух-трех лет кое-что удастся восстановить. Здесь большую роль должны сыграть архивы воеводских комитетов ПОРП и народных советов. В критическом состоянии находятся биографические документы. Практически ни один руководитель страны, кроме В. Гомулки, после 1944 г. не имеет глубокой исторической биографии. Мы также должны ответить на вопрос, насколько сталинизм изменил польское общество. А этого можно достичь только при непосредственном изучении того, как вели себя поляки в октябре 1956 г. Известно, что они вели себя иначе, чем в 1970 или 1980 гг.».

Феномен сталинизма опасен не столько активностью преходящих политических фигур, его олицетворяющих, а системой тотальной лжи, которая насаждается в массах и деформирует все социальные, экономические и моральные основы общества. Социологические исследования общественного мнения наглядно показывают, как меняются, зреют чаяния людей, требующих уже не смены функций, а реформации идеологии и общественных законов, становления демократии и эффективного управления. Идут эти процессы обычно медленнее, чем нам бы этого хотелось.

Под заголовком «Что такое сталинизм» еженедельник Демократической партии «Тыгодник демократичны» (15.01.1989) поместил статью Б. Гохне, выдержки из которой представляют несомненный интерес:

«1988 г. од изобиловал сообщениями о преступлениях умершего почти 36 лет назад Сталина. Официально уже никто не выражает сомнений относительно негативной оценки деятельности самого Сталина и необходимости ликвидации последствий сталинизма. Однако перемены осуществляются внутри той же общественной формации

и под руководством элитарной власти, исторически обремененной грехами старой системы управления. Этот факт вызывает замешательство. Необходимо точно определить все, что приводит к тому, что старые структуры и навыки существуют слишком долго.

Сталинизм был и, к сожалению, остается во многих сферах нашей действительности тоталитарной системой репрессий, прежде всего в отношении личностей. Основа и сущность сталинской системы заключены в самом обществе, которое исповедовало двойную мораль — напоказ и для себя.

Ускоряют ликвидацию сталинской системы не те меры, которые вытекают из попыток заменить ее другой тоталитарной системой управления, а те, которые вытекают из естественной разнородности человеческих личностей в обществе. Именно индивидуальности больше всего помогают М. С. Горбачеву в перестройке, а в Польше включаются в процесс дальнейшего успешного развития плюрализма в обществе.

Независимость — это Польша минус сталинизм. Звучит? Но чтобы не впадать в подобного рода упрощения, послушаем лучше, что говорит один из наших самых уважаемых обществоведов — профессор Ян Щепаньский в интервью газете «Жиче Варшавы» (11.04.1988):

«Вопрос. Десять лет назад вы написали «Дела людские» — книжку необычную, для многих поразительную. Были это, как вы сами оценивали, «размышления с точки зрения здравого рассудка», а единственным авторитетом, на который делалась ссылка, был «средний Ковальский, решающий свои дела рано утром в понедельник, когда снова собирается на работу и перед ним перспектива новой рабочей недели». Если вы не против, хотел бы напомнить об этом символическом образе и задать вопрос: как чувствует себя Ян Ковальский весной 1988 г.? Что изменилось в его взглядах?

Ответ. «Дела людские» — это книжка, вызывающая наибольший интерес из всего, что я написал. Может быть, потому, что касается проблем, которые заботят всех? Прошли, однако, годы, и я также задаюсь вопросом: что же сейчас? Есть ли у нового поколения, которое вступает в самостоятельную политическую и профессиональную жизнь, подобное же отношение к этой книге, как у его ровесников того периода, когда она была впервые опубликована? Трудно мне сказать, я не располагаю никакими материалами, кроме тех, которые можно прочитать в различных докладах по проблемам молодежи. Во всяком случае, думаю, что самым важным и актуальным в «Делах людских» являются проблемы личности.

Я выдвигаю тезис о двух способах существования человека: как общественного существа и как индивидуальности.

Все наше воспитание направлено на то, чтобы развивать человека как общественное существо, обладающее общими и подобными чертами с другими людьми, со всей национальной общиной или с целым людским родом. Думая, что можно людей улучшать, совершенствовать путем развития общественных черт, мы пришли к критической точке, определенной границе.

Конечно, человек — существо общественное, и он должен быть подготовлен к функционированию в обществе. Но хотелось бы обратить внимание на то, что все дела людские, в равной мере добрые и те, которые мы называем плохими, вытекающими из эгоизма, ненависти, жадности власти и богатства, представляют собой явления, рождающиеся в общественной сфере, возникающие в отношениях между людьми. Готовясь к жизни в обществе, мы должны, следовательно, готовиться также к борьбе, защите своих интересов; в силу этого совершенствование человека путем интенсификации его обобществления усиливает также отрицательные стороны его деятельности.

Поэтому предлагаю большее внимание сосредоточить на индивидуальности человека — на комплексе тех черт, которые отличают его от всех других экземпляров породы homo sapiens. У каждого человека ведь есть уникальные, неповторимые черты, которые определяют его личность. Моя гипотеза исходит из того, что в сфере индивиду-

ального способа существования кроются мощные резервы улучшения личности, равно как и совершенствования общества. Как индивидуальность он способен на творчество.

Вопрос. Какое значение имеет тот факт, что индивидуальность, равно как и большие сообщества людей, может одинаково хорошо проявлять как прогрессивные, так и консервативные черты?

Ответ. Хочу напомнить, что понятие прогресса появилось в XVII в. Перед этим считалось, что на заре человеческой эры был золотой век, а позднее наступила деградация, которая прогрессирует. Только в XVII в. одновременно с новыми открытиями, развитием современной науки и техники была создана теория о том, что человечество по мере развития прогрессирует, то есть наступает совершенствование в сферах морали, политики, экономики, повышение жизненного уровня и т. п.

Уже позднее, в XIX в., появились мнения о замедлении этого процесса. Стали развиваться консервативные теории, свидетельствующие о необходимости придерживаться того, что в истории проверено, что быстрые, необдуманные изменения вызывают опасные последствия и т. п. Современный опыт интенсивного развития убеждает, что технические нововведения имеют отрицательные последствия как для человека, так и для окружающей среды.

Я не имею определенного мнения по этому поводу, но думаю, что плюсы и минусы прогресса уравниваются. В каждом обществе имеется определенного рода равновесие между тем, что изменяется, и тем, что остается неизменным, а также между тем, что может измениться и что не должно изменяться. Каждое общество, чтобы сохранить свое лицо, должно сохранять определенные ценности и одновременно для удержания своего места в ряду других народов должно достаточно быстро развиваться.

Вопрос. На протяжении многих лет Ковальскому (среднему гражданину. — *Прим. Е. Б.*) говорили, что он хорошо работает, является прекрасным отцом и, регулярно оплачивая членские взносы, является прогрессивным человеком. Сегодня оказалось, что этого мало. От него требуют активной предприимчивости, его обвиняют в том, что он пассивен, своими привычками и опасениями тормозит реформы.

Ответ. Главный тормоз реформы не в манере жизни, а в учреждениях. Если в течение сорока лет народ убеждали, что кто-то иной за него думает и руководит, а он должен только точно выполнять свои обязанности, то нет ничего удивительного, что люди теперь боятся предприимчивости, к которой их усиленно призывают. Это является естественным и неизбежным. Если посмотреть на то, что происходило на пороге XVIII и XIX вв., то есть уже в период промышленной революции, то можно увидеть подобные явления. Каждый общественный строй имеет свойство закостеневать. Чтобы преодолеть это состояние, необходимо предпринимать изменения, иногда даже революционного характера. Только нужно помнить, что каждая революция проходит через муки, и с этим ничего невозможно сделать.

Вопрос. Люди спрашивают, можно ли действовать и стоит ли действовать?

Ответ. Как же можно жить не действуя? Общество не может совершить самоубийство путем лишения отдельных личностей гражданской активности. Однако эта деятельность автоматически не ведет к успеху. Нельзя исключать того, что некоторые, отдельно взятые личности не будут иметь успеха.

Вопрос. Меня интересует, однако, почему столько внимания в ваших теоретических трудах вы посвящаете домашнему хозяйству?

Ответ. Домашнее хозяйство является основным звеном народного хозяйства. Многие вопросы решаются именно на этом уровне, хотя плановое хозяйство их очень долго игнорировало.

Вопрос. Не преувеличиваете ли вы с этой верой? Является ли домашнее хозяйство настолько сильным, чтобы дать импульс действительным изменениям? Не ослабил ли их кризис?

Ответ. Мне уже 75 лет. И, как оказалось, я живу в непрерывном кризисе, причем настоящий кризис, который обычно связывается с нищетой и массовой безработицей, был только в 1929—1932 гг. Сегодня не все чувствуют кризис. Эта тема является очень большой.

Вопрос. В то же время повторяют, что реформа — это сложный процесс, а Ян Ковальский (то есть имеется в виду пресловутый средний гражданин.— *Прим. Е. Б.*) видит, что он все больше и больше затягивается...

Ответ. Грабскому хватило четырех месяцев. В январе 1924 г. был принят закон, а в апреле реформа была уже закончена. Что сделал Грабский? Он эффективно сократил занятия и заработки в государственном секторе, а также расходы на армию. Кто бы сейчас попробовал прибегнуть к этому методу?

Вопрос. А может быть, сегодня самые большие возможности заключаются в движениях снизу, в зарождающихся кампаниях, клубах, обществах и т. д.? Я имею в виду как народное хозяйство, так и общественную жизнь.

Ответ. В каждом обществе имеют место два процесса. С одной стороны, спонтанный естественный процесс жизни, вытекающий из того, что люди — живые организмы, которые должны дышать, питаться, обогреваться и пр. Несмотря на то, какой господствует общественный строй, какова организация экономики, люди должны воспитывать своих детей, приспосабливать их к самостоятельной жизни. С другой стороны, мы имеем опытную государственную администрацию, которая хочет все как-то отрегулировать.

Чем меньше руководят и регулируют, тем выше шансы на то, что люди собственными силами будут в состоянии решить собственные проблемы. А если им отказывать в праве на экономическую инициативу, то их нужно держать в узде. Поэтому в каждом заработке должны содержаться возмещение ущерба за лишение граждан этого права и рента на жизнь.

Вопрос. Реформа так или иначе развивается, и мы, вероятно,ждемся подлинного рынка. Хотя специалисты считают, что это будет рынок скорее типа перуанского, чем французского, но...

Ответ. Я в этом не разбираюсь. Знаю только, что у нас существуют две экономические фикции. Первая — что можно всего добиться путем четкого планирования, исходя из предпосылки, что некий главный плановик всеведущ и умеет все предвидеть. И вторая, в равной мере ошибочная, сводится к тому, что если бы мы ввели свободный рынок, то сразу бы начали действовать регулирующие механизмы.

Совершенного рынка нет нигде, равно как и совершенного планирования. Есть только некоторые процессы, которые поддаются планированию и управлению, а есть такие, которые проходят стихийно.

Вопрос. Например, в домашних делах? Столько говорится о бегстве поляков в домашние дела, в личную жизнь. Не усматриваете ли вы в этом опасность эгоизма, отхода от мышления общественными категориями?

Ответ. Как раз наоборот, я считаю, что это явление весьма благоприятное и сегодня очень нужное. Многие несчастья Польши объясняются тем, что людей отрывали от семей и домов, вовлекая в общественную жизнь, которая была зачастую пустой и рассчитанной лишь на внешний эффект. Я убежден, что дом, семья и домашнее хозяйство являются основой правильного функционирования каждого общества.

Вопрос. В польских домах имеются уже десятки тысяч видеомагнитофонов, компьютеров, все больше становится антенн спутникового телевидения. Это должно вести к изменению положения личности и семьи в обществе?

Ответ. Но все общество тоже изменяется. Уже старый Маркс сказал, что изменяются средства производства, производительные силы, техника и если производственные отношения не соответствуют этим переменам, то они будут ликвидированы и заменены новыми. Электроника входит в нашу жизнь, нравится это кому-либо или нет, и она будет во все большей мере изменять эту жизнь.

Вопрос. Философы предсказывают уже, что, например, рабочий класс в его традиционном понимании исчезнет, а появится новый, который будет обладать средствами массовой информации. Насколько реальна такая перспектива? Не пора ли на эту тему начать дискуссию?

Ответ. Может быть. Вспоминаю историю с прогнозами в середине XIX в., когда обсуждалось, что же произойдет, когда Париж так разрастется, что ему потребуется несколько миллионов карет и для этого половину Франции придется засеять овсом...

Электроника действительно многое меняет, однако не изменит главного — психологической структуры стремлений и запросов человека.

В начале 30-х годов много говорилось о том, как самую тяжелую работу за нас будет делать атомная энергия, какими дешевыми, неограниченными запасами будет обладать человек. Позднее оказалось, что атомная энергия была использована для уничтожения Хиросимы и Нагасаки, потому что не сократились запасы людской ненависти, шовинизма, которых не уменьшает ни ядерная энергия, ни микроэлектроника.

Вопрос. Можете ли вы дать какой-нибудь совет молодым людям, начинающим свою общественную и производственную жизнь?

Ответ. Это очень трудно. Желаю им деловитости. И еще — чтобы не были плачущим поколением, а смело брали в свои руки дела. И чтобы были поколением умным.

Вопрос. Это вы ввели в обиход понятие «приспособленческое общество»? Какая идея могла бы превратить поляков в «общество действия»?

Ответ. Не идея, а конкретные возможности: работа, достижение жизненных целей, накопление богатства. Конец. Точка. Так росли великие финансовые и экономические силы.

Вопрос. Кто бы мог указать такую перспективу?

Ответ. Сами должны ее наметить, по собственному праву и желанию, а также для себя, своей семьи и домашней экономики».

Польские обличья сталинизма

В муках появляется на свет все новое. Нынешней молодежи трудно себе вообразить, ценой каких огромных и порой напрасных человеческих жертв, просто голода и нужды осуществлялся прогресс на Висле, да и на Волге тоже. Сталинизм, наряду с гитлеризмом разделивший сомнительную честь авторства трагедий второй мировой войны в Польше и тягот послевоенного периода, оставил после себя учебники истории, каждая страница которых умалчивала или искажала правду. А молодежь желает слышать истину именно от своих учителей. Ведь пеплом прошлого посыпана вся польская земля, и кажется, что вся польская диаспора через микрофоны и телекамеры западного вещания кричит, взывая о жертвах прошлого. Да что там польскоязычные империалистические радиостанции или куцые школьные учебники. Народ всегда знал свою историю, еще с незапамятных времен передавая от отца к сыну сведения о наиболее важных событиях национальной истории. И надо сказать, что народ редко ошибался в своих предпочтениях, в своих героях.

Несмотря на разочарования сентября 1939 г. (в том числе и выявленную непрочность союзов с Францией и Великобританией), большая часть польского общества не проявляла враждебности по отношению к Советскому Союзу, словно бы интуитивно веря, что только оттуда может прийти освобождение их оккупированной родины. Еще во время действия договора Риббентропа — Молотова члены распущенной КПП, деятели крестьянской партии, представители социалистического левого крыла, интеллигенции и молодежи стихийно начали создавать организации (они назывались «Серп и молот», «Друзья Советского Союза» и т. д.), которые готовили молодежь к борьбе с оккупантами. Влияние этих групп крепло, так как они были охвачены идейным и политическим Руководством Польской рабочей партии (ПРП), возрожденной к жизни в оккупированной Варшаве с января 1942 г. Партия обращалась к польским революционным традициям, поскольку не могла — по понятным причинам — идентифицировать себя с «несуществующей» КПП. Она выдвинула программу борьбы за национальное и общественное освобождение в союзе с СССР, создала Союз борьбы молодых, а также вооруженную организацию левых — Гвардию Людову. В своей идейной Декларации «За что мы боремся?» пар-

тия изложила концепцию создания единого блока политических группировок для борьбы с гитлеровскими оккупантами, предвосхищая создание демократического государства в освобожденной Польше, которое станет уважать волю всех своих граждан. И хотя политические группировки, остававшиеся под влиянием эмигрантского правительства в Лондоне и его представителя внутри страны — Делегатуры, от такого сотрудничества с ПРП отказались, польские левые сумели осенью 1944 г. создать единый блок демократических партий.

Параллельно, и даже раньше, уже в сентябре 1939 г., сформировалась антигитлеровская военная конспиративная организация, получившая название Служба победы Польши. При главном командовании Службы победы был создан политический совет, в который входили представители всех демократических партий предвоенной Польши, за исключением коммунистов. Организация ставила себе целью обучение военных кадров для борьбы с оккупантами, а также создание так называемых заменяющих структур, или администрации, необходимой в освобожденной стране. Компетенция этой конспиративной организации расширилась, когда она окончательно сформировалась как военно-политическая сила в 1942 г., с созданием Армии Крайовой. Ее возглавлял до июля 1943 г. полковник, а позже генерал Стефан Ровецкий (Грот), а после его ареста немцами эти функции принял на себя генерал Тадеуш Кемеровский (Бор). Когда после подавления восстания (1944 г.) он оказался в гитлеровском плену, АК возглавил генерал Леонард Оку-лицкий (Медвежонок), который оставался на этом посту до формального роспуска организации 19 января 1945 г., а фактически до своего ареста органами НКВД несколькими месяцами позже; генерала вывезли в Москву и там заключили в тюрьму, где он и умер.

Как бы политической надстройкой Армии Крайовой в оккупированной Польше была Делегатура, созданная польскими эмигрантскими властями еще в мае 1940 г. Делегатура опиралась на четыре основные буржуазные политические партии довоенной Польши. Задачей этой конспиративной организации было воссоздание центральных и территориальных структур буржуазного государства, подготовка кадров для них и выступление вместе с Армией Крайовой в роли полноправных хозяев в момент вступления советских войск в Польшу. Обе эти организации ответственны за вспышку Варшавского восстания. Объявленное на 1 августа 1944 г., оно не было даже окончательно согласовано с эмигрантским правительством в Лондоне.

Уже в начале 1943 г. наметились расхождения между польским правительством генерала Сикорского и правительством СССР. Чаще всего они возникали в связи с поисками исчезнувших польских офицеров, которые были интернированы в Советском Союзе, а также в связи с проблемами снаряжения польских воинских частей, созданных в СССР, времени и места их выступления против немцев и границ послевоенного польского государства.

Представители польского левого крыла, находившиеся в Советском Союзе, в начале 1943 г. заявили советским властям о своем намерении создать собственную демократическую общественную организацию, которая могла бы объединить множество поляков, живущих в СССР, в их стремлении к дружбе с Советским государством, а также иметь собственные воинские соединения, которые вместе с Красной Армией вступят в освобожденную Польшу. Согласие на учреждение Союза польских патриотов (СПП) во главе с Вандой Василевской было получено 1

марта 1943 г., а решение о создании польского воинского соединения состоялось в мае, когда уже стало известно, что польская армия, предводительствуемая генералом Владиславом Андерсом, не будет принимать участия в боях с Германией на советском фронте. В это время состоялось решение о выводе этих воинских частей из СССР, а отношения с лондонским правительством были прерваны. Произошло это, как мы помним, в апреле, после раскрытия преступления в Катыни.

Союз польских патриотов окончательно сформировался на своем первом съезде в Москве 10 июня 1943 г., где была утверждена идеологическая декларация и программа. В мае 1944 г. были налажены первые непосредственные контакты с представителями действующей в Польше ПРП и созданной в оккупированной стране подпольного парламента — Крайовой Рады Народовой (КРН). В результате московских переговоров, а также встреч с членами Советского правительства (в том числе и со Сталиным) СПП в СССР признал верховной властью Крайову Раду Народову, а подготавливаемый декрет об объединении вооруженных партизанских отрядов с возникшими в Советском Союзе воинскими формированиями лег в основу создания Войска Польского под предводительством генерала Михала Жимерского (Роли), бывшего командующего Армией Людовой, назначенного КРН министром обороны.

В период продвижения Восточного фронта на Запад и с момента начала освобождения польских земель из-под гитлеровской оккупации ситуация на этих территориях оставалась сложной. На власть претендовали два руководящих центра: эмигрантское правительство в Лондоне и парламент в стране — КРН. Фактически таких центров было по меньшей мере еще два, поскольку, несмотря на видимость общей позиции между ПРП и СПП, разногласия продолжали существовать, так же, впрочем, как между Делегатурой и эмигрантским правительством в Лондоне, по вопросу о вступлении советских войск на исконно польские земли. Все должно было решиться в ближайшие дни, недели, месяцы.

Ситуация в стране накануне освобождения польских земель выглядела следующим образом: от лондонского польского правительства в страну делегировался Ян Станислав Янковский; командующим Армией Крайовой был генерал Тадеуш Коморовский (Бор). От левых председателем КРН был Болеслав Берут (Томаш), а генеральным секретарем ПРП — Владислав Гомулка (Веслав). Весьма симптоматичным при такой расстановке сил было создание в январе 1944 г. Центрального бюро польских коммунистов в СССР под руководством генерала Александра Завадского. Это наводило на мысль, что в среде московской польской эмиграции, которая де-факто признавала верховенство органов, находившихся на территории Польши, могут существовать разногласия идеологического и тактического характера по поводу будущего устройства страны. Подтверждением таких тенденций было и создание нового Политбюро ЦК ПРП, в которое кроме Гомулки и Спыхальского вошли сторонники сталинского курса: Якуб Берман, Гилары Минц, Станислав Радкевич, Александр Завадский и Роман Забровский. Фамилии этой пятерки, как, впрочем, и Берута, тяжким бременем легли на будущую судьбу Польши. А тем временем часть отрядов Армии Крайовой вместе с Армией Людовой организовывала боевые операции против немцев, а после освобождения отдельных областей страны заявила о своем желании бороться с оккупантами в рядах Войска Польского.

Одновременно руководители лондонского подполья решаются начать восстание в Варшаве. Политическая демонстрация против СССР перед лицом во много раз превосходившего численностью неприятеля, к тому же отлично вооруженного и имеющего большой опыт уличных боев, была заранее обречена на поражение. Так и случилось. В боях с немцами погибло около 180 тыс. гражданских лиц, полмиллиона жителей были выселены из столицы. Историкам предстоит еще выяснить, почему, когда восстание уже уясало, но часть жертв еще можно было спасти, командующий 2-м Белорусским фронтом маршал Константин Рокоссовский получил приказ сдать дела Георгию Жукову, а самому заняться освобождением северо-восточных польских земель. Эпизод этот долгие годы использовался западной пропагандой.

Польский еженедельник «Пшегленд католицики» (4 10 1988) под заголовком «Завещание восставшей Варшавы» воспроизвел отрывки из вышедшей в Лондоне кхhih «Армия Крайова в документах 1939—1945 гг.». Среди них — телеграмма С Миколайчика о прекращении военных действий Красной Армии на подходах к Варшаве, которая показывает, как рано варшавские повстанцы остались одинокими. Однако, несмотря на сомнения, парламент восставшей Варшавы принял решение о готовности польского правительства идти на компромисс с Советским правительством и Польской рабочей партией в решении вопроса о будущем Польши. К сожалению, Сталин пресек попытку к компромиссу, переслав меморандум большинства польского правительства и Совета национальной единства к Польскому комитету национального освобождения, который не соглашался с позицией Миколайчика.

Типичной статьёй на данную тему в буржуазной «серьезной» прессе можно считать публикацию американской газеты «Крисчен саиенс монитор» (4 Об 1987).

«В написанных коммунистами работах по истории второй мировой войны в Польше много пустых страниц о таких событиях как раздел Польши немцами и Советами Горбачев и Ярузельский решили, что настало время для глубокого исследования и «оценки» долго замалчивавшихся исторических событий.

Советские и польские историки близки к тому, чтобы обнародовать долю хранившиеся в тайне документы о том, что Михаил Горбачев и генерал Войцех Ярузельский недавно назвали «белыми пятнами» в истории зачастую нелегких отношений между двумя странами.

Местные ученые сдержанно приветствуют этот план. Многие в свое время лишились работы за то, что мужественно добивались, чтобы им позволили воспринимать историю «такой, какая она есть», не игнорируя ее мрачные моменты.

Господин Горбачев и генерал Ярузельский договорились провести объективное и «глубокое» исследование истории двусторонних отношений на своей встрече в Москве. «Необходимо воздать должное», говорится в их совместной декларации, тому, что «нанесло вред дружбе». Это, очевидно, по меньшей мере молчаливое признание Советским Союзом того, что прошлое требует переоценки.

В течение многих лет польские ученые, поддерживаемые своими студентами добивались этого, но тщетно. Многие польские коммунисты в конфиденциальном порядке соглашались с этими требованиями, но у них не было иного выбора, кроме как хранить молчание.

«Наши преподаватели, — вспоминает бывший студент Варшавского университета, — должны были преподавать историю так, как будто некоторые события никогда не происходили. Мы, например, по-прежнему не знаем всего о 17 сентября 1939 г.

Высокопоставленные должностные лица, начиная с Ярузельского, выражают уверенность в искренности Горбачева. Они считают, что новое мышление советского руководства идет гораздо дальше военных вопросов в отношениях с Соединенными Штатами. Обещанная «перестройка» советской жизни, говорят они, означает не толь-

ко более радикальную десталинизацию внутри страны, чем та, которую проводил Никита Хрущев, но также гласность в вопросе о внешней политике Советского Союза в отношении поляков в годы правления Сталина».

«Мы желаем Горбачеву успеха, — сказал член ПОРП и бывший член запрещенного ныне профобъединения «Солидарность», — но время покажет, как далеко он может пойти».

Сегодня многие поляки более озабочены непосредственными проблемами, чем прошлым.

«Гласность, — сказал один друг, — должна быть применима к людям так же, как и к истории. Например, для того чтобы поляки могли поддерживать связи с родственниками на Украине (в районах, которые Польша уступила Советскому Союзу во время послевоенных изменений границ).

Лишь когда поляк сможет приехать во Львов так же легко, как западный немец может посетить свою родину на западе Польши (в районах, которые перед войной входили в состав Германии), мы сможем говорить о дружбе между рядовыми русскими и поляками.

Сейчас у нас лишь официальная дружба — между партиями, правительствами и учреждениями. Горбачев должен позволить и простым людям участвовать в этом».

Существуют, разумеется, и другие интерпретации проблем польско-советских отношений, связанных с выяснением того, что всем нам хотелось бы знать всю правду о Варшавском восстании 1 августа 1988 г., в 44-ю годовщину со дня начала этих 63 кровавых дней, в ходе которых варшавяне бились с оружием в руках против гитлеровских оккупантов, газета «Трибуна люду» опубликовала интервью профессора З. Дурачиньского из Института истории Польской академии наук.

Библиография восстания — это множество книг, огромное количество статей и воспоминаний, говорит ученый Исходной датой, с которой начинаются эти серьезные исследования, стал польский октябрь 1956 г. Именно в это время были отброшены сталинские интерпретации и пропагандистская вульгаризация Нашей истории. Тогда-то и появились первые монографии о восстании, написанные Боркевичем и Кирхмайстром. Из более поздних трудов заслуживают внимания произведения Скариньского — о политической подоплеке Варшавского восстания и разработка Института истории ПАН, посвященная участию в нем Гражданского населения. В Польше появилось также эмигрантское издание Цехановского. Несколько работ опубликовали историки на Западе во Франции, Великобритании и ФРГ. Вскоре должны выйти из печати две важные публикации: полковника Савицкого «Восточный фронт и Варшавское восстание» и переведенная с английского работа Иоанны Хансон «Гражданское население в варшавском восстании». Но если уже хорошо известны различные аспекты хода сражений, то политико-дипломатическая подоплека восстания является наименее изученной.

Генеральный вопрос «Какое место восстание в период его разгара занимало в политике Великобритании, США и СССР?» Менее всего сегодня известны обстоятельства и предпосылки советской политики в этой области. Этого не знают даже советские историки. Возможно, в период гласности откроются какие-либо новые источники. Идут поиски ответа на несколько вопросов, касающихся принятых в то время советских решений политического и военного характера. Есть много различных догадок, но все они из области гипотез, не подтвержденных полностью документированными фактами. Военная же проблематика не может быть ограничена исключительно самим восстанием, ее следует рассматривать гораздо шире — на уровне всего фронта. Полковник Савицкий использовал много неизвестных до сих пор немецких и советских источников, однако преимущественно военного характера. Мы не сможем сейчас ответить с полной уверенностью на вопрос, по какой причине директива Сталина от 27 июля, приказывающая советским войскам форсировать Вислу и Марев, выйти на западные берега этих рек и провести окружающий маневр, так и не была выполнена.

Отсутствуют также убедительные ответы на вопрос, почему не удалась операция форсирования Вислы в сентябре 1944 г., в которой вместе с 1-й армией Войска Польского должны были принять участие советские части. Третья проблема, требующая выяснения каковы истинные причины первоначально полностью негативного отношения советских властей к полетам союзнической авиации с грузами для Варшавы. Только 10 сентября было получено согласие на такие челночные операции, и в распоряжение союзников были предоставлены советские аэродромы. В результате 18 сентября повстанцы впервые получили американские продовольствие и боеприпасы.

Идеологические штампы и стереотипы подчас накладывают свой отпечаток на качество даже тех исторических трудов, которые появляются в свет уже в наши дни.

Государственное научное издательство в Польше выпустило книгу А. Чубиньского «Новая история Польши 1914—1983 гг.». Резкой критике подвергнул ее католический еженедельник «Тыгодник повшехны» (29.03.1988). В статье «Скудная история» Р. Теолецкий, в частности, пишет:

«Рецензию на книгу Чубиньского хочется начать с 1945 года, так как считаю, что именно история этого периода у нас является самой бедной. Однако несколько слов надо сказать о разделе «Партизанская война в Польше в 1944 г.». Почти на двух страницах автор рассказывает о деятельности Гвардии Людовой, действиям же Армии Крайовой отводит всего несколько строк. Хотелось в этой связи напомнить, что в 1944 г. Армия Крайова насчитывала 350—370 тыс. солдат, в рядах же Гвардии Людовой было всего около 20 тыс. человек (по неподтвержденным данным, некоторые насчитывают 50—60 тыс.). Словом, в лучшем случае пропорция была 1:18. В Варшаве Армия Крайова выставила 30 тыс. солдат, в то же время Гвардия Людова — всего 500 человек. Здесь пропорция составляет 1:60. В разделе, которым заканчивается период второй мировой войны, автор книги пишет, что «советская разведка арестовала представитель лондонского правительства и вывезла их в Москву». Может, автору неизвестно, но так называемых представителей, среди которых были генерал Леопольд Окулицкий и вице-премьер Ян Янковский, предали суду в Москве во время известного «процесса шестнадцати». Они были просто приглашены на встречу с маршалом Жуковым, а позднее — с генералом Ивановым. Когда они прибыли на встречу, их арестовали.

Цифры не являются сильной стороной книги. Указывается, сколько членов имели Польская рабочая партия и сотрудничающая с ней Польская социалистическая партия, однако нет данных о количестве членов Польской крестьянской партии, в которую в 1946 г. входило около 800 тыс. человек — столько, сколько было в остальных партиях, вместо взятых всю историю этой Крестьянской партии, которая выступила в роли легальной оппозиции и которую ликвидировали с помощью террористических, административных мер, Чубиньский излагает очень коротко и тенденциозно.

О познанском рабочем бунте 28 июня 1956 г. написано всего шесть строчек. Немного можно узнать и об октябрьском кризисе 1956 г. Состоялся VIII пленум, приехала советская делегация, в беседах принял участие Гомулка, избрано новое руководство, «политическая атмосфера в Польше была очищена». Ни одного слова о напряжении тех дней, о тысячах митингов, на которых выдвигались демократические требования; о колоннах войск, направленных в сторону Варшавы; о манифестации, на которой выступил Гомулка, и о демонстрации возле здания ЦК, во время которой звучали требования выпустить из тюрьмы примаса католической церкви в Польше кардинала Вышиньского. Не говорится и о венгерском фоне события в Польше.

В одном из следующих разделов утверждается, что в 1965 и 1966 гг. «значительно ухудшились отношения» между государством и католической церковью. Автор обходит стороной факты, которые уже с 1958 г. привели к конфликтным ситуациям, таким, как, например, ревизия в отделении примаса католической церкви в Польше на Ясной Горе. Здесь Чубиньский всю вину за конфликтную ситуацию сваливает на церковь. Он пишет: «Гомулка бросил лозунг о строительстве 1000 школ в честь 1000-летия польской римско-католической церкви. В то время церковь делала акцент на религиозных аспектах этого юбилея, что привело к конфронтации и напряжению».

Но вернемся к нашей хронике событий 40-х годов. К концу 1944 г. гитлеровцы уже почти сровняли Варшаву с землей. Погиб цвет столичной молодежи, которой позже так не хватало Польше. 31 декабря 1944 г. Крайова Рада Народова приняла закон о создании правительства национального единства, персональный состав которого признали как высшие советские инстанции, так и западные союзники. Сталин настоял, чтоб вице-премьером стал Станислав Миколайчик, бывший до тех пор премьером лондонского правительства.

19 января 1945 г. главнокомандующий Армии Крайовой распорядился распустить организацию и при этом дал директиву: руководящие кадры и оружие сохранить до так называемой операции «Не» (Неподле-глость — Независимость). Одна ошибка потянула за собой другие. Из-за активизации пролондонского подполья на освобожденных территориях Польши до апреля 1945 г. погибло около тысячи советских солдат и офицеров, а несколько сотен было ранено. Это побудило соответствующие советские органы начать аресты. Самый известный из советских послевоенных политических процессов над поляками — «дело шестнадцати» — вела Военная коллегия Верховного суда СССР с 18 по 21 июня 1945 г. Были вынесены приговоры. Часть осужденных никогда уже не вернулась на родину, а те, кто, отбыв сроки, оказались в Польше, снова — вопреки закону — предстали перед судом, на этот раз польским, который вторично назначил им наказание за ту же провинность.

Усилилась пропаганда с двух сторон. Надписи типа «ПП — платные холопы России» на стенах польских городов и городишек заменились другими: «АК — заплеванная лилипут реакции!» При этом начались аресты и выискивание предателей в среде как раз тех солдат и офицеров АК, которые к тому времени служили уже в Войске Польском или нашли работу на «гражданке». Значительная часть этих людей вернулась в лес, чтобы взяться за оружие, а между тем был куда более простой выход из этой ситуации. Даже если усмотреть некий резон в акциях советских стратегов, люди, арестованные и посаженные в Москве, могли быть только интернированы до выяснения ситуации, тем более что Польша не находилась в состоянии войны с СССР.

Напряженными стали отношения внутри освобожденной страны; в некоторых областях Польши это продлило войну по меньшей мере еще на три года. Погибло 20894 сторонника власти (число ее погибших противников до сих пор не подсчитано, но их было значительно больше) — офицеров и солдат Войска Польского, служащих госучреждений, активистов левых политических партий.

После народного референдума в 1946 г., после объявленной годом позже амнистии, а также выигранных левыми в 1947 г. выборов в Законодательный сейм усилилась политическая и идеологическая борьба в самой партии. Этому явно способствовала сталинская теория неизбежности обострения классовой борьбы по мере успехов социалистического строительства. Постоянно подвергались критике гомулковская теория польского пути к социализму, система проведения реформы в народной Польше, проблемы многопартийности в руководстве государством, высказывалось негативное отношение к коллективизации в деревне по примеру СССР, осуждался промах в руководстве промышленностью, идеологические ошибки и т. д. К этому прибавились последствия конфликта Сталин — Тито и решение Информбюро коммунистических и рабочих партий (созданного взамен распущенного в 1943 г. Коминтерна) С этим решением, в котором осуждалась Югославия, не согласился польский генераль-

ный секретарь. Тут уже пахло «предательством» социализма, сталинского разумеется, ибо никакого другого, по мнению Сталина, быть не могло.

В такой атмосфере дело дошло до созыва расширенного пленума ЦК ПРП. Перед началом заседаний 31 августа 1948 г. А. Завадский ознакомил собравшихся с письмом Политбюро, обращенным к «беспартийному» Болеславу Беруту, в котором его просили включиться в активную партийную жизнь. Затем Якуб Берман предложил снять Гомулку с поста генерального секретаря ПРП и выбрать на эту должность Б. Берута (оставив его президентом). Новый генсек огласил доклад «О правом и националистическом уклоне в руководстве партии и методах его преодоления». Он был дополнен выступлением Гиляры Минца «Текущие задачи партии в области хозяйственной и социальной политики в деревне». На декабрь же было запланировано — после предварительной проверки членов партии под углом зрения «уклонов» — объединение обеих рабочих партий в одну Польскую объединенную рабочую партию, что и состоялось на объединительном съезде 14 декабря 1948 г.

Послевоенная Польша входила в этап воинствующего сталинизма. В тюрьмы были брошены партийные деятели прежнего руководства во главе с Гомулкой, стали выслеживать предателей и заговорщиков в иных областях жизни, а для того чтобы провести чистку в армии, по предложению правительства народной Польши (то есть Берута) в Польшу прибыл на роль министра национальной обороны и вице-преьера маршал Рокоссовский. Начался очередной акт трагедии поляков. Было арестовано 150 тыс. гражданских лиц и крупных военачальников, из которых только после формальных процессов было расстреляно свыше 1200 человек. Военными судами и спецорганами ведали советские офицеры Скульбашевский, Вознесенский и другие, поддерживающие их, в том числе и свои поляки. Когда Рокоссовский спустя семь лет возвращался обратно в СССР, он подвел общий баланс в одной единственной фразе. «Что за ирония судьбы, в Советском Союзе меня считали поляком, а тут — русским». Надо полагать, что два других вышеупомянутых офицера такого душевного разлада не испытывали. Они и ныне шествуют по советским улицам во время государственных праздников с медалями на груди за «заслуги» в Польше...

После смерти Болеслава Берута в Москве, во время заседания XX съезда КПСС, пост генерального секретаря занял Эдвард Охав, фигура эфемерная, о которой не стоило бы и вспоминать, если бы в то время не разыгрался очередной акт польской трагедии. Тогдашний руководитель польской партии, подобно, впрочем, Хрущеву, полагал, что, хотя сам Сталин был наилучшим злом, сталинизм все же как-то допустим. Последствия такой позиции не заставили себя долго ждать. Обнаружились просчеты в централизованном планировании в стране, пришли в упадок разоренные насильственной коллективизацией крестьянские хозяйства, на продовольственном рынке наметилась нехватка товаров, промышленность не выполняла производственных планов, из-за хищнической добычи угля росло число несчастных случаев на шахтах — словом, снизился и без того невысокий уровень жизни рабочего класса, которому официальная пропаганда ежедневно внушала, что жизненный уровень, напротив, возрастает. Чтобы возместить растущие потери, партия и правительство в мае 1956 г. решились на «регулирование» заработков. Из-за повышения норм заметно упала зарплата рабочих. Рабочие крупнейшего предприятия Познани, бывшей фабрики Цегельского, а тогда имени Иосифа Сталина, решились выйти на улицы. В Познани поли-

лась кровь, а поскольку происходило это, можно сказать, на глазах у всего мира — в июне в Познани проходила международная ярмарка, — официальная пропаганда объявила, что это... дело рук агентов империализма, а тогдашний премьер народной Польши Юзеф Циранкевич предостерег: «Руку тому отсечем, кто подымет ее па народную власть.»

В самой ПОРП происходило явное размежевание между сторонниками реформ и консерваторами. Первые назывались «пулавянами», вторые «натолинцами» по месту сборов и внутрипартийных совещаний. Нарастал кризис и в партии и в обществе, а о десталинизации жизни ничего не было слышно, невинно осужденные люди по-прежнему сидели в тюрьмах. «Пулавяне» стали мобилизовывать общественное мнение в стране в поддержку реформ. Свою работу они вели преимущественно среди рабочих крупных заводов — те приступили к организации комитетов рабочего самоуправления. Наиболее динамичным и активным оказался коллектив завода легковых автомобилей, где партийным секретарем был Лехослав Гоздик. Рабочие этого варшавского завода ратовали за возвращение доброго имени Владиславу Гомулке, за то, чтобы отвести от него несправедливые обвинения и вернуть к активной политической жизни. Он, правда, был выпущен из тюрьмы, но этим дело и ограничилось, порой ему даже публично поминали старые ошибки. «Натолинцы» в ответ демонстрировали силу, что, в частности, выражалось в совместных польско-советских военных маневрах на территории Польши. Ситуация была чревата взрывом, подобным тому, какой имел место в Венгрии, то есть кровавым и никем не контролируемым.

В такой атмосфере и состоялся знаменитый октябрьский VIII пленум ЦК ПОРП, на котором не без сопротивления неожиданно прибывшей в Варшаву советской делегации во главе с Никитой Хрущевым Владислав Гомулка снова стал Первым секретарем ЦК ПОРП. В своей речи на пленуме он так определил события на улицах Познани: «...рабочие в Познани выступали не против социализма, а против зла, которое расплодилось в Польше...». Оратор обещал перемены в системе деятельности ПОРП, десталинизацию, демократизацию и укрепление роли комитетов самоуправления. Что касается взаимоотношений с Советским Союзом, то было сказано, что они должны основываться на взаимном уважении, интеграции и партнерстве. Однако же волнения в стране не прекращались, что можно было приписать, с одной стороны, разгулу общественных эмоций, а с другой — намерениям консервативных сил в партии и обществе не допустить обещанных Гомулкой реформ, особенно десталинизации, идущей значительно дальше, чем это было определено Хрущевым. Не исключено, что страна погрязла бы в хаосе, если бы не митинг, организованный в Варшаве через три дня после пленума, 24 октября 1956 г. На него собралось около полумиллиона жителей, а вся Польша слушала его у телевизоров и радиоприемников. Вернувшийся к власти после нескольких лет изоляции новый первый секретарь партии призвал народ разойтись и начать спокойно работать на благо страны. Правда, еще несколько часов продолжались хулиганские выходы, обычные в такого рода ситуациях, но они были нейтрализованы силами порядка без применения силы, а тем более без каких-либо жертв. Вышесказанное да плюс ноябрьский того же года визит Гомулки в СССР, где велись переговоры с советским руководством, дали ему такой кредит общественно-го доверия, какого не имел до него ни один польский партийный деятель.

Увы, Владислав Гомулка, этот опытный политик, начал, однако, быстро транжирить этот кредит. Первым таким симптомом было то, что на прежних постах в партии и правительстве осталась большая группа деятелей, известных в прошлом как ярые сталинисты. Мы, наверное, никогда уже не узнаем, чем руководствовался Гомулка, поскольку ближайшее его окружение и историки и в этом расходятся. Одни утверждают, будто он просто не хотел, чтобы внезапное отстранение от власти бывших противников было расценено как месть за ложное обвинение и годы унижений. Другие доказывают, что постсталинистские структуры в Польше были еще достаточно сильны и объявление им открытой войны могло равняться самоубийству политика. Третья же группа исходит из того, что всему, мол, свое время, а слишком далеко продвинутые в то время в Польше реформы могли быть расценены как... антисоветские действия. Последствия такой постановки вопроса сам Гомулка знал лучше кого бы то ни было. Вероятно, в каждом из трех этих предположений есть частичка правды. Как же реализовывались октябрьские обещания?

Десталинизация либо вообще бойкотировалась, либо проходила с огромным сопротивлением. Невинно осужденные по-прежнему пребывали в тюрьмах. Реабилитации были явлением редким. Арестовали, правда, нескольких высокопоставленных чиновников бывшего Министерства общественной безопасности, но после чисто символических приговоров они вскоре были выпущены на свободу. Акция эта почти не затронула кадров военной прокуратуры, органов информации, Войска Польского и многих других; они рассеялись, чтобы, отбыв «карантин», вернуться к прежней своей работе, зачастую даже в ведомство... внутренних дел. Что же касается организаторов и исполнителей преступных акций (Берман, Минц, Радкевич), то они получили только взыскание по партийной линии — были исключены из ПОРП. Многие «упрятали» в средствах массовой информации, в администрации, науке, дипломатии, в издательствах. Последствия сказались только спустя годы, когда замечено было, что эти люди явно вступили в союз с представителями крайней оппозиции 80-х годов.

Сам Гомулка по разным поводам тоже отказывался от данных им в октябре 1956 г. обещаний. Органы самоуправления и роль рабочих советов на крупных предприятиях — все это оставалось только на бумаге. Партийная жизнь замирала, сама партия становилась придатком ее первого секретаря, а в политических решениях все чаще появлялись... полицейские аргументы. Для начала был ликвидирован журнал «По просту», вокруг редколлегии которого группировались политически активные публицисты, клеймившие проявления сталинизма в Польше. Отвергались открытия в науке и экономике, не говоря уж о самых робких попытках идеологических дискуссий. Партия и общество делились на «ревизионистов», «оппортунистов» и прочих, то есть еще более явно наметилось расчленение, какое существовало в период «натолинцев» и «пулавян».

Все это оттолкнуло от партии значительную часть ученых, разного рода деятелей и людей, преданных социализму, которые попросту удалялись во «внутреннюю» или «внешнюю» эмиграцию. Эта последняя подвергалась остракизму, и, как некогда солдаты и офицеры польской армии, воевавшие против фашизма на Западе, люди, выехавшие из Польши, лишались польского гражданства.

Гомулка и его соратники были воспитаны в условиях конспирации межвоенного двадцатилетия, да к тому же пережили гитлеровскую оккупацию в Польше, и потому у них словно закодировано было в подсознании недоверие к окружению. Любая критика воспринималась как заговор против социализма. Дело дошло до того, что антицарские произведения писателей XIX в. (Мицкевич) стали расцениваться как... антисоветские. Начались процессы над интеллигенцией (М. Ванькович), везде выискивались заговоры и предательство, посыпались судебные приговоры и административные репрессии.

Летом 1967 г., после агрессии Израиля против Египта, во время происходившего в ту пору конгресса профсоюзов Владислав Гомулка произнес небывалую для политика речь, в которой затронул вопрос о так называемой сионистской «пятой колонне» в Польше. Тотчас же воспоследовала реакция. Часть зала, организованная мало кому известным партийным аппаратчиком с рабочей Воли в Варшаве, начала скандировать: «Смелей!» Прошел всего месяц, и реальным фактом стал исход из Польши поляков еврейского происхождения.

Нестандартная для социализма ситуация возникла в 1968 г. Чтобы лучше в ней разобраться, стоит раздвинуть хронологические рамки нашего рассказа и охватить мысленно то, что произошло в Польше во время войны и... сегодня. Весной 1988 г. с необычайным подъемом Польша отметила 45-летие восстания в варшавском гетто. Помянули, конечно, и двадцатилетней давности события марта 1968 г. Причем обе даты отмечались с широким участием самых высоких партийно-правительственных инстанций и всей польской прессы.

Восстание в гетто вошло в историю Европы, ведь именно в Польше жила самая крупная община европейских евреев, насчитывавшая 3 млн человек. В Польшу начиная с 1940 г. шли эшелоны с евреями со всей Западной и Центральной Европы. Кладбищем для европейских евреев стала территория оккупированной немцами Польши, которую буквально усеяли концлагеря с дымящимися печами крематориев. В ожидании перевозки прямым сообщением в крематорий жертвы накапливались в гетто, организованных в Лодзи, Варшаве, Люблине, Радоме, Кельце, Львове, Белостоке, Вильнюсе и многих других местах данной географической зоны. Польские силы Сопротивления находили способы передавать на Запад вести о геноциде. Но буржуазная пресса стран антифашистской коалиции предпочитала замалчивать эти преступления.

Сегодня западные средства массовой информации неустанно эксплуатируют тему защиты прав евреев, выступая с перманентными пропагандистскими атаками на правящие верхушки в социалистических странах. Корреспондент американского информационного агентства Ассошиэйтед Пресс передавал 17 апреля 1988 г. из Освенцима:

«Полторы тысячи молодых евреев со всех уголков мира приняли в четверг участие в «процессии живых», которая проходила у бывшего нацистского концентрационного лагеря Освенцим и ознаменовала собой начало недели торжественных ритуалов в честь 45-й годовщины со дня восстания в еврейском гетто в Варшаве.

На волнующей церемонии, которая проходила неподалеку от интернационального монумента серого цвета, установленного в бывшем лагере смерти Освенцим-Бжезинка, молодые евреи, которые несли бело-голубые государственные флаги Израиля, внимательно слушали выступления официальных деятелей Израиля, заявивших, что лишь сильное еврейское государство может предотвратить еще одну катастрофу.

«Обязанность каждого еврея чувствовать свою солидарность со всеми другими евреями», — заявил заместитель премьер-министра и министр образования и культуры Израиля Ицхак Навон, который является официальным израильским деятелем самого высокого ранга, нанесшим визит в Польшу.

«Лишь укрепляя израильское государство и множа наши ряды, мы можем одержать победу», — заявил Ицхак Навон, выступивший перед молодежью, которая собралась вокруг монумента, воздвигнутого неподалеку от руин крематория концентрационного лагеря.

В то время когда еврейская молодежь принимала участие в «процессии живых» в Освенциме, высокопоставленный представитель Министерства иностранных дел Польши осудил израильское правительство за нарушения «основополагающих прав человека» — прав молодых палестинцев, которые выступили против израильской оккупации Западного берега реки Иордан и сектора Газа.

В Варшаве в здании Государственного еврейского театра несколько сот польских и еврейских ученых и историков начали двухдневную конференцию, посвященную памяти евреев и поляков, борющихся и принявших мученическую смерть во время нацистской оккупации 1939—1945 гг.

На конференции присутствуют некоторые министры польского правительства, высокопоставленные официальные деятели Польской объединенной рабочей партии, а также ряд католических епископов.

В тот же день колонны молодых людей, одетых в голубые куртки, которые несли знамя с начертанными на нем словами «процессия живых», начали свой трехкилометровый марш к бывшему концлагерю Освенцим-Бжезинка — главному нацистскому «лагерю смерти», где немцы выстроили огромные газовые камеры и крематории для выполнения своего «окончательного решения».

Несмотря на сильный холодный ветер на этом огромном поле, которое по-прежнему окружено двойными рядами заборов с колючей проволокой и деревянными сторожевыми вышками, молодые евреи зажгли мемориальный огонь и стали разбрасывать близ монумента землю, привезенную из Израиля, после чего запели старинные еврейские молитвы в память об усопших.

Среди выступивших на массовом митинге был Бенджамин Нетаньяку, который недавно ушел в отставку с поста постоянного представителя Израиля при ООН.

«Мы обещаем нашим братьям и сестрам, которые погибли здесь, что впредь никогда не будем слабы, — заявил он. — Мы... никогда не останемся без средств, необходимых для нашей защиты. Мы никогда не забудем тех, кто отдал здесь свои жизни».

Во время второй мировой войны в концентрационном лагере Освенцим-Бжезинка погибло более 4 млн человек, около 70% которых были евреями.

Когда заключенные лагеря были освобождены Советской Армией в 1945 г., в нем было найдено 7 тонн человеческих волос, 836 тыс. платьев, 348 тыс. мужских костюмов и 37 тыс. пар обуви.

Варшавская конференция и «процессия живых» проходят в рамках крупнейшего мероприятия, когда-либо организованного в Польше в память миллионов жертв нацистов, погибших на земле Польши.

Более 4,5 тыс. иностранцев прибыли в Польшу, для того чтобы принять участие в этих мероприятиях, которые завершатся 20 апреля.

В Польшу прибыла самая многочисленная группа израильтян из всех групп, когда-либо совершавших поездки в эту страну, — около 2 тыс. человек, а также многие сотни евреев из Соединенных Штатов, Канады, латиноамериканских и западноевропейских стран и из Австралии.

Торжественные церемонии достигнут своего апогея во вторник, когда будет отмечаться 45-я годовщина со дня начала восстания 1943 года в еврейском гетто Варшавы. Тогда несколько сот польских евреев начали отчаянную трехнедельную борьбу против заключительного этапа нацистской кампании истребления, цель которой состояла в том, чтобы ликвидировать последних оставшихся в живых 75 тыс. жителей гетто.

Директор департамента печати и информации Министерства иностранных дел Польши Стефан Станишевский заявил на пресс-конференции в Варшаве, что Польша отдает дань борцам из еврейского гетто, которые «были польскими гражданами и... боролись вместе с нами» против нацистов.

Однако официальный польский деятель заявил, что «это связанное с эмоциями отношение... не повлияет на нашу политику в отношении Израиля».

«Жестокость репрессий, к которым прибегают израильские власти против палестинского населения, пробуждает народный гнев и осуждение во всех районах мира,— сказал Стефан Станишевский.— Мы категорически протестуем против этой политики Израиля».

Процессия, организованная израильтянами в Освенциме, началась у главных ворот концлагеря, где до сих пор сохранилась надпись на немецком языке, которая гласит: «Работа делает вас свободными».

«Я протрублю в традиционный церемониальный рог. Когда прозвучит этот сигнал... это станет символом того, что народ Израиля по-прежнему жив»,— сказал один из руководителей процессии, обратившийся к собравшимся на иврите в то время, когда с неба падал легкий снег.

«Процессия живых» совпала по времени с отмечаемым Днем жертв в Израиле, где было объявлено двухминутное молчание в память о 6 млн жертв-евреев, погибших от рук гитлеровцев.

Высокий звук шофара (еврейского церемониального рога) прозвучал в Освенциме как сигнал к началу торжественной процессии.

Молодые люди молча прошествовали в Освенцим-Бжезинку вдоль железнодорожного полотна, по которому сюда доставляли евреев из многих стран Европы. Участники процессии шли мимо многочисленных кирпичных дымовых труб — это все, что осталось от огромных барачных концлагеря.

У ворот концлагеря вновь раздался звук шофара, так как именно в этом месте нацистские охранники однажды заставили заключенных объединиться в оркестр, чтобы те играли для них.

«Каждый еврей вне зависимости от того, где он находится, должен помнить о тех жертвах, и в жизни каждого еврея имеются две станции: одна проходит через Освенцим, а вторая — постоянная — находится в Израиле»,— заявил Ицхак Навон в ходе своего выступления перед собравшимися у монумента».

Программа торжеств по случаю 45-й годовщины восстания в варшавском гетто была разработана специальным комитетом во главе с председателем Союза борцов за свободу и демократию, бывшим Председателем Государственного совета ПНР Г. Яблоньским.

В столичном Дворце культуры и науки состоялось заседание, посвященное 45-летию восстания в еврейском гетто Варшавы. «Слава борцам варшавского гетто — 1943—1988» — этот лозунг на польском языке и идиш был вывешен в зале заседаний. В собрании приняли участие вице-маршал Сейма ПНР М. Раковский, представители ряда общественных организаций, а также еврейских религиозных объединений и общественных организаций со всего мира.

Выступая на собрании, председатель комитета по проведению мероприятий в память о восстании в еврейском гетто Г. Яблоньский подчеркнул большое моральное значение восстания в еврейском гетто. Эта битва велась не за спасение отдельных лиц, а за честь человечества, за достоинство человека. Одновременно она была уроком для нынешнего и будущего поколений того, что необходимо всегда давать отпор чудовищу геноцида и расизма, если человечество хочет сохранить право на веру в возможность построения мира для людей, достойного сосуществования народов.

Варшавское гетто — это уже в течение 45 лет дело прошлого, но оно Должно все же жить в наших помыслах и сердцах. А это означает борьбу, борьбу бескровную, но ведущуюся в высшей степени последовательно и упорно за то, чтобы во всех уголках мира, среди всех живущих на земле народов сохранялся самый гуманистический лозунг, который когда-либо выдвинул человек,— Мир,— сказал Г. Яблоньский.

Президент Всемирной федерации еврейских борцов, партизан и узников концлагерей С. Граек напомнил, что восстание в еврейском гетто было не единственным вооруженным выступлением. В гетто Белостока, Вильнюса, Ченстохова, Бендзена и

Кракова евреи также поднимались на борьбу. Тысячи еврейских партизан воевали в польских, литовских и русских лесах плечом к плечу с польскими и советскими партизанами, в партизанских отрядах по всей Европе. Он подчеркнул, что еще живут на земле нацистские военные преступники, поднимают голову неонацистские, фашистские и антисемитские организации. Они открыто организуют свои съезды и собрания в ФРГ, публикуют лозунги, полные ненависти, и призывают к реваншу. Они связываются с террористическими группами в разных странах. Наша обязанность — бороться против их распространения. Больше никогда не должно быть ненависти народов, расизма, антисемитизма и геноцида.

Вице-президент Всемирной федерации евреев К. Султаник подчеркнул активное участие поляков в спасении с риском для жизни евреев во время войны. В картотеке «справедливых» в Израиле находится около 6 тыс. имен, из которых более одной трети — поляки. 45 лет спустя, после того как погас огонь в печах Освенцима, есть тенденция предать это забвению и переписать историю заново. Роль Польши, которая столь потеряла от немцев, должна состоять в том, чтобы не допустить уничтожения истории.

Председатель Общественно-культурного общества евреев в Польше Ш. Шурней подчеркнул, что 45 лет спустя после той ужасной резни фашистская гидра еще не уничтожена. Действуя в иных условиях, она применяет такие же методы лжи и обмана, заливая мир потоком псевдонаучных изданий, отрицающих существование тогда лагерей смерти. Происходит фальсификация школьных учебников, перекалывание вины на другие народы. Делаются попытки воспитания новых поколений в духе расовой ненависти. Из непосредственных виновников гитлеровских преступлений понес наказание лишь каждый десятый, а остальные живут и всеми силами стремятся обелить себя, а всю вину переложить на жертвы. Необходимо бороться против всех проявлений национализма, ибо национализм, антисемитизм — значит фашизм, а фашизм — это смерть.

В Варшаве прошла двухдневная научная конференция в Государственном еврейском театре, организованная Главной комиссией по расследованию гитлеровских преступлений в Польше — институтом национальной памяти, Польской академией наук, Военно-историческим институтом и Еврейским историческим институтом.

Открывший конференцию председатель Главной комиссии по расследованию гитлеровских преступлений в Польше — институт национальной памяти Л. Домерацкий сказал, что память о борцах варшавского, белостокского, вильнюсского гетто не может лишь сводиться к воспоминаниям, но должна служить оружием в борьбе с возрождающимся фашизмом, теорией и практикой расизма, проявляющимися во многих странах мира. Л. Домерацкий отметил, что исследования Главной комиссии показывают общность судеб поляков и евреев в годы гитлеровского геноцида.

Выступивший на конференции начальник Военно-исторического института полковник К. Собчак заявил, что вооруженное выступление в гетто было неразрывно связано с борьбой всего польского народа против оккупантов. Еврейские формирования получали материальную и кадровую помощь от польского подполья. Во время восстания отряды движения Сопротивления поддерживали выступления евреев не только в Варшаве, но и по всей стране.

М. Фукс из Еврейского исторического института подчеркнул, что восстание в гетто было бы невозможно без помощи польского подполья. Поляки помогли многим преследовавшимся евреям найти убежище. Среди награжденных израильской медалью «Справедливый среди народов мира» больше всего поляков — около 2,5 тыс. человек.

Газета «Жиче Варшавы» (15.04.1988) поместила интервью И. Гутмана, профессора, заведующего кафедрой истории евреев Хебрайского университета в Иерусалиме и одновременно директора научного института национальной памяти «Яд Вашем». Он заявил, что рад тому, что научная конференция, посвященная

восстанию в гетто, «вообще имеет место». Мы должны говорить друг о друге открыто, открыто говорить о том, что до недавнего времени было в польской историографии запретными темами, отметил И. Гутман. Он призвал учиться делать выводы из общей истории поляков и евреев. Однако в качестве условия он выдвигает такое пожелание — «нельзя понять исторический опыт в слишком тесной связи с идеологией, политикой». И. Гутман заявил, что еще многие факты о взаимных контактах евреев и поляков ждут более глубокого изучения.

«Трибуна люду» (21.04.1988) опубликовала статью М. Яворского «Достоинство и человечность», посвященную 45-й годовщине восстания в варшавском гетто. В ней, в частности, говорится:

«Восстание вошло в историю как пример героизма и мученичества польских евреев, которых в период второй мировой войны самым бесчеловечным образом уничтожали гитлеровские преступники.

Повстанцы вели борьбу в рядах еврейской вооруженной организации, которая с военной точки зрения почти не имела надежд на успех. Речь шла о защите ценностей более высшего порядка — чести, достоинства, гуманизма, о том, чтобы показать пример отваги и самопожертвования в борьбе против гитлеровских убийц.

Ликвидация варшавского гетто должна была быть очередным этапом в реализации гитлеровского плана решения так называемого еврейского вопроса, во что не верил или не хотел верить Запад. Не принимались к сведению и трагические послания восставших, хотя их рапорты о положении в гетто попадали по назначению. В Лондоне в этой связи покончил с собой член Национального совета Речи Посполитой Шмуль Зигельбойм. В прощальном послании он писал, что своей смертью хочет выразить глубокий протест против бездеятельности и пассивности, с которой мировое общественное мнение смотрит на уничтожение евреев. Равнодушие влиятельных американских еврейских кругов, безразлично смотревших на эти преступления, до сих пор остается исторической и моральной загадкой.

Борьба повстанцев, продолжавшаяся около 20 дней, не прошла бесследно. Их примеру последовала еврейская молодежь в других гетто — Ченстохове, Солибоже, Белостоке и ряде других городов, где по несколько дней продолжались уличные бои. Моральное значение этого сопротивления было огромно. Перед героической борьбой и жертвами восстания мир склонял и склоняет головы. Но не обошлось без манипуляций и провокационных вопросов в адрес поляков. Спрашивают, например, почему они не помогли повстанцам? Автор статьи напоминает, что Еврейский военный союз получал от разных польских подпольных организаций (Армии Крайовой, Гвардии Людовой, Социалистической военной организации) оружие, боеприпасы, взрывчатку. Было проведено несколько вооруженных акций в поддержку повстанцев. Десятки евреев были спасены и переправлены к партизанам.

Это восстание относится к истории польского и еврейского народов, которые вместе чтут память о нем».

Газета «Речь Посполита» (21.04.1988) со ссылкой на агентство ПАП опубликовала письмо посла Организации освобождения Палестины в Польше Абдуллы Хиази в адрес председателя комитета по празднованию 45-летия восстания в варшавском гетто Г. Яблоньского. В нем А. Хиази от имени павших в восстании арабского народа Палестины против израильских оккупантов и изгнания их с родной земли выразил дань глубокой памяти погибших в варшавском гетто, которые сражались против фашизма плечом к плечу с героическим польским народом и всеми другими народами мира, давшими отпор гитлеризму.

Беспокойство вызывает тот факт, что фашизм поднимает ныне голову в разных концах мира, в том числе в нашей стране, где попираются права человека и

демократические ценности, имеют место угнетение и преследования, указывает представитель ООП. Мы должны неизменно руководствоваться уроками истории и решительно выступить против расизма во всех его проявлениях, действуя в интересах человечества, которое будет жить в мире, пишет А. Хиязи.

Газета «Вашингтон пост» (21.04.1988) достаточно ярко изобразила то, что происходило в те дни в польской столице вне рамок официальных торжеств. Статья Джексона Дила приводится ниже с незначительными сокращениями:

«Тысячи людей, несших свечи и лозунги оппозиционных политических организаций, прошли по варшавским улицам, там, где в годы второй мировой войны было еврейское гетто, проведя независимые мероприятия в память о восстании в гетто против нацистов в 1943 г.

Марш многих тысяч евреев и поляков, включая лидеров запрещенного профобъединения «Солидарность», стал одной из крупнейших независимых демонстраций в Варшаве за последние годы, которым не препятствовала полиция. Демонстрация состоялась после открытия утром построенного усилиями частных лиц на варшавском еврейском кладбище памятника двум руководителям бывшего еврейского союза рабочих «Бунд», казненным в Советском Союзе

Эти два мероприятия, организованные комитетом представителей интеллигенции и политических активистов во главе с Марекм Эдельманом, одним из руководителей восстания в гетто, были проведены в то время, когда коммунистические власти стремились привлечь внимание за рубежом к тщательно разработанной официальной программе мероприятий в Варшаве по случаю 45-й годовщины восстания

В польском парламенте, сейме, 97 поляков, помогавших спасти евреев в Польше, были награждены медалями базирующегося в Иерусалиме научного института национальной памяти «Яд Вашем» В то же время видный член Политбюро правящей Коммунистической партии Мечислав Раковский встретился с группой представителей израильского правительства и высокопоставленных лиц, находящихся в Польше по случаю годовщины, в том числе с заместителем премьер-министра Израиля Ицхаком Навоном.

По официальным оценкам, свыше 5 тыс. евреев из 36 стран прибыли в Польшу для участия в торжественных мероприятиях по случаю этой годовщины, которые продолжатся до вторника.

Независимые и формально незаконные мероприятия, отразившие давнюю борьбу между правительством генерала Войцеха Ярузельского и хорошо организованной оппозицией, прошли без участия израильских должностных лиц и находящихся здесь с визитом лидеров Всемирного еврейского конгресса, очевидно, не желавших оскорбить коммунистические власти.

Собравшиеся вечером у официального памятника варшавскому гетто выслушали обращение лидера «Солидарности» Леха Валенсы и руководителя варшавской «Солидарности» Збигнева Буяка, не присутствовавших там.

Поскольку бойцы гетто вели безнадежную борьбу, не имели поддержки извне и все же продолжали сражаться, писал Валенса в письме, зачитанном представителем профсоюза, «восстание в гетто в стране, где было так мною восстаний, было самым глубоко польским из всех восстаний».

После церемоний возложения венков и молитв демонстранты прошли почти полмили по улицам юрода к месту бывшего пересыльного пункта гетто, откуда около 300 тыс евреев отправили по железной дороге в лагерь смерти в 1942—1943 гг. Там Эдельман и лидеры оппозиции возложили венки к новому официальному памятнику, построенному властями к годовщине восстания в этом году.

Признание и осуждение в ходе организованных оппозицией мероприятий прошлых проявлений антисемитизма в Польше отличались от официальной линии коммунистов, подчеркивающей лишь помощь поляков евреям во время войны и «общее мученичество» двух пародов при нацистах.

У аккредитованных в ПНР журналистов вызвали большой интерес мероприятия, связанные с 45-летием восстания в варшавском гетто.

Представитель правительства Ежи Урбан, выступая в начале апреля 1988 г., отметил, что этот трагический юбилей гибели тысяч людей от рук гитлеровцев некоторые деятели пытаются использовать для мелких политических интриг. Инициаторы проведения параллельных мероприятий в связи с 45-й годовщиной восстания в гетто выпустили обращение, где забыли указать, кто был виновником гибели миллионов евреев. Однако они выделили факт гибели в этот период в Советском Союзе двух еврейских деятелей, ни слова не говоря о том, что именно советские люди спасали сотни тысяч евреев, выехавших из оккупированных гитлеровцами стран. Чувствуется, что авторы обращения огорчены, что не могут обвинить СССР в уничтожении евреев.

Единственный оставшийся в живых участник восстания М. Эдельман, по словам Е. Урбана, не вошел в организационный комитет потому, что в прошлом всегда отказывался от этого. Он также заметил, что, несмотря на это, приглашение участвовать в юбилейных торжествах ему выслано. Представитель правительства отказался прокомментировать заявление Эдельмана о том, что председатель организационного комитета празднований Г. Яблоньский и член этого комитета профессор К. Конколь выражали свои антисемитские взгляды во время событий в марте 1968 г. Отвечая на вопрос, правда ли, что правительство намерено использовать этот юбилей для того, чтобы окончательно отмежеваться от антисемитизма, Е. Урбан отметил, что «отношение польских властей к антисемитизму, в какой бы форме он ни проявлялся, всегда было однозначно. Антисемитизм, как и любое проявление шовинизма и расизма, противоречит основным идейным принципам, которыми руководствуется польское государство. Наше отношение к этим проблемам было выражено в статье «Март 1968», опубликованной 2 марта 1988 г. в «Трибуна людю». Там было подчеркнуто, что материал подготовлен на основании дискуссий на заседании Политбюро ЦК ПОРП. Статья эта является выражением коллективного мнения по этому вопросу».

Отмеченную Е. Урбаном статью в центральном печатном органе ПОРП стоит привести хотя бы частично:

«Студенческие выступления начались 8 марта 1968 г. в Варшавском университете. Они были непосредственно связаны с более ранними событиями, в первую очередь с приостановлением спектакля «Дядю» в столичном Театре народовом. Некоторые мотивы этого представления, премьеры которого состоялась 25 ноября 1967 г., воспринимались зрителями как критические намеки на отношения, господствующие в современной Польше, и ее союз с СССР. Демонстративное одобрение части публики этих мотивов постановки склонило власти принять решение о приостановлении дальнейших представлений «Дядю». Вечером 30 января после спектакля от здания театра отправилась к памятнику А. Мицкевича демонстрация, участники которой несли лозунги. «Требуем дальнейших представлений», «Хотим правды Мицкевича», «Хотим свободы без цензуры». Толпа не прореагировала на призывы милиции разойтись, поэтому ее разогнали силой, а 35 человек были задержаны».

Эти события стали причиной сильного резонанса в студенческой среде, вызвав возмущение и отрицательные комментарии в адрес властей. Резолюцию протеста приняла также варшавская организация Союза польских писателей. Разгоревшиеся страсти использовали в своих целях экстремистские группировки. Они считали, что руководство партии действует нерешительно и что оно не способно понять сущность возникшей опасности.

8 марта в Варшавском университете состоялся нелегальный митинг, в котором приняли участие около 1200 человек. Митинг был разогнан милицией. События в Варшавском университете дали толчок волне студенческих выступлений как в Варшаве,

так и в других университетских городах. Во второй половине марта студенты стали выдвигать также политические требования. Предпринимались попытки организации оккупационных забастовок студентов.

В конце марта ввиду изоляции, осознания опасных последствий для дестабилизации страны, а также частичного понимания того, что студенты стали жертвой манипуляции, выступления в вузах пошли на убыль.

Сегодня, глядя на мартовские события с дистанции двадцати лет, особенно пережив множество поучительных уроков, говорится в статье, мы видим эти проблемы шире и глубже. Ранее распространялась главным образом точка зрения, что группа студентов предприняла действия в результате подстрекательства «политических банкротов разных оттенков», которые пытались довести дело до политической дестабилизации, чтобы создать условия, благоприятствующие возрождению утраченного влияния. При характеристике главных участников тех событий указывалось на особую роль лиц, принадлежавших к семьям некоторых высокопоставленных деятелей. Выделялось еврейское происхождение части вдохновителей студенческих манифестаций либо еврейское происхождение деятелей сталинского периода, обвиненных в провоцировании волнений. Публиковались фамилии студентов, имеющих родственников, принадлежащих к этим слоям. Следствием этого были требования исключить из партии и убрать с ответственных постов тех людей, сыновья и дочери которых участвовали в событиях. Группу утрачивающих влияние видных деятелей обвиняли в попытке подготовки своего рода «переворота». По стране, особенно в широких масштабах в Варшаве, Катовице и Гданьске, прокатилась волна организованных митингов, на которых осуждались вдохновители событий.

Выступление В. Гомулки 19 марта 1968 г. не удовлетворило сторонников суровых административных методов решения конфликта. Но оно также не создавало иллюзий для групп, характеризовавшихся в тот период как ревизионистские. К сожалению, оно было также разочаровывающим для сторонников общественно-политических реформ и смягчения политики в области культуры.

Одновременно были приняты меры с целью усиления идейно-воспитательной работы, пропаганды образцов гражданской и патриотической позиции. Однако пропаганда социалистической идеологии сводилась главным образом к словесным заявлениям о верности принципам марксизма. Одновременно практиковались противоречащая этим принципам нетерпимость, подавление дискуссий, административное устранение взглядов, отличающихся от официальных. Укреплялась централистско-административная система осуществления власти.

В отношении подлинных и мнимых вдохновителей мартовских событий были приняты различные репрессивные меры. Однако борьба с ревизионизмом, часто механически отождествляемым с сионизмом, была использована для дискриминации многих лиц, в том числе заслуженных людей, и устранения их с занимаемых постов. Нужно, однако, подчеркнуть, что по инициативе партийных организаций и руководящих органов, прежде всего В. Гомулки, ряд наносящих вред решений затем был исправлен. Следует особо подчеркнуть происходившее в тот период восстановление значения патриотических, национальных ценностей.

Но имели место также явления, которые заслуживают решительного осуждения. К ним относились проявления антисемитизма. Их вызвали к жизни представители консервативных слоев, которые прибегали к националистическим предубеждениям в борьбе со своими политическими противниками, использовали еврейское происхождение части их. С антисемитизмом, правда, не имела ничего общего большая часть партийных и государственных деятелей. Тем не менее множество лиц еврейского происхождения устранились с постов независимо от их политической и профессиональной позиции. На волне событий, связанных с мартовским конфликтом, в 1968—1971 гг. из Польши выехало около 13 тыс. лиц еврейского происхождения. Все эти явления нанесли ущерб международной позиции Польши.

В 1967—1968 гг. в связи с ближневосточным конфликтом часть польских граждан еврейского происхождения заняла критическую позицию в отношении политики нашего правительства. Более того, некоторые из них демонстративно выразили поддержку агрессии Израиля против арабских стран. Это поведение обострял тот факт, что в израильской армии даже на высоких постах находились эмигранты из Польши, в

том числе бывшие офицеры Войска Польского. Острой была также проблема ответственности за извращения сталинского периода. Разные причины привели к тому, что на рубеже 40—50-х годов на многих руководящих постах в партии, армии, идеологических учреждениях, государственной администрации, в том числе карательных органах, находились польские граждане еврейского происхождения. Память об извращениях тех лет, о нарушениях законности и их виновниках осталась в сознании польского населения. На этой почве в 1968 г. популярность получило высказывание о том, что «чуждая польскому народу группа» была источником всякого зла.

Все эти обстоятельства позволяют понять одно из течений мартовских событий, но ни в коем случае не могут оправдать проявлений антисемитизма. Они противоречат идеологии марксизма-ленинизма, интернационалистской позиции левых сил, традициям польской терпимости.

Критическое отношение ПНР к агрессии Израиля против арабских стран, оккупации части их территории и преследованию палестинского населения остается неизменным. Это вытекает из принципов польской внешней политики. Не может, однако, оно вести к предрешениям в отношении еврейского населения. Такая позиция находит полное выражение в политике партии и социалистического государства. Она должна благоприятствовать, в частности, показу значительного вклада наряду с вкладом различных национальностей, населяющих Польшу, евреев и лиц еврейского происхождения в историю государства, в развитие науки, культуры, экономики нашей страны.

Сурово осуждая проявившиеся негативные явления, следует решительно заявить, что партия в целом и ее руководство, хотя и не всегда своевременно и не всегда достаточно успешно, противодействовали нагнетанию атмосферы антисемитизма.

Мартовские события 1968 г. представляли собой важный сигнал накопления неурегулированных противоречий, нарастающего общественно-политического кризиса. Этот сигнал не был, однако, использован руководством партии и государства для перехода к общественно-политическим реформам, определения мобилизующей перспективы развития страны».

В наиболее важных случаях, особенно когда идет речь о том, чтобы выявить реальную картину соотношения сил власти и оппозиции, целесообразно посмотреть на спектр мнений, нами не разделяемых, но учитываемых. Ниже приводится отрывок из статьи влиятельной газеты американских деловых кругов «Уолл-стрит джорнел» (14.01.1989):

«Варшава. Тысячу лет жили здесь вместе поляки и евреи. Польша столетиями была мировым центром еврейского населения и источником еврейской культуры.

Взрыв свободы слова в 1980-х годах и смягчение отношения Советского Союза к Израилю подняли на поверхность «еврейский вопрос» в Польше. Его гласное обсуждение могло бы много сделать для репутации Польши, не в последнюю очередь среди влиятельных американских евреев.

В 1984 г. Польша и Израиль впервые негромко заговорили об улучшении отношений, которые они разорвали после шестидневной ближневосточной войны 1967 г. Два года назад Польша разрешила Израилю открыть секцию в посольстве Голландии в Варшаве. Вскоре примеру Польши последовала Венгрия. Затем зондаж начали Чехословакия, Восточная Германия и сами Советы. Неудивительно, учитывая ее связи с еврейской историей, что Польша была первой. Шок произошел позже.

Фильм об истории уничтожения евреев был показан в Варшаве. Поляки увидели в этом фильме крестьян, показанных бессердечными и равнодушными к ужасной судьбе евреев. Призраки прошлого возникли снова. Коммунистическое правительство Польши протестовало, утверждая, что фильм несправедлив. Однако затем впервые оно признало одно из самых темных пятен польской истории: убийство толпой 42 евреев в Кельце — погром, происшедший в 1946 г. в Польше, когда война уже закончилась.

В марте прошлого года партия продолжила свое раскаяние. Она наконец признала факт организации антисемитской кампании сразу после ближневосточной войны. В 1968 г. партия обвинила «сионистов» в организации студенческих демонстраций. Последовала «охота на ведьм». Тысячи евреев лишились работы. Примерно 20 тыс.

выехали на Запад. Сейчас партия публично заявила, что предпринятая ею кампания нанесла Польше «моральный урон».

В 1939 г. в Польше жили 3,5 млн евреев, они составляли треть городского населения, 10% всего населения страны. После войны в Польше еще оставалось около 40 тыс. уцелевших евреев. Данные, на которые ссылаются в последние годы, говорят о том, что эта цифра уменьшилась до 10 и даже 4 тыс.

Польских евреев, как полагают некоторые, насчитывается не 4—10 тыс., а больше 20 тыс., они так и остались скрытыми и неучтенными. Немногие по собственной инициативе стремятся вернуться к религии, которой они никогда не знали.

Не каждый поляк признает ошибки, совершенные во время войны, и отделяет страдания своего народа от кампании уничтожения евреев. В конце концов миллионы поляков тоже погибли во время войны, и Израиль воздал должное тысячам поляков, помогавших евреям.

«Мы отвергаем призывы к односторонним покаяниям»,— сказал недавно один бывший генерал. Другой деятель писал: «Просто мы могли мало что сделать больше того, что было в действительности сделано». Один правительственный чиновник связывает разговоры о вине поляков перед евреями с «немецкой» пропагандой».

Мировая печать уделила много места репортажам из ПНР весной 1988 г. Корреспондент английского агентства Рейтер передал 11 марта из Варшавы:

«Руководитель запрещенного профсоюза Лех Валенса подверг в среду критике милиции за разгон студенческих демонстраций, организованных в память волнений в польских университетах 20 лет назад.

В Варшаве, присутствуя на неофициальном завтраке вместе с находящимся здесь с визитом министром иностранных дел Австрии Алоисом Моком, Валенса провел краткую беседу с журналистами по пути к резиденции посла Австрии.

«Я думаю, что через несколько лет мы увидим, как власти снова подвергнут критике то, что произошло вчера. Они всегда так поступают».

Коммунистические руководители Польши недавно выступили с неофициальной переоценкой событий марта 1968 г., когда волнения в университетах привели к тому, что власти предприняли направленную против интеллигенции и евреев кампанию, в результате которой из Польши выехало до 20 тыс. евреев.

Студенты традиционно отмечают годовщину тех событий, проводя небольшие демонстрации и мероприятия, которые в основном проходят без инцидентов.

Во вторник, однако, очевидцы видели, как отряды милиции для борьбы с беспорядками, вооруженные дубинками, напали на студентов в Варшаве. Многие студенты были арестованы. Из оппозиционных кругов стало известно об аналогичных волнениях в Кракове.

Число арестованных точно неизвестно, хотя из университетских кругов сообщили, что по меньшей мере один студент все еще находился под арестом в Варшаве в среду.

Официальное информационное агентство ПАП признало, что «решительные действия» сил охраны порядка воспрепятствовали проведению демонстраций.

Валенсу, взявшего отгул на работе на Гдальской верфи, где он работает электриком, чтобы встретиться с австрийским министром, сопровождали представитель «Солидарности» Януш Онышкевич и видные деятели профсоюза Бронислав Геремек и Тадеуш Мазовецкий.

На встрече также присутствовал руководитель «Солидарности» в Гданьске Богдан Лис.

Подобные встречи, которым власти не препятствуют, стали обычным мероприятием в ходе визитов высокопоставленных зарубежных гостей наряду с официальной программой переговоров с представителями правительства.

Валенса заявил журналистам, что он и его коллеги, «как обычно, изложат наши взгляды на ряд вопросов, касающихся Польши, позицию, которая, конечно, значительно отличается от точки зрения правительства».

Одним из вопросов, которые он надеялся поднять, была волна эмиграции из Польши в последние годы.

Австрия отменила въездные визы для поляков в начале этого года, в результате чего многие молодые талантливые поляки, считающие, что их чаяния не осуществляются на родине, стали выезжать в эту страну.

«Поляки нам нужны на родине, чтобы возродить Польшу», — заявил Валенса».

В ежемесячном теоретическом журнале ЦК ПОРП «Нове дроги» за февраль 1988 г. была опубликована статья «О мартовских событиях 1968 г.». Стиль и терминология заметно отличают ее от статей западных корреспондентов. Статья профессора З. Козика в «Нове дроги» обращает внимание прежде всего на последствия данных событий в области внутривнутрипартийной жизни, кадровой политики и в сфере науки.

С перспективы 20 лет, указывает автор, на основе доступных материалов о событиях марта 1968 г. в них можно выделить несколько основных течений. Волнения молодежи, давшие о себе знать в тот период выступлениями студентов во многих странах. Обозначились также до конца не преодоленные последствия сталинской эпохи и продиктованная распознанными ошибками озабоченность в связи с будущим страны критически настроенных партийных и беспартийных кругов. В ходе острых дискуссий дело дошло до кадровых перестановок в партии и научных сферах.

По данным Варшавского комитета партии, с марта по май 1968 г. в столице было снято с руководящих постов 483 человека, в том числе 365 работников в министерствах и ведомствах, 49 — в институтах и вузах, 24 работника средств массовой информации и культуры, 39 — на предприятиях. В Варшаве было исключено из партии 30 человек, в том числе 6 министров и замминистров. Кроме того, из партии было исключено в связи с мартовскими событиями 77 человек в Гданьском воеводстве и 50 — в Лодзинском и Вроцлавском. Кадровые перестановки были связаны с политическим контекстом войны на Ближнем Востоке. Несмотря на конструктивную постановку данной проблемы в выступлении В. Гомулки 19 марта, она рассматривалась односторонне.

Создавшуюся атмосферу в течение длительного времени рассматривали как дискриминацию по национальному признаку. Ею были, в частности, продиктованы необоснованные исключения из партии. В этой связи участились случаи эмиграции.

Наиболее глубокие и широкие последствия мартовские события имели место в сфере науки, главным образом в высшей школе. Только часть работников вузов воспринимала их как демократические перемены, к которым относились, в частности, создание институтов вместо кафедр, введение представителей студентов в коллегиальные вузовские органы, а также выдвижение в массовом порядке молодых кандидатов наук на должности доцентов, что привело к омоложению преподавательских кадров. Начали учитываться классовые критерии при приеме на учебу в вузы. Был изменен закон о высшей школе, которым отменялась ее автономия.

В то же время не были вновь назначены на свои посты после окончания срока действия полномочий 26% ректоров и 62% проректоров вузов. Большой общественный резонанс вызвали факты отстранения от работы в вузах по политическим мотивам. Это коснулось около 70 профессоров и доцентов, главным образом в Варшаве. Снимались с должности научные работники также в Польской академии наук и научно-исследовательских институтах.

То, что произошло 20 лет назад в высшей школе, имело широкие и болезненные последствия, которые памятливы до настоящего времени, прежде всего в кругах интеллигенции. Преобладание административных методов, нечеткость критериев и проявления антиинтеллигентских настроений заставляют посмотреть критически на факты того времени.

Многообразные последствия марта 1968 г. проявились также в ЦК ПОРП. Не ставились под сомнение ни их глобальная оценка — считалось, что эти события были атакой заблокированных правых сил и взаимодействующих с ними ревизионистских

группировок, — ни способы действия. Трудно найти в источниках подтверждение расхождений внутри ЦК. Нельзя исключать, что в руководстве ПОРП проявлялись различные фракционные течения. В качестве основы для таких выводов могут служить обвинения в национальной принадлежности и происхождении некоторых руководящих деятелей, не установленные до настоящего времени. Другой предпосылкой являлись чуждые социалистической идеологии, политически безответственные и вредные лозунги, которые были сняты только после категорического требования В. Гомулки. Трудно установить, по чьей инициативе появились некоторые публикации шовинистического характера, кто управлял этой кампанией.

Без сомнения, уход З. Охаба с поста Председателя Государственного совета ПНР, А. Рапачкого — с должности министра иностранных дел ПНР и их обоих — из состава Политбюро ЦК ПОРП явился выражением их политической позиции.

Важнейшим итогом событий 1968 г. было то, что линия хозяйственной политики, способы руководства и функционирования партии остались без изменений. Не было дано глубокого анализа причин мартовских событий, не было сделано выводов из критики различных областей жизни партии и государства.

Время, которое отделяет нас от событий 1968 г., способствует использованию объективных критериев оценки того периода, однако на пути стоят личные связи, эмоции участников тех событий, тенденции к субъективной интерпретации. Однако даже несколько шагов, сделанных в направлении изучения того периода, помогут использовать полученные знания в практике идеологической и политической работы».

Отражением взглядов нынешнего польского руководства многие в ПНР и за ее пределами посчитали статью З. Рыковского и В. Владыки «Март 1968», опубликованную в популярном варшавском еженедельнике «Политика» (7.03.1988). Материал этот вызвал серию ожесточенных публичных нападок тех, кого принято называть в Польше консервативными элементами — из числа бывших видных партийных и государственных функционеров.

«60-е годы — это период малой стабилизации, ограниченных перспектив, время застоя. Было ясно, что разошлись пути группировки Гомулки и тех представителей либеральной ориентации, с которыми в 1956 г. был заключен союз. Люди той ориентации сходили с политической сцены, с ними переставали считаться в структурах власти, хотя они еще и сохраняли различные, но не самые важные посты в администрации, а иногда и товарищеские позиции в центрах, создававших общественное мнение.

С интеллигентией Гомулка жил в несогласии. Не понимал ее мира ценностей и идей, не понимал, что способом ее существования являются дискуссия и критика. Его раздражало то, что она не уступает прагматизму его версии реальной политики, не понимает условий и ограничений этой политики. Политика в области культуры и науки становилась все более ограничивающей.

С каждой более смелой реформаторской мыслью вели борьбу как с ревизионизмом, который считался самой большой опасностью для социализма в Польше. Административные и репрессивные методы подменяли политический диалог, убеждение, создание общественных союзов.

К тому же не была последовательно осуществлена десталинизация. В 1964 г., после изменений в советском руководстве, ее необходимость вообще поставили под вопрос.

На внутреннюю политику оказывала влияние международная ситуация. Напомним о берлинском кризисе, затем кубинском, войне во Вьетнаме, конфликте на Ближнем Востоке. Не были нормализованы отношения с ФРГ. Коммунистическое движение оказалось разделенным китайско-советским конфликтом. Мир смотрел на Чехословакию.

Система власти оказалась неспособной урегулировать нарастающие противоречия путем реформ, использовать в целях развития демократические и материальные общественные чаяния.

Появились другие предложения дать ответ на политический кризис. В структурах власти возникли центры, конкурирующие с ветшающим руководством партии. Выход

из кризиса они видели не в либерализации (в этом они сходились с Гомулкой), а в усилении жесткости курса против волнений и смене руководящей группировки. Они вели поиск программы, которая выделила и дала бы им общественную поддержку. Появились популистские, национально-патриотические лозунги и аргументы, начали предприниматься расчеты с давними сталинистами, вместо того чтобы взяться за проведение десталинизации. В политическом мышлении обнаружился антиинтеллигентский и антисемитский синдром. Еще нельзя было ударить непосредственно по Гомулке, поэтому была начата борьба против представителей либеральной ориентации 1956 г. и бросающих вызов интеллигентов. Речь шла о том, чтобы лишить их силы воздействия на общественное мнение. Но прежде всего речь шла, однако, об ослаблении Гомулки, расчистке поля для следующей руководящей группировки.

В марте слились воедино и смешались подлинный общественный протест против методов тогдашнего управления с политической игрой, поиски путей выхода из кризиса с манипуляциями, стремление к реформе социализма с антисоциалистическими тенденциями, переоценка национальных традиций с национализмом.

1968 год не исполнил всех ожиданий действующих сил тех событий — ни оппозиционеров, ни карьеристов.

На тот раз Гомулке еще удалось выйти из конфликта победителем. Ему оставалось быть у власти еще два года.

Осталось мартовское наследие: позорный скандал с антисемитизмом, похороненная на годы реформа социализма в Польше, рознь между интеллигенцией и рабочим классом, человеческие обиды.

Остались моральные и политические переживания. Осталось поколение, которому все это досталось в наследство».

Поможете?

Когда наступило отрешение и Владислав Гомулка в том же самом Дворце культуры и науки, перед столь же большой аудиторией осенью 1967 г. старался как-то смягчить антисемитские страсти, повторилась ситуация, имевшая место несколько месяцев тому назад, с той только разницей, что часть зала, организованная теми же людьми с Воли, сперва начала скандировать: «Смелей!», а поскольку это не возымело эффекта, заменила это слово другим: «Терек!», «Герек!» Тогдашний первый секретарь воеводского комитета ПОРП в Катовицах был известен как практик, под его руководством Шлёнск развивался динамичней, уровень жизни там был несколько выше, чем в других местах. Гомулка и ближайшие его соратники сумели нормализовать отношения с ФРГ — то была давнишняя острая проблема. Договор подписали в декабре 1970 г., а спустя несколько дней (это было похоже на провокацию, потому что случилось перед самым рождеством, когда поляки по традиции делают большие закупки) правительство объявило о резком повышении цен на продовольствие и товары первой необходимости. Рабочие запротестовали против таких методов, требуя отменить повышение цен. Сперва начались забастовки, которые официальная пропаганда нарекла «простоями» или «перерывами в работе». 14 декабря 1970 г. на Гданьской судовой верфи состоялся митинг, на который собралось около 3-х тыс. человек. В полдень митингующие покинули судовую верфь и направились в центр, к зданию воеводского комитета партии. В ходе переговоров со вторым секретарем (первый был на пленуме ЦК в Варшаве) в толпу въехал милицейский автомобиль с радиустановкой. Демонстранты захватили его и объявили, что властями арестована делегация судостроителей и это требует решительного ответа, то есть забастовки. Уличные столкновения, поджог общественных

помещений и т. д. продолжались три дня. 17 декабря был опубликован указ Совета Министров ПНР об обеспечении безопасности и общественного порядка в Гданьске и на территории Побережья, где были уже раненые и убитые.

В последующие дни благодаря переговорам властей с рабочими, а также самооценке партии в вопросе повышения цен и уровня жизни общества забастовки начинают угасать. Тогдашний первый секретарь воеводского комитета партии Алоиз Каркошка публично заявил: «Мы имели дело с подлинными выступлениями рабочего класса. Причиной явилось недовольство экономическим положением. А непосредственным поводом к выступлениям рабочих было повышение цен на продовольственные товары...» В Гданьск прибыл член Политбюро ЦК ПОРП и вице-премьер в одном лице Станислав Кочолек, который обратился к жителям Побережья с призывом в понедельник 21 декабря всем рабочим коллективам приступить к нормальной работе. Обращение транслировалось по телевидению и радио и выслушано было с большим вниманием. Кочолека знали — совсем недавно он занимал здесь пост первого секретаря воеводского комитета. Когда рабочие, откликнувшись на призыв, отправились утром на работу, в Гдыне военные открыли по ним огонь. Так завершился последний акт трагедии политика, который еще 12 лет тому назад, в октябре 1956 г., пользовался безусловным доверием и авторитетом в обществе. Комиссии, созданные с целью выяснения ответственного за издание преступного приказа, по сегодняшний день ответа на это не дали.

Поможете? Таким кличем закончил митинг в январе 1971 г. на территории Гданьской судовой Эдвард Терек, новый Первый секретарь ЦК ПОРП, который после анализа ошибок прежнего руководства (выступление передавалось по польскому телевидению) пообещал впредь вести диалог с обществом по всем вопросам, касающимся жизни страны, выявить имена виновных в декабрьской трагедии и сурово наказать их, кроме того, поднять жизненный уровень людей труда, исходя из понимания роли науки для будущего развития Польши. Трудно было в то время не поверить в эти обещания, особенно зная о благоприятной ситуации в Шлёнске (Силезия). Слова Терек казалась тем более искренними, что ближайшие его соратники тоже клялись будто о приказе, положившем начало декабрьской трагедии, они либо не знали, либо не могли предотвратить события. Вот почему по всей Польше из конца в конец прокатился ответ рабочих: «Поможем!»

Как всегда бывает в таких случаях, в новый поезд истории стали забираться случайные люди, карьеристы, подхалимы и бывшие сталинисты. Наиважнейшим критерием было силезское или эмигрантское (франко-бельгийское) происхождение. Впрочем, все это мало трогало рядового поляка, жаждавшего спокойствия, приличной оплаты своего труда и перспектив стабилизации. Поэтому в первые годы возросло промышленное производство, поправилась ситуация в сельском хозяйстве, выросла роль Польши на международной арене (Терек в Париже, Терек в Вашингтоне и т. д.). Политики Запада, во всяком случае многие из них, тоже были заморожены «польским феноменом» и склонны поддерживать его для усиления своего влияния в социалистическом мире. И поплыли из Западной Европы, Соединенных Штатов, Японии, из арабских и других государств кредиты для Польши. Правительство Герека— Ярошевича без колебаний влезало в заграничные долги, а заграничные лицензии не всегда соотносились с потребностями страны.

Импортируемым установкам и машинам зачастую не находилось нужной производственной базы — цехов, зданий, квалифицированных специалистов. Складированные под чистым небом, они портились, не принося стране никакой пользы. Это состояние дел превосходно описал польский журналист Ришард Капустинский в своей книге «Шахиншах» (Варшава, 1975). Действие, правда, происходило в Иране, но все хорошо понимали, какую страну имел в виду автор. Семейно-компаний-скую ситуацию стали использовать люди из близкого и дальнего окружения Герека-Ярошевича. Они тоже хотели что-то урвать для себя из ссудно-кредитного эльдорадо и делали это достаточно явно. Создавались виллы-дворцы из нечестных источников и даже целые поселки, в которые рядовой человек не имел доступа. Государственные премии, как правило, вручались тем же людям (тремякратно получали их оба сына Терека), наглость властей достигла столь высокой степени, что запланировано было выгородить в Татрах часть Национального парка, который стал бы анклавом для избранных, чтобы «работягам» вход туда был закрыт. Культ Первого секретаря в органах пропаганды достиг невообразимых размеров. Все телевизионные новости начинались словами: «...Первый секретарь ЦК ПОРП товарищ Эдвард Терек...» Рабочим, правда, в первые четыре года значительно полегчало.

О последствиях неограниченных займов за рубежом, а также о необходимости рационального их использования говорили и ученые. Их мнением, как правило, пренебрегали, а тем временем приближались сроки выплаты платежей и процентов по ним. Стало очевидным, что кредиты только обременяют польскую экономику, она продолжает оставаться слабой; огромные капитальные вложения не сулили быстрого выхода продукции. А это непосредственно сказывалось на уровне жизни граждан, которые жили теперь под обманчивым «кредитным» лозунгом: «Построим другую Польшу!» Рядовой поляк вынужден был отказаться и от маленького «фиатика» для себя и своего семейства, и от улучшения своих жилищных условий, и от заграничных экскурсий (в 1971 г. были открыты границы в социалистические государства, а теперь их спешно закрывали из соображений экономии). Поляка надо было хотя бы подготовить к этому, а он пребывал в неведении, поскольку обязательной по-прежнему оставалась пропаганда успехов, которая затушевывала всякого рода недостатки, кумовство и бюрократизм. Кое-кто в Польше спустя годы назовет это волонтаризмом — намерения, мол, были хорошие. Но мне кажется, у нас было точное отражение того, что в СССР называется сегодня годами застоя (там «Малая земля» Брежнева, у нас книжка о подвигах Терека в Бельгии), — явление для нас еще более грозное, поскольку польская экономика была в десятки раз слабее советской, и потому ничто не предвещало выхода из кризиса.

И вот с 1975 г. партия и правительство начали уже не раз скомпрометированное «регулирование» норм и зарплат, прикрываясь при этом общественным «обсуждением» вопроса о повышении цен. Рабочие снова почувствовали себя обманутыми, тем более что о комиссии по расследованию обстоятельств расстрела рабочих в Гданьске в декабре 1970 г. и ее работе никто уже и не вспоминал. Похоже, было предано забвению и обещание Э. Терека о том, что выборные должности можно занимать не более двух сроков. В Радоме, Урсусе и еще кое-где снова начались массовые выступления рабочих, которые предвещали забастовки, если власти не откажутся от объявленного повышения цен. И власти уступили! Об этом проинформировал обще-

ственность по телевидению премьер Ярошевич. Страна еще раз вздохнула с облегчением, но теперь все были убеждены: с власть имущими надлежит говорить только с позиции силы. Этот тезис позднее в Польше тоже имел трагические последствия...

Тем временем партийная бюрократия и административный аппарат решили привлечь к суду организаторов выступлений рабочих. Во всех крупных городах Польши спешно собирались митинги, на которых выступавшие клеймили рабочий класс и солидаризировались с Первым секретарем ЦК Э. Тереком. В ходе этих жалких мероприятий публично, перед всей страной — все это показывалось по телевидению — было нанесено оскорбление труженикам, которых унизительно обзывали «смутьянами». Рабочие не могли не почувствовать возмущения. Ведь это их руками страна была поднята из развалин, благодаря им в Польше произошла историческая смена государственного строя, они превратили страну из некогда отсталой, аграрно-промышленной в про-мышленно сильную европейскую державу, благодаря их труду, наконец, выросли в Польше отряды талантливой, хотя и не используемой в полной мере интеллигенции. И за свой самоотверженный труд они снова ощутили наглое, пренебрежительное отношение к себе властей. И рабочие стали искать новых союзников, что было не так легко, поскольку не забылось еще обидное столкновение с интеллигенцией в марте 1968 г.

Нашлись, однако, люди, которые взяли на себя труд выступить перед прокуратурой и судом в защиту невинно осужденных. Сперва это выражалось в форме бесплатных юридических советов, защитительных речей, писания петиций и обращений к властям, но со временем приняло формы более организованные, поскольку начиная с 1976 г. лавина кризиса в Польше захватила самые разнообразные сферы жизни. Сформировались различного рода гражданские представительств, такие, как Комитет защиты рабочих, Движение защиты прав человека и гражданина, связанное с хельсинкскими соглашениями, и другие. Наивно было бы думать, что представившимися шансами не воспользуются противники социализма в Польше и за границей, что к существующей ситуации не захотят «примазаться» антикоммунистические диверсионные центры, скомпрометированные политики, обманутые в своих амбициях разного рода «мессии», а также люди, издавна мечтающие свести счеты с народной Польшей.

Почву для этого они имели благодатную, поскольку, несмотря на все перемены, происходившие в Польше после войны, сталинизм не был выкорчеван до конца. Современная публицистика часто задается вопросом, был ли у нас польский Сталин, забывая, что именно ближайшие соратники Берута — Берман, Минц, Радкевич и другие были исполнителями преступных замыслов. То же можно сказать о периоде Гомулки и Терека. Да и в наши дни, в 1989 г., в административном аппарате, в средствах массовой информации и в других местах можно встретить фамилии (часто на ответственных должностях) прежних прокуроров и судей, которые пользовались дурной славой не только в 50-е годы, но и в 1976 г., когда судили рабочих Радома и Урсуса. И даже чуть позже, в начале 80-х годов, этим людям хотелось стукнуть кулаком по столу, вывести войска на улицы и пролить кровь так, как это было сделано в Гданьске в декабре 1970 г., или прибегнуть к военной помощи извне, как это произошло в ноябре 1956 г. в Венгрии и в августе 1968 г. в Чехословакии.

Любопытная, пусть и злопыхательская, как принято было когда-то говорить в таких случаях, статья Майкла Кауфмана появилась в газете «Нью-Йорк Таймс» (21.04.1987):

«Варшава. По словам перебежчика из польского генерального штаба, советские, чехословацкие и восточногерманские войска дважды готовились к вторжению в Польшу на протяжении шестнадцати месяцев, перед тем как польское правительство сокрушило движение «Солидарность».

Польский эмигрантский журнал «Культура», выходящий в Париже, только что поместил пространный и подробный отчет об этом периоде за подписью Рышарда Куклинского, который в то время готовился к введению военного положения, тайно сообщая Соединенным Штатам о военных планах. Куклин-ский, который сейчас живет где-то в Соединенных Штатах, пишет, что советские генералы в тот период обосновались в Польше, запугивая и унижая польских руководителей, требовали сокрушить движение «Солидарность» и грозили полномасштабным вторжением, аналогичным вторжению в Чехословакию в 1968 г

Перебежчик, бывший полковник, сказал, что он и другие военнослужащие польского командования начали разработку планов подавления «Солидарности» путем введения военного положения как раз в тот период, когда польские должностные лица встретились с руководителем профсоюза Лехом Вален-сой на Гданьской верфи, чтобы подписать соглашения, гарантирующие права профсоюзов и свободы в области культуры.

Поляки с большим вниманием слушают часто заглушаемые радиопередачи, посвященные этой статье объемом свыше 50 страниц.

Ежи Урбан, официальный представитель правительства, который первым сообщил о существовании Куклинского в июне прошлого года, сказал на этой неделе, что он прокомментирует статью в парижской «Культуре».

Куклинский, которого вывели из Польши вместе с семьей за месяц до введения военного положения 13 декабря 1981 г. и который впоследствии был приговорен к смертной казни в Польше, пишет в статье, что он участвовал в нападении на Чехословакию в 1968 г. и что именно этот опыт подсказал ему возможность аналогичных событий в Польше.

На протяжении всей статьи 57-летний перебежчик, который почти наверняка прошел детальный допрос в Соединенных Штатах, попытался выставить себя патриотом, которому пришлось шпионить из-за грубых попыток Москвы установить свое господство над Польшей и из-за воспоминаний о 1970 годе, когда польские вооруженные силы подавили протесты против повышения цен, убив 44 человека.

«Когда в 1980 г., десять лет спустя, история стала повторяться и когда вновь во имя спасения власти элиты, поставившей себя над страной, начали предприниматься попытки применить вооруженные силы против собственных рабочих и молодежи страны, я просто сказал: нет, — пишет он. — Я увидел весьма типичную ситуацию, в которой солдат не только не должен, но просто не может выполнять приказы, противоречащие его совести».

Куклинский характеризует генерала Войцеха Ярузельского, который тогда был командующим польской армией, а сейчас является руководителем Польши, как человека, который часто переживал по поводу происходящего, приходил в отчаяние и пытался тянуть время, когда советские генералы требовали подавления зачатков профсоюзного плюрализма, которые они называли контрреволюцией.

Согласно этой статье, генерал Ярузельский, который тогда командовал польской армией, был глубоко расстроен и не мог убедить русских даже изъять из их планов участие восточногерманских войск, чье вторжение, как он настаивал, без лишней нужды ущемило бы национальную гордость поляков.

В тот момент генерал Еугениуш Мольчик, один из сторонников жесткой политической линии, выступил против генерала Ярузельского и просил советское Министерство обороны разрешить польским вооруженным силам расправиться с «Солидарностью». Перебежчик назвал генерала Мольчика «известной марионеткой Москвы».

Куклинский указывает, что после этой просьбы, но, возможно, и вследствие Решительных заявлений об обеспокоенности Западной Европы и администрации Картера планы вторжения были заморожены.

Затем начался долгий период, в течение которого тайная полиция наметила свыше 6 тыс. оппозиционных деятелей для арестов и держала еще несколько сот человек под наблюдением. Тем временем, пишет Куклинский, армия затягивала осуществление своих планов.

Весной 1981 г., говорится в статье, когда генерал Ярузельский все еще настаивал, что время для военных мер не пришло, маршал Куликов приехал в Польшу во главе с группой из тридцати сотрудников КГБ и Советских Вооруженных Сил, чтобы подтвердить планы введения военного положения. В статье говорится, что они потребовали массовых арестов и приговоров без суда.

Той же весной по требованию Советского Союза были устроены срочные учения Варшавского Договора с участием 150 тыс. солдат, которые Куклинский считал возможным прикрытием для вторжения. В учениях участвовало лишь 30 тыс. польских солдат, войска других стран остались в стране и после предварительно намеченной даты их вывода. Когда польские офицеры стали задавать вопросы по этому поводу, маршал Куликов, как пишет Куклинский, ответил, что «учения продолжаются, поскольку в Польше возникла контрреволюция».

Куклинский сообщает, что в некоторых польских городах были созданы советские командные пункты, а группы советской военной разведки вели наблюдение за фабриками, шахтами и университетами.

Угроза применения военной силы была использована вновь для того, чтобы заставить генерала Ярузельского подписать указы, позволяющие ввести военное положение в любой момент. 13 апреля 1981 г. польский генерал Ярузельский и даже Станислав Каня пытались как можно дольше тянуть с введением военного положения. С другой стороны, Куклинский отвергает мнение о том, что, когда 13 декабря 1981 г. генерал Ярузельский наконец ввел военное положение, он стоял перед выбором либо военного положения, либо гораздо более сурового и пагубного советского вторжения.

Отношение Куклинского к генералу Ярузельскому представляется несколько двусмысленным. Как указывает неназванный журналист, бравший у Куклинского интервью, его рассказ о событиях свидетельствует о том, что генерал Ярузельский и даже Станислав Каня пытались как можно дольше тянуть с введением военного положения. С другой стороны, Куклинский отвергает мнение о том, что, когда 13 декабря 1981 г. генерал Ярузельский наконец ввел военное положение, он стоял перед выбором либо военного положения, либо гораздо более сурового и пагубного советского вторжения.

По мнению Куклинского, с самого начала был и другой вариант: если бы политическое и военное руководство Польши решительно выступило против русских, как это сделал Владислав Гомулка в 1956 г. перед лицом угрозы вторжения со стороны Никиты Хрущева, русские бы вновь отступили, а страстные сторонники «Солидарности» смягчили бы свои требования.

К зиме 1980 г., пишет перебежчик, советские военные руководители разработали планы военного вторжения под прикрытием учений стран Варшавского Договора. Маршал Куликов, командующий силами Варшавского Договора, находился в это время в Варшаве, где, по словам Куклинского, он пытался сформировать новое польское правительство из числа просоветски настроенных сторонников жесткой линии. В целом, сообщает перебежчик, 18 советских, чехословацких и восточногерманских дивизий должны были подготовиться к вторжению в Польшу 8 декабря, а советский и восточногерманский балтийские флоты должны были объявить военно-морскую блокаду.

Когда польское правительство впервые сообщило о существовании Куклинского, Урбан, официальный представитель правительства, ответил, что поляки готовы пережить уничтожение и признать, что в их высшем командовании действовал шпион, чтобы разоблачить цинизм правительства Соединенных Штатов. Вашингтон, сказал он, не предупредил «Солидарность» о военном положении, хотя был в курсе всех подробностей благодаря Куклинскому».

Панорама полувековой военной истории новейшего периода впечатляет. И хотя обзор этот дан в сокращении, он все же охватывает все аспекты национальных проблем, которые позже использовала «Солидарность». И лишь после такой вводной главы можно приступить, как того хочет доктор Георгий Вачнадзе, к подробному рассмотрению польского кризиса 80-х годов.

1. СЦЕНАРИЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

«Наша родина оказалась над пропастью. Превращаются в руины достижения многих поколений и восстановленный из пепла дом. Государственные структуры перестают действовать. Угасающей экономике каждый день наносятся все новые удары. Условия жизни ложатся на плечи людей тяжелым бременем. Через каждое предприятие, через множество польских семей проходят линии болезненного раздела. Атмосфера непрекращающихся конфликтов, недоразумений, ненависти несет психологическое опустошение. Забастовки, забастовочная готовность, акции протеста стали нормой жизни...»

Эти слова были произнесены по варшавскому радио утром 13 декабря 1981 г. Первым секретарем ЦК ПОРП, Председателем Совета Министров ПНР генералом В. Ярузельским в его обращении к польскому народу в связи с введением в стране военного положения.

Десять дней спустя, 23 декабря, с рождественским обращением к своей стране выступил президент США Р. Рейган. Однако его обращение было посвящено не рождественским праздникам, а обстановке в Польше. Введение военного положения — крайняя мера, на которую решилось правительство Польши, чтобы избежать катастрофы, хаоса, нищеты и голода в стране,— было названо президентом Рейганом «актом произвола».

«Польский народ был предан собственным правительством,— заявил президент.— Если акты произвола в Польше не прекратятся, мы не сможем и не будем вести себя по отношению к тем, кто их совершает, так... как если бы ничего не случилось. Не сомневайтесь — они дорого заплатятся за свои преступления...»

Свеча, зажженная в окне Белого дома в канун рождества, была символом солидарности с польским народом. А может, с теми, кто разрушал национальные ценности Польши, кто толкал польский народ в пучину братоубийственной борьбы?

Под флагом «Солидарности»

Что привело к возникновению такой ситуации? Каковы были действительные цели и лозунги тех, кто направлял оппозицию в ПНР 80-х годов? Постараемся ответить на эти вопросы.

Лето 1980 года. Партией и правительством десятый год руководят Эдвард Терек и его окружение. Прошло приблизительно полгода после VIII съезда ПОРП, но мнения рядовых членов партии и многочисленных представителей партийного актива не находят должной поддержки. Экономическое положение Польши про-

Автор Г. Вачнадзе предупреждает! Страницы 90 — 106 были написаны им в 1982 г. с использованием ряда обязательных для того времени в СССР идеологических формулировок и штампов. Прежний текст публикуется вновь, без изменений, с незначительными сокращениями.

должает ухудшаться, огромная задолженность западным банкам, вызванная большим количеством займов, сделанных в 70-е годы, способствует дальнейшим осложнениям.

Все это вызывает растущее недовольство рабочего класса, но сигналами, поступающими от первичных парторганизаций, пренебрегают. В июле и августе происходят волнения экономического характера на многочисленных предприятиях. Власти принимают противоречащий элементарным экономическим законам принцип: коллективы прерывающих работу предприятий получают значительное повышение зарплаты. Это вызывает цепную реакцию — забастовками угрожают все новые предприятия.

Таким образом, в середине августа начинаются уже массовые выступления на верфях Гданьска и Гдыни. Отсутствие правильной оценки и политической концепции ликвидации этих социальных кризисов приводит к тому, что требования бастующих с проблемы повышения заработной платы распространяются на другие сферы, и в конечном счете представители предприятий Гданьского побережья формулируют 21 требование экономического, социального и политического характера. Эти требования ложатся в основу соглашений, заключенных между представителями предприятий и правительством в трех промышленных центрах Польши: в Гданьске и Щецине на Побережье и в Ястшембе, центре угольной промышленности.

В то же время, 5—6 сентября 1980 г., ЦК ПОРП проводит значительные изменения в составе Политбюро и на многих ключевых государственных постах. Уходит в отставку Э. Терек. Пленум ЦК ПОРП провозглашает курс на социалистическое обновление, подчеркивая необходимость подготовки IX чрезвычайной сессии партии.

Первоначально могло показаться, что союзником в реализации намечаемых мер мог стать и новый, «всплывший» на августовской волне рабочего недовольства профсоюз «Солидарность». Его создатели заверяли публично, что «независимый, самостоятельный» профсоюз «Солидарность» не преследует политических целей и разделяет тезис о руководящей роли партии в государстве. Но не в профсоюзе! В октябре 1980 г. председатель «Солидарности» Лех Валенса говорил: «Мы должны наводить порядок, не ниспровергать социализм, не подрывать союзы (с братскими странами.— *Прим. Г. В.*), а создавать независимые самоуправляемые профсоюзы». Анджей Гвезда заявлял тогда: «Мы не хотим, чтобы профсоюзы были платформой провозглашения политических взглядов отдельных лиц или целых групп». Напомним, что в тот период «Солидарность» не была еще формально легализована, не была организацией, зарегистрированной в соответствии с действующим законодательством (что было сделано в ноябре 1980 г.). Именно этим прежде всего следует объяснять сдержанный тон высказываний того периода. Руководство профсоюза стремилось в тот период закрепить свои позиции. Сразу же после августа «Солидарность» повела широкое наступление, добиваясь повсеместного повышения заработной платы. Схема была очень простой: одни получили, другие нет, одни меньше, Другие больше. Поэтому следовало выдвинуть требования, составить их перечень, а в случае промедления со стороны дирекции или вышестоящих органов прибегнуть к забастовке. Под лозунгом забастовок, направленных на повышение заработной платы и дополненных другими требованиями, прошла осень 1980 г.

Такого рода действия являлись первым этапом ослабления экономики страны. Тех, кто предупреждал, что возрастающий поток денег, хлынувших на рынок, не найдет товарного обеспечения, часто высмеивали, добавка к зарплате, так называемая «валенсовка», широко пропагандировалась как большое достижение «Солидарности».

Многие тогда, осенью 1980 г., задавались вопросом: как это молодое так называемое «стихийное» движение может быть так хорошо организованным, действовать столь гибко и беспардонно?

Ответ был относительно простым. Выше уже отмечалось, что в конце 70-х годов в политике партии и государства имели место значительные отклонения от ленинской линии построения социализма. Различные оппозиционные группировки старались искусно использовать недовольство масс, воспользоваться популярными лозунгами, представить неудовлетворенные требования партийных организаций как свои собственные.

Способы протеста подсказывались различными нелегальными печатными изданиями и листовками. Некоторые из них, популяризируемые действующими нелегально так называемыми «свободными» профсоюзами или оппозиционной организацией КОС — КОР, приобретали даже форму инструкций, предписывающих, каким образом следует вызывать волнения и перерывы в работе на предприятиях. В этих изданиях пропагандировалась теория «итальянских» (на рабочих местах) забастовок. Лето 1980 г. показало, что рабочие выступления проходили именно по такому сценарию. Характерно, что там, где возникал значительный по масштабу конфликт, немедленно появлялись деятели оппозиционных группировок и фактически брали в свои руки руководство рабочим протестом. С первых дней августовской забастовки на Гданьской судоверфи туда съехались в качестве советников, экспертов или обычных «подсказчиков» представители политической оппозиции различных оттенков. Многие из них, и в первую очередь руководящий состав КОС — КОР, сразу же расположились за спиной Леха Валенсы, которого они поддерживали, одновременно руководя им. Такие люди, как Кароль Модзелевский, Яцек Куронь, Адам Михник, Антони Маца-ревич и Анджей Гвезда, не хотели упустить случая.

Серьезные зарубежные комментаторы выражали удивление по поводу того, что Польша в период обострения экономического кризиса, растущей нехватки продуктов питания, топлива и энергии намерена позволить себе сделать все субботы свободными от работы.

В январе 1981 г. была объявлена забастовка на многих предприятиях ради того только, чтобы доказать, что «Солидарность» может все. Ее представители стремились к значительному сокращению рабочего времени, отмечая все рациональные аргументы здравомыслящих людей, напоминая им, что приостановка добычи угля в субботы в значительной степени углубит кризисную ситуацию.

В результате хотя люди и стали получать больше денег и меньше работать, но их повседневные заботы нарастали изо дня в день, возникал все больший разрыв между растущим спросом и ограниченным потреблением.

Возникла необходимость регламентированного распределения основных продуктов питания, прежде всего мяса и мясопродуктов, масла, хлебобулочных изделий.

До сих пор оппозиционные силы чаще всего прибегали к утверждениям, что благодаря «Солидарности» у людей стало больше денег, они меньше работают. Те-

перь должен был прибавиться новый аргумент: благодаря «Солидарности» будет справедливо осуществляться распределение продуктов питания, в одинаковых количествах и в городе, и на селе. В качестве крупнокалиберного оружия использовались упоминания о биологическом минимуме, недостаточном питании, заботе о каждом. Выдвигалось даже требование увеличения продовольственного пайка. При этом не принималось во внимание одно: сколько же в действительности имеется продуктов для распределения? Можно ли покрыть ими выданные карточки?

Результат был таким, какого и следовало ожидать. Несмотря на значительное увеличение импорта — благодаря большой помощи со стороны социалистических стран, — карточки на мясо не были обеспечены; в августе 1981 г. возникла необходимость уменьшения норм выдачи продовольствия. Руководство «Солидарности» в создавшейся ситуации старалось придать настроениям общественности определенное направление: «Неважно, откуда правительство возьмет продукты, оно должно их дать».

Этот маневр, как, впрочем, и другие, был хорошо продуман. Недостатки в снабжении были использованы как политическое оружие. Напомним, что в июле 1981 г. работал IX съезд ПОРП, на котором была разработана программа преодоления кризиса и стабилизации экономики, были одобрены направления реформ, и не только в экономике.

«Солидарность» выдвинула пропагандистский лозунг, провозглашающий, что ухудшение положения на рынке продовольствия — это «первый эффект IX съезда партии». Под этим лозунгом шла подготовка к так называемым «голодным маршам».

А со снабжением было действительно плохо. Не потребовалось больших усилий, чтобы вывести людей на улицу: демонстрации протеста женщин, матерей с детьми, пенсионеров. Януш Онышкевич, один из ведущих деятелей оппозиции, представитель по печати всепольской комиссии «Солидарности», заявлял, что «Солидарность» только «предотвратила зло», что она только направила недовольство людей в русло, а без этого было бы еще хуже. Характерно, что такое «направление в русло» не прошло под лозунгом «возьмемся за работу», не приняло формы обращения к крестьянам продавать городу больше продовольствия. Оружием были избраны забастовка, протест, марш, антигосударственная демонстрация.

Предлогом экономических затруднений руководство «Солидарности» будет пользоваться и в последующие месяцы, указывая на затруднительное положение со снабжением и планируемое в соответствии с положениями экономической реформы изменение цен.

Под защиту и опеку «Солидарности» перешли все течения антисоциалистической оппозиции. В частности, пропагандировались заслуги КОС—КОР, поднималась шумиха вокруг деятельности группы Мочульского, создателя так называемой «Конфедерации независимой Польши». «Солидарность» все меньше занималась профсоюзными Делами.

Если в начальный период, до регистрации профсоюза, в официальных высказываниях деятелей «Солидарности» в принципе признавались положения Конституции о руководящей роли ПОРП в польском обществе, то после регистрации начинается новый этап: сначала «терпимость» к партии, признание ее руководящей роли, а затем переход к прямым атакам на ПОРП, ее руководство, партактив на местах и партийную номенклатуру.

Целью этой деятельности было углубление разногласий в самой партии, курс на внутренний раскол в ней, выдвижение тезиса о потере доверия общества к ПОРП и невозможности восстановления этого доверия. Другими словами, предпринимались попытки сорвать проведение IX съезда партии. Различные бюллетени «Солидарности» старались подорвать классовый характер партии, противопоставляли так называемые партийные «низы» «верхам», которые осуждались целиком и полностью, причем в качестве примера приводились ссылки на действительно скомпрометировавших себя людей. Шельмование руководящих кадров парализовывало деятельность партии и государства. В отношении части руководящих кадров, не оправдавших доверия партии, последовательно и справедливо были сделаны необходимые выводы («Солидарность» представила это как свою заслугу), но оппозиция, проводя свои атаки, стремилась к обобщениям и распространению «чистки» также на идейно стойких членов партии. Были и такие руководители, которые надломились перед лицом этой массивной психологической атаки.

Одновременно выдвигался тезис, согласно которому партия в Польше является правой (охотно использовался термин «партийно-государственная власть»), но руководящей, ведущей силы она якобы не представляет. Весной 1981 г. полиграфическая база «Солидарности», развивающаяся благодаря помощи руководства правых профсоюзов Запада и так называемым «пожертвованиям частных лиц», стала уже официально доступной для КОР и КНП.

Очередной формой нажима на партию стала широкая кампания борьбы за передачу зданий партийных комитетов различного уровня для последующего их использования в различных социальных целях. Оставался один только шаг для концентрированной акции изгнания заводских комитетов ПОРП с предприятий. Аргументировалось все это так, что «Солидарность» и возникающие органы «самоуправления» предприятий являются якобы единственными представителями трудящихся, а партия только подстрекает, создает препятствия и «придает событиям политическую окраску», что задерживает проведение экономической реформы. По такому сценарию события разворачивались, например, на заводах «Понар-Живец», «Фадром» во Вроцлаве, на металлургическом комбинате в Варшаве. «Профсоюзные деятели» соответствующим образом подготавливали настроения — в 1981 г. в «Солидарности» было уже свыше 40 тыс. штатных работников — в 4 раза больше, чем насчитывал аппарат бывшего Центрального совета профессиональных союзов.

Атаки на партию были частью кампании по наступлению на социализм. Слова «социализм» во всех удобных случаях реакционеры старались избегать, с тем чтобы вычеркнуть его из памяти и сознания людей. Если оно и употреблялось, то как понятие сугубо негативное. Выдвигался тезис об «отчуждении власти», которой противопоставлялось общество, и вывод из этого следовал простой: власть слаба и некомпетентна. «Такая ситуация вынуждает нас принять на себя ответственность за судьбы страны», — говорил Лех Валенса. А Кароль Модзелевский без обиняков публично заявлял: «Произошло разложение тех функций власти, которые связаны с организацией общественной жизни, особенно экономики». Так, ведущий эксперт «Солидарности» как бы одобрил многомесячные усилия оппозиции.

Забастовки рассматривались их инициаторами не только как инструмент экономической борьбы — они служили целям борьбы политической. Богдан Лис, ведущий деятель оппозиции, заявил: «Всеобщая забастовка в польских условиях была

бы чем-то вроде народного восстания, в результате которого возникло бы правительство, скажем, национального единства. Мы могли бы выиграть в течение одного дня... ограничение тесными рамками профсоюзов уже не оправдывает себя».

Весной и летом 1981 г. «Солидарность» ведет подготовку к своему первому съезду. В ходе предвыборной кампании на предприятиях, а особенно в региональных органах профсоюза многие люди, которые в августе 1980 г. по идейным соображениям возглавили рабочие выступления, оказываются устраненными. Их место занимают уже не профсоюзные, а политические деятели. Это они составили большую часть делегатов съезда «Солидарности», длившегося 18 дней (в два тура в Гданьске — в течение сентября и октября).

В Гданьском дворце спорта «Оливия» была похоронена легенда о том, что «Солидарность» — всего лишь «профобъединение». Это было собрание 900 постоянных сотрудников аппарата «Солидарности», из которых лишь 70 не получали зарплату за свою профсоюзную деятельность (и только 224 делегата считали себя рабочими).

Устроители позаботились, чтобы «Оливия» привлекала к себе людей. С утра до позднего вечера у здания шла бойкая торговля литературой, значками и другими сувенирами. Заседание съезда транслировалось через громкоговорители.

Реклама съезда и в самом деле оказалась активной и необычной. 5 сентября, в день открытия съезда «Солидарности», представители этого профобъединения устроили бунт и побег 200 преступников, среди которых были опасные рецидивисты, из тюрьмы в городе Быдгощ. Незамедлительно была издана «Солидарностью» серия фотоснимков плакатного размера, расклеенных затем в людных местах. Подпись под снимком анонимной и небритой личности гласила: «Я, как представитель «Солидарности», был с заключенными до последнего момента». Сделаны были также снимки беглых рецидивистов и репортеров «Солидарности», берущих у них интервью после побега.

Открытый вызов власти, государству, законам, партии, социализму доминировал и во всех итоговых документах съезда в Гданьске.

«Твердый курс» наиболее отчетливо проявился в принятии проекта о «рабочем самоуправлении». Лидеры «Солидарности» заявили, что, если сейм не поддержит продиктованный ими законопроект, они все равно осуществят его — самоуправно, силой... Так нахрапом правые продвигались вперед по пути захвата экономической власти. «Солидарность» требовала права самой назначать директоров не только на мелких, но и на крупных, общенационального значения, предприятиях, решать, что там производить и как распределять прибыль.

Куда направлены были маневры «Солидарности», ясно из заявлений руководителей так называемой «национальной конфедерации свободной экономики», сформированной в связи со съездом в Гданьске. В эту «конфедерацию» должны были объединиться все силы, «заинтересованные в последовательном переходе к рыночному хозяйству» и намеревающиеся покончить с принципом государственной собственности на основные средства производства. Иначе говоря, речь шла о возврате к капитализму. Коскоровец Липиньский так и заявил на съезде: «...мы себя социалистами не считаем, мы за частную собственность на средства производства». Подобные слова не были случайностью. Вот в каких выражениях ту же мысль сформулировал Я. Рулевский: «Солидарность» должна как огромный молот разбивать тоталитарную систему, существующую в Польше».

В планы входило — как это было заявлено на съезде в Гданьске — установление полного контроля над средствами массовой информации, значительная часть которых уже была наводнена людьми из «Солидарности».

Под флагом профобъединения «Солидарность» миллионными тиражами выходили общенациональные еженедельники, листовки и брошюры. Что из того, что в стране не хватало бумаги для школьных учебников и 150 газетам и журналам, книжным издательствам были урезаны лимиты на бумагу. Функционировали десятки местных изданий, оппозиционные силы получили доступ к Центральному польскому радио и телевидению, намеревались открыть собственные радио- и телестудии. Впрочем, эти студии существовали. В течение почти всего 1981 года из Варшавы еженедельно отправлялись во все воеводства страны 750 магнитофонных кассет с 90-минутной программой, постоянными слушателями которой являлись 2—3 млн рабочих предприятий. Магнитофонные кассеты проигрывались, как правило, на заводских и фабричных радиоузлах; готовила эти программы в «Солидарности» специальная редакция, действующая независимо от Комитета по радиовещанию и телевидению.

Показательно, что американский концерн ИБМ и другие капиталистические фирмы поставили для гданьского съезда техническое оборудование стоимостью 160 тыс. долларов. Л. Валенса тогда же провозгласил намерение создать свою телевизионную станцию: оборудование для нее уже было завезено из-за границы. «Солидарность» могла выходить в эфир, но претендовала на то, чтобы определять всю политику на Центральном радио и телевидении Польши. Затея, правда, не удалась.

В антисоциалистических планах не было оставлено без внимания и село. Среди крестьян распространялись провокационные слухи, в том числе о конфискации частных земель, подрывался союз рабочих и крестьян, причем как в экономическом, так и в эмоциональном аспектах. Не скрывалось, что «сельская «Солидарность» должна быть лишь «пристройкой» руководящих центров оппозиции, разместившихся в национальном руководстве «Солидарности» и в правлениях регионов.

Какой, спрашивается, политической самостоятельностью мог обладать, к примеру, Ян Кулай? В свои 23 года (сын крестьянина и сам крестьянин-единоличник, владелец 9 гектаров земли, окончил сельскохозяйственный техникум) он стал в марте 1981 г. главой профобъединения крестьян-единоличников. Тогда, 10 марта, в Познани завершил работу незаконно созданный так называемый I Всепольский съезд крестьян-единоличников «Солидарность» (новое название «сельская Солидарность», объединявшей, по ее словам, 2,5 млн крестьян). Участники сборища избрали «всепольский организационный комитет» профсоюза (81 человек) со штаб-квартирой в Жешуве и президиум (12 человек во главе с Кулаем) со штаб-квартирой в Познани.

Кулай усердно исполнял волю группы наставников из КОС — КОР. Уже к маю 1981 г. польское правительство указывало на опасность развернутой «сельской «Солидарностью» самостоятельной закупки продуктов у крестьян — это подрывало картонную систему. Кулай, нимало не стесняясь, заявил 13 мая 1981 г. в ходе очередной пресс-конференции для иностранных журналистов, что главная задача новой профорганизации — «не заниматься работой по увеличению производства продуктов питания, а выдвигать требования перед властями, укреплять частную собственность на селе». Он и другие лидеры «сельской «Соли-

дарности» не скрывали, что «для защиты прав крестьянства профсоюз будет использовать все формы давления на власть, включая и забастовки». Этот профсоюз будет практиковать натуральный обмен продуктов питания на средства производства, роспуск сельскохозяйственных производственных кооперативов и передачу освобождающихся таким образом земель крестьянам-единоличникам, назначение районного руководства, говорилось в сообщении агентства АДН из Варшавы, опубликованном в берлинской газете «Нойес Дойчланд» (1605.1981).

Мочульский, Куронь, Валенса, Милсвский, Михник, Рулевский, Гвезда, Буяк, Куровский, Юрчик, Чума и другие лидеры «Солидарности» вошли в профобъединение, исходя из тактических соображений. Различные антисоциалистические организации: «Конфедерация независимой Польши», КОС — КОР, «Движение в защиту прав человека и гражданина», «Польская партия труда», «Польская демократическая партия» и другие — стремились манипулировать этим «независимым профсоюзом», причем среди них разгоралась все более острая борьба за власть в «Солидарности». Необходимо отметить, что все эти группы и политические партии в своих программах в проводимой политике выдвигали антикоммунистические и антисоветские лозунги.

«Теневой кабинет» «Солидарности» был готов занять не только все руководящие посты в государстве, включая пост премьер-министра и президента, но и в Министерстве иностранных дел и дипломатических представительствах за границей.

Несостоявшиеся «послы» чувствовали себя настолько уверенными, что вели переговоры с иностранными государствами от имени «правительства», которое не было еще сформировано. В частности, руководитель группы экспертов при профобъединении ярый антикоммунист Геремек вел переговоры о предоставлении Польше кредитов и обеспечении работой польских рабочих на Западе. Иностранные наблюдатели называли его министром иностранных дел «теневого кабинета».

Представители некоторых западных государств, в частности США, рассматривали лидеров профобъединения как будущих руководителей Польши, которая (конечно, по их замыслам) должна была оказаться в орбите американского влияния. Я. Онышкевич — один из лидеров варшавской «Солидарности», — не имея полномочий МИД ПНР, обменивался «посланиями» с сотрудником американского посольства в ПНР А. Скопом. Подписи Онышкевича на бланке варшавской «Солидарности», предоставляющей Зигмунту Пшетакевичу полномочия открыть в США представительство «Солидарности», было достаточно, чтобы тому была оказана всесторонняя поддержка. Профцентр АФТ — КПП помог Пшетакевичу организовать в Нью-Йорке «информационное бюро» и выделил на эти цели 300 тыс. долларов; бюро было закрыто 29 октября 1981 г. только после вмешательства МИД ПНР.

Открытие «Солидарностью» этого бюро в Америке было пробным шаром. Если бы официальные власти ПНР немедленно не вмешались или среагировали бы не слишком решительно, подобные бюро были бы официально открыты — на самом деле они уже существовали — во всей Западной Европе.

Деятель «Солидарности» Рулевский не таясь заявил в ходе своих «переговоров» с представителями британских профсоюзов: «Профсоюз должен иметь собственные дипломатические представительства за границей, так как посольства ПНР не в состоянии точно информировать «Солидарность» и защищать ее интересы (цит. по: Жолнеж вольности. 1982. 8 января).

До 13 декабря 1981 г. 50 официальных делегаций «Солидарности» выехали в 30 западных государств. Более 300 деятелей профобъединения под видом туристов посетили Италию, Францию, Швецию, США и Швейцарию. Чем они там занимались, можно судить по следующим примерам. В сентябре 1980 г. Коскоровец Т. Валендовский принял участие в симпозиуме Центра стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета в США, посвященном «польскому вопросу». Розпховский в январе 1981 г. во время пребывания в Риме посещал посольство США, где зондировал возможности оказания Америкой помощи Польше в случае свержения законного правительства и прихода «Солидарности» к власти и договорился о будущих доверительных контактах представителей «Солидарности» с сотрудниками американских посольств. Коскоровцы, выступающие в роли представителей «Солидарности», установили тесные контакты с руководителями Социнтерна, которые заверили их, что окажут финансовую помощь и выделяют советников.

Документы, конфискованные в штаб-квартирах «Солидарности» в крупных польских городах, позволили Польской объединенной рабочей партии, правительству передать гласности дополнительные факты об образовании ряда новых партий для участия в свободных выборах, об активизации «Польской партии труда», которая была задумана как политическое воплощение «Солидарности», проводились уже организационные собрания на отдельных предприятиях, а на вторую половину января 1982 г. был намечен учредительный съезд этой антисоциалистической партии во Вроцлаве. Причиной, повлиявшей на принятие решения о введении военного положения, стала также кампания, нацеленная на выживание парторганизаций с предприятий. Не было ни одного воеводства, не охваченного этой кампанией.

На 17 декабря были назначены сборища и демонстрации. Вывод людей с предприятий означал бы, что «Солидарность» приступает к непосредственным действиям на улицах. Генеральная репетиция к действиям подобного рода была проведена 11 ноября. В тот день экстремистам удалось вывести на улицы польских городов около 100 тыс. человек. «Солидарность» избрала так называемый «венгерский вариант» (события в Венгрии осенью 1956 г. начались именно с крупной уличной манифестации). Поэтому 17 декабря начался бы этап непосредственной борьбы за власть, подчеркнул секретарь ЦК ПОРП М. Ожеховский на состоявшейся 16 декабря 1981 г. встрече с партактивом Варшавы.

Заседание президиума общепольской комиссии и председателей региональных организаций «Солидарности» 3 декабря 1981 г. в Радоме предвещало последний этап эскалации. Отказываясь от маскировки, руководство профсоюза высказалось за конфронтацию и захват власти. Обсуждались два варианта действий.

Первый, поддерживаемый наиболее радикальными оппозиционерами, признавал ненужными все промежуточные этапы и предусматривал незамедлительный захват власти путем создания так называемого «временного правительства». Средством достижения этой цели должна была стать всеобщая забастовка и конфронтация с применением силы.

Второй вариант предусматривал приход к власти снизу, через предприятия, местное самоуправление, народные советы и лишь впоследствии с применением силы для захвата центральной власти.

Так называемая «радомская позиция», по существу, представляет собой компромисс между этими двумя тактиками: атака снизу, но атака фронтальная и всеобщая, и решительные действия сверху.

Эта «позиция» начинается со следующего заявления: «Партийно-государственные власти использовали переговоры с профсоюзом и идею национального согласия для введения общества в заблуждение... В такой ситуации дальнейшие переговоры о национальном согласии стали беспредметными».

В Радоме говорилось о репрессиях властей в отношении деятелей профсоюза. Был приведен факт удаления из Высшей офицерской пожарной школы в Варшаве, находящейся в ведении МВД, деятелей «Солидарности» региона Мазовше во главе с Севериной Яворским, устроившим в здании школы «итальянскую» забастовку. Это классический пример произвольной интерпретации права и установления собственных принципов поведения.

В качестве аргумента в Радоме был поднят вопрос и о решении шестого пленума ЦК ПОРП, предписывающего обращение в сейм с целью придания правительству специальных полномочий, в частности временного запрещения забастовок и пресечения анархии. А решение такое было следствием разрушительной деятельности «Солидарности».

Дальнейшую часть «позиции» составлял ультиматум из семи пунктов, названный «минимальными условиями начала переговоров с правительством по вопросу достижения согласия». Ультиматум построен таким образом, что принятие лишь одного из условий практически означало бы предоставление деятелям оппозиции пути к захвату власти.

Одно из условий ультиматума — это требование установления «Солидарность» контроля за производством и распределением продуктов питания, то есть практически захват экономической власти. Оно объединяется со следующим условием — требованием создания так называемого общественного совета народного хозяйства, своего рода суперправительства, обладающего неограниченными полномочиями и правом устанавливать законы. Разумеется, совет должен был состоять из представителей «Солидарности».

Деятели «Солидарности» различных уровней уже на следующий день было дано указание принимать решения и резолюции в поддержку Радома.

11 и 12 декабря 1981 г. в Гданьске собралась всепольская комиссия «Солидарности», на которой была полностью одобрена «радомская позиция» и было решено приступить к подготовке референдума «О форме и принципах осуществления власти» и «О выборах в представительские органы различных ступеней». На 17 декабря были намечены в Варшаве и в других крупных городах страны уличные демонстрации.

Когда вечером 12 декабря лидеры антисоциалистической оппозиции покидали конференц-зал, они должны были вскоре узнать, что их планам не суждено осуществиться: с 13 декабря 1981 г. в ПНР была приостановлена деятельность общественных организаций, творческих союзов, многих газет и журналов.

В условиях военного положения оппозиционеры — те из них, кто избежал интернирования, — продолжали свою деятельность нелегально, устраивали на протяжении 1982 г. сборища и демонстрации, выпускали отдельные номера подпольных изданий, тайком выходили в эфир с пятиминутными радиопередачами.

Идеологи из КОС — КОР

К концу 70-х годов в Польше насчитывалось около сорока подпольных контрреволюционных организаций. Действовали и такие антисоциалистические праворадикальные группировки, как «Движение в защиту прав человека и гражданских прав», отделение международной организации «Эмнисти интернэшнл», «Студенческий комитет солидарности», КОС — КОР, КНП, НСС и др.

В ходе декабрьских 1970 г. волнений на судоверфях в Гданьске будущие деятели КОР завязали личные контакты с рабочими этого района, оказывали материальную помощь семьям некоторых рабочих, в том числе и руководителю будущего «независимого профсоюза» «Солидарность» Леху Валенсе. Женевский слет диссидентов утвердил новую ориентацию Я. Куроня и его единомышленников. В сентябре 1976 г. Куронь стал во главе организации под названием «Комитет защиты рабочих» (КОР). Никто из 34 первоначальных членов комитета рабочим не был. Эти люди занялись подстрекательством рабочих ряда промышленных городов близ Варшавы к демонстрациям протеста против повышения цен на продовольствие.

Из тактических соображений лидеры КОС — КОР старательно избегали разговоров о классовой структуре предлагаемого ими общественного устройства, о формах собственности, о классовом механизме власти.

Раздувая отдельные факты нарушения принципов и практики строительства социализма в Польше, коровцы наращивали пропагандистскую кампанию. В так называемых «летучих университетах» и «дискуссионных клубах» велась подготовка кадров активистов КОС — КОР. Коровцам удалось внедриться в рабочую среду, а затем и в профобъединение «Солидарность», где они заняли посты ведущих экспертов. Куронь и компания взяли курс на превращение профсоюза в политическую организацию антисоциалистического толка. «Оппозиция должна преобразовывать экономические требования в политические, — заявлял Куронь. — Шаг за шагом мы обязаны вырывать из-под влияния партийно-государственного аппарата различные области социально-экономической жизни».

14 марта 1981 г. Я. Куронь на встрече с представителями вроцлавского предприятия «Дольмель» отвечал на многие вопросы.

Комментарий вроцлавской «Газета работница» (11.01.1982) настолько интересен, что стоит привести его полностью:

«Отвечая на вопросы, Я. Куронь сказал, что во время выступлений в 1956, 1968, 1970 и 1976 гг. была допущена принципиальная ошибка, а именно усилия направлялись только на борьбу за решение экономических и правовых проблем, а не на борьбу с властью и за власть».

«Сегодня нам необходимо, — подчеркивал глава КОС — КОР, — лишить партию монополии власти. Этого можно эффективно добиться за счет свободных выборов в представительные органы. Такие выборы — единственный путь, который исключит внешнюю интервенцию, позволит добиться поставленной цели. Нам необходим двухпалатный парламент — с нашей самоуправляемой палатой. Ей будет подчинена государственная администрация. Кроме того, утверждал он, мы добьемся влияния на органы службы порядка. Партия сохранит свою монополию только во внешней политике, а также частично в вооруженных силах».

Почти десять месяцев назад эти слова могли казаться утопической демагогией. Однако Я. Куронь знал, что говорил. Концепция КОС — КОР была официально признана в программных постановлениях первого съезда «Солидарности», стала для экс-

пертов профобъединения тезисами в подготовке проектов нового положения о выборах. Тактика и стратегия борьбы с властью и за власть должна была состоять в полном признании на предстоящих выборах недееспособности ПОРП и других действующих партий. Из политической игры планировалось исключить также все общественные организации, стоящие на позициях национального согласия. Все должна была решать «Солидарность». Она должна была раздавать «мандаты доверия» своим союзникам и симпатизирующим ей лицам. Широкой предвыборной кампании должна была предшествовать более всесторонняя дискредитация всех депутатов, непослушных «Солидарности».

КОС — КОР настолько дискредитировал себя своим антисоветизмом и антикоммунизмом, что был вынужден объявить о «самороспуске» в сентябре 1981 г., во время проходившего в Гданьске съезда профобъединения «Солидарность». Этот факт лидеры коскоровцев мотивировали тем, что «Солидарность» переняла функции и кадры КОС — КОР и надобность в существовании двух однородных организаций отпадает.

Один из основателей коровской группировки — Эдвард Липиньский считал на съезде в Гданьске текст политического завещания КОС — КОР. По его словам, комитет в течение пяти лет своего существования успешно выполнял стоящие перед ним задачи и видит в «Солидарности» достойного преемника. Члены КОС — КОР автоматически вливаются в ряды «Солидарности» и приобретают тем самым ее активную защиту. Как отмечал представитель «пресс-службы съезда» Оньшкевич, КОС — КОР был инициатором создания «Солидарности». Член КОС — КОР Липский, из состава президиума варшавской «Солидарности», заявил, что «профобъединение будет лучше выполнять то, чем занималась наша организация». Американская телекомпания Эй-би-си отметила в этой связи, что «как группа КОС — КОР больше не нужен», но его руководители будут по-прежнему оставаться главными советниками руководства «Солидарности». Французская газета «Пари-зъен либере» писала, что лидеры КОС — КОР обеспечили себе прочные позиции в профобъединении.

В первом туре гданьского съезда «Солидарности» верх взяло крайне правое политическое крыло. Очень часто его представители говорили устами руководителей КОС — КОР и готовили проекты решений радикально-контрреволюционного характера. КОС — КОР прижился в руководстве «Солидарности».

В дни съезда «Солидарности» в Гданьске Куронь сделал заявление для английской радиостанции Би-би-си, в котором соглашался с предложением ЦК ПОРП о создании «комитета национального спасения», в который вошли бы представители «Солидарности», церкви, правительства и партии. Этот комитет, по замыслу Куроня, должен был заменить существующий аппарат власти и «подготовить свободные выборы в сейм».

«Конфедерация» с темным прошлым

Лавры «крестного отца» «Солидарности» и всей контрреволюционной оппозиции в Польше пытались оспаривать и другие. Прокуратура ПНР с конца 1980 г. вела следствие по делу антигосударственной деятельности группы под названием «Конфедерация независимой Польши». С арестом ее руководителя пятидесятилетнего Лешека Мочульского враги социализма в ПНР лишились одного из

источников антипольских инсинуаций на страницах западной прессы. Публицист Мочульский выступал как открытый противник социализма, 24 раза нарушал законы страны и привлекался за это к ответственности. В интервью журналу «Шпигель» (15.09.1980) Мочульский заявлял: «Наша главная цель — независимая, суверенная Польша; свободная от советского господства и тоталитарной диктатуры ПОРП».

Следствие и судебный процесс длились два года. 8 октября 1982 г. суд Варшавского военного округа огласил, по сообщению агентства ПАП, приговор главарям КНП Л. Мочульскому (семь лет лишения свободы), Р. Шереметьеву и Т. Станскому (по пяти лет лишения свободы) и Т. Яндзишаку (два года лишения свободы условно).

Деятели КОР создавали Мочульскому рекламу, пытаясь представить его в роли мученика. По их инициативе в Польше была развязана кампания по сбору подписей с требованием освободить Мочульского и других ярых противников социализма. Некоторые лидеры «Солидарности» выдвигали освобождение Мочульского в качестве основного требования при проведении переговоров с правительством. В целях оказания нажима на власти противники социалистического строя в стране проводили «акции протеста», выпускали листовки с требованиями освободить этих контрреволюционеров.

«Конфедерация независимой Польши» (КНП) была основана в сентябре 1979 г. по образцу и подобию штурмовых отрядов банды «Свобода и независимость», действовавшей в Польше некоторое время после войны в подполье. Глубокая конспирация, собственная разведслужба, заграничные курьеры, отлаженная система подготовки и передачи клеветнических материалов для диверсионно-подрывной радиостанции «Свободная Европа» — вот лишь некоторые методы из арсенала КНП. Это и понятно: ведь программа КНП, как подчеркивалось в сообщении генеральной прокуратуры ПНР от 6 февраля 1981 г., полностью соответствует целям террористических и диверсионных иностранных банд, например, организации «Свободная Польша». Последняя объединяет лиц, сотрудничавших с гитлеровцами; во главе ее стоит бывший польский гражданин, прислужник фашистов К. Ганф, бежавший после войны за границу.

Весьма подробно о темных сторонах зарубежных связей КНП рассказала польская армейская газета «Жолнеж вольности» (8.01.1982):

«Конфедератов» поручили так называемой организации «Свободная Польша». Этой диверсионно-террористической организацией международного характера, которая активно занимается шпионской деятельностью, руководит опытный агент гитлеровского воспитания Константи Зигфрид Ганф. Это может шокировать. Но такова правда. Именно Ганф и его организация являются «крестными отцами» и главными пропагандистами «Конфедерации независимой Польши». Уже только из-за этого факта им стоит уделить некоторое внимание. Шеф организации К. З. Ганф — немецкою происхождения, родился в 1926 г. в Ченстохове (В книге М. Реняка «КНП — кулисы, факты, документы», изданной в конце 1982 г. в Варшаве, говорится, что в начале 1979 г. в США был возбужден судебный процесс против К. З. Ганфа по обвинению его, как агента гестапо, в убийстве евреев в Польше и в Литве... Пока Ганф на свободе — *Прим. Г. В.*)

После войны Ганф жил в Польше, вынашивал планы создания диверсионной группы. В 1969 г. выехал в США, где предложил свои услуги спецслужбам и под их покровительством создал в 1975 г. организацию «Свободная Польша». Вот что писал по этому поводу в реакционном еженедельнике «Час» близкий соратник Ганфа агент ЦРУ Януш Равич-Коханьский, кстати, заочно приговоренный в 1967 г. военным трибуналом в Варшаве к смертной казни «Ганф рассказывал мне, как создавал организа-

цию «Свободная Польша», как при этом перед ним открылись почти все двери. Спецслужбы служили ему советами и были опорой. Ганф, искренне борющийся с коммунизмом, собирал и передавал нужные сведения».

Основное ядро «Свободной Польши» составляют профессиональные диверсанты, террористы и агенты. Каждого кандидата в организацию тщательно проверяют. Одним из условий приема являются документальное подтверждение хотя бы одного ареста по политическим причинам, выступления против политической системы народной Польши, активная антисоциалистическая деятельность в стране или за ее пределами.

С самого начала своего существования «Свободная Польша» развернула активную деятельность против ПНР. Ее диверсионные и разведывательные шупальца протянулись к Польше. Агенты Ганфа стремились связаться с американцами польского происхождения, поддерживающими контакты со своей родиной.

Однако наибольшую опору в диверсионной и шпионской деятельности составляли всевозможные диссиденты, которые оказались за границей, но продолжали поддерживать контакты с заговорщиками в стране. Многих из тех, кто был завербован в «Свободную Польшу», Ганф назначил своими резидентами, главным образом в Канаде и Скандинавских странах, а также в Западной Германии. Они скрываются под разными «крышами». Например, в Канаде ган-фовцы овладели еженедельником «Час». Руководство «Свободной Польши» обосновалось в еженедельнике «Вядомости польске» в шведском городе Лунд. В Норвегии представительство Ганфа называлось «информационным бюро демократических движений в Польше».

Во второй половине 70-х годов иностранные спецслужбы решили ускорить процесс контрреволюционных формирований антисоциалистической деятельности в Польше. Было решено создать квазиконкурентную КОС — КОР и другим подрывным группам крайне националистическую, антикоммунистическую организацию, которая активизировала бы контрреволюционное подполье. Это задание было поручено «Свободной Польше». Руководителем новой группы Ганф избрал склонного к политическому авантюризму Л. Мочульского. Что касается программы этой группы, изложенной в брошюре Мочульского «Революция без революции», то это всего лишь добросовестное воспроизведение главных тезисов организации «Свободная Польша».

Как известно, основой программы КНП является навязчивая провокационная антинародная «идейка» о так называемой утрате Польшей независимости и ее вассальном подчинении СССР. На этой основе Мочульский выработал мифическую концепцию о ненациональном якобы характере народной власти, о неизбежности борьбы за свободу и независимость Польши. Это слово в слово совпадает с программой «Свободной Польши», которая появилась раньше писаний Мочульского. В обеих программах осуждается политика польского правительства и любые формы сотрудничества с ним.

Известно, что после ареста Мочульского и других лидеров КНП эта организация «приостановила» свою деятельность, чтобы ввести в заблуждение власти. В это время проводилась организационная работа по укреплению рядов КНП и расширению ее влияния в Польше.

Необходимо напомнить, что сеть боевиков в «Солидарности» под руководством десятников, сотников и тысячников была организована по инициативе «Конфедерации». При помощи этих «боевых групп» Буяк намеревался, в частности, захватить радиокомитет и вести борьбу с силами общественного порядка. В ответ на это лидеры «Солидарности» пообещали предводителю КНП не забыть их при разделе министерских постов после свержения социализма в Польше. Представляет интерес и тот факт, что в конце августа, чтобы не оказаться в тылах «Солидарности», КНП официально возобновляет свою деятельность, а на пост председателя так называемого программного совета избирает К. Гонсеровского из Кракова, поскольку Л. Мочульский находился под арестом.

«Конфедератам» удалось развернуть бурную деятельность в Кракове, Варшаве и Силезии. 11 ноября 1981 г. на площади Победы в столице был проведен смотр рядов КНП. В группах КНП было объявлено о «боевой готовности». Они ожидали только приказа, чтобы начать акцию совместно с боевиками «Солидарности». Введение в стране военного положения сорвало планы руководства «Солидарности» и КНП, не допустило гражданской войны в Польше.

«Независимый союз студентов»

В течение всего лета 1982 г. днем и ночью на огромной площади Победы в центре Варшавы на месте выступления папы римского Иоанна Павла II в 1979 г. у креста, выложенного из гирлянд живых цветов, бурлила толпа. Религиозные фанатики, экстремистские элементы из «Солидарности», активисты КОС — КОР, КНП и НСС («Независимый союз студентов») собирали здесь молодежь, поддерживали перманентный очаг напряженности, который в любой час мог вызвать очередные уличные беспорядки. В такие дни положение в городе контролировалось с вертолетов, заметно усиливались милицейские и войсковые патрули.

В то время как предприятия работали в нормальном трудовом ритме, тысячи хулиганствующих молодчиков от 15 до 29 лет (к этой возрастной категории в Польше принадлежит 9,3 млн человек, четверть всего населения) в мае, в августе и сентябре 1982 г. пытались пробиться к правительственным зданиям и другим ключевым стратегическим пунктам столицы, подожгли центральную гостиницу в Щецине, напали на здание воеводской комендатуры милиции в Гданьске, пытались возводить баррикады на улицах многих городов, подожгли исторический музей в Варшаве.

Свидетельства многих очевидцев подтверждают, что беспорядки в начале мая 1982 г. в историческом центре Варшавы — Старом городе не только носили запланированный характер, но ими постоянно дирижировали. В толпе бесчинствующих молодчиков то и дело появлялись люди, которые давали указания и направляли действия подростков и молодых людей. Они призывали срывать флаги, указывали направления движения групп, подсказывали лозунги, которые необходимо скандировать.

На каретах «Скорой помощи», беспрепятственно пропускавшихся внутрь оцепленных кварталов, сразу же после въезда на территорию, занятую хулиганами, вывешивались эмблемы «Солидарности». Находящиеся в этих машинах люди распространяли заведомо ложную информацию о том, что якобы «на Маршалковской уже есть трупы», что «необходимо держаться» и т. д.

Уличные беспорядки и подрывные действия в Варшаве 31 августа 1982 г. проходили примерно так же, как было описано выше. Примечательно «интервью», которое дал журналисту варшавского еженедельника «Политика» (6.09.1982) активный деятель «Независимого союза студентов», связанный с конспиративными структурами «Солидарности».

«Для каждого из четырех районов демонстраций, — заявил подпольный экстремист представителю официального издания, — назначен «комендант площади». Перед подчиняющимися ему группами стоят две задачи. В случае вмешательства зомо (механизи-

рованные отряды гражданской милиции.— *Прим. Г. В.*) они должны нейтрализовать действия милиции, а также не допустить раскола толпы. В толпе будут находиться люди, задача которых — «обезвреживать» милиционеров.

Вне мест действия демонстрантов будут находиться подготовленные группы, которые снабжены бутылками с бензином и взрывчатыми материалами. Они должны не допустить в указанные районы подкрепления армии и милиции, если дело дойдет до уличных стычек. Центральным местом демонстраций должна стать площадь парадов, на которой запланировано выступление З. Ромашевского (коскоровец, арестован 31 августа — *Прим. Г. В.*). Боевые группы полны решимости. В них царит атмосфера как перед восстанием».

В апреле 1981 г. в Кракове состоялся I съезд НСС, который, по данным самого союза, объединял 70—80 тыс. студентов, или 15—20% от всего числа учащихся в вузах страны. В ходе работы съезда отмечалось, что это движение зародилось в 1977 г. и развивалось вместе с КОС — КОР и независимым профдвижением. Делегаты указывали на свои тесные связи с профцентром «Солидарность», который, по их мнению, становится все более умеренным и нуждается в союзнике из числа явных радикалов. Эту агрессивную роль делегаты отводили НСС.

По инициативе НСС и КОС — КОР было организовано в конце 70-х годов в крупнейших польских городах нелегальное «общество по чтению общеобразовательных лекций» — в обиходе «летучие университеты». Их слушателями становились студенты, отличающиеся на лекциях по общественно-политическим дисциплинам своим «свободомыслием», любители подискутировать. Кандидатов отбирали скрытно и очень тщательно. Изучалось семейное положение такого кандидата, большое значение придавалось тому, имеет ли студент родственников в западных странах, часто ли выезжает к ним во время каникул. Лекции проходили раз или два раза в неделю на квартирах преподавателей под видом какого-либо торжества или просто дружеской встречи. Преподаватель обычно представлялся аудитории как пострадавший из-за своих прогрессивных взглядов. Выпускники «летучих университетов» — явные и потенциальные противники социалистического строя. Они включались в списки, которые пересылались на Запад. Некоторые из студентов получали также ежемесячные денежные пособия — своего рода кредит на будущее, приманка для политически безграмотных молодых людей.

В мае 1977 г. по инициативе КОС — КОР в Кракове был создан «Студенческий комитет солидарности» (СКС) для проведения акций в поддержку июньских событий 1976 г. в Радоме. СКС создавался также в целях раскола Социалистического союза польских студентов. В 1977—1978 гг. СКС возникли и начали активно действовать в Варшаве, Познани, Вроцлаве, Щецине и Гданьске.

Деятели СКС в Гданьске были тесно связаны с Л. Мочульским, действовавшим тогда в «Движении в защиту прав человека и гражданина». Именно по указанию Мочульского в Гданьске создается антисоциалистическая организация «Движение молодой Польши», главным печатным органом которой становится нелегальный журнал «Братняк». Вскоре группы «Движения молодой Польши» возникают в Лодзи, Кракове, Люблине, Щецине, Гожуве, Торуни, Познани и в Варшаве.

В конце 1979 г. по инициативе студентов краковского Ягеллонского университета возникает новая организация — «Академическое движение обновления», которая сразу же получает поддержку со стороны «Студенческого комитета солидарности» и «Движения молодой Польши». Августовские события 1980 г. ускори-

ли создание новых антисоциалистических структур в польском студенческом движении. За образец были взяты независимые самоуправляемые профсоюзы.

Антисоциалистически настроенные студенты активно использовали недовольство в студенческой среде для критики Социалистического союза польских студентов и создания нового молодежного союза антисоциалистической направленности.

В 1980—1981 гг. во многих высших учебных заведениях страны с помощью членов КОС — КОР, «Движения в защиту прав человека и гражданина», а также «Конфедерации независимой Польши» начинают создаваться временные учредительные комитеты «Независимого союза студентов». В организационном становлении НСС большую помощь оказывала часть профессорско-преподавательского состава, которая увидела в НСС возможность для достижения своих целей.

Несмотря на официальные заверения, что союз не будет заниматься политикой, НСС с помощью своих опекунов Я. Куроня, А. Мих-ника, А. Чумы приступил к выдвиганию политических требований. Именно НСС организовал в Польше кампанию по ликвидации цензуры, изменению положения о высшем образовании в стране, устранению из программы обучения марксистско-ленинских наук.

Активистам НСС удалось организовать массовые забастовки в институтах и принудить руководство Министерства высшего образования, науки и техники дать согласие на регистрацию «Независимого союза студентов». 17 февраля 1981 г., когда регистрировался НСС, в стране бастовали 29 высших учебных заведений.

С введением в Польше 13 декабря 1981 г. военного положения была приостановлена и деятельность так называемого «Независимого союза студентов». В начале месяца обстановка в стране накалилась в значительной степени из-за волны забастовок в вузах, особо острых конфликтов в Радомской высшей инженерной школе и Варшавском офицерском училище. Организатором этих открыто антисоциалистических акций выступал НСС, программной целью которого являлось создание условий для студенческих забастовок с выходом на улицы и полным прекращением занятий.

Поводом для студенческих беспорядков по всей Польше в ноябре 1981 г. было намерение НСС избавиться — по указке «Солидарности» — от ректора Высшей инженерной школы в Радоме. Контрреволюционная оппозиция желала в ходе этой акции проверить, как будет реагировать правительство «на кадровые изменения», в том числе и в руководстве высших учебных заведений, проверить, удастся ли оказывать давление на правительство до тех пор, пока оно не внесет в проект закона о высших учебных заведениях то, что хотели протащить забастовочные комитеты вузов: превратить вузы страны в «элитарные центры», которые бы не подчинялись контролю и влиянию государства.

ДИАЛОГ РЕЦЕНЗЕНТА С АВТОРОМ

Польский писатель Ежи Брониславский, написав вводную главу к данному второму изданию, согласился высказать свои критические пожелания и дополнения по каждой из глав. Диалог между Ежи Брониславским и Георгием Вачнадзе (в дальнейшем Рецензент и Автор) поможет читателю составить впечатление о нынешней политической ситуации в Польше.

Рецензент. Весной 1989 г. мы неоднократно встречались в Варшаве в Доме литераторов на улице Краковское предместье.

Автор. В ста метрах от нас в старинном особняке Совета Министров велись переговоры за «круглым столом» между представителями правительства, профсоюзов и конструктивной оппозиции. Рядом в гостинице «Европейская» регулярно собирались журналисты на пресс-конференции руководства «Солидарности».

Рецензент. Пан доктор, когда вы сдавали рукопись вашего первого издания в набор, трудно было представить себе такое развитие событий.

Автор. Весной 1989 г. правительство признало «Солидарность», то есть подтвердило свое решение девятилетней давности, которое было аннулировано введением военного положения 13 декабря 1981 г.

Лицо оппозиции, весна 1989 г.

Рецензент. Последние годы в официальной прессе неоднократно появлялись утверждения, что решение о запрете «свободных профсоюзов» окончательное. Как бы вы объяснили это своим читателям? Ведь страницы вашей книги пестрят категоричными формулировками об антисоциалистическом характере деятельности руководства «Солидарности» и бесперспективности диалога между ПОРП и этим профобъединением.

Автор. Чтобы объяснить переориентацию на 180 градусов отношения властей к «Солидарности», надо проанализировать весь спектр политических событий в Польше после 13 декабря 1981 г.

Коснемся пока лишь одной стороны польского политического процесса — оппозиционных группировок. Сегодня они расцвели, пожалуй, еще более пышным цветом, чем в год рождения «Солидарности». Группировки эти стали полулегальными, а в большинстве случаев и совершенно открыто функционирующими организациями профессиональных политиков, чего прежде не наблюдалось. Дабы меня не обвинили в некорректности, воздержусь от ряда собственных оценок соотношения сил в ПНР и приведу выдержки из газеты «Трибуна люду»

(10,11,24.11 и 1.12.1988), из материала Владзимежа Ремисевича «Лицо оппозиции — осень 1988 г.»:

«Стремительные перемены общественно-политической и экономической ситуации в Польше способствовали тому, что на политической арене появились организации, о которых раньше никто не слышал. Реальным представляется дальнейшее образование различных обществ, клубов, экономических организаций, определенная часть которых наверняка будет связана с политической оппозицией. Следует добавить, что история прошлого страны учит, что в политической жизни постоянно присутствовала организованная оппозиция, однако это не означало легальности ее функционирования. Встает закономерный вопрос может ли и в какой мере оппозиция способна включиться в демократические преобразования социализма, а также в укрепление существующей системы, в какой степени может стать тормозом перемен, дестабилизатором общественного спокойствия?»

Если рассматривать слово «оппозиция» в политическом плане, то можно говорить о существовании и деятельности в Польше групп, которые выступают против правительства и отождествляемой с ним социалистической системы. Однако в свете демократических перемен в стране не все действия, направленные против политики государства, рассчитаны на изменение строя в будущем. Оппозицию в Польше можно разделить на антигосударственную и конструктивную. Антигосударственная политическая оппозиция означает только те группировки, которые свою тайную или открытую нелегальную деятельность увязывают со свержением правительства и изменением государственного строя.

Легальная оппозиция в стране возможна только в том случае, если имеются на то юридические предпосылки, которые создают возможность вести диалог с правящей стороной на основе существующей в Польше конституции. Нельзя также исключить существования парламентской оппозиции, признающей социалистический строй в Польше.

В свете сказанного более выразительно виден антигосударственный характер организаций, составляющих как бы второй эшелон подпольной оппозиции в Польше. Для них характерен антисоветизм и антикоммунизм, политическая слепота, неспособность объективно оценивать происходящие в стране перемены, поддержка политики США и западных стран.

Начало организованной деятельности антигосударственной оппозиции в Польше датируется 1976 г.

Второй период — это 16-месячное легальное существование независимого самоуправляемого профессионального союза «Солидарность», который прикрыл собой «защитным зонтиком» почти все проявления антисоциалистической деятельности и в то же время поднимал профсоюзные проблемы.

Следующим периодом является период со времени введения военного положения до октября 1984 г. В эти годы политический противник действовал нелегально. То же продолжалось и после отмены военного положения в июле 1983 г. Вся его деятельность была направлена на восстановление структур «Солидарности» как всепольских, так и региональных, межрегиональных и заводских.

Образуется Всепольский комитет сопротивления, Временная координационная комиссия, Региональный исполнительный комитет «Мазовше», Региональный забастовочный комитет во Вроцлаве, из которого после разделения выходит К. Моравецкий и создает группу «Борющаяся «Солидарность». С другой стороны, были предприняты попытки создания политических партий и политических группировок. К ним следует причислить политическое движение «Освобождение», политические группировки «Воля», организацию «Свобода — справедливость — независимость», «Конгресс солидарности народа». Возобновляют деятельность «Конфедерация независимой Польши», «Движение молодой Польши», которое сосредоточивается вокруг журнала «Политика польска». Значительно активизируются разные подпольные издания.

Однако такой длинный список организаций и группировок не означает, что они объединили крупные общественные силы. Многие из них имели по несколько десятков человек, были внутренне разобщены.

С 1984 по 1987 г. активизируется нелегальная деятельность оппозиции. Несколько месяцев существовал «Комитет защиты правопорядка».

Ведь в эти годы произошла переоценка ценностей в лагере польской антигосударственной оппозиции, чему способствовал процесс демократизации общественно-политической жизни в Польше, перемены в международной обстановке, перестройка в Советском Союзе. В стратегии политического противника все выразительнее подчеркивается необходимость «интернационализации» оппозиционной деятельности. Выражением этого является обращение, направленное к представителям национальных меньшинств в Польше — литовцам, украинцам и белорусам, с предложением сотрудничать. Видимым становится также расслоение оппозиции.

С осени 1987 г. начинается новый этап деятельности оппозиции. Более выразительным становится процесс некоторой либерализации в отношении ряда организаций, укрепляются позиции сторонников компромисса, появляются симптомы явления, которое можно охарактеризовать как «оппозиция в оппозиции». Одновременно в мозаике оппозиции появляется целый ряд новых структур, часть которых стремится к легализации.

Наметившийся в сентябре 1986 г. раскол в оппозиции становится фактом во втором квартале 1988 г. и углубляется после августовских забастовок. Конструктивная оппозиция стремится к соглашению с властями, выражает свое согласие на участие во встрече за «круглым столом». Именно в этом контексте следует рассматривать призыв Л. Валенсы прекратить забастовку на Гданьской судовой верфи и его переговоры с министром внутренних дел ПНР Ч. Кищакком. Представители же крайней оппозиции в этот период утверждают, что следует использовать в своих целях отход властей от политики репрессий, чтобы утвердить свои позиции и, применяя политику свершившихся фактов, в дальнейшем, выбрав благоприятный момент, поставить перед властями вопрос: «Хотят ли они сами уйти в отставку или каким-то образом пережить кризис?»

Вот как характеризуют внутриопозиционное разделение сами представители оппозиции:

Я. Вуй, публицист подпольного печатного органа «Реплика», считает, что оппозиция всех ориентации выдвигает идею «независимости» Польши, а различается она только в методах и путях реализации намеченных целей.

А. Выхжицель квалифицирует оппозицию, используя идеологические критерии, а также ее отношение к «ликвидации коммунизма» и «восстановлению независимости». Он убежден, что оппозиция делится на социалистов, либералов и народников.

А. Груба выделяет три политических центра, в том числе «правительственный лагерь», который объединяет сторонников идеи государства, «профсоюзно-церковный комплекс» во главе с примасом католической церкви в Польше кардиналом Ю. Глемпом и Л. Валенсой, а также Временную всепольскую комиссию с так называемыми профсоюзными экспертами и католическими интеллектуалами, которых объединяет идея соглашения.

В оппозиции, возникшей после «Солидарности», следует прежде всего обратить внимание на Всепольскую исполнительную комиссию, которая функционирует сейчас вместо Временной координационной комиссии и Временного совета «Солидарности». Временная координационная комиссия была создана 22 апреля 1982 г. Ее программные документы тогда подписали З. Буяк, В. Фра-сынук, В. Хардек и Б. Лис. Она объединила шесть региональных органов: Мазовше, Гданьска, Нижней Силезии, Лодзи, Малопольши и Силезско-Дом-бровского региона. В своей деятельности комиссия опиралась на трудовые коллективы и выполняла соответствующие задания, главными из которых была поддержка постоянных контактов между ее членами, пересылка документов и отдельных материалов. Кроме того, были созданы отделы информации, по под-Держанию контактов, по контролю, печати и связи. Комиссия регулярно печатала обращения и заявления. Важнейшими программными документами ее были: «Подпольное общество» (опубликованное в июле 1982 г.), а также «Солидарность» сегодня» (январь 1983 г.).

Сильным шоком для активистов бывших профсоюзов было решение о запрещении «Солидарности». Они объявили бойкот новому «организованному режимом»

профсоюзу. Однако этот маневр не удался, о чем свидетельствует многочисленность ВСПС (более 7 млн членов).

Образование Временного совета «Солидарности» датируется сентябрем 1986 г. Совет начал открытую, хотя по-прежнему нелегальную деятельность. Внутренние раздоры в этом течении углублялись личными спорами, взаимными обвинениями в поступках правительства, возрастающей критикой Временной координационной комиссии. Период двоевластия не принес ожидаемых результатов. Не оправдались надежды, возлагаемые на документ «Позиция «Солидарности», в котором давались оценки ситуации и направлений развития перестройки экономики, многие положения которого совпали с правительственной программой. Обращают на себя внимание следующие строки из него: «Никогда и нигде любые перемены, даже к лучшему, не проходят без определенных общественных издержек. Единственным эффективным и последовательным способом реализации реформы является сильный нажим общества, принятие правительством смелой и решительной программы, а также всенародная поддержка реформы. Чем позднее это наступит, тем издержки будут больше, а осуществление реформы труднее».

Этот документ был подготовлен в Варшаве и Гданьске в апреле 1987 г. Учитывая тот факт, что эти проблемы актуальны и сегодня, следует напомнить, что в проведенном в ноябре того же года общенациональном референдуме необходимо было ответить на вопрос, согласен ли избиратель с трехлетней радикальной экономической реформой. Как известно, Всепольская исполнительная комиссия объявила бойкот референдуму, хотя позднее отказалась от него. В свете референдума снова появилось требование о профсоюзном плюрализме и легализации «Солидарности».

10 сентября 1988 г. в Гданьске состоялось расширенное заседание руководства бывшей «Солидарности». В заключительном документе отмечается, что Комиссия исполнительного комитета в свете последних событий дала оценку возможности политического поворота в ПНР. В нем, в частности, говорится: «...мы принимаем решение приступить к переговорам и заявляем, что «Солидарность» готова на соглашение, в котором будет сохранено лицо организации. Ожидаем от властей ПНР решения о легализации «Солидарности». Только это позволит эффективно включиться профсоюзам в реализацию намеченных реформ».

Было выдвинуто требование не подвергать репрессиям участников забастовок, прекратить «раздражение» общества пропагандой. Эти и другие ранее сделанные заявления руководящих кругов «Солидарности» свидетельствуют о двойственности принимаемых действий. С одной стороны, отмечалось стремление к соглашению с правительством, достижению политического консенсуса и реалистические оценки польской экономики, с другой — нежелание замечать позитивные перемены как в политической области, так и в экономике. Выдвигаемым требованиям всегда сопутствуют угрозы забастовок, стремление нарушить законы.

Вместе с тем можно предположить, что в среде оппозиции преобладает голос разума, несмотря на подкаски некоторых советников, которые считают, что борьба продолжается и другого пути не дано. Оппозиция, которая собирается сесть за «круглый стол», считают они, должна знать, что «разговаривает с партнером, который слабее». Общественный кризис расширяется и превращается в глубокий политический кризис в правящем лагере. Переговоры влиятельных лиц, оппозиция и церковь не предотвратят быстро приближающейся экономической катастрофы. Трудно не принять протянутую властями руку, когда страна действительно нуждается в общественном спокойствии, плюрализме и радикальных реформах. Однако кто поручится, что она не является рукой утопающего, который хочет спасающего утащить в омут?»

В лагере оппозиции, которая призывает к «независимости» Польши, обращает на себя внимание факт, что эти силы подразделяются на «позитивистов» и «радикалов». Их общим лозунгом является утверждение, что «Польша — это страна, лишенная независимости». В связи с этим обе фракции ратуют за восстановление «независимости». Однако они расходятся в методах достижения этой цели, а также в оценках отношения к Советскому Союзу.

Без сомнения, лидером «позитивистов» является журнал «Политика польска». В их радикальное крыло входят несколько организаций с близкими программными принципами. Ни одна из групп не играет главенствующей роли. Среди них следует назвать «Конфедерацию независимой Польши», политическое движение «Освобождение», организацию «Свобода — справедливость — независимость», либерально-демократическую партию «Независимость», «Борющуюся «Солидарность».

Политический противник не представил пока документов или материалов, которые можно было бы назвать программой, объединяющей все антигосударственные группировки этого направления или представляющей их политические цели, формы и методы действий, пропагандистские лозунги. Отсутствие цельной программы отдельные структуры стараются заменить единичными текстами программного характера. Все они повторяют одни и те же мысли об отсутствии в Польше независимости, о глубоких противоречиях между обществом и властями, декларируют антисоветизм и антикоммунизм.

В программе либерально-демократической партии «Независимость», например, записано, что «восстановление независимости должно стать главной целью, которая создаст условия восстановления суверенного, демократического государства. Только это может обеспечить свободу и уважение человеческого достоинства поляков. Коммунистический строй невозможно реформировать, и поэтому только его дискредитация может побудить людей приступить к независимым действиям». В документах «Конфедерации независимой Польши» также указывается, что «единственным путем, ведущим к независимости, является устранение доминирующей роли СССР и ликвидация ПОРП».

Программные концепции «Борющейся «Солидарности» среди других антигосударственных группировок отличаются крайностью требований и действий. Главным своим противником эта организация считает «коммунистический тоталитаризм». По ее оценке, «государство в Польше стоит над обществом, которое полностью подавлено». Утверждается, что «после второй мировой войны Польша не имела настоящей независимости». В этой ситуации главной задачей является «борьба за свободную и независимую Польшу». Характерной чертой такого рода программ является большое различие в оценках условий, необходимых для восстановления независимости, которая выдвигается в первый ряд предпосылок для осуществления дальнейших перемен в стране. В этой связи выделяются три основных условия, в результате которых могут быть достигнуты поставленные цели: распад коммунистического строя вследствие военного конфликта между Востоком и Западом (эта возможность считается менее реальной); разобшение системы в результате действий внутренней оппозиции в социалистических странах; самостоятельное освобождение стран путем внутренних перемен как формы мирной эволюции.

Однако программное единство антигосударственных группировок этой направленности значительно расходится при определении конкретных организационных форм существования будущей государственной системы в Польше. Политический противник предлагает следующие пути решения этих задач: путем организации однопалатного или двухпалатного парламента или федерального государства. В определении общественно-политической модели они отбрасывают такие понятия, как «коммунистический коллективизм» и «индивидуализм». Однако многие сходятся на том, что необходимо создать систему, в которой существовала бы индивидуальная или групповая собственность на средства производства.

Однако более или менее позиции этих группировок сходятся в определении тактики борьбы с властью. Они придерживаются методов организации повсеместного сопротивления и одновременно акцентируют необходимость создания организационных структур, политических партий, а также межорганизационных соглашений. Однако проблемы единства оппозиции и политического плюрализма вызывают в дальнейшем противоречия. Одним из них является подход к системе будущей Польши. Нет смысла добавлять, что каждая организация видит себя на первом месте. Подвергая критике однопартийность, они сами рвутся к власти.

Значительное расхождение в программных концепциях определяется большим количеством нелегальных организаций. Исходя из идеологических критериев, среди антигосударственных группировок можно выделить несколько течений:

- социал-демократическое (организация «Свобода — справедливость — независимость», общественное движение «Солидарность»),
- христианско-демократическое (редакции журналов «Вядомости» и «Глос», который выходит раз в два месяца),
- пацифистское (движение «Свобода и мир»),
- синдикалистское (часть группировок, которые образовались после «Солидарности»),
- социалистическое («Польская социалистическая партия»),
- движение пилсудчиков («Конфедерация независимой Польши»),
- либеральное (либерально-демократическая партия «Независимость», краковский журнал «13»),
- национал-демократическое («Польская политика»),
- консервативное («Движение реальной политики»).

Следует отметить, что большинство из этих антигосударственных структур не известны польскому обществу.

Оппозиционные деятели 1976—1980 гг., а также 1984 г. утверждают, что «их деятельность является легальной и соответствует международным актам прав человека». Однако следует обратить внимание на два аспекта этой проблемы. Во-первых, всегда независимо от общественно-политической ситуации в стране, функционирование нелегальных группировок проходило по двум направлениям. С одной стороны, существовали легальные формы деятельности, с другой — подпольной оставалась полиграфическая база, связные, каналы, связывающие с западными странами.

Во-вторых, оппозиция ссылается на те параграфы Всемирной декларации прав человека, формулировка которых соответствует ее интересам.

В связи с происходящими в Польше процессами социалистического обновления и демократизации общественно-политической жизни некоторые группировки оппозиции также более реалистически начинают смотреть на окружающий мир. К. Гродковский в издании «Тыгодник Мазовше» пишет: «У нас нельзя поступать так, как будто с 13 декабря 1981 г. ничего не произошло. Изменения произошли, и не следует быть слепыми».

Рецензент. Путь к национальному согласию и «круглому столу» открылся не только благодаря изменению позиции властей, но и благодаря лидерам «Солидарности», которые в начале 1989 г. выступают в качестве представителей конструктивной оппозиции. Произошли и другие приятные неожиданности, если не сказать метаморфозы. Изменилась международная обстановка. Обо всех этих факторах можно говорить долго и подробно. Ссылаясь на авторитетные источники, приведу отрывок из речи в сейме Первого секретаря ЦК ПОРП В. Ярузельского 28 сентября 1988 г., когда впервые в истории социалистических стран правительство Польши подало в отставку:

«Новое правительство приступит к исполнению своих обязанностей в чрезвычайно сложной ситуации. Мы никому не хотим внушать, что дела обстоят лучше, чем это есть на самом деле. По-прежнему ощущаются заметные трудности в снабжении, напряжены семейные бюджеты, кризисное положение сложилось в жилищном строительстве, тяжелой болезнью поражен злотый. Общество охвачено эмоциями и неуверенностью. Это бросает тень на исторический масштаб осуществляемых ныне преобразований. А ведь для миллионов трудящихся была бы просто оскорбительной мысль о том, что нам снова приходится начинать с нуля. Иногда необходимо гражданское мужество, чтобы сказать во весь голос, что мы создали нечто важное и ценное общими усилиями в течение последних исключительно трудных лет, что, идя по непроторенному, ухабистому пути, мы не отошли от линии реформ и социалистического обновления, напротив, мы хотим смелее, дальше и увереннее идти в этом направлении».

Необходимо, чтобы каждый гражданин осознал исключительность нынешнего момента. Своеобразный исторический парадокс состоит в том, что в течение очень короткого времени сконцентрировались одновременно опасности и перспективы.

Угрозы Польше мы сумеем, пожалуй, перечислить наизусть, но не только камнями вымощены польские дороги. Благополучная конъюнктура — это в нашей истории случай нечастый. Поэтому в минуту сомнения и опасений следует вспомнить о крупных козырях, которые именно сегодня мы имеем на руках.

Во-первых, развитие цивилизации за минувший сорокалетний период, который Польша прожила в безопасных границах, создало бесценный материальный и интеллектуальный потенциал. Это — солидный фундамент, на котором можно возвести здание.

Во-вторых, наше неизменное стремление и нерушимая воля к продолжению глубоких реформ создают особую ситуацию, которая появилась впервые в текущем столетии. До и после войны народ и власти были сильно разобщены в отношении целесообразности и масштабов реформ. На этот же раз противники реформ находятся в решительном меньшинстве.

В-третьих, ценным достижением является все то, чего удалось добиться прежде всего в течение нескольких последних лет. Трудности последнего периода не должны заслонять положительные объективно необратимые явления. Значительно повысился уровень экономического сознания народа. Все больше становится хозяйственных руководителей, которые умеют действовать в условиях реформы, беспрецедентно расширились рамки социалистической демократии. Окрепили новые институты общественной жизни.

В-четвертых, прогрессирующие процессы обновления приводят к тому, что каждый успех на пути десталинизации социализма является вкладом в историческое преобразование всей социалистической формации, а каждое поражение дает аргументы сторонникам отживших форм и идей.

В-пятых, после периодов напряженности и конфликтов складывается новая формула прочного конструктивного развития отношений между социалистическим государством и римско-католической церковью. Это равноценно уже значительно продвинувшейся вперед попытке достижения «исторического компромисса», значение которого выходит далеко за рамки Польши.

В-шестых, благоприятно, как никогда прежде, складываются польско-советские отношения. Это — вопрос огромного значения, это — возможность принципиального упрочения политических и экономических связей с великой дружественной социалистической державой на равноправной партнерской основе, постепенного преодоления бремени сложного прошлого.

В-седьмых, достигнутый уже процесс разрядки в отношениях между Востоком и Западом создает большие, чем когда-либо с 1918 г., возможности выражать интересы нашего народа, не идя при этом «против течения истории». Именно стабильная и безопасная социалистическая Польша, расположенная в центре Европы, может стать крепкой опорой «европейского дома», одним из мостов между Востоком и Западом.

Это — наш «основной капитал», огромная надежда, шанс.

Сумеем ли мы его полностью использовать? Все ли извлекли урок из горького опыта нашей истории? Сегодня есть основания ответить на этот вопрос утвердительно.

Одним из фундаментальных условий устранения опасностей и использования открывающихся перспектив является национальное согласие. Объявление о встрече за «круглым столом» было для многих неожиданностью, в первую очередь для тех, кто невнимательно слушал заявления о воле к согласию, которые делались начиная с 1980 г., или считал их громкими словами.

Глубокая реформа институтов государственной и общественной жизни — это неотложная и вместе с тем долгосрочная задача. Мы хотим смело, творчески, без догматического и сектантского противодействия идти вперед, но не вслепую, не «сломя голову», ибо уже обожглись и на одном, и на другом.

Ценной является сегодня каждая мысль и каждая инициатива, если они продиктованы патриотической заботой. Неважно, кто прав, важно, чья правда поможет решить ту или иную проблему. Создание новых форм согласия — это чрезвычайно сложная и деликатная задача. Предметом общей заботы должно стать то, чтобы безответственные действия, различные эксцессы и совершенные факты не нарушили, не затормозили, не свели к нулю только начинающийся диалог. Наша позиция ясна: правда — да, партнерство — да, критика — да, компромисс — да. Но подрыв конституционного порядка, получение помощи извне, демагогия, нажим — нет. Обсуждать можно все, запретных тем нет. Однако каждая дискуссия должна иметь свои рациональные рамки, чтобы она не стала диалогом глухих или сварой. Эту грань определяют национальные интересы социалистического государства, спокойствие и благо его граждан. С государственного руководства этой обязанности никто не снимет. Независимо от числа участников за «круглым столом» будет еще один, главный участник — Польша.

Автор. У меня есть возможность сослаться на данные Центра по изучению общественного мнения при Комитете по делам телевидения и радиовещания ПНР. В октябре 1988 г. Центр провел анкету, касающуюся отношения общественности к новому правительству М. Раков-ского. В ней был поставлен следующий вопрос: «Будет ли правительство М. Раковского хорошим правительством?» 3% опрошенных ответили: «Наверняка да», 40% заявили: «Пожалуй, да», 12% — «Пожалуй, нет» и 2% — «Наверняка нет». 43% не имели собственного мнения на этот счет.

Почти половина анкетированных заявила, что доверяет правительству М. Раковского.

Центр поставил также в анкете вопрос о том, будет ли М. Раков-ский хорошим главой правительства. «Наверняка да», — ответили 10% анкетированных, «Пожалуй, да» — 43, «Пожалуй, нет» — 17, «Наверняка нет» — 5%. Каждый четвертый из опрошенных не имел собственного мнения по данному вопросу.

За две недели до этого опроса, в середине октября, М. Раковского положительно оценивали 37% анкетированных.

Те, кто положительно оценил М. Раковского, в качестве мотивировки своего выбора называли его личные качества, черты характера, способности, последовательность, решимость в достижении цели, опыт и политическую квалификацию.

Те, кто высказывался негативно, объясняли свое решение тем, что М. Раковский как политик, который уже в течение длительного времени входит в руководство страны, не может, как и другие его члены, продемонстрировать яркие достижения и поэтому он не вызывает доверия. Указывалось также на его недостаточную квалификацию для поста главы правительства, поскольку он не является экономистом и не занимался народнохозяйственными вопросами. Некоторые отмечали, что у М. Раковского отсутствуют также необходимые личные качества, а проблемы страны слишком трудно разрешить.

Результаты опроса показали также, что впервые в течение длительного времени улучшились общественные настроения. По мнению 29% опрошенных, в течение ближайших трех лет материальные условия жизни людей улучшатся. В предшествующие месяцы аналогичную точку зрения разделяли менее 20% анкетированных.

А ведь еще 20 мая 1988 г. в беседе с журналистами из социалистических стран уполномоченный правительства ПНР по печати Е. Урбан отмечал, что доверие населения к политическим и государственным властям падает: «71% опрошен-

ных выразили доверие Сейму ПНР, что соответствует уровню прошлого года; 56% — правительству, что на 10% меньше, чем в прошлом году; 38% — ПОРП, что на 8% меньше по сравнению с декабрем 1987 г.

В обществе отмечают большой пессимизм и разочарование. Только 13% опрошенных считают, что в ближайшие три года экономическое положение улучшится. 26% выражают мнение, что оно не изменится, 50% говорят, что оно ухудшится. Это выгодные для нас показатели. Было бы гораздо хуже, если бы все внешне были довольны нынешним экономическим положением, а потом произошел бы социальный взрыв».

Время ПОРП прошло

Рецензент. Несмотря на шокирующий процент падения влияния ПОРП, дела у последней обстоят не так уж плохо. И хуже бывало. Вы говорите в разделе о «Солидарности», что это профобъединение не сумело в свое время парализовать партийные и административные кадры в Польше. Согласен, только объясню все иначе. Развал ПОРП был достигнут чуть раньше, еще до «Солидарности», усилиями кадровой политики в эпоху Терека и Бабюха — в то время секретаря ЦК ПОРП по организационной работе. В результате в партию тогда при звуках фанфар, возвещавших о росте партии и морально-политическом единстве народа, принимали практически всякого, кто хотел или видел в этом какую-то для себя корысть. Ряды ее пополнялись людьми безыдейными и неустойчивыми, карьеристами, которые, пользуясь номенклатурой, пробирались на государственные и административные посты. Такая бесформенная масса не способна была одержать победу в столкновениях с политическим противником, скрывавшимся под разными ипостасями, в том числе под вывеской «Солидарности». Как мыльный пузырь лопнул миф о взлелеянном в мечтах единстве, а ряды ПОРП растаяли почти вполовину, что, однако, никак не повлияло на их качество, напротив, в какой-то степени укрепило партийные организации.

Тогда руководители «Солидарности» еще могли бросаться лозунгами, о которых вы упоминаете, — «возьмем судьбу страны в собственные руки» (с. 94)* и др., поскольку, несмотря на происходящие перемены и резолюции, принятые на пленарных заседаниях ЦК, они пока что оставались только на бумаге, а партия и правительство не проявляли решительности. Крутилась, как и прежде, карусель занимаемых постов. Ярошевича сменил Бабюх, на его место пришел Пиньковский, в партии Терека заменил Кая, но никакого прогресса это не принесло, а порой результаты были прямо противоположные. Иначе не объяснить, такой, например, факт: когда «Солидарность» потребовала снять в Бельске-Бялой двух коррумпированных местных заправил, ответственные (казалось бы) деятели из ЦК и правительства ответили, что это была бы потеря... авторитета. Только тогда забастовало все Подбес-кидье, а экономика понесла миллионные потери и при этом злоупотребления подтвердились, власти пошли на уступки. А в другом случае, когда следовало защитить в Зеленогурском воеводстве преданного партийца и администратора от самоволия десятка крикунов из «Солидарности», воеводские и централь-

* Здесь и далее указаны страницы по тексту этой же книги.

ные власти — и партийные и административные — проявили странную сдержанность, что опять же навлекло на регион многомиллионные потери. Подобных ситуаций в Польше было много, и руководитель быдгошской «Солидарности» имел возможность бахвалиться, что власть в Польше — это не более чем... бутафория.

Надо сказать, активность деятелей «Солидарности» носила разнообразный характер, все они состязались между собой, как бы половчее скомпрометировать бездарную администрацию. Примазывались к этой деятельности и личности, явно враждебные социализму. И все же до сих пор не доказано, что бегство арестованных в Быдгощи организовала «Солидарность» (с. 95). Вы тоже не приводите никаких данных на этот счет. Не соответствуют правде и ваши слова о том, что новый профсоюз имел в то время доступ к польскому телевидению (с. 96). Да, деятели «Солидарности» стремились к этому, но ничего у них не получилось, так что пришлось им довольствоваться легальными журналами, а также многочисленной периодикой, издаваемой неофициально. Попытки добиться доступа к средствам массовой информации «Солидарность» возобновила в феврале 1989 г., в ходе заседаний так называемого «круглого стола».

Трудно также понять, чем вы руководствовались, обвиняя Яна Кулая (с. 19) в том, что этот двадцатитрехлетний выпускник сельскохозяйственного техникума взялся организовать «Солидарность» среди частных хозяев. Тем ли, что он проявил инициативу? Но ведь мелкие и средние хозяева в польской деревне были и остаются основными поставщиками продовольствия, а бюрократия, кумовство и взяточничество деревенского начальства сильно им досаждали, так что свои соображения у них были. Ну а что касается возраста, то Ленину, к примеру, не было и двадцати, когда он начал свою революционную деятельность, а ровесник Кулая — Фидель Кастро в этом возрасте был уже известным государственным деятелем на Кубе. Примеров такого рода — множество.

Это правда, что экстремисты «Солидарности» на случай захвата ими власти в Польше составили в 1981 г. список лиц, подлежащих репрессиям и даже уничтожению. Ваш покорный слуга тоже удостоился такого знака отличия. Операция в варшавской школе пожарников была своеобразной пробой сил. И потерпела фиаско, как вы верно отметили (с. 99).

Раздел под заголовком «Идеологи из КОС — КОР» (с. 99) вызывает серьезные сомнения в справедливости имеющихся в нем определений. Ведь известно к тому же, что высшие партийные органы ПОРП приняли соответствующие резолюции, из которых следует, что события 1956 г. в Польше не были контрреволюцией. Неприемлем ваш тезис о том, что КОС — КОР финансировали и вдохновляли спецслужбы Запада. Вы пишете, что в июле 1980 г. в Люблине и в подваршавском Урсусе были приварены локомотивы к рельсам, — и это правда. Но польские власти не располагали данными о том, что в этих акциях участвовали деятели КОС — КОР.

Что касается «Конфедерации», то ее лидеры предстали перед судом гражданским, а не военным (с. 102). Военный суд в Польше рассматривает только дела, связанные с изменой родине, дезертирством и шпионажем. На той же странице еще одно замечание: вряд ли стоило употреблять по отношению к существовавшей некогда организации «Свобода и независимость» определение «фашистская банда», коль скоро ее руководители Эмиль Фельдорф (Ниль) и Ян Жепецкий (Пре-зес) реабилитированы польским судом.

Автор. Замечания принимаются. Читатель легко сможет сопоставить то, что было мной написано в 1982 г., и как приходится сегодня корректировать многие оценки и заблуждения прошлого. Что симптоматично? В 1982—1983 гг., когда книга проходила различные стадии обязательной апробации до и после выхода в свет, меня всюду ругали за недостаточную жесткость в оценках «Солидарности». При написании первого издания я пользовался почти всем разнообразием официальных источников, на основе которых формулировалась мировая политика в отношении ПНР на рубеже 70-х и 80-х годов. В то время в советской массовой и научной прессе была принята такая интерпретация событий в Польше, которая не всегда отражала действительное положение вещей. Из самых разных инстанций в Варшаве в Москву, «на самый верх», попадали лишь те реляции, которые там ждали. Мы обманывали самих себя, затушевывая действительные и объективные разногласия в польском обществе, поголовно записывая большинство поляков в число своих друзей, а подчас превращая истинных друзей социализма в его врагов. Отсюда получались искажения во всех сферах советско-польской политики, укоренялись замалчивание и деформация в освещении проблематики ПНР в нашей печати.

Ведь тогда в СССР нельзя было писать о том, как 31 августа 1980 г. в Польше произошло невиданное в истории социалистических стран: на Гданьской верфи было заключено соглашение между правительственной комиссией и межзаводским стачечным комитетом. Среди 21 требования профсоюза «Солидарность», которые польские власти официально согласились выполнить, были:

- Признание свободных, независимых от партии и от работодателя лей профсоюзов.

- Гарантия права на забастовку и безопасность бастующих.

- Восстановление на рабочих местах людей, уволенных за защиту прав трудящихся, освобождение политзаключенных, прекращение любых преследований за убеждения.

- Гарантия автоматического повышения зарплаты соответственно повышению цен.

- Предоставление матерям оплачиваемого декретного отпуска продолжительностью три года для воспитания детей.

- Введение принципа подбора руководящих кадров не по партийной принадлежности, а на основе их квалификации.

- Ликвидация всех привилегий для милиции, госбезопасности и партаппарата; установление равных семейных пособий и прекращение продажи товаров через закрытые распределители.

- Полная, без всякого утаивания, информация о социально-экономическом положении страны и участие всех слоев населения в обсуждении программы реформ.

- Соблюдение свободы слова и печати.

Рецензент. Все из перечисленных вами требований «Солидарности» реализовались в польской действительности к весне 1989 г. Может быть, пока еще не до конца, но процентов на 90 все это уже есть, а многое было сделано начиная со второй половины 80-х годов.

Автор. События 1980—1981 гг. имели и другие последствия, определившие расстановку сил в Польше на сегодня. Тогда, в начале 80-х, образовался союз между рабочими, интеллигенцией и церковью в условиях растущего экономического кризиса и ослабления партийного руководства. Рабочее восстание в 1956 г.,

бунт интеллигенции в 1968 г., рабочие забастовки в 1970 и 1976 гг. копили опыт гражданского неповиновения. К 1980 г. интеллигенция из «Комитета защиты рабочих» (КОР), рабочие из Учредительных комитетов свободных профсоюзов и многие представители церкви почувствовали свою силу. Большое психологическое значение имело избрание в октябре 1978 г. папой римским польского кардинала Войтылы.

Экономическое положение Польши к лету 1980 г. стало критическим. Долги превысили астрономическую сумму в 20 млрд долларов, а выплата долгов и процентов по ним достигла сумм, равных объему всего экспорта страны. В результате внутренний рынок оказался пустым. И когда волна забастовок охватила страну, в особенности побережье, власть, оказавшись на этот раз перед лицом объединенного общества, ощутила свое бессилие. Тем более что многие члены партии и административных органов не вызывали уже полного доверия. Известен такой случай. Во время забастовок на Гданьской верфи им. Ленина к воротам подъехали милицейские машины. Бастующие насторожились. Но оказалось, что милиционеры привезли 500 теплых булочек, а в обмен попросили 50 экземпляров газеты «Солидарность». Сама партия не могла избежать острого кризиса и в короткий срок потеряла половину своих членов.

После победы «Солидарности» в августе 1980 г. Польша 16 месяцев просуществовала в состоянии полусвободы, как тогда казалось приверженцам свободных профсоюзов. Эти активисты и энтузиасты считали, что в стране развились необратимые демократические процессы. Сама партия была втянута в этот водоворот. Параллельно укреплению «Солидарности», в которую из 12 млн трудящихся гражданского сектора экономики вошло 10 млн, происходило становление оппозиционных политических партий. Но новые политики не сумели удержаться от поползновений на захват верховной власти. Борьба за улучшение положения рабочего класса и всех трудящихся очень скоро обернулась борьбой за власть. Социалистические реформы превратились в попытки антикоммунистического мирного — до поры до времени — переворота.

А какова ваша версия событий, пан Ежи? Ведь вы написали на эту тему книги и множество статей.

Рецензент. Жарким получилось политическое лето 1980 г. в Польше. Первые недели июля принесли волнения на многие предприятия в разных городах и регионах страны. Забастовки, в основном короткие, нерешительные, по-прежнему называемые «простоями в работе», словно это уклончивое определение могло кого-нибудь обмануть, прокатились от Варшавы по всем крупным городам страны. Зрелище стоящих автобусов и трамваев жители столицы воспринимали как экзотический курьез, а не как внешний сигнал грозного общественно-экономического кризиса. Каждый уже сознавал, что с экономикой плохо, вытягивались очереди к магазинам, но относительно немногие знали, как далеко уже зашел этот кризис. А телевизоры продолжали излучать оптимизм.

Поводом к началу забастовки на Гданьской судовой верфи, которой суждено было сыграть решающую роль, было увольнение с работы рабочей активистки Анны Валентинович. Работу бросила группа из 30 человек, к которым вскоре подключились пришлые. Вот как пишет об этом Лех Валенса: «Я пошел к судовой верфи, оставил позади «хвост», перемахнул через ограду в одной боковой улочке и...» Это

и было начало событий — четверг, 14 августа. Валенсу тут знали, в 1970 г. он был членом забастовочного комитета, за что позже его уволили с работы.

В августе 1980 г. требования судостроителей были робкие, неуверенные: вначале они ограничивались желанием вернуть на работу уволенную Валентинович и поставить памятник погибшим в декабре 1970 г. рабочим; кое-что касалось оплаты труда. Директор судовой верфи и власти пошли на уступки, обещая к тому же повышение зарплаты, но, когда напряжение, казалось бы, спало, присутствующий среди рабочих Валенса объявил, что 16 августа состоится забастовка с занятием помещений. В роли пастыря к бастующим прибыл ксендз прихода св. Бригиды в Гданьске Генрик Янковский, в присутствии которого бастующие рабочие оглашают знаменитые 21 требование. Следует еще добавить, что забастовки в знак солидарности с судовой верфью вспыхивают не только на Побережье, но и в других регионах страны, парализуя ее деятельность.

18 августа Эдвард Терек, выступая по телевидению, соглашается с критической оценкой Центрального совета профсоюзов и с экономическими требованиями. Правительство тем временем поручает вице-премьеру Тадеушу Пыке вести переговоры с бастующими. И хотя тот обещает выполнить почти все требования бастующих, переговоры затягиваются. И опять, как в 1976 г., рабочие обращаются хотя бы за формальной помощью к работникам умственного труда. На судовой верфь прибывают адъюнкт Политехнического института в Гданьске Войцех Грушецкий и литератор Лех Бондковский, которые устанавливают отношения с межзаводским забастовочным комитетом. Со временем появляются другие советники: Тадеуш Мазовецкий, Бронислав Геремек, Богдан Цивинский, Тадеуш Ковалик, Ядвига Станишкис, Вальдемар Кучинский, Анджей Велевейский, Ян Штелецкий, Рышард Капустинский, профессор Стельмаховский и даже Анджей Вайда. У последнего есть основания для приезда. Его фильм «Человек из мрамора» кончается ведь в Гданьске, теперь Вайда обещает его продолжение — «Человек из железа» с Валенсой в главной роли. Кроме того, Вайда — патрон фестиваля Истинной Песни (в противовес ежегодному фестивалю песни в Сопоте).

Происходят, однако, перемены и в надстройке. Эдвард Терек оставляет свой пост «по состоянию здоровья» (излюбленная партийная формулировка). Его место занимает Станислав Каня, который не оставил бы в новейшей истории Польши никакого следа, если бы не одна важная вещь — он не допустил нового кровопролития и за это ему хвала! Вместо Пыки общественный договор подписал вице-премьер Мечислав Ягельский. Еще раньше такое соглашение заключено в Щецине вице-премьером Казимежом Барчиковским. Поразительны были символы: в авторучку у Валенсы вделан был портрет папы, а на отвороте его пиджака виднелось изображение Ченстоховской Божьей Матери. В конце, после подписания договоров, Валенса уезжал с судовой верфи на белом мерседесе, за рулем которого сидел мужчина, судя по жесткому белому воротнику, явно духовного звания. То был упомянутый ксендз Генрик Янковский, политик в сутане.

В те дни люди почувствовали облегчение и удовлетворение тем, что обошлось без более острых конфликтов и кровопролития. Как обычно бывает в такого рода общественных движениях, быстро отыскались «мессии», которые успехи переговоров начали приписывать себе. Яцек Куронь, давший интервью западногерманскому журналу «Шпигель», объявил: «...Валенса был подпоручиком в

окопе, но уж никак не центром на фронте...» Чтобы было совсем понятно, рабочих из межзаводского забастовочного комитета он дальше называет «символическими фигурами». А вот что говорил Лешек Мочульский — глава польских «конфедератов» — перед камерой западногерманского телевидения: «Я помогал многим. Многие из нас, «конфедератов», стояли на передней линии забастовок...» Еще раз подтвердилось правило, что у успеха обычно много отцов, а неудача — сирота.

Экстремистские призывы к забастовкам встревожили и польский епископат. Кардинал Стефан Вышиньский во время ежегодного паломничества 26 августа 1980 г. произнес на Ясной Гуре проповедь, в которой призвал общество сохранять спокойствие, серьезность и приняться за работу. В ответ на это крайне правые из КОС — КОР объявили его «почетным» членом ЦК ПОРП.

Но и после подписания соглашений в Гданьске, Щецине и Яст-шембе власти, а точнее говоря, партийная и правительственная бюрократия продолжали относиться к «Солидарности» враждебно. Отыскивались препоны формального характера при попытках легализации нового союза. В руки «Солидарности» попали документы, в которых говорилось, как следует справиться с новым профсоюзным движением. Лех Валенса приводит в «Автобиографии» данные о Нарожняке и Забелле, которые предоставили «Солидарности» документы Генеральной прокуратуры, и о магнитофонной ленте с записанным выступлением А. Жабинского, тогдашнего первого секретаря воеводского комитета ПОРП в Катовицах, на ту же тему.

Напряжение с обеих сторон продолжало нарастать и после формального признания союза. В «Солидарности» зародилась «детская болезнь», любая критика воспринималась ею как покушение на неприкосновенность союза. В свою очередь власти всякое начинание «Солидарности» воспринимали как покушение на социализм. Этот порочный круг только множил серию ошибок и искажений и с одной и с другой стороны, с чем не могли справиться ни ЦК ПОРП, руководимый Станиславом Каней, ни правительство премьера Юзефа Пиньковского, который медлил с проведением в жизнь реформ и подписанных обязательств.

И первого и второго заменил генерал армии Войцех Ярузельский, который в феврале 1981 г. обратился к «Солидарности» с призывом прекратить забастовки, установить на 90 дней спокойствие в стране. В ответ на это крайне правые, не только, впрочем, из «Солидарности», взяли верх во взбудораженном обществе. Уже на другой день забастовали студенты Лодзи, Радома и других городов Польши. Начался новый тур забастовочного фестиваля, а руководители «Солидарности» в некоторых городах стали к тому же предъявлять свои новые претензии, что еще более подогревало общественную атмосферу.

Рядовые люди видели в изнурительных забастовках угрозу самому национальному существованию, видели это политики и деятели, которые предостерегали организаторов от демонтажа социалистического государства, поскольку это может привести к трагическим последствиям. Не прислушались даже к советам Ватикана, а точнее, папы, который устами личного своего секретаря ксендза Дзивиша говорил в Италии Леху Валенсе: «Не спеши, Польша не игрушка, успех вскружил тебе голову и мешает видеть действительность. Ты слишком склонен видеть в себе кинозвезду. Советуйся с епископатом Польши и отдайся ему в послушание и еще помни слова Христа: «Не судите, да не судимы будете».

Если к этому прибавить воинственные выступления руководителей «Солидарности», которые вы цитируете в своей работе, их речи на съезде этой организации в Гданьске — Оливе и обострение внутреннего положения в стране, становится ясно, что день 13 декабря 1981 г. был попросту неизбежен — он уберет Польшу от гражданской войны.

Автор. Историки, перекопав все архивы и прессу, изучив свидетельства очевидцев, еще скажут свое веское слово о событиях в ПНР начала 80-х годов. Нас же пока интересуют эти события в первую очередь для того, чтобы лучше понять день сегодняшний.

Впервые на польских телеэкранах Лех Валенса

Рецензент. Нельзя не видеть прогресса хотя бы за последние два года. В начале 1989 г. были приняты многие законодательные акты не в результате действия «забастовочного пистолета», а на основе прочных договоренностей между политическими силами, представляющими большинство польского общества. Все познается в сравнении, хотя бы с годом предшествующим.

Автор. Достаточно прочесть обзор одной очень важной политической встречи. Вечером 30 ноября 1988 г. после основного выпуска теленовостей по польскому телевидению была передана дискуссия с участием председателя Всепольского соглашения профессиональных союзов (ВСПС) А. Медовича и лидера «Солидарности» Л. Валенсы. Она была проведена по инициативе А. Медовича и продолжалась 42 минуты в виде прямой передачи из студии. На пиджаке Л. Валенсы были приколоты значок «Солидарности» и значок с изображением иконы Ченстоховской Богоматери.

Согласно договоренности дискуссию начал А. Медович. Ниже следует ее изложение с незначительными сокращениями.

«Медович. Минули годы, пан Валенса, когда я последний раз видел вас в Нова-Гуте. Минули годы, сейчас иная ситуация, но заботы остались те же самые, заботы наших людей. И если перечислить все эти заботы нашего общества, то я, как и вы, отдаю себе отчет в том, в чем они заключаются. Недавно в течение двух дней мы говорили об этом в Лодзи. Это хлопоты повседневности, нехватка лекарств, очереди в магазинах, на автобусных и трамвайных остановках. Это трудности с пенсионным обеспечением. Это и ситуация, когда мы все еще не можем в производстве продукции идти вперед, поскольку устаревают наши машины. Это и проблема нашей задолженности. Это прежде всего недовольство трудящихся, отсутствие перспектив для молодежи, и в этом мы отдаем себе отчет.

Важно то, что следует сделать, чтобы этого не было. И если единственным лекарством от этого является раскол трудовых коллективов, то я против этого и убежден, что это не поведет нас вперед к преодолению наших трудностей. Раскол коллективов со всем драматизмом произошел в результате забастовок в апреле — мае и августе. Я знаю ваше выступление перед судостроителями, в котором вы говорили, что одним глазом плачете, другим радуетесь. Меня это несколько огорчило, ибо в этой ситуации нашей страны оба глаза должны быть исполнены печали. Я знаю о последствиях забастовок.

Я заметил, что как на шахте «Андалузия», в «Сталева Воле», так и на нашем Краковском металлургическом комбинате и у судостроителей Щецина коллективы разделились на тех, кто бастовал и кто не бастовал, на тех, кто организовал забастовку, и тех, кто этому противился.

Вы упрекаете нашу власть в том, что эти 44 года потеряны. Это неприятно и, должен сказать, вполне понятно, особенно молодым людям, находящимся в очень сложной ситуации, для которых перспектива получения квартиры невероятно далека. Но для меня, прожившего в этой стране все эти годы, все это чертовски непонятно. Одновременно берусь утверждать, что хватило бы одного года беспорядков, чтобы мы остались действительно при пустых полках в магазинах. Я не пытаюсь утверждать, что это сделала «Солидарность», но считаю, что это было движение, которое было в состоянии полностью овладеть ситуацией тогда, в 1981 г., в положительном и отрицательном смысле, во имя спокойствия или же беспорядков, и все тогда вышло у нас из-под контроля. И именно принимая во внимание тот урок, считая, что наш принцип: один профсоюз на одном предприятии — весьма обоснован.

Валенса. Добрый вечер. Рад нашей встрече. Тех, кто в течение семи лет не усомнились, благодарю. Можно было бы, разумеется, перечислить всевозможные недостатки, трудности, проблемы. Можно было бы взваливать за это вину друг на друга. Я думаю, что сейчас не время для таких именно подсчетов. Наступило время, чтобы задуматься над созданным положением и причинами, породившими его. В 1980—1981 г., по моему мнению, не было внешних возможностей для реформ, которые предлагала «Солидарность». Прежде всего потому, что, как я когда-то сказал, может и не очень серьезно, Брежнев прожил на два года дольше, чем следовало. Зато сегодня, сдается, есть такие возможности. Однако нам сегодня кажется, что мы их не используем. Нам по-прежнему кажется, что делается все во имя спасения сталинской модели. Ведь даже сам факт нашей сегодняшней встречи свидетельствует о том, что ничего из моих задумок и желаний не исполнилось. Член ЦК мог себе позволить встречу, о которой я просил семь лет. Вы могли диктовать ее условия, между тем как я не мог выставить ни одного условия. Должен был сюда явиться, чтобы не попасть в еще более сложную ситуацию.

Но, повторяю, мы должны сближаться, и в этом вы правы. Наши взаимные ссоры и ссоры ни к чему не ведут. Но, как я уже не раз говорил, мы готовы к крупным компромиссам, к большим жертвам. Между тем нельзя не замечать вещей самых существенных. Ведь это не случайно, что социалистические страны имеют сходную ситуацию. Время, наконец, задаться вопросом: почему? Именно потому, что царит монополия в политических, профсоюзных и экономических делах. Это монополия, к которой вы сегодня стремитесь, господин секретарь ЦК. Вы это объясняете тем, что время плюрализма еще не настало. Да и какой это плюрализм, когда один профсоюз на одном предприятии. Или, как я слышал на ваших встречах, один директор, одна партия и один профсоюз. Ничего более смешного придумать нельзя.

Разумеется, территория предприятия не должна превращаться в арену политической борьбы. Она должна быть вне политики. Причем избавленной от политики как в смысле труда, так и в смысле управления, следовательно, и от номенклатуры. Необходимы более серьезные решения, а не примитивное гадание на кофейной гуще, которого и вы не желаете. А серьезные дела, которые мы должны уладить, — это конкретное наше с вами утверждение, что плюрализм в мире во всех делах — экономических, общественных, политических — оправдал себя. Причем во всех странах, где его применяли. А уж коли так, то он оправдает себя и в Польше. Тем не менее мы должны определить, каким образом в Польше в этой сложившейся ситуации попытаться ввести систему, которая во всех странах себя уже оправдала. И в этой связи данная тематика должна быть главной в нашей беседе, и эти проблемы мы должны стараться разрешить.

Проблема, которую вы не затронули, а я затрону, — это проблема «круглого стола». Мы были, есть и будем готовы к компромиссам. Однако такое утверждение, как «один профсоюз на одном предприятии», разбило эту концепцию. Во время последних забастовок можно было часто слышать лозунг «Нет свободы без «Солидарности».

Пусть это и небольшая сила, но она существует вообще, существует на каждом предприятии. И должна быть наконец замечена, и должна иметь возможность пропорционально реализовать свои защитные и жизненно важные для людей труда функции. Игнорирование всего этого приводит к ситуации, которую мы имеем. Следовательно, что если мы хотим иметь взаимопонимание и соглашение, то должны исходить не из принципа «быть или не быть «Солидарности», а лишь из концепции, как ее задействовать, поскольку переход к плюрализму может вызвать деструкцию и анархию. Подумаем над тем, что нужно сделать, чтобы этого не допустить, а не над необходимостью плюрализма.

Медович. Вы тут произнесли девиз, который многократно звучал: «Нет свободы без «Солидарности». Но я слышал и другие девизы: о листьях, например (имеется в виду лозунг экстремистов «А на деревьях вместо листьев висеть будут коммунисты» — *Прим. Г. В.*), которые не хочу повторять. Или, скажем, «Долой коммуно». Еще пока, правда, не дошло до клича «бей жидов», но как знать. Все эти факты возмутительные. Общество наше должно жить в покое. Я имею в виду прежде всего его социальную безопасность, а не самоуспокоенность, которая нам пока не грозит по причине различных проблем: семейных и производственных, государственных и прочих. Хочу еще отметить, что наша встреча состоялась вовсе не потому, что я являюсь членом ЦК. Не ту мысль вы взяли в союзники. В профсоюзах, в совете ВСПС родилось убеждение, что в профсоюзных делах следует разбираться людям труда, а не тем, кто палец о палец не ударил в своей жизни. И если бы в нашей стране действительно не было бы свободы, то наша встреча никогда бы не состоялась. Ваш девиз я считаю прекрасным, но он не соответствует действительности. И согласен с вами в том, что в настоящий момент созрели условия для серьезных перемен и реформ в нашей стране.

Валенса. Рад, что вы сказали о созревших условиях. Я скажу еще больше: история не простит нам, если мы не используем этих условий. Благоприятствует и климат почти во всех странах нашей системы. Особенно в Советском Союзе. Однако там идут в реформах гораздо дальше, осуществляют на деле то, за что боролись и борется до сих пор «Солидарность». Поэтому нужно не мешать перестройке, а на основе собственного опыта одной и другой стороне выйти навстречу прежде всего устремлениям молодежи. Если этого не сделаем, то по-прежнему будем править методом привилегий. Ведь наша встреча не что иное, как привилегия. Если бы я попросил, то этот «круглый стол» вряд ли бы состоялся. А стоило попросить вам — пожалуйста.

Есть много вопросов, которые здесь следовало бы затронуть. Я предлагаю в том случае, если вы всерьез решили говорить, организовать встречу профессионалов обеих сторон, скажем, через пять-шесть недель. Поскольку в течение одной встречи уже столько набралось обвинений и горького опыта.

Следует быстро браться за кардинальные проблемы, главной среди которых остается плюрализм. Не надо его бояться. Пусть наконец власти перестанут бояться собственного народа. Ведь этот народ поймет, если ему сказать прямо: была плохая система, конец сталинской эпохи, которая, однако, по-прежнему пытается навязать свои порядки, нужно это изменить. Однако эти перемены нужно вести при открытом занавесе и не на словах, поскольку разговоров в Польше с избытком. И мы здесь достаточно гладко говорим, быть может, кто-то скажет даже демагогично, а после ничего не изменится. Предлагаю, однако, чтобы изменилось».

Есть две концепции подхода к «круглому столу». Одна из них заключается в том, что мы садимся и без обиняков начинаем переговоры. Если бы не было много опыта, этот вариант следовало бы принять. Но у нас есть в качестве посредника католическая церковь. В этой связи мое предложение сводится к встрече профессионалов в различных областях: экономической, общественной и политической. В этих подгруппах теоретиков, подкрепленных практиками, придем к необходимыми решениями. Но прежде всего сойдемся в одном: плюрализм в Польше неизбежен. Роль этих групп будет заключаться в выводе страны из этой трудной, фатальной ситуации к плюрализму. Если они выработают такие интересные решения, то ни Валенса, ни Медович не удержат людей от реализации этих идей. А если нет, то ни я, ни вы силой не заставим их это сделать.

Между тем сегодня нет готового ответа на вопрос, что есть профсоюзный плюрализм и что такое «Солидарность». Это мы с вами, а не правительство должны ответить на него. Даже последние забастовки свидетельствуют, что накапливается материя недовольства и в определеннный момент она взрывается. И нужно ей дать свободный выход путем разрешения назревших проблем. А это значит, что есть место в плюрализме для «Солидарности», разумеется, «Солидарности», отличной от 1981 г. и в кадровом, и в программном смысле. Хотя мы уже говорили, что не наша в том вина, что все так тогда закончилось. У той реформы не было соответствующего внешнего климата. С высоты накопленного опыта она имеет сегодня шанс, и люди в ней нуждаются. И потому «круглый стол» имеет шанс, и он, разумеется, принесет необходимые решения. Столько прекрасных лозунгов мы уничтожили, столько прекрасных вещей потеряно, что уже пора остановиться. Мы в состоянии это сделать, и есть для этого условия.

Я согласился полностью отказаться от своих пожеланий, чтобы с вами встретиться. Мало того, я сказал уже ранее, что будем ссориться, но концовка должна быть компромиссной. Мы должны прийти к соглашению, ведь Польше это очень нужно для осуществления чаяний молодежи. Ведь молодежь от нас бежит — это скандал, — образованная молодежь. Мои слова, что мы являемся нищими Европы и мира, — это правда. Но это только одна часть проблемы. Но то, что мы тормозим развитие Европы и мира, — это другая часть проблемы. И это уже не только наше дело. Ведь мы в соответствии с нашими размерами средней страны не пользуемся опытом Европы. Что, мы не в состоянии делать это? В состоянии, у поляков есть возможности, только ими плохо управляют. Сталинская эпоха еще не прошла, и поэтому именно мы, профсоюзники, должны покончить с ней. А откуда взялся Сталин? Ведь он появился в силу того, что не было политического плюрализма. Это мы создали Сталина, все мы, вся та эпоха, поскольку не было контрольных организаций, не было плюрализма, и это «Он» до сих пор руководит всем этим.

Медович. Есть принципиальная разница между словами и поступками. Мне памятен весьма печальный опыт раскола нашего общества на два лагеря. Мы должны на деле прийти к соглашению. Разве профсоюзный плюрализм является единственным способом преодоления всех польских трудностей? Ведь вы же сами знаете, что это не единственный выход.

Возможности в этой области огромные. Они заключены в сейме, в выборах в польский парламент и в партии, в тех переменах, которые в ней происходят и которые будут продолжаться далее, в демократизации. Шансы состоят в том, чтобы специалисты, представляющие одну и другую сторону, говорили между собой. А самый большой шанс, о чем вы говорили, заключен в «сером шестеве» в головах наших людей, в нашей интеллигенции, которая действительно не полностью используется и этим не удовлетворена. Но всего этого можно добиться путем переговоров. А плюрализм — это не единственная тема, с помощью которой можно разрешить польские проблемы. Плюрализм у нас уже был, и я должен с огорчением сказать, что тот плюрализм, который был, не оправдал себя на практике. Я рад, что вы согласны, что та «Солидарность», которая появилась бы сейчас, была бы иной, чем в 1980 году. Я разделяю точку зрения, что так может быть.

Валенса. Если говорить о плюрализме, то следует говорить о нем в трех областях. В экономике, в социальной сфере, в частности, это касается профсоюзов, в политике. В Польше, чтобы сдвинуть дело с места, необходимо два плюрализма, по меньшей мере экономический и социальный. Экономический — означает равенство всех секторов, всех форм собственности. Пусть они сами защитят себя. В этом заключается наиболее необходимый Польше плюрализм.

Плюрализм возможен. Его не следует бояться, он нужен. Суть дела в том, чтобы поставить правовые, кадровые, организационные, консультативные и другие барьеры, которые не позволили бы развернуть подрывные действия и нанести ущерб Польше. Это возможно, поэтому я глубоко верю, что мы должны добиться соглашения и эти идеалы должны победить, потому что это продиктовано не амбициями Валенсы или

«Солидарности», это вызов времени. Эту сталинскую систему, которая уже клонится к упадку, нельзя сохранить. Компьютеры нам подсказывают многочисленные варианты, наилучшие модели решений.

Медович. Но заметьте, что мы и идем в этом направлении. Причем несмотря на отсутствие плюрализма.

Валенса. Вы идете пешком, шаг за шагом, а весь мир едет на автомашинах. Если вы так будете идти пешком, то эффекты появятся через 200 — 300 лет.

Медович. Но мы сядем в эту машину.

Валенса. Только не в наше время. А ведь Польша способна на ускорение.

Медович. Именно в этом мы и заинтересованы.

Валенса. Но если у вас будет монополия, а у меня не будет права на существование, то я в этом участвовать не буду, потому что вы мне не даете на это права, а я вам такое право даю, потому что хочу, чтобы вы были сильными. Вы же хотите, чтобы я приполз к вам на коленях. А я этого не хочу, я хочу быть самим собой. И так же думаю наши люди. И молодежь хочет иметь право на самовыражение. Давайте дадим ей это право. Нужно ограничить лишь дело так, чтобы не было деструкции, сдерживания и уничтожения. Мы добьемся этого вне зависимости от того, нравится или не нравится это вам или мне, потому что такого эпоха, в которой мы живем. Только нас будут упрекать за то, что мы потеряли много времени, что мы выставляем себя на посмешище, что мы не можем между собой договориться. Это — потери, которые мы несем напрасно. За это нужно взяться как можно скорее. Если же вы будете считать, что у вас монополия, а я не имею никаких прав, тогда не будет возможности договориться.

Медович. Но сам факт, что мы пришли к тому, чтобы эту беседу провести сегодня, свидетельствует о том, что мы стараемся убедить друг друга аргументами. Я понимаю, каждый пока остается при своем. Было бы удивительно, если бы одна беседа сломала все барьеры. Наша концепция — один профсоюз на одном предприятии — для нас необычайно важна. А ваша концепция о легализации «Солидарности» обязательна для вас. Полагаю, что мы должны обратиться к опыту иных стран и продвинуться вперед. Например, посмотреть, как выглядят эти проблемы в Объединении немецких профсоюзов (ФРГ). Есть разные решения в данной области. Мы решили, что на конгрессе ВСПС через два года мы создадим такую модель польских профсоюзов, чтобы как раз молодежь, о которой вы говорите, нашла в них свое место. Пока мы не высказываемся по этому вопросу. Ведем поиск.

Валенса. Проблема заключается на деле в свободе. Свобода союзов является также вашим долгом. Вы должны не запрещать, а помогать людям объединяться в союзы. Если вы всерьез думаете о Польше, если вы хотите ей помочь, то это возможно только через обеспечение свободы, но такой свободы, которая не превращается в анархию.

Медович. Но вы понимаете, что в наших условиях, при весьма импульсивном характере поляков, при их больших интеллектуальных и физических возможностях, эта разнородность должна быть в единстве. Потому что если не будет разнородности в единстве, то мы расчленим, разорвем страну на части.

Валенса. Не волнуйтесь за людей, давайте дадим им свободу. Посмотрите, что делают венгры, как далеко идут изменения. Они создают новые партии. Об этом мы даже не говорим, мы топчемся на месте, а ведь у нас был самый богатый опыт, и мы были наиболее подготовлены к переменам.

Медович. Разве вы на самом деле не замечаете существенных перемен к лучшему, если говорить о структурах, о демократизации.

Валенса. Мы идем пешком, а люди едут на автомобилях.

Медович. Но мы сядем в этот автомобиль.

Валенса. Ловлю вас на слове. Надеюсь, что мы сядем в эту машину и возьмем с собой людей, потому что мы работаем прежде всего для них».

На этом дискуссия закончилась, и участники попрощались с телезрителями.

Центр исследования общественного мнения провел опрос среди жителей Варшавы на тему об отношении к теледискуссии Медович — Валенсы.

Ее смотрели 78% опрошенных. Мнения телезрителей о беседе Медовича и Валенсы можно суммировать следующим образом: она была необходима, так как увеличила шансы на соглашение между властями и оппозицией. На вопрос: хорошо ли, что состоялась эта дискуссия? — 97% опрошенных дали положительный ответ. В целом теледебаты вызвали оптимизм относительно возможности достижения соглашения между властями и оппозицией. Ответы на вопрос по этому поводу распределяются следующим образом: 18% сочли, что дискуссия стала переломным моментом на пути к соглашению; 61% высказали мнение, что это был небольшой шаг, который дает некоторые надежды, 17% назвали дискуссией примером того, что соглашение невозможно; 4% не высказали своей точки зрения.

Начало встречи за «круглым столом»

Рецензент. Телевизионная дискуссия стала эпохальным событием, открыла шлюзы к взаимному сближению сторон, сделала реальностью встречу за «круглым столом» в Варшаве, в которой приняли участие многие из тех, кого хорошо знают в Польше. Среди них Стефан Братковский (бывший председатель распущенного в 1981 г. Союза польских журналистов), Збигнев Буяк («Солидарность»), Станислав Чосек (член Политбюро, секретарь ЦК ПОРП, генеральный секретарь ВС ПДНВ), Владислав Финдейзен (член Гражданского комитета при Валенсе), Владислав Фрасынюк («Солидарность»), Бронислав Геремек («Солидарность»), Александр Гейштор (директор Королевского замка в Варшаве, член Консультативного совета), Мечислав Гиль («Солидарность»), Веслав Гвиждж (председатель Польского общественного католического союза), Александр Халл (член Гражданского комитета при Валенсе), Марек Холдаковский (кандидат в члены Политбюро ЦК ПОРП), Чеслав Кишак (член Политбюро ЦК ПОРП, министр внутренних дел ПНР), Зенон Комендер (заместитель Председателя Государственного совета ПНР, председатель общества светских католиков ПАКС), Ян Костшевский (президент Польской академии наук), Яцек Куронь («Солидарность»), Александр Квасьневский (член Совета Министров ПНР, председатель Общественно-политического комитета), Владислав Ливак (член Гражданского комитета при Валенсе), Тадеуш Мазовецкий, Яцек Меркель, Адам Михник («Солидарность»), Лешек Миллер (секретарь ЦК ПОРП), Альфред Медович (председатель ВСПС), Казимеж Моравский (член Госсовета, председатель Христианско-общественного союза), ксендз Алоизы Оршулик (руководитель пресс-службы епископата католической церкви в Польше), Ежи Оздовский (вице-маршал сейма), Алоизы Петшик (член Гражданского комитета при Валенсе), Анна Пшецлавская (член Консультативного совета), Эдвард Радзевич (член Гражданского комитета при Валенсе), Генрих Самсонович (профессор Варшавского университета, член Гражданского комитета при Валенсе), Владислав Силановицкий (адвокат, советник Валенсы), Анджей Стельмаховский (председатель варшавского клуба католической интеллигенции), Станислав Стомма, Клеменс

Шанявский, Ян Юзеф Шепаньский (члены Гражданского комитета при Валенсе), Эдвард Швайкевич (советник Валенсы), Ежи Турович (главный редактор католического еженедельника «Тыгодник повшехны»), Лех Валенса (председатель Всепольской исполнительной комиссии «Солидарности»), Анджей Веле-веиский (член Гражданского комитета при Валенсе) и другие представители руководящих органов ПОРП, союзных с ПОРП польских партий, профсоюзов, общественных организаций, научных и религиозных кругов.

Автор. В этом списке есть двое, которых при всем желании нельзя причислить к «конструктивной оппозиции». Как можно прокомментировать участие в «кругом столе» З. Буяка и А. Михника? Не нашлось ведь в списке участников места для другого экстремиста — Л. Мочульского или для более умеренного деятеля — Я. Кулая, председателя бывшей «сельской «Солидарности»?

Рецензент. Обратим внимание еще на одну деталь списка. При Лехе Валенсе стал функционировать Гражданский комитет. По обширнейшему составу и десяткам подразделений получилось нечто вроде «теневого кабинета», то есть оппозиционного кабинета с набором лиц, претендующих на будущие министерские портфели. Правительство возражало против включения Буяка и Михника в число участников «круглого стола». Чтобы начать наконец переговоры, власти вынуждены были уступить. Вопрос с восстановлением прав «сельской «Солидарности»» возражений не вызывал, и о легализации профсоюза во главе с Я. Кулаем договорились уже на первых заседаниях «круглого стола».

С Мочульским также все ясно. Лидер антисоциалистической «Конфедерации независимой Польши» в отличие от многих других своих компаньонов по оппозиции не юлит, своих взглядов и целей не скрывает. В последние годы он сделал все возможное для реанимации деятельности «Независимого союза студентов». КНП и НСС нашли общий язык. Варшавский и краковский Ягеллонский университеты, да и десяток других самых крупных студенческих центров среди 90 вузов страны в 1988—1989 гг. стали походить на встревоженный улей, стены которого облеплены лозунгами экстремистов, ксерокопиями подпольных студенческих бюллетеней, соответствующей фотоинформацией и т. д. Территории польских университетов и помещения костелов доступны для сотрудников милиции и других правоохранительных органов только с разрешения ректоров и церковных иерархов. Профессора и ксендзы часто симпатизируют идеям «Солидарности» — вот и кипят страсти, не прекращаются сходы. Ведь официальные союзы молодежи и студентов ПНР привлекают в свои ряды не более 20% студенчества, значительная часть которого предпочитает выжидать и не участвовать вообще ни в какой политической деятельности.

Для того чтобы не быть голословным, приведу краткий отчет с одного из публичных выступлений главы КНП перед молодежью.

28 октября 1988 г. Л. Мочульский встретился в клубе Варшавского политехнического института «Ремонт» с группой студентов варшавских вузов. Встреча под лозунгом «Стол с выломанными ножками», на которой присутствовало около 50 человек, была посвящена предстоящим переговорам за «круглым столом».

Сам факт обращения властей к диалогу с оппозицией, предложение о созыве «круглого стола», по словам руководителя КНП, свидетельствует о крахе нынешнего руководства страны, в первую очередь ПОРП. Л. Мочульский утверждал,

что все действия руководства партии начиная с 1981 г. неизменно заканчивались провалом. Так было с курсом на социалистическое обновление, введением военного положения, экономической реформой. Власти показали полную свою несостоятельность и теперь хотят при помощи оппозиции «продлить свое существование». Л. Мочульский утверждал, что нынешняя «правящая элита» опирается на социальную базу в 2—3 млн человек. Однако данной социальной базе нынешнее руководство уже не нужно по причине его полной несостоятельности.

Л. Мочульский заявил, что властям, для того чтобы удержаться у руля, следует выполнить три основных условия. Они должны завоевать доверие Запада, Советского Союза и польского общества. Конкретным шагом, который бы позволил достичь сразу все три цели, является легализация «Солидарности». Л. Мочульский утверждал, что данный вопрос якобы уже предрешен и от восстановления «Солидарности», пусть даже «в искалеченном виде», руководство уже не сможет отказаться.

Во-первых, Запад под легализацию «Солидарности», чего США требуют начиная с 1981 г., даст кредиты, окажет другие формы помощи. Во-вторых, в глазах Москвы руководство ПНР докажет, что оно самостоятельно способно решать польские проблемы, не доводя дело до кризиса и крайне опасной конфронтации. В-третьих, общество «поверит», что власти за минувшие годы «все-таки чему-то научились» и способны предпринимать «здравые шаги», способные получить поддержку широких кругов населения. Кроме того, этот шаг, несомненно, будет поддержан католической церковью.

Руководитель КНП утверждал, что если к власти в ПНР даже и придет новое руководство, то оно неизбежно должно пойти на диалог с оппозицией и легализацию «Солидарности».

Развивая свои «идеи», Л. Мочульский сказал, что легализация «Солидарности» явится лишь фактическим признанием существующего положения дел, поскольку ее ячейки действуют уже по всей стране. Лидер КНП упорно подчеркивал, что юридическое восстановление «Солидарности» — это в нынешней ситуации единственное «средство спасения» для польского руководства.

Легализуя «Солидарность», партийное руководство сделает первый шаг по наклонной плоскости, который приведет к уничтожению социализма в Польше. Л. Мочульский многократно повторял, что нынешняя политическая система в Польше является «системой умирающей», а власти «охвачены паническим предсмертным страхом».

Л. Мочульский изложил программу КНП на перспективу из пяти пунктов. Первый шаг — это легализация «Солидарности». Затем, в 1989г., — свободные выборы в сейм, хотя «полной свободы, возможно, не удастся на них добиться». Третий шаг — избавление Польши от «советскою владычества» и превращение ее в «подлинно независимое государство». Затем, по Л. Мочульскому, следует «упорядочить ситуацию в Центральной Европе» и завершить процесс созданием материальной базы «подлинно свободного и независимого общества».

Значительная часть разглаговствований Л. Мочульского и вопросов студентов была посвящена отношению СССР и ПНР и возможной реакции Советского Союза на изменение обстановки в Польше. Оратор многократно повторял о необходимости постепенных шагов на пути превращения страны в «подлинно демократическое государство», тогда это не вызовет острой реакции СССР. Такая реакция возможна, если «мы захотим достигнуть всего в один день», поэтому к до-

стижению целей оппозиции следует стремиться поэтапно. Польша для Советского Союза является четверторазрядной страной. Военное вмешательство возможно только в двух случаях. Если СССР будет «нагло обманут», когда великая держава «будет обведена вокруг пальца» и тем самым пострадает ее авторитет. Во-вторых, это произойдет в случае, когда события в ПНР могут послужить «детонатором к революции в Советском Союзе». Л. Мочульский уверял собравшихся в том, что СССР не прибегнет к военному вмешательству в Польше, ибо это противоречит основному направлению перестройки и могло бы нанести ей огромный ущерб, поскольку бы вызвало экономические санкции Запада, которые были бы равнозначны замораживанию на неопределенный срок отношений с капиталистическими странами и получению из них необходимых для модернизации ослабленной экономики технологий. Для СССР, сказал он, политически выгодно, чтобы власти ПНР решили польские проблемы собственными силами даже путем значительных уступок оппозиции. Крах польских реформ и острый кризис в ПНР могут бросить тень на перестройку, поэтому советское руководство, по словам Л. Мочульского, весьма заинтересовано в урегулировании конфликта в ПНР.

Он привел также массу аргументов, обосновывая тезис о том, что польские власти не пойдут на объявление вновь военного положения, хотя до конца не исключил такой возможности.

Л. Мочульский сообщил также, что 11 октября состоялось собрание представителей партий так называемой национально-независимой направленности. На нем было решено создать общую так называемую временную координационную комиссию, которая позволит объединить усилия данного крыла политической оппозиции в Польше. Он подчеркнул, что национально-независимое крыло выступает за ликвидацию существующего строя.

По словам Л. Мочульского, главным общим лозунгом всех оппозиционных сил в ПНР является легализация «Солидарности». Он выразил уверенность, что «Солидарность» будет скоро легализована. По его словам, это лишь вопрос времени. Оратор призвал студентов поверить ему, что через «полгода, через год» они будут свидетелями «совсем другой Польши». Это заявление было встречено бурными аплодисментами части собравшихся.

Автор. Впечатляют заявления главы КНП прежде всего своей откровенностью. А западная пресса, как она расценила долгожданные переговоры за «круглым столом»?

Рецензент. Вот как освещала это важное событие в жизни ПНР газета «Вашингтон пост» (7.02.1989):

«Варшава. Польское коммунистическое руководство и запрещенное профобъединение «Солидарность» вместе начали переговоры за «круглым столом». Перед участниками стоит далеко идущая повестка дня, в которую включены различные вопросы — от условий легализации независимого профобъединения до будущего политической системы Польши.

Телевидение транслировало на всю страну церемонию, в ходе которой 57 представителей партии, «Солидарности», католической церкви и других официальных организаций собрались вокруг деревянного «круглого стола» в правительственном особняке XVIII в., чтобы открыть пленарное заседание на переговорах, которые должны продлиться по меньшей мере шесть недель. Позднее участники переговоров выступили с заявлением для печати, в котором объявлялось о создании трех больших рабочих групп по вопросам экономики, профсоюзной деятельности и политической реформы. Были также созданы 11 меньших по размеру рабочих групп.

В своих выступлениях на церемонии открытия министр внутренних дел генерал Чеслав Кишак, глава партийной делегации, и лидер «Солидарности» Лех Валенса изложили широкие политические программы для переговоров, которые резко отличались в их представлении о будущем Польши, но отражали предварительный консенсус партии и оппозиции в вопросе о форме практического политического урегулирования.

Кишак заявил, что «Солидарность» будет легализована, после того как она договорится с партией об экономической и политической программах и примет участие в «неконфронтационных» выборах в парламент. В своей новой форме «Солидарности» придется подключиться к существующим коммунистическим профсоюзам для создания совместных советов на предприятиях, отметил он.

«Самое важное — ответить на постоянный вопрос о том, намерена ли «Солидарность» уважать конституционные реальности системы, готова ли она найти для себя место в системе глубоко реформированного социализма в Польше», — заявил Кишак, отметив, что власти ожидают от профобъединения «компромисса и лояльного сотрудничества».

Валенса в ответном выступлении резко критиковал партийное руководство и заявил, что «единственным направлением» для Польши является установление демократической системы. Он заявил, что точкой отсчета должна стать не только легализация «Солидарности», но также и крупные реформы судебной, законодательной системы, государственных органов массовой информации и местных властей.

«Разве мы просим слишком много?» — заявил лидер «Солидарности» и ответил: — Мы знаем, что страна переживает разруху. Однако ее разрушил не злой волшебник, а политическая система, которая лишила народ его прав и растратила без пользы плоды его труда».

Несмотря на острые разногласия в подходах, представители и правительства, и оппозиции выразили удовлетворение в связи с началом переговоров и оптимизм в отношении возможного соглашения. «Вчера я был сдержанным оптимистом. Сегодня я стал немного больше, чем сдержанным оптимистом», — заявил в интервью государственному телевидению представитель «Солидарности» Януш Онышкевич.

В Вашингтоне представитель государственного департамента Чарльз Ред-мэн выступил в понедельник с заявлением, тепло приветствовал переговоры в Польше. «Мы поддерживаем этот потенциально важный процесс и желаем ему успеха», — заявил он.

Помимо официальных выступлений сегодняшнее заседание было отмечено довольно забавной переменной ролей. Активисты, которых правительство генерала Войцеха Ярузельского большую часть 80-х годов называло обычными уголовниками, сердечно приветствовали министров правительства.

Кишак, который, находясь на посту министра внутренних дел, руководил жесткими репрессиями против руководства «Солидарности» после подавления профобъединения в 1981 г., пожимал руки ряду деятелей, сидевших в прошлом в контролируемых им тюрьмах. Збигнев Буяк, более четырех лет скрывавшийся в подполье от руководимых Кишаком сил безопасности, также находился в этом зале. Представитель правительства Ежи Урбан сидел за одним столом рядом с Онышкевичем, которого он раньше обвинял в сотрудничестве с ЦРУ США.

После происшедшей в последнюю минуту дискуссии официальные польские журналисты обнаружили, что их монополия на освещение переговоров нарушена десятком представителей по-прежнему нелегальной подпольной печати «Солидарности», которые до недавнего времени занимались своей деятельностью, рискуя подвергнуться крупным штрафам и тюремному заключению.

Кишак обменялся рукопожатием с Адамом Михником, оппозиционным публицистом, который в прошлом называл генерала «беспринципной свиньей».

«Мы знаем друг друга по нашей корреспонденции», — заявил Михник генералу.

«Я надеюсь, мы лучше познакомимся друг с другом», — ответил ему Кишак».

Автор. Газета «Трибуна люду» (5.10.1988) поместила результаты опроса Центра по изучению общественного мнения о предполагаемых результатах «круглого стола». Среди польского населения по этому вопросу господствовал умеренный оптимизм. 6,6% опрошенных указали на решительный успех встречи, 40,9% — на возможность успеха, а 17,5% указали, что шансов на успех почти нет. Большинство анкетированных отмечали, что встреча за «круглым столом» должна отразиться на экономической ситуации страны.

По словам директора правительственного Центра по изучению общественного мнения С. Квятковского, высказанным им в интервью газете «Жиче Варшавы» (1.01.1989), «программа обновления в Польше уже исчерпалась». «Сейчас, — сказал С. Квятковский, — происходит перелом в борьбе между консервативными и прогрессивными силами, прежде всего в сфере экономики. Однако пока старые хозяйственные связи держатся прочно. Отойти от догм в сфере экономики и политики гораздо труднее, чем в области надстройки. Сегодня догматикам от идеологии нечего предложить, однако людей, привязанных к вере в экономические и политические догмы, можно встретить на всех этажах администрации и политического аппарата». Либо ремонт польского дома завершится подновлением фасада, либо мы возьмемся за его перестройку в соответствии с новыми потребностями, чего никто за нас не сделает, заключает С. Квятковский.

Стоит отметить, что социологические опросы стали приметой польской политической жизни. С 1984 г. подобные анкетные обследования общественного мнения проводятся среди членов ПОРП, среди всего населения и конечно же широко публикуются.

В июне 1988 г. было сообщено о результатах опросов общественного мнения, касающихся внутренней и внешней политики СССР. По данным Центра по исследованию общественного мнения, проводившего анкетирование среди взрослого населения Польши, самым выдающимся руководителем 1987 г. был назван Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. На втором месте оказался папа римский Иоанн Павел II, за которого высказалось значительно меньшее число опрошенных.

В октябре 1987 г. в анкетах был поставлен вопрос о том, к каким политическим деятелям поляки испытывают наибольшую симпатию. 76,2% заявили о своих симпатиях к М. С. Горбачеву. На этот раз он оказался на втором месте, уступив первую позицию папе римскому. По сравнению с концом 1985 г. на 23% увеличилось число людей, испытывающих симпатию к советскому руководителю. Об отсутствии симпатии к М. С. Горбачеву заявили только 6,3% поляков. В 1987 г. 47% поляков считали, что происходящие в СССР перемены — крупномасштабные и перестройка одержит успех. Одна треть опрошенных не имела мнения на этот счет, остальные высказывали сомнения. 40% поляков считали тогда, что советская перестройка принесет пользу и Польше. 7% думали, что она окажет негативное влияние, а 21% полагали, что перестройка не будет иметь влияния на события в Польше.

В анкете был поставлен вопрос, какая из великих держав сделала больше во имя укрепления мира. 60% поляков ответили, что СССР, 5% высказались в пользу США. Около одной трети опрошенных полагают, что вклад обеих держав одинаков.

В конце 1987 г свыше двух третей поляков, отвечая на анонимную анкету, заявили, что положительно относятся к СССР, а 9,5% — негативно 24% отмечали, что испытывают смешанное чувство.

В феврале 1988 г только 6,1% поляков негативно оценивали польско-советские отношения. Небезынтересно, что 61% анкетированных, которые сообщили, что являлись раньше членами «Солидарности», заявили о симпатии к СССР, 19% бывших членов распущенного профобъединения отмечали отсутствие симпатии. Более 49% бывших членов «Солидарности» выступили за дальнейшее развитие польско-советских экономических связей.

После советско-американской встречи на высшем уровне в Москве жители Варшавы в 2 раза чаще выражали симпатию М.С.Горбачеву, чем Р.Рейгану. На 40% по сравнению с октябрём 1987 г сократилось число поляков, негативно оценивавших президента США. Почти в 4 раза больше варшавяны заявили, что СССР больше сделал во имя мира, чем США.

По данным Центра по изучению общественного мнения при Комитете по делам радио и телевидения, после московской встречи в верхах 45% поляков заявили, что СССР проявил больше доброй воли во имя ограничения вооружения, а 40% — что обе великие державы проявляют в одинаковой степени добрую волю. Только 3% жителей ПНР полагают, что больше доброй воли проявляют США, чем СССР.

Свыше 73% анкетированных дали положительную оценку внешней политике польского правительства, подчеркнув, что она отвечает интересам народа. В то же время каждый пятый опрошенный дал ей отрицательную оценку. Около 5% заявили, что не имеют собственной точки зрения на этот счет.

Половина участников опроса убеждена, что авторитет Польши на международной арене упрочился. 36% анкетированных считают, что в этой области ничего не изменилось, а по мнению 13% авторитет ПНР снизился.

76% анкетированных заявили, что визиты в Польшу видных иностранных государственных и политических деятелей служат росту авторитета страны на мировой арене. 74,1% считают, что их итоги положительно сказались на экономическом положении республики, а 66,3% отметили, что результаты пребывания в ПНР высоких зарубежных гостей положительно сказываются на политической обстановке в стране.

Рецензент. В докладе Политбюро ЦК ПОРП на седьмом пленуме, сделанном в Ярузельском, подчеркивалось, что подавляющее большинство поляков высказывается в пользу социалистического развития страны. В ходе опроса общественного мнения в ПНР на конец июля 1988 г около 74% опрошенных высказались за сохранение существующего строя с условием проведения определенных преобразований и лишь 7,9% участников опроса показали себя противниками социализма.

Автор. Допускаю, что эти данные могли бы быть другими, так как ведь не существует еще устоявшегося мнения о социализме и его главных признаках.

Мнения интеллигенции

Рецензент. Мне думается, что именно в среде ПОРП, в руководстве партии и во многих ее звеньях есть деятели, которые имеют более четко выраженную политическую платформу реформ, чем их формулирует оппозиция. Суть реформ — изживание сталинизма в экономике и в политике, но при сохранении марксистских основ. С этой точки зрения интересны беседы с известным польским философом Адамом Шаффом, которые опубликовал краковский еженедельник «Здане» (707 1988).

Отвечая, в частности, на вопрос журналистов о возможности и целесообразности ведения внутрипартийной дискуссии в печати, профессор Шафф под черкнул, что в Советском Союзе, например, это широко практикует Юрий Лфа насев выступающий с обличением «сталинских элементов в партии», что уже само по себе является незаменимым элементом демократизации, возрождения партии. Группа «твердолобов» догматиков (только наивные могут отрицать ее существование) наносит вред авторитету партии. Таких следует критиковать публично, отмежевываясь от них во имя партии и ее доброго имени. Не сделать этого аналогично трусости и оппортунизму.

Характеризуя старинскую эпоху в истории социалистического содружества, ученый отмечает, что сталинизм — явление, которое не сводится к одной лишь личности Сталина. В работе Сталина «История и классовое сознание» есть откровение, которое при максимальном сокращении будет звучать примерно так: важно не то, что люди думают, а то, что они должны думать. А что должны думать. А это уж мы, располагающие тайниками марксизма, знаем. Здесь — квинтэссенция сталинизма. После этого заявления Сталин ничего другого потом не делал. И он был настолько хитер, что никогда больше ничего подобного вслух не произносил. А то, что он писал об обострении классовой борьбы по мере развития социализма, никогда не противоречило марксизму ленинизму. Говорил он в общем то неплохо, а действовал страшно. Потому что был параноиком. И об этом надо заявить открыто, что я и стараюсь сделать в своей книге.

Отвечая на вопрос является ли сталинский феномен явлением чисто российским, заложенным в недра социализма самим Лениным, А.Шафф соглашается с таким тезисом. По его глубокому убеждению, социалистическую революцию «нельзя осуществить выборочно». «История не совершает скачков. Это тезис не Ленина а Маркса о чем говорится во вступлении к «Капиталу». Нельзя перепрыгивать через этапы. Маркс об этом знал хорошо. К сожалению, такие ошибки были совершены и в Восточной Европе после второй мировой войны. Но то, что происходит сейчас в Эфиопии, Мозамбике, Анголе можно назвать откровенным кошмаром, который вообще компрометирует все движение, его идеи в целом. И если этот процесс не удержать, придется заплатить слишком дорогую цену.

В 1917 г. когда большевики осуществляли революцию, многие крупные марксисты выступили против поспешности действий (как например, Каутский, известный нам под ленинской кличкой «ренегат»). Осмелюсь утверждать, что в их споре был прав не Ленин а Каутский. Хотел написать об этом книгу, но отложил намерение поскольку в тех условиях явная критика Ленина была не уместна. Хотя глубоко убежден, что нас отделяет очень короткий промежуток времени, что момента когда будут подвергнуты критике различные ленинские идеи Ленин был гением великим тактиком революции. Но достаточно почитать его «Государство и революция» чтобы убедиться в том, что он или не знал, о чем говорит, или же ошибался с самого начала до конца поскольку ни одно из его утверждений не подтвердилось. Если вообще могут существовать запрещенные книги, то одной из них должна быть именно эта, вредная для всего марксизма-ленинизма.

Говоря о нарочитых истоках ленинского теоретического наследия, А.Шафф напоминает о специфике России как наиболее отсталой страны Европы, а

также о старшем брате Ульяновых, который, будучи сам народником, удивлялся, что Владимир является продолжателем этих анархо-синдикалистских, а не марксистских традиций Итак, случайным ли явлением был сталинизм? Шафф проводит исторический параллелизм с Калигулой, который был параноиком и совершал страшные преступления, среди которых введение коня в римский сенат было самым безобидным «И когда сейчас, семьдесят лет спустя после фракционной борьбы в партии, приходится слышать «победило здоровое ядро этой партии с Иосифом Виссарионовичем во главе», у меня мурашки бегают по коже» При этом Шафф замечает, что совершить социалистическую революцию в России Ленину и его соратникам помогла глубокая вера в свою правоту. «Но, — подчеркивает он, — были и такие, как Зиновьев, Каменев и т.д., которые позже стали ведущими ортодоксами III Интернационала Они говорили а что будет, если революция на Западе не свершится и мы останемся одни со всей этой обузой.

Всю эту семидесятилетнюю историю следует сейчас наконец верно оценить И ответить, что же произошло, когда после второй мировой войны насаждался социализм в странах, не подготовленных к этому, в том числе и в Польше Сталин тогда сказал Черчиллю, что легче корову оседлать, чем осуществить социалистические преобразования в Польше».

Рассуждая о путях развития стран Латинской Америки, А Шафф заявил, что считает своим долгом предостеречь их от исторических ошибок «Братья, нет, только не социализм Но и не капитализм Делайте национально-освободительные революции. Где сказано, что это должна быть непременно социалистическая революция. Разве так говорили Маркс или даже Ленин. Разве это марксистское положение. Чушь Революция означает качественное изменение строя Тот строй, который там существует, вовсе не капиталистический, а феодальный.

Чем взял в подобной ситуации Ленин. Лозунгом «Земля — крестьянам» Из этого далеко еще не следует (Ленин это познал на собственном опыте), что те, кто поддерживает такой лозунг, желают социализма Прошу обратить внимание, что сейчас в развитых странах Европы нигде не выдвигается лозунг насильственной революции В Латинской Америке скорее всего она пойдет кровавой дорогой классической революции Но они не должны повторять Кубу И Кастро, толкавший в пропасть Никарагуа, это тоже понял, хотя не сразу, но и не слишком поздно, чтобы исправить свои ошибки.

Мы ругаем американцев, но нужно ругать и самих себя, что впутались во все это LATINOAMERICANские экстремисты — это сумасшедшие, ставшие злым роком региона. Их терроризм ни к чему не приведет Но там есть движение, которое никак не связано с коммунистическим, однако же является единственно перспективным христианско-марксистское революционное движение как новая форма демократии Кастро поначалу тоже не был коммунистом и игнорировал партию, о чем сегодня забыто Все это совершенно нетипично для Европы, и нам трудно во всем разобраться».

Отвечая на вопрос, является ли социалистическая революция феноменом, характерным для отставших в своем развитии восточно европейских стран, А Шафф подчеркивает, что терроризм в них был единственной возможностью удержать власть, что те, от кою он исходил, не были злыми людьми Он утверждает, что классовая борьба в мире продолжается и проиграть империализму — значило бы отбросить человечество на десятки лет назад.

«В передовых странах, таких, как США, ФРГ и прежде всего Япония, наступила новая волна промышленной революции, в то время как мы еще не подошли к старой И в этом трагедия И посмотрите в прошлом году появились два важных документа коммунистических партии новые программы КПСС и нашей партии В них не отмечены явления промышленной и научно технической революции, несмотря на то что уже несколько десятков лет об этом пишут Нельзя не отметить, что промышленная революция ведет к тому, что мир ближайшего будущего будет миром коллективистским, то есть социалистическим И это выдумали не социалисты, а проклятые капиталисты — Милтон Фридман и Джеймс Тойнби, апостолы свободной рынка Там уже все готово к введению базисного дохода без работы.

Мы вышли из варварства периода сталинской паранойи и находимся в средневековые Но поскольку мы в средневековые, то когданибудь, наверное, придем и к новейшей эпохе Только время так быстро летит».

Говоря о проблеме безработицы, особенно среди молодежи, А Шафф сказал «Мы делаем вывод, что у нас ее нет Но в то же время оказывается, что, если бы в СССР захотели прийти к нормальной сегодня на Западе производительности труда, следовало бы постепенно уволить 19 млн рабочих Эта же проблема существует в Польше».

Далее А Шафф заявил, что постулат «религия — опиум народа» ошибочен «Мы сегодня видим что религия может, но совершенно не должна быть опиумом для народа Мы видим это в самых разнообразных революционных течениях, в теологии освобождения С этой целью предлагаю ввести понятия более широкого и более узкого марксизма Можно быть марксистами в широком смысле этого слова, и для верующих необходимо это более широкое понятие».

Отвечая на вопрос о якобы отрицательном отношении А Шаффа к бывшей «Солидарности», он отмечает «Анекдот в том, что я считаю иначе Причем не скрываю, что сам также был членом «Солидарности» В тот период, копа это был профсоюз, я считал, что он был необходим, и по прежнему считаю, что независимые профсоюзы нужны Но когда они начали делать политику так, как начали ее делать, я сказал «нет» и считаю, что они несут огромную ответственность за то, что произошло в Польше, и не только в Польше Это был шанс не только для Польши, но и для всею лагеря И политик должен отдавать себе отчет в том, что возможно, а что невозможно Но некие люди, несмотря на предостережения со многих сторон, толкали движение в ту-пик».

Мы должны, кроме того, отдавать себе отчет в том, что над нами висит дамоклов меч, этим дамокловым мечом является объединение Германии Об этом я говорю много лет И это повторял мне Гомулка Он знал, что каждое новое Ралалло будет за счет Польши Именно потому Польша, в которой нет спокойствия, для многих необходима Об этом следует помнить».

Возвращаясь к достижениям научно-технической революции, А Шафф высказывает мнение, что перед нами открывается перспектива нового рая «Можно сделать нечто фантастическое, хотя одновременно существует опасность вырождения в нечто весьма плохое Необходимо соответственно к этому приспособиться, изменять общественные механизмы, готовить к этому человека И не вижу здесь никакого противоречия с марксизмом Марксизм говорит, что если меняется базис, способ производства, то должно измениться и все остальное, в том числе так называемая надстройка, со всеми последствиями этою И марксист должен заметить, что перемены в технике ведут к социалистическому обществу, что невыгодно как для капиталистов, так и для аппарата государств реальною социализма Ибо это будет иной, совершенно иной социализм. Во всяком случае, он будет опираться на принцип коллективизма в экономике. Могут ли в таком обществе исчезнуть любые формы господства человека над человеком. Ничего подобного. Это грозное политическое предостережение, ибо путь может быть двояким «либо замечательная реальная демократия, опирающаяся на мощные материальные основы, которых ранее не было, либо может возникнуть новый господствующий класс, который будет в состоянии манипулировать другими людьми гораздо более эффективным и опасным способом, чем до сих пор. И это в глобальном и даже, может быть, в космическом масштабе, ибо к тому времени мы уже наверняка выйдем в космос. Необходимо отдавать себе отчет в том, что такая альтернатива существует, и уже сейчас надо предпринимать шаги, чтобы она не стала действительностью Ибо появится какой либо Ле Пен и потянет за собой людей».

Отвечая на вопрос об оценке перестройки в СССР, А.Шафф сказал «Я никогда не утверждал, что изменение модели невозможно, я говорил только, что это весьма трудное дело, но возможное, и скажу больше если изменения не произойдет, это будет катастрофой, особенно для Советского Союза».

По для этого необходима модернизация. А мы утрачиваем «серые клетки», и, если у нас произойдет утечка образованных кадров, мы погибнем. Кадры выезжа-

ют за рубеж в массовом порядке. И это не эмиграция 1968 г. Это молодежь, хорошо подготовленная, которая выезжает только потому, чтобы не деквалифицироваться. Либо мы создадим этой молодежи возможности в Польше, либо проиграем.

Необходимо говорить не только о рынке, нужно изменить и политическую структуру, ибо без этого ничего не выйдет. В нашей же ситуации это означает следующее: ничего не выйдет, если не будет устранена диктатура партийного аппарата, если мы не перестанем довольствоваться демократизацией на словах, а введем демократию, вплоть до политического плюрализма включительно.

Шанс для этого в Польше есть, даже необходимость. Ибо если этого не сделать, то ничего не удастся, ибо мы не получим доверия населения. А тогда люди не будут работать и думать. И ничего не выйдет. Вижу, например, возможность и необходимость образования у нас христианско-демократической партии, пусть она участвует в дискуссии в сейме, выдвигает требования, пусть будет в оппозиции. Только в качестве препятствия на этом пути стоит сейчас не правительство (чтобы не было недоразумения), а церковь. Как мне известно, епископат выступает против возможности создания такой партии, что является большой ошибкой.

Костел считает, что у него есть свои люди везде (что верно), поэтому ему не нужна никакая партия. Это большая ошибка. Польша — страна, в которой можно сломать стену политической монополии и ввести плюрализм. А без введения плюрализма не произойдет изменения модели.

Я весьма настроен в пользу перемен в Польше, плюрализма, но выступаю против идей создать две соперничающие социалистические партии. Партия этого не выдержит. Менять строй мы не только не хотим, но прежде всего не можем».

Автор. Адам Шафф — старый и мудрый человек. Он фактически перечислил те сферы марксизма, которые предстоит разрабатывать следующему поколению наших обществоведов, свободному от пут догматизма и страха. А в связи с упомянутыми буржуазными учеными, прогнозирующими введение в недалеком будущем базисного дохода без работы, хочется добавить, что это вполне реально, так как уже сегодня американский безработный получает по пособию больше, чем большинство советских тружеников, сидящих на окладе. Как здесь не вспомнить старый анекдот времен 1917 г. в Петрограде. Барыня видит за окном очередное шествие демонстрантов к Невскому проспекту и посылает горничную узнать, в чем дело. Та возвращается и говорит: «Народ хочет бороться за то, чтобы не было богатых». «Ах, голубушка, — замечает барыня, — мне еще дедушка наш рассказывал, как в 1825 г. декабристы боролись за то, чтобы не было бедных».

Социализм еще ждет своих новых теоретиков. Но, оценивая будущее этой системы в Польше, можно вполне оставаться сегодня на оптимистических позициях. Дело в том, что польская оппозиция немногочисленна и разобщена. И при более внимательном рассмотрении выясняется, что большинство критикует социализм, но не отвергает его напрочь.

Под заголовком «Общественное сознание интеллигенции» газета «Трибуна люду» (26.04.1988) опубликовала статью профессора Академии общественных наук ЦК ПОРП С. Видершпиля, в которой автор информирует о результатах проводившегося в 16 воеводствах ПНР социологического обследования представителей польской интеллигенции с целью выяснить их точку зрения по ряду ключевых проблем нынешнего положения страны, а также настроений в целом. Анкеты были розданы руководящим работникам всех секторов народного хозяй-

ства, государственной администрации, юстиции, науки, просвещения, здравоохранения, культуры и искусства. Средний возраст опрошенных представителей польской интеллигенции составлял 40 лет, треть из них — это члены ПОРП и союзнических партий, половина — члены профсоюзов, треть — члены творческих или научных обществ и союзов. Обследование проводилось осенью 1987 г.

С. Видершпиль пишет, что, по мнению большинства анкетированных, интеллигенцию от других классов и общественных слоев отличает в первую очередь личная культура, высокий уровень знаний, определенная моральная позиция, творческий подход к работе и лишь на последнем месте было названо высшее образование. Эти критерии, указывает автор, свидетельствуют о том, что опрошенные видят в интеллигенции представителей элиты общества, не обращая внимания на такие факторы, как образовательный ценз и место в социальном распределении труда. К наиболее типичным профессиям интеллигентов были отнесены профессор вуза, писатель, врач, ксендз. Относительно малый процент опрошенных отнесли к интеллигенции работников руководящего аппарата. Подавляющее большинство анкетированных назвали главной задачей интеллигенции исполнение ведущей роли в обществе и в то же время дали весьма критическую оценку реализации ею этой задачи.

Участников анкеты попросили перечислить те факты и явления из истории ПНР, которые заслуживают положительной и отрицательной оценки. К успехам ПНР были отнесены: послевоенное восстановление страны, развитие просвещения, крупные социальные преобразования, ликвидация безработицы, индустриализация. Четверть всех опрошенных включили в этот перечень события августа 1980 г., 23% — события октября 1956 г., 17% отметили улучшение условий жизни, в первую очередь на селе. К неудачам были причислены: хозяйственные просчеты, кризисные явления, сталинизм, регрессии против невинных людей, преследование солдат Армии Крайовой, отсутствие демократии, свободы слова, низкий жизненный уровень, неудовлетворение потребностей людей, декабрь 1970 г., август 1980 г.

В ходе опроса ставился также вопрос о так называемых «белых пятнах». Более одной четверти анкетированных заявили, что их существует очень много, 30% считают, что их — незначительное количество, 30% не имели своего мнения на этот счет. Из числа приводившихся примеров «белых пятен» отмечалась недостаточная информация о Ю. Пилсудском и В. Сикорском, а из событий — Катынь, война между Польшей и Советским Союзом 1920 г., польско-советские отношения в межвоенный период, вступление советских войск на территорию Польши в сентябре 1939 г., договор Риббентропа — Молотова, польско-советские отношения в период второй мировой войны, боевые действия Армии Крайовой.

В обследовании был поставлен целый ряд вопросов, касающихся нынешних проблем политической, общественной и экономической жизни ПНР. Интерес к политике у интеллигенции крайне разнороден, отмечает С. Видершпиль. О значительном интересе к вопросам политики заявили всего 4,4% анкетированных, четверть опрошенных сказали, что вовсе не интересуются политикой. Это положение может объясняться тем, что, например, 10% анкетированных заявляют о том, что вообще не понимают того, что происходит в политике, а почти 60% полагают,

что в политической сфере столько же проблем понятных, сколько неясных. Источником информации о политике служат прежде всего телевидение, печать, беседы с родными и знакомыми и лишь затем следуют передачи западных радиоголосов и проповеди священников в костелах.

Весьма интересными представляются данные опроса о высказываниях интеллигентов относительно достоинств и недостатков социализма и капитализма. В числе достоинств социализма чаще всего называются следующие: бесплатное образование, право на труд, бесплатное здравоохранение, идеи социального равенства, социальные пособия, общественная собственность на средства производства, ликвидация безработицы, доступность благ культуры. Лишь на последних местах по числу поданных голосов оказались стирание граней между классами, социалистическая демократия, социальная справедливость. Лишь 4% опрошенных полагают, что все при социализме заслуживает отрицательной оценки, а 3% в свою очередь не видят никаких недостатков.

Чаще всего в практике социалистического строительства интеллигенция подвергает критике отсутствие реализации принципов и идей социализма, плохое управление народным хозяйством, неуважение к труду, низкий уровень жизни граждан, блокирование предприимчивости, неверное соотношение между правами и свободами граждан, общественные и экономические кризисы, неверное отношение к человеку, отсутствие социальной справедливости, социальную уравниловку. Сюда же причисляются также отсутствие политической и экономической конкуренции, существование привилегированных групп общества, недооценка интеллигенции.

На вопросы, касающиеся положительных черт капитализма, 6% опрошенных вообще не дали ответа, 1% заявил, что таковых не видит, 0,7% сообщили, что в капитализме им «все нравится». В числе положительных сторон капитализма были названы благосостояние, высокий уровень жизни, справедливое вознаграждение за труд, конкуренция, быстрое использование новой техники и технологии, эффективная экономика, уважение к труду, возможность сделать карьеру, хорошая организация труда.

К недостаткам были отнесены в первую очередь безработица, глубокое социальное неравенство, приоритет материальных ценностей, эксплуатация, отсутствие гуманизма, отсутствие или слабое социальное обеспечение, платное образование и здравоохранение, антиобщественные проявления и преступность, стиль жизни.

Весьма показательно отношение интеллигенции к оппозиции. Больше всего интеллигентов считают, что оппозиция — это лица или группы лиц со взглядами, противоречащими общественному строю. Почти 25% анкетированных полагают, что оппозиция — это те, кто отрицает нынешнюю деятельность властей.

На вопрос о том, что в первую очередь сдерживает развитие страны, опрошенные указали на ряд основных причин: плохая, неэффективная работа, недостаток дисциплины, ошибочная экономическая политика, неверные хозяйственные решения, психологическое состояние общества, лень, эгоизм, зависть, недисциплинированность, своекорыстие, некомпетентность партийного и государственного аппарата, раздутый административный аппарат и бюрократия, непоследовательность в действиях властей, слишком медленное внедрение экономической реформы.

Главный источник социальной напряженности в стране опрошенные усматривают в экономическом положении, материальных условиях жизни людей. Подавляющее большинство интеллигенции одобряет закрытие нерентабельных предприятий, отмену высших «потолков» зарплаток.

Рецензент. Именно перестроечные, обновленческие силы способны иметь четкое видение всех аспектов будущего. Партия польских коммунистов имеет в своем составе не только признанных и широко известных деятелей, таких, как В. Ярузельский и М. Раковский, но и, к примеру, Ю. Чирека. Интервью с этим секретарем ЦК ПОРП в римской газете «Република» (31.01.1989) интересно своим откровенным, ясным стилем:

«Варшава. Чирек начинает так: «Политика диалога и поиска национально-соглашения — это стратегическая цель, а не тактический прием для отсрочки общественных потрясений и конфронтации между нами и ними. Это рискованный, но неизбежный выбор меньшего из зол. Мы хотим вместе с конструктивной оппозицией разработать модель гуманного и демократического социализма, которая учитывала бы уже существующий в польском обществе плюрализм».

Вопрос. Но всего два месяца назад вы называли «Солидарность» незаконной организацией. Каким образом всего за 60 дней вы пришли к этому повороту в стратегии?.

Ответ. Семь лет отделяют нас от 13 декабря 1981 г., когда военное положение было для нас наименьшим из зол, единственным выходом из жестокого кризиса, возможностью избежать гражданской войны, которая явилась бы угрозой для мира в Европе и во всем мире. За это время изменились и мы, и они. Валенса сейчас говорит, что мы все поляки и хотим добра нашей стране.

Вопрос. Значит, выбор диалога — это для вас наименьшее из зол? Это, с точки зрения власти, 13 декабря наоборот?.

Ответ. Наша первая задача — уже не защита власти от оппозиции, а выяснение, является эта оппозиция конструктивной или разрушительной. Наши идеи и их идеи, видимо, совпадают. Документ, одобренный руководством «Солидарности», показывает, насколько переродилась оппозиция. В этих условиях путь вместе с ними к плюрализму представляется наилучшим рецептом для оздоровления экономики и обеспечения высшего блага нашей страны.

Вопрос. «Солидарность» вам скажет: как примирить плюрализм с той статьей конституции, которая утверждает руководящую роль партии?.

Ответ. Решение у этой проблемы простое. Конституция может быть изменена. Мы полагаем, что партия должна политическими средствами завоевать ведущую роль, а не иметь ее по юридическому праву, предусмотренному в самой конституции. Эта статья была включена в конституцию не в 1948 г., а в 1976 г., во время эры Брежнева. Теперь ситуация обновилась во всем мире. Мы должны вместе искать соответствующие решения для новой действительности. Некоторые идеи представляют собой наследие прошлого века и не могут помочь нам в продвижении к 2000 г.

Вопрос. Можете ли вы представить себе Польшу, в которой с согласия народа Раковский и Валенса могли бы чередоваться во главе правительства?

Ответ. Я надеюсь, что в мае мы будем голосовать на основе избирательного закона, который мог бы допускать неограниченное число кандидатур. Я не знаю, в какой Польше будут жить наши дети; я полагаю, что в настоящий момент в условиях напряженности, создаваемой чрезвычайным экономическим положением, чередование власти привело бы к риску конфронтации между двумя противостоящими силами. Наша страна еще не готова принять правила игры западных демократических стран.

Вопрос. Значит, вы пока говорите плюрализму «нет», но используете новые слова?

Ответ. Нет, дело обстоит не так. Мы предлагаем «Солидарности» вместе и постепенно строить польский плюрализм, который прошел бы через период национально-

го соглашения, социального перемирия. Перемирие позволит нам вместе выработать новые формы республиканских институтов и новые правила игры, определить новые пути к согласию и дискуссии.

Вопрос. Показала ли Москва в эти два месяца, что она одобряет ваш шаг в направлении «Солидарности»?

Ответ. Мы с советскими товарищами ищем разные решения для разных ситуаций. Но понимание с каждым днем становится все полнее, существуют совпадения взглядов по главным целям. Теперь Восточная Европа может попробовать пойти к перестройке национальными путями. Наконец-то Советский Союз уважает независимость и суверенитет Польши, наконец-то доктрина Брежнева умерла.

Вопрос. Предвидите ли вы перемены в руководстве партии и в правительстве.

Ответ. Пленум подтвердил доверие к руководителям партии. Следующий съезд должен будет вновь вернуться к этому вопросу. Новое правительство будет сформировано после выборов вместе с новым парламентом.

Вопрос. Не помешает ли вам упадок экономики спасти систему?

Ответ. Действительно, до войны разница в валовом внутреннем продукте Польши и Италии или Испании была гораздо меньше, чем сегодня, но у нас, как и в СССР, именно чрезвычайная ситуация побуждает все политические силы обновлять систему и возвращаться к рынку. Чрезвычайная ситуация заставила нас понять, что сталинский централизм, инструмент, который, возможно, был необходим после войны для восстановления, превратился в доктрину, тормозящую социальные силы.

Вопрос. Недавно телевидение показало дискуссию между Ярузельским и некоторыми членами партии. Один молодой коммунист сказал, что боится, как бы оппозиционеры его не повесили. Вы тоже этого боитесь?

Ответ. Нет, в руководстве партии этого никто не боится. Несомненно, есть опасность, что чрезвычайное экономическое положение будет способствовать проявлениям средневековой нетерпимости как в наших, так и в их рядах. «Солидарность» должна знать, что не содействуют диалогу те ее члены, которые кричат. «На каждый фонарь по коммунисту!» Ценности социального мира и прогресса, по-моему, возобладают, какие бы глупости со всех сторон ни раздавались».

Автор. Правдивое отображение польских реалий, перспектив — прерогатива не только представителей высшего эшелона власти.

Рецензент. Советского читателя заинтересует и информация о всплесках активности консервативных сил в партийных рядах. У нас есть свои Нины Андреевы, как и у вас. И они также получают отпор в прессе в ответ на их дезинформацию и ностальгию о сталинском прошлом.

Под заголовком «В объятиях Нины Андреевой» еженедельник «Политика» (11.02.1989) поместил статью своего постоянного публициста Д. Пассента. Она является ответом на публикацию в журнале «Жиче литератке» материала одного из бывших членов политбюро ЦК ПОРП, С. Кочолека, озаглавленного «За «круглый стол» в партии».

Напоминая, что С. Кочолек провел свою жизнь в «рядах номенклатуры без малейшего ущерба для себя», Д. Пассент полемизирует прежде всего с тезисом о том, что социализму в Польше угрожает опасность, что в стране происходит «распродажа» социализма. Выступление Кочолека он расценивает как «благие пожелания из иной эпохи». По его мнению, выступление этого автора удивительно оторвано не только от настроений в Польше, но и от международного положения, от того, что происходит в СССР, Венгрии, Югославии, а также Чехословакии и Вьетнаме. Действительность, в которой устроилось наше поколение левых сил, в которой действовал Кочолек, кончилось бесповоротно. Повсюду начинаются сходные процессы отхода от узко пони-

маемой монополии власти, от диктатуры административно-государственной экономики. Образуются новые отношения с церковью, начинаются более демократические выборы, улучшаются отношения с Западом, уменьшается безнаказанность милиции и прокуратуры, а также всякого рода аппаратов, в том числе и того, в котором сформировались взгляды Нины Андреевой и Станислава Кочолека.

Автор. В таком случае справедливость требует, чтобы на этих страницах был представлен и голос оппозиции. Еженедельник «Одроззене» (01.04.1988) опубликовал выступление известного оппозиционного деятеля, бывшего советника «Солидарности» Владислава Силы-Новицкого. В преамбуле говорится, что редакция, помещая выступление Силы-Новицкого, не разделяет многих его взглядов.

«Мы жили, — говорит Сила-Новицкий, — и в худшие времена сталинского периода, когда вообще не было оппозиции. События 1980—1981 гг. потрясли страну, привнесли новые качественные изменения. В результате ошибок, допущенных с обеих сторон, не удалось достичь далеко идущих изменений, настоящего общественного согласия. Не было достигнуто того, что в определенной степени было надеждой для всего мира. Результатом ошибок, допущенных «Солидарностью», было введение военного положения, которое власти выиграли очень легко, гуманным способом и без больших жертв. А теперь мы видим, что в результате этой победы общество потеряло многое, поскольку не были использованы завоевания этого периода. Глупо говорить о том, что положение в Польше выправляется, поскольку известно, что в момент существования «Солидарности» внешний долг страны составлял всего 20 млрд долларов, а теперь, после семи лет спокойствия, он достиг 37 млрд.

Одной из главных причин того, что власти терпят поражение, является то, что они дезорганизовали общество. Они не способны его объединить, поскольку боятся оппозиции. Они не испугались ввести свободу слова, но не решаются позволить оказывать независимое воздействие на систему принятия решений. В стране спокойная обстановка, но власти по-прежнему боятся дать свободу действий оппозиции в смысле допущения ее в государственные органы. Свидетельством этого является новое положение о выборах, которое показывает, что власти никого не хотят допустить к конкретному участию в управлении страной.

Можно было бы допустить деятельность оппозиции хотя бы на воеводском и гминном уровнях. В этом случае у людей появились бы активность, желание участвовать в управлении. Но проект положения о выборах «герметически» закрывает вопрос общественной ответственности в осуществлении власти. Выборы депутатов из двух или трех кандидатов — это единственное, на что пошли власти.

Разное можно говорить о периоде «Солидарности», но никто не будет отрицать, что это было время высокой общественной активности масс, о которой теперь можно только мечтать. А в настоящее время создается такая система выборов, которая ничего не изменяет. Депутаты же на уровне гмин и воеводств ничем не угрожают государственным властям и строю.

Совершенно неестественным является, например, и то, что в католической стране когда-то было всего пять депутатов в сейме, по-настоящему связанных с церковью, а теперь нет ни одного. Государственной власти нужна оппозиция, поскольку в жизни действует принцип: если в пруду водятся жирные карпы, то там должна быть и щука.

Не надо «им» постоянно повторять, что они никогда и никому не отдадут власть. Это звучит так же плохо, как и то, что мы к ней будем стремиться любой ценой. Так не должны поляки разговаривать друг с другом. Цель у всех одна — высвободить общественную активность народа.

В своих предложениях к проекту выборов в народные советы я написал, что если пройдет предлагаемый вариант, то пусть лучше депутатов назначают начальники гмин

и городов. Пусть лучше будут те, кого назначают, чем те, которых якобы выбирают. Назначенные хотя бы будут нести ответственность перед теми, кем они поставлены. А к так называемым выбранным будет лишь одно требование, чтобы они никому не мешали.

Указывать на ошибки властей необходимо при каждом государственном строе. И поэтому политическая оппозиция необходима. Невозможность изменения строя все прекрасно сознают, но надо идти дальше, стремиться совместно к его улучшению. Нужна разумная оппозиция, осознающая свое место в государственной структуре, хорошо знающая свои возможности. Такая оппозиция совершенно необходима. Если власти не дадут ей права голоса, то, выиграв «военное положение», они проиграют все остальное, а вместе с ними проиграет и польское общество. Нам нельзя больше проигрывать, поскольку мы проигрываем Польшу».

Рецензент. Мне бы хотелось сослаться еще на одного политического деятеля, только уже самого крупного масштаба, на Мечислава Раковского, члена Политбюро ЦК ПОРП. На его высказывания в итальянской газете «Мессаджеро» (01.02.1988).

«Вопрос. Вы полагаете, что сможете реформировать реальный социализм с помощью инъекций рыночной экономики. Но не считаете ли вы, что между экономической конкуренцией и монолитностью однопартийного режима существует противоречие?

Ответ. Нет ни одной социальной системы без своей внутренней диалектики. В прошлом мы не признавали этого объективного закона. Сегодня же мы стали более зрелыми и осознаем эти противоречия. В Польше и других странах Восточной Европы (я имею в виду перестройку в СССР) идет эксперимент исторического значения. У нас нет ясного представления о том, какой может быть рыночная экономика в социалистической системе. Мы живем в период больших испытаний и экспериментов. Но уверены мы в одном: мы не можем и впредь следовать модели, которой следовали раньше. Мы должны смотреть вперед, взять курс на реформы, на демократизацию политической системы, на гласность, то есть на поиски социального согласия с учетом других политических сил, церкви, решительных и горячих критиков, которые сами себя называют оппозицией или которых считали оппозицией мы.

Вопрос. Можно ли считать вашу деятельность в Польше своего рода лабораторией и для перестройки, проводимой в СССР?

Ответ. Я думаю, что да. Скажу более: успехи реформы в Польше могут повлиять на укрепление позиций сторонников перестройки в СССР. Одновременно успехи Горбачева укрепляют позиции реформаторов в нашем обществе.

Вопрос. В СССР Горбачев принял Сахарова и провел с ним беседу. А вот генерал Ярузельский не поступил таким же образом с Валенсой.

Ответ. Внесем ясность. Сахаров не был руководителем профсоюза, положившего начало авантюристической линии. С периодом «Солидарности» покончено. Эта страница в Польше перевернута. Хотя Валенса по-прежнему остается символом, а символы в политике играют определенную роль. Кроме того, он постоянно меняет свою линию, а поэтому его нельзя считать надежным партнером. Быть может, настанет время, когда он станет таковым. Все зависит от него».

Автор. Какие любопытные слова у Раковского в этом интервью о том, что «с периодом «Солидарности» покончено». Но я считаю, что вы правильно сделали, приведя данный отрывок из выступления Раковского. Его слова, при внимательном прочтении, лишний раз убеждают, что курс ПОРП на демократизацию и полное обновление осуществлялся еще до соглашения с «Солидарностью». Что же произойдет позже, летом 1989 г.?

Рецензент. Важным в политике зачастую является то, что будет в будущем. О настоящем всем известно из газет. Относительно близких перспектив и западные радиостанции, и оппозиция, и консервативные круги... в ПОРП едины подчас в своих прогнозах. Одни говорят о финляндизации Польши со страхом, другие — захлебываясь от восторга. Практический сценарий, который эти круги рисовали еще в ноябре 1988 г., примерно следующий. Решающее значение будут иметь выборы в сейм в 1989 г., когда значительную часть мест получат так называемые независимые депутаты. Следующим шагом может явиться создание новых партий типа христианско-демо-кратической, социал-демократической, народно-демократической и др. Базу для них призваны заложить различные клубы политической мысли, которые уже громко заявляют о себе, а после принятия закона об обществах и союзах будут исчисляться десятками. Возможность возникновения таких разнородных клубов, включая социал-демократическую ориентацию, признал на пресс-конференции 14 октября 1988 г. М. Раковский. Очередным шагом на пути финляндизации может стать дробление и реприватизация государственного сектора народного хозяйства при интенсивном росте частного сектора. Подобный план, как считают консерваторы в Варшаве и на Западе, может рассчитывать на полную поддержку церкви и Запада.

Склонность к политической мифологии можно объяснить тем, что и вы в своей книге в 1982 г., и Раковский в 1988 г. одними и теми же словами повторили лозунг-миф о конце «Солидарности». А ведь в середине 1988 г. было известно, что ячейки и инициативные группы «Солидарности» действуют на 65—70% государственных предприятий в стране.

Автор. Завершая нашу беседу по главе «Сценарий контрреволюции», можно предложить читателю еще один вариант сценария будущему — ту самую американскую статью с арифметикой с прибавлением критического числа «12».

Рецензент. Да, пожалуй. Вот выдержки из газеты «Вашингтон пост» (05.08.1988), опубликовавшей следующую присланную из Варшавы статью Майкла Доббса:

«В конце нынешней недели и у генерала Ярузельского, и у Яцека Чапутовича были поводы для радости. В то время как руководитель польской коммунистической партии отмечал День национального освобождения, самый известный деятель польского движения сторонников мира поднимал тост в честь освобождения из тюрьмы десятков тех, кто попал туда за свои убеждения.

Амнистия для пацифистов в сочетании с новым законом, который предлагает альтернативу обязательной военной службе, представляет собой яркую иллюстрацию процесса возникновения новой силы в восточноевропейской политике: неофициальных организаций сторонников мира. Впервые страна советского блока признала за своими гражданами право на отказ от военной службы.

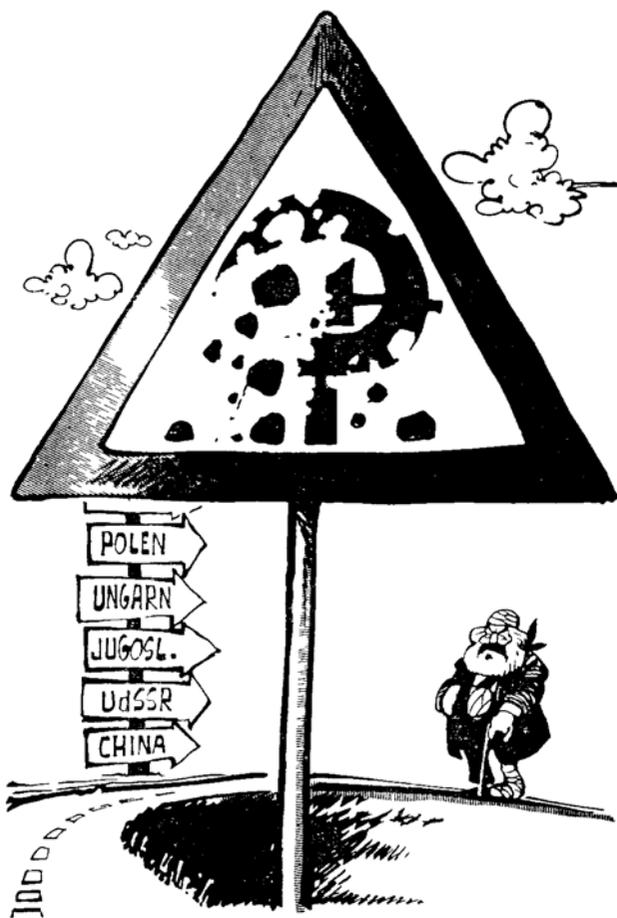
«Наши требования (в области военной политики ПНР. — *Прим. Г. В.*) носят очень конкретный характер. Они ясно сформулированы и пользуются сравнительно широкой поддержкой общественности, — сказал Чапутович, возглавляющий диссидентскую организацию «Свобода и мир», известную под польской аббревиатурой ВИП. ВИП утверждает, что кроме 500 активистов, готовых принять участие в демонстрациях или отправиться за свои убеждения в тюрьму, у него имеются тысячи сочувствующих, многие из которых — молодые люди, подлежащие призыву в армию.

Чапутович отметил, что крупные политические беспорядки в Польше происходили с 12-летними промежутками начиная с неудавшегося Варшавского восстания в

1944 г 12-летний срок представляет собой половину срока, отделяющего одно поколение от другого, то есть время, необходимое на то, чтобы забыть разочарования последнего поражения.

«Прибавьте к 1980 г. 12 лет, вы получите 1992 г.», — говорит он смеясь в счастливом ожидании того времени, когда поколение, которое представляет ВИП, получит возможность осуществить свои мечты».

2. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ АГРЕССИЯ ЗАПАДА

Планы использования внутренней ситуации в ПНР для конфронтации с социализмом подготавливались многие годы.

Антисоциалистическая и антипольская идеологическая агрессия координируется и управляется штабами НАТО и спецслужбой этой организации. Активную роль в этой империалистической пропаганде играет американское правительство — Информационное агентство США (ЮСИА).

Австрийская газета «Фольксштимме» в октябре 1982 г. (см. также газету «Известия», 9.11.1982) обнародовала секретный инструктаж — циркуляр ЮСИА (тогда — Управление по международным связям) по проведению подрывных акций против Польши на 1979 — 1980 гг.

«Давайте поощрять тех поляков, — говорится в документе, — которые выступают против проводимой в стране политики. Давайте поможем внутренней либерализации... и росту плюрализма...».

Американские шпионские центры и центры психологической войны помогали процессу «внутренней либерализации», будто бы речь шла не о суверенной стране, а о Калифорнии или Техасе.

Подрывное радиовещание на ПНР

Бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер, говоря в свое время о значении, придаваемом администрацией США психологической радиовойне, отметил: «Радиостанция может быть в отношении со многими странами более эффективным средством нажима, чем эскадрилья бомбардировщиков. Сравнение это не раз использовалось впоследствии. Обозреватели Р. Эванс и Р. Новак из газеты «Вашингтон пост» (9.03.1982) также подстегивали «бюрократов из Белого дома» не жалеть средств на идеологическую войну (радиопропаганду): «Польза от сумм, составляющих лишь незначительную часть стоимости одного бомбардировщика «В-1» (250 млн долларов), которые будут израсходованы на информирование польских патриотов о том, что делают их руководители, управляющие страной в условиях военного положения, не меньше, чем от всех бомбардировщиков «В-1».

С подстрекательскими высказываниями о радиовойне против стран социализма выступали в 70—80-х годах Генри Киссинджер, Збигнев Бжезинский, Ричард Пайпс, занимавшие в американской администрации ключевые посты помощника президента по национальной безопасности, консультировавшие главу Бе-

Автор Г. Вачнадзе предупреждает! Страницы 90 — 106 были написаны им в 1982 году...

лого дома по вопросам политики на востоке Европы. Странное совпадение — все они родились и провели детство в Восточной Европе: Киссинджер в Германии, Бжезинский и Пайпс в Польше. Один из них — поляк, двое — евреи, и все бежали в США от германского фашизма, а потом — ирония судьбы — сделали своей профессией борьбу против коммунистов (советских, германских, польских — тех самых, которые уничтожили гитлеризм). Все трое перешли от «академического антисоветизма» в стенах престижного в США Гарвардского университета к «антисоветизму политическому» на подмостках Белого дома.

Все «польские редакции» западных радиостанций получили дополнительные ассигнования. Служба в этих редакциях стала престижной для карьеры профессиональных антикоммунистов. Политический редактор «Свободной Европы», бывший президент (70-е гг.) «Польского научного института» Дж. Гронуски занял пост председателя так называемого Совета международного радиовещания, Уильям Бьюэлл, когда-то работавший в посольстве США в Варшаве, а затем руководивший польскими программами «Голоса Америки», стал вице-президентом радиостанции «Свободная Европа».

Для того чтобы в возрастающей степени влиять на развитие событий в Польше, президентом США уже в 1978 г. был учрежден специальный координационный комитет под руководством тогдашнего помощника президента по национальной безопасности З. Бжезинского для координации действий между РС — РСЕ, ЦРУ и радиостанцией «Голос Америки».

«Республиканцы (администрация Рейгана. — *Прим. Г. В.*), — писала в декабре 1980 г. английская газета «Нью стандарт», — строят планы организации вещания на СССР таким образом, чтобы использовать его как «катализатор недовольства» среди русских рабочих подобно тому, как использовались западные радиопередачи в нагнетании брожения рабочих в Польше». В отдельные периоды события в Польше занимали до половины выпусков новостей и программ политических комментариев «Голоса Америки» и Би-би-си и до 40% всего объема вещания РС — РСЕ. Но, конечно, главный скачок произошел в вещании на саму Польшу.

С августа 1980 г. РСЕ открыла круглосуточное вещание на эту страну. В конце 1981 г. произошло новое увеличение передач «Голоса Америки» на польском языке, а в самый канун 1982 г. — передач Би-би-си.

Пропагандистская и психологическая кампания против Польши достигла своего апогея после введения военного положения.

5 января 1982 г. в Белый дом с грифом «секретно», как пишет газета «Вашингтон пост», было отправлено письмо государственного секретаря США А. Хейга, в котором «он призывал выделить особые фонды радиостанции «Свободная Европа» для вещания на поработенную Польшу». Эти фонды были выделены. По новому государственному бюджету США субсидии РС — РСЕ увеличены до 95,8 млн долларов. 280 млн выделено для оснащения этих радиостанций и «Голоса Америки» более мощными передатчиками. Огромные деньги, намного превышающие выделявшиеся обычно ранее на эти цели бюджетные ассигнования.

Удивляться, правда, не приходится — известны ведь нападки Рейгана в ходе его предвыборной кампании на президента Картера за то, что тот держал якобы «на голодном пайке» радиостанции «Свободная Европа» и «Свобода». 7 октября

1980 г. Рейган пообещал, что мол правительство Рейгана — Буша в корне изменит это «прискорбное положение вещей», напомнила газета «Вашингтон пост» (9 03 1982). Надо сказать, в данном случае, вопреки обыкновению, президент США сдержал свое предвыборное обещание. Хотя Рейган был к Картеру, прямо скажем, несправедлив. При личном заинтересованном участии президента Картера (его письмо конгрессу США, газета «Интернэшнл геральд трибюн», 5 апреля 1977 г.) было разрешено бюджетное финансирование строительства 16 мощнейших передатчиков широкого радиуса действия для радиовещания на страны социалистического содружества.

Как сообщала газета «Нью-Йорк Таймс», сразу же после введения в Польше военного положения «в программах вещания «Свободной Европы» на польском языке были произведены коренные перемены». В частности, значительно усилилась мощность используемых передатчиков.

Директор РСЕ Дж. Браун откровенно заявил, что «обычный график передач был пересмотрен и главный упор сделан именно на внутренних событиях в Польше».

«Черной пропагандой» называют массовую информацию из тщательно замаскированного источника. К примеру, официально радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа» (РС — РСЕ) являются рупором эмигрантов из социалистических стран, но на самом деле это американские станции, вещающие на деньги американских налогоплательщиков и отстаивающие интересы американского империализма. Официально вещание этих станций на 30 языках народов социалистических государств проходит по статьям расходов на просвещение и культурный обмен, но на самом деле полномочным распорядителем данных подрывных центров вот уже более трех десятилетий является Центральное разведывательное управление США. Но и это определение нуждается в пояснении: ЦРУ ведь занимается не столько разведкой, то есть сбором шпионской информации, сколько планированием и осуществлением «черных операций». Так называют подрывные действия, за которые правительство, в данном случае Вашингтон, не желает нести ответственность, когда исполнителей уличают во враждебных и преступных акциях.

Громогласно заявляя о желании способствовать «демократизации» реального социализма в Польше, его «обновлению» и «улучшению», радиостанция «Свободная Европа» за счет затраченных огромных усилий и астрономических денежных сумм добивалась в отдельные периоды немалых успехов в дестабилизации политико-экономической структуры ПНР и в итоге преследовала цель реставрации капитализма.

Лидеры антисоциалистической оппозиции в Польше и их «доброжелатели» на Западе к лету 1982 г. все чаще стали выражать «беспокойство» ввиду наметившейся стабилизации во внутренней жизни страны, увеличения промышленного производства и постепенной отмены ограничений военного времени. Они понимали, что все это лишает их социальной базы, опоры для создания нелегальных групп и движений в стране.

Западные радиостанции и законспирированные пропагандистские центры на территории Польши продолжали в 1982 г. дезориентировать людей: одни призывали бойкотировать телевидение, другие — готовиться к «маю», «августу» и к «декабрю», третьи утверждали, что уличные беспорядки, события 13 и 16 июня, а

также 31 августа были спровоцированы якобы органами милиции, четвертые советовали проводить собрания. Только бы не спокойно жить и работать.

Складывалось впечатление, что группа «ястребов», объединенная вокруг нелегального бюллетеня «Борющаяся «Солидарность», идет по подсказке ЦРУ и «Свободной Европы» на все. Главное в их действиях — вызвать гражданскую войну. С нескрываемым удовлетворением предвиделось ими быстрое начало третьей мировой войны, и, возможно, как раз из-за Польши. На осень 1982 г. назначалось проведение всеобщей забастовки, и подготовка ее усиленно велась через РСЕ и подпольную печать. Усердие контрреволюционной пропаганды, правда, не оправдалось — осень в Польше прошла относительно спокойно, в напряженном нарастающем трудовом ритме.

Польское правительство осуществляло последовательные дипломатические усилия с целью положить конец открыто подстрекательской деятельности реакционных западных кругов, заполняющих эфир в ПНР диверсионными радиопередачами на польском языке.

На проходившей летом 1982 г. в Нью-Йорке сессии комитета ООН по информации польская делегация сделала 27 июня заявление в связи с агрессивной пропагандистской кампанией, которую на польском языке ведут пять западных радиостанций, особенно так называемая «Свободная Европа». Под предлогом информационной деятельности, злоупотребляя правом на обмен информацией, эти радиостанции проводят политику явного вмешательства во внутренние дела Польши.

Польские власти, говорилось в заявлении, располагают полной документацией, которая подтверждает, что передачи этих пяти радиостанций являются нарушением основных принципов международного права и направлены на провоцирование беспорядков. Деятельность этих радиостанций ухудшает атмосферу отношений между государствами, является вызовом тем усилиям, которые были направлены на установление нового, справедливого обмена информацией в мире.

Польская делегация выразила решительный протест против использования эфира с целью вмешательства во внутренние дела Польши и обострения международной атмосферы.

Основным «возмутителем спокойствия», источником напряженности в противостоянии соперничающих блоков государств Востока и Запада, вдохновителем всех антисоциалистических происков выступает американская администрация. Другие партнеры по НАТО зачастую делают то же самое, но с оговорками на необходимость атлантической солидарности и на свою зависимость от США.

Наиболее двусмысленная роль выпадает на долю ФРГ, в частности, что касается ее политики в отношении соблюдения духа и буквы Договора об основах нормализации отношений между ПНР и ФРГ, подписанного 7 декабря 1970 г. «Федеральное правительство не раз объявляло, что оно не вмешивается во внутренние дела Польши, но оно не расторгает соглашение, которое позволяет США буквально напрямую вести радиовторжение в Польшу», — отмечал журнал Союза за западно-германских журналистов «Ди федер» в своем первом номере за 1981 г.

В конце августа 1982 г. Министерство иностранных дел ПНР предъявило аккредитованным в Варшаве главам дипломатических представительств США, Франции, Великобритании и ФРГ протест против пропагандистской диверсии, которую ведут по отношению к Польше радиостанции этих государств.

Факты, на которых основывался протест МИД, подтверждают, что радиопередачи из указанных западных стран привели антипольскую пропагандистскую кампанию к невиданным до сих пор масштабам. Анализ содержания программ радиостанций «Свободная Европа», «Голос Америки», «Радио-Франс Энтэрнасьональ», Би-би-си и «Немецкая волна» в период от 15 июля до 15 августа 1982 г. показывает, что количество материалов подстрекательского характера по сравнению с предыдущими месяцами возросло в 3 раза.

Слухи в буржуазных газетах

Политические обозреватели в Варшаве, листая западную прессу 80-х годов и следя за программами ведущих телецентров стран НАТО, не раз дивились изощренности, а также беспардонности многих буржуазных журналистов, запуская в пропагандистский оборот множество откровенной дезинформации, самой фантастической лжи. Подстрекательские позиции занимают не только диверсионные радиостанции, вещающие на ПНР на польском языке, не только желтая империалистическая пресса для массового читателя, но и буржуазные так называемые «качественные» издания.

Возможно, правая пресса западных стран пыталась решать таким образом чисто внутренние социально-политические проблемы, отвлекая население Старого и Нового Света от критики империалистических пороков. Но почему за счет Польши? И почему самые клеветнические измышления, появившиеся вначале пусть даже в небольшой буржуазной газетке, листовке в нужный момент могли тиражироваться уже всей многоязыкой западной пропагандой, а также через эфир на польском языке обрушиваться на поляков?

Западные телеграфные агентства ЮПИ и АФП не раз демонстрировали прямо-таки неуместную осведомленность, объявляя о... предстоящих беспорядках в Польше с указанием точных дат и мест сбора участников. Независимо от степени достоверности подобных сведений их распространение являло собой подстрекательство, такое вмешательство во внутренние дела ПНР, которое немислимо и беспрецедентно в мирное время.

Некая анонимная французская фирма провела по заказу правого парижского иллюстрированного еженедельника «Пари-матч» исследование политических симпатий избирателей в... Польше (без разрешения польских властей, нелегально — и такое возможно было в ПНР 1981 г. Ведь трудно представить себе, что бригада из Московского института социологических исследований начинает колесить по США, желая установить, к примеру, размеры и вкусы аудитории передач на английском языке московского радио). По словам автора пространнейшей статьи в «Пари-матч» (3.04.1981), социологи установили, что на очередных выборах в сейм кандидаты ПОРП (то есть коммунисты) получат якобы не более 3% голосов. В том же номере журнала в подборке кратких новостей оказалось напечатанным буквально следующее: «Более 60% поляков, по данным опроса службы общественного мнения независимого профобъединения «Солидарность», поддерживают нового главу государства В. Ярузельского». Позже выяснилось, что «исследователи» из «Пари-матч» себя не утруждали, по Польше с анкетными опросниками не ездили, а использовали (без ссылок) публикацию (см. журнал «Сайентифик америкен», январь 1981 г.) бывшего руководителя Польской социологической ассоциации Стефана Новака, после которой его взяли в США, в Колумбийский университет.

Западная пресса достигла, кажется, совершенства в каждодневном и усердном обслуживании интересов монополий, спецслужб, правящей политической элиты. Буржуазным журналистам оказывается по плечу осуществление подчас грандиозных мистификаций общественного мнения. Лавину подстрекательской, подогревающей страсти «информации» о реальных и вымышленных событиях в ПНР 1980—1982 гг., захлестнувшей западную прессу, телевидение и радио, можно объяснить полным отсутствием чувства меры, совести и элементарной порядочности у буржуазных политиканов и борзописцев.

Наиболее образованные и подготовленные из них всегда отдавали себе отчет, какую плачевную судьбу уготовливают они Польше, раздувая там шовинизм, национализм и антисоциалистические настроения. Общаясь в своем кругу, все они не скрывали, что любой антисоциалистический путь в Польше неминуемо обречен на провал. Здоровые силы польского народа, социалистическое содружество государств ни при каких обстоятельствах и по множеству причин никогда не согласятся на перевод Польши на капиталистические рельсы. Этот факт неоспорим. Его всегда признавали те, кто руководил процессом дестабилизации ПНР. На страницах правого американского журнала «Проблеме оф комьюнизм» (сентябрь — октябрь 1978 г.) канадский «советолог» Адам Бромке пришел к реалистическому выводу о невозможности в нынешних условиях «взорвать социализм» в Польше. Аргументируя свою позицию, он ссылаясь на аналогичное мнение даже ряда польских профессиональных контрреволюционеров, в частности А. Михника.

Но вслух после августа 1980 г. они кричали другое, на разные голоса с экранов и газетных полос, по радио и в листовках подстрекая в Польше массы зеленой молодежи, неискушенной в коварстве империалистической политики: «Успех близок! Низвергайте авторитеты! Требуйте всех материальных благ сразу! Увеличивайте свои требования и претензии к правительству! Бастуйте! Всеми способами демонстрируйте на улицах и на рабочих местах свое стремление к свободе! От свободных профсоюзов переходите к свободному предпринимательству!» А после 13 декабря 1981 г. поляков призывали листовками и радиопередачами: «Делайте вид, что работаете! Работайте медленнее!».

Империалистическая пресса, составляющая единое целое со спецслужбами и консервативной политической верхушкой Запада, поставила и осуществила контрреволюционный эксперимент в Польше, за который заставили заплатить в конечном итоге самих поляков, и дорогой ценой. Французский журнал «Пуэн» (11.01.1982) так и сформулировал заголовок одной из статей о Польше: «Рейган ставит телешоу (о нем речь пойдет ниже. — *Прим. Г. В.*), а поляки платят».

Антипольское телешоу

Объявив последнюю субботу января 1982 г. днем солидарности с Польшей, Рейган призвал руководителей всех западных государств организовать митинги в поддержку польской контрреволюции. Он также пригласил западных лидеров выступить с заявлениями в провокационной американской телепередаче «Пусть Польша будет Польшей». Зачитывая перед телекамерами полтора-минутное «Обращение к польскому народу», Рейган, как «давний член профсоюза» и как бывший актер средней руки, патетически воскликнул: «Темная ночь тира-

нии спустилась над Польшей... Американская администрация уже предприняла решительные действия. Мы объявили о введении санкций против польского военного правительства и Советского правительства, которое поддерживает проводимые польскими властями репрессии. Если ситуация в Польше будет продолжаться ухудшаться, мы предпримем дальнейшие шаги. Дух «Солидарности» продолжает расти, он пересекает границы и заполняет сердца людей. На заводах и фермах, в школах, в городах и поселках, во всем мире мы — люди свободного мира — встаем, как один, с нашими польскими братьями и сестрами. Мы призываем к прекращению репрессий и восстановлению основных прав человека в Польше». Речь Рейгана была циничной — как можно сочувствовать кому-то и в знак солидарности с ним его же и морить голодом.

Всего 3% предполагаемой телевизионной аудитории США и Западной Европы смотрело этот 90-минутный фильм, копии которого в укороченном и полном вариантах предоставлялись на шести языках по просьбе любой телекомпании мира бесплатно.

Антипольское телевизионное супершоу под персональным руководством Рейгана было изготовлено Голливудом по заказу правительственного Управления по международным связям (УМС) и даже санкционировано резолюцией обеих палат американского конгресса. Оно транслировалось в воскресенье 31 января 1982 г. и включало репортажи о собраниях, проходивших накануне по указке Белого дома в десятке городов США и в ряде стран Западной Европы при... полупустых залах.

В Вашингтоне лишь тысяча людей откликнулись на призыв участвовать в митинге-спектакле (для телешоу), на котором выступила постоянный представитель США при ООН Дж. Киркпатрик. Даже в Чикаго, где проживает 700-тысячная община американцев польского происхождения, госсекретарю А. Хейгу удалось собрать лишь несколько тысяч человек. Аналогичные встречи в других городах пришлось отменить из-за отсутствия публики. «Митинг солидарности» в Нью-Йорке превратился в хулиганское нападение на консульство ПНР. В Западной Европе «манифестации» были еще более редкими и малочисленными. Пять французских профцентров не выступили ни с одним мероприятием. Из европейских стран лишь в ФРГ состоялись выступления, но весьма незначительные. В Мюнхене, например, городе с более чем миллионным населением, в демонстрации участвовало всего лишь около 300 человек, во Франкфурте-на-Майне на митинг в связи с Днем солидарности собралось только 250 человек, в то время как демонстрации протеста против строительства в этом городе новой взлетно-посадочной полосы для ВВС США участвовало более 7000 человек, сообщало западногерманское телевидение (1.02.1982).

Телепрограмма Рейгана о Польше не привлекла особую внимания. В самих США основные частные национальные телевизионные сети (Си-би-эс, Эн-би-си и Эй-би-си) запрограммировали лишь показ нескольких отрывков в своих выпусках вечерних известий.

«Это политическое шоу, — отметила корреспондент Эй-би-си С. Кинг, — самая амбициозная из всех телевизионных затей американского правительства, дитя шоу-бизнеса и политики. Критики в Западной Европе назвали шоу безвкусным и вульгарным. Его идея родилась у друга Рейгана Чарльза Уика, директора Управления по международным связям. Вместо того чтобы объединить Запад, вашингтонская попытка воздействовать на Польшу с помощью экстравагантного

голливудского спектакля разъединила его. Несмотря на то что в шоу участвуют М. Тэтчер и Г. Шмидт, английское и западногерманское телевидение отнеслись к нему настолько скептически, что отказались от идеи прямой трансляции из США».

«Впервые американская внешняя политика превращена в телевизионную буффонаду, — указала корреспондент телекомпании Эн-би-си С. Питерсон. — Государственный департамент убеждал принять участие в программе государственных лидеров ряда стран, но за исключением Англии, Австралии и Западной Германии, среди 14 глав государств и правительств, принявших участие в подготовке шоу, нет лидеров крупных государств».

Из 50 стран, которые согласились принять через спутники в свои телецентры «антипольское кино», лишь несколько показали его полностью. В Западной Европе нигде не осуществлялось прямой трансляции антипольской телепередачи США, а впоследствии она также не вошла полностью ни в одну телепрограмму. Несмотря на просьбы американского госдепартамента, ни одна крупная западная телекомпания не согласилась сотрудничать в организации этой провокационной затеи.

«Рекорд недоброжелательности, — указывала парижская «Монд» (2.02.1982), — похоже, был побит Би-би-си, которая отобрала для показа лишь отрывок длительностью в одну минуту».

В ФРГ лишь в информационных выпусках телепрограмм АРД и ЦДФ были переданы небольшие отрывки правительственного телефильма США.

Во Франции один из советников президента Миттерана заявил по поводу телешоу, что такая форма идеологической баталии за умы и сердца европейцев «сводит на нет саму идею солидарности с польским народом».

Белый дом позаботился о том, чтобы 59 частей его кинофальшивки не прошли незамеченными и в социалистических странах — звуковая дорожка этого фильма была переведена на 21 язык и целую неделю транслировалась радиостанциями «Голос Америки», РС — РСЕ и «Немецкая волна».

Возмущение польской общественности нашло отражение в заявлении, с которым выступил представитель правительства ПНР по печати 25 января 1982 г.

Лауреаты

С вдохновенной игрой музыкантов на борту тонущего корабля сравнил деятельность работников культуры ПНР председатель Союза польских писателей Я. Щепаньский. Выступал он — какое совпадение, утром 13 декабря 1981 г., за несколько часов до объявления спасительного для Польши чрезвычайного военного положения, — на открывшемся в Варшаве конгрессе польской культуры. В высотном здании Дворца науки и культуры, подаренном городу в начале 50-х годов советскими строителями, при огромном стечении польских и иностранных журналистов собрался цвет творческой и научной интеллигенции.

Все они в силу профессиональных особенностей являлись не зрителями, а активнейшими участниками социально-политических событий. Было бы неправильно считать, что большинство из них жаждали крушения социализма. Вовсе нет. Но многих использовали в своих неблагоприятных целях внутренняя и внеш-

няя контрреволюция: одних возвысили, предоставив национальную трибуну и международное паблисити, других щедро подкармливали, третьим угрожали.

Потерпев фиаско в попытках проникнуть на центральное радио и телевидение, в партийную прессу, оппозиция сумела на какое-то время прибрать к рукам кинопромышленность, театры и частично книгоиздание, систему просвещения и высшего образования.

Координационная комиссия просвещения и воспитания профобъединения «Солидарность» уже приступила было к переделке в антикоммунистическом и антисоветском духе всех учебников по общественным наукам. В качестве предварительной меры весной и летом 1981 г. «Солидарность» отбирала для собственных нужд запасы бумаги у типографий, печатавших школьные учебники...

В ряде школ и вузов страны было сокращено и объявлено факультативным, то есть необязательным, преподавание марксизма, а также русского языка, писал варшавский еженедельник «Аргументы» (27.04.1982).

Для целей политики антисоциализма используется даже музыка в любых ее жанрах «Джаз в Польше» блюз во тьме», — дает под таким заголовком интервью в парижской «Интернэшнл геральд трибюн» (11.02.1982) сбежавший из ПНР Анджей Василевский. В Париже, с введением чрезвычайного положения на своей бывшей родине, отщепенец сразу получил ангажемент — в течение семи вечеров декабря 1981 г. занимал экраны французского телевидения собственной документальной киносериией об истории польского джаза.

Цель организаторов киносериала не укладывается в рамки франко-польского культурного обмена, так как бывший варшавский режиссер и диск-жокей то и дело обращался к телезрителям с рефреном — вот чего мы достигли, мы стали почти совсем похожими на Запад, а вот теперь все это мол у поляков отнимает.

Выявляется некоторая закономерность в культурном наступлении империализма на ПНР. До августа 1980 г. западные философия, кино, эстрада, литература, живопись и мода не без успеха завоевывали польскую аудиторию, в то время когда в ведущих капиталистических странах польская культура была представлена скромно, скорее никак. В 80-х все изменилось как по мановению волшебной палочки. Перед польскими оппозиционными деятелями культуры широко распахнулись двери западных теле- и киностудий, редакций, издательств, театров, фестивалей, выставок, посыпались премии, деньги...

Можно было бы радоваться тому, что на Западе вдруг начали издавать 15-томное Собрание сочинений «одного из основоположников современного театра», романиста, драматурга и художника Виткевича, новую биографию Марии Склодовской-Кюри (единственный в мире ученый, дважды удостоенный Нобелевской премии), мемуары и произведения поэта В. Гомбровича, сценарии польских фильмов. Можно было бы удивляться тому, что бестселлером 1981 г. французы считали роман американца Уильяма Стайрона «Выбор Софи» о живущей в Нью-Йорке польке, бывшей узнице Освенцима, что польских драматургов, режиссеров, актеров наперебой приглашали в Западную Европу и в США ставить, снимать и сниматься, выступать. Сформировалась усилиями империалистических средств массовой информации мода на все польское.

Об особом интересе империализма к указанным культурным контактам говорил на открывшейся 2 апреля 1982 г. в Варшаве идейно-теоретической парт-

конференции член политбюро, секретарь ЦК ПОРП С. Ольшевский, выступивший с докладом «Текущие и перспективные задачи идеологического фронта партии»: «Польша многие годы представляет особый интерес и является объектом нападков со стороны сил империализма. Общеизвестно, что поляки весьма легко поддаются под идеологическое и пропагандистское влияние. Это связано с историческими контактами Польши с рядом стран Запада, с живучестью в большей части общества прозападной ориентации, с широкими экономическими, научно-техническими и культурными контактами с Западом. Необходимо также принимать во внимание мировоззренческое воздействие католической церкви... часть духовенства которой использует амвон для антигосударственной и антисоциалистической деятельности».

Некоторые представители творческой интеллигенции в ПНР, чьи голоса тысячекратно усиливались буржуазной пропагандой, отвергали близость и родство польской культуры со славянской, требовали пересмотра исторических фактов, касающихся отношений между Польшей и Россией, некритически воспринимали искусство и культуру Запада. Они показывали пальцем на демонстрируемый по варшавскому телевидению советский фильм «Волга-Волга» и говорили о сегодняшнем (!) уровне советского кино.

Иностранцу особенно бросалось в глаза, что польское телевидение 70-х годов не страдало обилием польских или советских фильмов. Ощущался крен в сторону западного кино. В январе 1980 г. по варшавскому телевидению были показаны восемь английских, восемь французских и семь американских художественных фильмов, 13-серийный фильм испанского производства, по одной киноленте Канады, Италии и Югославии. Как признал тогда в беседе видный польский социолог, польские телепрограммы «пусты по своему идеологическому содержанию». Это относилось к таким передачам, как «Студия-2», «Студия-8» и «Студия-гамма», напоминавшим позаимствованный с Запада вариант «индустрии развлечения».

Активной политике разложения социалистической ткани в Польше отвечали фильмы известного польского кинорежиссера Анжея Вайды: «Рабочие-80» (документальный) и «Человек из железа» (художественный, где выведен Валенса, который даже иногда играет там сам себя). Фильм «Человек из железа» был широко использован в истеричной антипольской и антисоветской кампании западных кругов и с этой целью был даже удостоен Золотой пальмовой ветви на кинофестивале в Каннах в мае 1981 г. Впервые за 34 года существования этого самого представительного на Западе кинофестиваля «Гран-при» получил польский фильм, кричала буржуазная пресса.

О своей ленте достаточно точно выразился сам Вайда. Его спросили журналисты: видели ли польские власти фильм «Человек из железа» до отправки его в Канны? «Цензура, — ответил он, — была последним барьером. Не скрою, предпринимались попытки изменить отдельные сцены, но мы победили. Открою вам секрет: если хотите пройти цензуру, то должны быть неподцензурными не отдельные фрагменты, монологи и сцены, а вся картина. Весь фильм должен быть пронизан цельным духом». Вайда добавил, что сейчас (шел июнь 1981 г.) мол уже нет смысла оппозиционным польским кинорежиссерам ехать за границу — там нужны большие деньги, в Польше же и малыми средствами можно привлечь хороших актеров...

Фильм Вайды «Человек из железа», справедливо расцененный как трехчасовой киноманифест польской оппозиции, обошел все... канцелярии руководителей западных держав, заметил осведомленный парижский еженедельник «Пуэн» (6.06.1981). Лента является продолжением — с одинаковыми героями — двухсерийного фильма Вайды «Человек из мрамора» (1977 г.). Одновременно с тем, как «Человек из железа» отличился в Каннах, «Человек из мрамора» прорвался — в обстановке заблаговременно организованного ажиотажа в реакционной прессе Запада и «Солидарности» — 22 мая 1981 г. на вечерние экраны Центрального польского телевидения.

«Человек из мрамора» действительно не оставляет никого равнодушным. Сценарий повествует о судьбах людей 50-х годов, связанных со строительством крупнейшего по тем временам Металлургического комбината им. В. И. Ленина под Краковом и крупнейшего по нынешним временам комбината «Катовице».

Выпускница режиссерского отделения института кинематографии делает дипломную работу. В ней она намерена показать судьбу одного из героев — строителей города Нова-Гута и комбината им. В. И. Ленина. Документальная хроника о герое того времени, которую она просматривает в студии, обрывается на эпизоде, показывающем, как портрет передовика производства, лучшего каменщика Матеуша Биркута снимают со стены. Что произошло с героем, как сложилась его дальнейшая судьба? Эти вопросы «вынуждают» молодого режиссера начать путешествие в историю двадцатилетней давности.

Перед зрителем проходят кадры того трудного времени, которое закаляло характеры польской молодежи, взявшей за сооружение промышленного объекта, какого их страна еще не знала.

На стройке рождаются первые герои. Но этого мало. Необходим еще один, имя которого прогремело бы на всю Польшу. Такого героя создают искусственно. Группе каменщиков во главе с неграмотным деревенским парнем Матеушем Биркутом создаются все условия для рекордов. Благодаря этому в течение рабочей смены группа укладывает рекордное количество кирпичей. Но это был рекорд ради рекорда. Измученных каменщиков впору было на руках снимать с возведенной ими кирпичной стенки. А ведь героя перед этим даже специально откармливали ветчиной, хотя остальные строители на обед получали только по одной рыбке. Героям воздают почести, они разъезжают по стране, пропагандируя передовые методы труда. Разъезжают до тех пор, пока на одной из строек не происходит чрезвычайное происшествие. М. Биркуту подсовывают в руки раскаленный кирпич. Он получает увечье. Подозрение в преступлении падает на помощника М. Биркута и еще нескольких человек. Их судят и сажают в тюрьму. Возмущенный несправедливостью, М. Биркут хочет заступиться за своего друга, но наталкивается на холодное равнодушие. Доведенный до отчаяния, он заворачивает в красное полотно кирпич, взятый им на память о первой рекордной кладке, и бросает его в стеклянную дверь Министерства внутренних дел. Затем входит в эту дверь и... исчезает на три года. После реабилитации и возвращения из тюрьмы он появляется на комбинате, где его встречают как национального героя. Но работать каменщиком он уже не может и занимается общественной деятельностью. На этом история героя заканчивается.

Кто виноват в блестящем взлете и трагическом падении главного героя? Вайда исподволь пытается убедить зрителя, что главное зло — существующая систе-

ма в современной Польше.

В фильме есть такие кадры: М. Биркут входит со своим другом в Министерство внутренних дел. Его друга приглашают к «пану полковнику». Когда через какое-то время М Биркут заходит в кабинет, он не застаёт там своего товарища. В кабинет ведёт одна дверь, через которую обратно никто не выходил. Человек провалился как сквозь землю.

Второй кадр: М. Биркут на собрании молодых рабочих прорывается к трибуне и начинает говорить о том, что его друга оклеветали. Тут же представители соответствующих служб выключают незаметно микрофон, а члены президиума встают и запевают... Гимн демократической молодежи. «Голос правды» тонет в этом гимне, а М. Биркут проходит к выходу через ряды равнодушных товарищей.

Газета «Штандар млодых» в рецензии называет происходящее с героями фильма «малой и большой подлостью». Судя по фильму Вайды, «те времена были сплошной подлостью». А уж если говорить о подлости, в ее историческом развитии, то опять же, судя по фильму, сегодняшний день мало чем отличается от тех подлых времен.

Есть в фильме характерный кадр. В разговоре со своим отцом молодая выпускница, делающая дипломную работу о герое 50-х годов, говорит:

— Если бы знали, какой я фильм делаю, мне никогда бы не дали денег на его производство.

В поисках главного героя молодой режиссер идет в музей. Там на складе, а фактически на свалке она находит мраморную скульптуру М. Биркута. На этой свалке много таких героев, недавних строителей металлургических комбинатов и других промышленных объектов. А герой в жизни. Он, оказывается, уже умер, и дипломница никогда не увидит его. Не увидит света и ее фильм, поскольку ей так и не удалось встретиться с его настоящим героем, а весь замысел противоречив и «кому-то не нравится».

Большую, прямо-таки скандальную известность в западной печати получили в свое время фильмы режиссеров Занусси («Защитные краски») и Вайды («Человек из мрамора», «Без наркоза»). Если в первых двух фильмах в острой гротескно-сатирической форме рассматривали изъяны в жизни социалистического общества, утверждали, что стремление получить больше денег, сделать карьеру — движущие силы в любом обществе, насмеялись над социалистическим соревнованием, протестовали против цензуры и ограничения свобод человека, то в фильме «Без наркоза» А. Вайда хотя и отошел от прямых нападок на социалистическую действительность, но вновь давал понять, что в стране существует цензура, иронизировал над кадровой политикой «верхов» и в острой форме пародировал работу польских судов. В фильме показано, что главный герой, некогда способный журналист, в результате политического недоверия, якобы навязанного «сверху», терпит фиаско не только в личном, но и профессиональном плане. Видя безысходность создавшегося положения, он совершает самоубийство.

Фильм «Без наркоза» получил противоречивую оценку польской печати. «Трибуна люду» (21.09.1978) писала: «Хотя это произведение многоплановое и наполнено драматизмом, оно несет в себе элементы Демагогии, показывает все-силе зла». Еженедельник «Политика» (9.12.1978) подчеркивал: «Для этого фильма от начала до конца характерны кокетство и дезертирство. Из-за схематизма

сценария, отсутствия веры в изложенные в нем факты кинокартина потерпела фиаско». Совсем другая оценка содержалась в еженедельнике «Керунки»: «Вайде удалось создать современный, важный и... отважный фильм. Он многосторонне показал нравственность и обычаи, где отсутствуют элементарные понятия открытости, достоинства, уважения и... свободы».

Внимание польской критики привлек также фильм Занусси «Спираль». Режиссер показывает процесс умирания человека, его размышления о сущности жизни. По собственному признанию Занусси, в своем фильме он попытался раскрыть внутренний мир, последние мысли человека, находящегося на смертном одре, показать связь между жизнью и «потусторонним миром». Не случайно в одной из дискуссий на страницах еженедельника «Культура», посвященных этому фильму, принимал участие служитель церкви. Польская церковь увидела, что фильм можно использовать для религиозного воспитания населения.

В конце 1978 г. А. Вайда и его единомышленники К. Занусси и К. Кесловский захватывают руководство в Союзе польских кинематографистов. Два года спустя, рецензируя очередной киноопус Вайды «Дирижер», французский еженедельник «Экспресс» (6.12.1980) посчитал себя вправе начать статью словами, которые являются для журнала как бы лейтмотивом фильма: «Полякам социализм подходит, как корове седло». Характерно и название рассматриваемой статьи в «Экспресс» — «Вайда: смерть ведет оркестр», подчеркивающее неперемный финал, к которому подводит режиссер главных героев всех своих фильмов. «Человек из мрамора» — бригадир каменщиков бесследно исчезает; «Без наркоза» — журналист кончает самоубийством; «Девушки из Вильно» — поэт умирает; «Дирижер» — американский маэстро польского происхождения, приехавший в Польшу на склоне лет, встречает на родине враждебное отношение к себе и находит смерть под уличным фонарем. «Человек-оркестр», каким считал себя Вайда в польском кино конца 70-х годов, выступил в глазах своих соотечественников так, как это устраивало его западных «друзей», — в роли могильщика социалистических идеалов.

Вообще странно, что Вайде не была присуждена Нобелевская премия. В области литературы Нобелевская премия недавно уже выдана «польскому поэту и публицисту», профессиональному антикоммунисту Чеславу (Венцеславу) Милошу, постоянно проживающему в США и испытывающему ностальгию одновременно по Варшаве, в которой он жил всего несколько лет и где стал воинствующим диссидентом, по Вильнюсу, где прошли его детство и студенческие годы, работал в органе американского ЦРУ, польском эмигрантском журнале «Культура»... Ч. Милош — автор стихотворений и поэм, двух политических романов, очерков и переводов, которые в основном публиковало лишь издательство той же парижской «Культуры» с последующим подпольным распространением в ПНР.

Неудивительно, что с появлением в октябре 1980 г. неизвестного нобелевского лауреата только литературные сотрудники этого журнала и оказались в состоянии хоть как-то удовлетворить любопытство буржуазной прессы, желавшей хоть что-нибудь узнать о веком «польском поэте Милоше». Милош был ранее неизвестен ни польскому, ни тем более западному читателю, но за послевоенные десятилетия сумел снискать себе популярность в кругу активных политических противников социалистического строя в Польше.

ДИАЛОГ...

Рецензент. В этом разделе вы затронули столько тем, что каждая из них могла бы стать сюжетом отдельной работы. И хотя я в большинстве случаев согласен с вами, однако считаю, что в ряде мест читателя покоробит стиль обличающей и бездоказательной публицистики и связанные с нею перекосы в оценках. Снова как эхо возвращается тезис о заранее подготовленных планах Запада (с. 146) относительно Польши, без изложения или хотя бы анализа их сути. Если уж говорить об откровениях австрийской газеты (там же) или о других газетных источниках, то это скорее «примазывание» к польской и вообще к социалистической действительности, а вовсе не планы переворотов. В противном случае пришлось бы признать, что большинство польских граждан поддерживали эти планы или были их сторонниками, а в действительности дело обстояло как раз наоборот. Все, что вы поместили в этом разделе, было на самом деле так или почти так, однако полученная картина выглядит как в кривом зеркале.

Для того чтобы эту картину исправить, нужно больше сказать о наших собственных идеологических пробелах. Начну, так сказать, «от печки» — с проблем воспитания польской молодежи, которые вы затрагиваете (с. 154). Это верно, что студенты некоторых учебных заведений Польши отвергли систему преподавания марксизма-ленинизма, но ведь отголоски этого доходили до руководящих работников просвещения. Студенты протестовали против закоснелой, то есть сталинской, интерпретации предмета, против схематизма, толкования проблем только в черно-белом цвете, что осмеивало саму идею. Автор этих строк на собственной шкуре испытал и плюсы и минусы такого положения вещей — уж поверьте!

Другой волнующей проблемой воспитания и просвещения в Польше давно уже является проблема педагогических, учительских кадров. Эти воспитые в 50-х годах «инженеры человеческих душ» были в Польше одной из самых низкооплачиваемых категорий, подлежали давлению централизованной бюрократии и оттого лишались возможности самостоятельно мыслить и, увы, каких-либо шансов на будущее. Если добавить, что по этой причине в учителя нередко попадали неудачники, которым не повезло в чем-то другом, и разочарованные, то эффект предугадать нетрудно. А молодежные организации! Закосневшие и забюрократизированные, часто не имевшие программы, даже не способные хоть что-то реализовать в повседневной жизни, они были плохими помощниками в общественном и гражданском воспитании молодежи. Произошла девальвация, если не сказать, компрометация таких понятий, как «гражданское воспитание», «патриотизм», не говоря уж о самой социалистической пропаганде, эффект которой был невысок.

Дефицит правды и морали в международной публицистике

Автор. Клише и стереотипы советской международной публицистики прежних лет дают о себе знать в рецензируемом вами тексте. Еще раз напоминаю, что он был написан семь лет назад. В то время читателю удавалось прочесть что-либо приличное о капиталистических странах в стиле В. Овчинникова, С. Кондрашова, М. Стуруа, Ф. Бурлацкого, но о братских странах социализма писать совершенно объективно было просто невозможно. Это не позволили бы в первую очередь партийные верхушки, которые до сих пор крайне ревниво следят за всем, что публикуется о них в дружественных им столицах. Ежи Урбан и в 1988 г. неоднократно критиковал публично «Литературную газету» за пару неплохих ее материалов на польскую тематику.

Рецензент. О-о! Пан доктор оправдывается, да стоит ли? Лучше продолжим. Я считаю, что положение в ПНР усугубилось, когда наше партийное руководство окончательно утратило монополию над процессами распространения массовой информации. Контроль над идеологической ситуацией начал ускользать по вполне, можно сказать, объективным причинам.

Некогда обширный земной шар, по которому вести расхлестались как бы в замедленном темпе, теперь, в эпоху спутников связи, становится маленькой деревенькой, в которой все и всем известно. Началось интенсивное взаимопроникновение культур. Но и здесь богатые преодолевают бедных.

Какой объем информации о ПНР может направить в США наше руководство? У него для этого нет ни средств, ни возможностей.

А американцы еще с начала века превратили в доходнейший для себя бизнес распространение по всему миру собственных кинофильмов, музыки, информации, товаров, мнений, стандартов поведения, моды и образа жизни. Эта социологическая пропаганда западников, в особенности американцев, доведена до совершенства, и на нее трагятся баснословные суммы денег. Весь мир смотрит сегодня американскую телевизионную продукцию.

В Польше отрицательные последствия практически открытых границ с Западом были усугублены феноменом «многоликости» семейного и общественного поведения. Западный человек это не поймет — советскому такое знакомо. Наши молодые люди с детства видели, что у их родителей несколько разных обликов: одно — для партии, другое — для товарищей по работе и друзей и третье, чаще всего истинное, — для собственного семейства. По этой причине возростали цинизм и лицемерие, которые находили естественных как бы союзников в насаждаемых западной пропагандой образцах и манере поведения. Стали обесцениваться такие понятия, как труд, патриотизм, товарищество, уступив место негативным явлениям, чему школа и университет противостоять уже не могли. На это обращали внимание многие польские авторитеты, к которым, однако, политики, как правило, не прислушивались. Зато отлично вникли в ситуацию империалистические стратеги психологической войны. Ну это уже ваш конек.

Автор. В задачи нашего диалога входит и продолжение повествования, прерванного в этой книге 1982 г. После этого у Польши было несколько относительно спокойных лет. И именно это меньше всего устраивало наших главных поли-

тических противников. Вот отрывок из статьи Флоры Льюис под заголовком «Два гневных города», напечатанной в газете «Нью-Йорк Таймс» (11.12.1986):

«Париж. Странное чувство испытываешь, возвращаясь из Польши в Париж, бурлящий студенческими протестами, расчищающий обломки разрушений на улицах и планирующий всеобщую забастовку.

В Варшаве же пять лет спустя после введения военного положения до ужаса спокойно. Это печальная тишина полного разочарования, отсутствия надежды на то, что что-нибудь может измениться к лучшему.

Адам Шафф, которого исключили в прошлом году из Польской объединенной рабочей партии за отказ придерживаться официальной линии после 55 лет верной службы, является в какой-то степени исключением. Ему 73 года. Он сыграл видную роль как идеолог во время восстания в Польше в 1956 г., но сейчас он признает, что попытка обновления потерпела провал из-за того, что лидеры не собираются ни менять систему, которая явно неэффективна, ни хотя бы в чем-то поступиться своей властью.

Он по-прежнему убежденно верит в то, что он называет «революционным социализмом». Но, по его словам, его следует добиваться «другим путем, шаг за шагом, без принуждения, которое является концепцией XIX столетия». Теперь таких, как он, в Польше немного.

Сразу же после второй мировой войны среди польской молодежи многие разделяли его представления. Сегодня молодое поколение категорически отвергает как существующий режим, так и его идеи. Молодые люди не устраивают демонстраций и не организуют забастовок, так как это признано бесполезным и опасным делом, но они потеряли веру в своих правителей».

Рецензент. Вера граждан ПНР в социализм не утрачена, что подтверждается как данными анонимных социологических опросов, так и не прекращающимися прорисками враждебной пропаганды. Ведь по активности противника тоже можно судить об авторитете польских властей. Действие равно противодействию. Хотя лучше бы не было такого противостояния в духе «холодной» или гражданской войны. Культивирование безысходности и упадочнических настроений, ненависти и классового антагонизма в польском обществе наносит стране огромный ущерб.

Не случайны слова генерала Войцеха Ярузельского из интервью итальянскому журналу «Казо» (1.06.1988) о том, что позиция определенных западных кругов в отношении «Солидарности» фактически не приносит пользы стабилизации в Польше, замедляет процесс проведения реформ и достижения национального единства.

Как заявил В. Ярузельский, самая большая помощь, которую Запад может оказать Польше, — это рисовать польские проблемы «не черной и белой краской, а всеми красками со всеми оттенками». «Мы ожидаем и надеемся, — добавил польский руководитель, — на большее доверие к польской политике, на большее понимание нашей действительности и важных реформ, которые мы проводим и намерены проводить в жизнь».

Польская политическая эмиграция

Автор. Временное затишье в Польше середины 80-х годов было обманчивым и хрупким миром. Причины этого положения отчасти объясняет брошюра Эвы Роницкой «Антипольская деятельность главных центров польской политической эмиграции на Западе», выпущенная в 1985 г. варшавским издательством «Ксенжка и ведза».

«Начало формирования современной польской политической эмиграции приходится на период, начавшийся непосредственно после окончания второй мировой войны, когда почти все государства антигитлеровской коалиции и нейтральные страны признали созданное в Польше временное правительство национального единства и разорвали отношения с эмигрантским польским правительством в Англии. Первое поколение политической эмиграции составили именно те поляки, которые после окончания второй мировой войны решили не возвращаться на родину и включились в активную политическую деятельность на Западе, направленную против народной Польши. Они не признавали ни нового государственного строя в ПНР, ни послевоенного устройства в Европе.

К середине 50-х годов окончательно сформировались три политических центра, каждый из которых заявлял о своих полномочиях представлять интересы польского народа: лондонское эмигрантское правительство, «Польский национальный демократический комитет» и «Временный совет национального единства».

Однако, несмотря на вражду и внутренние конфликты, политические и идейные расхождения, платформой, объединяющей все центры и группировки польской эмиграции, было их отношение к ПНР и СССР. Политическим знаменателем позиции эмиграции была общая ненависть к социалистическому строю.

В этой связи представители эмиграции в качестве своей главной цели рассматривают различные меры, направленные на изменение общественного строя в Польше, что преподносилось как стремление к обретению Польшей свободы, независимости и суверенитета. Они пытаются подрывать послевоенный порядок в Европе, домогаются аннулирования решений Ялтинской и Потсдамской конференций, требуют разрыва союза ПНР с СССР, изменения точных границ Польши.

Открытая антисоциалистическая и антисоветская ориентация польской политической эмиграции привела к тому, что уже в первой фазе «холодной войны» она была подключена Западом к реализации программы мероприятий, направленных против Советского Союза и других социалистических стран. Так, созданный в Риме в 1946 г. так называемый «Литературный институт», которому была уготована роль издательского центра польской эмиграции, после перенесения его штаб-квартиры в 1947 г. в Париж постепенно превратился в центр политической и идеологической обработки представителей польской интеллигенции, а его главной целью стало вмешательство во внутренние дела ПНР и нагнетание антисоциалистических настроений в польском обществе. Этот подрывной центр подключился также к шпионской деятельности. Средства на осуществление этих акций он получал от «конгресса за свободу культуры», который финансировался Центральным разведывательным управлением США.

Другим подрывным центром польской политической эмиграции стала радиостанция «Свободная Европа» (РСЕ), созданная по инициативе американской разведки.

Значительное влияние на формирование программ «старой» эмиграции оказала «вторая волна» эмигрантов из Польши, выехавших из ПНР в конце 60-х годов. В отличие от «старой» среди новой эмиграции преобладали люди с высшим образованием, представители научных и творческих кругов. Их научный багаж, а также ярко выраженная антикоммунистическая ориентация способствовали тому, что они были приняты на работу во многие университеты Запада.

В момент введения в ПНР военного положения за границей находилось много функционеров «Солидарности» и «Независимого союза студентов». Часть из них приняла решение остаться на Западе и, таким образом, положила начало третьей волне польской политической эмиграции.

Руководство лондонского эмигрантского правительства пытается распространять мнение о том, что фонды на проведение политической деятельности оно черпает исключительно из внутренних источников, из созданного в 1949 г. фонда, который состоит из взносов представителей польской эмиграции. Официально сообщается, что эти доходы «правительства» ежегодно составляют около 49 тыс. фунтов стерлингов. Однако, по заявлениям самих эмигрантов, лондонское правительство финансируется Соединенными Штатами через швейцарские банки. Определенную финансовую помощь оказывает также ФРГ.

Крупным центром польской политической эмиграции на Западе является литературный институт «Культура» в Париже, финансируемый через подставные фонды ЦРУ. С начала 70-х годов журнал «Культура» претендует на роль «мозгового» центра «политической оппозиции» в Польше.

Обращает на себя внимание также ежеквартальное издание «Анекс», которое было создано в 1973 г. в Швеции.

Центром польской политической эмиграции в США является так называемое общественно-политическое движение «Помост», созданное в январе 1982 г. в Чикаго представителями польских эмигрантов, объединенных вокруг редакции ежеквартальника «Помост», издаваемого с 1979 г.

Деятели «Помоста» выступили с обширной программой использования в борьбе против ПНР «второй силы» — польской эмиграции на Западе. Было выдвинуто предложение о создании польского лобби в Соединенных Штатах, активизировалась обработка в антисоциалистическом духе поляков, постоянно проживающих в США.

С этой целью была организована радиостанция «Помост», которая передает программы из Чикаго 4 раза в неделю. В Нью-Йорке был открыт польско-американский клуб прессы и книги, в задачи которого входила пропаганда эмигрантской печати и нелегальных изданий, выходящих в Польше. Одновременно открыт читальный зал и организована библиотека «Помоста», началась организация регулярных встреч с известными представителями польской политической эмиграции.

На состоявшемся в октябре 1983 г. первом съезде членов этой организации была принята программа деятельности «Помоста», в которой в качестве одной из главных целей провозглашалась борьба с социалистическим строем в Польше.

Известным центром эмиграции является также так называемое координационное бюро «Солидарности» за границей, созданное в июле 1982 г. во время съезда в Осло находящихся на Западе бывших членов организации. Штаб-квартирой бюро был избран Брюссель с учетом того, что столица Бельгии является местом нахождения многих международных организаций, в том числе двух центров профсоюзов — Всеобщей конфедерации труда и Международной конфедерации свободных профсоюзов, членами которых сразу же стало координационное бюро.

Высшим органом координационного бюро «Солидарности» за границей является совет, который избирается сроком на два года из представителей всех комитетов, действующих в структуре «Солидарности» за границей, а также из делегатов состоявшегося в ПНР первого съезда «Солидарности».

Большое внимание бюро придает информационно-пропагандистской деятельности, издавая информационные бюллетени на языке страны пребывания. Эти бюллетени широко распространяются через местные средства массовой информации. Члены бюро повсеместно выступают от имени подпольных структур, действующих в ПНР.

В задачи бюро в Брюсселе входит также сбор средств и оказание финансовой помощи действующим в ПНР подпольным структурам «Солидарности». На эти цели оппозиция ежегодно требует около миллиона долларов.

Одним из центров польской политической эмиграции является ежемесячник «Контакт», первый номер которого вышел в свет в мае 1982 г. в Париже. Первоначально журнал пытался стать «мозговым центром» «Солидарности» в Польше. Как и члены координационного бюро «Солидарности» за границей, представители «Контакта» противились причислению их к организациям политической эмиграции, однако после 1983 г. они отошли от этой концепции и приступили к формированию долгосрочной программы деятельности в эмиграции. «Контакт» начал превращаться в дискуссионную трибуну, где обсуждалась единая программа деятельности для представителей оппозиции в Польше. Одновременно журнал выступал за налаживание связей с другими центрами польской политической эмиграции, а также с организациями эмигрантов из других социалистических стран.

В настоящее время главной целью «Контакта» является разработка тактических решений для деятельности действующего в ПНР подполья. Журнал пытается создать такую модель печатного органа, которая бы на практике реализовала принципы политического плюрализма».

Рецензент. У меня сохранился газетный отчет с пресс-конференции уполномоченного правительства ПНР по печати Е. Урбана для польских и иностранных журналистов 12 июня 1984 г. в Варшаве:

«Е. Урбан заявил протест в связи с несоответствующей действительности информацией, передаваемой некоторыми западными корреспондентами Он обвинил в передаче ложной информации корреспондентов Би-би-си, Франс пресс, «Файнэншл Таймс», «Франкфуртер альгемайне», «Радио Франс» и АП.

Журналистам было сообщено, что французский гражданин О. Руа, задержанный органами безопасности в Щецине во время ликвидации подпольной типографии, освобожден и сегодня будет выдворен из Польши.

Е. Урбан выразил протест против информации французской печати, касающейся дела гражданина Франции Я. Шалло, который занимался переброской в Польшу технических средств, денег и инструкций подпольным группировкам и был задержан органами безопасности. Из Франции был переведен залог, но в связи с продолжающимся следствием Я. Шалло не освобожден. Французская печать представляет дело таким образом, что польские власти якобы требуют валюту.

Говоря об аресте органами безопасности одного из бывших лидеров «Солидарности», Б. Лиса, уполномоченный по печати сообщил об обвинениях, выдвинутых в его адрес прокурором. Как вытекает из обнаруженного у Б. Лиса письма от руководителя «Солидарности» в Брюсселе Е. Милевского, США и Японии обещали оказать значительную финансовую помощь подпольным организациям «Солидарности», особенно в случае, если удастся организовать бойкот выборов в народные советы 17 июня. Е. Урбан привел выдержки из письма и подчеркнул, что Запад финансирует деятельность контрреволюционеров в Польше».

Автор. Не знаю, как сегодня, но и в 1988 г. упомянутый Е. Милевский благополучно служил за американские деньги в так называемом координационном бюро «Солидарности» в Брюсселе. А как следствие деятельности Милевского и К^о в польской прессе появлялись вот такие сообщения Польского агентства печати (20.4.1988):

«Сотрудниками воеводского управления внутренних дел во Вроцлаве раскрыты три подпольных полиграфических пункта, в которых печатались нелегальные издания. Эти пункты располагались в частных квартирах. При обыске изъяты полиграфическое оборудование и готовая к распространению нелегальная литература. По данному делу задержаны лица, ранее привлекавшиеся к ответственности за противозаконную деятельность. Обвинения против них были направлены на рассмотрение во вроцлавские районные коллегии по делам правонарушений.

Расследовав обстоятельства дел, коллегия по делам правонарушений признала виновными Адама З. и Барбару С в предъявленных им обвинениях и приговорила к уплате штрафа в размере 50 тыс. злотых с каждого. Конфискованы полиграфическое оборудование и нелегальные издания, а также легковой автомобиль марки «школа», на котором перевозилась подпольная литература. Кроме того, конфискована и передана в распоряжение жилищного кооператива квартира, в которой располагался нелегальный полиграфический пункт».

Западная «большая пресса» о событиях в ПНР

Рецензент. Тон выступлений представителя правительства ПНР по печати начиная с мая 1988 г. стал куда более жестким, чем четыре года назад. И было отчего возмущаться несдержанностью органов западной прессы. Думаю,

что стоит привести выдержки из отчета о пресс-конференции Е. Урбана 11 мая 1989 г. То были дни наибольшего размаха забастовок в ПНР за 1988—1989 гг., хотя они носили локальный характер и быстро завершились.

«Представитель правительства ПНР по печати вновь резко осудил западные средства массовой информации, значительная часть которых действовала с целью организации в Польше конфликтов и пробы сил. Этой цели служило создание ими впечатления, что пол-Польши бастует, а остальная часть сделает это завтра. Передавалось множество сообщений о событиях, которых не было, в том числе о воззваниях различных группок типа «Мазовше», и которые безуспешно звали к повсеместному прекращению работы. Преувеличивались события, делались попытки раздуть в стране и во всем мире психоз конфликта и убеждение, что в Польше происходит новая проба сил, что новый политический кризис в Польше стал фактом. Это уже не информационная деятельность, а соучастие в провоцировании событий и организации волнений. Произошло вопиющее злоупотребление свободой печати и свободой деятельности западных журналистов в Польше. Часть буржуазной прессы вводила также в заблуждение западное общественное мнение, создавая искусственный нажим на партии и правительства стран Запада. Но политические симпатии журналистов не должны, однако, вести к распространению дезинформации, к тому, чтобы опираться на сведения, получаемые от лиц, заинтересованных в расширении конфликта и воздействии тем самым на ход событий.

Западные отчеты представляют польское население неразумной массой, которая не хочет работать и слепо следует любым призывам. Тем не менее, несмотря на часто оправданное недовольство, польское общество продемонстрировало здравый смысл и собственное мнение и вело себя иначе, чем это рисовали на Западе.

Отсутствие меры у публицистов контрастировало с более спокойными реакциями западных правительств. Однако мы были свидетелями того, как под напором шумихи в печати такая позиция правительств менялась в неблагоприятном для Польши направлении. Например, вслед за уравновешенной реакцией американского правительства, далекой от поддержки забастовок в Польше, появилось интервью газете «Нью-Йорк Таймс» одного высокопоставленного лица американской администрации. Оно ошибочно упрекало нас в том, что мы навязываем населению экономическую программу, и в отсутствии в Польше какого-либо национального согласия.

Автор. Боюсь, что часть гонорара от этой книги придется перевести на счет Ежи Урбана. Именно он является первоисточником значительной части интересующей нас информации.

Рецензент. Существует и множество других свидетельств того, как закончилась передышка середины 80-х годов и вновь начала нагнетаться антисоциалистическая кампания в ПНР. В газете «Нью-Йорк Таймс» (10.07.1988) теме помощи США польской «Солидарности» была посвящена статья Роберта Пира:

«Вашингтон. Правительство Соединенных Штатов присоединилось к организованной польскими эмигрантами широкой кампании помощи «Солидарности» и польскому подполью в контрабандном ввозе в Польшу печатных изданий, печатного и радиооборудования и видеокассет.

Среди печатных изданий — тысячи книг и журналов, резко критикующих коммунистическую систему и руководителя Польши генерала Войцеха Ярузельского.

Кроме того, за последние три года Соединенные Штаты предоставили «Солидарности» и другим группировкам, выступающим против правительства Варшавы, помощь в размере 5 млн долларов.

В Польше существует огромная подпольная издательская сеть, которую в основном финансируют США, хотя, по словам американских представителей, спрос на такие печатные издания в Польше значительно превосходит предложение. Часть фондов

открыто выделяется конгрессом. Другая поступает от «Национального фонда в поддержку демократии», частной некоммерческой корпорации, которая получает почти все средства от федерального правительства и цель которой — поддержка демократических институтов во всем мире. Фонд консультируется с государственным департаментом относительно всех субсидий.

В общем и целом в течение ряда лет было известно, что США финансируют «Солидарность», однако полная картина роли США стала известна в последние недели после изучения правительственных документов и интервью с американскими представителями и польскими эмигрантами.

Польские власти знают об этой деятельности, однако не могут ее остановить. Они перехватили ряд грузовиков, перевозивших подпольно книги, печатные прессы, фотокамеры и дымовые шашки. Они иногда арестовывают тех, кто печатает или распространяет запрещенную литературу, и конфискуют их оборудование. Однако, по словам американских представителей, до сих пор нелегально печатается от 500 до 600 периодических изданий.

Советник генерала Ярузельского по политическим вопросам подполковник В Гурницкий заявил в мае, что Лех Валенса, основатель запрещенного профсоюза «Солидарность», получает миллион долларов в год от правительства Соединенных Штатов.

Он сделал это высказывание в телевизионном интервью, отвечая на вопрос о том, легализует ли Польша независимый профсоюз, как того требуют рабочие Гданьской судовой верфи.

В июле прошлого года конгресс выделил «Солидарности» миллион долларов, а в декабре — еще миллион. Необычно было то, что эти субсидии предоставлены открыто; в прошлом значительная часть американских средств оппозиционным группировкам коммунистических стран посылалась тайно через ЦРУ. Однако сторонники «Солидарности» утверждают, что в определенном смысле помощь более эффективна, если она предоставляется открыто, потому что в этом случае их труднее обвинить в том, что они являются пешками западных разведывательных служб.

Дж. Лебенбаум, международный координатор Конференции организаций в поддержку «Солидарности», использует сеть курьеров и водителей для перевозки оппозиционным группировкам Польши книг, печатных прессов, чернил, видео- и фотооборудования, микрофишей и аппаратов для их просмотра, радио и электронного оборудования. В интервью, которое он дал в Вашингтоне на прошлой неделе, он сказал, что в прошлом году послал 32 груза общим весом почти 10 тыс. фунтов.

В этом году его агентство получило субсидии в размере 42 тыс. долларов и столько же в прошлом году от «Национального фонда в поддержку демократии».

Питер Мроцик, президент фонда «Солидарности», пытающийся расширить поддержку «Солидарности» в Соединенных Штатах, заявил, что его группа организовала покупку более 20 офсетных печатных прессов и их доставку независимым издательствам в Польше. Кроме того, сказал он, «мы поставили передатчики и другое передающее оборудование для использования радио «Солидарность» подпольными радиостанциями, которые члены «Солидарности» организовали по всей Польше.

По словам Лебенбаума, его организация также послала электронное оборудование, которое члены «Солидарности» используют для прослушивания радиочастот, используемых полицией, и для связи друг с другом, когда они окружены полицией или когда прервана телефонная связь.

Тед Контек, основатель общества «Друзья «Солидарности» в Вашингтоне, заявил, что подпольная пресса и издательская сеть Польши «вынудили средства массовой информации, контролируемые правительством, давать более точную и объективную информацию польскому народу». Кроме того, сказал он, «режим знает, что все, что он попытается скрыть от людей, появится в конце концов в печати «Солидарности».

По словам Мроцика, его группа переправляет средства «Национального фонда в поддержку демократии» издательствам, молодежным группам, церквям и политическим организациям.

Карл Гершман, президент «Национального фонда в поддержку демократии», заявил, что Соединенные Штаты поддерживают попытки польских оппозиционных группировок построить свое общество, не контролируемое государством, но охватывающее все сферы гражданской жизни — издательское дело, образование, науку, искусство, кино и радио. Иногда это называется вторым, или альтернативным, обществом.

Средства от «Национального фонда поддержки демократии», передаваемые через Институт свободных профсоюзов, организацию АФП — КПП, используются для оплаты защиты в судах членов «Солидарности» и выплаты штрафов, наложенных на них польским правительством за выпуск публикаций без разрешения.

Адриан Каратницкий, работающий в международном отделе АФП — КПП, сказал: «В Польше ощущается настоящий голод на независимые политические и культурные печатные издания. Мы даем то, что в нормальной демократической обстановке было бы совершенно невинной помощью, — чернила, бумагу, печатные прессы, трафареты. Польские власти видят в этой помощи незаконное вмешательство извне.

Ведущая подпольная газета «Тыгодник Мазовше» публикуется еженедельно с помощью настольного компьютера и лазерного принтера. Газета получает финансовую помощь от консорциума независимых издателей и культурно-просветительской группы «Окно». Они, в свою очередь, получают помощь от «Национального фонда в поддержку демократии».

«Государственные средства массовой информации теряют тираж, и это, по-видимому, прямой результат подпольных публикаций», — сказал Тед Каминский, историк, изучающий подпольное издательское дело в Польше. Существование подпольной печати сделало официальные периодические издания более открытыми по широкому кругу экономических и социальных вопросов, например, внешний долг Польши, производство, находящееся в застое, и случаи коррупции».

Автор. Когда я писал в 1982 г. первое издание этой книги, таких публичных откровений на Западе предпочитали не делать. А нынче английский журнал «Экономист» (21.05.1988) дает образец разработки темы, о которой при всем желании не найти материалов в советской или польской печати:

«Вначале польско-чехословацкое общество «Солидарность» было небольшой группой авантюристов, настолько безумных, что они переносили туда и обратно через горы, разделяющие две страны, рюкзаки, наполненные подрывной литературой. Теперь польско-чехословацкая «Солидарность» действует совершенно открыто, выпускает ежемесячный бюллетень. Ее лидеры планируют конференции и демонстрации, контролируют выполнение языковых переводов и организуют встречи на границе между лидерами оппозиции. Наиболее честолюбивые из членов общества надеются расширить свою деятельность на территории Венгрии, Восточной Германии и даже западных республик Советского Союза. Это один из аспектов нового явления в Восточной Европе. Происходит постоянное углубление и расширение контактов между диссидентами разных стран.

В октябре 1986 г. 125 лидеров оппозиции из пяти стран Варшавского Договора подписали совместное заявление в ознаменование 30-й годовщины восстания в Венгрии. За этим последовала публикация многих других совместных заявлений, например, по поводу права на отказ от военной службы по религиозным причинам. Международные связи отнюдь не ограничиваются лишь изданием коммюнике. Предпринимаются всевозможные усилия для того, чтобы преодолеть преграды, которые разделяют различные страны Восточной Европы. Даже в большей мере, чем страны Восточной и Западной Европы.

Часто трудно получить паспорт для поездки из одной коммунистической страны в другую, особенно если вы известны своим инакомыслием. На границах коммунистических стран их граждан обыскивают тщательнее, чем путешественников с Запада. Прослушиваются все телефонные разговоры диссидентов.

Создается впечатление, что эти трудности становятся все более и более преодолимыми. Лидеры польской оппозиции впервые начали входить в контакт с диссидента-

ми из других социалистических стран в 70-е годы. Чехов и венгров приглашали на семинар в Варшаве, где их учили технике подпольной печати. По словам руководителя крупнейшей негосударственной типографии в Будапеште АВ, с тех пор как в 1981 г. он прошел курс по технике печатного дела в Польше, он обучил сотни человек. В настоящее время подобные семинары вновь начинают проводиться в Польше гораздо более широко.

Международным контактам нанесло удар введение военного положения в Польше в 1981 г., а также репрессии в других странах, правительства которых опасались распространения «польской болезни». Однако с тех пор контакты возобновились. В августе прошлого года на польско-чехословацкой границе прошла встреча восьми поляков и двенадцати чехов, и среди них были Яцек Куронь, Збигнев Буяк и Вацлав Гавел. Они подписали совместную декларацию, и в обеих странах широко распространился короткий видеофильм об этой встрече. Подобные встречи, сказал Куронь, «в настоящее время носят лишь символический характер, однако значение их, безусловно, возрастет после падения советской империи».

Эти контакты являются лишь самым явным признаком роста интереса жителей стран Восточной Европы к тому, что думают их соседи. В настоящее время по крайней мере четыре подпольных ежемесячных польских издания посвящены только событиям в других коммунистических странах. Остальные органы подпольной печати Польши полны переводов литературы, выпускаемой оппозицией в странах Восточной Европы, статей по местной истории и очерков, где разбирается значение и судьба Центральной Европы. Хотя за границами Польши подпольная печать менее развита, сама тенденция тем не менее представляет определенный интерес. Венгры только что напечатали в крупных самиздатовских выпусках ряд романов чешского писателя-эмигранта Милана Кундера и подборку интервью с польскими сталинистами.

По обе стороны границы не только звучат высказывания, но и предпринимаются действия, хотя их все еще трудно организовать. В феврале 1988 г. диссиденты в Польше, Чехословакии, Венгрии и Советском Союзе провели одновременно демонстрации против тяжелого положения в Румынии при Николае Чау-шеску (румыны горько шутят, что они живут в «Чаушице»). Демонстранты собрались перед румынскими посольствами в Будапеште и Праге, 60 человек начали 24-часовую голодовку в Праге, а пятеро советских диссидентов под руководством Андрея Сахарова подписали заявление в поддержку этих акций. Все это координировали активисты из «Хартии-77» в Чехословакии с помощью телефонных звонков и личных связей, установленных в течение ряда лет. Весной прошлого года в Варшаве и осенью в Будапеште проводились независимые «мирные» конференции, на которых присутствовали жители многих стран. Планируется проведение других конференций, причем некоторые из них посвящены темам, звучащим гораздо менее безобидно.

В странах, где даже мысль до сих пор находится под контролем государства, особенно важны связи между представителями науки. Чтобы преодолеть сложность переезда через границы, в настоящее время ученые Варшавы, Будапешта и Нью-Йорка одновременно проводят семинары по философии на тему «демократия». Каждый семинар записывается на пленку, и участникам двух других стран посылается стенограмма. Кроме того, университеты дают переводчиков. В последние месяцы многие мало кому известные профессора вдруг обнаружили, что их услуги нужны многим, и их личные доходы начали быстро расти.

Вышеприведенные свидетельства напряженной деятельности западных и эмигрантских служб, внутренних оппозиционных элементов вызывают у здравомыслящего человека недоумение: неужели все эти люди сошли с ума? Разве так необходимы пути вместо реформ? Но, к счастью, среди сотрудников западного политико-пропагандистского аппарата есть деятели, подчас даже выступающие с публичными предостережениями, смысл которых сводится к известному «не гони лошадей».

Американская газета «Балтимор сан» (24.05.1988) опубликовала статью профессора Джерри Хофа, преподавателя политических наук в Университете Дьюка и научного сотрудника Института Брукинга. Хоф является одним из советников лидера демократической партии США Дукакиса и автором книги «Россия и Запад. Горбачев и политика реформ».

«Всем известно, что революция, совершенная «Солидарностью», и введенное затем военное положение привели к экономической катастрофе, в то время как спокойная эволюция привела к серьезному прогрессу в Венгрии. Всем известно, что успех реформы в Советском Союзе неизбежно будет означать большую либерализацию в Польше, а хаос в Польше укрепит позиции советских консерваторов и в конце концов приведет к вторжению. Всем известно, что не может быть рыночной экономической реформы, пока цены остаются заниженными, даже если мучительно тяжело платить более высокие цены, необходимые ради достижения этой цели.

Почему кто-то должен считать, что поляки настолько глупы, что поддержат группу экстремистов и подорвут либерализацию и экономическую реформу в Польше?

Довод о том, что подрывать все большую автономию — это безумие, победит во всей Восточной Европе, как это произошло сейчас в Польше с крахом забастовок, происходивших в этом месяце.

Такие настроения, вероятно, особенно сильны среди класса управляющих и среднего класса. Рабочие обладают слишком большой силой в современных коммунистических странах, им гарантирована работа, их нельзя наказывать, они покупают мясо по цене, составляющей одну треть реальной цены, и испуганные коммунистические руководители чрезмерно повышают им заработную плату.

Средний класс, класс управляющих и люди свободных профессий испытывают к этому такую же ненависть, как подобные им люди в Великобритании ненавидели власть БКТ и приветствовали Маргарет Тэтчер. Это не консервативно настроенные «бюрократы», а решительные сторонники реформы Горбачева, которая, в сущности, является реформой среднего класса.

Средний класс не только выступает за реформу, но, как и на Западе, он растет, а доля рабочих, особенно неквалифицированных, сокращается. На сегодняшний день 52% советского населения имеют среднее образование, в то время как в 1959 г. эта цифра составляла 14%. Даже образованные молодые рабочие не хотят всю жизнь стоять у станка, а стремятся к реформе, которая позволит им открыть свои магазины, мастерские, строительные фирмы и таким образом стать средним классом. Что заставляет нас думать, что образованные русские и поляки не хотят достичь такого прогресса?

Однако в одном отношении русские отличаются от поляков. Они живут в многонациональной стране. Если бы русские разрешили существование соперничающих партий, свободных профсоюзов или предоставили право на создание политических организаций, то нерусские народы — украинцы, азербайджанцы, латыши, казахи и т. д. — воспользовались бы правом голоса и своим правом на создание организаций, чтобы образовать мощные сепаратистские движения и партии. Советский Союз столкнулся бы с движениями за независимость в 20 своих «квебеках» (Квебек — одна из канадских провинций, известная своими сепаратистскими настроениями. — *Прим. Г. В.*), и некоторые из них могли бы добиться успеха.

Русские этого поколения не готовы столкнуться с возможностью распада страны или даже хаоса, вызванного сепаратистским движением, и, хотя они окажут решительную поддержку либерализации и реформе в рамках однопартийной системы, они не создадут свое движение «Солидарность» и поддержат Горбачева, когда он обрушится на организации, которые попытаются создать новую партию.

И не потому, что они хотят для себя рабства, а потому, что они боятся предоставить слишком большую свободу нерусским народам. И нерусские народы на территории Советского Союза, как поляки и венгры за его пределами, слишком хорошо это знают, чтобы добиваться недостижимой независимости и таким образом лишиться той более свободной жизни, которую им даст реформа.

Поэтому американцы сталкиваются с проблемой. Инстинктивно мы готовы поддержать экстремистов, которые требуют свободу «Солидарности», много-партийной системы и неограниченной эмиграции. Легко, сидя в Америке, требовать разных санкций, пока не будет достигнуто совершенство.

Но последствия такой политики ощущают на себе реальные люди, страдающие под гнетом диктатуры, люди, которые не могут позволить себе презирать даже постепенные, медленные реформы. Нам, как и полякам, которые не поддержали забастовку, надо научиться поощрять значительное, пусть и частичное, расширение прав человека в Восточной Европе и в Советском Союзе, которое стало сейчас возможным».

Кто слушает западные радиостанции?

Рецензент. Западные круги постоянно завышают процент тех, кто слушает передачи капиталистических радиостанций на языках стран Восточной Европы. Во-первых, это дает западникам основание считать эту пропаганду эффективной и требовать более крупных ассигнований от собственных правительств. Во-вторых, процент слушателей таких станций почему-то отождествляется с числом «несогласных с режимом».

Автор. В течение 1988 г. Советский Союз и ПНР прекратили глушение западных радиостанций. 6 января 1988 г. Е. Урбан отмечал, что это — проявление дальнейшей прогресса в отношениях с зарубежными странами, акт доброй воли в обеспечении свободы слова и одновременно отражение падения в польском обществе доверия к западным радиостанциям. На конец 1987 г., по словам Урбана, 78% опрошенных польскими социологами заявляли, что вообще не проявляют интереса к этим передачам. При этом радио «Свободная Европа» регулярно слушали лишь 2%, время от времени — 4% и редко — 9% взрослого населения страны. Доверие к западным радиостанциям как к источнику информации испытывали лишь 6,2% взрослого населения.

11 марта 1988 г. в польской печати появилось следующее сообщение «Центр по изучению общественного мнения польского радио и телевидения провел опрос с целью выяснить, какое количество людей в Польше слушает передачи западных радиостанций на польском языке. 80% опрошенных заявили, что решение с начала этого года прекратить глушение этих передач было правильным. В феврале 1988 г. количество слушателей не увеличилось, а, наоборот, сократилось. Так, передачи «Голоса Америки» слушали 15% опрошенных, а годом ранее — 18%. Аудитория слушателей Би-би-си сократилась с 12 до 11 %, «Радио Ватикана» — с 8 до 5%. Следует добавить, что все они не являются постоянными слушателями.

У западников данные другие. Пакет таких завышенных сведений приводится в докладе президенту США и конгрессу о деятельности американского Совета международного радиовещания за период с 1 октября 1986 г. до 30 сентября 1987 г. Американская пресса обычно широко комментирует ежегодные доклады совета, финансирующего из федерального бюджета радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа». Из федерального бюджета США на 1988 финансовый год РС — РСЕ выделено в общей сложности 219 млн долларов: 164 млн долларов — на по-

вседневную деятельность, 20 млн долларов — на модернизацию оборудования, 1 млн долларов — на деятельность Совета международного радиовещания, 34 млн долларов — на начало строительства передающей станции на территории Израиля.

В докладе отмечается, что после завершения строительства радиоцентра в Израиле к 1992 г. это будет одна из крупнейших передающих станций Запада, вещающая в коротковолновом диапазоне. Станция будет оснащена 16 передатчиками мощностью по 500 киловатт. 10 передатчиков будут транслировать программы РС — РСЕ, а шесть — программы «Голоса Америки». Как указывается в докладе, после ввода в строй новой станции резко расширятся возможности вещания на страны Восточной Европы, Афганистан и на советские республики Средней Азии.

В настоящее время РС — РСЕ располагает сетью из 45 передатчиков суммарной мощностью 7500 киловатт. Они расположены на территории Португалии, Испании и Западной Германии. Общий еженедельный объем вещания РС — РСЕ составляет 1070 часов. В 1984 г. радиостанция «Свобода» передала свои службы вещания на советские прибалтийские республики в ведение радиостанции «Свободная Европа». Как явствует из доклада, еженедельный объем радиовещания на СССР составляет: РС — 497 часов (без учета так называемой «балтийской службы вещания»), «Голоса Америки» — 215 часов, Би-би-си — 46 часов, «Немецкой волны» — 35 часов.

Что касается вещания на страны Восточной Европы, то тут картина следующая: РСЕ выходит в эфир в течение 573 часов (включая «балтийскую службу вещания») в неделю, «Голос Америки» — 110 часов, Би-би-си — 88 часов, а «Немецкая волна» — 73 часа.

С 1986 г. РС — РСЕ подключились к компьютерной службе «Совет», которая обеспечивает связь между различными центрами советских исследований в США и Западной Европе, отдельными советологами, дает им возможность обмениваться информацией и содержит значительный банк данных об СССР и других странах Восточной Европы.

Рецензент. В нашей прессе на долю «Свободной Европы» достается в основном площадная брань. Поделом, конечно. А архивариусы РС — РСЕ все эти нелестные отзывы учитывают и перед своим начальством ставят себе в заслугу — мол если идеологический противник ругает, значит, сильно ему досаждают. Да и реклама «голосам» бесплатная получается от такой пустой ругани. С 1988 г. наша политика в отношении западного, направленного на нас радиовещания на польском языке стала более гибкой. Мы их не глушим и даже регулярно передаем радиопрограмму с выборками из их передач. Соревноваться с ними надо, не врать, давать всестороннюю информацию оперативно, без искажений и замалчиваний.

Автор. Очень уж ловко используют они даже не столько наши недостатки, сколько отсутствие информации о положении дел в соседних братских странах или в советских союзных республиках. На первом Съезде народных депутатов СССР прозвучала, например, информация о том, как в действительности устанавливалась Советская власть в Прибалтике и Закавказье. Эти темы до той поры муссировали только западные радиостанции, которые на протяжении последних десятилетий будто поставили себе целью исправлять наши убогие учебники истории и обществоведения, беседовать с нами о религии, музыке и искусстве. Не-

плохие получались у них радиопередачи, только наша власть теряла на них свой престиж и авторитет. Отдавая им на откуп целые сферы общественной жизни, мы создали условия, для того чтобы они могли успешно вести разрушительную работу в сфере советских межнациональных отношений.

Рецензент. Интересно рассказать о результатах исследования на РС — РСЕ их аудитории в социалистических странах. Сомневаюсь, конечно, в достоверности этих данных. Когда организация сама оценивает перед налогоплательщиками собственную значимость, то преувеличения неизбежны.

Автор. С июня 1986 г. по февраль 1987 г., как говорится в докладе американского Совета международного радиовещания, сотрудники РС — РСЕ провели около 6 тыс. интервью с гражданами ПНР, ЧССР, ВНР, СРР и НРБ. На их основании авторы доклада делают вывод, что подавляющее большинство восточноевропейцев регулярно слушают западные радиопередачи: 86% в ПНР, 79% в ЧССР, 72% в ВНР, 82% в СРР и 82% в НРБ.

Руководство РС—РСЕ стремится представить дело так, будто у этих радиоцентров «самая большая аудитория» по сравнению с другими западными радиоцентрами. «Несмотря на глушение, 56% всего взрослого населения Польши слушают РСЕ, — утверждается в докладе. — В Венгрии и Румынии, где передачи РСЕ не глушатся, аудитория составляет 54 и 61% соответственно. В Чехословакии и Болгарии, где передачи глушатся, процент слушателей составляет соответственно 34 и 39%». Авторов доклада «вдохновляет», что после «незначительного сокращения» в 1983 г. численность аудитории «стабилизировалась на уровне примерно 52% общей численности взрослого населения стран Восточной Европы».

Основываясь на данных «выборочных опросов», они приводят следующие данные об аудитории слушателей западных радиостанций в социалистических странах:

В НРБ, согласно оценкам, у РСЕ 2,6 млн слушателей, у Би-би-си — 2,2 млн, у «Голоса Америки» — 1,6 млн, у «Немецкой волны» — 1,4 млн.

В ЧССР (оценки основаны на опросах 1398 человек) самую большую аудиторию имеет «Голос Америки» — 4,3 млн человек, РСЕ — 3,7 млн, австрийское радио — 2,5 млн и Би-би-си — 2 млн.

В ВНР (данные основаны на опросе 1286 человек) РСЕ слушают 4,2 млн, «Голос Америки» — 2,1 млн, Би-би-си — 1,4 млн и австрийское радио — 1,2 млн человек.

В ПНР (опрошено 1513 человек) РСЕ слушают 14,6 млн человек, 12 млн — «Голос Америки» и 9 млн — Би-би-си.

В СРР (опрашивалось 1352 человека) 9,5 млн человек слушают РСЕ, 4,9 млн — «Голос Америки» и 3,4 млн — Би-би-си.

«Исследование аудитории в СССР — более сложная задача», — сетуют авторы доклада. Они отмечают, что среди советских граждан, выезжающих за рубеж, «широко представлены те группы населения, в которых РС — РСЕ наиболее заинтересованы, а именно взрослые образованные жители городов». Ежегодно, указывается в докладе, проводится около 5 тыс. интервью с советскими гражданами, совершающими поездки за рубеж. Согласно последним оценкам (как оговаривается в докладе, эти данные «не являются точными»), РС — РСЕ «привлекает 7—9 млн слушателей в среднем за день». Что касается «службы вещания на национальных языках», то в докладе приводятся следующие данные: 15% «опрошенных» слушали

передачи РС на белорусском языке, 20% — на украинском языке, 17% — жители Средней Азии, 25% — на азербайджанском и 29% — на армянском языках 41% слушали передачи РС — РСЕ на Латвию на русском или латвийском языках. Авторы доклада высказывают озабоченность по поводу того, что недавнее прекращение глушения передач Би-би-си и «Голоса Америки» может «усилить конкуренцию» для РС — РСЕ.

Прекращение глушения западных радиостанций в СССР, ПНР и в ряде других социалистических стран было встречено ликованием заинтересованных империалистических кругов. Газета «Нью-Йорк Таймс» (5.01.1988) так отмечала эту новость:

«Вашингтон. Впервые за семь лет Советский Союз прекратил глушение передач на Польшу «Голоса Америки» и радиостанции «Свободная Европа», заявил директор «Голоса Америки».

В Лондоне Би-би-си также сообщила, что Советский Союз прекратил глушение ее передач на Польшу, позволив слушать передачи Би-би-си в Восточной Европе впервые с тех пор, как польский руководитель Войцех Ярузельский ввел военное положение в 1981 г.

Председатель Совета международного радиовещания США Малколм Форбс объявил на состоявшейся 30 ноября 1988 г. в Вашингтоне пресс-конференции о том, что в СССР прекращено глушение передач радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа».

«Прекращение глушения передач РС — РСЕ, — отметил Форбс, — является позитивным и достойным приветствия развитием событий. Прекратив подобную практику, представляющую собой нарушение ряда международных соглашений, подписанных СССР, Горбачев дал убедительное свидетельство его приверженности политике гласности». В свою очередь директор Информационного агентства США (ЮСИА) Чарльз Уик заявил в интервью агентству АП, что этот шаг является «еще одной вехой в стремлении Советского Союза стать приемлемым гражданином мирового сообщества, а не парией, каким он являлся до сих пор».

Газета «Вашингтон пост» (4.12.1988) поместила статью Дэвида Оттауэя, в которой, в частности, говорилось:

«Как заявили сотрудники американского Совета международного радиовещания, впервые за 35 лет Советский Союз отключил 2000 станций глушения и разрешил радиостанциям «Свобода» и «Свободная Европа» свободно транслировать на свою территорию передачи о событиях в Советском Союзе.

Радиостанции «Свободная Европа» и «Свобода», которые некогда находились в ведении ЦРУ, а теперь финансируются конгрессом и подчиняются назначенному президентом совету, начали транслировать передачи о событиях в Советском Союзе на СССР на следующий день после смерти Иосифа Сталина 5 марта 1953 г.

И Форбс, и его заместитель Уоттенберг считают, что Советы, судя по всему, убедились в том, что от 750 млн до 1,2 млрд долларов, которые они ежегодно расходуют на глушение радиопередач, являются в значительной мере пустой тратой денег, поскольку стало «очень и очень трудно» помешать советским гражданам слушать иностранные радиопередачи, особенно в сельской местности.

Как заявил Уоттенберг, по мере усовершенствования техники «становится все труднее и труднее создавать преграды для прослушивания радиопередач в различных уголках земного шара».

Рецензент. ЮСИА сообщало о том, что получило официальное разрешение на открытие корреспондентских пунктов радиостанции «Голос Америки» в Москве и в Варшаве. В Польше существует также возможность бесплатно принимать западные телепрограммы со спутников, смотреть в изобилии западные фильмы в кинотеатрах, по родному телевидению и даже по советскому, в сотнях публичных частных видеотек и по домашнему видео.

В вашей главе отмечается этот феномен идеологического и культурного поворота, малопривлекательный для наших аппаратчиков. Да ведь и у вас происходит то же самое. Вы совершенно правы, отмечая обилие западной кинопродукции в ПНР (с. 155), причем не всегда лучшей с моральной и с воспитательной точек зрения. Однако зрелищностью эти фильмы превышали польскую или советскую продукцию и потому пользовались успехом у массового зрителя. Если говорить о советских фильмах, то они не всегда были на уровне «Войны и мира», «Анны Карениной», «Тихого Дона» или «Дерсу Узала».

Рекламирование всей советской продукции как наилучшей пахло рекламой 50-х годов, а заманивание зрителей (специальными льготами, о которых сообщалось в газетах) приносило прямо противоположные результаты. Примерно также дело обстояло и со многими фильмами польских режиссеров. Фильм «Навылет», например, получил положительную оценку критиков, а зрительные залы были пустые.

Польские кинотеатры наводнены западной продукцией, особенно американской, писала центральная армейская газета «Жолнеж вольности» (12.09.1986). Анализ репертуара варшавских кинотеатров за 25 августа 1986 г. свидетельствует, что в этот день польскому зрителю предлагался 21 западный кинофильм, в том числе 15 американских лент. Они демонстрировались в 22 из 36 имеющихся в городе кинотеатров. Причем все премьеры состояли только из фильмов США. Что касается вечерних киносеансов, то они все были зарезервированы для фильмов западного производства.

По тексту второй главы хочу также отметить пафос вашей критики в адрес радиостанции «Свободная Европа». Она готовит передачи на потребу массового слушателя. В то время как на интеллигенцию в Польше главное влияние среди западных источников информации оказывал в 70-е годы парижский ежемесячник «Культура» на польском языке, издаваемый на американские деньги. Именно парижский журнал «Культура», а не РСЕ держал руку на пульсе польских событий так, что стал для части нашей интеллигенции толкователем жизни и, к сожалению, закулисным дирижером.

На сегодня ситуация изменилась — то, что издавалось прежде в Париже, можно с таким же успехом втихую печатать в варшавской квартире. Вот как описывал это положение журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» (16.05.1988):

«Польская подпольная пресса стала опорой альтернативного общества. Неофициальные издания настолько вездесущи, что их даже трудно называть подпольными. Некоторые писатели, например сатирик Тадеуш Конвицкий, направляют свои рукописи одновременно в официальные и неофициальные издательства. «Нова», крупнейшее неофициальное издательство, выпускает более трех десятков наименований книг в год общим тиражом более 250 тыс. экземпляров. Среди примерно 200 газет существуют такие ежеквартальные издания, как «Критика», предназначенные для интеллигенции, и еженедельник «Роботник», предназначенный для рабочих. Когда начинаются забастовки или демонстрации, печать спешит собрать новости. Когда на прошлой неделе забастовки распространились из Нова-Гуты на предприятия в Сталева-Воле, стали появляться информационные бюллетени, распечатанные на компьютерах, — это большой прогресс по сравнению с теми днями, когда листовки печатали на машинках под копируку».

Частное предпринимательство — один из самых быстрорастущих секторов общества в Польше, причем предприятия специализируются в самых разных областях, от пошива одежды до импорта компьютеров. Один из кооперативов электронной техники действует под руководством двух активистов «Солидарности», которые были заключены в одну камеру во время военного положения.

В стране появилось столько частных студий звукозаписи, что официальные студии простаивают без дела. Ассоциация архитекторов издает толстый журнал под названием «Мурагор», в котором даются советы по строительству частных домов и называются места, где можно достать дефицитные материалы. Организация, называющая себя клубом любителей природы, продает готовые окна с рамами. По одной оценке официальной печати, частный сектор производит 35% всех товаров и 55% услуг на внутреннем рынке. Если включить сюда и сельское хозяйство, то на частное предпринимательство будет приходиться более трети валового национального продукта Польши.

Такие независимые виды деятельности привносят разнообразие в систему, не терпящую плюрализма. В долгосрочной перспективе это чревато неприятностями для контроля коммунистической партии».

Оппозиция застою средствами бизнеса и культуры

Автор. У меня сложилось впечатление, что часть польской интеллигенции «пошла в бизнес», решила заняться накоплением первоначального капитала и таким образом заявить обществу о своей экономической независимости. При всех случаях это лучше, чем прозябать в безденежье или эмигрировать. Листая только что цитировавшийся вами номер американского еженедельника, хочу обратить внимание на очень резкий пассаж в той же самой статье Дугласа Стэнглина:

«Для поляков забастовки связаны главным образом не с низкой заработной платой и баснословным ростом прожиточного минимума и даже не с резким повышением цен на обувь и мясо. Польское общество, как и общество других стран Восточной Европы, уже более сорока лет расколото на «нас» и на «них». Главный вопрос — законность: кто имеет право управлять страной — коммунистическая партия или народ? Польская цепочка восстаний и репрессий началась в 1970 г., а в 1981 г. завершилась подавлением самого смелого вызова — «Солидарности», первого независимого профсоюза восточного блока. В каждом случае власти одерживали победу, но лишь ценой углубления пропасти между правителями и подданными.

Сегодня складывается впечатление, что эта пропасть непреодолима. Нигде она не является столь глубокой, как в Польше. Через две недели после начала последней конфронтации Ярузельскому приходится пытаться навязать свою волю, не имея народной поддержки. Он представил в парламент план, направленный на запрещение забастовок и других протестов до конца года, а также на то, чтобы дать правительству нечто типа неограниченной власти над экономикой — от замораживания заработной платы и цен до закрытия и слияния предприятий. Независимо от того, уступит ли он требованиям рабочих о повышении заработной платы или подавит их выступления главным образом силой, он рискует вызвать новые забастовки, несмотря ни на какие запреты. К примеру, избрав неправильный подход к студенческим волнениям, он может толкнуть студентов к альянсу с рабочими, разрушить который будет трудно.

Проблема Леха Валенсы, которая разворачивается на глазах мировой аудитории, не менее сложна. Решение Валенсы взять на себя руководство забастовкой на Гданьской судоверфи, где в свое время зародилась «Солидарность», было слишком смелым, чтобы власти могли его игнорировать. Однако применение дубинок и слезоточивого газа против лауреата Нобелевской премии М0ло бы помешать улучшению отношений с Вашингтоном, перечеркнуть надежды на новые западные кредиты.

Несмотря на напряженность, все стороны — церковные посредники, рабочие, правительство, — по-видимому, ведут себя осторожно. Власти подчеркнули, что выступление против забастовщиков на металлургическом комбинате в Нова-Гуте, близ

Кракова, было «чрезвычайной мерой», а не отходом от политики реформ и примирения.

Лидеры оппозиции говорят, что разделение власти, быть может, даже коалиционное правительство — единственный выход из кризиса, требующего жертв от всех. «Власти напрасно истратили восемь лет, — говорит представитель «Солидарности» Януш Оньшкевич. — Без «Солидарности» проблем страны не решить».

Независимый профсоюз является самым заметным звеном в огромной сети альтернативных структур в Польше. Когда в 1983 г. было отменено военное положение, оппозиция начала целеустремленную работу по подрыву контроля партии над повседневной жизнью. Художники и скульпторы, которые стали быстро игнорировать официальные институты, сейчас проводят до ста частных выставок в год, в основном в церковных зданиях, вне зоны досягаемости властей. «Солидарность» дала людям ощущение, что они могут влиять на ход событий», — говорит Тереза Богуцка, которая принимает участие в организации частных выставок. Дискуссии процветают на частных квартирах и в церковных подвалах, затрагивая столь деликатные темы, как польско-украинские отношения и плюрализм в условиях социалистического государства. Учителя истории советуют школьникам противостоять государственной пропаганде. Лидер «Солидарности» Яцек Куронь призывает поляков участвовать в этих мероприятиях, «чтобы вернуть себе власть над своей жизнью».

Мораль сей журнальной басни такова — заинтересованные западные круги стремятся стравливать разные общественные группы и этим оказывать влияние на расстановку политических сил в Польше. Ведь самые весомые мнения американской прессы десятикратно цитируются по «голосам» и перепеваются в оппозиционной польской прессе.

Рецензент. Политические требования оппозиции начинают с 1988 г. превалировать над экономическими. Хотя в среде рабочего класса таких изменений не произошло. Что же касается интеллигенции, то тут замах оппозиции и поддерживающих ее внешних сил сводится к пропаганде тезиса о некоей разладе между социалистическими странами. Если официальная наша пропаганда твердит о необходимости опоры на то общее, что объединяет союзников, то идеологический противник упирает на имеющиеся объективные противоречия.

Автор. В подтверждение вашего тезиса о западной трактовке положения в соцстранах стоит привести выдержки из статьи в английской газете «Дейли телеграф» (12.07.1988), где можно было прочесть следующую, как мы раньше любили выражаться, «клеветническую инсинуацию».

«Из всех народов Восточной Европы поляки более открыто, чем кто-либо, отвергают коммунизм и больше всего противятся доминирующей роли Советов. Россия не может себе позволить игнорировать непредсказуемость Польши, у которой не только есть веские причины, продиктованные историей и современностью, противиться ее власти, но и которая обладает также альтернативным центром власти в лице римской католической церкви. Но если Горбачеву удастся хотя бы ослабить такое настроение унаследованной ненависти, а тем более обратить эту тенденцию вспять, он преодолет одну из самых серьезных потенциальных опасностей, грозящих его планам изменений мирным путем в советском блоке.

Важное значение предстоящих визитов советского руководителя в Краков, культурный центр страны, и Щецин, один из важных центров рабочих волнений в прошлом, заключается в их символическом значении для страны, приверженной традиции исторической преемственности. Для человека, занимающего такое положение в коммунистическом мире, как Горбачев, посещение любых польских судоверфей, пусть даже не в Гданьске, на родине «Солидарности», означает сделать большой шаг на пути к нарушению табу.

В конце концов ведь Горбачев может сделать то, чего не может польский руководитель — генерал Ярузельский. Он умеет общаться. Самый большой парадокс в связи с его поездкой, возможно, заключается в том, что он оказывается более опасным для генерала Ярузельского, чем десяток визитов папы на свою родину. Если верить результатам недавних опросов общественного мнения, советский руководитель уже пользуется в Польше большей популярностью, чем сам Ярузельский».

Рецензент. На сегодня граждане Польши и советские люди близки друг другу больше, чем когда-либо. Это, вероятно, главный итог развития польско-советских отношений за последние годы. И польская интеллигенция способствовала этому процессу, развивая все формы творческих, научных и деловых контактов между нашими странами. В 1988 г. польский писатель Я. Пшимановский издал на русском и польском языках книгу «Память», где поименно назвал 78 тыс. советских воинов, сложивших голову между Бугом и Одером. С января 1989 г. еженедельник «Жиче литератке» начал публикацию романа А. Солженицына «В круге первом». Считаю, что ни польский, ни советский читатели ничего не потеряли бы, прочитав лучшие произведения и В. Аксенова, А. Зиновьева, В. Некрасова, А. Сахарова.

Рассуждая на темы о литературных и политических взаимосвязях между нашими странами, хорошо было бы чаще слышать мнения профессионалов, которым одинаково близки культуры ПНР и СССР.

Автор. Если бы лучшие советские специалисты по Польше имели возможность открыто публиковать свои соображения, если бы широкое хождение имели в нашей стране переводы всего основного, что публикуется в прессе ПНР или в польских книжных издательствах (а такие переводы и рефераты делаются, но с ограничительным распространением «по верхам»), то надобность в нашей книге отпала бы сама собой. Нас с вами хватило бы в лучшем случае на одну газетную полосу. Но и в таком кратком диалоге я бы попросил вас высказаться о Лехе Валенсе, Анджее Вайде и Чеславе Милоше.

Рецензент. Согласен прокомментировать то, что вы написали об этих польских деятелях. Что касается Ч. Милоша, то присуждение ему Нобелевской премии вызвало удивление в самых различных кругах нашей интеллигенции. У нас есть литераторы, вклад которых в национальную культуру более значителен, — к примеру, Ежи Анджеевский. И вряд ли стоило вам клеить Ч. Милошу ярлык профессионального антикоммуниста. В январе 1989 г. советская «Литературная газета» напечатала подборку стихов Ч. Милоша...

Лех Валенса прямо признал в своем 600-страничном автобиографическом повествовании «Путь надежды» (Париж, 1987), что присуждение ему Нобелевской премии мира было политическим актом, нейтрализующим ту ненависть, с какой обладала его помоями официальная пропаганда. И здесь с Валенсой трудно не согласиться, учитывая, что некоторые пропагандистские акции властей проводились в духе сталинских методов. Вице-премьер М. Раковский во время транслировавшейся по телевидению встрече с судостроителями Гданьска в августе 1981 г. склонял имя Л. Валенсы так, что позже был вынужден извиниться перед ним. Газета «Штандар млодых» (3-5.11.1984), польское радио и телевидение даже обнародовали выдержки из перехваченных специальными службами телефонных разговоров Л. Валенсы...

О творчестве А. Вайды вы ждете от меня, вероятно, более пространных слов, так как уделили ему немало страниц. Извольте получить очередную порцию кри-

тики по поводу вашей оценки трех его фильмов — «Человек из мрамора», «Человек из железа» и «Рабочие-80». Восприятие этих фильмов зрителем — дело всегда индивидуальное. Но стоило ли вам рвать на себе волосы из-за отдельных киноэпизодов, особенно там, где речь идет о роли социалистического соревнования, которое в Польше было не чем иным, как копированием (часто бездарным и вульгарным) стахановского движения в СССР. А о Стаханове мы читаем в советской прессе, что он был не только обманщиком, но еще и использовал работу своих товарищей, приписывая себе ее результаты. Не следует также лить слезы и над затронутыми в фильмах Вайды проблемами работы польского суда и милиции тех лет, так как все военные и административные органы ПНР несут ответственность за свои тягчайшие преступления, совершенные в конце 40-х и в 50-х годах.

На с. 158 вы саркастически замечаете, что за все его заслуги Вайде причиталась бы Нобелевская премия, если бы таковая была предусмотрена. Он и получил две премии в 1988 г. первую — за все творчество в целом от японского концерна (250 тыс. долларов, то есть значительно больше Нобелевской) и вторую. . в Москве! Осенью того же года в столице СССР состоялся просмотр фильмов Анджея Вайды (месяцем ранее такой же просмотр был организован Кшиштофу Занусси), на котором советскому зрителю были представлены не только фильмы, критикуемые вами, но и другие тоже. В знак признания Союз советских кинематографистов счел Анджея Вайду достойным возглавить Московский международный кинофестиваль в 1989 г. Недавно (в марте 1989 г.) наш режиссер признался, что он активно работает над фильмом о Катыни, а также о советской перестройке.

3. КАК БЕЛЫЙ ДОМ БОРЕТСЯ С СОЦИАЛИЗМОМ

Польша была избрана объектом подрывной деятельности США и других империалистических держав в странах Восточной Европы еще в 50-х годах. Тогда ЦРУ развернуло «полномасштабную секретную войну» против Венгрии, Польши, Чехословакии и ГДР, целью которой было спровоцировать в этих странах выступления против народной власти.

Американские руководители Дуайт Эйзенхауэр и Джон Фостер Даллес фактически подстрекали поляков к решительным действиям, обещая им всяческую помощь, отмечал американский историк П. Ван-дыш. Он подчеркивал, что, с точки зрения США, прямое вмешательство было тем более нерационально, что «поляки удовлетворились мирным исходом внутреннего кризиса» в 1956 г. Политику США тех лет Вандыш считает возможным оценивать как «осторожную» и «ограниченную главным образом экономической помощью странам Восточной Европы».

В русле «холодной войны»

В результате неудач политики «холодной войны» в США в конце концов одержала верх концепция комбинированных военно-политических акций: было решено, продолжая ориентироваться на окончательную военную победу над социализмом, осуществлять в то же время реальные политические маневры.

Именно такую комбинированную стратегию применяли США против Польши в 1956 г. Волнения в этой стране и надежды империалистов на то, что В. Гомулка выступит за отрыв Польши от социалистического содружества государств, вызвали к жизни «Программу помощи Польше» — комплекс экономических мероприятий, направленных на поддержку сепаратистских настроений.

З. Бжезинский так оценил эту экономическую помощь: «Успешные попытки Гомулки взять власть и удержать ее в своих руках укрепили Соединенные Штаты в их уверенности, что осторожное оказание экономической помощи и развитие культурных контактов с Польшей могли бы поддержать стремление этой страны к независимости и тем самым послужить заразительным примером для других восточноевропейских стран... Эта помощь, безусловно, сыграла свою роль, ибо

Автор Г. Вачнадзе предупреждает! Страницы 90 — 106 были написаны им в 1982 году...

позволила полякам продолжать их новую аграрную политику и поддержала их волю к сохранению своей самостоятельности». С 1957 по 1963 г. США предоставили Польше 900 млн долларов.

Впервые примененная по отношению к ПНР «дифференцированная восточная политика», наиболее видными проводниками которой были Г. Киссинджер, М. Тэйлор, Дж. Кеннан и З. Бжезинский, окончательно проложила себе дорогу и одержала верх в американской внешней политике со вступлением на пост президента США Дж. Ф. Кеннеди.

Бжезинский писал: «Смысл и назначение американской экономической помощи — содействовать тому, чтобы правительства стран Восточной Европы могли получить больший объем внешнеполитической свободы, после того как они (хотя бы частично) обеспечат себе независимость от Москвы и начнут предоставлять населению своих стран больше внутривластных свобод... Возможность получения американской помощи улучшала бы позиции восточноевропейских стран на переговорах с Москвой, мешая ей злоупотреблять своей экономической мощью в репрессивных целях и принуждая ее увеличивать свою экономическую помощь Восточной Европе. Американская помощь использовалась бы, таким образом, не столько для расширения внутривластных свобод, сколько для укрепления позиции национализма».

Польша заняла первое место среди восточноевропейских стран, которые получили американскую помощь; временами ей даже предоставлялся режим наибольшего благоприятствования.

В планах Бжезинского этой стране отводилась также важная политическая роль: углублять противоречия между Польшей, с одной стороны, и Чехословакией и ГДР — с другой, форсируя в то же время «примирение» между ФРГ и ПНР, чтобы направлять польский национализм против Советского Союза.

В этой связи Бжезинский критиковал позицию христианско-демо-кратического правительства ФРГ в отношении границы по Одере — Нейсе, поскольку оно своими откровенно реваншистскими претензиями мешало «переменам через сближение».

Новым явлением была диверсия с использованием растущих возможностей культурного, научного и туристического обмена. Джон Кеннеди писал по этому поводу в 1960 г.: «В Польше уже имеются возможности для проявления большей американской инициативы, оказания помощи, развития торговли, туризма, обмена информацией, студентами и преподавателями, для использования нашего капитала и нашей техники в целях повышения жизненного уровня польского народа. Более тесные отношения с нами мы могли бы предложить и другим так называемым поработанным нациям».

Культурные обмены с Польшей стали как бы улицей одностороннего движения для усиления влияния западных стран в ПНР. Аналогичным образом развивался и научный обмен. В 1964 г. фонд Форда выделил 2,3 млн долларов на цели «стимулирования» научного обмена с ПНР. Показательно, что обмен студентами между США и Польшей численно превышал, к примеру, соответствующий обмен между США и СССР более чем в 5 раз. Еще один пример, в регулярно издававшемся в ПНР с середины 60-х годов «Польском социологическом бюллетене» воспроизводились статьи американских социологов по теоретическим и методологическим вопросам без всяких польских комментариев.

Одним из важнейших проявлений идеологической конфронтации ! стала картеровская «кампания в защиту прав человека». «Речь идет об открытии советской империи для общения с внешним миром. Поэтому Картер поступает разумно и осмотрительно, связывая свою политику не со старыми, изношенными антикоммунистическими лозунгами, а с требованиями обеспечения прав человека и свободы информации», — писала западногерманская газета «Вельт» (9.06.1977).

США с их «курсом на мирное проникновение» в страны Восточной Европы и не думали расставаться с мыслью о ликвидации социалистического строя в этих странах. Их компромисс или, точнее, уступка здравому смыслу и объективной реальности состояла лишь в том, что они были согласны на превращение стран народной демократии в «режимы, сходные по статусу с Финляндией».

Маски ЦРУ

К началу первой мировой войны в США проживало 800 тыс. поляков. После второй мировой войны к ним добавилось еще 3,6 млн человек, в результате чего сейчас поляки в США — крупнейшая этническая группа. «Полония» объединяет, таким образом, весьма разнородные элементы «старой» и «новой» эмиграции, среди которых антикоммунистическая деятельность правых не проходит бесследно.

Созванный «Полонией» в 1978 г. съезд представителей всех ее организаций в США вынес решение «оказывать финансовую помощь ПНР, поддерживать католическую церковь и диссидентов». В ответ на внесенные в Конституцию ПНР в 1976 г. изменения «Полония» потребовала от американского конгресса «пересмотреть экономические и культурные отношения между США и ПНР» в сторону их ужесточения. В июле 1976 г. «Полония» провела кампанию «в защиту польских рабочих от преследований» и собрала значительные средства в «поддержку борющихся поляков».

Используя экономические рычаги давления, США добились от польских властей снятия практически всех ограничений на въезд в Польшу членов эмигрантских организаций, которые хлынули туда сотнями тысяч. Уже к концу 1978 г. только из США в Польшу ежегодно приезжало до 120 тыс. американцев польского происхождения, часть из которых оставалась там на длительное время, 10 тыс. американских граждан проживало в ПНР в ноябре 1981 г. Среди этой публики было немало людей, откровенно враждебных социализму, а также и прямых агентов американской разведки. В компанию «друзей польских рабочих» в Америке записались бывшие аристократы и помещики, прихлебатели нацистов и другая публика, бежавшая в свое время из Польши, но возмечтавшая сейчас вернуть себе былые потери, пусть это был магазин в Варшаве или целая текстильная фабрика в Лодзи.

Увеличились контакты и в обратном направлении. Польские диссиденты стали чаще выезжать на Запад с целью налаживания там непосредственных рабочих контактов с кругами, заинтересованными в их деятельности.

25 сентября 1981 г. в Нью-Йорке состоялась пресс-конференция в связи с открытием в этом городе информационного бюро «Солидарности» в США под названием «Друзья независимого польского профсоюза «Солидарность-инкорпо-

рейтед». За вывеской «Солидарность-инкорпорейтед», просуществовавшей два месяца, легко просматривались американские спецслужбы. В качестве прикрытия ЦРУ использовало и в этом случае реакционных лидеров американских профсоюзов.

Президент новоявленной некоммерческой корпорации З. Пшетакевич, член КОР в «Солидарности», прибывший в США в качестве «туриста», представил журналистам своих коллег — Байарда Растина, назначенного исполнительным директором корпорации, и Тадеуша Валендовского, также коскоровца, президента организованного в 1980 г. в США «Центра по наблюдению за Польшей». На пресс-конференции был и агент ЦРУ Альберт Шенкер, он же председатель американской профсоюзной федерации учителей, взявший на содержание посланца «друзей польских рабочих» вместе с его сотрудниками и приютивший «информационное бюро» в помещении федерации на Парк-авеню саут, 260.

Именно перед активистами профсоюза Шенкера президент Картер в августе 1980 г. впервые публично выразил обеспокоенность в связи с «подлинными правами профсоюзов Польши».

Профсоюз Шенкера входит в реакционное объединение американских профсоюзов АФТ — КПП, председатель которого Лейн Керклэнд лично принимал 35-летнего Пшетакевича, заявив при этом журналистам (Нью-Йорк Таймс. 1981. 10 сентября): «Мы постоянно поддерживаем тесный контакт с «Солидарностью». Мы собрали для нее 300 тыс. долларов». Возможно, что и гораздо больше. У АФТ — КПП имеется богатый опыт по части субсидирования антисоциалистических диверсий. Это объединение поддерживало некоторые тайные операции в Польше и Венгрии накануне и во время событий 1956 г. В частности, при активном участии АФТ — КПП был собран фонд в 850 тыс. долларов в поддержку венгерских контрреволюционеров.

Профсоюзное объединение АФТ — КПП всегда выступало в качестве подставной «общественной» и независимой якобы от правительства организации, которая служила ширмой для подрывных действий ЦРУ, защищая интересы не рабочих, не трудящихся, а самых реакционных американских корпораций. 4 сентября 1980 г. президент Дж. Картер выступил перед 35 членами генерального совета профобъединения АФТ — КПП, в котором признал, что забастовочного путча в Гданьске в августе месяце могло и не быть, «если бы не солидарность и поддержка свободных профсоюзов всего мира, и в первую очередь АФТ — КПП».

4 сентября 1980 г. генеральный совет АФТ — КПП по инициативе председателя Л. Керклэнда утвердил решение о покупке для «Солидарности» крупной печатной машины шведского производства и учредил фонд помощи польским рабочим с первоначальным взносом 25 тыс. долларов. Ко 2 декабря 1980 г. в этом фонде было уже 140 тыс. долларов. Распоряжаться этими средствами было поручено одному из реакционнейших лидеров АФТ — КПП, Ирвингу Брауну, агенту ЦРУ с 1948 г.

Для сбора информации, обработки «нужных» людей ЦРУ активно использовало дипломатические приемы, просмотры кинофильмов, выставки и т. п. По словам варшавского журнала «Загаднения и материалы» (17.02.1982), постоянными посетителями посольств США, Франции, Англии и ФРГ в Варшаве были ли-

деры и советники «Солидарности», КОС — КОР, КНП и других антисоциалистических группировок. От них сотрудники спецслужб получали нужную информацию, и, как заявил на одном из приемов Я. Онышкевич, с ними, будущими членами руководства Польши, велась «партнерская» беседа.

Одной из наиболее активных эмигрантских организаций, поддерживающих подполье «Солидарности» в ПНР, выступает «Комитет помощи «Солидарности». Он возник в Нью-Йорке после введения в Польше военного положения и действует в тесном контакте с администрацией, конгрессом США, руководством профобъединения АФТ — КПП, а также с Северо-американским и Европейским институтами по изучению польских проблем.

Комитет ратует за организацию «движения сопротивления» на польских предприятиях и особенно в вузах, рекомендует создавать законспирированные группы активистов «Солидарности» прежде всего из студентов и учащихся лицеев. Эти группы должны осуществлять «акции протеста и диверсии. Комитет пытается разместить на Западе в максимальной близости к польской границе радиовещательную станцию «Солидарности». Он занимался созданием на территории Англии, ФРГ, Франции и США летних лагерей по обучению молодых активистов «Солидарности».

«Революцией в масках» назвал чисто политическое движение «Солидарность» главарь КОС — КОР Я. Куронь. Согласно правилам западной игры, местная и внешняя реакция, чтобы уничтожить существующий в ПНР строй, должна была его «улучшать» до тех пор, пока от него ничего не останется. Рядом с польскими оппозиционерами, загримированными под профсоюзных деятелей, мнимых защитников рабочих, крестьян, интеллигенции, выступали люди ЦРУ. Среди них много иностранных дипломатов, журналистов, профсоюзных и культурных деятелей, ученых, бизнесменов, финансистов, священников — тоже все в масках радетелей за польские интересы.

В действительности интересы были американские, империалистические, диаметрально противоположные помыслам тех, кто печется о благе и независимости польского государства.

Польская политика Картера — Бжезинского

Президент Дж. Картер первый свой официальный зарубежный вояж в 1977 г. совершил в Польшу в сопровождении своего помощника по национальной безопасности Збигнева Бжезинского. Случайность или проявление особого интереса к Польше, знак особой симпатии и поддержки ее контрреволюционным силам? Четыре года, с декабря 1976 по ноябрь 1980 г., внешнею политику США в отношении социалистических стран Европы формировал человек, который говорил по-английски с польским акцентом, был поляком по месту рождения и по происхождению.

Ведь это именно Бжезинский был главным внешнеполитическим советником Дж. Картера — кандидата в президенты во время его предвыборной кампании. Именно Бжезинский познакомился в 1973 г. с провинциальным политическим деятелем американского Юга Картером, посчитал возможным ввести его в состав влиятельнейшей Трехсторонней комиссии, организованной по инициати-

ве Дэвида Рокфеллера и объединяющей ведущих политиков, бизнесменов и ученых США, Западной Европы и Японии.

Бжезинский внес свою лепту в «польское направление» политики США, ища и не упуская случая «все в Польше исправить», как он сам выражался. Сын крупного польского дипломата довоенного периода, он мечтал стать президентом своей страны. Детские сны не сбылись, а перспективный польский эмигрант стал в Америке самым ярким противником социалистической Польши. Всю свою сознательную жизнь он давал советы американским политикам в отношении Польши.

В 1957 г. Бжезинский выступал за нейтрализацию стран Центральной Европы. В 1961 г. при общем курсе Дж. Кеннеди на «мирное проникновение» он требовал немедленного открытия двух консульств (во Вроцлаве и Щецине) «для демонстрации признания США прав Польши на западные земли». Очередным проявлением «патриотических чувств» Бжезинского было его участие в 1967 г. в дискуссии о судьбе радиостанции «Свободная Европа». Будучи членом Совета политического планирования, он призвал к расширению деятельности этой подрывной радиостанции. В книге «Альтернатива расколу: за более широкую концепцию роли Америки в Европе» (1967 г.) Бжезинский писал о необходимости примирения ПНР и ФРГ, добиваясь тем самым «более широких контактов Польши с Западом». Он выступал за разрядку, уже будучи помощником президента США в конце 70-х годов, отмечая «возможность достижения большей свободы... и благоприятных изменений» в Польше.

Предостерегая официально американские спецслужбы и «общественные» организации от действий, которые можно было бы расценить как вмешательство во внутренние дела ПНР, Белый дом молчаливо соглашался на активную поддержку оппозиционных польских сил через каналы ЦРУ, АФТ — КПП, прессу и подрывные радиостанции. Американские меценаты от контрреволюции декларировали свою поддержку «независимому» профдвижению в Польше, отнюдь не руководствуясь стремлением помочь польским рабочим. Повторим еще раз эту простую мысль. Кризис в Польше, создание «реформированных», «самостоятельных» профсоюзов хотели использовать как таран против социалистического строя.

Американское правительство, госдепартамент со своей стороны также участвовали в кампаниях по «интоксикации» мирового общественного мнения, по воссозданию атмосферы ожесточенной «холодной войны». «Войдут или нет русские в Польшу?» — этот рефрен был главной темой пресс-конференций президента США в начале декабря 1980 г. Каким образом накаляли тогда обстановку? А хотя бы сообщениями о том, что ночью в Кракове на заснеженной центральной пло-Щади Ринек появилось несколько танков Советской Армии с пятиконечными звездами. Русские!!! Давят польскую брусчатку тяжелыми гусеницами своих танков!!! Хотя в США прекрасно знали — и об этом несколько раз сообщало краковское телевидение, — что в городе американской кинокомпанией снимался фильм на военную тему. Конфуз? Ничуть не бывало.

Главы дипломатических представительств двадцати западных государств в Вашингтоне уже начали привыкать в конце 1980 г., к периодическим вызовам в госдепартамент, где им показывали расшифрованные снимки с американского

спутника-шпиона и заявляли, что «следует ждать» или «нельзя исключить» «в ближайшем будущем» ввод войск в Польшу с Востока. На снимках изображались места квартирования или учебные полигоны советских воинских частей, находящихся в ПНР после войны. Разрешающая способность телеобъективов спутника-шпиона, специально запущенного осенью 1980 г. для работы над польской территорией и прилегающими к ней районами, была высокая. На фотографиях из космоса действительно можно было видеть знаки различия на погонах или определить, чем закусывает человек у пивной стойки под открытым небом — орешками или сухарями.

Тандем Картера — Бжезинского делал все, чтобы еще больше обострить обстановку в Польше. Уже уходя с политической сцены после поражения Дж. Картера на президентских выборах, тогда же, в ноябре 1980 г., Бжезинский провел серию встреч с рядом польских политологов, находившихся в США в качестве стажеров-исследователей и преподавателей по программе научного обмена с ПНР. Бжезинский ставил своим собеседникам провокационные вопросы, призывал к тому, чтобы «польские оппозиционные силы оказали вооруженный отпор» властям, осуществляли бы еще больший нажим на правительство. В этих беседах говорилось, что Польша и ее экономика «вошли в полосу анархии» и что этим силам следует использовать данное обстоятельство для дестабилизации положения в стране и закрепления своих позиций.

Санкции Рейгана

«Американцам не следует способствовать слишком резкому изменению отношений между СССР и странами Восточной Европы» — эта туманная, хотя и благоразумная на первый взгляд концепция советника государственного департамента Хельмута Сонненфельда была сформулирована еще при Никсоне. События в Польше и возвращение республиканской администрации в Белый дом вновь выдвинули «доктрину Сонненфельда» на первый план.

Сразу после победы Рейгана на президентских выборах крупнейшие западные органы печати изложили суть нового толкования политических надежд США в социалистических странах Европы, ссылаясь на слова самого Сонненфельда: «Мы должны недвусмысленно продемонстрировать нашу симпатию полякам и тем жителям Восточной Европы, которые борются за либерализацию в своих странах. Мы должны также дать понять Москве, что вмешательство в Польшу стоило бы ей очень дорого в плане экономических и дипломатических отношений с западными странами. Но в то же время мы должны дать понять русским, что мы не будем использовать «новый расклад» в Восточной Европе для того, чтобы поставить под удар их безопасность. Короче говоря, мы должны прийти к своего рода финляндизации Восточной Европы, для того чтобы не повторились события, которые произошли в свое время в Будапеште или Праге» (Пуэн. Париж. 1980. 18 ноября).

В переводе с дипломатического языка на обычный это означало, что США желали бы осуществить «демонтаж социализма» в странах, лежащих у западных границ СССР, без риска всеобщей ядерной войны, так сказать, по договоренности.

Комментируя подход окружения президента Рейгана к польским событиям, осведомленный вашингтонский обозреватель С. Розенфельд писал 15 декабря 1980 г.: «США не должны отговаривать от борьбы за свободу поработанные народы только потому, что такая борьба причинит неудобства западной дипломатии. США скорее должны предложить любую поддержку, на которую они способны, исходя из того, что сопротивление, включая военные столкновения, может полыхать в Восточной Европе десятилетиями до тех пор, пока она не будет окончательно свободной».

Время показало, что лагерь Рейгана так и действовал по отношению к Польше и другим социалистическим странам. Заметно усилились подрывная пропаганда США на Польшу и деятельность американской разведки в этой стране. 26 марта 1981 г. сенат США единогласно высказался в поддержку заявления президента о том, что США будут помогать Польше экономически лишь при условии, что польские власти не станут «притеснять» антисоциалистические силы.

31 июля 1981 г. конгресс США предпринял аналогичную акцию, нацеленную на обострение обстановки в Польше и означающую прямое вмешательство в ее внутренние дела. Палата представителей одобрила резолюцию, в которой делается попытка навязать польскому правительству и народу американские условия решения стоящих перед страной проблем.

Провокационную направленность этой меры достаточно ясно раскрыл председатель комиссии палаты по иностранным делам К. Заб-лоцкий. Он заявил, что Соединенные Штаты не останутся безразличными «к любым мерам внутреннего подавления» в Польше.

Поистине истерической была реакция Вашингтона на создание в Польше Военного совета национального спасения и введение в стране военного положения 13 декабря 1981 г.

Белый дом и госдепартамент сразу же выступили с требованиями «возродить условия», необходимые для продолжения «политических экспериментов» в Польше, иначе говоря, предоставить полную свободу действий контрреволюционерам. Не скрывая, что события в ПНР для США — предмет не только политического, но и стратегического интереса, Белый дом официально объявил о создании специальной «рабочей группы» по Польше (по имеющимся сведениям, «неофициально» она действует уже давно), которая с 13 декабря начала работать круглосуточно. Любопытно, что возглавил ее высокопоставленный сотрудник госдепартамента США Джон Д. Скэнлэн, который, по данным справочника «Кто есть кто в ЦРУ», изданного в Берлине, с 1956 г. числился в госдепартаменте и ЦРУ одновременно, работая в посольствах США в Анкаре, Белграде, Москве, Варшаве и Монтевидео.

16 декабря президент Рейган создал еще одну «специальную группу по изучению ситуации» во главе с вице-президентом Бушем «для оценки национального кризиса в Польше». В состав этой группы помимо вице-президента вошли государственный секретарь Александр Хейг, министр обороны Каспар Уайнбергер, советник президента Эдвин Мизз, руководитель аппарата сотрудников Белого дома Джеймс Бейкер, заместитель руководителя аппарата сотрудников Белого дома Майкл Дивер, исполняющий обязанности помощника президента по национальной безопасности Джеймс Нэнс, Директор ЦРУ Уильям Кейси и председа-

тель комитета начальников штабов генерал Дэвид Джоунс. В секретной директиве эта группа рассматривалась как своего рода штаб по разработке конкретных шагов правительства США по отношению к событиям в ПНР и координации действий различных американских ведомств по оказанию помощи силам польской контрреволюции в их борьбе против законного правительства ПНР.

На следующий день, то есть 17 декабря, президент США Р. Рейган выступил на пресс-конференции в Вашингтоне с изложением своих взглядов на события в Польше. По его словам, в этой стране силы безопасности «захватывают промышленные предприятия», «принуждение» пришло «на смену переговорам и компромиссу», имеет место «все более широкое использование силы против безоружного населения и нарушение элементарных гражданских прав польского народа». Эти и другие подобные утверждения ни по содержанию, ни даже по форме не соответствовали обстановке, складывающейся в Польше. Но они понадобились американскому президенту для того, чтобы обосновать враждебный подход к мероприятиям официальных польских властей и свое решение о фактическом разрыве экономических связей с Польшей, оправдать имперские притязания США. Президент проводил мысль, будто речь шла не о польских внутренних делах, не о решениях, принятых польскими руководителями, а о явлениях, инспирированных и санкционированных Советским Союзом. «Здесь Р. Рейганом движет не только антисоветская инерция, просто вольное обращение с фактами. Он, похоже, ищет предлог для нагнетания обстановки, для того, чтобы внутренний польский кризис превратить в международный, чтобы найти и в польских событиях оправдание для продолжения милитаристских программ Вашингтона», — говорилось в Заявлении ТАСС от 19 декабря 1981 г.

Администрация США продолжала нагнетать ажиотаж вокруг событий в Польше. 22 декабря президент Р. Рейган провел чрезвычайное заседание Совета национальной безопасности, на котором обсуждалось положение в этой стране, вслед за этим он принял группу руководителей организаций американцев польского происхождения. Как показали высказывания участников встречи, контрреволюционная польская эмиграция целиком и полностью солидаризировалась с антипольской позицией официального Вашингтона. Как заявил филладельфийский кардинал Дж. Кроль, они «поддержали» политику Белого дома в отношении польского правительства.

Администрация США «приостановила рассмотрение» просьбы правительства ПНР о предоставлении срочной продовольственной помощи в размере 700 млн долларов, запретила польским дипломатам в США передвижение по стране, по ее указке американский профсоюз портовых грузчиков объявил бойкот всех судов, перевозящих грузы между ПНР и США.

Стремясь воспрепятствовать нормализации положения в Польше, президент США Рейган 23 декабря 1981 г. объявил о введении следующих так называемых санкций против ПНР: прекращение поставок продовольствия ПНР через правительственные организации США, приостановка кредитов на закупку материалов и компонентов для промышленности, свертывание научных и культурных контактов, запрет польским судам ловить рыбу в территориальных водах США (близ Аляски), запрет польским судам входить в порты США без предупреждения, сде-

ланного за 36 суток, запрет полетов самолетов авиакомпании «Лот» над территорией США.

Как это сказалось на польской экономике, частично отметил в своем докладе 25 февраля 1982 г. на пленуме ЦК ПОРП Первый секретарь ЦК ПОРП В. Ярузельский: «На американской технологии и на американских кормах было основано почти все наше птицеводство. Из США мы получали ежегодно около 2 млн тонн кормовой кукурузы. В данном случае санкции означают снижение производства птицы с 505 тыс. тонн в минувшем году до 170 тыс тонн в нынешнем году. В результате среднегодовое потребление мяса на душу населения будет меньше на 7 килограммов, яиц — на 25 штук в год. 13 тыс. человек не найдут работы в птицеводстве. Не будут также использоваться производственные мощности на сумму около 75 млрд злотых.

В свою очередь польские рыболовные предприятия, лишенные традиционного права лова в районах Атлантики, потерпят в течение года убыток в 20 млн долларов. Американские санкции серьезно повлияют также на некоторые другие предприятия, в частности на фармацевтический комбинат в Тархомине».

В качестве инструмента своей политики в духе «холодной войны» Вашингтон использовал блок НАТО. 11 января собравшиеся в Брюсселе министры иностранных дел стран — членов НАТО приняли под диктовку США «Заявление по поводу событий в Польше», представляющее собой грубое вмешательство во внутренние дела суверенного государства. Они не постеснялись выступить с наглыми предписаниями правительству ПНР о предоставлении полной свободы действий силам контрреволюции. Признав «важность мер, уже оглашенных Рейганом», министры сообщили о приостановке предоставления Польше государственных кредитов, а также перенесении на неопределенный срок переговоров относительно платежей Польши в счет ее внешнего долга странам НАТО.

Странам — членам НАТО предписывалось ввести «ограничение свободы передвижения советских и польских дипломатов», а также «ограничение научных и технических контактов или невозобновление соглашений об обмене в этих областях». Под явным нажимом Вашингтона в заявление были включены требования относительно пересмотра развития экономических и торговых связей с Советским Союзом, а также принятия ограничительных мер, касающихся импорта из Советского Союза, морского и воздушного сообщения, условий экспортных кредитов. Натовский документ замахивается даже на долгосрочные экономические связи между Востоком и Западом, особенно в области энергетики, поставок сельскохозяйственных продуктов и технологического экспорта, (Греция отмежевалась от четырех параграфов натовского заявления, в которых говорится о «санкциях».).

В январе 1982 г. в Париже состоялась сессия КОКОМ — так называемого координационного комитета по осуществлению контроля над экспортом товаров в социалистические страны, созданного в худшие годы «холодной войны». США явно дали понять, что они хотят, чтобы члены КОКОМ — Япония и все союзники по НАТО, кроме Исландии, — сократили продажу новейшей техники и технологии, даже той, которая не имеет стратегического значения, но якобы «может способствовать Усилению мощи СССР, будучи примененной непосредственно в военных Целях, или позволит высвободить для этих целей другие ресурсы.

В этом контексте в министерстве торговли США было заявлено, что Вашингтон постарается убедить западноевропейские правительства сократить масштабы сделок на поставку труб, по которым советский газ пойдет из Сибири в Западную Европу, или совсем отказаться от нее. Администрация Рейгана наложила вето на продажу для строительства газопровода компанией «Дженерал электрик» деталей на сумму 175 млн долларов.

Но, как и следовало ожидать, санкции президента в первую очередь отражали несостоятельность амбиций Рейгана выступать от имени всего «свободного мира». Из-за разногласий между США и западноевропейскими странами конфликт Запад — Восток автоматически превращается в свару Запад — Запад. В самих Соединенных Штатах пресса отмечала наличие оппозиции безумной политике санкций.

Генерал Александр Хейг, как известно, вынужден был покинуть пост госсекретаря из-за упомянутых разногласий. Но кто же был действительным поводом Рейгана в польском вопросе? Им являлся Ричард Пайпс, чье имя, в отличие от его духовных предшественников Киссинджера и Бжезинского, редко появлялось на страницах американской прессы. Удачнее всего следует считать словесный портрет Пайпса, помещенный в газете «Жиче Варшавы» (2.05.1982): «Среди советников президента США, занимающихся внешней политикой, СВОНМт знаниями и опытом выделяется эксперт Белого дома по вопросам Восточной Европы профессор Гарвардского университета Р. Павпс.

Р. Пайпс происходит из зажиточной варшавской еврейской семьи. Перед войной он окончил несколько классов гимназии, бегло говорит по-польски, принадлежит к числу европейских эмигрантов, которые пролохили себе дорогу к карьере в американских политических институтах. Пайпс разделяет с ними консерватизм и решительную, нередко крайнюю антикоммунистическую позицию. Считается, что взгляды Пайпса в значительной мере влияют на формирование политики Белого дома относительно Польши и социалистического мира».

Однажды заявление Пайпса о том, что война с Советским Союзом представляется неизбежной, если там не изменится политический строй («Кремль должен сделать выбор между внутренними реформами и войной»), обернулось скандалом не только для него лично, но и для всей администрации. Это выступление на пресс-конференции официального представителя Белого дома вызвало неподдельное веселье в сообщениях, опубликованных на первых полосах американских и иностранных газет. «Дилетантски-наивное», «абсурдно-ультимативное», «смехотворно-бестактное» — вот лишь некоторые из множества эпитетов, которыми было награждено это его высказывание. Дело дошло до того, что Ричард Аллен, шеф Пайпса по совету национальной безопасности, напрочь запретил ему публичные выступления.

Правда, вскоре на смену Аллсну, уличенному во взяточничестве, пришел Уильям Кларк, который, не очень разбираясь в политических нюансах, снял с Пайпса запрет на публичные выступления.

Беспрецедентное решение президента США об отмене статуса наибольшего благоприятствования представляет собой, по словам министра внешней торговли ПНР Тадеуша Несторовича (ПАП, 1982. 25 октября), проявление особой дискриминации, так как на основе этого статуса осуществляется ныне около 90%

мирового торгового оборота. Подписав протокол к Генеральному соглашению о тарифах и торговле, Польша получила многостороннее подтверждение применения статуса наибольшего благоприятствования в торговле со всеми странами — членами ГАТТ, в том числе и с США. Генеральное соглашение содержит положения, значительно ограничивающие возможность односторонней полной или временной отмены этого статуса, сказал министр.

В этой связи стоит обратить внимание на то, что высокими пошлинами (20% стоимости изделия) облагаются отныне в США польские промышленные товары (не сельскохозяйственные и, в частности, не знаменитая польская консервированная ветчина), то есть та продукция, в экспорте которой Польша особо заинтересована.

Как жест бессилия и акт мести за крушение надежд контрреволюции восприняли в ПНР антипольские санкции администрации США.

ДИАЛОГ...

Рецензент. Географическое положение и природные богатства Польши сделали ее одним из узловых центров политической жизни в Европе. Значение нашей страны как прямого или косвенного моста с СССР отмечали и стратеги горячих войн и «холодной», которую Запад ведет с 1946 г. Выбор Польши как «самого слабого звена» в европейской социалистической системе не случаен и находит свое историческое обоснование.

Во-первых, в памяти общества жива цепь борьбы за независимость, от Костюшко и Пулавского до политиков двух последних войн (Падеревского, Сикорского). Октябрьская революция в самом деле дала полякам право на самоопределение, но формальное признание государства наступило позднее, в 1919 г. в Версале, и предложено это было президентом Соединенных Штатов Вильсоном.

Вторым фактором было и есть существование в США «Полонии» — одной из самых значительных тамошних этнических групп, которая, правда, не столь влиятельна, как еврейское меньшинство (среди них многие тоже родом из Польши), однако каждый уважающий себя американский политик старается заполучить ее голоса.

В-третьих, Польша была государством, труднее многих других поддающимся сталинизации, не было здесь политических процессов такого масштаба, какие происходили в 50-х годах в Чехословакии, Болгарии, Венгрии и Румынии. Польша первая начала процессы десталинизации.

Наконец, фактором эмоционально-психологическим, влияющим на отношение нашего общества к американцам, является то, что поляки никогда не воевали с США. Последнее даже было учтено в военных директивах НАТО 60-х годов, которые предусматривали, что, в случае если Восточная Европа будет занята войсками Атлантического союза, в Польшу должны войти воинские соединения США, тогда как театром военных действий бундесвера — именно по причинам эмоционального характера — должны были стать Балканы.

Под влиянием всех этих факторов в послевоенные годы, особенно после 1956 г., оживились польско-американские контакты. Это, однако... было движение в одном направлении, как отмечает вы в своей книге (с. 181). Много научных работников стажировалось в США, выезжало туда на практику и т. д. Другое дело, что предпочтение отдавалось ученым, специальность которых позволяла им поддерживать контакты с учеными СССР, в основном с физиками и медиками.

Автор. В одном только 1968 г. в Польшу было выявлено, что американская разведка в такого рода группе поляков 12 раз пыталась заняться вербовкой.

Взгляды Збигнева Бжезинского на социализм

Рецензент. Вы правы, когда пишете о дифференциации политики США по отношению к социалистическим государствам. Но на с. 185 в вашей оценке взглядов З. Бжезинского не хватает, возможно, главной сути той книги, которую вы цитировали. З. Бжезинский публично в предисловии к своему наущившему в 1967 г. опусу советовал президенту Соединенных Штатов:

«Всякий раз, когда обсуждается проблема разрядки в отношениях Восток — Запад, часто в качестве единственной альтернативы выдвигается «холодная война». Закрытие в границах двух этих альтернатив — очевидный абсурд. Если даже под «холодной войной» понимать перманентное наступление Запада против коммунизма, без применения военных средств, то отказ от нее вовсе не означает неизбежности программы помощи Советам в форме инвестиционных кредитов (...). Ведь благодаря такой помощи Советы смогут в еще большей степени, чем до сих пор, специализироваться в производстве военных средств, что даст им возможность еще больше шантажировать отдельные звенья некогда единого, а ныне разбитого на конкурирующие части антикоммунистического лагеря».

Итак, что касается США, то выбор был сделан еще и потому, что изменялась американская концепция войн, которые — это убедительно доказал Вьетнам — в современном мире не могут вестись военными средствами, ибо это грозит гибелью цивилизации. Соперничество с социалистическим сообществом должно было развернуться на экономической платформе, то есть путем неклассических способов ведения войн.

Автор. Термин «экономическая война», пожалуй, заменил собой комплекс тех мер военно-политического давления, которые входят в понятие «холодной войны». Что касается З. Бжезинского, то он наряду с Ричардом Пайпсом продолжает оставаться в числе тех, кого цитируют все пишущие о Польше.

В развитие сказанного вами приведу изложение одного из многочисленных интервью З. Бжезинского, которые он дает во время регулярных частных визитов в родные польские места. Орган варшавской курии журнал «Пшеглэнд католики» (4.06.1987) подчеркнул, что З. Бжезинский является компетентным собеседником не только в вопросах глобальной политики. Его знакомство с польскими делами поражает.

«В ваших публикациях все время появляется мотив какой-то новой, полицентрической модели устройства мира. Считаете ли вы, — поинтересовался представитель редакции Я. Рейтер, — что ваши прогнозы оправдаются? Считаете ли вы, что полицентрическая модель как-то повлияет на соперничество сверхдержав?»

Считаю, что направление, намеченное мною в этих работах, в принципе обоснованное, сказал З. Бжезинский. Под конец текущего века глобальная иерархия будет складываться из следующих частей:

Наиболее развитой частью света, наиболее развившимися технологически будут Америка и Япония. Считаю, что наблюдающийся в настоящее время экономический конфликт между Америкой и Японией является, так сказать, диалектическим, ведет к углублению американо-японской интеграции.

На втором месте скорее всего окажется Западная Европа, которая не сравняется с Америкой, Японией и которой не хватит широкой динамики, ибо, невзирая на свой научно-экономический потенциал, она останется разделенной на государства.

На третьем месте будут так называемые быстро индустриализирующиеся государства. То есть такие страны, как в настоящее время Корея, Тайвань, а в ближайшем будущем и Таиланд, Бразилия, может быть, Китай, если политический кризис не вызовет там хозяйственной задержки.

На четвертом месте окажутся социалистические страны, где, по моему мнению, процесс «перестройки» будет очень медленно идти вперед, если вообще приведет к каким-либо глубоким реформам. Бюрократическая, централизованная система не сможет динамично соперничать со странами, которые я вижу на первом плане.

А уже за ними останется та часть света, которая развивается очень медленно. На самом конце будут те страны, которые пройдут через очень глубокий кризис своего существования. Я думаю прежде всего о некоторых районах Африки. Таким образом, все это вместе представляет очень плюралистическую картину мира.

Я считаю, отметил Бжезинский далее, что определенное ослабление американских отношений с Западной Европой и одновременно отношений между Восточной Европой и Советским Союзом неизбежно. Это результат неизбежных исторических процессов, которые постепенно будут изменять ситуацию, возникшую в 1945 г.

В ответ на вопрос, вызовет ли стремление Западной Европы к политической эмансипации подобные стремления на другой стороне континента? — З. Бжезинский заявил.

По-моему, эволюция на Европейском континенте будет проходить именно в этом направлении. Это не значит, что данный процесс будет синхронным для Востока и Запада. Однако в принципе он повлечет за собой пробуждение так называемой исторической Европы, отход от раскола и постепенное появление того, что действительно станет подлинной Европой.

Я надеюсь, сказал он далее, что поляки в ходе приобретения тяжелого исторического опыта научились «исторической ловкости в стремлении именно к такой Европе, которая не провоцировала бы напрямую другие государства». Такого рода национальная ловкость является необходимой вещью в тех геополитических условиях, в которых находится Польша.

Был также задан вопрос: ялтинское устройство рассматривается западной частью Европы, может, и не как совершенное, но как прочное мирное устройство. Однако, с другой стороны, многие люди воспринимают его как определенное препятствие на пути эмансипации. Не считаете ли вы, что возможен компромисс между этими двумя взглядами?

Я не совсем с вами согласен, заявил Бжезинский. Мне кажется, что в Западной Европе существуют опасения, что слишком резкие перемены в нынешней системе могли бы вызвать опасные для всех потрясения. Это неравнозначно положительной оценке этого устройства. Мне кажется, что и в Западной, и в Восточной Европе есть желание восстановить ее определенное, подлинное, историческое лицо. И это понятно. Конечно же у разных народов это чувствуется слабее или сильнее. По определенным причинам это особенно сильно чувствуется в Германии. По другим причинам это сильно чувствуется в Польше. Но, например, также и у французов можно заметить определенные чувства разочарованности, вызванные фактом, что Европа в двух великих войнах совершила историческое самоубийство.

Если мировая система, заявил Бжезинский в заключение, основанная на превосходстве двух великих держав, не пойдет в направлении более широкого, более плюралистического сотрудничества большего числа участников, то альтернативен будет анархия. А этого надо избежать».

Рецензент. Академичный тон суждений — это хорошо. Но выдержка иногда изменяет таким, как З. Бжезинский. На его резкие высказывания ссылались многие западные газеты в критические дни забастовок мая 1988 г. И выглядело это примерно так, как в статье английской газеты «Дейли телеграф» (7.05.1988) под заголовком «Фитиль на Востоке вот-вот вспыхнет».

«Как заявил в прошлом месяце в Лондоне бывший помощник президента США по национальной безопасности Збигнев Бжезинский, в утверждении о том, что в Восточной Европе есть пять стран, в которых созрели политические условия для взрыва», нет никакого преувеличения.

Ровно неделю назад польское Политбюро предупредило руководителей металлургического комбината в Нова-Гуте, который является эпицентром самой серьезной в стране вспышки волнений среди промышленных рабочих с 1981 г., чтобы они действовали осторожно, дабы этот конфликт < не стал искрой, способной воспламенить (новые) конфликты».

Последующие события, несомненно, подтвердили наихудшие опасения правительства. Как и в 1980 г., когда возник свободный профсоюз «Солидарность», деятельность которого привела к отставке правительства и введению военного положения, начавшись с производственных споров, этот конфликт быстро приобрел политическую окраску.

Столкновения между демонстрантами и полицией 1 мая в семи польских городах свидетельствуют о том, что бастующие пользуются поддержкой за пределами Кракова, причем не только промышленных рабочих. К тому же забастовка на верфи им. Ленина в Гданьске в ответ на смелую речь Леха Валенсы 1 мая. «Если у вас есть армия, генерал Валенса в вашем распоряжении» — не оставила у властей никаких сомнений в том, что повторение событий 1980 г вполне реально. Время покажет, помогут ли аресты лидеров «Солидарности» сдержать эту новую вспышку недовольства.

Парадокс заключается в том, что возрождение «Солидарности» является непосредственным результатом попыток польского правительства осуществить программу экономических реформ. Не далее как в прошлом году ведущий сторонник перестройки по образцу Горбачева среди членов Политбюро Мечислав Раковский предупреждал более консервативные элементы в партийных рядах, что «потрясения и революционные взрывы» последуют именно в том случае, если правительство не пойдет прогрессивным курсом.

Но принятая программа экономических реформ дала прямо противоположный результат. Попытка как-то оживить увязшую в долгах неэффективную экономику путем сокращения субсидий государственным предприятиям и перекладывания основных тягот на плечи потребителей посредством повышения цен в приказном порядке явилась катализатором волнений среди рабочих.

Состоявшийся в ноябре прошлого года референдум, напоминавший фарс, в ходе которого поляки должны были сделать выбор между единовременным скачком цен и более мягким двухступенчатым повышением, не смог заменить широкой народной поддержки жесткой экономии. С января правительство было вынуждено пойти на удовлетворение требований о повышении заработной платы в качестве компенсации.

События в Нова-Гуте вскрыли характер проблемы, стоящей перед Яру-зельским согласиться на 50-процентное повышение цен, делая вид, что эта мера встречает поддержку официальных профсоюзов, означало бы отказаться от экономической реформы в пользу стремительно растущей инфляции, но отказ удовлетворить требования рабочих о повышении заработной платы повлек за собой возрождение «Солидарности» и выдвигание политических требований. То, что началось как «реформа», превращается в выбор между военным положением и финансовым самоубийством.

Польша — это не единственная «балалаечная республика», которая оказалась в таком затруднительном положении. В ноябре прошлого года, когда правящая династия Румынии решила испробовать в качестве лекарства для своей чудовишно неэффективной экономики понижение заработной платы и распределение продовольствия по карточкам, в Брашове возмущенные рабочие устроили беспорядки. То же самое произошло и в Югославии, где попытка обуздать 200-процентную инфляцию при помощи повышения цен в приказном порядке и замораживания заработной платы недавно повлекла за собой ряд успешных забастовок по всей стране.

Недавний опыт экономической реформы в Венгрии, которую обычно считают самой прогрессивной в экономическом плане из стран восточного блока, поскольку там правительство мирится с существованием более крупного частного сектора, оказался столь же плачевным. Попытка правительства осуществить рационализацию на допо-

топных государственных предприятиях Венгрии означала, что населению помимо сверхдлинного рабочего дня теперь придется мириться с высокими налогами и даже — что немалым при социализме — с безработицей. Упадок духа, симптомами которого стали поджоги на фабриках и падение численности официальных профсоюзов, побудил экспертов из американской разведки охарактеризовать Венгрию как восточно-европейскую бомбу замедленного действия, взрыв которой наиболее вероятен.

Близкие к Горбачеву экономисты пытаются заставить нас уверовать в то, что экономике с централизованным планированием, в которой узаконены проглоты и низкая производительность труда, легко «перестроить». В действительности же ясно, что однопартийные режимы Восточной Европы не располагают достаточной народной поддержкой, которая позволила бы осуществить затягивание поясов, предписанное перестройкой.

Политическая либерализация в сочетании с экономическими тяготами перестройки может дестабилизировать положение не только в зависимых от Москвы восточноевропейских странах, но и в самом Советском Союзе. От этих опасных тем более трудно отмахнуться, что Польша балансирует на грани кризиса, а Венгрия, которую в СССР любят ставить в пример, находится в состоянии брожения».

Автор. Мы, живущие в социалистических странах, радуемся предоставленной нам даже ограниченной гласности. Мы привыкли к обтекаемости дипломатически учтивых речей западных политиков, приезжающих к нам с официальными и прочими визитами. Теперь выясняется постепенно, что наша пропаганда нас от многого оберегала. Советские люди, к примеру, редко задумываются как над жесткостью по отношению к ним экономической политики Запада, так и над вызывающим цинизмом западной журналистики при оценке положения дел в соцстранах. И лидируют в этом давлении на нас американцы; они совершенно не склонны к сентиментам.

Дух чистогана сквозит между строк статьи П. Бутурини из газеты «Чикаго трибюн» (7.05.1988):

«Существующее сегодня положение вещей помогает найти объяснение любопытному явлению, наблюдающемуся в странах — союзниках Советского Союза, — очевидное отсутствие энтузиазма по поводу реформ в СССР со стороны тех самых рабочих, чью жизнь эти реформы должны улучшить.

Равнодушие в сочетании с большой дозой глубокого недоверия резко противоречит тому часто чрезмерно горячему приему, который политика гласности получает на Западе. Западные кремлеведы и восточноевропейские бюрократы могут изучать каждое слово, произнесенное Горбачевым о гласности; гражданам стран этого блока это по большей части глубоко безразлично.

В каждой стране имеются свои причины для подобных различий в подходах. Но беседы с гражданами восточноевропейских стран почти не оставляют сомнений в том, что гласность и идущая с ней рука об руку политика перестройки в экономике должны будут дать конкретные результаты, прежде чем все это хоть немного заинтересует среднего трудящегося из восточного блока.

Шутка, которую рассказывают в Варшаве, точно отражает преобладающее недоверие к переменам, происходящим в Советском Союзе: «Как переводится на английский «гласность»? Ответ: «Научная фантастика».

Повсюду в восточном блоке аналогичные шутки опровергают любую мысль о том, что гласность вскоре изменит облик коммунизма.

В Чехословакии, где в 1968 г. советские танки положили конец непродолжительному эксперименту руководителя партии Александра Дубчека, который пытался осуществить либерализацию социалистического общества, что получило название «Пражской весны», смысл шутки и анекдотов сводится к тому, что за последние два десятилетия изменились только слова, но не реальность.

Какая разница между «Пражской весной» Дубчека и гласностью и перестройкой?
Ответ: 20 лет.

Руководители Чехословакии, либо поставленные на свои посты Советами 20 лет назад, либо наследники бывших руководителей, ортодоксальность которых сомнений не вызывала, должны совершить самый трудный маневр из всех стран этого блока: им предстоит решить вопрос о том, как поддержать реформы после того, как на протяжении 20 лет они практически изгоняли это слово из своего языка.

Всего несколько недель назад полиция, применив дубинки и используя собак, разогнала мирное шествие 2000 католиков, требовавших расширения религиозной свободы в столице Словакии Братиславе. Полиция избивала и задержала более ста демонстрантов, распевавших гимны, применив силу, что больше напоминало сталинизм, нежели эпоху перестройки.

В соседней Венгрии, также ощутившей на себе тяжесть советских танков, когда в 1956 г. она попыталась выйти из Варшавского Договора, реформы осуществлялись последовательно с 1968 г. Спросите любого венгра о гласности, и неизменным ответом будет: «Ее избрели мы».

Но то, что венгры почти на 20 лет опередили Советский Союз в попытках ликвидировать систему жесткого централизованного планирования, по-прежнему ставит эту страну в явно сложное положение, когда речь заходит о том, чтобы она стала образцом перемен для остальных стран блока. Отчасти эта неуверенность основывается на здравом смысле и боязни того, что может произойти, если политика гласности потерпит неудачу.

«Они бросили вызов Советскому Союзу однажды и были единственной страной восточного блока, пошедшей этим путем, — сказал западный дипломат в Будапеште. — Что произошло? Их растоптали. И они узнали, что никто на Западе им не поможет».

Но неловкость венгров при мысли о том, что их будут считать образцом для подражания, основывается также и на реальности, несмотря на многочисленные экономические реформы в капиталистическом духе, результаты были далеки от полного успеха. Магазины Будапешта могут быть заполнены свежими фруктами и овощами, мясом или дорогостоящими западными импортными товарами, такими, как компьютеры и уникальные модели одежды. Но цены высоки: при внешнем долге 10,9 млрд долларов показатель внешнего долга на душу населения самый высокий в восточном блоке, здесь впервые в Восточной Европе был введен налог на доходы, недавно был введен налог на добавочную стоимость и постоянно растет необходимость работать на двух работах, чтобы свести концы с концами.

Чехословацкий экономист Карел Дыба из Института прогнозирования в Праге указывает на венгерский эксперимент, когда ему задают вопросы о том, как бы выглядела экономика его страны, если бы экономическим реформам эпохи Дубчека была дана свобода.

«Взгляните на Венгрию, — говорит он. — Там реформы происходили с 1968 г., но с точки зрения совокупного производства она выглядит не лучше, чем Чехословакия».

В Польше, где многие граждане считают советские попытки утвердить гласность скорее странным анахронизмом, чем моделью для будущего, трудно найти людей, согласных обсуждать программу реформ генерала Ярузельского.

Даже в ноябре прошлого года, когда люди имели возможность принять участие в референдуме по программе реформ польского руководителя, многие считали, что это голосование или предложения о реформах не скажутся на их повседневной жизни, за исключением того, что они создадут дополнительную финансовую нагрузку.

«Я не думаю, что референдум или реформы что-либо значат, — сказала средних лет женщина, только что проголосовавшая в рабочем районе Варшавы. — Богатые останутся богатыми, а у рабочих по-прежнему ничего не будет».

Но хотя польские экономические реформы в основном означали повышение цен и сохранение экономических трудностей, приведших на прошлой неделе к наиболее бурным с момента введения военного положения в 1981 г. беспорядкам среди рабочих, поляки, вероятно, пользуются среди стран советского блока наибольшей свободой».

Ущерб ПНР от санкций США в 1982—1986 гг. — 15 млрд долларов

Рецензент. К сожалению, американцы никогда не ограничивались созерцанием событий в Восточной Европе. США всегда претендовали на роль активного участника, преследуя, разумеется, собственные интересы. Отсюда и политика экономических санкций, которая в 1982—1986 гг. принесла Польше ущерб в 15 млрд долларов. Это ли не преступление? Об этой цифре польских убытков сообщил Ежи Урбан в интервью американской национальной телесети Эй-би-си (20.02.1987) по случаю объявления президента Р. Рейгана о снятии последних экономических санкций против Польши.

И как Рейган сделал это: опубликовал отдельное и пространное (на три машинописные страницы) заявление за собственной подписью, в котором выражалась открытая поддержка католической церкви и запрещенному тогда в ПНР профсоюзу «Солидарность». В наших странах в последние годы немислимо, чтобы высший руководитель позволил себе рассуждать публично в таком имперском стиле о какой-либо другой стране.

ПНР был возвращен статус наибольшего благоприятствования в торговле с Соединенными Штатами, говорилось в упомянутой телепередаче Эй-би-си:

«Принять такое решение администрацию побудило не то, что этого хотело правительство генерала В. Ярузельского, — было заявлено в новостях Эй-би-си — По словам официальных лиц, главную роль в этом сыграло решение папы римского пригласить польского лидера в прошлом месяце в Ватикан и попросить США снять санкции в отношении Польши, а также поддержка такого шага Л. Валенсой, лидером запрещенного профсоюза «Солидарность», которого Ярузельский однажды заключил в тюрьму. «С санкциями или без санкций мы, поляки, должны добиться всего сами, — сказал Валенса. — Только мы, поляки, можем добиться необходимых реформ». Он подчеркнул, что, прежде чем Запад выделит Польше новые займы, Запад должен настоять на проведении экономических реформ и расширении демократии И действительно, хотя все политические диссиденты освобождены, а ужасные дни военного положения стираются в памяти, страна по-прежнему пребывает в застое. В Варшаве по-прежнему стоят очереди людей с продовольственными карточками, ожидающих возможности купить редко появляющееся мясо. Польское правительство надеется, что американские союзники последуют примеру США, улучшив условия торговли для Польши, и что западные банки снова начнут предоставлять коммунистической Польше займы Конечно, некоторые из них, возможно, пойдут на такой шаг. Но большинство населения в этой расколотой стране не ожидает, что нынешняя мера США приведет к улучшению их жизни в ближайшее время».

Автор. В большинстве случаев печать социалистических стран просто стесняется цитировать некоторые выступления американских политических деятелей и тамошней прессы. Как один из примеров можно привести статью из «Нью-Йорк Таймс» (25.07.1984), тон которой, мягко говоря, незтичен по отношению к суверенной республике.

«Соединенные Штаты назвали объявленную в Варшаве амнистию «позитивным шагом», и, по словам представителей администрации, президент Рейган, возможно, вскоре одобрит отмену некоторых санкций против Польши.

По данным из этих кругов, скорее всего будет отменен запрет на регулярные коммерческие рейсы самолетов польской авиакомпании «Лот» и ограничения на финансируемый США научный обмен с Польшей.

Представители госдепартамента сообщили, что Вашингтон в последнее время вел консультации о Польше с союзниками по НАТО, поэтому амнистия по случаю 40-й годовщины коммунистического правления в Польше скорее всего вызовет аналогичную реакцию в других столицах.

«Мы приветствуем объявление амнистии, — заявил государственный департамент. — Это позитивный шаг».

Однако администрация дала понять, что она не отменит самые серьезные экономические санкции против Польши, пока не будет достигнут более значительный прогресс на пути к либерализации в этой стране.

«Мы надеемся, что амнистия приведет к тому, что польские власти примут дальнейшие меры для удовлетворения чаяний, которые недвусмысленно выражены польским народом, — заявил представитель госдепартамента. — Прочная политическая, экономическая и социальная стабильность в Польше может быть достигнута только при помощи искреннего диалога между правительством и народом».

Госдепартамент сообщил, что, «перед тем как принять решение о наших дальнейших шагах, нам придется тщательно изучить уведомление об амнистии».

Однако представители администрации отмечают, что, если в последнюю минуту не возникнет каких-либо препятствий, Рейган, вероятно, в ближайшие дни объявит об отмене некоторых санкций.

Когда против Польши были введены экономические санкции, Рейган обещал, что они останутся в силе, пока Польша не выполнит трех условий: отмена военного положения, освобождение всех политических заключенных и новый диалог правительства с церковью и свободным профсоюзным движением под руководством «Солидарности». «Солидарность» была запрещена после провозглашения военного положения, введенного в результате волны внутренних беспорядков в Польше.

В июне 1983 г. Рейган изменил свои условия, заявив, что «если польское правительство примет планы либерализации, то мы готовы принять столь же содержательные и конкретные меры».

Представитель государственного департамента сообщил, что в силе останутся, по крайней мере пока, три важные санкции против Польши: отказ Соединенных Штатов поддержать вступление Польши в Международный валютный фонд, лишение ее нормального тарифного статуса, известного как режим наибольшего благоприятствования в торговле, которым Польша пользовалась до 1982 г.; запрет на все американские правительственные кредиты Польше для закупки продовольствия и сырьевых товаров.

Польша официально объявляла об отмене военного положения, хотя многие репрессивные меры сохраняются. Сейчас Польша сообщила, что она освободит почти всех политических заключенных, однако представители Соединенных Штатов сказали, что они скептически относятся к условиям амнистии, так как власти оставляют за собой право на новые аресты.

Представители администрации сказали, что для выяснения того, следует ли отменять важные экономические санкции в ответ на амнистию, необходимы новые консультации с группами поляков американского происхождения и с руководителями АФТ — КПП».

Рецензент. Заместитель министра внешней торговли ПНР Я. Кочурбе рассказывал журналистам о последствиях значительного повышения американской стороной таможенной пошлины на польские товары, в частности, на химические изделия, лекарства, одежду, от чего Польша понесла убытков примерно на 200 млн долларов. С американского рынка вынуждены были уйти основные польские предприятия. Их место заняли фирмы других развитых стран. В связи с тем, что польско-американская торговля развивалась по пути дополнения друг друга, реализовать продукцию в других странах польским предприятиям стало значительно труднее или совсем невозможно. В некоторых случаях пришлось менять технологию производства продукции. А потерянные ранее позиции на американском рынке вернуть очень трудно.

Автор. Деньги определяют многое в нашей жизни, а в последние годы их роль в политике стала определяющей. Не случайно именно о финансах идет речь в заключительных абзацах статьи о Восточной Европе известного американского журнала «Ньюсуик» (20.03.1989):

«Если бы Джордж Буш огласил свою политику в отношении Восточной Европы, он сумел бы добиться первого большого успеха на прошлой неделе.

Польша объявила о предварительных планах создания нового сената, формируемого путем свободных выборов, открытых для кандидатов не только от коммунистической партии. Именно это хотят стимулировать Буш и его государственный секретарь Джеймс Бейкер.

Когда Бейкер ездил в Бену на открытие переговоров о сокращении обычных вооружений в Европе, поляки в конфиденциальном порядке предварительно уведомили его о своих планах политической реформы.

В ходе другой конфиденциальной встречи, как стало известно, венгры сообщили Бейкеру, что до конца этого года они уберут заграждения и наблюдательные вышки на своей границе с нейтральной Австрией. Обе делегации уговаривали Бейкера устроить посещение их стран президентом Бушем (по словам его сотрудников, такую возможность нельзя считать нереальной), и обе страны хотят получить американскую экономическую помощь.

Рассказав в общих чертах о планах своего правительства, идущего по пути перемен, министр иностранных дел Польши Тадеуш Ожеховский, глядя в глаза Бейкеру, заявил: «Соединенные Штаты не должны оставаться в стороне».

В данный момент администрация Буша не хочет, чтобы реформы в Восточной Европе встревожили Кремль.

«Вы не увидите, как мы будем бить себя в грудь, радуясь происходящему, — говорит один высокопоставленный американский чиновник. — Не в наших интересах... давать Советскому Союзу основания ощущать угрозу».

Хелмут Сонненфельдт, бывший помощник Киссинджера, а ныне сотрудник вашигтонского Института Брукингса, говорит, что советский руководитель «признает три момента: он не может осуществлять реформу внутри страны, поддерживая репрессивные режимы в Восточной Европе; Советский Союз выиграет, если экономика стран Восточной Европы будет более продуктивной и будет поддерживать связи с Западом; безопасность Советского Союза укрепитя, если эти режимы... будут пользоваться большей поддержкой народа».

Сонненфельдт, который, будучи сотрудником государственного департамента в 1976 г., сформулировал вариант политики дифференциации, при этом говорит, что, как, возможно, считает Горбачев, «более открытая демократическая Восточная Европа, имеющая связи с Западом, способствует ослаблению внутренних связей в союзе НАТО».

Сотрудники администрации сейчас скрупулезно анализируют план новой политики в отношении Восточной Европы, предложенный нынешним послом США в Венгрии Марком Палмером. В статье, которая вскоре будет опубликована, Палмер утверждает, что Запад должен помочь странам Восточной Европы «избавиться от своего исторического наследия и стать неотъемлемой частью Европы и современного мира».

По его мнению, Соединенные Штаты должны помочь создать систему связи с институтами в Восточной Европе, что позволит экономике этих стран переплестись с экономикой Запада.

Он призывает к созданию совместных предприятий, частным инвестициям и к щедрой передаче американских навыков в области административного управления частным предприятиям в этих странах, а также к более тесным связям в сфере образования и культуры. Такие связи со складывающимся частным сектором, утверждает он, сделали бы для восточноевропейских режимов практически невозможным отступление в вопросе политической реформы.

Вопрос в том, насколько кардинальную реформу допустит в конечном итоге Кремль. Чтобы добиться максимальных результатов, администрация хочет сосредоточить внимание на Польше и Венгрии, которые намного обогнали ГДР, Чехословакию, Болгарию и Румынию в деле либерализации.

Бейкер также настаивает на том, что политическая реформа должна сопровождаться большим продвижением к экономике рыночного типа. Венгрия вступила на путь, ведущий к смешанной экономике давно, тогда как Польша по-прежнему пребывает в трясине централизованного планирования советского типа. У обеих стран большая задолженность западным кредиторам. Долг Польши составляет около 40 млрд долларов, а Венгрии — 18 млрд, но ни одна из этих двух стран не хочет принимать требуемые меры жесткой экономии.

Вашингтон потребует жесткой дисциплины в области экономики. Администрация Буша готова сыграть свою роль в деле либерализации Восточной Европы, но она не намерена бросать деньги на ветер».

Рецензент. Будучи гостем польского руководства в мае 1987 г., сенатор Эдвард Кеннеди в качестве самых дорогих гостей принял в резиденции американского посла в Варшаве лидеров запрещенного в то время профсоюза З. Буяка и А. Михника в присутствии кинорежиссера Анджея Вайды, видного польского романиста Тадеуша Конвицкого, редактора независимой газеты римско-католической церкви Ежи Туро-вича и группы не очень высокого ранга деятелей «Солидарности». В программу четырехдневного пребывания Э. Кеннеди в ПНР вошла и встреча с Л. Валенсой.

И какая встреча! В Гданьске в костеле Св. Бригиды состоялся молебен, на котором присутствовали Э. Кеннеди и Л. Валенса. На богослужение в костел и на прилегающую к нему площадь собралось около 8 тыс. человек. Приходский священник провозгласил в проповеди здравицу в честь гостя из США. Затем в костеле состоялась встреча между Э. Кеннеди и Л. Валенсой, в ходе которой сенатор вручил бывшему лидеру «Солидарности» премию одного из американских частных фондов, которой Валенса удостоен «за общественную деятельность».

Как все это расценивать? Ну разве можно представить себе, что М. С. Горбачев поедет в США встречаться с очень уважаемыми лидерами американских индейцев или других движений, конфликтующих с федеральными властями. Это у нас немислимо. А у них проходит Можно даже процитировать статьи в газете «Вашингтон пост» (26.05.1987) с отчетом о визите Э. Кеннеди в ПНР:

«Правительство Ярузельского, которое дважды препятствовало приезду Кеннеди в Польшу, молчаливо согласилось на проведение церемонии поеле длительных переговоров с его сотрудниками. Демократ от штата Массачусетс был официально приглашен в Польшу руководителями сейма. Он ветреллся с высокопоставленными деятелями сейма и правящей коммунистической партии.

Создалось впечатление, что Кеннеди проявлял осторожность, с тем чтобы избежать конфликта, выступая с публичными заявлениями, в которых он не упоминал «Солидарность», а Михника и Буяка назвал только «гражданами Польши».

«Этот визит является актом дружбы, а не провокацией, — говорилось в его заявлении, сделанном по прибытии, которое освещалось польскими государственными средствами массовой информации. — Цель этой поездки... сделать то, что в наших силах, для того чтобы укрепить отношения между нашими странами».

Тем не менее вручение премии и полуофициальная церемония с участием представителей оппозиции, основой которой является «Солидарность», стали более значи-

тельными событиями, чем официальная часть поездки Кеннеди. Вручение наград стало зрелищем, которое, как представляется, смутило правительство и явилось редкой акцией моральной поддержки оппозиции.

Официальные деятели правительства безуспешно стремились добиться от Кеннеди, чтобы место проведения церемонии вручения премии было перенесено из просторной резиденции американского поверенного в делах Джона Дэвиса в тесную квартиру Михника. Хотя эта церемония состоялась в соответствии с планом, представляется, что Кеннеди и американские официальные лица пошли на уступку правительству, ограничив освещение церемонии вручения премии западной прессой и внося коррективы в речи, произнесенные Кеннеди, Михником и Буяком.

Хотя во время этого визита были запланированы его встречи с руководителем «Солидарности» Лехом Валенсой, главой римско-католической церкви кардиналом Юзефом Глемпом и министром обороны Флорианом Савицким, Кеннеди не пригласили на встречу с Ярузельским. Согласно сообщениям американских официальных лиц, польские власти указали на то, что встреча с партийным руководителем будет зависеть от того, пройдут ли гладко официальные контакты во время этого визита.

Буяк и Михник разделяют между собой премию в размере 40 тыс. долларов, учрежденную в 1984 г. за вклад в дело защиты прав человека во всем мире.

Эти двое были выбраны в качестве лауреатов премии 1986 г. в октябре прошлого года, но не смогли приехать на церемонию вручения премии в Бостон. В прошлом году оба они находились в заключении по политическим обвинениям и были отпущены в результате объявленной правительством амнистии незадолго до того, как они были выбраны в качестве лауреатов премии.

Двое польских активистов пригласили десятки своих помощников на прием и торжественно заявили западным журналистам, что вручение премии им. Кеннеди представляет собой всеобщее признание движения «Солидарности».

«Эта награда «Солидарности», которая продолжает действовать и победит», — сказал Михник.

Двое награжденных заявили о своем намерении использовать полученные ими в качестве премии деньги для опубликования книг на польском языке и на социальные нужды, например на оснащение клиники на фабрике, где раньше работал Буяк.

Перед церемонией Кеннеди посетил могилу Попелушко. Тысячи поляков собрались возле церкви св. Станислава Костки в Варшаве, где находится могила, и выкрикивали имя Кеннеди, а также название «Солидарности» в момент прибытия делегации. Некоторые в толпе размахивали миниатюрными американскими флагами».

Януш Онышкевич в конгрессе и в Белом доме

Автор. Считаю, что в данной главе — «Как Белый дом борется с социализмом» надо сказать и о том, как принимали в Белом доме гражданина ПНР, уполномоченного по печати «Солидарности» Я. Онышкевича. Польский оппозиционер встречался в США с тогдашним президентом Р. Рейганом. Было опубликовано сообщение Ассошиэтед Пресс (23.09.1988) о встрече данного представителя заперченного в ПНР профсоюза с вице-президентом Джорджем Бушем, который выступил затем с заявлением, в котором подтвердил, что поддерживает легализацию этого профсоюзного движения в Польше.

«Отношения между Соединенными Штатами и Польшей нужно поставить на реалистическую и конструктивную основу, — заявил Буш. — Я надеюсь, что нынешние переговоры между руководством «Солидарности» и польским правительством будут плодотворными в плане начала национального диалога, плюрализма и обеспечения права на союзы». В заявлении Буша отмечалось, что вице-президент с нетерпением

ожидает легализации «Солидарности» — «легализации подлинной свободы личности и политических союзов в Польше».

На пресс-конференциях Я. Онышкевич уверял американских журналистов, что было бы «весьма полезно введение экономических санкций против Польши». При этом он подчеркивал «большое значение» своей беседы с первым заместителем госсекретаря США Дж. Уайтхедом перед его визитом в Польшу, заверяя, что без одобрения его концепции и концепции его друзей «представление западных кредитов ПНР было бы равносильно тому, чтобы утопить деньги в болоте либо налить вино в дырявую бочку».

После беседы Онышкевича с председателем профобъединения АФТ — КПП Керкэндом последний заявил, что возглавляемая им организация «по-прежнему рассматривает возможность использования закона о внешней торговле США с целью возможного введения экономических санкций против польского правительства, если оно не согласится на легализацию «Солидарности». К сказанному он добавил: «Мы бы хотели, чтобы правительство США путем нажима, скажем политического плана, постаралось повлиять на польские власти».

Онышкевич попал в США в тот момент, когда вступала в завершающую фазу избирательная кампания, и был использован как своего рода приманка для привлечения голосов граждан США польского происхождения. Американская пресса широко цитировала «показания» Онышкевича, которые он дал перед комиссией конгресса США.

Сенатская комиссия по иностранным делам приняла поэтому случаю специальную резолюцию. Ключевыми пунктами данного документа являются следующие:

«Во-первых, правительство ПНР должно признать вклад, какой польское общество может внести в дело экономической и общественной перестройки страны при помощи независимых и добровольных организаций страны.

Во-вторых, выражая такое признание, правительство ПНР должно безотлагательно дать легальный и независимый статус профсоюзу «Солидарность»».

Довольно странным выглядят убеждения комиссии сената, что правительство ПНР не признает необходимости вклада общества в дело перестройки страны, а также то, что «незамедлительная легализация «Солидарности» все проблемы решит одним махом. Разве авторы резолюции не знали, что скоро в Варшаве состоится заседание «круглого стола», причем без предварительных условий? Неужели такие условия хотят диктовать в Капитолии?»

Агентство ПАП (10.10.1988) распространило текст заявления директора департамента печати и информации МИД ПНР С. Станишевского, в котором он дал оценку факту участия одного из бывших лидеров распушенной «Солидарности» — Я. Онышкевича в слушаниях в комитете по иностранным делам конгресса США.

«МИД ПНР поручил посольству ПНР в США установить обстоятельства и содержание выступления Я. Онышкевича. Из полученной информации следует, что это выступление носило беспрецедентный характер: впервые гражданин ПНР, постоянно проживающий в Польше, участвовал в так называемом слушании в конгрессе США, посвященном внутренним делам ПНР и межгосударственным отношениям Польши и США. Характер высказываний Я. Онышкевича указывает на то, что в комитете конгресса США он дал политическую оценку нынешнего положения и перспектив развития обстановки в Польше, прежде всего в контексте предстоящей встречи за «круглым столом».

Ввиду того, что наиболее компетентным органом для формальной и правовой оценки такого рода фактов является Генеральная прокуратура ПНР, МИД передал ей собранные до настоящего времени материалы и информацию. Однако не подлежит

сомнению, что поступок Я. Онышкевича, по своей воле выступившего в комитете конгресса чужого государства, с моральной и политической точки зрения не соответствует нормам, принятым в международных отношениях. Он нанес ущерб авторитету Польши за рубежом. Недоумение польской общественности вызвал также тот факт, что гражданин ПНР позволил, чтобы парламентский орган другого государства официально допрашивал его по вопросам, касающимся внутреннего положения Польши. Более того, это произошло в тот момент, когда в ПНР предпринимаются многосторонние усилия, нацеленные на создание коалиции в защиту реформ на широкой политической основе, когда началась подготовка к переговорам за «круглым столом». В этой встрече, как известно, примут участие лица из различных кругов общественности, в том числе из тех, представителем которых именуется Я. Оныш-кевич. Диалог во имя достижения национального согласия мы проводим по собственной инициативе, во имя польских интересов. Мы исходим из того, что наши собственные дела должны решаться самими поляками.

Факт слушания комитетом конгресса США гражданина ПНР имел признаки вмешательства во внутренние дела ПНР. Об этом свидетельствует также высказывание Я. Онышкевича на пресс-конференции после встречи с президентом США Р. Рейганом, что «важным является заявление президента Рейгана о том, что нажим, оказываемый правительством США на правительство Польши с тем, чтобы наконец-то начался подлинный диалог с польским народом, и впредь будет продолжаться». Это заявление Я. Онышкевича является недопустимым, оно лишено национального достоинства».

Я. Онышкевич прожил в свое время около десяти лет в США, в конце 70-х годов вернулся на родину. Но ведь деятельность чиновника по связям оппозиции с заокеанскими партнерами — это все же не профессия. Под заголовком «О потребности в рассудке» газета «Трибуна люду» (17.09.1988) опубликовала статью В. Лозиньского, в которой автор разоблачал деятельность эмиссаров польской оппозиции за рубежом.

Рецензент. «Дело Онышкевича» не единственный, а лишь самый громкий прецедент такого рода. Не счесть польских эмиссаров более мелкого уровня, прибывающих в США и выступающих перед тамошними журналистами на, мягко говоря, острые темы, а затем преспокойно возвращающихся в ПНР, где их никто никуда не привлекает. Издержки демократии, которые не проходят бесследно для общества, находящегося в состоянии нестабильности.

Приведу небольшой комментарий агентства Франс Пресс (9.05.1988) из Вашингтона:

«Соединенные Штаты должны отказаться помогать Польше в осуществлении ее программы экономических реформ, пока польское правительство использует силу для прекращения волнений среди рабочих, отметил здесь один из лидеров польской оппозиции.

«У американской администрации есть возможность подтолкнуть Польшу... к осуществлению полной экономической реформы, — заявил бывший политический заключенный и руководитель одного из подпольных издательств Чеслав Белецкий. — Чтобы научить кого-то, нужно использовать своего рода психологическую силу для воспитания».

Правительство Соединенных Штатов рассматривало в последние недели вопрос об оказании своей помощи программе экономических реформ в Польше через воздействие на Международный валютный фонд, Всемирный банк и другие международные кредитующие организации в интересах Польши.

Первый заместитель государственного секретаря Соединенных Штатов Джон Уайтхед также заявил в субботу, что такая помощь могла бы в конечном итоге включать коммерческие займы американских банков и «прямую помощь правительства Соединенных Штатов», но он пригрозил прекращением любой помощи, если Варшава не урегулирует мирными средствами волнения среди рабочих, охватившие Польшу в последние недели.

Белецкий, находившийся в Соединенных Штатах в течение нескольких недель, чтобы получить награду от польской эмигрантской организации, заявил, что нынешняя программа экономических реформ в Польше не будет действовать без согласия польского народа, и призвал разрешить профсоюзам, таким, как запрещенное сейчас профобъединение «Солидарность», действовать совершенно свободно.

Являясь владельцем частной архитектурной проектной фирмы, Белецкий заявил, что пытался создать организацию независимых предпринимателей в Польше, но власти отказались зарегистрировать возглавляемую им организацию».

Автор. Многоступенчатый механизм принятия крупных политических решений в США настолько сложен и непредсказуем, что позволяет любому чиновнику высшего ранга смело обещать все что угодно, сулить золотые горы, а потом... ничего не исполнять из обещанного. Ссылаясь при этом на конгресс, министров, прессу, избирателей, частные компании, Совет безопасности, ЦРУ — да на что угодно, на любой институт из пирамиды американской демократии.

В 1956 г. США подстрекали венгров к путчу и обещали вооруженную поддержку. Слава богу, обманули. В 1980 г., подталкивая «Солидарность» к политическому экстремизму, американцы уверяли, что оплатят все польские долги. «Солидарность» сделала за десятилетие многое, но не получила и сотой доли обещанного.

В октябре 1988 г. первый заместитель государственного секретаря США Джон Уайтхед в ходе двухдневного визита в Польшу не поленился съездить в Гданьск на двухчасовые переговоры с Лехом Валенсой и группой его коллег. Состоялись беседы и с представителями католических кругов, и с руководством римско-католической церкви в Польше. В феврале того же года во время пятидневного пребывания в ПНР Уайтхед также встречался с Валенсой. Последнему конечно же что-то обещали с целью поддержать боевой тонус польской оппозиции.

Разумеется, у Уайтхеда были и другие, официальные встречи с высшими польскими руководителями.

В своих публичных речах Уайтхед говорил во время визита, что «Польша имеет для американцев существенное значение», рисовал радужные для Польши картинки роста экономического, научного и технического сотрудничества, но при условии... Об условиях мы уже знаем.

Чтобы конкретизировать посулы и вызвать приятные ассоциации из практики послевоенных отношений США с рядом стран Западной Европы, в западной прессе постоянно муссируется тема «плана Маршалла» для Польши. То есть обещают многие и много, но пока никто ничего конкретного не предлагал. На деле, во многом благодаря стараниям США, растут лишь польские долги Западу в твердой валюте. Ссылок на видные авторитеты можно привести множество. Процитируем газету «Трибуна люду» (26.05.1988):

«Намеки на новый экономический подход к Польше имеют везде общий знаменатель. Всякую «помощь», а точнее говоря, кредиты Запад связывает с намерениями воздействовать на польскую внутреннюю политику, общественные отношения и направления экономических преобразований.

Профессор Колумбийского университета С. Бэлер, выступавший недавно перед подкомиссией по иностранным делам палаты представителей конгресса США, заявил, что ослабление связей между СССР и социалистическими государствами Восточной Европы должно быть «наиболее решительным фактором, обуславливающим нормализацию советско-американских отношений». По его мнению, такую возможность создает идея М. С. Горбачева о «разнородных путях к социализму», которую профессор хотел бы интерпретировать как «разные пути, ведущие от социализма».

Меняет свои взгляды и профессор З. Бжезинский. В изданной год назад книге «План игры» он пишет, что «для Соединенных Штатов постепенное возникновение все более самообеспеченной в военном, политическом и экономическом плане Европы было бы божьим даром. Это был бы огромный шаг на пути к миру более плюралистическому, менее поляризованному вследствие конфликта между США и СССР». Далее З. Бжезинский утверждает, что это дало бы возможность Западной Европе «притянуть Восточную Европу» с целью ее нейтрализации при западных «гарантиях».

Политолог Р. Пайпс считает, что в американской политике по отношению к социалистическим государствам по-прежнему достаточно «кнута и пряника» в зависимости от их степени заигрывания с Вашингтоном. Но есть и другие мнения. Бжезинский, например, хотел бы, чтобы США и Западная Европа выработали совместную программу политического и экономического влияния на Восточную Европу с целью «облегчения эволюционного демонтажа реликтов сталинизма в этом регионе».

В свою очередь М. Мандельбаум в обширном эссе, опубликованном близким к Пентагону журналом «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», утверждает, что Америка может воспользоваться предоставившейся okazji в Восточной Европе, так как, по его мнению, ослабла связь этих стран с Советским Союзом, что является несомненным успехом США.

Мандельбаум высказал свое понимание существа перестройки, нового мышления и перспектив отношений между государствами социалистического содружества. Суверенность каждого из них он принимает как проявление слабости всех, вместе взятых, и строит на этом свою политику реанимации пресловутого «плана Маршалла». Экономические перемены, по его расчетам, приведут к серьезным политическим и общественным преобразованиям Востока и сделают его более западным и менее коммунистическим. То, что некоторые говорят тайком, Мандельбаум объявляет открыто в своем «великом плане» Стабилизация Польши и ее союзников не входит в интересы Америки, заявляет Мандельбаум, успокаивая тех, кто опасается, что широкое экономическое сотрудничество могло бы усилить Польшу как социалистическое государство. Он выступает только за такую экономическую помощь, которая приведет к зависимости ПНР от Запада.

Изучение проектов Мандельбаума провоцирует ответ, достойный его замыслов. Этот верный ученик президента К. Кулиджа предлагает полякам политический и экономический сервиллизм, отвечающий интересам Америки».

Рецензент. А вот еще сообщение в духе американского понимания гласного, открытого вмешательства в чужие дела. Конгрессмен Уильям Липински (демократ, от штата Иллинойс) 14 марта 1989 г. внес на рассмотрение палаты представителей резолюцию о провозглашении 1 сентября 1989 г. «национальным днем признания Польским вооруженным силам во второй мировой войне».

Мы не можем, мы не должны забывать, что к середине 80-х годов двусторонние связи ПНР — США были доведены до самой низкой точки за время, минувшее с 1919 г., когда обе страны установили дипломатические отношения. Во многих областях положение было даже хуже, чем в начале 50-х годов.

Визит Джорджа Буша в Польшу

Автор. Но в 1987 г. Польшу, как вы упоминали, посетил с официальным визитом вице-президент Дж. Буш, что означало возобновление польско-американских контактов на государственном уровне (10 лет назад, в 1977 г., ПНР посетил президент Картер). Собеседниками будущего президента США Дж. Буша были В. Ярузельский, Л. Валенса, примас католической церкви Ю. Глемп.

Как это происходило? Если говорить о неофициальной части визита, то события развивались в традиционной манере, о которой вы, пан Ежи, знаете лучше меня.

Американская пресса и не скрывала подоплеку поездки Дж. Буша в ПНР. Газета «Вашингтон пост» (4.10.1987) опубликовала статью Дэвида Хофмана, в которой, в частности, говорилось:

«Хотя сотрудники госдепартамента на первых порах отговаривали Буша от поездки в Польшу, вице-президент встретил поддержку с неожиданной стороны — от Збигнева Бжезинского, который сообразил, что эта поездка может побудить поляков бурно проявить свои проамериканские настроения, а также помочь продвинуть вперед отношения с правительством Ярузельского.

По полученным сведениям, Бжезинский от имени Буша передал польскому лидеру Ярузельскому, что он, Буш, охотно нанесет этот визит в качестве самого высокопоставленного американского деятеля, приезжающего в Польшу за время с 1977 г., если ему будет разрешен контакт с различными элементами польского общества, включая руководящих деятелей римско-католической церкви, интеллектуалов и лидеров «Солидарности».

Последовали долгие переговоры по вопросу о том, что именно Буш увидит в Польше и что он будет там делать. Исход переговоров в какой-то мере устроил и польское правительство (визит вице-президента на завод по изготовлению кинескопов), и самого Буша (посещение могилы Попелушко).

В политическом плане поездка Буша должна была ясно дать понять Ярузельскому, что долгожданная экономическая помощь со стороны Запада будет оказана только после внутренних политических и экономических перемен. Одновременно в ходе отдельной встречи с Валенсой Буш констатировал, что руководитель «Солидарности» одобряет его подход и настоятельно призывает Соединенные Штаты пообещать увеличение помощи в обмен на реформы. Человек, присутствовавший на этой встрече, сообщил, что Валенса сетовал на то, что при нынешних темпах правительственных реформ «потребуется 100 лет, чтобы добиться того, что, как он сказал, «нам нужно».

Польские правительственные чиновники явно серьезно беспокоились по поводу содержания намеченного выступления Буша по телевидению. На официальной встрече Ян Кинас, заместитель министра иностранных дел, передал главе аппарата сотрудников Буша Фултеру ноту с просьбой предоставить текст речи Буша.

Хотя американские должностные лица пообещали предоставить этот текст на английском языке за два часа до передачи, они вручили его польским и американским корреспондентам непосредственно перед выходом Буша в эфир, поскольку вице-президент вносил в текст изменения. По словам должностных лиц, одно из них свелось к добавлению в начале фразы с выражением благодарности «моим гостеприимным хозяевам из правительства» за их радушие. Другим изменением было усиление высказываний в поддержку «Солидарности». Наконец, Буш в заключение добавил слова: «Да здравствует Польша».

Рецензент. Для телевидения США вполне нормальным является факт, что речь политика, а также самого президента не только сразу же комментируется, но и подробно разбирается. Буш отнюдь не обиделся ни на факт комментирования его выступления, ни на то, что дискуссия имела место непосредственно после его выступления. Когда американские корреспонденты заявили ему после его выхода из телестудии о том, что польские журналисты критиковали его, он спросил: «Разве вы делаете иначе?».

Выступление Буша полностью транслировалось в лучшее телевизионное время. В свою очередь интервью В. Ярузельского во время его визита в Нью-Йорк осенью 1985 г. транслировалось утром. Однако это не все. Интервью польского руководителя было «порезано» и дополнено картинками, которые не отвечали содержанию его выступления.

Наша дискуссия после телевизионного выступления американского гостя была далека от того, что мы могли действительно сказать. Например, мы могли напомнить вице-президенту период санкций, всякого рода ограничений, применяемых в отношении Польши. Со всей справедливостью мы могли бы назвать потери, которые наша страна потерпела из-за них, не говоря уже о санкциях союзников США, введенных только потому, что сам Вашингтон так делал. Мы могли ему напомнить оскорбление в адрес В. Ярузельского, высказанное одним из членов нынешней американской администрации. Мы не спрашивали также об американском своеобразном подходе к правам человека, к нищете и преступности или к праву на жизнь и труд. Мы не делали этого именно из-за того, что Буш был нашим гостем. Эти все элементы также следовало учесть не только в Варшаве, но и в других местах, в том числе в Вашингтоне.

Автор. Вице-президент США Дж. Буш посетил костел св. Станислава Костки в рабочем районе Варшавы Жолибуж. Здесь его встречала толпа численностью несколько тысяч человек, выкрикивавшая лозунги: «Спасибо Рейгану!» «Нет свободы без «Солидарности!»», Дж. Буша встретили в костеле два бывших лидера распушенной «Солидарности» Л. Валенса и З. Буюк.

Вице-президент США возложил венок на могилу ксендза Е. По-пелушко, у которой стояли в почетном карауле два американских морских пехотинца. Затем Дж. Буш вместе с Л. Валенсой поднялся на балюстраду костела, откуда обратился к собравшимся с краткой речью.

Для американцев, заявил он, Е. Попелушко является олицетворением свободы, США высоко оценивают борьбу польского народа. Поклянемся, что продолжим дело Е. Попелушко, призвал Буш. Толпа ответила ему выкриками: «Клянемся!».

Вице-президент США публично приветствовал также Л. Валенсу, которого, как он сказал, в США хорошо знают. Валенса и Буюк в костеле не выступали.

Во время посещения в воскресенье частных крестьянских хозяйств в местечке Ломянки близ Варшавы Дж. Буш встретился с представителями распушенной «сельской «Солидарности». В ходе беседы ему был задан вопрос об отношении США к «Солидарности». Дж. Буш сказал, что позиция США по этой проблеме не изменилась. Мы считаем, что «Солидарность» должна быть зарегистрирована, заявил Буш.

Во время визита в ПНР Дж. Буш неоднократно беседовал с западными корреспондентами. В ходе одной из бесед в Варшаве он подчеркнул, что оказание Соединенными Штатами финансовой помощи Польше будет зависеть от дальнейшего прогресса в области примирения властей с оппозицией.

Рецензент. «Обед с Ярузельским, ужин с Валенсой» — под таким заголовком парижская эмигрантская газета «Русская мысль» (2.10.1987) опубликовала отчет собственного корреспондента о польской поездке Дж. Буша:

«С 26 по 29 сентября в Польше с официальным визитом находился вице-президент (и один из наиболее вероятных кандидатов на пост президента) Соединенных Штатов Джордж Буш. Его поездка проходила под флагом двух внешнеполитических идей (совместимость которых более трудно представима с точки зрения расстановки сил внутри Польши), характерных для сегодняшнего курса американского правительства: с одной стороны, нормализация отношений с правительством ПНР, вплоть до поддержки его полного возвращения на международную сцену и помощи в его запу-

танных кредитно-долговых делах, с другой стороны, прямая, открытая и твердая поддержка, выражаемая и оказываемая «Солидарности».

Лед в отношении между США и ПНР был сломан год назад, после массового освобождения политзаключенных в сентябре 1986 г. С тех пор Соединенные Штаты отменили последние сохранявшиеся (в основном чисто символические) экономические санкции против ПНР, обсудили конкретные проекты двустороннего экономического сотрудничества а совсем недавно договорились об обмене послами (с декабря 1981 г. посольства обеих стран возглавлялись поверенными в делах: США отозвали своего посла, а посол ПНР в Вашингтоне Ромуальд Спасовский, как известно, сразу после объявления военного положения попросил политическое убежище в США, за что у себя на родине заочно приговорен к смертной казни).

Официальный визит Джорджа Буша нужен, однако, властям ПНР не только для укрепления своего международного авторитета, но и в более практических целях. Дж. Буш обсуждал с Ярузельским вопрос об отсрочке уплаты процентов по польской внешней задолженности и о выделении Польше новых кредитов и обещал поддержать эту просьбу на предстоящем заседании Парижского клуба — межгосударственного финансового объединения, от которого зависит перерасчет процентов по задолженности ПНР государственным банкам западных стран (15 млрд долларов из общей суммы долга 35 млрд).

Неизвестно, на каких конкретно условиях вице-президент обещал эту поддержку, однако известно, что он говорил с Ярузельским о необходимости демократизации и подлинного «национального примирения» и не преминул упомянуть о «Солидарности». В этом отношении визит Буша отличается от визитов многих западных государственных деятелей, которые тоже встречались как с Ярузельским и другими представителями власти, так и с лидерами «Солидарности» и оппозиции. Мы уже отмечали, что это превратилось в своего рода ритуал: по делам встречаются с властью, а для символики (нередко, вероятно, с самыми искренними чувствами) «отмечаются», приняв или посетив Валенсу и возложив цветы на могилу Ежи Попелушко, при этом обе линии визита идут в стороне одна от другой, не касаясь и не пересекаясь. Встречи министров и премьер-министров с оппозицией происходят публично, перед объективами фотоаппаратов и телекамер, и в то же время как бы тайком от польских властей, которые со своей стороны делают вид, что ничего такого не было.

Джордж Буш нарушил этот полный умолчаний ритуал, хотя и с Валенсой встретился, и поклонился праху замученного священника.

В первый же день, 26 сентября, после краткой встречи с Ярузельским он принял представителей польской интеллигенции, известных своими (в большей или меньшей степени) оппозиционными настроениями. Профессор Клеменс Шанявский (избранный которого на пост ректора Варшавского университета не утвердили власти) сообщил западным журналистам, что двухчасовая беседа с вице-президентом США была очень полезной и что он был «весьма удивлен отличным знанием польских проблем», которое проявил Дж. Буш. Значительная часть беседы, по словам проф. Шанявского, была посвящена деятельности и роли «Солидарности».

На следующий день проходили переговоры и обед Джорджа Буша с генералом Ярузельским. О том, что вице-президент настаивал на политической демократизации и экономических реформах в Польше, известно из неофициальных источников. Они же передают, что вице-президент поднял тост за то, чтобы поляки стали «более свободными, более независимыми и более благоденствующими». Вечером того же дня Дж. Буш принял Леха Валенсу. Журналисты и фоторепортеры были впущены лишь на первые несколько минут этого разговора, продолжавшегося далее в течение часа без свидетелей. Но первое, что сказал Буш Валеисе — еще при журналистах, — было:

— Я говорил о вас с главой государства генералом Ярузельским.

— Напрасный труд, — не смущаясь ответил Нобелевский лауреат.

— Это невозможно, — возразил Буш. — Я стремился сказать генералу Ярузельскому, что мы вас поддерживаем.

Мы не знаем, осмелился ли генерал ответить высокому гостю, что Валенса — всего лишь «частное лицо», «бывший председатель бывшего профсоюза», что вместо «Солидарности» теперь существует «подлинное» профсоюзное движение — детище воен-

ного положения, а «Солидарность» объявлена вне закона, что лидеры «Солидарности» и оппозиции, которых Соединенные Штаты поддерживают и с которыми вице-президент встречается, — это всего лишь «горстка экстремистов на службе иностранных подрывных центров». Полагаем, что от всего этого пропагандистского жаргона Ярузельский воздержался: слишком важна для него была встреча с Бушем и ее благоприятные последствия.

Зато мы знаем, каким образом власти попытались «отменить» встречу Буша с Валенсой. впервые за шесть лет они выдали Леху Валенсе разрешение на поездку за границу (он был на эти дни приглашен в Италию), причем об этом Валенсу известил примас Польши кардинал Глемп письмом, в котором также указывалось, что власти гарантируют Валенсе беспрепятственное возвращение на родину. Еще за несколько дней до приезда Буша рупор режима Ежи Урбан охарактеризовал намеченную встречу вице-президента с Валенсой как «жест, который не послужит на благо польско-американских отношений». Но вице-президент не внял рекомендациям Урбана, а Валенса не поддался на приманку заграничной поездки.

После свидания Буша с Валенсой в посольстве США состоялся ужин, на который кроме председателя «Солидарности» были приглашены Бронислав Геремек, Яцек Куронь, Адам Михник, Збигнев Буяк, Владислав Фрасынюк. Первоначально приглашение получил также лидер движения «Свобода и мир» Яиек Чапутович, но 26 сентября вечером ему позвонили из посольства и сообщили, что приглашение отменяется. Причина, по предположению участников движения «Свобода и мир», состоит в том, что Чапутович намеревался вручить вице-президенту США письмо с требованием освободить сидящего в тюрьме штата Канзас Дэвида Гиллона Керли, которого «Свобода и мир» считает «отказником совести» (то есть человеком, заключенным за отказ от воинской службы по убеждениям). Не совсем ясно, как могли в США осудить человека на три года тюрьмы за отказ от воинской повинности, если воинской повинности в этой стране не существует. Но в любом случае верна или ошибочна эта информация (которую движение, вероятно, получило от американских пацифистов), чиновники посольства лучше поступили бы, дав возможность вице-президенту самому объяснить с лидером польского независимого движения.

Однако, если верить сообщениям агентств, атмосфера встречи этим не была омрачена. Яцек Куронь сообщил корреспонденту АФП, что высказывания вице-президента в отношении поддержки, которую Соединенные Штаты намерены и далее оказывать «Солидарности», «шли весьма далеко» и что Джордж Буш хорошо понимает самое главное: тот факт, что если режим в Польше тоталитарный, то общество — независимо и поэтому следует встречаться с его представителями. Адам Михник во время этой встречи передал Джорджу Бушу ряд подпольных изданий — книг и номеров журналов.

Автор. Представление о том, как американская массовая печать создавала тенденциозную картину зависимости польского политического процесса от влияния США, дает подборка газетных высказываний за 1 и 2 октября 1987 г.

Газета «Вашингтон пост» опубликовала статью Дэвида Хоффмана и Джексона Дила, в которой, в частности, говорилось:

«Коммунистический руководитель Польши генерал Войцех Ярузельский отверг призывы вице-президента Буша к осуществлению политических изменений, которых добивается запрещенный профсоюз «Солидарность», назвав их в ходе переговоров «самоубийственными».

«Мы поддерживаем «Солидарность». Мы поддерживаем плюрализм. Мы ясно заявляли об этом», — сказал Буш Валенсе в начале их встречи в присутствии журналистов Валенса ответил. «Мы благодарим правительство Соединенных Штатов за то, что оно понимает польские проблемы».

Официальные лица утверждали, что Бушу не удалось добиться дополнительных обязательств со стороны Ярузельского осуществить те изменения, которые, как утверждает администрация Рейгана, необходимы в Польше, в том числе обязательства восстановить независимые профсоюзы. Вместо этого, как сообщили официальные

лица. Ярузельский высказывался об инициативах его правительства и утверждал, что в его деятельности в области прав человека не имеется проблем.

«Генерал не пошел на уступки», — сказал один высокопоставленный американский официальный деятель. По словам одного из них, основным достижением Буша стало то, что он «прояснил подлинные противоречия».

Можно сказать, отмечала «Нью-Йорк Таймс», что Буш идет по стопам предыдущего вице-президента — республиканца Ричарда Никсона, которому был оказан здесь самый теплый прием в 1959 г., незадолго до его выдвижения в 1960 г. кандидатом на пост президента.

В пятиминутном выступлении, передававшемся по общенациональному телевидению, Буш заявил: «Не мое дело говорить вам, какой путь избрать. Это должны решать сами поляки».

Однако я могу сказать вам, что давало результат в нашей стране и во многих других странах. Речь идет о соблюдении прав человека. Это право на создание независимых и самоуправляющихся организаций, преследующих многие цели, включая защиту интересов рабочих. Это экономическая система, поощряющая использование людьми своих возможностей в полном объеме».

Это был первый случай, когда польские власти разрешили западному руководителю выступить с подобным обращением, непосредственно передававшимся в эфир.

После выступления Буша комментатор польского телевидения Зигмунт Бронярек, вашингтонский корреспондент органа ПОРП газеты «Трибуна люду», осудил выступление вице-президента, подчеркнув «В своих заявлениях в Польше он говорил о том, что избавился от многих мифов и иллюзий, которые привез с собой из США. Однако при всем должном уважении к вице-президенту мне, однако, кажется, что он не избавился от всех мифов и иллюзий».

Буш заявил телезрителям, что он встречался с политическими руководителями, с примасом Польши кардиналом Юзефом Глемпом, а также с Лехом Валенсой и другими руководителями «Солидарности».

Это был первый случай на памяти многих поляков, когда фамилия руководителя «Солидарности» прозвучала на польских радиоволнах.

Как указывает «Нью-Йорк Таймс», руководители «Солидарности» заявили, что рассматривают появление вице-президента Буша с Валенсой как публичную поддержку требования этого запрещенного профсоюза о восстановлении его законного статуса.

«Лично я был исключительно счастлив и очень удивлен поддержкой Буша», — сказал советник «Солидарности» из Варшавы Яцек Куронь.

Коварство «публичной дипломатии»

Рецензент. «Публичная дипломатия» — так назвали американские руководители нынешний свой стиль общения за границей с официальными высокими лицами, а также через их голову, минуя их, с широкой публикой. Еще совсем недавно такого рода контакты с людьми, то есть пропаганда на зарубежную аудиторию без согласия официальных властей, а также переговоры с оппозицией в зарубежном государстве считались в дипломатии нежелательными, применялись сравнительно редко. Этим в основном занималась разведка.

В наше время даже разведка претерпела существенную эволюцию. На первое место выдвинулись не военные, а экономические проблемы.

Вот что писал на эту тему еще в конце 40-х годов автор книги «Стратегия разведки» Шерман Кент, занимавший высокий пост в вашингтонской администрации: «...разведка означает знание. Не все, правда, его области, но весьма существенную их часть. Сбор материалов, необходимых для разработки обилия

проблем, это задача, которую разведка не в силах выполнить самостоятельно. Делает она это с помощью большого количества учреждений, как общественных, так и частных (...). Надлежит брать на заметку все изобретения, касающиеся новых производственных процессов, вновь возводимые промышленные объекты, шахты, предприятия бытового обслуживания и их модернизацию...».

Вслед за этим высказыванием в США уже в 1959 г. решением конгресса (#794) было введено понятие промышленного шпионажа, которое со временем оформилось как хозяйственная или экономическая разведка. Британский специалист в этой области Дж. Гамильтон в 1970 г. предположил даже, что знание экономического потенциала противника станет для Запада тем же, чем в прошлом было знание его атомного потенциала. Чего же удивляться, что в Соединенных Штатах на эту разновидность войны с каждым годом предназначаются все большие суммы.

Активный интерес западных тайных служб к польской действительности, как вы верно отметили (с. 182), положил начало плацдармам нелегальной деятельности в Польше. Соответствующие власти были об этом информированы, но ситуацию недооценивали. Тогдашний министр внутренних дел, а позднее вице-премьер ПНР Станислав Ковальчик, к примеру, позволил себе пошутить на встрече с журналистами. Знаю, сказал он, что делает мой «коллега» из кабинета теней.

Для стратегов Запада, готовящих экономическую ловушку для Польши, было бесполезно знание некоторых личных черт руководителей ПНР, вставших у власти в Польше после 1970 г. Средства массовой информации в ФРГ, Франции, Бельгии, Соединенных Штатах и в других странах принялись всячески подогревать честолюбие Первого секретаря ЦК ПОРП, называя его «европейцем», «великим поляком», «государственным мужем» (поляки шутили, что он скорее муж Станиславы, так звали жену Эдварда Терека), «спасителем Польши» и т. д., им вторили отечественные пресса, радио, телевидение. Придуман был с той же целью нелепый и не имеющий экономического обоснования лозунг «строительство другой Польши». Все это плюс зарубежные поездки Эдварда Терека (Франция, США) привели к тому, что, вопреки предостережениям экономистов и политиков (об этом говорит также Ф. Шляхциц, второй человек после Терека в тогдашней партийной иерархии ПНР (см.: Злоупотребления под знаменем партии. Принимал ли я в этом участие? — «Жиче литерачке». 1989. #11), на Западе был взят кредит под большие проценты, связавший польскую экономику с зарубежной, в основном с американской.

На первых порах (1970—1974 гг.) это выглядело даже эффектно, особенно на фоне догматика Владислава Гомулки, взгляды которого публично начали называть «сермяжными» (Гомулка взял реванш изречением: «Поглядим, как будет выглядеть этот их социализм во фраке»).

Вот как видел август 1980 г. в Польше видный английский публицист Нейл Эйчерсон: «... это была одна из самых странных политических структур на континенте. Внешне Польша была членом сообщества народов, строящих социализм. Но польская действительность представляла собой эксцентричное равновесие компромиссов (...). Такое балансирование вызывало удивление, но и восхищение тоже. Польша, надо повторить это, была наиболее толерантным местом в Восточной Европе (...). На Западе польское общество часто называли плюралистичным. Больше к нему подходит, однако, определение корпоративное». Старый бывалый газетчик хорошо знал, что пишет, поскольку именно при корпоративной системе

легче манипулировать, заниматься подстрекательством, соперничать в предъявлении требований государству.

Стоит также привести замечания этого английского публициста, касающиеся Эдварда Терека Он писал: «...новый цикл истории, начавшийся в огне 1970 г., продолжался десять лет. Правление Эдварда Терека, человека, впрочем, прямого, с истинным уважением относившегося к рабочему классу (эти взгляды английского публициста разделить трудно, ведь в ближайшем окружении Терека часто употреблялось презрительное определение — «работяги». — Е. Б.) и на первых порах много достигшего, в свою очередь, потерпело крах. Это вовсе не является поводом для радости даже для заядлых антикоммунистов. Поражение было столь тотальным, я бы сказал даже, патетическим, что оно должно повергнуть в страх каждого, кто надеется, что люди способны реализовать поставленные перед собой задачи. Польское государство в 1970—1980 гг. не только не достигло своих целей, но в некотором отношении достигло как раз того, чего хотело избежать...».

Радоваться могли исключительно политики, видевшие в событиях на польском Побережье предвестие финала «долговой ловушки», а вспыхнувшие по всей стране забастовки и манифестации еще более усугубляли и приближали его такой конец. Неудивительно поэтому, что при известии о введении 13 декабря 1981 г. в Польше военного положения пароксизм бешенства охватил прежде всего администрацию США. Если оперировать экономическими категориями, это означало прежде всего, что миллиарды долларов, рассчитанные на прибыль в виде возможного изменения социально-экономической структуры в ПНР, не только не дали никакой выгоды, но и принесли потери. К тому же они не вызвали и предполагаемой стратегической угрозы, какую представляло бы вмешательство СССР и государств Варшавского Договора во внутренние дела Польши. Отсюда первой реакцией Вашингтона было оглашение экономических санкций, которые поддерживала оппозиция во главе с Валенсой. Последний в своем автобиографическом повествовании «Путь надежды» представил дело так, словно речь шла о «наказании» правительства ПНР «за вероломство».

Имело ли право правительство ПНР на такой шаг? Пожалуй, не только в вашем первом издании этой книги, но и в нашем диалоге мы сумели воссоздать климат общественных отношений, в котором польская оппозиция продолжала двигаться к намеченной цели, рваться к власти, опираясь на всестороннюю поддержку зарубежных сил. Уверен, что без подстрекательства со стороны американцев польские события никогда не приняли бы такого серьезного оборота, как в течение последнего десятилетия.

Автор. В начале 80-х годов, когда мы читали репортажи советских корреспондентов из Польши и статьи о подрывной антисоциалистической деятельности империалистических кругов, мы не представляли себе ее действительные масштабы.

Ведь ясно, что и сотня американских шпионов на территории ПНР не могли соперничать по своему эффекту на широкие массы поляков с одним хорошо отрежиссированным визитом вице-президента США или даже американского сенатора. Западные «голоса», печать внутренней польской оппозиции и американская протокольная служба путем всяческих ухищрений создавали многократно преувеличенное впечатление (1) о числе и влиянии польских диссидентов, (2) о их преданности идеалам и чаяниям польского народа и (3) о заинтересованности США оказать помощь Польше в выходе из кризиса.

Нет у нас и реального представления о том, как на западе интерпретируют отношения СССР и Польши. Наша пресса делает первые робкие шаги, не рассказывая нам и десятой доли об имеющихся проблемах и противоречиях. Советский читатель хорошо информирован о перипетиях всех конфликтов между западными союзниками, но куда скромнее его знания о делах в нашем собственном доме — социалистическом содружестве наций, отношения между которыми принято у нас называть братскими. Неудивительно, что вакуум в этой области незамедлительно заполняется всякого рода мифами и интерпретациями от лица западной пропаганды. Она и здесь имеет свой политический выигрыш, и немалый.

Что же рассказывают американцы миру о советско-польских отношениях? Как можно догадаться, малоприятные для нас вещи. Правду они говорят или лгут? Думаю, что это уже вопрос второстепенный. На Западе американцы имеют почти монопольные позиции в сфере манипулирования общественным мнением и оболванивания широких масс. Мы же зачастую лишены возможности и сами получать интересующую нас информацию, и уж тем более нам трудно информировать о себе чужие народы.

За нас это делают другие. Вот как это выглядит, к примеру, в изложении некоего С. Пlossа, опубликовавшего в 1986 г. книгу «Москва и польский кризис. Интерпретация советской политики и намерений».

Сотрудник государственного департамента США Сидней Пloss посвятил свою книгу позиции, занятой советским руководством во время «польского кризиса» 1980—1981 гг.

Информация, собранная разведывательными службами, утверждает Пloss, никогда не бывает ясной. Особую трудность для ЦРУ представляет, по его словам, интерпретация данных о намерениях советских лидеров. Среди наиболее характерных примеров — ошибочные сведения американской разведки о реакции СССР на события в Польше. Подобные «провалы ЦРУ» случались, пишет Пloss, неоднократно и объясняются труднодоступностью сведений об изменениях политики Политбюро ЦК КПСС и Советского правительства. По мнению автора, ликвидировать «вакуум» можно, лишь прибегнув к тщательному анализу оценок позиции советской печати в отношении того или иного события (конфликта). Для демонстрации «возможности» предлагаемого им метода он постфактум исследует материалы советской прессы, относящиеся к событиям в ПНР.

Польша традиционно считается наиболее важным союзником СССР в Восточной Европе. Поэтому любая попытка «посягнуть» на ведущую роль ПОРП в стране рассматривается Москвой как серьезная угроза. Польское руководство во главе с Э. Тереком, подчеркивает Пloss, считалось в СССР надежным и преданным партнером. Советская печать высоко оценивала «искусные» методы руководства массами в ПНР. Так, сообщалось, что польские руководители регулярно консультируются с рабочими перед принятием ключевых решений в области социально-экономического развития, постоянно посещают крупные предприятия для бесед с трудящимися. Какие-либо выступления трудящихся против руководства ПОРП просто не принимались во внимание.

Забастовки в Польше, продолжает автор, начались после резкого повышения цен на мясные продукты в июле 1980 г. Однако Э. Терек заявил, что предпринятая мера является вынужденной и отменена быть не может. Размах стачечного движения увеличился, но правительство ему не препятствовало, хотя имело в своем распоряжении крупные силы безопасности. Застигнутая врасплох советская пресса хранила молчание по поводу событий в соседней стране. Возможной причиной отсутствия информации Пloss считает боязнь косвенно способствовать усилению забастовок в СССР, которые в то время, по данным из диссидентских источников, имели место в Горьком и других местах. Особой озабоченности в связи с развитием ситуации в Польше совет-

ские лидеры, отмечается в книге, не проявляли, поскольку разделяли прежние иллюзии о том, что Э. Терек сохраняет власть над страной, хотя Москва наверняка была настроена повышающимся влиянием в руководстве ПОРП С. Канн и С. Ольховского. СССР оказался признавать гданьское соглашение между правительством и рабочими и не сообщил о нем в печати.

После избрания С. Кани Первым секретарем ЦК ПОРП, пишет автор, Л. И. Брежнев в поздравительном послании охарактеризовал его как борца за усиление руководящей роли партии и как приверженца пролетарского интернационализма. Данная оценка, по существу, являлась «подсказкой», определяющей желательные для СССР направления деятельности нового польского руководителя. В свою очередь С. Кани «сигнализировал» Москве, что будет направлять развитие ситуации в «нужном» направлении. Существование «Солидарности» было признано, однако без выполнения ею функций политической партии.

Уже в ноябре 1980 г., считает Плосс, западные эксперты расходились в оценках перспектив советской политики в отношении Польши. Разведывательные службы предрекали в ближайшее время «интервенцию», дипломаты в Москве утверждали, что СССР не собирается вмешиваться в ход событий. «Реальный вопрос», стоявший перед советскими лидерами, заключался в том, последует ли С. Кани по пути И. Надя и А. Дубчека. Для решения возникшей проблемы советское руководство прибегало к организации частых встреч с польскими лидерами, и пресса, по мнению автора, позволяет выделить эту сторону деятельности СССР. Плосс заявляет, что за 15 месяцев (с сентября 1980 г.) Л. И. Брежнев, М. А. Суслов и А. А. Громыко больше видели польских руководителей, чем членов Политбюро ЦК КПСС. Оказавшись между Кремлем и «Солидарностью», говорится в книге, С. Кани лавировал, пытаясь «удовлетворить» требования обеих сторон.

Период с 19 ноября по 12 декабря 1980 г. автор считает «временем наибольших сомнений» в намерениях советского руководства. На Западе тогда появились даже сообщения о том, что «вторжение» уже началось. Некоторые эксперты откровенно признавались, что не в силах определить цели, преследуемые СССР в отношении Польши. К тому же советологов, по словам Плосса, смущали постоянные изменения в «иерархии» ближайших сподвижников Л. И. Брежнева. Западные разведки констатировали в то же самое время продолжающееся сосредоточение советских войск на западной границе.

Позднее, по мнению автора, отчетливо выявились разногласия в Политбюро ЦК КПСС относительно реакции на польские события. Он пишет о сторонниках «жесткой линии» и «либералах». С марта 1981 г. СССР, по Плоссу, возможно, вмешивался в польские события, «настраивая» органы безопасности ПНР против руководящих деятелей «Солидарности». В этот период, заявляет автор, судя по советской прессе, Политбюро ЦК КПСС окончательно уверилось в «нелояльности» С. Кани. Однако, учитывая перспективы затяжной войны в Афганистане, было решено «по возможности» воздерживаться от «вторжения» в ПНР. Характер освещения польских событий в советской печати, считает Плосс, показывает, что СССР надеялся «вдохновить скептиков» в руководстве ПОРП на сопотворение уступкам в пользу «Солидарности» и узаконить выступление сторонников «жесткой линии» против руководства С. Кани. В августе 1981 г., когда в Варшаве начались уличные антиправительственные выступления, в Москве, по его мнению, убедились в полной неэффективности контроля над ситуацией со стороны польских властей.

Форма и содержание «советской пропаганды» во второй половине 1981 г., с точки зрения Плосса, оказались близкими к тем, которые были характерны в 1968 г. в связи с событиями в ЧССР. Во время митингов на советских заводах выдвигались требования «остановить контрреволюцию» в Польше, комментаторы в «Правде» выступали с критикой подрывной деятельности международной реакции. Даже «военное давление» в обоих случаях было схожим: А. Дубчека в начале лета 1968 г. пригласили на учения войск Организации Варшавского Договора, а В. Ярузельский присутствовал на маневрах Советской Армии осенью 1981 г. У многих западных специалистов, указывает Плосс, создалось впечатление, что советские лидеры приняли твердое решение тем или иным способом сокрушить «Солидарность».

Избрание В Ярузельского Первым секретарем ЦК ПОРП, пишет Плосс, ссылаясь на советскую печать, было с радостью встречено в Москве. Однако советская пресса негативно отнеслась к продолжающимся со стороны ПОРП поискам компромисса с «Солидарностью». Средства массовой информации, добавляет он, осенью 1981 г отражали растущую волну озлобленности советского руководства. Очевидно, во второй половине ноября 1981 г до В Ярузельского было доведено требование объявить в стране военное положение. Плосс ссылается на сообщение польских правительственных источников о том, что как раз в это время из Москвы поступило предупреждение о возможном вводе в Польшу войск Организации Варшавского Договора. Подготовка к объявлению военного положения, по его словам, продолжалась около месяца и держалась в секрете. Однако в советской прессе с начала декабря появились ясные сигналы, показывающие, что в ближайшее время в ПНР должны произойти какие-то события.

Своевременный анализ освещения советской печатью польских проблем, пишет далее Плосс, мог бы позволить избежать ошибок, сделанных американской администрацией в результате «провала» экспертов ЦРУ. Явно неточным оказалось и мнение ряда советологов, что СССР «при Брежнев» сосредоточил внимание на внутренней политике, на повышении уровня жизни населения. Эти же специалисты переоценили значение, придаваемое советским руководством сотрудничеству с США, стремление Кремля «любой ценой» избежать ухудшения советско-американских отношений. Недостоверными, по мнению автора, оказались утверждения о зарождении в СССР «институционального плюрализма». Эксперты преувеличили глубину «послесталинских изменений» в советском руководстве. Отсутствие во второй половине 1981 г упоминаний о положении дел в Польше в речах советских лидеров было воспринято как отсутствие каких либо решительных намерений, хотя отличительной особенностью руководителей КПСС уже давно является крайняя осторожность. Однако, утверждает Плосс, все свидетельствовало о том, что Москва непременно проявит решительность. Слишком большое значение уделяется в СССР дружбе с Польшей, и советское руководство вряд ли позволило бы событиям идти «своим путем». Альтернатива, говорится в заключении, состояла в выборе между вторжением и подавлением оппозиции «изнутри». Первый путь «решения» проблемы, по словам автора, был чреват слишком тяжелыми последствиями для СССР. Плосс советует своим «коллегам» чаще читать советскую прессу «между строк», чтобы ошибок при анализе внешнеполитического курса СССР стало как можно меньше.

4. ПОЛЬША ГЛАЗАМИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙЦЕВ

Жители Западной Европы считаются наиболее грамотной в политическом отношении публикой во всем капиталистическом мире. Поэтому, вероятно, и буржуазная массовая пропаганда европейских государств, в течение многих лет мулсирующая «польскую проблему», является весьма изощренной и гибкой. Буржуазные журналисты Западной Европы, обрушивая потоки деструктивной пропаганды по поводу событий в социалистической Польше, борются таким способом и против левых сил в собственных странах.

В нападках на ПНР западноевропейская реакция играет второстепенную роль после США. Тем не менее размеры ущерба — политического и морального, экономического и культурного, — которые нанесли Польше некоторые европейские страны НАТО, огромны. Империалистические круги в Англии, ФРГ и Франции содержат множество подрывных эмигрантских организаций. Разумеется, что цели реакционных польских эмигрантов и, скажем, западногерманских реваншистов различны. Но пока что эти разношерстные деятели смыкаются и дополняют друг друга в яростном — и не только словесном — антисоциализме.

В духе Черчилля и Миколайчика

Британская ассоциация курильщиков трубок избрала Л. Валенсу «курильщиком года», пояснив, что «благодарный подход этого профсоюзного лидера к серьезным проблемам Польши демонстрирует успокаивающее влияние курения трубки».

Эта курьезная заметка была, безусловно, самой невинной в польской проблематике английской буржуазной пропаганды. Последняя, как считают ее руководители, знает толк в польских делах.

Волею судеб Великобритания оказалась причастной к делам послевоенной Польши не только как союзная держава-победительница, но и как политический актер, претендовавший на главную роль во внутренней борьбе различных польских классов.

Для Лондона, как и для Вашингтона, вопрос о будущем политическом строе в Польше был главным — и, таким образом, взаимосвязан с их позицией относительно границ польского государства. В полной мере такой подход западных держав к Польше проявился на Потсдамской (Берлинской) конференции, работавшей с 17 июля по 2 августа 1945 г.

Автор Г. Вачнадзе предупреждает! Страницы 90 — 106 были написаны им в 1982 году...

На стенах мемориального музея в местечке Цецилиенхоф, на окраине Потсдама, в здании, где проходила конференция глав союзных держав США, СССР и Великобритании, висит несколько карт Центральной и Восточной Европы с нанесенными на них проектами послевоенных государственных границ. Карты эти готовились летом 1945 г., и главным спорным моментом в них был польский вопрос. Так получилось, что проблема границ польского государства оказалась чуть ли не главной на конференции трех великих держав-союзниц.

Как известно, в Потсдаме западные политики, особенно Черчилль, воспротивились советским предложениям о польской границе по Одеру — Нысе Лужицкой, прибегая к тактике «увязки» (когда положительное решение одной проблемы ставится в зависимость от решения других проблем, как правило, не связанных с первой) и не останавливаясь перед попытками вмешательства во внутренние дела Польши. По предложению И. Сталина на конференцию были приглашены представители польского правительства.

«Потсдамская конференция, — пишет американский историк Дж. Моррен, — заслушала президента Берута из Польши, который высказался за установление западной границы Польши по рекам Одеру и Западной Нейсе... Черчилль выступил против требования Берута... Можно считать за парадокс, что Черчилль, который добивался вступления Англии в войну с Германией из-за Польши и который выступил в Ялте в пользу существенного прибавления германской территории к Польше, теперь действовал в роли защитника немцев от польских претензий... Не объяснялось ли это в действительности характером польского временного правительства национального единства?» Что ж, Моррей правильно понял суть позиции Черчилля.

Не менее обстоятельно подоплеку изменения точки зрения Англии раскрыл известный западный журналист Э. Дзелепи:

«Если бы Черчиллю удалось посадить в Варшаве угодное ему правительство, то этот «ужасный вопрос» (о польской границе, выражение самого Черчилля — *Прим. Г. В.*) никогда бы не возникал и вообще вся «польская проблема» приняла бы другой характер. Польша стала бы участницей «западного блока», уже имевшегося в зародыше, и ей ни в чем не было бы отказа. И Черчилль ссылался бы тогда на огромные жертвы, которые понесли поляки во второй мировой войне, в оправдание новой западной границы Польши, указывал бы на законность присоединения к Польше этих территорий с исторической и этнической точки зрения.

С того момента, как Польша ускользнула из-под его влияния и в Варшаве обосновалось «красное правительство», она больше не интересовала Черчилля. Отныне его интерес был обращен на Германию как на «завтрашнего» союзника. Он негодовал при мысли о том, что Польша выйдет из войны выросшей территориально и дружественной Советам».

Черчиллю не пришлось дать «решающую битву» в Потсдаме по вопросу о польских границах. В результате поражения консервативной партии на всеобщих выборах его на посту премьер-министра и главы английской делегации на Потсдамской конференции заменил с 28 июля лейборист К. Эттли. Впрочем преемник Черчилля, участвовавший в работе конференции с самого ее начала, вовсе не «виноват» в том, что в конце концов в Потсдаме восторжествовала точка зрения Советского Союза и Польши. Решающую роль сыграла настойчивость и одновременно гибкость советской делегации, использовавшей весь авторитет Державы, внесшей наибольший вклад в победу. Не случайно протоколы заседаний

Потсдамской конференции читаются как захватывающая психологическая повесть, и один из главных сюжетов его — польский. На этот польский сюжет известный советский писатель А Чаковский написал увлекательный роман «Победа», используя в нем свой личный опыт участия в двух наиболее значительных международных форумах XX в. — конференции в Потсдаме и общеевропейского Совещания в Хельсинки. Ведь в Потсдаме были установлены послевоенные границы между странами Европы, а в Хельсинки главы этих же государств торжественно подтвердили принцип нерушимости нынешних границ.

Трудно более точно определить значение потсдамских решений для польского народа, чем это сделал Кароль Малцужинский: «Польское знамя над Берлином осталось бы прекрасным, не пустым символом, если бы не поддержка польского дела и границ Польши Советским Союзом в Потсдаме» (Трибуна люду. 1980. 8 мая).

Борьба вокруг западной границы Польши не окончилась в Потсдаме. Уже 16 августа 1945 г. Черчилль в первой речи, которую он произнес в палате общин в качестве лидера оппозиции объявил «ошибкой» «временную» западную границу Польши в том виде, как она была намечена в Потсдаме, и осудил режим стран Восточной Европы. В действительности, как замечает Э. Дзелепи, он осуждал то, что ему представлялось «русской победой», затмившей победу союзников. Он подал сигнал к «пересмотру» и вновь употребил формулу «железного занавеса» (впервые он выдвинул ее еще 13 мая 1945 г. в своем послании Г. Трумэну).

И вновь Запад показал, что рассматривает Польшу не более как пешку в своей глобальной игре. Со всей очевидностью это прозвучало в печально знаменитой речи Черчилля в Фултоне (США) 5 марта 1946 г.

В качестве предлога было использовано вручение Черчиллю диплома местного Вестминстерского колледжа о присуждении ученой степени. В первых словах своей речи лидер британских консерваторов отметил присутствие президента Трумэна, который «совершил путешествие на расстояние тысячу миль для того, чтобы увеличить достоинство и значение нашего сегодняшнего собрания». Уже этот факт свидетельствует, что в Фултоне о мировых проблемах говорил не просто отставной премьер, а полномочный представитель Запада. Кстати, Черчилль готовил свое выступление с ведома и согласия английского премьера Эттли и министра иностранных дел Бевиля.

Смысл фултонской речи сводился к призыву создать фронт «западных демократий» под англо-американским господством против «восточного коммунизма».

В характерном для него эпическом стиле Черчилль рисовал в обоснование главного тезиса мрачную картину «От Штеттина (Щецин. — *Прим. Г. В.*) на Балтике до Триеста железная завеса спустилась на континент. За этой линией хранятся все сокровища древних государств Центральной и Восточной Европы...». Затем он не удержался от оскорблений в адрес этих государств. Так, по словам Черчилля, «польское правительство, находящееся под господством русских, поощряется к огромным и несправедливым посягательствам на Германию. Имеет место массовое изгнание миллионов немцев в масштабах, которые мы, к сожалению, не могли вообразить».

Нападки на страны народной демократии сочетались с нарочитой лестью и «освободительной» фразеологией. Речь шла о создании вдоль западной границы Советского Союза цепи стран, более или менее враждебно к нему настроенных. Таким образом, Англия и США отказывали СССР в праве иметь в качестве соседей дружественные страны.

Фултонская речь получила большой мировой резонанс, оценка ее прогрессивной общественностью была однозначна. Как заметил Бернард Шоу, речь Черчилля означала объявление войны России. Целью этой войны были «разгром и уничтожение коммунистической России». Разумеется, в рамках этой «сверхзадачи» авторы фултонской речи преследовали наряду с прочим цель подбодрить контрреволюционные силы в восточноевропейских странах, помешать стабилизации и упрочению народной власти в этих государствах.

Нападки Запада продолжались. Государственный секретарь США Дж. Бирнс в речи, произнесенной 6 сентября 1946 г. в Штутгарте, развил идеи, высказанные Черчиллем в Фултоне, и, в частности, вновь поставил под вопрос западные границы Польши. С заявлением Бирнса «почти полностью» согласилось английское правительство.

Активность Запада не могла не вызвать оживление в стане антикоммунистов внутри Польши. Об этом тяжелом периоде зарождения польской народной власти дает представление отрывок из беседы с ректором Академии внутренних дел ПНР Т. Валихновским («Газета поз-наньска», 26.04.1982). В ней, в частности, говорится:

«Период 1944—1948 гг. в истории Польши относительно мало изучен и описан, молодое поколение его почти не знает. Интерес к нему возрос в последнее время, несомненно, под влиянием событий 1980—1981 гг. Это нашло отражение также во время работы IX чрезвычайного съезда ПОРП. Как и прежде, об этом периоде в нашем обществе распространяется много легенд, мифов, полуправд, которые затемняют общую картину, затрудняют ответ на вопрос о существовании проводимой борьбы.

После разгрома фашизма казалось, что армия быстро покончит с подпольными группировками. Однако поскольку Польша не признавалась на международной арене, необходимо было пойти на определенные компромиссы, суть которых состояла в допуске «лондонцев» к участию в Варшавском совете. В Польшу вернулся С. Миколайчик, возникла крестьянская партия. Это означало зарождение официально действующей политической оппозиции. Данный факт был расценен многими как уступка, признак слабости народной власти. Это оживило и активизировало деятельность подполья. Началась братоубийственная борьба, особенно накалившаяся в период, предшествующий референдуму (30 июня 1946 г.), а также в период после референдума, когда временное правительство Национального единства развернуло подготовку к выборам в сейм, назначенным на январь 1947 г.

Подполье, которое все еще на что-то рассчитывало, особенно после появления С. Миколайчика, не имело каких-либо шансов для того, чтобы повернуть вспять ход истории нашей страны. Подобное положение было в Чехословакии, Болгарии, Румынии, Венгрии, но в этих странах люди не стреляли друг в друга. Это делали только в Польше. У нас погибло около 30 тыс. поляков.

Кроме того, на территории Польши погибло свыше тысячи советских солдат. Их матери по сегодняшний день не могут понять, как случилось, что их сыновья были убиты теми, кому они принесли свободу.

Вооруженная борьба не закончилась в 1948 г., последняя банда была ликвидирована в июне 1954 г.

Размеры и масштабы тех сражений можно объяснять низким уровнем сознания польского общества, а также ошибками нашей пропаганды. Вместе с тем мы по сегодняшний день не в состоянии ответить, была ли необходима такая ожесточенность. Думаю, что добросовестные исследования, использование новых данных позволят понять действительный характер и причины явления, которые мы характеризуем как братоубийственную войну в 1944—1948 гг.».

В заключение Т. Валихновский сказал: «Сегодня есть люди, которые мечтают о гражданской войне в Польше. Создается впечатление, что людская кровь в нашей стране ценится чрезвычайно дешево. Как в те годы, так и сегодня нельзя изменить ход истории. Место Польши в мире определено историей».

Нужно ли говорить, что антисоветские силы в Польше были естественным союзником Лондона и Вашингтона в «освобождении» Восточной Европы?

Современным западным «радетелям» Польши следовало бы напомнить точку зрения лейбориста К. Зиллиакуса. Выступая 20 октября 1946 г. в палате общин, он отметил, что Польша сейчас пытается очиститься от злой традиции враждебности к Советскому Союзу. «Меньше всего, — заявил Зиллиакус, — полякам нужно поощрение из-за границы, направленное на то, чтобы заставить их вернуться к вековым традициям внутренних междоусобиц или международной враждебности к соседям. С нашей стороны было бы явным безумием подстрекать поляков к тому, что противоречит их собственным интересам». Но совершенно иной была позиция западных правительств.

Летом — осенью 1946 г. в Польше вопросом номер 1 были выборы в законодательный сейм. Великобритания и США, видя, что их протеже — антисоциалистическая оппозиция, в первую очередь Польская крестьянская партия Миколайчика, — теряет сторонников, как показали итоги референдума 30 июня 1946 г., требовали ускорения выборов.

В августе 1946 г. западные державы потребовали представить им на рассмотрение положение о выборах в сейм. 22 ноября США, а 23 ноября и Великобритания направили Польше ноты, угрожающие тем, что в случае несоблюдения принципов выборов, отвечающих взглядам западных держав, они откажутся признавать польское правительство. Примечательно, что свои ноты США адресовали не правительству Польши, а «варшавскому правительству».

Отбомбардировав нотами Варшаву, США и Англия 5 января 1947 г направили ноты правительству СССР, в которых вновь встали на защиту Миколайчика и потребовали международного контроля над выборами в Польше. В ответной ноте МИД СССР 13 января 1947 г. заявил, что Советский Союз не видит необходимости обращаться к польскому правительству по поводу выборов и что западные державы не имеют права вмешиваться во внутренние дела Польши.

Антипольская пропагандистская кампания, дипломатический нажим в сочетании с некоторыми «санкциями» (например, задержка демобилизованных поляков из состава польских вооруженных сил на Западе, трудности, чинимые в возвращении польского имущества из британской зоны оккупации Германии, польских культурных ценностей и золотого запаса из Лондона) — все это не могло не отразиться на отношении широких кругов польского общества к подопечным Лондона и Вашингтона, к Миколайчику и его партии. Исход выборов в Законодательный сейм подтвердил самые худшие опасения покровителей легальной оппозиции в Польше.

«Победа Блока означает конец Миколайчика и влияние поляков из Лондона, — резюмировала газета «Интернэшнл геральд трибюн» (21.01.1947). — Правительство считает победу вотумом доверия народа к своей программе, направленной на преобразование аграрного государства в современное высокоиндустриальное государство». «Демократический Блок одержал подавляющую победу, особенно на западных землях», — отметила в тот же день французская «Монд».

Результаты январских выборов в Польше перечеркнули планы Запада столкнуть страну с пути социалистического развития.

Антипольская истерия в Париже

На оживленный бульвар в самом центре Варшавы распахнуты огромные витрины французского информационного центра. Здесь любой посетитель может пользоваться услугами читального зала, библиотеки, телегостиной с видеозаписями последних программ парижского телевидения, кинозала и лингафонных кабинетов. Ни одно иностранное государство не имело в Варшаве такого мощного пропагандистского бастиона. Тем не менее особых претензий этот центр ни у кого не вызывал. Ведь французская пресса и телевидение крайне редко удостаивали поляков своим вниманием — разве что во время визита Иоанна Павла II в Польшу в 1979 г.

Но после августа 1980 г. тема антисоветских и антисоциалистических спекуляций на бедах польского народа стала постоянной. Парижская буржуазная печать как в режиме испорченного граммофонного диска затвердила: Валенса, «Солидарность», Каян...; Валенса, «Солидарность», «угроза советского вторжения». Ни одна западная звезда кино и эстрады, коронованная особа или политический деятель не могли соперничать с Валенсой, портреты которого не сходили с обложки самых крупных французских иллюстрированных еженедельников.

Гданьск превратился в излюбленное место ведения репортажей французских буржуазных журналистов. Французам сообщали, что «поляки (по словам Л. Валенсы. — *Прим. Г. В.*) окажут сопротивление русским»; проводились и такие опросы общественного мнения, где французам спрашивали, согласны ли они... умереть за Польшу? Именно так и написано в журнале «Пари-матч» (26.12.1980).

Репортеры этого журнала снимали на пленку огромные очереди поляков за удовольствием, советских людей в Польше, а если удастся — верх удачи — советский грузовик или танк с парнями в советской военной форме. Поиски примет «либерализации» в польской жизни до 13 декабря 1981 г. и плохое знание местной обстановки вызывали у корреспондентов солидного буржуазного журнала ликование при встрече с девицами сомнительной репутации в вестибюле варшавского отеля. У читателей может возникнуть вопрос: чем отплатили сердобольным репортерам представительницы древнейшей профессии за бесплатное паблисити на трех страницах «Пари-матч» (2.01.1981) — самого престижного политического еженедельника Франции?

Империалистическая пресса Франции своей массовой поддержкой польской контрреволюции создавала фон, на котором разворачивалась уже конкретная, направленная непосредственно на население ПНР, диверсионно-пропагандистская деятельность.

Заграничные маршруты лиц, выступавших в роли официальных консультантов «Солидарности», а также различных «творческих» организаций и так называемых независимых групп чаще всего сходились в Париже. Там под руководством престарелого Ежи Гедройца расположился эмигрантский центр, цель которого — собирать всю информацию о событиях в Польше, используя ее для враждебной пропаганды. Издаваемый Гедройцем в Париже на польском языке ежемесячный журнал «Культура» является штабом антикоммунистических кругов на Западе.

Упомянутый выше Информационный центр французского посольства в Варшаве оказался причастным к подрывной антипольской деятельности неожиданным образом, совершенно выходящим за рамки дипломатического кодекса поведения в стране пребывания. Выяснилось, и об этом писал французский еженедельник «Пуэн» (14.06.1980), что

часть тиража парижской «Культуры» много лет регулярно поступала в ПНР в валах дипломатической почты, неприкосновенной и свободной от таможенного досмотра, а затем уже нелегально распространялась по стране. После разразившегося, неизбежного в таких случаях скандала работники французского информационного центра в Варшаве свою работу перестроили: стали завозить мало экземпляров, но усиленно размножать их на мощных ксерокопировальных аппаратах посольства...

Слали в Польшу купленное на французские деньги, зачастую собранные по подписке, печатное оборудование — целые типографии с офсетными линотипамми, множительными аппаратами, — оружие, продовольствие, медикаменты, печатную продукцию антисоциалистического характера на польском языке, валюту.

Громили в конце декабря 1981 г. в Париже помещения французских компаний, связанных деловыми отношениями с польскими государственными предприятиями автобусного сообщения (ПКС), а также по организации выставок и рекламы. Французское правительство осудило эти «безответственные акции», свершенные от имени так называемых «гданьских бакунинских групп в Париже».

Парижская газета «Матэн» (18.01.1982) сообщила о выделении правительством Франции 4,9 млн франков на оказание помощи польским иммигрантам. Правительство направило директиву властям на местах, вменяя им в обязанность без промедления предоставлять польским гражданам политическое убежище или статус политического беженца. В правительственных кругах дают также понять, писала «Матэн», что в данный момент французское правительство «закрывает глаза» на факты нахождения во Франции польских граждан, которые пока еще не приняли решения либо возвращаться на родину, либо остаться во Франции.

Были и другие удивительные факты. 1 апреля 1981 г. в Париже в одностороннем порядке объявили о создании... франко-польского союза журналистов для «облегчения двустороннего обмена информацией», говорилось в официальном сообщении. В члены «союза» приглашались в основном польские журналисты. Все крупные французские профобъединения, от правых до социалистов, наперебой слали в Варшаву собственные делегации с богатыми «дарами» и принимали у себя в Париже деятелей «Солидарности» любого ранга.

Путем неприкрытого вмешательства в польские дела французские правые партии до мая 1981 г. пытались помешать во Франции приходу к власти правительства левых сил. Дискредитируя социализм в ПНР, пытались таким способом настроить французское общественное мнение перед всеобщими президентскими выборами, торпедировать программу французских социалистов, провалить кандидатов от Французской коммунистической партии. Поражение правых и приход правительства социалистов во главе с Ф. Миттераном открыли новую ожесточенную фазу в эксплуатации польской беды в целях французской крупной буржуазии — с помощью «Солидарности» хотели лишить доверия, отозвать из правительства социалистов вошедших в него министров-коммунистов. Французского избирателя, проголосовавшего за национализацию части отраслей национальной промышленности, за более справедливое распределение налогов и ассигнований на социальные нужды, крупные предприниматели, то есть правые и их могущественная пресса, пугали «крахом польского социализма», которому сами способствовали изо всех сил.

Подобно тому, как это было в США с АФТ — КПП, главную партию в негосударственном антипольском оркестре Франции играло самое реакционное национальное профобъединение — «Форс увриер».

В обстановке такой крайней заинтересованности в нем Валенса мог позволить себе заявить представителям Французской демократической конфедерации труда (ФДКТ находится в настоящее время под контролем социалистической партии), передавших ему приглашение приехать во Францию, что не хочет быть предметом разногласий во французском профсоюзном движении, а поэтому, мол, желательно, чтобы в Париже его принимала не ФДКТ, а совместная делегация от всех крупных профсоюзных объединений Франции («Пуэн». 26.01.1981). Скромность, как видно, была не самым большим пороком Валенсы.

Вообще же связям с Францией он придавал большое значение — благословлял создание в Париже таких организаций (и посылал туда своих представителей), как ассоциация «франко-польской солидарности с целью помочь польским независимым самоуправляемым профсоюзам», «европейский комитет в защиту свободных профсоюзов в странах Восточной Европы и в Советском Союзе», допуская «утечку» информации для журналистов парижского телевидения (передача по телепрограмме «Антенн-2», 17.12.1981) с заседания всепольской комиссии «Солидарности», где речь шла 12 декабря 1981 г. о «взятии власти», о том, чтобы «освободить Ригу и Владивосток», и о том, чтобы «направить бригаду в Афганистан». Он охотно соглашался на интернационализацию безумных планов и масштабов польского антисоциализма, в частности, чтобы с помощью «эффекта «Солидарности» подорвать влияние в массах Французской компартии и стоящей на прогрессивных позициях Всеобщей конфедерации труда Франции, уничтожить социальные достижения французских трудящихся.

18 декабря 1981 г. Политбюро Французской коммунистической партии выступило с заявлением по поводу событий в Польше:

«Политбюро клеймит поведение руководителей правых партий, которые, стремясь подорвать сплоченность левых сил и помешать продолжению политики перемен, поднимают недостойную и бесстыдную шумиху в связи с Польшей, хотя они спокойно мирятся с кровавыми диктатурами, свирепствующими в мире, если не прямо поддерживают их, в том числе в стране — члене атлантического союза, а именно в Турции.

Французская коммунистическая партия предостерегает трудящихся и демократов Франции в отношении инициатив всех тех, кто не колеблясь высказался бы за самое худшее для Польши ради достижения своих собственных целей во Франции. Она считает, что долг всех подлинных друзей польского народа, свободы и мира состоит в том, чтобы действовать, стараясь предотвратить гражданскую войну...».

Вечером того же 18 декабря 1981 г. французское телевидение передало отрывки из речи государственного министра, министра транспорта коммуниста Ш. Фитермана, выступившего с резкой критикой попыток правых сил драматизировать обстановку в Польше. По словам Ш. Фитермана, «эти люди готовы пожертвовать народом Польши, подтолкнуть его к авантюрам и даже толкнуть Францию в эту авантюру, с тем чтобы достичь своих внутривнутриполитических целей, попытаться нарушить правительство и помешать проведению прообразованных, намеченных во Франции. Я заявляю, что мы не сделаем ничего, что позволило бы им достичь своих целей». Ш. Фитерман заявил, что он одобряет оценку событий в Польше, сделанную президентом страны и главой правительства.

14 декабря, на следующие сутки после введения в ПНР военного положения, министр внешних сношений Франции К. Шейсон заявил, что «французское правительство абсолютно ничего не предпримет» и что это «внутреннее дело Польши». Президент Франции Ф. Миттеран ясно сформулировал свой ответ правым во Франции, а также администрации Рейгана, требовавшим объявления экономической блокады ПНР.

«Оставим в стороне тех, для кого стало навязчивой идеей использование драмы Польши для целей французской внутренней политики», — заявил, по сообщению агентства Франс Пресс (21.12.1981), Миттеран, который добавил: «Что же касается упреков в том, что мы не делаем большего, то французы сами отвечают на него, одобряя — я в этом уверен — то, каким образом правительство руководит делами страны в тот момент, когда более чем когда-либо в интересах всех, и прежде всего поляков, необходимо сочетать решимость и хладнокровие». «Оказание продовольственной помощи Польше не должно быть приостановлено ни под каким предлогом. Франция намерена выполнять все подписанные с Польшей контракты», — подтвердил свое, уже высказываемое ранее мнение Миттеран, выступая 6 января 1982 г. на заседании Совета министров Франции.

Французское правительство отмежевалось от политики «санкций» и «экономической блокады» социалистических государств, объявленной Р. Рейганом в ответ на постепенные шаги ПНР по пути нормализации. Но почему-то Париж, по укоренившейся традиции, продолжает оставаться в Старом Свете заповедником для десятков и сотен подрывных мелких и крупных объединений реакционной эмиграции из стран социализма.

Необычайной популярностью в буржуазном парижском обществе вот уже три года пользуются польские контрреволюционеры. Эмблема двуглавого орла с польского герба возникает во французской прессе и на телевидении при малейшем всплеске уличных демонстраций в Польше. Империалистическая пресса в Париже переживает затянувшийся «польский бум». Выходят десятки книг о Польше буржуазных авторов. Посольства ПНР и СССР в Париже регулярно, раз в неделю, осаждают группки, а иногда и толпы бесчинствующих молодчиков, протестующих против социализма в Польше.

Причины антипольской пропагандистской истерии в Париже кроются в традиционном желании определенных империалистических кругов подменять решения серьезных политических проблем в собственной стране шумихой вокруг положения дел в социалистических странах.

Восточные интересы ФРГ

В октябре 1982 г. власть в Бонне потеряли социал-демократы, курс разрядки и новая «восточная политика» которых (1969— 1982 гг.) и создали ФРГ ее нынешний солидный международный авторитет.

Ради справедливости отметим, что и предыдущий канцлер ФРГ Г. Шмидт, хотя и не разделял оголтелую антикоммунистическую и антипольскую одержимость Р. Рейгана, не раз грешил высказываниями и действиями в адрес ПНР, которые трудно назвать дружественными.

Новый канцлер ФРГ Г. Коль, спустя неделю после формирования правительства консерваторов, потребовал от ПНР «аннулировать делегализацию независимого, самоуправляемого профсоюза «Солидарность», то есть закон, который принял польский сейм.

Рассмотрение темы вклада западногерманских политических и монополистических кругов в разжигание польской контрреволюции приводит к выводу о примерной равноценности негативного характера усилий правых социал-демократов, блока партий ХДС/ХСС, империалистических средств массовой информации.

Конечно, СДПГ и федеральное правительство могут формально уклониться от ответственности за многолетнюю массивированную акцию средств массовой информации ФРГ против Польши, сославшись на мнимую «свободу печати». Но нельзя не заметить, что в ходе выступлений, представляющих собой вмешательство в проблемы ПНР, наряду с ведущими реакционными газетами концерна А. Шпрингера первую скрипку играют также органы печати, находящиеся под контролем СДПГ или близко стоящие к ней. Это особенно относится к гамбургскому журналу «Шпигель».

Западногерманский журнал «Штерн» в январе 1982 г. опубликовал статью своего главного редактора Генри Наннена, анализирующего события в Польше до введения военного положения и отношение к ним общественного мнения ФРГ, которым стремятся управлять монополистическая пресса и телевидение. «Штерн» — буржуазный еженедельник, то есть отнюдь не прогрессивной политической ориентации, и тем более любопытно нижеследующее свидетельство.

«От лицемерия в отношении Польши, — пишет Наннен, — меня уже просто тошнит. Оно началось с того, что люди, которые у нас считают любую стачку преступлением против свободного демократического основопорядка, приходили в восторг от каждого сообщения из Польши о забастовках. Быть может, речь идет об увеличении свобод при сохранении социалистической системы? Нет, речь шла о том, чтобы превратить Польшу в очаг гангрены. Давайте же признаем, что немало людей раскрывали у нас по утрам газеты со сладкой надеждой, что забастовщики захватили еще один металлургический комбинат, еще одну шахту, еще одну судовой верфь. Давайте же признаем, что у нас немало людей очень ждали первых кровавых столкновений, поскольку сила всегда порождает силу.

Было лицемерием не отдавать себе отчета в том, что произошло бы, если бы такие события происходили у нас. Представьте себе, что в условиях драматического развития экономического кризиса в ФРГ «зеленые», члены «альтернатив», скваттеры, противники строительства взлетно-посадочных полос и, если хотите, коммунисты объединились в организованную антипарламентскую оппозицию, насчитывающую более 20 млн человек. Представьте себе далее, что эта сильная антипарламентская оппозиция, которую подозревают в том, что она получает идеологическую и материальную поддержку от всего восточного блока, сначала стала бы выдвигать умеренные требования в области защиты окружающей среды и социальной политики, а затем на общенародном съезде в Дортмунде приняла решение отменить конституцию ФРГ. И чтобы все знали, что час пробил, после стихийных забастовок на заводах «Маннесман» в Левер-кузене, на бременской верфи «Вулкан», на заводах «Крупп» в Эссене, «Фольксваген» в Вольфсбурге, БМВ в Мюнхене была бы объявлена всеобщая забастовка во всей ФРГ.

Знаете ли вы, что бы тогда произошло? Вы можете почитать об этом в боннском «договоре об отношениях между ФРГ и тремя (западными) державами» от 26 мая 1952 г., в котором в статье 2 говорится о правах союзников, а в статье 5 — о чрезвычайном положении. Согласно этому договору, федеральное правительство «в случае серьезного нарушения общественной безопасности и порядка» сначала должно было применить свои полицейские силы, и, если оно не сможет при этом восстановить порядок и к тому же, «по мнению трех держав», возникнет угроза для вооруженных сил западных

союзников, то их командующие имеют право сразу же принять соответствующие защитные меры (включая применение оружия), необходимые, чтобы устранить эту опасность. Заметьте, даже «серьезной угрозы насильственного нарушения свободного демократического основопорядка» достаточно для введения чрезвычайного положения.

Хотя чрезвычайное законодательство, принятое бундестагом 30 мая 1968 г., несколько модифицировало эту процедуру, по существу ничего не изменилось: в случае восстания в ФРГ, угрожающего конституции и членству ФРГ в НАТО, американцы на другой день совершили бы интервенцию в нашу страну».

Ведь именно такой, подчеркивает «Штерн», стала обстановка в Польше, когда 12 декабря «Солидарность» потребовала в Гданьске провести голосование по предложению о референдуме, который вместе со всеобщей забастовкой несомненно должен был навязать Польше, по сути дела, антикоммунистический общественный строй.

«Введение военного положения, — пишет в заключение журнал «Штерн», — было последним шансом сохранить суверенитет Польши в рамках Варшавского Договора».

Идеологическое наступление на социалистическую Польшу успешно велось по всем каналам средств массовой империалистической пропаганды ФРГ. Каковы же были направления этой идеологической войны?

Для общей характеристики роли средств массовой информации стоит привести высказывание швейцарской газеты «Нойе цюрхер цай-тунг» (30.10.1980):

«Знатки Восточной Европы не сомневаются в том, что события в Польше приняли бы иной ход, если бы на них не оказывали постоянного влияния западные радиостанции. Те, кто бывал в Польше в минувшее время, приходили на основании бесед с представителями самых различных слоев польского населения к выводу, что последние имели не только полное представление о событиях в этой стране, но и о том, как подается и комментируется это положение в различных западных газетах».

Несмотря на то что в ходе августовских забастовок 1980 г. на Балтийском побережье ПНР выдвигались почти исключительно социально-экономические требования и что договоренность забастовочных комитетов в Гданьске и Щецине с правительством ПНР была достигнута, органы пропаганды ФРГ (как внутри страны, так и за рубежом) сконцентрировали свои усилия практически на одном — на создании «независимых профсоюзов». При этом делалась ставка не на профсоюзы сами по себе, а на превращение профобъединения «Солидарность» в политическую силу, противостоящую ПОРП и органам государственной власти ПНР.

Профсоюзу Леха Валенсы давались прямые рекомендации «поставить под вопрос власть коммунистов» (вторая программа западногерманского телевидения ЦДФ в передаче от 26 августа 1980 г.). Аналогично высказалась и «Франкфуртер альгемайне» (28.08.1980): «Польские профсоюзы могли бы в значительной степени взять на себя роль, функции и обязанности оппозиционной партии в духе английского парламентаризма».

Даже когда «Солидарность» заявила, во всяком случае на словах, что она «не намерена становиться политической партией» и «признает ПОРП в качестве руководящей силы в Польше», западные «советчики» не прекращали своего давления. «Свободные профсоюзы Валенсы не ремонтируют коммунизм, если он вообще поддается ремонту, а открывают путь к его разрушению», — провозглашал еженедельник «Шпигель» (#36.1980).

Сложная и трудная ситуация в Польше воодушевила многочисленные реваншистские «землячества» и «союзы изгнанных», а также неонацистские силы в ФРГ, которые ни на один день не прекращали своей провокационной деятельности против договоров ФРГ с социалистическими странами, против возникших в Европе после войны политических реальностей. С конца августа 1980 г. все они во много раз усилили свою активность.

Реваншистские силы в ФРГ объединены в так называемую национальную германскую организацию лиц, перемещенных из Центральной и Восточной Европы — «Союз изгнанных». В этом союзе немалую роль играют лица, перемещенные из Польши, собранные в землячества типа «Жители земель Западной Пруссии», «Союз жителей Данцига» и другие.

Антипольские реваншистские организации в ФРГ отказываются примириться с ситуацией, возникшей в Европе после поражения нацизма в 1945 г. По их мнению, германская империя в границах 1937 г. существует и поныне и огромные территории Западной Польши являются «германскими территориями под польским управлением». Одновременно с территориальными претензиями реваншисты из ФРГ стремятся к получению польскими гражданами германского происхождения и западногерманского подданства (или, как они говорят, для «германцев, живущих на территории германской империи к востоку от границы по Одру — Нейсе»).

Ссылаясь на концепцию «прав человека», реваншистские организации в ФРГ с 1977 г. прилагают большие усилия для пересмотра статус-кво в Центральной и Восточной Европе, игнорируя положения Заключительного акта Совещания в Хельсинки о незыблемости границ в Европе после второй мировой войны.

Политика грубого вмешательства во внутренние дела Польши не является монополией одних только твердолобых из «Союза изгнанных» и его филиалов. Ее в той или иной форме поддерживают «солидные» газеты и журналы, радио и телевидение.

На телевизионных экранах ФРГ нередко появляется карта Польши с названиями городов на немецкий лад — так, как они значились на планшетах офицеров гитлеровского вермахта в период второй мировой войны. С какой же целью возрождается география нацистских времен? Ответ очевиден: для того, чтобы приучить телезрителей к мысли о том, что-де окончательные границы в Европе не установлены и итоги войны еще можно пересмотреть.

Радио и телевидение используются для пропаганды реваншизма в ФРГ давно. Председатель «Союза изгнанных» и «землячества немцев из Верхней Силезии» Г. Чая и заместитель председателя «Союза изгнанных» Г. Хупка входят в советы федеральных радиостанций «Дойчландфунк» и «Дойче велле» (Кельн). В совете Баварского центра радио и телевидения (Мюнхен) интересы реваншистских организаций представляет Г. Радке, один из руководителей «Союза изгнанных» и председатель «Востоčno- и западнопрусского фонда», подполковник бундесвера. В Юго-западном центре радио и телевидения «Союз изгнанных» имеет сразу трех представителей. В западногерманском Совете по телепрограммам (Кельн), самом крупном в ФРГ, действует один из фюреров неонацистской организации «Витнкобунд» — О. Безе.

Ведущие позиции, занятые руководителями реваншистских организаций в управлении радио- и телевизионной сетью страны, позволяют им не только контролировать основные направления, но и непосредственно влиять на формирование и

содержание отдельных программ. Под их давлением из радио и телевидения вытесняются прогрессивно настроенные журналисты, прекращаются передачи, которые могли бы способствовать пониманию опасности милитаризма и реваншизма.

В феврале 1981 г. по западногерманской первой телепрограмме (АРД) начала демонстрацию серии «документальных» фильмов «Бегство и изгнание. Ад на Востоке», призванных показать якобы имевшие место «жестокости» русских, поляков, чехов, словаков в отношении немцев в конце второй мировой войны. Разжигая недобрые, шовинистические чувства среди населения ФРГ, такие пропагандистские акции призваны одновременно отвлечь внимание молодого поколения страны от преступлений, совершенных слугами гитлеровского ада на востоке Европы, в том числе на польской земле.

Многосерийный реваншистский фильм был сфабрикован в духе пропаганды антипольских землячеств, лейтмотивом которой был следующий рефрен: события со всей определенностью доказывают, мол, неспособность поляков справиться со своими собственными делами и оздоровление ситуации в этой части Восточной Европы возможно якобы только при условии, что германское управление будет восстановлено на бывших германских территориях.

Уже 2 августа 1980 г. орган так называемого «землячества немцев из Силезии», еженедельник «Шлезьер», писал в статье «Польша на распутье»: «Нам представляется весьма важным, чтобы любая экономическая помощь обуславливалась необходимой демократизацией. Вместо простого предоставления кредитов следовало бы указать, что мы заинтересованы выкупить обратно или арендовать у Польши наши восточные земли. Ведь в принципе мы должны оказывать помощь для развития собственной нации». Еще более нагло изъяснялся другой реваншистский орган — «Вестпройсе»: «Украденные восточногерманские области не принесли Польше счастья. Она не способна использовать эти богатые земли».

Попытки социал-демократических руководителей оказать влияние на развитие событий в Польше представляют особый интерес. Неоспоримая историческая заслуга социал-демократии состоит в том, что она в договорном порядке отказалась от бывших германских «восточных областей», хотя это было сделано не столько по доброй воле, сколько под давлением внутривнутриполитических обстоятельств, объективной необходимости процесса разрядки и угрозы изоляции ФРГ в случае, если бы она продолжала упрямо цепляться за территориальные притязания. Но этим заслуга социал-демократов и исчерпывается, ибо они терпимо относятся к выступлениям в собственной стране «союзов изгнанных» и неонацистских группировок, громко требующих возвращения «восточных земель».

Партии боннской правительственной коалиции — СДПГ и СвДП также внесли лепту в нагнетание напряженности в Польше. В начале кризиса «Франкфуртер альгемайне» (1.09.1980) приводила следующие слова заместителя федерального канцлера и министра иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншера: «Мы никогда не оставляли никакого сомнения в том, что стоим на стороне свободы, за которую борются в Данциге и Штеттине» (Гданьске, Щецине. — *Прим. Г. В.*). (Средства массовой информации и политические деятели ФРГ, за немногими исключениями, упорно называют исконные польские города немецкими именами.).

Заместитель председателя парламентской фракции СДПГ Х. Эмке в статье «Уроки Данцига» в экономическом еженедельнике «Виртшафтсвохе» (3.10.1980)

развивал ту же мысль: «Политика разрядки на основе признания территориального статус-кво улучшила предпосылки для того, чтобы внутренний статус-кво в определенных государствах мог измениться».

Далеко не все западногерманские социал-демократы открыто формулировали подобные взгляды. Председатель СДПГ Вилли Брандт в интервью агентству ДПА в конце сентября 1981 г. заявил, что «в нынешнем процессе обновления Польше наряду с идейным энтузиазмом нужен прежде всего труд. Нет ни одного общественного строя, который мог бы создать что-либо без труда. Если в процессе национального обновления поляки с полным правом выступают против вмешательства других государств, они не должны сами выходить за пределы того, что касается их собственной страны. Примером может служить требование профобъединения «Солидарность» о создании свободных профсоюзов в других странах восточного блока. Поляки в стремлении к установлению внутреннего равновесия упускают из виду, что они не могут перепрыгнуть через то, что разделяет два блока».

Ссылки Брандта на «стремление к внутреннему равновесию» и обобщение о всех «поляках» оставляют впечатление, что он анализирует события в ПНР уж ни в коем случае не с точки зрения ПОРП. Но и эти попытки оценки с позиции политического реализма вызвали бурю протеста в ХДС/ХСС. «Западный политический деятель выступает в качестве рупора советской пропаганды. Брандт идеологически расчистил путь для советской интервенции в Польше», — передавало агентство ДПА (22.09.1981) слова председателя земельной группы ХСС в бундестаге Фридриха Циммермана.

16 декабря 1981 г. в обстановке искусственного накала страстей вокруг «власти военных» в ПНР Брандт отметил, что чрезвычайное положение в этой стране, вероятно, «будет существовать непродолжительное время», и подчеркнул необходимость проявления сдержанности в оценках дальнейшего развития событий в Польше. Член президиума СДПГ поддержал Брандта, заявив (ДПА, 23.12.1981), что объявление военного положения в Польше с использованием армии было «последним шансом выхода из политики экономического кризиса собственными силами».

Официальный Бонн, в отличие от многих других столиц западных государств, согласился с мнением о том, что глава ПОРП и польского правительства В. Ярузельский ввел военное положение, чтобы национальными средствами отвести угрозу гражданской войны. Газета «Генераль-анцайгер» (23.12.1980) свидетельствовала:

«Федеральное правительство рекомендовало своим американским союзникам занять спокойную и выжидательную позицию по отношению к событиям в Польше. В беседе с помощником государственного секретаря США по европейским делам Иглбергером об американских предложениях относительно совместных мер Запада против Советского Союза и польского военного правительства министр иностранных дел ФРГ Геншер предостерег об опасностях недифференцированной оценки событий и о возможных отрицательных последствиях, которые может иметь чрезмерная реакция Запада для польского народа и для международного развития».

«Объективность» буржуазной прессы помешала ей опубликовать в конце декабря 1981 г. полный текст правительственного заявления канцлера ФРГ Гельмута Шмидта по итогам его визита в ГДР, в котором говорилось, что Польша должна решать свои проблемы сама, без вмешательства извне и без применения силы,

и что немцы все еще не имеют морального права выступать в качестве судей над Польшей. В отличие от администрации Рейгана, в критическую минуту правительство ФРГ решило не обострять положение, не желая идти на риск потери всех своих морально-политических и экономических позиций в Польше. Экономические санкции, объявленные США против ПНР и СССР, официальный Бонн вначале не поддержал, считая их «несвоевременными» (АФП, 24.12.1981).

Разногласия в НАТО

Какие только исследования о Польской Республике не публикуются на Западе в последние годы! С экранов телевизоров, со страниц газет и по радио извергается «польская волна» — мутный словесный поток, грозящий утопить рядового западноевропейца. На него обрушивается настоящая буря из статей, высказываний и комментариев, содержание которых никак не вяжется с официальными декларациями о невмешательстве во внутренние дела Польши.

Западная печать приводит конкретные факты, свидетельствующие о том, что в крупных западноевропейских портах существуют каналы нелегальной доставки в Польшу оружия, немалых денежных средств, печатной техники, радиостанций и пр. И все яснее становится связь между этой массивной целенаправленной атакой против социалистического общества и штабами НАТО. Не было в 1980—1982 гг. сессии, заседания или встречи в рамках Североатлантического блока, где бы не принимались подстрекательские резолюции, декларации или коммюнике по событиям в Польше.

Действуя в тесном сотрудничестве с ЦРУ и спецслужбами других стран, членов Атлантического союза, штаб-квартира НАТО в Брюсселе стала координационным пунктом задуманной за океаном мощной «польской кампании».

Натовские центры тесно сотрудничают с буржуазной прессой не только в фабрикации «последних новостей» из Польши. Журналисты крупных буржуазных газет — все более желанные гости на натовских совещаниях, семинарах и симпозиумах, посвященных разработке стратегии и тактики «борьбы с коммунизмом и социализмом». В последнее время журналистов даже приглашают в качестве докладчиков на совещания «по проблемам социалистического образа жизни». В конце 1980 г. в НАТО был организован симпозиум, посвященный экономической реформе в социалистических странах, в частности в Польской Народной Республике.

Недавно появились материалы и о других «совещаниях» такого рода. Так, закрытое заседание специалистов НАТО в Оттаве разработало план идеологических диверсий против Польской Народной Республики и других социалистических стран. Специалисты НАТО, собравшись на Кипре в расположении одной из английских военных баз, обсудили «психологические методы передачи информации населению ПНР и других социалистических стран». Закрытое заседание двухсот офицеров пропагандистских служб НАТО, состоявшееся в Салониках, было посвящено теме: «влияние информации на психику человека и ее использование в создавшейся благоприятной обстановке в Польше».

Со станции слежения НАТО, с южной оконечности датского острова Борнхольм в Балтийском море (100 километров к северо-западу от берегов ПНР), в начале марта 1982 г были запущены 10 тыс. воздушных шаров — попутным ветром в сто-

рону Польши, неся с собой пласт массовые контейнеры с пропагандистскими материалами антипольского содержания. Операцией «Воздушные шары на Польшу» формально руководил координационный комитет «Солидарности» во Франции, образовавшийся после 13 декабря 1981 г. по инициативе польских эмигрантов.

В эфир идут и зашифрованные инструкции врагам социализма в ПНР. О росте шпионажа империалистических стран на территории Польши квалифицированно говорил на ряде пресс-конференций заместитель министра внутренних дел ПНР генерал бригады В. Пожоги («Трибуна люду», 25.08.1981):

«Только за последние девять лет нами обезврежено 166 шпионов, действующих в стране.

В большинстве случаев шпионской деятельностью занимаются молодые люди, которые получили высшее образование в народной Польше, достигли высокого положения в обществе. Эти отщепенцы пошли на сотрудничество с вражескими спецслужбами только для того, чтобы еще больше обогатиться. В основном они работали в центральных органах государственной администрации, в учреждениях и на предприятиях, имеющих ключевое значение для страны. Высокое положение обеспечивало им доступ к важной информации и документам, касающимся как обороноспособности страны, так и экономических проблем. Их они передавали западным разведкам.

Если говорить в целом, то количество отщепенцев, вставших на путь предательства родины, невелико. В последнее время в Польше в основном работают западные агенты. Примером может служить арест агента натовской разведки М. П. Вейша, который приезжал в Польшу в качестве торгового представителя, посещал многие центральные и местные учреждения. Широкие контакты с сотрудниками этих учреждений и доступ к секретным документам позволили ему собирать ценную информацию. Шпионской деятельностью занимались также капитаны некоторых западных торговых судов Р. Альбрехт, Е. Вензель и И. Вагенер, которые часто посещали польские порты.

В течение многих месяцев мы отмечаем значительный рост шпионажа в Польше, которым занимаются иностранцы, приезжающие в нашу страну под видом туристов и журналистов. В частности, только за первое полугодие Польшу посетили 220,5 тыс. граждан западных стран, в том числе около 1000 представителей буржуазных средств массовой информации. Многие так называемые «туристы» пытались заниматься шпионажем. 100 журналистов были выдворены из Польши за подобную деятельность. Усилили свою разведывательную и подрывную деятельность резиденты, окопавшиеся в различных представительствах капиталистических стран в Польше. Некоторые дипломаты занимаются вербовкой польских граждан.

Официальные представительства государств — членов НАТО внимательно следят за развитием событий в Польше. Существующая напряженность в нашей стране благоприятствует активизации их деятельности, создает условия для установления контактов, сбора информации.

Наибольшую активность проявляют американские представительства в Польше. В деятельности основных государств — членов НАТО укрепляется тенденция к сохранению контактов с «Солидарностью» на таком же уровне, как с представителями государственной администрации».

Газета «Жолнеж вольности» (19.10.1982) опубликовала интервью с сотрудником Министерства внутренних дел ПНР полковником З. Зино-вичем под заголовком «Польша — объект особого проникновения иностранных разведок»:

«Западные шпионские и диверсионные центры быстро приспособились в своей деятельности к условиям военного положения, существующего в Польше. По мере смягчения ограничений этого положения они активизируют свои действия. Сотрудники разведцентров быстро наладили контакты с некоторыми экстремистскими дея-

телями политической оппозиции, освобожденными из мест интернирования. Они сумели переправить западным радиостанциям их «программы».

Возникновение в некоторых районах страны новых очагов конфликтов в последние месяцы имеет прямую связь с расширением резидентур разведцентров. К примеру, в посольство США прибыло 30 новых специалистов по польским проблемам, прежде всего из государственного департамента, Пентагона, ЦРУ. Используются любые другие возможности для «изучения» Польши. 13 мая под предлогом соревнований по теннису в Варшаву прибыло 29 американских дипломатов из Москвы, чтобы оказать помощь здешней разведывательной резидентуре при наблюдении за событиями, которые должны были произойти по сценарию, написанному для подпольной «Солидарности» Несколько раньше — 1 и 3 мая 40% персонала посольства США было направлено наблюдать за уличными беспорядками.

Характерно было также поведение работников западных дипломатических представительств и журналистов накануне объявленных так называемой подпольной «Солидарностью» и диверсионными радиостанциями акций протеста 31 августа этого года. В тот день, когда проходили заранее запланированные уличные демонстрации, в Варшаве и одиннадцати других городах за ними следили более 150 иностранцев, в том числе 50 дипломатов и 80 корреспондентов, прибывших в Польшу на короткое время. Подтверждены случаи найма частных квартир в «особых» местах иностранными корреспондентами телевидения Особую активность в этом проявили работники американских телекомпаний.

В разведывательных действиях принимали также участие завербованные для этих задач иностранные студенты и стажеры, пребывающие в Польше.

Также не случайно, что один из западных послов пешком направился в район уличных беспорядков. А вдруг удастся быть побитым «режимными силами»? Тогда подвернулся бы случай направить резкую дипломатическую ноту и появилась бы новая сенсация для зарубежных радиостанций.

Наряду с политической разведкой и деятельностью, вдохновляющей оппозицию, возрос интерес к оборонной системе ПНР. Причем это вытекает не только из того факта, что в момент объявления военного положения задачи и компетенции всех вооруженных сил расширились Интересы военных разведцентров к вопросам модернизации вооружений и оборудования родов войск, к размещению, планам и передвижениям подразделений и частей, к планам обучения и кадровой политике дополнились новыми темами. Сотрудников разведцентров теперь интересуют настроения личного состава, взгляды офицеров и солдат на актуальную общественно-политическую и экономическую обстановку в стране, поведение воинов по отношению к гражданскому населению после введения военного положения.

Принципиальной новинкой в разведывательной деятельности является гораздо больший, чем прежде, интерес к влиянию и степени воздействия армии на общество, в том числе к работе комиссаров — уполномоченных Комитета обороны страны на заводах и в органах государственной администрации. Одной из главных задач военных разведок является обнаружение признаков повышенной боеготовности частей и штабов, а также подтверждение данных, получаемых при помощи радио и спутников, о передвижениях войск. Конечно, прослеживается постоянный интерес к связям польской оборонной системы с комплексной системой Варшавского Договора.

Разведывательные военные центры и резидентуры после введения военного положения интересуют диапазон сотрудничества и взаимодействия между министерствами внутренних дел и национальной обороны, причем не только на уровне руководящих кадров. Они интересуются даже действиями смешанных патрулей армии и милиции. Одним словом, интерес разведок к оборонной системе Польши значительно расширился за счет всех военных факторов, которые имели решающее значение в том, что Польша свернула с пути, ведущего к национальной катастрофе.

Польша постоянно находится в центре особого внимания со стороны западных разведывательных и диверсионных центров. Западные державы довольно часто используют в своей политической игре «польскую карту». В нашем повседневном тяжелом труде нас поддерживают специальные службы милиции и органов безопасности, а также контрразведывательные органы Войска Польского. Мы в состоянии ограничить деятельность иностранных разведок на территории нашей страны».

Одновременно, в связи с событиями в Польше, активизировалась милитаристская деятельность НАТО. Как свидетельствует бывшая сотрудница секретариата НАТО У. Лоренцен, командование блока начиная с 1980 г. регулярно проводит учения штабов и соединений, готовя их к действиям по захвату территории ПНР.

В начале декабря 1980 г. после маневров в Северном море в двух военно-морских подразделениях НАТО была введена повышенная боеготовность. Такое же распоряжение было отдано в некоторых сухопутных частях армии США в ФРГ; приказ НАТО о повышенной боеготовности распространялся и на одно подразделение ВМС ФРГ. Экипаж фрегата «Любек» был приведен в боевую готовность на 48 часов. Эти провокационные маневры НАТО также служили поощрению польских контрреволюционеров.

Производится передислокация отдельных частей вооруженных сил НАТО «поближе» к границам социалистических государств. В Западную Европу для «наблюдения за ситуацией в ПНР и вокруг нее» перебрасываются американские самолеты-шпионы, оборудованные системой АВАКС. Верховный главнокомандующий Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе американский генерал Роджерс заявил, что в связи с обстановкой в Польше ему, Роджерсу, дано право «действовать решительно» и он намерен, в частности, разместить новые центры шпионажа у границ ГДР.

«Вашингтон пост» откровенно писала, что события в Польше «стоят 50 бомбардировщиков «В-1», поскольку эти события дают надежду на изменение коренным образом соотношения сил в Европе».

Призывая воздерживаться от «любого вмешательства извне в дела Польши», страны НАТО, по существу, осуществляют прямое вмешательство во внутренние дела этой страны. Как сообщало 14 мая 1981 г. информационное агентство ДПА из Брюсселя, Комитет военного планирования НАТО занялся изучением сведений, полученных в результате операций самолетов системы АВАКС, «которые США предоставили в распоряжение НАТО во время обострения кризиса в Польше».

Речь шла об американских самолетах, специально оборудованных электронными приборами для осуществления воздушного шпионажа за территориями Польши и других социалистических стран. В течение нескольких месяцев группа этих самолетов-шпионов действовала с военно-воздушной базы НАТО Рамштейн, размещенной на территории ФРГ. Ссылаясь на данные министерства обороны ФРГ, агентство ДПА отмечало, что в общей сложности самолеты совершили около 150 вылетов, в ходе которых была собрана информация о положении «в самой Польше и вокруг нее». Полеты совершались в непосредственной близости от государственной границы ПНР, а также в районе Балтийского моря. С борта самолетов АВАКС информация передавалась на наземные станции бундесвера, где подвергалась обработке.

Большое значение придавалось на Западе экономическому давлению на ПНР и оказанию финансовой и материально-технической помощи антисоциалистическим силам.

В частности, НАТО и ее спецслужбы разработали план «Хилекс-5». Им был предусмотрен комплекс финансово-экономических мероприятий с целью расшатать экономику ПНР, поставить страну в зависимость от западных монопо-

лий. В брошюре «Польский кризис: права трудящихся», подготовленной исследовательской службой конгресса США, говорится, что экономическая помощь Польше со стороны США будет оправдана лишь в том случае, если ПНР «пойдет на существенные реформы», которые будут «совместимы с американскими интересами и идеалами».

На заседании комиссии ЕЭС в 1981 г. в Лондоне было заявлено, что предоставление «помощи» Польше возможно, если в стране будет объявлено об отказе от руководящей роли ПОРП.

Используя экономические рычаги, США и их союзники добивались легализации антисоциалистических группировок, подрывную деятельность которых бывшие польские руководители недооценивали. Не без нажима с Запада были сняты ограничения на въезд в Польшу членов реакционных эмигрантских организаций. К концу 80-х годов только из США в Польшу ежегодно приезжали до 120 тыс. американцев польского происхождения. Многие из них откровенно ненавидели социализм. Были среди них и прямые агенты американской разведки.

«Наша страна должна способствовать процессу стабилизации в Польше, не вмешиваясь во внутренние дела этой страны», — подчеркивал министр иностранных дел Бельгии Ш.-Ф. Нотомб по возвращении из Варшавы 6 декабря 1980 г. Он говорил на пресс-конференции в Брюсселе, что польские руководители, с которыми он встречался, призывали Запад не нагнетать напряженность в связи с событиями в их стране.

Вмешательство США продолжалось при отсутствии согласия со стороны других натовских партнеров. «Некоторые союзники США по НАТО настаивали, что жесткий курс внутренних польских органов есть внутреннее дело самой Польши», — признавалось в газете «Вашингтон пост» (23.12.1981).

Франция, ФРГ, не говоря уже о Греции, находятся в числе тех западноевропейских стран, которые меньше всего предрасположены присоединиться к американским «санкциям» против ПНР и СССР, отмечала английская «Дейли телеграф» (12.01.1982) в редакционной статье по итогам закончившейся встречи министров иностранных дел 15 стран — членов НАТО. Да и этой встречи, чтобы выступить с совместным заявлением по «польскому вопросу», Вашингтон добивался четыре недели.

В тот же день вечерняя передача новостей французской телекомпании «ТФ-1» (12.01.1982) началась с репортажа из Варшавы, в котором корреспондент обратил внимание на постепенное восстановление нормальной жизни в стране: возобновление полетов самолетов, телефонной связи внутри городов, работы театров, кино. «Эта нормализация повседневной жизни, — сказал он, — несомненно, скоро затронет и политическую жизнь».

Сообщая о сессии Совета НАТО, ведущий напомнил, что Хейг предложил своим союзникам принять «совместные и решительные меры». Если, сказал внешнеполитический обозреватель «ТФ-1», под этим можно подразумевать лишь декларативные заявления, то пожелания США были удовлетворены. Но, кроме слов, нет ничего серьезного, каждый свободен принимать те меры, которые он хочет. В коммюнике укрывается за словами тот факт, что никто не хочет отказываться от торговли с Востоком. В передаче был показан отрывок из выступления в Париже на пресс-конференции члена ЦК ПОРП Р. Войны, который

обратил внимание на то, что принятые США меры против Польши обусловлены антисоветской направленностью внешней политики американской администрации.

Начало нормализации в Польше приветствовали... западные банкиры, даже американские. Им не особенно нравилось то место в коммюнике, опубликованном 11 января 1982 г. брюссельской сессией Совета НАТО, где говорилось о временном прекращении переговоров об отсрочке выплаты Польшей суммы в 20 млрд долларов, в погашение ее основного долга западным правительствам и банкам и процентов по нему, которую она обязана выплатить в 1982 г.

«Ведется игра с очень высокими ставками, — отмечала «Вашингтон пост» (13.01.1982). — Поляки со своими огромными долгами, не имея никакой возможности самостоятельно расплатиться с ними, угрожают, что, если их западные кредиторы будут слишком нажимать на них, они объявят себя банкротами, что причинит огромный ущерб международной банковской системе. Американцам, которым поляки должны не так уж много, гораздо легче, чем немцам, которым они должны очень много, требовать, чтобы Польшу прижали к стенке. Но поскольку американцы и немцы не только союзники, но и члены одной и той же банковской системы, следует приложить все силы, чтобы разработать единую политику в отношении польского долга. Потом еще будет время поспорить, почему кредиторы допустили, что они оказались в столь уязвимом положении. Сейчас же необходимо добиться согласия в вопросе о том, как использовать польский долг в качестве рычага для нажима на Польшу, а не на Запад».

«Бедных банкиров» жалеть, правда, не приходится, поскольку они в отношении Польши занимались не только финансовыми операциями, ростовщичеством на грабительских, то есть крайне выгодных для себя, условиях, но и политическим шантажом. Продолжим дальше цитирование той же статьи из «Вашингтон пост»:

«Кредиторы Польши, среди которых есть правительства, опирающиеся на банки, намекают (поскольку пока между ними еще нет полного единогласия, которое позволило бы им по-настоящему пригрозить Польше), что они откажут в кредитах всему восточному блоку, если, во-первых, Варшава или Москва не выплатят причитающиеся суммы и, во-вторых, если Польша не вернется к курсу на обновление и реформы».

диалог...

Рецензент. Взаимовосприятие народов Востока и Запада, стоящих по обе стороны идеологического барьера, происходит, в основном, через массовую прессу и телевидение. Польские события десятилетиями освещались буржуазной прессой в угоду политике. Мы, в свою очередь, всегда отвечали взаимностью и усердно искажали западную действительность — с огромным для самих себя ущербом. Конечно же, состояние общественного мнения не целиком определяется уровнем журналистики.

В сознании поляков глубоко укоренилась дата 3 сентября 1939 г., когда Великобритания, связанная с Польшей военно-политическим союзом, практически палец о палец не ударила, чтобы помочь атакованному Гитлером государству. Да и во время войны правительство, возглавляемое Уинстоном Черчиллем, весьма пренебрежительно (вопреки официальным заверениям) относилось к участию поляков в защите неба над Великобританией. В своей многотомной «Истории второй мировой войны» (Лондон, 1951) Черчилль даже одним словом не обмолвился об участии поляков в битве за Англию. Для этого высокомерного сына Альбиона по рождению и антикоммуниста по убеждениям все, что непосредственно не касалось интересов Англии, было второ- и даже третьестепенным. Черчилль не признавал в политике никаких чувств и обязательств, если от этого не было никакой выгоды его стране.

К сказанному вами о Миколайчике я мог бы сделать уточнение: недавно в польский сейм было внесено предложение о реабилитации Станислава Миколайчика с возвращением ему посмертно польского гражданства (точно так же, как и генералу В. Андерсу). Не стоит ни вульгаризировать, ни выпячивать роль С. Миколайчика. Историю этого крестьянского сына из Великопольши с четырехклассным образованием описать можно коротко: он был человеком чрезмерных амбиций и ввязался в большую политику, совершенно не будучи к ней подготовленным; его раздавили шестерни сталинской политической машины. Когда Миколайчик, будучи премьером эмигрантского правительства, выразил в 1945 г. готовность вернуться в Польшу, чтобы взять на себя функции вице-премьера во Временном правительстве, он был заклеен эмиграцией как предатель. И то же клеймо ему припечатали коммунисты в 1947 г., когда ведомство общественной безопасности ПНР вынудило его бежать из страны.

Если продолжать разговор об упоминаемых вами польских эмигрантских политиках, то интересно отметить, что Эдвард Рачинский продолжает быть желанным собеседником польских историков и политологов. Интервью с Рачинским было опубликовано в марте 1989 г. варшавским еженедельником «Пшеглэнд ты-годнев». Лешек Колаковский в том же месяце приезжал в Польшу, где читал лекции и встречался со студентами и профессурой Варшавского университета.

Тэтчеризм для Польши

Автор. Если бы я сегодня писал книгу, о которой мы ведем наш диалог, то в ней, несомненно, пришлось бы пространно говорить о Маргарет Тэтчер. Ее фамилия созвучна с английским словом «тичер» — «учитель». Она сама, английская пропаганда и некоторые польские круги сделали многое, чтобы донести до интеллигенции и рабочего класса ПНР ряд «наставлений» о путях выхода Польши из кризиса.

В газете «Таймс» (29.08.1988) была опубликована следующая статья заместителя председателя рабочей группы Европейского парламента по правам человека, члена палаты лордов Николаса Бетелла под заголовком «Роль Тэтчер в Польше»:

«Несмотря на продолжающиеся в настоящее время волнения в крупных городах Польши, визит Тэтчер в эту страну, который будет первым визитом в Польшу английского премьер-министра, по всей вероятности, как и планировалось, состоится 16 октября.

Неделю назад существовали опасения, что повторение репрессивных мер, примененных ранее в этом году, может привести к тому, что он будет отложен. Однако, судя по всему, предложение польского правительства начать переговоры с представителями бастующих, в том числе с руководителем «Солидарности» Лехом Валенсой, исключает возможность жестких мер полиции и подтверждает, что визит состоится в намеченный срок в октябре.

Разногласия из-за программы визита также, по всей вероятности, урегулированы. Тэтчер с самого начала недвусмысленно разъяснила, что она захочет не только встретиться с Валенсой, но провести эту встречу в Гданьске, его родном городе, «колыбели» «Солидарности». Польская сторона приняла теперь и это требование.

Английский премьер-министр и генерал Ярузельский возложат венок к мемориалу на полуострове Вестерплатте, неподалеку от Гданьска (прежде называвшегося Данцигом), где рано утром 1 сентября 1939 г. началась война. Затем она уделит время Валенсе.

Если и существует область, в отношении которой правительство и оппозиция Польши искренне придерживаются единого мнения, то это политические достижения Тэтчер. Их впечатление о нас чрезвычайно простое. Англия кажется им странной, некогда презиравшейся из-за застойной экономики и нецелеустремленной, которая впоследствии, после периода экономии, добилась самых поразительных успехов.

Несколько дней назад ведущий коммунистический еженедельник «Политика», выходящий в Варшаве, опубликовал интервью Нормана Теббита на целую полосу. Из этого материала явствовало, что существует верный путь к появлению новой надежды для страны, находящейся в отчаянном положении, — это проведение политики тэтчеризма. Официальные средства массовой информации в Польше помещают множество подобных статей, в которых «чудо», совершенное Тэтчер, без какого-либо чувства несообразности провозглашается идеалом, к которому следует стремиться коммунистическим странам.

Оппозиция, называющая Тэтчер «наша железная леди», проявляет такой же энтузиазм. Она считает Тэтчер западным лидером, наиболее решительно противостоявшим агрессии Брежнева и наиболее эффективно побуждавшим новое руководство во главе с Горбачевым к проведению реформ. Широко известно также, что она убедила Министерство иностранных дел изменить его «нейтральную» позицию в отношении ответственности Советского Союза за массовые убийства в Катыни, признав «убедительные доказательства», указывающие на его вину.

Ей также ставят в заслугу то, что она защищала «Солидарность» в самые трудные для этой организации времена. В октябре 1984 г. тайной полицией Польши был убит священник Ежи Попелушко. Премьер-министр дала инструкцию Малькольму Риф-

кинду (который должен был отбыть в Польшу с визитом в качестве министра в следующем месяце) посетить могилу этого священнослужителя и выкроить время от официальных мероприятий для встречи с руководителями «Солидарности». Дипломатический протокол никогда не знал ничего подобного.

Сейчас дипломатический протокол изменен В наши дни английские министры, прибывающие с визитом в страны советского блока, организуют встречи с оппозицией, точно так же как они делали бы это в стране парламентской демократии, и это стало обычным делом. Посольства поддерживают контакты с лидерами оппозиции и приглашают их на приемы. Коммунистические правительства больше не возражают против этого, и примеру Англии последовал весь западный мир.

Однако визит Тэтчер будет иметь не только символическое значение. Внешний долг Польши составляет около 40 млрд долларов, инфляция — 50%, а покупательная способность средней еженедельной заработной платы составляет не более 10 фунтов стерлингов. С 1956 г. время от времени цинично повторяются беспорядки. Сейчас эта цикличность наблюдается в ускоренном виде, и это опасно как для Запада, так и для поляков.

Правительство генерала Ярузельского приступило к осуществлению программы реформ, однако, судя по всему, население не уверено в ее эффективности. Оно обращает взор на Запад, ожидая помощи, однако Запад не видит оснований для этого, чтобы «таскать каштаны из огня» для одного из противников. С другой стороны, он не хочет пожара в Центральной Европе, который покончил бы с разрядкой в отношениях между Востоком и Западом.

Таким образом, «Солидарность» вновь оказывается в центре событий. До сих пор правительство заявляло, что никогда не будет вести переговоры с Валенсой Оно пыталось отсеснить его в сторону, однако каждый раз, когда проводится забастовка, руководители рабочих требуют права на создание отделения «Солидарности». Его не удается отстранить.

До сих пор правительство придерживалось курса, из-за которого Запад не имел возможности оказывать помощь так, как хотелось бы обеим сторонам. И дело здесь не в политике, а в деловых соображениях. Любой финансист, который стал бы вкладывать средства в экономику Польши в сегодняшних условиях, нарушал бы свои обязательства перед держателями акций. Хотелось бы верить, что польское правительство сейчас поймет это и проявит готовность выправить положение.

Поэтому Валенса будет говорить не только о проблемах судоверфи в Гданьске Он также будет стремиться к достижению договоренности, на основе которой он счел бы возможным рекомендовать всем своим сторонникам поддержать предлагаемую правительством программу экономии и реформ. Если он это сделает, то появятся вполне реальные шансы на успех этой программы.

Безусловно, ему придется в этом случае предоставить право на изучение этой программы и критику ее конкретных положений. А для того чтобы успешно делать это, ему потребуются некоторые условия: доступ к заслуживающей доверия информации, доступ к тем, кто принимает решения в правительстве, и право на изложение в случае необходимости точки зрения «Солидарности» через средства массовой информации.

Переговоры в этом направлении, если они начнутся, по-видимому, будут продолжаться много недель, и вполне возможно, что Тэтчер прибудет в Польшу в разгар таких переговоров Некоторым может показаться эксцентричной или даже лицемерной столь энергичная защита ею прав иностранного профсоюза Однако едва ли это справедливо. Имеет значение то, что ее миссия, возможно, окажется важной для будущей судьбы важной европейской страны в целом.

Экономическая головоломка Польши состоит из трех основных составных элементов: коммунистического правительства, неофициальных профсоюзов и источников финансовой помощи. Уникальность ситуации состоит в том, что взгляды Тэтчер могут оказать влияние на все эти элементы, что таким образом может помочь Польше выйти из нынешнего опасного положения и встать на путь, ведущий к возрождению экономики».

Рецензент. В издающейся в Париже газете «Русская мысль» (27.05.1988) помещена статья лондонского эмигранта, некоего Анатолия Федосеева, где синтезированы все антисоветские, антисоциалистические, антикоммунистические идеи тэтчеризма, который рекламируется западной прессой у себя и в соцстранах как наиболее эффективный способ политической организации общества. Заголовок статьи заключен А. Федосеевым в кавычки — «Рыночный социализм». Весь букет (пакет) экономических реформ, ныне объявленных в СССР и в ПНР, таким образом, априори объявляется несостоятельным, дискредитируется усилиями «радиоголосов» и других мощнейших каналов антисоциалистической пропаганды. Эволюция налицо. В 60-х и 70-х годах Запад призывал нас «улучшать социализм», сегодня он требует его отвергнуть. И что нам здесь предлагают взамен? Тэтчеризм.

«В последнее время к идеям «социализма с человеческим лицом» и «демократического социализма» добавилась очень теперь популярная и весьма пропагандируемая идея, которую я бы назвал «рыночным социализмом». Люди никак не могут расстаться с многовековым очарованием идей социализма и все время изобретают новые и новые, «улучшенные» его варианты в погоне за своей мечтой всеобщего равенства, братства и справедливости. Только очень медленно люди приобретают опыт и начинают понимать, что у социализма не может быть желаемого человеческого лица (социализм противоречит человеческой природе). Социализм принципиально несовместим со свободой и демократией. Социализм есть единовластие. Какая может быть свобода и демократия, если все средства существования людей являются государственной собственностью, что и превращает их в рабов государства? «Рыночный социализм» есть новая попытка совместить несовместимое.

Сильно «смешанная экономика». Похоже, что эта очередная попытка «улучшить» социализм, оставляя его в силе как противопоставление «эгоистическому, низменному капитализму», основана на западной практике «смешанной экономики», в которой существует относительно свободный рынок и планируемая государственная собственность в достаточно значительном масштабе, наряду с частной и корпоративной собственностью. В течение второй мировой войны все воюющие державы по необходимости управлялись с помощью централизованного планирования, не делающего различий между видами собственности. Планировались и государственные, и корпоративные, и кооперативные, и частные предприятия, без централизованного планирования современную войну вести было невозможно. Она требовала напряжения всех сил и мобилизации всего хозяйства. Война была тотальной и, так сказать, требовала тотализаризма.

Эта война и победа в ней были великолепным примером торжества централизованно планируемой индустриальной мощи. Война превратила каждую воюющую страну в единое, огромное, многоотраслевое предприятие, обеспечивающее производство всего, что необходимо для войны и жизни в военных условиях.

Именно этот пример привел к появлению на свет множества публикации, обсуждавших и провозглашавших возможность построения государства по типу наиболее совершенного промышленного предприятия или фирмы. Действительно, фирмы, производящие, скажем, автомобили или телевизоры, демонстрировали высшую степень организации, целесообразности, эффективности и, конечно, разумного планирования.

Колоссальные достижения науки и техники, осуществленные в ходе и в результате войны и обеспечившие блистательную победу, в свою очередь, подкрепляли социалистическую веру во всемогущество человеческого разума и, следовательно, в торжество справедливости, вытекающей из разумности. Культ разума, возникший в эпоху европейского Ренессанса и заложивший фундамент социализма, получил в результате войны как будто неопровержимое обоснование. После всего этого было трудно сомневаться в возможности создания высокоорганизованного, справедливого и эффективного

государства, управляемого с помощью разумного централизованного государственного планирования. Государства, которое будет обладать невиданной до сих пор эффективностью и социальной гармонией. Тогда уже можно было, при желании, наблюдать полную неудачу Советского государства, построенного именно на таких принципах. Не имея за спиной реального социалистического опыта, англичане, французы, американцы считали себя умнее всех, в том числе европейских народов, потерпевших неудачу в практике социализма. В результате после войны ряд стран Запада произвел почти полную национализацию тяжелой промышленности как основы всего хозяйства. Государство занялось централизованным планированием народного хозяйства. Так появилась сильно «смешанная экономика» и тенденция ее последующего превращения в полностью социалистическую: обобществление всего народного хозяйства и единовластное управление им с помощью централизованного (конечно, весьма разумного) государственного планирования. В послевоенное время надежд на прекрасное социалистическое будущее было хоть отбавляй (их и сейчас вполне достаточно).

Английский опыт. Англия ушла дальше всех в послевоенном обобществлении народного хозяйства. Все главные, решающие отрасли народного хозяйства оказались в собственности государства: уголь, сталь, электроэнергия, железные дороги, судостроение, автостроение, авиакомпания и аэропорты, телеграф, телефон, телевидение, космические, ядерные и оборонные предприятия, водоснабжение, газ, здравоохранение, школы, почта и ряд других. Это был реальный «рыночный социализм».

Любопытно, что в первое время (50—60-е годы) все это на социалистическом энтузиазме и вере населения в социализм работало неплохо. Вскоре, однако, начались серьезные неприятности. Население начало чувствовать «прелести» социализма и свое положение заложника очень мощных в Англии профсоюзов. Профсоюзы организовывали непрерывные забастовки именно против государственных предприятий, зная, что государство не может допустить их закрытия. Забастовки парализовали целые отрасли хозяйства. Останавливались железные дороги, почта, автобусы, связь, электростанции, оборонные предприятия. Прекращалось снабжение топливом, газом, электроэнергией. Население терпело все эти несчастья («за что боролись, на то и напоролись»), но недовольство социализмом росло. Государственные монопольные отрасли (уголь, энергия, газ, телефон) начали вздувать свои цены буквально на все, чтобы компенсировать потери, нанесенные профсоюзами (и самими трудящимися). Вдутье зарплаты и широко распространившееся безделье (по свидетельству премьер-министра Хита, скрытая безработица достигла 30%), несмотря на повышение цен, привели к многомиллиардным убыткам. Пришлось увеличивать налоги и оплачивать эти убытки. Иногда, впрочем, государственное предприятие объявляло о прибыли, что фактически означало недорасходо-ванную субсидию. Заинтересованное правительство этот обман не разоблачало. Так появился миф прибыльных государственных предприятий. Началась инфляция, качество продукции и услуг значительно упало. Частный сектор воспользовался этим для себя, тоже вздувая цены и ухудшая качество. Государству пришлось даже закрывать многие предприятия, естественно, не по злому желанию. Общественная производительность стала падать. Народное хозяйство явно разваливалось и становилось совершенно неконкурентоспособным на международных рынках. Появились даже очереди. В 70-е годы я все это наблюдал лично и видел полное сходство происходящих процессов с советскими.

К концу 70-,х годов «смешанная экономика» привела к стремительному росту инфляции, безработицы, нищеты. «Рыночный социализм» не работал, вернее, работал, но в сторону обнищания.

Первыми начали подавать голос наемные управляющие отраслями государственной промышленности. Они указывали на то, что государственное управление мешает им работать и ведет к неэффективности и убыткам. К началу 80-х годов большинству стало ясно, что «смешанная экономика» полностью провалилась Англия и ее премьер-министр Маргарет Тэтчер проявила инициативу первыми среди государств Запады. Началась распродажа государственного имущества. Были проданы целые отрасли народного хозяйства: телеграф, телефон и связь вообще, газ, авиакомпания и аэропорты, судостроение. Программа продаж охватывала все государственное имущество, и даже шел разговор о почте. Для Запады и некоторых других стран, получивших тот же

опыт, это стало сигналом. Все западные государства принялись единодушно распродавать государственную собственность и ликвидировать «рыночный социализм», который в короткое время чуть не погубил даже очень богатые западные государства. Можно себе представить, как он «улучшит» нищие социалистические страны».

Тяжелую промышленность пришлось распродавать акционерным компаниям-корпорациям. Конечно, негосударственные корпорации были явно более эффективными, чем государственные корпорации. Еще более эффективным был частный собственник-«эксплуататор». Однако другого выхода не было: какой частник был в состоянии купить целую отрасль промышленности? Расщепить же гиганты прежде их продажи было неразумно частники купили бы наиболее эффективные «осколки», оставив «дрянь» на руках государства. Пришлось продавать отрасли целиком. Премьер-министр М. Тэтчер в ответе на мое письмо по этому поводу указала на свое предпочтение частнику и нежелание расщеплять гигантские корпорации.

Как видно, пропагандисты «рыночного социализма» оказались не в курсе мировых событий.

Как управлять миллионами людей? Можно подойти к вопросу «рыночного социализма» и с другой стороны: со стороны несовместимости рыночного автоматического управления общественным хозяйством и государственной собственности на это хозяйство. Во-первых, задачи войны, как бы сложны они ни были, неизмеримо проще, чем задачи управления многими и многими миллионами непредсказуемых людей, каждого со своим особенным характером и каждого со своими, ему одному известными личными задачами. По единым военным правилам их можно было подчинить на время войны решению единой военной задачи. В мирной жизни, не задавив эту самую мирную жизнь, подчинить их всех государственному диктату невозможно.

Во-вторых, самое превосходно организованное промышленное предприятие, взяв на себя обязанность устройства семейной жизни, рождений, смертей, ссор, дружбы, обеспечения и пеленками, и пищей, и жилищами, и т. д. и т. п., неизбежно превратится в хаос. Главное же то, что промышленное предприятие функционирует по точному технологическому процессу, рассчитанному и спроектированному на точных данных науки. Для частной деятельности миллионов индивидуумов у науки нет никаких технологических процессов.

В-третьих, вся суть неудач социализма в том, что в его условиях нет хозяев, то есть нет собственников-«эксплуаторов», способных и выжать должный труд из трудящихся (инженеров, ученых, техников, рабочих, ремесленников, артистов и т. д.), и эффективно этот труд организовать на добровольных началах. Начиная с Ленина и Сталина и кончая Горбачевым, все вожди всегда говорили о необходимости каждому трудящемуся быть «хозяином», о необходимости строгого «хозрасчета» и «самоокупаемости». Вся проблема сводилась к тому, чтобы сделать из трудящихся хозяев, то есть заставить их самих себя «эксплуатировать». Сделать из трудящегося некоего гермафродита в виде совмещения трудящегося и эксплуататора в одном лице. Ведь именно противополоствие эгоизма трудящегося противоположному эгоизму «эксплуатора» в условиях положительного (в сторону «эксплуатора») социального равновесия есть ключ к целесообразности и эффективности общественного хозяйства и к общему материальному и духовному процветанию. Ведь только качественный и интенсивный труд самих трудящихся (с неба ничто не валится) может это процветание обеспечить. Государственная собственность на общественное хозяйство исключает всякое действенное сопротивление эгоизму трудящихся, так как «эксплуаторы» полностью отсутствуют. Эгоизм трудящихся расцветает пышным цветом, и связь между личным и государственным утрачивается.

Положим, что начальник государственного предприятия получил возможность устанавливать цены и зарплаты. Предприятия в СССР (разумно) не дублируют друг друга, то есть являются в значительной степени монополиями. Естественно, что начальник назначит на свою продукцию цену как можно выше. Другое предприятие будет вынуждено ее купить — и назначит на свою продукцию монопольную цену. Цены на все будут вздуты до небес. Латиноамериканская огромная инфляция будет «рыночным социализмом» посрамлена. Или вы рассчитываете на вмешательство Госплана?

Положим, что у предприятия никто не купит за высокую цену и ему придется продавать в убыток. Неужели вы в состоянии поверить, что оно соответственно понизит своим работникам и себе зарплату, а не начнет заниматься махинациями, чтобы «наскрести» себе и подчиненным на зарплату и объявить, что убытка нет? Или вы рассчитываете опять на вмешательство высших (и, видимо, справедливых и чрезвычайно все видящих и все знающих) властей?

Ведь и вина-то не только начальника, а всех вместе. Начальник-то один, а работников у него тысячи. Вина всегда больше у коллектива. Положим, что начальник и понизит зарплату, так от него немедленно побегут, и в первую очередь квалифицированные работники. Предприятие лишится своих квалифицированных кадров и неизбежно погибнет. Как быть? Как заставить работников примириться с понижением зарплаты и без того очень низкой? Создать безработицу — и именно среди квалифицированных работников? Это — экономический абсурд, который приведет к еще большему падению производительности труда в стране. Может быть, вы порекомендуете закрепление работников за предприятием навечно? А так у начальника нет иного выхода, как пустить в оборот основной капитал предприятия или разные, находящиеся в его распоряжении материальные ценности, чтобы за их счет (разбазаривая предприятие) выплатить всем прежние зарплаты. Когда обман государства находится в личных интересах и начальника и его работников, никакой контроль не в состоянии разобраться среди тысяч работников, кто из них прав, а кто виноват. А умный начальник всегда действует вместе с коллективом своих работников: ведь без них-то он — ничто. В «рыночном социализме» для махинаций будет много больше возможностей.

Ну а что делать с необходимостью экономических балансов, как, например, между количеством продукции, ценами и зарплатами? Трудно сомневаться в том, что начальники устроят полный хаос в государственном масштабе, ведь необходимой конкуренции нет, а если и будет, то между государственными предприятиями, т. е. не между собственниками. Разоряться будет государство, а не начальники и их работники. Они и без того не богачи, а главное — всего лишь наемные трудящиеся у того же государства. При государственной собственности государственный план несамименем, иначе настанет хаос и никаких экономических балансов не получить. Тех самых балансов, которые автоматически устанавливались свободным и обязательно жестоко конкурентным рынком с помощью миллионов непланируемых и неорганизованных частных «экс-плуататоров». «Смешанная экономика» неизбежно приводит к потере экономического равновесия.

Конечно, всякая новая попытка «улучшить» социализм полезна. Люди на горьком опыте хоть и медленно, но поймут, что суть в эгоистической природе человека. В должных условиях эгоизм создает и чудеса высокой человеческой цивилизации, и взаимопонимание, и сотрудничество. В других — приводит к обнищанию и взаимной борьбе. Природу человека никому не дано изменить. Она от Бога. Единственный выход — в социальном равновесии миллионов противоположных эгоизмов. Только равноправное и равновластное взаимодействие этих миллионов разных эгоизмов даст людям возможность почувствовать и осознать важность и необходимость уважать других и сотрудничать с ними. Это приведет и к осознанию связи личного и общего, личности и общества. Приведет и к осознанию связи личного интереса с природой, с ее сохранением. Связи нас всех со Вселенной и Богом. Государственная собственность исключает преодоление эгоизма. Она его усиливает и подкрепляет. Ведь любой эгоист не только не считает себя эгоистом, но искренне уверен, что является высшим образцом справедливости и поборником общественных интересов. «Рыночный социализм» есть противостественный гермафродит, не способный на нормальное, эффективное существование. Не пора ли прекратить «улучшать» социализм и не пора ли его просто прикончить!».

Автор. Лех Валенса в 1980 г., помнится, призывал соотечественников поднагужиться и построить «вторую Японию». Сегодня, после бесед и встреч с Тэтчер, он упомянул бы Англию, а не далекую загадочную Японию, в качестве образца для подражания. В наше время больших скоростей богатые быстро разоряются, а

вот с бедными приятные метаморфозы случаются куда реже. Поэтому английский опыт так потрясает воображение, что видно из статьи в английской газете «Санди телеграф» (8.05.1988):

«Внезапно стало модным быть англичанином в Америке. Возможно, созданный Томом Вулфом в его романе-бестселлере «Костер житейской суеты» образ англичанина, живущего в США, — распушенного, ленивого алкоголика-шаромыжника — правдив, однако презрение американцев быстро сменяется уважением и даже страхом.

Модные дорогие магазины в Нью-Йорке стали пародией на английское поместье: на столах красного дерева лежат книги в кожаных переплетках, возле дверей небрежно ставят охотничьи сапоги.

В телевизионной рекламе хереса звучит речь английских высших классов, и американцы могут каждый вечер, переключив программу, смотреть передаваемый государственной телевизионной станцией сериал «Жители Ист-Энда».

Журналисты консервативных газет восхваляют Тэтчер, сравнивая ее с президентом Рейганом. Почти всегда сравнение оказывается не в пользу президента, которого показывают человеком, не имеющим сильной воли и идеологической убежденности Тэтчер. Рейгановику рассматривают как разжиженный и неудачный вариант тэтчеризма.

Американцы в значительной мере изменили свое отношение к Англии. На обеде в Иерусалиме несколько лет назад ведущий программы «Вечерние новости» телекомпании Эй-би-си Питер Дженнингс назвал Англию страной третьего мира с умирающей экономикой, промышленностью, которая находится в упадке, и телефонной системой, над которой смеется вся Европа. Против этого трудно было возразить.

Сегодня, по-видимому, Америка испытывает зависть к Англии. Последний номер одного из ведущих американских экономических журналов, «Форчун», поместил хвалебную статью под заголовком «Великое возрождение: Англия вновь с нами». Ранее Англия была «воплощением необратимого промышленного упадка», пишет «Форчун», но теперь она «переживает бурный подъем».

Английская экономика растет темпами, уступающими только японским. Компания «Бритиш стил», которая в 1980 г. попала в книгу рекордов Гиннеса как компания с крупнейшими годовыми убытками, в настоящее время является одним из наиболее прибыльных производителей в мире.

Однако многих американцев отнюдь не радует то, что Англия, ликвидировавшая в начале второй мировой войны свои американские активы, стала ведущим иностранным покупателем американских компаний.

За последние два года англичане вложили в Америке 40 млрд долларов, и в настоящее время активы Англии в США достигли громадной суммы — 80 млрд долларов. Американцы могут выйти из своей компании или фабрики, которой владеют англичане, приехать в своем «рейндж-ровере» к своему дому, принадлежащему англичанам и построенному с использованием английского цемента, и, смотря по своему японскому телевизору повторный показ сериала «Монти Питон», поужинать пищей, купленной у компании, принадлежащей англичанам.

Хотя вторжение иностранцев в Америку возглавляют японцы, англичане недалеко отстают от них; они проникли почти во все отрасли американской экономики. По данным новой книги Мартина и Сьюзан Толчин «Скупая Америку», они являются ведущими вкладчиками в городе Вашингтоне и скупили ряд лучших административных и жилых зданий.

По вполне понятным причинам Пентагон в Вашингтоне обеспокоен тем, что английский компании, в частности «Бритиш аэроспейс», «Плесси», «Фер-ранти» и «Дженерал электрик компани», скупают американские оборонные фирмы — ведь некоторые из них работают над секретными оборонными проектами США. По данным «Уолл-стрит джорнэл», в настоящее время одна английская фирма намерена присоединить к себе американскую компанию, выпускающую приборы ночного видения, вопреки желанию американцев.

До прошлого года англичане контролировали один из двух крупнейших банков в Америке — «Крекер нэшнл бэнк», который тогда принадлежал «Мид-лэнд бэнк», и вложили в отделение банков в США 54 млрд долларов. Это гораздо меньше суммы в 170 млрд долларов, потраченной японцами, однако превышает вклады Канады и Франции.

В конце 1985 г. в американских отделениях иностранных фирм работали три миллиона американцев; эти филиалы выплачивали 80 млрд долларов в виде заработной платы и платили налоги в сумме 8,5 млрд долларов».

Рецензент. Итак, да здравствует Великая Британия?

Автор. Да пусть себе живут как хотят и не будоражат других понапрасну. Нас с вами интересует то, как поездка Тэтчер в ПНР, так же как и визит Дж. Буша, была использована для идеологической и политической поддержки польской оппозиции, и то, как буржуазная пресса вновь не скупилась на посулы. Уж извините за такое сравнение, но опять был слышан неумолчный, приятный звон монет, но мощну не развязали, хотя и обещали.

Пропагандистская кампания вокруг польского визита Тэтчер продолжалась год... Согласитесь, что это долгий срок, в течение которого нагнеталось напряжение, формулировались фантастические по своим масштабам щедрые прожекты.

Вот как это начиналось. Примером может служить статья в лондонской газете «Дейли экспресс» (23.12.1987) ее политического редактора Роберта Гибсона под заголовком «Мэгги говорит: я должна увидиться с Валенсой». Ниже следуют отрывки из этой статьи:

«Г-жа Тэтчер потребовала символической встречи с лидером «Солидарности» Лехом Валенсой в качестве условия своего визита в Польшу в будущем году.

Хотя Тэтчер и Валенса не являются единомышленниками в политике, его крестовый поход за то, во что он верит, отражает ее собственные убеждения.

Ее деловое послание, адресованное польскому правительству, будет приветствоваться как рождественское послание доброй воли тем, кто находится за железным занавесом.

Оно покажет гражданам советского блока, что она готова продолжать ставить вопрос о правах человека перед советским руководством и не собирается ограничиться изречением банальных истин.

По словам друзей, Тэтчер, хотя она никогда не бывала в Польше, чувствует себя связанной с польским народом. Она заявила: «Мы всегда должны помнить о том, что вступили в войну из-за Польши. Люди никогда не забывают подобных вещей».

Ее взгляды на права человека и ее требования включить эти права в любые будущие договоренности по сокращению вооружений также ободряют поляков и русских, поскольку те знают, что их авторитарным режимам перемены могут быть навязаны только с позиции силы.

Важнейшим и одновременно парадоксальным является тот факт, что именно экономические успехи Тэтчер делают ее столь завидным «уловом» для польского правительства.

Она навязала строптивой стране непопулярные экономические меры, а ведь именно в такой ситуации оказалось сейчас загнанное в угол польское правительство (его народ отверг предложенный им комплекс финансовых мер).

Недавно польские средства массовой информации говорили о Тэтчер как о человеке, возглавляющем одну из наиболее преуспевающих экономик в мире.

Тэтчер согласилась нанести визит после бесед на Даунинг-стрит с польским министром иностранных дел Марианом Ожеховским, который также добивается дальнейшей активизации торговли и смягчения условий выплаты долгов».

Новый «план Маршалла».

Рецензент. Известно, что визит М. Тэтчер к нам несколько раз откладывался.

Автор. Что отнюдь не ослабляло, а, наоборот, оживляло западную пропагандистскую кампанию на польские темы. Дух захватывает от грандиозных перспектив, рисуемых солидной английской газетой «Обсервер» (8.04.1988):

«В Варшаве Тэтчер предложит не что иное, как западный план развития и восстановления для Польши. Финансируемый и руководимый странами — членами Европейского сообщества с помощью Международного валютного фонда, этот план нацелен на достижение резкого улучшения состояния польской экономики и уровня жизни в течение пяти лет.

41 год назад Соединенные Штаты приступили к осуществлению «плана Маршалла» для восстановления Европы. Тогда именно из-за давления Сталина от этого плана выиграла только Западная Европа. Как насчет «плана Тэтчер» в 1988 г., в соответствии с которым богатство и технология Запада приведут к восстановлению на Востоке?

Несмотря на программу экономической реформы, вступившей в свой второй этап в этом году, Польша по-прежнему сталкивается с падением уровня жизни и возможностью еще одного полномасштабного экономического краха, ведущего к политическому взрыву. Инфляция цен и нехватки, развал системы социального обеспечения (особенно здравоохранения) и устаревание промышленной системы, которая не в состоянии обновить оборудование из-за внешней задолженности в размере 19 млрд фунтов стерлингов, создают угрожающую перспективу. Недавний опрос общественного мнения показал, что 60% поляков в возрасте от 20 до 30 лет хотели бы эмигрировать на Запад..

Использование польским режимом западных займов было ужасно некомпетентным и расточительным. Сторонники «плана Тэтчер» предлагают меры, чтобы помочь по отдельным слабым позициям, которые строго контролировались бы и даже ликвидировались бы в случае неправильного использования. Не только правительству, но и независимым представителям поляков пришлось бы участвовать в осуществлении этого плана.

Есть, конечно, области, где «ориентированная на определенный проект» помощь могла бы быстро стать эффективной. Это строительная промышленность, фармацевтическая промышленность, производство удобрений и пестицидов для частных сельских хозяйств, пищевая промышленность, туризм и борьба с ужасным загрязнением воздуха и воды в Польше. Это был бы скорее принцип самопомощи, чем подачки: начальный толчок в виде финансовой и технологической помощи для усилий поляков с целью решения этих проблем.

Первая реакция на эти идеи со стороны советников Тэтчер, очевидно, будет скептической. Откуда поступят деньги (в некоторых предложениях речь идет о сумме около 5 млрд фунтов стерлингов)? Сможет ли правительство Польши согласиться сотрудничать со своими противниками (Лехом Валенсой и лицами, выдвигаемыми католической церковью) в осуществлении этого плана? Что подумает СССР? И, как вполне может спросить Тэтчер, что мы получим взамен наших денег?

У сторонников этого плана есть несколько ответов. Еще один кризис в Польше и восстание могли бы подорвать отношения между Востоком и Западом и, если бы это привело к национальному восстанию, перечеркнуть надежды Москвы на реформы в Советском Союзе. Успех такого плана, с другой стороны, был бы наиболее эффективным способом вновь объединить две половины Европы.

Значительная часть помощи могла бы быть оказана в форме совместных предприятий — финансирование западными фирмами отраслей польской экономики с целью получения их собственной конечной прибыли. Оживился бы экспорт, что помогло бы выплатить долги Польши западным кредиторам. Встроенная в «план Тэтчер» программа реформ в Польше смогла бы стать гораздо более радикальной и нанести поражение ее противникам-бюрократам.

Польскому правительству было бы предложено, с полным к нему уважением, действовать в качестве одного из главных партнеров в осуществлении этого плана. Любой иной подход выглядел бы как ущемление национального суверенитета. В то же время эта идея включает концепцию кнута и пряника. Пряником для правительства является возможность достижения политической стабильности в обществе, у которого наконец есть некоторые основания для оптимизма относительно его будущего. Кнутом является не только призрак очередного взрыва в Польше в случае неудачи реформы. Это и то, что, поскольку серьезный международный план восстановления для Польши будет начат и разрекламирован, правительству Польши было бы чрезвычайно трудно отвергнуть его, не вызвав недовольства в обществе.

Тэтчер, наконец, единственный западный руководитель с политическим влиянием, необходимым, чтобы начать осуществление такого плана и убедить советскую сторону, что это не создаст для нее угрозы. Наставление польской нации на путь, ведущий к западноевропейскому процветанию и социальной справедливости, принесло бы ей долгую славу. Препятствия огромны, возможно, непреодолимы. Но возможность остается исторической».

На протяжении всего 1988 г. английская печать вновь и вновь муссировала планы подключения польской экономики к источникам западной манной небесной. Ниже следует образец подобных достаточно беспардонных выступлений, которые служили затем базовым исходным пропагандистским материалом для спекуляций в нелегальной польской прессе и в программах западных «голосов» на польском языке. Лондонская газета «Индепендент» (1.11.1988) опубликовала статью Тимоти Гартона Эша:

«В воздухе вновь носится идея разработки «плана Маршалла» для Восточной Европы. На следующей неделе Тэтчер собирается посетить Польшу. Можно ли каким-либо образом связать эту идею с этим событием? В этом году два обозревателя, непосредственно занимающиеся Польшей, Нил Асчерсон и Николас Бетел, независимо друг от друга попытались выдвинуть идею разработки широкомасштабного «плана Тэтчер» для Польши. Реакция премьер-министра не была обнадеживающей. Сейчас уже, по-видимому, ясно, что премьер-министр не повезет с собой в Варшаву никакого важного плана, не говоря уже об открытой чековой книжке.

Однако что произойдет, если возникнет возможность разработки подобного плана по инициативе новой американской администрации или правительства Западной Германии? И неужели мы не можем сделать ничего, кроме этого грандиозного замысла? Имеются три общих довода в пользу разработки «плана Маршалла», подобного тому, который обеспечил экономическое возрождение Западной Европе после 1947 г.

Первый из них связан с сентиментальностью, благотворительностью и, возможно, моралью: нам крайне неприятно видеть страдания поляков и других восточноевропейцев и мы хотим помочь. Возможно, мы чувствуем некоторую ответственность за «Ялту». Если сторонникам этой идеи не удастся чудом заручиться поддержкой общественности, то средства под нее опущены не будут. Второй довод весь механизм вновь начавшейся разрядки между Востоком и Западом и будущее перестройки в Советском Союзе.

Главным доводом против «плана Маршалла» является то, что задуманное как помощь может на деле причинить вред. Польша является классическим примером этого, так как абсурдное злоупотребление режимом Терека большими, неограниченными западными кредитами, которые необдуманно в изобилии предоставлялись ему в 70-е годы, является самой главной причиной нынешнего экономического положения страны. Отсутствовали необходимый контроль и гарантии. Существуют ли сейчас условия для того, чтобы такие большие суммы действительно эффективно использовались для

достижения экономического возрождения? Нет, не существуют. Во всяком случае, в Польше и даже пока в Венгрии. В обеих странах управление экономикой еще слишком прочно опутано плотной паутиной государственного контроля и политической бюрократии.

Учитывая темпы перемен и спада в этих странах и предположив, что Горбачев будет продолжать свою деятельность, можно считать, что внутренние условия для осуществления «плана Маршалла» еще могут быть созданы в одной или двух странах Восточной Европы в течение ближайших десяти лет. Отдельные части Восточной Европы, скажем, в 1997 г. могут достичь положения Западной Европы в 1947 г. Они, возможно, получат экономическую свободу, которая дала в свое время возможность осуществить «план Маршалла» в Западной Европе, но в то же время внесла основательную путаницу и неразбериху. Помня об этом, таким западным лидерам, как Тэтчер, было бы полезно предложить настроенным на реформу восточно-европейским лидерам долгосрочную перспективу нового «плана Маршалла», ясно дав понять, что это произойдет, только когда они создадут эти совершенно новые условия.

А пока что как мы можем помочь им идти этим трудным путем? Позиция нашего правительства в целом заключается в том, что поляки должны сначала добиться одобрения МВФ, и тогда, возможно, мы отнесемся к ним несколько более сочувственно — и морально, и материально. Эта позиция не вызывает удовлетворения. Совершенно очевидно, что МВФ и Всемирный банк будут важными факторами в любых экономических инициативах Запада в отношении Восточной Европы. Они имеют то преимущество, что являются явно неполитическими институтами. Экономика вне политики — фактически повсюду, однако это совершенно бессмысленно в контексте системы советского образца.

Для Польши одобрение МВФ «второго этапа» экономической реформы, к осуществлению которого страна приступила прошлой осенью, не является хорошим знаком. Не говоря уже о технических недостатках и внутренней несогласованности плана «второго этапа», с самого начала должно было быть ясно, что для его осуществления нет политических условий. Если, насколько можно понять, сутью того, к чему МВФ толкает польское правительство, является дальнейшее сокращение реальной заработной платы и еще более стремительное продвижение к достижению активного сальдо по статьям текущих операций торгового баланса Польши с Западом, то тогда в нынешних условиях это будет верный путь к катастрофе. Как сами признают некоторые польские лидеры, сейчас сначала должна быть осуществлена политическая реформа. Без этого население не захочет проглотить горькую пилюлю мер строгой экономии, слегка подслащенную еще одним обещанием будущих улучшений со стороны таких крайне непопулярных руководителей, как новый Председатель Совета Министров Мечислав Раковский.

Таким образом, удобно, но недалековидно сваливать ответственность на МВФ. Если правительство Тэтчер серьезно относится к Восточной Европе, ему придется сделать чуть больше самому. Исходным моментом для нас, естественно, не может быть то, что мы хотим «помочь Ярузельскому достичь успеха» — по аналогии с тем, что мы «помогаем Горбачеву добиться успеха». Мы хотим содействовать успешному установлению свободы. Помочь отдельным людям жить так, как они хотят, самим делать свою историю. И в конечном счете мы хотим, чтобы Польша была, по словам Черчилля, «хозяйкой в своем собственном доме и хозяйкой своей души».

Конкретно это означает, что мы пытаемся содействовать не просто осуществлению программы реформ правительства, но и всему процессу экономических и политических перемен, процессу, в котором задействованы многие и конфликтующие элементы, не только партия, государственная бюрократия, армия и полиция, но и церкви, «Солидарность» и другие независимые группировки, частные предприниматели, свободолюбивые члены сейма, пресса и ученые. Более того, некоторая напряженность между этими различными элементами, определенное брожение и даже «нестабильность» являются как неизбежным элементом, так и необходимым условием любых реальных перемен. Если варено не кипит, то из него ничего не получится. Нам нужно именно, чтобы варено кипело, но не сбегало.

Почти все в Польше — и в правительстве, и в оппозиции — выступают сейчас за тэтчеризм. Однако каждый понимает его по-своему. Председателю Совета Министров Раковскому нравится привкус сильной власти, жесткость экономики свободного рынка и жесткое отношение к профсоюзам. Лех Валенса, с которым Тэтчер встретится на обеде в Гданьске, придерживается несколько иного мнения. Его трудная задача заключается в том, чтобы внедрить на очень неустойчивой политической сцене свой собственный вариант тэтчеризма, видоизмененный с учетом времени и места.

Я вижу, по крайней мере, три элемента тэтчеризма, которые могут быть с пользой применены к Польше в настоящее время. Во-первых, идет общий спор об условиях экономического возрождения: о возвращении свободы индивидуальному производителю, об оплате по результатам, об ограничении контроля государства. Здесь возникает один неприятный момент. Он касается профсоюзов. Почему Тэтчер преследует их в одном месте и поощряет в другом? Однако в свете того, что провозглашают английские законы сегодня, она может с полным основанием сказать, что люди должны иметь право вступать в профсоюз по своему выбору и что эти профсоюзы должны действовать в рамках закона, который действительно является законом — четко сформулированным в соответствии с законодательными актами и применяемым установленным образом независимыми правоохранительными органами. Если говорить более конкретно, то она может указать, что роль «Солидарности» на командных высотах польской экономики является необходимой, хотя и недостаточной заменой демократической законности, благодаря которой она смогла осуществить свою «тэтчеристскую революцию» в экономической жизни Великобритании.

Во-вторых, в самой Польше существует частное предпринимательство. Я подозреваю, что мало кто на Западе знает об истинных масштабах развития частного сектора в Польше (и в Венгрии) в настоящее время. Наш ведущий специалист в этом вопросе, экономист польского происхождения Янек Ростовский, считает, что сейчас на частную экономическую деятельность в Польше приходится около 38—45% личных доходов. На частный сектор также приходится одна треть всей рабочей силы. Большая часть сельского хозяйства остается в частных руках, и две трети нового жилья строится частным порядком.

Почему бы Тэтчер не предложить какой-то скромный план для того, чтобы поощрить и поддержать это частное предпринимательство? План «предпринимательской инициативы». Он будет предназначен именно для частного и кооперативного секторов. Он обеспечит бы рекомендации, обучение и предоставление информации, а также мог бы предусматривать небольшие дотации в твердой валюте на развитие и, возможно, прямые кредиты. Был бы гарантирован эффективный контроль Запада. Такие уже действующие в этом направлении независимые польские группы, как легально зарегистрированные «Промышленное общество» в Кракове и «Экономическое общество» в Варшаве, могли бы принимать в этом непосредственное участие, наряду с такими частными фондами, как новый Фонд им. Стефана Батория, созданный известным американским миллионером венгерского происхождения Джорджем Сорошем.

Конечно, необходимо будет подробно обсудить все детали и провести, без сомнения, нелегкие переговоры с властями. Пример задуманного церковью фонда для частных предпринимателей в сельском хозяйстве не обнаддеживает. Однако американскому Фонду Рокфеллера удалось осуществить экспериментальную программу в отношении частного предпринимательства в сельском хозяйстве, и сейчас режим цепляется за экономическую помощь практически любого рода. Такие «предпринимательские инициативы» должны, конечно, в идеале иметь поддержку правительства ряда западных стран, а также частных финансовых источников.

Из этого вытекает третий момент. Он касается открытых рынков. Наши «предпринимательские инициативы» сфокусированы на магической цифре «1992». Однако мечта об истинном «Общем рынке» представляется восточноевропейцам чем-то вроде кошмара. Они видят, как Западная Европа еще больше опередит их в экономическом отношении и делает это за высокими, защищающими ее стенами. Возможно, самой большой реальной помощью, которую могла бы оказать Тэтчер, была бы попытка обеспечить в соответствии с ее представлением об «открытом для мира европейском сообществе», чтобы восточноевропейцы действительно имели равные шансы с точки зрения конкуренции на западноевропейском рынке. В этом она, без сомнения,

получит полную поддержку Бонна. Однако в обмен на это мы имеем право и должны потребовать от восточноевропейских государств, чтобы все восточноевропейские производители, частные, кооперативные, а также национализированные, имели равные шансы конкурировать на наших рынках и право оставлять за собой справедливую и равную долю заработанной таким образом твердой валюты.

Эти три элемента прикладного тэтчеризма вряд ли добавляют что-то к «плану Маршалла». Однако они, возможно, являются тремя нижними ступенями лестницы, наверху которой можно будет схематически наметить перспективы «плана Маршалла». Вполне вероятно, что Западу не удастся возвести эту лестницу, а если даже он это сделает, то Польше не удастся на нее взобраться. Самому господу богу было бы трудно восстановить польскую экономику. Однако даже если желаемые макроэкономические результаты не будут достигнуты, задействованные в этом относительно небольшие суммы не будут потрачены напрасно, как те огромные неограниченные кредиты 70-х годов. Продовольствие и товары будут произведены, распределены и оплачены. Определенному количеству занимающихся предпринимательством мужчин и женщин будет оказана помощь в самообеспечении. Хороший шанс будет предоставлен особенно молодым людям. И остальная часть страны и, конечно, вся Восточная Европа получат пример того, как можно что-то сделать».

Рецензент. В начале приводимой вами статьи из «Индепендент» упоминается английский обозреватель Нил Асчерсон. Его оценки новейшей польской истории и перспектив развития однозначны, лишены дипломатической обходительности и поэтому тоже интересны. В 1987 г. в Лондоне вышла его книга «Борьба за Польшу», написанная с откровенно антисоветских, антирусских позиций. Ставя на одну доску Советский Союз и царскую Россию, автор с самого начала объявляет их «заключеными врагами польского народа», оказывает энергичное давление на читателей и телезрителей (книга экранизирована в Англии). К тому же он характеризует Польшу как «самого непокорного сателлита советской империи», который при помощи «Солидарности» громко заявил о своей принадлежности к «европейской семье народов».

Асчерсон пишет, что в течение нынешнего века ни одна нация не пережила столько трагедий, как Польша. Освободившись в 1918 г. от более чем столетнего царского рабства, она в 1939 г. познала «ужасы нацистской и советской оккупации». Затем последовали героическое восстание в Варшаве, превращение послевоенной Польши в коммунистическое государство, возникновение и расцвет «Солидарности» в 1980 г. и подавление ее в 1981 г. В Ярузельском. В настоящее время, по определению автора, Польша представляет собой дымящийся вулкан, способный в любое время на «новое извержение», которое может основательно потрясти взаимоотношения Востока и Запада.

В книге уделяется большое внимание истории Польши, ее «взлетам и падениям», борьбе за независимость и существование в условиях «оккупации соседними державами». Асчерсон утверждает, что Россия и Пруссия стремились любыми способами уничтожить культуру, язык и католическую религию польского населения, но поляки выстояли и сохранили свое наследие. Многим политическим и военным деятелям, представителям культуры пришлось покинуть родину и уехать за границу, а в конце XIX в. началась массовая эмиграция крестьян из Польши в Северную Америку, во Францию, Бельгию и Германию.

Используя различные зарубежные источники, автор подробно описывает революционную деятельность поляков. При этом он концентрирует внимание на зверствах царской охранки по отношению к польским революционерам. По-

дробно описывает боевые действия на территории Польши во время первой мировой войны, а также победу войск Пилсудского над частями Красной Армии под Варшавой. Вместе с тем ни словом не упоминается о выступлении польской военщины против молодой Советской республики в 1920—1921 гг.

Асчерсон всячески муссирует события, связанные с подписанием в августе 1939 г. советско-германского пакта о ненападении, который, по его словам, привел к «разделу Польши» и ее последующей оккупации войсками СССР и гитлеровской Германии. В книге говорится, что в феврале 1940 г. началась «массовая и насильственная» депортация поляков в Сибирь: «Об истреблении поляков советскими властями в 1939—1941 гг. мало известно за рубежом, за исключением лишь того, что хладнокровные попытки уничтожить физически польскую нацию и ее культуру в течение 21 месяца оккупации далеко превзошли преступления, совершенные против Польши 125 лет назад царской Россией... Коммунистические правительства Польши вынуждены были скрывать от своего народа правду о деятельности Советов на захваченных ими территориях».

По мнению Асчерсона, «Черчилль и Рузвельт добровольно обманули себя, согласившись в Ялте отдать освобожденные Советской Армией страны Восточной Европы в распоряжение Сталина», который позже, нарушив свои обещания о проведении в этих странах свободных выборов, «превратил их в марионеток». Так случилось и с Польшей; в ее правительство вошли 16 членов просоветского Люблинского комитета (Польский комитет национального освобождения. — *Прим. Е. Б.*).

«Ретроспективный анализ» истории Польши Асчерсон продолжает на примере «участи В. Гомулки», который был арестован в 1951 г., так как возражал против всеобщей коллективизации и беспрекословного подчинения зарубежных компартий Москве, а затем вновь восстановлен у власти после «народных восстаний» 1956 г.

За 14 лет своего правления, пишет Асчерсон, Гомулка произвел большие изменения в стране. Он поддержал выступления рабочих, отверг колхозы как единственный путь строительства социализма в деревне и снова вернул крестьян к земле, убрал всех советских офицеров из польской армии, включая маршала Рокоссовского, возродил частные предприятия, объявил открытую войну догматизму и ревизионизму, ввел порядок голосования по единому списку с правом вычеркивания неугодных. Всем этим он снизил большую популярность в народе.

Однако в конце 70-х годов в Польше сложилось тяжелое положение со снабжением населения продовольствием, что, согласно Асчерсону, явилось результатом взятого ранее курса на индустриализацию. После повышения в декабре 1970 г. цен на продовольственные товары в стране начались выступления рабочих, которые переросли во всеобщую забастовку. По «совету из Москвы» на пост первого секретаря ЦК ПОРП избрали Э. Терека, который в своем обращении к народу, переданном по радио, обещал навести порядок в деле обеспечения продовольствием и совершить «большой скачок», взяв кредиты на Западе для строительства новых предприятий. «Но люди отнеслись к этому подозрительно и сдержанно: они успели устать от обещаний».

За счет внешнего долга, говорится далее, улучшилось благосостояние польского населения, особенно крестьянства. Страну наводнили западные туристы. Процветал черный рынок. Задолженность Польши (в основном западным странам) возросла со 100 млн долларов в 1971 г. до 6 млрд долларов в 1975 г. В 1980 г. она составила уже 23

млрд долларов. Обещанные предприятия доходов не давали. Вскоре опустели магазины. Правительство вынуждено было вновь обратиться за помощью к СССР. Повышение (на 70%) цен на розничные товары вызвало забастовки. Несмотря на экстренные меры, в Польше вновь «назревала бурные события». По мнению Асчерсона, большую роль по «предотвращению кровопролития» сыграл созданный Л. Валенсой независимый, самоуправяемый профсоюз «Солидарность». Его деятельность Асчерсон описывает с нескрываемой симпатией и самым подробным образом.

Подлинные причины введения в Польшу военного положения в начале 80-х годов в книге тщательно затушевываются, зато делаются неоднократные ссылки на «угрозу советской интервенции», подчеркивается, что «на грани катастрофы оказалась экономика страны», оправдываются экономические санкции Запада против Польши, расписываются аресты (более 10 тыс. человек) и «расстрелы» членов «Солидарности», с которой, по словам Асчерсона, было фактически покончено: остались лишь небольшие подпольные группы на предприятиях.

В заключение Асчерсон выражает убеждение, что борьба за Польшу, за восстановление справедливости будет продолжена. Он пишет, что «мужественный польский народ не успокоится до тех пор, пока ему не позволят решать свою судьбу самостоятельно», и призывает западные страны сделать все возможное, чтобы предупредить опасность подавления этих свободолюбивых тенденций извне.

Профессионализм западных средств информации

Автор. Неоднократно приходится убеждаться, что «их» представления о нас, выраженные в серьезной периодике и в добротнo написанных книгах, при всей тенденциозности стоят ближе к реалиям, чем то, что мы десятилетиями писали о Западе, будь то массовая газета или научная публикация. Мы плодили невежество в сфере общественных наук, а западная пропаганда и советология тем временем набирали очки. Помню свое удивление, которое редко покидало меня при знакомстве с образцами западной советологии, будь то передачи «голосов» или солидные книги, газеты. Удивление «их» компетентностью, владением материала.

Профессионализм отличает и высказывания корреспондента Джексона Ди-ла в газете «Вашингтон пост» (3.11.1988):

«Накануне визита Тэтчер Ярузельский и Раковский ясно заявили, что они будут критиковать любую попытку с ее стороны защищать «Солидарность» как лицемерие ввиду ее безжалостной борьбы против британских профсоюзов.

В интервью телевидению Великобритании в понедельник Ярузельский заявил: «Мы восхищаемся г-жой Тэтчер, потому что она проводит столь последовательную и решительную экономическую политику... и я бы очень хотел попросить у нее совета о том, как такая политика может быть реализована».

Вместе с тем генерал едко заметил в одном из интервью газете «Гардиан», что «иногда представляется странным, что политики... требуют, чтобы Польша предоставила профсоюзам права, против которых они боролись в своих собственных странах».

Раковский, стремясь связать провозглашаемое им уважение к Тэтчер с намеченным на 1 декабря закрытием судоверфи им. Ленина, заявил британским журналистам: «Я бы очень хотел быть учеником в ее школе. Я бы хотел перенять ее решимость и твердость в ведении дел с убыточными предприятиями».

Критикуемая на родине и здесь за предполагаемое противоречие между ее поддержкой «Солидарности» и критикой британских профсоюзов, Тэтчер на прошлой неделе дала первый ответ польскому еженедельнику «Политика», подчеркнув, что «наши профсоюзы не являются демократическими. Профсоюзные боссы могли диктовать требования своим членам и пренебрегать их личными интересами».

Британские должностные лица заявили, что во время визита Тэтчер новые соглашения подписаны не будут и что Великобритания не предложит Польше никаких новых займов или другой экономической помощи».

Рецензент. Средства массовой информации ПНР широко комментировали итоги официального визита в Польшу премьер-министра Великобритании М. Тэтчер.

«Жиче Варшавы» озаглавила свой комментарий «Партнерство с будущим». Отмечая, что визит был успешным, газета подчеркивала, что это отнюдь не означает, что исчезли все трудности на пути развития двусторонних контактов. «Великобритания декларативно заявляет о желании расширить контакты в экономической сфере, однако не хочет, чтобы ее банкиры брались за чековые книжки, прежде чем МВФ даст на этот счет Западу добро. Однако трудно не заметить, что именно западные правительства определяют политику МВФ».

Автор. Перед началом визита премьер-министра Великобритании М. Тэтчер в Польшу лондонские политические обозреватели были убеждены, что он окажется малосодержательным. Скорее всего, эта поездка будет иметь пропагандистское значение, так как в ходе нее не ожидается «никаких новых политических и экономических инициатив», писала газета «Индепендент». И с этой оценкой в Великобритании соглашались практически все. Ажиотаж, пожалуй, вызывал лишь сам факт того, что М. Тэтчер становится первым британским премьер-министром, посещающим Польшу в период после второй мировой войны. Был проявлен интерес также к предстоящей в Гданьске встрече главы британского правительства с руководством «Солидарности», оказавшейся в повестке дня благодаря ее настоячивости.

Однако решение правительства ПНР закрыть с 1 декабря 1988 г. верфь им. В. И. Ленина в Гданьске, по мнению британской печати, значительно изменило характер визита М. Тэтчер, придав ему гораздо большее политическое значение.

Возмущение «Солидарности» закрытием верфи, считающейся «местом рождения» этой организации, вкуче с непреклонной позицией, занятой по этому вопросу Председателем Совета Министров ПНР М. Раковским, поставили перед главой британского правительства ряд щекотливых вопросов: как относиться к решению, которое формально вроде бы полностью соответствовало принципам «тэтче-ризма», как избежать прямого вмешательства во внутривнутриполитические дела другой страны при одновременном ясном изложении своей позиции и т. д.

2 ноября, в день отъезда М. Тэтчер в Варшаву, дипломатический корреспондент «Гардиан» Х. Пик писала, что теперь премьер-министру для успеха визита придется приложить все свое дипломатическое искусство, которое «подвергнется суровой проверке». «Дейли телеграф» также констатировала: «Политическая арена неожиданно стала таковой, что премьер-министр оказалась перед выбором определить, на чьей стороне она находится». Под этими двумя сторонами газета подразумевала, естественно, правительство ПНР и «Солидарность». Однако «Файнэншл таймс» уже тогда высказала мнение, что после закрытия верфи М.

Тэтчер «не колеблясь использует предоставленную ей возможность для того, чтобы утверждать: профсоюзные движения в Польше и Великобритании совершенно различны». Так позднее и произошло.

Выступая после завершения визита в палате общин, М. Тэтчер заявила, что «Солидарность» — это нечто гораздо большее, чем профсоюз» и что эта организация является «единственным выражением оппозиции коммунизму и социализму в Польше», желая создания «такого же плюралистического общества, какое существует у нас».

Но эти слова были сказаны уже «после». Что же касается линии, которая была взята главой британского правительства в Польше, то она стала поистине «макиавеллиевской».

Наиболее точный прогноз о том, что станет отличительной чертой визита М. Тэтчер в Польшу, еще перед ее отъездом дал политический обозреватель «Индепендент» П. Дженкинс. Послание премьер-министра польскому правительству, писал он, будет заключаться в следующем: «Вы не достигнете экономических реформ без послаблений в политической области». Что же касается «Солидарности», то этой организации премьер-министр даст понять: большая политическая свобода требует большей ответственности, придание силы экономике — «небезболезненный процесс».

И действительно, как в своем выступлении на банкете, который дал в ее честь Председатель Госсовета ПНР В. Ярузельский, так и позднее М. Тэтчер постоянно взаимосвязывала эти две темы — «свободы» и «ответственности», создавая представление, будто бы сама она нейтральна в отношениях между правительством ПНР и «Солидарностью». Это позволило «Санди Таймс» сделать после завершения визита вывод, согласно которому «Тэтчер потрясающе справилась с ролью неофициального посредника» между противоборствующими в Польше сторонами. В том случае, если позднее между правительством ПНР и оппозицией наладится диалог, писала газета, британский премьер-министр «займет постоянное место в истории Польши». «Гардиан», также обратившая внимание на попытки М. Тэтчер выступить в «посреднической роли», не без иронии отметила, что в ходе своего визита премьер-министр возложила не один, а целых четыре венка: «два для правительства, два для оппозиции». После возложения венка к могиле Неизвестного солдата она посетила могилу священника Е. Попелушко, а после визита к мемориалу, посвященному второй мировой войне, направилась к памятнику рабочим, бастовавшим в Гданьске. Результатом этих возложений стала «ничья», заключила газета.

Однако эта «ничья», кажется, небезосновательно была расценена британскими обозревателями как значительный дипломатический успех главы британского правительства, которая, будучи в Польше, чуть ли не все время балансировала на грани вмешательства во внутренние дела этой страны и тем не менее не только сумела «выйти сухой из воды», но и увеличила свой авторитет как в Великобритании, так, судя по всему, и в самой Польше.

Интересную параллель провела газета «Файнэншл Таймс». Когда генерал де Голль «возбудил националистический дух» во франкоязычной канадской провинции Квебек, заявив по-французски: «Да здравствует свободный Квебек!» — правительство Канады ясно дало понять ему, что более не намерено приветствовать его в стране, писала газета. Но с его «духовным наследником» — М. Тэтчер, которая, «публично поддержав запрещенную профорганизацию «Солидар-

ность», так близко, как никакой другой руководитель Запада, подошла к тому, чтобы допустить вмешательство во внутренние дела» социалистической страны, так не поступили. Более того, Председатель Госсовета ПНР В. Ярузельский провозжал ее до самого трапа самолета, чтобы лично сказать М. Тэтчер «до свидания», хотя дипломатический протокол требовал присутствия в данном случае только Председателя Совета Министров ПНР М. Раковского, отмечает газета.

По мнению «Файнэншл Таймс», в конечном итоге М. Тэтчер удалось «удовлетворить» всех, с кем она проводила переговоры в Польше, а также, «конечно же, поднять свой личный авторитет». Хотя глава британского правительства подняла большую шумиху по поводу «Солидарности» и даже «придала ей статус официального оппозиционного движения», она также сделала кое-что и для правительства ПНР, подчеркнув, в частности, что «большая свобода требует большей ответственности», пишет газета. По ее словам, это был как раз тот совет, «который до сих пор польский народ отказывался принимать от собственного правительства».

Однако в целом, как считает «Файнэншл Таймс», этот визит принес пользу главным образом Великобритании и лично М. Тэтчер, так как «поляки не получили от него ничего или почти ничего конкретного», в частности не добились от Лондона поддержки скорого пересмотра вопроса об огромной внешней задолженности ПНР. И это стало «горькой пилюлей» для польского правительства в тот момент, когда страна «переживает глубокий политический и экономический кризис», заключает «Файнэншл Таймс».

Что же касается внутривнутриполитического положения в Польше после визита британского премьер-министра, то практически вся английская пресса согласна с выводом, который газета «Санди экспресс» сформулировала так: «Теперь польским властям игнорировать «Солидарность» уже больше нельзя».

Рецензент. А вот что можно было услышать, сидя у радиоприемника в Варшаве. «Предпринятая премьер-министром Великобритании М. Тэтчер поездка в Гданьск специально для встречи с Лехом Валенсой имела исключительно важное и символическое значение». Об этом заявил бывший помощник президента США по национальной безопасности Збигнев Бжезинский в интервью радио «Свободная Европа». Внимание всего мира было сконцентрировано именно на встрече Тэтчер с Валенсой — лидером польского общества, утверждал Бжезинский. Весь мир сознает, что в Польше есть подлинная и интенсивная политическая жизнь, а Валенса — наиболее выдающийся ее участник, подчеркнул он далее. Визит Тэтчер лишний раз это подтвердил.

3. Бжезинский выразил убеждение в том, что намечающаяся в Польше встреча за «круглым столом» все-таки состоится.

Отвечая на вопрос, последует ли вновь избранный президент США Дж. Буш примеру М. Тэтчер в отношении Польши, З. Бжезинский отметил, что США — великая держава и им нет надобности следовать чьему-либо примеру в определении своей политики. Трудно сейчас сказать, какой будет политика Буша в этом аспекте. Известно, правда, что он интересуется проблемами Центральной Европы, проявляет интерес к Польше и непосредственно знаком с ее ситуацией. Однако в проведении внешней политики Бушу будет мешать бюджетная ситуация США.

Кредиты и экономическая помощь, сказал далее Бжезинский, опираются на долгосрочные интересы. Надеюсь, что в Польше произойдут реформы не только

экономические, но и политические и тогда это приведет к расширению отношений с Западом и даже может выдвинуть Польшу на первое место среди других соцстран в этом отношении.

«Для М. Раковского главное сейчас не «круглый стол» с оппозицией, а достижение равновесия экономики и рынка без глубинных политических реформ. Однако этот путь никуда не ведет, ибо сделать это без таких реформ невозможно», — подчеркнул З. Бжезинский.

Автор. Что-то я не ощущаю в нашем с вами обмене мнениями и цитатами так необходимого нам духа здорового политического оптимизма. Неужели все английские источники рисуют социалистическую Польшу лишь в мрачных тонах.

Рецензент. Есть одна книга, изданная в 1988 г. в Лондоне, авторы которой прогнозируют дальнейшее, столь же тесное, как и сегодня, развитие польско-советских отношений. Монография преподавателя Эссек-ского университета Джорджа Коланкевича и старшего лектора Открытого университета Пола Льюиса «Польша. Политика, экономика и общество» вышла в серии «Марксистские режимы», обзорно освещающей основные факты и тенденции политической, социальной и экономической жизни в социалистических странах.

Анализируя элементы социальной структуры Польши, английские авторы подчеркивают, что во всех обществах советского типа существует примат политики над социальным и экономическим.

Население Польши занято в основном в сельском хозяйстве, тяжелой промышленности и добыче сырья. Авторы приводят основные данные о различных классах и социальных слоях страны, отмечают повсеместное недовольство правительством и понимание обществом, что существующий кризис не может быть урегулирован в ближайшем будущем; это оказывает большое влияние на жизненные планы большинства поляков. Подобная ситуация всеобщего недовольства стимулирует поиск альянсов между различными социальными группами. Имеет место относительная пауперизация интеллигенции, крайне озабочены своим положением и технические специалисты высшей категории. Возникают новые формы социального неравенства, что приводит к обострению напряженности в обществе. Наиболее передовые слои населения выступают за немедленные радикальные реформы, против социального неравенства и «директивно-распределительной командной экономики», за возвращение к рыночным структурам. Одной из самых животрепещущих остается проблема номенклатуры.

В принципе все в Польше понимают необходимость поиска путей выживания в сложной обстановке кризиса. Вместе с тем единства здесь среди различных социальных групп нет. Одни ищут спасение во «второй экономике», другие — в коллективных формах сопротивления. Вместе с тем от решения этого важнейшего социального вопроса: скоро ли общество придет к единому мнению об урегулировании кризиса? — по мнению авторов, зависит будущее развитие Польши.

В монографии подробно анализируется польский экономический кризис. Во многом он вызван колоссальным внешним долгом, насчитывавшим к концу 1987 г. 39,2 млрд долларов в конвертируемой валюте и 6,5 млрд рублей. Авторы пытаются «логически» связать нынешнее положение польской экономики с социалистическими преобразованиями, начатыми после второй мировой войны. Так, отмечается, что главным тормозом развития в 50—60-е годы был военно-промыш-

ленный комплекс, «сседавший» в начале 50-х годов более 15% национального дохода страны и способствовавший утверждению в Польше бюрократической системы сталинского типа.

В книге ставится под сомнение вся экономическая система страны. Авторы пишут, что необходимо возрождение «Солидарности», поскольку в сложившихся условиях невозможно существование сильного профсоюзного движения и экономики рыночного типа без профобъединения подобной направленности. Они предлагают всемерное развитие «несоциалистического» сектора экономики, либерализацию всей экономической деятельности. В монографии излагаются различные мнения польских экономистов по этим вопросам.

Как и во всех социалистических государствах, в Польше одной из главных проблем, как полагают авторы английской книги, являются претензии партии на монопольное политическое руководство страной и на способность к его успешному осуществлению. Это «заблуждение» порождает множество проблем; их актуальность резко усилилась с конца периода «режима Терека». Признак упадка руководящей роли ПОРП заключается в уменьшении численности партийных рядов после начала забастовок в августе 1980 г. Этот процесс еще более усилился в 1981 г. и сохранялся до середины 1985 г. Только после указанной даты начался медленный рост числа членов ПОРП, не компенсирующий, однако, всех потерь в предшествующие годы. Основной причиной отмеченного негативного явления авторы считают введение в Польше военного положения. Судя по опросам общественного мнения, 9 из 10 поляков в 1982 г. считали, что партия скомпрометировала себя этой акцией.

Современное положение в Польше, пишут авторы, в конечном счете результат Ялтинских соглашений 1945 г. С этой точки зрения Ялта стала символом ограничений на независимое национальное развитие стран Восточной Европы. Тем не менее многие поляки больше стремятся к либерализму и плюрализму, чем поддерживают социалистическую демократию. Они отказываются считать свою страну «бастионом социализма», желая выглядеть в мировом общественном мнении мостом между Востоком и Западом. На практике подобная двойная тенденция определила особое положение Польши в советском блоке и привела к появлению у нее специфического подхода к международным отношениям.

В будущем, считают авторы, направление политического и экономического развития Польши по-прежнему будет определяться прежде всего отношениями с СССР. Экономические противоречия между двумя странами, вероятнее всего, останутся. Вместе с тем, Польша и в дальнейшем будет, без сомнения, социалистической страной и верным союзником Советского Союза. Что касается специфики нынешних связей СССР — ПНР, то их можно сравнить с отношениями США и Мексики. «И Польша и Мексика, — отмечается в монографии, — оказались в конце семидесятых в глубоком экономическом кризисе, и можно доказать, что советский способ интеграции предлагает в какой-то мере менее травмирующие средства для того, чтобы справиться с кризисом, нежели американский».

В настоящее время внимание поляков привлечено к преобразованиям в СССР. Авторы убеждены, что если перестройка реально изменит внутреннее положение в Советском Союзе, то это, несомненно, скажется на советско-польских отношениях и, следовательно, на обстановке в Польше. Что касается экономических связей между двумя странами, то идущий в 80-х годах рост интеграции поль-

ской экономики в советскую хозяйственную систему и улучшение отношений в других областях сделают взаимные контакты в будущем еще более тесными. Все это, вместе взятое, серьезно повлияет не только на состояние дел в «советском блоке», но и на европейскую обстановку в целом.

Автор. Есть предложение завершить обсуждение английской темы.

Полное примирение с немцами

Рецензент. По следующему разделу о «восточных интересах» ФРГ у меня так же есть ряд соображений.

ФРГ, так же как и ее предшественники — Веймарская республика и третий рейх, всегда были различным образом связаны с Польшей, но ваши рассуждения об этом, при обильном цитировании фрагментов из публицистических статей, никоим образом не исчерпывают сути дела. «Политика третьего рейха в оккупированной Польше» (так назвал профессор Ч. Мадайчик свою двухтомную монографию, вышедшую в Варшаве в 1970 г. на 1183 страницах) — это ведь обширная тема как в идеологическом, так и политико-юридическом ракурсе, не говоря уж об историческом и даже психологическом аспектах польско-немецких отношений.

Ничего не может тут прояснить и простое обозначение темы: СДПГ в польском вопросе (с. 230).

А проблема значительно шире и радиус воздействия этой партии на судьбы поляков был иной. Именно соглашательство немецких социал-демократов, так часто по разным случаям критикуемое В. И. Лениным, было причиной того, что немецкая буржуазия в 1919 г. расправилась с левыми как раз руками СДПГ, а военный министр правый социал-демократ Густав Носке зовется в историографии «палачом народа». И позже, как подтверждают исследования историков Польши, ГДР и ФРГ, соглашательство СДПГ привело к тому, что Гитлер и его клика смогли захватить власть в Германии и совершить то, что они совершили. Социал-демократическая организация Рейхсбаннер была ликвидирована, чтобы «не дразнить» нацистов, а те в ответ создали собственные охранные отряды — СС. Руководство немецкой социал-демократии не осудило Гитлера за то, что он в 1939 г. напал на Польшу (в вермахте было более миллиона членов СДПГ), а только выпустило воззвание, в котором скорбело о том, что никто не в состоянии предвидеть результатов развязанной войны.

Также благодаря социал-демократам ФРГ в 1955 г. присоединилась к организации Североатлантического договора со всей своей идеологической программой, которую вы цитируете выше (с. 231). И хотя Вилли Брандт был тем западногерманским политиком, который в 1970 г. подписал соглашение о нормализации отношений ФРГ с Польшей, ранее, однако, когда он был обер-бургомистром Западного Берлина, а потом министром иностранных дел и канцлером, у него бывали всякого рода повороты в политике, когда дело касалось Польши и ревизионистских землячеств. И ведь не кто иной, как преемник Брандта на посту канцлера Гельмут Шмидт, оказался тем самым политиком, который в 1973 г. обратился к США с призывом «довооружить Европу», которой якобы угрожает военное преимущество стран Варшавского Договора. Вашингтон поспешно воспользовался этим предложением. Отсюда и появились на Рейне разного рода «крузиы»,

самонаправляющиеся ракеты и т. д. Только такие «за и против» позволяют полнее ориентироваться в польско-западногерманских взаимоотношениях, в том числе и в том, что касается «Солидарности» в 1980—1981 гг., военного положения и всего прочего.

Автор. С вашим мнением я всегда соглашаюсь, тем более когда речь идет о ФРГ, где вы провели много лет в служебных командировках и о которой написали столько художественных книг и научных работ. Впрочем, основная часть вашей жизни прошла в Польше, вы являетесь польским писателем.

Так что, сидя рядом с вами, я вполне довольствуюсь ролью не знатока, а дилетанта, ролью «человека со стороны». Я рассказываю своим соотечественникам о Польше — но с вашей помощью.

Рецензент. Вы безусловно лучше меня знаете, что конкретно волнует советских людей и какова степень их осведомленности о польских проблемах.

Автор. Развивая тему польско-западногерманских отношений, есть смысл сослаться на первоисточник. На книгу Д. Бингена «Бонн — Варшава, 1949—1988 гг. От противоречий по пограничному вопросу к общеевропейской перспективе?» (Кельн, 1988). Бинген — доктор философии, сотрудник Федерального института восточноевропейских исследований и международных проблем (Кельн), в рамках которого и была подготовлена данная работа.

Западногерманскому ученому удалось показать, как он считает, «насколько наследие прошлого осложняло до последнего времени отношения между двумя странами». По мнению Бингена, «лишь два-три года назад, отчасти благодаря смене поколений, стали появляться изменения в основополагающих концепциях» двух стран.

С точки зрения Бингена, до второй половины 80-х годов, когда в двусторонних отношениях наметилась перемена, роль тормоза в их развитии играл «пограничный вопрос», то есть вопрос о западной границе ПНР по Одере — Нейсе. С самого начала зафиксированная в протоколе Потсдамской конференции граница по Одере — Нейсе была признана Польшей как окончательная и закрепленная в международно-правовом отношении, а решения Потсдамской конференции — как основа политико-территориального устройства Центральной Европы. В свою очередь, подход ведущих политических партий в трех западных оккупационных зонах Германии был единым в том, что «до заключения мирного договора с Германией ни о каком признании немецко-польской границы» не может быть и речи. Этому положению сразу же был придан официальный характер в первом правительственном заявлении федерального канцлера ФРГ К. Аденауэра, сделанном после образования ФРГ в 1949 г.

В 50-е и в первой половине 60-х годов как в ПНР, так и в ФРГ указанные позиции по «пограничному вопросу» еще более утвердились, получив поддержку у соответствующих союзников обеих стран. Постулату ФРГ о «праве на гражданство изгнанных с немецкой родины» противопоставлялись с польской стороны ссылки на право гражданства поляков, родившихся на новых польских западных землях.

Впервые за «признание и соответственно уважение границы по Одере — Нейсе до урегулирования в мирном договоре» высказался 18 марта 1968 г. на съезде СДПГ в Нюрнберге председатель СДПГ и федеральный министр иностранных дел ФРГ В. Брандт. Пришедшая к власти в ФРГ в 1969 г. коалиция СДПГ/СвДП приняла предложение ПНР о начале переговоров с целью нормализации двусторонних

отношений. Договор об основах нормализации двусторонних отношений между ФРГ и ПНР был подписан в Варшаве 7 декабря 1970 г. Являясь, как считает Бинген, результатом «дипломатического компромисса», текст данного договора допускал различную интерпретацию с точки зрения международного права.

Различия в основополагающих внешнеполитических концепциях двух стран не потеряли своей остроты: ФРГ по-прежнему стояла на позициях «открытости германского вопроса», в то время как ПНР отстаивала в Европе политику статус-кво. Обе страны рассматривали процесс нормализации не как самоцель, а как средство для достижения собственных целей. Кроме того, двусторонние отношения отягощались проблемами переселения из ПНР граждан немецкой национальности, воссоединения семей, репараций жертвам нацистской тирании в Польше. Поэтому после ратификации договора в мае 1972 г. нормализация приостанавливается.

Краткосрочное улучшение наступило в связи с договоренностью, достигнутой между руководителями двух стран в Хельсинки в августе 1975 г., но оно коснулось в основном культуры, науки и туризма. Бинген считает, что дебаты по поводу ратификации договора в 1972 г. и «марафон переговоров», который преодолели ФРГ и ПНР в 1976 г., «расчистили путь» к полной нормализации, но, характеризуя отношения двух стран в конце 70-х годов, он пишет о «стагнации». Стремление к нормализации отношений со стороны ФРГ наталкивается на «обвинение в ревизионизме» со стороны ПНР.

В начале 80-х годов, когда, по словам Бингена, Польша оказалась в состоянии «острого кризиса системы, обе страны стремились сохранить достигнутый уровень отношений». В связи с «поворотом», который намеревалась осуществить пришедшая к власти в ФРГ в октябре 1982 г. коалиция ХДС/ХСС — СвДП, федеральный канцлер ФРГ Г. Коль заявил о продолжении прежней восточной политики, однако обещал привнести в нее «новые акценты». Последовавшие затем заявления об «открытости германского вопроса», с которыми стали выступать члены западногерманского правительства, землячеств и союзов изгнанных, были «болезненно» восприняты в ПНР и привели к серьезному ухудшению двусторонних отношений. В Польше развертывается полемическая кампания против ФРГ, которая, достигнув своего пика весной и летом 1984 г., «доходит до обвинений в пангерманизме».

Бинген считает, что в конце 80-х годов перед двумя странами возникает «общеевропейская перспектива». По его мнению, «определенной разрядке», которая началась в двусторонних отношениях с 1985 г., благоприятствовали многочисленные факторы: внутривнутриполитическая стабилизация в Польше при В. Ярузельском; необходимость «реинтенсифицировать» отношения с Западом, обусловленная задолженностью ПНР и ее потребностью в новых кредитах, что требовало улучшения отношений с ФРГ; решение вопроса о преемственности в советском руководстве в связи с приходом к власти М. С. Горбачева; «ощутимые результаты наведения дисциплины среди членов федерального правительства в отношении неавторизованных комментариев по открытому германскому вопросу»; разьяснение политической значимости Варшавского Договора и необходимости соблюдения обязательств, из него вытекающих, с которым выступил заместитель фракции ХДС/ХСС в бундестаге Фолькер Рюэ.

Постепенно в польских официальных кругах пришли к пониманию того, что нельзя будет полностью устранить разногласия в подходе к «германскому вопро-

су», а потому следует обращать большее внимание на «общность интересов и развитие двусторонних отношений в европейском контексте». Бинген пишет далее, что «вечное повторение польской стороной одних и тех же аргументов и упреков, длящееся в течение пятнадцати лет, вызвало определенное чувство усталости». Стала очевидной невозможность склонить ФРГ к пересмотру своих позиций. В Варшаве же, по-видимому, взяло верх новое направление в пользу активного строительства общеевропейской инфраструктуры, «общего европейского дома», которое появилось в результате динамического развития восточно-западногерманских отношений и рассмотрения «германского вопроса» в более широких рамках.

С уверенностью можно сказать, что «новое мышление» в подходе к прошлому и будущему отношений между немцами и поляками в Европе появилось в Польше под воздействием новых общественно-политических реалий, в результате деятельности «независимой польской общественности со своею собственной журналистикой».

Исследование, проведенное в ФРГ, показало, что почти все деятели «независимой польской прессы» считают, что со стороны ФРГ не исходит никакой политической или военной угрозы для западной границы Польши; нерушимость западной границы Польши по Одере — Нейсе не может быть поколеблена юридической оговоркой, содержащейся в требовании заключения мирного договора с Германией; приобретенные Польшей новые земли на западе должны рассматриваться не как «исконно» польские, а как компенсация за военные потери, за территории на востоке, отошедшие к Советскому Союзу; для поляков позитивные аспекты воссоединения Германии преобладают над негативными, поскольку содействуют сближению с Западом.

Конечно, «столь далеко» не заходит официальная польская политика, сдерживаемая союзническими обязательствами и идеологическими соображениями. Бинген не считает, что польское правительство готово пересмотреть позицию ПНР по «пограничному вопросу», и в то же время он видит необходимость в новом уровне взаимопонимания между двумя странами.

Ведущие политики ФРГ и ПНР сходятся в том, что, несмотря на многочисленные столкновения интересов и противоречия, проводимый почти три года курс на улучшение отношений двух стран отвечает потребностям подлинного преодоления исторического прошлого и соответствует новым тенденциям в общеевропейской политике — строительству «общего европейского дома». По мнению Бингена, «постепенно, почти незаметно для немцев, в Польше начинает проявляться новое мышление в освещении истории Германии». Осознание общего исторического наследия уже началось, но для его дальнейшего развития необходима осторожность.

Таким образом, Бинген выступает за расширение и углубление западногерманско-польских отношений, с известной долей оптимизма оценивая их перспективы. Не подвергая сомнению необходимость дальнейшей нормализации отношений и налаживания связей между Восточной и Западной Европой вообще и ФРГ и ПНР в частности, следует заметить, что «преодолению прошлого» Бингену, вероятно, хотелось бы придать некоторый антисоветский оттенок, сместив остроту «пограничного вопроса» с западной границы ПНР на ее восточную границу, на земли, «отторгнутые» у Польши Советским Союзом.

Рецензент. Заключение Д. Бингена — размышления философа, историка и политолога — вполне могут быть проверены нами на практике. Достаточно поли-

стать досье прессы на тему официальных взаимосвязей ПНР — ФРГ. Эти отношения действительно не так уж плохи сегодня, если влиятельная американская газета «Крисчен сайнс монитор» (30. 10. 1988) считает необходимым вбивать клинышки в небольшие трещинки фасада польско-западногерманского соглашения. Статья Уильяма Эчиксона дана под заголовком «Почему поляки встревожены советско-германским сближением».

«Щецин, Польша. В то время как западногерманский канцлер Гельмут Коль находился на этой неделе с визитом в Москве, реакция на него в Польше, вероятно, определялась недовольством и страхом. Попросите любого поляка объяснить причины этого, и ответ всегда будет неясным. Эта проблема представляется скорее эмоциональной, чем логической.

«Мы помним, как немцы и русские навалились на нас в 1939 г. — сказал один польский дипломат в интервью перед этим визитом. — Коль, наверное, пытается сделать сейчас то же самое с Горбачевым».

При всем преувеличении этого страха — а западные дипломаты утверждают, что этот страх преувеличен, — он подчеркивает беспокойный, эмоциональный характер польско-западногерманских отношений. Бонн развивал теплые отношения с другими восточноевропейскими странами, включая Чехословакию, которую Германия оккупировала во время войны, но ему еще предстоит установить позитивные отношения с Польшей.

«Судьба Польши была во время войны хуже судьбы Чехословакии, — сказал вышеупомянутый дипломат. — Поляки подлежали уничтожению, здесь были концлагеря, и страна была опустошена».

Болезненный территориальный спор усиливает эти воспоминания. Послевоенные соглашения отодвинули довоенную польскую границу на запад. Немецкие города Бреслау и Штеттин вдруг стали Вроцлавом и Щецином. Поляки называют их «возвращенными территориями», и их принадлежность Польше — один из редких вопросов, объединяющих всю страну.

Когда бывший западногерманский канцлер Вилли Брандт посетил Варшаву в 1970 г., он признал послевоенные границы Польши. Для польского правительства этот жест был недостаточен, поскольку западногерманская конституция по-прежнему призывает к воссоединению Германии в границах рейха 1936 г.

«Когда мы говорим с немцами об открытии консульства во Вроцлаве, они заявляют: «Хорошо, но он должен называться Бреслау», — жалуется секретарь Форума ПНР — ФРГ Мечислав Томала. — Западные немцы должны понять, что мы чувствительны к этому».

Однако, несмотря на эту враждебность, многие поляки уезжают жить в Западную Германию. Тысячи эмигрантов, многие из них почти не знают немецкого языка, сейчас называют себя «этническими немцами», утверждая, что они имеют право уехать из обнищавшей Польши в процветающую Западную Германию. Тысячи других поляков каждое лето уезжают на Запад, чтобы поработать на «черном рынке» за марки.

Другие поляки пытаются преодолеть эту враждебность в отношении Германии по более идеалистическим причинам. Молодые люди, никогда не знавшие войны, особенно разделяют эти настроения, и молодые сторонники диссидентской организации «Свобода и мир» развивают контакты с западногерманскими «зелеными» и установили памятник немецкому солдату, казненному во время второй мировой войны за то, что он дружил с поляками.

«Мы должны устранить существующие здесь стереотипные настроения против немцев, — сказал лидер организации «Свобода и мир» Яцек Чапутович. — Нашему правительству нельзя позволять поощрять глупые настроения».

Это трудная задача. Польско-германская напряженность распространяется и на коммунистическую Восточную Германию. Восточные немцы, обеспокоенные деятельностью запрещенного сейчас профобъединения «Солидарность», ввели жесткие ограничения на въезд поляков в 1980 г. и затруднили поездки восточных немцев в Польшу. Возникший ранее в этом году пограничный спор перерос в полномасштабный дипломатический конфликт.

«Возможно, понятно, что у Западной Германии и Польши есть проблемы, — сказал вышеупомянутый дипломат. — Но когда не ладят две «братские» коммунистические страны, становится ясно, что что-то на самом деле не так».

Автор. В том же досье находится еще одна американская газетная вырезка. Своего рода результат социального заказа тех, кому очень хотелось бы пооссорить ПНР не только с ФРГ и СССР, но и с остальными ее соседями. Газета «Вашингтон пост» (17. 02. 1989) поместила следующую статью своих обозревателей Эванса и Новака:

«В нынешней польской драме закулисными действующими лицами являются партийные сторонники жесткого курса из Восточной Германии и Чехословакии, а также Польши, которые не только хотят, чтобы реформы потерпели неудачу, но и принимают скрытые меры, чтобы именно так и произошло.

В полученной здесь разведывательной информации говорится о том, что восточногерманские агенты разжигают недовольство рабочих для того, чтобы сорвать возможность заключения соглашения между коммунистическим правительством Польши и возглавляемым Л. Валенсой профобъединением «Солидарность». Хуже того, причины убийства двух польских священников можно соотнести с интересами сторонников жесткого курса среди польских коммунистов. Эти действия должны спровоцировать анитиправительственные выступления «Солидарности», которые положат печальный конец предпринимаемым В. Ярузельским драматическим попыткам осуществить реформу. Ставки сейчас высоки для СССР, который хочет добиться прогресса, достаточного для того, чтобы укрепить гласность и перестройку, но недостаточного для того, чтобы разжечь пожар борьбы за независимость Восточной Европы, пламя которого захотел бы раздуть Джордж Буш.

Американской разведке стало известно, что, очевидно, законная забастовка на одной из польских угольных шахт близ восточногерманской границы, начавшаяся несколько недель назад, в действительности вовсе не была забастовкой. Она была организована восточногерманскими агентами, которые решили применить физическое насилие против польских шахтеров в попытке вызвать взрыв недовольства, направленный против администрации угольной шахты. Однако эти действия вопреки тому, что было задумано, вызвали забастовку.

Это соответствует интересам сторонников жесткого курса в Польше, которые ненавидят «Солидарность». Они проиграли первое сражение, когда им не удалось помешать Ярузельскому начать переговоры с Валенсой.

Если Ярузельскому и Валенсе не удастся вдохнуть жизнь в умирающую польскую экономику, сторонники жесткого курса в Восточной Германии и Чехословакии подтвердят свою надежду на то, что политика реформ в СССР умирает.

Москве польская реформа нужна всего лишь в таком объеме, чтобы показать, что перестройка может укрепить возглавляемую ею империю, однако Бушу нужно больше: чтобы масштабы этих реформ были достаточны для того, чтобы началось распространение независимости во всей Восточной Европе. Если переговоры в Варшаве будут успешными, то американцы польского происхождения и католическая церковь будут требовать от Буша начала оказания ширококомасштабной экономической помощи с целью вывести Польшу из орбиты советского влияния.

Тот факт, что Соединенные Штаты могут сейчас подумать о европейской империи Москвы в таком плане, демонстрирует примечательная перемена с начала 70-х годов. Тогда государственный секретарь Генри Киссинджер тихо проповедовал доктрину «органического единства» между Советским Союзом и его сателлитами.

Киссинджер хотел большей стабильности в коммунистической империи, для того чтобы свести к минимуму опасность войны. Сейчас у Буша появилась возможность использовать ту самую нестабильность, которая так встревожила Киссинджера.

Кто больше выиграет от переговоров между Ярузельским и Валенсой — Москва или Вашингтон, не будет известно еще в течение многих месяцев. Однако системати-

ческий саботаж, организуемый восточногерманской и чехословацкой коммунистическими партиями, демонстрирует, что рискует именно Москва, а не Буш.

В случае провала переговоров сторонники жесткого курса в партии, группирующейся в Варшаве и Силезии, возможно, станут достаточно сильными, чтобы сместить Ярузельского и лишить СССР самого важного союзника в Восточной Европе».

Рецензент. В январе 1988 г. состоялся официальный визит в Варшаву министра иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншера. Как передавали информационные агентства, Геншер отказался от предъявления каких бы то ни было претензий к Польше на территории, утраченные Германией после второй мировой войны, и одновременно призвал польские власти уважать права этнических немцев, проживающих в Польше.

«Мы знаем и уважаем желание польского народа жить в долговременных и безопасных границах. Федеративная Республика Германии не предъявляет никаких территориальных претензий к кому бы то ни было и не будет делать этого и в будущем», — подчеркнул Геншер.

Он призвал также к примирению между поляками и немцами, заявив, что две нации «не могут извлечь лучший урок из истории, чем работать вместе и строить новую и лучшую Европу». Геншер, отмечает АП, призвал польские власти решить проблемы, связанные с эмиграцией этнических немцев в ФРГ.

Геншер также выразил готовность помочь Польше в решении ее социально-экономических проблем, заявив о поддержке реформ, направленных на децентрализацию контроля над экономикой и ликвидацию правительственных субсидий.

Автор. Складывается впечатление, что Великобритания, США и ФРГ в польском вопросе конкурируют между собой и придерживаются при этом схожей тактики щедрых обещаний и экономического шантажа. До лета 1989 г. ни одно из трех названных государств не пошло навстречу ПНР в сфере кредитной политики.

Рецензент. Польша стремится базировать свои отношения с ФРГ на философии «общего европейского дома». Без Польши и ФРГ, без нормальных отношений и взаимодействия между ними такой дом будет не только шаткой постройкой, но и, попросту говоря, фикцией, заявил министр иностранных дел ПНР М. Ожеховский в интервью газете «Речь Посполита» (26. 05. 1988).

«Нормализация отношений между Польшей и ФРГ, фундаментом которых может быть исключительно декабрьский договор 1970 г., требует возвести прочные и крепкие опоры. Их не в состоянии заменить даже красиво звучащие слова и декларации. Варшава, как обычно, с вниманием и доброй верой вслушивается в декларации и заверения. Однако их подлинную ценность всегда видит в делах. Так и на этот раз. Необходимы действия, наполняющие новым, позитивным содержанием взаимные отношения. Необходимы однозначная политическая воля, прежде всего документирующие ее политические решения.

ФРГ по-прежнему является главным экономическим партнером Польши на Западе. Нынешнее состояние и уровень экономических отношений, к сожалению, далеки от того, чтобы удовлетворить нас.

В нашей концепции нормализации и соглашения с ФРГ особая роль отводится как раз развитию экономического сотрудничества и нормализации финансово-кредитных отношений. Прогресс в этой сфере является для нас обязательным залогом успеха в других областях.

Польша внимательно прислушивается к высказываниям западногерманских политиков и представителей деловых кругов, свидетельствующим об их заинтересованности в том, чтобы интенсифицировать сотрудничество в решении трудных экономических проблем Польши.

Эти высказывания воспринимаются нами как готовность ФРГ внести свой вклад — с обоюдной пользой — в процесс модернизации и ускорения экономического развития Польши, как проявление реалистического и перспективного мышления об экономических отношениях с ПНР.

Сегодня речь идет о конкретных фактах. Имеются в виду два основных вопроса. Во-первых, конструктивное участие ФРГ (как крупнейшего кредитора Польши) в долгосрочном реальном урегулировании уплаты польской гарантированной задолженности. Нельзя декларировать помощь, необходимую для того, чтобы Польша стала стабильной и могла развиваться (и погасить задолженность), одновременно затягивая петлю «на ее шее». Во-вторых, действительное и долгосрочное, выгодное для обеих сторон участие ФРГ в содействии процессу перестройки и модернизации польской экономики. Если таким образом понимать экономическое сотрудничество, то проблемы, связанные с огромным кредитом 1975 г. или предоставлением ограниченных гарантированных кредитов, приобретают совершенно другое значение. Становятся временными вопросами, рассчитанными только на сегодняшний и ближайший завтрашний день.

Мы видим большие возможности конкретного сотрудничества между ПНР и ФРГ в пакете предложений, содержащихся в плане В Ярузельского, в выполнении заключительного акта СБСЕ и общих предложениях Варшавского Договора по разоружению. Мы нужны не только друг другу, мы нужны Европе».

Автор. В декабре 1988 г. (15.12.1988) корреспондент западногерманского агентства ДПА передал из Варшавы материал, стиль которого напоминал наставления учителя нерадивому ученику:

«Заместитель председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге Фолькер Рюе во вторник завершил свой трехдневный визит в Польшу и возвратился в Бонн. Перед отлетом он с удовлетворением высказался о своих переговорах, в ходе которых было уделено большое внимание также и внутривнутриполитическому развитию в Польше. Чем дальше продвигается вперед процесс реформ, тем благоприятнее становятся предпосылки для экономического, финансового и технологического сотрудничества, сказал он.

Реформы требуют больших жертв от людей. С тем чтобы все несли эту ношу, необходимо прийти к политическому плюрализму с участием профобъединения «Солидарность». Рюе, который в Польше провел переговоры с представителями правительства, парламента, оппозиции и католической церкви, сказал, что улучшились предпосылки для визита в Польшу федерального канцлера Гельмута Коля. Наступающий год будет иметь решающее значение для польско-западногерманских отношений. Своим визитом, нанесенным по согласованию с Колем, он намеревался внести вклад в углубление отношений, сказал он; в области культурного сотрудничества был достигнут прогресс. В сфере технологического и технического сотрудничества появляются все новые и новые точки для приложения сил по мере развития процесса реформ в Польше. Гражданам немецкого происхождения, живущим в Польше, необходимо дать возможность сохранять свою культурную самобытность, сказал он. Возможными практическими шагами можно считать проведение богослужений на немецком языке, организацию преподавания немецкого языка в школах и обеспечение возможности создания объединений».

В январе 1989 г. состоялся первый за всю историю визит премьер-министра ПНР в ФРГ. Неофициальная четырехдневная поездка была предпринята Мечиславом Раковским по приглашению президента ФРГ Рихарда фон Вайцзеккера на торжества по случаю 75-летия бывшего западногерманского канцлера и лауреата Нобелевской премии мира Вилли Брандта. Присутствие на этих торжествах Раковского в год 50-летия основания нацистов на Польшу 1 сентября 1939 г. расценивалось наблюдателями в Бонне как возможность обсудить вопросы финансов, культуры и залечить раны истории.

В ходе беседы М. Раковского с канцлером ФРГ Г. Колем основное внимание было уделено вопросам развития отношений между двумя странами. По сообще-

нию официального представителя правительства ФРГ Ф. Оста, участники беседы подчеркнули стремление обеих сторон улучшать двусторонние связи, с тем чтобы уже в 1989 г. добиться «далеко идущего прорыва» в западногермано-польских отношениях, создать предпосылки для официального визита в ПНР канцлера Коля.

На пути к выходу из международной изоляции

Рецензент. Продолжая хронику поездок за границу Председателя Совета Министров Польши М. Раковского, мы сможем, таким образом, коснуться и состояния польско-французских связей. В ходе трехдневного рабочего визита во Францию М. Раковский провел пресс-конференцию в посольстве ПНР в Париже, отчет о которой агентства ПАП (17.02.1989) представляет несомненный интерес.

«Открывая конференцию, М. Раковский сделал заявление относительно своего визита во Францию.

Выступая в парижской промышленно-торговой палате, я с чувством горечи говорил о польско-французских отношениях, поскольку был ими недоволен. Сегодня, после проведенных переговоров с президентом Франции Франсуа Миттераном, премьер-министром Мишелем Рокаром и министром иностранных дел Роланом Дюма, я могу заявить, что упомянутую формулировку в моем выступлении, которое готовил в Варшаве, можно считать в прошедшем времени.

На основе состоявшихся в Париже переговоров я считаю, что польско-французские отношения вступают в новую, многообещающую фазу. Она означает не только возврат к атмосфере 70-х годов, когда отношения эти были весьма оживленные. Принимая во внимание перемены, происходящие в Европе — и на Востоке, и на Западе, — я утверждаю, что наши отношения могут быть еще богаче. Стремление к такому их развитию выразил президент Ф. Миттеран. Хочу сказать, что переговорам с главой французского государства я придавал особое значение и не ошибся.

Заявление президента Ф. Миттерана о стремлении к улучшению отношений с Польшей я воспринял как весьма существенный факт. Президента Франции я считаю исключительно интересным собеседником и политиком большого ранга. Я уезжаю из Парижа с убеждением, что в ближайшие месяцы в наших отношениях произойдет заметное и ощутимое оживление. Несомненно, ему будет также способствовать намеченный на июнь этого года визит президента Ф. Миттерана в Польшу.

Затем М. Раковский ответил на вопросы иностранных корреспондентов.

Был задан вопрос, ставила ли французская сторона как условие оказания финансовой помощи ПНР вопрос о демократизации жизни в Польше. М. Раковский ответил, что не услышал такого пожелания. Оно достаточно странно, чтобы кто-либо с ним выступал.

Отвечая на вопрос о цензуре в Польше, глава польского правительства заявил, что не думает, чтобы цензура представляла собой сегодня серьезную проблему. Придет время, когда и она будет упразднена. В том, что сейчас происходит в Польше, я не вижу никаких разрушительных последствий влияния цензуры. А что касается периодики, выходящей в так называемом самиздате, то, по моему убеждению, большая ее часть будет в ближайшее время издаваться в обычных условиях.

Следующий вопрос касался проблемы примирения между Францией и Западной Германией.

Отвечая на него, М. Раковский подчеркнул:

— Я думаю, что присутствующие здесь журналисты знают, что меньше месяца назад я был в Бонне. И там я тоже встречался с президентом Ф. Миттераном. Но конечно, главной темой, интересовавшей меня, были отношения между Польшей и ФРГ, и

я хочу сказать, что особенно на переговорах с канцлером Гельмутом Коелем стоял вопрос о переломе в отношениях между нашими Странами. Канцлер напомнил, что его предшественник Конрад Аденауэр считал обязанностью Германии совершить перелом в отношениях с тремя народами, тремя государствами: Израилем, Францией и Польшей. С двумя первыми государствами и народами примирение уже произошло. Осталась Польша.

Что можно сказать о францужско-западногерманских отношениях, с точки зрения поляка, вершавщина? Я считаю продолжил М. Раковский, что это событие исторического значения и является результатом процессов, происходящих в Европе. При этом хочу сказать, что сближение Франции и ФРГ не является для нас причиной беспокойства. Европа вошла в период, когда она расстается с большим числом преубеждений, мифов, накапливавшихся долгие годы. И если относиться серьезно к идее «общего европейского дома», с которой выступил М. С. Горбачев, то факт францужско-западногерманского сближения следует оценить как положительное явление в строительстве этого дома. Добавлю, что ни во время поездки в Бонн, ни теперь, в Париж, у меня не было жалоб на то, что отношения между правительством в Бонне и правительством в Париже складываются весьма успешно.

Журналист «Радио Франс» задал вопрос, касающийся возможного устранения при изменении конституции статьи, касающейся руководящей роли партии.

Мне трудно сказать, что изменится, заявил М. Раковский, но следует обратить внимание на то, что Польша, как все социалистическое содружество в Восточной и Центральной Европе, вступила на путь чрезвычайно глубоких перемен. Огромным удовлетворением я приветствую эти грандиозные перемены. Что же касается моей партии, то она должна быть на высоте. Она не может быть партией чиновничьего образа мышления, но она не может быть также партией, ставящей превыше всего административные методы. Это веление времени. Впрочем, я могу повторить здесь слова, сказанные мною на 10-м пленуме ЦК ПОРП, что ни в одной исторической книге не записано, что моя партия должна победить. Это будет зависеть от того, в каком состоянии она будет находиться.

Последний вопрос касался проблем, связанных с польской задолженностью и подходом Франции к этому.

В ходе переговоров, сказал М. Раковский, я остановился на вопросах, связанных с Парижским клубом. Этот клуб возглавляет француз. До сих пор, несмотря на приложенные усилия, нам не удалось достичь соглашения с Парижским клубом по вопросу отсрочки уплаты наших долгов, с тем чтобы дать нам передышку на несколько лет.

Наши представители уже продолжительное время ведут переговоры в столицах государств — членов этого клуба. Всякий раз мы слышим, например, в Бонне, что, «конечно, охотно, но мы не одни». Это же говорят в Париже и Риме. Это превращается в своего рода краковяк, который танцуют по кругу. А нам бы хотелось, чтобы наши партнеры танцевали полонез, то есть танец, в котором танцоры двигаются вперед, причем быстро.

Я хотел получить заверения, добавил глава польского правительства, что мои французские собеседники выберут полонез, а не краковяк. Хотя бы также по той причине, что во время пребывания в Польше Наполеона полонез был более популярным танцем, чем краковяк.

Французская сторона заверила меня, что займется этим вопросом и добросовестно смотрит на наши предложения. В этой связи свой визит я считаю удачным. Добавлю, в последнее время, беседуя с западными политиками на тему нашей задолженности и на тему Парижского клуба, пришлось услышать, что прогресс в этой области — это вопрос политики. И с таким убеждением я покидаю Париж».

Автор. Нам осталось поговорить с вами о НАТО и об Италии, об «Общем рынке» и о происках западных разведок, об иностранных бюро «Солидарности». Но в таком случае наши комментарии будут слишком объемны. Будем лаконичны и скажем так: зарубежные бюро польского профобъединения вполне отработали затраченные на них ассигнования США («Солидарность» легализована

вновь в 1989 г.); число западных шпионов в Польше растет (что видно по количеству официальных заявлений МВД и МИД ПНР); австралийцы, американцы, итальянцы французы и другие продолжают наперебой, вот уже десять лет, пригласить к себе Л. Валенсу (для участия в конференциях профсоюзов и по правам человека, для вручения диплома почетного доктора Гарвардского университета и т. д.); Европейское экономическое сообщество готово поддерживать «Солидарность» несчетным числом заявлений о моральной поддержке (далее слов дело пока не движется). А о западной кредитной политике в отношении ПНР мы скажем в конце следующей главы.

Чтобы завершить эту часть нашей беседы более или менее обзорным материалом, предложим вниманию читателей интервью с Веславом Гурницким — советником Председателя Государственного совета ПНР В. Ярузельского — в варшавской газете «Трибуна работника» (9.05.1988):

«Вопрос. Как вы оцениваете положение Польши на международной арене, выше ли оно, чем ее акции на мировой хозяйственной бирже?

Ответ. В последние годы мы действовали необыкновенно интенсивно, можно здесь вспомнить много польских инициатив. Три из них были выдвинуты в 1985 г. на 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Здесь я думаю также о таких несомненных событиях, какими были в том числе визиты генерала Ярузельского в Рим и Ватикан, а также в Грецию. Италия и Греция — это ведь страны — участницы Североатлантического пакта. Нельзя не учитывать замечательной конъюнктуры, которую нам дает столь значительное сходство нашей политики с советской политикой. На моей памяти это период наилучших отношений со Страной Советов.

Вопрос. Насыщенный дипломатический календарь свидетельствовал бы о растущей в этой сфере роли нашей страны...

Ответ. Несомненно, даже если только сосчитать прошлогодние визиты. Между прочим, они ассоциируются повсеместно только с провозглашением тостов. Тосты важны, они определяются соответствующей стилистикой. Не скрою, что один из наитруднейших текстов, какие я готовил в жизни в сотрудничестве с министерством иностранных дел, насчитывал две машинописные страницы. Это был тост у императора Японии. Визиты — это, однако, не только тосты, прежде всего это очень важные, в максимальной степени насыщенные переговоры. Например, во время пребывания в Токио, а еще больше в Риме Председатель Государственного совета с огромным трудом находил 15 минут для отдыха в течение дня. Вспоминаю встречу во время того же визита с представителями итальянской промышленности, когда слышался комплиментов, которые действительно редко поляку приходят в голову, касающихся нашей авиационной промышленности и польской нефтехимии, которая вовсе не такая отсталая, как мы думаем на бензозаправочной станции. Другое дело — рабочий визит. Тогда чем меньше церемониального шума, тем лучше. Зато если это государственный визит, то важна именно протокольная часть. Она заставляет задуматься. Мы не говорим уже о просто сенсационной протокольной части во время визита в Ватикан (последним, кого так принимали, был король Испании в 1912 г.).

Вопрос. Однако хуже выглядит репутация Польши в международном хозяйстве...

Ответ. В нынешних проблемах и трудностях, которых скопилось очень много, есть, очевидно, немалая доля нашей собственной вины: плохая организация труда, по-прежнему неудовлетворительная хозяйственная система и много других причин. Однако не все нас отягощает. Мы погасили практически всю задолженность, которую имели, сейчас мы выплачиваем проценты и проценты от процентов по невыгодной процентной норме. Мы по-прежнему наталкиваемся на дискриминационные барьеры в торговле, по-прежнему не получаем нормальных кредитов, которые получает любой лавочник на Западе. Есть такие страны, которые хладнокровно тормозят хозяйственную нормализацию, рассчитывая на то, что в Польше дела настолько ухудшатся, что этого нельзя уже будет исправить.

Вопрос. Мы практически уже давно вышли из международной изоляции, которая окружала Польшу в первое время после 1981 г. Не могли бы вы раскрыть подоплеку первых попыток прорыва этих барьеров? Речь идет в том числе о том самом неожиданном визите во Францию.

Ответ. В первые месяцы, когда на Западе был объявлен запрет на поддержание с нами политических контактов, использовалась любая возможность для их установления. Я, например, являюсь членом президиума Всемирного Совета Мира и каждый раз ездил на организуемые им мероприятия и при возможности неофициально беседовал, с кем удавалось. После этих самых трудных месяцев эти функции взяло на себя целиком министерство иностранных дел.

Вопрос. Очевидно, что краткий рабочий визит в Париж должен был быть заранее подготовлен. Как писали некоторые на Западе, это был вход в Елисейский дворец через кухонные двери.

Ответ. Я комментировал это неоднократно, однако это, видно, бесполезно. Несколькими днями назад одно из западных агентств передало, что после повышения цен в Гданьске состоялась большая манифестация, во главе которой шел примас Глемп. Кто должен теперь это опровергать? Примас или Урбан? К Елисейскому дворцу, возвращающему к вопросу, ведет несколько ворот, и из-за опасности вылазок террористов ни один зарубежный гость никогда не знает, через какие из них он въедет. Главный вход используется нечасто, только во время редких церемоний, поскольку там узкая улица и длинной колонной автомобилей негде развернуться. За неделю до этого через те же ворота, через которые въехал генерал Ярузельский, проследовал король Марокко, однако в то время никто не писал о «кухонных дверях». Я был в Елисейском дворце, стоял рядом с директором дворца, беседа генерала с президентом была запланирована на 45 минут, президента ждал самолет, который должен был вылететь на Карибские острова. Беседа длилась 90 минут. Когда не о чем писать, то пишут что попало, что, к сожалению, является практикой западной прессы.

Вопрос. А почему этот визит начался так неожиданно, прямо из Алжира?

Ответ. Поскольку так было легче сохранить все в тайне, самолет вылетел из Алжира, и если бы журналисты лучше сориентировались по времени отлета и прилета, то поняли бы, что по дороге произойдет еще что-то. Этот визит был запланирован по двум причинам. После США сильнее и чувствительнее других нас обидела в 1982 г. Франция. Это требовало прямо выяснить, что произошло. Ведь польско-французская дружба была почти неизменным фактором европейской политики.

Вопрос. А внес ли визит какие-либо изменения в двусторонние польско-французские отношения.

Ответ. Я не вижу никаких изменений в этой позиции Франции в отношении Польши. Меня начинает беспокоить «бригада имени Петэна», очень тесное сотрудничество с ФРГ, прежде всего в производстве вооружений.

Вопрос. Каждый зарубежный визит имеет свою подоплеку, дела, о которых не говорят, случайные происшествия, поскольку политические оценки визитов, например в Италию и Грецию, очевидны...

Ответ. Со старых времен у меня остался репортерский навык наблюдательности. Так вот, недалеко от гостиницы «Гранд-отель» в Риме, где жила наша делегация, были расклеены на стенах несколько небольших плакатиков с изображением генерала и надписью на итальянском языке. «Генерал, возвращайся в Москву». Эти плакатики были хорошо отпечатаны и хорошо оформлены графически. При ближайшем рассмотрении оказалось, что бумага американская, а отпечатаны они в Вермонте, в США. Я думаю, что Центральное разведывательное управление не слишком потратилось. У этой же гостиницы состоялась также «неистовая» демонстрация. Если у политики есть стык с порнографией, то это всегда интересно. Это была демонстрация, организованная Радикальной партией, в последнее время пользующейся услугами Чиччолины, развлекающей стриптизом посетителей ночных ресторанов. Ее как раз не было, однако перед отелем прогуливался руководитель этой партии манифестантов, я специально пересчитал, их было 16. Зато западные информационные агентства раструбили, что перед резиденцией состоялась большая демонстрация».

5. ПОМОЩЬ? ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИЯ

Как же усердно надо было трудиться западным политикам, чтобы за 5—6 лет втянуть Польшу в экономические сделки, после которых внешняя задолженность страны подскочила до 18 млрд долларов, а потом... резко, за один год увеличить этот польский валютный долг в полтора раза! Механизм экономической диверсии был до обидного прост. В 70-х годах Запад поставил ПНР в кредит значительное число промышленного оборудования и сырья. Будущая готовая продукция должна была поставляться в счет уплаты долгов и приносить прибыль народной Польше. Но получилось иначе. От готовой польской продукции — когда она уже стала производиться, спустя годы усилий и валютных затрат, — западники вдруг стали отказываться, ссылаясь на ее невысокое качество и затоваренность своих рынков. Напомню, что это была экспортная продукция, сделанная руками польских рабочих на оборудовании и сырье, закупленных в кредит у Запада. Итак, сбыт притормаживался, в то время как сумма валютного долга ПНР продолжала расти за счет новых западных поставок сырья, запчастей и обслуживания уже закупленной техники.

Одновременно Запад продолжал осуществлять задуманный дьявольский сценарий. Были резко повышены учетные ставки, то есть проценты на предлагаемые и уже выданные кредиты. Первыми это сделали американцы. Валютный долг ПНР теперь уже мог расти автоматически, за счет процентов — при условии, конечно, резкого сокращения польского экспорта на Запад. Для этого надо было резко сократить выпуск этой продукции, что фактически и было сделано руками польской внутренней контрреволюции.

Режиссером кампании по дестабилизации были и остаются Соединенные Штаты Америки. Кое-кто из верхушки польской контрреволюции, может, и искренне верил в то, что США щедро оплатят демонтаж социализма в ПНР. Они надеялись, что американцы спишут все польские долги и еще дадут, так сказать, на обзаведение. Ничего подобного.

За 16 месяцев экономического хаоса и неразберихи в Польше неуклонно увеличивались лишь прибыли западных банков, которые за счет набегающих процентных выплат надеются вскоре получить от Польши сумму, вдвое превышающую ту, которая была ей предоставлена.

«Улучшение» социализма, повышение эффективности социалистической экономики в любой стране не могут быть целью империалистической политики. Судьбы, участь польского народа никогда не волновали американское руководство. В противном случае эти деятели в щедро оплачиваемых ими средствах массовой пропаганды признали бы, что средний уровень жизни поляков был еще в

Автор Г. Вачнадзе предупреждает! Страницы 90 — 106 были написаны им в 1982 году...

1980 г. выше, чем во многих странах НАТО, а сама Польша замыкала десятку наиболее крупных промышленных держав мира. Никогда поляки не жили так хорошо, как в социалистической Польше 60—70-х годов!.

Экономическая политика ПНР

В 1980—1982 г. «борцы за свободу» всячески очерняли успехи, достигнутые за неполные четыре десятилетия существования народной Польши.

В результате второй мировой войны и гитлеровской оккупации 1939—1945 г. Польша лишилась 40% национального богатства. 70% заводов и фабрик лежало в развалинах. Страна потеряла свыше 6 млн граждан (22% населения), более полумиллиона поляков стали инвалидами. Отчаянная борьба свергнутых классов против социальных перемен принимала формы гражданской войны, унесшей 50 тыс. жизней.

Чего же достигла народная Польша за 36 лет, до 1980 г.? Создана современная промышленность. К 1980 г. доля Польши в мировом промышленном производстве составила примерно 2,5% (в 1938 г. — 1,3%) при населении, составляющем 0,8% мирового. Этот показатель выводил страну в первую десятку промышленно развитых стран мира.

Социализм обеспечил доступ к культуре самых широких слоев польского общества, тем самым она получила сильнейший импульс к развитию. Большую известность во всем мире получили современные «польские школы» кино, театра, архитектуры, изобразительного искусства. В Польше усиленно культивируются национальные традиции. Об этой стороне культурной политики свидетельствует огромный объем работ по восстановлению и реставрации памятников старины. Возрождены полностью разрушенные гитлеровцами исторические кварталы Варшавы, Гданьска, Вроцлава. В первозданном виде восстановлено более 6 тыс. домов.

Писатель-эмигрант Витольд Гомбрович, которого трудно заподозрить в симпатиях к новому строю, признал в 1954 г.: «Прежняя польская культура была продуктом высшего слоя, живущего облегченной жизнью... Польскую жизнь можно было пересмотреть только коренным образом, но эта задача превышала силы нашей «суперструктуры». Так что нынешние времена в Польше — первая в нашей истории глубинная вспашка польского быта».

Однако в ходе строительства социалистического общества в стране возникали трудности, вызывавшие недовольство трудящихся, чем неоднократно пытались воспользоваться антисоциалистические силы. Это было связано с недорешенностью узловых проблем строительства социализма.

Критический анализ положения, характеризующегося недостаточной эффективностью промышленности, слишком медленным развитием сельского хозяйства и жилищного строительства, указывал на необходимость изменения стратегии развития. На смену методам хозяйствования, при которых упор в основном делался на экстенсивные факторы — увеличение числа занятых, строительство новых предприятий, — должны были прийти методы, ориентированные на интенсификацию роста, то есть на повышение производительности труда за счет внедрения достижений технического прогресса, более экономное расходование рабочей силы, повышение ее квалификации и на более эффективное использование сырья и средств производства.

Эта новая стратегия, которая стала проводиться в жизнь в период с 1970 по 1980 г., была определена VI партийным съездом.

Поначалу — в первой половине 70-х годов — расчеты во многом подтвердились (они могут быть названы и блестящими, и «ослепляющими»). Фонды потребления выросли по сравнению с 1970 г. на 51% и превзошли плановые задания на 39%. Реальная заработная плата возросла на 40%, превысив плановые показатели в 2 раза. В рамках социальных программ были увеличены пенсии, пособия матерям, построены дома отдыха для трудящихся, для крестьян-единоличников было введено бесплатное медицинское обслуживание. Промышленное производство вместо предусмотренных 50% выросло почти на 64%. Сельское хозяйство выполнило плановое задание роста производства, равнявшееся 19%. Фактически значительный рост производства являлся в первую очередь результатом повышения производительности труда, которая в несельскохозяйственных отраслях выросла на 48%. Все это способствовало увеличению национального дохода вплоть до 1975 г. не на 7%, как планировалось, а на 9,7%.

И хотя, несмотря на это, денежная масса превосходила предложение товаров, а возникшую в результате неблагоприятных погодных условий в 1974 и 1975 гг. нехватку продуктов растениеводства и животноводства пришлось покрывать за счет импорта, экономическое положение в 1975 г. выглядело прочным, как никогда.

В то же время партийное руководство и плановые органы отдавали себе ясный отчет в том, что продолжение динамичного процесса модернизации можно обеспечить лишь в том случае, если необходимый для этого импорт промышленной продукции можно будет финансировать за счет увеличения экспорта, то есть если экспорт превысит импорт. В связи с этим в качестве одной из главных задач пятилетнего плана было определено 75-процентное увеличение экспорта. Поскольку импорт современного промышленного оборудования ежегодно приводил к дефициту в торговле с капиталистическими странами, была поставлена цель добиться увеличения экспортных возможностей путем переориентации структуры производства на выпуск экспортных товаров.

Нацеленная на модернизацию экономики программа капитальных вложений, в ходе которой фактически была обновлена половина машинного парка промышленности, в значительной мере покоилась на импорте современных машин, целых промышленных объектов и поточных автоматических линий. Решающее значение приобрели непрерывно увеличивавшиеся поставки оборудования из высокоразвитых в промышленном отношении капиталистических стран — поставки, относительно широкие масштабы которых представляли собой новое явление в истории социалистической индустриализации. Поскольку импорт должен был оплачиваться в западной валюте, единственной возможностью выйти из положения являлось увеличение экспорта в капиталистические страны или — в тех случаях, когда поступления от экспорта были недостаточны, — закупка оборудования в этих странах в кредит.

Варшава только в счет кредитов закупила в западных странах — особенно в начале 70-х годов — промышленного оборудования на 8 млрд долларов, писала газета «Франкфуртер альгемайне» (18.08.1980). В 1974 г. импорт из капиталистических стран впервые превысил ввоз из социалистических стран в стоимостном

выражении. Ввозу из про-мышленно развитых капиталистических стран, составившему округленно 25 млрд долларов между 1971—1975 гг., противостоял вывоз на общую сумму в 16 млрд долларов. Преодоление внешнеторгового дефицита превратилось в первоочередную экономическую задачу, поскольку выплата процентов и погашение кредитов чрезвычайно обременяли экономику.

В последующие годы не удалось заметно расширить экспортные возможности, не говоря о том, чтобы поднять экспорт на 75%. В целом экспорт в капиталистические страны между 1975—1978 гг. вырос лишь на 7%. Торговый дефицит вследствие большого объема внешней торговли продолжал увеличиваться в абсолютном выражении и возрос в 1975—1978 гг. на 12,5 млрд долларов: ввоз составил 30,5 млрд, вывоз — 18 млрд долларов (Франкфуртер рундшау. 1981. 11 апреля). Задолженность Польши промышленно развитым капиталистическим странам составила в 1980 г. округленно 25 млрд долларов.

Только в 1980 г. на уплату долгов было истрачено более 7,6 млрд долларов. Согласно данным Министерства финансов ПНР, из этой суммы 1,8 млрд долларов предназначались для уплаты процентов и 5,8 млрд — на погашение кредитов.

Польша должна была прекратить импорт современного промышленного оборудования, что поставило под вопрос всю «новую стратегию модернизации». Негативное влияние такого поворота на важнейшие показатели польской экономики не заставило себя долго ждать.

Начиная с 1975 г. можно констатировать непрерывное снижение темпов роста промышленного производства, дающего две трети национального дохода. До 1979 г. увеличение национального дохода вместо запланированных 40—42% составляло всего лишь около 13,3%, а после первого в истории народной Польши абсолютного сокращения в 1979 г. на 2% упало в 1980 г. еще на 4 пункта.

Основные цели социальной программы продолжали осуществляться. Во второй половине 70-х годов была повышена минимальная заработная плата, установлены пенсии по старости для крестьян-единоличников, повышены пособия для рожениц, а жилищное строительство достигло рекордного уровня. Однако ни это обстоятельство, ни увеличение после 1975 г. поставок для населения товаров длительного пользования (легковые автомобили, телевизоры, холодильники и т.д.) в принципе не меняют ничего существенного в той трезвой оценке экономического положения страны, которую дал на VIII партийном съезде в феврале 1980 г. Э. Терек: «Характерным для второй половины 70-х гг. являлось серьезное ухудшение экономических условий — как внешних, так и внутренних. Стали заметны колебания на мировом рынке, стремительно росли цены на горючее и сырье, становились все хуже условия экспорта. Несколько следовавших друг за другом неурожайных лет в нашем сельском хозяйстве сделали необходимым значительное увеличение импорта зерна и кормов для скота, в результате чего народное хозяйство было дополнительно обременено значительными расходами... Наша экономика обременена также выплатами ранее полученных кредитов». Терек рекомендовал заменить импорт лучшим использованием отечественных факторов интенсификации экономики. Однако это предложение было выдвинуто с опозданием, по крайней мере, на пять лет.

Польский экспорт в развитые капиталистические страны уже с 1974 г. практически переживал застой — с началом глубочайшего кризиса капиталистического мирового рынка с момента окончания войны.

Кризис отнюдь не затруднил импорт в Польшу, поскольку любое капиталистическое предприятие именно в период кризиса бывает особенно заинтересовано в покупателях. Однако условия для сбыта польской промышленной продукции на капиталистическом мировом рынке становились все тяжелее, так как сбыт предназначенных на экспорт товаров сталкивался с усилившейся конкуренцией изделий капиталистической индустрии. Возможности сбыта сохранялись только для сырья — такого, как уголь, медь, сера, — а также для сельскохозяйственных продуктов, в которых остро нуждалось само польское население и которые теперь должны были выбрасываться на мировой рынок ради получения валюты. Так, успех стратегии индустриализации в ПНР оказался в зависимости от мирового капиталистического рынка.

Не радовало успехами и польское сельское хозяйство. С его нынешней структурой оно достигло предела своих возможностей. Известно, что в Польше округленно три четверти полезной сельскохозяйственной площади обрабатывается примерно тремя с половиной миллионами крестьян-единоличников. Две трети этих хозяйств имеют земельную площадь менее пяти гектаров. Рентабельность их невысокая. Урожаи зерновых и других культур в государственных сельскохозяйственных предприятиях Польши за несколько последних лет были выше, чем урожаи за те же годы в индивидуальных крестьянских хозяйствах.

Была также и прямая экономическая и политическая диверсия Запада против социалистической Польши. Именно внешняя и внутренняя контрреволюция нанесла удар в решающий момент и обратила тем самым в острый кризис трудности, которые в принципе можно было преодолеть. Весьма характерно здесь мнение обозревателя одного из видных западногерманских политических изданий, газеты «Франкфур-тер альгемайне цайтунг» (18.08.1980): «Если бы Варшава смогла продолжить в течение ближайших двух лет нынешнюю экспортную и импортную политику, то ей удалось бы в основном выпутаться».

Экономический спад, усложнение социально-экономической и политической действительности, активность враждебной пропаганды дополнялись крупными просчетами идеологических институтов ПНР в 70-е годы. Подтвердился вывод здорового ядра ПОРП о том, что нельзя ограничиваться голым экономизмом, что не все благополучно в идеологической сфере — снизилась активность первичных партийных и молодежных организаций, утвердился победонострескучий тон и парадность во внутрипартийной жизни, протекционизм и кумовство в кадровой политике, оборончество в идеологии.

Слабость организаторской, разъяснительной работы в широких массах, множенная на многолетние усилия противников социалистического строя, дали свои результаты. Достаточно было решения о повышении цен на мясо летом 1980 г., чтобы в различных районах страны вспыхнули «дикие» забастовки и разразился острый социально-политический кризис. Его уже не могли смягчить ни персональные изменения в руководстве партии и в правительстве, произведенные на экстренных заседаниях ЦК ПОРП в августе — сентябре 1980 г., ни компромиссные соглашения с руководителями забастовок в Гданьске, Щецине и Яст-шмбе (Силезия).

Но было ясно одно: закончился значительный отрезок развития Польши, который начался в декабре 1970 г. также после глубоких социальных потрясений.

16 месяцев хаоса и анархии

Катастрофа стала неотвратимой к концу 1981 г. За 16 месяцев Польша в своем развитии была отброшена далеко назад. Жизненный уровень населения был возвращен к показателям 1970 г.

Национальный доход ПНР за 1981 г., по официальным данным, уменьшился по сравнению с предыдущим годом примерно на 15%.

С января по ноябрь 1981 г. объем реализованной промышленной продукции сократился на 12,9% при росте фонда заработной платы на 24,7%. Денежные доходы населения за 11 месяцев возросли до 1887,5 млрд злотых. Из них почти половина не была обеспечена товарами.

За 10 месяцев производительность труда снизилась в промышленности на 14%, в строительстве — на 21%. Добыча каменного угля в Польше за 1981 г. упала на 21,4%, или на 40 млн тонн, по сравнению с предыдущим годом, который также был убыточным (на 14 млн тонн меньше плана) из-за забастовок на шахтах. Тем самым был нанесен огромный ущерб национальному топливно-энергетическому обеспечению, в котором на долю угля приходится около 80%. Серьезный урон понесли экспортные доходы Польши, зависевшие от угля на 15—16%. На внешний рынок в 1981 г. было поставлено 16 млн тонн против 41 млн тонн в 1979 г.

По добыче угля Польша была отброшена на рубеж 1974 г., про-изводству бензина — 1975 г., цемента — 1971 г. Острый дефицит угля и электроэнергии парализовал ключевые отрасли промышленности, в том числе и выпуск стройматериалов. Из 23 цементных заводов работала только половина и то не на полную мощность. Нехватка цемента повлекла за собой резкое сокращение жилищного строительства (годовой план был реализован на 62%). Срок ожидания квартир почти для двух миллионов очередников растягивался с 8 до 20 лет.

В 1982 г. из 900 тыс. человек, занятых в строительстве, более 475 тыс. могли остаться без работы — в 1981 г. почти наполовину сократился фронт капитального строительства. Из-за отсутствия средств не могли вступить в строй некоторые важные промышленные объекты. На новостройках уже к концу 1980 г. скопилось машин и агрегатов, закупленных преимущественно в социалистических странах, на общую сумму в 50,2 млрд злотых. Как информировала газета «Курьер польски», это оборудование в основном было складировано на таких стройках, как целлюлозно-бумажный комбинат в Квидзыне (5,9 млрд злотых), металлургический комбинат «Катовице» (5,7 млрд), тракторный завод «Ур-сус» (3,6 млрд), металлический завод в Люблине (2,3 млрд), шарикоподшипниковый завод в Красьнике (1,6 млрд), металлургический завод им. М. Новотко (1,6 млрд), комбинат «Сталева Воля» (1,2 млрд), химический комбинат «Полице» (1,1 млрд), цементный завод «Пшиазнь-2» в Вержбице (1 млрд злотых). «Эти запасы постоянно растут, — писала газета еще в ноябре 1980 г. — Образованные в каждом воеводстве специальные комиссии должны решить, что делать с машинами и оборудованием, бесполезно лежащими под открытым небом. Комиссии призваны скорее успокоить правительство и граждан, нежели добиться конкретных, эффективных результатов, поскольку таковых быть не может: нагроможденные на складах машины и оборудование — это специализированные агрегаты, закупленные за границей для особых строек. Это не универсальные станки, которые могут найти применение на металлургическом комбинате, автозаводе или на верфи».

Польская печать сообщала, что уже за первые три месяца существования «Солидарности» — в течение августа, сентября и октября 1980 г. — страна недополучила от народного хозяйства разной продукции на сумму 70 млрд злотых, что сопоставимо с третьей частью всех государственных ассигнований на социальные нужды в 1980 г. В результате частичного невыхода трудящихся на работу только в течение двух дней — 10 и 24 января 1981 г. — страна лишилась рыночных изделий примерно на 8 млрд злотых.

Политика забастовок и экономического саботажа, проводимая «Солидарностью», привела страну на край пропасти. Пленум ЦК ПОРП в феврале 1981 г. возложил на руководство «Солидарности» значительную часть ответственности за экономический кризис 1980—1981 гг.

«Несомненно, одна часть причин заключается в экономических последствиях ошибок прошлого, тогда как другая их существенная часть возникла лишь теперь, вскоре после подписания соглашений (о регистрации и деятельности профсоюза «Солидарность» после августа 1980 г. — *Прим. Г. В.*) Решающую роль здесь сыграла нарастающая волна затяжных забастовок. Вследствие этого мы несем значительные убытки, которые в итоге сокращают возможности преодоления кризиса в нашей экономике, уменьшают нашу и без того ограниченную платежеспособность. Вследствие расстройств системы снабжения и кооперации и в результате забастовок производственные потери в промышленности во второй половине 1980 г. не только не сократились, но, наоборот, значительно возросли и достигли 88 млрд злотых. Это равносильно тому, как если бы польская промышленность вообще не работала в течение десяти дней. Экономическое положение нашей страны быстро ухудшается. Особенно плохие результаты мы имеем в 1981 г. в промышленности, где уровень производства снизился за месяц почти на 28 млрд злотых. Падение уровня производства охватило практически все без исключения отрасли, в особенности те, которые имеют важное значение для снабжения рынка и поставок средств производства сельскому хозяйству. В результате наше общество недополучало ежемесячно в сравнении с положением год назад 3,8 млн тонн каменного угля, 275 тыс. тонн цемента, 11 тыс. стиральных машин, 52 тыс. радиоприемников и телевизоров, 7600 легковых автомашин, 405 сельскохозяйственных тракторов, 1,5 млн метров тканей, 1,3 млн пар обуви, 5 тыс. тонн фосфорных удобрений».

После августа 1980 г., когда вскрылись ошибки партийного и государственного руководства в социально экономической политике, «Солидарность» сделала ставку на стремление людей к материальным благам. Почти десять лет страна распределяла больше, чем производила, а при разоблачении этой порочной политики, как ни странно, главным требованием стало увеличение заработной платы. Забастовками, угрозами и шантажом «Солидарность» «вырывала» у правительства решения о ее повышении.

Многочисленные экономические и прочие советники «Солидарности», естественно, отдавали себе отчет, что при неизменном или даже сокращающемся общественном производстве рост зарплаты приведет к инфляции. Когда результаты инфляции начали ощущать на себе не только пенсионеры и низкооплачиваемые слои, но и все трудящиеся, «эксперты» заговорили, но не об авантюристских действиях некоторых функционеров «Солидарности», а о «несостоятельности» социалистической системы.

Введение военного положения в ПНР означало, в частности, конец требованиям о повышении заработной платы, запрещение забастовок, в том числе направленных на повышение заработной платы.

Польский публицист Р. Гиза недавно писал: «К концу 1981 г. наше народное хозяйство утратило все черты плановости. В нем начала господствовать стихия, редко встречаемая даже в капиталистических странах. Кроме того, нарушены экономические связи между городом и деревней, а также связь между производством и рынком. Государство стало благотворительным институтом, раздающим деньги, не имеющие материального обеспечения. Уровень промышленного производства сейчас примерно на 20% ниже уровня, отмеченного два года назад».

В 1981 г. в Варшаве выросли очереди не только в магазинах, но и у посольств Австрии, Англии, ФРГ, Швеции и других западных стран. Это в основном молодые люди, желающие выехать за границу. В первом полугодии 1981 г. более 500 тысяч человек получили заграничные паспорта. Целью поездки они обычно называли туризм или посещение родственников, однако и польским паспортистам, и работникам иностранных консульств хорошо известно, что большинство отправляется на заработки. Одни — на два-три месяца, другие — на год-два, третьи — насовсем. Ежедневно 200—300 человек пересекало австрийскую границу. Переполнены были лагеря беженцев не только в Австрии, но и в ФРГ.

«Выезд молодых поляков за границу, — отмечал осенью 1981 г. в беседе с журналистами член Государственного совета ПНР Эдмунд Османчик, — это самый грозный результат переживаемого экономического кризиса и дестабилизации в стране. В прошлом году решились бежать из страны 70 тысяч молодых польских граждан. Ныне, по прогнозам, их число превысит 100 тысяч, что составляет треть часть естественного прироста населения страны».

С немалой долей стыда писали газеты о доцентах и журналистах, выезжавших в западные страны, чтобы на сборе клубники или мытье посуды сколотить «капитал» на автомобиль или виллу. О тех, кто уезжал и бросал польский паспорт, печать молчала. «В интересах доброго имени Польши, нравственного облика выезжающих, а также государственной казны и народного хозяйства следует урегулировать правовые принципы эмиграции с целью заработков и снять с нее покрывало стыдливового молчания», — писал польский еженедельник «Политика» в августе 1981 г.

Журнал считал необходимым заняться вопросами эмиграции незамедлительно, «так как не для всех граждан нашей страны в ближайшие годы найдется работа. С полной уверенностью мы можем сказать, что в нынешнем году останутся без работы более 120 тысяч выпускников различных учебных заведений, в том числе около 15 тысяч молодых людей, окончивших вузы».

Выход из этого положения «Политика» видела один: «Необходимо не только признать эмиграцию с целью заработков, но и сделать все, чтобы создать выезжающим справедливые условия для работы там и возвращения на родину через несколько лет».

Директор департамента сотрудничества с заграницей Министерства труда, заработной платы и социальных вопросов ПНР Р. Карвань-ский заявил корреспондентам в октябре 1981 г., что «безработица в Польше в ближайшие месяцы неизбежна».

Снижение промышленного производства в стране не могло не отразиться и на внешней торговле ПНР.

По сообщению польского еженедельника «Жиче господарче», внешнеторговый оборот республики за первые три квартала 1981 г. сократился по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 21%. Поставки польских товаров на внешние рынки снизились на 24%, что уменьшило валютные доходы ПНР на 4,5 млрд валютных злотых.

За 10 месяцев 1981 г., по данным бюджетно-финансовой комиссии сейма, общая платежная задолженность Польши только в свободно конвертируемой валюте возросла почти на 3 млрд долларов и составила более 25 млрд долларов.

Ущерб от снижения экспорта польских товаров в капиталистические страны усугубили умышленные дискриминационные действия западных корпораций против народной Польши, что привело к снижению общего импорта в ПНР из западных стран за девять месяцев на 25%, а поставок для промышленности — даже на 40%. Такое сокращение импорта из стран Запада создало большую угрозу для отраслей промышленности, находящихся в прямой зависимости от закупок и поставок из этих стран. Если бы не помощь Советского Союза, других социалистических стран валютой, сырьем и товарами первой необходимости, Польша оказалась бы в условиях еще более глубокого кризиса.

Страна, в которой почти треть трудоспособного населения занята в сельском хозяйстве, оказалась перед угрозой голода.

Польское агентство печати сообщило об относительно хорошем урожае сельскохозяйственных культур в 1981 г. Валовой сбор зерновых достиг 20 млн тонн (рост по сравнению с прошлым годом на 2 млн) Сахарной свеклы было собрано 16 млн тонн (рост почти на 5 млн), картофеля — 43 млн тонн, что на 17 млн больше, чем в 1980 г. На начало 1981 г., по сообщению польского еженедельника «Политика», в стране имелось почти 22 млн свиней (больше, чем где-либо в Европе) и более 13 млн голов крупного рогатого скота.

Но снабжение страны продовольствием, несмотря на это, резко ухудшилось.

До 1981 г. в систему государственных заготовок попадало около 30% всего производимого в стране зерна, 85—90% убойного скота, более 60% молока, свыше 40% яиц.

В 1981 г., по сообщению Министерства сельского хозяйства и Пищевой промышленности ПНР, государственные закупки составили только 60% того, что было получено за это время год назад. Убойного скота, например, в целом за год ожидалось закупить на 600 тыс. тонн меньше.

Основным поставщиком сельскохозяйственной продукции в этот период стали госхозы. На их долю приходилось около 50% всех заготовок. Однако, как уже говорилось выше, в стране при общей площади сельскохозяйственных угодий в 20 млн гектаров 14 млн гектаров находится в распоряжении 3 млн единоличных крестьянских хозяйств.

Представители «сельской «Солидарности» призывали единоличников не выплачивать государству налоги и проценты за кредиты, вести борьбу за «свободную торговлю» сельскохозяйственной продукцией без ограничения цен. Крестьяне стали резать скот и продавать мясо горожанам по ценам, в 2—3 раза превышающим закупочные. Сейм ПНР вынужден был принять закон о запрещении свободной торговли мясом. Но страну уже захлестнула волна спекуляции продуктами, усилились анархия и хаос в продовольственном обеспечении страны. Многие карточки на руках населения оставались неотоваренными. Пустели полки в магазинах, длиннее становились очереди за продуктами и товарами первой необходимости.

Центральная комиссия по борьбе со спекуляцией констатировала многочисленные злоупотребления в продовольственных магазинах и предприятиях общественного питания, которые принадлежат частным лицам или переданы в аренду.

В стране на 1982 г. было около 4,5 тыс. магазинов и предприятий общественного питания, находящихся в частных руках. Когда решался вопрос об увеличении числа таких предприятий в сфере обслуживания населения, немало говорилось, что частные предприятия лучше обслуживают население, внимательнее относятся к покупателям и посетителям. На практике такое мнение не подтвердилось.

Работники государственной торговой инспекции выявили, что покупателей обвешивают, обсчитывают, продают им по спекулятивным ценам «левый» товар и спиртные напитки. Каждое второе блюдо и каждая вторая чашка кофе, проверенные инспекцией в частном секторе, не отвечали стандартам качества.

Серьезную проблему представляет собой спекуляция. В 1981 г. органы милиции выявили 6646 преступлений, связанных со спекуляцией. Это вполнину больше, чем в предыдущем году. Кроме того, отмечено 64 146 нарушений правил торговли, от которых пострадали покупатели. Половину от общего количества спекулянтов составляют работники торговли и свыше 20% — тунеядцы.

Выступая на совещании 21 апреля 1981 г., председатель Центральной комиссии по борьбе со спекуляцией, заместитель Председателя Совета Министров Е. Оздовский заявил, что причинами спекуляции ныне являются труднейшие экономические условия, дезинтеграция общественной жизни, несовершенство системы контроля, низкая моральная ответственность некоторых граждан. Борьба со спекуляцией должна быть борьбой не только с фактами ее проявления, но и с причинами, порождающими это явление.

В сентябре 1981 г. сейм принял закон о борьбе со спекуляцией. Он повторял во многом положения уголовного права, вводил систему штрафов в качестве наказания (до 15 тыс. злотых), а также объявлял ускоренное судопроизводство, то есть в течение 24 часов с момента задержания лиц, виновных в спекуляции.

С введением военного положения спекуляция резко сократилась, но ненадолго. Уже в конце декабря 1981 г. началась нелегальная продажа товаров, которые были припрятаны спекулянтами еще задолго до введения в Польше военного положения.

Средства массовой информации регулярно информируют население о результатах проводимых обысков и изъятии нелегально хранимых товаров в особо крупных размерах. Только в феврале 1982 г. у 36 злостных спекулянтов было изъято товаров на 135,3 млн злотых.

Основным предметом спекуляции продолжает оставаться водка. Нелегальная продажа спиртных напитков составляет 60% всех спекулятивных сделок.

По словам заместителя председателя Центральной комиссии по борьбе со спекуляцией В. Тшасека, в 1981 г. было совершено 1420 взломов магазинов, вагонов, складских помещений, откуда похищено почти 250 тыс. бутылок водки. Государству нанесен ущерб на 82 млн злотых.

Результаты проверок показали, что в некоторых магазинах в обход карточной системы продается от 9 до 40% мяса.

До сих пор не удалось полностью устранить случаи продажи крестьянами мяса владельцам частных столовых и кафе, другим предпринимателям, которые перепродают мясо на «черном рынке» по спекулятивным ценам.

Опасные масштабы приобрело фальшивое изготовление и подделка карточек на продовольствие. Органами милиции раскрыты 40 человек, которые изго-

товили 12 тыс. фальшивых продуктовых карточек. Западные радиостанции, чтобы вызвать анархию на продовольственном рынке, усиленно призывают население подделывать карточки либо красть их.

На рост преступности в значительной степени влияет алкоголизм. В состоянии опьянения было совершено в 1981 г. более 80% убийств, 90% ограблений, 80% поджогов, 90% нападений на работников органов охраны общественного порядка. Увеличилось число случаев управления автомашинами в нетрезвом состоянии. Ежегодная статистика автодорожных происшествий возросла на 20%.

Обнаружилась — причем в каких размерах! — и другая социальная язва: наркомания. Как писала газета «Слово повсехне» (7.04.1982), в Польше употребляют наркотики около 600 тыс. человек. Число их постоянно росло за счет 13—14-летних подростков, жертв ошибок и безразличия со стороны идеологов, воспитателей и родителей. Поклоняясь пришедшей с Запада моде на «полную свободу» и вседозволенность, эти подростки вынуждены промышлять воровством и проституцией, чтобы оплачивать растущие в цене (экономический кризис!) дозы героина. А откуда героин?

Газета «Бостон глоб» (18.11.1981) отмечала, что в обстановке нехваток, дефицита и забастовок в Польше существует одна процветающая кустарная промышленность, которая грозит ввергнуть польскую молодежь в очень опасный и специфический кризис (ведь по крайней мере 80% польских наркоманов моложе 21 года). На полях и приусадебных участках повсюду в стране польские крестьяне выращивают мак, из ярко-красных цветов которого добывают героин, и продают его перекупщикам и наркоманам. Лица, занимающиеся изготовлением героина, с помощью оборудования, которое можно найти на любой кухне, получают жидкость, на 70% представляющую собой наркотик.

В этой стране, где почти все стало дефицитом, героина так много и он так дешев, что Польша становится своего рода «Эльдорадо» для наркоманов со всей Европы. «Героин купить здесь легче, чем спиртные напитки», — приводит газета «Бостон глоб» слова Мацея Крогулеца, координатора программы борьбы с наркоманией, известной под названием МОНОР. Он считает, что в ПНР проблема наркомании стоит острее, чем где-либо в Европе.

Польские компетентные органы отдавали себе отчет в сложности положения, но действенные меры по ограничению масштабов роста преступности и правонарушений смогли осуществить только с введением в стране чрезвычайного положения. Деятельность милиции по поддержанию порядка и безопасности в стране саботировалась ожесточенными усилиями функционеров «Солидарности», всех антисоциалистических сил. «Падает дисциплина на многих предприятиях, усиливаются спекуляция и тунеядство», — говорил в выступлении на заседании 15 мая 1981 г. Президиума Совета Министров ПНР министр внутренних дел М. Милевский. Органы милиции, несмотря на принимаемые меры, не всегда в состоянии эффективно предупреждать нарастающую волну нарушений общественного порядка. Их работа становится все более трудной, а иногда просто невозможной, продолжал министр. В ряде случаев принимать меры против преступников не дают случайные прохожие, которые встают на их защиту. Это потворствует задерживаемым, которые оказывают сопротивление и устраивают провокации, выдавая себя... за деятелей «Солидарности» при исполнении ими «служебных обязанностей».

За 11 месяцев 1981 г. число преступлений возросло более чем на 30% по сравнению с таким же периодом прошлого года и достигло 300 тыс. Было отмечено более 500 убийств, более 100 тюремных бунтов, свыше 10 случаев воздушного терроризма.

В 1981 г. уже не очереди за продуктами, как было осенью 1980 г., а пустые прилавки в магазинах свидетельствовали, что положение достигло критической отметки. Наряду с мясом, колбасами, жирами, маргарином, маслом исчезли из продажи мука, макароны, консервы, крупы, сахар, мед, варенье, горох, фасоль. Только рано утром можно еще было купить сыр, молоко, картофель, как правило, с ограничением закупок в одни руки. Огромные очереди выстраивались за хлебом. По единодушному свидетельству польской печати, таких трудностей с продовольствием страна не испытывала со времен второй мировой войны.

Усиливающиеся противоречия между интенсивно развивающейся промышленностью и неспособностью частного сельского хозяйства обеспечить город дешевыми продуктами были одной из причин острых социальных конфликтов в ПНР (1970, 1976, 1980 гг.).

Попытка повышения цен на продукты питания вызвала в декабре 1970 г. забастовки, переросшие в уличные беспорядки. В Гданьске, Гдыне и Щецине имели место жертвы со стороны демонстрантов, милиции и солдат Войска Польского. Вопрос о том, почему это случилось, где проходила граница между протестом рабочих и действиями закулисных сил гданьских событий 1970 г., до сих пор окончательно не выяснен.

В июне 1976 г., чтобы смягчить неравновесие между потреблением и спросом и частично сократить государственные субсидии на продукты и товары широкого потребления, руководство страны решило пересмотреть структуру розничных цен одновременно с финансовой помощью семьям с низкими доходами. Мероприятие, проведенное спешно и без разьяснительной работы, натолкнулось на сопротивление населения, заставившее руководителей отказаться от своих решений.

Оппозиция увидела за этим проявление слабости руководства: достаточно чуть нажать на него — и оно отступит. Бывшие руководители ПНР вновь, как и в 1970 г., не смогли извлечь всех необходимых выводов из событий 1976 г. Курс на продолжение усиленной индустриализации и дальнейший рост заработной платы практически не был пересмотрен.

Несмотря на попытки отдельных членов ЦК ПОРП дать классовый анализ причин декабрьского кризиса 1970 г., в новом партийном руководстве во главе с Э. Тереком возобладала прагматическая точка зрения: «рабочий протест» был глубоко обоснован, многочисленные акты вандализма и антипартийные выступления на побережье — дело рук хулиганских элементов, не имеющих ничего общего с рабочим классом, а в целом во всем виновато прежнее партийно-государственное руководство.

Единственным практическим выводом из событий 1970 г. стало бесспорное положение о необходимости повышать жизненный уровень населения. В этом направлении был сделан колоссальный скачок вперед. Но прогресс этот не был обоснован экономически, он носил искусственный характер, о чем выше уже говорилось, и не мог принести стабильных долговременных результатов. Так, в 1979 г. производство растениеводческих культур по сравнению с 1970 г. возросло на 8,4%, в то же время в животноводстве этот рост составил 39,8%. Такая диспро-

порция заставила Польшу значительно увеличить импорт зерна и других кормов. В 1980 г. 40% потребностей животноводства удовлетворялось импортными кормами. Потребление мяса росло, нанося значительные убытки... государственной казне. Закупочные цены были на-ного выше розничных, магазинных.

В течение многих лет цены на продукты питания сохранялись неизменными, что вело к быстрому росту бюджетных дотаций: с 17 млрд злотых в 1971 г. до 51 млрд в 1975 г. и почти 170 млрд злотых в 1980 г. Огромные цифры, они означали, что к каждому 100 злотым, истраченным населением в 1980 г на продукты питания, из госбюджета доплачивалось еще 43 злотых. Структура цен; как отмечалось на VIII съезде ПОРП (февраль 1980 г.), в течение последнего десятилетия оставалась нерешенной проблемой.

Государственная экономика с огромным трудом несла бремя дотаций на продовольствие. И достаточно было начаться осенью 1980 г. резкому падению сельскохозяйственного производства одновременно с увеличением на него финансовых затрат, как размер государственных дотаций на продукты питания сразу подскочил более чем в 2 раза — в 1981 г. он составил 360 млрд злотых.

Одним из важнейших этапов на своем пути к власти кулацкая часть польского крестьянства рассматривала создание «сельской «Солидарности» и, добываясь ее признания, не скупилась на щедрые посулы. «Зарегистрируйте «сельскую «Солидарность» и будете есть ветчину и масло!» — вешали листовки и плакаты деревенских богатеев. Власти пошли на уступку, регистрация состоялась. И что же? Несмотря даже на хороший урожай сельскохозяйственных культур в Польше в 1981 г., в государственной и кооперативной сети положение ухудшилось. Введенные ранее для упорядочения снабжения населения карточки на мясо, масло и другие продукты питания остались неотоваренными. В чем же дело?

Опираясь на «сельскую «Солидарность», кулачество организовало бойкот государственных закупок. В результате сельхозпродуктов в 1981 г. поступило на заготпункты на 40%, а мяса — на 50% меньше прошлогоднего. Все больше товаров крупные единоличники направляли на «черный рынок», цены на котором многократно превышают цены государственных магазинов. Многие крестьяне отказывались продавать свою продукцию государству, поскольку деньги обесцениваются, крайне же нужны деревне машины, запчасти, горючее, удобрения и комбикорма попали в разряд особо острого дефицита: по оценкам польских экспертов, из-за падения промышленного производства в ПНР заявки села на технику и запчасти в 1981 г. были удовлетворены только наполовину.

Злонамеренные действия экстремистов в городе и деревне привели к возникновению своеобразного «заколдованного круга»: в городе росло недовольство рабочих плохим продовольственным снабжением, а в деревне увеличивалось число недовольных тем, что нельзя купить сельхозтехнику и другие промышленные изделия.

Как писал обозреватель Б. Рачков в московской газете «Красная звезда» (8.12.1981), антинародные элементы в Польше явно использовали «опыт» чилийской контрреволюции, которая, как известно, делала прямую ставку на то, что, чем больше неудовлетворенность населения, тем легче использовать его для борьбы с народной властью, чем сильнее разруха, тем легче захватить власть.

В «польском сценарии» имелась, правда, пикантная деталь. Развалив в кратчайший срок руками «Солидарности» народное хозяйство страны, контрреволю-

ция развернула шумную кампанию «помощи голодающей Польше». С одобрения западной пропаганды поляки, живущие в капиталистических странах, стали слать почтовые продуктовые посылки своим родственникам в Польшу.

Во Франции в ходе широко разрекламированной кампании «рождество для Польши» удалось собрать свыше 220 тыс. долларов — сумма, которой хватило, чтобы послать в Варшаву вагон продовольствия (30 тонн). В Бельгии польская община численностью 80 тыс. человек собрала и направила в Польшу продуктов на 15 тыс. долларов. В Англии открыли даже специальную контору по отправке в Польшу продовольственных посылок — до тысячи штук в месяц. Прославился американский промышленник польского происхождения Е. Пишка — он направил летом 1981 г. на свою бывшую родину 3 тыс. тонн рыбных котлет, 80 тонн суповых концентратов и 16 тонн мороженных кур.

На 31 июля 1981 г. Польша получила из капиталистических стран 8 тыс. тонн даров продовольствия на общую сумму около 17 млн долларов. 40 центов на душу населения за год — материально граждане ПНР ощутить этого «благоденствия» не могли. Но зато сколько было сказано слов. Война слов. Каждая дарованная таким способом (рыбными котлетами) сотня долларов сопровождалась соответствующей телевизионной передачей, статьей, унижающей достоинство граждан народной Польши.

Можно считать, что Запад свои доллары зря не выкинул. Развернутое им пропагандистское многомесячное шоу с целью дискредитации одного из крупнейших социалистических государств в глазах миллиардов жителей планеты, вероятно, стоило потраченных денег. Тем более что платили в основном простые люди, сбитые с толку лживой пропагандой, а не западные правительства и частные банки.

Внутри Польши распределение большинства «даров» было взято в руки католической церковью, которая пыталась таким образом возвысить свой собственный авторитет, а также использовать зарубежные подаяния в качестве аванса, символа предстоящей «крупной помощи Запада» польской контрреволюции — при условии, конечно, если та захватит власть в стране.

Министр иностранных дел ПНР Ю. Чирек, выступая на пресс-конференции в ФРГ 18 августа 1981 г., подчеркнул, что в Польше нет голода, есть трудности в отношении ассортимента предлагаемых товаров, а также с распределением товаров, но поляки не хотят жить за счет других. В 1981 г. Польша действительно вынуждена была импортировать продовольствие в размерах, значительно превышавших поставки прошлых лет. При этом польская пресса и официальные должностные лица неоднократно говорили о том, что продовольствие из западных стран не могло кардинальным образом влиять на состояние снабжения ПНР в 1980—1981 гг.

США, Канада, западноевропейские государства и даже Бразилия выделили кредиты ПНР на покрытие закупок продовольствия в своих странах, но эта экономическая «помощь», во-первых, не была долговременной (кредиты были краткосрочные, на два-три года), во-вторых, оказывалась на невыгодных условиях (с выплатой огромных процентов — 15 и более), в-третьих, была ограниченной по своим размерам (ПНР просила больших сумм), в-четвертых, «помощь» всегда предоставлялась для целевого использования, то есть для экспорта в Польшу тех товаров, продажа которых была наиболее выгодна стране-кредитору и продавцу, а не того ассортимента, в котором более всего нуждалась польская экономика, в-

пятых, что самое главное, была обусловлена политическими требованиями о предоставлении новых конкретных уступок контрреволюционным силам — именно с такого рода оговорками США предоставляли в 1980—1981 гг. серию «продовольственных кредитов» Польше на сумму около одного миллиарда долларов.

В 1981 г., например, Польша импортировала из США кукурузы на 446,6 млн долларов, соевой муки — на 103,7 млн долларов, соевых бобов — на 49,2 млн долларов, пшеницы — на 54,8 млн долларов и других сельскохозяйственных товаров, включая ляд, растительное масло, рис и хлопок, — на 62 млн долларов. Кроме того, Соединенные Штаты продали Польше в кредит молочных продуктов на 101 млн долларов.

Наступило 13 декабря 1981 г. С «Солидарностью» как с политической партией оппозиции было покончено. США спустя сутки объявили о полном прекращении поставок сельскохозяйственных продуктов в ПНР, «приостановили» рассмотрение просьбы польского правительства о предоставлении ему кредитов на покупку продовольственных излишков у министерства сельского хозяйства США на сумму 740 млн долларов. В те декабрьские дни ни одна из капиталистических стран не последовала примеру Соединенных Штатов Америки, несмотря на ожесточенную кампанию давления на них со стороны администрации Рейгана.

«Кредитное лассо» не затянулось.

На 10-м пленуме ЦК ПОРП 27 октября 1982 г. с удовлетворением констатировалось, что «народное хозяйство Польши уже приложило огромное усилие, перейдя от отрицательного в течение 10 лет сальдо в торговле с капиталистическими странами к положительному в текущем году». Польское руководство в 1982 г. вдвое сократило импорт с Запада, предпринимая все возможное, чтобы восстановить прежние объемы экспорта (с 8 млрд долларов в 1980 г. он упал до 5,5 млрд в 1981 г.) польских товаров в обмен на конвертируемую валюту.

Внешняя задолженность Польши странам Запада в 1979 г. составляла 11 млрд долларов. Спустя два года потрясения внутриэкономической жизни Польши увеличили этот долг в 2,5 раза. 23 июля 1982 г. корреспондент агентства Франс Пресс передал из Франкфурта-на-Майне, одной из финансовых столиц западного мира:

«В 1982 г. Польша должна погасить сумму, превышающую 10 млрд долларов, 3,5 млрд из которых составляет выплата процентов. Как сообщается во Франкфурте, Польша обратилась к банкам с просьбой позволить ей выплатить в этом году лишь половину процентов.

В прошлом году из подлежащей выплате суммы в 7,5 млрд долларов была отсрочена выплата примерно 4,6 млрд. Проценты, составляющие 2,7 млрд долларов, были выплачены прежде.

По данным, поступающим из Варшавы, долг Польши ее западным кредиторам достиг к концу 1981 г. 25,5 млрд долларов. Если выплаты не будут отсрочены, полагают во Франкфурте, то к 1985 г. нужно будет выплатить 27,2 млрд долларов, к которым добавятся еще 13 млрд в виде годовых процентов. Польша предполагает, что за этот период активное сальдо ее платежного баланса составит около 6,8 млрд долларов. Таким образом, в период до 1985 г. ей придется занять еще 33,4 млрд долларов для погашения прежних долгов».

Наиболее удручающе воспринимается в данном сообщении сумма процентных выплат, составляющая половину валютного долга. Малейшая просрочка или любой перенос сроков платежей ведет к увеличению этих процентов. Прямо как у слишком бойкого официанта, ведущего расчет с незадачливым посетителем: «Сорок и сорок? Рубль сорок! Пиво брали? — Нет! — Два сорок! С вас три сорок!».

«Необходим углубленный анализ всего комплекса отношений с границей», — подчеркивалось в докладе Первого секретаря ЦК ПОРП В. Ярузельского на 7-м пленуме ЦК ПОРП 24 февраля 1982 г В докладе далее говорилось:

«Были и есть честные, взаимовыгодные соглашения с западными партнерами. Мы их ценим, они помогли нам модернизировать промышленность, создали хорошую основу для дальнейшего развития сотрудничества. Мы заинтересованы в его продолжении. Однако многие сделки оборачивались для нас роковым образом. Зачастую нам продавались устаревшая технология и уже изъятые из западной промышленности лицензии. От нас требовали завышенных процентов за кредиты.

Главную ответственность за эту близорукую политику несут конкретные люди из прежнего центрального руководства. Однако не безвинны также многие специалисты, эксперты, работники торговли и финансов. Немногие имели смелость проявлять беспокойство и поднимать тревогу. Наоборот, часто рекомендовались и поощрялись иные действия.

По имеющимся оценкам, из более чем 400 закупленных в последний период западных лицензий каждая десятая была для польской экономики ненужной, невыгодной. Покупались лицензии, которые вообще не удалось реализовать, а также такие, которые дали бы худший и более дорогой продукт, чем польская промышленность.

Подобным же образом обстояло дело с импортом. За валюту покупались элементарные компоненты для производства, которые можно было производить в стране. Покупались зубной порошок, бечевка для сноповязалок, зонтики, охотничьи патроны и т. д. и т. п.

Это не анекдоты, товарищи. Это материал для серьезных размышлений, для углубленной оценки ответственности, для соответствующих выводов. Ошибочная кредитная, импортная и лицензионная политика оживила во многих людях миф о том, что благосостояние можно построить «кратким путем». Этот культ лицензий был также выражением недооценки польских ученых и инженеров, таланта которых хватало бы не на одну страну. Мы рассчитываем, что инженеры и ученые ныне удвоят усилия, чтобы во многих областях польская технология быстро могла стать независимой от необоснованного импорта.

В свете этого опыта надо с намного большей, чем прежде, активностью и вниманием относиться к естественным для Польши рынкам в социалистических странах. Мы не оценили в достаточной степени выгод, вытекающих из распределения труда в рамках СЭВ.

Сегодня мы расплачиваемся за легковерие и близорукость. Мы должны твердо встать на собственные ноги, быть достойным доверия участником международной экономической жизни, в том числе желанным партнером для западных стран».

Наблюдая вакханалию правых вокруг «польского вопроса», публичные дебаты о долгах ПНР, вынесенные на первые страницы буржуазной прессы, потуги США организовать экономическую блокаду Польши, трудно поверить, что еще недавно внешне все было иначе. На протяжении 70-х годов кредиты из капиталистических государств широким потоком текли в Польшу без каких-либо преград, после долгих лет эмбарго открылись для ПНР западные сейфы с лицензиями.

Непосредственным поводом введения экономических санкций было введение в Польше 13 декабря 1981 г. военного положения. Однако анализ этих санкций и всей экономической политики империализма позволяет констатировать, что задолжен-

ность Польши и ее серьезные экономические трудности являются в значительной степени результатом сознательных действий, направленных на то, чтобы поставить польскую экономику в глубокую зависимость от Запада, умело усугубить невозможность выполнения Польшей ее финансовых обязательств. В этой реакции империализма кроется парадокс: впервые, пожалуй, в экономической истории кредиторы сознательно создают положение, когда становится невозможным погашение задолженности.

Прерванные США переговоры на тему рефинансирования польских кредитных обязательств и отсутствие возможности использования новых кредитов не только на то, чтобы привести экономику в движение, но даже и на кратковременное финансирование текущих контрактов, затрудняют выход Польши из кризиса, создают напряженность в международных отношениях.

С особой дискриминацией встречается польская внешняя торговля. В экспорте это проявляется в затрудненном доступе на западные рынки и в вынужденном снижении цен на польские товары, в импорте — в своеобразной политике эмбарго. Все это привело к резкому спаду производства польской перерабатывающей промышленности и поставило Польшу перед лицом специфической ситуации во внешней торговле, спад экспорта уменьшает возможности погашения задолженности и финансирования импорта, что, в свою очередь, влияет на дальнейшее снижение производственных возможностей польской промышленности.

«Мы являемся свидетелями невиданной экономической агрессии главного капиталистического государства — США, направленной против социалистических стран, прежде всего против Польши и Советского Союза», — говорилось в комментарии польского агентства ПАП (8.07.1982).

Каким же все-таки образом использовал империализм свое «абсолютное оружие», свой экономический потенциал в подрывной деятельности против социализма в Польше? Вернемся к началу кризисной ситуации в ПНР. Вплоть до конца 1980 г. администрация уходящего президента Дж. Картера благодушно взирала на польские события, без излишнего шума санкционируя предоставление новых кредитов. Такой же политики придерживались и их западноевропейские партнеры.

В обмен на обещание Польши с 1986 г. ежегодно в течение шести лет поставлять в ФРГ дополнительно к предусмотренным 2,4 млн тонн еще 800 тыс. тонн каменного угля во Франкфурте-на-Майне был подписан 10 октября 1980 г. договор на получение Польшей кредитов на сумму 1,2 млрд марок (около 600 млн долларов). В августе 1980 г. в Лондоне международный банковский синдикат предоставил ПНР заем в сумме 325 млн долларов. Как английский, так и западногерманский кредиты предусматривали высокие проценты — из расчета ставки, на 1,5% превышающей лондонскую межбанковскую ставку.

Польские долги быстро увеличивались, притязания «Солидарности» росли еще быстрее, и западные кредиторы не преминули перейти на другой дипломатический язык — с позиции силы, угроз и шантажа. Тон, как всегда в таких случаях, задали американцы. Нимало не стесняясь, они в официальных правительственных заявлениях пытались дискредитировать правительство ПНР, выставляя ему ультимативные условия, сгущать краски и выражать бурное удовлетворение тяжелым политико-экономическим кризисом Польши. Вот образец такой диффамации. 15 ноября 1980 г. корреспондент агентства Юнайтед Пресс Интернэшнл передал из Вашингтона:

«Американские должностные лица сообщили, что правительство Польши обратилось к Соединенным Штатам с секретной просьбой оказать стране чрезвычайную финансовую помощь в размере 3 млрд долларов, но что в американском правительстве идет спор о том, должны ли давать такое серьезное обязательство правительство и конгресс, чей срок полномочий истекает.

Должностные лица — из министерства финансов и сельского хозяйства — убеждают правительство подождать, пока польское правительство не докажет, что реформы в отношении профсоюзов, которые были достигнуты в результате августовских забастовок рабочих, гарантированы и стали национальным законом Польши.

Как указывают в официальных кругах, экономическое положение в Польше, очевидно, остается критическим и никакого решения не найдено для проблемы погашения польского долга в твердой валюте в размере 21 млрд долларов.

Выплата процентов с такой суммы поглощает большую часть поступлений Польши от экспорта, а польская аграрная экономика, которая построена на выкармливании скота зерном, испытывает нехватку в его поставках.

Если урегулирование не будет найдено, то придется забивать скот, который является основным аграрным «активом» в Польше».

С этой поры западные кредиты Польше резко уменьшились и их предоставление вошло составной частью в грандиозную кампанию западной дипломатии по дестабилизации социалистического строя в Польше. Каждая, даже самая ничтожная торгово-финансовая операция с ПНР становилась объектом бурных дебатов в империалистических средствах массовой информации. Подобная полемика носила тем более деструктивный характер, что она звучала диссонансом с практикой западных банков, как правило, не предающих гласности свои финансовые сделки.

В январе 1981 г. Англия предоставила Польше небольшой краткосрочный кредит после долгих переговоров Великобритании с другими западными государствами. В заявлении МИД Великобритании от 22 января, в частности, говорилось:

«Польское правительство обратилось к ряду западных стран с просьбой об оказании помощи в преодолении нынешних экономических трудностей, включая погашение иностранных долгов. Обстоятельства совершенно исключительные. Поэтому мы предложили Польше временную помощь на короткий срок, чтобы обеспечить продолжение коммерческих операций и помочь Польше выполнить долговые обязательства перед Соединенным королевством в первом квартале 1981 г. (выплата процентов по займам. — *Прим. Г. В.*)

Новый кредит включает 15 млн фунтов стерлингов для закупки продовольствия у Общего рынка, а общая сумма кредита превышает 30 млн. Масштабы и сроки предложенной нами помощи соответствуют тому, что предпринимается другими кредиторами, прежде всего нашими партнерами по Общему рынку.

Безрезультатно окончилось в конце февраля 1981 г. в Париже совещание представителей правительств 15 западных государств на тему о финансовой задолженности Польши. Интерес представляют система аргументации, доводы, используемые в рассуждениях на этот счет буржуазной прессой.

Крупная программа оказания помощи «потребуется недвусмысленного обещания варшавского правительства провести экономические реформы», подтвердила газета «Вашингтон пост» (25.02.1981). Выгодная для Запада при любом исходе политическая игра в кредиты и проценты должна была продолжаться. Американцы не могли от нее отказаться и поэтому объявили в последний день встречи в Париже, что администрация Рейгана разрешила отсрочить Польше выплату процентов в размере 80 млн долларов. Это вместо просимых Польшей у США 3 млрд

долларов на цели рефинансирования уже имеющихся долгов. Это в ответ на объявленное в те дни согласие СССР на четырехлетний мораторий в области погашения долгов ПНР Советскому Союзу.

Секретные, и тем не менее проходившие в условиях санкционированной полной «утечки» информации, переговоры финансовых заправил Запада в Париже были продолжением аналогичного рода безуспешных, по вине США, встреч в декабре 1980 г и в январе 1981 г. Американцы пообещали решить в апреле 1981 г. вопрос о предоставлении всеми западными кредиторами Польше отсрочки погашения долгов на три месяца, в то время как польская сторона просила предоставить ей трехлетний льготный период (с 1981 по 1983 гг.).

Наступил конец марта 1981 г., обстановка в Польше крайне обострилась в связи с угрозами «Солидарности» провести всеобщую национальную забастовку. Администрация Рейгана «предупредила» правительство ПНР, что «подавление властями независимого профсоюзного движения» в этой стране лишит Польшу всякой дальнейшей американской экономической помощи.

Ни о каких отсрочках по старым кредитам или о предоставлении новых американцы не сообщали. Вместо этого генерал Александр Хейг, государственный секретарь США, рассуждал в телевизионной программе Эн-би-си «Встреча с прессой» (31.03.1981), что нежелание польского правительства уступить новым требованиям «Солидарности» или «ликвидация прогресса достигнутого до сих пор этим профобъединением» делает «чрезвычайно трудным и сложным делом» получение какой-либо помощи от любой западной страны, включая США.

Рейган лично, в ходе телефонных переговоров с канцлером ФРГ Гельмутом Шмидтом, сообщала газета «Вашингтон пост» (1.04 1981), пытался оказать на него нажим с целью изменить положительное решение ФРГ в ответ на просьбы ПНР об оказании ей новой комплексной чрезвычайной помощи. В Вашингтоне заявили, что Советский Союз и другие социалистические страны должны нести самую большую долю тягот, связанных с оказанием любой долгосрочной помощи Польше.

Ни Западная Германия — самый главный капиталистический кредитор Польши, которая должна была ФРГ на март 1981 г. почти 4,5 млрд долларов, — ни Франция не последовали тогда диктату Вашингтона. 31 марта 1981 г. президент Франции Валери Жискар д'Эстэн информировал в ходе личной встречи заместителя председателя Совета Министров ПНР М. Ягельского, что Франция предоставит Польше в 1981 г. сумму, эквивалентную 800 млн долларов, то есть столько же, сколько и в прошлом году. 16 апреля 1981 г. корреспондент агентства ДПА передал, что после совещания в «Дрезднер банке» во Франкфурте-на-Майне все западногерманские банки согласились отсрочить, первоначально на три месяца, платежи Польши по погашению многомиллиардных долгов.

Свой скромный вклад в 50—60 млн долларов пообещала сделать в июле — декабре 1981 г. Япония. Австралия предоставила Польше кредит в 46 млн долларов, чтобы дать ей возможность продолжать традиционные закупки австралийской шерсти, шкур и кожи. Кредиты на 9,4 млн долларов в феврале 1981 г. и на 5,5 млн долларов в октябре 1981 г. выделила Польше Италия — для приобретения итальянской сельскохозяйственной продукции.

Как расценивать эти факты? В качестве гуманитарной помощи не голодающим, но испытывающим затруднения людям? Впечатлительная западная публика и

тем более буржуазные политические деятели давно привыкли к существованию на нашей планете до миллиарда человек, которые терпят нужду и лишения куда большие, чем граждане народной Польши. Чем вызвано было такое человеколюбие империализма? А может быть, это цена, которую готов заплатить капитализм за уничтожение социализма в Польше?

Конечно, помогать Польше было необходимо, и лучше всех на Западе это понимал ближайший польский западный сосед — ФРГ, руководители которой отдавали себе отчет в чрезвычайно опасных последствиях для всей Европы, и не только для нее, развязывания гражданской войны на территории ПНР.

Но американская сторона находила способы заставить своих союзников в Старом Свете не слишком отходить от точки зрения прижимистых и твердолобых «ястребов», воцарившихся в Вашингтоне. Администрация Рейгана оценивала польских контрреволюционеров с позиции крайнего прагматизма и обещала платить не вперед, а только по конечному результату. Таков примерный смысл статьи лондонского корреспондента газеты «Вашингтон пост» (2.04.1981) Л. Дауни.

«Западноевропейские правительства настойчиво призывают Соединенные Штаты отказаться от формальных и политических возражений и принять участие в оказании на срочной основе помощи Польше на много миллиардов долларов, с тем чтобы выгнать эту страну из пучины экономического и политического кризиса.

Европейцы во главе с Бонном и Парижем доказывают, что необходимо дать конкретные обязательства насчет незамедлительного оказания помощи в обмен на это они, по видимому, согласились проявить солидарность с рейга-новской администрацией, публично подчеркивая, что эта помощь будет поставлена в зависимость от избавления Польши и впрямь от насильственных репрессивных действий СССР и бескомпромиссных деятелей в самой Польше.

По словам европейских официальных деятелей, они, несмотря на колебания американцев, ожидают, что те окажут поддержку форсированным переговорам с целью удовлетворить просьбу Польши об оказании ей комплексной помощи на 10,9 млрд долларов».

Забегая вперед, скажем, что американцы так и не раскошелились. В официальных кругах США лишь отметили, что оказание помощи Польше — одно из самых трудных решений, которое предстоит принять администрации Рейгана. Месяцами руководители США и других западных правительств, буржуазная пресса вели шумные дебаты на тему о том, вкладывать ли миллиарды долларов в новую помощь Польше и в предоставление ей кредитов.

13 декабря 1981 г всем стало ясно, что западные прогнозы в отношении бесконечных уступок польских властей не оправдались.

Спустя 48 часов 460 западных банков — в лице своих представителей от 19 банков во главе с координирующим их «польскую деятельность» франкфуртским «Дрезднер банком» — заявили, что соглашение об отсрочке уплаты долгов ПНР в 1981 г. не будет подписано в конце года, как объявлено было ранее, 4 декабря.

16 января 1982 г. в Париже, на проходившем там закрытом совещании 16 капиталистических стран-кредиторов Польши, было принято решение «заморозить» на неопределенный срок переговоры с Варшавой о пересмотре сроков выплаты 3,5 млрд долларов в счет погашения государственного долга за 1982 г.

Но единства между западными партнерами-кредиторами по-прежнему не наблюдалось. Лондонская газета «Таймс» (17.12.1981) в редакционной статье под заголовком «Что должен делать Запад» отмечала:

«Использование польским правительством во главе с генералом В. Яру-зельским чрезвычайных военных полномочий само по себе еще не является достаточной причиной для автоматического осуждения этого шага. В аналогичных обстоятельствах большинство государств поступило бы точно так же.

В высшей степени неправильно прекращать оказание гуманитарной помощи, что явилось первой акцией со стороны американцев. У Запада нет морального права и веских политических причин дополнительно карать польский народ.

Поляки просили помочь им с финансами, поскольку они не в состоянии осуществить эти выплаты за счет собственных ресурсов. У Запада нет иного выхода, кроме как согласиться.

Это произведет впечатление дружественного жеста, и, что еще важнее, это будет проявлением реализма, продиктованным нашими собственными интересами, ибо банки сейчас — своеобразные «заложники» своих должников. Зримой альтернативой отсрочки погашения долгов является признание банкротства, в результате чего многие западные банки останутся с крупным дефицитом на руках. По крайней мере, пока суммы, данные в долг, проходят по категории активов, у банков нет необходимости относить их к графе убытков, и остается пусть весьма слабая, но все же возможность того, что в один прекрасный день эти долги смогут послужить основой для притязаний на получение реальных средств. Польша не единственная страна, находящаяся в таком положении. Просто ее пример самым наглядным образом показывает все опасности, сопряженные с финансированием более слабыми странами своих дефицитов с помощью западных банков.

Более спорным является вопрос, следует ли Западу приложить активные усилия, чтобы спасти польскую экономику от дальнейшего упадка посредством оказания прямой помощи со стороны западных правительств или через Международный валютный фонд, — здесь предпочтительнее пока проявлять скептицизм».

Финансируя антисоциализм в Польше — путем прямых подачек контрреволюционным организациям и посредством кредитов, призванных косвенно поощрить осуществление нужных Западу социально-экономических изменений, — империализм был бы, разумеется, в восторге, если бы социализм полностью сдал свои позиции в этой стране. Но и в условиях поражения контрреволюционных сил Запад не мог по многим причинам пойти на разрыв финансово-экономических отношений с ПНР или со всеми социалистическими странами. Это было бы крайне невыгодно экономически сегодня и особенно на перспективу. С политической точки зрения и конкретно в «польском варианте» Западу пришлось бы отказаться от явных преимуществ «держат ногу в приоткрытой двери» — в противном случае дверь в Польшу перед ним захлопнулась бы окончательно и навсегда.

Во всеуслышание, по пропагандистским каналам, США шантажировали одновременно и Западную Европу, и Польшу, и Советский Союз. Последним грозил «новыми суровыми финансовыми мерами» министр обороны США К. Уайнбергер. Он считал недостаточно твердыми даже объявленные Р. Рейганом санкции против СССР и Польши, настаивал «на более решительных позициях» и угрожал не согласным с США западноевропейцам, что, если те не введут более суровые санкции против русских и поляков, Соединенные Штаты могут официально объявить о невыполнении Польшей обязательств по ее огромному долгу.

«Это практически было бы равносильно объявлению о банкротстве Польши и вынудило бы сотни коммерческих банков в капиталистическом мире потребовать от Польши уплаты долга и конфисковать имеющиеся у них польские активы, — писала «Вашингтон пост» (16.01.1982). — Это, в свою очередь, вызовет «кредитный кризис» для всего советского блока и пресечет торговлю между Востоком и Западом — источ-

ник серьезных экономических выгод, прибылей и рабочих мест для западных европейцев, особенно для Западной Германии.

По мнению должностных лиц государственного департамента, успешно воспротивившихся этой идее, такая американская политика будет означать «двойное поражение» для Соединенных Штатов, как выразился один из них. «Это торпедирует союз НАТО и отдаст Польшу на милость русским», — сказал этот сотрудник государственного департамента.

Государственный секретарь Хейг и министр финансов Риган успешно ратовали в правительстве за более постепенную политику, основанную на сотрудничестве с союзниками; довести дело до объявления Польши неплатежеспособной, заявили они, значило бы вызвать кризис в западной банковской системе, которая потеряет в случае объявления о банкротстве 7,4 млрд долларов (в расчет берутся авуары, которыми ПНР располагает в западных банках. — *Прим. Г. В.*). Кроме того, как заявили эти должностные лица, такое объявление о банкротстве лишит Запад тех рычагов, которыми он располагает: перспективы дальнейшей финансовой помощи Польше и возобновления нормальных экономических отношений в случае отмены военного положения».

Газета «Вашингтон пост» (12.06.1982) поместила статью заместителя министра финансов США Р. Т. Макнамары «Следует ли Соединенным Штатам объявить Польшу несостоятельным должником?», в которой «аргументы» — если, конечно, таковыми могут быть дубинка, аморальность и вероломство — американской официальной точки зрения были даны предельно откровенно:

«Вместе с нашими союзниками мы договорились в Версале (июнь 1982 г — Ред.) осторожно подходить к развитию финансовых отношений с СССР и другими странами Восточной Европы... Ввиду неопределенности в вопросе об уплате Польшей своих долгов частные компании, предоставившие этой стране средства в долг, в Соединенных Штатах и за границей дают мало или вовсе не дают новых 'кредитов' Польше.

Возможно, еще более важно то, что мы и наши союзники на время прекратили всякие переговоры об отсрочке платежей по польским долгам за 1982 г. и настаиваем на том, чтобы эта страна выполнила все обязательства в назначенные сроки, если она не выполнит трех условий: 1) не отменит военное положение, 2) не предоставит свободу всем задержанным и 3) не возобновит подлинный диалог с «Солидарностью» и церковью.

Не объявляя Польшу несостоятельным должником, мы сейчас добились того, что твердая валюта поступает из Польши на Запад, а не с Запада в Польшу. Поскольку Польше трудно найти средства для погашения своих долгов, Советский Союз вынужден предоставлять ей ресурсы, с тем чтобы военное правительство этой страны могло поддерживать необходимый уровень жизни, предотвращая голодные бунты, гражданские волнения и гораздо более серьезные проблемы.

Объявление Польши несостоятельным должником вряд ли позволит оказать еще больший, чем сейчас, экономический нажим на поляков и русских. На самом деле объявление Польши несостоятельным должником в настоящее время может, наоборот, ей помочь. Польское правительство могло бы использовать официальное объявление страны несостоятельным должником в качестве предлога, чтобы не выплачивать даже те небольшие суммы, которые оно сейчас вносит, и это даст полякам возможность выплачивать долги другим кредиторам, не объявившим Польшу банкротом. Это привело бы к прорыву единого фронта, который нам и нашим союзникам до сих пор удавалось держать. В таком случае польское правительство могло бы возложить на Соединенные Штаты вину за свои экономические беды и вынуждено было бы обращаться за экономической помощью исключительно к Советскому Союзу».

Не перегнул ли Макнамара палку? Вообще нет! 30 марта 1982 г. генерал А. Хейг, тогда еще госсекретарь США, заявил — по-солдатски прямолинейно, — выступая в телевизионной программе телекомпании Эн-би-си «Встреча с прессой»: «Мы хотим обречь режим этой страны на изоляцию и взвалить, если можно так выра-

зиться, Польшу на спину Советского Союза с точки зрения экономики и кредитов». В аналогичном телевизионном интервью день спустя Рейган высказался на ту же тему, не пытаясь соблудности даже элементарный дипломатический такт.

«Вопрос. Что вы можете сказать насчет ситуации в Польше в последнее время, особенно в свете вашего заявления, сделанного несколько недель назад, о том, что, если понадобится, вы введете дополнительные санкциии?

Ответ. Мы следим за развитием событий в Польше. Вместе с нашими союзниками мы ввели целый ряд санкций. Сейчас совместно с ними мы разрабатываем меры прекращения предоставления кредитов подобным странам и Советскому Союзу, который, как мы знаем, стоит за всей этой польской проблемой. В то же время мы делаем все возможное, чтобы помочь польскому народу, причем таким образом, чтобы не создавалось впечатления, что эту помощь оказывает их правительство. Мы поставили пшеницы и кукурузы на сумму около 55 млн долларов. Принимаются и другие меры через католические благотворительные организации, за деятельностью которых мы наблюдаем. Думаю, что также необходимо, чтобы они поняли, что если они изменят свое поведение и пойдут правильным курсом, то наряду с кнутом может появиться и пряник».

«Кнут» не помог. «Кредитное лассо» на шею ПНР и СССР, если выразаться в духе скотоводческой терминологии президента Рейгана, не затянулось.

Пространные, повторяющие друг друга выступления американских руководителей о том, объявлять или нет ПНР банкротом за неуплату долгов капиталистическим банкам, или о том, какими дополнительными санкциями «покарать Москву и Варшаву», продолжались долго и не окончились в 1982 г.

Почему, который раз зададимся вопросом, такая ожесточенность в политико-экономическом шантаже? Ведь что касается чисто финансовых проблем, то здесь империализм был, есть и будет в выигрыше. Капиталистические банки для того и существуют, чтобы выкачивать огромные прибыли из тех, кому они предоставляют кредиты (для оплаты товаров, приобретаемых у тех же стран-кредиторов, что опять же крайне выгодно Западу). И должников у этих финансовых спуртов много — задолженность развивающихся стран империалистическому миру возросла с 87 млрд долларов в 1971 г. до 524 млрд в 1981 г., увеличиваясь ежегодно на одну пятую только за счет процентов («Экспресс», Париж, 26.02.1982).

Но банкротом ни одно государство пока еще не объявляли. Более того, даже самые острые финансовые взаимоотношения банков-кредиторов со своими зарубежными клиентами, будь то правительства или частные лица, почти не попадают на страницы буржуазной прессы. За что же Польше такое публичное внимание? Читателю хорошо известен ответ и в этом мнении его лишний раз утвердит отрывок из выступления главы польской делегации В. Ярузельского на XXXVI заседании Сессии Совета Экономической Взаимопомощи в Будапеште 10 июня 1982 г.:

«Дух антикоммунистического крестового похода изменил в некоторых столицах реалистический подход к мировым проблемам. Особое место в этой стратегии предназначено Польше. Наша страна оказалась на переднем крае, приняла на себя самый острый удар империалистической политики дестабилизации, и поэтому польские проблемы нельзя рассматривать без учета их широкого международного контекста. Существует тесная взаимосвязь, параллельные действия внутренних сил антисоциалистической оппозиции и конфронтационной политики империализма в глобальном масштабе.

Решая наши польские проблемы, мы должны рассчитывать прежде всего на собственные силы. Однако это не только проблемы исключительно нашей страны. Польша стала объектом ожесточенной атаки не потому, что она Польша, а потому, что она

социалистическая, что мы сорвали планы, нацеленные на отрыв нашей страны от экономического и оборонительного социалистического содружества.

Своеобразие действий антисоциалистической оппозиции в Польше заключалось в том, что она избрала в качестве объекта конфронтации с властью, с социализмом экономику, чтобы парализовать ее и таким образом добиться падения социалистического государства. Преднамеренно наносились удары по ключевым областям экономической жизни страны. Характерным в этом отношении стала обстановка в добывающей промышленности, особенно в польской угольной промышленности. Под предлогом заботы о шахтерах экстремисты «Солидарности» привели к резкому катастрофическому падению добычи угля на 38 млн тонн. В то же время, когда американские радиовещательные станции «Свободная Европа» и «Голос Америки» восхищались забастовками в Польше и бойкотом «шахтерских суббот», американские угольные концерны перехватывали традиционные европейские рынки сбыта польского угля. В одном только 1981 г. мы потеряли почти полмиллиарда долларов за счет уменьшения экспорта угля. Таким образом, антисоциалистические силы безошибочно исполнили антипольский заказ — конкурентоспособности польского угля был нанесен ощутимый удар.

Совокупность неблагоприятных явлений в польской экономике, накапливающихся в 70-е годы, с деструктивными действиями противника привела к очень глубоким экономическим последствиям. Резко снижалась продукция, национальный доход только в прошлом году уменьшился более чем на 13%. В текущем году он также продолжает снижаться, хотя все более медленными темпами. В результате этого значительно ухудшились условия жизни общества.

Введение военного положения приостановило нашу страну на шаг от катастрофы. Однако противник не хочет примириться с поражением. Он стремится помешать процессу стабилизации, пытается вызывать волнения внутри страны и одновременно выдвигает на международном форуме наглые ультимативные требования и применяет санкции и дискриминационную практику. Итак, Польша подвергается экономической блокаде. Это усложняет нормализацию, оттягивает момент отмены чрезвычайных мер.

В этой обстановке с уважением следует оценить поведение преобладающего большинства польского общества, которое, повседневно встречаясь с большими жизненными трудностями, зачастую с резкими недостатками, проявляет чувство ответственности, терпение, понимание существа чрезвычайно сложного периода, который переживает сейчас наша страна.

Народная Польша является и будет суверенной страной. Мы не отступим перед империалистическим диктатом. Верим в патриотизм, рассудок, исторический опыт польского народа, в союзническую солидарность и помощь социалистических друзей.

В трудном экономическом положении Польши особое значение имела и в дальнейшем имеет помощь, оказываемая прежде всего Советским Союзом, а также другими странами Совета Экономической Взаимопомощи».

Братская поддержка стран социализма

Желание видеть Польшу сильной, независимой, демократической остается неизменным кредо Советского Союза. Так было и в сложнейшие 40-е годы, когда началась подлинная история советско-польских отношений. Когда польские левые силы взяли на себя ответственность за будущее Польши, СССР проявил полное понимание и поддержку их позиции, оказывая широкую материальную и моральную поддержку их усилиям.

В самой авторитетной форме Советское правительство неоднократно подтверждало свою поддержку народной Польши.

Будучи сам разорен войной, СССР последовательно шел по пути оказания необходимой помощи Польше, благодаря которой могли заработать лодзинские фабрики, силезские домны, ожили порты Побережья. Вчитаемся в совместное коммюнике о пребывании в Москве польской правительственной делегации во главе с Б. Берутом и Э. Осубкой-Моравским в мае 1946 г.:

«Оба правительства пришли к соглашению об аннулировании всяких финансовых обязательств, возникших во время войны, в связи с вооружением и снабжением польской армии, включая обязательства бывшего правительства генерала Сикорского, равно как обязательства, возникшие в связи в поставками польского правительства для Красной Армии в указанный период...

Ввиду недостатка необходимых валютных запасов, а также затруднений, с которыми встречается польское правительство при получении польского золотого фонда, помещенного в заграничных банках перед войной и во время войны, Советское правительство выразило готовность оказать Польше кредит из собственных ресурсов золота для удовлетворения наиболее насущных хозяйственных нужд Польши. Советское правительство выразило готовность в соответствии с ранее заключенными соглашениями оказать содействие и принять меры к ускорению снабжения Польши в связи с еще продолжающимися продовольственными затруднениями, создавшимися в Польше в результате военных опустошений».

Молодое польское государство могло твердо рассчитывать на помощь Советского Союза. Это еще раз подтвердилось в ходе визита в Москву польской правительственной делегации во главе с Ю. Циранке-вичем с 25 февраля по 5 марта 1947 г.

Переговоры закончились подписанием целого ряда соглашений, весьма благоприятных для Польши. Во-первых, она получила заем в золоте на сумму 27 875 тыс. долларов. В то время это была весьма значительная сумма. Для сравнения можно сказать, что в 1947 г. весь экспорт Польши составлял 248 млн долларов. Погашение займа должно было производиться в рассрочку до 1 марта 1959 г. В противоположность американским кредиторам, которые требовали от своих должников закупки сырья и товаров на американском рынке, советский заем был полностью предназначен на покупку сырья на мировом рынке.

Во-вторых, было подписано соглашение об урегулировании взаимных финансовых обязательств обеих сторон на 1 января 1947 г. и об установлении основы финансовых расчетов в будущем. В частности, по этому соглашению были аннулированы обязательства польской стороны на общую сумму около 410 млн рублей, в том числе по займу 31 декабря 1941 г. на сумму 100 млн рублей, полученному правительством В. Сикорского.

В-третьих, стороны договорились об уменьшении наполовину поставок угля, причитающихся с Польши Советскому Союзу на основании соглашения от 16 августа 1945 г.

Кроме того, были подписаны соглашения о передаче Польше подвижного железнодорожного состава из советского трофейного имущества и о предоставлении Польше Советским Союзом вооружения и военного снаряжения в кредит.

Важное значение имело и соглашение о научно-техническом сотрудничестве, обязывающее обе стороны к обмену научно-технической информацией в области промышленного производства. Обмен происходил без каких-либо лицен-

зионных оплат с обеих сторон. Была создана также постоянная Советско-польская комиссия по научно-техническому сотрудничеству.

На переговорах в Москве был согласован вопрос о передаче в срок до 15 мая 1947 г. причитающейся Польше части германского торгового флота. В соответствии с этой договоренностью польские власти уже в апреле того же года приняли от Советского Союза 19 бывших германских судов стоимостью 804,5 тыс. фунтов стерлингов, переданных Польше в качестве возмещения военных потерь. Кроме того, Польша получила еще шесть судов и оборудование, поднятые советскими специалистами в польских портах.

Наконец оба правительства договорились об ускорении возвращения в Польшу лиц польской национальности, оказавшихся на территории СССР в результате военных действий.

Итоги московских переговоров свидетельствовали, что Советский Союз, сам испытывавший немалые трудности, готов продолжать оказывать широкую экономическую помощь Польше и другим странам народной демократии. Немаловажен и морально-политический аспект: СССР всем своим международным авторитетом подтверждал, что не согласится на ущемление суверенных прав Польши ни под каким видом.

И через 35 лет, в 1982 г., Советский Союз, как всегда, продолжал оказывать ПНР всестороннюю братскую поддержку.

Советский экспорт в Польшу в 1981 г. увеличился на 11,9%, а импорт из ПНР сократился на 10,5%.

Эти цифры заставляют задуматься о многом. Действительно, говорить о взаимовыгодности советско-польских экономических отношений трудно. Но вовсе не в том смысле, в котором это трактовали и трактуют недруги СССР и ПНР. Суть в том, что Советский Союз оказывал польскому народу экономическую помощь и поддержку, несмотря на то что это могло вызвать трудности в его народном хозяйстве.

Несмотря на падение польского экспорта в СССР, поставки необходимых Польше товаров из Советского Союза оставались на прежнем высоком уровне, а по некоторым группам товаров даже увеличились. В 1981 г., к примеру, по сравнению с 1980 г. Польша уменьшила экспорт в СССР своего каменного угля с 9,5 млн тонн до 5,5 млн, серной кислоты — с 200 тыс. тонн до 100 тыс., кальцинированной соды — со 100 тыс. тонн до 25 тыс. и т. д. В то же время Страна Советов с опережением сроков, зафиксированных в контрактах, поставила Польше 16 млн тонн нефти и нефтепродуктов, более 5 млрд кубических метров природного газа, почти 8 млн тонн железной руды (в пересчете на металл) и многие другие товары.

Особые преимущества продолжала получать Польша в торговле с Советским Союзом благодаря механизму действующих в рамках СЭВ контрактных цен. Он, с одной стороны, ограждает цены социалистического рынка от резких конъюнктурных колебаний мировых цен, которые несовместимы с плановой экономикой, а с другой — дает возможность учитывать изменения мировых цен, что позволяет государствам СЭВ заблаговременно приспосабливать свое народное хозяйство к структурным сдвигам в мировой экономике.

На практике все это означает, что в торговле между социалистическими партнерами действуют цены на сырьевые товары и энергоносители, которые значительно ниже мировых. Это позволило Польше в пятилетие 1976—1980 гг. за-

платить за советское топливо и сырье на 5,8 млрд рублей меньше, чем если бы она покупала эти товары на рынках других стран.

Добавим, что за счет поставок из Советского Союза в 1981 г. удовлетворялись около 80% импортных потребностей Польши в нефти и нефтепродуктах, 79% — в минеральных удобрениях, 78% — в хлопке, 77% — в железной руде, 69% — в марганцевой руде, 67% — в асбесте, 50% — целлюлозе и т. п. Список этот можно продолжить и другими товарами.

Страна Советов, видя последствия того, что Польша переступила «барьер безопасности» в своих займах на Западе, продолжает оказывать ей экономическую помощь. Все это вновь подтверждает, что отношения между социалистическими государствами строятся не только на чисто экономических соображениях и расчетах, как это имеет место, скажем, в отношениях между капиталистическими странами.

В январе 1982 г. был подписан протокол о товарообороте и платежах между Советским Союзом и Польшей на текущий год. По обязательствам протокола объем советско-польского товарооборота должен составить 8,4 млрд рублей. При этом советский экспорт намечен в размере 4,8 млрд рублей, а импорт товаров из Польши — 3,6 млрд рублей. Поскольку экспорт из СССР превышает по стоимости импорт из ПНР, а также учитывая трудное положение в народном хозяйстве Польши, Советское правительство дало согласие на предоставление ей кредита на льготных условиях для оплаты разницы в стоимости взаимных поставок товаров.

Здесь подчеркнем особо, что советские поставки в Польшу осуществляются в строгом соответствии со сроками, предусмотренными контрактами, а в некоторых случаях даже с опережением.

«Помощь дружественных социалистических стран спасла нашу страну от экономического краха в самый опасный период, который продолжается с прошлого года по текущий год, — заявил 23 июля 1982 г. в Варшаве в интервью главному редактору токийской газеты «Нихон кэйдзай» (27.07 1982) председатель Военного совета национального спасения ПНР В. Ярузельский. — Эта помощь имела неоценимо важное значение для восстановления нашей экономики. При этом особо хотелось бы подчеркнуть роль, которую сыграл Советский Союз. Кроме него, нет другой такой страны, которая оказала бы нам такую конкретную экономическую помощь в столь короткий период.

Извлекая уроки из опыта одного-двух лет, мы планируем углубление экономического сотрудничества с социалистическими странами. Такое сотрудничество представляет собой не временное явление, оно распространяется на очень длительный период времени».

В обыденной ситуации можно было бы ограничиться вышеприведенным авторитетным высказыванием В отношении между странами социалистического содружества не принято широко рекламировать в массовой печати и по телевидению бухгалтерские подробности экономических сделок, хвастать выгодой тех или иных капиталовложений, кредитов, торговых или научных обменов. Тайны тут никакой нет. в специализированных изданиях — докладах, журналах, книгах — международные экономические связи стран Совета Экономической Взаимопомощи рассматриваются подробнейшим образом.

В прессе социалистических государств появляется множество так называемых контактных материалов, повествующих о неисчерпаемом многообразии обширных и постоянных взаимных экономических связей.

Эти конкретные проявления дружбы стран социализма являются объектом постоянных атак империалистической пропаганды, которая много лет не устает твердить две взаимоисключающие лжи.

В передачах на польском языке или, к примеру, на болгарском западные радиостанции голословно или с помощью цифр убеждают, что Советский Союз грабит ПНР и НРБ, наживается на экономических сделках с ними, сдерживает повышение материального благосостояния народов этих стран, — одним словом, угнетает их и эксплуатирует. Это первая ложь, а вот вторая.

В западных радиопередачах на языках народов СССР утверждается обратное. Внутренние проблемы нашего народного хозяйства, нехватки и недостатки пытаются объяснить, в частности, тем, что нам якобы приходится в ущерб себе «кормить» Польшу (или Венгрию, или ЧССР и т. д.). «Немецкая волна», «Голос Америки», не говоря уже о РС — РСЕ прямо и косвенно пропагандируют эту клевету с утра до вечера многие годы. В 1982 г эти диверсионные радиостанции посчитали выгодным для себя гипертрофировать действительные объемы братской помощи стран СЭВ Польше. Но помощь эта действительно неоценима и тем более не нуждается в тенденциозном преувеличении.

«Трибуна люду» (2 06 1982) опубликовала интересное интервью с заместителем председателя Комиссии планирования при Совете Министров ПНР, уполномоченным правительства по вопросам координации экономических отношений с Советским Союзом С Вьлу-пеком.

«В 1981 г 60% импорта, предназначенного для снабжения польского народного хозяйства, поступало из стран СЭВ, в том числе две трети из СССР. Однако оставшиеся 40% тоже немало. Блокада практически отрезала нас от этого снабжения.

Я думаю, что «переориентация» — не совсем точное определение. Наша экономика всегда ориентировалась на сотрудничество с СССР и другими социалистическими странами Советский Союз всегда был нашим крупнейшим экономическим партнером. Речь идет о чем-то другом. В последние годы наши товаро-обороты с социалистическими странами росли медленнее, чем с капиталистическими государствами и развивающимися странами. Эти пропорции надо изменить, они, в частности, привели к нынешним трудностям, ибо оказалось, что опасна чрезмерная зависимость промышленности от поставок из капиталистических стран.

Поэтому вместе с советскими партнерами мы будем предпринимать дальнейшие, выгодные для обеих сторон меры, расширять кооперационные связи. Это позволит польской промышленности, как было в судостроении, в производстве сахарных заводов и заводов серной кислоты (эти отрасли экспортируют большую часть своей продукции в СССР — Прим. Г В), преодолеть трудности и создать предпосылки ее дальнейшего развития.

Мифы о якобы низкой оплачиваемости торговли с Советским Союзом не имеют под собой оснований. Их могут распространять люди, которые сознательно извращают экономические отношения с СССР, или те, кто не ориентируется в экономических расчетах. Первой особенностью наших экономических связей с Советским Союзом является стабильность, перспективное планирование, возможность серийного выпуска продукции. Об этом мечтает каждое предприятие, потому что это рентабельно, снижает стоимость производства, облегчает работу.

Во-вторых, выгодна структура польско-советских торговых оборотов. Удельный вес готовых изделий нашей промышленности в экспорте в СССР составляет более 80% всех поставок, около 64% — машины и оборудование. Импорт из СССР топлива, сырья и материалов составляет сейчас 65% всех поставок.

В третьих, в торговле с Советским Союзом, как и с другими социалистическими странами, мы опираемся на подвижные цены, которые определяются на основе мировых цен как средняя величина за последние пять лет.

В-четвертых, польские закупки в СССР реализуются на выгодных многолетних кредитах с низким процентом.

За одну тонну покупаемой в СССР нефти мы платим 115 рублей. За одну тонну в капиталистической стране мы должны заплатить 250 долларов. Таким образом, за 13 млн тонн нефти в нынешнем году мы заплатим около 1,5 млрд рублей В случае импорта из западных стран это обошлось бы нам в 3,2 млрд долларов.

Естественно, что аналогичный принцип подвижных цен обязателен при продаже польского сырья. Если говорить об экспорте в СССР энергетического угля, то соотношение тут таково: одна тонна его на советском рынке стоит 45 рублей, на западных рынках — более 50 долларов. При экспорте 5,5 млн тонн угля в Советский Союз мы получим около 250 млн рублей. Если бы мы экспортировали такое количество угля в западные страны, то получили бы 300 млн долларов.

Нужно еще много сделать, чтобы быть достойным доверия, солидным и надежным партнером. Прежде всего, надо добиться экономического возрождения Польши, чтобы полностью использовать производственный потенциал страны. Невозможно переоценить помощь Советского Союза в этом процессе».

Безотлагательная помощь СССР и других стран СЭВ Польше доминировала в начале кризиса. Сейчас верх берет тенденция к формированию взаимовыгодного товарообмена, долговременной экономической политики, чтобы вытянуть из беды польское народное хозяйство. В результате «замораживания» поставок с Запада 40% промышленного потенциала Польши простаивает, писала врошлавская «Газета робот-нича» (31.08.1982).

Дезинформация, распространяемая контрреволюционными элементами по поводу польско-советского экономического сотрудничества, была, безусловно, одной из составляющих антисоциалистической истерии правых в польском кризисе.

Основу современной польской индустрии составляют около 150 промышленных объектов, сооруженных при техническом содействии Советского Союза. Наиболее крупные из них — это металлургические комбинаты в Кракове, Ченстохове и Варшаве, медеплавильный завод в Легнице, предприятия по производству грузовых автомобилей в Люблине и легковых — в Варшаве, несколько электростанций и химических заводов, ряд текстильных предприятий. Благодаря советской помощи послевоенная социалистическая Польша сделала огромный шаг в развитии своего народного хозяйства и стала индустриальным государством, располагающим большим производственным потенциалом, высококвалифицированными рабочими и инженерными кадрами, отметил в беседе с советскими журналистами (Новое время. № 37. 1982) Т. Несторович, министр внешней торговли ПНР.

Огромен масштаб поставок и в обратном направлении. ПНР построила в СССР 300 заводов по производству серной кислоты, деревообработке, сооружает газопроводы, поставляет в СССР сотни тысяч вагонов, десятки судов, изготавливает комплектующие узлы для советских автозаводов. Достаточно сказать, что в конце 1980 г. в различных областях науки и техники прямое сотрудничество поддерживали между собой 19 польских и 40 советских учреждений, свыше 130 польских и 175 советских научно-исследовательских и проектных бюро и организаций. Будет справедливо отметить, что ПНР не исчерпала всех возможностей для расширения своего товарооборота с СССР.

ДИАЛОГ...

Рецензент. Эту вашу главу я считаю наиболее удачной. Хотя, как всегда, не согласен с заголовками и думаю предложить ряд уточнений, дополнений. Впрочем, ваш прежний текст имеет и самостоятельную ценность — ведь это слепок той, прежней эпохи.

Как изменились мы сами в результате перестройки в СССР и польского обновления. К примеру, стиль вашего письма стал более раскованным, аргументированным, вы смелее, чем раньше, демонстрируете суть альтернативных точек зрения.

Автор. Выход в свет данного второго издания не грозит мне потерей партбилета и, следовательно, увольнением с работы. А тогда... Семь лет назад над моей головой начали сгущаться тучи. Тираж книги «Заговор...» был арестован в тбилисской типографии весной 1983 г. и лишь осенью пушен в продажу.

Рецензент. У поляков есть такое выражение: только месяц может светить даром, за все прочее рано или поздно приходится расплачиваться. И нашему народу пришлось расплачиваться: за отсутствие здравого смысла у своих руководителей, которые, ссылаясь на учение ленинизма, односторонне и идеалистически воспринимали капиталистический мир; за деятельность, которая ежедневно называлась социализмом, а с самой идеей ничего или почти ничего не имела общего; за волюнтаризм — как бы родного брата советских лет застоя; за запущенность идеологической работы, а также за множество других негативных явлений. Цену эту определил Войцех Ярузельский на 7-м пленуме партии в 1982 г. Вы цитируете на странице 287 это его высказывание: «Сегодня мы расплачиваемся за легковерие и близорукость».

Автор. Таков был результат десятилетия 1970—1980 гг. А как выглядела правда тех лет?

Итоги партийного руководства экономикой

Рецензент. Первые четыре года с момента трагических событий 1970 г. на польском Побережье и со встречи Э. Терека с рабочими, где он получил кредит доверия в виде клича: «Поможем!» — заметно было оживление в различных областях экономической жизни страны. Начало расти промышленное производство, ускорилось жилищное строительство, произошли перемены в польском сельском хозяйстве, что давало шанс на увеличение экспорта, были сделаны крупные капиталовложения (Люблинский угольный бассейн, медеплавильный завод в Люблине, завод «Катовице», Северный порт, строительство автострад и др.), которые должны были приблизить Польшу к промышленному аван-

гарду Европы и мира. Возросли добыча и экспорт угля, начали производить по лицензиям товары, до той поры у нас не выпускавшиеся, были облегчены контакты польских граждан с границей, и, что самое важное, магазинные полки заполнились товарами, и отечественными и иностранными, доступными — по причине увеличения заработков — для среднего покупателя.

Надо помнить, что все это не было результатом роста производительности или организации труда, а происходило за счет безудержных займов и кредитов, которые вскоре предстояло выплачивать. От этого предостерегали прогрессивные партийные и государственные деятели, били тревогу ученые, а также активные члены партии, в частности во время дискуссий перед VII и VIII съездами ПОРП. Все эти сигналы, однако, не находили отклика, хотя экономический кризис в 1975 г. становился уже явным; пропаганда успехов продолжала внушать обществу, что его жизненный уровень возрастает, а страна догоняет наиболее развитые в производственном отношении государства.

Автор. А мир к тому времени уже отходил от традиционных производств, избавлялся от них в пользу техники и технологии XXI в.

Рецензент. Я разделяю ваш метод оценки как положительных, так и отрицательных сторон польского «экономического бума» начала 70-х годов. Ведь всегда существует всем известная оборотная сторона медали. Самое неприятное — это то, что серьезные последствия пагубной политики правительства ПНР в 70-е годы и сегодня еще не изжиты. Ведь как оно было вначале, на чем мы стали тогда гореть?

Применение интенсивного метода хозяйствования плюс необходимость выплаты долга под высокие (12—15) проценты предполагало рост промышленной и сельскохозяйственной продукции, к чему Польша полностью не была готова. Рекордной стала, правда, добыча угля, но происходило это ценой роста несчастных случаев на производстве, работы в три смены (включая воскресенье и праздники), а также ценой расточительства — специалисты установили, что в процессе добычи и транспортировки угля в земле остается до 30% выработки.

Если к этому прибавить загрязнение окружающей среды, превышающее все допустимые нормы, а также отравление соляными отходами двух главных рек Польши — Вислы и Одры, картина предстанет еще более удручающая. Речь идет не о самой питьевой воде для городов, расположенных в бассейнах двух этих артерий, а о том, что соленые воды (по степени солёности не уступающие Балтике) уничтожали и продолжают уничтожать водопроводно-отопительную инфраструктуру городов, не говоря уже о сельском хозяйстве, и, таким образом, навлекают на государство многомиллиардные потери. Когда говорят об отравлении природной среды, имеют в виду не только Шленск или медные и серные месторождения. Деградация усиливается и в других регионах страны. Плохое расположение завода «Катовице», на что в свое время указывали ученые, еще более усилило воздействие угольной пыли, а немодернизированная уже многие годы подкарповская Нова-Гута означает гибель региона с Краковом вместе.

Автор. Еще с 1979 г., после поездки в Краков, помню слова одного из сотрудников тамошнего Музея В. И. Ленина: «От загазованности воздуха на пригородных фермах свиньи дохнут. А люди ничего, пока держатся». Эта полная оптимизма фраза партийного работника меня тогда очень поразила.

Рецензент. По мнению специалистов ПНР и международных организаций (35-я сессия ЮНКТАД, Женева, 1989), реставрация древней столицы Польши бесцельна до тех пор, пока металлургический комбинат в Нова-Гуте не будет перепрофилирован. Так же дело обстоит с загрязнением польского Балтийского побережья и юго-западными предназначенными для отдыха территориями, которые когда-то называли «зелеными легкими» страны. Благодаря «помощи» наших южных и западных соседей, тамошние омертвевшие леса напоминают лунный пейзаж. А ведь деградация естественной среды — это одновременно проблема здоровья народа. Сегодня в Польше один из самых высоких в Европе показателей заболеваемости раком и наивысшее число смертей от болезней кровеносной системы. Большое общество, при других производственных и организационных недостатках, как известно, не может эффективно работать.

Автор. К сожалению, и у нас то же самое. Ведь существует такое понятие, как здоровье человека. Хотите несколько цифр? Извольте: 30% наших детей нервнобольные, 50% больны желудочно-кишечными заболеваниями, 60% страдают нарушениями осанки, у 50% нарушено зрение и 90% детей находятся в пограничном состоянии между болезнью и здоровьем. Зачем, в таком случае, нам новые заводы и другие стройки, если нам, в этом смысле, кроме больниц, ничего больше не нужно?!

Рецензент. Католический «Тыждник польски» (23.10.1988) поместил интервью заместителя министра охраны окружающей среды и природных ресурсов ПНР В. Кульчинского под заголовком «Даже воздух пожелтел от серы». «Нельзя скрывать, — говорит он, — что экологическая ситуация в Польше является очень опасной. По загрязненности атмосферы в Европе мы находимся на втором месте после СССР. По данным 1985 г., в европейской части СССР в воздух выбрасывалось 11 млн тонн двуокиси серы, а в Польше — 4,3 млн тонн. Для сравнения можно сказать, что ФРГ выбрасывает только 2,4 млн тонн, Франция — 1,8 млн тонн».

А после аварии в Чернобыле, когда в польской печати разгорелся спор о целесообразности строительства атомной станции в Жарновце, двухнедельник гданьской епархии «Гвезда можа» (24.05.1988), в частности, писал:

«Эксперты Международного валютного фонда в своем докладе потребовали воздержаться от строительства ядерной электростанции в Польше, утверждая при этом, что необходимое для страны количество энергии можно получить из других источников. В этой ситуации невольно напрашивается вопрос: кто лучше оценивает ситуацию — люди, которые несут ответственность за свои финансовые решения, то есть эксперты МВФ, или наши соотечественники, которые никогда не отвечали за хозяйственные промахи? Ведь история ПНР не знает прецедента, чтобы за экономические наудачи кто-нибудь был осужден. Следует также напомнить об информации ТАСС, касающейся того, что в СССР воздержались от строительства двух атомных электростанций в связи с протестами общественности. Одновременно советские конструкторы реакторов приступили к строительству саркофагов для всех существующих в стране электростанций. Возникает вопрос — почему там конструкторы утверждают, что необходимо крепить реакторы, а наши специалисты — нет? По результатам опроса Центра по исследованию общественного мнения в феврале нынешнего года, около 40% опрошенных поляков высказались против строительства АЭС, «за» высказались 29%.

В номере от 31 октября 1988 г. названное гданьское церковное издание указывало «на большую стоимость советской проектной документации АЭС, доро-

говизну урановой руды, независимо от того, платим ли рублями или долларами, как в последнее время оплачивается нефть. Как бы там ни было, в эту сумму войдут телевизоры и холодильники, автомашины и стиральные машины, товары, которых нам так не хватает. Также следует напомнить, что средства, отведенные на устранение последствий чернобыльской аварии, превысят стоимость строительства всех атомных электростанций в СССР. Необходимо иметь в виду, что на строительство АЭС в Жарновце и Клемпиче нам придется израсходовать около 17 млрд долларов, что равно половине внешней задолженности Польши. А все это составит только 9% всей электроэнергетической страны и то только на 20—25 лет».

А вот мнение католического еженедельника «Керунки» (11.03.1988):

«Целесообразно прекратить строительство АЭС в Жарновце и воздержаться от возведения АЭС в Клемпиче.

В настоящее время около 15% всей территории ПНР подвергается экологической угрозе, и на этой территории проживает около 13 млн человек. В Польше из 1000 новорожденных около 19 рождаются мертвыми, а в Силезии, где окружающая среда подвергается интенсивному загрязнению, это число достигает 60. Воды половины польских рек непригодны для употребления. В результате деятельности промышленных предприятий в Польше погибает около 50% горных лесов, а 25% производимого продовольствия не соответствует санитарным требованиям. Потери, получаемые в результате загрязнения окружающей среды, составляют ежегодно около 600 млрд злотых, в то же время на ее охрану государство выделяет только один процент этой суммы. Строительство АЭС могло бы положительно повлиять на чистоту воздуха с условием, что будут закрываться угольные электростанции. Однако это нереально. Никто старых электростанций не закрывает, потому что в 1990 г. в стране будет ощущаться энергетический дефицит в объеме 20%. К этому следует добавить, что в результате специфического направления ветров свои отходы окиси серы на Польшу «сыплют» предприятия ГДР, Чехословакии и ФРГ.

Также необходимо вспомнить о так называемых полосах безопасности при строительстве АЭС. По подсчетам американской комиссии по атомной энергии, плотность населения в радиусе 50 километров от АЭС не должна превышать 500 человек на квадратную милю во время ее строительства и 1000 человек во время ее эксплуатации. В Польше же место, предназначенное для строительства АЭС в Клемпиче, находится в 45 километрах от Познани.

Следует также указать, что период эксплуатации одного реактора довольно короток — всего 20—30 лет. А что потом? Потом начнутся поиски места для его захоронения, для складирования радиоактивных отходов. Необходимо учесть, что любой поиск «кладбища смерти» увязывается с большими техническими проблемами и окружающей средой. Очень сложной проблемой является транспортировка этих отходов. В то же время в Польше, хотя строительство АЭС в Жарновце уже началось, вопрос о захоронении радиоактивных отходов так и не решен. Вначале говорилось об их пересылке в СССР для переработки. Однако никто не говорил, какими путями и какими поездами эти отходы будут перевозиться. Неизвестно также, согласится ли Советский Союз принимать от нас этот опасный груз. В связи с этим не было подписано ни одного документа. Правда, СССР по аналогичной проблеме подписал договор с Чехословакией, однако до сих пор радиоактивные отходы остаются на территории этой страны. В последнее время слышатся голоса о целесообразности захоронения радиоактивных веществ на расстоянии 82 километров от Познани. Как известно, лучше всего радиоактивные отходы прятать в соляных копиях или в базальтовых скалах на глубине 600—1000 метров. Таких возможностей в Польше нет. Нельзя также забывать, что эти смертоносные отходы сохраняются около 25 тыс. лет.

Поэтому, пока не будет решен этот важный вопрос, следует воздержаться от строительства атомных электростанций в Польше.

Нельзя сбрасывать со счетов и то, что строительство типовой тепловой электростанции в 3—4 раза дешевле, чем атомной. К тому же срок строительства АЭС значительно продолжительней. ТЭЦ эксплуатируется минимум в

2 раза дольше, чем АЭС. На ликвидацию АЭС приходится расходовать от 25 до 100% суммы, затраченной на строительство. Словом, стоимость демонтажа одной АЭС составит столько же, во сколько обходится строительство одной — четырех ТЭЦ.

Как известно, Польша не имеет собственных запасов урановой руды. Все ее запасы в рамках СЭВ находятся в руках Советского Союза. СССР к тому же закупил «на корню» всю урановую руду Чехословакии. Как известно, мировые запасы урановой руды рассчитаны на 40—60 лет. Нигде, правда, еще не объявлено, какие «урановые перспективы» имеются у стран СЭВ и не окажется ли, что через 10 лет будет чувствоваться нехватка этого «топлива».

Поэтому хочется верить, что, пока не поздно, мы откажемся от напрасной траты миллиардов золотых, которые так нужны польскому народному хозяйству».

Автор. Читателю будет, вероятно, интересно узнать, что в США регулярно ведется работа по оценке экологических проблем Восточной Европы.

Масштабы экологических проблем в странах Восточной Европы, возникновение в социалистических странах активно действующих экологических групп, масштабы влияния этих организаций на формирование внутривластной повестки дня — эти и другие вопросы привлекают внимание как политических деятелей США, так и неправительственных исследовательских организаций. Особое внимание к этим проблемам начали проявлять после аварии на Чернобыльской АЭС. О том, что интерес к этой проблеме сохраняется, свидетельствуют, в частности, слушания, проведенные во вторую годовщину аварии на Чернобыльской АЭС в комиссии по безопасности и сотрудничеству в Европе, которая действует при конгрессе США.

И правительственные эксперты, выступавшие на слушаниях, и сотрудники неправительственных исследовательских организаций сходятся в том, что проблема загрязнения окружающей среды в странах Восточной Европы стоит чрезвычайно остро. «Экологическая деградация достигла таких масштабов, что ее уже не удастся скрывать от общественности», — заявила на заседании комиссии по безопасности и сотрудничеству в Европе профессор политических наук Нью-Йоркского университета Барбара Джанкар. Особенно катастрофическое положение, по ее словам, сложилось в Польше, в районе угледобычи под Краковом («ситуацию там можно сравнить только с тем, что происходит в Донбассе», — утверждала она), а также в Чехословакии.

Не менее мрачную оценку состояния окружающей среды в странах Восточной Европы дает и сотрудник исследовательской организации «Уорлдвотч институт» Хилари Френч. По оценкам автора, особенно тревожная ситуация сложилась в бассейне Вислы. Эта река несет в Балтийское море ежегодно около 100 тыс. тонн азотосодержащих соединений, около 5 тыс. тонн фосфоросодержащих соединений, примерно 3 тонны высокотоксичного фенола, столько же свинцовых соединений, а также соединения кадмия, ртути и других тяжелых металлов. Одновременно с загрязнением рек происходит и загрязнение атмосферы, что, в свою очередь, приводит к выпадению «кислотных дождей» и гибели лесов. По оценкам Х. Френча, в НРБ уже пострадало 34% лесов, в ЧССР — 33, в ГДР — 28, в ВНР — 25, в ПНР — 15 и в СФРЮ — 5%.

Оценивая меры, которые принимаются в странах Восточной Европы по борьбе с последствиями загрязнения окружающей среды, неправительственные эксперты в один голос называют их «недостаточными». «В странах Запада, — пишет,

например, Х. Френч, — проблема защиты окружающей среды стояла на повестке дня в течение последних двух десятилетий, в то время как в странах Восточной Европы она только начинает обретать очертания политической проблемы».

Сотрудник программы восточноевропейских исследований Уилсоновского центра в Вашингтоне Джон Лампе считает, что в странах Восточной Европы «не наблюдается желаний и готовности» всерьез заняться проблемами защиты окружающей среды от загрязнения. В качестве примера он ссылается на то, что, хотя в ряде восточноевропейских стран созданы специальные министерства по защите окружающей среды, там слабо применяются на практике правила в отношении защиты окружающей среды. В качестве примера он ссылается на ПНР, где, по его словам, существуют «наиболее детальные и жесткие» правила в этой области, но эти правила «чаще всего и нарушаются». Лампе пытается свести проблему загрязнения окружающей среды к просчетам «центральных планирующих органов». Крупные государственные предприятия, по его словам, свободно пользуются правительственными субсидиями для покрытия любых штрафов, не опасаясь при этом сокращения прибылей.

В свою очередь Х Френч в качестве «самого серьезного препятствия, мешающего улучшить экологическую обстановку в странах с централизованно планируемой экономикой» называет «неэффективность, которая в определенной степени является характерной чертой системы». Отсутствие свободного рынка приводит к тому, пишет он, что цены не служат стимулом для сокращения расходов на энергию, воду и удобрения. В результате расход ресурсов на единицу ВНП значительно выше, чем в странах Запада. Он приводит данные о расходе энергии (в мегаджоулях) на доллар произведенного ВНП. Во Франции и Швеции этот показатель составляет 8,6, в Японии — 9,7, в США — 19,3, в то время как в СССР этот показатель составляет 32,3, в СФРЮ — 21,5, в ПНР — 26,9, в ГДР — 29,0, в ЧССР — 30,1, в СРР — 37,6, в КНР — 40,9 и в ВНР — 49,5. По мнению автора, именно энергетическая неэффективность приводит к возникновению целого ряда экологических проблем в странах Восточной Европы. Начавшийся процесс перестройки, продолжает он, «дает некоторую надежду на повышение энергетической эффективности», однако задача эта чрезвычайно сложна, и в долгосрочной перспективе наращивание объемов промышленного производства может привести к возникновению новых экологических проблем.

Какими же видятся пути решения экологических проблем стран Восточной Европы? Одна из возможностей — сокращение потребления бурого угля, что привело бы к значительному сокращению вредных выбросов в атмосферу. Однако в связи с этим возникает вопрос о переходе на другие источники энергии, например более широкое использование атомной энергии. Но после аварии на Чернобыльской АЭС — и это подчеркивают все без исключения американские эксперты — в странах Восточной Европы существует весьма настороженное отношение к атомной энергетике. По мнению Х. Френча, реальным решением проблемы было бы повышение энергетической эффективности производства, широкое использование ресурсосберегающих технологий. «Ключом к повышению энергетической эффективности вполне может стать восточноевропейская версия перестройки, — считает он. — В результате экономических реформ промышленные предприятия могут получить больше стимулов к тому, чтобы сократить нео-

правданные расходы энергии и других видов сырья. В долгосрочном плане все это может привести к экономическому оживлению в регионе, что, в свою очередь, приведет к повышению достатка населения и даст возможность вкладывать средства в создание более эффективных производств».

Одним из путей решения экологических проблем в восточноевропейских странах Х. Френч считает сотрудничество между Востоком и Западом. В качестве одного из заметных достижений он ссылается на Женевскую конвенцию 1979 г. о загрязнении воздушной среды за пределами национальных территорий, а также принятый в 1985 г. в Хельсинки протокол к этой конвенции, согласно которому страны-участницы должны к 1993 г. сократить на 30% выбросы двуокиси серы в атмосферу. По его мнению, некоторым восточноевропейским странам, возможно, не удастся выполнить эту задачу из-за недостатка финансовых и технических средств. В этой связи он подчеркивает, что оказание «экологической помощи» странам Восточной Европы отвечает интересам Запада, поскольку «гораздо дешевле заниматься источником загрязнения, чем его последствиями, после того как промышленные отходы распространились за пределы национальной территории». Расходы на ликвидацию уже нанесенного окружающей среде ущерба, отмечает он, будут весьма высоки, однако они «бледнеют по сравнению с теми расходами, которые потребуются в том случае, если правительства не предпримут мер».

Рецензент. Год за годом падала у нас эффективность производства и его качество. Оказалось, что даже товары, производимые по лицензиям, которые должны были способствовать выплате Польшей долга, не принимались западным рынком. Во-первых, по причине устаревших моделей (автомашины, телевизоры, радиоэлектроника), а во-вторых, из-за плохого качества. Великобритания, к примеру, возвращала до 90% автомобилей «Полонез», закупаемых для тамошних таксистов. Польские судоверфы не справлялись с заказами на экспорт, из-за чего страна вынуждена была платить многомиллионные договорные неустойки. А среди «специалистов» по экономике так распространилась мода на лицензии, что для производства игрушек приобретены были на валюту... опилки. И это в то время, когда польская деревообделочная промышленность не знала, куда девать собственные отходы.

Виновные в таком состоянии дел, как правило, не несли никакой ответственности, если не считать частых перемещений по горизонтали — в другую сферу, на другое предприятие, в другое учреждение, но тоже обязательно на руководящую должность. И решающим фактором при решении кадровых вопросов был вовсе не уровень квалификации, а традиции игры партийных органов в «номенклатуру», не имеющую ничего общего с действительными принципами партийной работы.

Автор. До боли знакомая картина.

Рецензент. При которой паралич деловой и политической активности властей приводит ко всякого рода кризисам.

Автор. В советских общественных науках установилась традиция начинать анализ с положительных моментов. Зачем нам нарушать эту традицию?

В Варшаве в любое время года — изобилие овощей и фруктов. Купить можно свободно и без очередей все, от ананасов до гречки, любые виды свежей и консервированной продукции. Цены варьируются: в январе 1989 г. весьма приличные яблоки стоили в пересчете со злотых по официальному курсу полтора рубля,

а средиземноморские сладчайшие мандарины... 40 рублей. Подобного рода деликатесные импортные продукты (включая западные сигареты, напитки, консервы, сладости, гигиенические товары), а также самые разнообразные промышленные товары широкого потребления из капиталистических стран (нам такой выбор и не снился) продаются лишь на некоторых рынках и в особо шикарных магазинах. В обычных, периферийных торговых точках овощи-фрукты всегда в достаточном ассортименте, радуют глаз качеством и доступной ценой.

В 1989 г. карточки на продукты отменили. Цены на мясные изделия такие же, как в московских кооперативных магазинах. Лишь в промтоварной госсети ПНР царит запустение. 10 лет назад советский турист в польских универмагах пришелкивал языком от восторга. В польском захолустье, как и в столице, можно было купить все что душе угодно. Нынче то же самое можно приобрести в частных магазинчиках, на вещевых рынках и в валютных магазинах. Цены... соответствующие, бешеные.

Зарплата, конечно, тоже выросла. В пересчете на рубли по официальному туристскому курсу средний заработок поляка в два с половиной раза выше нашего. Ну а цены галопируют, повышаясь чуть ли не на полпроцента в день. Курс доллара на черном рынке в 1987 г. равнялся 1000 злотых, в ноябре 1988 г. — 2600 злотых, а в феврале 1989 г. один доллар стоил 3500 злотых.

Рецензент. Я так понимаю, что вы уже перешли на изложение плохих новостей.

Автор. Да нет, почему же. Даже в Москве мы постоянно покупаем польские овощи и фрукты, наряду с болгарскими. С той разницей, что НРБ экспортирует то, в чем и сама испытывает нехватку, а в ПНР вот уже лет 20 спрос на овощи-фрукты ниже (!) предложения. И это при том, что у вас треть сельхозпродукции уходит в отходы, портится на пути к потребителю. Так что резервы в сельском хозяйстве ПНР имеются.

Ведь сельхозпродукцию, особенно тепличную (овощи, грибы, цветы), выгодно экспортировать, несмотря на крупные расходы на уголь для обогрева. Многие хозяйства в ПНР доказали, что на международном цветочном рынке можно получить валюты втрое больше, чем за экспортные поставки угля, писала наша газета «Правда» (9.10 1988).

Рецензент. Я внимательно слежу за польской тематикой в советской прессе и с удовлетворением отмечаю материалы собкоров «Комсомолки», спецкора М. Казакова в «Известиях» и в «Социалистической индустрии», репортажи газет «Сельская жизнь» и «Труд», статьи журналов «Вопросы экономики» и «Новое время» об экономической реформе в Польше.

Автор. Нам есть чему учиться у польских крестьян, строителей, шахтеров, лесников, менеджеров, реставраторов, музыкантов, художников. Вся сфера обслуживания у поляков более развита, чем у нас, в том числе бытовое и промышленное использование электроники, полиграфии, аудиовизуальной техники, всех средств связи.

Помню, как поразили меня в 1978 г. возможности телефонной связи в Варшаве — из любого уличного телефона-автомата можно звонить по городу, по стране (сотни городов и поселков) и... по всему миру (многие десятки стран и сотни зарубежных городов).

В ПНР с середины 70-х годов собирают персональные компьютеры. В 1988 г. польскую модель ИБМ-ПК, самую дешевую в социалистических странах, собирали на сотнях частных, кооперативных и государственных фирм в стране — с ис-

пользованием комплектующих деталей из азиатских стран. Польская таможня уже много лет как разрешает беспощинный ввоз в ПНР любому лицу и в любом количестве компьютерной техники и ее составляющих.

У поляков имеется более богатая, чем в СССР, палитра периодических изданий, многие из которых и в 70-х годах отказывались от суконно-казенного жаргона и общались с читателем на нормальном языке общечеловеческих ценностей и христианских критериев оценки окружающей действительности. А попросту говоря, врали гораздо меньше, чем это было принято в центральной партийной печати.

Да и польская общественная жизнь, во всех проявлениях ее политической и социальной активности, имеет демократические основы, укоренившиеся более прочно, чем у нас. Достижения в области материальной и духовной культуры сделали поляков цивилизованной нацией такого уровня, до которого большинству советских социалистических республик предстоит пройти еще немалый путь.

Сталинизм свирепствовал в Польше не так долго и не в таких масштабах, как у нас. Соответственно и его историческое наследие было легче преодолимым. Не случайно, что основной пакет демократических реформ в политике и экономике ПНР был принят чуть раньше, чем в СССР. Только в одной сфере безусловный польский приоритет не радует граждан ПНР — по части абсолютных размеров государственного валютного долга Западу Польша уверенно лидирует на Европейском континенте. Правда, в пересчете количества долгов на душу населения венгры обогнали поляков — но это слабое утешение.

Кредитная блокада

Рецензент. О состоянии и причинах польской задолженности было сказано в вашей книге немало — теперь мы должны обновить эти сведения.

Автор. Вся информация на тему валютного долга ПНР полна истинного драматизма. И с каждым годом ситуация обостряется. Чтобы лучше понять день сегодняшний и ближайшее будущее, предлагаю начать с обзора недалекого прошлого.

17 февраля 1988 г. на очередной пресс-конференции представитель правительства Е. Урбан сделал сообщение о состоянии и причинах польской внешней задолженности западным странам.

«В последние годы состояние задолженности существенно ухудшилось. В 1985 г. сумма долга в долларах увеличилась до 29,3 млрд, в 1986 г. — до 33,5 млрд и в 1987 г. — до 39,2 млрд. Главная причина такого роста — падение курса доллара. В последние три года задолженность, исчисляемая в долларах США, возросла в результате девальвации этой валюты на 9,9 млрд, а в результате неполной выплаты процентов — лишь на 2,5 млрд.

Совершенно иначе выглядит дело, если изменения в сумме задолженности исчислить в марках ФРГ. На конец 1986 г. долг Польши составил 66 млрд марок, а на конец ноября 1987 г. — 63 млрд, то есть уменьшился на 5%.

Сумма кредитов, предоставленных Польше в 1971—1987 гг., равнялась 47,5 млрд долларов. В то же время сумма выплат основной суммы и процентов за этот период составила 50,6 млрд долларов. Иными словами, Польша выплатила на 3,1 млрд больше, чем получила.

В период 1982—1987 гг. приток кредитов Польше составил лишь 3,1 млрд долларов, а выплаты достигли 11,1 млрд, то есть в этот необычайно трудный период было выплачено на 8 млрд долларов больше, чем получено кредитов. Естественно, что это не могло не оказать влияния на импортные возможности (импорт с Запада сократился на 40%) и, следовательно, на объем производства, темпы инфляции и выполнение заданий первого этапа экономической реформы. Если бы не помощь Советского Союза, последствия были бы еще более худшими.

Рецензент. Мы уже говорили с вами о том, что западная пропаганда совершенно изменила тон трактовки польских событий. Такие поучения и жесткие формулировки отдают прямо-таки духом «холодной войны». Хотя таковая, по словам М. Тэтчер, закончилась с наступлением эпохи Горбачева. Вероятно, началась, точнее, продолжается мировая экономическая война. В отличие от 70-х годов в прессе Запада возобладал циничный, достаточно откровенный стиль.

Вот слова газеты «Таймс» (1.07.1988):

«В то время как завершился четырехдневный визит заместителя премьер-министра Польши Здзислава Садовского в Лондон, стало ясно, что в результате кризиса Польши с долгами Англия и США оказались в выгодном положении, для того чтобы убедить ее правительство ускорить экономические и демократические реформы.

Если Польша не добьется согласия своих международных кредиторов на приостановление ею платежей по внешнему долгу в размере 39 млрд долларов (21,6 млрд ф. ст.) примерно на 5 лет, то ее планы нормализации положения в экономике обречены на провал. Садовский разъяснил это на переговорах в Лондоне, и это также признают эксперты Уайтхолла и Вашингтона. Однако как США, так и Англия заявляют, что не дадут согласия на это, если Варшава не свяжет себя более серьезными обязательствами в отношении реформ.

В конгрессе США существует активное сопротивление финансированию программ МВФ или Всемирного банка по оказанию помощи Польше. Садовский разъяснил, что надеется на поддержку Англии, которая позволила бы смягчить эти возражения.

В своем выступлении в Королевском институте международных отношений он выразил серьезные претензии по поводу нежелания Запада помогать Польше.

«Если нам окажут некоторое содействие, тогда программа реформ будет осуществляться весьма радикально; если нет, то она обречена на более медленные темпы», — сказал Садовский. Английские деятели восприняли это как попытку поставить телегу впереди лошади.

Заместитель премьер-министра Польши явно проявил осведомленность о том, что главная проблема — это репутация польского правительства на Западе. Однако, хотя он заявляет, что сейчас осуществляются перемены, Уайтхолл и Вашингтон по-прежнему не имеют полной уверенности относительно намерений правительства генерала Войцеха Ярузельского.

Тэтчер должна посетить Польшу в октябре, и Варшава надеется, что она поможет улучшить репутацию страны на Западе. Влияние Тэтчер на формировании представления о советском руководителе Михаиле Горбачеве в Англии и Америке произвело большое впечатление в Варшаве. Однако Тэтчер не будет с такой же легкостью заниматься тем же ради Польши, и отчасти целью приглашения английским правительством Садовского в Лондон было показать, каких именно перемен она пожелает, прежде чем согласится оказать помощь.

Сотрудники английского правительства сообщили, что только проценты по долгам Польши составляют от 2 млрд долларов (1,14 млрд ф. ст.) до 3 млрд долларов в год и состояние экономики этой страны позволяет выплачивать не более чем по 1,5 млрд долларов. Парижский клуб в составе правительств-кредиторов дал согласие на временное приостановление платежей по долгу на период с 1981 г. Однако эта договоренность рассчитана всего на один год, а Варшава добивается значительно более длительного перерыва».

Автор. А каких реформ в Польше добиваются западные кредиторы? На этот вопрос мы уже давали ответ в предыдущих частях нашего «Диалога». Ниже предлагается еще один вариант рецепта социальной политики для ПНР, но уже в изложении американского журнала деловых кругов «Бизнес уик» (8.08.1988):

«На Маршалковской, основной улице польской столицы, продавцы цветочных киосков наполняют унылый деловой центр розами и гвоздиками. Создается впечатление, что тележек, с которых продаются запеканки, больше, чем в Ман-хэттене. В переулках гнездятся частные магазины, где продается все — от обуви и овощей до деталей автомашин и компьютерных систем.

Возможно, в этой другой Варшаве — ответ на то, будут ли когда-либо экономические реформы эффективны в Польше. Для руководителя Польши генерала Войцеха Ярузельского она также может дать выход из политического тупика с профсоюзом «Солидарность», сделавшего Польшу наиболее взрывоопасным государством Восточной Европы. С тех пор как в 1981 г. Ярузельский ввел военное положение, он неоднократно пытался и не смог получить поддержку «Солидарности» реформ в польской экономике, оказавшейся в трудном положении. Решение этого конфликта чрезвычайно важно, чтобы получить достаточную поддержку народа и привести в действие его экономические реформы.

Оно также может иметь ключевое значение для советского руководителя Михаила Горбачева. Если реформы в Польше потерпят крах — или, хуже того, страна будет втянута в политический хаос, — кампания Горбачева по возрождению Советского Союза, возможно, будет торпедирована. Во время своего визита в Польшу в середине июля Горбачев решительно поддержал попытки Ярузельского провести реформу. Обладая сравнительно свободной печатью и бурной политической деятельностью, Польша находится «там, где Советский Союз будет лишь через пять — десять лет», считает подполковник В. Горницкий, высокопоставленный советник Ярузельского. Однако в случае начала забастовок, как это было в мае этого года на металлургическом заводе в Новой Гуте и на верфях Гданьска, противники Горбачева сразу же будут знать, что им делать. Более серьезный взрыв может даже повредить существующей в настоящее время разрядке в отношениях между Востоком и Западом.

Все это поставлено на карту, и Ярузельский пробует новый подход к реформе, обращаясь за помощью к частным предпринимателям. После того как в течение ряда лет он лишь терпел частные мастерские, теперь он высказывает предложения, направленные на расширение размеров мастерских, сокращение бюрократических препон и увеличение привлекательности совместных предприятий для иностранных вкладчиков. Растут признаки того, что правительство вскоре, возможно, официально признает новую национальную ассоциацию предпринимателей. Это будет важный шаг к предоставлению полякам более широкой платформы, с помощью которой они станут высказывать свои политические взгляды правительству, чему сопротивлялся Ярузельский с тех пор, как он запретил «Солидарность».

Если эти меры будут приняты в сентябре польским парламентом, они смогут дать толчок польскому предпринимательству. Уже сейчас частный сектор в Польше находится на подъеме. В приблизительно 630 тыс. частных фирмах по всей стране работают свыше 1,5 млн поляков. Это лишь 8,6% рабочей силы, однако полагают, что в год будут создаваться 60 тыс. частных фирм, считает Александр Пашинский, консультант, возглавляющий кампанию за создание организации предпринимателей. По оценке правительственных служащих, 40% выпускников Варшавского политехнического института начинают свое собственное дело.

Все чаще и чаще частные фирмы оказываются единственными энергично действующими предприятиями экономики, отягощенной государственными «белыми слонами», 60-процентной инфляцией и внешним долгом в размере 40 млрд Долларов. Два года назад частный сектор давал 20% производства Польши, и, основном в сельском хозяйстве. В этом году, по мнению западных наблюдателей, этот показатель превысит 30% и более половины продукции дадут несельскохозяйственные отрасли. Это, безусловно, наиболее динамичный сектор Польши.

Безусловно, частным фирмам потребуется время, чтобы облегчить экономические проблемы Польши. После десятилетий субсидий и искаженного ценообразования польская экономика чрезвычайно невосприимчива к попыткам улучшить ее. В прошлом году правительство явно претерпело поражение во время референдума о ценах на основные продукты питания и потребительские товары. В отсутствие широкого согласия общественности с мерами жесткой экономики реформы Ярузельского будут продолжать пробуксовывать. Не менее важно и то, что США, по-видимому, не поддержат новую программу пересмотра сроков выплаты долга Международному валютному фонду. Между тем западные кредиторы будут продолжать испытывать сомнения относительно способности режима сбалансировать польскую экономику.

Картина мрачная, и западные наблюдатели считают, что «Ярузельскому остается лишь поощрять частное предпринимательство». «Лучший шанс — создать очаги успеха и надеяться, что их пример вдохновит всю страну, — сказал Жан Вану, директор отдела исследований фирмы «Планекон», специализирующейся на вопросах экономики социалистических стран — Это могут сделать именно эти предприниматели».

В соответствии с новым законом Ярузельского о предприятии частные фирмы смогут нанимать по меньшей мере 50 работников, в то время как в настоящее время они нанимают десятерых. Чтобы расширить поставки потребительских товаров, правительство ликвидирует практически все пошлины на импорт западных товаров. Оно планирует перетряхнуть бюрократическую структуру, что облегчит частным предприятиям закупку материалов, в настоящее время направляемых государственным компаниям. Новый закон о совместных предприятиях позволит иностранцам владеть до 100% акций предприятий, что изменит существующие правила, в соответствии с которыми любое совместное предприятие должно возглавляться поляком.

Ярузельский не сможет провести реформы ценообразования и промышленности, которой они столь нужны, до тех пор, пока он не покончит с политическим тупиком с профсоюзом «Солидарность». Администрация Рейгана оказывает на него давление, чтобы заставить его публично сблизить позиции с лидером «Солидарности» Лехом Валенсой. Однако Ярузельский пришел к власти, запретив профсоюз, и он отказывается делить власть с оппозиционными группировками.

Валенса согласен на компромисс. Он перестал настаивать, чтобы правительство вновь разрешило «Солидарности» действовать в качестве профсоюза. Однако в обмен на поддержку любой попытки реформ он хочет получить гарантии, что правительство не обманет предпринимателей. «Если кто-то хочет открыть дело, у него должны быть гарантии, что дело у него не отнимут, — заявил Валенса. — Без этого все, что правительство нам дает, будет лишь подарком вроде подарка детям».

Ранее правительство сопротивлялось подобному давлению. Однако на этот раз давление экономики будет достаточно сильным, чтобы впервые за несколько лет расширить политический диалог. Если это произойдет, этот шаг станет ключом к ускоренному развитию класса предпринимателей в стране и к проведению более широких реформ».

Рецензент. Американцы и западноевропейцы желают иметь право голоса в решении большинства внутренних проблем социалистических стран Европы. Эта цель варьируется во множестве выступлений органов западной прессы, хор которых набирает силу по мере роста экономического кризиса социализма. Вот еще пример «ихних» стремлений, планов в отношении нас. Газета «Нью-Йорк таймс» (25.05.1988) поместила следующую заметку Джона Таглиэйбью:

«Варшава. Коммунистическое руководство Польши отвергло обсуждаемые на Западе планы. Как оно заявило, Польше было предложено осуществить радикальные изменения в ее политической системе в обмен на предоставление значительной финансовой помощи.

Оно подчеркнуло, что целью этих планов было поставить Польшу в условия «новой зависимости, замаскированной под новый «план Маршалла»».

Ежедневная газета «Трибуна люду», орган ЦК ПОРП, в одной из статей, опубликованной в конце недели, писала: «Мы не намерены предавать наиболее жизненно важные интересы Польши, и у нас никогда не будет такого намерения».

Эта статья явно была реакцией на недавнюю официальную дискуссию в ряде стран, включая США, по программе финансовой помощи Польше в обмен на политическую и экономическую либерализацию в этой стране.

Судя по всему, она также отражает растущую обеспокоенность, особенно после 15-дневных забастовок в Польше в этом месяце, что финансовые трудности страны, возможно, позволят Западу увеличить свое влияние на ход событий в ней.

Идея разработки программы помощи возникла в США и распространилась в Западной Европе. Как сообщили дипломаты и другие должностные лица в Варшаве, предложения облекались в различную форму.

Одно из них предусматривало ограниченную финансовую помощь Польше, испытывающей трудности с выплатой внешнего долга в размере 37 млрд долларов, в обмен на политические перемены. Другое предложение предусматривало предоставление экономической помощи всем странам Европы (аналогичное по масштабам послевоенному «плану Маршалла»), переговоры по условиям которого велись бы преимущественно с Москвой, в обмен на многочисленные уступки в политической и экономической областях.

«Цель остается такой же, как всегда, — писала газета, — изменить расстановку сил в Европе».

«Трибуна люду» выразила мнение, что подобные планы основаны на «ошибочных выводах, которые делаются на основе структурных преобразований, происходящих в социалистических государствах».

В 1947 г. Советский Союз вынудил Польшу и Чехословакию отвергнуть финансовую помощь США в рамках «плана Маршалла», послевоенной программы, разработанной Джорджем Маршаллом, в то время государственным секретарем, предусматривавшей предоставление различным странам Европы помощи в размере 12 млрд долларов. В последние месяцы в Польше возобновилось публичное обсуждение вопроса о благоразумности решения отказаться от этой помощи, однако в результате официальных дискуссий всегда делался вывод, что оно было правильным.

В ходе дискуссии, передававшейся по телевидению в странах Западной Европы, итальянский финансист Карло ди Бенедетти, один из наиболее влиятельных лидеров деловой общины Европы, выступал за оказание помощи Польше в той или иной форме. Бывший президент Франции Валери Жискар д'Эстэн также одобрил эту идею».

Меня просто трясает начинает, когда я читаю западную прессу. Американцы с 1982 г. идут напролом в «польском вопросе», считая, что прямая линия — это кратчайший путь к цели. Отброшены всякие приличия, принятые в международном сообществе. И самое неприятное, что пишут столь нелюбимые нами борзописцы святую истину, да, большой бизнес — это большой базар, где с должника сдерут тридцать три шкуры и уж потом отправят его в суд для принятия дальнейших жестких мер.

Наша с вами задача — показать читателю, как Запад влияет на ход польского кризиса, не так ли? Вот и дадим возможность нашей публике прочесть, как еще сравнительно недавно руководство газеты «Нью-Йорк таймс» (25.12.1984) считало целесообразным трактовать польские проблемы:

«Предстоящее членство Польши в Международном валютном фонде (МВФ), вероятно, имеет лишь один минус: речь идет о придании ореола законности режиму Ярузельского. Но Вашингтон должен найти утешение в осознании того, что экономисты отныне могут заняться активным подрывом влияния русских в Польше, а это нечто, чего не в состоянии сделать сами поляки.

Само профсоюзное объединение «Солидарность» настоятельно требовало членства Польши в МВФ, с тем чтобы проницательные экономисты, направленные из штаб-квартиры этой международной финансовой организации в Вашингтоне, разоблачили секретные сделки между Варшавой и Москвой. Членство Польши в МВФ даст также два других важных преимущества.

Во-первых, экономисты из фонда покажут режиму Ярузельского, каким образом можно добиться реальных реформ вместо практикуемого сейчас их фарсового варианта польского типа.

Во-вторых, МВФ требует, чтобы его члены добивались превращения своих валют в обратимое, и уже одно это поможет вывести польскую экономику с советской орбиты и переориентировать ее на Запад. И наконец, Польша должна будет рассчитаться по своему составляющему 35 млрд долларов долгу, а это не может не помочь нормализации ее отношений с кредиторами.

Польские экономисты должны были бы начать играть новую роль в политике уже давно, после введения военного положения в декабре 1981 г., когда генерал Войцех Ярузельский решил скопировать венгерскую экономическую модель. Беда в том, что венгерский урок он усвоил совсем в обратном смысле. Если венгерский руководитель Янош Кадар — реформатор, выдающий себя за сторонника строгой дисциплины, то генерал Ярузельский — диктатор, выдающий себя за реформатора.

Генерал Ярузельский последовал примеру венгров в том смысле, что он ограничил сферу деятельности комиссии планирования при Совете Министров составлением экономических прогнозов, вместо того чтобы поручить этой организации руководство экономикой. Но предприятиям еще предоставляют фонды сырьевых материалов так, что им не приходится покупать их на открытом рынке, а в результате контроль по-прежнему остается централизованным.

Польша так же, как предполагали, прекратит субсидирование промышленности, заменив правительственные подачки займами, которые промышленным предприятиям придется погашать. Однако этого явно не удалось добиться на практике, поскольку ни одно из польских промышленных предприятий не объявило себя банкротом, как это наверняка произошло бы, если было бы покончено с практикой субсидирования.

В рамках кампании реформ созданная на высоком уровне социальная комиссия зашла настолько далеко, что обрушилась с критикой на всю «чиновничью и технократическую элиту», но генерал Ярузельский пресек это.

Генерал Ярузельский либо обманывает самого себя, либо пытается обмануть страну. Он не обманет Международный валютный фонд, знакомый с положением экономики в других восточноевропейских странах, являющихся его членами, — Югославии, Румынии и Венгрии. Сейчас фонд может заставить Польшу осуществить реформы.

В конце концов экономические выгоды будут иметь и политические последствия, как это произошло в Венгрии. Упразднение централизованного контроля ослабляет мертвую хватку, которой коммунистическая партия жала экономику. Эффективность приходит на смену лояльности, и рабочие, администраторы, а также крестьяне очень быстро начинают разбираться в политической стороне новых экономических интересов. Со временем они объединяются для проведения негласных кампаний, что ведет к постепенной передаче политической власти.

Если МВФ превратился некогда в демаркационную линию между Востоком и Западом, то сейчас Польша начинает переход из одного лагеря в другой. Новая, еще более значительная переориентация с Востока на Запад — вот что в конечном итоге может стать результатом экономической помощи, которую членство в МВФ в состоянии обеспечить стране, наподобие Польши, готовой и желающей стать иной, но лишенной возможности сделать это самостоятельно».

Автор. Ну вот, приняли Польшу в МВФ. И что изменилось? Да ничего. У меня на столе лежит заметка из варшавского журнала «Патриотическое общество Грюнвальд» (24.12.1988). В ней, в частности, говорится:

«Польша вступила в МВФ, рассчитывая на новые кредиты, причем она должна была заплатить несколько сот миллионов долларов в счет вступительного взноса. Международные банки поставили тогда условия, о которых польская печать не упоминает, однако их вовсе не скрывают западные средства массовой информации. В частности, в МВФ решили, что в ПНР слишком высок жизненный уровень, и потребовали его снизить, главным образом путем отмены дотаций на товары первой необходимости, что равнозначно повышению цен. Именно повышение цен создало в Польше опасную социально-экономическую ситуацию. В то же время оказалось, что объем возможных кредитов по западным источникам не превышает суммы взноса Польши в МВФ.

В 1970 г. ПНР практически не имела долгов. После 1971 г. внешняя задолженность возросла до 8,4 млрд долларов, в 1981 г. составила 25,5 млрд, а под конец 1987 г. равнялась 39,2 млрд. Параллельно росла процентная ставка польского долга. В 1971—1975 гг. она составляла 5—6%, в 1976—1979 гг. — 8—10, в 1980—1981 гг. — 15—20%, причем банки США в 1980 г. подняли ее до 21,5%. Таким образом, в 1971—1987 гг. западные банки дали ПНР в долг 47,5 млрд долларов, а ПНР выплатила им за тот же период 50,6 млрд долларов в счет погашения задолженности, и при этом ее внешний долг остался равен 39,2 млрд долларов.

Эти цифры дают представление о грубой эксплуатации Польши со стороны международного капитала. В последнее время ПНР уже не в состоянии даже выплачивать проценты. Хотя страна не получает новых кредитов, ее долг постоянно растет в результате начисления ростовщических процентов.

На так называемом «мировом рынке долгов» 1 доллар польской внешней задолженности можно приобрести за 40—42%. Однако Польша этим не пользуется, чтобы самой выкупить свой внешний долг. А западногерманские банки пользуются конъюнктурой и выкупают польские долги. По неофициальным данным, в 1988 г. 27% польских долгов в конвертируемой валюте было в руках банков ФРГ, а 1,3% — у связанных с ними австрийских банков. В этом контексте уместно напомнить, что летом 1980 г. П. Мартин на страницах «Вельт ам зонтаг» писал о том, что Польше в перспективе грозит банкротство и тогда ФРГ заберет ее западные и северные земли в счет погашения долгов. П. Мартин призывал как можно больше предоставлять Польше гарантированных кредитов, заявляя: «При дальнейшей эволюции польской экономики самое позднее в течение 30 лет мы полностью и вполне легально выкупили бы Поморье, Силезию, а также часть Восточной Пруссии».

«Газета краковска» (4.01.1988) опубликовала интервью с Б. Ясинским, директором Центра по изучению задолженности и развития при Ягеллонском университете, в котором раскрывается механизм западных санкций, действующих даже тогда, когда официально они вроде бы уже отменены.

«Мы являемся страной средней величины и со средним уровнем развития, — говорится в интервью. — Поэтому проблемы, которые решает Польша, не только ее личное дело. Самое главное для нас сейчас — восстановить нормальные отношения с Западом. Для многих стран мы пока еще не равноценный партнер. Обычно 90% международных торговых операций производится в форме разного рода кредитов и только 10% — наличными. У нас же со времени введения военного положения происходит все наоборот — только в 10% мы имеем возможность расплачиваться кредитами, а в 90% — наличными. Поэтому когда мы требуем действительной отмены санкций против нашей страны, то боремся не за специальные привилегии, а только за равноценность.

Для всех поляков социальным явлением стала проблема внешней задолженности. Этот вопрос является не только научным, но и общественным. Для его решения предлагаются два пути. Экономисты Международного валютного фонда считают, что правительство должно принимать меры, направленные на ограничение внутреннего спроса и сбалансирование платежного баланса. Это должно выражаться, прежде всего, в сокращении государственных средств на социальные и культурные нужды. По мнению экспертов МВФ, необходимо также ограничить и совершенствовать политику свободного движения капитала, до максимума увеличить экспорт».

Рецензент. Бывший председатель Польского национального банка В. Бака назвал политику давления западных кредиторов на ПНР «кредитной блокадой». Агентство ПАП (30.09.1988) передавало из Западного Берлина:

«Польша со всей решимостью выполняет и будет выполнять свои обязательства. Уплата задолженности не может происходить, однако, ценой долгосрочною развития и жизненного уровня», — сказал профессор Владислав Бака на 42-й ежегодной конференции Международного валютного фонда и Всемирного банка, проходящей в Западном Берлине. В. Бака является уполномоченным Всемирного банка для Польши. В среду ПНР была официально принята в одну из 24 групп государств, действующих в МВФ, что означает окончательное утверждение ее членских прав.

Член Политбюро, секретарь ЦК ПОРП Владислав Бака, выступая на пленарной сессии, сказал, что опыт более двух лет членства в МВФ и Всемирном банке является конструктивным и многообещающим, но одновременно порождает сомнения. Несмотря на два года интенсивного сотрудничества и согласия в вопросе о необходимости финансовой поддержки, мы еще не получили никаких кредитов со стороны фонда и Всемирного банка, подчеркнул В. Бака.

Мы натолкнулись на треугольник международных финансов: Парижский клуб, МВФ и Всемирный банк. В нем царит принцип, что должник должен прийти к соглашению со всеми учреждениями, прежде чем одно из них поможет ему в решении проблемы задолженности. Этот принцип затрудняет начало процесса освобождения от долга. Он также не отвечает целям, какие поставлены отдельным учреждениям. Самое важное, однако, то, что кредитная блокада в свете применения этого принципа объективно наносит удар по интересам кредиторов, затрудняет выполнение Польшей своих платежных обязательств, сказал В. Бака.

Несмотря на уплату нетто в 80-е годы 12 млрд долларов, задолженность Польши составляет в настоящее время 37 млрд при экспорте 8 млрд долларов. Задолженность растет, хотя ее обслуживание поглощает из года в год около 30% поступлений от экспорта в свободно конвертируемой валюте. Мы ведем переговоры с кредиторами по вопросу условий обслуживания долга. Эти переговоры являются трудными. После периода глубокого экономического кризиса в 1980—1982 гг. потребление на душу населения не вернулось к уровню 1980 г. Нет возможности дальнейшего ограничения импорта. Единственный путь — это рост экспорта и создание солидных основ полного обслуживания внешнего долга.

В настоящее время в Польше разрабатывается план консолидации народного хозяйства, заявил В. Бака. Одна из ведущих целей плана — это рост экспорта и улучшение платежного баланса. Мы хотим прийти к равновесию текущего оборота в 1991 г. Экспорт растет ныне в темпе около 22% в год. Сохранение этого темпа требует, однако, устранения барьеров, ограничивающих доступ к международным кредитам на проэкспортные инвестиции. Важен также доступ к финансовым кредитам, которые позволили бы скорейшую либерализацию импорта, и легчайший доступ к валютам для производства, а тем самым скорейший переход экономики на путь рыночного хозяйства.

В. Бака заявил, что Польша ожидает активной поддержки со стороны МВФ, Всемирного банка и своих финансовых партнеров. Без этой поддержки она не сможет достаточно быстро достичь поставленных целей. Это было бы во вред Польше и ее кредиторам, дальнейшему развитию отношений Восток — Запад, подчеркнул В. Бака».

Автор. Впоследствии В. Бака не раз повторял, что польскому руководству в решении проблемы задолженности следует категорически отказаться от любых вариантов, способных вызвать резкое падение уровня жизни общества.

В целом я уважаю финансистов, хотя разбираюсь в их предмете так же, как в теории относительности Эйнштейна, то есть никак. Именно поэтому нам стоит чаще знакомиться с их мнением. Когда командуют конкретным делом не идеоло-

ги, а экономисты, финансисты и менеджеры, когда на каждом хозяйственном или научном и прочем участке нет двоевластия в лице директора и партсекретаря, то есть хотя бы надежда на успех. А пока и в Польше, и в СССР сохраняется де-факто система, при которой сотрудник партийного комитета во все вмешивается, решает любые экономические, социальные и кадровые вопросы в курируемых им областях, будь то группа заводов, совхозов, министерств и т. д., и ни за что конкретно не отвечает. Уровень некомпетентности возрастает по мере приближения к верху управленческой партийной пирамиды. Узурпация партийной монополии на власть продолжалась десятилетиями, сейчас эта монополия нарушена — намного больше в ПНР, чем в СССР.

В благих намерениях, разумных заявлениях и иногда даже важных законах недостатка у нас нет. Только вот власти предрасположены, — у нас в стране это 18 млн управленцев — не привыкли прислушиваться к мнениям других, лозунги и обращения повисают в воздухе, и даже неплохие законы искажаются на любом уровне их практического применения. Поляки оказались впереди нас по части снятия бюрократических препонов, то есть ограничений на владение землей, кооперативную и частнопредпринимательскую деятельность, привлечение иностранного капитала, переток людей и товаров в обе стороны через государственную границу, выборы и референдумы, демонстрации и забастовки, работу прессы и социологических служб и т. д. А самое главное — поляки убеждены, что хотят больших свобод, и они их добьются.

Так вот, вернемся к польским финансистам — есть среди них очень яркие дарования. Журнал «Контрасты» (8.04.1988) опубликовал интервью заведующего кафедрой финансов Вроцлавской экономической академии профессора Юзефа Калеты под названием «Голос радикала», которое посвящено проблемам второго этапа экономической реформы в Польше. В нем, в частности, говорится:

«Считаю, что без коренных и решительных системных изменений реформа не имеет шансов на успех. Именно они должны помочь найти огромные резервы в нашем народном хозяйстве и способствовать улучшению жизненного уровня людей. Конечно, одним повышением цен проводить реформу нельзя. В послевоенной истории Польши попытки реформ обычно начинались с повышения цен. Разумеется, это важный элемент реформы, однако только им она не исчерпывается. Примером здесь может служить повышение цен в 1982 г. Минувшие шесть лет я считаю потерянными, потому что не удалось внедрить основные принципы реформы, а именно: не произведены реорганизация центральных органов и демонополизация народного хозяйства, не ликвидировано централизованное распределение, не удалось стабилизировать основные правила экономической игры, добиться реального валютного курса.

Если не проведем реформу, станем музеем-заповедником Европы. Будем обречены лишь на добычу и вывоз сырья, а ведь еще Менделеев говорил, что сжигание угля равносильно сжиганию банкнотов. Экспорт угля, меди и серы в сыром виде является унижением для европейской страны. Распространение катастрофических мнений, вроде: народ не согласится, общество не выдержит реформы — просто вредное, потому что наше общество реформу всегда отождествляло с повышением цен. Польша имеет огромный капитал, если говорить о людях и сырье. В стране полтора миллиона людей с высшим образованием, несколько миллионов — со средним. Польша является страной, богатой природными ископаемыми. Достаточно также земли: ее вдвое-втрое больше на душу населения, чем во многих западных странах.

Поэтому возникает законный вопрос: почему не удастся реализовать экономическую реформу? Трехлетний период реализации основных ее принципов был определен в 1981 г. на IX съезде ПОРП, но все осталось на своих местах. Я считаю, что рефор-

му тормозит бюрократически-догматический аппарат: люди, которые не умеют и не хотят проводить реформу. Так было после 1956, 1970, 1981 гг. Играем и дальше теми же картами.

Конечно, в трудный период следует воздержаться от некоторых инвестиций, строительства дорогостоящих объектов. Я согласен с предложениями Всемирного банка и Международного валютного фонда, что следует воздержаться пока от сооружения метро и атомной электростанции. Однако считаю, что нельзя прекратить возведение школ и больниц. Необходимо направить средства на развитие сельскохозяйственной и пищевой промышленности, строить новые гостиницы. Через несколько лет эти капиталовложения возвратятся. Но от реализации реформы нельзя отказываться. Другого выхода нет. Я в первую очередь думаю о политических и экономических реформах. Без политических реформ не может быть и речи об изменениях в системе функционирования экономики.

И надо начинать с изменений в избирательной системе. Те, кто у власти, должны считаться с фактом, что могут проиграть на выборах. Надо укреплять деятельность и функции сейма, народных советов, органов самоуправления. Сейм должен стоять над правительством, а не наоборот. Должны быть созданы возможности критиковать министров, которые тормозят реформу. Необходимо ликвидировать преимущество идеологии над экономикой, разграничить функции сейма, партии и правительства. Администрация должна нести ответственность за свою деятельность, но также иметь возможность самостоятельно принимать решения. Если всего этого не сделаем, то не будет и экономических реформ, что чревато общественным взрывом. Однако предпосылки для успешной реализации реформы имеются. Тем более что существуют благоприятные международные условия. Я имею в виду революционные перемены на Востоке — в Советском Союзе и Китае».

Интересны предложения и другой польской «звезды», авторитетнейшего ученого Я. Муйжеля, профессора Института экономики Польской академии наук, высказанные им в беседе с группой журналистов в декабре 1988 г.

Он считает, что в ближайшее время и прежде всего в индустриально развитой Силезии глубоких изменений в экономических структурах избежать не удастся.

Обоснования этого заключения следующие. Силезия — это «сгусток» металлургии, машиностроения, других являющих собой костяк польской экономики отраслей, возникших во время предыдущей промышленной революции в XIX в. На очереди следующая революция — научно-техническая, несущая с собой далеко идущие изменения в экономических структурах, технологии, людских квалификациях, во всей экономике.

По мнению профессора, через эту революцию вынуждены пройти все страны. Процесс этот трудный, неизмеримо болезненный. Для людей, для целых регионов. Что касается Польши, то дела с реформой экономических структур, отмечает Я. Муйжель, обстоят плохо: допущено огромное отставание, страна толком еще не начала такие преобразования, что обеспечивает временный комфорт отраслям, центрам, людям, все еще держащимся за технологию прошлого века. Уже сегодня экономика и общество платят высокую цену за такое отставание, причем этот факт уже многими осознается. Где же выход? Может, нужно отказаться, списать отрасли и промышленные центры, представляющие технологию преимущественно минувших времен? Нет, делать этого не следует, указывает профессор Я. Муйжель. Необходимо обратиться к зарубежному опыту, хотя, конечно, не все может быть перенесено на польскую почву, тем более в условия Силезии.

Ученый рекомендует обратить внимание прежде всего на опыт США, на то, как там были возрождены территории, именуемые «поясом ржавчины». Под таким названием скрываются огромные ареалы, считавшиеся многие годы сердцем американской промышленности, базой экономической мощи Соединенных Штатов. Это территории от Чикаго, Детройта и до побережья Атлантики, Питтсбурга и далее. Здесь концентрировалась промышленность предыдущей эпохи прежней индустри-

альной революции. Доминировали металлургия и связанное с ней тяжелое машиностроение. В 60—70-е годы, когда американская экономика попала под пресс разного рода факторов (международной конкуренции, особенно азиатской, равно как и западноевропейской, бразильской), процесс изменения экономических структур больше всего коснулся данного региона. Будущее, особенно для его жителей, выдось мрачным. Сокращение количества металлургических предприятий связывалось с массовой безработицей, многими потерями для людей, которые из поколения в поколение не мыслили своей судьбы без металлургии, хорошо оплачиваемой работы (за час — 15 долларов и больше). Здесь были самые сильные профсоюзы, концентрировалась рабочая аристократия. И черные времена действительно настали: в конце 70-х годов безработица охватила 13 и более процентов всех занятых. Однако в 1982—1983 гг. наступил небывалый перелом, начался многогранный процесс перехода на современную экономику. Во-первых, модернизировалась старая промышленность, используя возможности, предоставляемые современной технологией. Благодаря этому издержки выплавки стали снизиться на 30%, а производительность, напротив, повысилась на 38%. Занятость на 12 заводах снизилась в течение пяти лет с 75 до 20 тыс. человек. Одновременно начался рентабельный экспорт стали и изделий из нее.

Этот процесс сопровождался закрытием многих сталеплавильных заводов, печей, созданием как маленьких, так и больших комбинатов, использующих совершенно новую технологию.

Во-вторых, в ходе этих преобразований работы лишились тысячи металлургов, машиностроителей, которым пришлось сменить прежнюю квалификацию и, опираясь на собственную инициативу, предпринимательство, разного рода общественные фонды, приступить к созданию на месте старых частных либо кооперативных производств. И это дало результаты: только в штате Огайо в 1982—1987 гг. возникло 26 тыс. новых производств. Конечно, часть из них не уберглась от банкротства, но большинство выжило, более того — добилося импонирующих показателей роста. Словом, на старом месте были созданы новые структуры, многое изменившие, и прежде всего окружающую среду. Когда-то отговаривали ехать на жительство, например, в закопченный Питтсбург. Сегодня это чистый, современный город».

Рецензент. В цитированных вами выступлениях экономических светил я не вижу стремления предложить цельную программу реформ. И, что знаменательно, такой программы нет и у оппозиции.

В шестом номере за 1989 г. варшавского еженедельника «Тыгодник культуральны» опубликована беседа с научным сотрудником Института экономики Польской академии наук, членом гражданского комитета при Л. Валенсе Р. Бугае, озаглавленная «Между бунтом и одобрением».

На вопрос, располагает ли он реальной и эффективной программой оздоровления польской экономики, Р. Бугай отвечает отрицательно, добавляя при этом, что не знает никого, кому под силу разработать такую программу. При этом он ссылается на авторитет Л. Колаковского, утверждающего: если программы нет, то лишь потому, что она невозможна. Сначала, считает Р. Бугай, должны быть созданы определенные общественные условия, придающие смысл такой программе и усилиям по ее осуществлению. До сих пор же продолжаются одни лишь обещания.

Говоря о том, что он сможет предложить в случае принятия всех условий конструктивной оппозиции (имеются в виду новые партии и общества, независимые и самоуправляемые профсоюзы, четырехступенчатые выборы в соответствии с демократическими принципами), автор замечает, что в вопросах экономики ключевой проблемой является ответ общества на вопрос, на какие лишения согласно оно пойти во имя реформ?

Размышляя, что можно сделать для спасения польского злого, ученый говорит, что состояние денег отражает состояние экономики. Следовательно, оздоровления любой национальной валюты можно добиться только благодаря переменам в эконо-

мике. То, что предлагал в свое время В. Бака, будучи президентом Польского национального банка, имело смысл, однако увязло по целому ряду других причин.

Оценивая принятые недавно правительством М. Раковского законы, называемые «конституцией экономики», Р. Бугай считает их заметным шагом вперед, подчеркивая важность повышения роли частной инициативы, уравнивания в правах всех секторов. Однако, указывает он, успех реформы будет увязан со всем законодательным комплексом в этой области. Вот почему определенную тревогу вызывает та надежда, которую представители правительства с министром промышленности М. Вильчеком во главе связывают с этими двумя законами. Эти авансы необоснованны. Существующие материальные барьеры не позволят даже в течение ближайших 20 лет изменить огромный перевес государственного сектора. И это будет иметь решающее значение.

В такой же степени утопична надежда на внезапный прилив иностранного капитала. В международных списках безопасности инвестиций Польша сейчас находится на 85-м месте. За ней следуют лишь африканские или находящиеся в состоянии гражданской войны государства. Вряд ли стране удастся благодаря обнародованию упомянутых законов прыгнуть сразу на 30 мест вперед. Скорее следует рассчитывать всего на несколько пунктов продвижения.

Возможность оздоровления предприятий госсектора ученый видит в постепенном формировании элементов собственности так называемых квазигрупп, опирающихся на самоуправление. Эта стратегия, по его мнению, не оправдалась в Югославии по причине лишенного компетентности манипулирования, а не истинного самоуправления. Это усугублялось инфляцией. У самоуправляемого предприятия, бесспорно, есть уязвимые места, но существуют и определенные достоинства, которыми не располагают частные фирмы.

Проводя параллели между стоящими на грани банкротства предприятиями госсектора на Западе, которые подвергаются реприватизации, и аналогичным процессом в Польше, Р. Бугай не видит места подобной альтернативе. Он утверждает, что есть проекты тотальной реприватизации польской экономики, но даже самые горячие энтузиасты их осуществления неизбежно придут к выводу о необходимости существования госсектора в ПНР на протяжении еще нескольких десятков лет.

Рисуя собственную модель свободного рынка и конкуренции при едином владельце средствами производства в лице государства, ученый проводит аналогию с капиталистическими странами, где разные категории прав на собственность принадлежат разным субъектам. Государство облагает частные предприятия налогами, размер которых колеблется в зависимости от доходов и характера производства. Чем, по существу, оно занимается? Изъятием части чистого продукта или выполнением определенных полномочий собственности, разумеется, от имени всего общества, в соответствии с полученной во время выборов властью. Нетрудно вообразить, что и в Польше государство имеет подобные полномочия, только сильно урезанные. Эти ограничения объясняются устаревшей структурой национальной экономики, лобби тяжелой индустрии, бюрократической номенклатурой, международным разделением труда и другими факторами.

Главный путь выхода из тупика Р. Бугай видит в наращивании производства различных потребительских товаров и их экспорта. Говоря о характере налоговой практики и формировании госбюджета, он выделяет их перераспределительную функцию: забирая у одних, давать другим. После введения рыночного механизма снижение уровня налога не должно влиять на коллективное потребление. Во-вторых, считает ученый, есть такие категории потребления, о которых пропаганда охотно забывает, и их снижение ничуть не повредило бы населению. Имеется в виду военно-репрессивный сектор. При этом делается ссылка на крупную операцию, проведенную в октябре 1956 г., что дало длительную передышку экономике. В-третьих, существующий миф чрезмерной заботливости польского государства о человеке давно стал наивным, поскольку уровень жизни в стране намного отстает от европейских стандартов.

Но самое главное заключается в том, чтобы обеспечить возможность равного жизненного уровня всем слоям населения. Минимальная оплата жилья и коммунальных услуг, просвещения, здравоохранения, транспорта еще не означает поддержания достойного уровня существования. В бедных и богатых странах разница между этими ценностями не так уж велика. Зато велико различие в заработках. Если польский на-

циональный доход на одного человека может достигать 3 тыс. долларов, то в Европе — от 10 тыс. до 15 тыс. долларов. По имеющейся статистике, в ПНР примерно 30% населения не могут удовлетворить свои элементарные потребности. В то же время под прикрытием «опеки государства» некоторые слои и касты пользуются разными привилегиями, которые серьезно обременяют бюджет.

Ключевым моментом преодоления кризиса Р. Бугай считает общественное согласие на реформы. Без этого в третий раз после 1982 г. общество будет им сопротивляться, используя все более радикальные меры и средства, из-за которых самые лучшие идеи могут блокироваться. Он полагает, что власти не должны проводить политику «затягивания поясов», допускать снижения достигнутого жизненного уровня. Правительственные программы недооценивают конфликтность ситуации, какую несет с собой попытка повышения цен при замораживании реальных доходов. Свыше двух десятков лет коэффициент уровня зарплат возрастал меньше чем на один процент в год. Ни одна европейская страна не знала такого застоя. Люди, чисто психологически, гораздо болезненнее расстаются с деньгами в магазине, чем при получении меньшего жалования, даже в том случае, когда от инфляции ничего не потеряли.

Упрек журналиста в постоянном недовольстве и желании видеть все в черном свете П. Бугай парирует стремлением к реализму. Без сильной надежды, говорит он, ничего не изменится. А такой надеждой может стать расширение представительства в органах власти. Имеются в виду как интеллектуальные силы, так и лидеры рабочей среды, пусть даже в малых по численности группах. Это они будут решать, перерасти недовольству в открытый бунт или нет. Вместе с тем ученый согласен с точкой зрения, утверждающей, что даже подлинная демократия не в состоянии заполнить пустые прилавки. Однако это важное политическое условие, гарантирующее успех в экономике. Первым шагом к нему будет «круглый стол».

Автор. Единственное, в чем я безусловно согласен — в меру моей слабой компетентности — с господином (товарищем, паном) Р. Бугаем, так это в том, что политика затягивания поясов народу неприемлема.

Стоит, вероятно, более подробно рассказать о недавно принятых польским сеймом законах о национальной экономике, о которых так широко писала польская, да и советская печать.

С 1 января 1989 г. вступили в силу принятые польским сеймом Закон о хозяйственной деятельности (ЗХД) и Закон о хозяйственной деятельности с участием иностранного капитала (ЗХДИК). В дополнение к ним в сейм был направлен правительством целый пакет важных законопроектов, касающихся, в частности, реформы банковского права, налоговой системы, принципов финансирования государственных предприятий и т. д.

Обратимся сначала к Закону о хозяйственной деятельности. Его разработку начало еще правительство Збигнева Месснера. О том, каким непростым и непрямым был его путь к получению большинства голосов в сейме, говорит тот факт, что польский парламент утвердил девятую версию документа. За это время правительство (по одному разу кабинеты З. Месснера и М. Раковского) после обсуждения в комиссиях сейма вносило автопоправки.

ЗХД представляется одним из принципиальных правовых актов, регулирующих реализацию второго этапа хозяйственной реформы в Польше. Конструкция закона базируется на трех основных принципах: экономической свободе (это означает, что осуществление хозяйственной деятельности разрешено каждому юридическому и физическому лицу на равных правах), равенстве всех форм собственности и установке, сводящейся к тому, что «разрешено все, что не запрещено по закону».

Теперь для начала хозяйственной деятельности не нужно ни у кого получать разрешения или согласия. Достаточно зарегистрировать фирму в соответствующем местном органе государственной администрации. Прежде для этого требовалась масса разного рода справок и разрешений. Сейчас для регистрации необходимо заполнить лишь соответствующий бланк, в котором всего четыре пункта, и уплатить гербовый сбор в размере ста золотых (менее одного рубля).

Не следует понимать нововведения так, что владельцы фирм освобождаются от соблюдения норм противопожарной и техники безопасности, санитарии, гигиены и пр. Все это остается в силе и должно быть подтверждено соответствующими справками. Местный орган государственной администрации пересылает копию регистрационной карточки в финансовые органы, которые с данного момента начинают контролировать уплату налогов новой фирмой.

ЗХД сохраняет ряд областей, где необходимо получение государственной концессии на ведение хозяйственной деятельности. Однако их число значительно сокращено. Не нужно хлопотать о концессии на производство горючего и энергии, средств связи и телекоммуникаций, сахара, организацию фирм международного автотранспорта и автобусного сообщения, судов каботажного плавания, на издательскую деятельность и даже на оптовую торговлю. Статья II ЗХД гласит, что получить концессию следует для ведения хозяйственной деятельности в области добычи полезных ископаемых, производства взрывчатых материалов и боеприпасов, фармацевтических средств и ядов, спиртного, табачных изделий, а также на содержание аптек, морского и воздушного транспорта.

В ЗХД зафиксирован отказ государства от монополии внешней торговли. Получить концессию будет необходимо только на обмен теми видами товаров и услуг, которые определены в специальном перечне министра внешнеэкономического сотрудничества ПНР. На все остальное отменяется монополия внешней торговли.

ЗХД призван обеспечить подлинное, а не декларативное равенство всех трех секторов народного хозяйства. Это потребует устранения существующих до настоящего времени расхождений в принципах и масштабах налогообложения предприятий обобщественного и необобщественного сектора. Комплексно данные вопросы будут урегулированы в находящемся в настоящий момент на обсуждении в комиссиях сейма законопроекте о налогообложении. ЗХД предполагает, что уровень налога не превысит 50% доходов, полученных в данном финансовом году. Шагом к равноправию всех секторов является гарантированный ЗХД принцип равенства при получении банковских кредитов, доступа к снабжению сырьем и материалами. Той же цели служит отмененное ЗХД ограничение числа занятых на частных предприятиях до 50 человек в одну смену. В принятой парламентариями версии говорится: «Каждая экономическая единица может нанимать сотрудников в неограниченном количестве без посредничества организаций по трудоустройству».

Исключительно важным элементом ЗХД является принцип значительного ограничения сферы вмешательства государства в различные формы хозяйственной деятельности. Оно будет концентрироваться только на ключевых для всего народного хозяйства проблемах. Результатом ограничения сферы вмешательства государства в экономику является также значительное упрощение предписаний и

отказ от создания правовых лазеек, позволяющих на практике обходить декларируемые принципы. Конкретное тому свидетельство — сокращение числа предусмотренных законом случаев, когда правительство или его министры имеют право отдавать исполнительные распоряжения. В первоначальной версии законопроекта подобных случаев предусматривалось около 20, в принятом депутатами варианте всего 2.

Гордиев узел в экономике, завязанный в период действия сталинских методов управления, потребовал радикального резершения. Таким ударом по этому гордieve узлу и стал закон о хозяйственной деятельности. Его установки в польских условиях представляются просто революционными. Однако если посмотреть на них в контексте опыта мировой экономики, то принятые решения будут выглядеть лишь как возвращение к нормальному положению вещей.

Вторым принципиально важным правовым актом, призванным служить стимулированию экономики, является Закон о хозяйственной деятельности с участием иностранного капитала, который, как и ЗХД, был утвержден сеймом 23 декабря 1988 г. Следует напомнить, что он родился не на пустом месте. 6 июля 1982 г. сейм принял Закон о принципах ведения на территории ПНР хозяйственной деятельности в области мелкой промышленности иностранными юридическими и физическими лицами, а 23 апреля 1986 г. парламент республики утвердил Закон о компаниях с участием иностранного капитала. Разница между этими двумя документами состоит в том, что один распространяется па деятельность иностранцев польского происхождения, а второй — на всех остальных зарубежных граждан и принадлежащие им предприятия. Практика показала, что оба закона недостаточно эффективны.

Об этом писал в первом номере за 1989 г. еженедельник Патриотического движения национального возрождения «Одрозене». В статье «Надежда на доллар» Тадеуш Филиповский отмечает, что в настоящее время иностранных фирм в Польше теоретически насчитывается около 700. Из них 300 доживают последние дни. Смешанных фирм с участием иностранного капитала зарегистрировано сорок, а практическую деятельность ведет только половина из них. Зарубежный капитал, вложенный в польскую экономику, участвует в создании не более 1,2% национального дохода. Этот результат был достигнут на основе закона, принятого в 1982 г., который давал определенные перспективы для развития такого рода деятельности. Однако практика оказалась совсем иной. Предвзятая интерпретация закона свела на нет его эффективность. Верх взяли периферийные идеологи, которые ревностно следили, чтобы на их территориях не пустил корни капитализм, заявляет Т. Филиповский.

Однако с течением времени возникала все большая необходимость в использовании иностранного капитала, привлечении в экономику твердой валюты, современных технологий и систем управления, отмечает автор. Польша, находящаяся в центре Европы, могла бы прекрасно выполнять функцию торгового посредника между Западом и Востоком. Она имеет отличный, нетребовательный рынок, располагает высококвалифицированными научно-техническими кадрами и дешевой рабочей силой. Все это может прекрасно способствовать расширению иностранного участия в национальной экономике. К минусам можно отнести высокую инфляцию, которая приближается к трехзначной цифре, хотя и скрытую, но ощутимую безработицу, нехватку квалифицированных менеджеров и, что самое главное, отсутствие стабильности в экономике.

По мнению западных экспертов, первостепенное значение приобретает вопрос о завоевании польской стороной доверия. А этому отнюдь не способствует изменение циркуляров со дня на день. Новое правительство решило ослабить тиски бюрократических предписаний. До сих пор мы пытались найти выход из существующих трудностей, устанавливая мировые рекорды налогообложения, достигавшего 65 и 80%. Теперь, как предусмотрено законом, этот потолок будет снижен до 40%. Однако в других странах условия для вложения иностранного капитала еще более выгодные, например в США подоходный налог не превышает 34%, в Китае — от 15 до 30%. По-прежнему иностранные фирмы находятся в менее благоприятном положении в ПНР, чем отечественные предприятия. Зарубежные предприниматели, начинающие хозяйственную деятельность в ПНР, освобождаются от уплаты налогов в течение трех лет, а польские — на период от пяти до десяти лет, подчеркивает Т. Филиповский.

Кому в Польше жить хорошо?

Рецензент. От проблем валютных логично перейти к проблемам образования. Тем более что воспитание детей и молодежи всегда считалось в цивилизованных странах наиболее выгодной формой вложения капитала.

Автор. Боюсь, что в вашей стране, как и в нашей, образование финансируется по остаточному принципу — выделяются крохи пирога после раздачи крупных кусков обороне, тяжмашу, «стройкам коммунизма» и т. п.

Для начала разговора предложу тревожный материал.

Католическая газета «Слово повсехне» (26.05.1988) опубликовала комментарий к докладу Института по исследованию проблем молодежи, в котором отмечается, что в последние годы в Польше значительно ухудшилось здоровье детей.

«От 30 до 45% учеников имеют отклонения от общепринятой нормы здоровья, среди них 10—15% нуждаются в помощи врачей или специальном лечении, около 8% детей нужна постоянная помощь психиатра, а 20—30% — педагогический и психологический уход.

Негативные общественные последствия имеет слишком ранняя сексуальная жизнь польских школьников. Многие из них ее начинают в 16—18 лет. Отсутствие определенных знаний в этой области ведет к плачевным результатам — ежегодно около 15 тыс. девушек от 15 до 19 лет становятся матерями. Решение прервать беременность принимают 10 тыс. молодых девушек, притом эта цифра является явно заниженной.

Важным барьером для правильного развития детей и молодежи является несовершенная система народного образования. Как утверждает один из авторов доклада, Я. Ярош, внутренняя система школьного образования углубляет расхождения между детьми богатых и бедных родителей. Сельская молодежь в 7 раз, а рабочая — в 3 раза реже, чем дети интеллигентов, поступает в высшие учебные заведения. Это является следствием неравномерного размещения школ, более низкой квалификации сельских учителей. Значительное недоразвитие сельских детей отражается и на их поступках. На селе среди молодежи наблюдается больше случаев самоубийств. Постоянно ухудшаются условия образования на селе. Для того чтобы обеспечить только начальное всеобщее образование, необходимо построить в стране 2 тыс. новых школ. 15 тыс. действующих школ требуют неотложного капитального ремонта. Тревогу вызывает и существующая в школах атмосфера. Проведенные в 1986 г. исследования показали, что начальная школа для 50% учеников была источником разных стрессов.

Много негативных явлений наблюдается среди рабочей молодежи. Плохая атмосфера в рабочих общежитиях, сложные условия труда и быта рабочих, особенно малоквалифицированных, трудный период адаптации выпускников вузов на предприяти-

ях отрицательно сказываются и на авторитете труда. С этими проблемами сейчас сталкиваются почти 2,6 млн человек.

Обоснованное беспокойство вызывает проблема преступности среди молодежи, которая особенно распространена среди детей из неблагополучных семей.

Среди постоянно употребляющих спиртные напитки самую большую группу составляют молодые люди, многие из которых начинают пить уже с 14 лет. Алкоголизмом в Польше поражено около 1,5 млн молодых людей. Несмотря на принимаемые меры, проблемой польского общества остается наркомания. Предполагается, что она коснулась 200 тыс. человек, 50 тыс. из которых составляют школьники.

Подсчитано, что около 32% польских семей живут ниже социального минимума, 80% — не способны удовлетворять свои личные потребности.

Поэтому следует назвать утопией, пишут в заключение авторы доклада, желание видеть современное польское общество организмом без каких-либо социальных изъянов.

Та же католическая газета три дня спустя продолжила упомянутую тему, опубликовав под рубрикой «Школьники и алкоголь» статью К. Мрочка «Необходимое отрезвление», в которой, в частности, говорилось:

«Еще до недавнего времени считалось, что если школьная молодежь и употребляет спиртные напитки, то это делают только учащиеся профессиональных школ. Однако сейчас нет различия между молодежью профессиональных и общеобразовательных школ. Пьют и те и другие. Как показывают результаты проведенных опросов, первый контакт с алкоголем в начальных школах уже имеет половина учеников. В рапорте Института по исследованию молодежных проблем указывается, что среди учеников неполных средних школ алкоголь по стране употребляло около 85% школьников, в Лодзи — 86, а в Щецине — 90%. Опросы, проведенные в щециг.ских средних школах, показывают, что поводом к употреблению спиртных напитков являются семейные праздники и товарищеские встречи. Данные Института по изучению проблем преступности позволяют проследить, как употребляют алкоголь ученики неполных средних школ. Раз в неделю и чаще пьет около 7% учеников, каждый четвертый опрошенный спиртные напитки употреблял раз в месяц, половина — один раз в течение года. Непьющие составляют 13,8%.

Не является неожиданностью и тот факт, что чаще учеников средних школ пьют студенты, а еще чаще — рабочая молодежь. То, что школьники часто употребляют алкоголь, показывают и результаты деятельности вытрезвителей. В 1985 г. в них побывало 2600 человек моложе 18 лет и 95 тыс. человек в возрасте 18—20 лет.

Проведенные исследования в городе Конине показали, что ученики средних школ пьют чаще (84%), чем учащиеся профессиональных школ (74%). Пьют, как правило, дома. В старших классах ученики чаще всего пьют водку или вино, без особенного разбора. Ученики младших школ предпочитают пиво. На вопрос, имеют ли они по поводу выпивки неприятности, 65% ответило, что имели разговоры с родителями, а 5% — конфликты с милицией.

Как же реагирует молодежь на призывы воздержаться от употребления спиртных напитков? Об этом наглядно свидетельствуют итоги исследований Института по проблемам молодежи, проведенные в связи с обращением польского епископата отказаться от употребления алкоголя, которое было оглашено в августе прошлого года. 35% жителей Люблина его одобрило, однако это не значит, что они стали непьющими. Подобные результаты принес опрос жителей Кракова и Варшавы».

Рецензент. Я уже знаю, о чем вы будете говорить дальше — о бедственном положении учителей.

Автор. Полякам это известно, но для советского читателя такая информация будет полезна. Впрочем, перед нашими странами стоят одинаковые проблемы в области образования, и в частности в социальной и экономической защищенности учителей.

Опять берем католическую газету «Слово повсехне» (21.07.1988) и в ней статью того же автора — К. Мрочека.

С каждым годом, отмечается в статье, снижается уровень преподавания в школах. В связи с тем что заработная плата учителей низкая, многие из них вынуждены брать дополнительные часы, работают репетиторами, преподают предметы не по специальности. Результаты такой деятельности — плачевные. Многие родители вынуждены для своих детей нанимать дополнительных учителей. Наряду с государственными школами сейчас в Польше появилось новое течение — уроки после уроков, плату за которые диктует спрос.

Положение учителей в стране настолько критическое, что этими вопросами должно заниматься не только Министерство национального образования ПНР. При повышении зарплаты учителей, которое вступило в силу 1 сентября 1987 г., правительство выделило почти 14 млрд злотых. Как известно, зарплата педагогам выплачивается в зависимости от уровня их образования, места работы (на селе доплачивается 10%), рода школы. Однако оказалось, что в кассе министерства осталось 5 млрд злотых, предназначенных для повышения зарплаты, и 400 млн злотых, выделенных на премии. Неужели, спрашивает газета, эти суммы нельзя было разделить среди учителей, у которых и так заработная плата ниже социального минимума в Польше?

В Варшаве, пан Ежи, во время прогулки у Королевского замка, вы обратили мое внимание на расположившиеся бок о бок величественные особняки двух, как вы сказали, министерств — здравоохранения и духовного здоровья. Я переспросил и узнал, что речь шла о служебной резиденции примаса католической церкви Польши.

Ваши слова объясняют мне и читателю столь пристальное внимание католической газеты к проблемам образования. И вот последняя ссылка по данной тематике на «Слово повсехне» (18.01.1988), где опубликована статья о профессиональном обучении в Польше.

В ней, в частности, указывается, что сейчас в стране имеется свыше 7 тыс. профессионально-технических школ, в которых обучаются 1,4 млн юношей и девушек. Следует сказать, что в эти учебные заведения поступают около 80% выпускников восьмилеток и каждый второй выпускник средней школы.

Однако количественный рост профессионально-технических школ не отражается на качестве обучения, пишет газета. Скорее наоборот: из года в год наблюдается снижение уровня подготовки специалистов, что сказывается на квалификации рабочих. Одна из причин — ослабление связей профшкол с предприятиями. В последние годы даже появилась тенденция закрытия заводских школ. Только в 1980—1985 гг. в Польше их было закрыто свыше 70. Сократилась и помощь предприятий в создании соответствующей материальной базы. Тот факт, что более 30% машин и оборудования профтехшкол действуют 20 лет, говорит сам за себя. Молодежь вынуждена учиться на устаревшей технике, что, в свою очередь, не только снижает уровень подготовки, но и значительно удлиняет период адаптации на производстве. Такая ситуация особенно характерна для электромеханических мастерских. Новое оборудование в польских профтехшколах составляет всего 16%. И хотя в 1984 г. было принято новое постановление о профтехшколах, положение не изменилось.

Важный недостаток в деятельности профтехшкол — отсутствие хороших наставников. Если некоторые из них являются специалистами своего дела, то другие совсем не имеют педагогических навыков. Учащиеся слабо обеспечены учебниками. При проверке установлено, что почти 40% школьников не имели учебников и другой необходимой литературы. Да и сама программа обучения оставляет желать лучшего. Во многих школах преподавание остается на уровне 15—20-летней давности, а в таких областях, как электроника и радиотехника, — и того больше. Разница в том, чему обучаются в школе и что выпускник находит на предприятии, огромна.

Есть разница в стипендиях в разных профтехшколах. К примеру, учащиеся школы при шахте «Вуек» Катовицкого воеводства в первый год обучения по специальности электромонтера получают 3 тыс. злотых, а шахтера — 7 тыс. В то же время в заводской школе шахты «Вавель» стипендия составляет 11 тыс. злотых.

Ежегодно учебный год в профессиональных школах начинают четверть миллиона юношей и девушек, а в технических школах — 120 тыс. Это огромная кузница квалифицированных рабочих, и поэтому необходимо, чтобы она работала без перебоев, заключает газета.

В связи с акциями протеста в семи варшавских средних общеобразовательных школах и лицеях газета «Штандар молодых» (26.01.1989) писала, что борьба учителей против прогрессирующего процесса обнищания народного образования включает в себя справедливые требования — о поднятии зарплаты учителям до уровня среднего заработка инженерно-технических работников в народном хозяйстве, о роспуске армии контролеров и инспекторов системы Министерства народного образования. Газета отметила прогресс данной области: министерство уже отказалось от единого распорядка занятий для всех школ, изменило программы обучения, ликвидировало в своем аппарате отдел контроля.

Рецензент. Но даже такое «быстрое реагирование» не решит всех проблем. Нужны крупные финансовые средства и на компьютеризацию школ. Программа продажи школам 8 тыс. компьютеров была принята в 1985 г.

Необходимо поднять престиж учительской профессии. А то получится у нас, как в Болгарии, где, по данным 1986 г. (теоретический орган ЦК БКП, журнал «Ново время», 13 марта 1989 г.), только 26,5% всех учителей НРБ окончили вузы, что неизбежно отразилось на авторитете представителей данной социальной группы.

Автор. Кардинальная перестройка вплотную затронула и сферу народного образования Польши. Начался интенсивный процесс расчистки поля деятельности, который призван выкристаллизовать новую идею управления начальной, средней, высшей школами. Ее суть заключается в том, что многие компетенции отныне передаются низам, неизмеримо возрастает доверие к умным, мудрым педагогам, которых на местах предостаточно.

Эти преобразования, как подчеркнула газета «Трибуна роботнича» (31.12.1988), выстрадали практикой: польская школа многим напоминала систему австро-прусской подчиненности низших ступеней высшим, опирающуюся преимущественно на контроль, который осуществляется, как правило, сверху. Глубокие перемены сдерживались также чрезвычайно частой ротацией на посту министра. В последнее время что ни год, то новый руководитель.

Новый министр Я. Фисьяк (52 года) начал действовать, как выразились сотрудники министерства, подобно урагану: сразу же отменил 149 распоряжений. Уверяет, что нужно распрощаться еще с 500 изжившими себя инструкциями. А для того чтобы принятое решение не плутало среди кабинетов, вдвое сократил (с восьми до четырех) число департаментов. Хочет, чтобы Министерство народного образования, чья деятельность простирается от детского сада до университета, было немногочисленным, но самым влиятельным по масштабам своего воздействия. Цель — децентрализация компетенции, ликвидация бюрократии, устранение барьеров, мешающих утверждению самостоятельности, создание действительной, а не декларативной платформы для личных инициатив национальной армии педагогов.

В разного рода блокадах оказались прежде всего школы. Их директора были в общем-то бесправными: все решал вышестоящий куратор. Ставя все с головы на ноги,

министерство упрощает в первую очередь правовые акты, нацеливает педагогов окружить подлинной заботой и вниманием тех учащихся, которые и способны, и талантливы, особенно в области математических наук. По мнению Я. Фысяка, теперь ничто не мешает тому, чтобы талантливый ученик досрочно заканчивал среднюю школу и начинал изучать математику в вузе. Ведь именно энциклопедическая программа обучения, стремление к всезнайству, а главное — отсутствие надлежащей опеки над способными детьми обусловили безвозвратную потерю многих талантов. За рубежом между тем уже давно не редкость принятие в вузы 11—12-летних учащихся, успевших досрочно закончить среднюю школу.

Школа должна быть открыта не в свои внутренний дворик, а в широкий мир. Министерство рекомендует устанавливать прежде всего приграничные контакты. Будут они — значит, будут и интернационализм, и дружба, и познание мира, и толерантность (терпимость, понимание образа мышления, действий соседа). Для этого, конечно, надо знать иностранный язык. Более того, сегодня им даже следует владеть. Если уж зашла речь об иностранных языках, то любой выпускник вуза должен знать не менее двух языков, о чем сегодня даже трудно помыслить. Причем уровень знаний должен быть высоким. Помимо «здравствуйте», «до свидания», «сколько стоит эта вещь?», выпускник вуза должен владеть языком так, чтобы без труда мог написать работу, скажем, по проблемам электроники на иностранном языке.

Не секрет и то, что у польской молодежи недостаточные навыки самостоятельно-го мышления, она слабо подготовлена к учебе в вузах, в результате чего слишком запаздывает в написании кандидатских, других научных работ. А ведь подступы к такой работе должны формироваться еще в средней школе. Для этого необходимо научить учащихся умению обращаться к источникам, копаться в библиотеках, критически относиться к материалам, проводить анализы, сравнения, самостоятельно готовить рефераты, вести дискуссию и т. д. Иначе говоря, нужно отказаться от вербализма, традиционного заучивания формул, дат, целых абзацев из учебников.

Без самоуправления школы, считает министр Я. Фысяк, этого не добиться. Должна быть изменена прежде всего роль учителей и самой молодежи (им должно быть предоставлено право ошибки в самоуправляемой деятельности), а также родительского комитета, который сейчас занимается, как правило, членскими взносами, бутербродами, конвоированием экскурсий, что само по себе является важным, но не в такой мере, как сам процесс обучения. Самоуправление в школе — это и иная атмосфера, без использования отметок, баллов как репрессивной меры по отношению к учащимся!

Неординарна позиция руководства министерства и по отношению к проф-техобучению. Шефство над ним должны взять промышленность, ремесла и даже частная инициатива. Сейчас завершается разработка доклада, в котором эксперты, как ожидается, придут к заключению, что средняя школа должна быть общедоступной. Это означает, что каждый, кто имеет соответствующие интеллектуальные способности, должен быть в такой школе. Сегодня, как известно, половина польской молодежи заканчивает свое образование на уровне школ профобучения, а в Силезии — больше чем половина. Вузы, даже если бы они хотели, не могут принять больше молодежи: ее неоткуда взять. При всеобщем среднем образовании стал бы более актуальным вопрос обучения той или иной профессии с помощью промышленности, ремесел. Кроме того, большей стала бы свобода в выборе профессии, освоение которой велось бы, разумеется, на более солидной основе, чем это делается сейчас.

С учетом этого перестраивает учебный процесс и высшая школа. Уже отменены лимиты приема на заочное и вечернее отделения вузов. Их определяют сами ректоры, исходя прежде всего из материально-технической базы, преподавательских кадров, других своих возможностей. Постепенно молодеют абитуриенты. 19-летних юношей и девушек было среди всех студентов долгое время только 10,2%, что является мизерным по сравнению с мировыми показателями, достижениями даже тех стран, которые развиты слабее, чем Польша. А ведь это обуславливает, как известно, развитие цивилизации, техники и науки страны.

Ставка сделана руководством министерства и на далеко идущие эксперименты. Определены четыре вуза, ректоры которых в соответствии с потребностями и возможностями могут осуществлять глубокие организационные изменения, принимать абитуриентов

без экзаменов, пользоваться автономией и самоуправлением. Если все эти направления выдержат проверку практикой, масштабы преобразований, естественно, возрастут.

Снимаются ограничения и в области налаживания контактов, установления вузами сотрудничества с заграницей.

В апреле 1988 г. в воскресной программе Центрального телевидения ПНР был показан сюжет, посвященный планам создания в Польше частных школ. В студию был приглашен инженер А. Пашковский — член учредительной группы Общественного просветительского товарищества, которое выступило с инициативой организации в ПНР частных школ.

Он сообщил, что частные школы останутся под государственным контролем и в то же время будут подлинно общественным учреждением. Это будет школа, создаваемая в соответствии с пожеланиями родителей. Они смогут произвольно спроектировать форму обучения в такой школе, разумеется, одновременно подчитав расходы на данные цели.

Частные школы, отметил А. Пашковский, будут находиться под надзором соответствующих руководящих органов системы народного образования. Учебный процесс будет основываться на официальных программах. Общественное просветительское товарищество считает, что эти программы «не так уж и плохи», скорее, условия, в которых дети учатся, тяжелы и не позволяют усвоить данные программы. Частная школа призвана в первую очередь обеспечить хорошие условия обучения для детей и хорошие условия для работы преподавателей.

А. Пашковский, касаясь выступлений польской печати по поводу организации в стране частных школ, заявил, что многие из них вызваны незнанием существа дела, использованием слухов. Всем, кто обращается в товарищество за разъяснением, дают исчерпывающие ответы по данному вопросу. Он подчеркнул, что выдвигаемую товариществом концепцию следует скорее назвать концепцией общественных школ, а не частных, так называемых доходных.

Товарищество не намеревается создавать элитарных школ для избранных детей богатых родителей. В то же время А. Пашковский признал, что частные школы будут дорогими, ибо они не появятся сами по себе, даром. А устройство хорошей школы стоит денег. Мы привыкли к бесплатной школе, отметил он. Мы не призываем отказываться от бесплатного обучения и помним о детях тех родителей, которые не в состоянии оплачивать обучение. Особенно широкие возможности частная школа откроет перед одаренными детьми.

А. Пашковский выразил уверенность в том, что эксперимент с устройством частных школ в Польше удастся. Частные школы будут, по его словам, действовать параллельно с государственными. Самое худшее в нынешней польской школе — это первое столкновение с ней ребенка, адаптационный период в течение первых двух-трех лет. Именно этот период частная школа может облегчить для ребенка, даст ему возможность почувствовать себя самоценной личностью. Если даже эксперимент потерпит фиаско, то дети смогут вернуться в государственные школы через несколько лет. Однако они придут туда с чувством уверенности в своих силах и способностях.

После выступления А. Пашковского ведущая передачи сообщила, что Центральное телевидение ПНР будет внимательно следить за деятельностью товарищества и информировать о ходе эксперимента.

Рецензент. А ведь сеть частных школ в Польше уже существует. Католический еженедельник «Слово повсехне» (24.12.1988) выразил удовлетворение в связи с разрешением министра национального образования ПНР создавать частные средние школы. В статье отмечается, что «частная школа имеет одну особенность — является очень дорогой. Поэтому ни одна семья не согласится платить ежемесячно 20 тыс. злотых за ребенка, если не будет уверена, что ему обеспечено высококвалифицированное обучение, и поэтому строгому контролю подлежат содержание школьных программ и система воспитания, однако к этому нельзя допускать чиновников из министерства. Их задача — наблюдать, чтобы хватало спортивных залов, учителей и учебников, а вопросы воспитания молодежи пусть оставляют другим — тем, кто его знает».

Автор. Опять мы сбиваемся на тему денег. Неужели образование и благосостояние шествуют рука об руку? Так думают не все.

«Как в Польше можно разбогатеть?» — статью под таким заголовком опубликовал еженедельник «Аргументы» (10.09.1987). В ней анализируются данные опроса Центра исследований общественного мнения, обратившегося с этим вопросом к польской молодежи.

По мнению 65,6% опрошенных, лучший способ разбогатеть — выехать на работу за границу. 62,7% видят путь «накопления богатств» в открытии собственного предприятия, 57,2% — в частых выездах за границу. Должность государственного или партийного руководителя 46,4% молодежи считают доходной. Далее в этом перечне идут: нелегальная торговля и спекуляция — 43,1%, большое индивидуальное хозяйство на селе — 40,7, использование личных связей — 36,1%, а 33,7% называют работу в хорошо оплачиваемой отрасли народного хозяйства.

Самую низкую оценку получили такие общепринятые нормы, как умение экономить и хозяйничать (26,3%), смекалка и инициатива (26,1%), высокая квалификация (25,3%), трудолюбие (20,1%), добросовестный труд (17,6%). На последнем месте анкетированные ставили образование — только 12,0%.

Рецензент. Малообоудшевляющие данные.

Автор. Об отношении польской молодежи к образованию можно сказать подробнее.

Стремление польских девушек к образованию более сильное, чем у юношей. Эта тенденция заметна не столько в вузах, сколько в средних школах, лицеях. Их заканчивает вдвое больше девушек, чем юношей. Последние доминируют в группе выпускников профтехучилищ. Это установил социолог Збигнев Савиньский, завершивший исследование «Стремления польской молодежи к образованию в 1977—1987 гг.».

Около 97% девушек хотят получить минимум среднее образование. Среди ребят этот показатель — 87%. Откуда такая разница? Ученый считает, что во время кризиса (1980—1983 гг.) юноши начали рассматривать годы овладения знаниями как излишнюю потерю времени, отдавая предпочтение прежде всего самостоятельности, быстрому профессиональному старту. «Слабый пол» же по-прежнему расценивает образование как выбор жизненного пути, несмотря на то что его популярность среди молодежи, равно как и во всем обществе, заметно снизилась.

У польских девушек, указывает ученый, просто нет иной альтернативы. На рынке труда предпочтение отдается в первую очередь мужчинам, они больше зарабатывают, их охотнее продвигают по службе в учреждениях, на предприятиях.

Поэтому девушки, серьезно относясь к образованию, считают, что оно может гарантировать им выбор работы по душе, перспективы приличных заработков, а также выгодное замужество.

Газета «Трибуна люду» (21.06.1988) поместила под заголовком «Магистры на рынке трудовых ресурсов» проблемную статью В. Падо-вича, в которой автор подвергает критическому анализу систему подготовки и трудоустройства специалистов с высшим образованием в Польше. В статье, в частности, говорится:

«В настоящее время в ПНР один из каждых 12 работающих имеет диплом об окончании вуза. В сравнении с другими европейскими странами, в том числе социалистическими, эта цифра небольшая. В Польше в настоящее время обучается в вузах только около 10% молодежи, родившейся в одном и том же году. В США, Канаде и Японии аналогичный показатель составляет 30%, в СССР и западноевропейских странах — 20—25%, а в большинстве европейских социалистических государств — 15—20%. Однако в ПНР зачастую можно услышать мнение, что и такого количества выпускников вузов слишком много для польской экономики.

В ПНР начиная с 1983 г., когда формально было отменено обязательное распределение выпускников вузов, трудности, связанные с поисками специалистами с высшим образованием работы, отнюдь не уменьшились.

Существенным недостатком в системе подготовки специалистов с высшим образованием является отставание вузов с введением в программы обучения современных дисциплин и предметов. Всеобщую критику со стороны студентов вызывает организация их летней практики, которая, как правило, в недостаточной степени связана с программами обучения. Большинство выпускников считают необходимым ликвидировать чрезмерный объем общетеоретических знаний энциклопедического плана, который в практической работе оказывается бесполезным.

Необычайно болезненной проблемой является оплата труда выпускников вузов, заработки которых, как правило, заметно ниже, чем заработки выпускников профтехучилищ, а зачастую и неквалифицированных рабочих. Только через 10 лет заработок молодого инженера может сравниться с заработком техника или неквалифицированного работника. В то же время возможности продвижения по служебной лестнице весьма ограничены. В течение первых пяти лет по окончании вуза только 4—5% молодых специалистов имеют шансы получить руководящий пост, как правило, самого низкого уровня.

Низкие заработки выпускников вузов приводят к тому, что все чаще они выбрасывают свои дипломы и нанимаются на работу, не требующую высшего образования. Растет отток людей с высшим образованием в необобщественный сектор народного хозяйства. В нем работают в настоящее время только около 60 тыс. выпускников вузов.

Идея выдвижения лучших выпускников вузов путем конкурсов и локальной системы трудоустройства достойна широкого распространения. В целом же можно сделать такой вывод: в Польше сначала плохо готовят кадры с высшим образованием, а потом плохо используют их.

Рецензент. Во время упомянутой вами нашей прогулки на улице Краковского предместья вы заметили плакаты, которыми был облеплен фасад одного из зданий Варшавского университета. Убожество общежитий, запущенность и ветхость учебных зданий, мизерность стипендий — выход из этого застоя студенты и преподаватели видят в создании фонда университета и в пополнении бюджета за счет хозяйственных работ. Многие столичные вузы сами зарабатывают себе средства, покрывающие до 30% их траг.

Дело, конечно, не только в финансах. Студенты бунтуют и по другим поводам, о которых говорится в статье сборника «Нью-Йорк таймс» (9.02.1988) в Варшаве Джона Таглиэйбю:

«Польские власти пытаются залечить незаживающую рану в престижной Академии наук страны, члены которой опубликовали открытое письмо, заявив, что бремя политического контроля мешает работе академических институтов, занимающихся социологией.

В прошлом месяце правительство откликнулось на это, назначив комиссию из шести человек во главе с вице-президентом Академии наук Владиславом Марковичем для изучения претензий, связанных с изменениями административной системы, введенными в период военного положения для обеспечения строгого политического контроля над работой академии. Тогда правительство постановило, что члены советов, контролирующей работу академических институтов, не избираются ее членами, а назначаются.

Члены советов принимают решения по таким ключевым вопросам, как присвоение академических степеней, назначение стипендий, выдача разрешений на поездку за рубеж, подбор сотрудников и выбор тем для исследований.

В этом письме 13 академиков и 23 члена-корреспондента заявили, что эти меры привели к созданию «острова бюрократического консерватизма», мешающего международному сотрудничеству, заменили принцип квалификации на научной основе принципом квалификации на основе симпатий коммунистической партии и отяготили ученых ненужной бумажной работой.

Ученые выразили недовольство тем, что стипендии для поездки за рубеж обычно назначаются в качестве «вознаграждения за политическую лояльность», а также осудили запрет на поездки за рубеж, введенный в отношении ученых, которые подписали письмо протеста против вывода из состава академии историка и одного из главных консультантов запрещенного профсоюза «Солидарность» — Бронислава Геремека.

Скандал в Академии наук отражает более широкое недовольство в системе высшего образования Польши, которая все сильнее ощущает тиски контроля со стороны правительства и еще более остро — отсутствие средств в связи с наблюдающимся в стране экономическим кризисом.

Причиной вспыхнувшего сейчас недовольства, по-видимому, являются объявленные в мае прошлого года результаты ежегодного назначения в советы, когда, по утверждению авторов этого письма, кандидатуры более видных ученых зачастую отклонялись в пользу тех, кто демонстрирует большую лояльность партии.

«Эти назначения являются одной из главных проблем», — сказал историк Александр Гейштор.

Это письмо произвело особенно большое впечатление на власти, по-видимому, потому, что многие подписавшие его ученые не связаны непосредственно с оппозицией. В их число входят профессор Гейштор, философы Адам Шафф и Ян Щепаньский и историки Эмануэль Ростворовский и Стефан Кеневиц.

Барбара Скарга, философ, подписавшая это письмо, сказала, что этот протест в основном касается академического Института философии и социологии и Института литературных исследований. По ее словам, целью этого письма было представить комиссии полное документальное обоснование их претензий.

«У нас есть четыре человека, которые по политическим причинам не получили должности лекторов, — сказала она, — и в двух случаях люди не получили профессорское звание. Мы представляем документы и требуем объяснений».

Как она сказала, одна из главных претензии связана с указанием секретаря Академии наук, запрещающим ученым брать неоплачиваемый отпуск. В действительности это постановление запрещает поездки за границу, так как большинство польских ученых берут для таких поездок неоплачиваемый отпуск, финансируемый путем иностранной, зачастую частной, финансовой помощи из-за ограниченных возможностей получения официальных стипендий.

«Явной целью этого было помешать людям выезжать, — сказала Скарга. — Они хотят установить полный контроль».

Подписавшие письмо также выразили недовольство тем, что на выполнение сложных бюрократических правил уходит драгоценное время, необходимое для плодотворных исследований.

В Варшавском университете студенты в этом месяце выступили с публичным протестом против ухудшающегося состояния своей библиотеки, где из-за отсутствия средств и неспособности города предоставить помещение не создаются новые хранилища для книг.

Студенты завесили здания университета, расположенные на одной из главных улиц, транспарантами, гласившими, что «бездействие правительства ведет к уничтожению нашей библиотеки».

Автор. Западная пресса пристально следит за брожением умов в среде молодых поляков. В американской газете «Крисчен сайенс монитор» (27.06 1987) привлекает внимание статья Эрика Бурна, озаглавленная «Польша пытается проводить новый курс в отношении молодежи»:

«Варшава. С 50-х годов это были квартиры, потом — автомобили. Но и то и другое в последнее время уже не занимает такого важного места в жизни многих молодых поляков. Теперь молодежь больше всею стремится приобрести персональный компьютер.

В Польше пока не налажено производство компьютеров, но за год с небольшим в домах поляков их появилось по меньшей мере полмиллиона. Они получили их от своих родственников, живущих на Западе. Правительство разрешает беспрошлинный ввоз компьютеров; оно также импортирует их для частного потребителя (а также более крупные компьютеры — для промышленности) и продает их на злотые, опять-таки без всякой пошлины.

Самый дешевый домашний компьютер стоит 100 тыс. злотых (это примерно 400 долларов по официальному обменному курсу), или в 3,5 раза больше среднемесячной зарплаты. Но родители охотно платят такую сумму.

«Это развивает умственные способности детей», — говорит отец двух сыновей. Кроме того, добавляет он, «благодаря этому они сидят дома, не слоняются по улицам и меньше вероятности того, что их приучат к наркотикам или выпивке».

И то и другое получило распространение среди молодежи здесь, в Польше, хотя наркотики пока не стали серьезной проблемой. Однако потребление алкогольных напитков — увы, укоренившаяся в Польше привычка — вызывает все большую тревогу, ибо из двух миллионов алкоголиков по меньшей мере 30% — это люди от подросткового возраста до 30 лет.

Один из самых популярных молодежных периодических журналов в Польше сейчас — это «Баитек», который официально предназначен для будущих специалистов по вычислительной технике. Это сугубо специализированное издание. Оно стоит 100 злотых, довольно дорого по польским стандартам. Ежемесячно выпускается и продается 250 тыс. экземпляров этого журнала.

Взгляд молодого таксиста, который вез меня, был прикован к этому журналу, который я только что приобрел. «Его нелегко достать», — сказал он и был очень доволен, когда получил журнал.

Журнал был основан и издается Александром Квасьневским, который был журналистом до тех пор, пока полтора года назад генерал Войцех Ярузельский не назначил его на пост министра по делам молодежи.

Квасьневский — самый молодой министр в кабинете генерала Ярузельского. Еще более необычно, пожалуй, то, что этот человек, которому 32 года, самый молодой руководитель коммунистической молодежи в Восточной Европе.

Хотя польская молодежь подвергается в гораздо меньшей степени систематической идеологической обработке, чем молодежь в остальных странах советского блока, режим не завоевал большей симпатии у молодежи, чем его занимающие более жесткие позиции союзники.

Квасьневский считает, что «разочарование», которое испытывает молодежь, в значительной мере связано с тем общим изменением настроения, которое наблюдается среди молодежи.

«Молодежь сегодня повсюду совсем другая, даже по сравнению с моим поколением, когда мы учились в школе, — говорит он. — Мы можем лишь искать возможности найти с ними общий язык на их условиях».

«Абстрагируясь от наших конкретных политических проблем, — сказал Квасьянский, — я думаю, что нынешнее поколение молодежи просто не любит организованность в любой форме Индивидуализм проникает все глубже и глубже Самое лучшее, что мы можем сделать, — это пытаться удовлетворять потребности людей».

Ответы на ключевые вопросы о том, поддержит ли активно молодежь программу развития страны, принятую на X съезде ПОРП, включится ли действительно в процесс реализации второго этапа экономической реформы и т. д., помогают найти результаты исследований, проводимых различными научными центрами во главе с Институтом изучения проблем молодежи.

Поляки являются одним из самых молодых народов Европы. Почти половина населения страны — это люди не старше 30 лет. В промышленности и сфере услуг трудятся свыше 6 млн молодых людей и еще около миллиона заняты в сельском хозяйстве и ремесленничестве. Эти демографические пропорции будут усиливаться, поскольку сейчас в школах, профтехучилищах и техникумах обучаются свыше 2,5 млн юношей и девушек и еще около полумиллиона учатся в вузах, на различных курсах. Роль молодежи еще более возрастет в ближайшие годы.

Однако данные социологов не дают поводов для оптимизма. Они прежде всего указывают на глубокое недоверие молодежи к начинаниям властей.

Так, по данным, обнародованным в еженедельнике «Живистость» (901 1988) сотрудником Института проблем молодежи Г. Новацким, только один из пяти молодых людей верит, что Польша удастся преодолеть кризис в течение ближайших пяти лет. Остальные считают, что для этого потребуется 10—15 лет. Лишь 47% опрошенных одобряют социалистическую форму хозяйствования Большое беспокойство вызывает тот факт, что около 33% анкетированных не видят для себя жизненных перспектив в ПНР и мечтают выехать на постоянное или временное жительство за рубеж.

Молодежь не ставит высоких целей в жизни Например, только 40% молодых людей хотят закончить среднюю школу и всего несколько процентов мечтают получить диплом вуза Подавляющее большинство главной целью в жизни считает семейное счастье (72%), ставя его выше профессиональной карьеры (66%) Работа воспринимается молодежью как неизбежное зло, а не как интересное, дающее удовлетворение занятие. 46,5% опрошенных заявили, что нет смысла добросовестно работать, поскольку труд плохо оплачивается. 25,9% молодых людей считают, что квалификации специалистов не находят должного применения в народном хозяйстве. Значительная часть молодежи критически относится к социализму, негативно оценивает хозяйственную реформу и в этом контексте пессимистически видит свои жизненные перспективы.

Проводимые ежегодно исследования не показывают больших изменений в сознании молодежи Перемены в этой области происходят очень медленно, несмотря на принимаемые властями различные меры, призванные побуждать активность молодых людей В качестве примера можно назвать правительственную программу улучшения жизненного и профессионального старта молодежи, принятую в июне 1982 г., и утвержденный в мае 1986 г. Закон о принципах участия молодежи в государственной, экономической и культурной жизни, который вместе с пакетом исполнительных распоряжений вступил в силу с 1 января 1987 г. После принятия юридических актов наступила полная тишина Нигде не слышно, чтобы кто-нибудь ссылаясь на эти документы, в том числе на распоряжение Совета Министров ПНР о создании государственного фонда молодежи Он был задуман для поддержки хозяйственных инициатив молодежи, облегчения создания жилищных молодежных кооперативов Молодое поколение по-прежнему стоит сбоку Юноши и девушки сторонятся молодежных организаций Расходы на их содержание огромны, а результаты ничтожны. Общественная активность молодежи минимальна.

Профессор М Козакевич считает, что нужно научиться жить с молодежью, находящейся в оппозиции к властям. По его мнению, никакими пропагандистскими мерами нельзя повлиять на сознание молодежи Уважая ее право на собственную точку зрения, следует предоставлять молодому поколению возможность реализации, несмотря на неодобрение общественной системы, различных частичных задач как личного, так и общественного плана. Таким образом, можно упрочить у молодежи убеждение, что ее место здесь — в данном государстве, которому можно приносить пользу.

Рецензент. Кому в Польше жить хорошо! Каковы данные на этот счет у социологов?

Автор. Резюме получается, как по Некрасовской поэме, — очень мало кому живется хорошо.

Хотя главное в политической оценке качества жизни даже не уровень благосостояния, а удовлетворенность людей условиями проживания. Морально-психологический климат в обществе значит очень многое. Вряд ли стоит повторять, что пастух может быть счастливей миллионера. В конце 70-х годов поляки жили намного лучше советских людей, тем не менее именно в ПНР зрело недовольство.

Значение социального мира и уверенности большинства людей в будущем трудно переоценить. Напряжение в обществе можно снимать не только экономическими реформами.

В самом начале переговоров в Варшаве за «круглым столом» стала реализовываться идея широкого общественного соглашения — во многом благодаря смелым решениям, принятым на 10-м пленуме ЦК ПОРП. Газета «Трибуна люду» (20.02.1989) подробно сообщила о результатах опроса, проведенного Центром по изучению общественного мнения Комитета по делам радио и телевидения ПНР. В ней, в частности, говорится, что 29% опрошенных выразили уверенность в улучшении материальных условий жизни в ближайшие три года, 39% — что их положение не изменится, и 29% — что наступит ухудшение. Доверие сейму выразили 61% опрошенных, правительству — 51, партии — 29, Войску Польскому — 75%. Что касается целесообразности легализации «Солидарности», то 78% анкетиркуемых ответили на этот вопрос утвердительно (в 1988 г. — 34%).

Автор. Католическая газета «Слово повсехне» (8.10.1988) в статье «Действительность и прогнозы» анализирует проблемы распределения рабочей силы в ПНР.

«Сейчас в Польше на производстве занято около 18 млн человек. Эта цифра была бы еще выше, если бы не все возрастающая тенденция преждевременного ухода рабочих на пенсию. Из 220 тыс. человек, вышедших на пенсию за последние годы, 130 тыс. — пенсионеры по инвалидности. Малорезультативными оказались попытки активизировать пенсионеров. По данным ГСУ, в 1985 г. из 6,3 млн пенсионеров на производстве было занято только 440 тыс. Сравнительно много пенсионеров работало в торговле — 25%, в просвещении — 22%.

За последние 15 лет возросло количество высококвалифицированных работников. Сейчас в Польше число работников с высшим образованием превысило 1,1 млн, со средним образованием — 2,6 млн, а со средним специальным — 3 млн человек.

Чрезмерно количество людей, занятых в сельском хозяйстве, — из-за большого количества индивидуальных хозяйств. Если в 1984 г. в сельском хозяйстве и лесничестве в Польше работало 29,6% трудоспособного населения, то в Болгарии этот показатель составил 21,3, Чехословакии — 13,6, ГДР — 10,6, Советском Союзе — 19,4%».

Рецензент. Ваши слова о счастливом пастухе актуальны для Польши. Считается почему-то, что наши селяне живут лучше горожан. Но опять же точные социологические данные предпочтительнее.

Автор. Еженедельник «Жечивистость» (28.08.1987) опубликовал под заголовком «Близко к критической точке» статью Е. Пардуса, в которой автор анализирует данные опроса «Как представители основных общественно-профессиональных групп воспринимают угрозу снижения уровня жизни», проведенного Центром по изучению общественного мнения. В статье, в частности, говорится:

«Больше всего оптимизма в оценке своего материального положения в нынешнем году проявляют крестьяне. 25% из них рассчитывают на улучшение положения. Далее следуют инженерно-технические работники, работники торговли и сферы услуг, среди которых 24,8% опрошенных надеются на перспективы улучшения. В то же время наиболее пессимистически воспринимают собственное материальное положение представители интеллигенции: 33,3% предсказывают его ухудшение. Далее следуют служащие, среди которых аналогичный показатель составляет 30,4%. Только небольшое число опрошенных, прежде всего интеллигентов, рассчитывают на сохранение нынешнего уровня жизни благодаря собственным усилиям и интенсивному труду.

Вызывают беспокойство данные, полученные в результате изучения денежных накоплений населения. Не имеют никаких сбережений на непредвиденные расходы 63,2% всех опрошенных, в том числе 72,8% пенсионеров, 66,8% неквалифицированных рабочих, 49,2% крестьян, 40,4% работников торговли и сферы услуг.

56,6% взрослых жителей страны не имеют вкладов в сберкассах, денежных накоплений дома.

Участники анкеты видят возможности экономии средств в первую очередь в ограничении расходов на разного рода услуги, обходясь при этом своими силами (так считают 80,3% опрошенных), а также в сокращении расходов на содержание семьи (66,1%), приобретение предметов длительного пользования (65,9%), на удовлетворение культурных потребностей (55,3%), отпуск (42,8%).

Тем не менее большинство участников опроса не планируют сменить работу на лучше оплачиваемую либо трудиться сверхурочно».

Рецензент. Что характерно для этой публикации от августа 1987 г. — в ней не акцентируется внимание на положении рабочего класса. Хотя, как известно, в течение последних 20 лет именно рабочие протесты являлись генератором всякого рода социальных конфликтов в ПНР.

Автор. Вероятно, дело в том, что 1987 г. был относительно спокойным: как и в предыдущие пять лет, слабо давало о себе знать забастовочное движение. А в мае и в августе 1988 г. по наиболее крупным промышленным центрам Польши прокатился шквал забастовок. Польская партийная печать сменила бравурный тон на озабоченный.

Издаваемый во Вроцлаве еженедельник ПОРП «Справы и людзе» опубликовал статью социолога, сотрудника Академии общественных наук при ЦК ПОРП Ежи Георгица под названием «Кто должен выражать интересы рабочих». В ней анализируются результаты социологических исследований, проводимых с целью изучения реакции населения, и прежде всего рабочих, на осуществленное правительством весной нынешнего года так называемое регулирование цен и доходов.

«Исследования, проводимые в течение двух последних лет в рабочей среде, показывают, что порог спокойного принятия изменений, ухудшающих жизненный уровень, значительно снизился и достиг опасной границы. Такое положение сложилось

по целому ряду причин. Несмотря на некоторые изменения к лучшему в экономике, достигнутые в 1982—1984 гг. уровень жизни рабочих в настоящее время по-прежнему ниже, чем он был в начале 1980 г. В 1986 г. почти четверти рабочих семей не хватало денег на продукты питания, а 74% на промтовары, которые в основном приобретались за счет экономии на питании. Свою зарплату как достаточную на жизнь оценили всего лишь 29% квалифицированных рабочих и 16% из числа неквалифицированных.

В этом году своим положением недовольны две трети рабочих. В то же время подавляющее их число (65%) готовы работать лучше, если за это они получат соответствующее вознаграждение. Только 5% рабочих оценивают удовлетворение своих потребностей как хорошее и очень хорошее. 45% — как среднее и 45% — как плохое и очень плохое.

Дополнительные шансы для увеличения домашнего бюджета, куда входит возможность подработать в частном секторе, работа на нелегальном подряде или выезды за границу, практически исчерпаны. На эти доходы уже нельзя рассчитывать для улучшения жизненного уровня рабочих.

Деятельность же предприятий в рамках второго этапа экономической реформы, которая могла бы принести повышение производительности труда и соответственно заработной платы, тормозится в связи с общей стагнацией экономики. Почти повсеместно не хватает сырья, инструментов, материалов, очень мало изменилось положение в области капиталовложений. Этот тупик, в котором находится экономика, вызывает настроения апатии, скептицизма, которые могут очень быстро переродиться в бунт.

Важным фактором, который серьезно влияет на настроения рабочих, является углубившаяся в последние годы разница зарплаток в отдельных отраслях промышленности. Это касается прежде всего малых предприятий, производящих «непрестижную» продукцию, затрагивает и малоквалифицированных рабочих, доходы которых очень часто бывают ниже средних. Положение этой многочисленной группы трудящихся вырастает до уровня проблемы большого социального значения. Наибольшей пробивной силой обладает отраслевое лобби в тяжелой промышленности, судостроении. Эти мощные отрасли имеют возможность воздействовать на принятие общественно-политических решений в свою пользу на самом высоком уровне, путем «выбивания» повышения заработной платы без экономического обоснования.

Многие рабочие скептически относятся к участию различных политических институтов в процессе планирования и осуществления общественно-политических изменений в стране. Формально в этом процессе принимают участие партии, политические организации, выражающие интересы различных групп населения, профсоюзы, самоуправление. На самом же деле роль этих организаций сведена до минимума. Они не способны на практике выражать общественные интересы, а только участвуют в формальном одобрении уже выработанных администрацией решений.

В политической системе в настоящее время доминирующую позицию занимает экономическая администрация. На практике это означает диктат определенных общественных групп. В этой связи характерной является степень доверия рабочих к целому ряду важнейших политических институтов. Доверие к ПОРП выразили всего 21,2% всех опрошенных. Оценивая эту цифру, 61,4% анкетированных рабочих заявили, что авторитет партии, по их мнению, является очень низким; 28,3% считают его средним, а 5,9% — высоким. Профсоюзы пользуются доверием у 26,1% опрошенных, а рабочее самоуправление — у 42,5%.

В настоящее время членами партии являются около 12,6% рабочих от их общего числа. Это составляет 38% всего состава ПОРП. Цифры говорят о том, что существует тенденция к уменьшению рабочей прослойки в партии. В настоящее время в ПОРП состоит 31,1% интеллигенции, что составляет более половины всех членов ПОРП. Таким образом, в партии доминируют конформистские группы интеллигенции с неясной общественно-профессиональной ориентацией.

Анализ участия рабочих в деятельности партийных органов показывает, что они представлены в них в соответствующих количественных пропорциях. Однако наибольшее влияние при принятии решений имеют группы политиков из числа партийно-государственного аппарата, которые вместе с промышленноэкономической адми-

нистрацией составляют около 35% состава ЦК ПОРП. (Рабочие в составе руководящих органов составляют 12%).

Здесь речь идет не только о количественных пропорциях, но и о таком явлении, как некомпетентность рабочих в целом ряде сложных общественно-политических вопросов, что они прекрасно понимают и болезненно переживают. Рабочие чувствуют, что их деятельность в высших органах власти зачастую сводится к роли статистов. Рабочие — члены ЦК прекрасно видят, что их привлекают в различного рода коалиции, имеющиеся в партаппарате и администрации. Это становится возможным в условиях бюрократической и централизованной государственной и партийной системы власти. Создается ситуация, когда классовое сознание рабочих формируется вне партии.

Пустота в ПОРП, создавшаяся в результате отсутствия рабочих в партийных органах на уровне предприятий, заполняется представителями административного аппарата и самоуправления. Если отбросить как нереальную программу, которую пропагандируют подпольные структуры «Солидарности», то в перспективе органом, который будет пользоваться наибольшим доверием, может стать только рабочее самоуправление. Есть все признаки, что этот орган будет эффективно противодействовать натиску бюрократии, отраслевым лобби. Именно в этой связи самоуправление может стать тем органом, которому рабочие будут доверять больше, чем профсоюзам. Такое положение складывается в связи с тем, что самоуправление результативно отстаивает конкретные интересы рабочих на предприятиях. Профсоюзы во многих случаях ведут абстрактную работу по защите интересов трудящихся, которая мало влияет на улучшение положения трудящихся на конкретных предприятиях. А в условиях снижения жизненного уровня это серьезно влияет на снижение престижа профсоюзов в глазах рабочих».

Рецензент. Рабочее самоуправление в наших условиях не может обеспечить эффективность производства. Надо стремиться к использованию услуг менеджеров — профессиональных управленцев, а не возвращаться к практике сельского хлада. Большинство проблем бизнеса, науки или политики нецелесообразно решать общим голосованием трудовых коллективов. Высшая квалификация, компетентность, личная ответственность — это ведь не пустые слова, а понятия, на основе которых должны решаться все вопросы. И лишь малую часть из них следует выносить на всеобщее обсуждение.

Интересно отметить, как меняется, становится все более зрелым и требовательным состояние общественного мнения. Перемены происходят буквально на глазах. Если раньше для поляков вопросы безработицы были чисто отвлеченным понятием и к ним многие относились с одобрением, то теперь, когда эта проблема стала реальностью, только 30% опрошенных высказались за введение резервной армии труда. Одновременно в последние годы возросло позитивное отношение к частному сектору. В 1984 г. 59,5% опрошенных высказались с одобрением о его деятельности, а в 1988 г. — уже 72,5%.

Всем нам хорошо известно, что управлять обществом с помощью демократических мер намного труднее, чем в условиях диктатуры, только от последней проку мало и она недолговечна. Нельзя ведь, не получается обманывать (!) всех (!) все время (!).

Автор. Польские социологи действительно работают хорошо, что лучше наших, так это точно. По польской печати видно, что их работа нужна и ценится в обществе.

«Поляки-88» — так называется статья в католическом еженедельнике «Пшегленд католицки» (18.11.1988), в которой представлены результаты исследований группы социологов Института философии и социологии Польской академии наук.

«По сравнению с предыдущими годами, — отмечается в статье, — наглядно виден процесс обнищания польского общества, о чем свидетельствует рост числа людей, доходы которых составляют меньше 50% от средней заработной платы поляка. Это явление сильнее всего отразилось на крестьянах частного сектора, затронув в 1988 г. 40% от их общего числа, в 1982 г. доля крестьян составляла 13%. Категория неквалифицированных рабочих соответственно 32 и 10%, квалифицированных рабочих — 24 и 9%. В 1988 г. часть специалистов с высшим образованием, которые несколько лет назад составляли наиболее обеспеченную прослойку, очутились в группе низкооплачиваемых (11% против 1%). В целом процесс снижения доходов на душу населения коснулся каждого десятого в частном секторе, кроме сельского хозяйства (10% против 2% в 1982 г.).

С определенного времени наблюдаются глубокие различия между уровнем доходов, которые социологи считают минимальными для поддержания домашнего хозяйства, и тем, что зарабатывается в действительности. Увеличилось количество людей, по мнению которых все важные проблемы можно решить только при помощи знакомых и близких (40%).

66% опрошенных считают, что в Польше существует категория привилегированных. 8% говорят — таких людей нет, 26% не имели своего мнения по этому вопросу, при этом три четверти опрошенных считали, что ими являются члены ПОРП и новых профсоюзов, армия и милиция, или указывали на «власть». О «спекулянтах» говорили 8%, о богатых людях — 4% и столько же — о владельцах частного сектора. Привилегией считается доступ к дефицитным товарам, незаслуженно высокие заработки и доходы.

Отношение поляков к разным ведомствам и организациям неоднозначное. Доверие к ПОРП сохраняется на низком уровне, к профсоюзам и правительству — в последнее время немного возросло. Укрепилось доверие к «Солидарности», хотя ослабло к ее руководителям (исследования проводились до мая 1988 г.). Высоким является авторитет примаса католической церкви в Польше кардинала Ю. Глемпа. Большинство людей осуждают насильственные методы при решении социальных конфликтов, а также использование для этих целей армии. Специфической особенностью молодого поколения поляков является их радикализм. Этим объясняется активное участие молодежи в разных формах протеста, включая забастовки и демонстрации.

Анкеты указывают на существование явно выраженного конфликта на предприятиях. Многие участники майских забастовок 1988 г. отмечали, что руководящие кадры в промышленности от мастеров и выше — «люди властей».

Почти половина опрошенных увязывают экономическую реформу с деятельностью властей и считают ее необходимой, однако сами желают перейти работать в частный сектор, руководствуясь прежде всего экономическими соображениями. Необходимо подчеркнуть, что развитие частного сектора поддерживают около 73% опрошенных.

Политические взгляды поляков рассматривались в спектре их отношения к разным институтам страны, политическому и профсоюзному плюрализму. Против профсоюзного плюрализма на предприятиях высказались 23%, а за плюрализм — 48% всех анкетированных, в том числе и члены новых профсоюзов. Большинство из них также поддерживают политический плюрализм. На вопрос, нужен ли Польше сейчас сильный руководитель, который способен навести порядок, высказались 78%. За изменение избирательной системы в Польше высказываются 73%. За укрепление позиций ПОРП высказались 26%, за увеличение роли церкви — 49, за легализацию оппозиции — 39%».

Социология в ПНР и в СССР вышла на авансцену политической и общественной жизни. У поляков раньше, чем у нас. Трудно себе представить, что всего несколько лет назад по каналам ТАСС (15.08.1988) из Варшавы мог быть передан вот такой материал советских корреспондентов А. Дягутиса и В. Рунова:

«Политические и социально-экономические прогнозы, которые составляют польские социологи, играют важную роль в процессе социалистического обновления и демократизации жизни в стране, говорит директор Центра по исследованию обще-

ственного мнения в Варшаве С. Квятковский. А полученные работниками Центра данные опросов используются при составлении правительственных и ведомственных программ.

...Эта комната с первой взгляда чем-то напоминает бюро метеорологов. Длинные ящики с картотеками, на столах — листы бумаги, разрисованные кружочками и крестиками. Так выглядят одно из оперативных помещений Центра. Здесь, так же как и в бюро прогнозов погоды, делаются прогнозы, только предсказывающие не погоду, а политический климат в стране. Эти исследования требуют не менее кропотливого труда сотен и тысяч людей, чем те, которые производятся для определения направления ветра и места предполагаемых бурь.

Хотя социология как наука в Польше насчитывает несколько десятилетий, но практически только в последние несколько лет по достоинству оценена ее роль в общественно-политической жизни страны. Центр был образован в 1982 г. Уже через год он начал давать первую продукцию, которая сразу же стала необходима всем, поскольку этой продукцией была правда, нередко даже очень горькая.

Сегодня, когда за плечами Центра столько боев, полное признание в стране и за рубежом, когда даже внутренняя оппозиция и враждебная радиостанция типа «Свободной Европы» не гнушаются сослаться на его данные, С. Квятковский отнюдь не удовлетворен. Теперь Центр бьется за то, чтобы ни одно его исследование, даже самое «деликатное», не осталось похороненным в сейфах с грифом «Для служебного пользования». Он хочет, чтобы все поляки знали реалии общественно-политической ситуации в стране. Чтобы убедиться в том, что деятельность «бюро политических прогнозов» бьет в самую точку, достаточно назвать хотя бы несколько заголовков исследований: «Вопросы к правительству: зачем и почему?», «О чем думает народ после повышения цен?», «Что разделяет поляков?», «Уровень жизни в оценке общественного мнения», «Перестройка в СССР в восприятии поляков».

Практика показала, говорит С. Квятковский, что принятие решений на глазок очень часто приводит к плачевным результатам. Без глубокого анализа общественно-политической обстановки в настоящее время нельзя принимать важные меры в масштабах всей страны. Поэтому ни у кого не вызывает удивления, когда, например, работники Центра на следующий день после завершения очередного пленума ЦК ПОРП распространяют анкету с просьбой оценить принятые решения.

В год делается около 100 исследований, их результаты широко цитируются в печати. Так, например, прогнозы относительно выборов в Народные советы, Сейм ПНР, результаты всепольского референдума о путях реализации экономической реформы показали, что Центру можно верить. Исследовательские группы немногочисленны — всего по два-три человека. Работают над одной темой от трех дней до нескольких месяцев. Одна анкета содержит, как правило, около 300 вопросов. Главное условие проводимых опросов — их анонимность. Инспекторы, действующие во всех 49 воеводствах, работают более чем с 10 тыс. человек из всех слоев населения. А для каждого отдельного опроса используется от 1200 до 1800 человек. Специально разработанные анкеты приспособлены к машинной обработке, каждая из них составляется на основе строгого научного анализа, люди для опроса подбираются очень тщательно, чтобы достичь максимально объективного результата. В Центр также можно позвонить по телефону, который работает круглосуточно.

Нашу деятельность, говорит директор Центра, обогащают международные контакты. В последнее время установлены тесные связи с советскими социологами, которые в связи с перестройкой и гласностью сделали большой скачок в социологии».

Рецензент. Цены растут, людям живется все труднее. Однако сами цены многое говорят об уровне жизни. Это особенно видно, когда задумаешься, сколько и каких товаров можно купить за эквивалент часа работы, и наоборот, как долго надо работать, чтобы позволить себе приобретение того или иного изделия. К такому заключению пришли сотрудники Польского экономического общества, завершившие расчеты, которые дают ответы на поставленные вопросы.

Расчеты базируются на данных Главного статистического управления ПНР, из которых явствует, что номинальное рабочее время составляет в неделю 42,5 часа, или 178 часов в месяц. В качестве доходов засчитываются, помимо зарплаты, премии, отчисления от прибыли и т. д., что затрудняет определение того, сколько именно зарабатывается за час работы, но тем не менее полученными данными все же можно оперировать.

Итак, в октябре 1988 г. средний заработок составил 43807 злотых. Расчеты показывают: для того чтобы купить 800-граммовую буханку хлеба, надо поработать 11 минут. Литр молока с содержанием двух процентов жира «стоит» 35 минут, килограмм кур (без карточек) — 3 часа 40 минут, килограмм ветчины — 6 часов, пол-литра «Выборовой» — целый рабочий день без десяти минут, пачка сигарет «Клубовы» — 15 минут, «Кармен» — 37 минут, «Мальборо» — 8 часов и столько же минут.

Теперь о том, что касается промышленных товаров. Для того чтобы приобрести один метр шерстяной ткани, необходимо поработать более 39 часов, импортный дамский свитер — 101 час, шубку из лисы — 6226 часов, автомобиль «Фиат-126» («Малюх») — 4065 часов, «Полонез-1500» — 7723 часа.

Один лотерейный билет «стоит» 12 минут, а пять, следовательно, — час. Это, собственно, как подчеркивает ежемесячник «Векторы господарки» (27.02.1989), и является наилучшим комментарием существующего положения дел.

Проблемам жизненного уровня уделяет пристальное внимание также Всепольский совет Патриотического движения национального возрождения, подготовивший ряд рапортов о положении 11 млн семей, испытывающих, разумеется в неодинаковой мере, последствия затянувшегося социального и экономического кризиса. Польша, отмечается в документе, принадлежит к тем странам, где чрезмерно умирают мужчины, находящиеся в так называемом производственном возрасте. Плохие условия окружающей среды, а также труда обусловили то, что в 1980—1987 гг. число пенсий, пособий по инвалидности возросло на 42%. Половина их — следствие профессиональных заболеваний, несчастных случаев на производстве во время работы.

Новых семей прибавляется в 2 раза больше, чем новых квартир. Растет число семей, где совместно проживают дедушка, бабушка, родители, их дети.

Может ли польской семье везти лучше, чем национальной экономике? На какое-то время — да. В 80-е годы было время, когда деятельность правительства предотвратила резкое падение уровня жизни прежде всего самых бедных слоев населения. Но использовать в долгосрочном плане такие методы уже невозможно. Поэтому следовало бы, по мнению ПДНВ, произвести некоторую переоценку политики по отношению к семье. Речь идет о том, чтобы это была не только социальная, но и общественная политика. Надо отдавать предпочтение не помощи, а созданию условий, благодаря которым семья могла бы взять свои дела в собственные руки. Для этого нужно, с одной стороны, оказывать помощь тем, кто без нее действительно не может обойтись, с другой — создать более широкие возможности для разного рода заработков — в форме надомной работы, неполного рабочего дня, частного оказывания услуг и т. д.

Необходима также просемейная переориентация всей национальной экономики. Сегодня рынок как бы отвернулся от семьи, делает немного для того, чтобы удовлетворить ее потребности. Ожиданиям семей не отвечает ни количество, ни качество, ни структура предложения товаров.

В рубрике «Цены и заработки» под заголовком «Заколдованный круг инфляции?» газета «Трибуна люду» (11.12.1988) поместила статью В. Мицкевича, в которой есть интересный отрывок:

«Дефицит на рынке при параллельном сильном росте цен способствует расширению спекуляции, а также так называемой «теневой экономике», росту опасений за свое будущее всех тех слоев общества, которые живут только на зарплату или пенсию. Причем эти опасения вступают в противоречие с той картиной положения в экономике, которая базируется на статистических данных. Однако эти данные вызывают все больше нареканий. Так, например, подсчет так называемой «корзины основных потребительских товаров», которая считается основополагающим фактором при определении домашних бюджетов, становится все более проблематичным. Причина в том, что в магазинах нет основных продуктов и товаров из числа тех, которые должны находиться в «корзине». Люди вынуждены приобретать их с рук, у спекулянтов, по совершенно иным ценам, чего не принимает во внимание статистика.

Спекуляцией занимается незначительная часть общества. Однако это не означает, что в данной сфере не наживают огромных состояний.

Структура заработков в государстве весьма далека от желаемой. Так, например, медики и работники легкой промышленности имеют заработки, совершенно не соответствующие общественному рангу и трудовому вкладу представителей данных профессий. Неблагоприятная структура заработков приводит к тому, что даже в условиях постоянного повышения материального вознаграждения у людей не уменьшается недовольство, ощущение, что они оказались обойденными, обиженными».

Автор. Снова скажу о данных польских социологов, исследующих уровень жизни своих соотечественников. Наши ученые такие обследования проводят редко, во всяком случае в массовой печати ссылок на такие исследования я почти не встречал. Наша научная публицистика поднялась лишь до социологических обследований уровня жизни одной, отдельно взятой семьи (отец, мать и двое детей). А у нас большая часть населения живет в неполных семьях, десятки миллионов живут просто одиночками — в их числе лимитчики, учащиеся и другого рода мигранты, а также пенсионеры, инвалиды, малоимущие, больные и т. д.

Рецензент. Думаю, что социальная статистика и всесторонние исследования образа жизни населения и впрямь поставлены у нас лучше, чем в СССР. Советские люди живут, наверное, неплохо, так, по крайней мере, утверждают советские газеты, но свою польскую бедность мы лелеем и изучаем намного лучше, чем вы свою.

В 1981 г. Совет Министров ПНР принял постановление, которым обязал коллектив варшавского Института труда и социальных проблем регулярно изучать и направлять правительству сведения о величине прожиточного минимума в стране. Сейчас этими же вопросами также занимается бюро анализов и исследований профсоюзов. Исходя из предоставленных данных, правительство устанавливает минимальный уровень заработной платы. Скажем, в 1981 г., когда прожиточный минимум составлял 5,5 тыс. злотых, минимальная заработная плата составляла 5,4 тыс. злотых.

Автор. Перебор у нас получается с плохими новостями. Хотя мы с вами, пан Ежи, стараемся оставаться оптимистами даже при анализе пиковых ситуаций.

Польская пресса ставит точный диагноз болезням своего общества, в том числе не стесняясь говорит о бедности и нищете. У нас в стране социологи этим практически не занимаются (хотя до недавнего времени мы охотно обсуждали в науке и в прессе проблемы бедных Нью-Йорка и Парижа), а отдельные журналистские эссе в центральной прессе... Ну не могут же всерьез взволновать нашу необъятную Родину зарисовки с натуры о вырождении населения где-нибудь в российской глубинке (от пьянства) или на узбекских хлопковых плантациях (от массовых хронических отравлений пестицидами, дефолиантами и т. п.); больше всех беспокоятся военные, так как в армию некого брать из-за крайней физической хилости молодежи. Я не циник. Просто знаю, что поляков даже такая мелочь, как пустые полки магазинов, возмущает (!) до глубины души. Наша общественность уже привыкла к такому пейзажу, так как изобилие видела только в кино и в газетах.

У нас всколыхнуть общественное мнение в масштабах целой страны удастся лишь в случае таких катастроф, как в Чернобыле и Армении. Очень мало у нас ситуаций истинного совпадения устремлений масс, прессы и властей. Чернобыль привел в трепет всех советских людей. А то, что в самом главном в стране московском Центре охраны здоровья матери и ребенка (как и в большинстве наших родильных домов) роженицам заносят трудноизлечимую стафилококковую инфекцию, — это мало кого удивляет, так как стало нормой. Нам остается лишь учиться у поляков, да и у своих прибалтов искусству публичного сопереживания и общественной активности.

Перспективы социальной политики

Рецензент. В Варшаве тоже есть центральный институт аналогичного профиля. А в 1988 г. в Лодзи была открыта «Мемориальная больница — Центр здоровья Матери-Польки» на 1060 мест, построенная за 5 лет на пожертвования сотен тысяч польских организаций и граждан. Газета «Правда» (3.10.1988) в конце обширного репортажа из этого роскошного комплекса из 30 объектов (3 тыс. человек персонала, в том числе 370 врачей), начиненных первоклассной техникой, писала: «А не взять ли и нам на вооружение этот опыт и для начала возвести вместо монумента Победы на Поклонной горе медицинский центр для ветеранов войны?».

Автор. Перестройка ориентирует нас на внимание к людским нуждам, мы начинаем учиться перенимать зарубежный опыт. Объективный взгляд на вещи многого стоит.

Одной из самых лучших публикаций сборника «Правды» в Варшаве А. Старухина можно считать его материал (23.12.1988) о жилищном строительстве в ПНР. В течение года половина всех польских очередников в стране обеспечивается квартирами,купаемыми в рассрочку. Партийные и хозяйственные руководители всех рангов даром от государства квартир не получают. Вступительные взносы уменьшают лишь молодым семьям и малоимущим (многодетным). Значит, нет проблем? Как бы не так.

После 1980 г. на стройках жилья в Польше наступил спад. В 1987 г., например, было сооружено на 32,2% меньше жилья, чем в наилучшем по хозяйственным итогам 1978 г. Названный процент достиг 46,1 в крупных промышленных

регионах страны, то есть в варшавской, Гданьском, краковской, лодзинской, познаньской, щецинской, вроцлавской агломерациях. В Силезии этот показатель был еще более высоким — 54,2%.

Рецензент. Жилищное строительство всегда проигрывало у нас по сравнению с другими областями народного хозяйства. Это видно даже невооруженным глазом при анализе перспективной программы, принятой на 1971—1990 гг. Было запланировано за этот период построить 7,29 млн квартир. Из них в первом десятилетии — 2,79 млн, остальные — во втором. Для выполнения первой части программы в 1980 г. не хватило 386 тыс. квартир. Значительно хуже обстоит дело во втором десятилетии. Предвидится, что не будет построено 1,3 млн запланированных квартир.

Автор. У нас обещают отдельную квартиру всем желающим к 2000 г. Польские власти объявили летом 1987 г., что до 1991 г. основная масса нуждающихся будет обеспечена «крышей». Коммуналок в Польше нет, и при всех вариантах позиции поляков в жилищном вопросе лучше, чем у советских людей. Вы считаете квартиры. Наши плановики ориентируются на вал, на квадратные метры. Государство у нас, как правило, не дает одиночим (если это не ответственный чиновник, писатель, ученый, артист, инвалид, военный и т. д.) малогабаритных квартир, а подселает их в трехкомнатные, в которых две комнаты занимает другая семья из 3—4 человек. У нас так: если хочешь иметь гарантию всегда жить отдельно, то покупай кооперативную квартиру.

Каковы прочие достижения поляков в социальной политике? Есть у них активно действующая с 1987 г. национальная Федерация потребителей, с десятком клубов по всей стране, десятками тысяч членов федерации и собственным председателем, которого избрали депутатом сейма.

Во всех крупных городах страны действует круглосуточная служба «Телефон доверия» — неотъемлемая часть польского здравоохранения. В Варшаве у телефона 28-36-36 вот уже 20 лет всегда несут дежурство врачи и психологи, учителя и психиатры, юристы и социологи, готовые, не жалея времени, поговорить, помочь советом любому человеку, попавшему в беду.

Польское общество по борьбе с увечьем заключило с варшавской проектной организацией «Метропроект» необычное соглашение. Оно предусматривает обеспечение того, чтобы метрополитеном, ускоренно сооружаемым в столице ПНР, могли пользоваться — полностью и без традиционных проблем — люди, имеющие в силу разного рода причин ограниченные возможности в движении.

Доступность к наиболее удобному транспортному средству намечено обеспечить за счет целого комплекса мер. Во-первых, планируется смонтировать гидравлические с уклоном к выходу лифты, а на входе — низко установленные турникеты, чтобы к ним можно было легко дотянуться с инвалидной коляски. Для плохо видящих предусматривается соответствующая визуальная информация, например ощутимая стопой ног полуметровая шероховатость края перрона, заканчивающаяся яркой лентой-линией. На станциях, в вагонах размещаются пластиковые планы-схемы города. Помощь тем, кто вообще не видит, окажут специальные рифленые перила, сигнализирующие о том, что спуск, переход заканчиваются, либо другие знаки, утопленные в пол.

Значимость усилий метростроителей, подчеркивает газета «Трибуна роботника» (7.04.1988), трудно переоценить. Поучительный опыт достоин подражания и на других видах городского транспорта. А если уж брать проблему шире, то он достоин подражания не только на транспорте.

Чтобы вникнуть в положение человека, подвергнувшегося увечью, необходимо попробовать имитировать его намерения и способ их выполнения. Иначе говоря, нужен эксперимент, в ходе которого выяснится: в современной ванну современного дома на инвалидной коляске не вьедешь. Но если даже сделаешь это, то как перебраться с коляски в ванну? Нужна помощь. Без нее не обойтись и на кухне. У тех, кто пытается покинуть дом, возникает еще больше проблем. В лифт еще можно въехать и выехать из него, но как спуститься вниз по ступенькам? Правда, кое-где сейчас предусматривают съезды для детских колясок, но воспользоваться ими инвалид вряд ли рискнет. Ему снова нужна помощь, причем уже не одного, а двух человек. На улицах, тротуарах инвалиду не легче. Там все предусмотрено для молодых, здоровых людей, равно как и в большинстве магазинов, на почте, в театрах, разного рода других учреждениях. Все это изолирует человека, подвергнувшегося увечью, от участия в общественной, культурной жизни. Он предпочитает больше сидеть дома, чем просить, портить настроение только своим видом иным людям. В результате, шагая по улице, мы их не видим, не знаем масштабов их проблем, равно как и того, что такие люди составляют сегодня 14% всего населения Польши. Причем их число непрерывно растет: человечество платит кровавую дань за развитие цивилизации, техники, автомобилизации. При этом мы совершенно забываем, что вроде бы отдаленный, наполненный множеством проблем мир инвалидности в любую минуту — давайте постучим по столу — может коснуться нас, и тогда мгновенно изменится точка зрения на беду.

Дело не только в архитектурно-урбанистических преградах непредусмотрительности. По-прежнему не хватает инвалидных колясок, другого оборудования. Ортопедическая промышленность, как и раньше, — нерентабельная. Инвалиды подолгу ждут соответствующие обувь, протезы рук и ног, корсеты. И чем дольше длится это ожидание, тем труднее их восстановление. Еще проблемы: полуфабрикаты можно производить промышленным методом, но подгонка протеза должна делаться индивидуально, с большой точностью, тщательностью. Это требует мастерства, а мастеров становится все меньше, так как их зарплата невысокая.

Поскольку не хватает обычных средств передвижения, то вряд ли стоит говорить о том, что в ряде стран производятся моторизованные, электрические коляски, способные подниматься даже по ступенькам.

Кстати, о домах. Известный архитектор Халина Скибневская пыталась предложить жилища, приспособленные для проживания в них инвалидов, однако ценный опыт не получил широкого распространения.

Нам, указывает «Трибуна роботника», следует пристальнее изучать опыт зарубежных стран. В Стокгольме, например, действует специализированная фирма, которой удалось многое изменить в образе мышления шведских архитекторов, урбанистов. В Дании существует принцип свободного доступа инвалидов на колясках в магазины, культурные учреждения, раздевалки, даже на пляж, что, разумеется, облегчает и обогащает их непростую жизнь.

В Швеции комитет по планированию урбанизации утвердил для строителей нормы, которые требуют, чтобы открытые для публики помещения были также доступны для тех, чья физическая подвижность является ограниченной как в результате болезней, несчастных случаев, так и преклонного возраста. Речь идет прежде всего об обустройстве дорог, тротуаров, о входах в помещения (широкие двери, коридоры, наклонные ступеньки и т. д.) и даже низко размещенных, на уровне протянутой руки, автоматах-телефонах, помеченных специальным символом.

Особенно много хлопот доставляет транспорт. Если инвалид не обладает специально приспособленным автомобилем, он обречен, в сущности, на жизнь без движения. Поэтому начинание варшавских метростроителей требует всяческого одобрения и такой же поддержки.

В Польше нет повсеместно обязывающих показателей занятости инвалидов, которые существуют, например, в Англии, ФРГ. Это ведет к потерям как моральным, так

и экономическим. В Польше инвалиду легче добиться пенсии, чем работы, подчеркивает газета. В этой связи напрашивается вопрос, имеем ли мы право разбазаривать труд, вложенный в реабилитацию и обучение инвалидов.

Известный врач-гуманист В. Дега писал: «Если так много вложено усилий в то, чтобы больного вырвать из недвижения, в которое ввергли, его болезнь либо несчастный случай, то необходимо с огромным вниманием следить за тем, чтобы не были уничтожены эти достижения. Современная медицина была бы жестокостью, если бы она силилась единственно спасти жизнь, а общество не хотело бы заняться увечьем, от которого не сумело уберечь человека».

Недавно, напоминает «Трибуна роботника», был показан телесериал «Опасный залив», посвященный спасению животных в одном из заповедников. Наравне со всеми в этом фильме выступал актер-инвалид. С помощью специального подъемника он свободно перемещался из коляски в автомобиль. Работал профессионально. Окружающие воспринимали его нормально, без тени намека на то, что он — калека. Этим актером был Рик Хансен, неоднократный чемпион инвалидных олимпиад, человек, который на инвалидной коляске объехал весь мир.

Рецензент. Что еще было бы интересно узнать о нас советскому читателю? Нерабочим днем объявлен у нас День поминовения усопших — 1 ноября. В течение столетий поляки ходят на кладбище в день всех святых. Приятно, что в первые советская пресса очень тепло отозвалась об этом событии, опубликовав в 1988 г. в «Комсомольской правде» и в «Труде» обширные материалы своих собкорров В. Шутке-вича («Свеча на ветру») и Ю. Скворцова («День белых хризантем»).

Автор. В ПНР была введена заменная служба в армии и изменен текст военной присяги.

Вступлению в силу с 1 сентября 1988 г. дополнения к Закону о всеобщей воинской обязанности была посвящена пресс-конференция в Министерстве национальной обороны ПНР. Открывая ее, представитель МНО по печати бригадный генерал Л. Войтасик, в частности, сказал:

«Главный смысл изменений, связанных с выполнением гражданского долга, заключается в введении заменной службы для части призывников, которым религиозные или моральные убеждения не позволяют нести воинскую повинность в обычной ее форме. Хотел бы подчеркнуть, что содержание дополнения полностью соответствует резолюции, принятой Комиссией по правам человека ООН, в которой содержится призыв ко всем государствам — членам этой организации о рассмотрении возможности введения различных форм заменной службы для лиц, которым конфликт с собственной совестью мешает реализовать традиционно понимаемые обязанности воинской службы. Это совпадает также с положениями Конституции ПНР и подписанной Польшей Международным пактом о гражданских и политических правах, а также другими международными договорами и конвенциями. Заменная служба вне вооруженных сил заключается в выполнении в мирное время трудовых обязанностей на одном из указанных предприятий, специализированных на охране окружающей среды, коммунального или водного хозяйства, социального обеспечения. С учетом более легкого, чем действительная воинская служба, характера заменной службы законодательством принят 36-месячный срок ее прохождения для призывников, подлежащих двухгодичной службе в вооруженных силах или частях гражданской обороны, и 24 месяца — для выпускников вузов, обязанных пройти годичную воинскую подготовку.

В связи с тем, что заменная служба будет состоять в исполнении определенных видов работ невоенного профиля, контроль за ними возложен на министра труда и социальной политики. Он же устанавливает перечень предприятий, где эти работы будут осуществляться. Следует подчеркнуть, что призывники, отбывающие заменные формы службы, не будут состоять в трудовых отношениях с данным предприятием. Одна-

ко их касаются некоторые предписания трудового кодекса, как, например, об обязанностях рабочего, времени работы, технике безопасности, трудовой гигиене. По тем же соображениям они не будут получать заработную плату, как рабочие, а лишь ассигнования предприятия в размере стоимости содержания солдата срочной службы. Сюда будут входить: равнозначная сумма бесплатного питания, денежный эквивалент на приобретение одежды и обуви, а также наличные в объеме положенных рядовому.

Помимо того, руководитель предприятия имеет право выделить денежную премию в размере 25% денежного вознаграждения рабочего, занятого на аналогичной или сходной операции, что будет являться поощрением за примерную дисциплину и хорошие трудовые показатели. В случае отбывания заменной службы за пределами места жительства и при отсутствии возможности ежедневного приезда к месту работы предприятие предоставляет всем нуждающимся призывникам этого рода бесплатное жилье. В целях создания им возможностей для отдыха и восстановления сил будут предоставляться также периодические отпуска длительностью 7 дней в первый год службы, 10 дней — во второй и 14 дней — в третий. Однако руководитель предприятия в порядке поощрения может увеличить ежегодный отпуск от 2 до 5 дней.

Польское законодательство гласит, что граждане мужского пола по достижении в календарном году полных 19 лет подлежат призыву, проводимому в апреле — июне. Если, по оценке призывной комиссии, они не пользуются ни одним из видов отсрочки, но желают войти с письменным ходатайством о разрешении несения заменной службы по религиозным или моральным мотивам, то должны обратиться в районную призывную комиссию и соответствующим образом обосновать свое желание, причем не позднее дня вручения призывной повестки.

В соответствии с принятой государством процедурой рассмотрения ходатайств для этого рода просьб определены также две инстанции: районная призывная комиссия и воеводская призывная комиссия. Для обеспечения объективности их деятельности в составы введены представители общественности в лице депутатов народных советов и активистов Патриотического движения национального возрождения. Призывники, отбывшие заменную службу, увольняются в запас. Следует подчеркнуть, что как направление, так и увольнение с заменной службы будет проходить без участия воинских органов. За уклонение от этого рода службы, как и действительной воинской, предусматривается уголовная ответственность».

В связи с принятыми Сеймом ПНР в июле 1988 г. изменениями в Законе о всеобщей обязанности обороны ПНР, согласно которым призывники имеют возможность заменить ее альтернативными формами воинской службы вне вооруженных сил, заместитель генерального прокурора ПНР обратился в Государственный совет ПНР с ходатайством о помиловании 8 человек, которые были осуждены за отказ несения военной службы в силу убеждений. С учетом того, что заключенные обязались заменить службу в армии другими формами, они были освобождены.

С такими же ходатайствами выступили военные прокуроры об условном досрочном освобождении 86 осужденных, которые ранее отказались нести воинскую службу по религиозным убеждениям.

Только один заключенный категорически отверг предложение о замене военной службы другими формами воинской обязанности.

Общественно-политические реформы в ПНР коснулись и армии. Западная пресса, как всегда, желала бы видеть в подобных новациях антисоветскую подоплеку.

Корреспондент агентства ЮПИ (23.05.1988) передал из Варшавы:

«Правительство сообщило во вторник, что оно утвердило новый текст военной присяги, в котором устранена ссылка на верность Советской Армии, формулировка, которая побудила десятки призывников отказаться от службы в армии.

Представитель пацифистской организации «Свобода и мир» назвал это изменение текста «замечательной» и «символической» победой оппозиции.

«Проект текста присяги был утвержден вчера правительством, и новый текст представлен парламенту», — заявил на пресс-конференции представитель правительства Ежи Урбан.

Урбан сообщил, что не может представить точный текст, пока он не будет утвержден парламентом. Вместе с тем он сказал, что проект текста содержит обязательство присягающих «служить родине и государству, служить конституционным принципам, защищать независимость, суверенитет и границы Польши, быть на страже мира и братства по оружию с союзными армиями и исполнять солдатский долг, другие военные обязанности, такие, как сохранение секретов».

Нынешний текст присяги требует от поляков, чтобы они «неустанно были на страже мира в братском союзе с Советской Армией и другими союзными армиями...» Эта формулировка побудила по меньшей мере сто поляков отказаться принимать присягу. Около 30 из них были подвергнуты за свою позицию тюремному заключению, согласно представленным статистическим данным, 14 человек находятся сейчас в тюрьме или под арестом в ожидании суда.

Организация «Свобода и мир», основанная в 1985 г., неоднократно просила правительство изменить эту формулировку текста присяги и предоставить полякам альтернативные возможности для службы родине, если они отказываются нести военную службу из-за своих убеждений».

Рецензент. У нас уже давно функционирует Веспольское управление национальных парков. Культурное обустройство зеленых зон (с отелями, кафе, туристскими бюро, общественным транспортом, охотой и т. д.) способно приносить доход и облегчить населению тяготы экологической обстановки в городах. Многих поляков отдых в национальных парках в конце недели устраивает больше, чем летние отпускные поездки к морю. Отдых на Побережье оказался сегодня не по карману большинству поляков, так как профсоюзная система баз отдыха под натиском цен сдает позиции в пользу коммерческого туризма частных фирм.

Автор. В Польше есть теперь и частные отели, и частные сыскные бюро.

Следует ожидать, что реализация второго этапа экономической реформы будет способствовать дальнейшему развитию частной предпринимательской деятельности в республике. Вот результаты опроса, проведенного в январе 1987 г. Центром по изучению общественного мнения на тему частного сектора как среди владельцев предприятий, так и среди населения.

Подавляющее большинство опрошенных среди населения считает целесообразным создание частному предпринимательству условий свободной деятельности в ремесленничестве (более 90%), а также в розничной торговле (около 83%). Меньшее одобрение вызывает частная деятельность в мелком производстве (63%). В пользу же создания частных предприятий средней величины высказалось около 34% и за денационализацию крупных промышленных предприятий — только 21% опрошенных. Следовательно, подавляющее большинство высказывается против денационализации промышленности.

Рецензент. Хорошо работает профессор Станислав Квятковский, директор правительственного Центра исследований общественного мнения. Он регулярно выступает по телевидению в программе «Панорама дня». По итогам 1988 г. он занял четвертое место в «табели» ежегодного конкурса «Люди телевидения», а газета «Жиче Варшавы» присудила ему специальную награду как самому интересному внештатному телевизионному публицисту.

Автор. Наших социологов на телевидение зовут реже, дождь призов и наград обходит их стороной. В 1987 г. одного из самых популярных социологов в СССР, профессора И. В. Бестужева-Лады, обсуждали на партийном бюро Института социологии по личному распоряжению тогдашнего вице-президента АН СССР академика П. Н. Федосеева. Секретарь партбюро, преисполненный верноподданнических чувств, требовал применения партийных санкций за то, что Игорь Васильевич в институтском ротопринтном сборнике с грифом «Для служебного пользования», направленном секретарям обкомов и в центральные московские учреждения, поместил статью с данными об эпидемиях голода (30—50-е годы) и о нынешних масштабах алкоголизма в СССР. Мне, как редактору того сборника, грозило еще более строгое наказание — нас обоих спасло заступничество ЦК партии и аргументы Бестужева-Лады о том, что все свои данные он взял из уже... опубликованных ранее источников, из открытой печати и обобщил их.

Мы чуть отвлеклись от темы «положительных польских новостей». Кавычки здесь особенно пригодятся, так как речь пойдет о проблемах западной валюты на внутреннем рынке Польши.

Рецензент. В последний период в Польше много говорится и пишется о необходимости изменения законодательства, регулирующего право граждан и предприятий располагать и пользоваться денежными средствами в иностранной, и прежде всего свободно конвертируемой, валюте. В течение последних двух лет был принят ряд исполнительных актов, в значительной степени либерализующих политику государства в данной области. Так, ликвидированы валютные счета, на которые не начислялись проценты. Средства в иностранной валюте, которые граждане вносят на счета в государственных банковских учреждениях, с которых пор не нуждаются в «документальном подтверждении источника их получения». Отменены также обязательные банковские справки при вывозе за рубеж суммы, не превышающей 500 долларов, а Государственный банк ПКО начал продавать долларové бонны для покупки товаров в валютных магазинах за польские злотые по курсу, приближающемуся к курсу «черного рынка». Одновременно преданы гласности данные экспертов Национального банка ПНР, согласно которым объем нелегальных сделок между гражданами страны в свободно конвертируемой валюте достигает в последнее время суммы 3—4 млрд долларов в год. По мнению печати, в стране, где фактически на рынке и так ходят две валюты, такое положение надлежит урегулировать.

В этой связи внимание средств массовой информации страны привлек проект «валютного закона», который на днях правительство ПНР представило на рассмотрение польского сейма. Особо важным специалисты считают то положение законопроекта, которое подтверждает право граждан «покупать и продавать иностранную валюту в валютных банках или обменных пунктах, работа которых осуществляется польскими юридическими или физическими лицами по полномочиям, полученным от Национального банка ПНР».

Разъясняя это положение, еженедельник «Политика» (9.02.1989), в частности, указывает, что речь идет о возможности открывать частные или государственные конторы по обмену валюты, сделки в которых осуществлялись бы по «ценам текущего дня», то есть по ценам свободного рынка. Иначе говоря, пишет этот журнал, это фактическая легализация деятельности валютчиков, которые теперь могут обратиться к

государству за разрешением и открыть частные обменные пункты, конкурирующие с государственными.

Одновременно законопроект не разрешает государственным предприятиям и хозяйственным организациям продавать имеющуюся у них валюту через эти обменные пункты. Они могут это делать путем заключения договоров с другими предприятиями или путем продажи валюты на специальных аукционах. В частности, в 1989 г. запланированы в двух банках аукционы для предприятия, где без ограничения будет продано им 600 млн долларов, а с различными ограничениями (например, только на комплектующие закупки) еще 1,6 млрд долларов. Важным считается также пункт законопроекта, разрешающий предприятиям впредь распоряжаться всей суммой располагаемой или заработанной валюты, а не, как прежде, незначительным «валютным отчислением». Теперь на них налагается лишь обязанность «продать» государству часть заработанных валютных средств за польские злотые.

По мнению экономических публицистов «Политики», новое законодательство, если оно будет принято, вводит внутри страны «частичную конвертируемость польского злотого в обороте между гражданами», хотя и в этом обороте планируются некоторые ограничения. Так, нельзя вывозить за рубеж суммы свыше разрешенных министерством финансов. Кроме того, запрещен оборот валюты между польскими гражданами и иностранцами, исключая дарение и наследство. Гражданам также планируется запретить рассчитывать валютой в торговых сделках с зарубежными партнерами или предоставлять им кредиты в валюте.

В итоге, как подчеркивает та же «Политика», в Польше создается «валютный рынок населения». Что касается оборота между предприятиями, то в его рамках валюта становится нормальным товаром, имеющим свою цену в злотых. Кроме того, считает еженедельник, разрешение гражданам легально продавать и покупать валюту означает укрепление позиции польского злотого.

Автор. Католический еженедельник «Тыгодник польски» (11.04.1988) опубликовал интервью генерального директора предприятия внутренней экспорта («Певекс») Т. Вельского.

Еще раз подчеркнут: речь в еженедельнике идет о событиях весны 1988 г. Как сейчас помню, у нас тогда закрылись чековые «Березки», — государство понесло огромные убытки, резко подскочили цены на черном рынке на импорт, спекулянты, рэкетиры, ломщики и прочее ворье устремились в другие сферы, и я уверен, что никто из них не пошел честно трудиться за «голую зарплату».

Вот мнение Т. Вельского о польских «Певексах»:

«В польских банках граждане ПНР держат около двух миллиардов долларов; предполагается, что столько же находится в бумажниках или в обороте. Поэтому наши магазины работают в полную нагрузку. Особым спросом в «Певексах» пользуются радиотовары и электроника. Если в 1985 г. населению было продано этих товаров на сумму 16 млн долларов, в 1986-м — на 45 млн, то в прошлом году эта цифра превысила 100 млн долларов. Продажа алкогольных напитков составила 20,5% всего товарооборота.

Товарооборот в «Певексах» с каждым годом растет. Если в 1984 г. было продано товаров на 246 млн долларов, в 1985-м — на 292 млн, то в 1986 г. — уже на 369 млн, а в прошлом году эта сумма увеличилась почти на 100 млн. В этом году надеемся, что товарооборот превысит полмиллиарда долларов.

Часто задается вопрос: нужны ли «Певексы»? Мы считаем, что — да. В прошлом году 55% вырученной суммы было передано двум ведомствам: 20%, или 88 млн, — министерству финансов ПНР для покрытия государственного платежного баланса, а 55%, или 155 млн долларов, — министерству внутреннего рынка ПНР, что позволило укрепить внутренний рынок конвертируемой валютой, закупить необходимые машины и дефицитные товары. Поэтому я считаю, что, пока у людей имеется так необходимая государству конвертируемая валюта, нужно добиваться, чтобы она оставалась в стране. «Певексы» — один из путей решения этой задачи».

Рецензент. Внимательный читатель может заметить нам, что, судя по сообщениям прессы, экономическое положение в ПНР не улучшается, несмотря ни на частный или иностранный капитал, даже несмотря на экономические реформы или успехи за «круглым Столом». Но все сразу ведь не бывает. Пока есть надежды — и вполне обоснованные — на достижение национального согласия поляков. А ретивые максималисты могут принести только вред. Такова мораль беседы с Председателем Совета Министров ПНР М. Раковским и лидером «Солидарности» Л. Валенсой, которую передало венгерское телевидение (6.02.1989) в связи с предстоящими в Польше переговорами за «круглым столом».

В начале беседы Раковский констатировал, что эти переговоры означают начало создания в Польше новых политических структур, расширение диалога между польскими гражданами, придерживающимися различных взглядов.

Отвечая на вопрос, в чем состоит важнейшая задача участников переговоров, Валенса сказал: «Прежде всего надо изучить возможности и достичь договоренности относительно необходимости реформ, основанных на плюрализме и свободе». Говоря о проблеме единства «Солидарности», он отметил: «По моим подсчетам, около одного процента членов «Солидарности» удовлетворены тем, как она действует сегодня. Часть членов считает, что необходимы коренные изменения, причем немедленно. Эта группа не слишком многочисленна, зато весьма громогласна. Большинство же, то есть более 90 процентов членов, полны решимости покончить со сталинским периодом и желают жить в условиях свободы. Однако этого они намерены добиваться осторожно, обдуманно, мирными путями при минимальных потерях. Себя я причисляю к этой группе. У нас и в странах, подобных нашей, в настоящее время нет такой партии или политической силы, которая бы с полной ответственностью могла взять на себя власть. Вместе с тем уже сегодня мы способны заменить слабых людей сильными. Плюрализм в будущем способен создать возможности для того, чтобы воспитать способных, умных людей, которые организованно смогут изменить политические отношения. Но сегодня мы можем бороться исключительно только за такие возможности, которые принесут свои плоды лишь в будущем».

М. Раковский добавил к сказанному: «Наиболее широкий плюрализм сегодня — это прежде всего создание различных ассоциаций, объединений, политических клубов, поскольку на данном этапе развития социализма образование новых партий мы не считаем необходимым. Хотя весьма возможно, что на базе этих ассоциаций и объединений когда-нибудь и родятся такие партии. Недавно я слышал интересное высказывание одного западного политика, утверждавшего, что в любой момент следует знать, сколь быстро можно двигаться вперед. В этом и заключаются суть вопроса и главное предупреждение».

Автор. Если то, о чем мы говорили выше, имеет положительный аспект, что же тогда представляют собой плохие новости? Обычный набор явлений, в той или иной степени характерных для любой страны.

Газета «Экспресс вечерны» (5.04.1988) опубликовала статью, в которой анализирует деятельность черного рынка труда, то есть нелегальной трудовой деятельности, которая нигде не регистрируется и никем не облагается налогами. К предприятиям такого рода польские экономисты относят все фирмы и отдельных лиц, действующих незаконно с точки зрения существующих правовых норм. Однако эти оценки имеют

свои слабые места. Часто случается даже так, что деятельность, вчера считавшаяся незаконной, сегодня обретает полное право на существование. В качестве примера приводится факт, что в 50-е годы наличие валюты на руках у частного лица считалось преступлением, а сегодня любой может завести себе счет в банке и хранить там любую западную валюту.

В статье говорится, что имеются серьезные сложности в определении нелегальной трудовой деятельности. Она носит всеобщий характер, обусловлена неравновесием внутреннего рынка и предлагаемых населению услуг. Это приводит к незаконному обогащению большого количества людей. По имеющимся данным, обороты этого рынка составляют от 10 до 21% денежных доходов населения.

Наиболее ярко деятельность этого рынка проявляется в ремесленничестве, в таких отраслях, как строительство, ремонт радио- и телетехники, автомобилей, транспортные услуги и т. п. В одном только строительстве в Калишском воеводстве нелегально работает около 20% всех зарегистрированных здесь ремесленников, в Катовицком — 30, а в Вельском — от 25 до 35%.

По данным Института экономики сельского хозяйства ПНР, количество неофициальных услуг в деревне достигает 25% всех выплат, производимых крестьянами. Это касается прежде всего услуг, которые соседи предоставляют друг другу. Кроме того, речь идет о нелегальном производстве самогона, которое дает большую прибавку в доходах достаточно большой группе населения.

К такого рода деятельности также относится предоставление услуг за твердую валюту иностранцам, таких, как ночлег, транспорт, вплоть до проституции. Впервые в послевоенной истории количество вкладов в твердой валюте в пересчете по курсу черного рынка на золотые превысило вклады в сберегательных кассах.

По мере улучшения экономического положения страны черный рынок, видимо, будет приобретать более цивилизованные формы. Однако даже далеко идущие меры по упорядочению этого рынка не приведут к полному его исчезновению. По мнению автора статьи, в борьбе с этими негативными явлениями упор должен быть сделан прежде всего на средства экономического воздействия, а не на репрессивные меры. Надо помнить, что неформальная экономика существует не только в Польше. Она есть во всем мире, и, видимо, надо научиться с ней сосуществовать, а в дальнейшем, может быть, даже и кооперироваться.

Государство в Польше несет огромный ущерб от забастовок на шахтах, верфях, металлургических комбинатах, оборонных заводах и т. д. Срываются экспортные поставки, а западным партнерам приходится еще и неустойку выплачивать. Бастует, к примеру, Щецинский порт (август 1988 г.) — приходится направлять суда в порты ГДР и ФРГ. Кончается забастовка в Щецине, но судовладельцы по привычке продолжают обходить порт стороной.

Как заявил уполномоченный правительства ПНР Е. Урбан, в результате подобных действий «Солидарности» в 1981 г. Польша прочно, просто безвозвратно утратила свое значение как страна, через территорию которой осуществляются транзитные перевозки. Были созданы минуя Польшу морские паромные переправы. Международный газопровод, по которому осуществляются поставки советского газа, был проведен по маршруту в обход территории ПНР. Польша потеряла из-за этого более 10% стоимости транспортируемого газа.

В газете «Вашингтон пост» (12.02.1989) была опубликована следующая статья Джексона Дила:

«Варшава. Даже несмотря на то, что между коммунистическим руководством Польши и запрещенным профсоюзом «Солидарность» начались переговоры по широкому кругу вопросов, страну охватила новая волна трудовых конфликтов, которая грозит разрушить последние опоры экономики, балансирующей на грани краха.

Как сообщил представитель правительства Ежи Урбан, только в январе на польских предприятиях имели место 173 конфликта из-за заработной платы и 39 «забастовочных ситуаций», в то время как рабочие требовали повышения заработной платы, чтобы свести концы с концами в условиях растущей инфляции. Во многих случаях, заявляют должностные лица, руководители государственных предприятий уступали этому нажиму и шли на повышения заработной платы рабочим, значительно превышающие те, что предусмотрены новыми установками правительства.

Например, в городе Белхатуве около 5 тыс. горняков, снабжающих колоссальную электростанцию, продолжали сегодня забастовку, несмотря на попытки двух видных деятелей «Солидарности», направленных ее председателем Лсхом Валенсой, положить конец этому выступлению протеста. Горняки, которые требуют повышения заработной платы в размерах, эквивалентных 30% нынешней средней заработной платы, заявили, что они не хотят срывать переговоры за «круглым столом» между правительством и оппозицией, однако будут продолжать забастовку до тех пор, пока не удовлетворят их требования.

Должностные лица правительства и ведущие экономисты оппозиции отмечают, что новые требования о повышении заработной платы могут привести к новому неконтролируемому росту инфляции и грозят довести до краха и без того ухудшившееся положение на рынке потребительских товаров. Хотя уровень инфляции в прошлом году достиг 70%, в связи с чем рабочие по всей стране стали требовать повышения заработной платы, прирост доходов достиг в декабре ежегодного уровня в 135% и, судя «по всему, продолжает расти. В результате поляки имеют для расходов гораздо больше злых, чем товаров в магазинах, и инфляция, по всей вероятности, приближается к 100%».

«Польская экономика находится на грани хаоса», — предупредил премьер-министр Мечислав Раковский в одном из недавних выступлений. Он добавил. «Наиболее серьезная угроза для польской экономики, а также для существования Польши как национального государства — это колоссальный нажим с целью добиться повышения заработной платы. Если этот нажим будет оказываться еще несколько месяцев, то нас всех ждет катастрофа».

Выработка договоренности о совместных усилиях «Солидарности» и правительства, направленных на прекращение роста инфляции, как ожидают, будет одной из главных целей переговоров за «круглым столом», в ходе которых будут обсуждаться экономические и политические преобразования, включая легализацию «Солидарности». Однако экономисты с обеих сторон заявляют, что прекращение принявшей анархические формы борьбы за повышение заработной платы и заполнение товарами пустых прилавков магазинов будет медленным и трудным процессом, подверженным срывам.

«Нам следует продвигаться эволюционным путем, — подчеркнул Анджей Всловейский, один из ведущих экономистов, участвующий в этих переговорах. — Это означает необходимость убеждать людей проявлять терпение. Нам следует говорить им, что мы сохраним их нынешний уровень жизни, однако мы не можем устранить несправедливости, которые уже существуют из-за неравенства доходов и различия цен».

Приобретение товаров в магазинах стало весьма трудным делом для многих потребителей. Хотя основные продукты питания по-прежнему имеются в широкой продаже, приобрести такие потребительские товары длительного пользования, как мебель, одежда и бытовые электроприборы, почти невозможно. Лихорадочное приобретение товаров потребителями, которые изо всех сил стараются избавиться от своих злых, кампания на экспорт, которую проводит правительство, и недостаточное производство продукции принадлежат к числу причин, по которым выбор в универмагах стал сейчас практически хуже, чем когда бы то ни было, и по которым обычными стали длинные очереди покупателей, ожидающих поступления товаров.

В ежедневных газетах появляется множество сообщений об ужасах приобретения товаров в магазинах. Один из магазинов по продаже телевизоров в Варшаве предложил недавно программу предварительной оплаты, позволяющую потребителям заранее вносить плату за телевизоры и таким образом закреплять за собой место в списке покупателей, ожидающих будущих поставок. В результате очередь из 1500 покупателей

появилась перед магазином за четыре дня до того, как должно было начаться проведение в жизнь этого предложения.

Одним из методов борьбы с колоссальным притоком средств к лицам, получающим заработную плату, могло бы стать значительное повышение цен на продукты питания. Однако правительство Раковского, признавая, что оно не располагает достаточно сильными в политическом отношении позициями, чтобы пойти на такую меру, планирует в этом году повысить цены на продукты всего на 15%, даже если для этого потребуется увеличить субсидии по меньшей мере на 60%. В то же время оно планирует ряд нетрадиционных мер для поглощения избыточных злотых.

В прошлом месяце, например, Государственный сберегательный банк уговорил поляков делать вклады на 6 месяцев в размере по меньшей мере 50 тыс. злотых, или около 95 долларов, предлагая выигрыш в лотерею в размере 50 млн злотых, или 95 тыс. долларов. Ловушка состоит в том, что процентная ставка такого вклада — всего 12%, а это значит, что тысячи людей, которые приняли предложение банка, неизбежно потеряют 80% стоимости своих денег за 6 месяцев.

Власти также явно стараются продавать немногочисленные автомобили польского производства покупателям, предлагающим наивысшую цену на публичных аукционах, и импортируют такие предметы роскоши, как драгоценности, чтобы продавать их по бешеным ценам в злотых. На рассмотрение сейма был направлен законопроект, предусматривающий преимущественную отмену контроля над сделками в иностранной валюте, с тем чтобы поляки могли свободно вкладывать свои обесцененные злотые в доллары и расходовать их в магазинах, где товары продаются за твердую валюту, число которых быстро растет.

Тем не менее экономисты «Солидарности» указывают на то, что правительство свело на нет эти ограниченные меры, уступив требованиям перекачивать новые миллиарды злотых в карманы потребителей. Например, на прошлой неделе сейм принял законопроект, предусматривающий значительное повышение заработной платы всем государственным служащим, труд которых оплачивается из центрального бюджета, в попытке прекратить выступления протеста медицинских работников.

«Это ставит нас в весьма трудное положение, — заявил один экономист из «Солидарности», участвующий в переговорах между оппозицией и правительством. — С одной стороны, с экономической точки зрения это повышение заработной платы было полностью безответственной мерой, с другой стороны, как профсоюз мы должны представлять интересы рабочих. Таким образом, как мы можем стать той силой, которая заявит правительству, что оно слишком много платит нашим людям?»

Экономисты из «Солидарности» заявляют, что единственный путь к ограничению роста инфляции — это создание системы «коллективных договоров», регулирующих повышение заработной платы рабочим. В соответствии с этой программой рабочие в каждом секторе экономики будут вырабатывать вместе с правительством основополагающие правила повышения заработной платы, которыми затем будут руководствоваться все предприятия. Теоретически это предотвратит такое широко распространенное сейчас явление, как успешное проведение забастовок с требованием повышения заработной платы на одном предприятии, которое провоцирует забастовки на многих других предприятиях, поскольку рабочие хотят получить такую же прибавку.

В то же время эксперты оппозиции признают, что многим полякам придется согласиться на жертвы, чтобы остановить инфляционную спираль. «Необходимо, чтобы кто-то откровенно сказал народу, что стоимость денег, которые у него есть, придется уменьшить, — подчеркнул Ришард Бугай, член группы экономистов «Солидарности» на переговорах, — в противном случае нас ожидает реальная опасность безудержного роста инфляции».

Рецензент. Польская печать выражает обеспокоенность и тем, что в последние два года падает показатель раскрываемости преступлений. В 1988 г. органам охраны общественного порядка удалось задержать виновных лишь в 66,3% уголовных преступлений.

Что касается такого рода преступлений, как, например, кража со взломом, то арестован лишь каждый второй преступник. Общий объем потерь 1988 г., понесенных в результате всех видов преступлений, увеличился по сравнению с 1987 г. почти вдвое и достиг суммы 52 млрд злотых.

На 11% возросло в Польше в 1988 г. количество квартирных краж. Отмечен также количественный рост таких преступлений, как угоны автомобилей и карманные кражи. Об этом сообщил журналистам заместитель генерального прокурора ПНР Г. Старшак. Общее число зарегистрированных в 1988 г. уголовных преступлений превысило 475 тыс., что на 6,5% меньше, чем в 1987 г. Одновременно почти на 10% снизилось количество хозяйственных преступлений, хотя объем понесенных от этого рода преступности потерь возрос до уровня 9,5 млрд злотых.

Автор. Чуть более оптимистические данные о прогнозах общественного развития Польши содержит интересный обзор профессора А. Райкевича «Социальная политика и демография», появившийся в варшавской газете «Речь Посполита» (18.08.1988):

«Польша принадлежит к тем европейским странам, в которых наблюдается динамичный прирост населения, что, в свою очередь, требует соответствующих мер в социальной политике.

К началу 1988 г. численность населения Польши достигла 37,8 млн человек. В период с 1946 по 1987 г. в стране родилось 27,8 млн детей, а естественный прирост населения составил 15,8 млн. Это был самый большой прирост в Европе, за исключением СССР. Одной из характерных особенностей этого периода был значительный рост населения городов. Если к началу 1946 г. их было 7,6 млн, то в конце 1987 г. это число возросло до 23 млн. В то же время сельское население сократилось всего на 1,5 млн и в 80-х годах сохраняется на уровне 14,8 млн. Следует добавить, что детей, родившихся в городах, было больше, чем на селе (соответственно 324 и 320 тыс.).

В послевоенные годы в Польше были два значительных подъема рождаемости — в 1955 г. родилось 795 тыс. детей, а в 1983 г. — 721 тыс. С этого момента рождаемость в стране падает, а в минувшем году родилось всего 602 тыс. детей. В этой связи в статье обращается внимание на факторы, которые тесно увязываются между демографическим положением и социальной политикой: это рождение внебрачных детей, увеличение числа детей разведенных родителей, сокращение продолжительности жизни мужчин, эмиграция поляков.

В Польше ежегодно рождаются около 32 тыс. внебрачных детей, 70 тыс. детей становятся сиротами. В целом около 150 тыс. детей ежегодно причисляются к неполным семьям.

По данным Главного статистического управления ПНР, растет в Польше и число инвалидов. Если в 1978 г. их было 2,5 млн, то в 1984 г. насчитывалось свыше 3,6 млн, в том числе 800 тыс. в возрасте до 50 лет. На это отрицательно влияют и плохие условия труда. По данным ГСУ, в таких условиях трудится около 1,5 млн человек.

В 1986 г. продолжительность жизни женщин была на 8,3 года больше, чем у мужчин, и соответственно составляла 75,1 и 66,8 года.

Польша является страной «повышенной эмиграции». В послевоенные годы из нее выехало 1,7 млн человек, в том числе в 1981—1987 гг. — около 170 тыс. В тот же период около 600 тыс. польских граждан остались жить на Западе, а 115 тыс. получили право на выезд. Около 70% новых эмигрантов — люди до 35 лет. Среди эмигрантов — 20 тыс. инженеров, около 3 тыс. врачей, 1,5 тыс. научных работников, 1,5 тыс. архитекторов. Предполагается, что до 2000 г. из страны выедет еще около полумиллиона человек. Наибольшее число польских эмигрантов проживает в ФРГ, США и Швеции.

По прогнозам ученых Польской академии наук, подготовивших программу «Польша в 2000 г.», к началу нового века численность населения страны должна достигнуть 40 млн человек. Возрастет число людей пенсионного возраста с 4,5 млн в 1985 г. до 8 млн в 2025 г.

В связи с этим необходимо развивать строительство объектов социального назначения и услуг, больше внимания уделять социальным завоеваниям, семье как основной ячейке общества».

Рецензент. У нас что не статистическая выкладка или социологический опрос, то аномалия. Кто-то из наших экономистов, кажется профессор Калета, констатировал, что в Польше каждый занятый на производстве должен содержать десятерых работников непроизводственной сферы. Низкая оплата труда в стране делает этот труд непрестижным. Тот же польский рабочий или профессор получит за свой труд в Нигерии, Ливии или США намного больше, чем у себя на родине.

Ну чем не «польская аномалия»: студенческая стипендия бывает зачастую выше, чем заработок инженера — молодого специалиста. Последний, разумеется, стремится работать не по специальности, а найти выгодное место в любой другой сфере.

Вы верно отметили в вашей книге (с. 279) начало новой волны легальной и нелегальной эмиграции польской молодежи за границу в поисках заработка. Однако зачем приписывать все это влиянию зарубежной пропаганды или деятельности центров политической диверсии? Большинство из тех, кто уехал, хотели бы иметь достойное существование у себя дома и никуда не уезжать. Не следует также забывать, что подобному «исходу» способствовали акции... нашего собственного правительства. Так, один из вице-премьеров, ответственный в конце 70-х годов за польские трудовые ресурсы, публично заявлял о том, что наше хозяйство в 80-е годы не справится, мол, с последствиями так называемого демографического пика и работа станет дефицитом.

Сегодня выпускники вузов уезжают на Запад, а в стране есть миллион свободных рабочих мест. Так что вовсе не во всем виновата «Солидарность». И не только многомиллиардные (в долларах) потери понесла наша экономика, но и огромный урон был нанесен морали и психике народа. Винить в этом Запад? Делать упор, как у вас получилось в книге, на исключительный успех подстрекательской политики зарубежных идеологических центров? Сегодня вы уже это не повторите. Вы будете говорить, и будете правы, что легиону агентов ЦРУ и лучшим его «мозговым центрам» не по силам сделать то, что свершили со своими народами вожди сталинизма и герои застоя.

Автор. Вы хотите сказать, что, как бы ни зубоскалила западная пропаганда по поводу польской эмиграции, негоже приписывать этой пропаганде чужие грехи? Согласен, не стоит преувеличивать чужие возможности. Но очень уж красочно, с нескрываемым удовлетворением живописуют американские, к примеру, газеты польские проблемы.

Газета «Вашингтон пост» (7.04.1988) опубликовала следующую статью Джексона Дила:

«Варшава. 27 лет спустя после строительства Берлинской стены цена, которой приходится расплачиваться за то, чтобы иметь возможность попасть по ту сторону этой стены и бежать на Запад, определена в столице этой страны восточного блока и, надо сказать, значительно обесценена—101 доллар США.

Хотя эта стена и граница между Востоком и Западом по-прежнему представляют собой серьезное препятствие для восточных немцев, которые хотят бежать на Запад, любому поляку, уставшему от коммунизма, достаточно лишь зайти в государственное туристическое агентство «Пегротур» и записаться на одну из ежедневных автобусных поездок в Западный Берлин.

Цена, 101 американский доллар, включает в себя не только оплату поездки, но и плату за получение паспорта и разрешение на выезд, всем этим занимается агентство. Обычно проходит не больше двух недель с того момента, когда будущий эмигрант входит в здание агентства, и до того момента, когда он на комфортабельном автобусе выезжает в Западный Берлин, минуя Берлинскую стену.

Сотрудники туристического агентства говорят, что, когда автобусы отправляются в ту сторону, почти все места, а каждую неделю это составляет почти 300 мест, заняты, между тем большинство автобусов возвращается по крайней мере наполовину пустыми. «Примерно половина людей в конце концов возвращается, поработав какое-то время на Западе, — говорит директор агентства — Но приблизительно десять процентов уже больше не возвращаются».

«Отправка поляков за границу, — говорит он далее, — это неплохое дело».

И действительно, поездки на Запад стали таким легким и простым делом в Польше, что на смену старым проблемам, связанным с доступом к паспортам и воссоединению семей здесь, пришли вопросы, связанные с массовой эмиграцией и «утечкой мозгов».

Благодаря неуклонной либерализации паспортных и других правил, касающихся поездок за границу с 1983 г., свыше 175 тыс. поляков эмигрировали на Запад, 383 тыс. других просрочили свои визы во время пребывания там — таковы правительственные данные. Римская католическая церковь считает, что свыше 500 тыс. поляков навсегда покинули страну с 1980 г.

Правительству генерала Войцеха Ярузельского приходится все чаще сталкиваться с жалобами Западной Германии и Австрии по поводу десятков тысяч поляков, которые незаконно приезжают в эти страны каждое лето, наводняя лагеря для беженцев и эмигрантов, и ему вовсе не приходится спорить со своими западными соседями из-за разрешений на эмиграцию.

Представитель правительства Ежи Урбан недавно задал тон официальной пропагандистской кампании, подчеркивая приток на Запад из Польши квалифицированных инженеров, врачей и других молодых профессионалов. Западные страны, утверждал он, «выкачивают» из Польши некоторые достижения социализма».

Между тем Урбан подчеркнул, что Польша будет продолжать и впредь проводить свою политику либерализации ограничений на поездки, которые она рассматривает как один из ключевых элементов общей программы экономической и политической реформы.

«Мы не думаем о том, чтобы отказываться от своей политики открытых дверей и открытых границ, в равной мере мы не занимаемся своего рода торговлей людьми, — сказал Урбан. — Правительство рассматривает тот факт, что столь многие поляки совершают поездки за границу, как весьма положительную тенденцию и собирается еще больше облегчить их».

Подход Польши разделяет Венгрия, которая в январе стала первой страной восточного блока, выдавшей своим гражданам паспорта, которые можно держать дома и использовать для неоднократных поездок за границу без всякого предварительного разрешения.

Венгры, которые хотят поехать за границу, могут получить паспорт, это очень просто сделать в местном полицейском участке, и могут обменять в одном из государственных банков 3 тыс. форинтов, то есть примерно 65 долларов, на западную валюту.

Вместе взятые, эти две страны представляют собой коммунистический образец открытых границ, который может оказать серьезное влияние на другие страны восточного блока в период общей политической либерализации. Под нажимом в своих странах и на форумах, на которых встречаются представители Востока и Запада с целью добиться ослабления ограничений на поездки за границу, Советский Союз, Восточная Германия и другие восточноевропейские страны взвешивают потенциальные политические выгоды открытых границ на фоне потерь в плане эмиграции, отмечают специалисты по анализу.

Эта проблема является также испытанием для Запада, который, хотя он и настаивает на том, чтобы страны советского блока открыли свои границы, отнюдь не проявляет такого же желания принять поток эмигрантов. Италия и Австрия уже отправляют

обратно многих восточных европейцев, которые хотят получить убежище в этих странах, а Западная Германия предприняла первые шаги для высылки некоторых из 30 тыс. поляков, которые ежегодно прибывают туда.

Австрийские должностные лица заявили в прошлом месяце, что, по их подсчетам, число представителей стран восточного блока, которые хотят получить убежище в Австрии, увеличится в этом году в 3 раза и достигнет 30 тыс. человек из-за ослабления ограничений на заграничные поездки в Венгрии и Польше. Но хотя Австрия стала недавно вторым местом эмиграции на Запад — после Западного Берлина, — отменившим требование о выдаче виз полякам, она отказалась предоставить право на жительство большинству эмигрантов из Польши и Венгрии.

В Будапеште популярность новой политики в области зарубежного туризма была продемонстрирована огромными очередями длиной в целые кварталы у полицейских участков, куда жители устремились, чтобы получить новые паспорта.

Еще до того, как была принята на вооружение новая политика, рекордное число венгров — 7,2 млн человек — из населения, численность которого незначительно превышает 10 млн человек, ездили за границу в 1987 г., в 1986 г. эта цифра составляла 6 млн. В соответствии с новой системой валютные правила, по существу, ограничивают число поездок венгров за границу шестью поездками на Запад в течение трех лет, впрочем, они могут ездить туда чаще, если запишутся в поездки туристических групп в официальных туристических агентствах.

Венгрия и Польша продолжают проводить дискриминацию лишь в отношении некоторых видных диссидентов, которым они отказываются предоставлять документы, необходимые для поездки за границу. Так, Леху Валенсе, руководителю запрещенного независимого профсоюза «Солидарность», было отказано в разрешении поехать в Австралию на профсоюзную конференцию, что привело к дипломатическому конфликту между Польшей и Австралией.

Самые важные дебаты в Польше в области политики в отношении туризма касались массового потока эмигрантов в западные страны в последние годы. В то время как Урбан и другие официальные представители возлагали на индустриальные западные страны вину за то, что они соблазняют молодых профессионалов в Польше более высоким жалованьем, католическая церковь возложила вину целиком и полностью на неудачи коммунистического правления.

«Молодые, динамичные люди не видят для себя места и области деятельности в рамках существующей ныне системы», — говорится в докладе об эмиграции, опубликованном в прошлом месяце социальным советом примаса.

Несмотря на разные публичные оценки, проблема эмиграции становится одной из областей молчаливого сотрудничества церкви и государства. Руководители церкви, в том числе папа Иоанн Павел II, присоединились к обращенному к молодежи призыву правительства не уезжать из страны.

В то же время церковь поддерживает проводимую правительством открытую политику в вопросе поездок за границу.

«Право самому выбирать местожительство, а также на свободное передвижение принадлежит к числу важных и признанных прав человека, поэтому абсолютно правильно то, что польские граждане могут осуществить это право, — говорится в докладе церкви. — Мы отдаем себе отчет в том, что деятельность, направленная на сокращение эмиграции может лишь ограничить, но не полностью затормозить это явление, масштабы которого растут».

Газета «Нью-Йорк таймс» (16.02.1988) опубликовала статью под заголовком «Поток эмигрантов из Польши беспокоит режим и церковь». В ней, в частности, говорится:

«Поток молодых поляков, которые уезжают из страны — некоторые в стремлении заработать за границей, а затем вернуться, другие — чтобы остаться там навсегда, — не ослабевает, вызывая все большую обеспокоенность руководителей правительства и католической церкви».

Согласно неофициальным данным, ежегодно страну с населением 37 млн человек навсегда покидает около 100 тыс. человек, возраст большинства из них — от 23 до 35 лет. Эмигрируют приблизительно 10% всех выпускников университетов.

По результатам опросов, проведенных недавно Институтом по исследованию проблем молодежи, почти 12% молодых поляков в возрасте от 15 до 19 лет выразили желание эмигрировать на Запад — в основном ввиду экономических причин.

Однако власти, возможно, больше обеспокоены тем, что почти 69% опрошенных сказали, что они не думают, что желание эмигрировать из страны говорит об отсутствии патриотизма.

Генерал Ярузельский, польский руководитель, пытающийся осуществить программу политических и экономических перемен, обратился в своем новогоднем послании с призывом к молодым полякам остаться на родине и поддержать перемены. Папа Иоанн Павел II обратился с аналогичным призывом, принимая в Риме польских паломников, а также во время своей поездки в Польшу в июне прошлого года.

Проблема эмиграции является постоянной темой на переговорах между руководителями правительства и церкви.

Некоторые официальные представители утверждают, что массовый выезд из страны приносит пользу, так как это своего рода предохранительный клапан, который избавит страну от людей, деятельность которых приводит к беспорядкам.

«Разумеется, их отсутствие является большой потерей для политической и экономической жизни, — сказал Станислав Квятковский, директор правительственной организации по проведению опросов общественного мнения и один из ближайших помощников генерала Ярузельского. — С другой стороны, их присутствие в стране также является причиной брожения. Брожение может быть одним из важных факторов прогресса. Однако не всякое брожение приносит плодотворные результаты».

Более того, подчеркнул он, многие молодые люди, выезжающие из Польши, в конечном итоге возвращаются, привозя с собой капитал и ценные навыки.

Тем не менее другие специалисты утверждают, что эта утечка наносит долговременный ущерб, так как большинство молодых людей, уезжающих из Польши, являются самыми образованными и способными представителями своего поколения. Кроме того, они обычно остаются за границей в свои самые продуктивные годы.

«Они не только самые образованные, но и самые способные, — сказал профессор Михал Козакевич, социолог из Варшавского университета и специалист по проблемам молодежи. — Коллеги часто сокрушаются, что самые способные ассистенты уезжают в Западную Германию, Соединенные Штаты и Францию. Это превращается в небольшую «утечку умов».

Рецензент. Польское правительство, конструктивная оппозиция и церковь практически едины сегодня в своих призывах к польской молодежи не покидать страну отцов.

Автор. «Нельзя обижаться на родину» — под таким заголовком «Тыждник польски» (13.10.1988) печатается интервью члена Консультативного совета при Председателе Государственного совета ПНР, советника бывшей «Солидарности» В. Сила-Новицкого. Он сказал:

«Трудная политическая, социальная и экономическая ситуация страны требует активности от каждого любящего свою страну гражданина. Я являюсь ярким противником эмиграции из Польши. Считаю, что поколение наших дедов и прадедов переживало более тяжелые времена, чем сейчас. Почему мы должны быть более плохими, чем те, которые жили на этой земле до нас? Никому нельзя обижаться на родину.

Эмиграция поляков — это явление, которое существует уже более двухсот лет с момента утраты Польшей национальной независимости. Поляки продолжали эмигрировать из страны и после восстановления ее национальной независимости. Сегодня на Востоке и Западе постоянно проживает 13 млн человек польского происхождения, то есть практически каждый четвертый поляк живет за рубежом. Если во время утраты

Польшей независимости и в межвоенный период выезжали за рубеж в основном люди простые, неграмотные, то ныне эмигрируют чаще всего обеспеченные люди с целью улучшить свое материальное положение. Власти ПНР заявляют, что такая позиция не имеет ничего общего с гражданственностью и, более того, наносит ущерб полякам.

После завершения второй мировой войны из Польши эмигрировали полтора миллиона человек. Вместе же с военными беженцами, людьми, вывезенными гитлеровцами на работу в Германию или концлагеря, эта цифра достигает двух миллионов человек и имеет по-прежнему тенденцию к росту. В 1945—1955 гг. из Польши эмигрировали 500—600 тыс. человек, в 1955—1979 гг. — еще 800 тыс., в 80-е годы — около 300 тыс. человек.

СССР является второй после США страной по количеству проживающих там поляков, о чем до недавнего времени стыдливо умалчивалось. В СССР проживает 1151 тыс. граждан польского происхождения. Эта проблема не затрагивалась в партийных и правительственных документах. Сотрудничество с гражданами других социалистических стран польского происхождения не учитывалось в межправительственных соглашениях о научных и культурных связях. Все указывает на то, что положение меняется. После встреч В. Ярузельского и М. С. Горбачева, подписания Декларации о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры 21 апреля 1987 г. можно наблюдать в Советском Союзе волю к нормализации контактов ПНР с поляками, проживающими в СССР. Благодаря перестройке рождается новая ситуация, начинают появляться возможности урегулирования многих проблем, которые в течение десятилетий считались «белыми пятнами». Сложившаяся годами ситуация использовалась в пропаганде Запада против Польши, а также враждебными ПНР эмигрантскими группировками и оппозиционными центрами внутри страны.

Принятые обществом «Полония» меры, направленные на оживление сотрудничества с более чем миллионом лиц польского происхождения в СССР, наверняка будут с признательностью восприняты польской эмиграцией во всем мире, будут также служить укреплению дружбы между поляками и народами СССР».

О советско-польских отношениях

Рецензент. Большинство поляков, проживающих на огромной территории СССР, никогда не были в ПНР. Эти люди не имеют в Польше ни семей, ни родных, поэтому не могут посетить страну по их приглашению. Этот требующий урегулирования вопрос, который затрагивается во время межгосударственных переговоров, все еще не решен.

Автор. Варшавский журнал «Контрасты» (март 1988 г.) напечатал статью «Полония в СССР», в которой говорится о проблемах польского национального меньшинства в Советском Союзе. Ее автор, К. Дроздовский, в частности, пишет:

«В последние годы понятие «Полония» распространилось и на поляков, о которых до сих пор не говорилось, которые очутились за границей, хотя никогда не эмигрировали, которые живут там, где жили их деды, или очутились за несколько тысяч километров на востоке от своих домов в результате категорических политико-административных мер сталинского периода. Конечно, речь идет о поляках, проживающих в СССР».

Еще год-два назад наши знания о поляках, проживающих в СССР, были минимальные и контактов с ними практически не было. Ситуация резко изменилась после подписания в апреле прошлого года Декларации о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры. Создалась новая атмосфера, открылись новые

возможности деятельности, и, прежде всего, тема «Поляки в Советском Союзе» перестала быть запретной. До сих пор поляки в СССР чувствовали себя заброшенными, забытыми. Никто о них не говорил и не писал. Знание польского языка молодым поколением практически зависело от их родителей. Кроме Литвы и Львовской области, в СССР нет польских школ.

Ликвидация различных форм организованной жизни польского национально-го меньшинства началась в 30-е годы. В середине 40-х годов поляки как этническая группа уже не имели своих представителей в местных и центральных органах власти. И сейчас они не имеют даже собственного общественно-культурного общества. Но самое большое беспокойство, и не только в Советском Союзе, но и во всем мире, вызывает тот факт, что сокращается количество польских школ. Еще в 30-е годы в Белоруссии было 132 польские школы, на Украине — 364, в Российской Федерации — 27. Сегодня польских школ в Советском Союзе насчитывается около 200.

Многие думают, что в СССР люди польского происхождения в основном живут в Литве и на Западной Украине. По данным переписи населения 1970 г., советских граждан польского происхождения больше всего находилось в Белоруссии — свыше 400 тыс., на Украине — 300 тыс., в Литве — 240 тыс., Российской Федерации — 107 тыс., Латвии — 63 тыс., Казахской ССР — 61 тыс., Молдавии — 5 тыс., в других районах страны — 13 тыс. В своем большинстве они испокон веков живут на этих землях. Исключение составляет значительная группа поляков, проживающая в Казахстане. История их обидела больше, чем других. Первые поляки сюда были сосланы в канун второй мировой войны. Они были первыми поляками, которых коснулись репрессии сталинизма.

В самом лучшем положении сейчас находятся поляки, проживающие в Литве. В других советских республиках их ситуация значительно хуже. Особенно далеко зашел процесс ассимиляции в Белоруссии. Это результат сродства языков, но, самое главное, там нет польских школ. Данная проблема сейчас является одной из основных в наших беседах с советской стороной. Но самое существенное — это, конечно, отношения между людьми. Здесь имеются в виду контакты между родственниками. До сих пор на их пути было много препятствий. В прошлом году соответствующие советские органы пересмотрели свои установки относительно облегчения этих связей. Может быть, и туристские маршруты для поляков не будут обходить стороной места, связанные с культурной жизнью поляков. Мало мы знаем о вкладе ученых польского происхождения в развитие СССР. Проблемой является также не соответствующий действительности образ Польши, который в СССР создавался в последние годы. Обычно в советских средствах массовой информации появлялись схематичные материалы о Польше, в которых не отражались действительная жизнь страны и ее проблемы».

Рецензент. В августе 1988 г. состоялась первая передача на польском языке литовского телевидения. 11 марта 1989 г. в Варшаве открылся съезд общества советских граждан, постоянно проживающих в Польше. Подобные сообщения часто встречаются как в польской, так и в советской прессе.

Перестройка неминуемо выносит на общественное обсуждение в СССР и в ПНР новый пласт спорных ситуаций в сфере межнациональных отношений. В ходе обсуждения проблем национального согласия в Польше довольно редко появляются выступления, посвященные проблемам национальных меньшинств, которые проживают на территории страны.

Тем более примечательным является выступление публициста Е. Томашевского в еженедельнике «Политика» (3.02.1989), не только привлекающего внимание читателей к правам граждан ПНР других национальностей, но и выдвигающего определенные предложения в Данной области.

Наиболее многочисленны, по данным автора, проживающие в Польше украинцы и белорусы. Менее многочисленны немцы, русские, чехи, словаки, греки, цыгане, евреи, литовцы. Проживают в стране также караимы, татары, армяне.

«В 70-е годы пропаганда провозглашала миф о национальном единстве граждан Польши, с которым страна уже распрощалась. В ходе споров на эту тему появилось мнение, что в польском парламенте должны быть депутаты, представляющие национальные меньшинства. Оказывается, что существующая система избирательного законодательства не дает возможности для существования подобного представительства. Таким образом, мы имеем в Польше парадоксальную ситуацию. Существование культурных национальных обществ доказывает, что польское государство признает национальные меньшинства как общественный факт. Хотя статистические данные и не собраны, по различным подсчетам, граждан иных национальностей около 600—800 тыс. (здесь цифра явно занижена, ибо, по официальным данным, лишь православных, в абсолютном большинстве белорусов и украинцев, в стране 850 тыс. — *Прим. Е. Б.*), а значит, примерно 2% населения. Они располагают, хотя и не всегда, представителями в местных органах власти и партийных органах по месту жительства. У них даже есть довольно незначительное представительство в некоторых все-польских организациях, например в ПДНВ. Однако его нет в сейме, где было бы естественным существование примерно восьми депутатов от национальных меньшинств. Таким образом, признание национального плюрализма в Польше носит весьма ограниченный характер. Я считаю, что надлежит найти законодательное решение, которое гарантировало бы присутствие депутатов от меньшинств в Сейме ПНР.

Можно сказать, что участие этих восьми депутатов не будет иметь практического значения, ибо в голосовании они не смогут ничего изменить. Однако благодаря их присутствию и участию в дискуссиях польский парламент сможет лучше понять проблемы, имеющие важное значение для определенной группы граждан, о которой в настоящее время мы слишком часто забываем. Это не вызовет переворота в законодательной процедуре. Но это позволит усовершенствовать решения по многим проблемам с пользой для нас всех, независимо от национальности».

В феврале 1989 г. были опубликованы данные Центра по изучению общественного мнения о советско-польских отношениях. Такие регулярные опросы центр проводит уже три года. Как показали исследования, 63,9% анкетированных советско-польские отношения считают хорошими.

И мы рады этому упрочению связей между ПНР и СССР.

Автор. В июле 1988 г. в ходе визита в ПНР Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева были обсуждены общие перспективы сотрудничества и экономической интеграции. При этом не было необходимости обсуждать конкретные двусторонние экономические проблемы, поскольку по просьбе Польши они были решены до визита в ходе межправительственных контактов, заявил на пресс-конференции представитель правительства ПНР по печати Е. Урбан. Он назвал ошибочной точку зрения некоторых западных средств массовой информации о том, что при насыщенности визита советского руководителя политическим содержанием он якобы ничего не принес в сфере экономической, столь важной для Польши.

«Советское руководство, — подчеркнул Е. Урбан, — пошло навстречу) Польше, приняв предложенные ею пути решения целого ряда хозяйственных проблем. Польская сторона хорошо сознает, что Советский Союз принял ряд непростых для его экономики решений, руководствуясь при этом дружбой и стремлением оказать ПНР поддержку в преодолении ею экономических трудностей.

Без всяких условий подтверждены поставки из СССР в будущей пятилетке на ранее установившемся уровне таких основных видов сырья и источников энергии, как нефть, природный газ, железная и хромовая руды и некоторые другие виды полезных ископаемых. Эти поставки имеют ключевое значение для польской экономики, ибо обеспечивают основы для ее развития в 1991—1995 гг.

Советский Союз выразил согласие на отсрочку выплаты долга Польши в твердой валюте, который составляет около 1,5 млрд долларов, на 10 лет со льготными условиями переноса выплат. СССР предложил Польше еще один кредит, в размере 400 млн рублей, для выравнивания платежного баланса, согласился на применение финансовых условий, действующих на мировом рынке, при оплате труда польских строителей в будущей пятилетке. Эти положения касаются платежей в сумме 1,4 млрд рублей. Рассматриваются также вопросы процедуры замораживания польского долга в расчетных рублях».

Благодаря происходящим в СССР переменам, перестройке открылись новые перспективы значительного обогащения советско-польских связей. ПНР заинтересована в ускорении процессов интеграции с социалистическими странами. Но нынешнее состояние взаимодействия в рамках ЭВБ не удовлетворяет никого из участников этой организации.

Торгпред СССР в ПНР Г. Шукин обращал внимание читателей газеты «Правда» (15.06.1987) на такие цифры: специализация и кооперация в сумме составляют 25% от объема советско-польского торгового оборота. А если взять только кооперацию, то она не превышает 6%. В ЭЭС соответствующие показатели значительно выше.

Пока мы десятилетиями повторяли, подобно заклинаниям, лозунги о «братстве», «содружестве» и «экономической интеграции» соцстран, одновременно показывая пальцем на «углубляющиеся разногласия» стран — членов «Общего рынка», последние в 1992 г. отменяет на своих границах последние таможенные, паспортные, валютные и прочие формальности и ограничения. Мы же пока пошли вперед по пути таможенных мини-войн между социалистическими странами.

Рецензент. Повторю общепринятый у нас тезис о том, что никогда еще польско-советские отношения не были столь добрыми и полнокровными как сегодня.

Приоритетным направлением развития польского экспорта назвал советский рынок министр внешнеэкономического сотрудничества ПНР Д. Ястшембский. Когда весь мир устремился с капиталовложениями и технологией в СССР, заявил он в ходе состоявшейся 9 февраля 1989 г. в Варшаве пресс-конференции, мы, как один из важнейших зарубежных партнеров Советского Союза, должны сохранить и упрочить свои позиции.

Напомним, что в минувшем году Польша опережала все социалистические страны в динамике внешнеторговых связей с СССР, министр подчеркнул необходимость ускорения перехода от непосредственного обмена товарами и сырьем к их совместному производству и разработке. По его мнению, это наиболее перспективно в приграничных с ПНР советских республиках, традиционно имеющих прямые экономические, научно-технические и культурные связи с различными воеводствами страны. При этом делался упор на роль всех трех секторов польской экономики в закладке новых малых, средних и крупных смешанных фирм, в том числе при участии третьих стран.

Отмечалось, что представители деловых кругов ПНР считают сотрудничество со своими советскими коллегами не только взаимовыгодным, но и наиболее благоприятным. Именно это обстоятельство привлекает, в частности, шведских бизнесменов, которые намерены при их посредничестве выйти на советский рынок. Касаясь перестройки системы взаимных расчетов с партнерами из СССР, Д. Ястшембский особо выделил важность подписанного 20 января обеими странами межправительственного

соглашения о применении национальных валют — золотого и рубля, установлении договорных цен. Он также охарактеризовал как беспрецедентный в экономической практике социалистических государств факт принятия польским сеймом законов о хозяйственной деятельности и участии иностранного капитала, которые устранили все препятствия на пути инициативы и предприимчивости.

Концепция экспортной политики нашей страны, заявил министр, будет заключаться в параллельном наращивании производства товаров для потребностей внутреннего рынка. Без этого говорить об экономической стабилизации не приходится. При сохраняющейся кредитной блокаде Польши Западом мы можем позволить себе только рентабельный, в разумных пределах вывоз сырья и готовой продукции при ощутимом повышении их качества. В этом контексте решающую роль призваны сыграть отход от администрирования, использование нового экономического механизма для повышения конкурентоспособности отечественных товаров на мировом рынке.

Вы вот пишете в заголовке одного из разделов (с 286), что «кредитное лассо» не затянулось. Слава богу, что нам не приходится сегодня вести речь об экономической агонии Польши. Наш полный крах невыгоден Западу по причинам, хорошо описанным в вашей книге (с. 293—294). Лассо на нашей шее не затягивается пока окончательно во многом благодаря помощи социалистических государств, в основном Советского Союза. Вы правильно и подробно пишете (с 295—300) о советской поддержке разрушенной польской экономики.

К сожалению, пока не устранены все причины наших экономических неудач, на день выхода в свет данного второго издания польский долг перевалит за 40 млрд долларов и будет продолжать расти. В переводе на обычный язык эта сумма означает, что каждый гражданин ПНР, от младенца до старца, должен Западу более тысячи американских долларов. Что по курсу черного рынка (с марта 1989 г. этот курс официально признан государством) дает в золотых просто астрономическую цифру задолженности, без перспективы выплаты ее даже будущим поколением. Вы правы (с 288—294) в том, что американские политико-финансовые круги всю манипулируют этим лассо, дабы вынудить власти ПНР к политическим уступкам. Начатое в вашей книге описание процедуры этого шантажа мы затем продолжили в нашем диалоге. В назидание потомкам скажем, что американцы оказались на редкость упорными и прижимистыми.

6. КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Польская католическая церковь во все времена принимала активное участие в жизни страны. Феномен этот — сугубо национальный — был в 1978 г. значительно усилен избранием краковского кардинала К. Войтылы папой римским Иоанном Павлом II и визитом в 1979 г., впервые в истории Ватикана, папы в Польшу.

Руководство Ватикана, польской церкви и профобъединения «Солидарность» пользовались особым благоволением со стороны буржуазной прессы и телевидения.

Итальянская буржуазная газета «Стампа» (15.01.1982) приводила мнение на этот счет примаса Венгрии Ласло Лекаи, принявшего в своей резиденции в Эстергомс, под Будапештом, пять итальянских журналистов.

«Кардинал Лекаи не колеблясь изложил свою точку зрения на то, что произошло в Польше, не скрывая, что кое в чем его мнение не совпадает с позицией польских епископов», — писала «Стампа». «Никто не может отделаться от своей тени», — говорит кардинал и подчеркивает, что «нужно действовать, сообразуясь со своими реальными и конкретными возможностями. Я полагаю, что все то, что произошло в Польше, — это результат чрезмерных надежд, внушенных Западом, а ведь первоначально важно уметь действовать, учитывая политическую действительность... Мы не стучим кулаком по столу и не стараемся шагнуть дальше, чем позволяют наши возможности. Венгры мечтают о том, чтобы жить хорошо, и наши государственные деятели не берут в долг больше, чем мы можем заплатить. Это правильно. Конечно, дела могли бы идти лучше. Но нужно проявлять большое терпение, делая шаг за шагом; если у человека нет длинных ног, то он не может делать большие шаги». Таким образом, примас Венгрии придерживается мнения, заключала газета, что церковь не должна стремиться изменить «революционным путем» принципы, лежащие в основе общества.

Каковы же роль и место католической церкви в польских событиях 1980—1982гг.?

Разногласия у ксендзов

Ксендз, по-польски священник, — весьма распространенная в Польше профессия. По количеству священнослужителей ПНР занимает второе место в католическом мире после Италии: один ксендз на 1750 человек населения.

По сообщению католического еженедельника «Тыгодник пов-шехны» (28.06.1982), на 20 октября 1981 г. в Польше насчитывалось 20676 ксендзов, из которых 15626 находились в приходах, а 5 тыс. — в монастырях и орденах. Ежене-

Автор Г. Вачнадзе предупреждает! Страницы 90 — 106 были написаны им в 1982 году...

дельник приводил также данные об увеличении числа слушателей духовных семинарий за последнее 10-летие. Если в 1971 г. в стране насчитывалось 4088 семинаристов, то в 1981 г. этот показатель составил 6714 человек. В 1971 г. на первом курсе обучалось 700 человек, а в 1981 г. — 1571 человек. На место одного умершего назначаются два священнослужителя, которые продолжают начатое дело по «приобщению польского общества к богу и воспитанию его в духе любви к ближнему».

Церковь располагает почти 2400 женскими монастырями, насчитывающимися 27 тыс. монахинь, и 500 мужскими монастырями с 8 тыс. монахов. В стране насчитывается более 14 тыс. костелов и часовен (в 1937 г. их было 7257). Строительство новых костелов в Польше возрастало после 1945 г. более быстрыми темпами, чем до войны. Агентство ПАП (30.08.1982) сообщало, что в 1981 г. государством было выдано 331 разрешение на строительство, восстановление и расширение церквей и часовен, а в 1982—1983 гг. уже выдано 206 разрешений на строительство церквей и 20 — на строительство часовен.

Исключительна активность церкви в области образования. Лишь в 1961 г. было отменено преподавание катехизиса в школах ПНР, однако при этом было начато преподавание его школьникам на специально созданных курсах при костелах. Расширяется сеть учебных заведений по подготовке служителей культа. Помимо католического университета в Люблине и теологических факультетов при университетах Варшавы, Кракова, Познани и Вроцлава в стране насчитывается 45 высших и средних духовных семинарий. Религиозные ордена содержат профессиональные и общеобразовательные школы для девушек и юношей.

В Польше выходят 60 римско-католических периодических изданий, в том числе 25 ежемесячных журналов епархиальных управлений, два еженедельника, предназначенных для светских католиков, 17 теологических журналов — преимущественно для духовенства, шесть изданий объединения ПАКС, четыре издания христианских общественных союзов (среди них журнал «Хейнал марицкий» для поляков, проживающих за рубежом), четыре издания, связанных с клубами католической интеллигенции, а также журнал католического объединения «Каритас». Резкое сокращение производства бумаги в ПНР в 1980—1982 гг. не послужило помехой для увеличения тиражей церковных изданий. Так, удвоился тираж крупного католического краковского еженедельника «Тыгодник повшехны», а тираж «Дробже», журнала ордена доминиканцев, даже утроился.

21 сентября 1980 г. в 9 часов утра польское радио передало по всем станциям страны воскресную мессу с проповедью из костела Св. Креста в Варшаве. Столь желанный подарок был получен церковью усилиями «Солидарности». Начало выхода в эфир совпало с днем, который польская католическая церковь отмечает ежегодно как день средств массовой информации. Аппетиты церкви неутолимы — епископат долго, но небезуспешно добивался доступа и на телевидение. С помощью нового папы это иногда удавалось (репортажи о его поездке по Польше и других путешествиях по миру, личные рождественские обращения и службы из Ватикана).

Весомый пропагандистский вклад в работу с польскими верующими вносит непосредственно Святой престол. Заботами папы Иоанна Павла II в Польше распространяется ватиканская газета «Оссерваторе романо». Тираж ее на польском языке (150 тыс. экз.) больше, чем всех остальных изданий газеты, вместе взятых.

Ежедневно в течение часа вещает на польском языке станция Радио-Ватикан. Польский епископат стал широко использовать для своих нужд его возможности. Это стало особо частой практикой после введения чрезвычайного положения. 20 декабря 1981 г. таким способом было передано обращение архиепископа Ю. Глемпа ко всем полякам с резким осуждением мер правительства, но с призывом сохранять спокойствие и не связываться в стычки с властями.

Высокий уровень организации пропагандистского аппарата польской католической церкви позволяет ей распространять свое влияние повседневно и во всех социальных слоях в самых отдаленных уголках страны. При всем том, что в отдельных вопросах руководство церкви по тактическим соображениям склоняется к сдержанности, оно со своим огромным аппаратом с самого начала развития польского кризиса стало оказывать значительное стимулирующее и организующее воздействие.

Точное число верующих определить всегда трудно. До 80% (церковь утверждает — 90%) 36-миллионного населения Польши — католики. Примерно три четверти из них посещают церковь и исполняют другие религиозные обряды. В сегодняшней Польше наблюдается большая религиозная активность, чем, например, в Западной Европе.

Авторитет польской католической церкви зиждится на ее исторических заслугах по сохранению культурного, политического наследия, консолидации национального духа. Длительное время в истории этой страны, до получения ею независимости, церковь являлась своеобразной заменой государства, организатором борьбы с иностранными захватчиками. Разделение Польши, длившееся уже 123 года, потеря независимости и иностранное господство послужили основой для ощущаемого и поныне сильного влияния католической церкви.

Средневековая Польша являлась многонациональным государством, объединявшим представителей различных религий: католиков, православных, протестантов и иудеев. Лишь иностранное господство слило воедино поляков с католицизмом, что позволяло успешнее бороться с вмешательством в польские дела как прусских королей, так и русских царей, являвшихся главами соответственно протестантской и православной церковью в своих странах. В годы чужеземного господства католицизм становился фактором единения поляков, элементом их национального самосознания. Государство в такие периоды истории осознавалось как нечто враждебное нации, церковь же представляла ее защитницей — хотя высший католический клир был тесно связан с магнатами, с крупными земельными собственниками.

В начале нынешнего века, когда влияние римской апостолической церкви в таких традиционно приверженных католицизму странах, как Франция или Испания, начало явно ослабевать, в Польше оно оставалось непоколебимым. Правда, в период между первой и второй мировыми войнами в стране усилилась антиклерикальная тенденция, связанная с тем, что часть ксендзов в это время превратилась в помещиков и тем самым противопоставила себя крестьянству.

В 1939—1945 гг. польскому духовенству удалось восстановить свое влияние. Польский клир, в отличие от некоторых европейских церквей, поддержал антифашистское движение. Участие значительного числа духовных лиц в движении Сопrotивления, откровенное осуждение действий оккупационных властей высшими церковными иерархами, наконец, тот факт, что каждый шестой ксендз по-

гиб от руки гитлеровцев, — все это дало возможность церкви вновь утвердиться в качестве «патриотической силы».

Справедливости ради стоит упомянуть, что поляки не забыли молчания апостольской столицы в период немецко-фашистской оккупации: папский нунций бежал из страны, так же как и примас польской церкви кардинал Глонд; папа Пий XI), будучи прекрасно информированным, никак не комментировал планомерное уничтожение нацистами 3 млн польских католиков и 3 млн польских евреев.

Польский католицизм всегда умел подчеркнуть свою национальную роль. Так, в 1945 г., когда решался вопрос о новых западных границах, церковь встала на сторону польского правительства. Одновременно она сумела избавиться от репутации служанки крупных землевладельцев, хотя сегодня, опираясь на социальную доктрину католицизма, активно выступает за сохранение мелкой крестьянской собственности.

Но когда после освобождения развитие страны пошло в социалистическом направлении, церковь оказалась по другую сторону баррикад, на стороне руководимого лондонским эмигрантским правительством реакционного подполья. В начале 1946 г. сотрудничество между «церковью и коммунизмом» было объявлено невозможным. В одном из пастырских посланий, датированном 24 марта 1946 г., говорилось: «Польша не может стать коммунистической, а должна оставаться исключительно христианской и католической страной». Церковь выступила против национализации промышленности, критиковала противоречившие католицизму основополагающие принципы, в соответствии с которыми народная власть начала строить новое общество. Она призывала бойкотировать добровольную работу в выходные дни, стремилась под предлогом того, что вера подвергается опасности, оказывать давление на учителей, подчинять своему влиянию родительские комитеты школ и т. д. Лишь в 1950 г. церковь впервые пошла на соглашение с государством, по которому, перед лицом реального соотношения сил, приняла на себя обязательство уважать государственную власть.

Однако польские события 1956, 1968, 1970, 1976, 1980—1982 гг. свидетельствуют о том, что эти обязательства носили чисто тактический характер. В обмен на относительную сдержанность в обращениях к пастве в условиях напряженного политического положения польский епископат стремился склонить государство к новым уступкам в деле расширения, по выражению газеты «Оссерваторе романс», «жизненного пространства церкви». Ситуацию начала 80-х годов в ПНР церковь не прочь была использовать с целью добиться слияния с государством, а затем требовать мест в представительных органах власти.

Экспансионизм церкви осуществлялся не только с помощью просьб. Трудно считать простым совпадением организацию первой всеобщей забастовки лета 1980 г. именно в Люблине, местопребывании единственного в стране католического университета, писал парижский еженедельник «Пуэн» (18.08.1980). 300-тысячный город на востоке ПНР в 75 километрах от советско-польской границы, крупный промышленный центр, важный узел железнодорожного сообщения с СССР оказался полностью парализованным 16, 17 и 18 июля, в то время, как в Гданьске, Варшаве, Кракове и Лодзи беспорядки разворачивались на отдельных предприятиях. Консолидация контрреволюционных сил под сенью нового «независимого профобъединения» «Солидарность» не встретила осуждения церкви, а проходила при ее полной моральной поддержке.

«Крестоносцы» вышли на улицы, перенеся церковные мероприятия за стены костелов и монастырей. Стремясь закрепить свое присутствие на заводах и фабриках, епископат осуществил обширную кампанию по так называемому «освящению знамен» первичных и вышестоящих профорганизаций «Солидарности». Молебны по данному поводу, состоявшиеся в костеле, повторялись на том или ином предприятии. Причем обязательно в рабочее время, несмотря на конфликты с директорами заводов и руководителями учреждений.

Ход событий в стране заметно активизировали деятельность таких «спутников» церкви в Польше, как Клубы католической интеллигенции (ККИ), общество светских католиков ПАКС, группировка «Знак».

Клубы католической интеллигенции (деятельность их приостановлена в условиях военного положения с 13 декабря 1981 г.) объединяли «обиженных» социализмом и его ожесточенных противников. На волне забастовочного движения клубы возникли в ряде воеводств, чтобы оказывать «содействие и помощь» бастующим рабочим в выработке требований перед властями. Помимо существовавших ККИ в Варшаве, Кракове, Гданьске они были образованы также в Лодзи, Вроцлаве, Познани и Ченстохове и взяли на себя роль «советников» профобъединения «Солидарность». Советников Л. Валенсы, как уже отмечалось, можно было разделить на «умеренных» (группа ККИ во главе с Т. Мазовец-ким) и «радикалов» (члены КОР во главе с Я. Куронем). Хотя по некоторым вопросам грань эта стиралась.

Тадеуш Мазовецкий был руководителем группы «экспертов», которых гданьские забастовщики призвали на помощь для переговоров с властями в августе 1980 г. Давний личный друг К. Войтылы, сторонник политически активного католицизма, публицист по образованию, в 1961 — 1971 гг. был главным редактором католического журнала «Знак» и депутатом сейма от этой группы, затем главным редактором ежесемейного журнала «Вензь». В январе 1981 г. Мазовецкий становится главным редактором еженедельника «Солидарности» «Уните» и руководителем совета этого профобъединения по разработке проекта экономических реформ. В прошлом ККИ уже оказывал влияние на Л. Валенсу, который посещал специальные курсы ККИ.

В деятельности ПАКС в 1980—1981 гг. также отмечался заметный поворот вправо. Общество светских католиков стремилось укрепить сотрудничество с епископатом и одновременно играть самостоятельную политическую роль в стране, выступая в роли посредника между партией, церковью и профобъединением «Солидарность».

Сложно обстояло дело и с группировкой «Знак», которая раскололась на два лагеря. Первый легально действовал в сейме, второй — в «Солидарности» и творческих союзах, оппозиционно настроенных к социалистическому строю. Правительство вынуждено было разрешить официально «Знаку» создать Польский светско-католический союз под руководством депутата сейма Заблоцкого, тесно связанного с «Солидарностью» и другими антисоциалистическими группировками.

Польская церковь в 1980—1981 гг. стала прибежищем оппозиции партии и государству. Польский епископат, публично отмежевываясь от деятельности правых, экстремистских элементов типа КОС — КОР, брал на себя роль посредника между правительством и оппозицией, призывая их к сдержанности и взаимным уступкам. Церковь настойчиво стремилась поднять контрреволюционную оппозицию в глазах верующих до уровня равноценного партнера в схватке с законно существующими партийными и государственными институтами. Церковь

ощущала себя гораздо ближе к «Солидарности», чем к правительству, и не скрывала это. Следует отметить, что она не могла таить и противоречий, обостривших ее отношения с оголтелыми авантюристами из КОС — КОР.

Иллюстрацией сказанного может служить беседа Я. Куроня, Л. Валенсы и кардинала С. Вышиньского 5 января 1981 г. На этой «встрече в верхах» они совместно выработали позицию, которой должен был придерживаться Валенса в ходе предстоящих переговоров с заместителем Председателя Совета Министров ПНР Ягельским.

Одновременно, сообщали западные газеты, названная тройка устранила некоторые разногласия, возникшие в результате того, что заместитель секретаря польского епископата Алоиз Оршулик незадолго перед тем обвинил польские оппозиционные организации, в частности КОР, в «безответственном поведении, которое ставит под угрозу суверенитет страны». Вышиньский публично заявил представителям «Солидарности», передавал корреспондент агентства Рейтер из Варшавы, что «Оршулик был неправильно понят» и что никакие слова этого священнослужителя нельзя толковать как свидетельство оппозиции церкви по отношению к «инакомыслящим».

Сотрудничество между оппозиционными силами и церковью в современной Польше имеет свои традиции. Некий А. Дравич, хорошо знакомый с деятельностью польской оппозиции, отмечал на страницах крупного сборника, изданного в Гамбурге буржуазным издательством в 1980 г.: «Осторожно, но решительно церковь оказывает в случае необходимости быструю организационную помощь демократической (антисоциалистической. — *Прим. Г. В.*) оппозиции и, что имеет значительно большую ценность, бросает на чашу весов свой авторитет всякий раз, когда поднимает голос по тем же проблемам и в том же духе, что и оппозиционные группировки... Костелы и монастыри, равно как и другие католические институты и издательства, уже давно оказывают гостеприимство этому движению или работают совместно с ним».

Кардинал Вышиньский на протяжении 70-х годов неоднократно давал аудиенции лидерам КОС — КОР Куроню и Михнику. Они имели возможность выступать под псевдонимами в подчиненных церкви органах массовой информации. Вышиньский умело держал руку на пульсе польской политической жизни, призывая к сдержанности и спокойствию и в то же время представляя оппозицию в качестве своего духовного детища, как это и было на самом деле. Показательна заметка варшавского корреспондента газеты «Вашингтон пост» (9.09.1980):

«Кардинал Стефан Вышиньский, глава римско-католической церкви в Польше, отслужил особую мессу во здравие руководителя забастовок Леха Валенсы, а затем обнял и расцеловал этого борца за права трудящихся, что явилось важным символическим жестом единства и солидарности между самым старым и самым последним по времени массовыми движениями в стране.

Предоставление специальной аудиенции Валенсе равнозначно официальному благословению, даваемому влиятельной польской католической церковью независимым профсоюзам».

Стремление гарантировать себя на случай поражения от неприятных последствий, то есть потери обретенных за годы народной власти привилегий, заставляло польскую церковь, в частности группу Вышиньского, предпринимать, с одной стороны, все усилия по опеке оппозиционных сил, с другой — ряд тактических шагов (вроде выступления А. Оршулика), чтобы продемонстрировать свое отличие от позиций КОР.

Встречи Вышиньского с набожным Валенсой позволили склонить последнего к более умеренным и последовательным выступлениям против органов власти. Большую роль сыграло заверение примаса организовать поездку Валенсы в Ватикан и его встречу с папой римским, что позволило сделать лидера профобъединения более послушным церкви. Немаловажно и то, что кардиналу удалось убедить Валенсу в ошибочности ставки на Яцека Куроня и других открытых противников социализма, сторонников экстремистских действий.

«Хотя вы и имеете различные соблазны политического характера, помните, — предупреждал примас на встрече с руководством «Солидарности», — что первейшей вашей целью является реализация профессионально-социальных задач!» Если бы «Солидарность» поверила в искренность этого совета руководителя польской церкви, она, возможно, ближе к сердцу приняла бы и другие слова кардинала, которые он не устал повторять: «Поляки часто доказывали, что они могут умирать как герои. Ныне они должны тяжело и упорно трудиться — в этом заключается самый великий героизм». В августе 1980 г. в своем выступлении С. Вышиньский призвал поляков «работать добросовестно и с чувством гражданской ответственности». Мы должны отказаться, говорил он, от убеждения, будто не существует никакой связи между национальной экономикой и христианской моралью.

Примас С. Вышиньский предостерегал паству от тех, «кто стреляет из-за парижского забора (кардинал имел в виду крайне злобную эмигрантскую газету «Культура». — *Прим. Г. В.*), а также говорил, что «некоторые люди хотят вершить при помощи «Солидарности» непольские дела». Католическая газета «Слово повшехне» (12.05.1982) писала, что эти предостережения вызвали волну ожесточенных нападок против кардинала со стороны западных пропагандистских центров.

В резолюции 177-й конференции польского епископата, которая проходила 10—11 декабря 1980 г., констатировалось, что «процесс осуществляющихся изменений и попыток обновления в Польше подвергается различным опасностям». В этом документе осуждались те, чьи выступления могли бы представлять угрозу существования Польши как государства. Обращение главного совета польского епископата к верующим, подписанное кардиналами Вышиньским и Махарским 12 февраля 1981 г., среди прочего также предостерегало против деятельности, которая приведет «к новым несправедливостям и искажениям в различных сферах жизни страны... Применение силы, давления, угроз и возбуждающей пропаганды не приведет ко внутреннему спокойствию. Надо избегать опрометчивых и непродуманных выступлений, особенно в области религиозной, социальной, экономической, профсоюзной и политической жизни, в области специфических гражданских прав».

Вышиньский призывал к осторожности и постепенности, требовал отказаться от стремлений форсировать события. Как националист, он выступал за укрепление польской государственности и существующей власти. Он понимал, что церковь будет сильной лишь тогда, когда в Польше воцарятся спокойствие и порядок. Анархия не только подрывала основы государственной власти, но и ограничивала роль епископата. Примас католической церкви также видел грозящую опасность со стороны реваншистов из ФРГ. Отнюдь не случайно его заявление: «Мы должны спокойно жить на земле, данной нам богом».

С. Вышиньский скончался в мае 1981 г. в возрасте 79 лет после трех месяцев тяжелой болезни. 31 год он занимал пост примаса польской католической церкви. 8

июля папа римский назначил Варминского епископа Юзефа Глемпа архиепископом Гнезненским и Варшавским, тем самым сделав его новым примасом Польши.

52-летний Глемп был ближайшим доверенным сотрудником Вышиньского и последние годы до высочайшего назначения проводил больше времени в Ватикане, чем в Польше. Подобно Войтыле, Глемп простого происхождения, познал нужду, был рабочим, что позже помогало ему лучше находить общий язык с основной массой верующих. Святой престол остановил свой выбор на стороннике Вышиньского Глемпе, отдав тем самым предпочтение преемственности политики церкви внутри Польши. И это несмотря на то, что по своему церковному рангу на пост примаса больше мог претендовать кардинал Ф. Махарский, архиепископ Краковский (после Войтылы), известный своей более жесткой позицией в отношении народной власти.

При новом примасе усилился процесс поляризации взглядов польского духовенства. На страницах католической и церковной печати преобладает политическая тематика, отмечал варшавский еженедельник «Аргументы» (7.10.82) в статье «Церковь и политика».

«Это связано с тем, — писал еженедельник, — что у некоторых церковных кругов пробудились политические амбиции и надежды, что в перспективе преобразований в Польше произойдет отход от социалистического направления развития. Одновременно активизируются церковные и светско-католические круги.

Да, действительно, из уст Ю. Глемпа и некоторых епископов звучали слова о необходимости уважать христианский принцип, наказывающий воздерживаться от насилия. Но разве из этих уст прозвучало хотя бы одно слово осуждения в адрес тех, кто провоцировал уличные беспорядки? Разве не их «выкупали» за деньги специального церковного фонда из коллегий по делам правонарушений? Разве только действия милиции являются символом насилия? Этот односторонний характер осуждений, с которыми выступает церковь, является довольно слабым свидетельством деятельности церкви по распространению политической культуры. Примеры многих ксендзов, которые включаются в провокационную деятельность, свидетельствуют не столько об активности в деле укрепления «политической культуры», сколько об оппозиционных действиях. Поэтому надо яснее сказать, что речь идет не о политической культуре, а о стремлении формировать у верующих соответствующие политические взгляды. Причем часть духовенства настроивает их против социализма. Эта истина в настоящее время видна как на ладони».

Издающаяся в Варшаве с недавнего времени газета «Речь Посполита» (9.09.1982) опубликовала нижеприводимую статью своего обозревателя об отношениях между государством и католической церковью в Польше сегодня:

«Никогда еще в истории народной Польши политика государства не была в такой степени, как ныне, направлена на развитие сотрудничества с католической церковью, на поиски точек соприкосновения. Такую линию определяют три фактора.

Во-первых, процессы, происходящие в самой церкви. При всем различии идейных платформ церкви и партии, руководящей государством, как церковь, так и партия понимают значение интересов государства, заботятся о его прочности и безопасности народа. Так, во всяком случае, понимал свою роль бывший примас Польши С. Вышиньский.

Во-вторых, нынешнее тяжелое экономическое положение страны. Взаимодействие с церковью приобретает особое значение в период экономического кризиса, огромной поляризации взглядов в обществе, а также атмосферы разочарования, охватившего часть молодежи, в период применения государством чрезвычайных мер, необходимых для защиты его существования. Такого рода взаимодействие было бы направлено на то, чтобы смягчить существующие противоречия и объединить поляков с

различным мировоззрением вокруг важнейших для страны проблем. Взаимодействие — необходимое условие создания внутривосточного политического равновесия и стабилизации обстановки.

В-третьих, правительство стремится реализовать политику социалистического государства, предусматривающую равенство всех граждан. Необходимо учитывать, что значительная часть общества исповедует католическую веру, находится под влиянием церкви.

Из этих трех факторов два несут временный характер, однако нынешняя политика государства в отношении церкви не носит конъюнктурный характер, она последовательно воплощается в жизнь.

Церковь получает от сотрудничества с государством огромную пользу. Церковь поддерживает политическую линию правительства только по тем вопросам, где благо государства тесно связано с благом церкви и верующей части общества. Однако церковь не делает никаких уступок. Она получает не только оптимальные условия для своего развития, но и возможность укрепления и расширения своего влияния на общественную жизнь. Особенно укрепились позиции польской католической церкви после 13 декабря 1981 г., когда она освободилась от конкуренции и стала главным партнером государственных властей.

Дальнейшее развитие взаимоотношений между государством и церковью будет в значительной степени зависеть от позиций последней. Будет ли она признавать реалии социализма, в условиях которого церковь приобрела позиции, которым завидуют церкви в странах Запада? Или же она выступит с противоречащими государству взглядами на политику, экономику, общественную жизнь? Или же повторит ошибку «Солидарности», которая заключалась в попытке использовать кризис и общественное разочарование и возложить на себя функции оппозиционной политической партии? Будет ли церковь недооценивать силу государства и рассматривать правительство, повторяя ошибку руководства «Солидарности», как своего противника?

Все эти вопросы вытекают из обоснованного беспокойства, рожденного политическими выступлениями некоторых ксендзов и епископов. Трудно назвать проповедью то, что позволяют себе говорить с алтаря некоторые люди, облаченные в церковные одеяния. Например, выступление 5 сентября с. г. в Ченстохове епископа И. Токарчука. Его проповедь явно противоречила духу соглашения и сотрудничества.

Возвращение Польше западных земель Токарчук признает выгодным, но сие он приписывает исключительно сверхъестественным силам, так как, по его мнению, действия атеистов, их политика не могут служить добру. Епископ встает на защиту частных землевладельцев, создавая неправильное впечатление, что государственные органы власти якобы хотят их ликвидировать. При этом он умышленно замалчивает тот факт, что индивидуальные хозяйства в Польше пользуются активной поддержкой государства. В своей проповеди он идет дальше — требует ликвидации государственных хозяйств на северных и западных землях и распределения принадлежащих им земель между крестьянами-единоличниками».

Город Ченстохова в Польше — это примерно то же, что Загорск в России. Именно поэтому речь епископа Токарчука, произнесенная им в стенах монастыря на Ясной горе, незамедлительно стала эксплуатироваться по всем каналам империалистической пропаганды.

В радиопередачах западных станций на Польшу и без того тенденциозно муссировались любые перипетии паломничества на юг страны сотен тысяч верующих для участия в религиозных торжествах у Ченстоховского монастыря в честь дня вознесения деви Марии 14 августа. Поводов для энтузиазма буржуазных репортеров было предостаточно.

В массовое религиозное шествие, носящее характер политической демонстрации, вылилось 6 августа 1982 г. в Варшаве начало так называемого «пешего паломничества в Ченстохову». Паломники, собравшиеся утром у кафедрального собора Св. Анны и костела Братства св. Павла, прошли затем в течение нескольких часов по центральным районам столицы в направлении автостреды Варшава — Ченстохова.

Колонны паломников, шествовавших под присмотром ксендзов и монахинь, привлекли внимание многих тысяч зевак и прохожих, оглашая улицы молитвами и песнопениями, усиленными несколькими сотнями переносных рупоров западного производства. В колоннах можно было увидеть транспаранты «Не склонимся перед силой», а также польские флаги довоенного, буржуазного образца, знамена Ватикана и польской католической церкви. Прошли также группы молодых людей, связанных одной веревкой.

В шествии участвовали примерно 40—50 тыс. человек, в том числе делегации из многих городов Польши, а также специально прибывшие группы из Италии, США и Франции. В тот же день аналогичные шествия направились в Ченстохову из ряда других городов страны.

А кто будет работать? Религиозные фанатики? Но им ведь некогда, так как приходится участвовать в бесчисленных церковных праздниках и богослужениях. Кроме того, активная культурная деятельность в польских городах слишком часто начинает превращаться в антисоциалистическую. В монастыре на Ясной горе в Ченстохове в июне 1982 г. состоялись два совещания, в которых принимали участие 70 активистов подпольной «Солидарности». В монастыре капуцинов в Разводове во время подобной конспиративной встречи была задержана группа из 18 руководителей «Солидарности», которая готовила план действий, направленных на саботирование военного положения в стране.

В костелах и рядом с ними часто расклеиваются и распространяются листовки с эмблемой «Солидарности», которые призывают к различным акциям гражданского неповиновения. В костелах собираются группы провокаторов, которые после окончания молитв дают сигналы к нелегальным демонстрациям.

В информационной вечерней программе польского телевидения (9.09.1982) была передана беседа с двумя наиболее агрессивными участниками уличных демонстраций 31 августа в Варшаве, которые на собственном примере подтвердили, что высокие штрафы за участие в беспорядках платят не хулиганствующие молодчики, а католическая церковь. Оба задержанных указали, что наказанные участники демонстраций получают необходимые суммы от комитета примаса, штаб-квартира которого находится в костеле Св. Мартина в Варшаве.

Элементы политической установки церкви содержались в проповеди примаса католической церкви в Польше архиепископа Ю. Глемпа, которую он произнес в Варшаве по случаю четвертой годовщины со дня избрания К. Войтылы папой римским. Ниже следуют фрагменты этого выступления в изложении еженедельника «Тыгодник повсехны» (2.11.1982):

«Церковь является аполитичной в выполнении своей миссии. Однако она не может уклоняться от моральной оценки определенных событий или поступков верующих. Это делает прежде всего епископат, который оценивает действительность категориями высшей ценности — правдой, справедливостью, миром. К этим ценностям в последнее время надо добавить пробужденное чувство человеческого достоинства. Польский епископат никогда не уклонялся от выполнения своего долга. После каждой конференции он издавал коммюнике, в которых поучал о необходимости сохранения мира, смягчал напряженность, предостерегал, напоминал. Однако обстановка меняется. В последние два года можно выделить три периода нашего «национального самочувствия». Первый период начинается после августа 1980 г. Сегодня трудно узнать всю историческую правду об этом периоде. Зачастую мы знаем о нем лишь из односторонних осуждающих

выступлений. Над этим периодом довлеет полоса забастовок. Однако невозможно возразить тому, что это был период, в котором трудовой люд почувствовал, что он что-то в этом мире значит. Второй период начинается с 13 декабря 1981 г. Это период страдания, борьбы и ненужных кровавых столкновений. Однако это также период надежды на примирение и подлинное соглашение. Третий период начался с 8 октября 1982 г., когда профессиональные организации были распущены. Тем самым уничтожен серьезный партнер подлинного диалога. Мы должны начинать как бы с нуля. Это было сделано без консультации с рабочим классом, с которым крепко связана церковь. Это решение вызывает значительные изменения в поведении людей. У одних пробуждается гнев, у других — депрессия, у третьих — равнодушие к общественным делам, у четвертых — желание отомстить. Люди обвиняют друг друга. В обстановке нервозности могут обвинить и невиновных. Из социологических исследований вытекает, что народ в своей массе вовсе не хочет капитализма и не стремится нарушать международные союзы. Разве сила государства не заключается во взаимодействии власти с обществом? Почему примирению и соглашению придается иное значение? Почему под этим не подразумевается достижение единства истины путем компромисса? С этими и многими другими вопросами люди обращаются в церковь. В этих вопросах, как бы они ни звучали, заключена просьба: дайте нам немного надежды, укажите путь. Ответ не прост. Церковь сама разделяет страдания и боль народа. Трудно найти область жизни, которая без оговорок была бы доступна для людей доброй воли. Деятельность клубов католической интеллигенции продолжает оставаться временно приостановленной. Польский общественно-католический союз не является достаточно массовой организацией. Другие организации так называемых светских католиков действуют в соответствии с определенными сверху методами, отходят от линии руководства церкви. Их деятельность может принципиально соответствовать линии церкви в период нормальных отношений между государством и церковью, но в период конфликтов они представляют линию государства, а не линию церкви и епископата. На этих организациях тяготеет грустное прошлое. В этой оценке я не хотел бы никого обидеть, ибо многие из лиц, принадлежащих к этим организациям, сохраняют глубокую веру и единство с церковью, стремятся способствовать службе церкви во имя общего блага. Всегда остается надежда, что эти организации могут сыграть хорошую роль в христианской общественной жизни. Мы не забываем пройденного пути. Мы не теряем достижений и опыта последних лет. Это дает дозу оптимизма. Мы стартуем в новый период с чувством огромной международной и трудовой солидарности. «Солидарность» была движением и организацией. Сейчас нет организации, но есть чувство солидарности.

Бог зажигает пред нами новый свет. Он еще приведет к нам святого отца (имеется в виду новый приезд папы римского. — *Прим. Г. В.*). Мы будем вместе черпать силу в молитве. Начиная снова, никогда не теряйте надежды».

Проповедь Глемпа составлена в достаточно ясных выражениях, позволяющих судить о его степени готовности сотрудничать с государством и сеймом, которые приняли необходимые социалистической Польше решения от 13 декабря 1981 г. и от 8 октября 1982 г. Остережемся однозначных суждений и посмотрим, что пишет о политической эволюции польской церкви специалист — директор Института философии, социологии и изучения религии Высшей школы общественных наук при ЦК ПОРП В. Мыслек на страницах варшавского еженедельника «Аргументы» (19.10.1982):

«Открытый характер политики католических иерархов по отношению к социалистической действительности не означает ее одобрения. Осторожность польских епископов столь велика, что во всех официальных выступлениях они избегают самого слова «социализм». Поиск форм присутствия в социализме, по крайней мере в польских условиях, лишь частично имеет конструктивный характер. В гораздо большей степени эти действия направлены на демонтаж системы.

Политика последних руководителей Ватикана нацелена на сближение с неокapи­та­лизмом, прежде всего с идеями, выдвигаемыми различными социал-реформистскими движениями и ориентациями. Церковь убеждена в том, что именно социал-реформис­ты представляют оптимальную возможность затушевать противоречия капитализма.

Несколько иначе эти проблемы выглядят в Польше. Когда-то церковь активно защищала частную собственность. После второй мировой войны она выступила против аграрной реформы, протестовала против обобществления в системе торговли, в меньшей степени вмешиваясь в вопросы собственности на промышленные средства про­изводства. Однако в 70-е годы доктрина польского епископата претерпела такую эволюцию, что можно было ожидать приближения позиции церкви к правительственной ориентации в этой области.

Обстановка радикальным образом изменилась после августа 1980 г. Летом текущего года были распространены «тезисы общественного совета при примасе по социальным проблемам» и «предложения общественного совета при примасе по общественно-экономическим вопросам». В этих документах выдвигались условия заключения соглашения между властью и обществом. Были выдвинуты также требования осуществить программу преобразований, которая сводилась к восстановлению капитализма в Польше».

Клерикальная пропаганда ведется в Польше массированно. Как уже отмечалось, тон этой пропаганды изменился — ее антисоциалистический настрой все более явственно проступает через едва заметную вуаль условных приличий. 24 мая 1982 г., к примеру, вышел номер краковского еженедельника «Тыгодник повшех­ны», впервые после введения военного положения. Этот «католический общественно-политический журнал» пронизан полунамеками, с помощью которых духовенство выступает против курса правительства на нормализацию, а также недвусмысленно грозит слушникам, то есть тем, кто поддерживает прогрессивные силы.

Номер открывался передовой статьей ксендза Ю. Тишнера (известен активными выступлениями на съезде «Солидарности»):

«Мы рождаемся детьми народа. Однако родину мы себе всегда так или иначе выбираем. Этот выбор — не из легких. Он проходит через соглашательство и через сопротивление. Сопротивление — это творческий акт. Сколько раз в истории Польши выражалась благодарность тем, кто оказывал сопротивление. Пределом в данном случае является лишь измена. Кто предает Польшу, тот сам себя лишает надежды. Кто сопротивляется нынешней Польше, тот делает это во имя надежды и всячески готовит почву для завтрашней Польши».

В номере выделена притча некоего анонимного священника, в которой говорится: «На столе истории продолжают звенеть деньги. Они звенят также на твоём столе. Это настоящие деньги, которые принадлежат тебе по заслугам, за твой труд. Все еще бренчат на столе истории и фальшивые деньги. Деньги за измену. Не звенят ли фальшивые деньги на твоём столе? Деньги за предательство бога, человека, самого себя».

Также с антисоциалистическим подтекстом подан материал под заголовком «Молитва гордого народа», в котором подробно описываются торжества по случаю 903-й годовщины мученичества св. Станислава, имевшие место в Кракове 9 мая: «Во главе процессии, проследовавшей по улицам Кракова, несли ларец с искалеченным черепом святого. Эта голова мученика, осужденного деспотическим властелином, голова, оскорбленная мечом легального бесправия, оскверненная платными палачами, исполняющими приказы с мстительной готовностью, снова оказалась среди тысяч усталых голов измученных соотечественников, которые пришли поклониться ей и выразить свою солидарность с теми ценностями, которые она символизирует».

Еженедельник ссылался на проповедь примаса католической церкви в Польше архиепископа Глемпа во время церковного праздника в Кракове. Примас заявил, что поляки сегодня должны учиться мудрости, столь необходимой польскому народу. Она должна проявляться в чувстве справедливости, любви и милосердия, а также в дальновидном взгляде в будущее. Именно из этого, подчеркивает еженедельник, и вытекает призыв Глемпа к тому, чтобы «все справедливые требования общества сегодня проявлялись в формах, соответствующих достоинству гордою народа, у которого есть свой дух и на который никто не в состоянии надеть ярмо».

Изложение католическим еженедельником проповеди Глемпа в Кракове 9 мая грешило желанием представить примаса еще более нетерпимым радикалом, чем он являлся на самом деле, — такой подход отвечает целям экстремистских группировок в Польше и империалистических кругов. Помимо рассуждений о «ярме, которое хотят надеть на шею польскому народу» (примас не имел в виду Запад. — *Прим. Г. В.*), речь Глемпа содержала конструктивные идеи: «Камень является самым плохим аргументом в дискуссии. Многие люди сомневаются в духе соглашения. Однако главный совет польского епископата считает, что соглашения и диалог возможны. Политическая и экономическая обстановка в Польше очень трудна, но наш народ должен иметь будущее, поверить в реальность перспектив. Мы также должны отдавать себе отчет в том, что положение нашей страны сложное, что нарастает угроза атомной войны и тотального уничтожения человечества. Мы, Польша и поляки, являемся частью мира, и в наших действиях необходимо учитывать факт, что судьба мира зависит также и от нас».

Католическая, а также западная пресса обошли молчанием и другой призыв архиепископа Ю. Глемпа, с которым он выступил накануне, 8 мая 1982 г., в проповеди в одном из варшавских костелов, коснувшись имевших место уличных беспорядков. Нельзя, заявил Ю. Глемп, манипулировать патриотическими чувствами молодежи, злоупотреблять любовью к родине и тем, что мы понимаем под благородным патриотизмом. Молодежь необходимо защитить от попыток ею манипулировать. Она должна быть мудрой и видеть в своем патриотизме будущее нашей родины и свою роль в Польше. Ю. Глемп решительно высказался против втягивания молодежи в уличные беспорядки. Молодежь не должна вмешиваться в спор между старшими, потому что в противном случае она станет орудием, мячиком, используемым в манипуляциях безответственными людьми, подчеркнул он в заключение.

Польская церковь в свое время выступила с осуждением санкций президента Р. Рейгана. Из-за океана в ответ раздалась явная клевета. Министр обороны США К. Уайнбергер в интервью от 21 декабря 1981 г. заявил, что «происходящее на церковных кафедрах Польши практически идентично советской политике». Вот отрывок из этого интервью:

Вопрос. Католические священники зачитывали с кафедр по всей Польше проповедь, смысл которой, по существу, сводится к призыву признать военное положение, не потрясать кулаками и избежать кровопролития. Разве мы ожидаем от польского народа послушания?

Ответ. Я думаю, вам следует иметь в виду следующее: то, что может быть зачитано с церковных кафедр в Польше, непременно утверждается правительством. Это заявление свидетельствует о степени господства и степени запугивания, осуществляемых сейчас режимом в Польше...

Вопрос. Вы хотите сказать, что не верите, будто архиепископ Глемп составил это заявление (речь идет об упомянутых выше проповедях. — *Прим. Г. В.*) по собственной

доброй воле? По сути дела, вы говорите, что его составило правительство.

Ответ. Не знаю, у меня нет никакой информации на этот счет. .

Уайнбергер — повторим это еще раз — клеветал на польскую церковь, так как епископат выступил с призывом к миллионам польских верующих не о признании военного положения, а выдвинул требование отменить чрезвычайные меры. Но в Вашингтоне сочли это заявление епископата слишком мягким.

«С самого начала польского кризиса (13 декабря 1981 г. — *Прим. Г. В.*) архиепископ Глемп занял умеренную позицию, — комментировал послание католических епископов Польши 18 тыс. церквей страны варшавский корреспондент американской телекомпании Эн-би-си (22 01 1982) Дж. Кокрэн — Прима польской церкви призвал поляков не принимать участия в сопротивлении властям, поскольку это может привести к кровопролитию. Призыв архиепископа противопоставил его ушедшим в подполье активистам «Солидарности», которые считают, что примас подорвал их позиции. И в самой церкви есть епископы и священники, которые считают, что архиепископ должен был выступить с более решительным осуждением военного положения».

Попытки унижить польский епископат, вынудить его к более активным анти-социалистическим действиям предпринимались западными кругами в широком масштабе. Нападки на руководство польской католической церкви со стороны реакционной польской эмиграции, объединенной вокруг издаваемого ЦРУ Соединенных Штатов в Париже еженедельника на польском языке «Культура», разоблачала католическая газета «Слово повшехне» (12.05.1982):

«Мы вынуждены отреагировать на инсинуации парижской «Культуры», потому что ее антипольские и антицерковные опусы распространяются на Польшу с помощью «Свободной Европы» и других западных радиостанций».

Газета «Слово повшехне» приводила ряд цитат, в которых эмигрантская «Культура» выражает свое неудовлетворение призывами главы католической церкви в Польше Ю. Глемпа к верующим о необходимости признать заслуги властей, уверяет, что подобные призывы «не могут не дразнить польский народ», что они якобы свидетельствуют об огромной «наивности».

«Слово повшехне» задается вопросом: каким целям служат эти интриги? Они остаются прежними и направлены на подрыв авторитета церкви в Польше. Делается это ввиду того, что церковь призвана сыграть важную роль в процессе достижения национального соглашения. Устами папы римского и прима Польши церковь постоянно призывает к сохранению общественного спокойствия. Именно эту роль польской церкви стремятся подорвать, ослабить или попросту перечеркнуть в парижской «Культуре», которая нагло стремится втянуть церковь в политические осложнения.

Приведенным цитатам газета противопоставляет ряд высказываний папы римского и приходит к выводу, что парижская «Культура» служит врагам Польши.

28 февраля 1982 г., пишет газета, радиостанция «Свободная Европа» с помпой распространила призыв «польских интеллектуалов» к народу и правительству ФРГ. В том, что в данном призыве содержится требование обострить экономические санкции против Польши и следовать рейгановскому политическому курсу, нет ничего удивительного, если принять во внимание, кто подписал данный призыв. Это такие деятели парижской «Культуры», как Р. Баторы, М. Хоецкий, П. Наимский, Ю. Мацкевич, Л. Колаковский и, наконец, сам Е. Гедройц.

На что рассчитывает это общество по торговле Польшей и церковью?».

Для того чтобы настроить польских верующих против партии и государства, империалистическая пропаганда твердит у микрофонов подрывных радиостанций о го-

нениях и притеснениях, которым якобы подвергается церковь в Польше со стороны правительственных учреждений, военных и милиции. Газета «Жиче Варшавы» (22.02.1982) вынуждена была выступить с опровержением клеветнических утверждений западногерманской газеты «Франкфуртер альгемайне» о том, что служба безопасности Польши якобы готовится к аресту 1500 католических священнослужителей, в чем ей «помогают» 900 «высококвалифицированных агентов спецслужб ГДР».

Подчеркивая, что эту «информацию» вслед за «Франкфуртер альгемайне» повторили многие органы печати на Западе и большинство вещающих на польском языке радиостанций, «Жиче Варшавы» указала, что в Польше вообще нет арестованных священников.

В 1983 г. цензор не пропустил три нижеследующих раздела этой главы — ранее изъятые разделы воспроизводятся здесь в их прежнем виде.

Кардинал из Кракова

Кардинал Кароль Войтыла, заместитель примаса и архиепископ Кракова, до своего избрания на папский престол под именем Иоанна Павла II многие годы выгодно для С. Вышиньского оттенял его умеренные взгляды, открыто критикуя примаса с более радикальных позиций в главном совете польского католического епископата.

Войтыла публично выражал свое несогласие с «восточной политикой», выработанной Вторым Ватиканским собором, и считал, что в области взаимоотношений с социалистическими странами Ватикан шел на неоправданно большие компромиссы. Он критиковал, главным образом, прямые переговоры Святого престола с польским партийным и государственным руководством, что, по его мнению, ослабляло «независимость и авторитет» польской церкви. Надо сказать, в отличие от Вой-тылы, примас Польши кардинал Вышиньский допускал, что помимо интересов церкви могут существовать также интересы государства и что их гармония необходима. Вышиньский отказывался ввязываться во многие конфликты между церковью и государством.

Архиепископ Кракова был неутомимым и красноречивым проповедником, умелым политиком и производил впечатление человека решительного, динамичного, что позволило ему завоевать популярность у части польских верующих. Когда осенью 1977 г. Вышиньский заболел, немедленно распространился слух, что Войтыла является наиболее серьезным кандидатом на пост примаса Польши.

Дипломатические способности Войтылы проявились в его усилиях наладить хорошие отношения с западными религиозными и политическими кругами. В качестве вице-президента польского епископата Вой-тыла имел большие заслуги в достижении того, что называют «примирением» между польским и западногерманским епископатами. Он был «вознагражден» за свои старания благосклонным вниманием церковной иерархии ФРГ во время баллотировки своей кандидатуры на пост папы.

Войтыла также установил прочные контакты в Соединенных Штатах, много ездил и выступал перед американской аудиторией, особенно в 1977 г. Он высоко отзывался о президенте Дж. Картере, поддерживал еще до прихода в Вати-

кан личные отношения с помощником Картера 3. Бжезинским. Последний, для восшествия на Святой престол папы Иоанна Павла II в октябре 1978 г., обеспечил поддержку американских кардиналов.

Американцы, помимо заинтересованности в ликвидации гегемонии пап итальянского происхождения (263 папы за 456 лет, и все итальянцы), стремились превратить католическую церковь в важный политический институт борьбы против реального социализма. В США помнили, как во времена папы Павла VI Ватикан не одобрял политику президента Дж. Картера в отношении «диссидентов» из социалистических стран и считал этот подстрекательский курс «несвоевременным». В ФРГ, со своей стороны, рассчитывали на вклад Войтылы в решение «германской проблемы», а также на усиление позиций западногерманской церкви в аппарате Ватикана.

Реакция средств массовой информации США и Западной Европы на избрание Войтылы продемонстрировала надежды, которые эти страны возлагали на личность нового папы. Так, в лондонской буржуазной печати можно было прочитать, что избрание Войтылы является «вторым драматическим событием мировой истории» после разрыва между СССР и КНР.

«Папа-полакко» («папа-поляк»), как называли его итальянцы, не собирался оставаться «узником Ватикана» и не в пример сотням своих предшественников стал колесить по миру, подобно руководителю какого-нибудь концерна или международной организации.

Империалистическую прессу, телевидение заполонили с конца 1978 г. репортажи о путешествиях по десяткам стран папы римского Иоанна Павла II. Только за первые два года нового папу принимали в ООН и в ЮНЕСКО, в четырех американских, четырех азиатских, шести африканских и четырех европейских государствах.

Визит в любую страну «паломника мира», как сам характеризовал себя святой отец, обходился в миллионы долларов — самые крупные политические шоу в истории человечества. На торжественной мессе в Филадельфии, которую служил Иоанн Павел II, одновременно присутствовало на улицах и площадях полтора миллиона американцев, не говоря о сотне миллионов телезрителей.

Западные немцы в ответ на просьбы журналистов поделиться впечатлениями от визита папы-поляка в ФРГ начинали с главного: дорого! Немцы умеют считать деньги. 10 или 20 млн марок прямых или косвенных затрат на организацию визита святейшей особы показались им неоправданной, пустой тратой.

Посещая десятки зарубежных городов разных континентов, руководство римской курии, казалось, переместилось из Ватикана в небеса, в роскошные апартаменты папского «Боинга». Спускаясь на землю, «мобильный папа» проезжал сотни километров по живому коридору, не уставая приветствовать бесчисленные толпы верующих и просто любопытных. Днем — стоя в окружении телохранителей на высокой платформе грузовика, ночью — сидя в автобусе, один в ярко освещенном и со всех сторон прозрачном салоне из пуленепробиваемого стекла.

И этого церковного деятеля правая пресса пыталась изображать в образе «папы-молчальника», якобы преследовавшегося за свои убеждения в социалистической Польше в период деятельности его в Кракове? Папа Иоанн Павел II стал для Запада «нужным человеком в нужное время», по выражению американского «советолога» Д. Шэйнора. Так ли это?

В 1978 г. главой римского престола был избран деятель, влиятельный в религиозном мире не только теологическими, но и социальными воззрениями, поборник сильной католической церкви, известный своими взглядами относительно необходимости расширения международной деятельности Ватикана и активизации его «восточной политики». Буржуазная пресса писала по поводу нового папы чуть ли не как о вдохновителе «крестового похода» церкви против социализма.

Западные политики и комментаторы охотно соглашались с тем, что первый в новой и новейшей истории католицизма факт избрания папой римским неитальянца был связан не только и не столько с собственно религиозными задачами Ватикана. Проводились прямые параллели между приходом «кардинала с Востока» и развернувшейся на Западе политической кампанией «в защиту прав человека».

С восторгом в наиболее реакционных кругах была воспринята энциклика Иоанна Павла II «Искушение» (март 1979 г.), одной из тем которой явились выпады в адрес социалистических стран по поводу отсутствия в них свободы религии и совести. Весьма кстати пришлось и огульное осуждение всех идеологий, «идуших вразрез с христианством», к которым, наряду с фашизмом, расизмом, колониализмом и католическим интегрализмом, причислялся и марксизм.

Атеизм наступает на церковь с Запада и с Востока, из капиталистических и социалистических стран, говорил папа на конгрессе, организованном Высшим институтом по изучению атеизма. Известны заявления Иоанна Павла II о «подавлении свободы религии» в странах, в которых «господствует атеизм», в защиту «прав верующих» в странах с «атеистическими режимами», многочисленные выступления реакционных деятелей католицизма о том, что виновниками нарастания международной напряженности является якобы «марксистский атеизм». В своей проповеди по случаю вербного воскресенья в 1980 г. он объявил атеизм «главной опасностью нашего времени» и сравнил положение в управляемых атеистами странах с преследованиями христиан в Древнем Риме.

Иоанн Павел II не предаст никого анафеме, как это любил делать папа Пий XII, выступавший в поддержку агрессивной политики президентов Г. Трумэна и Д. Эйзенхауэра. В статье А. Кримса «Политика и программа папы Войтылы: промежуточный итог», опубликованной в западногерманском журнале «Блеттер фюр дойче унд интернационале политик» (№10, 1980), отмечается, что имеются данные относительно согласования Ватиканом своей политики с правительством США.

Даже обозревателям буржуазного толка бросается в глаза парадокс — церковь, этот оплот консерватизма, вдруг выступает в роли поборника прав и свобод. В ФРГ социалист Г. Хюкинг на страницах журнала «Линкс» (октябрь, 1980) писал:

«Выступление католической церкви Польши в поддержку законных требований рабочих, интеллигенции, крестьян и других слоев не может, однако, скрыть того факта, что сами церковные структуры далеки от всякой реализации прав человека и христианина. Внутрицерковная цензура печати в Польше более строга, чем государственная цензура... Практически исключено, чтобы в церковных кругах могла возникнуть свободная и критическая дискуссия... Священникам, настроенным нон-конформистски, грозят суровые санкции вплоть до отлучения от церкви».

В статье во «Франкфуртер альгемайне цайтунг» (15.01.1981) под примечательным заглавием «Папа сражается другим оружием» выражался восторг по по-

воду «восточной политики» Ватикана. «Там, где католическая церковь слаба и угнетаема, она должна расширять поле деятельности и укреплять позиции в качестве противовеса партии и государству; там, где ее позиции достаточно прочны, она должна преодолевать другие системы ценностей и идеологические установки». Едва ли здесь нужны комментарии.

Визит папы римского в Польшу

Кто заказывает музыку? Почему во время торжественной мессы Иоанна Павла II в Варшаве на площади Победы религиозный хор к концу праздника затянул песню «Красный поясок» (официально в ПНР не исполняется, поскольку в ней говорится о землях, отошедших после войны к СССР)?

Кто превратил в июне 1979 г. девятидневную поездку папы римского «на родину» не в своего рода ностальгическое возвращение к «родным пенатам», а в «фантастическое по своим масштабам политическое мероприятие», как писала западная печать, направленное на усиление влияния церкви в социалистических государствах?

На эти и другие вопросы еще предстоит ответить в этой главе.

Правая печать и телевидение всех западных стран всячески утверждали, что папа встретил в Польше «триумфальный» прием, что чуть ли не все население ПНР вышло на улицы продемонстрировать свою «преданность» идеалам католической религии. Запестрели заголовки типа: «Неистовство верующих из-за папы в Кракове», «В Польшу прибыл аятолла Войтыла», «Грандиозное событие — наиболее важное после смерти Сталина».

«Замысел кардинала С. Вышиньского является блестящим, — писала итальянская газета «Република». — Он состоит в том, чтобы постепенно подвергать коррозии сферу идеологического воздействия партии, но делать это медленно, не идти на авантюры, то и дело заключать частичные и временные соглашения. Это проявилось, например, в близости коммунистическим лидером заявлений Войтылы об антинацистском сопротивлении, о единстве нации и стремлении к миру во всем мире. Именно таковы были излияния А. Казаролли (кардинал, государственный секретарь папского престола, главный архитектор «восточной политики» Ватикана. — *Прим. Г. В.*) во время встречи с Э. Терекком. К той же области относится такой эмоциональный момент, когда папа встал на колени перед могилой Неизвестного польского солдата... Однако окончательная цель этого проекта, видимо, состоит не в том, чтобы достичь сбалансированного сосуществования. Его цель — учитывая бесспорную силу церкви в Польше — оказать на режим решающее давление».

Как говорится, каждый видит то, что хочет. Другая итальянская газета, «Мессаджеро», поместила комментарий, существо которого, естественно, не поднималось на щит западной пропагандой. «Папа в своих выступлениях в Польше всегда учитывал нынешнее положение в Европе и те границы, которые сложились после Ялтинского совещания 1944 г. Как поляк, — продолжала газета, — папа знает, что линия по Одере — Нейсе, которую Бонн до сих пор отказывается признать, существует и должна оставаться неизменной. Это может показаться очевидным, но для стран Восточной Европы (прежде всего для Польши и СССР) имеет такое политическое и психологическое значение, которое нельзя недооце-

нивать. К этому надо добавить открытое признание папой той роли, которую сыграл Советский Союз в деле освобождения европейских народов. Когда папа заявил в Освенциме: «Мы знаем, как пострадал русский народ в последней войне, сражаясь за свободу народов», он окончательно положил конец той двойственности, которая имела место в политике некоторых его предшественников. Ватикан сейчас стремился доказать, что свободные проповеди папы не превратятся во враждебные акты или тайную полемику».

Во время визита папы в Польшу было что комментировать и кому это делать. Из 35 западных стран прибыли 850 журналистов и работников телевидения, десятки тысяч поляков, проживающих за рубежом.

Церковные власти тщательно подготовились к приезду Иоанна Павла II, до мелочей продумали сценарии встреч с верующими, мобилизовали тысячи прихожан для поддержания порядка. В Варшаве, Ченстохове и частично в Гнезно и Кракове были устроены ограждения из строительных лесов, призванные сдерживать стихийное движение верующих. Наготове были сотни медицинских работников, к местам встреч и маршрутам следования доставлялись вода, питание.

Улицы и площади городов, которые посетил глава Ватикана, надолго украсились желто-белыми флагами Ватикана, гобеленами с портретами святого отца, иконами и транспарантами. Преобразились бастионы католицизма — костелы, фронтоны которых покрыли огромные панно с изображением Иоанна Павла II и лозунги. «Ты — наша опора», «Ты — наша гордость», «Молодежь — твоя сила», «Папа приезжает в Польшу — к молодежи». В любом киоске продавались открытки, значки и памятные медали с изображением папы.

На площади Победы, рядом с могилой Неизвестного солдата, где состоялась торжественная месса, вырос огромный алтарь с крестом. Сама площадь была поделена с помощью металлических труб на зоны, ограничивающие передвижение масс. Цены на билеты на площадь Победы в Варшаве подскочили с 30 до 1000 злотых (около 50 рублей). За немалую сумму сдавались в качестве смотровых площадок балконы домов, стоящих на пути следования святого отца. Ничего удивительного, если учесть, что в Польше продаются даже места в церкви на воскресные богослужения.

По прибытии в Варшаву Иоанн Павел II проследовал по улицам, буквально усеянным цветами. Выступая перед собравшимися на площади Победы, он, в частности, сказал: «Если мы отбросим крест — этот ключ для понимания нашего народа, мы лишим себя основ для понимания, не поймем самих себя. Нельзя без Христа понять того народа, прошлое которого было таким прекрасным и одновременно таким страшно трудным. Невозможно понять Варшаву — столицу Польши, которая в 1939 г. решила на неравную борьбу с агрессором, на борьбу, в которой она оказалась покинутой союзническими державами, на борьбу, в которой легла под собственными развалинами. Сегодня на этой площади Победы в польской столице я молюсь вместе с вами, чтобы Христос не перестал быть для вас открытой книгой жизни в будущем, в нашем польском завтра».

Эти слова были встречены громом аплодисментов. Собравшиеся с полуслова понимали оратора, каждый его жест. Во время выступления папы над толпой поднимались и такие плакаты, как «Свобода и независимость. Движение в защиту прав человека и гражданина». Следовал неуловимый жест Иоанна Павла II, и тотчас же исчезал тот или иной транспарант.

Встречи святого отца с молодежью Варшавы и Гнезно окончательно убедили всех в том, что религиозный характер визита приобретает все более отчетливую политическую направленность и окраску. Обращает на себя внимание тот факт, что немалая часть польской молодежи, присутствовавшей на проповедях Иоанна Павла II, понимала, что участвует в некоей демонстрации, которая если и не запрещена властями, то идет вразрез с обычными манифестациями и означает открытое волеизъявление того, что не принято афишировать в обычной жизни.

В Ченстохове в поведении папы римского наступила перемена: он стал более сдержан. Многие объясняли это тем, что возымело действие представление руководства ПОРП, которое предупредило, что если святой отец не прекратит антисоциалистические выпады, то власти не гарантируют успешного хода визита. В свою очередь папа выразил неудовлетворение лаконичностью освещения в польской печати его пребывания в стране, а также тем, что ему не позволяют посетить сверх программы Вроцлавское и Катовицкое воеводства.

Иоанн Павел II последовательно продолжал проводить свою линию, делая это не без мастерства, камуфлируя свои политические тезисы религиозными постулатами. В вате христианских речей были утоплены политические мысли.

Выступая на конференции польского епископата в Ченстохове, он изложил, по сути дела, условия церкви, касающиеся нормализации ее отношений с государством. Он заявил, что за такую нормализацию агитирует в нашу эпоху взгляд на права человека, в том числе право на свободу религии. «Понятно, что конкретное осуществление этих принципов только тогда станет отвечать идее свободы религии, когда будут учитываться реальные потребности церкви, связанные с ее многогранной деятельностью. Настоящий диалог должен означать полное уважение убеждений верующих, полное обеспечение их гражданских прав, нормальные условия деятельности церкви как религиозной общины, к которой относится огромное большинство поляков».

Таким образом, папа дал понять, что, если государство выполнит эти «требования», оно может рассчитывать на поддержку Ватикана.

Пребывание в Кракове — заключительный аккорд Иоанна Павла II. Здесь он посвятил большую часть речи Краковскому епископу Станиславу, казненному 900 лет назад из-за разногласий между государством и церковью королем Болеславом Смелым.

В завуалированной форме Иоанн Павел II намекал, что польскому государству было трудно не только в прошлом, что сложные проблемы стоят перед ним и сейчас. Его утверждения о роли человеческой личности звучали в унисон с заявлениями на ту же тему президента США Дж. Картера. Совершенно определенный политический подтекст сопутствовал его словам о том, что во время восстания в оккупированной гитлеровцами Варшаве союзники своевременно не оказали ей помощи. Такой же характер носили его намеки на положение священнослужителей в Литве.

Он напомнил об «исторической миссии» Польши, особенно активно взывая к молодежи и рабочим. Заявление Иоанна Павла II, что он не ограничится Польшей, а попытается объединить на основе религии всех славян, всю Европу, а может быть и весь мир, — было достаточно утопично. Но папа продолжал свою мысль о том, что без церкви не может существовать польское государство, что католицизм — это именно та база, на которой необходимо строить единство Польши и всей Европы.

Внимание привлекли также слова Иоанна Павла II о том, что он считает себя не только «польским папой», а «папой славянским». Беспрецедентным был и его ответ на вопрос студентов Люблинского католического университета, как им следует относиться к марксистско-ленинской идеологии: «С уважением! Необходимо искать общие точки соприкосновения».

Прощаясь в Кракове перед отлетом в Рим, Иоанн Павел II отвечал взаимностью на «любовь» польских юношей и девушек. Он дал слово регулярно давать о себе знать по радио Ватикана либо в письменных посланиях. Пообещал также посетить ПНР в 1982 г. по случаю 600-летия Ченстоховского монастыря.

Итальянская пресса, неплохо разбирающаяся в делах папского государства, пыталась дать свою интерпретацию причин, побудивших правительство ПНР согласиться на приезд папы в Польшу. «Польша, — писала газета «Аванти!», — по политическим и экономическим мотивам является слабым звеном среди коммунистических государств. Используя этот визит, правительство Варшавы пыталось разыграть две карты. С одной стороны, Терек стремится добиться внутри страны как можно более тесного сближения между церковью и государством. Другая карта, которую разыгрывает Терек, — логическое продолжение первой: Польша, сплоченная изнутри, может играть более заметную роль на международной арене». Еженедельник «Эспрессо» строит свои гипотезы: «Польские коммунисты делали ставку на перемирие, с тем чтобы, предоставив церкви кое-какие свободы, заставить ее тем самым постепенно приспособить свою политику к политике правительства. Однако ни Войтыла, ни Казаролли, ни польская церковь не намерены идти по этому пути. Во время своей официальной встречи с Терекком Иоанн Павел II недвусмысленно заявил, что «церковь не желает привилегий», а стремится к соглашению, которое «отвечает историческим задачам нации».

Папский визит в 1979 г. в Польшу был трудным и дополнительно осложнил отношения между государством и епископатом. Естественно, что примас польской церкви кардинал Вышиньский стал выдвигать более острые политические требования перед государством, а папа римский расширять свое влияние не только на Польшу — координационный центр его панславистской политики, но и на все социалистические страны, использовать шире в своей религиозной пропаганде тезис о правах человека. Польские руководители в 1979 г. хотели использовать привязанность Иоанна Павла II к родине. Но К. Войтыла, как умный и опытный политик, в свою очередь стремится воздействовать на ПНР, на другие социалистические страны. По мнению итальянской газеты «Аванти!», в портфеле папы находился «самый настоящий политический проект о воссоздании некоего славяно-католического единства».

Панславистские идеи папы не сумели «переварить» даже сопровождавшие его западные журналисты. Они бурно прореагировали в Гнезно на речь главы Ватикана. Обвинили его в национализме, в стремлении противопоставить славянскую христианскую культуру европейской. После этого западные телеоператоры начали снимать не парадную сторону встреч, а стариков и одетых в национальные костюмы крестьян, чтобы показать, кого же пытается превозносить папа и кого он действительно представляет в Польше перед Западом.

Подготовка визита и пребывание папы в Польше, его речи и, разумеется, конфессиональные моменты в поведении верующих поляков вызвали многочис-

ленные пропагандистские спекуляции во всем капиталистическом мире. Первое в истории посещение главой Ватикана социалистического государства расценивалось на Западе как начало «наступления» католической церкви против социализма, как «вызов» социалистическому строю. Политику ПОРП и польского государства, учитывающую исторически сложившуюся приверженность большинства населения католической церкви и придерживающуюся принципа свободы вероисповедания, называли не иначе как «уступкой», отказом от «догм» коммунистической идеологии перед лицом значительно усилившей свои позиции церкви. Определенные намеки делались и в адрес Советского Союза, который вынужден был вроде бы «позволить» польскому государству такую терпимость в отношении церкви.

Западная пресса, радио и телевизионные программы были наводнены сенсационно-интригующими сообщениями. Французская газета «Монд» не без лицемерной «заботы» о внутреннем спокойствии в ПНР задавала риторический вопрос: «Не может ли поездка папы в Польшу спровоцировать то, что австрийский примас кардинал Ф. Кёниг называл «психологическим землетрясением»?».

При этом даже заявления главы ватиканского государства о религиозном значении этого визита всячески обыгрывались как предостережения верующим от несдержанности и возможных политических эксцессов. «В Польше предстоящий визит папы Иоанна Павла II, по-видимому, вызовет самую многочисленную демонстрацию в современной польской истории и поколеблет власть правительства», — предсказывал в начале 1979 г. директор Института международных изменений Колумбийского университета США С. Байслер. Он продолжал свои пророчества и после окончания визита святейшей особы «Папа выступал в Польше очень сдержанно, и миллионы верующих вели себя очень сдержанно. Тем не менее визит папы еще раз привлёк внимание к роли церкви как группы давления в Польше... Энтузиазм польской молодежи по поводу приезда папы был мощным сигналом потенциальных будущих трудностей польского режима».

Предсказание американского «советолога» сбылось год спустя, но его широкоэшелонные в течение 1979 г. заявления нельзя не расценить как провокацию, подстрекательство антисоциалистических сил, в том числе и в самой Польше. Поездка папы в Польшу проходила в обстановке свободного контакта с огромными массами населения, охваченными религиозным рвением, однако никаких катастрофических событий, на которые кое-кто надеялся и к которым кое-кто стремился, тогда не произошло.

Итальянская газета «Република» приводила высказывания одного из польских священнослужителей, признавшего, что, «откровенно говоря, на улицах городов не было тех толп, на которые мы рассчитывали. Мы думали, что народный энтузиазм и психологическая мобилизация населения будут огромными, однако они были довольно сдержанными».

Подобный расчет на установление контакта папы римского с населением суверенного социалистического государства — в данном случае его родины Польши, — так сказать, через голову законных государственных властей, вызвал беспокойство в римской курии, которая не хотела осложнений в своей «восточной политике», проводившейся с большой осторожностью и терпением папами Иоанном XXIII и Павлом VI. Косвенной попыткой несколько сгладить негативное

впечатление от своей поездки в Польшу явилось, в частности, заявление в поддержку договора об ОСВ-2, с которым Иоанн Павел II выступил после своего возвращения в Рим.

В 1979 г. визит папы римского в ПНР всколыхнул диссидентские круги в стране и реакционную эмиграцию. Польский католический идеолог Юзеф Тисхнер в парижской эмигрантской «Культуре» писал: «Визит Иоанна Павла II в Польшу завершил важный период диалога. Сразу же положение изменилось. Уже не коммунисты призывают католиков к сотрудничеству, а католики — всех других... Визит стал символом непокоренного духа, был успехом христианства и католической церкви и поражением марксизма...» Ежи Турович — главный редактор католического журнала «Тыгодник повсехны» — отмечал на страницах итальянского журнала «Авснире»: «Польский август не был бы возможен без присутствия поляка в папском кресле». Оба католических публициста признавали лишь то, что является фактом. Избрание краковского кардинала папой и его поездка в Польшу были одним из главных сигналов для выступления контрреволюции в этой стране. Первые «свободные и независимые» польские «профсоюзы» возникли не в августе 1980 г., как принято считать, а фактически гораздо раньше — нелегально, месяц спустя после восшествия на Святой престол Иоанна Павла II.

Буржуазные средства массовой информации и пропаганды были полны «чадежд» после избрания К. Войтылы папой римским и с особым интересом ожидали его визита в Польшу. Они надеялись, что визит Иоанна Павла II даст мощный импульс силам, которые в свою программу включили ликвидацию социалистического строя. Их ожидания оправдались. Как писал американский «Ньюсуик» в июне 1979 г., во время встречи Войтылы с Терекон папа ясно дал понять, что не изменил своего взгляда на отношения между церковью и государством и что роль церкви должна быть более чем просто духовной. Во время визита в Польшу папа использовал прежде всего различные мифические символы, для того чтобы выразить свою мысль о «борьбе против государственной власти и за права церкви». Западный мир тогда оценивал выступления Войтылы как «смелый вызов польскому режиму и другим режимам в Восточной Европе». Годом позже, летом 1980 г., когда забастовки на северном побережье Польши достигли кульминации, Иоанн Павел II в письме, формально адресованном тогдашнему польскому примасу С. Вышиньскому, выразил свою поддержку забастовщикам, заявив, что всегда был и будет с теми, кто борется «за хлеб насущный и социальную справедливость».

Буржуазная пресса, телевидение и радио по достоинству оценили письмо папы римского польскому примасу, которое было передано в печать 20 августа 1980 г., в период разгара беспорядков на польском Побережье. «Я всецело с вами в это трудное время, — писал папа римский. — Всеми своими молитвами, всем своим сердцем я принимаю участие в тех переживаниях, которые все больше и больше охватывают мою родину и моих соотечественников... Я прошу польский епископат во главе со своим примасом, обратив свой взор к Святой Деве, которой мы одарены для защиты нашей нации, и на этот раз найти в себе силы помочь нашему народу в его длительной борьбе за хлеб насущный, за социальную справедливость, за гарантии его неотъемлемого права на жизнь и развитие, которого он желает... Я с вами...» В папской резиденции отслужили в тот же день мессу перед тремя сотнями польских паломников.

На фоне «наступательной дипломатии» главы Ватикана, оправдывавшего свое вмешательство в польские дела заявлением, что христианство не знает государственных границ, кое-кому на Западе оказалась весьма не по душе более умеренная в 1978—1981 гг. позиция руководителя польской церкви — примаса кардинала С. Вышиньского. Западная пропаганда постоянно пыталась воспользоваться несогласием мнений примаса, которого при жизни нередко обвиняли в «соглашательстве» с правительством, и более «жесткого» в своей политике папы римского. Это утверждение стало столь широко известно, что грозило серьезными осложнениями для дела римско-католической церкви. Папа Иоанн Павел II предпринял беспрецедентный в истории Ватикана акт: принял не в своем кабинете, а сам посетил находившегося с визитом в апостольской столице кардинала С. Вышиньского в его резиденции.

В критические моменты польского кризиса, осенью 1980 г., в ПНР отправлялись разнообразные личности, имеющие тесные связи с папой. Не подлежит сомнению, что в их задачи входило информировать папу о развитии событий в Польше и дать ему возможность воздействовать на них. Например, в момент наивысшего напряжения, в августе — сентябре, Польшу посетил специальный секретарь папы Дзивиш. Конечно, не было случайным и то, что в середине сентября в Польшу направился кардинал Хоффнер, президент конференции западногерманских епископов. Эмиссары клерикальной оппозиции в ФРГ, представленные группировкой ХДС-ХСС, также сыграли свою роль в контроле и подстрекательстве событий в Польше.

Стоит вспомнить, как раздували в январе 1981 г. при помощи западных средств массовой информации поездку Л. Валенсы в Италию и в Ватикан: 200 журналистов у трапа польского самолета в римском аэропорту Фьюмичино, толпа карабинеров и телохранителей, беседы с папой, с руководителями ведущих профобъединений Италии, пресс-конференции, ежедневное пространное освещение визита по телевидению, транслируемое на все западные страны по каналам «Евровидения».

При горячем участии крайне заинтересованных антикоммунистических кругов два поляка — святой отец и его духовный сын — Войтыла и Валенса призваны были воскресить польский национализм, сделать его, за ширмой «независимых профсоюзов», реальной антисоциалистической силой. Любопытно, что к собственно профсоюзной деятельности оба никогда не имели никакого отношения. В Ватикане профсоюзы запрещены. Валенса тоже был слабо знаком с профсоюзами.

Развертывание новой волны забастовок в Польше совпало с возвращением делегации всепольской согласительной комиссии (руководящего органа «Солидарности») из Ватикана. Газета «Франкфуртер альгемайне цайтунг» (31.12.1980), к сожалению, не преувеличивала, когда с весьма примечательным удовлетворением комментировала: «У истоков польского движения нынешнего года стоит прежде всего имя Войтылы. К руководству римско-католической церковью пришел человек, который только что трудился на посту краковского архиепископа». Его избрание папой и последовавший после этого визит в Польшу ободрили всех, кто стремился осуществить с помощью церкви изменения, все дальше удаляющие общество от социализма.

Каждый, кто бывал последние годы в Польше, мог судить о конкретных масштабах влияния там католической церкви. Папа римский Иоанн Павел II — Кароль Войтыла — уже при жизни превращен в святого. Во всех, даже самых отдаленных уголках страны приезжий сталкивается с местами, связанными с различными событиями жизни папы. Тут он родился, там работал, тут останавливался

на какое-то время, там смотрел из окна. На этом месте он стоял во время своего последнего визита, в том доме ночевал. Во многих зданиях, даже в квартирах атеистов, висят его портреты. Издаются сборники его стихов и пьес. По случаю 62-й годовщины со дня рождения Иоанна Павла II, передавало агентство ПАП (19.05.1982), варшавский театр «Лица людей и лицо бога» поставил спектакль, в основу которого положены поэтические произведения К. Войтылы.

Днями раньше театр города Бельско-Бяла поставил драму «Иеремия». Это третья пьеса папы римского, поставленная на польской сцене. «На первый план в спектакле выдвигается национальная тематика, — писала в рецензии на постановку газета «Слово повсехне» (14. 04. 1982). Среди главных героев постановки — библейский пророк Иеремия и польский гетман С. Жолковский (один из предводителей польско-литовской интервенции против русского государства в начале XVII века, который также принимал участие в подавлении крестьянско-казацких восстаний на Украине. — *Прим. Г. В.*). Союз этого рыцаря с пророком в деле защиты высшей ценности — отчизны, оказавшейся в смертельной опасности, стал стержнем спектакля. В финальной сцене спектакля является призрак гетмана, и зрители узнают, что еще явится мститель, восставший из его праха...».

Кто стрелял в папу?

Ни на одного западного политического руководителя империализм не возлагал таких огромных надежд, как на нового папу из социалистической страны.

Реакционные круги даже готовы были допустить, что папа должен в конце концов лично возглавить польскую контрреволюцию и, таким образом, гарантировать начало гражданской войны в Польше. Подобная идея не преувеличение: американская телекомпания Эн-би-си (21.09.1982) уверяла, что папа якобы грозил еще в 1980 г. сложить с себя высочайшие полномочия, вернуться в Польшу и примкнуть к оппозиционерам. Иоанн Павел II имеет, как известно, собственные, совершенно определенные — и не совпадающие с вашингтонскими — взгляды на польские события.

Но кому-то на Западе очень надо было взбодрить массы верующих в ПНР, которые уже устали от нестабильности, забастовок и нужды, — любой ценой, даже с помощью из ряда вон выходящей преступной акции воспламенить фанатизм в Польше и свергнуть ее в пучину войны.

Такая акция в принципе существовала — убийство папы. Ее видели, предугадывали многие. Израильский писатель Мишель Бар Зохар подробно изобразил эту драму в своем романе «Двойной крест». Книга на английском языке вышла из типографии в мае 1981 г. и сразу получила известность: автор днями предвосхитил реальные события. Ошибся он лишь местом действия, которое разворачивается на страницах его романа не в Риме, а в Иерусалиме, во время папского визита.

Покушение на папу, главу римско-католической церкви Иоанна Павла II, было действительно совершено — 13 мая, в Ватикане, на глазах у 20 тыс. верующих и туристов, собравшихся на залитой весенним солнцем площади перед собором Св. Петра, где папа должен был произнести традиционную проповедь.

Приветственно размахивая рукой и улыбаясь, папа проезжал перед ними в открытой машине белого цвета. Неожиданно из толпы выскочил смуглый молодой мужчина и четыре раза выстрелил из браунинга. Стрелявшего тут же схватили, а машина с тяжело раненым Иоанном Павлом II на полной скорости помчалась в римский госпиталь «Джемелли». Кроме папы были также ранены две туристки. После продолжавшейся пять часов операции хирурги извлекли из тела пострадавшего, которому на днях исполнился 61 год, три пули. Ранения были тяжелые, но ни один из важных органов не был затронут, и к осени папа оправился совершенно.

После первых допросов полиции удалось установить, что стрелявший — турецкий подданный Мехмед Али Агджа — член неонацистской турецкой группировки. В 1979 г. он бежал из стамбульской тюрьмы, после того как был приговорен к смертной казни за участие в убийстве главного редактора газеты «Миллиет».

Следователи располагали материалами, свидетельствующими о том, что речь идет не о преступлении террориста-одиночки. Как заявил заместитель государственного прокурора Италии Л. Инфилизи, можно документально доказать, что Мехмед Али Агджа действовал не один.

Установлено, что Мехмед Али Агджа в течение шести месяцев числился в списках разыскиваемых Интерполом особо опасных преступников. Однако он мог беспрепятственно разъезжать по Западной Европе, пользуясь «безупречными документами». В Италии Агджа встречался с представителями местных террористических организаций правых.

Обращает на себя внимание, что Мехмед Али Агджа, как сообщили иностранные информационные агентства, пытался сначала выдать себя за... «палестинца». Как здесь не предположить, что речь шла о провокации с далеко идущими целями!

Страницы западной печати наполнились пространными умозаключениями, гаданиями о том, не замешана ли здесь «рука Москвы». Не имея никаких доказательств и оснований, империалистическая пропаганда, как обычно, распустила клеветнический и провокационный слух, а затем, отталкиваясь от него, стала распространять всякие домыслы.

Правда, на этот раз смолчать было нельзя. И политический обозреватель агентства печати Новости Владимир Катин опубликовал статью в официальном бюллетене советского посольства в Италии. Говоря об абсурдности всей антисоветской и антипольской клеветы по поводу случившегося 13 мая в Ватикане, В. Катин писал, что с таким же успехом в этом вопросе можно бросить тень на Соединенные Штаты Америки.

Действительно, посланец президента Р. Рейгана был принят в марте Иоанном Павлом II и услышал из уст святого отца немало упреков: папа, в частности, сказал ему, что мир можно гарантировать соглашениями, а не наращиванием вооружений; что положение в Сальвадоре должно быть урегулировано мирным путем, а не развязыванием там гражданской войны с помощью американского оружия и американских военных советников; что на Ближнем Востоке нужно учитывать интересы палестинского народа и т. д. Замечания папы вызвали приступ ярости в Вашингтоне. Тем более что Иоанн Павел II незадолго до беседы с американским посланником принимал президента Демократического и революционного фронта Сальвадора, имел контакты с Организацией освобождения Палестины, высказывался против аннексии Иерусалима Израилем и направил

на Ближний Восток монсеньора Капуччи, бывшего архиепископа Иерусалима, приговоренного Израилем к 12 годам тюрьмы за поддержку дела палестинского движения. Статья АПН была замечена, и, по словам журнала «Фигаро-магазин» (5. 09. 1981), президент Рейган очень негодовал. Дело здесь, разумеется, не в публикации агентства печати Новости. Подводимые западной прессой итоги пребывания Войтылы на папском престоле были подчас малоутешительны для американской администрации. Рейган еще только готовился услышать весть о своем назначении президентом США, когда итальянский журнал «Панорама» (27. 10. 1980) опубликовал статью о политике Ватикана, в которой говорилось, что первые два года правления папы Иоанна Павла II потрясли католическую церковь: это были дни, полные сюрпризов, эмоций, противоречий, в том числе глубоких.

«Папа Войтыла сразу же дал понять, что есть одна область, в которой он оставит свой след, а именно внешняя политика. Он начал с того, что Ватикан с большим успехом стал играть деликатную роль посредника между Аргентиной и Чили, отчаянно враждовавшими друг с другом из-за островов в проливе Бигл. Это вызвало недовольство многих католиков, которые не одобряли попытку папы участвовать в урегулировании внутренней проблемы в отношениях между двумя военными диктаторскими режимами. Еще не перестали высказывать недовольство по этому поводу, как на первых полосах газет, совершенно поразив общественность, появилось сообщение о том, что Ватикан восстановил дружественные отношения с Китаем, то есть достиг той цели, которой папа Павел VI добивался в течение всех пятнадцати лет своего пребывания на папском престоле, терпя одну неудачу за другой.

Шесть недель спустя поездка Войтылы в Соединенные Штаты вызвала недовольство прогрессивно настроенных католиков. Но едва он появился на трибуне Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, как у представителей многих стран волосы на голове встали дыбом: он начал яростную обвинительную речь против капитализма, потребительства и несправедливого распределения материальных благ. «Не следует забывать о том, что человек, хотя ему и необходимы для жизни ресурсы материального мира, не может быть его рабом; он должен быть его господином», — сказал он, и эти слова вызвали бурные аплодисменты у представителей стран третьего мира. Никакой другой папа никогда не произносил публично подобных слов, к тому же с такой горячностью и в стране, где капитализм почти превратился в религию.

Еще один удар американцам Иоанн Павел II нанес в декабре 1979 г.: во время полемики между США и СССР по вопросу о размещении крылатых ракет и ракет «Першинг» в странах — членах НАТО нунциатуры (то есть ватиканские дипломатические представительства) развернули лихорадочную деятельность, оказывая нажим на правительство половины Европы, стараясь воспрепятствовать созданию новых ракетных баз, вызывающих недовольство русских, и способствовать началу переговоров.

Цель была очевидной: спасти диалог между Востоком и Западом во что бы то ни стало везде, где только возможно, чтобы воспрепятствовать возобновлению «холодной войны», которая может отрицательно сказаться на странах Восточной Европы. Вот почему даже тогда, когда США развернули грубую кампанию за бойкот летних Олимпийских игр в Москве, Войтыла не испытал ни малейших сомнений в отношении необходимости вести борьбу против экстремистских позиций.

С этой минуты папа думал только об одном: если США трудно продолжать диалог с СССР, значит, нужно найти кого-либо другого, кто бы это делал. И ватиканская дипломатия, тщательно проинструктированная государственным секретарем Казаролли, решительно двинулась на Париж и Бонн.

И вот тут правые круги католической церкви задрожали. Позиции и политика Ватикана, по их мнению, характеризуются слишком большой готовностью к сближению с коммунистическим миром. Но это только видимость. «В действительности папа Иоанн Павел II лишь разрушил ледяную стену между двумя блоками, которые противо-

стоят друг другу в Европе», — разъясняет дон Вирд-жилио Леви, заместитель директора газеты «Оссерваторе романо», точно выражающий политические взгляды папы.

Это первая серьезная атака на раздел мира на две сферы влияния, санкционированный союзниками, одержавшими победу в 1945 г. И Иоанн Павел II продолжает эту атаку убежденно, без недомолвок, делая ставку на новую концепцию Европы, стоящей над государствами и над идеологическими расхождениями Европы, сплоченной не столько экономическими или политическими интересами, сколько общими христианскими принципами. Несмотря на давнишнее деление Европы на режимы, идеологии, экономическо-политические системы, она не может перестать добиваться своего главного единства: она должна обратиться к христианству, заявил папа, выступая 5 июня в Ченстохове перед польскими епископами.

Иоанн Павел II еще не раз давал империалистическим кругам поводы для беспокойства. В январе 1982 г. Ватикан опроверг заявление Рейгана о том, что папа римский одобряет его экономические санкции против ПНР. Во время июньской 1982 г. встречи с папой в Ватикане президент США настойчиво призвал главу католической церкви занять в отношении Польши более жесткую позицию, усилить давление на руководство страны, используя возможности клира и его контакты с различными антиправительственными группами. Он рекомендовал папе нанести визит в ПНР в августе 1982 г. под предлогом участия в религиозном празднике в Ченстохове и официально поставить соответствующий вопрос перед польскими властями, несмотря на очевидные в тот период сложности для реализации планов визита, а также обратился к Иоанну Павлу II с просьбой оказать сдерживающее влияние на католических священников, участвующих в антивоенных движениях на Западе.

Видимо, по прямому указанию Рейгана американская пропаганда продолжает эксплуатировать тему мнимой причастности коммунистических и прогрессивных сил к «международному терроризму», отвлекая внимание от непосредственных «героев» всех этих грязных дел — ЦРУ. Уже говорилось выше, что дестабилизация положения в иностранных государствах, в том числе и в Западной Европе, — главная цель ЦРУ.

Вечером 21 сентября 1982 г. десятки миллионов американских телезрителей смотрели фильм службы новостей телекомпании Эн-би-си «Человек, который стрелял в папу». Фильм предложили ряду западноевропейских телекомпаний, а его авторы опубликовали обширнейшие выдержки из сценария в крупных западных изданиях. Никаких новых фактов о действительных покровителях покушавшегося на папу 23-летнего выходца из турецкой деревушки они не представили, хотя исколесили 15 стран, рыская по следам Агджи. Показали и его самого, приговоренного к пожизненному тюремному заключению за совершение «самого чудовищного преступления века». Однако фильм не отвечал на некоторые вопросы, а именно: каким способом Агджа бежал из стамбульской военной тюрьмы, где он находился в ожидании смертной казни за убийство известного публициста, редактора газеты «Миллиет» А. Ипекчи в феврале 1979 г.?

Как писала стамбульская газета «Джумхуриет» (см.: За рубежом. № 33. 1982), побег был устроен ныне арестованным в Турции Абузером Угурлу, торговцем крупными партиями оружия и наркотиков, который много лет разыскивался Интерполом. Угурлу помог Агдже нелегально, по фальшивому паспорту, выехать в Западную Европу, затем через посредника передал Агдже оружие, которое террорист использовал в Риме.

Были и другие вдохновители, покровители, сообщники. Имена некоторых известны, однако о большинстве из них итальянское правосудие предпочитает молчать. Что дает основание для продолжения антисоциалистической кампании, которая получила дополнительный импульс с арестом в конце ноября 1982 г. в Италии заместителя представителя болгарской гражданской авиации «Балкан» в Риме С. Антонова.

Как сообщало болгарское агентство БТА (28.11.1982), Антонову приписывалось «соучастие» в покушении на папу римского в мае 1981 г.

«Полная несостоятельность обвинения, приписываемого болгарскому гражданину, опровергается логикой. Каждый может задать себе вопрос, мог ли Антонов оставаться на протяжении полутора лет в Риме, если бы он хоть в какой-то мере был причастен к покушению на папу?

Незаконно арестованный болгарский гражданин не имеет и не может иметь какой бы то ни было связи с этим преступным актом Нет никаких оснований применять по отношению к нему подобные меры, поскольку он абсолютно ничем не нарушил итальянские законы».

Болгарская сторона, заключало БТА, выражает самый решительный протест против полностью необоснованного ареста болгарского гражданина Сергея Антонова и настаивает на его немедленном освобождении.

Жизнь святого отца вновь подверглась опасности в мае 1982 г., во время поездки в португальское селение Фатима. Визит совпал с двумя датами — покушением на Иоанна Павла II 13 мая 1981 г. в Риме и с сошествием на землю 13 мая 1917 г. святой мадонны, явившей себя перед тремя пастушками из селения Фатима (старшей из которых, Лючии, было тогда 10 лет) и открывшей им три страшных стиха-секрета. Два из них были обнародованы в 1942 г. папой Пием XII. Первый грозил людям карами и адом, если они не перестанут грешить. В другом живо описывалась... вторая мировая война, в развязывании которой обвинялись русские, и предсказывалась новая, еще более ужасная война, если Россия не станет на путь «истинной веры». Третий «прогноз» хранится якобы 65 лет в архивах Ватикана и ждет своего часа. Антисоветские откровения «Лючии из Фатимы» муссируются империалистической и церковной пропагандой десятилетиями и весьма интенсивно. Но в мае 1982 г. в португальском селении Фатима, в присутствии сотен тысяч паломников, произошло еще одно событие.

В Фатиме в четырех шагах от папы Иоанна Павла II был арестован кюре Хуан Фернандес Крон, прорывавшийся к нему с армейским штыком под полой и криками: «Смерть собору! Смерть коммунизму! Долой пап!» Священнослужитель, как выяснилось, принадлежал к так называемым традиционалистам. Эта группа католиков яростно воспротивилась решениям Второго Ватиканского собора, высказавшегося за диалог Запада и Востока, за терпимость и сотрудничество с церковью. Лишь себя традиционалисты объявляют последовательными католиками. Особый размах это движение набрало во Франции, где его возглавляет «черный епископ» Марсель Лефевр, прозванный так за открыто профашистские взгляды. 32-летний священник Хуан Крон, уже год имевший приход во Франции, рукоположен в сан лично Лефевром...

Обнаружились и другие любопытные детали. Крон осенью 1981 г. ездил в Гданьск на съезд профсоюза «Солидарность». Чьим он был гостем? Кого пред-

ставлял? Да и что было делать фашисту в сутане на съезде профсоюза, руководители которого еще так недавно отрицали всякую связь с подрывными организациями на Западе? Польские власти сочли необходимым начать расследование этих обстоятельств, так или иначе причастных к делу о неудавшемся покушении в Фатиме. Выяснилось, что Крон вращался в кругах экстремистских деятелей и «советников» «Солидарности», долго беседовал с Л. Валенсой. По словам французской газеты «Котидьен де Пари», «прошел всю Польшу», встречаясь с другими «важными людьми». 3 июля 1982 г. агентство ПАП передавало:

«Как информирует главная комендатура гражданской милиции, в результате дальнейшего расследования обстоятельств пребывания в Польше священника Хуана Фернандеса Крона, пытавшегося совершить покушение на жичнь папы римского Иоанна Павла II, установлено, что в конце июля и начале августа 1981 г. Хуан Фернандес находился несколько дней в Кракове.

В ходе своего пребывания в Кракове священник установил контакты со студентами, прежде всего активистами бывшего «Независимого союза студентов». Он пытался также встретиться с представителями католической церкви в Кракове для того, чтобы, как он говорил, обсудить разницу во взглядах, возникшую после Второго Ватиканского собора Крон в ходе бесед не скрывал крайне ортодоксальных, правых взглядов по внутренним вопросам церкви, упоминая при этом, что он воспитывался в духе антикоммунизма и что его отец был испанским фашистом.

После выезда из Польши Крон установил в Париже тесные контакты с находящейся там с июня 1981 г. Кристиной Ц. — в прошлом активисткой студенческого комитета «Солидарности» и одного из соорганизаторов бывшего «Независимого союза студентов» в Ягеллонском университете. С Кристиной Ц. и другими находящимися во Франции лицами, активно занимающимися антипольской деятельностью, Крон встречался до времени, непосредственно предшествовавшего его выезду в Португалию, где он пытался совершить покушение».

Церковь столетиями служила эксплуататорским классам орудием упрочения их привилегий. Но и у реакционного по своей исторической природе католичества могут быть политические интересы, которые сегодня во многом разнятся от целей империализма. Католическая церковь во главе с Ватиканом вынуждена — для сохранения влияния среди верующих — отмежевываться от тех, кто слишком открыто упорствует в проведении политики «холодной войны» со странами реального социализма. Определенным реакционным кругам умеренный курс руководства римско-католической церкви оказался не по душе.

ДИАЛОГ...

Рецензент. Шестая глава в первом издании оказалась самой краткой не по вашей вине.

Автор. Недосказанность (самоцензура) или цензорская купюра способны значительно исказить суть повествования.

Не сомневаюсь, что искренне написанные мемуары какого-нибудь главлитчика литературно-публицистического профиля читались бы сегодня интереснее многих романов о сталинизме.

Я никогда не забуду первые впечатления от самой любимой мной книги — «Мастер и Маргарита» М. Булгакова. Чтение этого произведения в толстом московском журнале, где оно было впервые напечатано в середине 60-х годов, меня не воодушевило. Года два спустя мне попался в одном из наших библиотечных спецхранов эмигрантский сборник с тем же произведением М. Булгакова — купюры, сделанные цензором в упомянутом советском литературном журнале, были выделены в западном сборнике особым шрифтом. Крамолы в этих малюсеньких немногочисленных отрывках не было никакой, но именно их присутствие создавало законченную ясную картину бессмертного произведения великого русского писателя.

В борьбе с цензурой советская литература освоила в совершенстве даже эзоповский язык, чего мы, представители общественных наук, сделать не могли, да и не собирались, потому и потерпели сокрушительное и позорное фиаско с нашей политологией и историей, политэкономией и юриспруденцией, этикой-эстетикой и прочей философией.

Вера и духовность помогают выжить

Рецензент. Сейчас, по крайней мере, нам ничто не мешает сосредоточиться на польском католицизме.

Автор. За годы перестройки изменился наш, советский взгляд на костел. Трудно себе представить, чтобы кардинал Стефан Вышиньский мог стать, в бытность свою примасом Польши, автором статьи в московской «Литературной газете», как это было с примасом Юзефом Глемпом.

Католический еженедельник «Пшегленд католицики» (29. 07. 1988) писал:

«В советско-польских отношениях уже многое изменилось, и визит М. С. Горбачева это подтвердил. Н. С. Хрущев склонен был терпеть польское сельское хозяйство, однако во время одного визита в Польшу поучал, что крестьяне и сами перейдут на сторо-

ну прогресса, то есть коллективного хозяйствования, только в этом им должно оказать помощь правительство. М. С. Горбачев также посетил хозяйство польского крестьянина, но не как миссионер коллективного хозяйствования, а как политик другой страны, без каких-либо высказываний о преимуществах коллективного строя. В Кракове М. С. Горбачев побывал в католическом костеле, что было признанием католической церкви в Польше как неотъемлемой части польской действительности. Это был поступок, на который не решился ни один из его предшественников. Этим советский руководитель выразил свой политический реализм, который сейчас так необходим в международных отношениях. А встреча в Королевском замке (с представителями интеллигенции. — *Прим. Г. В.*) была признанием польского политического плюрализма».

«Глава польских католиков приглашен на празднование 1000-летия крещения Руси» — под такими заголовками пресса всего мира печатала сообщения западных агентств из Варшавы 19 марта 1988 г.

Месяцы спустя газета «Нью-Йорк таймс» (9. 06. 1988) опубликовала следующую статью Джона Таглиэйбью:

«Варшава. Высокопоставленные священники, близкие к примасу польской католической церкви кардиналу Глемпу, с трудом сдерживают свой энтузиазм, когда говорят о возможностях, на которые рассчитывает римско-католическая церковь в связи с поездкой кардинала в Москву.

«Мы хотели бы расширить взаимные обмены, чтобы стать ближе к польской общине в Советском Союзе», — сказал один высокопоставленный священник, советник 58-летнего примаса.

«Какова численность этой общины? Существуют различные оценки. Одни говорят — 2 млн, другие — полтора, третьи — миллион».

Кардинал Глемп будет одним из членов делегации в составе 10 человек, среди которых будет архиепископ Нью-Йорка кардинал Джон О'Коннор, представляющий конференции римско-католических епископов всего мира на торжествах, посвященных 1000-летию Русской православной церкви. Считают, что это будет первый в истории визит польского примаса в Советский Союз.

Этот визит имеет большое значение для будущих контактов Ватикана с Советским Союзом, для возможности визитов папы римского туда и для будущего этнических меньшинств, например украинцев, в Советском Союзе и Польше.

Новая возможность для польской церкви стала очевидной, когда было объявлено, что примас использует свое недельное пребывание в Советском Союзе для подготовки визита позднее в этом году в Советскую Белоруссию и, возможно, в Литву. В Ватикане утверждают, что епархия в Восточной Польше по-прежнему включает территории, аннексированные Советским Союзом после второй мировой войны.

В Польше церковь также заинтересована в том, чтобы добиться того же, чего добился генерал Ярузельский, который в 1986 г. стал первым польским руководителем после 1939 г., посетившим Вильнюс, столицу Советской Литвы.

Вильнюс, бывший в течение ряда веков культурным центром старого Королевства Польши и Литвы, контролировался Польшей большую часть 1920—1930 гг., и там по-прежнему живет много поляков. Один из вильнюсских соборов, как и храм Черной мадонны в Ченстохове, стоит в ряду самых почитаемых поляками во всем мире.

В течение многих лет после войны все контакты между поляками и теми, кто живет на территориях, которые сегодня образуют западную часть Советского Союза, но в межвоенный период были восточными областями Польши, были запрещены. Полякам было запрещено ездить туда, и не было практически никаких официальных церковных контактов.

Однако после марта 1985 г. ограничения были смягчены.

Поездка кардинала Глемпа также демонстрирует проблемы, помимо политических последствий, создаваемые улучшением связей с католиками на Востоке. В прошлом препятствия для официальных визитов руководителей польской церкви в западные районы Советского Союза, например в Литву, создавались не только политичес-

кими барьерами, но также и чувствительностью руководства литовской церкви к любому намеку на восстановление польского господства.

В этом контексте представители польской церкви ссылались на сделанные в прошлом месяце заявления о том, что папа Иоанн Павел II возведет литовского прелата епископа Винцентаса Сладкевичуса, 67-летнего апостолического администратора Кайсиадориса, в сан кардинала, что позволит литовской церкви организовать прием кардинала Глемпа прелатом, имеющим равный протокольный статус.

Есть также надежда на то, что большее признание религиозных контактов между Польшей и советскими республиками может помочь облегчить путь для восстановления легальности украинской католической церкви, которая была насильно распущена и интегрирована в Русской православной церкви, когда последние известные украинские католические епископы были отправлены в 40-х годах «в трудовые лагеря».

В 1988 г. глава польской католической церкви неоднократно выступал с заявлениями по поводу своей поездки в СССР. Перед отлетом в Москву 8 июня он, в частности, подчеркнул, что последние события способствовали созданию климата подлинной разрядки, в котором происходит это знаменательное не только для православной церкви событие. Церковь не только использует эту благоприятную политическую конъюнктуру для религиозных торжеств по случаю 1000-летия крещения Руси, но и хочет внести в нее свой вклад во имя согласия православной, католической и других религий на основе веры, евангелия и мира. Он подчеркнул, что именно этот фактор может внести большой вклад в развитие добрых отношений между народами. Народы имеют тенденцию к взаимному сближению на основе принципа признания своих ценностей. Думаю, сказал Ю. Глемп, что между русским и польским народами можно найти много замечательных общих черт характера.

Глава польской католической церкви выразил уверенность в существовании реальных шансов для начала принципиального диалога между обеими церквями. Есть очень много не затрагивавшихся до настоящего времени проблем. Это касается прежде всего проблемы католической церкви, верующих католиков, среди которых есть очень много поляков, живущих в СССР и имеющих свои проблемы. Хороший международный климат благотворно сказывается и на отношениях между церквями, открывает возможности дальнейшего диалога и одновременно решения многих проблем, касающихся церквей. Эти проблемы порой болезненные, отмеченные чувством большой обиды, но есть возможности их урегулировать, что, в свою очередь, влияет на упрочение того климата, который создается. Со всем уважением к православной церкви мы хотим обсудить вопросы, которые в прошлом бывали щекотливыми, которые еще сегодня остаются болезненными. Мы хотим все это решить как можно лучше для двух народов и церквей.

Ю. Глемп напомнил, что он намерен преподнести в дар патриарху всея Руси Пимену раку с останками одного из лучших, по его словам, поляков нашего времени — солдата, артиста и монаха Адама Хмелевского, или брата Альберта.

По возвращении из Москвы 17 июня Юзеф Глемп заявил в беседе с журналистами, что это был исторический визит и, что имеет принципиальное значение, визит экуменический. «Нам удалось познакомиться с православной церковью в Советском Союзе и ее структурой, а также с верой, молитвой, чаяниями и надеждами, которые она вселяет.

Признаки нового отношения государства к церкви в Советском Союзе проявляются как в высказываниях весьма известных политиков, как, например, Л. А. Громыко, так и в фактах передачи верующим значительного числа святых. Начато также строительство большого храма в Москве».

Примас Польши указал, в частности, что в торжествах по случаю 1000-летия крещения Руси участвовало большое число приглашенных гостей — как христиан, так и нехристиан. Хотя не было патриарха Константинополя, присутствовал весь цвет православия, а также иных вероисповеданий. Можно было видеть множество протестантских и иудейских групп, а также представителей церковных объединений из Канады, США, Швейцарии, Германии. Католическая церковь была представлена духовными лицами высокого ранга со всех континентов, кроме Австралии.

Советские люди, сказал далее Ю. Глсмпп, говоря о социалистическом государстве, имеют в виду государство атеистическое, поэтому торжества по случаю 1000-летия крещения Руси, причем публичные, с участием государственных деятелей, вызвали удивление. Но это участие объясняется двумя фактами: признанием вклада православной церкви в русскую культуру и одновременно в объединение русских в трудных исторических условиях в одно государство и, во-вторых, наличием в Советском государстве верующих граждан. Об этих двух фактах можно говорить открыто благодаря перестройке и гласности. Период перестройки и гласности создал для юбилея уникальные в своем роде условия. 1000-летняя православная церковь получает одобрение в государстве.

«Не только среди православных священников, но и среди ученых и деятелей культуры я увидел искреннюю благожелательность к Польше, католической церкви в Польше. Хочу также подчеркнуть заботу польских дипломатических представительств о каждом проявлении польской жизни в Советском Союзе. Эти усилия польской дипломатии находят отклик со стороны советских властей», — отметил кардинал Глемп.

12 сентября в городе Ченстохове в Ясногурском монастыре завершились двухдневные религиозные торжества, посвященные 1000-летию крещения Руси. В них приняли участие епископы и священники униатской церкви и паломники с различных концов Польши и из-за рубежа, а также служители римско-католической церкви во главе с примасом Польши кардиналом Юзефом Глемпом.

Торжественное богослужение отправлял кардинал Мирослав Любачивский.

По завершении мессы с проповедью выступил кардинал Ю. Глемп. Он подчеркнул, что в торжества по случаю 1000-летия крещения Руси включаются католики, чтобы молитвой поддержать тех, кто живет рядом с ними и является гражданином той же страны. По случаю 1000-летия епископат католической церкви обратился с пастырским посланием ко всем католикам, которое было зачитано во всех костелах.

Сейчас ощущается сильное желание сближения между различными вероисповеданиями, подчеркнул примас Польши. Наступают новые времена, в которых верующие должны отыскать новые формулировки определения сближения церкви. Мир стоит перед необходимостью создания новой цивилизации, которую мы именуем цивилизацией любви. Ее заповедь — любить свой народ и при этом видеть, что у всех народов мира общее происхождение, что они составляют великую семью человечества.

Во время торжеств было зачитано послание к верующим, собравшимся в монастыре, которое направил папа римский Иоанн Павел II.

Рецензент. Русские священнослужители также были желанными гостями в нашей стране. В октябре 1986 г. путешествие по польским городам совершила делегация Русской православной церкви во главе с митрополитом Львовским и Тернопольским Никодимом.

В сентябре 1988 г. в Белостоцком воеводстве ПНР по приглашению Белостоцко-Гданьской епархии польской православной церкви с визитом находилась группа православных священнослужителей из Смоленска, возглавляемая настоятелем смоленского кафедрального собора М. Горовым.

В апреле 1988 г. в Варшаву, по приглашению Христианского общественного союза (ХОС), прибыл митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, который занимался вопросами печати и публикаций в Московской патриархии и являлся руководителем пресс-центра по празднованию 1000-летия крещения Руси.

Прямо скажем, не очень активные контакты. Но есть еще народная дипломатия, в которой участвуют сегодня миллионы. Вот один из самых ярких тому примеров.

Католическая газета «Слово повсехне» (9.02.1989) опубликовала обращение примаса католической церкви в Польше кардинала Ю. Глемпа к верующим, в котором выражается благодарность за помощь армянскому народу:

«Я хорошо знаком с трудностями, с которыми сталкиваются многие польские семьи или одинокие люди, сами нуждающиеся в помощи со стороны благотворительных и общественных организаций, указывает кардинал. Однако я был уверен, что откроются ваши сердца и вы протянете руку помощи армянским братьям. Ваше самопожертвование превзошло все ожидания. Все епархии страны собрали денежные средства на сумму 655 млн злотых. Большинство этих денег собрано верующими в костелах. Значительную часть составляют также пожертвования различных государственных предприятий, общественных организаций и частных лиц.

В Армению передано много новой одежды, обуви и игрушек для детей. В результате римско-католическая церковь в Польше передала армянскому народу через католика всех армян в общей сложности более 480 тонн грузов, которые направлялись грузовиками, самолетами и поездами. Стоимость переданных вами даров составляет более 360 млн злотых, а закупленных товаров — более 330 млн злотых. Это прежде всего одежда, продукты питания, лекарства и медицинская аппаратура, изготовленная в Польше, обувь, а также предметы домашнего обихода.

Католикос Вазген I в своих телеграммах выразил глубокую благодарность. Пять польских монахов выехали в Армению, где уже с декабря 1988 г. работают в детской поликлинике в Ереване.

Ваша помощь была оказана в срочном порядке, и такая форма помощи уже завершилась. Сейчас переходим к следующему этапу помощи — церковь включится в восстановление благотворительных и общественных институтов в Армении. На эти цели мы предназначаем оставшиеся 425 млн злотых».

Автор. В Варшаве, как и в большинстве столиц мира, есть армянская церковь.

Русская православная церковь также представлена в Польше. Делегация польской автокефальной православной церкви во главе с митрополитом Варшавским и Польским Василием принимала участие в торжествах по случаю празднования 1000-летия крещения Руси.

Отвечая на вопрос корреспондента о положении православной церкви Польши, митрополит Василий подчеркнул, что польская православная церковь является полностью самостоятельной и самоуправляемой, не зависящей от внешнего руководства. Она автономна также с точки зрения административно-культурной — установления обрядов богослужений, что отражает саму суть автокефальности. Для более чем миллиона польских граждан православие — вера отцов и своя собственная.

Среди нас, отметил митрополит Василий, есть поляки, украинцы, лемки (этнографическая группа прикарпатских украинцев. — *Прим. Г. В.*), белорусы, русские, греки. Существует, разумеется, тенденция сохранения своей национальной индивидуальности, которая, однако, не переходит в национализм. Мы

живем в Польше и ощущаем себя ее сыновьями, она является нашей родиной. Но общность с другими православными церквями осуществляем на догматической, канонизированной основе. Каждая из нас считается равной среди равных.

Православие является не только религией, но также продуктом духовного и материального творчества, указал глава польской автокефальной церкви. На польской земле оно имеет историю, уходящую корнями в IX в. нашей эры, или время путешествия Кирилла и Мефодия. Более тысячи лет вросло оно в эту землю, обогащаясь ее обычаями и культурой, участвуя в обмене духовными ценностями всех населявших Речь Посполитую наций, религий и верований. Польша всегда была для нас малым миром, сказал в заключение митрополит Василий.

А вот интересное сообщение Польского агентства печати (ПАП) (12.12.1988):

«В здании православной духовной семинарии в Варшаве состоялось торжественное заседание, посвященное завершению года 1000-летия крещения Руси и 70-летию независимости Польши. В заседании, проходившем под председательством главы польской православной церкви митрополита Варшавы и всея Польши Василия, участвовали член Государственного совета ПНР, председатель Главного комитета христианского общественного союза Казимеж Моравский, президент экуменического совета Польши Адам Кучма, глава польско-католической церкви епископ Тадеуш Маевский, а также представитель Управления по делам вероисповедания. В заседании принял участие председатель Русской православной церкви митрополит Львовский и Тернопольский Никодим».

Рецензент. Церковь, как и любой другой общественный институт, отражает в своей судьбе положение всей нации.

Автор. Тусклым видится будущее у церкви, не заботящейся о духовной свободе и прогрессе всего народа. Поэтому так понятна тревога католического еженедельника «Тыгодник повсехны» (10.01.1988), опубликовавшего статью К. Шреневской «Предпосылки примирения» о симпозиуме, который был проведен по инициативе представителей творческой интеллигенции в костеле иезуитов в Лодзи 23—25 октября 1977 г. Цель его — ознакомиться с положением национальных меньшинств, проживающих в Польше. В отчете, в частности, говорится:

«Не удалось обойти щепетильных фактов, которые встречались в истории, умолчать об обоюдной обиде, ненависти, горе и стыде. То, что нас объединяло, а прежде всего отделяло от белорусов, украинцев, литовцев в прошлом, довлеет и сейчас, хотя выросло новое поколение, которое о временах давней Польши знает только из книг. На симпозиуме указывалось, что стереотип гайдамака с ножом в зубах еще существует в сознании поляков, создавая тем самым чувство недоверия и враждебности. Совсем другого плана бытует в польском обществе образ белоруса. «Спокойный, флегматичный, тихий, добрый, не приспособленный к борьбе в этом жестоком мире» — так когда-то писал о белорусах польский писатель Т. Конвицкий.

На первый план участники симпозиума выдвинули украинские проблемы, на второй — белорусские, на третий — литовские. Современный статус украинца в ПНР, указывали докладчики, очень нестабильный. Рассеянные по всей Польше, они собираются вместе, чтобы сохранять свой язык, религию, расширять сеть школ с обучением на украинском языке, поддержать деятельность украинского общественно-культурного общества, заботиться о памятниках старины, реставрировать церкви.

Историк И Туронек рассказал о нежелании руководства и солдат Армии Крайовой в годы второй мировой войны сотрудничать с белорусскими партизанами Докладчики нарисовали довольно грустную картину положения белорусов в ПНР Оказалось, что белорусы просто погибают в плане национальной культуры на глазах у всех Выступивший С. Янович привел многочисленные факты, как на территории Белостокского воеводства исчезают белорусские названия.

Горькие слова, высказанные на симпозиуме, имеют очищающую силу. И хотя они не устраняют несправедливости и обиды, они позволяют глубже понять не только историю, но и друг друга, наметить перспективу взаимоотношений Симпозиум открыл веский фрагмент нашей современности: Польша не является государством, где проживают представители одной национальности, и, исходя из географического положения, таким никогда не будет. Мы обязаны позволить жить представителям национальных меньшинств как равным среди равных и при необходимости протянуть им руку помощи и дружбы».

Подобного рода статей в польской печати, конечно, немного. Поэтому приведу отрывок из публикации в еженедельнике «Пшегленд католицики» (14.12.1987):

«До недавнего времени у нас бытовало мнение, что Польша является монолитной нацией. В то же время забывали, что после 1945 г. между Одером и Бугом очутилось несколько сотен тысяч человек, для которых польский язык не был родным. Точного их количества мы не знаем, потому что подобного рода статистика в послевоенной Польше не велась. По некоторым сведениям, в стране сейчас проживают около 300 тыс. украинцев, столько же белорусов, более 10 тыс. литовцев, а также менее многочисленные группы евреев, немцев, словаков, цыган, татар и сравнительно недавно приехавших в Польшу греков. Вместе они составляют не более 2—3% всех жителей ПНР, что, казалось бы, исключает любую возможность проявления национального антагонизма.

Однако, если внимательно присмотреться, вырисовывается совершенно другая картина В послевоенные годы имеется немало примеров враждебности к людям иностранного происхождения, результатом которой стали еврейский погром в Кельцах в 1946 г., эмиграция тысяч жителей Мазур и Вармии, преследовавшихся за их «немецкое» происхождение, антицыганские волнения в Конине шесть лет назад. В трудной ситуации оказались проживающие в нашей стране украинцы, белорусы, литовцы. Рядовой поляк не видел необходимости заниматься этими проблемами или, точнее, не знал об их существовании.

Занавес молчания о проживающих в Польше национальных меньшинствах приподнялся после августовских событий 1980 г. Именно тогда началась дискуссия о прошлом и будущем этой проблемы, которая продолжается до сих пор. Диалог с нашими восточными соседями не принадлежит к легким — слишком много горьких воспоминаний живет в памяти народной по обеим сторонам Поэтому надо приветствовать любую попытку преодолеть эти трудности во имя правды и любви к ближнему.

Такая попытка состоялась в Лодзи, где по инициативе католических творческих кругов при церкви отцов иезуитов состоялся семинар на тему. «Литовцы, белорусы, украинцы и поляки — предпосылки примирения». Выступившие на нем видные польские ученые, историки, представляющие национальные меньшинства в Польше, говорили открыто о делах горьких, даже драматических, вызывающих много эмоций, хотя иногда глубоко упрятанных. Многие десятилетия, к примеру, продолжается польско-литовский конфликт о Вильнюсе. Для многих были неожиданностью доклады, посвященные польско-белорусским отношениям. Оказалось, что в годы второй мировой войны одни белорусы поддерживали реакционное польское подполье, часть связала свою судьбу с народной Польшей, а третьи сделали ставку на СССР. Самая трудная проблема — польско-украинские отношения. На семинаре было подчеркнуто, что в истории обоих народов много кровавых страниц. В то же время история их разногласий подверглась самым большим манипуляциям.

Неоднократно обращалось внимание на тот факт, что об украинцах в Польше пишут много, однако характер этих публикаций вызывает опасения относительно целей их авторов — рассказать правду или вызвать чувство ненависти.

На семинаре отмечалось, что ни одно из национальных меньшинств ПНР не имеет своего музея, что уничтожаются национальные памятники, что оригинальные названия местностей не так давно заменены на «чисто польские», много трудностей вызывает недостаточная сеть национальных школ. В повседневной жизни людей польской национальности преследует чувство стыда и боязни.

Во время дискуссий подчеркнуто, что не следует забывать того факта, что в СССР также проживают более миллиона поляков».

Все чаще появляются, к примеру, в «Тыгодник повшехны» (4.10 1988) упоминания о том, что «для многих украинцев завершение второй мировой войны не означало конца национальной трагедии». «На территории Восточной Галиции, присоединенной к Советской Украине, — пишет еженедельник, — проводились массовые кровавые репрессии. Пришли тяжелые времена и для римско-католической церкви. После ареста известных епископов и многих ксендзов, после продолжавшегося месяцами террора в марте 1946 г. на восточных территориях Украины начинается формальная ликвидация римско-католической церкви. С 8 по 10 марта во Львове состоялось собрание так называемого «объединенного собора». Создается ситуация, которая сохраняется по сей день. Украинская католическая церковь не была ни ликвидирована, ни запрещена, однако формально не была никем признана».

Рецензент. Хорошо, что тема украинской католической церкви перестает быть табу для советской прессы или поводом для кампаний политической ругани.

На Западе, да и на Востоке бытует мнение о том, что польские церкви, во-первых, переполнены и, во-вторых, они — католические. И то и другое похоже на правду, но нуждается в значительных уточнениях. Говорить о том, что католическая церковь в Польше объединяет 90 или даже больше процентов общества было бы большим преувеличением, учитывая, что от общего количества верующих надо отнять еще и около 18% атеистов, существование которых в Польше признают и католические источники.

Автор. Есть и другие данные, причем все они значительно отличаются друг от друга. Социологи разной квалификации используют разные методики обследования и соответственно получают не во всем схожие результаты. Но даже если все названные параметры были бы идентичными, то каждое очередное по времени обследование давало бы социологам разные результаты. Многое зависит и от политических целей того, кто интерпретирует и использует данные социологических опросов.

Еженедельник «Пшегленд католицки» (1205.1988) в двух номерах опубликовал статью ксендза В. Пивоварского под названием «Религиозность поляков». В ней, в частности, говорится:

«Как обычные наблюдения, так и результаты социологических исследований свидетельствуют о росте с 1980 г. религиозности польского общества. Это явление, в свою очередь, ставит несколько вопросов является ли этот процесс не только количественным, но и качественным? Ведет ли он к углублению религиозных связей? Социологические исследования пока не могут дать полных ответов на поставленные вопросы,

однако от их поиска отказаться нельзя, потому что это имеет большое значение для определения силы и характера польской религиозности. На основании многократно проведенного исследования религиозности в Польше можно выделить две основные плоскости: сферу всенародной веры и сферу повседневной жизни. Именно они позволяют делать вывод, что религиозность в Польше постоянно находится на высоком уровне, а в некоторые моменты даже растет — но только в сфере всенародной. Здесь необходимо добавить, что в большей степени польских католиков объединяют религиозные обряды, нежели догматические религиозные убеждения и вытекающие из них моральные принципы.

Религиозность населения в Польше изучают в основном несколько научных центров — Центр изучения общественного мнения, Центр по изучению общественного мнения телевидения и радио, а также сектор философии и социологии религии Польской академии наук. По их данным, около 20% поляков считают себя глубоко верующими. Эта «глубокая вера» не всегда соответствует глубине религиозности. Как показывают более комплексные исследования, католики, называющие себя «глубоко верующими», понимают это часто как традиционную привязанность к «вере отцов». Большой процент — около 70% — называют себя верующими. Вместе взятые, верующие и глубоко верующие в 1960 г. в Польше составляли: на селе — 84%, в городах — 76%. Через четверть века — в 1984 г. — этот процент составлял: на селе — 95%, в городах — 87%. Как видно из приведенных цифр, и в деревнях, и в городах произошел значительный рост религиозности, который еще более увеличился после 1980 г. — на 11%. Следует также указать, что этот процесс особенно бурно развивался в больших городах.

Категория «равнодушных к религии» в упомянутый период сократилась: если в 1960 г. на селе их было 15%, в городах — 21%, то в 1984 г. зарегистрировано сокращение их количества на селе на 3%, в городах — на 9%. Одной из причин этого явления считается трудная экономическая ситуация, которая заставляет людей переоценивать ценности.

Количество людей, которые систематически совершают религиозные обряды в Польше, превышает 40%, несистематически — 30%. Если присоединить сюда всех тех, которые хотя бы один раз в месяц посещают воскресные мессы, то они, вместе взятые, составляют три четверти населения страны.

Неверующие составляли: в 1960 г. на селе — 6%, в городе — 12%, в 80-е годы их было всего около 6—7%.

В 80-е годы произошли значительные изменения в религиозности отдельных социальных групп. Религиозное оживление наблюдается в большей степени среди мужчин, чем среди женщин, среди молодежи, особенно студенческой, чем среди людей старшего возраста, среди интеллигенции, чем в других социальных группах, среди богатых, чем среди бедных, больше в крупных городах, нежели в сельской местности.

В 1984 г. 55% членов ПОРП себя считали верующими, 19% — неопределившимися, 27% — неверующими. В свою очередь, регулярно практикующих верующих было 12%, нерегулярно — 32, выполняющих только основные религиозные обряды — 35, совсем не практикующих — 22%.

Журнал «Конфронтаць» (31.05.1988) опубликовал статью А. Бильской, посвященную вопросам религиозности молодых поляков, и в частности отмечает:

«85—90% учеников начальных школ и 75—80% средних школ посещают уроки слова божьего. С начала 80-х годов наблюдается рост религиозности среди студенческой молодежи. Среди мотивов, вызывающих повышенный интерес к религии, отмечается высокий моральный престиж римско-католической церкви, позиции которой последние годы значительно укрепились. Об этом свидетельствуют и итоги опросов среди студентов. Из них явствует, что 90% анкетированных признают высокий моральный авторитет церкви и ее роль в укреплении национального единения. 60% студентов отмечают важную роль церкви в решении общественных конфликтов. Около 75% анкетированной молодежи считают, что необходимо увеличивать роль церкви в общественной жизни.

Росту религиозности способствует отсутствие стабильности как в экономической, так и в общественно-политической жизни.

Это наглядно показывает анализ отдельных периодов истории Польши. В 1972—1977 гг., когда экономическая ситуация в стране была хорошей, число верующей молодежи сократилось на 11,6%, а количество регулярно практикующих религиозные обряды — даже на 20%. Этот процесс особенно характерен был для детей интеллигенции. Нарастающий общественный и экономический кризис способствовал росту религиозности среди молодежи. Участие молодежи в молебнах являлось знаком недоверия к официальным формам общественной жизни. Значительным стимулом для роста религиозности среди молодежи стали также визиты Иоанна Павла II в Польшу. Однако доминирующей причиной обращения молодых людей к римско-католической церкви являются традиции. «Так воспитывали меня, так я буду воспитывать своих детей», — утверждали 82% опрошенных. Только 39% анкетированных студентов религию считают своим мировоззрением, 35% молодых поляков читали Библию, но 73% опрошенных молодых людей утверждают, что вера помогает им жить, 83% — что религия помогает отличить добро от зла, 55% считают, что вера может помочь создать справедливый общественный строй. Словом, массовость верующей молодежи в Польше стала реальным фактором».

Специалистов высшей квалификации и одновременно личностей, сумевших создать себе безупречную репутацию в обществе, немного среди социологов в любой стране. Ведь такому человеку, выступающему публично с оценками прошлого и прогнозами на ближайшее будущее, достаточно соврать намеренно только один раз... и ему уже долго не придется появляться на телеэкранах — на телевидении придут мешки писем от возмущенных зрителей.

Еженедельник «Тыгодник польски» (4.09.1988) опубликовал изложение выступления директора польского Центра по изучению общественного мнения С. Квятковского, посвященного участию христиан в советской перестройке и польском социалистическом обновлении.

В нем, в частности, говорится, что современные социологи сталкиваются с серьезными затруднениями, связанными со значительными изменениями в обществе, имевшими место за последние десятилетия. Сегодня понятия «рабочие», «интеллигенция» или «молодежь» имеют более широкое толкование. А мы, когда говорим о рабочих, все еще пользуемся понятиями XIX в.

В то же время рабочие конца XX в. составляют различные группы. Самым главным критерием их различия является материальное положение. И каждый, кто считает себя марксистом, должен учесть это обстоятельство. Если поставить вопрос, кого в Польше больше всех коснулась инфляция, то ответ будет почти однозначный — пенсионеров и неквалифицированных рабочих. Однако их нельзя приравнивать к остальным группам рабочих, особенно к рабочим крупных промышленных предприятий.

Так же обстоит дело и с интеллигенцией. Образовательного критерия явно недостаточно для определения их взглядов. Однако самая большая разница существует между поколениями. Школьная молодежь и студенты сейчас составляют совершенно отдельную категорию.

Влияет ли религиозность на политические взгляды людей, в данном случае на оценку происходящих перемен в СССР и на то, что происходит в других социалистических странах, в том числе и Польше? Считаю, подчеркивает С. Квятковский, что программа обновления уже себя исчерпала. Перестройка — совсем другое дело. Легко обнаружить разницу между обновлением здания и его перестройкой.

В наших условиях следует учесть, что в стране большинство населения — верующие. Однако отношение к перестройке польского общества является различным не по причине веры. Не имею оснований утверждать, что верующий человек является поли-

тическим противником социализма, правительства и партии. Наоборот, те, кто глубоко верит, в своих высказываниях очень близки к членам партии. И не потому, что большинство членов партии — это люди также верящие, но верящие в свою идею. Дело в том, что глубоко верующие в своем большинстве — люди старшего возраста, земледельцы. Так зачем им быть врагами существующего строя? Для этого у них нет никаких причин.

Перейду к перестройке. Трехлетний период деятельности М. С. Горбачева большинством поляков оценивается положительно. Можно сказать, что перемены, происходящие в СССР, их направление и темпы для многих были неожиданными. Несмотря на большую симпатию, которую сразу завоевал среди поляков М. С. Горбачев, в оценке перемен в Советском Союзе было много скептиков. В марте 1985 г. 42% взрослого населения, составляющего 27 млн человек, считало, что ничего не изменится. Сейчас же почти половина поляков считают, что в СССР происходят разительные перемены, а 54% причисляют себя к сторонникам политики Горбачева, 31,5% — безразличны и только 1,4% считают себя противниками перестройки.

Что перестройка может принести для Польши и поляков? На этот вопрос 40% отвечают, что она выгодна, а 21% — что она не будет иметь влияния на жизнь в Польше. Анализируя отношение поляков к советской перестройке, можно без труда заметить не только заинтересованность происходящим, но и полную поддержку. Короче говоря, мы за перестройку, потому что ждем перемен не только в нашей стране, но и во всем социалистическом содружестве.

Еще несколько слов о роли церкви в Польше. Верующими и исполняющими религиозные обряды себя считают 50% всего общества. Верующие, но нерегулярно посещающие богослужения — 28%, верят, но не ходят в церковь — 13—14, не верят, но посещают богослужения — 1, не верят — 6%.

Короче, почти все поляки — верующие. 50% поляков посещают костелы регулярно раз в неделю и больше. В разных социальных группах этот процент неодинаков. Среди интеллигенции этот показатель составляет около 40%, среди рабочих — свыше 50%. Повсеместно распространено мнение, что церковь хорошо служит обществу и соответствует его интересам. Так думают 72—82%. 22% считают, что следует ограничить деятельность церкви в некоторых сферах общественной жизни. 20,6% считают, что костел должен вмешиваться в политическую жизнь страны, 56% высказывают противоположное мнение. Из этого следует, что необходимо больше использовать интеллектуальный потенциал церкви в процессах, происходящих в стране. Некоторые — а их около 40% — считают, что имеются предпосылки создания близкой к церкви политической партии или силы, которая от их имени могла бы контролировать деятельность правительства, предостерегать его от ошибок.

У меня есть возможность подробнее остановиться на том, что сказал С. Квятковский в последнем абзаце вышеизложенной статьи.

В июле 1988 г. тот же польский Центр по исследованию общественного мнения распространил анкету с вопросом: «Хорошо ли католическая церковь в Польше служит обществу и соответствует ли ее деятельность интересам народа?» «Да», — ответили 74,1% анкетированных.

«Стремится ли католическая церковь в Польше к росту своего влияния на то, что происходит в стране?» Наряду со значительной группой (41%), затруднившейся ответить на поставленный вопрос, среди оставшейся части участников опроса преобладало убеждение о растущем влиянии церкви в Польше. Они аргументировали это активностью самих ксендзов, содержанием их проповедей, стремлением к увеличению своего воздействия на верующих, общественной активностью церкви и ее участием в важных для страны делах, как, например, до-

стижении национального соглашения, выполнении роли посредника в трудно разрешимых проблемах.

Рецензент. В ПНР в 1987 г. была издана многоцветная карта «Культовые центры в Польше», изображающая размещение важнейших центров религиозной жизни—40 церквей и вероисповедных союзов, действующих официально в ПНР. На карте помещены перечень всех зарегистрированных в Польше вероисповеданий и описание главных культовых объектов. В соответствии с замыслами издателей карта является свидетельством религиозной терпимости — одного из ценнейших проявлений многовековой национальной польской культуры. В публикации отмечаются и даются краткие описания свыше 440 наиболее известных центров римско-католической церкви (из общего количества 12500 костелов), а также 140 культовых центров других вероисповеданий.

Автор. Как известно, за последние годы католики в Польше начали строительство или модернизацию около 1000 костелов и часовен. Планируется строительство новых религиозных объектов, в частности экуменической церкви мира на территории бывшего концлагеря Майданек в Люблине.

Рецензент. Среди других церквей и христианских вероисповедных союзов, объединенных в Польском экуменическом совете, больше всего верующих зарегистрировано в польской автокефальной православной церкви, насчитывающей более 500 тыс. верующих и 300 церквей и часовен. Карта представляет 24 православных культовых центра. Самый старый из них — Преображенская церковь (XVI в.) в Грабарке (Белос-токское воеводство). Кроме того, в состав экуменического совета входят: евангелическо-аугсбургская церковь, евангелическо-реформиро-ванная церковь, церковь методистов, польско-католическая церковь, старокатолическая церковь мариавитов, польская церковь христиан-баптистов и объединенная евангелическая церковь. Крупнейшей в этой группе является евангелическо-аугсбургская церковь, насчитывающая 75 тыс. верующих и 352 культовых центра, важнейший из которых — неоклассический храм Св. Троицы в Варшаве.

Польско-католическая церковь насчитывает более 398 тыс. верующих. Она не зависит от какой-то зарубежной духовной или светской власти. Однако отмечается ее духовное единство с польской католической церковью в США, Канаде, Бразилии. Церковь методистов объединяет около 6 тыс. верующих и насчитывает 56 соборов (наиболее известный— Варшавский собор).

Среди остальных 22 церквей и религиозных союзов (не входящих в состав Польского экуменического совета) наибольшей является церковь «Адвентистов седьмого дня», насчитывающая около 8 тыс. верующих и действующая в 122 соборах и 45 молитвенных домах. Среди нехристианских союзов — религиозный союз иудейского вероисповедания, объединяющий около 2 тыс. верующих, посещающих 24 синагоги и молитвенных дома в 16 городах. Исламский союз (около 1700 верующих) ведет религиозную деятельность в 6 общинах и 2 мечетях. К нехристианским союзам, зарегистрированным в Польше за последние два года, относятся буддийское объединение «Кандзеон» (Варшава, около 100 членов) и Аджапа-йоги (Щецинское воеводство, около 40 членов).

Автор. Еженедельник «Политика» (21.12.1987) опубликовал статью Барбары Ольшевской «Строить так, как костелы», в которой, в частности, говорится:

«Из трех строящихся в Европе католических церквей две возводятся в Польше. В последние годы в стране наблюдается резкое развитие их строительства. Первые послевоенные тридцать лет не были благоприятными для сооружения объектов такого назначения. Католическая церковь в Польше в основном сосредоточивала усилия на восстановлении разрушенных костелов, притом при значительной финансовой помощи правительства. Только в Варшаве после войны поднято из руин 50 костелов. Во всей Польше в 1945—1970 гг. построено и восстановлено 912 таких объектов. В этот период было выдано 445 разрешений на строительство новых костелов, а уже в следующем десятилетии — 1072.

В августе 1981 г. комиссия польского епископата по делам строительства костелов указала, что каждый приход, максимальное количество которого не должно превышать 14 тыс. верующих, обязан иметь свой костел. Он должен стоять так, чтобы верующие, независимо от места жительства, могли бы пешком прийти на мессу за 10—30 минут. Была установлена и площадь объектов культа: 6000 квадратных метров в сельской местности и 1000—1500 в городах.

По данным Управления по делам вероисповедания ПНР, на 1 января 1987 г. в Польше было 15340 костелов и часовен римско-католической церкви. Для сравнения можно указать, что в 1937 г. в стране было всего 7257 костелов. В Варшаве, которая имеет 102 костела, в настоящее время сооружаются 24 костела. Строительство костелов в Польше, учитывая кризисную обстановку, в которой находится экономика страны, по своим темпам и масштабам является настоящим чудом. Сам процесс строительства имеет три этапа. Первый — до получения разрешения на строительство. Тогда в том месте, где намечается возводить костел, ксендз под открытым небом служит молебен. Этот этап называется психологической обработкой верующих. Второй этап — когда после получения разрешения на строительство на месте будущего костела быстрыми темпами сооружаются часовня, административные здания, помещения для катехизации. Иногда часовни возводятся в рекордные сроки, даже в течение одной ночи. Третий этап — сбор средств на строительство. Как правило, они собираются на средства прихожан, а пожертвования составляют от нескольких сот злотых до нескольких тысяч с семьи. По неточным подсчетам, стоимость одного костела составляет около полумиллиарда злотых. Управление по делам вероисповедания ПНР располагает данными, что в последние несколько лет на сооружение костелов израсходовано 456 тыс. тонн цемента, 4,5 тыс. километров труб, 1330 километров электропроводов. Также подсчитано, что на сооружение одного костельного ансамбля требуется более 200 тонн стали, 1,5 млн штук кирпичей, 4,5 тыс. квадратных метров цинкового листа для крыши и т. д. На стройке костела никто не пьет, не бывает случаев, чтобы пропал хотя бы один мешок цемента, люди работают не покладая рук по 8 часов в день, практически не пользуясь какой-либо техникой, так как в этом нет необходимости. Главное здесь решает отличная организация труда. Говорят, что строительство костелов опередило экономическую реформу в Польше на семь лет. Здесь платят за фактически выполненную работу. Многие работы выполняются силами общественности. Заработная плата рабочих на строительстве составляет около 35 тыс. злотых, однако мастера высокой квалификации получают по 5—7 тыс. злотых за час.

Что представляет собой современный польский костел? Это целый комплекс зданий и помещений, предназначенных не только для религиозных обрядов, но и культурно-просветительской работы: 3—4 класса для проведения уроков катехизису на 30—40 человек, зал для собраний и просмотров видео- и кинофильмов на 100—150 мест. Эти помещения строятся, как обычно, рядом с костелом и бывают соединены коридорами».

Рецензент. В этой связи я мог бы высказать и собственное мнение, но лучше сошлюсь на писателя, специалиста по античной культуре, профессора Александра Кравчука. До того как он стал министром культуры и искусств ПНР, его «История римских цезарей» (Варшава, 1985) была удостоена премии лучшей книги месяца.

Корреспондент газеты «Жиче Варшавы» (24.08.1986) беседовал с новым министром. Вот отрывок из этой дискуссии:

«Вопрос. Я вызвал недовольство двух ваших предшественников своим упрямым отстаиванием тезиса: если уж нам не удалось стать богатыми, давайте будем хотя бы культурными. И я с тревогой жду, что вы скажете по этому поводу.

А. Кравчук. Бог с вами! Я решительно на вашей стороне... К культуре следует относиться с уважением. Вы сказали: «Давайте будем хотя бы культурными». Я понимаю это так: «Мы должны хотя бы что-то значить в культуре»... И мы кое-что значим. Наша культура развивается. Что-то лучше, что-то хуже, но все это — на европейском уровне... Давайте же перестанем наконец сокрушаться, заламывать руки и видеть только дыры там, где есть ткань, великолепная, богатая ткань. Да, конечно, кое-где протерлась основа, выгорели краски, все время надо что-то латать и штопать, но это в порядке вещей.

...Правительство проявляет большую заботу и о распространении культуры, о ее доступности не только в смысле восприятия, но и в смысле участия в ее создании. Далее, приняты все меры для поддержки и развития региональных движений. Я знаю, что это не всем нравится, некоторые деятели культуры считают, что это пустая трата денег, что следует поддерживать лишь те явления культурной жизни, которые могут служить «визитной карточкой» польской культуры. Но знают ли они, какую радость приносят людям в маленьком городке танцы и пение? Что молодежь в составе любительского ансамбля может поехать за границу? Прошу не забывать, что в этом году за границей побывало 300 таких ансамблей...

Вопрос. Согласен... Но этот ансамбль должен иметь хотя бы помещение для репетиций. А как раз материальное положение культуры свидетельствует о том, какое незначительное место занимает она в нашей жизни. Финансирование культуры стало запредельной темой.

А. Кравчук. Вы правы. Но могу ли я, как министр культуры (или любой другой представитель администрации), выступать за улучшение финансирования культуры, когда людям негде жить? Проблема капиталовложений в объекты культуры и искусства острее стоит в больших городах. В селе, где нет «жилищного голода», кое-что строится. Развиваются местные инициативы, общественные почины. Но власть довольно слаба... Если ксендз велит построить костел, все примут участие, причем вложат не только деньги (и большие деньги), но и время, и труд. Отказать нельзя, иначе ксендз упрекнет с амвона, откажется крестить, венчать, не пойдет перед гробом. А если кто-то выступит с предложением построить Дом культуры, то столкнется с равнодушием, ведь в данном случае эта позиция не сулит никаких неприятностей. А кроме того, на все имеется ответ: у нас же есть телевизор.

Вопрос. Вот доказательство того, что культура у нас занимает одно из последних мест в системе ценностей.

А. Кравчук. Я тоже предпочел бы, чтобы она занимала более высокое место. Хотел бы даже поставить ее на первое место, потому что культура — это, собственно говоря, уровень общественного сознания. В целях пропаганды нашей политики следовало бы материально обеспечивать прежде всего культуру. На практике, однако, встает проблема выбора, а Министерство культуры не может конкурировать с министерствами, ведающими строительством, здравоохранением, транспортом. И когда начинают делить пирог, тут рука и дрогнет...

Вопрос. В таком случае надо поставить вопрос о меценатстве, скорее, о меценатах...

А. Кравчук. Да, о меценатах, потому что меценатство теперь уже не так Централизовано. Сейчас больше дают воеводства. Мы постараемся возродить меценатство предприятий, профсоюзов...

Вопрос. А разве пожертвования частных лиц не могли бы стать еще одним источником финансирования культуры?

А. Кравчук. Теоретически — да, ведь у нас есть закон о пожертвованиях.

Практически же их мало. Может быть, потому, что поляки в Польше и за границей не слишком богаты? А может, не слишком щедры?...

Вопрос. А может, потому, что в законе нет статьи, которая предоставляла бы жертвователю, например, льготы при оплате налогов?

А. Кравчук. Вы правы! Так поступают во всем мире. Особенно в США. Думаю, что обсуждение этого закона назрело. Если вы будете пропагандировать эту идею, может быть, она станет тем маленьким камешком, который, катясь, обрастает снегом и наконец обрушивается мощной лавиной — конечно, спасительной лавиной, которая повлечет культуру не в пропасть, а ввысь...

Вопрос. Вас давно знают как страстного пропагандиста и популяризатора античной культуры. Чем она привлекает вас? Что дало вам общение с искусством и философией народов, живших так давно и столь далеких от нас?

А. Кравчук. ...Великодушие и терпимость к чужим убеждениям, неприязнь к фанатизму и навязыванию всем одного-единственного критерия — это ли не доказательство огромной важности для нас античного мира?...

Но античность — это и принципы чисто гражданские, ответственность и разумность. Закон, согласно которому общественное благо — превыше всего, и ему подчиняются личные стремления и интересы.

Поэтому именно сейчас так важно приобщение к античной культуре и философии. Теперь, когда у нас наконец есть свое государство, когда многие проблемы решены, мы должны систематично, как римляне, проводя в жизнь наши принципы, стать истинно европейским народом...

Вопрос. Каким качествам античного человека следует подражать, на ваш взгляд?

А. Кравчук. Античный человек — это, прежде всего, человек, открытый окружающему миру, одержимый жаждой познания. И в то же время — покорный законам бытия и космоса. Стоит припомнить сократовское: «Я знаю, что ничего не знаю», мудрые слова, которые мы так часто повторяем, чтобы оправдать собственную лень. Мы забываем, что активность — необходимое условие познания истины.

И самое главное. Веками длится спор о главенствующей роли церкви или государства. У древних никогда не было подобных сомнений: их республика была реально, а не только в декларациях благом наивысшим, которому они умели подчинять личные интересы, стремления, убеждения...

В нашей стране большинство важнейших дел совершается одиночками. Коллективные усилия часто неэффективны. Поэтому я осмеливаюсь утверждать, что изучение античного мира — это наш политический долг. Только опираясь на античные материалы, мы можем воспитать гражданина, который нам нужен, — разумного, с трезвым подходом к окружающему миру, в том числе и к такой важной проблеме, как экология. Загрязнение окружающей среды — это, в сущности, следствие нашего абсолютно библейского отношения к природе: «Земля — ваша собственность, владейте ею». Этот принцип совершенно противоположен принципу античности, когда человек считался не владыкой, а частью природы, живущей с нею в полной гармонии...

Вопрос. Однако вы не оставляете надежды привить современникам любовь к античной культуре?

А. Кравчук. В последние годы удалось ввести изучение латинского языка во многих лицеях. Это большой успех, если учесть, что традиция классического образования была у нас практически забыта... И меня очень тревожат предложения изменить программу обучения, оставив курс латинского и греческого языков лишь в старших классах. Как можно забывать о том, что изучение языка — многолетний, систематический труд?

Беспокоит меня и небольшое количество часов, посвященных изучению древней истории. А ведь популяризация античности важна как свидетельство нашей с нею связи. Кроме того, это основное условие понимания нашей собственной культуры.

Именно поэтому, если мы хотим строить будущее без иллюзий, надо делать это, опираясь на античные идеалы».

Автор. Энциклопедически образованный человек на посту министра культуры — совершенно необычное для нас явление. Только такая личность с группой единомышленников и при поддержке широкой общественности может противопоставить что-либо силе и влиянию церкви. Священнослужители ведь все делают всерьез, основательно: добротню строят, дают хорошее образование пастве и клиру, их ответственность на работе схожа с тяготами ратного труда.

Пресс-бюро польского епископата регулярно публикует статистические данные о численности ксендзов и монахов в ПНР. В 1987 г. в Польше было 23432 ксендза, в том числе 5706 монахов. Сан священника в 1987 г. приняли 1009 новых ксендзов. Число желающих учиться в духовных семинариях растет. Если в 1979 г. число семинаристов составляло 5845 человек, то в 1987 г. оно превысило 9 тыс.

Больше всего семинаристов учатся в религиозных учебных заведениях следующих епархий (в Польше их 27): Краковская (394), Пшмысльская (381), Катовицкая (327), Варшавская (321), Вроцлавская (282), Люблинская (295) и Хелмская (268). Среди 42 существующих в Польше религиозных учебных заведений больше всего семинаристов в семинарии Силезской конгрегации (380 человек), далее следует семинария францисканцев (266), семинария конвентуалов (172), семинария паллоттинцев (160) и семинария «сирот Непорочной Девы» (159).

Среди этих будущих священников большинство являются представителями белого духовенства и лишь каждый третий — черного духовенства.

За 16 месяцев существования «Солидарности» в 1980—1982 гг. церковь добилась от правительства значительных уступок. В церковных приходах появились десятки «независимых учебных заведений». В 1985 г. католическая церковь в ПНР располагала 46 высшими духовными семинариями, в том числе академией католической теологии и университетом.

Западная печать называет католический университет в Люблине «единственным независимым университетом в коммунистической Европе». Университет, по словам газеты «Крисчен сайенс монитор» (27.01.1987), «выглядит наподобие американской церковной школы. Фактически, по словам должностных лиц, образцом для него служит католический университет в Вашингтоне (округ Колумбия), с которым он поддерживает тесные связи».

Вот отрывок из статьи в газете «Нью-Йорк Таймс» (1.01.1988):

«Этот университет действует без перерыва, если не считать пяти лет после 1939 г., когда Польша была оккупирована нацистами, закрывшими его. Коммунисты позволили открыть университет после войны.

«Это была довольно комичная ситуация», — сказал секретарь университета Ежи Чешковский. Он сказал, что представитель польского эмигрантского правительства в Лондоне выступал против открытия университета, тогда как министр образования коммунистического правительства распорядился: «Если вы не откроете университет, то мы его национализируем».

«Вот мы и открыли университет», — сказал Чешковский.

Ни в одной коммунистической стране Европы римско-католическая церковь не связана с обществом столь сильно, как в Польше, и университет является учебным заведением польской католической церкви в тот момент, когда церковь стремится участвовать в устранении национального духовного кризиса, возникшего после введения

военного положения. Вместе с тем университет также является мерилom терпимости в отношении частных организаций, которые идут не в ногу с партией.

Университет, насчитывающий 4300 студентов и около 400 профессоров, не оторван от жизни. Его отношения с коммунистическим руководством страны нельзя назвать спокойными.

В начале 50-х годов, в годы правления сталинистов, университет подвергался преследованиям, когда один профессор изгонялся за инакомыслие, а против других фабриковались обвинения в финансовых злоупотреблениях. В 1968 г., когда евреи стали объектом дискриминации со стороны властей, университет стал убежищем для студентов-евреев, исключенных из государственных учебных заведений.

В университете пять факультетов — теологический, философский, юридический, гуманитарных и общественных наук, — и он видит свою задачу в подготовке руководителей для римско-католической церкви. Большинство высокопоставленных церковных деятелей — его выпускники. Кардинал Стефан Вышинь-ский, примапольской церкви, закончил в напряженное послевоенное время юридический факультет, кардинал Кароль Войтыла, сейчас папа Иоанн Павел II, преподавал на философском факультете университета.

«Как католики, мы должны иметь свои позиции, — сказал профессор юридического факультета Хшановский. — Нам нужны специалисты по семейному праву, даже по уголовному праву, по философии права. Церковь — большая организация, и ей нужны юристы».

Экономический факультет университета специализируется на небольших предприятиях и сельском хозяйстве, перспективных областях для частных предпринимателей, хотя государственные предприятия иногда оказывают финансовую помощь студентам, которых они надеются взять на работу по окончании вуза.

Прагматизм в финансовых вопросах проявляется и в другом. Университет финансируется в значительной степени за счет пожертвований польских католиков. Когда разрабатывались планы строительства нового центра Иоанна Павла II, государственное строительное предприятие запросило 35 млн долларов за возведение учебных корпусов и общежитий. Тогда университет создал свою компанию-подрядчика, которая, как ожидают, выполнит этот заказ за 10 млн долларов.

Отношения с правительством сейчас менее напряженные, чем в прошлом. В 1980 и 1981 гг. власти разрешили вновь открыть несколько факультетов, которые были закрыты в 50-х годах. Недавно власти санкционировали строительство нового отделения, которое будет финансироваться за счет средств, поступающих из Северной Америки, что позволит университету удвоить число учащихся».

Взвешенное слово церкви

Рецензент. Польская римско-католическая церковь располагает мощным пропагандистским аппаратом, направленным не только и не столько на работу с верующими, сколько на распространение идей и информации в самых широких народных слоях. Польские епископы заявляют, что «церковь видит в средствах массовой информации прекрасное орудие проповедования Евангелия».

Все польские религиозные еженедельники опубликовали в конце 1988 г. письмо польских епископов, озаглавленное «О свободе выражения убеждений». В нем подчеркивается, что «средства массовой информации играют значительную роль в развитии солидарности и братства. Будучи общественными средствами коммуникации, они не должны стать собственностью одной группы людей, которые навязывают свою точку зрения, свою идеологию. Одним из основных

критериев свободы является доступ к средствам массовой информации всех — независимо от политических, мировоззренческих и религиозных убеждений. В этой связи еще многое предстоит сделать в Польше. Верующие всего несколько лет назад получили возможность слушать по радио трансляцию воскресного богослужения. Эта передача стала проводиться только благодаря общественным соглашениям 1980 г. Телевидение хотя в последнее время и передает информацию из жизни костела, однако не готовит религиозные передачи с участием представителей церкви».

В настоящее время, говорится в письме, католическая церковь в стране издает 36 наименований газет и журналов, которые составляют только 1,1% всей периодической печати Польши. По статистическим данным, одноразовый тираж всей периодической печати в 1986 г. составлял 48,5 млн экземпляров, в то же время католической — всего только 1 млн 232 тыс., или около 2% всей продукции. Католическая печать использует только 1,5% всей бумаги, предназначенной на периодические издания. Она не имеет своих изданий для отдельных групп верующих — земледельцев и рабочих, семьи, детей и молодежи.

Последняя глава этого письма озаглавлена «Требование правды» В ней, в частности, указывается, что в распространяемой информации и комментариях должна доминировать правда — с уважением чужих взглядов, без оскорбления людей с другими политическими убеждениями.

Еженедельник «Недзеля» (26.09.1988) в продолжение темы письма епископов напечатал статью представителя польского епископата по печати ксендза А. Оршулика «Католическая печать в Польше», в которой выражается сожаление, что по сей день верующие не имеют своей ежедневной газеты. «Наши старания, — пишет автор, — добиться разрешения выпуска ранее закрытых изданий, а также выпуска новых, увеличения тиражей не приносит желаемых результатов. Эти вопросы необходимо решить в самое ближайшее время».

Автор. Вот в каких выражениях формулирует костел свои пожелания (требования) обществу. Польское католичество ежегодно отмечает День средств массовой информации 21 сентября. В связи с этой датой пресс-бюро епископата католической церкви в Польше распространило в 1986 г. текст очередного обращения к верующим «О христианском формировании общественного мнения».

В нем, в частности, говорится, что средства массовой информации должны служить добросовестному информированию и быть для всего общества, для его подлинных предводителей и лиц с большим моральным и научным авторитетом наиболее доступным средством выражения своего мнения.

Тем временем, отмечается далее, мы с беспокойством сознаем, что в нашей стране, где большинство — верующие, так называемая социалистическая атеизация продолжает оставаться официальной государственной программой. В школах и средствами массовой информации навязывается материалистическое видение человеческой личности и общества. При этом забывается предостережение примаса кардинала С. Вышиньского в знаменитой ясногурской проповеди 26 августа 1980 г. о том, что «определенных ценностей, на которые опирается народ, силой которых он живет, нарушать нельзя».

Человек и общество стали предметом многообразных манипуляций, пишут епископы. Мы неоднократно обращали внимание, что в нашей стране печать, программы радио и телевидения, как правило, таковы, будто в Польше нет верующих людей, буд-

то наша история и культура не являются христианскими. Более того, эти программы часто направлены против христианского мировоззрения, против системы этических ценностей церкви. Католические родители должны это сознавать... церковь не может закупить должного количества бумаги. Поэтому католические периодические издания выходят в небольшом количестве и объеме, а иногда с опозданием. Та же проблема резкой нехватки бумаги и трудностей с печатью становится причиной того, что многие религиозные книги не могут дойти до читателя.

«Несмотря на трудности, с которыми мы встречаемся, становится велением времени формировать и выражать морально здоровое общественное мнение в вопросах, наиболее тесно связанных с благом человеческой личности и народа, охватывающих всю нашу общественную жизнь. Общественное мнение, пронизанное христианскими ценностями культуры, неоднократно было главным свидетельством нашей национальной суверенности. Это мнение, как и культура, может формироваться лишь в условиях духовной свободы. Мы должны создавать мнение при помощи критического мышления, получения необходимых знаний и опыта, а выражать его смело, в соответствии с собственной совестью и убеждениями».

Это критическое и независимое мышление, указывается далее, должно сопутствовать нам всегда, когда мы становимся адресатами программ средств массовой информации. Собственное суждение, обмен мнениями, личный выбор становятся самой лучшей защитой от манипуляций и служат нашему духовному развитию. Давайте не будем бескритично и пассивно поддаваться очарованию голубого экрана, бездумно проводить перед ним все свободное время. Давайте будем критическими читателями и зрителями. Давайте сохраним собственную индивидуальность.

Наш общий долг, указывают епископы, формировать должное общественное мнение, внедрять моральный порядок в общественную жизнь, ставить благо народа выше интересов отдельных групп или партий.

Одновременно епископы призвали:

деятелей культуры — создавать произведения о величии человеческого духа;

тех, кто распоряжается средствами массовой информации, — поддерживать людей в стремлении к добру, правде и красоте;

тех, кто пользуется средствами массовой информации, — критически воспринимать их.

Наряду с этим высшие представители католического духовенства «горячо рекомендовали» создавать приходские библиотеки и читальни, вести обмен католической литературой, «благословляя» в заключение верующих на «евангелизацию культуры».

Рецензент. Польский костел любит лишний раз заявить о своих проблемах, но обычно не спешит рекламировать свои удачи.

Автор. Я предлагаю сделать небольшой обзор выступлений польской католической печати за 1987 — начало 1988 г. по вопросам, которые, безусловно, интересуют нашего читателя.

Советская тема всегда занимала заметное место на страницах польской религиозной печати. Но после XXVII съезда КПСС, с началом процесса перестройки, практически не бывает случая, чтобы хотя бы в одном из католических еженедельников не присутствовали материалы, в той или иной мере связанные с политической, экономической и культурной жизнью Советского Союза. Эти издания делятся на две группы. Одну составляют умеренные и даже дружелюбно относящиеся к СССР: журналы общества светских католиков и христианско-общественного союза — «Слово повсехне», «Тыгодник польски» и «Керун-ки». Остальные же настроены не всегда дружелюбно, они не только пристранно следят за происходящими в СССР переменами, но и интерпретируют по-своему публикации из советской печати, как центральной, так и местной.

Религиозная печать, ранее не удостоившая своим вниманием происходящие в СССР перемены, стала перепечатывать отдельные материалы из советских газет без комментариев. Как правило, они отражали отдельные положительные моменты экономической и культурной жизни СССР.

Новый импульс к освещению советской тематики на страницах религиозной печати дало уже упоминавшееся выше интервью примаса католической церкви в Польше кардинала Ю. Глемпа корреспонденту «Литературной газеты» Л. Почивалову. Этот материал, в изложении или полностью, был опубликован во всех еженедельниках. Как писал «Тыгодник польски», «интервью имеет беспрецедентный характер. Еще никогда представитель руководства польского духовенства не выступал на страницах советских газет». Этот же еженедельник в редакционной статье «Наше мнение» дал положительную оценку высказываниям корреспондента «Литературной газеты» о Польше, роли католической церкви в жизни страны.

Статьей А. Якубовского «Годовщина, которая праздновалась по-ипому» еженедельник «Тыгодник польски» отметил 42-ю годовщину подписания советско-польского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В статье, в частности, подчеркивалось: «В числе множества добрых дел, которые связаны с Красной Армией и Советским Союзом, мы никогда не забудем поддержку при определении наших западных границ, огромную материальную и техническую помощь при восстановлении полностью разрушенного народного хозяйства».

В апреле 1987 г. группа журналистов католических изданий побывала в Вильнюсе. После их возвращения в «Керунки» и «Тыгодник польски» появились объективные путевые очерки, рассказывающие о советской Литве, ее столице, положении верующих и духовенства в этой советской прибалтийской республике. Однако через некоторое время в тех же еженедельниках появились материалы совершенно другого плана. Е. Савицкая в журнале «Тыгодник польски», например, сетовала, что нет достойного ухода за могилами павших при захвате Вильнюса в 1920 г. легионеров Пилсудского на кладбище «Расу», что некоторые католические церкви в Вильнюсе превращены в музеи. С. Стомма в «Тыгодник повшехны» привел слова польского генерала Желиговского, выразившего «сожаление» по поводу того, что «польская армия вместе с вильнюсским краем не заняла полностью всей Литвы». В новогоднем номере еженедельника «Тыгодник повшехны» была опубликована большая статья, которая начиналась словами: «Польский рай находится в Литве». Автор материала на примере творчества Е. Ожешко, А. Мицкевича, Ч. Милоша, Т. Кон-вицкого старался показать неразрывную связь польской культуры с Литвой.

«Недзеля» перепечатывает статью из органа ЦК КП Литвы газеты «Червоны штандар» (на польском языке) под заголовком «Поляки в СССР», автор которой, доцент Вильнюсского педагогического института Я. Цеханович, пишет: «Сотни тысяч поляков, которые после войны остались жить на земле своих предков, еще в сталинские времена были лишены не только родного языка, но и имени. В Белоруссии в их паспортах в графе «Национальность» записывалось «белорус» или «русский». Школьные учебники довоенного периода изобиловали антипольскими материалами, поляков показывали в кривом зеркале псевдоправды — «империалистами», «союзниками гитлеровских захватчиков». И хо-

тя положение поляков в Литве сейчас значительно лучше, чем в других республиках, поляки отстранены от общественной жизни. Среди студенческой молодежи они составляют только 2%, их очень мало среди интеллигенции. Сейчас произносится много слов «о равноправии», однако в нынешнем году поступающие в вузы представители польского национального меньшинства подверглись «отсеиванию».

Еженедельник «Пшегленд католички» поместил письмо епископов Польши в связи с 1000-летием крещения Руси под названием «Узы веры, соседства и культуры», в котором указывается, что «наше соседство не было легким. Однако оно существует, и этот факт не может заслонить любые трудности. Может, не всегда мы были друзьями, но всегда оставались братьями: как христиане и славяне. Вместе учились защищать, что наше, и уважать, что чужое. Имейте опыт, который является бесценным наследием на нашем совместном пути».

«Сентябрь 1939 г.» — заголовок статьи К. Вельгута в «Недзеля». Автор, в частности, пишет: «Ошибался Сталин в оценке внешней политики польского государства, считая его потенциальным противником. В действительности Варшава уже не строила никаких планов нового похода на Киев. Более того, несколько лет подряд Польша сдерживала агрессивные планы немцев в отношении СССР. Представители руководящих кругов гитлеровской Германии, приезжая в Варшаву, много раз предлагали совместный поход на Москву, к Черному морю. И каждый раз польское правительство эти предложения отклонило. Словом, несмотря на холодные отношения с СССР, Польша оказывала бесценные услуги Москве, являлась оборонительным валом для немецкой агрессии на Востоке. Однако этого Сталин не понимал и сам прикладывал руку к тому, чтобы загубить польский шанс, охраняющий западные границы СССР».

Рецензент. В настоящее время модно выискивать в нашей истории «белые пятна» и предлагать различные способы их ликвидации. С точки зрения историографии только некоторые из них заслуживают всеобщего внимания. Многие важные моменты истории остаются еще вне поля зрения ученых. Это относится прежде всего к деятельности римско-католической церкви. В ее истории имеется много процессов и событий, оценка которых не может быть однозначно позитивной. Даже наоборот. Попытки критической оценки, заполнения имеющихся пустот и показа аспектов, выглядящих нелицеприятно, рассматриваются чаще всего как дурное поведение в приличном обществе.

Светские историки, атеисты уходят от изучения этих вопросов, оставляя их церковникам. Религиозная пресса склонна замалчивать некоторые проблемы, другие, напротив, — раздувать. В результате формируется ложное представление об истории.

Свежим примером такого рода является интерпретация биографии архиепископа Юргиса Матулайтиса, личность которого уже почти забыта. В связи с причислением его к лику блаженных он вновь оказался в сфере внимания общественного мнения. Матулайтис был литовцем, который управлял Вильнюсской епархией в сложные времена, в период обострения национальных и религиозных противоречий в 20-е годы нашего века. Знаменательным является тот факт, что в наибольшей оппозиции к нему находился польский клир, который составлял на

этих территориях большинство верующих и занимал почти все высшие духовные посты. Поляки-священнослужители при помощи Ватикана пытались заставить епископа Матулайтиса отречься от управления Вильнюсской епархией. В 1925 г. Матулайтис ушел с этого поста. В то время церковники исказили факты, для того чтобы найти повод для устранения Матулайтиса.

В связи с причислением епископа-литовца к лику блаженных в католической прессе появился ряд статей, посвященных ему. Однако в них бесполезно искать следы внутрицерковных конфликтов, которые вызвали отставку Матулайтиса. Вместо подлинных причин событий указываются надуманные. Можно сделать вывод о том, что церковь не заинтересована, чтобы в ее собственной истории, где немало «белых пятен», эти факты преподносились в объективном освещении.

Разумеется, я согласен с тем, что в нашей католической прессе появляется немало умных публикаций, так необходимых всем нам.

Вот один из комментариев к визиту М. С. Горбачева в ПНР летом 1988 г. — статья Януша Рейтера «Открытые вопросы» в еженедельнике «Пшеглэнд католици» (29.07.1988), отрывок из которой следует ниже:

«Польские участники встречи в Королевском замке задали несколько вопросов, которые не могут оставаться без ответа. Среди них — вопрос о принципах суверенитета и его практического применения в советско-польских отношениях, о так называемой доктрине Брежнева, военном вмешательстве в 1968 г. в Чехословакии. На повестке дня остается открытым и вопрос о Катynie.

В советско-польских отношениях прежде существовала декларативная дружба, мало что имеющая общего с настоящими чувствами людей и реальностью контактов между нашими странами. Та пропасть между реальностью и существующими нормами была очень четко подчеркнута, о чем свидетельствуют выступления М. С. Горбачева во время визита. Но, как обратил внимание в своем выступлении на встрече с интеллектуалами профессор Ян Шепаньский, нельзя путать уже решенные проблемы с вопросами, которые еще требуют решения. Такую ошибку часто совершают официальные толкователи перестройки. Некоторые из них просто из кожи вон лезут, чтобы разжечь неприязнь. И это не только глупость горстки людей. В этом кроется более серьезное — вопрос, должна ли быть перестройка критическим политическим методом или сборником догм, не подлежащих критике. Должен ли быть автор перестройки дружественным руководителем соседней страны или новым учителем; должно ли быть сходство интересов СССР и Польши предметом дискуссии и договоров или абсолютной истиной, не знающей противоречий.

Все это свидетельствует об эволюции советско-польских отношений, которая только началась, а не, как некоторые склонны считать, уже успешно завершилась. Целью такой эволюции должна быть такая модель отношений, основу которых составляют не общие идеологические цели, а, скорее, сходство политических интересов обоих народов, свободных в своем выборе, но которые пронизаны реализмом. Понятие «социализм» далеко не однозначно. Кто имеет право определять, каким должен быть социализм в той или другой стране? Что произойдет, если какая-нибудь страна или группа стран придет к выводу, что их союзник перешагнул «границы социализма»?

В последние годы в СССР образовался климат, способствующий реформам и экспериментам. Воспользуются ли этой ситуацией отдельные страны и их правительства? Многие годы они утверждали, что реформы блокирует Советский Союз, который не любит перемен. Сейчас такому объяснению никто не поверит. Москва в настоящее время, при всех идеологических оговорках, прежде всего заинтересована, чтобы ее союзники добились политической и экономической стабильности, при этом оставляя им выбор путей для достижения этих целей. Некогда Польша опережала в реформах другие социалистические страны, сейчас же может остаться позади, потому что те

мелкие, неуверенные шаги, которые делает нынешнее руководство страны, не удовлетворяют никого — ни противников, ни сторонников реформ, ни польское общество, ни польские западных партнеров. Такое дозирование реформ создает скорее впечатление упадка. Радикальные, смелые реформы могли бы не только вызвать перелом во внутренних отношениях, но и сыграть положительную роль в европейской политике. Создается впечатление, что в политике стран — участниц Варшавского Договора опять на первом плане появляется Европа. Польша здесь может сыграть роль посредника, прокладывая новые пути на Запад, и в первую очередь экономические. Польша могла бы, например, стать движущей силой в развитии торговли Восток — Запад, создавать зоны, свободные от пошлины, открыть к себе дорогу западному капиталу и научно-техническому прогрессу.

Все, о чем здесь говорилось, можно вложить в формулу «много путей к социализму», и надо использовать все возможности, которые она создает. На что должна опираться особая позиция Польши как самого близкого союзника СССР? Именно на опережение других в проводимых реформах, на более открытые отношения с Западом. Профессор А. Валицкий во время встречи в клубе политической мысли «Дзекания» выразил мнение, что Польша для Европы может быть более интересна, оставаясь членом восточного блока, чем становясь периферией Запада. Эта оценка остается в силе».

Автор. У церкви всегда есть, что сказать людям, и церковники знают, как это выразить публично. Слово церкви очень отличается от языка, которым пользуется большинство наших политиков.

Рецензент. В Польше носители и толкователи слова божьего требуют для себя, как мы уже говорили, неограниченной свободы печати.

Еженедельник «Недзеля» (29.02.1987) поместил статью «Католические агентства печати», подготовленную на основе выступления директора пресс-бюро епископата католической церкви в Польше А. Оршулика 27 сентября в Ольштыне. В ней рассказывается о существующих в мире католических информационных центрах. «Почему же в Польше нет католического агентства печати (КАП)? — ставит вопрос автор статьи. — Кстати, оно существовало перед второй мировой войной. В послесталинский период КАП тоже не возобновило свою работу. Только несколько католических печатных органов было открыто после 1956 г. Период руководства Гомулки и Терека также не внес значительных перемен. Функции католического агентства печати планировалось передать пресс-бюро польского епископата, которое начало свою деятельность в 1968 г. Еще позднее, в 1982 г., его сотрудники обратились в польский епископат с инициативой создания агентства религиозной информации епископата (АРИЕ). Этот проект был утвержден кардиналом Ю. Глемпом в 1983 г. Однако по политическим соображениям эту идею претворить в жизнь пока не удалось. Проект по сей день ждет своего осуществления».

Автор. Костел регулярно пользуется правом выхода в эфир, но он не имеет (пока!) собственных радио- и телестанций.

Вот отрывок из статьи в католической газете «Слово повсехне» (21.08.1988) под заголовком «Религиозная тематика на волне польского радио»:

«Четвертая программа польского радио транслирует мессы римско-католической церкви, а также религиозные обряды других одиннадцати церквей из 40 существующих в стране религиозных общин. Кроме еженедельных воскресных передач из костелов радио готовит передачи историко-религиозного характера, а также репортажи, связанные с религиозными праздниками.

В послевоенные годы религиозные передачи долго не могли найти себе места в эфире. Только после принятия августовских соглашений 1980 г. из костела Св. Креста была организована трансляция воскресного молебна. В 1981 г. был подписан новый договор о трансляции богослужений из других церквей в Польше, которые имеют право передавать 4—6 богослужений или передач в течение года. Каждая церковь, будь то православная или протестантская, подписавшая соглашение, может представлять на волне польского радио свою теологию, описание обрядов в духе терпимости к другим религиям. Пользуются популярностью также концерты церковной музыки».

«Тыгодник повшехны» (9.09.1988) поместил интервью М. Терлецкого, телевизионного журналиста, активного участника бывшей «Солидарности», автора документального фильма «Памятник», рассказывающего о событиях 1980 г. Он сообщил, что уже в сентябре 1988 г. начинается выпуск часового ежемесячного католического видеожурнала. «Думаю, — сказал Терлецкий, — настало время иметь независимую католическую телевизионную программу, католическую киностудию».

Двухнедельник гданьской епархии «Гвезда можа» (1201.1989) сообщил об образовании организационного комитета по созданию католической киностудии. Среди его членов — гданьский епископ Т. Гоцловский, Ян Юзеф Щепаньский, А. Вайда. Главной задачей комитета является финансирование кинофильмов религиозного характера и строительство павильонов киностудии.

А как обстоят дела с церковным книгоизданием? Можно было бы привести ряд статистических данных, но, думаю, лучше сослаться на фрагменты доклада заведующего отделом культуры ЦК ПОРП В. Навроцкого, которые опубликовал еженедельник «Жиче литератке» (30.12.1988). Этот текст хорошо отражает идеологическую обстановку и стиль дискуссий того времени в Польше:

«Издательство «Искры» выпустило в свет 50-тысячным тиражом сборник песен В. Млынарского «Давайте делать свое», в которых автор убеждает нас в верности наглых требований «Солидарности», насмехается над процессом обновления.

Политика соглашения не должна вести к изданию книг, которые остаются в явном противоречии с целями системы образования. Характерным примером этого может быть книга ксендза К. Буковского «Библия и польская литература».

С другой стороны, писателей Братного, Сафьяна, Аудерскую не издают столь быстро и столь высокими тиражами, хотя все должно было бы быть как раз наоборот: эти писатели написали книги и лучшие, и более общественно пригодные с точки зрения интересов социалистической культуры. Надо признать, тут мы уступили противнику, соглашение было расценено как отказ от собственных интересов, правоты.

Если говорить об издании польских писателей-эмигрантов, то мы предлагаем поручить выпуск их книг специализированным издательским фирмам («Читальнику», Государственному издательскому институту, Литературному издательству), снабжать произведения критическими, ориентирующими польского читателя выступлениями, не избегая оценок и определения позиций писателя-эмигранта в восприятии нашей страны. С другой стороны, не поручать их выбор, а также подготовку комментариев к ним тем, кто связан с оппозиционной деятельностью; не организовывать издательские фестивали произведений Милоша, Петке-вича, Винценса, ибо это представляет их в глазах польского читателя как

слишком великих и слишком заслуженных; мы не должны публиковать произведения авторов, активно действующих в борьбе против народной Польши.

Большое значение имеет издание общественно-политической литературы. В этой области перед издателями стоят трудные задачи по отбору и выпуску массовой, популярной, хорошо написанной литературы, поднимающей актуальные проблемы современности.

Практика между тем иная. Книга Я. Ладоша «Социализм и коммунизм» лишь спустя четыре года была издана тиражом в 1800 экземпляров, причем ее запоздали выпустить к 100-летию польского рабочего движения. Тираж уменьшили якобы на основе заявок книжных магазинов. По нашему мнению, малым тиражом были изданы многие ценные позиции, в частности избранные произведения Маркса, Энгельса, Ленина. Книга В. Кочохи «Марксистские инспирации в философии культуры» вышла тиражом 1800 экземпляров. Сказались тут и недоброжелательное отношение издателей к этим книгам, и низкие заявки, поступившие от книжных магазинов. Мы убеждены в том, что эти барьеры должны быть устранены безотлагательно. В наших условиях особое значение приобретает проблема пропаганды материалистического мировоззрения, а также решительного противодействия волне политического клерикализма. Мы ощущаем большую нехватку именно в этой литературе. В то же время давайте посмотрим, как действуют религиозные издательства. «Ключ к Библии» В. Харриштона издан 10-тысячным тиражом, «Библия для молодежи» — 30-тысячным тиражом.

Удивительно то, что до сих пор не нашелся издатель, который бы быстро и массовым тиражом выпустил богатое собрание антиклерикальной публицистики, возникшей в последние годы. Нельзя все объяснять нехваткой новых текстов. Мы видим отчетливый натиск клерикальных сил на издательскую среду, которая в определенной степени поддается этому давлению. Подтверждением этого является выпуск школьным и педагогическим издательством книги ксендза Буковского «Библия и польская литература», разумеется, массовым тиражом. Трудно понять, почему государственное издательство выручило в данном случае церковных издателей в Польше. Имеются и другие примеры».

Рецензент. XX век заставил католическую церковь осознать, что мир идет вперед, руководствуясь своими законами. Желая присутствовать в мире, церковь не только должна принять это к сведению, но и изменить свое отношение ко многим фундаментальным проблемам, которыми живет человечество. Это требование заставило церковь пересмотреть прежний подход к культуре.

В настоящее время Ватикан реализует концепцию «евангелизации культуры», получившую в церковном языке название «инкультурации». Эта концепция обрела сегодняшний облик в период правления Иоанна Павла II, который впервые обозначил такой подход к проблеме в выступлении перед членами папской комиссии в апреле 1979 г. Эта концепция является реакцией на беспокоящий церковь процесс укрепления автономности и светского характера культуры. Наверное, она служит также ответом на все более широко распространяющееся в мире убеждение, что невозможно создать христианскую культуру в старых формах, а также отражает тоску по церковному культурному центризму в средние века. Главной целью этой концепции, которая отнюдь не скрывается, является завоевание культурной гегемонии во всемирном масштабе.

Эта стратегия католической церкви имеет два аспекта. Один из них относится к проблемам евангелизации на территориях, где церковь перманентно отсутствует, как, например, в большинстве стран Азии и Африки. Другой аспект связан с процессом новой христианизации районов, традиционно считающихся христианскими. Причем здесь существует разделение на капиталистический и социалистический мир, а социалистический мир, как кажется, является объектом особой заботы Иоанна Павла II, особенно в аспекте «евангелизации культуры».

Свидетельством этого, несомненно, является энциклика «Славорум апостоли». Эту энциклику, особенно ее главные идеи, можно интерпретировать как папскую директиву, велящую начать и усилить «инкультурацию» славянских стран, понимаемую как меры по созданию альтернативной и даже нацеленной на конфронтацию с существующей культурой. Ведь «инкультурация» должна обеспечить церкви культурную гегемонию в мире, в том числе и в социалистическом. Не имея возможности применять к нехристианским культурам санкции или нажим, церковь избрала путь внутреннего проникновения в культуру. Культурные преобразования, планируемые церковью, должны продолжаться до тех пор, пока культура как орудие не обеспечит католической церкви осуществления ее миссии — «возврата человека к богу».

Автор. Костелы уже перестали быть исключительно местом отправления религиозного культа. Осенью и весной появляется на улицах множество афиш, извещающих о концертах, выставках, лекциях, представлениях, демонстрации кинофильмов и других подобного рода мероприятиях, организованных в костелах или их пристройках в рамках так называемых дней, недель или иных временных отрезков, посвященных христианской культуре.

Культура на службе церкви отнюдь не представляет собой нечто традиционное, веками устоявшееся. Это не только сакральное искусство, католическая литература или композиция из цветов на алтаре. Одни темы звучат академично и интересны специалистам — «Музыка в литургии кафедрального собора в Вавеле», «Библия и культура». На другие валом валят старшеклассники (джаз) или почтенного возраста прихожане (исторические сюжеты недавнего прошлого).

Ксендзы ориентируют молодежь совершенно иначе, чем это делает государственная школа.

Ксендзы желали бы участвовать в подготовке светских руководящих кадров любого, пусть даже самого малого уровня.

Ксендзы во время своих культурных мероприятий критикуют власти, атакуют «безбожный коммунизм», много говорят о «покоренных народах» и «особой культуре восточного соседа».

Ксендзы через приходские школы и другие формы общения проводят в жизнь главную задачу евхаристического движения — «пробудить в детях стремление воздавать господу должные почести, включать их в систематическую работу над собой, связать детей с церковью».

Ксендзы организуют на деньги благотворительных фондов специальные детские лагеря, популяризируют новые формы работы с детьми, молодежью и взрослыми, будь то паломничества, «религиозные лагеря», «каникулы с богом», «лагеря католических семей» и т. д.

Епископат и католическая пресса критикуют то, как преподают сегодня в польских государственных школах религиоведение.

Епископы признают огромную важность созданного в начале 1989 г. архиепископом Краковским кардиналом Ф. Махарским Центра информации, воспитания, встреч и молитв при новом монастыре сестер-кармелиток в Освенциме, который был местом мученичества сынов и дочерей многих народов.

Рецензент. Вы упомянули паломничества, но не сказали об их внушительных масштабах. Каждый год в августе десятки тысяч поляков идут в Ченстохову пешком из столицы и из всех воеводств. В колоннах паломников—множество школьников старших классов и студентов, представители католиков из большинства европейских стран. Как сказал примас кардинал Ю. Глемп, «паломничество — это школа христианской жизни, реализация божьих заповедей, олицетворение живой связи с церковью. Наше братство, укрепляющееся в ходе паломничества, необходимо трактовать буквально, внедрять в жизнь и после паломничества, чтобы оно приносило плоды в семейной, профессиональной и общественной жизни».

В августе 1988 г. примас католической церкви в Польше кардинал Ю. Глемп выступил с воскресной проповедью в костеле Св. Креста в Варшаве.

Ю. Глемп отметил, что август напоминает о героическом порыве к свободе, каким было Варшавское восстание. Август — это также месяц стихийного выражения любви к деве Марии через массовое участие в паломничестве к Ясногур-скому монастырю в Ченстохове. Это также месяц поддержки многими верующими призыва польских епископов к трезвости всего народа. Много раз церковь разъясняла, почему для этого избирается именно август, когда взаимно проникают и дополняют друг друга религиозные и патриотические побуждения, вызывая ощущение озабоченности за народ и его будущее. Это месяц паломничества к святым местам, период каникул и непосредственных контактов с природой. Все это как бы говорит: будьте трезвыми.

Речь идет не об алкогольном посте в августе, чтобы можно было это ограничение наверстать в сентябре, а о подлинном восстановлении моральных развалин, на которые обрек алкоголь тысячи поляков. Только трезвый народ может строить свое будущее в условиях свободы, справедливости и достоинства каждого человека. Необходимо предпринять реальные усилия по ограничению этого пагубного пристрастия, отдавая себе отчет в том, что молодежь в своем большинстве остается и хочет оставаться трезвой.

Касаясь атмосферы и настроений, которые сопутствуют ежегодному паломничеству в Ясногурский монастырь, Ю. Глемп обратился к его участникам с призывом по возвращении к повседневной жизни сохранить радость, открытость, любовь к ближнему, трезвость и дисциплинированность, чтобы тем самым содействовать моральному возрождению народа.

В 1988 г., как обычно, римско-католическая церковь 15 август отметила праздник усновения Богородицы. По этому случаю на Ясной Горе в Ченстохове состоялась торжественная месса, в которой приняли участие члены польского епископата. Как пишет католическая газета «Слово повсехне», в Ченстохову прибыло свыше 160 тыс. паломников, в том числе гости из многих стран Европы. Верующие Люблинской епархии принесли на Ясную Гору семиметровый дубовый крест весом 600 килограммов и установили его на площади Молитв, около Дома паломника им. Иоанна Павла II.

Автор. Пешие колонны, сопровождаемые церковниками, растягиваются по улицам Варшавы и других городов на многие километры. Среди призывов, выкрикиваемых в колонне, варшавяне, к примеру, могут слышать такие: «Молиться за братьев в славянских странах, чтобы был открыт им доступ к святой католической вере», «Да здравствует «Солидарность» и др. Эмблемы «Солидарности» —

на плакатах, транспарантах, знаменах, на одежде паломников. Эти шествия превратились в ежегодные массовые мероприятия, демонстрирующие набожность современных поляков, прежде всего молодежи. Ясно и то, что политика и религия в Польше — близкие понятия.

Рецензент. Отношения между государством и церковью принадлежат в Польше к числу самых сложных политических проблем.

Автор. Причины такого положения могут быть самого различного свойства. Но общий язык между правительством и костелом в ПНР имеется, и он развивается.

Взять хотя бы постоянные встречи В. Ярузельского и Ю. Глемпа, подтверждающие непрерывность диалога польских институтов, которые они представляют.

Диалог на высшем уровне касается важных для народа, государства и церкви проблем. Имея постоянный, непрерывный характер, он тем не менее не является единственным в отношениях между государством и церковью. В стране действует смешанная комиссия представителей правительства и епископата. С 5 сентября 1980 г. по январь 1987 г. состоялось 36 ее заседаний. Ежегодно проходят встречи воевод, президентов городов с епископами епархий, в ходе которых обсуждаются общественные, государственные и церковные проблемы.

Как сообщало агентство ПАП (15.07.1988), религиозная политика в Польше была темой встречи начальника Управления по делам вероисповедания В. Лоранца с журналистами в пресс-центре визита Генерального секретаря ЦК КПСС в ПНР.

Комментируя по просьбе одного из журналистов высказывание В. Ярузельского о возможности исторического компромисса, В. Лоранц охарактеризовал три периода в отношениях между государством и церковью, а также ПНР и Ватиканом. В первый период—1944—1948 гг. — правые силы считали, что «социализм можно переждать», а левые силы недооценивали значение потребностей верующих. В 1949—1955 гг. возникли серьезные осложнения в отношениях на линии государство — церковь. С 1956 г., несмотря на некоторые столкновения интересов, отношения начали складываться все лучше. В настоящее время политическая практика этих отношений является лучшей, чем их правовое выражение. Итак, пришло время, сказал В. Лоранц, чтобы нормализовать дипломатические отношения между ПНР и Ватиканом и урегулировать правовой статус римско-католической церкви в Польше в форме закона в соответствии с конституцией, которого до сих пор еще нет.

Объединения светских католиков сыграли огромную, конструктивную роль, которую трудно переоценить, как в строительстве социализма в католической стране, какой является Польша, так и в сближении римско-католической церкви с православной, евангелической церквями и другими вероисповеданиями в стране и во всем мире, сказал В. Лоранц. С некоторого времени выдвигаются новые инициативы по организации светских католиков, в частности развитие клубов католической интеллигенции, группы «Дзекания», группы и журнала «Республика», что может обогатить общественную жизнь.

Рецензент. На заседании от 18 января 1989 г. Общественно-политического комитета Совета Министров Польши был рассмотрен проект конвенции между ПНР и Ватиканом, которую подготовила редакционная группа, назначенная государственным руководством и епископатом католической церкви. Совместно подготовленный проект этого документа передан Ватикану, сообщило агентство ПАП.

По словам начальника Управления по делам вероисповедания В. Лоранца, этот правовой акт будет регулировать общие вопросы отношений между Польшей и Ватиканом. Конвенция будет также регулировать образование епархий,

назначение управляющих ими, осуществление свободы совести и вероисповедания, права о свободе обрядов, а также другие вопросы, например пастырство в армии. В конце января в Польшу прибудет делегация Ватикана, и тогда, по всей вероятности, будут определены вопросы дальнейших переговоров.

Дипломатические отношения между ПНР и Ватиканом после 30-летнего перерыва были восстановлены в 1974 г. Они существуют, однако, только в особом виде постоянных групп по рабочим контактам и гораздо уже, чем действительные связи между польским правительством и Святым престолом. Поднятие этих отношений до полного уровня, то есть до ранга посла ПНР в Ватикане и нунция или пронуция при польском правительстве, является политической целью обеих сторон.

Работа над законопроектами «Об отношении государства к католической церкви» и «О гарантиях свободы совести и вероисповедания» находится в завершающей стадии. Разработки этих законов требует повседневная практика, ибо в действительности отношения эти гораздо лучше, чем их правовое выражение. Это касается как католической церкви, так и других церквей и религиозных общин.

Как подчеркнул В. Лоранц в интервью агентству ПАП, этими хорошими отношениями нередко злоупотребляют в чисто политических целях безответственные лица или политические силы. Они явно не руководствуются национальными интересами Польши и используют такие отношения в целях, не имеющих ничего общего ни с религией, ни с совестью, ни с верой. Чтобы воспрепятствовать подобным злоупотреблениям, необходимо правовое урегулирование.

Минувший год, отметил В. Лоранц, принес оживление в светские религиозные круги. Образовано несколько религиозных объединений. Здесь можно отметить, например, «Дзеканию», «Объединение по распространению католической общественной науки», вузовские союзы «Молодая Польша» и «Вербуй», несколько клубов католической интеллигенции. Что касается клубов католической интеллигенции, то их существует уже 53 в 41 воеводстве. Образование религиозных объединений подтверждает, что для плюрализма созданы соответствующие возможности. Но здесь, сказал он, выделяется иная тенденция — попытка противопоставить левым силам объединенный блок антисоциалистических сил, что означало бы злоупотребление моделью плюрализма для раскола общества на две антагонистические части.

Рецензент. Еженедельник «Пшегленд католицки» (23.07.1988) опубликовал рецензию Александра Халла на книгу бывшего члена общественного совета при-маса католической церкви в Польше, бывшего общественного советника прима-са, а в последнее время главного редактора религиозно-общественного журнала «Знаки часу» Анджея Мичевского «Католическая церковь и ее отношение к «Солидарности» и военному положению» (Париж, 1988), в которой говорится:

«В этой книге ее автор, будучи очень близким к руководящим кругам польского духовенства и имеющим доступ к важным документам, посвящает всего 40 страниц событиям между августом 1980 и декабрем 1981 г. Значительно подробнее он останавливается на периоде военного положения вплоть до его отмены в июле 1983 г. Мичевский, пишет рецензент, написал книгу об исторической правде, которую мы все пережили как будто вчера. Слишком короткий промежуток времени и отсутствие существенной информации о том, какими возможностями для маневра обладало правительство поздней осенью 1981 г., какие подлинные причины заставили принять решение о введении военного положения, сейчас затрудняют дать правильную и окончательную

оценку прошедшим событиям. Но книга написана о делах, которые еще не имеют своего завершения. Эта страница истории еще не закрыта.

Автор книги в своей работе защищает национальную стратегию действий польского епископата в период легального существования «Солидарности» и во время военного положения. «Позиция католической церкви в Польше была четкая и недвусмысленная, она соответствовала сокровенным желаниям и чувствам общества, — пишет Мичевский. — Эта линия характерна и для военного положения. В каждом из этих периодов голос церкви был созвучен со стремлением народа». Как известно, отмечает рецензент, суть вопроса состоит в том, что часть людей как в стране, так и в эмиграции хотели католическую церковь втянуть в политическую игру и сделать ее инструментом в своей политической стратегии. Нежелание церкви принять на себя такую роль вызвало бурную критику определенных политических кругов. Однако сама «Солидарность» никогда не задавала себе вопроса, идет ли церковь с народом.

Сильной стороной книги, отмечает рецензент, является раскрытие правильной, подтвержденной многими документами позиции польского епископата, особенно обоих его руководителей — С. Вышиньского и Ю. Глеппа, — по отношению к событиям в период с сентября 1980 г. до отмены военного положения. Примас католической церкви в Польше С. Вышиньский оказал большую моральную помощь «Солидарности», признал ее выразителем и защитником национальных, гражданских и производственных интересов поляков. Одновременно он прекрасно понимал, какая опасность грозит стране при попытке раздавить «Солидарность» силой, и отдавал себе отчет в том, что это может превратиться во всенародную трагедию. Мичевский подчеркивает, что польский епископат делал все от него зависящее, чтобы уменьшить напряжение конфронтации с правительством, становился посредником, а иногда благодаря своей моральной позиции и арбитражем в великом национальном споре. А именно делал все, чтобы избежать кровопролития.

«Если сегодня можно утверждать, что исторический период, начавшийся августовскими забастовками 1980 г., еще не завершён и можно писать новые его разделы, это прежде всего потому, что мы не разделили судьбу венгров в 1956 г.», — пишет Мичевский.

Более противоречива та часть книги, отмечает Халл, которая дает оценку стратегии «Солидарности». Автор прав, когда утверждает, что ее катастрофу вначале никто не предвидел и что руководство движения сделало немало ошибок.

Некоторые считают, что еще не настало время давать оценку политической деятельности «Солидарности», пишет **рецензент**. Однако с этим нельзя согласиться. «Солидарность» возникла прежде всего как движение протеста против политической и социальной действительности Польши на пороге 80-х годов и вскоре стала всенародной организацией, которая выражала стремление вернуть утраченные гражданские, национальные и социальные права, изменить характер государства, улучшить материальное положение общества. «Солидарность» зародилась после десятилетий торможения возможности участвовать гражданам в общественной жизни страны. Вполне понятно поэтому, что многие лидеры движения не имели необходимого опыта политической деятельности и только диву даешься, как им удалось в этих сложных условиях найти реальную почву под ногами, принимать необходимые решения. Конечно, была и другая сторона медали: вера в собственные силы, недооценка действий другой стороны, неправильная оценка создавшейся ситуации осенью 1981 г. Слишком снисходительным является Мичевский в оценке решения ввести военное положение, утверждая, что это было меньшее зло, позволившее избежать кровавых столкновений демонстрантов с силами общественного порядка. Однако, пишет Халл, это является скорее областью предположений, а не фактов. Независимо от того, какими выглядели кулисы введения военного положения, нельзя это решение рассматривать только с перспективы создавшейся осенью 1981 г. ситуации. В течение многих месяцев власти не смогли предложить никаких действенных реформ, а также открыто сказать обществу, чего можно добиться в существующей ситуации, не искали партнера в лице «Солидарности».

Книга Н. Мичевского, пишет в заключение рецензент, является первым значительным голосом необходимой для всех нас дискуссии, и будет очень обидно, если он останется единственным».

Автор. И в первом издании моей книги, и в ходе нашего диалога неоднократно отмечалась осторожность ксендзов, пекущихся превыше всего о репутации и об авторитете церкви.

О, если бы компартии в СССР и в ПНР могли утверждать, что их власть в обществе не подпирают армейские штйки и диктат десятка других охранительных органов! Для КПСС и ПОРП вопрос власти стоит так — чтобы удержать власть, надо отказаться от большей ее части. Как у Руставели: «Что ты отдал — то твое, что ты спрятал — то пропало».

Парадокс этот может быть проиллюстрирован существующей практикой раздела власти в буржуазном демократическом государстве. Реконструкцию Лувра и Эйфелевой башни финансирует французское правительство, точно так же как и армию, полицию, суд, воздушный и железнодорожный транспорт, аппарат государственного управления. В Париже нет Госплана или отраслевых министерств, нет дефицита товаров. Там правительство намеренно играет роль арбитра, посредника или даже советчика, стороннего наблюдателя — и при малейшем скандале министры уходят в отставку. Вопросы, затрагивающие интересы всех граждан, то есть налогоплательщиков, решает дееспособный парламент. Кандидатуру министра обороны обсуждали весной 1989 г. в конгрессе США две недели, а у нас полсотни министров утвердили за несколько дней дебатов в комиссиях Верховного Совета СССР.

У «них» власть имущие (истеблишмент, или правящая элита) всегда следуют принципу — не класть все яйца в одну корзину. Для этого у буржуазии и существует набор политических партий, которые сменяют, по мере необходимости, друг друга у кормила власти.

Железя не потерять лицо, церковь в XX в. сторонится политических авантюров. Но чтобы активно участвовать в политике, она заводит себе собственные политические партии, ассоциации и клубы.

Польское телевидение (14.09.1988) передало интервью профессора А. Райкевича, сотрудника Института социальной политики Варшавского университета, в котором он остановился на ряде аспектов нынешней общественно-политической обстановки в ПНР.

Касаясь вопроса о возможности организации в Польше христианско-демократической партии, он заявил, что недавно на эту тему высказался профессор А. Стельмаховский в интервью радиостанции «Голос Америки». Стельмаховский не исключал возможности возникновения такой партии, но при этом отметил, что не видит шансов на это в ближайшее время. Стельмаховский ссылался также на точку зрения покойного примаса католической церкви в Польше Хлонда, который выступал против образования такого типа партии.

А. Райкевич подчеркнул, что в странах, где также доминирует римско-католическая церковь, существуют христианско-демократические партии. С их представителями недавно встретился папа римский. Однако я считаю, продолжал ученый, что открытие церковью нелегальной оппозиции при помощи легального института в виде политической партии станет для нее тяжким бременем, которое в определенной мере сузит сферу традиционных и принципиальных задач клира.

Я также полагаю, сказал А. Райкевич, что предприятия, организации не должны быть политическими клубами, они прежде всего призваны выполнять свои производственные функции. Каждый должен заниматься своим делом. Перед церковью в ее традиционной сфере влияния открывается в Польше широкое поле деятельности, это касается также благотворительности, помощи людям и пр.

Клубы политической мысли могут приблизить нас к политическим партиям. Сегодня создание какой-либо политической партии вновь было бы воспринято оппозицией как некая форма уступки. Должен пройти весь процесс созревания условий, в том числе чувства ответственности за судьбы страны. Об этом недавно говорил в выступлении по Польскому телевидению В. Сила-Новицкий. Он сказал, что речь идет не о той Польше, какая была до августа 1980 г, речь идет не о Польше с добавлением определения «народная», но прежде всего речь идет о Польше. Это — главный критерий возможного возникновения политических клубов, а позднее даже политических партий, отметил А. Райкевич.

Рецензент. Я согласен и с вами, и с Райквичем. 19 марта в Варшаве состоялось общее собрание членов-учредителей Христианско-демократического клуба (ХДК) всепольского характера, который был зарегистрирован 1 марта в городском управлении польской столицы (местном органе государственной администрации).

Во время собрания был избран главный совет клуба в составе 40 человек, а также образованы ревизионная комиссия и товарищеский суд, приняты идейно-программные принципы и определены основные пути деятельности.

Католический еженедельник «Лад» (10.10.1988) поместил заявление ряда деятелей ХДК.

В документе говорится, что польское общество по своему характеру является чрезвычайно разнородным и поэтому основным условием успеха проводимых реформ должно быть внедрение в общественную жизнь мировоззренческого, политического, экономического и профсоюзного плюрализма. Это означает, что все общественные группы в своих идеологических ориентациях должны руководствоваться только своими воззрениями и убеждениями. Они не должны иметь препятствий для объединения в различные организации, союзы и клубы, а также, если это будет необходимо, в политические партии. Этот путь является единственным, который ведет к созданию демократического государства.

Клуб, будучи независимым и полностью отвечая за свою деятельность, будет работать в контакте с епископатом и примасом Польши. Главным источником его деятельности является христианское мировоззрение, человек. Клуб будет руководствоваться духом католической общественной науки и тех идей, которые провозглашал покойный примас С. Вышиньский и ныне проповедует папа римский Иоанн Павел II.

Члены этой новой общественной организации, действуя на основе конституции и в рамках правовых норм, будут стремиться к изменению ее содержания в духе католических знаний, направлять усилия для поиска путей сотрудничества и взаимопонимания всех сил, ратующих за общественное благосостояние.

К основным своим целям клуб относит создание условий, гарантирующих мировоззренческую нейтральность государства, в том числе в системе просвещения, воспитания и действительного равенства между верующими и неверующими во всех областях жизни, особенно в области доступа к средствам массовой информации.

Кроме того, будут предприниматься усилия к проведению глубоких реформ в политической системе на демократических принципах, соблюдению правопорядка в процессе расширения гражданских и политических прав всех поляков. Клуб будет стремиться к поиску путей в достижении общественного и профсоюзного плюрализма, в том числе и определении места «Солидарности» в существующих структурах, а также к воплощению в жизнь рыночной экономической реформы, в условиях которой государство не должно ограничивать творческой инициативы предприятий, одинаково расценивать все секторы экономики, гарантировать развитие территориального и хозяйственного самоуправления на основе демократических принципов. Декларацию подписали ряд известных польских общественных деятелей, в том числе депутаты Сейма ПНР Р. Бендер, Я. Заблоцкий, В. Аульсьтнер.

Автор. Политическое обновление 1989 г., как половодье на горной реке, понеслось со скоростью курьерского поезда.

12 февраля в польской столице члены ХДК, а также члены бывшего руководства Христианско-демократической партии труда (ХДПТ), образовали временное главное правление Партии труда во главе с адвокатом В. Сила-Новицким.

Об этом сообщил в своем выступлении в сейме 15 февраля депутат Р. Бендер. Напомнив о том, что правительство народной Польши с первых дней ее существования всегда одобряло широкий политический плюрализм как выражение решения союзнических держав, принятых в Тегеране и Ялте, он констатировал присутствие на современной политической арене страны всего лишь трех партий, что явно обедняет общественную и государственную жизнь. При этом было сообщено о деятельности в ПНР Христианско-демократической партии труда во главе с К. Попелем, которая была вынуждена самораспуститься 18 июля 1946 г. перед угрозой репрессий со стороны правительства Б. Берута. Тем не менее многие ее деятели были заключены в тюрьму, некоторые эмигрировали. Далее Р. Бендер зачитал текст программного заявления Христианско-демократической партии труда, который приводится полностью:

«Питаем надежду, что за этой декларацией последуют конкретные действия. Отношение к Партии труда считаем одним из принципиальных проявлений истинной воли к осуществлению политических реформ. Партия труда возобновила свою деятельность в момент, когда кажется уже predetermined легализация «Солидарности». ПТ поддерживает стремление Л. Валенсы к тому, чтобы «Солидарность» была профсоюзом, избавленным от несвойственного исполнения политических функций. Поэтому мы обращаемся к тем членам «Солидарности», которые стремятся вести политическую деятельность в опоре на христианско-демократические ценности, с призывом, чтобы они осуществили это в рамках Партии труда. Выражаем надежду, что поворот к политическому плюрализму позволит также и сторонникам других политических ориентации в «Солидарности» осуществлять эту деятельность за ее пределами.

Партия труда, ставя своей целью введение полной политической демократии в Польше, намеревается реализовать эту задачу по пути эволюции посредством формирования общественного мнения и участия в творческом процессе соглашения между оппозицией, к которой себя причисляет, и правящими силами, стоя на платформе действующей в стране конституции, будет стремиться к введению в нее изменений, вытекающих из учения католической общественной науки. Свободная, суверенная, демократическая и справедливая Польша — такова цель устремлений ХДПТ».

В очередном выступлении на заседании сейма 24 февраля Р. Бендер сказал, что для обеих сторон «круглого стола» присутствие в политической жизни Польши небольшой, центристского характера ХДПТ может оказаться только лишь полезным.

«Пусть же христианская демократия в стране оживет, свидетельствуя тем самым, что мы возвращаемся к своим наилучшим традициям. Это скверно, что обновление нашей деятельности окружено молчанием. Цензура не допустила на страницы печати материалы, информирующие о возобновлении существования Партии труда. Цензура или политические круги, от которых она зависит, отменили воскресную телевизионную программу Д. Пассента за 19 февраля, в которой я вместе с профессором Ягеллонского университета Я. Майхровским рассказал об истории христианской демократии в Польше. Передачу перенесли на более поздние сроки. Да и появится ли она вообще. Даже в телевизионном отчете с пресс-конференции министра Е. Урбана, который мастерски умеет поставить проблему с ног на голову, отсутствовало сообщение о Партии труда.

К чему это все? Давайте говорить, дискутировать. Молчаниз хуже всего. Большинству народов «общего европейского дома» Польша без христианской демократии покажется странной. В их сознании это не будет Польша во всей полноте политического плюрализма, какой она должна быть. Только таким путем она может завоевать престиж и в Европе, и в мире».

Напомним о том, что даже до войны, когда в Партии труда насчитывалось до 20% населения, она не стремилась к захвату власти, а лишь подсказывала, суфлировала правящей партии, Р. Бендер отметил, что такого рода легальная партия может принести много пользы ПОРП и «примелькавшимся» союзническим партиям. В ее ряды войдут те, кто хочет действовать на основе христианского философско-общественного и религиозного учения. Таких людей в стране немало среди представителей разных политических взглядов, возрастов и профессий. По словам Р. Бендера, новая программа ПТ базируется на довоенном и послевоенном наследии, которое во многом было даже более радикальным, чем наследие Польской рабочей партии, например в области сельского хозяйства, а также общественных и политических реформ. В программе и уставе найдут отражение также все реалии польской и международной жизни, стремление религиозных кругов к светской деятельности.

Рецензент. Депутат Рышард Бендер является профессором Католического университета в Люблине, где заведует кафедрой современной истории. Он — один из основателей и президент Клуба католической интеллигенции в Люблине.

Автор. ККИ — очень интересное учреждение, которое сейчас обретает вторую молодость.

Орган общества светских католиков «ПАКС» газета «Слово пов-шехне» (10.08.1986) писала о Доме христианской культуры, действующем в городе Эльблонге: «Здесь под одной крышей разместились ряд учреждений католической церкви. В частности, действуют католическая семейная консультация для молодежи, «телефон доверия» для молодых матерей-одиночек. В здании Дома христианской культуры находится активно работающий местный «Клуб католической интеллигенции», силами которого организуются недели христианской культуры и проводятся циклы лекций и семинаров для массового зрителя. Дом располагает библиотекой, кафе, зрительным залом и выставочными помещениями. При учреждении создан католический театр, давший уже несколько представлений на религиозные темы. Одновременно здесь же работает Епархиальный институт христианской культуры им. Иоанна Павла II, в котором действуют курсы теологии для гражданских лиц. Это необычное для Польши учреждение не забросило также и работу с молодежью, регулярно организуя разнообразные курсы, паломничества, уроки закона божьего для разных школ города. В доме функционирует также ряд кружков».

Рецензент. Интеллигенции, каких бы политических направлений она ни придерживалась, принадлежит ведущая роль в управлении обществом, формировании общественного мнения. Не надо, конечно, путать представителей интеллигенции с католиками родовой аристократии или с остатками эксплуататорских классов. Полуграмотный матрос-большевик — во главе национального банка. Этот этап мы уже все прошли в Петрограде и в послевоенной Варшаве, и возврата к такому прошлому уже быть не должно. В то же время бригадир слесарей-су-

достоителей или мастер участка на компьютерной сборке может вполне быть человеком широких взглядов, иметь высшее образование и быть не только трибуном на митингах, но и настоящим общественным деятелем.

Я доволен, что у нас есть такие, как Л. Валенса, и такие, как Р. Бендер. Последний дал интервью польскому журналу «Конфрон-таць» (сентябрь, 1988), в котором остановился на ключевых социально-политических проблемах современной Польши и высказал ряд предложений по их решению.

Как католик, указал Р. Бендер, я не являюсь сторонником марксистских схем, скажу даже, что совсем наоборот. Поскольку нам грозит революция, настало время, чтобы радикальным образом модифицировать нынешнюю систему. Власти должны в конце концов заметить, что терпение общества исчерпывается. Обнищание значительной части населения достигает зенита, а трудности повседневной жизни, кажется, уже перерастают то, с чем мы прежде имели дело. Кризис продолжается в течение ряда лет и даже усиливается вопреки раздражающим людей заверениям представителя правительства по печати, объявившего о его конце. Снабжение магазинов сахаром и сыром, не говоря уже о мясе, напоминает жизнь в стране, пережившей страшную бомбежку. Медленно, но систематически мы приближаемся к трехзначной инфляции. Часть молодежи, кто наиболее оборотист и образован, бежит из страны, а оставшиеся скрипят зубами. Разве это не симптомы опасности, чреватой серьезными проявлениями, от которых защитить Польшу способно только радикальное изменение существующей системы управления и хозяйствования? В противном случае революция неизбежна. Надо лишь молиться, чтобы она не была кровавой.

Выходом из создавшегося положения может служить возвращение к июльскому Манифесту Польского комитета национального освобождения, который в течение всей прежней истории ПНР являлся декорацией системы и не стал реализованной политической программой. В Манифесте говорится о равенстве трех секторов — государственного, частного и кооперативного. Как обстоят дела в этой области, знают все. Манифест декларировал равенство секторов в сельском хозяйстве и ставку на крепкие крестьянские единоличные хозяйства с земельными наделами до 50 гектаров, а на воссоединенных землях до 100 гектаров, что также не было выполнено. А где мелкая и средняя промышленность, которая в соответствии с Манифестом призвана была заполнить опустошенный после войны рынок? Не нужно искать выхода в сложных, теоретических механизмах, следует вернуться к самым простым вещам — к инициативе граждан, успех которых является предварительным условием успеха государства.

Может показаться, что такое направление мышления стало уже основополагающим, однако дела обстоят иначе, в противном случае кризис не продолжался бы семь с половиной лет, заявил Р. Бендер. В истории бывали разные кризисы в разных странах, однако они продолжались в течение нескольких месяцев, года, двух лет. А в Польше и спустя семь лет не видно конца кризису, потому что мы все время имеем дело с административными директивами, экономическим теоретизированием и созданием новых налоговых намордников, которые сдерживают индивидуальную предприимчивость и хозяйственные инициативы.

Больше всего людей раздражает то, что для оздоровления экономики не используется благоприятный климат. В качестве программы мог бы служить Манифест Польского комитета национального освобождения, к которому следует отнестись серьезно. Традиции мы имеем собственные и зарубежные (внять хотя бы нэп), а климат перестройки дает великие шансы превратить «лунную» плановую экономику в нормальную рыночную.

В сейме я говорил о том, продолжал Р. Бендер, что в реформу в Польше уже никто не верит. Можно объявить третий и последующие этапы. Разумеется, при условии, что у общества хватит терпения. Все более доминирующую роль играет мнение, что выход страны из нищеты невозможен без политических перемен, по крайней мере без реформы управления. Смена правительства и Председателя Совета Министров — это уже кое-что, һј еще не все.

В ПОРП, помимо отчетливо реформаторского течения, которое слишком слабо себя проявляет, по-прежнему существуют постсталинские силы, состоящие из целого отряда товарищей, которые лучше чувствовали себя в условиях обостряющейся классовой борьбы и тоскуют еще сегодня по тем добрым (разумеется, исключительно для них) временам. Решение данной проблемы — внутреннее дело ПОРП, и не мне давать свои рецепты. Однако эта внутривнутрипартийная проблема накладывает отпечаток на положение всего народа. Сталинские круги в ПОРП сдерживают, а нередко и вовсе перечеркивают реформаторские начинания партии, которая, хотим мы того или нет, практически имеет власть в государстве.

Нынешняя власть имеет в своем распоряжении армию, милицию, средства принуждения или переговоров, и никто ответственно мыслящий не захочет ее лишить этих подлинных атрибутов власти. Ныне речь идет о том, чтобы власть, которая не умеет по разным причинам обеспечить материальный достаток государству и его гражданам, власть, которая вынуждена сорок с лишним лет после войны регламентировать мясо и бензин, согласилась бы на взаимодействие с другими политическими кругами.

Альтернативную хозяйственную программу должна представить оппозиция, если этого не делают власти. А власти должны одобрить эту программу и провести ее в жизнь, для того чтобы спасти народ и государство от нищеты.

Нельзя допустить, чтобы создание нормальной политической жизни было заменено ее эрзацем. Наряду с возникновением таких обществ, каких хотят граждане, например «Солидарность», которая призвана занять надлежащее ей место в плюралистическом профсоюзном движении и наконец начать действовать официально, нужны не только функционирующие в настоящее время, но и новые политические партии, прежде всего имеющие богатые предвоенные традиции. Я здесь имею в виду национальную и христианско-демократическую партии. В буржуазной Польше они представляли то направление политического мышления, которое содержало в себе ценности необычайно важные и ныне необходимые. Это — политический реализм, уважение к государству и гражданский долг государственной работы. Политические программы Партии труда, которая, между прочим, существовала во времена народной Польши и которая пала жертвой сталинско-берутовского политического террора, базировались на реализме, с одной стороны, и принципах общего блага — с другой.

В польских условиях реальный, а не созданный на базе уступок политический плюрализм вызовет незамедлительно позитивную программу. Пока политические устремления общества выталкиваются за границы легальной и официальной деятельности, по-прежнему будет доминировать мышление в категориях деструкции. С момента, когда эти устремления получат официальную возможность публичного воплощения, они либо будут иметь конструктивную направленность, либо исчезнут. Так происходит с Независимым союзом студентов. Студенческую молодежь, которая в настоящее время весьма возбуждена, следует быстрее привлекать к гражданской работе на благо государства. Можно ли добиться этого, блокируя регистрацию НСС и обрекая тем самым большую часть молодежи, борющейся за свою собственную организацию, на постоянные столкновения с государством? Ректор Варшавского университета Г. Бялковский прав на сто процентов, заявляя, что только незарегистрированный НСС вынужденно представляет негативную программу. Если он будет зарегистрирован, то НСС выдвинет положительную программу либо вскоре умрет естественной смертью.

Зародышем положительной общественной программы может служить «круглый стол». Он должен действовать перманентно. Думаю, что из состава «круглого стола» должен вычленился немногочисленный, но представительный Комитет улучшения экономики и финансов. Имеет смысл воспользоваться уроками истории. В 1923 г. такой комитет возник, и следствием этого факта были реформы В. Грабского. Они были быстрыми, что следует подчеркнуть особо. Такой комитет должен быть снабжен подлинно чрезвычайными полномочиями.

Мы обречены на консенсус. Несколько недель назад в интервью одной из французских католических газет я сказал, что забастовки начнутся вновь с удвоенной силой, если не будет заключен политический компромисс и консенсус, который не обеспечит здорового рыночного хозяйства, свободного от политического главенства обеих сторон.

Я выдвинул в сейме, сказал Р. Бендер, предложение о встрече Председателя Государственного совета ПНР с первым в польской истории лауреатом Нобелевской премии за укрепление мира Л. Валенсой, что может подвигнуть народ на великие усилия. Как гражданин Польши, депутат сейма, историк по профессии, я имею право судить, что подобная встреча привела бы к усилению Польши, удивила бы других и открыла бы великие надежды перед поляками. Она стала бы началом нового эпохального перелома, который необходимо в конце концов совершить. Общественное бездействие, стояние на месте гораздо более опасны, чем опережение хода событий при помощи мудрых, отважных политических и экономических решений, отметил Р. Бендер.

Автор. Мы уже говорили о том, что читать католиков или православных — одно удовольствие. «Знак качества» гарантирован. В церковной среде, в отличие от партийной, нет стремления выдвигать на руководящие должности малообразованных или морально нечистоплотных деятелей. Система клерикальной «номенклатуры» и круговой поруки хорошо отлажена, иначе в цивилизованных странах она давно изжила бы себя.

Рецензент. Вы вот поругиваете в своей книге епископа И. Токар-чука. Л мне всегда любопытно читать его статьи в католической прессе.

Автор. Все мы учимся сегодня терпимости к чужим мнениям, учимся слушать, учимся инакомыслию, наконец.

Церковный журнал «Недзеля», выпускаемый Ченстоховской курией католической церкви в Польше, опубликовал статью епископа И. Токарчука «Перспективы единства Европы — в плюрализме», в которой, в частности, говорится:

«Европа, этот феномен среди всех континентов мира, представляет собой самую малую часть света, но с точки зрения географической и демографической структуры принадлежит к самым богатым. Если неправильно подойти к этому богатству, то оно может быть, как свидетельствует история, источником многих конфликтов и страданий. Однако, когда люди приходят к взаимопониманию, оно может стать источником творческого взаимного воздействия. Благо Европы, даже всего мира, заключено в том, чтобы она во все большей степени объединялась в положительном и творческом, служила тем самым всему миру. Проблема Европы в определенном смысле является проблемой глобальной.

Отдельной проблемой для Европы является ее разделение на две зоны — восточную и западную, которые очень сильно и во многом отличаются друг от друга. Причиной этому — две традиции христианства, вытекающие из двух истоков — Рима и Византии, а также различное историческое прошлое. Эти различия настолько глубоки, что надлежало бы говорить о двух самостоятельных, полностью отличающихся друг от друга жизненных основах».

Я не сторонник столь крайнего подхода во взгляде на прошлое, указывает епископ. Сегодня, когда, несмотря на политические различия, происходит сближение позиций между широкими слоями народов Восточной и Западной Европы (хотя бы ввиду только общей атмосферы и тенденций, вытекающих из факта одинаковой урбанизации и индустриализации), целесообразнее было бы подчеркнуть общие основы и факторы развития Восточной и Западной Европы.

«Европу в ходе ее развития формировали, как считают специалисты, следующие факторы: христианство, Рим, Греция и научно-технический гений.

Христианская религия повлияла на Европу двояко: как религия в узком смысле этого слова и как фактор, формирующий культуру.

В новейшие времена, особенно в наши дни, европейская культура переживает глубокий кризис, что отрицательно отражается не только на самой Европе, но и на всем мире. Первым условием действий во имя единства Европы является всестороннее стремление к преодолению этого кризиса. Необходимо вновь вернуться к истокам величия и роли Европы. Подробный анализ кризиса европейской культуры показывает, что очень запущены три первых (из вышеупомянутых) фактора ее развития, то есть христианство и римско-греческий опыт. Кризис на первом участке является наиболее трагическим и губительным в своих последствиях. Многое началось в эпоху Возрождения, когда в системе человеческих ценностей акценты были перенесены с теоцентризма на антропоцентризм ради всесторонней свободы человека. Последствия и метания той эпохи переживает наше поколение. Люди хотели религиозной, социальной, общественной, хозяйственной, политической свободы, так как средневековые структуры, по их мнению, слишком тяготели над их жизнью. Когда два пути расходятся, они сначала близки, но со временем отдаляются все больше и больше друг от друга. Так было и с эволюцией идеи свободы, которая в наши дни привела к глубокому рабству во всех областях жизни.

Сегодня необходимо вернуться к теоцентризму. Это должно быть первым требованием при стремлении к объединению Европы. Необходимо вновь открыть ее глубокий фундамент. Речь идет, конечно, не о средневековом варианте теоцентризма. Следует создать его современную модель, приспособленную к условиям, интеллектуальному и моральному уровню нынешнего европейца. На этом фоне опыт людей из Центрально-Восточной Европы имеет особую ценность. Хотел бы подчеркнуть три интересных явления, которые выступают во всей этой части континента. Причем они происходят независимо от официальных вывесок и отчетов — прежде всего среди простых граждан. Чтобы их увидеть, надо перешагнуть через официальный барьер и прислушаться к биению сердца отдельных народов. То, что происходит в этих сердцах и умах, рано или поздно будет иметь решающее значение.

1. Мы знаем из истории разную религиозную борьбу или преследования. Однако никогда не было столь тотального отрицательного отношения к проявлениям религиозности, как в настоящее время.

Древний Рим преследовал христианство во имя своих ценностей, но у него не было ни радио, ни телевидения, ни других столь богатых административных средств, которыми располагает современное тоталитарное государство. Этот продолжающийся уже ряд десятилетий эксперимент впервые в истории ярко показал, что религия и потребность в ней в человеческой жизни неистребимы. Этот опыт имеет для всего мира глобальное значение. Без выводов из него невозможно найти реальный путь к подлинному духовному объединению.

2. Происходит интеграция мира труда с религией. Рабочий, у которого самый глубокий контакт с жизнью, быстрее всех пришел к реалистическому выводу, что религия не только не его враг, а, наоборот, самый лучший союзник как в личном, так и в общественном плане. Доказательство этому — нынешнее положение в Польше. Этот факт интеграции иногда удивляет Западную Европу. Между тем, несмотря на еще существующие многочисленные предубеждения, это — единственно правильный путь к объединению Европы.

3. Мы наблюдаем сближение, а во многих случаях интеграцию между интеллигенцией и религией, являемся свидетелями новых интересных процессов. Сегодня не только сомневающиеся все более активны в области религии, но даже и те, кто были настроены антирелигиозно.

Мы должны отдавать себе отчет в том, что будущее не только Европы, но и всего мира зависит от того, сделаем ли мы выводы из того факта, что все человечество — одна семья. Поэтому преодоление национального или политического эгоизма является исторической необходимостью, а этого нельзя сделать иначе как через возврат к главным религиозным ценностям.

Необычайно важным фактором на пути к объединению является экуменическое движение, все более проявляющее себя во всем христианстве. Только благодаря ему можно ускорить эволюцию в направлении экономического и политического объединения, которое является необходимостью текущего периода. Сегодня уже

можно сказать, что климат в этой области изменился в очень положительном направлении: все больше доброжелательности, взаимопонимания и объективного подхода друг к другу. В такой атмосфере даже преувеличиваемые различия, которые, кажется, невозможно преодолеть, предстают совсем в ином свете. Этот процесс мог бы продвинуться еще больше вперед, если бы не вмешательство определенных политических факторов, не имеющих ничего общего с религией и действующих в своих целях.

Другим эффектом подлинного экуменизма является очищение веры. Углубление духа веры покажет, что многие различия между ними носят не противоречивый, исключаящий друг друга характер, а, наоборот, взаимно дополняющий. Третьим плодом настоящего экуменизма является создание основ для любого сотрудничества людей, для любого объединения. Поддержка подлинного экуменизма — условие всех стремлений к объединению в Европе.

Чтобы перспективы общих действий во имя единства Европы основывались на реализме, необходимо создать какое-нибудь широкое общественное движение внеполитического и внерелигиозного характера; даже с некоторыми свободными организационно-институционными формами. Политические или экономические попытки объединения Западной Европы уже имеют место. Но они охватывают лишь часть континента. А речь идет о выработке пути к такому культурному и духовному объединению всех европейских народов, которое создаст в будущем лучшие условия для интеграции в других областях. Сегодня в целой Европе нет нехватки в людях, которые не только живут этой идеей, но являются ее горячими поборниками. Причем этому не препятствуют ни политические раздоры, ни религиозные или культурные различия. Я убежден, подчеркивает епископ, что такое движение не только возможно, но и подает добрые надежды. С одной стороны, оно отвечает мечтам и устремлениям людей, с другой — соответствует объективным направлениям развития современной Европы.

Идея единства Европы глубоко запала в сердце Иоанна Павла II. Доказательством тому является его напоминание всем европейцам, что у них есть великие святые покровители Кирилл и Мефодий, которые своим поведением, трудом, разнородностью интересов представляли великолепное единство. Связывающим звеном этого единства было их глубоко понятое христианство, наиболее благородная, уходящая корнями в древний мир принадлежность к европейскому кругу и богатейший универсализм их учения и деятельности. Хотя их отделяют от нашей эпохи целые столетия, они сияют все более ярким путеводным знаком для наших усилий и стремления к единству во множественности».

Церковь поддерживает «Солидарность»

Рецензент. Взгляды примаса кардинала Ю. Глемпа остались столь же умеренными, как вы описывали их в своей книге. У примаса не было и нет иллюзий относительно польского руководства и марксистской идеологии.

Как и все поляки, ксендзы признательны богу, что потопленное в крови восстание 1956 г. в Венгрии не повторилось в Польше. Но они еще больше благодарили бы всевышнего, приди М. С. Горбачев к власти хотя бы на пять лет раньше. Реформы 1989 г. были ведь сформулированы «Солидарностью» в 1980—1981 гг. Провозгласили их осуществление сегодня от лица ПОРП — но с опозданием на десятилетие.

Ниже следует в изложении интервью примаса Польши кардинала Юзефа Глемпа в итальянской газете «Маттино» (24.07.1986).

«Отвечая на вопрос, произошли ли какие-то перемены в Польше после X съезда ПОРП, Глемп сказал: «В Польше ничего не изменилось. Правительство управляет, как и прежде. Все обстоит точно таким же образом, как после 13 декабря 1981 г., когда в стране было введено военное положение. Некоторая свобода разрешена нам лишь в области религии. Когда вступило в силу военное положение, в стране изменилось, разумеется, многое. Были пресечены стремления общества к справедливости и свободе, дожившие до 6 часов утра того дня. Было прервано телефонное сообщение, не работали радио и телевидение, перестала приходить почта. Кроме того, многие люди были отправлены в лагеря для интернированных и в тюрьмы. Это означает, что изменилось многое — почти все. Наступила пауза в польской истории. Но, как вам известно, военное положение было постепенно отменено и дело дошло даже до всеобщей амнистии».

Однако, хотя положение уже не столь серьезно, как в те месяцы, тревога народа не рассеялась. Об этом было написано уже много книг, а моя позиция не изменилась: я не хотел кровопролития. Церковь приложила все силы, для того чтобы успокоить страсти и предотвратить столкновения. Именно эта мысль и выражена в моих проповедях тех дней. Я призывал народ не биться головой о стену, а использовать ее вместо этого для размышления. Поднять восстание было легко. Столь силен был гнев угнетенного народа. Я благодарю бога, что он не попустил меня до безумных шагов, которые вряд ли принесли бы что-либо, кроме ущерба».

Вопрос. Из всего, что вы сказали, явствует, что в Польшу пришло умиротворение, что Польша сейчас отказалась от каких бы то ни было выступлений за социальное и гражданское обновление.

Ответ. Польша может показаться умиротворенной только тем, кто живет за ее пределами. На самом деле все обстоит не так. Политическая напряженность велика, оппозиция сильна и осязательна.

Вопрос. Вместе с тем существует сильное и умелое противодействие церкви со стороны режима Ярузельского. На X съезде ПОРП Ярузельский заявил, что с церковью можно вести диалог, но что он будет бороться против «воинствующего клерикализма». Что, по-вашему, хотел этим сказать генерал Ярузельский?

Ответ. Я часто встречался с Ярузельским и должен сказать, что с этим генералом можно разговаривать. Это всегда были встречи между двумя людьми, стоящими на разных позициях. Но это культурный человек, с которым можно вести диалог. Должен сказать даже, что это действительно человек очень умный и склонный к диалогу. Когда генерал говорит о «воинствующем клерикализме», он выступает с политических позиций, имея в виду тех, кто более склонен к диалогу, и тех, кто настроен более критически. Священников, которые в своих проповедях проявляют открытую оппозицию, называют «воинствующими». В этом отражается напряженность, существующая в Польше. Но должен сказать, что на священниках лежит как личная, так и социальная ответственность. Мы обязаны следить за тем, чтобы высказывания священника не противоречили Евангелию. Если сказанное им не противоречит написанному в Евангелии, мы не можем запретить ему высказываться. Мы уважаем в наших священниках их политический дух. Однако говорю о «воинствующем клерикализме» — преувеличение».

Автор. Стоит прояснить смысл понятия «воинствующий клерикализм» на примере того, как развивается религиозное действие внутри некоторых польских храмов, известных в Польше своей особой политической активностью.

Обычное воскресенье 13 декабря 1988 г. В костеле Св. Бригиды в Гданьске состоялось богослужение, которое проводил ксендз Г. Янковский. В нем участвовало около 8 тыс. человек. В здании костела была развернута выставка фотографий «Забастовка-88», посвященная августовским стачкам, имевшим место в этом году. Здесь же продавались фотографии оппозиционных деятелей, различные сувениры, связанные с деятельностью «Солидарности». К богослужению

было приурочено освящение знамени отделения «Энергетиков» нелегального профсоюза «Солидарность». Перед его началом ксендз Янковский сообщил собравшимся, что ему присуждена медаль Габора Бетлхема в знак признания его заслуг в борьбе за справедливость и права человека.

Верующие аплодисментами приветствовали сообщение о том, что в течение ближайшей недели будет проводиться сбор денег в помощь пострадавшим от землетрясения в Армении. В следующее воскресенье их предполагается передать в консульство СССР в Гданьске. Вероятно, в передаче денег примет участие Л. Валенса.

Затем Янковский пригласил всех участвовавших в богослужении прибыть 13 декабря в костел на религиозные торжества, посвященные памяти всех пострадавших в годы военного положения «узников совести и интернированных». Ксендз зачитал отказ властей разрешить проведение 16 декабря богослужения перед памятником погибшим во время событий 1970 г. Власти, пояснил он, объясняют свой отказ тем, что «памятник не является религиозным объектом» и что подобное богослужение может привести к нарушению общественного порядка. По его мнению, запрещение властей провести мессу является очередным подтверждением слов Л. Валенсы, заявившего во время дискуссии с А. Медовичем, что польские власти не «поспевают за советской перестройкой». При этом Янковский сослался на то, что поляки теперь могут склонять головы даже у памятника жертвам Катыни.

В заключительной части проповеди ксендз заявил, что когда власть боится своего народа, то можно с уверенностью сказать, что она несправедлива. По его мнению, причиной недовольства общества является не подстрекательство церкви, а продолжающая существовать сталинская система. Он призвал верующих сопротивляться деятельности властей, любым «проявлениям деспотизма». Во время богослужения собравшиеся пели гимн «Солидарности».

После окончания богослужения, продолжавшегося около полутора часов, собравшиеся вышли на площадь перед костелом Св. Бригиды, скандировали лозунг «Солидарность» победит, потому что ее ведет Лех», а также «Нет свободы без «Солидарности». На улице при выходе из костела демонстрантов встретила милиция. И хотя они провоцировали ее на столкновение, сила все же не была применена.

Подобного характера церковные службы не редкость. Вот еще пример. Вечером 28 августа 1988 г. в варшавском костеле Св. Костки состоялось богослужение «За отчизну и ее мучеников», на котором присутствовало 6—8 тыс. человек. В толпе были подняты лозунги «Нет свободы без «Солидарности», «Если не сегодня, так завтра», «Да здравствует «Солидарность»!». Аплодисментами собравшиеся встретили группу лиц, которые несли плакат: «Вернуть на работу уволенных за участие в забастовках». В распространявшихся листовках говорилось: «Борьба независимых профсоюзов продолжается. Бастуют свыше 20 тыс. человек. Главное их требование — легализация деятельности «Солидарности».

Ведущий богослужение ксендз сообщил, что к костелу прибыли делегации многих епархий страны, представители ряда воеводских организаций бывшей «Солидарности», бывшие интернированные, участники международной конференции по правам человека в Кракове, члены подпольной организации «Борющаяся «Солидарность». Он также напомнил, что месяц назад у могилы ксендза

Попелушко побывали молодые судостроители и портовики Щецина, которые «ведут самоотверженную борьбу за свои права».

Богослужение началось словами: «Нет свободы без «Солидарности». Выступивший с проповедью ксендз подчеркнул, что «молебен посвящен августовским событиям 1920, 1944, 1980 и 1988 гг. В далекие 20-е годы польский народ и церковь сказали «нет» могущественному государству, которое хотело затоптать независимость страны. В 1944 г. польский народ и церковь сказали «нет» попытке нарушить моральные принципы сосуществования людей и народов. Без согласия польского народа в Тегеране и Ялте была решена судьба Польши. Западные страны сейчас утверждают, что ответственность за это несет Советский Союз. Однако в одинаковой мере повинны правительства Англии, Франции и США. 1980 год был годом национального возрождения, когда народ почувствовал свою силу и достоинство».

Далее в проповеди говорилось о нынешнем положении в стране, причинах недовольства рабочих. Среди этих причин были названы падение жизненного уровня, тяжелое положение рабочих, процветающая коррупция и бюрократия. Одной из главных причин забастовок, по словам ксендза, был отказ правительства сесть за стол переговоров. «Рабочие и дирекция предприятия, — сказал он, — не способны выяснить вопросы, которые требуют решения вышестоящих инстанций».

Наряду с этим проповедь носила примиренческий характер, в ней была дана положительная оценка стремлению правительства к диалогу с инакомыслящими. В конце проповеди ксендз призвал к соблюдению прав человека и профсоюзному плюрализму.

К костелу были подтянуты силы безопасности, однако подавляющее большинство участников богослужения по его окончании мирно разошлись.

Рецензент. Очень хочется, чтобы отдельные примеры не создали бы у читателя общей превратной картины взаимоотношений в описываемом нами треугольнике: государство — церковь — оппозиция.

Можно согласиться с вашим утверждением, что избрание кардинала Кароля Войтылы (с. 367) стало важным импульсом для верующих в Польше, а это, в свою очередь, было принято в расчет деятелями экстремистской оппозиции, выступающими под вывеской «Солидарности». Однако совершенно неприемлем ваш тезис, — будто католический костел в Польше был связан с контрреволюцией либо ее инспирировал (с. 377). Вы ставите в вину польскому духовенству, что оно не осудило действий «Солидарности» (с. 369). Здесь уместно прояснить некоторые обстоятельства.

Во-первых, римская церковь после Второго Ватиканского собора (1962—1965 гг.) радикально изменила свой облик, вместо добывающейся власти она стала Церковью Универсальной — это проистекает из соборных решений. Как таковая, римская церковь признала существование других религий (их делегаты участвовали в заседаниях в роли наблюдателей), что выразилось в создании двух новых конгрегаций: секретариатов по нехристианским вероучениям и по контактам с неверующими. Проведение этих идей в жизнь наблюдается в период понтификата Иоанна XXIII и его преемника Павла VI. Без сомнения, активным сторонником концепции универсальной церкви является и Иоанн Павел II, который — это надо помнить — никогда не отрекался от догматов веры, за что часть духовенства считает его консерватором; универсализацию церкви он проводит в жизнь,

совершая многочисленные паломничества в разные уголки света; клеймит зло, где бы оно ни расцветало, и, что не менее важно, досконально знает доктрину коммунизма, поскольку зрелые свои годы прожил в Польше, пристальным наблюдателем которой он является сейчас.

Во-вторых, папская курия — это прежде всего организация (визиты папы в Польшу это подтвердили), которая реально оценивает существующий статус-кво в Европе и в мире. Иллюстрацией может служить опубликованный недавно (Вензь. № 1. 1989) документ «Неверующие в приходе — предварительные пас-тырские указания епископата Польши». Читаем в нем: «Явление неприятия веры или ее отвержения известно было всегда. Однако же в наши дни оно получило неслыханное ранее в истории распространение. В невиданной ранее степени оно существует и у нас». Это, пожалуй, необычная точка зрения, поскольку в мире утвердилось мнение, что католицизм и христианство именно в Польше одерживают наибольшие успехи. Епископат, однако, организация куда более дальновидная. Вот что утверждает далее в упомянутом выше документе: «С явлением неверия мы встречаемся все чаще. При заключении браков участились случаи, когда одна сторона объявляет себя неверующей. Определенная часть людей свое отношение к вере определяет пренебрежительным пожатием плеч. Среди некоторых профессий количество неверующих достигает восемнадцати процентов. Словом, явление неверия в Польше стало одной из важнейших пас-тырских проблем». Проблема эта возникла не в последние годы, правильной было бы говорить о десятилетиях, в чем Ватикан отдает себе отчет. В таком именно аспекте (кроме сантиментов, разумеется) и следует рассматривать паломничества папы на родину.

В-третьих, польский епископат, всегда верный апостольской столице в тех случаях, когда дело касалось усиления влияния костела и привлечения молодежи, всегда провозглашал неуступчивость государству и его идеологии, что в конце концов неудивительно, даже учитывая универсализацию римской церкви. Именно универсализация как раз и свидетельствует, что борьба двух философий и мировоззрений никогда не прекращалась и ничто не предвещает стирание противоречий между ними. Но универсализация позволяла польскому епископату быть на высоте во время очередных кризисов в стране, исполняя роль катализатора в последнем и наиболее продолжительном кризисе 1980 г. В главных проблемах епископат всегда занимал однозначную позицию. Так было, когда на повестку дня встал вопрос о государственности (с. 372), когда дело касалось экстремистских выступлений «Солидарности» (с. 370), перехода от профсоюзных задач «Солидарности» к политической партии (с. 372) и роли в этом зарубежных пропагандистских центров, включая парижскую «Культуру» (с. 372), что навлекло на голову епископата обвинения о сотрудничестве с правительством или, как утверждали деятели КОС — КОР, просто «в симпатиях к коммунизму». Приоритетная роль или, скорее, универсальность костела позволяла ему также не соглашаться с мероприятиями административных властей. Согласно христианской доктрине, никто не имеет права унижать человека или лишать его свободы за убеждения — в таких случаях костел должен быть с пострадавшими. Вот почему в период забастовочных акций, да и после них большое количество ксендзов, называемых капелланами бастующих, находилось среди рабочих. Той же цели — расширению

влияния костела, служила уплата денежного штрафа (с. 375) за молодежь, подвигнутую административному взысканию за участие в общественных манифестациях. И мы уже говорили о том, какую позитивную роль костел сыграл также в вопросе подготовки «круглого стола», сперва как один из организаторов встречи, а позднее в качестве наблюдателя на заседаниях.

В какой-то степени вы правы, когда утверждали (с. 372), что польский епископат действовал не без корысти, стремясь укрепить позиции костела в Польше. В самом деле, костел получил разрешение на строительство более тысячи сакральных объектов, — большего успеха за последнее столетие не одерживал ни один епископат в мире. И все же нельзя недооценивать позитивной роли церкви в гашении очагов общественного недовольства.

Сотрудничество государства и костела в решении стратегических вопросов польской политики не особенно нравилось экстремистским кругам в Польше, так как представляло для последних серьезную угрозу. Как уже было отмечено выше, когда дело касалось захвата власти, у нас наблюдался союз постсталинистов с их как бы противниками, то есть с заклятыми врагами социализма. Так было и в тот раз, когда осенью 1984 г. был похищен органами МВД и убит ксендз Попе-лушко, который считался духовным опекуном «Солидарности» на заводе «Варшава». Удар был направлен одновременно и в костел, и в политическое руководство ПНР. Провокация не удалась, непосредственные исполнители понесли наказание, жаль только, что вдохновители снова остались в тени...

Автор. Настало время сказать несколько слов об отце Ежи Попелушко.

Рецензент. Ведь имя этого ксендза уже вошло в историю польской римско-католической церкви, а его убийство и в историю Польши как одна из самых крупных провокаций против мира и согласия в нашей стране. Эта акция была, пожалуй, посильнее, чем уничтожение газом и саперными лопатками участников мирной демонстрации у вас в Тбилиси 9 апреля 1989 г. Хотя есть общее в этих двух преступлениях против народа — имена истинных вдохновителей и распорядителей этих акций персонально не были названы; резонанс в мире эти оба события вызвали огромный, а для польского и грузинского народов эти печальные даты террора, совершенного военными, явились переломным этапом в нарастании массового движения по искоренению остатков сталинской системы.

Западная пресса высказала все, что могла, о деле Попелушко и повторила это тысячекратно. Любой государственный деятель Запада по приезде в Варшаву считает своим долгом посетить могилу Ежи Попелушко. Польша обрела нового мученика, которого поляки уже чтут как святого и уже изображают в виде его небесного покровителя великомученика Георгия, поражающего дракона. Его хоронили сотни тысяч человек, и сегодня лишь в Ченстохове собирается больше паломников, чем к могиле Попелушко.

Квинтэссенция тех обвинений, которые западные пропагандистские центры обрушили на народную Польшу, содержится в двух статьях мюнхенского эмигрантского ежеквартального журнала «Посев» (#4, 1984 и №1, 1985):

«Во время своего визита в Польшу папа Иоанн Павел II в знак расположения и признательности, или движимый предчувствием, подарил свои четки священнику Ежи (Георгию) Попелушко. Попелушко был тесно связан с польской оппозицией и с

движением «Солидарности». Когда свободные профсоюзы Польши были запрещены, он начал ежемесячно совершать особое молебствие «О благе отчизны». В его приход — церковь Св. Станислава Костки в Варшаве — стекались богомольцы со всех концов страны. Он там открыто говорил с амвона, например, о том, что выборы при нынешнем правительстве — обман. И о многом другом, что радовало народ и бесило коммунистических вождей.

«Так было всегда, — писал Попелушко своему другу в 1983 г. — Кто-то выходил вперед, посвящая себя делу, и расплачивался за это дорогой ценой. В воскресенье 30 августа 1980 г. покойный кардинал Вышиньский передал, чтобы я ехал на сталелитейный завод, где была в полном разгаре забастовка в поддержку судостроительных рабочих Гданьска... Я исповедовал людей, молившихся на коленях на каменной мостовой до предела физических сил. Эти люди поняли, что они сильны своим предстоением перед Богом и сплоченностью вокруг Церкви... И я остался с ними. Я был с ними и в дни их торжества, и в ту темную декабрьскую ночь, которую никто из нас не забудет... Из тюрмы они писали мне, что им помогает моя молитва за них. Проповедуя в храме, я говорил о том, что люди думают, что они хотели бы сказать, но либо боятся, либо не умеют... Судьба Церкви есть судьба ее паствы. Долг Церкви — оставаться с людьми в их повседневной жизни, делить с ними их радости, их болезни, их страдания...

Прокуратура возбуждает против меня дело по обвинению в злоупотреблении свободой совести и отправления культа. Но разве можно злоупотреблять свободой совести? Можно ущемить свободу совести, но злоупотреблять ею никак нельзя... Я отдаю себе отчет, что за Истину надо брать на себя и страдания... И потому готов ко всему».

Власть понимала, что этот простой священник, сын крестьянина, для нее более опасен, чем кардинал Глемп и другие князья церкви, и даже сегодняшний Лех Валенса: они хотя и враги, но призывают народ «не совершать необдуманных поступков». Кампания клеветы против Попелушко шла непрерывно.

12 сентября 1984 г. «Известия» опубликовали статью своего собкора в Варшаве Л. Топоркова под заголовком «Урок не впрок». Вот, писал он, была недавно в Польше амнистия, которая «давала возможность людям, ошибавшимся и даже поднявшим руку на народную власть, доказать, что они сделали с тех пор правильные выводы». Но некоторым этот урок, этот «акт гуманизма и великодушия государства» пошел не впрок. Собкор поименно назвал нескольких «неисправившихся» деятелей «Солидарности», но особый его гнев вызвал «воинствующий ксендз Попелушко, который... превратил свою квартиру в хранилище нелегальной литературы, тесно сотрудничает с ответными контрреволюционерами. С амвона словно не церковные проповеди читает, а листовки, написанные Буяком: от них так и разит ненавистью к социализму».

Через неделю, 19 сентября, представитель правительства по делам печати Урбан, уже не раз устно выступавший против Попелушко, также опубликовал против него статью в журнале «Ту и teraz» (подписав ее псевдонимом «Ян Рем»).

Через пять недель после статьи Топоркова и через четыре недели после статьи Урбана, 19 октября 1984 г., Ежи Попелушко поздно вечером возвращался со своим шофером из Быдгоща в Варшаву. Вблизи Торуня машину остановили три польских гебиста, замаскированные под милиционеров, и силой втолкнули обоих в свою машину. Шоферу Хростовскому удалось выороситься на ходу (недаром он раньше был каскадером в кино) и поднять тревогу.

Похищение Попелушко вызвало взрыв возмущения — и не только в Польше. По тому, как молниеносно начали действовать власти, можно было заключить, что похищение и их задело за живое: уже через шесть дней были арестованы офицеры госбезопасности — капитан Гжегож Пиотровский и два лейтенанта, Вольдемар Хмелевский и Лех Пекала, которые сразу признались, что не только похитили Попелушко, но и убили его, а еще через четыре дня, по их указанию, в водохранилище было найдено тело. В начале ноября был арестован их начальник, полковник МВД Адам Петрушка, и сменен начальник отдела МВД, «ведавшего» делами церкви, Платек. Вскоре Ярузельский, назвавший похищение и убийство «актом банди-

тизма», сам взял в свои руки управление МВД, а заместитель премьер-министра Малиновский заявил, что дело об убийстве «будет доведено до конца, независимо от того, каких лиц нам придется разоблачить и какие возможные связи станут известны».

Многие наблюдатели склонны считать, что волнение властей и поспешность их действий вызваны страхом перед возможной реакцией польского народа и Запада на это убийство. Это, нам кажется, только часть правды.

Уже после введения в декабре 1981 г. особого положения в Польше убито по крайней мере 55 известных общественных деятелей, в большинстве своем активистов «Солидарности». Многие из них пользовались уважением всей Польши, и их хорошо знали и на Западе (например, председатель «Солидарности» на сталелитейном заводе в Катовице Ковальский, председатель свободного профсоюза почтовых работников Шиманский, председатель «сельской «Солидарности» Бартоше, сотрудник Варшавского института ядерных исследований Гасевский...). Гораздо больше было убито менее известных деятелей «Солидарности». И хотя убийц никогда не удавалось найти, поляки знали, что это дело рук польских чекистов. И те, в разговорах «с глазу на глаз» и во время допросов, этого не скрывали, а, наоборот, чтобы запугать людей, возможно, даже преувеличивали, говоря, что «ликвидируют» в среднем 200 человек в год.

Конечно, Попелушко в данный момент был, вероятно, самым популярным человеком в стране. Но что знал народ? Только что его похитили люди в милицейской форме, И у власти были десятки возможностей соткать целую сеть из умолчаний и лжи: «найти» якобы брошенные милицейские формы и доказать, что они были поддельными, пустить слух, что верховные церковные власти приказали Попелушко скрыться, уйти в подполье (кстати, некоторые представители власти начали было распространять слухи, что его кто-то где-то видел), найдя тело, ни в коем случае его не показывать, а тайно уничтожить.

В нынешней обстановке Ярузельский и его команда могли полагать, что убийство это (да еще если вину за него снять с себя) не вызовет таких народных волнений, которые потрясли бы основы власти. Быстрое и открытое расследование и поведение польских властей позволяют, думается, сделать заключение, что приказ убить Попелушко был отдан не в Варшаве, а в Москве — без ведома Ярузельского и верных ему сотрудников и вопреки их планам.

Это верно, что команда Ярузельского выполняет указание Политбюро, как верно и то, что польская госбезопасность организована КГБ. Но во всем этом есть одно обстоятельство, маловажное для людей, понимающих, что «это все одна банда», и чрезвычайно важное для коммунистических вождей. А именно: кто формально возглавляет данное «хозяйство». До сих пор советские вожди, несомненно, считались с Ярузельским и его людьми как с экспертами по польскому вопросу, выслушивали их пожелания, держали их в курсе дел и согласовывали с ними операции в Польше, а может быть и вне Польши. Можно предположить, что даже такое «деликатное дело», как подготовка убийства папы-поляка, хотя и было поручено болгарским чекистам, согласовывалось и с польскими товарищами.

И если московское КГБ отдало приказ убить Ежи Попелушко втайне от своих варшавских марионеток, то их волнение понятно: если марионетку перестают держать за нитки, это значит, что она уже не нужна. Больше того, это значит, что уже где-то совсем близко хозяева готовят новую марионетку. А старую не только выбросят, но и растопчут. Нам кажется, что тревога польских властей после убийства Попелушко была глубокой и неподдельной. И мы хорошо знаем, что коммунистические главари глубоко и неподдельно волнуются только о своей власти и о себе самих. И, вероятно, опасались они в данном случае не столько Действий польского народа, сколько действий Политбюро и КГБ.

Эти опасения заставили их быстро забыть обещание «раскрыть дело До конца». И все тот же Урбан, который не может возложить вину за убийство на своих польских чекистов и не смеет возложить ее на советских, говорит иностранным журналистам слова, которые не назовешь иначе как смесью глупости, страха и цинизма. Тройка чекистов, сказал он, вообще не думала убивать Попелушко, а лишь намеревалась его попу-

гать и проучить. Но ряд обстоятельств их просто толкнул на убийство: бежал шофер, потом испортилась служебная машина (не было, надо думать, добротного «мерседеса», как у советских коллег), затем запертый в багажнике Попелушко начал кричать и стучать. «Под влиянием этих неудач, — сказал дословно Урбан, и слова его зафиксированы журналистами, — работники Министерства внутренних дел потеряли присутствие духа и начали действовать без нужной осторожности, небрежно».

Оценить полностью эту гнусь способен лучше других тот, кто видел снимки убитого и знает, что ему, связанному по рукам и по ногам, с петлей на шее, чекисты отбили внутренности, перебили ноги, сломали пальцы на руках, выбили зубы, вырвали волосы вместе с кусками кожи...».

«Казалось бы, все сорвалось на пустяке. Шофер отца Ежи Попелушко, Вальдемар Хростовский, бывший парашютист, каскадер и человек с крепкими нервами, сумел выбраться из машины похитителей и рассказать, как 19 октября три человека в милицейской форме захватили и увезли настоятеля храма Св. Станислава Костки в Варшаве отца Ежи Попелушко».

С этого начался провал. Вместо того чтобы отступить, растерявшиеся оперативники довели свое дело до конца: они зверски замучили священника и утопили изуродованный труп в Висле. Но «исчезновения» не получилось. Свидетельство Хростовского сработало. Польша уже не догадывалась, а просто знала, кто ликвидировал любимого всей страной несгибаемого проповедника, а за что погиб отец Ежи, было понятно каждому.

В своих проповедях отец Попелушко настойчиво требовал допустить открытую деятельность «Солидарности», которая, по его словам, «была не просто профсоюзом. Она выражала стремление к правде, справедливости и свободе». И еще в сентябре не кто иной, как спикер правительства Ярузельского Ежи Урбан (правда, под псевдонимом) писал, имея в виду Попелушко, о «неистовом Саванароле», проповедующем «фанатическую ненависть к социалистической Польше» и служащем «черные мессы», на которых ему прислуживает известнейший деятель «Солидарности» Адам Михник, «чертячим хвостом раскачивающий богослужебный колокольчик». Никто в Польше не сомневался, что отец Ежи в черном списке тех, кого нельзя взять открыто, но желательно ликвидировать втихую.

Капитан Гжегож Пиотровский (рост 1,92 метра, 33 года, математик с высшим образованием), проводивший операцию по ликвидации Попелушко, поступил, по его словам на суде, «нелогично», доведя операцию до конца. А что он должен был делать? Извиниться перед отцом Ежи и отвезти его поскорей в костел Св. Станислава?

А что должен был делать Ярузельский? «Не найти» ни тела убитого священника, ни его убийц (на что наивно надеялся прямой начальник Пиотровского, полковник Адам Петрушка) было опасно и глупо. Свидетельство Хростовского, что отца Ежи взяла милиция, уже облетело страну; отец Ежи, проповеди которого слушали тысячи человек, уже был народным героем, а трагическая гибель сделала его в глазах народа мучеником. И если бы даже операция прошла успешно, было бы то же самое. Возмущение народных масс было искренним и всеобщим. Гибелью Попелушко, как морозом, ударило по хилым росткам надежд, начавшим было кое-где пробиваться после отмены военного положения, амнистии политическим заключенным, отмены ряда судебных преследований, выхода на свободу Валенсы, Михника, Лиса...

Конечно, политику национального примирения точнее было бы назвать политической национального смирения. Но возмущение расправой над отцом Ежи сломало и это смирение. На месте похищения замученного священника люди водрузили мемориальный крест. Сотни тысяч поляков собрались в Варшаве у костела, где служил отец Ежи, и превратили похороны своего новомученика в грозную демонстрацию. Предприятия и школы Варшавы в эти часы были пусты. Милиция не вмешивалась. Власть поняла, что вмешательство вызовет революцию. Инцидентов не было, но никто не скрывал своих чувств. О режиме высказывались с открытой ненавистью.

Могила отца Ежи и сейчас утопает в цветах, около всегда стоят люди, всегда горят лампы и свечи, к ней тянутся все новые и новые паломники.

Вся запретная пресса, — а читают ее куда больше, чем казенную, — весь польский самиздат до сих пор полны статьями об отце Попелушко. В статье Яна Литынского «Мы и они» в «Тыгодник Мазовше» уже 13 декабря 1984 г. убийство Попелушко определяется как «один из редких в истории случаев, когда народ разделяется с предельной ясностью по лишенной извилин прямой. Все размышления становятся осмысленны, лишь если все время помнить об этой прямой линии фундаментального разделения между Добром и Злом».

Сделать эту линию сколько можно извилистой, смешать черное с белым, вести рассуждения в стиле «да, конечно, но с другой стороны...» — вот в чем была, если смотреть в корень, единственная задача расследования и суда в Торуня.

Было ли решение пожертвовать четырьмя чекистами принято на том же уровне, на котором было задумано ликвидировать Попелушко, или на уровне выше, мы не знаем. Но одновременно со следствием заработала и традиционная «наступательная политика» коммунистов, заработал генератор лжи, поползли слухи. Члены ПОРП прослушали, оказывается, сообщение о ходе расследования и узнали, что убийство Попелушко было делом католических кругов, не согласных с примасом». Эти круги получали якобы поддержку от ЦРУ и сумели подкупить отдельных работников Министерства внутренних дел, согласившихся совершить преступление. Редакция подпольного издания «Праворяднош» уже 6 ноября справедливо отметила, что Ярузельскому безразлично, кого обвинить, ЦРУ или КГБ, солидаристов или догматиков, лишь бы получалось, что преступники также враги и его, Ярузельского, лишь бы оказаться хоть в свете нелепых слухов, но вместе с народом.

Параллельно пошла накачка партийных работников. Первый секретарь Лодзинского парткома и член ЦК ПОРП М. Чехович в начале декабря так определил задачи партийной пропаганды:

- подчеркивать постоянство политики партии в отношении культов;
- популяризировать анализы проповедей ксендза Попелушко с целью помешать его беатификации и показать, что он погиб за свои политические убеждения, а не за церковную деятельность;
- продолжать распространять данные об оружии, взрывчатке и печатных материалах, найденных в квартире Попелушко;
- на всех курсах и сессиях напоминать о темных страницах истории церкви, об инквизиции и т. д.;
- день за днем анализировать проповеди священников, в частности тех, о которых шла речь, и тотчас же начинать их преследовать;
- проверить все разрешения на постройку храмов, с тем чтобы жители могли решить, хотят ли они построить на своей территории храм или детские ясли;
- интенсифицировать посылку писем, «написанных верующими» своим епископам, с требованием, чтобы священники перестали заниматься политикой в церковных стенах;
- показывать единство партии — никаких виноватых, никаких чисток. Чехович добавил к этому, что первые секретари региональных комитетов партии якобы боятся, что «противники организуют собственные террористические группы для ликвидации членов партии».

Подпольная печать сообщила и о спецоперациях. «9 ноября около 23 час 30 мин группа работников госбезопасности вышла из двух служебных машин, разошлась в разные стороны и покрыла стены грубыми и оскорбительными для священника Попелушко надписями» (Бюллетень лодзки. № 53). «Листовки, распространявшиеся службой госбезопасности на предпринятиях Тчева, показывали, как на будущие жертвы, на священников Янковского и Циневича. Последний — настоятель прихода Св. Марии, инициатор богослужений за родину» (Вядомощи. № 126).

Причисление католической церковью к лику блаженных (от лат. «беатус»), основой которого является мученичество за веру; место и форма церковного почитания блаженного определяется Ватиканом. Впоследствии, после определенного процесса, блаженный может быть причислен к лику святых.

Артур Куява, председатель судилища в Торуня, жесткий и верный партийный судья. Во время военного положения он безотказно приговаривал всех соли-даристов к максимальным срокам. Но здесь дело было сложнее. Обеспечить надо было две совсем разные задачи.

Во-первых, не допустить, чтобы в процесс был втянут начальник ведающего делами религии 4-го отдела Министерства внутренних дел генерал Зенон Платек, а тем более министр внутренних дел Кишак, чтобы не было речи о каких бы то ни было приказах, чтобы ранг обвиняемых не поднимался выше заместителя Платека, полковника Адама Петрушки, с которым капитан Пиотровский обсуждал направленные против Попелушко «решительные действия», ну, например, «хорошенький несчастный случай», в результате которого Попелушко должен был «исчезнуть».

Во-вторых, показать, что зверская расправа над священником была реакцией преданных научному социализму офицеров, глубоко возмущенных антиправительственными, а следовательно, и антинародными проповедями Попелушко. Речь прокурора Петражинского была скорее обвинительной речью против замученного священника, чем против его палачей:

«Попелушко обращался к революционным действиям, находящимся в противоречии с действующим законодательством и принципами его профессии. Он стал жертвой обвиняемых, которые чувствовали себя призванными к действиям, не связанным никаким правом, и полагали, что будут защищены...».

Яснее не скажешь. Убийство Попелушко раскрывается как результат столкновения двух непримиримых и неспособных к компромиссу начал, причем зачинщиком оказывается, конечно, Попелушко. Своим наглым, противозаконным поведением он якобы вызвал патриотический гнев убежденных защитников социализма, спровоцировал их на незаконные действия. И суровые приговоры суда — 25, 25, 15 и 14 лет заключения, — вынесенные людям, пусть не вполне корректно, но защищавшим золотую мечту человечества, лишь подчеркивают нелицеприятность суда, его преданность идеалу права, которое не позволено нарушать никому в социалистическом обществе...

Процесс нанес тяжелый удар по искренней готовности к компромиссу как председателя «Солидарности» Леха Валенсы, так и примаса польской церкви кардинала Юзефа Глемпа. И если 8 февраля, говоря о торуньском судилище, Валенса еще мог сказать: «Мы хотели бы видеть в этом процессе знак того, что власти стремятся к национальному примирению», то после ареста 14 февраля у него на квартире Лиса, Михника и Фрасынюка он вместе с Яцеком Куроном призвал своих соотечественников «непоколебимо противостоять ненависти и репрессиям, так, чтобы было ясно, что поляки не отнесутся пассивно к этой новой волне». Подавая пример, несмотря на вызов к прокурору и прямую угрозу тюремного заключения, он повторил призыв к назначенной на 28 февраля всеобщей пятнадцатиминутной забастовке протеста против намеченного правительством повышения цен на продукты первой необходимости.

И правительство отступило, применив испытанный прием «инициативы низов». Казенным профсоюзам пришлось от имени рабочего класса ходатайствовать о пересмотре решения о повышении цен. Ходатайство было удовлетворено, и назначенная «Солидарностью» забастовка стала беспредметной. Формально сыграли вничью. Фактически же каждый рабочий знает, что власть отступила под угрозой забастовки, понимая, что потерей 15 минут рабочего времени в случае повышения цен ей не отделаться.

На жесткий отпор наткнулась и начатая на торуньском суде травля польской церкви. Примас Польши кардинал Глемп 11 февраля заявил, что проповеди отца Ежи Попелушко с богословской точки зрения были безупречны и что, хотя поведение некоторых священников не нравятся властям, «нет никаких доказательств какого бы то ни было нарушения законов».

А польский епископат 15 февраля пошел значительно дальше и опубликовал комюнике с решительным протестом против антицерковной кампании властей и с прямым утверждением, что «подрывать авторитет церкви, которая находится на службе народу, несправедливо и направлено против общенационального блага».

Автор. Об отце Попелушко написаны десятки книг. Вот одна из них — «Священник, который должен умереть» (Лондон, 1986). Издали этот политический детектив Роберт Бойес и Джон Мууди, сотрудники ряда редакций известных американских и английских журналов. Оба специализируются по странам Восточной Европы.

Детально показывая обстоятельства смерти Попелушко, его последние дни жизни, похороны, а также отдельные фрагменты биографии, авторы стремятся как бы выйти за рамки этого вопроса и раскрыть его в более широком социально-политическом контексте.

Во-первых, они утверждают, что убийство Попелушко является политическим убийством, совершенным сотрудниками органов безопасности ПНР по политическим мотивам и отражающим в определенной мере состояние продолжающейся острой борьбы «оппозиционных сил» в лице представителей «Солидарности» против ПОРП и правительства Польши. В связи с этим сильно преувеличивается политическая биография Попелушко, а его антисоциалистическая деятельность превозносится до уровня одного из лидеров «Солидарности», хотя таковым он не был. Так, авторы пишут, что «убийство отца Попелушко было необычным преступлением. Он был национальным героем. Кое для кого убийство его символизировало политическую смерть их профсоюза «Солидарность», который он так храбро защищал... Он был угрозой для политического руководства в Варшаве и Москве». Это «агрессивно политический священник, сторонник папы Иоанна Павла II».

Во-вторых, на протяжении всей книги Бойес и Мууди стремятся обличить польские органы безопасности, другие государственные учреждения и организации, правительство ПНР, показать недостаточную устойчивость политического режима в стране, если он вынужден прибегать к таким методам борьбы с оппозицией. В частности, со ссылкой на дневники Попелушко, отмечается, что служба безопасности совместно с государственными правоохранительными и другими органами использовала такие методы борьбы, как «публичные оскорбления, давление со стороны руководителей церкви и властей», применение правовых мер, постоянное наблюдение за его деятельностью и другие.

«В последние годы жизни, — пишут Бойес и Мууди, — Попелушко стал как гонимое животное, за которым охотились агенты. Полиция использовала все эти методы и пришла к выводу, что они не в состоянии заставить замолчать священника, который заявил: «Я только говорю вслух то, что народ думает про себя».

В-третьих, говорится о возможном «горизонтальном заговоре». То есть о будто бы имевшей место попытке определенной группы офицеров службы безопасности во главе с заместителем министра МВД ПНР Милевским дестабилизировать путем такого убийства внутривнутриполитическое положение в Польше и «спровоцировать отставку В. Ярузельского».

В-четвертых, в целом ряде глав книги Бойес и Мууди пытаются отразить некоторые «теневые» стороны советско-польских отношений, подчеркивая «особый интерес» Москвы к Польше, наличие будто бы имеющих место элементов нажима со стороны СССР на польское правительство в связи со стремлением В. Ярузельского к самостоятельной политике, сориентированной на Запад.

При этом, показывая четыре канала связей между двумя странами, Делается предположение о возможном «косвенном участии Москвы в убийстве». В связи с этим, от-

вечая на предварительно поставленный в книге вопрос «Кто в действительности стоял за убийством Попелушко?», авторы пишут, что указание исходит из Советского Союза. «Москва руками КГБ через М. Милевского решила убрать Е. Попелушко».

Все эти доводы аргументируются следующим образом: польские власти не хотели публиковать информацию о похоронах Попелушко. Этого «тем более не хотела Москва».

В таких же целях, чтобы, очевидно, показать преемственность этой тенденции, дается и историческая справка о влиянии еще в дореволюционный период царского суда на губернаторов Польши «для пресечения любых проявлений сопротивления и национализма».

Значительное внимание в книге уделено сведениям из биографии Попелушко, его окружению, мотивам становления на путь антисоциалистических действий, характеру подпольной деятельности. В частности, предоставление собора, в котором нес церковную службу Попелушко, для тайных встреч представителей «Солидарности», хранение денег и литературы данного профобъединения. В Варшаве в 1981 г. он якобы освятил знамя бастующих рабочих и стал новатором своеобразной церковной мессы под лозунгом «Бог и отчизна», а после введения военного положения оказывал содействие ушедшим в подполье представителям «Солидарности».

Как бы в противовес «положительным» биографическим сведениям о Попелушко и некоторых представителях «Солидарности» из его окружения авторы показывают низкие моральные и человеческие качества осужденных сотрудников МВД, их корыстные устремления и склонность к карьеризму, слепое выполнение ими указаний сверху.

Авторы подробно характеризуют взаимоотношения католической церкви Польши с органами власти. При этом отмечается сдержанная, нейтралистская позиция примаса Ю. Глемпа, который неоднократно призывал священников, в том числе и Попелушко, «воздерживаться от политики» и «заниматься религиозными вопросами». Глемп сказал, что «часть ксендзов ведет себя, как журналисты». В связи с этим «Солидарность» якобы назвала Глемпа «товарищ Глемп», а среди священнослужителей распространилось мнение, что «Глемп наводит порядок, как в концлагере».

Во многих главах авторы с тенденциозных позиций описывают структуру органов МВД ПНР, показывают некоторые направления и организационные принципы их работы. При этом выпячиваются трения между молодым и старым поколениями сотрудников службы безопасности, а также между ними и военными контрразведчиками, которых привлек для работы выходец из армейской среды генерал Ч. Кишак, став министром МВД. Говорится, что убийство Попелушко было использовано как повод для чистки в органах безопасности. После окончания суда был отстранен от работы генерал З. Платек, выведен из состава Политбюро ЦК ПОРП, а через год уволен со службы Милевский. В целом было уволено из органов более 300 сотрудников.

Символическое политическое звучание придается в книге и событиям в день похорон Попелушко. В частности, авторы пишут о нескончаемом потоке людей, пришедших проститься с пастором (более 400 тыс. человек), о том, выступая на траурной церемонии, Валенса произнес слова: «Спи с миром. «Солидарность» жива, ибо ты отдал за нее жизнь».

В подобном же духе выдержана книга «Чистый дух. Лех Валенса и его Польша» (Лондон, 1986) другого английского журналиста — Мэри Крейг, неоднократно посещавшей ПНР, встречавшейся с Л. Валенсой, с ксендзами Г. Янковским (духовник Валенсы) и Е. По-пелушко.

Книга состоит из двух частей: «Пустынные годы» (1939—1980 гг.) и «Солидарность» — и после» (1980—1985 гг.), в ней 27 глав. Об идейных установках автора свидетельствуют названия глав, например, «Революция, которой не было» (об установлении народной власти), «Пепел, но не алмазы» (перефразировка заглавия известного романа Ежи Анджеевского), «Практически они объявили нам гражданскую войну» (о введении военного положения в 1981 г.). В качестве эпиграфов к главам взяты цитаты из работ таких польских писателей, как К. Брандыс, Т. Конвицкий, М. Новаковский, бывший руководитель польской редакции радио «Свободная Европа» Я. Новак, таких видных деятелей оппозиции, как Т. Мазовецкий и А. Михник.

События 1980 г. М. Крейг называет «революцией». Она солидарна с Валенсой, когда последний утверждает, что в течение всех сорока лет жизни его окружали «насилие, ненависть и ложь».

В последних главах много внимания уделено личности ксендза Попелушко, который призывал черпать силы не в ненависти, а в любви и являл собой, по мнению Крейг, «лучший тип ксендза и поляка».

Завершается книга словами Валенсы о том, что он «не собирается становиться музейным экспонатом». «Мы попытаемся снова. У нас должна быть надежда». Символом этой неумирающей надежды является, согласно Крейг, якорь на могиле Попелушко.

Рецензент. Ксендзы наши действительно умирают иногда насильственной смертью.

В собственной квартире в Белостоке было найдено тело 31-летнего vicария С. Суховольца. Из предварительных обследований, проведенных в присутствии прокурора и канцлера епископской курии, следует, что ксендз скончался от угара. Западные журналисты напоминают, что это вторая за последнее время смерть священнослужителя в Польше при невыясненных обстоятельствах. Ссылаясь на церковные круги, они утверждают, что ксендз Суховолец был связан с окружением ксендза Е. Попелушко, костелом Св. Станислава Костки в Варшаве — одним из центров «Солидарности».

Случилось это печальное событие в последнюю декаду января 1989 г. Тогда же на варшавском кладбище Повонзки состоялись похороны приходского священника расположенного на его территории костела Св. Кароля Баромеуша — С. Недзеляка. Несколько дней назад он был найден мертвым в помещении этого костела. Над воротами кладбища был укреплен плакат с надписью: «Вечная слава ксендзу Недзеляку — мученику за свободу и независимость Польши. Позор его убийцам!» Вход в костел и место погребения были оцеплены церковной службой охраны общественного порядка и молодыми людьми со значками «Независимого союза студентов». За кладбищенской оградой были развернуты транспаранты с эмблемами «Солидарности» и НСС.

В помещении костела Св. Баромеуша собрались представители высшего католического духовенства и оппозиционных группировок, западные журналисты. Панихиду по покойному священнику отслужил кардинал Ю. Глемп. Он высоко оценил заслуги и добродетели покойного, назвал его человеком действия, неис-

сякаемой энергии, отдавшим свою жизнь служению Польше. Ю. Глемп заявил, что ксендз Недзеляк пал жертвой убийства. «Это злодеяние покрыто мраком тайны. Однако нет тайн для Всемогущего Господа», — сказал Ю. Глемп.

Автор. Немало найдется в Польше экстремистов различных политических убеждений, желающих внести разлад в отношения церкви с властями.

Католическая газета «Слово повсехне» (9.05.1988) опубликовала краткое изложение проповеди кардинала Ю. Глемпа, которую он произнес на ежегодных религиозных торжествах отпущения грехов в Кракове.

Ю. Глемп подчеркнул необходимость проведения в стране диалога, основанного на правде и справедливости. Он отметил, что правительство Польши, хорошо понимая, что гнев является плохим помощником, не позволяет себе принимать поспешных решений, основанных на эмоциях. Однако мы все еще встречаемся с проявлениями недовольства людей и ростом их гнева. Такой ситуацией нельзя пренебрегать. Нельзя также ею манипулировать ради собственных безотлагательных целей.

Церковь, которая сплачивает вокруг себя людей, не раз становилась центром волнений. Однако в таких моментах духовенство всегда подчеркивает, что, хотя церковь действует в светском мире, ее цель — помогать верующим в моральном отношении. Поэтому в конфликтах между правительством и обществом церковь руководствуется двумя основными принципами: во-первых, нельзя успокаивать гнев людей ценой правды и справедливости, во-вторых, следует искать мирные пути решения возникших проблем. Для христианина, отметил кардинал, нет безнадежных ситуаций. Иоанн Павел II в своей недавней энциклике указал на необходимость идти путем мира, который является путем развития, основанного на любви человека к человеку.

Рецензент. Взгляды первого лица — это всегда очень важно. Не случайно же долгое время после 1985 г. в Москве говорили: дело перестройки очень хрупкое, уязвимое, ведь все держится на одном человеке.

Автор. О роли личности в истории написаны многие тома. Чтобы и нам иметь более полное представление о нынешних ориентациях польской церкви, ознакомимся с публикацией органа варшавской курии «Пшегленд католицки» (5.06.1987). Этот еженедельник поместил текст лекции кардинала Ю. Глемпа на конференции католиков в Брюсселе. В ней глава польского католицизма, по его собственным словам, «характеризует жизнь и развитие церкви в Польше под властью коммунистических структур и идеологии» и пытается «показать принципы учения церкви, вокруг которых сконцентрировалась борьба за то, чтобы навязать народу марксистскую идеологию, с одной стороны, и обеспечить защиту веры — с другой».

Остановившись на истории деятельности церкви в период народной власти, кардинал, в частности, подчеркнул: «Хочу, чтобы был правильно понят один вопрос. Не надо дословно воспринимать популярную поговорку — «Поляк, как редиска, красный снаружи и белый внутри». Это юмористическое высказывание не является полностью правильным и поэтому может ввести в заблуждение. Неправда, что коммунизм не оставил никакого следа в польской душе. Эти следы не таковы, как ожидалось, но, к сожалению, они заметны. Церковь могла бы сказать кое-что на эту тему...».

Кардинал проводит тезис, что «коммунизм, основанный на структуре Советского государства, пришел в Польшу с Советской Армией». Далее он заявляет: «С 1948 г. в Польше начался сталинский период, в который люди, представляющие

идеологию, начали вести себя просто недостойно Лишенные любой ответственности, безнаказанные, они показали всю нелепость системы, которая предприняла фронтальную атаку на польскую цивилизацию, прежде всего на церковь как наиболее целостное и независимое учреждение. Последующими целями атаки были культура и индивидуальные хозяйства на селе. Наверное, нет нужды описывать этот грустный период... Сегодняшняя интерпретация тех событий в средствах массовой информации является для церкви очень поучительной. Из нее следует, что это было не зло, причиненное культуре, церкви, сельскому хозяйству, а только «излишнее ускорение», незначительная ошибка в правильном процессе преобразований. Впрочем, и до сегодняшнего дня является обязательным тезис, что принципы политики в области вероисповедания в народной Польше являются неизменными».

В качестве важной проблемы кардинал поставил спорные вопросы религиозного воспитания детей и молодежи, а также урегулирования юридического положения и прав ряда религиозных учебных заведений. Решение этих вопросов идет трудно, хотя всем известно, что их урегулирование является элементом широко понятой нормализации отношений между церковью и государством, указывает он.

Рецензент. Убеждение о ведущей, роли костела в Польше сформировалось на протяжении веков, поскольку высшее духовенство выказывало большую активность в вопросах власти со времен крещения Польши в 966 г., что нередко приводило к драматическим событиям. Уже в первом столетии существования государства король Болеслав Смелый приказал отрубить голову краковскому епископу Щепанов-скому, обвинив его в измене. И позднее неоднократно доходило до конфликтов правящих королей с Апостольской Столицей (достаточно вспомнить о правлении Казимира Великого, Казимира Ягелончика, посреднических миссиях Павла Влодковица и т. д.) на почве осуществления власти в государстве, а Тридентский собор (1545—1563 гг.) эти тенденции еще усилил. В его решениях нашло место такое определение: «Общество Христово стремится дойти до всех и до всего, чтобы через исповедников при дворе монархов иметь к ним доступ, а через доступ доброжелательность и, вследствие нее, — неограниченную власть». Эти притязания польского высшего духовенства сохранились до последнего времени. Ведь в Регентском совете, который принял власть из рук немецких оккупантов накануне завершения первой мировой войны, ведущую роль играл архиепископ Варшавский, позднее кардинал Александр Каковский. Да и правительства предсентябрьской Польши бесконечно вели споры по вопросам компетенции власти в государстве, одним из примеров такого рода был спор о погребении Пилсудского в Вавельском кафедральном соборе.

Послесоборная римская церковь не только в Польше известна своими консервативными, а порой просто реакционными взглядами, о чем свидетельствовали очередные папские энциклики 1878, 1885 и 1891 гг., определившие отношение католической церкви к капиталистической собственности и рекомендующие тактику при разрешении жгучих общественных проблем, или, наконец, энциклика 1901 г., содержащая мысль о создании — для противовеса—христианско-демократических движений и партии. Проблемы эти не были чужды и политической жизни II Речи Посполитой, но война и гитлеровская оккупация ослабили их остроту, а то и вообще свели их на нет. Гитлеризм первые свои удары, наряду с ликвидацией польской интеллигенции, направил против польского духовенства.

Как вы правильно констатируете (с. 368), каждый шестой польский ксендз погиб от руки немецких фашистов. Эта сила костела выдержала период разделов и более чем столетней неволи, кристаллизовалась в межвоенный период и обнаружила дифференциацию после последней войны, как это свойственно любой организации. Именно в этом аспекте следовало бы рассматривать разногласия у ксендзов (с. 366).

Разногласия были зачастую классовыми. Часть духовенства осталась верной своим идеалам и вышеупомянутым энцикликам и несла пастырскую помощь в отряды пролондонской ориентации. Были пастыри и в польских воинских соединениях на территории СССР, были и иные... При этом известно, что среди польского духовенства не нашлось никого, кто пошел бы на открытое сотрудничество с властями третьего Рейха, что, к сожалению, часто случалось в других католических странах Европы.

Костел после 1945 г. в основном противился национализации и сельскохозяйственной реформе в Польше, как несогласующейся с христианской этикой; некоторые ксендзы даже вступили в отряды (в качестве капелланов, разумеется) вооруженного подполья, и в этом плане мы можем говорить об открытой борьбе. Народное государство с самого начала своего существования стояло на почве разделения функций костела и государства через секуляризацию общественной жизни и равенство религий. Национализированы были так называемые «выморочные поместья», костельные владения, введено светское супружеское право и единая светская регистрация актов гражданского состояния. Отменили обязательное посещение школьниками уроков религии, в судах вместо прежней религиозной присяги введена была также и светская, из анкет для прописки и паспортов исчезла обязательная до 1939 г. рубрика «вероисповедание». Все эти перемены наметила новая власть еще в 1944 г., а подтвердила их Конституция ПНР в 1952 г., чтобы гарантировать равенство всех граждан перед законом, независимо от их религиозных или мировоззренческих убеждений.

Разумеется, все эти перемены не были с энтузиазмом приняты руководством костела в Польше. Для подчеркивания своей независимости от государственной власти духовенство начало уже в 50-х годах организовывать различные сборища культового характера, но явно политической окраски. Первой такой значительной демонстрацией было, пожалуй, так называемое «люблинское чудо» 1950 г. На это действо, в самую горячую сельскохозяйственную пору, стягивались со всей Польши рабочие и крестьяне. Были и другие мероприятия такого рода, на что власти реагировали обычно нервно. История покажет, был ли арест и интернирование кардинала Стефана Вышиньского лучшим выходом из положения, или в итоге ему водрузили на голову корону мученика.

Автор. Сегодня костел необычайно активен в сфере польской духовной жизни. Церковники комментируют все явления национальной действительности в ходе перманентных монологов (проповедей) и других форм общения с паствой. Вот уж кто — постоянно в гуще масс. Ксендзы и есть настоящие социологи в западном понимании целей и методов этой общественной науки.

Рецензент. Вопросы семьи, морали затрагиваются в партийных документах крайне редко. В церковных посланиях — эти вопросы всегда главные. Прошли,

скажем, пасхальные праздники 1988 г. в костелах римско-католической церкви в Польше. 5 апреля молебен в Варшаве отслужил и выступил с проповедью примас кардинал Ю. Глемп. Он призвал верующих каждый день, особенно в семейной жизни, всегда помнить об обязанностях, которые возлагает на них Евангелие, подчеркнул значение повседневного труда, необходимого для создания лучших жизненных условий. Говоря о ежедневных трудностях и неудачах, Ю. Глемп отметил, что легче перенести тот или иной экономический кризис, чем кризис моральный, который проявляется в общественной жизни, особенно в семьях. Если не будут множиться усилия по укреплению моральных принципов, религиозному обновлению жизни семей, перспективы будущего польского общества могут приобрести еще более темные краски. Из семей верующих складывается как католическая церковь, так и все наше общество, сказал Ю. Глемп.

Автор. Мораль, вера — важнейшие категории политики. В особенности церковной.

Еженедельник «Пшеглэнд католицки» (26.03.1988) отмечал, что польское народное хозяйство очень неповоротливое и слабо реагирует на сигналы мировой экономики. Польша по количеству населения и территории занимает 7-е место в Европе, однако в экономическом отношении она находится на 26-м месте. В течение последних 15 лет ее позиции значительно ухудшились.

В статье «Кризис общественной морали» проводится далее мысль о том, что трудное экономическое положение порождает моральный кризис общества. Ее автор, А. Тымовский, указывает, что он провел на эту тему опрос представителей многих слоев населения и получил 140 ответов. 90% собеседников были с высшим образованием, 85% — мужчины, 75% — жители Варшавы. Каждый из собеседников утверждал, что в 70-е годы по сравнению с предвоенным периодом, а также 1945—1960 гг. общепринятые моральные принципы подверглись значительным изменениям. Особенно это относится к профессиональной этике, на которую влияют несоответствие спроса и предложения, плохая организация труда, беспорядки на производстве, которые открыли большие возможности для развития спекуляции. Почти половина опрошенных среди причин морального упадка указали на аморальность руководителей предприятий и организаций. Приоритет выдвижения на руководящий пост людей по политическим качествам порождает далеко идущие негативные последствия. Лица, мнимо считающие себя «строителями социализма», свои поступки прикрывают лозунгами. Отрицательно влияет на этику и мораль существование специальных магазинов, в которых руководящая элита может приобрести дефицитные товары, и нередко по сниженной цене.

16 ноября 1988 г. было распространено заявление секретариата епископата католической церкви в Польше, в котором затрагивались ключевые проблемы положения страны. Ниже следует его полный текст:

«Польские епископы многократно подчеркивали в своих публичных выступлениях, что предметом их особой заботы является социальная, экономическая и политическая обстановка в стране, которая накладывает отпечаток на условия жизни и труда всего общества. Епископы являются как пастырями церкви, так и сыновьями польского народа, поэтому они не могут быть равнодушными к благу Польши.

Наше государство, которое вновь обрело свою независимость 70 лет назад, после окончания второй мировой войны многократно потрясли общественные беспорядки. История нас однозначно учит тому, что правящий политический лагерь не в состоянии разрешить назревших проблем страны без широкого участия общества. От-

сюда вытекает необходимость глубинных социально-политических и экономических реформ. Они должны укладываться в границы морального порядка, который обеспечивает уважение прав личности, семьи и целых общественных групп.

В апреле, мае, августе и сентябре этого года по стране прошла волна забастовок, свидетельствующая о неудовлетворенности трудящихся как экономическим положением страны, так и способом управления государством. После августовских забастовок большие надежды вызвала инициатива широкой политической открытости, связанная с концепцией переговоров за «круглым столом». Меры, направленные на обеспечение внутреннего спокойствия, встретили поддержку широких слоев общества, а также церкви, доказательством чего служит сообщение о работе 230-й пленарной конференции епископата католической церкви в Польше, которая состоялась 5–6 октября 1988 г. Епископы выразили тогда убеждение, что права трудящихся, прежде всего рабочих и крестьян, на создание профсоюзов по их собственному выбору будут гарантированы. Далее указывалось, что соглашение по вопросам, касающимся ключевых ценностей, должно стать фундаментом коренной реформы государства, его структур и народного хозяйства.

Наметившаяся возможность быстро начать переговоры за «круглым столом» между представителями общественной стороны и государственных властей в последние недели наталкивается на трудности. Пропагандистская кампания против общественного плюрализма, в первую очередь против профсоюзного плюрализма, свидетелями которой мы были, не создала благоприятного климата для переговоров. Подобным образом следует оценить неисполнение соглашения по вопросу о прекращении репрессий в отношении участников забастовок этого года, прежде всего в Силезии, и восстановлении их на работе.

Церковь не вмешивается в чисто экономические вопросы. Однако эта область не может оставаться в стороне от моральных оценок. С этой точки зрения необходимо смотреть и на решение правительства о ликвидации Гданьской судовой верфи. Оно является политическим актом, не способствующим идее согласия. Необходимо здесь обратиться к конституции Второго Ватиканского собора, где говорится, что, учитывая задачи «владельцев, работодателей, директоров, рабочих и не нарушая необходимого единства в управлении целым, следует поддержать надлежащим образом продуманными способами действительное участие всех в заботе о предприятии. Так как часто не на самом предприятии, а в инстанциях высшего ранга решаются экономические и общественные проблемы, от которых зависит будущее рабочих и их детей, необходимо, чтобы уже на стадии решения этих вопросов они могли выражать свое мнение сами или через свободно избранных представителей». Решение правительства не предусматривало такого пути.

Судовая верфь является предприятием, на котором в течение многих лет боролись за то, чтобы рабочие, население имели реальное влияние на ход общественных дел, за солидарность в действии перед лицом нарастающего кризиса. Решение правительства служит примером того, как не признается активная роль рабочих, что привело также к ввержке переговоров за «круглым столом» и блокированию вырисовывающегося соглашения поляков перед лицом разных опасностей.

Церковь призывает государственные власти проводить экономические реформы одновременно с политическими, чтобы таким путем привлечь трудящихся к участию в их реализации.

70-я годовщина восстановления независимости должна послужить призывом к единству всех поляков. По этой причине необходимо продолжать переговоры и избегать действий, которые затрудняют диалог с обществом».

Рецензент. Такие заявления костела стали делаться достаточно часто — по всем возможным каналам средств массовой информации в ПНР и за границей.

Автор. Приведем текст еще одного такого документа, принятого в дни очередного всплеска забастовок.

Секретариат епископата Польши передал 26 августа 1988 г. агентству ПАП

текст воззвания, с которым польские епископы обратились из ченстоховского Ясногурского монастыря к духовенству, верующим и всем людям доброй воли в отчизне. В нем, в частности, говорится:

«Забастовки — это проявление болезни, которая усиливалась в течение лет. Основная причина нынешней общественно-политической ситуации лежит в нарушении прав человека и достоинства людского труда. Нарушение этих прав нацелено против всего народа и безопасности государства.

Следует покончить с запланированной и практикуемой ложью и строить жизнь народа на правде.

Следует покончить с запугиванием и насилием и лояльно признать разумный голос всех граждан страны.

Следует допустить компетентных людей к управлению государственными делами, а за каждым из честных граждан признать принадлежащее ему право на свободу.

Следует принять, что основой для разрешения любых общественных конфликтов является диалог.

Надо искать пути, ведущие к профсоюзному плюрализму и созданию обществ.

Обязанность правящих — обеспечивать всем справедливые условия жизни.

Мы все отдаем себе отчет в том, что правам соответствуют обязанности.

Существует обязанность быть порядочным в личной, семейной и общественной жизни.

Труд является обязанностью каждого человека. Говорит нам об этом отец святой:

— у нас необходимо «трудиться над трудом», говорил Иоанн Павел II в Щецине 11 июня 1987 г.;

— труд является обязанностью человека перед богом, людьми, семьей и народом (Катовице, 20 июня 1983 г.);

— государство должно «создавать предпосылки, чтобы каждый благодаря труду мог развивать себя, свою личность и свое призвание» (Гданьск, 12 июня 1987 г.);

— ждут нас общие усилия. Во имя бога просим пусть никто не уклоняется от них. Этих усилий никто за нас не предпримет. История нашего крещеного народа научила нас, что нет безвыходных ситуаций.

Подписанные восемь лет назад общественные соглашения, выработанные с таким трудом, еще остаются задачей, которую предстоит выполнить.

Мы все обязаны приложить усилия, в которых церковь по-прежнему будет выполнять свою миссию — во имя бога и под сенью Ясногурской королевы Польши.

Воззвание подписали кардиналы, архиепископы и епископы управляющие епархиями.

Церковь любит напоминать сегодня о своей поддержке многомиллионной «Солидарности».

В связи с очередной годовщиной введения военного положения в Польше «Пшегленд католицизм» (14.12. 1988) рассказывает о деятельности общественных комитетов по оказанию помощи лицам, лишенным свободы, и их семьям: «Пришло время вспомнить, какую большую работу они проделали, какое большое влияние имела их деятельность на польскую действительность. В ночь с 12 на 13 декабря 1981 г. тысячи людей были арестованы и остались семьи без мужей и отцов, без средств к существованию. И именно благодаря церкви созданные общественные комитеты возродили в людях надежду, пришли к ним на помощь в безнадежной ситуации. Следует вспомнить, что по инициативе комитетов было освобождено 30—50% интернированных. Родилась солидарность простых людей для простых людей, для тех, кто подвергался репрессиям».

Рецензент. Конструктивная оппозиция стремится способствовать авторитету костела Последний платит движению «Солидарность» той же монетой.

Автор. О том, как это происходит, писал однажды корреспондент ТАСС (209 1988) А Першин.

«В ночь на 1 сентября, по возвращении Л Валенсы после переговоров с министром внутренних дел Ч Кишаком, в Гданьске состоялось продолжавшееся несколько часов заседание межзаводского забастовочного комитета Принятая на нем резолюция о прекращении в 1400 стачки была оглашена у проходной номер 2 верфи им Ленина в 8 часов утра Зачитавший ее Алоизы Шаблевский сказал, что он голосовал на ночном заседании против этого решения и оказался в изоляции.

Выступивший затем председатель межзаводского забастовочного комитета Яцек Меркель не скрывал разочарования в связи с тем, что забастовку нужно закончить, хотя ее участники не достигли ни одной из намеченных целей Он подчеркнул, что в настоящее время стачки не получили более широкой поддержки общества Меркель высказан особые претензии предприятиям Варшавы, Вроцлава, Лодзи и Эльблонга, которые ограничились словесными декларациями и не оказали поддержки делом Он сказал они были за нас, но не имели мужества присоединиться к забастовке Участников стачек в Гданьске, Щецине и Катовице он назвал авангардом борьбы за «Солидарность», готовым на любые жертвы и осознающим свою роль в политической жизни страны.

Затем на митинге выступил Л Валенса Его выступление неоднократно прерывалось раздававшимися из толпы выкриками недовольства и обвинениями в измене интересам рабочего класса Валенса старался говорить, взвешивая каждое слово Он подчеркнул относительно малый размах забастовок, отсутствие их широкой поддержки со стороны общества Валенса сказал, что был вынужден во имя интересов страны и материального благополучия рабочих согласиться на переговоры с Ч Кишаком и пойти на далеко идущие компромиссы Мы можем бастовать без конца заявил он, но Польша — это не игрушка, а сейчас не время для экспериментов и игры на самую высокую ставку Передо мною был такой выбор либо положить власти на лопатки, либо они нас положат на лопатки, либо достигнуть соглашения за счет далеко идущих уступок Я выбрал этот третий вариант Далее Валенса говорил о гарантиях со стороны церкви для будущих решений, необходимости путем переговоров и компромиссов, а не забастовок добиваться легализации «Солидарности» Валенса упомянул также о том, что он устал от постоянной борьбы за профсоюзный плюрализм и не хочет продолжать в дальнейшем свою деятельность Он сказал, что якобы намерен уступить свои пост руководителю тому, кто согласится его занять.

Один из выступивших на митинге ораторов обрушился с нападками на Валенсу и лидеров «Солидарности», в частности, за то, что они передали выделенные им американским конгрессом средства на общественные цели Он вые тупил также против подчинения «Солидарности» церкви Валенса ответил репликой на это выступление Он заявил, что во имя интересов страны и сохранения лица «Солидарности» следовало передать эти деньги на общественные цели Он подчеркнул также, что именно церковь в лице своих высокопоставленных представителей в ходе беседы с Ч Кишаком и С Чосеком является гарантом выполнения принятых решений Нынешняя власть, продолжал Валенса, хотя мы се и не любим, может в очередной раз дать нам карты в руки Именно церковь, зная содержание переговоров, если нынешнее правительство будет лгать, может скомпрометировать его перед всем миром.

1 сентября в 14 30 с получасовым опозданием из ворот судоверфи им Ленина вышли рабочие, которые прекратили забастовку. Узнав о завершении стачки, к ним присоединились также рабочие, не участвовавшие в ней. Эта толпа составила несколько тысяч человек По пути к ним присоединились прохожие Всего от ворот верфи до костела Св Бригиды улицы города прошло более 10 тыс человек Они несли лозунги «Нет свободы без «Солидарности», а также кресты, иконы, портрет папы римского, карикатуры на политических деятелях Валенсы во главе шествия не было,

его заменил ксендз Г Янковский. По распространяющимся в Гданьске слухам, Валенса выехал в Силезию. Выход забастовщиков с верфи задержался на полчаса, поскольку они ждали прекращения стачки рабочих с других предприятий. Как здесь полагают, это знак того, что среди забастовщиков не было единства в вопросе о прекращении стачки, поскольку значительная часть молодых рабочих была намерена ее продолжать. Победил авторитет Валенсы и церкви, которая хочет быть гарантом переговоров за «круглым столом». Никаких инцидентов во время шествия по улицам города, которому милиция не препятствовала, не произошло. Затем в костеле состоялся молебен, который отслужил ксендз Янковский. Он всячески восхвалял «Солидарность», мужество и «революционный дух» забастовщиков. Завершение стачки он представил как некую бескровную победу, сравнил ее с «чудом на Висле». По его словам, в результате стачки удалось вплотную поставить на повестку дня перед властями вопрос о легализации «Солидарности». Ксендз поблагодарил рабочих за полное доверие, которое они питают, как он выразился, к своему вождю Валенсе. Он утверждал, что в Польше нет демо-кратии.

Сейчас все предприятия города, за исключением части Северного порта прекратили забастовку. В порту продолжают формальные переговоры о восстановлении на работе нескольких человек, уволенных за организацию забастовки. Ожидается, что эти переговоры закончатся успешно».

Рецензент. Мы уже косвенно затрагивали тему «Финансы и церковь». Польский костел имеет деньги, хранит в тайне действительные размеры своих капиталов и умело пользуется ими.

Автор. С 1982 г., к примеру, ведутся во многом безуспешные пока переговоры о создании в ПНР церковного «сельскохозяйственного фонда». Подоплека этого дела в том, что западные финансисты и политики во многих случаях охотнее готовы иметь дело в Польше с церковью, чем с правительством.

Американская газета «Кристен сайенс монитор» (16.10.1988) поместила под заголовком «Лишенные воды польские деревни получают воду из неожиданного источника» следующую статью Уильяма Эчиксона.

«Зурав, Польша. Тадеуш Гжегорчик, партийный чиновник, ведающий сельским хозяйством, натолкнулся прошлой зимой в местной газете на небольшую заметку.

«Церковь финансирует проекты водоснабжения» — гласил заголовок.

Гжегорчик облизнулся. Колодцы в Зураве высохли несколько лет назад и его деревне со 180 дворами только и оставалось уподобиться высохшей ракушке. Без воды крестьяне уже не могли выращивать домашний скот. Их дети, вынужденные отправляться за питьевой водой за 10 миль от дома и везти ее домой на лошади или нести в руках, уезжали в соседнюю Ченстохову.

В статье сообщалось о создании нового сельскохозяйственного фонда, руководимого польской католической церковью и финансируемого конгрессом Соединенных Штатов, для строительства водопровода в 34 деревнях. Гжегорчик не колебался. Он отправился к священнику Гадеушу Корголю.

«Ксендз несколько удивился, увидев меня, — признал Гжегорчик. — Но копая спросил его, можем ли мы обратиться с такой просьбой, он лишь сказал «Великолепно!».

До 15 декабря Зурав получит свой трубопровод и разрушит некоторые из давних запретов Коммунисты, капиталисты и священники в конце концов не являются естественными союзниками. Однако проект водоснабжения свидетельствует о том, что эти традиционные противники смогут работать вместе.

«Это беспрецедентный случай в истории коммунистической Польши да пожалуй, и во всем коммунистическом мире, — сказал председатель церковного сельскохозяйственного комитета в Варшаве д-р Витольд Тшечаковский — «Никогда прежде коммунисты не разрешали подобного независимого проекта».

Деятельность церковных активистов традиционно ограничивалась религиозными и благотворительными делами. Крестьяне, даже единоличники, могли получать кредит и все необходимое только у государства. Однако сейчас церковь предлагает альтернативные возможности.

«Ксендзы обычно были вынуждены ограничивать свою деятельность костяком, — сказал священник Корголь. — Фонт, позволяет нам больше участвовать в жизни деревень».

Западные капиталисты, ведущие дела с коммунистическими правительствами, рады сотрудничать с церковью.

«Это конкретный шаг к устранению коммунистической монополии на экономическую, — говорит Тшечаковский. — Вместо осуществления задач, поставленных коммунистическими правительствами, мы осуществляем задачи церкви и приносим пользу частной инициативе».

Правители Польши признали эту опасность. Когда церковь впервые предложила создать полноправный банк с капиталом 2 млрд долларов для крестьян единоличников, власти отклонили это предложение.

«Два миллиарда долларов — это огромные деньги, — сказал Тшечаковский. — Это сделало бы нас слишком сильными».

После пяти лет переговоров в прошлом году был достигнут компромисс. Церковь разрешат использовать 10 млн долларов, ассигнованных конгрессом США, для осуществления проектов водоснабжения и 5 млн долларов, выделенных «Общим рынком», для обучения крестьян. Некоторые критикуют эту сделку как слишком незначительную и слишком запоздалую.

«Церковь не получит банка, который мог бы сотрудничать с крестьянами на долгосрочной основе, — сказал католический журналист в Варшаве, пожелавший остаться неизвестным. — Церковь получит только одноразовую возможность использовать несколько миллионов долларов».

Представители церкви говорят, что нужно сделать значительно больше. Около 100 млн долларов нужны, чтобы обеспечить водой все польские деревни, такие, как Зурав, которые лишены этой элементарной возможности. Еще сотни миллионов необходимы на удобрения и модернизацию оборудования. Однако должностные лица утверждают, что, нарушая запреты, эта программа будет открывать возможности для новых типов финансируемых церковью проектов.

«Если мы сможем показать, что нынешний фонд делает хорошее дело и не подрывает систему, тогда все может стать возможным, — говорит Тшечаковский. — Конструктивное сотрудничество сначала означает небольшие шаги».

Политический портрет Иоанна Павла II

Рецензент. Поговорим о Ватикане чуть более подробно. На протяжении многих веков Ватикан был окружен ореолом огромного, даже показного богатства, подобающего одному из величайших институтов мира. Все — от резонирующего пространства под сводами собора Св Петра до бесценных сокровищ искусства — придает резиденции римского католицизма облик ни с чем не сравнимого величия. Во все более материалистическом мире он обладает нравственным авторитетом, который не только ощущают 840 млн верующих, многие из которых живут в индуистских, мусульманских и коммунистических странах, но который влияет также на некаатоликов.

Автор. Сейчас, после многих лет затишья, активность католицизма резко возросла и Иоанн Павел II через десять лет после избрания на папский престол мо-

жет опираться на различные круги единомышленников, своего рода армию, состоящую из различных подразделений.

«Опус деи» — «разведывательная служба» папы» — под таким заголовком миланский иллюстрированный еженедельный журнал «Еуропео» (21 10 1988) опубликовал статью, отрывок из которой при водится ниже.

«Призрак «Опус деи» просматривается за кулисами самых крупных скандалов нашего времени При франкизме эта организация долго и беспрепятственно существовала в Испании, где ее основал ровно 60 лет назад Хосе Мариа Эскрива де Балагер. А вот каким образом организация, созданная для других, в конце концов превратилась, как считают многие, в своего рода «разведывательную службу» его святейшества, это еще только предстоит объяснить Несомненно, образ босого кармелита часто уступал место призраку «Опус деи», кото рый появлялся, если уж привести пример из недавней жизни Италии, в связи с такими скандальными событиями, как масонская ложа «П-2», дело Кальви, убийство Пекорелли, убийство Моро.

Если вы постучите в двери штаб квартиры «Опус деи» в Риме, вам не откажут в информации Джузеппе Корильяно, своего рода пресс атташе, готов дать разъяснения. «У нас нет секретов. Мы действуем не в подполье. Мы — обычные христиане Наши цели^ Хорошо работать, быть добрыми отцами семейства Мы хотим дать понять христианам, что значит быть христианами Дать им духовное направление, сделать так, чтобы они осознали свое при звание».

Это, конечно, немало. Но, откровенно говоря, все ли это? А между тем до-статочно перелистать книгу Маурицио Ди Джакомо «Опус деи», и вам пока жется, что это какой то бесконечный детектив, что вы заблудились в джунглях компаний, наименований, имен, рассеянных по всему свету А как насчет слухов относительно влияния этой организации, ее огромных богатств? Как насчет обвинений в белом масонстве или в святой мафии? Как насчет подозрительного тяготения этой организации, которая заявляет о своей приверженности хри стианскому примитивизму, к командным постам и к специалистам? Не говоря уже о больших и малых проявлениях нетерпимости (священная война против романа Пастернака «Доктор Живаго»). И еще фанатически жестокий характер епитимий. Например, сидеть в автомашине с плотно закрытыми стеклами под августовским солнцем.

«Я повторяю, — говорит Корильяно, — мы помогаем христианам осознать свое назначение. Впрочем, у «Опус деи» нет средств массовой информации, она не занимается политикой, у нее нет доктрины».

Все это было так, но несколько лет назад дон Альваро дель Портильо, прелат «Опус деи» (то есть высший руководитель организации), сообщил, какими силами он располагает. Члены «Опус деи» работают в 479 университетах и высших учебных заведениях пяти континентов, в 604 газетах и журналах, в 52 радио и телевизионных станциях, в 38 информационных и рекламных агентствах, в 12 кинокомпаниях, занимающихся производством и демонстрацией кинофильмов. Итого 75 тыс «агентов» 80 разных национальностей, которые делятся на нумерариев (они не имеют права жениться и живут в домах организации) и супернумерариев (они живут в своих семьях) 75 тыс верующих, подчиняющихся непосредственно папе с 1982 г, то есть с тех пор, как, несмотря на возражения многих епископов, «Опус деи» стала личной прелатурой, не подпадавший под юрисдикцию местных прелатов».

Есть и крупная пропагандистская служба Ватиканское радио не дает рекламы, но получает доходы от продажи магнитофонных записей выступлений папы Через гигантские радиовышки, расположенные на склопах холмов за пределами Рима, Ватиканское радио перегает программы на коротковолновом и средневолновом диапазонах на 34 языках, передачи ведутся на Советский Союз, Польшу, США, Японию и более 150 других стран.

При папе-космополите Иоанне Павле II Ватиканское радио быстро растет. В 70-х годах передача на английском языке под названием «Ватиканская неделя» в основном ограничивалась тем, что переводила речь папы с итальянского на английский. В настоящее время эта программа включает интервью со знаменитыми гостями папы. Расширенная служба информации Ватиканского радио, которая с 1980 г. набрала 50 журналистов 20 национальностей, собирает со всего света информацию о религиозной жизни и отклики на речи папы. Расширение вещания в сочетании с большими затратами на новую передающую аппаратуру довели расходы на содержание станции с 8,5 млн долларов в 1980 г. предположительно до 17 млн долларов в 1987 г.

Примерно 800 тыс. долларов из этой суммы уходит на освещение трех-четырёх ежегодных поездок папы. Помимо этого освещения, поездки папы обходятся Святому престолу в мизерную сумму. В качестве примера можно указать на десятидневную поездку Иоанна Павла II в США в сентябре 1987 г. Ватикан оплатил авиабилеты первого класса приблизительно для двенадцати членов папской делегации, а американская церковь и американские налогоплательщики заплатили за все остальное. Епархии предоставили 20 млн долларов для таких целей, как аренда стадионов и оплата уборочных работ, а налогоплательщики дали почти 6 млн долларов главным образом на содержание секретной службы и полицейскую защиту. Из-за поездки папы у некоторых епархий остались большие неоплаченные счета. Епархия Монтеррея (штат Калифорния) израсходовала 600 тыс. долларов, чтобы оплатить счета, епархия продала все, что она купила для торжеств, включая доски от алтарной платформы, с которой папа служил мессу.

При желании Ватикан мог бы с легкостью разрешить свои финансовые проблемы, продав некоторые из своих произведений искусства, которых насчитывается более 18 тыс. Однако ватиканские должностные лица приходят в ужас при мысли о необходимости расстаться с какой-нибудь греческой урной, чтобы изыскать требуемые деньги, не говоря уже о «Пиете» Микеланджело или о фресках Рафаэля. «Они принадлежат человечеству», — говорит кардинал Каприо из ватиканского бюджетного управления. В описях ватиканские сокровища искусства на миллиарды долларов оценены в одну лиру.

Благодаря известному политическому соглашению с итальянским правительством ранее в этом столетии Ватикан имеет внушительные инвестиции. В XIX в. папы собирали большие налоговые поступления как монахи Папской области — района, охватывающего Рим и значительную часть Южной Италии. Но в 1870 г. итальянцы штурмовали Рим, Папскую область и превратили папу фактически в узника Ватикана. Примирение было достигнуто в 1929 г., когда диктатор Бенито Муссолини и папа Пий XI подписали Латеранские соглашения. Италия признала суверенитет Ватикана и в порядке компенсации за присоединение Папской области выплатила Ватикану 92 млн долларов.

Эта гигантская сумма пошла на строительство зданий и на покупку золота и ценных бумаг. Золотой запас Ватикана, приобретенный в 30-х годах по цене в среднем 35 долларов за унцию, сейчас, при цене 450 долларов за унцию, стоит 100 млн долларов. Ни один слиток из папского запаса, который хранится в подвалах Федерального резервного банка Нью-Йорка, никогда не продавался.

Если исходить из рыночной стоимости, самая большая ценность Святого престола — это недвижимость. Ему принадлежит более 30 зданий в Риме и других районах Италии, многие из которых расположены в красивейших местах. Но многие из этих зданий сдаются в аренду по очень низкой цене или используются в качестве жилья для священнослужителей. Эти здания в инвентарных списках оцениваются в 100 млн долларов, что составляет ничтожную долю их страховой стоимости. Сюда не включены десятки ватиканских посольств за границей, а также недвижимость, которая вообще не приносит дохода, например детская больница Бамбино Джезу в Риме и здание академии — огромное 17-этажное здание близ Пантеона, где обучаются ватиканские дипломаты».

Рецензент. Ресурсы римско-католической церкви неиссякаемы. Всякое обобщение в какой-то степени ложно, но ведь сегодня и школьнику известно, что всемирная римско-католическая церковь «весит» очень много как в смысле финансов, так и в сферах идеологии, политики, дипломатии, экономики, разведки...

Попавшие в прессу 80-х годов отголоски крупных финансовых афер, свершаемых под сенью и с ведома Ватикана, дают представление об огромных финансовых возможностях римской курии и подчиненных ей церковников на всех пяти континентах.

Все эти проблемы Вам, пан доктор, должны быть хорошо знакомы. У вас ведь вышла отдельная книга о перипетиях многолетнего судебного разбирательства обстоятельств покушения, совершенного в 1981 г. турком Агджой на папу Иоанна Павла II.

Автор. У моей 560-страничной книги очень длинное название — «Покушение. Политический детектив о происках западных разведок вокруг ими же сфабрикованного «дела» болгарина Сергея Антонова, которого итальянский суд обвинил в организации покушения на папу римского и затем оправдал за отсутствием улик» (Тбилиси, издательство «Ганатлеба», 1987, тираж 100 тыс. экз.). Различные, более короткие варианты этой темы были опубликованы в центральных московских издательствах — «Политиздат» («За кулисами одной диверсии. Кто направлял руку террориста на площади Святого Петра», 1985, 200 тыс. экз.) и «Молодая гвардия» («Белая книга» холодной войны». Сборник, 1985, 100 тыс. экз.), в журналах и в газетах.

Я и до сих пор не знаю, кто послал Агджу на площадь перед главным ватиканским собором. Твердо знаю одно — и в приговорах итальянских судов различных инстанций, и в ходе судебных расследований 1981 — 1987 г. улик против болгарских граждан, против Софии и Москвы обнаружено не было. Все болгары оправданы, многие турки осуждены за помощь убийце-террористу Агдже.

Но в течение всех восьми лет западная пресса в унисон твердила: «Дыма без огня не бывает», «Советы замешаны в покушении на папу», «Ксть косвенные улики против болгар» и т.д. Уроки нашей собственной горькой истории сталинизма-брежневизма приучили нас самих к тому, что, в принципе, любое преступление могло быть санкционировано Москвой. Во имя «высших интересов социализма» наши недавние руководители приносили в жертву миллионы ни в чем не повинных людей, так почему же им было не отдать команду на устранение папы-поляка, убежденного антикоммуниста, вдохновителя польской «Солидарности».

Будучи участником группы советских юристов и журналистов, созданной для оказания помощи болгарским друзьям в этом трудном судебном марафоне, я часто ездил за границу, знакомился с кубометрами копий римских судебных протоколов и стенограмм, публикаций западной печати и т.д.

Улик против болгарских граждан, ни одного факта их причастности к организации покушения на папу не существовало ни на одном этапе следствия и суда. Постоянно убеждаясь в этом, я и писал свои книги на данную тему, защищая честь Советского Союза и Болгарии. Попутно узнавал много нового для себя о Ватикане, об итальянской мафии, западных разведках, тамошних скандалах и прочих закулисных делах. В «Покушении» впервые на русском языке для массового читате-

ля была помещена политическая биография Иоанна Павла II с подробнейшим описанием его политической деятельности. Ведь долгие годы наша пресса относилась к Иоанну Павлу II примерно так же, как к А. Д. Сахарову, — хорошее замалчивали, плохое говорили редко, но с явным раздражением и озлобленностью.

Рецензент. Перестройка вроде бы отменила односторонний подход в освещении тех или иных событий.

Автор. Но и сегодня продукция наших книжных издательств и вся пресса освоили лишь азы того, что является нормой информационной политики в цивилизованном мире. Для советских людей откровением звучит многое из того, что для образованного западного человека никогда не было секретом — достаточно было зайти в книжный магазин или подойти к газетному киоску.

У нас до сих пор 99% книг, издающихся на Западе, может поступить в СССР централизованно (в библиотеки) в двух-трех экземплярах на всю страну. Больше половины западных книжных изданий вообще не попадает ни в одну советскую библиотеку. А союзные республики, по сравнению с Москвой, вообще не имеют практически ничего из текущей (свежей) общественно-политической «буржуазной» литературы. Только в столице СССР ценой значительных стараний некоторым удается быть в курсе событий — во всяком случае создавать для самих себя такую иллюзию.

А среди западных книг — большинство таких, с которыми было бы полезно ознакомиться. Скажем, книга американского политолога Е. Хансона «Католическая церковь в мировой политике» (Принстон, 1987). Естественно, что мое внимание в этой работе привлекают такие моменты, о которых я ничего не читал в советских научных, не говоря уже о массовых, изданиях о Ватикане. Интересна, конечно, и новая интерпретация всем знакомых явлений.

Поворотные моменты истории требуют от руководителей правительств и от главы католической церкви принятия ответственных решений, которые выдвигают на первый план личностные качества упомянутых деятелей. При этом Хансон ссылается на «кубинский ракетный кризис». По его словам, разрешению кризиса в значительной мере способствовало испрошенное советским руководством посредничество Ватикана, и не последнюю роль в данном случае сыграли личные симпатии и антипатии римского папы Иоанна XXIII, который не очень ладил с прагматически настроенным Дж. Кеннеди, зато прекрасно относился к Н. С. Хрущеву. Их близость, говорится в книге, объяснялась тем, что оба являлись выходцами из крестьянских семей, оба стремились сокрушить устоявшуюся бюрократическую машину и обновить соответствующие институты государственности и веры. О глубине симпатий, испытываемых друг к другу римским папой и главой Советского правительства, можно было судить хотя бы по тому, что, несмотря на неодобрение большей части административного аппарата Ватикана, вмешательство христианско-демократической партии и нажим со стороны американской администрации, 27 апреля 1963 г. Иоанн XXIII дал аудиенцию дочери и зятю Н. С. Хрущева.

В известном смысле, отмечает Хансон, возможно, до сих пор актуален меморандум, переданный советским премьером римскому папе через издателя американского журнала «Сатердей ревью», следующего содержания: 1) Россия хочет посредничества главы католической церкви и считает, что эту посредническую миссию не следует ограничивать только периодом обострения международной

обстановки. Служа делу мира, она должна носить постоянный характер; 2) Н. С. Хрушев подчеркивал необходимость открытого диалога и прямых контактов между СССР и Ватиканом и выделения для этих целей конкретных должностных лиц; 3) советский премьер признавал, что влияние церкви распространяется не только на верующих, но и на всех людей, утверждая в них извечные духовные ценности.

Небезынтересно было бы сравнивать Иоанна XXIII, говорится далее, с его теперешним наследником Иоанном Павлом II. Невнимательному наблюдателю могло показаться, что последний получил Святой престол лишь в результате недобора голосов среди тех, кто поддерживал двух других, итальянских, претендентов. Однако дело здесь, скорее, в личных достоинствах их более удачливого польского соперника. Бывший архиепископ Кракова, пишет Хансон, пользуется высоким авторитетом вследствие своей неординарности. Он обладает опытом в международных делах, посетил Северную Америку, Австралию, познакомился со многими странами Латинской Америки, а также с большей частью стран Европы. Свободно владеет семью языками. Является автором философских трактатов и поэтических произведений, изучает феноменологию, читает лекции в Гарвардском университете. Ему принадлежит книга «Личность и деяние» (1969). В то же время ничто мирское ему не чуждо: он занимается спортом, играет на гитаре, близок к театру. В наш промышленный век он, пожалуй, первый римский папа, которому пришлось поработать и в каменном карьере, и на химической фабрике. Словом, известие о его избрании на папский престол было воспринято с воодушевлением почти повсеместно.

Лишь одна черта характера, а точнее, мировоззрения Иоанна Павла II внушает, по Хансону, опасение советскому руководству — его антикоммунистический настрой. А. А. Громыко поспешил поэтому встретиться с вновь избранным римским папой. Однако эта встреча, по-видимому, оказалась безрезультатной, так как впервые за многие годы советское посольство в Риме не пригласило представителей Ватикана на празднование юбилея Октябрьской революции. А с основанием в Польше организации «Солидарность», считает Хансон, традиционно идущее еще от царизма отождествление понятий «поляк» и «католик» стало основополагающим в представлении о сущности Ватикана у советских руководителей.

В самом деле, продолжает Хансон, Иоанн Павел II ведет себя совершенно по-иному в зависимости от того, касается ли дело диалога между церковью и обществом, или речь идет о руководстве внутри самой религиозной организации. В первом случае он проявляет большой либерализм, во втором — крайнюю авторитарность. Столь противоречивая модель поведения как бы строится на историческом опыте польского народа, который не может обойтись без основанной на «традиционно единых культурных и семейных ценностях дисциплинированной церкви»: она требуется ему, чтобы противостоять России, символизирующей собой «машину иностранного государственного подчинения». Именно поэтому римский папа выступил в защиту свободных профсоюзов, за соблюдение политических и гражданских прав в ПНР, критикуя одновременно идею ведущей роли пролетариата в том виде, в каком она реализуется в СССР. В отличие от своих предшественников, отвергавших как манчестерский либерализм, так и атеисти-

ческий марксизм, Иоанн Павел II гораздо более обеспокоен культурным закатом западного мира, свои же надежды на возрождение культурного наследия он связывает со странами Восточной Европы. Его видение «Третьего Рима» отвечает идеалам христианского братства, философии нового гуманизма — греховного искупления Христова.

Третий путь, который избирает для себя католическая церковь, не всегда, однако, дает ей возможность выступать в излюбленной роли посредника, способного примирить враждующие стороны. Ибо уже на вопрос Понтия Пилата о том, где же находится его царствие, Христос отвечает, что оно «не в этом мире». А святой Павел, более того, добавляет, что, «коль скоро все правительства идут от господа, все христиане должны повиноваться своим властям». Такая позиция обрекает служителей церкви на непротивление злу или даже на прямую поддержку злодеяний, как это имело место в гитлеровской Германии, что, по мнению Хансона, изрядно дискредитировало христианскую идею всеобщей любви и милосердия.

Однако печальный опыт двух мировых войн, трагедия Хиросимы и Нагасаки и нависшая над миром опасность всеобщего уничтожения, пишет Хансон, изменили позицию католической церкви. Она стала активнее выступать за мир, за ограничение ядерных вооружений и строгий контроль на ними.

Уже само отсутствие осуждения со стороны Ватикана выдвинутой Рейганом «стратегической оборонной инициативы» расценивалось американской администрацией как дипломатическая победа. Действительно, отмечает Хансон, после того как переговоры между Вашингтоном и Москвой зашли в тупик и советская сторона была вынуждена их прервать, у американского президента появился аргумент в пользу выдвигаемого им проекта создания над территорией США некоего «космического щита». Однако эти «kozyри» исчезли с приходом к власти в СССР М. С. Горбачева. В 1985 г. в Париже советский руководитель устроил открытую пресс-конференцию и рассказал о своем плане освобождения планеты от ядерного оружия до 2000 г. Он также объявил о введении моратория на ядерные испытания и призвал присоединиться к нему Соединенные Штаты. Кроме того, М. С. Горбачев указал на опасность перенесения гонки вооружений в космос. К этому времени Иоанн Павел II, который, как и многие главы европейских стран, вначале не воспринял программу «звездных войн» всерьез, осознал всю опасность выдвинутых планов и высказал свое негативное отношение к ним.

Любопытно узнать, как те же сюжеты освещаются французскими исследователями М. Мерль и К. Монкло в книге «Католическая церковь и международные отношения после второй мировой войны» (Париж, 1988). Эта работа вышла в серии «Церковь и общество» под эгидой Центра исследований и социальных действий иезуитов. Марсель Мерль преподает государственное право в Университете Париж-I и в парижском Институте политических наук; Кристиана де Монкло — доктор права, специализируется на изучении проблем религии. Они настойчиво проводят мысль о том, что католическая церковь в течение двух тысяч лет играла особую роль. Рост ее влияния обусловил возникновение государства Ватикан, а число аккредитованных представителей иностранных государств постоянно увеличивается преимущественно за счет стран Латинской Америки и новых государств, возникших в Европе после первой мировой войны.

Католическая церковь, по мысли Мерль и Монкло, сейчас гибко реагирует на проблемы, волнующие мир, использует для их урегулирования самые разнообразные средства.

Современная церковь энергично борется за мир. Еще в средние века в соответствии с принципами, выдвинутыми святым Августином и Фомой Аквинским, папство восприняло концепцию справедливых войн. В условиях господства ядерного оружия церковь отказалась от поддержки концепции «справедливой войны», придя сначала к концепции «законной защиты и устрашения» (действительного или мнимого агрессора), а затем и к поддержке идеи запрещения атомного оружия (при Иоанне XXIII). Во время визита в Хиросиму в феврале 1981 г. Иоанн Павел II призвал «ненавидеть ядерную войну». Поэтому церковь выступает за разоружение, за предотвращение конфликтов, за развитие диалога между ядерными державами и одновременно за «примирение умов», то есть предотвращение «столкновения идеологий». С этим призывом связан и неожиданный поворот к объединению всех христианских, а затем и нехристианских церквей.

Мерль и Монкло придают большое значение посланию Иоанна Павла II от 26 октября 1988 г. президенту США и Председателю Президиума Верховного Совета СССР с просьбой не отказываться от переговоров в Женеве, прерванных в связи с размещением «Першингов» в Западной Европе. Авторы подчеркивают значение многочисленных визитов и выступлений в ООН и в различных странах Павла VI и Иоанна Павла II, а также участия представителей Ватикана в Конгрессе мира, проходившем в Москве в 1982 г., установления контактов с руководителями Русской православной церкви.

Враждебная линия, проводившаяся Ватиканом по отношению к СССР и другим социалистическим странам в первый послевоенный период, позднее смягчилась, говорится в книге. Так, Мерль и Монкло уверяют, что политика Иоанна XXIII в начале 60-х годов, направленная на предотвращение ядерной угрозы, была выгодна Москве, поскольку СССР отставал от США по уровню ядерного вооружения. В то же время в римской курии восприняли благожелательно такие жесты Москвы, как приветствие Н. С. Хрущева в связи с 80-летием Иоанна XXIII в 1961 г., разрешение представителям Русской православной церкви присутствовать на Втором Ватиканском соборе 1962 г., освобождение в 1963 г. Слипого, архиепископа действующей до сих пор нелегально украинской униатской церкви.

Важными направлениями деятельности католической церкви Мерль и Монкло считают борьбу «за справедливость», за «права человека». В связи с этим они отмечают изречение Павла VI, заявившего, что «мир — это проявление справедливости». Если до второй мировой войны, говорится в книге, православная церковь занималась сугубо внутренними проблемами, то в последующий период она активно занялась защитой «прав человека». Заявляется, что позиция Ватикана сыграла решающую роль в падении на Гаити режима Дювалье в феврале 1986 г., а также в победе во время выборов на Филиппинах в том же году сил оппозиции, руководимых Корасон Акино.

Стремясь доказать эффективность деятельности «папы Войтылы», Мерль и Монкло пишут, что самым непосредственным результатом его первого визита в Польшу было создание профсоюза «Солидарность».

Известно о поддержке Ватиканом Заключительного акта Хельсинкского совещания, в работе которого участвовал его представитель. Ватикан выступает за

равное использование богатств Мирового океана, за освоение космоса лишь в мирных целях, в интересах всего человечества.

Изменения, происходящие в различных странах, говорится в книге Мерль и Монкло, не могут не отразиться на политике Ватикана. Так, после второй мировой войны, когда начался процесс деколонизации, духовенство стало формироваться из числа местных жителей. Напуганная распространением коммунистических идей, католическая церковь была вынуждена принимать право колониальных народов на освобождение. Однако римская курия не сразу признала западные границы Польши (лишь в 1972 г. — после подписания договора между СССР и ФРГ), а также образование ГДР (после Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе). Более того, в целях улучшения отношений со странами, где получил распространение иудаизм, Ватикан высказался за признание международного статуса Иерусалима и «святых мест» и «снял с евреев обвинение в убийстве Иисуса Христа», признал право на существование за государством Израиль.

В духе времени, заключает Мерль и Монкло, католическая церковь стремится к созданию нового типа международных отношений. Ватикан от Пия XII до Иоанна Павла II неизменно поддерживал ООН. Поддерживает римская церковь и региональные организации — Европейское экономическое сообщество, Организацию африканского единства и другие. Церковь выступает за развитие диалогов типа Восток — Запад, Север — Юг.

Основная мысль книги сводится к тому, что католическая церковь всегда выполняла роль защитницы «единства рода человеческого».

Рецензент. А как протекают сегодня ватикано-советские отношения?

Итальянская печать широко комментировала состоявшуюся в апреле 1988 г. в Риме встречу заместителя генерального директора ТАСС А. А. Красикова с итальянскими и иностранными журналистами. Ниже следуют выдержки из статей, опубликованных после этой встречи, которая была посвящена проблемам перестройки в СССР и сотрудничеству верующих и неверующих в борьбе за мир и социальный прогресс.

Орган соцпартии газета «Аванти!» поместила статью, озаглавленную «Проблеск в отношениях между Кремлем и Ватиканом» с подзаголовком «Это подтвердил на пресс-конференции в Риме заместитель генерального директора ТАСС». В статье, в частности, говорится: «Отсутствие одной из заинтересованных сторон, а именно ректора Папского института восточных исследований монсеньора Джинно Пьевезаны, и соображения дипломатического характера (ими, возможно, и объясняется неучастие монсеньора) явно оказали свое влияние на встречу, состоявшуюся в Ассоциации иностранных журналистов. Красиков проявил сдержанность, отвечая на вопросы об униатах (то есть об украинских христианах, на которых несколько столетий притязают как католическая, так и православная церкви, действуя не всегда евангельскими методами, и о проблеме которых Иоанн Павел II говорил недавно в несколько новом ключе). Он заявил, что эта проблема должна быть обсуждена в религиозном плане, то есть Ватиканом и Московской патриархией. Зато более четко Красиков высказался по вопросу о поездке папы в Литву. Он изложил известную советскую позицию (напомнив, среди прочего, о том, что Ватикан вновь дал агреман «послу» досоветской Литвы).

Коснувшись общего состояния отношений между Ватиканом и Московской патриархией, а также между Святым престолом и Кремлем, Красиков подтвердил то, что сказал во вступительном слове Альчесте Сантини, упомянувший о многочисленных признаках как в первом, так и во втором случае несомненного ослабления напряженности. При этом он дал высокую оценку некоторым положениям последней энциклики папы».

Другая влиятельная газета, «Джорнале», напечатала статью Тул-лио Мели, который заявляет: «Отныне практически не проходит и дня без нового хода в сложной шахматной партии, разыгрываемой между Ватиканом и Советским Союзом. С точки зрения Рима «матч» между Войтылой и Горбачевым даже интереснее, чем состязание между Рейганом и руководителем СССР. Одним из таких ходов стала пресс-конференция заместителя генерального директора официального советского агентства ТАСС Анатолия Красикова, который в течение многих лет был корреспондентом ТАСС в Риме, освещал работу Второго Ватиканского собора и считается специалистом по религиозным и ватиканским проблемам».

На страницах левой газеты «Манифесте» со статьей о встрече в Риме выступил Филиппе Джентилони. «Совершенно очевидно, — пишет он, в частности, — две нерешенные проблемы препятствуют пока поездке папы Войтылы в СССР (которой он столь желает): это вопрос о Литве и вопрос об Украине. По обоим сложным проблемам папа высказался несколько дней назад в двух документах в гораздо более мягком и сдержанном тоне, чем в предыдущих своих выступлениях, хотя, по существу, не изменил своих позиций. Святой престол, как известно, до сих пор не признал официально католическую Литву одной из 15 республик СССР. Он все еще продолжает считать ее или независимой, или польской. Еще труднее решить украинскую проблему. Утверждают, что там насчитывается примерно 5 млн католиков (плюс миллиона два за границей), объединившихся с Римом (так называемые «униаты»), которых московская православная церковь считает не кем иным, как «предателями». Рим же не может от них отказаться. Таким образом, это настоящий тупик, который затрагивает скорее Московскую патриархию, чем советский режим, и преодолеть его в данный момент, по-видимому, невозможно. Во всяком случае, было заявлено, в том числе и на этот раз, что в отличие от прошлого об этом идет диалог. И это уже немало.

По поводу религиозной свободы в СССР как важной части гласности и перестройки Красиков высказался решительно и недвусмысленно. Он признал прошлые ошибки и проявления непоследовательности. Совершенно верно, что законы, принятые при Сталине (1929 и 1936 гг.) и при Брежневе (1977 г.), были менее демократичными, чем ленинский декрет об отделении церкви от государства. Но верно и то, что они были не так уж плохи. Все несчастье в том, что их десятилетиями нарушали. Верно, наконец, и то, что посягательства на свободу граждан и злоупотребления властью касались всех членов общества, а не только верующих.

В настоящее время религиозное законодательство пересматривается, а главное — меняются практические методы. Доказательство? Празднование 1000-летия крещения (святой) Руси, в котором примет участие вся страна, а не только

христиане. Подготовка к нему ведется в очень широких масштабах и в обстановке гласности: церемонии, публикации, причисление к лику святых (в том числе Андрея Рублева). Советское телевидение транслировало пасхальное боюслужение».

Орган финансово-экономических кругов газета «Вентикваттро оре» опубликовала статью Ламберто Фурно, который, в частности, пишет: «Напомнив о призыве папы Иоанна XXIII делать упор на том, что объединяет, а не на том, что разделяет, Красиков коснулся последней социальной энциклики папы Иоанна Павла II, сказав: «Я тщательно ознакомился с энцикликой. «Соллицитудо реи социалис» («Забота о социальной справедливости»). Это очень важный документ. В нем перечисляются области, где открываются новые возможности для сотрудничества между верующими и неверующими: мир, социальная справедливость, борьба против безработицы, улучшение положения третьего мира, экология, ликвидация блоков».

Автор. Благодаря судьбе и усилиям моей матери я выучился бегло читать по-французски, по-английски и по-итальянски. Привычка эта сохранилась у меня до сих пор, и думаю, что именно у итальянцев, как это ни покажется странным, очень сильные советологические службы. У них имеются толстые ежедневные газеты и политические еженедельные журналы, великолепная полиграфия, самое развитое в Европе телевидение; кинематограф и эстрада также бесподобны. А переводные издания Ватикана, в том числе и речи Иоанна Павла II, написаны таким великолепным литературным русским языком, который приводит в восхищение самых именитых московских стилистов. В Риме и в его ватиканском анклавке разбираются в русских делах зачастую лучше, чем в Вашингтоне, Лондоне, Париже и Бонне. Мы знаем, что своих гуманитариев церковники готовят куда серьезнее, чем это удается самым знаменитым светским университетам. Основной костяк своих кадров римско-католическая церковь учит по 20—30 лет (с перерывами).

В микроскопическом государстве Ватикан рабочего класса нет, и крестьянства тоже. Один лишь всемирный мозговой трест, который желал бы наладить тесные связи с Советским Союзом, наконец-то вступившим в эпоху перестройки. И это желание Ватикана, представьте себе, не всем нравится.

Римский еженедельник «Сабато» (6.05.1988) опубликовал статью Ренато Фарини, озаглавленную «Партия папы с Горбачевым». Автор не скрывает раздражения смягчением напряженности в отношениях между СССР и Ватиканом:

«Ход рассуждений предельно прост. Мы все желаем гуманного мира без голода и в условиях свободы. Если этого желает Горбачев, мы не можем не назвать себя горбачевцами — это историческое заявление было сделано на пресс-конференции в римской редакции еженедельника «Фамилья кристиана».

Комментарий Жозефа Вандрисса, авторитетного корреспондента парижской газеты «Фигаро», выступившего в конце пресс-конференции, был весьма резким: «Еженедельник «Фамилья кристиана» предоставил свою трибуну для проповеди евангелия Горбачева».

Несколько дней назад стало известно о том, что этот католический журнал открыл в Москве свой корпункт. Это первый случай в истории СССР. Легко догадаться, какого же рода информация будет поступать оттуда к 6 млн читателей журнала. Дон Скьянти, один из членов Конгрегации Св. Павла, поясняет: «Мы верим в диалог». Таким об-

разом, корпункт журнала в Москве «поможет не только устранить старые подозрения, но и активизировать диалог...».

Общество «Италия — СССР» со своей стороны пригласило в Италию заместителя генерального директора ТАСС Красикова. Папа дал аудиенцию этому журналисту. Одновременно Ватикан решил направить на встречи Красикова в Италии высокопоставленных религиозных деятелей.

Дипломатия папы пришла в движение. В своем последнем обращении к епископам Литвы глава церкви заявил на официальном латинском языке: «Ветры обновления, судя по всему, дуют в вашем обществе, порождая в сердцах миллионов мужчин и женщин большие надежды».

Папа уже получил официальное приглашение — направить в Москву на празднование 1000-летия крещения Руси делегацию Святого престола. Было принято решение направить «хорошую делегацию».

За этой готовностью к диалогу с Москвой стоит то, что было прямо сказано в энциклике «Солицитудо реи социалис». Церковь Христова, оценивая мир, констатирует «существование двух противостоящих друг другу блоков». Она считает их в равной степени антирелигиозными по своей сути. Религиозные чувства попираются и там, на Востоке, и здесь, на Западе.

Папа слушает сейчас рассказы о палестинцах, которых схватили в Иерусалиме и увезли в цепях на глаза у их родителей: такова западная цивилизация. А раз так, зачем устанавливать какой-то предел суждению, зачем придерживаться клише, согласно которому все всегда будет неизменным, а церковь будет выступать на стороне одного какого-то «блока»?

Наша перестройка принесла всему миру зримые благотворные перемены — такие мысли навеивает статья американской газеты «Бостон глоб» (11.05.1988), поместившей следующую статью С. Гилберта:

«Ватикан. Решение папы Иоанна Павла II направить в июне в Советский Союз для участия в праздновании 1000-летия Русской православной церкви высокопоставленную делегацию является признаком растущего сближения между Советским Союзом и католической церковью, считают представители Ватикана.

Святой престол рассматривает направленное в марте этого года приглашение патриарха Московского и всея Руси Пимена в качестве шага к примирению между двумя церквями.

Однако ввиду того, что делегацию будет возглавлять госсекретарь Ватикана кардинал Агостино Казаролли, самый высокопоставленный помощник папы, визит, очевидно, рассматривается и как возможность улучшить отношения с Советским Союзом, заявили представители церкви.

В прошлом году Иоанн Павел II сделал по крайней мере 12 публичных заявлений по Советскому Союзу, в основном отзываясь о нем положительно. Недавно он дал высокую оценку деятельности Горбачева в области разоружения и «ветрам обновления», характерным для его режима. Эти высказывания резко отличаются от документа 1984 г., составленного Конгрегацией по доктрине веры, в котором режимы Восточной Европы названы «позором нашего времени».

За последние недели атмосфера еще более улучшилась. Советские представители высоко оценили последнюю энциклику Иоанна Павла II по социальным вопросам и его пастьерское послание о Русской православной церкви.

Во время визита в Советский Союз кардинала Казаролли будут сопровождать кардинал Иоаханнес Виллебранде из Нидерландов, председатель секретариата по объединению христиан, и кардинал Роже Ечегарз из Франции, президент «Комиссии справедливости и мира». В число десяти прелатов, представляющих наиболее важные епископские конференции, входят единственный кардинал из Советского Союза — кардинал Юлиан Вайвод, архиепископ Рижский, и кардиналы Джон О'Коннор, архиепископ Нью-Йоркский, Карло Мария Мартини, архиепископ Миланский, и Франц Кениг, архиепископ Венский».

Символично, что папа римский оказался первым в 1988 г. иностранным деятелем, высказавшимся публично о 1000-летию крещения Руси.

1 января в соборе Св. Петра в Риме во время торжественной литургии в праздничный день, который католическая церковь посвящает прославлению Богородицы, Иоанн Павел II произнес следующие слова по поводу наступившего 1988 года:

«Этот год возобновляет в памяти Церкви одно из великих Божьих дел. Церковь будет о нем вспоминать и напоминать. Уже давно мы молим Матерь Божию о том, чтобы Она особенным образом была со всеми нами в этом году, когда мы — по прошествии тысячи лет — будем благодарить Пресвятую Троицу за Крещение, происшедшее на берегах Днепра в Киеве. Это Крещение открыло путь проникновению Света Христа ко множеству народов и наций Восточной Европы, впоследствии вплоть до Урала. То был долгий путь веры и создания христианской культуры.

Все эти народы узнают свое историческое начало в праздновании 1000-летия христианства на Руси, пришедшего изначально через княгиню Ольгу, первую русскую святую, и затем принятого и утвержденного среди народа Руси святым князем Владимиром.

Мы разделим радость празднования памяти об этом начале со всеми детьми русского, украинского и белорусского народов.

Сегодня, в день, посвященный Богородице, мы обращаемся к ней с молитвой: да хранит Она в Своем материнском сердце все проблемы этих народов, этих наших братьев и сестер».

Рецензент. Ни один крупнейший деятель капиталистического мира не может сравниться по авторитету и популярности с папой Иоанном Павлом II. Дело не столько в Святом престоле, сколько в личности папы Войтылы — его человеческое обаяние, незаурядные умственные и актерские способности, подготовка как богослова, философа и дипломата.

Автор. Краткие сведения о жизни и взглядах папы я решил не заимствовать из собственной книги «Покушение», а подготовить их новый вариант с любезной помощью кандидата исторических наук москвича Б. А. Филиппова.

Кароль Войтыла родился 18 мая 1920 г. в местечке Вадовице (близ Кракова) в семье железнодорожного чиновника. Его отец — бывший офицер австрийской, а затем польской армии, в 1928 г. вышел в отставку в чине «поручика. Это был глубоко верующий и нелюдимый человек. Именно он и был главным воспитателем Кароля. Мать К. Войтылы умерла в 1928 г., а старший брат Эдмунд, врач, погиб во время эпидемии. О школьных годах будущего папы известно лишь то, что с гимназических времен он проявлял большой интерес к польской филологии, поэзии, театру и спорту. С детских лет он связан с церковью.

В 1938 г., по окончании гимназии, Войтыла поступает на отделение полонистики философского факультета Ягеллонского университета в Кракове. Устанавливает тесные связи с католической средой, читает свои стихи в Католическом доме и играет в католическом театре-студии. Здесь же застает его война. 6 сентября 1939 г. немцы заняли Краков, превратив его в центр генерал-губернаторства. Одной из первых жертв оккупации стал университет. 16 ноября 1939 г. в концлагерь Заксенхаузен были вывезены 186 профессоров университета. Так в Кракове началась печально знаменитая акция, ставшая перед собой целью лишить польский народ интеллигенции и превратить его в рабов. В рамках этой акции были закрыты все высшие и средние учебные заведения. Из 13 тыс. польских католических священников было арестовано и отправлено в концлагеря 5 тыс., 2214 из них погибло.

Право на «аусвайс» и проживание в оккупированном Кракове давала лишь работа. С 26 октября оккупанты ввели обязательную трудовую повинность с 18 до 65 лет. Войтыла поступает на работу в химический концерн «Сольвей»: сначала в качестве чернорабочего в каменоломнях, а затем истопником в котельной бумагоделательной фабрики. В позднейших воспоминаниях Войтыла назвал этот период «лучшей школой жизни», отметив, что без помощи со стороны рабочих ему — интеллигенту было бы невозможно выжить. Этому периоду потом он посвятит свою поэму, опубликованную под псевдонимом. Важным событием в жизни Войтылы было участие в созданном в 1941 г. подпольном поэтическом театре, действовавшем в рамках подпольной католической группы «Уния», связанной с краковским архиепископом А. Сапегой. 100 репетиций и 22 выступления этого театра дали будущему папе необходимую для его последующей деятельности культуру слова.

В 1942 г., продолжая работу в концерне «Сольвей», Войтыла поступает в подпольную духовную семинарию на теологический факультет действовавшего также в подполье университета. Из нелегальной деятельности К. Войтылы заслуживает внимания его участие в спасении евреев. По мнению биографов Войтылы, этому решению предшествовала глубокая личная драма. По одной из версий, этим потрясением для него была смерть отца (1941 г.), по другой — гибель в Освенциме его невесты. Первоначально Войтыла пытался вступить в известный своим строгим уставом орден кармелитов. Этому воспрепятствовал архиепископ Сапега, обративший на Войтылу свое внимание.

16 января 1945 г. Краков был освобожден советскими войсками, которые предотвратили планировавшееся фашистами уничтожение города. Завершив в послевоенный год свое образование и приняв сан, Войтыла отправляется по распоряжению Сапеги на учебу в Рим. В 1946—1948 гг. Войтыла посещает три крупнейших католических учебных центра: доминиканский университет в Риме, католический университет во Фрибурге (Швейцария) и католический университет в Лувене (Бельгия).

Вернувшись в 1949 г. в Польшу, Войтыла становится викарным священником в одном из центральных краковских приходов, защищает диссертацию «Проблемы веры у св. Иоанна Крестового» (Хуана де ла Круса). По словам одного из биографов папы, Войтыла защитил эту диссертацию уже в Риме, но из-за недостатка денег не смог оплатить диплом. Поэтому пришлось повторно защищать диссертацию в Кракове. Одновременно он начинает свою преподавательскую деятельность в семинарии и на богословском факультете в университете.

До середины 60-х годов Войтыла политически пассивен. У него репутация человека, увлеченного своей научной и педагогической деятельностью, представителя умеренно-реформистского направления в епископате. В результате, не встречая сопротивления правительства ПНР, Войтыла в 42 года избирается генеральным викарием, а в 44 года — архиепископом Краковским. В 1967 г. в возрасте 47 лет он становится кардиналом.

Большую роль в карьере Войтылы сыграли его научные интересы и изданные книги. Две основные темы занимали будущего папу: католическая этика и место церкви в современном мире. Общим для этих двух сфер научных интере-

сов К. Войтылы является их социальный характер, актуальность и значимость не только для узкого круга католических богословов, но и для широких кругов духовенства. Во всех этих публикациях отражаются самые острые из социальных проблем, перед которыми стоит в своей повседневной деятельности церковь. Именно поэтому его первая книга «Любовь и ответственность», посвященная обоснованию позиции церкви в свете сексуальной морали, не только выдержала два польских издания (1960 и 1962 гг.), но и была переведена на несколько иностранных языков. Французское издание (1965 г.) вышло с предисловием крупнейшего католического богослова Г. де Любака, а итальянское (1969 г.) — кардинала Д. Коломбо. В полемической по отношению к фрейдизму и пуританизму книге Войтылы пытался защитить и обосновать традиционную позицию церкви в период начавшейся на Западе «сексуальной революции». Будучи первым современным богословским трудом, опирающимся на научные медицинские исследования, книга Войтылы принесла ему известность среди европейского епископата. В этой связи его называют одним из соавторов самой противоречивой из энциклик Павла VI «Тумана вита» («Человеческая жизнь», 1968 г.), подтверждавшей традиционную отрицательную позицию папства в сексуальной сфере.

Другим трудом Войтылы была книга «Личность и деятельность». Эта книга появилась в 1969 г. и может рассматриваться как полемика с европейскими марксистами, проводившими дискуссии о концепции личности, разработанной молодым Марксом. Признавая огромное значение труда в становлении личности (К. Маркс), Войтыла обосновывает и собственную точку зрения. На пути становления личности стоят тоталитаризм и индивидуализм, препятствующие интеграции личности и ее деятельности.

Что касается деятельности Войтылы как епископа и кардинала, то здесь можно выделить несколько направлений. Прежде всего он занят повышением интеллектуального и профессионального уровня духовенства и церковного актива из мирян. С этой целью в резиденции епископа регулярно проводятся всевозможные съезды, симпозиумы, семинары по различным богословским и социальным проблемам. Традиция семинаров по проблемам современной науки (прежде всего теоретической физики) будет продолжена и в Ватикане. Другим направлением стала борьба за активное участие мирян в жизни церкви, прежде всего в деле укрепления связи масс верующих с церковью.

Войтыла — активнейший проводник идеи о необходимости индивидуальной работы с верующими, создатель специализированных форм пастырской работы с различными группами польской интеллигенции: с учителями, юристами, врачами, творческими и научными работниками. Он покровитель клубов католической интеллигенции и их печатных изданий (например, еженедельник «Тыгодник повсехны», журналы «Вензь» и «Знак»). Именно в рамках этих клубов и редакций журналов происходит оформление оппозиционного блока из католической интеллигенции и исключенных из ПОРП и изгнанных из вузов в 1968 г. ревизионистов, из рядов которого выйдут позднее самые известные советники и идеологи «Солидарности»: католики Т. Мазовецкий и Б. Цивинь-ский, ревизионисты Я. Курень и А. Михник. Более того, в период возникновения «Солидарности» клубы католической интеллигенции предоставят в ее распоряжение свои поме-

шения и кадры и таким образом будут способствовать быстрому созданию местных структур этого движения.

В период кризиса 1970 г. Войтыла был инициатором жестких требований, направленных епископатом в адрес польского правительства. С момента возникновения в ПНР активной политической оппозиции (1976 г.) он оказывает ей материальную помощь, предоставляя помещения пяти краковских церквей для занятий «летучего университета». («Летучие университеты» возникли в Польше как форма сопротивления русификаторской политике царского правительства после закрытия Николаем I университетов в Варшаве и Вильно. В этой форме оппозиционной деятельности в ПНР приняли участие сотни научных сотрудников Польской академии наук и вузовских преподавателей, многие католические журналисты.).

Рецензент. Наибольшую политическую известность принесла Войтыле его борьба за строительство костела в индустриальном центре ПНР, краковском городе-спутнике Нова-Гута. Острый конфликт с местными партийными и государственными органами способствовал созданию мифа о преследовании кардинала — борца с коммунизмом.

Автор. Другой важной сферой активности Войтылы, способствовавшей его последующей карьере, стали международные контакты. Войтыла посетил США (1969, 1976 гг.), ФРГ (1966, 1978 гг.), Австралию (1973 г.). Среди его новых знакомых после визита в США — З. Бжезинский. Войтыла часто останавливается в Вене у кардинала Книга. Именно через Кёнига шла финансовая помощь от «Опус деи», взявшей на себя (с 1974 г.) популяризацию взглядов и личности кардинала Войтылы. Она же оплачивала и зарубежные поездки кардинала. Есть все основания полагать, что без международной активности Войтылы ни о каком избрании на папский престол не могло быть и речи. Как показали выборы на конклаве, Войтыла стал «своим человеком» и для многих кардиналов из Африки и Латинской Америки. По словам архиепископа Дакара, которого с Войтылой связывала девятилетняя дружба, будущий папа «наладил активное сотрудничество с африканскими епископами. Он готовил польских миссионеров для стран «третьего мира».

К. Войтыла участвует в составлении и согласовании с епископами ФРГ текста Послания польских епископов немецким епископам (1966 г.). В нем содержался призыв к взаимному покаянию и прощению. Этот призыв польских епископов был отрицательно воспринят правительством и общественным мнением в ПНР и не принес ожидаемого ответа со стороны епископата ФРГ. Призыв польских епископов поддержали евангелическая церковь ФРГ и руководство СДПГ. С начала 70-х годов контролируемые Войтылой журналы начинают длительную пропагандистскую кампанию в защиту необходимости польско-немецкого (ФРГ) сближения.

Для завершения портрета кардинала Войтылы следует кое-что сказать и о его личных качествах и интересах. При этом речь идет не столько о его коммуникативности в общении с другими людьми, способности быть «душой общества», петь под гитару, ходить в байдарочные и лыжные походы или о его необыкновенной работоспособности. В поведении и деятельности Войтылы четко прослеживаются две линии. Мы как бы имеем перед собой двух Войтыл, один из которых

поэт и мистик, а другой — умудренный опытом дипломат и политический деятель. Эти две стороны личности Войтылы в наибольшей степени проявятся после его избрания на папский престол.

Поэтический склад и интерес к мистике у молодого Войтылы под влиянием быстрой церковной карьеры и, наконец, избрания на папский престол способствовали укреплению в сознании идеи о его избранности и особой апостольской миссии, отразились на формах и методах осуществления политики Ватикана. Укреплению в сознании Войтылы этого ощущения способствовал положительный исход тяжелейшей операции после покушения на него в мае 1981 г. Если сравнивать церковную карьеру Войтылы с карьерами его предшественников и современников, то следует признать, что она была неординарной. Он был самым молодым кардиналом как среди пап, так и при возведении его в это достоинство (47 лет). Другие папы достигали кардинальства лишь в возрасте 53—72 лет. Почти по всем показателям за два столетия Войтылу опережал лишь Пий IX, ставший в 54 года папой. Остальные папы достигали престола в возрасте от 60 до 77 лет.

После своего избрания Войтыла отказался от трона и специальных носилок. Для него сооружена высокая (в 1 м) подвижная платформа и джип для объезда площади перед собором Св. Петра в Риме во время массовых аудиенций. Он, как ни один из его предшественников, умеет использовать средства массовой информации для рекламы своей деятельности и своих поездок: охотно дает интервью сопровождающим его журналистам, умеет владеть аудиторией.

Догматичный и консервативный во всем, что касается традиционной католической доктрины, Иоанн Павел II необычайно (для папы) современен и даже революционен в выборе форм и методов реализации своей политики. О том, как далеко может зайти он в своем стремлении к цели, лучше всего свидетельствует такой факт. В период ожесточенных политических дискуссий в ПНР о причине смерти краковского епископа Станислава (убит в 1079 г.) папа распорядился о проведении судебно-медицинской экспертизы над черепом этого главного святого церкви в Польше. Экспертиза высказалась в пользу версии об убийстве, а не казни епископа. По одной версии, которую защищает официальная польская историография, епископ Станислав был казнен за государственную измену. По другой, которую защищает католическая историография, он был убит королем Болеславом Храбрым прямо в церкви за выступления в защиту граждан.

В качестве другого примера можно привести методы подготовки встречи Иоанна Павла II с молодежью на парижском стадионе «Парк-де-прэнс» 1 июня 1980 г. Этой встрече предшествовала большая подготовительная работа. В Париже среди молодежи была распространена анкета, при помощи которой выявились интересующие ее наиболее злободневные проблемы. Два мешка с анкетами были отосланы в Ватикан. Одновременно с этим организаторы встречи направили папе перечень вопросов, на которые молодежь хотела получить от него ответы («третий мир», опасность войны, роль женщин, роль мирян в церкви, проблема соединения церквей). Ряд вопросов касался лично папы, его веры. Был также вопрос, связанный с критикой традиционной позиции церкви в сексуальной сфере: «Не боится ли св. Отец того, что молодые во все большей степени будут отворачиваться от церкви?».

На встрече с молодежью папа ответил на все поставленные вопросы. Интерес папы к молодежи объясняется тем, что, по его мнению, только в этом возрасте догматы церкви воспринимаются на эмоциональном, а не на рациональном уровне, закладываются самые прочные основы связи человека с церковью.

Что касается содержательной стороны многочисленных и очень эмоциональных по форме выступлений (проповедей) Иоанна Павла II, то следует сказать следующее. Четко и ясно папа выражает свою позицию по догматическим и внутрицерковным проблемам. Не менее ясна и его отрицательная позиция по отношению к марксизму и коммунистическому движению. Что же касается острейших социальных проблем современности, проблем войны и мира, задолженности развивающихся стран, безработицы, экологических проблем, то здесь папа предельно осторожен и зачастую старается не выходить за рамки общей проповеди социальных и моральных принципов христианства. При этом следует отметить, что данные ключевые проблемы в понимании папы, как все остальные его теологические и политические концепции, взаимосвязаны и рассматриваются в качестве идеологического обоснования или составных частей его глобальной политической программы евангелизации мира.

Рецензент. Цель этой программы предельно проста: создать в мире единую церковь с единым пастырем (папой) во главе. Характеризуя эту программу, польский религиовед-марксист Е. Годлевский писал: «Католическая церковь старается евангелизовать... не только индивидуумов или общественные группы, но и социальные институты, социальные и государственные структуры. Идеология, лежащая в основе социально-политической доктрины церкви, должна служить победе католического религиозного мировоззрения, этой последней цели церковной миссии».

Автор. Энциклика «Редemptor hominis» («Искупитель человека») — первая энциклика Иоанна Павла II (март 1979 г.) стала программным документом папства до конца нашего тысячелетия. Источник кризиса современной цивилизации видится папе прежде всего в неверной концепции человека, понимании сущности человеческого бытия в отрыве от бога (атеизме), в том, что социальные революции во имя освобождения человека обрекли его на еще большее рабство. Тем самым папа сводит конфронтацию католицизма (и шире христианства) с современными материалистическими учениями, прежде всего с марксизмом, не к спору религиозной веры с неверием (атеизмом), а к принципиальному противопоставлению концепций и пониманий проблемы человека, смысла его существования.

Обращаясь к современному человеку, папа заявляет: «Разве ничего не говорят человеку XX века слова апостола язычников о твари, «обреченной на суету»? Разве невиданный ранее прогресс, особенно в нашем столетии, в области овладения человеком природой не свидетельствует о многообразной «обреченности на суету»? Достаточно назвать такие явления, как угроза окружающей среде в местах слитной индустриализации, возникающие время от времени вооруженные конфликты, перспектива самоуничтожения в результате применения атомного, водородного и нейтронного оружия, равно как неуважение к жизни еще не родившихся. Разве мир новой эпохи, мир космических исследований,

невиданных достижений науки и техники не является вместе с тем миром, который «стенает и мучится», так как по-прежнему «с надеждой ожидает откровения сыновей Божиих»?

«Удерживая человека в им же порожденных противоречиях, поглощая в ускоренном темпе материальные и энергетические ресурсы, разрушая естественную геофизическую среду, — развивает свою мысль папа, — эти структуры способствуют тем самым увеличению нужды, бедствий и отчаяния...

Мы стоим перед такой трагедией, когда никто не вправе оставаться равнодушным. Субъектом, который, с одной стороны, хочет получить максимум пользы, а с другой — расплачивается за это обидами и унижениями, всегда является человек. Факт существования наряду с униженными привилегированных групп обостряет ситуацию. Инфляция и безработица — вот еще дополнительные факторы проявления того морального беспорядка, который характеризует современный мир и который требует смелых и творческих решений, отвечающих истинному достоинству человека».

Сегодня ни одна церковь, ни один социально-политический институт, как и никакая религиозная идеология или философская система, не могут рассчитывать на укрепление своих социально-политических и идеологических позиций, если они не обладают концепцией выхода из существующего кризиса. В этих условиях естественно соединение папской концепции церкви — защитника достоинства человека — с программой восстановления морального равновесия в человеческом обществе как программой выхода человечества из существующего кризиса.

Папская концепция человека в условиях современной цивилизации содержит три требования: примат этики над техникой, чтобы человек не превратился в производственный аппарат; примат личности над вещью, чтобы человек выпутался наконец из бессмысленности потребительства; примат духа над материей.

В развитии человеческой личности, по мнению папы, огромную роль играет понятие «первородного греха». Сознание греховности у каждого человека должно вести к принятию мысли о необходимости исправления и покаяния, стремления стать лучше. Оно открывает перспективу развития для каждого конкретного человека и всего общества. Исключение этого понятия из человеческого сознания «ведет к огромной опасности для самой человеческой природы», для самих основ смысла человеческого существования. Понятие греха, по мысли папы, неразрывно связано с понятием человеческого достоинства. Отказ от осознания человеческой греховности, утверждает папа, ведет к признанию человеческим подсознанием неизбежности зла и даже «закономерности зла».

В своем послании «Реконцилияцио эт пенитенция» («Примирение и покаяние») от 2 декабря 1984 г. и энциклике «Доминум эт вивификантем» («Господу и животворящему») от 18 мая 1986 г. папа определяет грех как непослушание богу, его законом и моральным нормам, которые он дал человеку.

Рецензент. Стоит напомнить, что папские энциклики получают свое название по начальным словам этих посланий Ватикана католикам всего мира.

Автор. Второе значение греха у Иоанна Павла II — это «неверие», понимаемое как «отказ принять спасение, которое Бог предоставляет человеку».

Этот содеянный человеком грех, утверждает папа, обладает двумя измерениями. Это не только личный грех конкретного человека, но и социальный грех, последствия которого будут сказываться на положении человечества. Ибо последствия греха сказываются не только на грешащем человеке, но и на его отношениях с миром. Папа указывает, что грех — это прежде всего акт конкретной личности, за который человечество не может нести ответственности, но последствия его могут касаться (в рамках общечеловеческой солидарности) всех людей. Это рассуждение и является основой понятия «социальный грех».

Развивая эту мысль, папа приходит к выводу, что любой совершенный грех «распространяется на церковь и в некотором смысле на весь мир». Любой грех становится социальным. Социальный грех — это все те действия индивидуума, которые направлены против ближнего, справедливости, прав человеческой личности, начиная от права на жизнь, физической неприкосновенности, свободы другого, достоинства и чести ближнего, против общего блага: «Социальным может быть грех, содеянный делом или небрежением со стороны политических, экономических, профсоюзных лидеров, которые, обладая властью, не стремятся к улучшению или изменениям в обществе в соответствии с потребностями и возможностями этого этапа истории». Как социальный грех папа определяет, в частности, небрежение и халатность трудящихся на своем рабочем месте в осуществлении добрых и общепользных дел.

Социальный грех охватывает отношения и между различными человеческими общностями: социальными группами, классами, народами, блоками, социально-политическими устройствами. Злом (грехом) в этой системе отношений являются: открытая вражда, борьба, взаимное противоборство. В данном случае от греха, выражающегося в нарушении десяти заповедей, папа переходит к греху, проявляющемуся в форме социальной борьбы. Папа против противопоставления личного греха социальному, ибо за каждой социальной греховной ситуацией всегда стоит грех, совершенный конкретной человеческой личностью. Признание своего греха и ответственности за его последствия — покаяние — ведет к примирению и соединению человечества. «Покайтесь и да креститесь», — повторяет вслед за апостолом Павлом Иоанн Павел II на страницах «Доминум эт вивификантем». Это, в понимании папы, единственный способ спасения человечества.

Следующим понятием, которому папа придает решающее значение в деле воспитания и развития человеческой личности, является понятие «свобода». Свобода в изображении папы является «тем, что каждый из нас осознает в себе вместе с ответственностью». «Свобода проявляется в человеке как способность к выбору, как способность осуществить... выбор между добром и злом». «Быть свободным — это значит желать и иметь возможность выбрать то, что следует выбрать, и действительно выбирать то, что следует выбрать». Открыто полемизируя с концепцией свободы буржуазного потребительского общества, папа замечает в беседе с французским католическим писателем А. Фроссаром (автором книги «Не бойтесь! Беседы с Иоанном Павлом II». Париж, 1982), что, может быть, в потребительском обществе все разрешается человеку именно потому, что «отрицается сам фундамент подлинной свободы человека». Гарантом существования и

развития основанных на материалистических принципах обществ является атеизм, в то время как «Бог является гарантом человеческой свободы». (Высказывания Иоанна Павла II, приведенные в этом абзаце, взяты из упомянутой книги А. Фроссара.).

И в капиталистической, и в коллективистской системах, утверждает папа, человек рассматривается как существо, лишенное перспектив развития. Миф о всемогуществе человека над миром привел к тому, что при помощи одностороннего (то есть не сопровождающегося духовным развитием) техницистского развития человек превратился в придаток этой мира. Идеология, провозглашающая «смерть Бога», является идеологией «смерти человека».

С момента вступления на папский престол Иоанн Павел II пытается превратить лозунг «защиты прав человека» в кристаллизующий пункт своей политической и идеологической деятельности. В «правах человека» он увидел тот «символ времени», искать и использовать который в интересах церкви призывал папа Иоанн XXIII.

Иоанн Павел II не остановился на созданном его предшественниками. Права человека у него превращаются в критерий для оценки социальных систем, социальных течений и конкретных программ деятельности. Иоанн Павел II впервые в истории папства призвал рассматривать права человека в качестве нормы естественного права (в католической терминологии — социальный принцип), как социально-этическую норму.

Но папа не останавливается на этом. Вся проблема прав человека поднимается им для того, чтобы во главу всех человеческих прав поставить свободу религии. Именно она, по утверждению Иоанна Павла II, является фундаментом, на основе которого базируются все человеческие права.

Провозгласив тезис о том, что «защита прав человека — обязанность церкви» (выступление перед дипкорпусом 16 января 1982 г.), Иоанн Павел II не ограничился одними декларациями и протестами по поводу тех или иных нарушений прав человека в мире. В рамках этой глобальной задачи папа ставит перед поместными церквами задачу пропаганды среди населения этих прав. Возрождение человека, утверждает в этой связи Иоанн Павел II, должно начинаться с осознания им своих прав. И в этом ему должна помочь церковь.

С момента своего возникновения на Западе концепция прав человека была использована капиталистическими странами в их борьбе против социализма. В этом же русле находится и соответствующая деятельность папы и Ватикана.

Но не политический и антисоветский аспект понимания прав человека составляет суть папской концепции человека. Ею является борьба с марксистской концепцией человека, сводимой к атеизму.

Сегодня уже можно говорить о нескольких направлениях, по которым Иоанн Павел II ведет борьбу против атеизма.

Во-первых, речь идет о пропаганде концепции человеческой личности-борца. Ее цель — противодействовать идее о принижении человека в религии, идее, являющейся, по словам папы, «огромным» и «трагическим» недоразумением. По всей вероятности, папа имеет в виду Марксову критику социальных принципов христианства, превозносящих «трусость, презрение к самому себе, самоуниже-

ние, смирение, покорность — словом все качества черни» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 4. С. 204—205).

Во-вторых, предпринята попытка этической дискредитации научного атеизма. Разумеется, в рамках этого подхода к атеизму не может быть и речи о признании за ним (или каким-либо его направлением) гуманистического характера. Суть папских рассуждений сводима к тезису о том, что «человек может построить мир без бога, но этот мир в конце концов обратится против человека». Лишь восстановление подлинной природы человека может привести к восстановлению нарушенного со времен Просвещения равновесия в духовной жизни человека и в обществе в целом. Замена в иерархии ценностей бога и человека привела, по мысли папы, к утере реализма, к утере земной перспективы, а в конечном счете — к всеобъемлющему кризису человечества.

В-третьих, речь идет о попытках политической дискредитации атеизма как основы для массовых партий, в которых «не учитывается личностный характер человека»...

В-четвертых, предусматривается создание единого фронта всех религий против атеизма.

Идея экуменизма как единого фронта против атеизма и материализма, возникшая еще в понтификат Павла VI, у Иоанна Павла II приобрела дополнительный смысл. Вера в бога рассматривается им как консолидирующее средство для объединения всех антикоммунистических сил, например для защиты западной демократии.

Что же касается диалога верующих и неверующих, то, формально не выступая против него, папа акцентирует прежде всего наличие принципиальных отличий в подходе к миру у верующих и неверующих и призывает католиков к открытой демонстрации своих мировоззренческих и идеологических позиций. Из документов Собора папа прежде всего берет осуждение «систематического атеизма» (марксизма), с которым церковь «никогда не смирится». В силу этих причин папа — принципиальный противник диалога на «уровне систем», ибо этому диалогу препятствует принципиальное различие в понимании природы человека. Диалог возможен и желателен лишь на человеческом уровне, между отдельными людьми. Папа не отвергает сотрудничества верующих и неверующих. Но и в этом случае он требует от церкви и верующих публичной демонстрации своих принципиально отличающихся от неверующих позиций. В практической (политической) сфере деятельности папства и церкви место диалога занимает программа евангелизации, с которой отныне неразрывно связана проблема атеизма, который рассматривается как главное препятствие на пути реализации этой программы. Папа призвал всех европейских католиков к борьбе с атеизмом.

Рецензент. Принципиальное столкновение христианской и марксистской концепции места и роли человека на земле не исчерпывает сегодня платформы конфронтации католицизма с марксизмом. Иоанн Павел II расширил ее за счет включения в область конфронтации проблемы труда, рассматриваемой не только на теоретическом (противостояние двух концепций труда), но и на практическом уровне анализа места и роли труда в современном, в том числе и социалистическом, обществе.

Автор. Иоанн Павел II пришел в Ватикан с репутацией «знатока марксизма», которую он в первые годы понтификата старательно поддерживал. Так, он про-

чел «лекцию» французскому католическому писателю Фроссару о проблеме отчуждения в марксизме, а в беседе с журналистами не раз сообщал, что начинает день с чтения коммунистической прессы.

С момента избрания Иоанна Павла II на страницах католической прессы увеличилось число публикаций о марксизме, хотя отношение к нему со стороны папства принципиально не изменилось. По-прежнему в оценке марксизма на первый план выдвигается его отношение к религии, то есть его атеизм. Новым был подход к марксизму, а также к ревизионизму и еврокоммунизму. Ватикан продемонстрировал свой интерес к Р. Гароди, М. Маховцу и Л. Колаковскому. Последний был даже принят папой в феврале 1979 г.

Рецензент. Подход Иоанна Павла II к марксизму принципиально отличается от подхода к нему его предшественников на папском престоле. Нынешний папа относится к тому поколению польских католических интеллектуалов, чье формирование проходило под явным влиянием марксизма. Это подтвердил на страницах крайне консервативного польского католического журнала «Знак» (#263, 1976 г.) один из ближайших интеллектуальных друзей К. Войтылы — Ю. Тишнер, играющий в современной Польше роль ведущего католического идеолога. Статья была опубликована в период, когда Войтыла выступал как «патрон» этого журнала.

«Встреча с марксистской философией человека, — писал Ю. Тишнер, — составляет для христианского мыслителя интеллектуальное удовольствие, в которое его втягивает сама окружающая действительность, при условии, что он в состоянии услышать ее призывы... В нашей культуре марксистская мысль появилась как теоретическое выражение родившейся из боли и несчастий недостаточной уверенной в себе надежды, что изменение бесчеловечных условий жизни человека возможно и даже реально. Марксистская философия — это действительно философия надежды угнетенных. Она несет глубокую веру в то, что первым условием обнаружения человеком своего этоса является радикальное изменение социальной системы его труда... Предпринимая в столь широком масштабе проблему надежды трудящегося человека, марксистская философия стала первой в истории всесторонней философией труда».

Конечно, приведенную цитату нельзя отнести к самому Войтыле. Тем не менее следы глубокого интереса к марксизму в изобилии находили читатели папских посланий и энциклик первых лет понтификата.

На этом этапе (то есть по 1983 г.) Иоанн Павел II представляет по отношению к марксизму ту тенденцию в католической мысли, которая стремилась интегрировать марксизм в себя, взять от марксизма все, что приемлемо с точки зрения христианской веры. В таком подходе к враждебной католицизму теории нет ничего принципиально нового. Со времен Фомы Аквинского в церкви существует традиция заимствования у идеологических противников.

Автор. В рамках этой традиции находится и социальная энциклика Иоанна Павла II «Лаборем экзерценс» («Трудом своим», 1981). Идеологический и политический смысл этого документа заключается в стремлении, взяв на вооружение марксистский метод комплексного анализа действительности и марксистское учение о труде, подвергнуть критике и поставить под сомнение исторический опыт мира социализма. При этом речь идет не об антикоммунистической энцик-

лике типа документов папства времен Пия XI и Пия XII (1923—1939 гг., 1939—1958 гг.), противопоставлявших социализму капитализм. Иоанн Павел II пытается осуществить критику социализма как одну из форм государственного капитализма. При этом на страницах энциклики нет и намека на научную дискуссию с марксизмом. Папа пытается доказать несостоятельность марксизма при помощи критики конкретных явлений из опыта социалистического строительства в ПНР, трактуемого как опыт всей социалистической системы в целом.

В основе папского подхода к марксизму лежит тезис о нем как о реакции на бесчеловечную капиталистическую эксплуатацию XIX в. Тем самым марксизм превращается в локальное явление, теряет характер научной идеологии рабочего класса. Минимализируется и значение классовой борьбы. Все это относится папой к прошлому, к пережитому. Тем самым папа пытается доказать «узость» марксистского классового подхода к решению такой глобальной проблемы, как создание условий для осуществления социальной справедливости во всем мире.

Одновременно Иоанн Павел II ставит знак равенства между «философией капитализма» — либерализмом — и марксизмом как производными от вульгарного материализма XIX в. И один и другой, в определении папы, — «негуманные и угрожающие подлинному порядку моральных и духовных ценностей философские системы». Необходимость борьбы с подобными идеями и идеологиями объясняется папой тем, что в соответствии с ними происходит искажение и смещение подлинного, то есть христианского, порядка ценностей и создается социально-экономическая система «капитализм», производной от которой становится «коллективизм», то есть социализм.

Рецензент. Выбор папой темы для конфронтации с марксизмом не случаен. Столь важная для понимания марксизма проблема роли труда в становлении и развитии человека и места труда в развитии общества сегодня относится к наиболее злободневным проблемам европейской цивилизации, то есть и для капиталистических, и для социалистических стран. Пессимистически оценивая перспективы развития экономики высокоразвитых капиталистических стран, известный польский социолог Я. Щепаньский, чье влияние на текст энциклики очень заметно, писал в статье «Возможности 80-х годов»: «Проблемой становится падение мотивации труда — постоянное стремление рабочей силы в развитых странах к ограничению интенсивности и продолжительности труда, избегание «грязной» работы, использование «гастарбайтеров» для этих работ, а следовательно, нестабильность рабочей силы...» (Культура. Париж, 1980, № 1—2). Характеризуя ситуацию в социалистических странах, Щепаньский писал далее, что «после ликвидации экономического принуждения и стремления к прибыли как основного фактора, вынуждающего людей к эффективному труду при капитализме, социалистическая экономика не нашла еще результативных способов побуждения работников к интенсивному и производительному труду».

Автор. Проблема труда как платформа для критики марксизма и социализма рассматривается папой через призму проблем собственности, обобществления и самоуправления. В полемике с марксизмом папа пытается выступать в роли защитника интересов рабочего класса. Суть этого нового для папства подхода к «рабочему вопросу» заключается в том, что, по мнению папы, сегодня и в условиях капитализма, и в условиях социализма обществом управляют при помощи ме-

тодов, сформировавшихся в конце XIX — начале XX в, не учитывая происшедших принципиальных изменений в обществе и рабочем классе. Прежде всего речь идет о необходимости учесть растущее самосознание рабочего класса и его стремление к подлинной демократизации. Эта идея является связующим звеном в рассматриваемых папой проблемах собственности, обобществления и самоуправления. Именно на этой платформе папа хочет сформулировать свою социальную альтернативу марксизму и осуществить «перехват этической инициативы у марксизма» как учения об исторической миссии рабочего класса.

Отношение к собственности традиционно рассматривается в марксистской литературе как пробный камень для определения классовой сущности любого социального института, партии, идеологической программы Поэтому постановка этой проблемы папой не случайна. В энциклике «Лабorem экзерценс» Иоанн Павел II не может себе позволить прямой и традиционной защиты частной собственности, даже в формах, используемых, например, Иоанном XXIII и Павлом VI, критика капитализма осуществляется папой на основе противопоставления принципа неограниченной частной собственности, на которой эта система выросла, принципу совладения средствами труда, то есть участие трудящихся в управлении и получении ими части доходов предприятия. В свою очередь, критика опыта социализма осуществляется Иоанном Павлом II на основе противопоставления огосударствления собственности ее «подлинному» обобществлению.

В первом случае папа прямо демонстрирует свое одобрение социал-реформистской модели капитализма, разрабатываемой, в частности, западногерманской социал-демократией.

Во втором — папа говорит о разнице между принципом общественной собственности на средства производства и фактической возможностью ею распоряжаться. Этот тезис широко обсуждался в польской марксистской литературе с середины 70-х годов.

Выступая перед рабочими в Бразилии (10 июня 1980 г.), папа заявил «При проведении назревших серьезных реформ коллективизация средств производства не может быть единственной целью, тем более если этим хотят добиться концентрации всех рычагов в руках государства, становящегося в таком случае единственной по-настоящему капиталистической силой. Целью реформ должно стать обеспечение доступа к собственности всем, ибо это в определенном смысле является неременным условием человеческой свободы и самоутверждения, позволяет человеку разорвать пути анонимности и отчуждения».

В энциклике «Трудом своим» папа размышляет о сочетании традиционно защищаемого церковью права на частную собственность с заботой об общем благе и о правах трудящейся человеческой личности Расшифровывая это общее положение, Иоанн Павел II указывает на необходимость обеспечить каждому трудящемуся человеку такие условия труда, которые бы не только гарантировали ему получение «надлежащей оплаты за труд», но и создавали «ощущение» того, что человек этот одновременно работает со всеми другими людьми на общее благо и в то же время на «личное». Подобные условия для человека должны быть созданы и в условиях частного владения средствами производства, и в обществе с «целевым обобществлением», то есть в социалистическом. Адресуясь к социа-

листическому обществу, папа пишет: «Необходимо делать все, чтобы человек смог при такой системе сохранять сознание работающего «на себя». В противном случае во всем экономическом процессе неизбежно возникнут неисчислимы убытки, которые затрагивают не только экономику, но прежде всего человека».

В этой папской модели «подлинного обобществления» существенным является то, что она рассматривается Иоанном Павлом II как перспективная цель для человеческого общества. Эта цель может быть достигнута лишь мирным путем при условии развития подлинного рабочего самоуправления и развития производственной демократии. При этом как путь реализации указанных перспективных целей папа называет создание и развитие «промежуточных организмов, которые бы пользовались автономией по отношению к публичной власти».

Эти организмы должны обеспечивать реализацию принципа партнерства «трудящихся и власти» и функционировать на основе самоуправления. Конкретно данный процесс должен протекать в зависимости от специфических условий каждого общества, а не на основе какой-то абстрактной модели. Принцип партнерства рассматривается Иоанном Павлом II как единственный путь к преодолению «системы зависимого труда», то есть системы наемного труда. Инструментом преодоления этой системы, по мысли папы, являются профсоюзы. Основными формами партнерства папа считает участие трудящихся в управлении, в распределении прибылей, получаемых предприятиями, и в создании собственности на самом предприятии. Именно здесь видится ему путь к установлению «трудовой демократии». В то же время развитие производственной демократии и самоуправления, рассматриваемое папой как веление времени, предполагает высокий уровень самосознания рабочего класса, высокую степень социальной ответственности. Рабочая демократия, в учении Иоанна Павла II, следовательно, выступает не только как форма социального устройства, но и как социальная задача, которой необходимо учиться.

Рецензент. Читать папскую энциклику «Лабorem экзерценс» действительно очень интересно и поучительно, так как напоминает многое из того, что реализуется сегодня на наших глазах в ПНР и в СССР под влиянием перестройки и нового мышления.

В отличие от своих предшественников Иоанна XXIII и Павла VI, обличавших «язвы капитализма», нынешний папа не концентрирует своего внимания на критике капитализма. Иоанн Павел II ограничивается констатацией, что «либеральный», то есть капиталистический, социально-экономический строй не обеспечил прав трудящихся. Цель этого строя, подчеркивает папа, заключается в достижении увеличения капитала, в нем человек рассматривается как средство производства, а это не может быть одобрено церковью. Более того, папа оправдывает как естественную, а следовательно, и законную классовую борьбу трудящихся против эксплуатации, порожденной этой системой.

Подлинное отношение папы к капитализму и социализму проявляется не в критике капитализма, а в тех методах, которые он применяет в той же энциклике «Лабorem экзерценс» для смягчения высказанной им критики капитализма и создания базы для последующей уничтожающей критики социализма. Так, Иоанн Павел II призывает различать раннюю стадию капитализма с ее бесчело-

вечной эксплуатацией и погоней за прибылью и неокapитализм, якобы стремящийся к созданию условий, при которых «трудящиеся могут участвовать (и это участие эффективно) в управлении и контроле над производством на предприятиях». Такая дифференциация разных стадий капитализма необходима папе для того, чтобы поставить на одну ступень с ранним капитализмом различные системы, «основанные на идеологии или власти...», которые «не меняют вопиющей несправедливости и порождают новые ее формы».

Автор. Иоанн Павел II — антикоммунист. Но сама эта констатация мало что дает для понимания направлений, форм и методов борьбы современного католицизма и папства с коммунизмом. Представления папы о коммунизме сформировались в Польше. В их основе лежит его «польский опыт». О содержании представлений польского епископата о социализме можно судить хотя бы по тому факту, что за 40 лет существования ПНР в его документах даже в описательной форме не употребляется слово «социализм». Кардинал Вышинский пользовался в мировом епископате репутацией специалиста по коммунизму. Он дважды выступал перед епископами с соответствующими докладами (в 1965 и 1974 гг.). Нет оснований считать, что взгляды Вышинского и Войтылы на социализм принципиально отличаются. Оба кардинала видели в социалистической системе форму государственного капитализма. Но отождествляя социализм и капитализм в сфере экономических отношений, польские кардиналы указывали на существование между ними принципиальных различий в пользу неокapитализма. Сферой, в которой неокapитализм, по их мнению, превосходит социализм, является сфера политической жизни. Буржуазная демократия противопоставляется ими диктатуре и тоталитаризму как характерным чертам социалистической политической системы. Что касается социалистической идеологии, то она, в представлении папы, просто сводима к «государственному атеизму».

Но «польский опыт» Иоанна Павла II заключается не только в выработанном католическими идеологами представлении о капитализме и социализме. Ядром этого опыта является та конфронтация, которую на протяжении всего послевоенного периода вела католическая церковь с социализмом на польской земле. Широко стали известны в начале 60-х годов слова кардинала Вышинского: «Судьба коммунизма будет решена в Польше. Когда вся Польша станет истинно христианской, она превратится в такую моральную силу, что коммунизм рухнет сам по себе. Судьба коммунизма решается не в России, а в Польше благодаря ее католической церкви. Польша покажет всему миру, как нужно бороться за коммунизм, и весь мир будет ей за это благодарен».

Польский епископат рассматривал борьбу с коммунизмом как свой исторический долг перед всей мировой церковью. В свою очередь Вышинский и Войтыла считали, что этот опыт должен использоваться церковью во всех тех странах, которые находятся в аналогичных условиях, или в противном случае им грозит победа социалистической революции. Об этом написал Войтыла в юбилейном сборнике (Люблин, 1971), посвященном 25-летию епископского служения кардинала Вышинского: «Кардинал С. Вышинский является в современной мировой церкви выражением, наконец, символом той исторической пробы, когда церковь проверяет свои силы... Значительность этой пробы для всемирной церкви заключается в том, что церковь не только в Центральной Европе, но так-

же и в иных частях мира стоит перед фактом или по крайней мере перед вероятностью возможных изменений, аналогичных тем, которые произошли в Польше». Значение этой исторической пробы, конфронтации католицизма с коммунизмом в Польше, заключается в выработке системы «мирного» противостояния церкви социализму. Ядром этой пробы стала концепция «перехвата этической инициативы» у марксизма-ленинизма.

При этом Иоанн Павел II склонен отождествлять ситуацию в большинстве социалистических стран с положением в Латинской Америке. С этой мыслью папа пришел в Ватикан, и пока нет свидетельств того, что он отказался от подобного отождествления, основанного на убеждении в неэффективности организации экономики, в отсутствии активной поддержки власти со стороны общества и в неизбежности социальных конфликтов. Так, комментируя рассказ известного колумбийского писателя Г. Гарсиа Маркеса об ужасах жизни в условиях диктаторских режимов в странах Латинской Америки, папа сказал, что аналогичная ситуация сложилась и в социалистических странах. Папские представления о тождественности проблем «второго» и «третьего» миров постепенно внедряются в практику идеологической деятельности клерикальных католических кругов. Примером может служить конференция в университете города Торонто (осень 1985 г.), полностью посвященная анализу общего и особенного в положении церкви в европейских социалистических и латиноамериканских странах. В план исследований католического советологического центра в Болонье была включена в 1984 г. тема сравнительных исследований положения в Латинской Америке и Восточной Европе.

Интерес к Латинской Америке объясняется и другими причинами. Развитие событий в Латинской Америке поставило католическую церковь на грань новой Реформации и раскола. Речь идет о сложнейшем процессе, охватившем сегодня практически всю католическую церковь этого континента. Его главные действующие силы — это находящиеся под воздействием радикальной теологии освобождения базовые общины, превращающиеся в серьезную политическую силу. Папству небезразлична их политическая и идеологическая ориентация. Тот факт, что идеологи этого движения не скрывают своего интереса к марксизму, говорит об их сомнительном отношении к прежней папской тактике. Кроме того, в условиях кризиса церкви-института эти базовые общины вступили на путь превращения в новую, независимую от папства церковь.

Попытки преодолеть все эти негативные тенденции понуждают Ватикан вновь и вновь подвергать критике марксизм. В 1986 г. Иоанн Павел II обратился к церкви с энцикликой «Доминум эт виви-фикантем» («Господу и животворящему»), в которой он в резкой форме осудил марксистский атеизм как самый страшный грех, как «хулу на Св. Духа». При этом «неверие», олицетворяемое марксизмом, характеризуется папой как принципиальная борьба с богом и как интеллектуальная основа, несущая угрозу существованию человечества, как «цивилизация смерти». В папской характеристике «материализм во всех его толкованиях означает восприятие смерти как окончательного предела человеческого существования», а человеческая жизнь тем самым превращается в «существование для смерти». Квалифицируя научный атеизм как самый страшный и непростительный грех, папа тем самым подтверждает неприемле-

мость для католицизма всего марксистского учения как целого, так и его составных частей.

Рецензент. Изданием энциклики «Доминум эт вивификантем» папа лишь подтвердил возвращение папства, Ватикана на традиционный путь идеологического клерикального антикоммунизма.

Но политические ярлыки уже не в моде. Попытаемся и мы определить точки совпадения интересов римско-католической церкви и народов стран социализма. Ответ напрашивается сразу — война и мир в политической доктрине Иоанна Павла II. Анализу миротворческой деятельности польского папы вы отвели в книге «Покушение» десятки страниц. Так что продолжайте.

Автор. Отношение католической церкви к проблемам войны и мира прошло долгий путь: от почти абсолютного пацифизма первых христиан к концепции блаженного Августина о «справедливых» и «несправедливых» войнах, тотальной сакрализации войн и насилия в средние века (создание «теологии войн») и, наконец, к осуждению любых войн папой Иоанном XXIII (1958—1963 гг.).

Наследники Иоанна XXIII пошли иным путем. Его эмоционально-этический подход противоречил политическим традициям папства и конкретным политическим задачам Ватикана. Павел VI (1963—1978 гг.) рассматривал борьбу за мир прежде всего как средство для выхода из политической изоляции, в которой папство оказалось в результате проамериканского курса папы Пия XII. Ватикан Павла VI — активный участник всех международных совещаний и форумов, посвященных борьбе за мир. Но и этот политико-прагматический подход вскоре изжил себя. Кризис процесса разрядки и усиление международной напряженности придали проблеме борьбы за мир всеобщий характер. В центре внимания стоит уже не проблема европейской безопасности, но борьба за сохранение жизни на земле.

Определяя позицию папства и католической церкви по столь злободневной и животрепещущей проблеме, Иоанн Павел II оказался перед необходимостью увязать в единое целое евангельское «непротивление злу насилием» с концепцией ядерного устрашения, апокалиптическое видение перспективы развития человечества, традиционного для христианства, с очень земными надеждами на мир у этого человечества и все это со стратегическими целями и задачами папства.

Проблеме борьбы за мир посвящены две первые энциклики папы: «Редemptor хоминис» («Искупитель человека», 1979 г.) и «Дивес ин мизерикордиа» («Богатый в милосердии», 1980 г.), ежегодные послания на Всемирный день мира (1 января) и традиционные выступления перед дипломатическим корпусом.

Своеобразным компендиумом страхов стала первая папская энциклика «Редemptor хоминис». Два параграфа энциклики «Чего боится современный человек» и «Прогресс или угроза» полностью посвящены описанию этих страхов: «...нынешнему человеку постоянно угрожает то, что является делом его же рук, что является результатом деятельности его ума, устремлений его воли. Плоды этой многообразной деятельности человека не только спонтанно отчуждаются» (в том смысле, что не только отбираются у непосредственного производителя), но и косвенно направляются против человека. В этом и состоит трагедия современного человеческого существования в его широком понимании. Человек все чаще существует в страхе. Он живет в страхе, что результаты его деятельности —

не все, но некоторые — могут быть радикально обращены против него. Они могут выступить в роли средства невообразимого самоуничтожения, в сравнении с которым померкнут все известные катаклизмы и катастрофы».

Такое видение перспектив развития мира и человечества близко по своей природе мировосприятию Иоанна Павла II, мистика и поэта. Но — и в этом проявляется особенность нынешнего понтификата — у Иоанна Павла II апокалиптическое восприятие мира уживается с холодным политическим расчетом. Папа-политик вынужден учитывать приземленность человеческих чаяний. В силу этих причин он понимает, что даже в условиях тяжелейшего кризиса к человечеству нельзя выйти с прямолинейной проповедью конца света как ближайшей перспективы. Миллионные толпы, встречающие папу во время его многочисленных поездок по всему миру, ожидают от папы не предсказаний о конце света, а слова надежды о земной перспективе на сегодняшний и завтрашний день.

Существует еще один аспект проблемы страха, заставляющий папу уравновешивать в своих проповедях апокалиптическое видение будущего с надеждой на возможность исключения войны из жизни общества. Страх неприемлем для церкви потому, что, с одной стороны, на правительственном уровне он ведет к гонке вооружений, а, с другой стороны, на уровне сознания широких народных масс он ведет к пацифизму. Пацифизм стал серьезнейшей проблемой для церкви и папы, который видит в нем прежде всего порожденный страхом отказ от борьбы за подлинный мир, против подлинных источников войн.

Обеспокоенным массам папа говорит: «Не бойтесь!» — и предлагает свою концепцию борьбы за мир. Призыв «Не бойтесь! Отворите двери Христу» появился как своеобразный пароль понтификата. С этими словами Иоанн Павел II обратился к толпам верующих на торжествах открытия понтификата, вступая на Святой престол в 1978 г.

Принципиальное изменение характера войн с изобретением и испытанием ядерного оружия, возникновение риска термоядерной катастрофы поставили под сомнение тезис о существовании «справедливых войн». И Иоанн Павел II, как перед ним Иоанн XXIII, высказался за принципиальное исключение войн, всех войн, из жизни человеческого общества. В своем выступлении в Хиросиме (25 февраля 1981 г.), не случайно произнесенном на немецком языке, папа заявил: «Здесь и теперь мы торжественно заявляем — никогда больше не допустить и не исказить войны как средства для разрешения споров... Никогда не должно быть войн».

Если отвлечься от многочисленных эмоциональных определений мира у Иоанна Павла II, то содержанием мира будет «христианская цивилизация любви» как «рациональный и моральный порядок, опирающийся на бога».

В основе этой концепции мира как «цивилизации любви» лежит принцип любви к ближнему, социальной справедливости и свободы, понимаемый как комплекс политических и социально-экономических прав человека. Таким образом, папская концепция мира ориентирует не на борьбу против войны, а на борьбу за новый социальный порядок, исключающий войны. Этот мир противопоставляется папой войне и «иллюзорному» равновесию на основе страха. Поэтому в борьбе за мир, к которой активно призывает Иоанн Павел II, это не только борьба против ядерного оружия или гонки вооружений, но много шире. Она против «многих опасностей», грозящих уничтожению мира. Тем самым Иоанн Па-

вел II отходит от традиционной и закрепленной в документах Второго Ватиканского собора (1962—1965 гг.) понимания войны как ведения военных действий и рассматривает войну в ее широчайшей трактовке, как все то, что угрожает человеческой жизни в самом широком смысле этого слова.

В этой созданной папой системе войной является любое насилие над человеком: от нарушения прав человека (война, которую правительство ведет со своими гражданами) до аборт, понимаемых как убийство неродившихся детей. Такой же формой войны против человека, в трактовке папы, являются религиозная нетерпимость и расовая ненависть, терроризм и социальная несправедливость.

Корни всех современных кризисов, социальных конфликтов и социальной несправедливости, являющихся, в свою очередь, источником войн, папа призывает видеть в производных от материализма атеистических «идеологиях, которые господствовали и продолжают господствовать в нашем столетии, находя воплощение в политических, экономических и социальных системах... Эти идеологии, — продолжает их характеристику папа, — отмечены тоталитарным подходом, при котором не принимаются во внимание и прямо подавляются достоинство и трансцендентные ценности человеческой личности и ее права... Некоторые из этих идеологий превратились на деле в своего рода секуляристскую лжерелигию, которая претендует на избавление человечества, но без каких-либо доказательств в поддержку своей истинности».

Чтобы не было никаких сомнений относительно адресата папской критики, он добавляет, что речь идет об идеологиях, которые «в борьбе видят движущую силу истории, а в силе — источник права, в поисках врага — политическую азбуку».

Формой борьбы за мир в папской концепции является диалог. Иоанн Павел II призывает молодежь бороться за мир не столько при помощи мирных демонстраций, сколько с установления мира в себе, в отношениях в семье, в отношениях с близкими людьми. Следующими этапами этого диалога в борьбе за мир будет установление хороших отношений в рамках деревни, города, региона, страны, а затем и всего мира. Этому диалогу «обновленных сердец» должна способствовать сознательная политика правительств всех стран мира. В ее основе должен лежать принцип свободного обмена людьми и информацией. Этот диалог должен идти снизу, охватывая многомиллионные массы людей из всех стран мира.

В рамках этого христианского обновления, по мысли папы, должны возникнуть (там, где их нет) демократические структуры, обеспечивающие социальный мир. Только после достижения социального мира внутри каждой из стран можно перейти к диалогу на международном уровне. Этот терпеливый и лояльный диалог должен охватывать проблемы прав человека, социальной справедливости в отношениях между народами, он должен охватить проблемы экономики и разрушения. В основе этого диалога лежит то, что объединяет, а не разделяет людей. Он должен привести к сознанию мировой правовой системы и институтов, способных поддержать авторитет демократических правительств, привести к созданию нового общественного порядка.

Рецензент. Истоки, нынешнее состояние и перспективы развития польского кризиса становятся понятнее после знакомства с тем, что говорил и творил польский папа. Иоанну Павлу II за 12 лет понтификата действительно было что сказать как своим соотечественникам, так и другим народам.

Мне постоянно приходит на ум сравнение, может быть, не очень удачное. До 1985 г. самым популярным советским человеком на Западе был А. Д. Сахаров. Этого политического мыслителя-энциклопедиста, негнимо борца за права человека до сих пор практически не печатают в СССР. Когда Войтыла стал папой римским, всемирно известный Сахаров подвергся гонениям и травле у себя на родине. Советская интеллигенция лишь начала прислушиваться к голосу А. Д. Сахарова, к его концепциям социального и всеобщего мира.

Слово папы всегда находило широкий отклик в сердцах сотен миллионов людей. Сегодня трудно найти такого польского католика, который лично не лицезрел бы папу Иоанна Павла II во время его многолюдных торжественных месс на площадях всех крупнейших городов и столиц нашей планеты.

Автор. Западная пресса, говоря о самых популярных деятелях современности, часто начинает этот список с имен М. С. Горбачева и Иоанна Павла II. Что же касается глубокоуважаемого академика А. Д. Сахарова, то его место в умах советских людей сравнимо с позицией Л. Валенсы в Польше. Хотя наши социологи и не занимались определением уровня отношения граждан СССР к Сахарову, понятно и так, что индекс популярности Валенсы среди поляков во много крат выше. Роднит этих Нобелевских лауреатов то, что обе великие личности превратились в своих странах в подобие «священных коров». Моральный авторитет А. Д. Сахарова и Л. Валенсы обогатил общественную жизнь СССР и ПНР, ускорил столь желанные демократические преобразования.

Что касается общения папы с соотечественниками, то можно дополнить сказанное вами ссылкой на еженедельник «Тыгодник повсехны» (22.05.1987), который поместил интервью директора пресс-бюро епископата католической церкви в Польше ксендза А. Оршулика в связи с ожидавшимся тогда приездом в Польшу Иоанна Павла II. Оршулик затронул некоторые вопросы подготовки к визиту главы Ватикана и организации массовых религиозных мероприятий.

Я хотел бы со всей силой подчеркнуть, указал ксендз, что встречу с папой и евхаристический конгресс верующие должны пережить лично. Телевизионные трансляции ни в коем случае не заменят личного присутствия. Невозможно быть везде, но одно мероприятие должен посетить каждый верующий, чтобы физически присутствовать на встрече с папой.

Каждое мероприятие запланировано так, чтобы на данном месте зарождалась духовная общность, отметил А. Оршулик, сообщив, что в ходе подготовки к приезду папы церковные власти отказались от проведения массовых молебнов в целом ряде предложенных им мест, поскольку там группы верующих были бы отделены друг от друга элементами ландшафта или постройками. Окончательно избраны те места, «которые предоставляют возможность прочувствовать единение верующих с папой, а папы — с верующими».

Остановившись на отдельных подробностях организации визита, директор пресс-бюро проинформировал, что вход на мероприятия в закрытых помещениях будет разрешен исключительно по приглашениям. Также и в случае мероприятий на открытой местности допуск в секторы на расстоянии 100 метров от алтаря, где находится папа, будет осуществляться строго по пригласительным билетам. Эти приглашения, образцы которых согласованы с бюро по охране правительства, распространяются исключительно церковными властями.

А. Оршулик особо подчеркнул, что «у папы будет время на все акты, не охваченные программой, которые он пожелает осуществить» Отличие программы нынешнего визита от предыдущего заключается в том, что в нее включена встреча непосредственно на предприятии (текстильная фабрика «Юниотекс» в Лодзи). Тем самым папа выразит уважение польским женщинам.

В заключение ксендз напомнил об обязанности верующих должным образом духовно подготовиться к визиту, приняв заранее участие в соответствующих религиозных обрядах, в том числе в исповедях.

В пресс-центре по освещению визита Иоанна Павла II в Польшу (8—14 июня 1987 г.) было аккредитовано 510 журналистов из 35 стран. В их числе: 154 — из США, 80 — из Италии, 67 — из Франции, 57 — из ФРГ, 26 — из Англии. Аккредитовано 1113 польских журналистов, в том числе 334 — из церковных органов печати.

На пресс-конференции А. Оршулик подтвердил, что в адрес кардинала Ю. Глемпа поступило письмо от Валенсы. В нем говорится: «Убежден, что польское общество будет глубоко переживать визит папы на родину, собранно и серьезно храня верность своим идеалам и учению Иоанна Павла II. «Солидарность» не имеет намерений организовывать какие-либо манифестации или делать то, в чем ее обвиняют». У меня нет оснований не верить тому, что пишет Валенса, сказал А. Оршулик.

По польскому телевидению (6.06.1987) было передано интервью заместителя министра внутренних дел ПНР З. Пудыша. Он заявил:

«Все поляки стремятся к тому, чтобы визит папы проходил в обстановке порядка и спокойствия. МВД располагает достоверной информацией о том, что могут быть предприняты попытки нарушить ход визита Иоанна Павла II в Польшу. Существует группа экстремистски настроенных лиц, в основном из числа членов бывшей «Солидарности». Экстремистски настроенные лица намерены использовать визит папы римского не только для пропагандистских действий — распространение листовок, обращения, призывы, — но и для нарушения общественного порядка.

МВД известно, что планы таких провокационных действий обсуждались на заседаниях так называемой «временной координационной комиссии «Солидарности» 7—8 мая и 24 мая. Нам также известно о заранее подготовленных группах авантюристов, которые намерены скандировать лозунги провокационного характера. Для подобных действий выбраны Гданьск и Варшава.

Наблюдается синхронизация деятельности западных диверсионных центров с планами экстремистов. Можно прямо говорить о выполнении ими распоряжении зарубежных центров. Нацелены они не только против визита папы, против национальных интересов, но и прежде всего против проходящих сейчас в стране общественных процессов.

Попытки нарушить порядок во время визита Иоанна Павла II нацелены на то, чтобы дать Западу дополнительные аргументы в том, что Польша остается нестабильной. Именно таких аргументов и ждут западные диверсионные центры. Те, кто стремится помешать нормальному ходу визита, наносят удар по жизненным интересам народа. Государственные власти и католическая церковь стремятся к тому, чтобы папу приветствовала трудолюбивая, спокойная Польша».

В Польше был проведен опрос общественного мнения в канун третьего визита папы римского Иоанна Павла II. По мнению директора Центра по изучению общественного мнения польского радио и телевидения Альбина Кани, большинство опрошенных позитивно оценивали отношения между церковью и государством. Опрос показал также, что значительная часть населения намерена следить за ходом пребывания в Польше папы римского по телевидению. Значительная часть опрошенных считает, что визит станет стимулом для улучшения трудовой деятельности поляков, активизации борьбы с антисоциальными явлениями, в частности пьянством.

Рецензент. Глава римско-католической церкви является также и главой государства Ватикан. Поляки не забыли, что в тот недавний период, когда страны НАТО во главе с Соединенными Штатами пытались изолировать ПНР на международной арене, именно Иоанн Павел II стал первым государственным деятелем Запада, прибывшим с официальным визитом в нашу страну и осудившим американские экономические санкции, введенные против Польши.

Помним мы и первый визит папы в Польшу, о котором вы пишете в вашей книге. События нескольких июньских дней 1979 г. в Варшаве стоят перед моими глазами, будто это случилось вчера.

Еще перед визитом, как и во время его, костел предпринял акции, рассчитанные на определенный общественный резонанс. Было, например, поставлено условие, что если в официальных переговорах с главой ватиканского государства примет участие премьер Петр Ярошевич, то в них не сможет участвовать примас Польши кардинал Стефан Вышиньский. Причина — Ярошевич некогда от лица властей подписывал указ об интернировании Вышиньского. И глава польского правительства на эти дни исчез. Кружили даже слухи, что он умер и власти ждут с похоронами до окончания визита.

Определили, что главные торжества в Варшаве с участием папы будут происходить на площади Победы, откуда папская проповедь должна транслироваться по польскому и западному телевидению. Уже в ходе отправления торжественной мессы костел изменил порядок церемонии, в результате высокий гость произнес проповедь не в начале торжества, а в конце его. Польша получила возможность в течение пяти часов наблюдать яркое зрелище за счет государства, что было весьма необычно, если сравнить этот визит с визитами папы в другие части света. Но на этом дело не кончилось. Вот в ходе церемонии папа подходит к сидящему на троне примасу, становится перед ним на колени, обнимает Вышиньского и целует ему руку... Жест этот был оценен однозначно, и не только польским общественным мнением.

В конце визита Его Святейшество, тоже в сопровождении примаса, должен был посетить с прощальным визитом Бельведер — резиденцию высшей государственной власти ПНР, где его ожидал Председатель Совета Министров и другие лица, в том числе Эдвард Терек — тогдашний Первый секретарь ЦК ПОРП. И тут случилась вещь небывалая в дипломатических отношениях. Телевизионные камеры направлены в глубь улицы, откуда должен прибыть кортеж. Дежурные репортеры и с ними вся Польша сгорают от нетерпения, а гости прибывают почти с получасовым опозданием. Камеры тем временем показывали телезрителям лица из толпы, бело-красный флаг над Бельведером, пташек на деревьях.

Автор. 8 июня 1987 г. на варшавском аэродроме папу встречали Председатель Государственного совета ПНР Войцех Ярузельский, другие польские руководители, иерархи церковных властей. Во время третьего визита в Польшу Иоанн Павел II выступил с 26 проповедями и речами.

Как писала газета «Известия» (15.06.1987) в необычно просторном для такой тематики материале, «известный во многих странах бронированный «папамобиль» побывал в течение недели на улицах девяти польских городов». Телевидение, радио и печать широко освещали ход визита. «...Шестидесятилетний Кароль Войтыла, девять лет назад ставший папой Иоанном Павлом II, первым сла-

вянином на ватиканском троне, имеет большой моральный авторитет у себя на родине», — отмечал собкор газеты Л. Топорков. (В тот год папе исполнилось 67 лет.). **Рецензент.** Вечером в воскресенье 9 июня 1987 г. в соборе Всех Святых состоялось торжественное богослужение по случаю открытия второго всепольского евхаристического конгресса, которое вел папа римский Иоанн Павел II. В нем участвовали примас католической церкви в Польше кардинал Ю. Глемп, представитель высшего духовенства ПНР, а также Венгрии, ЧССР, США, ряда других стран.

В своей проповеди Иоанн Павел II пространно говорил о большом значении организации в Польше евхаристического конгресса для углубления среди верующих понимания церковных догматов, прежде всего таинства святого причастия (евхаристии). Он особо остановился на тысячелетнем «польском опыте» христианского вероисповедания и большом значении объявленного Ватиканом «Года Девы Марии», которая считается покровительницей Польши.

Призвав «землю польскую, землю родимую» возлюбить крест Христа, Иоанн Павел II привел обширное высказывание погибшего ксендза Е. Попе-лушко из изданных в Париже его «патриотических проповедей» о том, что «благодаря смерти и воскресению Христа символ позора и унижения стал символом отваги, мужества, помощи и братства... Через крест идет дорога к воскресению. Иного пути нет. И поэтому кресты нашей родины, наши личные кресты, кресты наших семей должны привести к победе, к воскресению, если мы воссоединимся с Христом».

Папа римский призывал верующих преодолеть все то, что надлежит до первородного греха, освободиться от наследия ненависти и эгоизма, победить в себе то видение мира, которое с самого начала сопровождает деяния человека, — «словно бы бог не существовал, словно не был любовью». Множество людей сегодня живут на грани подавленности, вызванной разного рода обстоятельствами современного существования; и не только здесь, на этой перетруженной, много испытывавшей земле, но и в климате комфорта и благополучия, характерном для стран технического «прогресса». Подавленность — это чувство бессмысленности жизни. В качестве выхода из этого состояния Иоанн Павел II назвал дорогу Христа — «того, кто до конца возлюбил», и таинство этой любви — причастие.

Во время перемещения папы римского по Варшаве на трассе следования повсеместно находились тысячи людей с приветственными плакатами и флажками ПНР и Ватикана, наряду с милицией за порядком на улицах и в местах богослужений следили многочисленные представители церковной службы охраны общественного порядка.

Автор. Западная печать очень много писала о третьем визите папы римского в Польшу. Так, газета «Нью-Йорк таймс» (11.06.1987) опубликовала статью Майкла Кауфмана, в которой, в частности, говорится:

«Прибывший на родину папа римский призвал польское руководство проводить политику, которая обеспечивает уважение прав человека и достоинство личности, а также позволяет широким слоям общества принимать участие в общественной жизни.

Со своей стороны польский руководитель генерал Войцех Ярузельский заверил папу в том, что в отличие от его последнего визита в 1983 г., когда Польша управлялась от последствий военного положения, «грозные волны улеглись». Он утверждал, что Польша находится в авангарде политического возрождения, происходящего в коммунистических странах Европы.

Переговоры в первый день визита папы определили условия того времени, которое наверняка станет периодом тонкого маневрирования в момент, когда церковь и государство формулируют свои отношения.

Было заметно, что во время нынешнего визита папа в меньшей степени стремился к конфронтации, чем во время своего последнего пребывания в Польше. Он утверждал, что соблюдение прав человека в Польше лежит на генерале Ярузельском.

В зале Королевского замка, где встретились папа и генерал Ярузель-СМІЙ, выстроились два параллельных ряда людей. Один составили кардиналы в черных и пурпурных одеяниях, а другой — министры кабинета в голубых костюмах. Когда Иоанн Павел II проходил мимо министров, трое из них, не являющиеся членами коммунистической партии, опустились на колени и поцеловали его перстень. Другие обменялись с папой рукопожатиями.

Высказываясь гораздо мягче, чем четыре года назад, папа заявил, что он веряет свои надежды на будущее Польши генералу, который является как президентом страны, так и руководителем партии.

Иоанн Павел II ни разу не упомянул «Солидарность», но из его слов было очевидно, что он утверждает, что социальная справедливость не может быть достигнута без привлечения тех поляков, которые участвовали в общественном развитии Польши в 60—80-е годы, ставшие десятилетиями усиления демократических чаяний.

Слабое эхо этих надежд было слышно на улицах польской столицы, когда в нескольких местах, через которые проезжал кортеж автомобилей, доставлявший папу из аэропорта, выкрикивались лозунги в поддержку «Солидарности». По меньшей мере в двух случаях плакаты в поддержку «Солидарности» были отобраны полицией.

Генерал Ярузельский, присутствовавший на церемонии в обычном костюме, заявил папе: «Мы создаем новые, часто уникальные формы и институты общественной жизни».

В качестве этих новых явлений представители правительства назвали создание Консультативного совета и более широкое представительство в парламенте кандидатов-некоммунистов. Деятели оппозиции осудили эти шаги, назвав их косметическими.

Стремясь представить Ватикан и страны восточного блока в равной степени активными поборниками мира, генерал утверждал, что дипломатические инициативы папы в этой области «получат должный ответ и моральную поддержку в Польше и, по моему убеждению, также в других странах, близких к нам».

Будто отвечая ему, Иоанн Павел II заявил: «Если вы хотите сохранить мир, помните о человеке, помните также о его праве на свободу вероисповедания, праве на объединения и праве высказывать свою точку зрения».

Хотя и правительство, и церковные власти неоднократно утверждали, что нынешний, третий, визит папы носит чисто религиозный характер, главным событием первого дня визита, безусловно, стали эти выступления политического характера.

Газета «Нью-Йорк пост» (11.06.1987) сумела взять у Валенсы интервью, предоставленное исключительно этой газете. «Нью-Йорк пост» сообщила, что он по-прежнему помнит слова главы римско-католической церкви, произнесенные им при расставании после их последней встречи четыре года назад в тайном месте в Карпатах.

«Будучи детьми божьими, мы не можем быть рабами», — сказал Валенсе глава римско-католической церкви.

Валенса, который провел 11 месяцев в тюрьме и по-прежнему находится под круглосуточным наблюдением, не имел возможности сообщить, где он в этот раз встретился с папой.

Однако осведомленные лица, поддерживающие контакты с организаторами этой встречи, сообщили, что Валенса и папа встретятся в четверг в здании церкви в Оливе всего в нескольких милях от верфи в Гданьске, где работает Валенса.

По словам осведомленных лиц, они встретятся без свидетелей, ни один представитель прессы не будет допущен на встречу.

В четверг во второй половине дня Валенса, его жена и восемь их детей получат папское благословение во время мессы под открытым небом.

Это событие никоим образом не будет тайным — ожидается, что на нем будет присутствовать свыше миллиона человек.

Отвечая на вопрос, состоятся ли антиправительственные демонстрации во время визита папы, Валенса сказал: «В Гданьске — нет, но лозунги в поддержку «Солидарности» и прав человека прозвучат оглушительно. Будет сказано громко и ясно: «Солидарность» жива!».

Прибыв в Варшаву, пишет тогда же «Вашингтон пост» (11.06.1987), папа Иоанн Павел II благословил своих соотечественников, «которые знакомы с радостями и страданиями жизни в этой стране», а также призвал коммунистические власти Польши соблюдать неприкосновенность прав человека. Он предупредил генерала Ярузельского в Королевском замке, что «каждое нарушение или неуважение прав человека представляет собой угрозу миру».

«Историю нельзя отменить», — объявил Ярузельский, рядом с которым, наклонив голову и грустно глядя в пол, стоял папа.

Католическая церковь в Польше превратилась в ведущий независимый институт страны. Церковь с осторожностью пользуется своим огромным влиянием, стремясь к тому, чтобы сохранить основу для диалога между церковью и государством, а не только запрещенный профсоюз «Солидарность».

Папа выступает в пользу компромиссного подхода как единственного способа сохранить мир в обществе.

Па протяжении всей истории Польши церковь выступала не в качестве силы, подстрекающей к революции, а как сила, стремящаяся к сохранению страны. Когда в конце XVIII в. Польша была разделена, церковь выступала за подчинение австрийским, прусским и русским войскам, оккупировавшим страну, и отказалась поддержать восстания 1830 и 1863 гг.

«Церковь ведет счет будущему десятилетиями, а не месяцами, — объясняет ведущий представитель оппозиционной интеллигенции Клеменс Шанявский. — Она не спешит.

Нынешний визит папы должен рассматриваться с точки зрения этой долгосрочной перспективы.

Папа осознает, что он не может изменить геополитические условия Польши. Он хочет, чтобы в этих границах церковь была сильной».

С учетом этих добровольно признаваемых границ влияние церкви резко возросло. В то время как после объявления военного положения в 1981 г. «Солидарность» превратилась скорее в символ, чем в реальную силу, церковь построила свыше тысячи новых храмов. В Польше имеется больше студентов богословия, готовящихся стать священниками, чем во всех остальных странах Европы, вместе взятых.

Сейчас церковь оказывает влияние на нерелигиозную жизнь рядового поляка. Открыты сотни церковных школ. Растет число церковных газет. Церкви организуют художественные выставки, театральные труппы и кинофестивали. Возникли даже новые церковные детские сады, аптеки и летние лагеря.

«Наши церкви не являются более только церквями в религиозном смысле, — утверждает Кшыштоф Сливиньский, ведущий журналист католической газеты «Знак», — они представляют собой полноправные общественные центры».

Коммунистические власти, что может вызвать удивление, согласились с возросшим влиянием церкви, рассматривают церковь как партнера в деле решения таких социальных проблем, как алкоголизм и наркомания, и ценят помощь церкви в умиротворении политических страстей, как утверждает Сливиньский.

Два предыдущих визита папы Иоанна Павла II формально носили частный характер. Нынешний представляет собой официальный государственный визит.

В связи с этой особой ролью визит папы в Польшу приобретает важное значение. Повторяя мнение многих других активистов «Солидарности», бывший представитель этой организации Януш Онышкевич утверждает: «Визит папы вдохнет новую энергию в людей, укрепит их решимость, успокоит их».

Но эти активисты также обеспокоены духовной усталостью. «Церковь не хочет, чтобы состоялся политический визит, — признает Онышкевич. — Мы не можем рассчитывать на то, что папа сотворит чудо».

Рецензент. Папа римский Иоанн Павел II 11 июня специальным самолетом прибыл в город-порт Щецин на западном побережье Балтики. На Ясных лугах на окраине города состоялось массовое богослужение по случаю «обновления супружеской клятвы».

Автор. К собравшимся, которых было свыше 100 тыс., обратился с проповедью Иоанн Павел II. Выступление папы в Щецине, на землях, освобожденных советскими и польскими войсками и возвращенных Польше на основе послевоенных соглашений, придавалось большое значение как подтверждению со стороны Ватикана и римско-католической церкви незыблемости послевоенного устройства и западных границ Польши. На домах вокруг места богослужения был виден крупный лозунг: «Щецин приветствует папу-земляка».

В основном в проповеди в Щецине были затронуты моральные и религиозные аспекты крепости семейных уз, роль и место семьи в польском обществе. Папа особо подчеркнул, что у церкви в Польше важные заслуги в защите прав семьи. Церковь в Польше напоминает о правах и обязанностях не только семьи, но и об обязанностях общества и государства в отношении семьи.

Нет более успешного пути возрождения общества, чем возрождение его через здоровые семьи, сказал далее папа. Семьи сегодня находятся под большой угрозой — изнутри и извне. И необходимо, чтобы об этой угрозе, о собственной судьбе рассказывали через фильмы или средства массовой информации не только те, кто «имеет право на жизнь и счастье», но и жертвы укрепившегося эгоизма, вседозволенности и морального равнодушия, жертвы материальных, бытовых и жилищных трудностей, сказал папа римский. Его слова были встречены аплодисментами.

Если не ошибаюсь, продолжал он, у нас наивысший процент работающих матерей, которые выполняют работу с ущербом для своей семейной жизни. Все это приводит к тому, что — в сочетании со специфическими экономическими условиями — для польской семьи становится все более характерным отсутствие интереса к нематериальным ценностям людского труда, отсутствие веры в смысл честного труда. Вместо этого — жизнь со дня на день, а зачастую и поиск заработков и благополучия за рубежом.

Молимся за то, чтобы у всех было в достатке доброй воли, инициативы, деловитости. Чтобы семья была здорова, а страна была сильной, здоровой физически и морально семьей, продолжал Иоанн Павел II.

В 80-е годы, сказал он далее, Щецин был местом важных событий и важных соглашений между государственными властями и представителями мира труда. Каков был смысл этих соглашений? Не шла ли речь обо всем том, что отвечает достоинству труда и достоинству человека труда?

Семьи имеют право на такие бытовые условия, которые гарантировали бы отвечающий их достоинству уровень жизни и подлинное развитие. Речь идет о справедливой оплате труда, о крыше над головой. Речь идет о постоянном улучшении условий жизни, в том числе о справедливом отношении к женщине-матери, которую нельзя принуждать работать ради заработка в ущерб ее семейным обязанностям. Не хочу преуменьшать того, что уже сделано в Польше в этом плане, сказал Иоанн Павел II, но задачи остаются большие.

Затем папа Иоанн Павел II принял участие в заложении «краеугольного камня» на строительстве духовной семинарии в Щецине.

В кафедральном соборе Св. Якова состоялась его встреча со священнослужителями, семинаристами и монахинями.

Теология, сказал папа римский, должна служить пастырской миссии церкви. Одновременно это служение польской христианской культуре. Католическая наука должна выполнять свои задачи в соответствии с интеллектуальными и моральными потребностями польского общества, а потребности эти, как известно, весьма выросли и продолжают расти.

Необходимо обеспечить компетентную помощь пастырским центрам в среде интеллигенции, деятелей культуры, науки и техники, а также сотрудничать в организации изучения общественной католической науки и христианской учебы рабочих и крестьян. Он призвал будущих священнослужителей изучать историю и литературу, особенно в религиозном и этическом плане, чтобы указывать людям на христианские корни родной культуры.

Иоанн Павел II призвал семинаристов быть верными богу и церкви, быть солидарными с народом, постоянно вести пастырскую работу.

Основным политическим акцентом молебна с участием Иоанна Павла II на крупнейшей площади Щецина стали, как и на прежних мероприятиях, флаги и эмблемы «Солидарности». На этот раз они были использованы для подогревания настроений еще до приезда на богослужение папы римского. Ажиотаж толпы, насчитывавшей около 500 тыс. человек, вызывали появившиеся и исчезающие в различных местах транспаранты. Особые овации вызвал огромный портрет папы, благословляющего верующих, с надписью «Солидарность» на груди.

В тот же день, 11 июня, Иоанн Павел II встретился с населением Гдыни. На богослужение, состоявшееся у алтаря, специально построенного вблизи морского порта, собралось свыше 100 тыс. верующих. Стены ближайших к алтарю домов были украшены транспарантами с надписями: «Гдыня любит папу», «С тобой мы не боимся».

Свое выступление глава Ватикана посвятил труду людей, жизнь которых связана с морем. Он неоднократно подчеркивал польский характер Гдыни, балтийского побережья ПНР.

Значительная часть выступления Иоанна Павла II была посвящена анализу понятия «солидарность». «Море вызывает у человека потребность сотрудничества, потребность солидарности между людьми и народами», — сказал папа. При первом же упоминании слова «солидарность» толпа взорвалась аплодисментами.

«Важен тот факт, что слово «солидарность» было произнесено именно здесь, у польского моря», — продолжал Иоанн Павел II. — Оно было сказано по-новому. Во имя будущего человечества нужно было произнести слово «солидарность». Сегодня оно стало известно всему миру, который понимает, что мы не можем жить по принципу «все против всех», но только по принципу «все со всеми», «все для всех».

В современном мире мы не можем идти вперед, подгоняемые головокружительной гонкой вооружений, ибо это означало бы войну, самоуничтожение. Мы не можем идти вперед, если во имя общественной солидарности не будут до конца уважаться права каждого человека, если в общественной жизни не найдется достаточно места для инициативы человека».

«Солидарность должна преобладать над борьбой», — подчеркнул глава Ватикана. — Тогда человечество сможет выжить. Солидарность высвобождает борьбу, но это никогда не бывает борьба против другого человека, борьба, когда человек рассматривается как

враг. Наоборот. Это борьба за человека, за его права, за подлинный социальный прогресс, борьба за более зрелую форму человеческой жизни. Солидарность означает единство при уважении различий между людьми. Этот смысл заключен в понятии «плюрализм».

После выступления папы ему были преподнесены дары от предприятий и организаций, в том числе от Военно-морских сил ПНР.

Поздно вечером 11 июня во Дворце гданьских епископов состоялась встреча Иоанна Павла II с Лехом Валенсой и членами его семьи. Встреча продолжалась около 40 минут.

Журналистам попасть на эту встречу не удалось. На нес были допущены лишь личный фотограф папы, съемочные группы итальянского телевидения и представители пресс-бюро польского епископата.

Представители пресс-центра как с государственной, так и церковной стороны отказались прокомментировать ход встречи. Отказался комментировать встречу с папой и Валенса, у квартиры которого заранее расположились группы журналистов. Он лишь заявил, что это была «беседа двух поляков» и что он «очень доволен ее результатами».

Рецензент. Мало кто из современных политических деятелей в состоянии выдержать такой напряженный график. Ведь это даже не дипломатические переговоры в сравнительно узком кругу, а нескончаемый публичный марафон, в ходе которого с утра до вечера, на глазах у всех священнодействует папа. Как можно справиться с такими физическими нагрузками в таком солидном возрасте?

И это у папы — обычный для него образ жизни. К примеру, с 7 по 19 июня 1988 г. Иоанн Павел II совершил паломничество в Уругвай, Боливию, Перу и Парагвай. 30 тыс. километров за 13 дней, 60 проповедей и речей, часто импровизированных, совершение несчетных богослужений, одно из них — месса, длившаяся три часа, — проходило на высоте 4 тыс. метров, бесчисленные встречи с людьми, от глав правительств и профессоров университетов до шахтеров, крестьян и, как обычно, детей, больных, инвалидов, для которых — это отмечают все наблюдатели — у Иоанна Павла II всегда есть время и неисчерпаемый запас любви.

Автор. 12 июня утром папа римский Иоанн Павел II на корабле ВМФ Польши прибыл на полуостров Вестерплатте близ Гданьска, где находится памятник героям Вестерплатте — группе молодых солдат во главе с майором Г. Сухарским, которые в первые часы войны оказали героическое сопротивление гитлеровским агрессорам. По приказу главнокомандующего Вооруженными силами ПНР генерала армии В. Яру-зельского в честь Иоанна Павла II был дан салют из 21 залпа корабельных орудий, вывешены национальные флаги и флаги расцветивания, раздались приветственные звуки сирен.

Здесь на площадке у памятника состоялась встреча папы примерно с 12 тыс. представителей молодежи приморских городов и всей Польши. Участвовали также 35 ветеранов сражения на Вестерплатте, другие ветераны войны. Были вывешены крупные лозунги: «Война не должна повториться» и «Крест — моя надежда».

Свою проповедь в Вестерплатте Иоанн Павел II посвятил морально-этическим и религиозным проблемам молодежи.

Чего могу пожелать вам, молодым, на родной земле, тем, кто подрастает зачастую в трудных материальных условиях, порой даже с каким-то ощущением без-

надежности? — задал вопрос Иоанн Павел II. Угрозой является атмосфера отсутствия морально-этических принципов. Угрозу представляет и расшатывание принципов и истин, на которых зиждется достоинство и развитие человека. Угрозой также является распространение мнений и взглядов, которые служат этому расшатыванию.

Ваши призвания и профессии различны, продолжал папа римский. Нужно хорошо поразмыслить над тем, в каком соотношении на каждом из избранных путей находятся «честно жить» и «больше иметь». Но никогда одно только «больше иметь» не должно одерживать верх, ибо тогда человек может потерять самое ценное — свою человечность, свою совесть, свое достоинство, все то, что представляет собой также перспективу вечной жизни.

Сила духа, сила совести и сердца, любви и характера особо необходимы именно для нынешнего поколения. Эта сила необходима, чтобы не поддаться искушению капитуляции, равнодушия, сомнения или внутренней эмиграции, искушению бегства от мира во всех формах этой жизни, равно как и бегства в прямом смысле этого слова — оставления родины, чтобы не поддаться искушению безнадежности, которая ведет к самоуничтожению собственной личности, собственной человеческой сущности через алкоголизм, наркоманию, половые злоупотребления, поиски выхода своей энергии и испытаний в сектах или иных объединениях, чуждых культуре, традициям и духу нашего народа. Эта сила необходима, чтобы уметь самому доходить до источника познания истинной науки Христа и церкви, особенно тогда, когда разными способами пытаются вас убедить, что то, что «научно» и «прогрессивно», противоречит Евангелию, когда вам предлагается освобождение и избавление без бога и даже вопреки богу. Эта сила необходима, чтобы жить в лоне церкви, чтобы совместно создавать общины, опирающиеся на принятие Христа-истины. А сколько есть сердец, которые ждут Евангелия? — неоднократно повторил папа римский.

Эта сила необходима, чтобы героически жить изо дня в день, даже в объективно трудной ситуации, чтобы сохранить верность совести в труде, чтобы не поддаться модному сейчас конформизму, чтобы не молчать, когда чинится несправедливость, а иметь мужество честно выступить против, встать на защиту, заявил Иоанн Павел II. Эти его слова были встречены бурными аплодисментами собравшихся. Нынешний геройизм молодого человека, продолжал он, — это мужество полностью сохранить инициативность, живое свидетельство веры и надежды, а не бежать от трудной действительности. Эта сила духа необходима и для того, чтобы распространять в своем окружении радость и надежду, несмотря ни на что, отдавать себя другим в труде, в семье, в школе или высшем учебном заведении, в приходской общине — повсюду по мере своих возможностей. Необходимо в своем поведении руководствоваться не желанием удовлетворить свои потребности любой ценой, а чувством ответственности в выполнении того, что правильно, что является призванием.

Будущее Польши зависит от вас, и оно должно от вас зависеть, ибо это — наша родина, наше «честно жить» или «больше иметь». Никто не может лишить нас права, чтобы это зависело от нас, воскликнул Иоанн Павел II под аплодисменты присутствующих.

Обращаясь к молодежи, папа римский несколько раз подчеркнул, что у каждого из молодых людей должно в жизни и душе быть какое-либо свое Вестерплатте как измерение задач, которые надо выполнить, за которые надо бороться, как обязанности, от которых нельзя отклониться или дезертировать.

Затем в базилике Св. Девы Марии папа встретился с больными и работниками здравоохранения. Он призвал их к «терпению на этой польской земле» и поискам утешения в боге и у церкви. Может быть, больше, чем в выздоровлении, страждущие нуждаются в человеке, человеческом сердце, людской солидарности, сказал он.

Состояние здоровья польского общества, продолжал папа, вызывает оправданные опасения. По-прежнему все более широкое распрощание в нем полу-

чают болезни системы кровообращения и новообразования. Все еще много лиц, в том числе молодых, становятся зависимыми от алкоголя, наркотиков и никотина. Не вызывает удовлетворения и состояние здоровья детей. Здесь широкое поле деятельности для службы здоровья, сказал он.

Рецензент. В воскресенье 14 июня в резиденции примаса католической церкви в Польше состоялась встреча Иоанна Павла II с представителями «общины моисеевой веры» (еврейской религиозной общины). Обращаясь к главе Ватикана, председатель общины М. Фин-ксльштейн заявил: «Представители обеих религий являются братьями. Верующие иудаисты являются старшими братьями христиан». Иоанн Павел II в этой связи напомнил, что «католическая церковь всегда близка к своим старшим братьям». Говоря о преследованиях еврейского народа, папа сказал, что его мученичество «не перестанет быть предостережением перед идеологиями, для которых характерна слепая ненависть».

В тот же день папа римский побывал на могиле варшавского ксендза Е. Попелушко у костела Св. Станислава Костки. Иоанн Павел II пробыл на этом месте более 20 минут, он благословил присутствующих там родителей ксендза, а также колокол им. ксендза Попелушко.

Автор. Воскресенье 14 июня было рабочим днем папского визита. В Варшаве на площади перед Дворцом культуры и науки состоялось торжественное богослужение в честь окончания второго евхаристического конгресса в Польше. Площадь, прилегающие улицы и скверы заполнили сотни тысяч верующих из Варшавы и других городов Польши.

Состоялась церемония причисления к лику блаженных епископа Михала Козаля — одного из 2214 польских духовных лиц, погибших от рук гитлеровских фашистов, и одного из 6 млн поляков — жертв второй мировой войны. М. Козаль был брошен в концлагерь Дахау и замучен там в 1943 г.

С проповедью к собравшимся обратился Иоанн Павел II. Он приветствовал духовенство и паломников из Польши и из-за рубежа, особо выделив присутствие представителей не католических церквей в Польше, входящих в экуменический совет.

Остановившись на призвании человека в современном мире, папа римский отметил, что история человека на земле сложилась иначе, чем было предначертано. Созданный по образу и подобию бога человек почувствовал, что сам может быть для себя богом. Великий призыв к любви не был подхвачен. В результате человек не сумел в достаточной мере возлюбить ни своих близких, ни себя самого, ни мир. Ибо возлюбить себя и ближних и мир можно, только возлюбив бога. Но как он может возлюбить невидимого бога, если он не возлюбит брата, которого видит? Брата под той самой крышей, в том самом производственном предприятии, на той же самой родной земле и за ее границами — к Западу и Востоку, к Северу и Югу.

Евангелие и евхаристия, продолжал он, вписываются в историю человека и в историю вселенной. Мы знаем, как бегут часы истории на земле, как далеко можно идти с помощью наших методов познания, как развивается история на протяжении последних тысячелетий, в течение которых запас знаний постоянно растет. В последний период он растет в ускоренном, даже вихревом темпе. Мы знаем много, знаем все больше. Порой это может нам даже мешать в познании того, что наиболее истинно. Мы знаем, что в нашем столетии нарастает сопротивление и противодействие в отношении того, кто «так возлюбил мир», — вплоть до отрицания бога, до программного атеизма.

Упомянув о причисленном сегодня к лику блаженных епископе М. Козале, папа римский сказал, что этот человек — еще один из тех, в которых воплотилась власть Христа «в небе и на земле». Власть любви — против безумия насилия, уничтожения, презрения и ненависти. Пусть же он будет одним из покровителей нашего трудного времени, полного напряженности, ненависти и конфликтов.

Приветствуя далее миссионеров, направляющихся в дальние страны, Иоанн Павел II подчеркнул, что вся церковь выполняет миссионерскую функцию. Все те, кто не будет участвовать в миссионерской службе, помните, что наша собственная польская родина по-прежнему требует новой евангелизации, подобной всей христианской Европе. Вся Европа стала континентом нового великого вызова для Евангелия, и Польша также, закончил Иоанн Павел II под бурные аплодисменты верующих.

Состоялась церемония благословения на миссию в различных отдаленных странах Африки, Азии и Латинской Америки десятков польских миссионеров из монашеских орденов, самой церкви. Им были вручены миссионерские кресты.

На богослужении были вознесены молитвы, в том числе за то, чтобы мир царил между народами, чтобы исчезли ненависть и раздоры, чтобы человек мог жить в свободе и истине. Папе римскому были переданы многочисленные дары, в том числе от представителей литовцев, которых он особенно тепло приветствовал.

Затем с участием Иоанна Павла II состоялась евхаристическая процессия к Замковой площади в Старом городе. У колонны Сигиз-мунда папа дал благословение Варшаве и Польше.

Рецензент. Главный редактор органа «клубов католической интеллигенции» еженедельника «Тыгодник повсехны» (7.07.1987) Е. Турович подчеркивал в обширной статье «Иоанн Павел II на родине трудного вызова», что для миллионов людей в Польше неделя пребывания папы римского была «праздничным, исключенным из нормального течения времени периодом радости, глубокого волнения и переживаний».

«В Тарнуве, Щецине, Гданьске папа затрагивал общественные со-твления, заключенные с «Солидарностью», говорил о правах человека, о том, что мир как между народами, так и внутренний зависит именно от уважения прав человека, от справедливости. Называя Польшу «родиной трудного вызова», Иоанн Павел II говорил о праве народа на суверенность и субъективный характер, о праве каждого человека быть субъектом своей судьбы, праве участвовать в общественной жизни на условиях настоящей свободы, объединяться в организации, особенно о праве на труд и независимые профсоюзы, религиозной свободе и праве выражать свои взгляды... Иоанн Павел II в своем учении подтвердил правильность идей, которыми жила значительная часть нашего общества в 80-е годы, засвидетельствовал, что эти идеи полностью соответствуют общественной доктрине церкви. Религиозно-социальное обращение папы было адресовано прежде всего общине верующих, католикам в нашей стране. Однако косвенно оно было обращено также к каждому человеку в этой стране и ко всему обществу, а также к государственным властям».

Журнал отмечает: «Мы пережили эту неделю как период большой радости и взволнованности. Но надо, чтобы это не осталось в плоскости эмоций, которые погасят тяготы повседневности. Необходимо, чтобы все папское учение, в котором нет пустых слов, мы обдумали, сделали из него выводы... Иоанн Павел II прошел по Польше, взволновал весь народ и вернулся в Ватикан. Наше общественное, экономическое, политическое положение на первый взгляд является таким же, как и прежде. Однако не совсем таким же. Что-то изменилось, причем не только в нас. Польша после этого паломничества уже иная. Иоанн Павел II обновил наше сознание. Он напомнил

нам, кем мы являемся, кем можем и кем должны быть. Он показал все наследие тысячелетней христианской культуры, а также то, что Польша будет христианской страной на протяжении следующей тысячи лет. Польша является страной трудного вызова. Мы живем в ситуации, в которой еще далеко до того, что называют нормализацией, национальным соглашением. Между властью и значительной частью общества существует глубокий раздел, взаимное недоверие. Папа указывал пути, ведущие к примирению... Третье паломничество Иоанна Павла II на его родину может стать вкладом в дело национального примирения, если это примирение будет осуществляться в условиях полного уважения тождества нашего общества и его неотъемлемых стремлений к самоопределению».

Автор. После завершения визита Иоанна Павла II в Польшу Центр по изучению общественного мнения провел в июне 1987 г. опрос на тему степени заинтересованности населения визитом папы римского и оценки его результатов. В опросе участвовала представительная группа населения со всей страны старше 15 лет.

45,8% опрошенных следили за ходом визита с большим вниманием, 38,6% — внимательно. Главным источником информации о ходе визита было телевидение, трансляции которого систематически смотрели 73% опрошенных.

По мнению 76,5% участников опроса, «государственные власти создали необходимые условия для проведения визита». 6,9% считают, что «сделано меньше, чем требовалось».

67% считают, что ход визита напрасно был нарушен попытками проведения провокационных манифестаций. Критицизм участников анкеты в отношении организаторов этих попыток был связан зачастую с убеждением, что эти инциденты не имели существенного общественного и политического значения. Почти половина опрошенных разделяет мнение, что «это были обыкновенные хулиганские выходки». По мнению 36,8%, «не было ничего серьезного». 31,7% считают, что «виновники должны понести суровое наказание».

В ответ на вопрос, что принесет стране и обществу визит папы римского, 85% опрошенных сказали, что он будет способствовать улучшению отношений между государством и церковью, углублению процесса национального соглашения, дальнейшей стабилизации, уменьшению напряженности, повышению роста авторитета Польши на международной арене.

Пребывание папы Иоанна Павла II в Польше послужило поводом для развязывания Западом настоящей шестидневной пропагандистской войны против ПНР, заявил на пресс-конференции для зарубежных журналистов уполномоченный польского правительства по печати Ежи Урбан.

Большинство телестанций и газет преподносили это религиозное и государственное событие, отметил он, как некий цикл массовых манифестаций против государственных властей и их политики, которые якобы были жестоко подавлены милицией. Они манипулировали высказываниями папы, искажали правду. Для читателей и телезрителей на Западе была нарисована не реальная картина событий в Польше, а то, как хотели бы видеть это событие недружественные Польше силы. Несбывшиеся ожидания были представлены как факт.

Устроенные политическими противниками социализма беспорядки после богослужения в Кракове почти все западные средства массовой информации представили как провокацию властей якобы с целью компрометации нелегаль-

ных структур «Солидарности». Правда же такова, что именно эти структуры призывали организовывать политические манифестации. И примечательно, что западная печать была заблаговременно осведомлена и сообщала об их намерениях.

В ходе массового богослужения в Кракове в толпе поднимались транспаранты с лозунгами «Солидарности». Особое оживление среди западных журналистов вызвал транспарант, гласящий: «Католицизм — да, коммунизм — нет!» Эти лозунги наэлектризовали толпу, насчитывавшую, как заявляют церковники, около миллиона человек. Завершение молебна было встречено массовым исполнением известной религиозной песни, которую принято считать гимном «Солидарности».

После завершения молебна группа молодчиков с транспарантами попыталась организовать уличную демонстрацию. Эта провокация была пресечена решительным вмешательством милиции. В ходе молебна в Кракове в толпе находились лица, размахивавшие национальными флагами Чехословакии.

Рецензент. Польская нелегальная печать июня 1987 г. конечно же была почти вся посвящена папскому визиту. Чтобы не утруждать наших переводчиков, приведу характерные отрывки из оппозиционных писаний, процитированных в парижской эмигрантской газете «Русская мысль» (31.07.1987). Этот редакционный обзор без подписи под заголовком «Польша: штрафы и аресты» привожу полностью:

«Да, уже и аресты. Мы знали о том, что паломничество Иоанна Павла II для множества поляков, встречавших его в разных концах страны, увенчалось полицейским задержанием, привлечением к суду коллегами по делам о правонарушениях и приговорами к штрафу. Сейчас мы получили первое сообщение о произведенном в эти дни аресте — возможно, не единственном.

В 216-м номере «Тыгодника Мазовше» сообщается, что на краковском лугу Блоке, где папа служил молебен, по обвинению в «активном нападении на сотрудника государственных органов» был задержан инвалид 2-й группы Ян Юшак, полуслепой, большой эпилепсией. После задержания прокурор дал санкцию на арест. Ян Юшак находится в больничном отделении краковской следственной тюрьмы. Его ждет суд.

Как мы уже сообщали, в Кракове и сами коллеги вынесли пять приговоров к трехмесячному заключению (максимум, на который они имеют право: дела, требующие большего наказания, рассматриваются судом). Сейчас мы знаем, что у одного из приговоренных, студента Краковского политехнического института Дариуша Мохоцкого, в момент «беспорядков» (за участие в которых он приговорен) нога была в гипсе.

Что касается самих беспорядков, то об атмосфере, в которой они возникали, можно судить по рассказу члена церковной службы порядка, напечатанному в подпольном журнале «КОС» (#12—13 от 17 июня).

«Милиция и госбезопасность начали утрачивать ощущение господства над положением. Поэтому они были агрессивны, стремились к конфликтам, запугивали, провоцировали. В Гданьске царил атмосфера осажденного города. (...) Наибольший нажим милиции и ГБ был на Вестерплатте. Иногда казалось, что их столько же, сколько верующих.

На Вестерплатте на протяжении двух километров было пять ворот! Эти «специальные средства» служили только тому, чтобы поизмываться. На богослужение впустили всего 12 тыс. человек, детально всех ощупывая, отбирая сумки, зонтики, транспаранты.

Их было несколько независимых друг от друга формаций: милиция, ГБ, ЗОМО (моторизованные части милиции), ОРМО (милицейские резервисты), Бюро охраны правительства, — каждая со своим командиром и своими инструкциями, часто совершенно не такими, как у соседа. Реагировали они только на приказы своих команди-

ров. Нам легче удавалось договориться с теми, кто был в форме: с милицией и даже ЗОМО. Сотрудники БОП, особенно те, кто в штатском, ничего и слушать не хотели — сразу же брали за шиворот и вышвыривали. С таким же успехом можно было бы убеждать роботов. Гебешников держали на коротком поводке приказы: видно было, как у них руки чешутся кому-нибудь врезать. Гебешники в штатском были со значками. Нам сказали, что у БОП в петлицах кружочки, поделенные крест-накрест: три четверти красные, одна — белая. У гебешников из Варшавы были зеленые значки в виде четырехлистного клевера, а у гданьских — крест, герб Гданьска. Благодаря этому я знал, кто есть кто. И, надо сказать, был потрясен. Я не отдавал себе отчета в том, сколько их!

Я убежден, что происшествия в Кракове и Гданьске спровоцировала госбезопасность. Им надо было доказать, что они нужны и сильны. Возвращаясь с Заспы, приходилось пройти три кордона зомовцев в пуленепроницаемых жилетах. Это могло служить только демонстрацией силы. Ну и еще это сознательное издевательство. На Заспу впускали всего через несколько входов с восьми утра в течение восьми часов. А после богослужения приказали этим двум миллионам молниеносно «испариться!».

Там, на Заспе, во время богослужения был поднят плакат: «Свободу капитану госбезопасности Адаму Ходышу!» Об этом сообщает «Тыгодник Мазовше», напоминая о судьбе капитана Ходыша, приговоренного к шести годам по обвинению во взяточничестве, на самом же деле за сотрудничество с «Солидарностью», которой он передавал списки арестованных с указанием мест их заключения. Его не коснулась ни одна амнистия.

«...Ходыш отсидивает срок в Барчеве в полной изоляции. Несмотря на болезнь желудка, он лишен медицинской помощи и лекарств. Тюремные власти ограничивают ему доступ к газетам и телевидению: его свидания с женой и дочерью проходят под строгим надзором. «Портовец» («Портовик», подпольное издание Гданьского порта) в номере 105 призывает требовать освобождения капитана Ходыша и писать ему письма и открытки».

«КОС» сообщает о первом после прошлогодней амнистии (когда власти, казалось бы, полностью перешли к системе репрессий путем штрафов) политическом деле, переданном в суд. Об этом говорится в рубрике «Пра-возаконность», редактируемой Хельсинкским комитетом в Польше. «Перед районным судом в Тешине скоро предстанет жительница Варшавы Анна Валента, задержанная несколько месяцев назад близ границы с Чехословакией. 8 декабря 1988 г. коллегия в Тешине приговорила ее к штрафу в 50 тыс. злотых за попытку распространения независимых изданий (которые она якобы намеревалась передать на чешскую сторону). Оказалось, что этим дело не кончилось. Накануне разбирательства в коллегии прокурор предъявил ей обвинение в нелегальном переходе границы и в распространении изданий, содержащих ложные сведения (ст. 288 и 273 ч. 2 УК). В мае в суд было передано обвинительное заключение, хотя за «распространение» она уже осуждена коллегией. Это будет первый после амнистии политический процесс в суде.

Не начинается ли снова все то же самое?

Заседание, назначенное на 2 июня, было отложено из-за болезни адвоката».

И опять вернемся к хронике преследований на страницах «Тыгодника Мазовше».

18 июня прокурор санкционировал арест Петра Ружицкого из Быдгоща. Обвинение — отказ от службы в армии. Арестованный ранее по тому же обвинению Пшемисл Макарович из Познани 6 июня, после недели голодовки, был выпущен под расписку о невыезде.

Все же основной формой репрессий пока остаются штрафы. За время паломничества папы коллегии в порядке ускоренной процедуры приговорили к штрафам около 50 человек. Практически все — за значки и плакаты «Солидарности». Дела еще по меньшей мере десятка людей были направлены в коллегии для рассмотрения в обычном порядке. Среди них, например, Илона Холевин-ская из Варшавы, державшая плакат: «Стать трезвыми — это солидарность с папой».

Кроме того, в «Тыгоднике Мазовше» сообщается о ряде разбирательств, прошедших в мае — начале июня, то есть до паломничества папы. Дважды в течение одного месяца был приговорен к штрафам представитель ченсто-ховского Временного регионального совета «Солидарности» Ярослав Капса: 30 тыс. злотых за участие в независимой первомайской демонстрации и 50 тыс. — за отказ принять повестку на сборы резервистов. География остальных приговоров: Жешув, Седльце, опять Ченстохов, Щецин, Врошлав, Гнезно. Девять человек осуждены на штрафы общей суммой 327 тыс. (прибавьте к этому 80 тыс. Ярослава Капсы). Трех осужденным по гнезненскому делу (ребята, задержанные в то время, как делали на стенах надписи с лозунгами «Солидарности»), кроме того, придется уплатить 40 тыс. судебных издержек и 40 545 злотых в возмещение расходов на «приведение зданий в первоначальный вид». Одно из них — Мацея Хосинского несколько раз жестоко избивали, держали раздетым в камере с выбитым окном. Обвинения по другим делам — распространение или печатание независимых изданий, участие в независимой (в данном случае экологической) демонстрации.

Вот скромный баланс информации о репрессиях в одном номере «Тыгодника Мазовше». Более ста средних месячных зарплат, или по курсу черного рынка около 5 тыс. долларов. Но еще прошлой осенью «Солидарность» приняла на себя долг уплаты штрафов за всех приговоренных.

Недавно конгресс США постановил предоставить «Солидарности» одноразовую помощь в размере миллиона долларов. Власти ПНР заботятся о том, чтобы урвать из американской помощи себе в карман и не допустить превращения хотя бы этой части денег в типографскую, радио- и видеотехнику».

Интересно, как эта же самая парижская «Русская мысль» (10.07.1987) резюмировала итоги третьего визита Иоанна Павла II в Польшу. Заметка была помещена под заголовком «Значение этого паломничества превзошло все ожидания...»:

«Так подводит итоги паломничеству папы в Польшу «Тыгодник Мазовше» в номере, которого мы еще не получили, и потому цитируем по французской печати:

«Значение этого паломничества превзошло все ожидания, в то время как многие поляки, даже в кругах оппозиции, скептически относились к его приезду как таковому. По мнению некоторых, в том числе отдельных представителей духовенства, папа прибыл в Польшу, чтобы похоронить «Солидарность».

Все паломничество и в особенности проповеди, произнесенные в Гдыне и Гданьске, доказали обратное. Проповедь в Гдыне «Тыгодник Мазовше» называет «фундаментальным анализом движения «Солидарности», с подчеркиванием его универсального характера». В Гданьске папа обратился прямо к членам поставленного вне закона профсоюза:

«Он сказал, что молится за нас. И когда люди со слезами на глазах начали аплодировать, папа остановил их. Им следовало бы слушать, сказал он, когда он говорит вместо них».

Папа, по замечанию редакции «ТМ», отождествился с библейским определением бога: «Голос тех, кто лишен голоса».

Но самые важные слова папа обратил к польской церкви — он дал ей «новый катехизис», опирающийся на три принципа: новый смысл пасторского служения, более значительное место мирян в социальной деятельности церкви и та специфическая харизма польской церкви, символом которой является погибший Ежи Попелушко. Редакция считает, что слова Иоанна Павла II «должны быть поняты как вознесение хвалы не священнику-мученику, но его делу».

«Тыгодник Мазовше» подводит также итоги развернувшихся во время и после паломничества репрессий и той боеготовности, в которую были приведены силы репрессии. Так, во время пребывания папы в Гданьске там находились части милиции и гос-

безопасности численностью 70—80 тыс. человек (не считая сотрудников госбезопасности в штатском). Все автомобильные стоянки в городе были заняты машинами-водометами и другими полицейскими автомобилями. Более ста активистов «Солидарности» за неделю пребывания папы в Польше побывали в заключении сроком до 48 часов. Более двухсот (это намного превосходит первые, ранее приводившиеся нами цифры) приговорены к штрафам за развешивание плакатов «Солидарности». Подпольный журнал отмечает «самый трогательный плакат», наспех написанный на куске материи: «У нас отняли все плакаты по дороге. «Солидарность». Кельце».

Автор. Американская газета «Крисчен сайенс монитор» (23.06.1987) поместила следующую статью своего варшавского корреспондента Уильяма Эчиксона:

«По мнению представителей польских властей и церкви, паломничество папы Иоанна Павла II в Польшу нарушило установившиеся отношения между церковью и государством в Восточной Европе.

На прошлой неделе перед этим визитом между представителями Ватикана и Польши обсуждались потенциально исторические соглашения о юридическом статусе католической церкви в Польше и установлении полных дипломатических отношений между Ватиканом и Варшавой.

Подобные шаги, по словам должностных лиц, могли бы проложить путь к визитам папы в Восточную Германию и Венгрию, а быть может, даже в Советский Союз.

Однако, находясь в Польше, папа занял более жесткую политическую позицию, чем ожидалось. Он призвал к большему уважению прав человека в Польше и к созданию «независимого и самоуправляющегося профцентра» типа запрещенной «Солидарности». Подобные заявления привели в ярость польских коммунистов.

«Пусть папа забудет и думать о какой-то новой восточноевропейской политике», — заявил корреспонденту «Крисчен сайенс монитор» после возвращения папы в Рим высокопоставленный польский представитель, потребовавший не называть его имя.

«После этого даже венгры не будут с ним разговаривать».

Продолжая свой сердитый монолог, этот представитель заявил, что папа хотел бы перехода в руки церкви политической власти в Польше и создания теократического государства. «Прямо как в Иране, — сказал он. — Я боюсь хомей-низации Польши».

Ватикан, разумеется, отрицает подобные намерения, пытаясь ограничить негативный резонанс после визита папы. Представитель Ватикана Хоакин Наварро возложил на прессу вину за утрирование заявлений папы. Сам же папа заявил, что теперь, когда его визит завершен, очень важно возобновить «необходимый диалог» с польскими властями.

«И в Ватикане, и в польском епископате сложилось теперь впечатление, что весьма эмоциональное поведение папы в Польше дало самые неблагоприятные результаты, — заявил живущий в Риме писатель Ханс-Якоб Штеле, автор книги об отношениях между Ватиканом и Восточной Европой. — Все это затрудняет дело».

А еще больше затрудняют его разногласия внутри самой польской церкви. После того как папа превознес до небес убитого священника Ежи Попелушко — сторонника «Солидарности» и посетил в Варшаве его могилу, осторожному и консервативному примасу Польши Юзефу Глемпу будет гораздо труднее принудить к молчанию политически активных священников. Эти священники вместе с католическими деятелями-мирянами настойчиво требуют, чтобы церковь добивалась свободы ассоциаций и плюрализма в Польше.

«Папа превзошел все наши ожидания, — заявил Кшиштоф Сливиньский, видный католический журналист, работающий в журнале «Знаки часу». — Он преподавал нашей церкви урок, показав ей, что наши моральные заповеди должны быть выше всего».

Что произойдет дальше — будет зависеть от внутренней стабильности Польши. Если визит папы приведет к широкомасштабным беспорядкам, то, по словам таких специалистов, как Штеле, возобновление диалога между церковью и государством станет почти невозможным. Однако, если поляки вновь впадут в угрюмую апатию, тогда такой диалог, вероятно, можно будет возобновить.

«Пока так называемая нормализация отношений между Ватиканом и Польшей будет отложена, — говорит Штеле, — если же обстановка в Польше будет оставаться спокойной, как и раньше, то примерно через полгода обо всем этом можно будет позабыть».

Церковь и правительство нуждаются друг в друге. Хорошие отношения с правительством позволят церкви стабилизировать и укрепить свою роль в Польше, что поведет даже к восстановлению таких церковных организаций, как благотворительная «Каритас», национализированная в сталинскую эпоху.

Для правительства же хорошие отношения с церковью необходимы для решения таких социальных проблем, как рост алкоголизма и наркомании. Несмотря на резкие высказывания папы, церковь с давних пор проявляла себя как стабильный и консервативный политический партнер.

«Если не будет церкви, правительству придется вести переговоры с каким-то другим законным представителем общества, — говорит Богумил Луфт, один из редакторов газеты «Весь» — А это означало бы «Солидарность».

По этим причинам власти, видимо, по-прежнему предпочитают вести диалог с церковью.

Исключая всякие дальнейшие переговоры с папой, высокопоставленный деятель, с которым беседовал корреспондент «Крисчен сайенс монитор», с похвалой отозвался о Глемпе и заявил, что правительство по-прежнему надеется улучшить отношения с церковью.

«Восточноевропейская политика Ватикана — это одно, а диалог между церковью и государством в Польше — это другое дело, — заявил он. Эта поездка повысила роль примаса Глемпа. Мы достигнем исторического компромисса лишь с этим разумным человеком».

Рецензент. В своих публичных обращениях папа часто упоминает события на своей родине и в других социалистических странах.

«Польша нуждается в социальном мире, основанном на справедливости, а не на насилии» — это заявил папа римский, обращаясь к группе польских паломников, прибывших в его летнюю резиденцию Каstell-Гандольфо для того, чтобы присутствовать на молитве «Ангелус домини», сообщало итальянское агентство АНСА (21.08.1988).

«Во время этой молитвы, — сказал папа, — мы все вспоминаем события, которые происходят на нашей родине. Международная печать уделяет этим событиям большое внимание и делает это с серьезным беспокойством. Мы пытаемся перенести это беспокойство в молитву. Мы молимся за нашу родину, молимся за мир, естественно, за мир, основанный на силе истины и справедливости, а не на насилии. Я связываю это со всем тем, что я столько раз говорил как здесь, в Риме, так и прежде всего во время моих визитов в Польшу, особенно во время визита в прошлом году; со всем тем, что имеет отношение к правам человека и нации в условиях независимого государства, поскольку именно от суверенитета государства зависят суверенитет нации и права человека».

«Еще раз, — сказал в заключение папа, — я повторяю это потому, что это те веления истины и справедливости, на которых только и может быть построен любой мир, особенно внутренний мир отечества».

Днями позже, 26 августа, агентство АНСА передало следующее сообщение о заявлении папы римского в Польше:

«В государстве не может быть суверенной одна какая-либо группа или одна какая-либо партия в ущерб всему народу и его правам — такова одна из заключительных фраз молитвы, сочиненной и прочитанной сегодня утром папой во время мессы, которую он отслужил в Кастель-Гандольфо в присутствии многочисленных групп польских граждан в день праздника Ченстохов-ской Богоматери.

В данный момент истории, продолжал папа римский, когда опыт всего послевоенного периода позволил нам лучше это понять, помоги нам, о Ченстохов-ская Богородица, взять на себя ответственность, которую это понимание налагает на нас, наставь нас на путь веры, любви к отечеству, солидарности и дай нам силу. Напомнив о том, что «исторический путь нашего народа был трудным, особенно в последнее столетие», папа заявил, что «это объясняется также нашими слабостями, нашими недостатками, социальными грехами целых поколений и социальных слоев».

Вся польская религиозная печать в октябре 1988 г. широко освещала празднование десятилетия понтификата Иоанна Павла П. Еженедельники публиковали отрывки из его трудов, рассказывали о пастырских поездках папы римского. «Тыгодник Польски» на первой полосе приводит слова Кароля Войтылы, что самым важным вопросом для каждого народа, в том числе и для польского, является человек: «Человек, созревший духовно, человек знающий, человек ответственный, человек внутренне свободный. Только с такими людьми можно строить будущее — будущее общества, будущее польского народа».

ПАРАДОКСЫ НА БЕРЕГАХ ВИСЛЫ

(Вместо заключения)

Гражданская война в Польше так и не состоялась. Это, пожалуй, основной парадокс польской политической жизни истекшего десятилетия. Было ли введение военного положения неизбежным? Вопрос этот задавали себе многие поляки после 13 декабря 1981 г., причем не без основания. И отвечали по-разному. Одни считали, что введение военного положения было единственным средством против анархии в стране и дестабилизации государственных структур. Другие примирительно трактовали эту меру как выбор из двух зол меньшего. И наконец, третьи относились к такой ситуации крайне отрицательно, признавая 13 декабря за дату, когда было совершено преступление против польского общества. Между тем правда, как это нередко бывает, находится где-то посередине. Даже теперь, по прошествии восьми лет, политики, ученые, социологи и историки стараются отвечать на данный вопрос весьма осторожно.

Говорил об этом и президент Ярузельский в «Газете выборчей» (13.12.1989), издаваемой «Солидарностью». Днем раньше перед камерами польского телевидения состоялась дискуссия двух других лиц — профессора Генрика Яблоньского (историк), который в те времена был Председателем Государственного совета, и Ришарда Райфа, в то время председателя союза «ПАКС» и члена Государственного совета, который в знак протеста покинул заседание высшего органа власти ПНР в момент принятия решения о военном положении. Оба этих политика сей-

Ежи Брониславский писал эту заключительную главу в первые дни 1990 года.

час, когда стали известными уже многие документы, предшествовавшие введению военного положения, хотя и рассматривали суть вопроса с разных позиций, пришли к выводу, что указанная мера была в то время не чем иным, как необходимостью.

В то время в СССР и других социалистических государствах действовала так называемая доктрина Брежнева об «ограниченном суверенитете», в соответствии с которой реальные права государств — участников Варшавского Договора признавались только в узкоопределенных границах. Каждое отступление от этих условий могло быть воспринято как измена и подрыв союзнических обязательств, повлечь за собой интервенцию со стороны остальных участников Договора. Примеры такого вмешательства в Польше и Венгрии осенью 1956 г., позднейшие венгерские события, наряду с вводом союзнических войск в Чехословакию в 1968 г. — наглядное подтверждение этой доктрины.

При нагнетании польских событий со второй половины 1980 г. (подписание гданьских и щецинских соглашений, легализация независимого профсоюза «Солидарность»), в которых особенно активно участвовала американская пропаганда, наряду с совершенно непредсказуемыми выступлениями тогдашней оппозиции и представителей правящих властей, в СССР могла возникнуть тревога за положение в Польше. Тревогу эту усиливали просьбы, направляемые Леониду Брежневу некоторыми государственными и партийными деятелями. Суть этих обращений — не допустить ликвидации социализма в Польше. Об этом упомянул недавно (в ноябре 1989 г.) бывший Первый секретарь ЦК ПОРП Станислав Каня, выступая на страницах варшавской «Политики», не назвав, к сожалению, конкретных авторов таких обращений. С. Каня, известный своей нерешительностью, внес между тем определяющий вклад в новейшую польскую историю — он занял твердую позицию на недопущение советской интервенции и сумел избежать кровавой драмы в нашей стране, как это случилось в Венгрии и в ходе недавних румынских событий.

Вблизи восточных границ Польши в 1981 г. были сконцентрированы войсковые соединения с полным оснащением, включая полевые госпитали, а командование расквартированной в Польше Северной группы советских войск было предупреждено о возможности объявления боевой готовности. Военные штабы США регистрировали советские военные приготовления с помощью спутников. Какие-либо передвижения войск немедленно оглашались средствами массовой пропаганды, что только способствовало нагнетанию антисоветской истерии, приходящей в Польшу с Запада.

Следует спросить, однако, явилась ли дата 13 декабря 1981 г. полной неожиданностью для всех? Отталкиваясь от того, что произошло, каждый относящий себя к деятелям оппозиции не мог не учитывать возможных вариантов развития конфликта: вступление советских войск или устранение кризисной ситуации в ПНР собственными средствами. Скажем, администрация США, которая уже за месяц знала о сроках введения военного положения, никак не предостерегла своих союзников из «Солидарности», а лишь сохраняла двусмысленное молчание.

Информацию доставил в Вашингтон в ноябре 1981 г. полковник генерального штаба Войска Польского Куклинский, непосредственно участвовавший в подготовке операции и по прибытии в США попросивший политического убежища. Известное же выступление в январе 1982 г. президента Рейгана, в котором он обрушился на «вероломство» Варшавы и Москвы, объяснить можно не тем, что Вашингтон собирался далее разыгрывать польскую карту и тем более «Солидарности», а тем, что Советский Союз избежал втягивания в польскую гражданскую войну по примеру Афганистана. Ведь новая, еще более трагичная война должна была бы ослабить «братскую семью социалистических государств». В этом случае Соединенные Штаты могли бы рассчитывать на получение еще большей свободы маневров в Центральной Америке, районах Карибского бассейна и других частях мира.

Вывод из сказанного выше таков, что, когда наступило 13 декабря 1981 г., «Солидарность» и оппозиция поняли, что просчитались в своих оценках силы и организаторских способностей властей. Последние же в свою очередь не приняли во внимание возможности возрождения подпольных органов профсоюза и перспективы его возвращения на политическую карту страны.

Несмотря на интернирование членов прежней правящей группы, непоследовательность в привлечении к уголовной ответственности тех, кто был виновен в доведении страны до кризисного состояния, разочаровала значительную часть польского общества, вызвала недоверие к новым властям и провозглашаемым ими переменам. Состояние неудовлетворенности углубляла и непрерывная карусель перестановок в руководстве: Станислава Каню заменяет Войцех Ярузельский, который начинает продвигать Мечислава Раковского — сначала на посты заместителя премьера, вице-маршала сейма, главы правительства и, наконец, первого секретаря ЦК ПОРП. Раковский привлек в правительство своих доверенных лиц — Урбана, Квасъневского и многих других. В ЦК ПОРП, Государственном совете и правительстве ПНР появляются люди, которые не имеют общественного признания в стране, а лишь ассоциируются со сталинской системой расстановки руководящих кадров и с дерзким нежеланием считаться в этих вопросах с мнением общества.

Неудивительно, что все указанные просчеты активно критикует оппозиция, рядовые члены партии, которых партийное и государственное руководство называет не иначе, как «колеблющиеся элементы» или враги строя.

Хотя тяготы военного положения и были постепенно ликвидированы через год, все эти изменения мало удовлетворили общественность, которая все более громко начинала добиваться истинных реформ, соответствующих современной эпохе. Каждая правительственная инициатива (работа в субботу, особенно в угледобывающей отрасли; референдум о проведении реформы; выборы в сейм 1985 г.; реформа образования; уставы о профессиональных союзах, о специальных полномочиях для правительства и т. п.) торпедировалась подпольными или полуполигальными ячейками «Солидарности». Начиная с 1982 г. в Польше стала складываться патовая ситуация.

Тупиковый период, наступивший после отмены военного положения в Польше, был назван оппозиционными кругами «польско-ярузельской войной». Это должно было означать, что общество единогласно выступает против генерала Ярузельского, символизирующего своей особой партию, правительство и армию в период, когда все эти функции сосредоточились в одних руках.

Экономическая ситуация ухудшалась, что усугубляло неудовлетворенность общества и нагнетало нервную атмосферу между противостоящими политическими группировками. Примером такой словесной конфронтации может послужить встреча заместителя Председателя Совета Министров Раковского и Валенсы на собрании коллектива верфи имени Ленина («поговорим как доктор с доктором...») — это был тонкий намек на Нобелевскую премию, полученную Валенсой, намек, который позднее сам Раковский признал не вполне уместным. В подобном духе, подчеркивая всякий раз «неофициальность» Валенсы, проводил свои еженедельные встречи с местными и заграничными журналистами официальный представитель правительства по печати Ежи Урбан.

И дело не ограничивалось лишь словесными пикировками, поскольку при каждой подвернувшейся okazji (а всякого рода дат в Польше всегда было достаточно) доходило и до прямой конфронтации с властями в таких городах, как Варшава, Вроцлав, Гданьск, Щецин, Краков, Нова — Гута, и многих других. Некоторые круги приступили к давлению на власти, с тем чтобы они усилили репрессии против «бунтовщиков». С этой же целью через сейм провели закон о чрезвычайных полномочиях для правительства вместе с поправкой, усиливающей действие существовавшего порядка наказаний. Все это значительно активизировало определенно настроенную часть партийного аппарата и находящиеся под его влиянием спецслужбы (прежде всего силы безопасности и специальные отряды милиции). Кульминационным моментом стало задержание и убийство работниками службы безопасности ксендза Ежи Попелушко, брошенного затем в воды Вислы. Последний был широко известен как капеллан «Солидарности» на металлургическом комбинате Варшавы — одном из крупнейших предприятий столицы. Похороны Попелушко стали грандиозной политической манифестацией в стране.

И несмотря на то что виновные были арестованы и осуждены, процесс над Гжегошем Пиотровским и его сообщниками вызвал чувство неудовлетворенности. Не были установлены истинные инициаторы этого преступления. В то же время под предлогом «неуплаты членских взносов» был исключен из партии секретарь ЦК ПОРП Милевский, ответственный за контроль аппарата службы безопасности. Общественностью это было расценено как насмешка. Дела о тайных убийствах не закончились на Ежи Попелушко. Оппозиционные источники говорили о 93 таинственных кончинах граждан, связанных с «Солидарностью». Выяснением этого вопроса занялась в 1989 г. специальная парламентская комиссия, работа ее еще продолжается.

Оптимистические перемены во внешней политике СССР конца 80-х годов дали основание надеяться на открытие широкого диалога поляков в качестве единственного пути выхода из кризиса. К аналогичным выводам пришли также и

руководители ПОРП, их союзники по коалиции — Демократической партии и Объединенной крестьянской партии. Десятый январский пленум (1989 г.) ЦК ПОРП и чрезвычайный конгресс Демократической партии вместе с ОКП указали на необходимость обновления в своих рядах, на неизбежность консолидации общества в условиях, когда вопрос стоит о выводе страны из глубокого экономического-политического кризиса. Возражений и взаимных претензий накопилось, однако, столько, если говорить о правительстве и оппозиции, что казалось невозможным преодолеть все накопившееся после 1981 г. Единственным связующим элементом, а также силой, способной смягчить противостояние в Польше второй половины 80-х годов, мог быть исключительно католический костел, представители которого взялись за трудное искусство посредничества в сближении позиций.

И хотя Урбан продолжал говорить журналистам на своих еженедельных пресс-конференциях, что «Солидарность» как движение остается несуществующим для властей, а Лех Валенса является «частным лицом», из сфер, близких к епископату, начались утечки информации о том, что министр внутренних дел Кишак проводит неофициальные переговоры с представителями оппозиции на предмет привлечения их к руководству страной. Назывались при этом пригородная варшавская дачная местность Магдаленка и некоторые объекты костела. Трудно было поверить в возможность такого рода диалога — слишком свежи еще были в памяти тяготы военного положения, одним из организаторов которого был генерал Кишак.

Вот он — второй крупный польский парадокс 80-х годов. Команда Войцеха Ярузельского, того самого человека, который семью годами ранее нанес «Солидарности» серьезный урон и убрал ее со сцены, теперь поставила все в игре за ее возрождение.

После долгих проволочек и формальных процедур удалось начать заседания «круглого стола», во время которых оказалось, что «Валенса конечно же имел что сказать», в то время как для самой «Солидарности» открывался совершенно новый этап. Словом, заседание, в котором участвовали Ярузельский и Кишак, Валенса и Геремек — те, кто интернировал и кого интернировали, — стало редким феноменом в истории Польши, которая избобиловала распрями, мучениями и взаимными обвинениями.

Заседания продолжались более пяти недель, и порой могло создаться впечатление, что, несмотря на все усилия, они так и закончатся безрезультатно. В итоге отдельные комиссии — политического и профсоюзного плюрализма, угольной добычи, народного хозяйства, охраны окружающей среды, образования и другие — все-таки подписали соглашения, которые представили для включения в заключительный, торжественный протокол «круглого стола».

С того момента политическая жизнь Польши стала быстро набирать обороты, а предвыборная кампания в сейм и сенат (вторая палата парламента предусматривалась решениями «круглого стола») придавала ей еще больший колорит. Обе политические силы — ПОРП и «Солидарность» по-разному подошли к предвыборной кампании.

Партия, продолжающая в соответствии с конституцией оставаться ведущей силой в государстве, вела себя традиционно, даже не допуская мысли о каком-либо проигрыше. В списках ее кандидатов наряду с новыми именами молодых реформаторов значились люди, скомпрометировавшие себя в прошлом, даже ведущие свою родословную со сталинских времен. Предвыборные встречи с избирателями ПОРП проводила большей частью для того, чтобы кандидаты в депутаты в который раз продекларировали принятые когда-то партийные решения, причем, как правило, так и не реализованные, которыми аудитория была сыта по горло.

Диаметрально противоположной была предвыборная кампания «Солидарности». Гражданский комитет при Лехе Валенсе стал выполнять функции предвыборного штаба. Улицы польских городов и поселков густо облепили плакаты и листовки, представляющие (нередко в компании с Л. Валенсой) кандидатов на посты сенаторов и депутатов. Каждый из кандидатов должен был иметь благословение председателя «Солидарности», если действительно мечтал о депутатской или сенаторской карьере. Примером может послужить адвокат Сила-Новицкий, советник «Солидарности» и деятель КОР, который избрал другую тактику при подготовке к выборам. Решившись на самостоятельный старт в предвыборной борьбе, этот известный адвокат проиграл представителю «Солидарности», поскольку не заручился поддержкой Валенсы и костела. Иными словами, вместо дискредитировавших себя партийных методов «доставки кандидатов в портфелях» профсоюз Валенсы использовал в выборах 1989 г. свои приемы, оказавшиеся весьма успешными.

В выборах в сейм и сенат 4 июня более 40% имеющих право голоса вообще не пришли к урнам, выразив тем самым недоверие программам партии и «Солидарности». Зато две трети поданных голосов достались оппозиции. И хотя деятели бывшей тогда оппозиции сразу после выборов начали праздновать победу, в сенат не вошел ни один представитель из правящей правительственной коалиции — руководство профсоюза «Солидарность» отдавало себе отчет в том, что при таком раскладе сил не сможет иметь большинства в сейме. Чтобы исправить положение в свою пользу, Л. Валенса предложил создание общего фронта сил «Солидарности» с многолетними спутниками ПОРП — Демократической партией и ОКП. Этот шаг давал надежду на преодоление правительственного кризиса, а также менял результаты выборов в сейм...

Когда данный маневр реализовали, встал вопрос о выборе президента. Войцех Ярузельский сначала отказывался от выдвижения своей кандидатуры из-за непрекращающихся атак со стороны «Солидарности». С согласия костела на пост президента государства официально выдвинули генерала Войцеха Ярузельского. Оппоненты в сейме и сенате согласились, чтобы голосование было открытым.

Избрание президентом Польской Народной Республики Войцеха Ярузельского состоялось большинством... в один голос. Вскоре после той пирровой победы вновь избранный президент предложил на пост премьера кандидатуру Таде-

уша Мазовецкого, католического деятеля, многолетнего работника «Солидарности», в то время главного редактора ее еженедельника.

После долгой борьбы смогло утвердиться в Польше новое коалиционное правительство, в котором два важнейших портфеля (народной обороны и внутренних дел) остались в руках ПОРП. Это должно было символизировать неизменность союзнических обязательств Польши в области международной политики и служить выражением последовательности в проведении внутренней политики.

Просчеты, допущенные ПОРП в ходе выборов, привели к нарастанию недовольства в рядах партии и выступлениям против политики ее руководства. Все чаще раздавались голоса о необходимости созыва чрезвычайного XI съезда партии, ставшего последним в истории ПОРП. Срок проведения съезда был определен на начало февраля 1990 г. Создана (да-да — создана, а не выбрана) комиссия по подготовке съезда, в которой во имя «единства партии» оказались наряду с людьми новыми, реформаторами и скомпрометированные политики из числа тех, что имеют сталинское прошлое.

Итог очередного парадокса очевиден — руководители партии не сделали никаких выводов из прошлой деятельности ПОРП и ошибок на выборах. Документы, представленные комиссии по организации съезда, напоминают набор лозунгов, недомолвок и фантазий на тему о создании левой партии по примеру западной социал-демократии. Ряды членов ПОРП таяли на глазах. И дело завершилось самороспуском партии.

Немало парадоксов нагромодилось в Польше за последнее десятилетие. Разве не относится к ним, например, положение в жилищном строительстве, при котором граждане страны должны ждать собственную квартиру несколько десятков лет? И в это же самое время существует великое множество строек церковных, памятников, призванных увековечить страдания общества. В этой памятной мании некоторые заходят так далеко, что в последнее время даже решили основать очередной комитет для создания монумента польской кавалерии!

А сколько проблем образования, воспитания и др. Дошло до такого парадокса, что студентам невыгодно оканчивать учебу, так как стипендия больше, чем зарплата молодого специалиста с высшим образованием.

Наиболее опасным становится исчезновение культуры, самобытности польского народа. Сменяющие друг друга правительства, в особенности последнее, относили театр, кино, книги и прессу к «предметам рыночных ценностей» (!), что на практике означает их ликвидацию. Наиболее характерной представляется в этом смысле ситуация с книгой, которая обложена государством пятикратным налогом (начиная с фабрики, выпускающей бумагу, и кончая автором, издательством, торговлей и налогом с оборота). А значит, становится практически недостижимой, так как 75% рыночной цены уходит в доход государства. Дошло до того, что под конец 1989 г. сборник произведений Г. Сенкевича, то есть книга из школьной программы, стоил уже 110 тыс. злотых, или половину средней месячной зарплаты по стране. Ничего удивительного, что издатели обратились к мас-

совому выпуску американских комиксов и заваливают рынок откровенной порнографией. Протесты творческих союзов не приносят никаких результатов.

Если говорить о польских писателях, то их интересы не были представлены во время проведения «круглого стола». И получилось, что оказались они на самом краю нищеты, — ведь не затронули их никакие компенсации, связанные с ростом инфляции в стране, ни система индексации авторских ставок. Кроме того, правительство запретило с 1 января 1990 г. любые дотации для творческих коллективов, вследствие чего Изабелла Цивиньска, министр культуры и искусства в правительстве Мазовецкого, сможет быстро получить малопривлекательный титул могильщика польской культуры.

Вопреки обещаниям не подверглась ограничениям даже бюрократия — по своему усмотрению она продолжает творить различные организации, комиссии, группы. Имеется тенденция роста такой деятельности. Так, представители вновь созданного правительства обещали перед выборами существенно сократить правительственные должности. На деле же, не считая так называемых государственных министров, министерских постов стало даже больше, чем было.

Современные польские парадоксы с трудом поддаются пониманию как в стране, так и за границей. А в то же время существует так называемый «план Бальцеровича», призванный вывести хозяйство из клинической смерти. Представленный парламенту, его проект вместе с целым пакетом постановлений настолько широк, что было бы трудно дать исчерпывающую оценку. В главных своих направлениях он приведет к следующему: в 1990 г. реальные доходы населения в среднем уменьшатся на 20% при общем росте цен на 200—600% (говорят и о 1000-процентном росте). Должен наступить спад промышленной продукции и незначительно возрасти сельскохозяйственное производство (также в ценах, регулируемых рынком). Планом предусматривается продажа государственного имущества заграничному капиталу и одновременный рост числа безработных до 400 тыс. человек. Предвидятся и другие тяжелые последствия устанавливаемой системы: уже в конце 1989 г. было объявлено, что с 1 января 1990 г. наступает повышение цен на коммунальное обслуживание в среднем на 400%, услуги — на 250, транспорт и связь — около 300% и др. Все эти меры якобы продиктованы требованиями Международного валютного фонда, членом которого Польша стала три года назад. Суть же членства в этом фонде, как и прежде, в том, чтобы высосать из агонизирующей польской экономики — в форме вступительных и членских взносов — дополнительно еще около 2 млрд долларов, ничего не давая взамен. Были, извините, и обещания, вроде того, что дал президент Буш при встрече с жителями Гданьска. Обещал он «доброе слово в молитве» (до чего же напоминает это одну известную поговорку: «Не хочешь помочь деньгами, поддержи вздохом!») и перспективы перемен «быть может, еще при жизни нашего поколения».

Существуют опасения, что план оздоровления польской экономики, ориентированный на западную помощь, строится на фальшивых предпосылках. Слова президента Соединенных Штатов, упомянутые нами выше, могут служить тому подтверждением. Все чаще польские «страдания» начинают вызывать раздраже-

ние и в других странах Запада. В ноябре 1989 г. консервативная французская «Фигаро» писала в связи с этим:

«...Польское правительство с легкостью жонглирует миллиардами долларов и не только ждет отсрочек на выплату своего долга, но и, как на то недвусмысленно намекали, например, во время пребывания в Варшаве французские политики Жак Делор и Ролан Дюма, простого аннулирования долгов. Польские ожидания огромных сумм раздражают западное общественное мнение, поскольку подобные надежды только указывают на отсутствие реализма. Поляки должны отдавать себе отчет в том, что такие подарки ни одно избранное демократическим путем правительство не сможет объяснить своей оппозиции и общественному мнению...».

Надо признать, что раздражение французского органа печати не лишено оснований, особенно учитывая события в соседних странах — Чехословакии, ГДР и Румынии. Более чем уверен, что капитал будет значительно более охотно предоставляться, исходя из более высокой технической культуры (Чехословакия) и языковой общности (ГДР), перспективности вложений из-за отсутствия долгов (Румыния). Польша же известна малоэффективными связями с другими странами мира, нежеланием своих работников трудиться самоотверженно.

Воистину трудно было бы удачно раскрыть все современные польские проблемы. Хотя и отдаю себе отчет в том, что программа вывода Польши из кризиса является единственным путем выправления экономической ситуации, и прежде всего приобретения для Польши доверия на международной арене, все-таки остается одно опасение: выдержит ли польское общество выпавшие на его долю трудности? Альтернативным развитием событий в случае нехватки выдержки стал бы мощный взрыв в обществе и поворот к призыву радикальных сил (независимо от того, какие они — левые или правые), что, безусловно, явилось бы величайшей трагедией для Польши.

Эти опасности должны предвидеть все политики нашей страны. Отражением их беспокойства стали декабрьское обращение примаса Польши к народу, встреча председателя «Солидарности» Леха Валенсы с секретарями ЦК ПОРП Лешком Миллером и Мечиславом Раковским. Обсуждались на них судьба государства, угрозы справа и слева, необходимость опоры на центр.

Достаточным ли будет этот громоотвод при политической буре, которую в 1990 г. предстоит пережить Польской Республике? На этот вопрос сегодня никто не в состоянии дать ответа, потому что предвидеть общественную реакцию всегда бывает трудно.

ПРИЛОЖЕНИЯ

«Солидарность» в 1989 г. быстро продвинулась от переговоров за «круглым столом» к монополии (!) политической власти и к радикальным экономическим реформам в стране. Такова тематика ряда польских и иностранных публикаций, приводимых ниже с незначительными сокращениями и в хронологической последовательности.

«Не Декабрь ли приближается?»

Статья под таким заголовком за подписью Юзефа Голонки была помещена в № 36 (163) журнала «Пшеглэнд вядомосьци агенцийных» (4.11.1988) и дает представление о накале страстей в Польше накануне все откладывавшихся переговоров властей с оппозицией. «Декабрь» для поляков — это и декабрь 1970 г., кровавое подавление рабочих волнений на Побережье, и декабрь 1981 г. Значительной долей пессимизма веет от этой публикации:

«Генерал В. Ярузельский потребовал от западных стран покончить с обвинениями в нарушении прав человека по адресу государств социалистического лагеря. Эти государства, заявил он на проходившем в Варшаве 26—28 ноября совещании председателей парламентов европейских стран, США и Канады, *«достигли столь значительного прогресса в области прав человека, что самое время оставить критику по их адресу»*. И верно, прогресс, который познается только в сравнении с тем, что принято за исходную точку, такой, что западным критикам и не снился: уже не убивают ни миллионами, ни даже тысячами, не грузят на баржи и не топят в Ледовитом океане, да и вообще почти не убивают, разве что изредка. На Западе, где 70 лет назад дела обстояли примерно так же, прогресс, конечно, не так «значителен»: соверши они (западные демократии) аналогичный скачок — и можно было бы уже производить всю их государственную судебную и тюремную администрацию в ангельский чин.

В Польше же «такой значительный прогресс» приводит на сей день к результатам, описанным в призыве Комиссии помощи и правозаконности при «Солидарности» (известной под названием «комиссия Ромашевского» — Збигнєв Ромашевский и подписал этот призыв от имени комиссии). Этот призыв от 14 ноября озаглавлен **«Против насилия и произвола»**.

«Заявления властей, касающиеся замыслов национального соглашения, и ожидания, которые связывает общественность в стране и за границей с процес-

сом нормализации, совершенно заслоняют опасность, связанную с крайним ужесточением действий милиции в последнее время. Среди 373 человек, задержанных между 16 августа и 7 ноября 1988 г., 49 были зверски избиты. В первую очередь это затрагивает молодежь. Из 149 задержанных студентов избитию подверглись 18, а из 40 школьников — 14, то есть каждый третий. Следует подчеркнуть, что избиения не имели ничего общего с действиями сил охраны порядка, ставящих себе целью разогнать демонстрацию, а являлись сознательным измывательством над задержанными. Унижения, битье по лицу, битье дубинками, битье ногами, а то и утонченное битье по пяткам, битье по почкам или половым органам — все это происходило в автомобилях и помещениях учреждений внутренних дел. Во многих случаях мучительством занимались пьяные офицеры ЗОЛЮ. Иногда, как, например, произошло с 19-летними Анд-жеем Гоштылой и Робертом Кишвуличем из Гданьска, эти избиения, закончившиеся многодневными больничными листами и госпитализацией, не имели ровно никакого основания, кроме разрядки накопившейся нервозности милицейских сотрудников.

Четыре жертвы избиений сейчас лежат в больнице.

Празднование Дня независимости 11 ноября привело к новым избиениям. В Катовицах после богослужения на людей, выходящих из костела, шли в атаку подразделения ЗОЛЮ, в толпу въезжали машины на полной скорости. В результате милицейских действий 63 человека получили травмы. В Познани после того, как демонстрация закончилась, были избиты девять человек, причем особенно измывались над попытавшимся вмешаться членом горсовета Михалом Довнарвичем, которого больше часа избивали в милицейской машине (он получил сотрясение мозга, перелом переносицы, трещину в нижней челюсти).

Таковы неполные итоги последнего периода.

Мы бьем тревогу!

Неужели только смертельные жертвы, такие, как Гжегож Пше-мык или Мартин Антонович, в состоянии встревожить власти и общество, напомнив о существующей опасности?

Мы обращаемся к Епископату Польши, к комиссии сейма по делам юстиции, к членам Консультативного совета, к государственному защитнику гражданских прав, ко всему обществу с призывом оказать давление и остановить волну жестокости. Быть может, от вас зависит жизнь еще одного 18 — 20-летнего человека».

К этому поневоле сжатому документу мы можем прибавить данные, полученные нами из Вроцлава от Анны Коваль-Моравецкой. В Познани среди девяти избитых был активист «Борющейся «Солидарности» **Мацей Франкевич**. Милицейский автомобиль проехал у него по ногам, в участке его сбросили вниз головой с лестницы и дважды избивали в камере. Не до смерти. Не восхититься ли «таким значительным прогрессом»?

Известный экономист Рышард Бугай цитирует слова премьер-министра Раковского на сессии сейма: *«Мы не поколеблемся сильной рукой обеспечить спо-*

койствие государству и гражданам, порядок для реформ, безопасность социалистической ориентации Польши. Знаю, что в этом я могу рассчитывать на активность служб, призванных охранять спокойствие и правопорядок...» — и приходит к выводу: «Опасаясь, что путь, выбранный Раковским, — это жесткая экономическая политика, подстрахованная аппаратом репрессии».

Вслед за упоминанием речи Раковского аналогичные цитаты можно было бы привести и из двух октябрьских выступлений генерала Ярузельского.

«Мне не кажется, что такого рода акцентами можно пренебречь и рассматривать их только как элемент пропагандистско-психологической кампании перед «круглым столом». Весьма возможно, что дело обстоит как раз наоборот: шум вокруг «круглого стола» сыграл роль дымовой завесы, отвлекающей внимание от приготовлений власти к приближающейся конфронтации, которой, по ее расчетам, и так не избежать, ибо не собирается же правительство капитулировать перед усиливающейся оппозицией и все более отчетливо вырисовывающейся перспективой массового бунта коллективов предприятий. Власть сознает, что альтернативой соглашения на продиктованных ею условиях (которое быстро отошло в область мечтаний) может быть только проба сил. Шансы в такой конфронтации дает неожиданность. Было бы совершенно удивительно, если бы после неудавшихся попытки перехитрить Валенсу команда Ярузельского — Раковского не взялась теперь за осуществление альтернативного варианта.

Похуже, что подготовка к варианту с применением силы уже началась. Достаточно бегло перелистать «Трибуна люду», чтобы увидеть те же заголовки и те же высказывания, что осенью 1981 года. «Улицы — не место для переговоров и диалога», — читаешь на первой странице. Снова записные «работницы физического труда» делятся гражданской тревогой: «...те же люди и опять они сеют беспокойство, грозят забастовками, организуют скандалы на улицах и в вузах. Эти люди мало что общего имеют с рабочими и крестьянами, платят же им, что давно уже не секрет, иностранные державы, и щедро» (Трибуна люду. 26 октября).

В последние недели две все чаще и чаще вводятся в действие крупные силы ЗОМО. Еще 13 октября во время большой демонстрации в Новой Гуте в шестую годовщину убийства Богдана Власика ЗОМО держалось в сторонке. Но уже 16 октября в Гданьске зомовцы спровоцировали уличные бои, которые продолжались несколько часов, подогревая атмосферу напряженности во всей стране. 20 октября на улицах Вроцлава СБ (служба безопасности, то есть ГБ) была участников совершенно невинного хэппенинга «Оранжевой Альтернативы», которая на этот раз выбрала себе тему, совершенно не ведущую к конфронтации: с юмором висельника она издевалась над перманентным жилищным кризисом. 19 октября крупные подразделения ЗОМО окружили костел Святого Станислава в Варшаве, где тысячи верующих со-

брались на литургию в четвертую годовщину зверского убийства священника Ежи Попелушко. На этот раз столкновений не произошло, но до этого было недалеко... 23 октября в Гданьске Главный и Старый город был совершенно запружен милицейскими машинами и зомовскими патрулями. 28 октября ЗОМО дважды шло в атаку на демонстрантов: в Варшаве — на студентов Политехнического института; в Катовицах — на шахтеров. Наконец 30 октября наступила невиданная концентрация зомовских подразделений в Гданьске, в Главном и Старом городе, по оценкам специалистов, на Побережье прибыла по меньшей мере целая дивизия. Людей не пропускали на литургию, проверяли документы у идущих в костел Святой Бригитты, со станции железной дороги заворачивали обратно молодых людей, не прописанных в центре Гданьска. Вновь были избиения и провокации.

Такая густота операций ЗОМО после долгого периода молчаливого перемирия не может быть случайной. Не случайно и то, что в последние недели пассажиры поездов, идущих с Варшавы-Западной в сторону Урсуса, наблюдают резкое увеличение количества всех видов полицейских машин возле базы ЗОМО, в то время как на ней спешно идут строительные работы по расширению. Это уже материальные доказательства того, что власть считается с таким сценарием развития ситуации, в который входит конфронтация, а не соглашение.

Оппозиция погрешила бы наивностью, если бы пренебрегла опасностью повторения какой-то версии декабря 81-го. Наступающая зима — не то время, которое может нам дать шансы на выигрыш в прямом столкновении: генерал Мороз — союзник генерала Ярузельского, в чем мы убедились в 1981 г.

Сейчас не время обсуждать, дал ли Валенса себя перехитрить и могли ли события пойти иначе, если бы в начале сентября он чуть-чуть подождал с призывом кончать забастовки. Не время рассуждать, что бы было, если бы... Здравый разум велит заняться самым неотложным — охраной субстанции и структур «Солидарности», а также выработкой ее гибкой тактики в обстоятельствах, когда грозит конфронтация с применением силы, провоцируемая властью, о чем свидетельствует хотя бы решение о закрытии Гданьской верфи. Совершенно ясно, что профсоюз не может позволить себе взвинченно-нервного отклика: принять столкновение в то время и в том месте, какие выберет власть, — неизбежно кончится катастрофой.

Это вовсе не значит, что остается только капитуляция. Между преждевременным столкновением и пассивностью остается широкое поле маневра. Я считаю, что «Солидарность» теперь должна тянуть время, продолжая укреплять свое влияние на шахтах, металлургических комбинатах, а также в деревне.

Время — союзник «Солидарности»: каждый месяц затягивающегося патта (а именно этому должно служить уклонение от столкновения, которое власть торопит) может только ухудшить положение наследников декабря 81-го. Ибо никто, находясь в здравом уме, не поверит, что рассчитанные на

эффект замысла Раковского и зомовдемонстрации силы на улицах могут преодолеть все более углубляющийся кризис. Инфляция, расширяющийся рынок, перспектива нового повышения цен и, наконец, обещаемая ликвидация ряда предприятий поставят правительство в еще более трудное положение, чем сейчас.

Похоже, что «Солидарность» проиграла раунд «круглого стола», но матч на этом раунде не кончается. Посмотрим, как будет держаться на ногах партнер после следующего удара гонга. Известно же, что наступление новой волны массового протеста — всего лишь вопрос времени».

«Два вопроса Леху Валенсе»

Так называется статья Н. Горбаневской в парижской газете «Русская мысль» (16.12.1988), включающая краткое интервью Валенсы.

«В пятницу 9 декабря Лех Валенса совершил первый выезд за границу за семь с лишним лет. Он приехал во Францию по приглашению президента Франсуа Миттерана в связи с празднованием 40-летия подписания Всеобщей декларации прав человека.

В тот же день и по тому же поводу в Париж прибыли гости французского президента — академик А. Д. Сахаров и его жена Е. Г. Боннер, а также главный редактор независимого московского журнала «Референдум» Лев Тимофеев.

На пресс-конференции, которую дал Лех Валенса в последний день своего пребывания в Париже, 12 декабря, самым замечательным, на мой взгляд, оказалось выступление Льва Тимофеева. Я не иронизирую: замечательно было желание Валенсы предоставить русскому правозащитнику и публицисту трибуну. Он сам позвал Тимофеева участвовать в пресс-конференции, а когда зашел разговор о гласности и перестройке, заявил, что Тимофеев скажет об этом лучше.

Сам Валенса привычно и легко обходил острые углы, но не уступал твердо занятых позиций:

— *Мы — за плюрализм без эпитетов: не за «социалистический» или еще какой-нибудь, а за плюрализм как таковой.*

Мы готовы к компромиссу, готовы сесть за «круглый стол», но только как свободные и независимые люди.

Раз он ответил почти рассерженно, когда его спросили: «В августе вам удалось остановить забастовки — думаете ли вы, что вам удастся остановить их и будущей весной?» Он начал с ответа на первую часть вопроса, на вопрос, который не был задан:

— *Я остановил забастовки — демократически. Совершенно демократически,* — и прибавил нередко им повторяемое (в конеч ном счете так и не ответив на сам вопрос): — *Польше забастовки не нужны. Нам нужно работать, нужно защищать свои интересы, жизненный, уровень. Забастовка — оружие на крайний случай.*

После стольких лет почти еженедельного писания о Польше я не могла удовлетвориться материалами пресс-конференции — взять интервью у Валенсы было

моим прямым долгом. Шансов почти не было. После общей пресс-конференции Валенса проводил еще одну, узкую встречу — с «руководителями массмедиа», потом ехал обедать к Шираку в мэрию Парижа и в четыре часа улетал в Польшу. Но мне помогли Бронислав Геремек и Анджей Велевейский, «секунданты» Валенсы. «Пять минут, — поклялась я Велёвейскому, когда минуту назад познакомившийся со мной Геремек представил меня, — только пять минут».

После того как Геремек представил меня («Наташа Горбаневская, русская поэтесса, большой друг Польши»), я добавила к этому то, что считала нужным сказать, прежде чем задавать вопросы:

— Я представляю еженедельник «Русская мысль», который, даже по мнению многих поляков, дает лучшую среди западных газет информацию о событиях в Польше. Мы постоянно печатаем материалы из подпольной печати. Я хотела бы также предупредить, что в своих обзорах в «Русской мысли» мне случается критически отзываться как о руководстве «Солидарности», так и лично о вас. Тем важнее, чтобы вы сами высказались на наших страницах. Я задам вам только два вопроса. Вы слышали, что сказал сегодня Лев Тимофеев о деятельности общества в России, еще не полностью независимого, но стремящегося стать независимым. Есть ли у вас какая-нибудь возможность следить за этим? И имеете ли вы в виду, говоря о перестройке и гласности, только политику сверху, политику власти?

— *Нет, это — процесс... Это началось сверху, хотя не только. Но миру это было показано со всей очевидностью, когда это началось сверху, с Горбачева. Конечно, столько людей боролись — мы слышали об этом — и продолжают бороться. Но это как-то олицетворилось в лице Горбачева. Я надеюсь, глубоко верю... вот люди, которых я здесь встретил: Андрей Сахаров, Лев Тимофеев и многие другие — это те носители, число которых должно увеличиваться и будет увеличиваться, я верю в советский народ, верю, что он найдет достаточно сил для необходимых реформ. Действительно, жертвы были и есть, это так, но все новое, прекрасное рождается в болях. Лишь бы сей час, в конце XX века, накануне XXI века, понести как можно меньше потерь — потери не нужны ни советским народам, ни Польше. Надо задуматься, как это сделать, но делать надо. И поэтому я, еще раз повторяю, верю в советских людей: там найдется достаточно сил, чтобы преодолеть все помехи, которые стоят на пути гласности и перестройки, потому что она нужна народу.*

— Второй вопрос у меня очень конкретный. У нас в последнем номере напечатан призыв комиссии Ромашевского в связи с репрессиями последних полутора месяцев, речь идет прежде всего о политических избиениях. Что вы можете об этом сказать? Видите ли вы в этом политическую линию — власти, министерства внутренних дел или еще чью-то?

— *Я вижу в этом глупость, непонимание и злобу.*

— *Чью?*

— *Некоторых людей, которые представляют не столько власть, сколько какие-то ее отдельные круги...*

— *Но ведь это происходит в разных городах!*

— *Да, но это свидетельствует о слабости, а не о силе. И это слабость. Сильный человек, не демонстрирует свою силу, он знает, что силен. А это слабость, и чем больше будет слабость, тем больше будет таких происшествий. Мы, профсоюзные деятели, должны об этом помнить, должны не позволять себя в это втягивать, ибо это будет повторяться, эти слабые будут притворяться сильными.*

Ласковый женский голос у меня за спиной — за меня — произносит: «Дзенкуемы пану». Мне тоже ничего не остается, как поблагодарить: мои пять минут и два вопроса исчерпаны.

Конечно, я не удовлетворена ответами Валенсы. Тем более не удовлетворена, что оценила его мастерство уклоняться от прямых ответов. Что же касается гласности и перестройки, то у меня ощущение, что он недоинформирован о происходящем сегодня в нашей стране, и в этом виноваты, конечно, прежде всего те люди из его окружения, которые, умея читать по-русски, должны были бы следить за независимыми общественными начинаниями, независимой печатью в СССР. Открытость, расположенность Валенсы к Сахарову, о котором он восторженно отозвался на пресс-конференции, и особенно к Тимофееву — человеку, мы-то знаем, замечательному, но не всемирно знаменитому, свидетельствует о том, что он готов узнавать и ценить незнакомые ему аспекты и мнения.

Настораживает скорее ответ на второй вопрос. Тут уже о недоинформированности речи быть не может, однако Валенса явно хочет видеть в жутких полицейских избиениях злую волю отдельных людей, в лучшем случае отдельных кругов власти.

У меня не было времени, а следовательно, и желания спорить. Тем более что говорил он убежденно, но не навязчиво, понимая, что можно выслушать его мнение и не согласиться. Надеюсь, что у меня будут более благоприятные обстоятельства для беседы с Лехом Валенсой: в августе я побывала в Польше в первый, но заведомо не в последний раз и как раз до Гданьска не доехала.

Поскольку я начала с того, что самым замечательным на пресс-конференции оказалось выступление Льва Тимофеева, позволю себе закончить этот рассказ полным его текстом:

«Принято считать, что отцом перестройки и гласности является Горбачев. Это недоразумение. Разговоры о перестройке, об изменениях у нас в стране надо начинать с имен Солженицына, Сахарова, Анатолия Марченко, умершего в Чистопольской тюрьме два года назад, и конечно же с польской «Солидарности» — движения, которое оказало на российское общество огромное влияние. Вот это все фактически и привело к тем изменениям, которые сегодня зовут перестройкой.

И сегодня для нас нет сомнения, что невозможно успешное развитие этого процесса в одной стране, скажем в России, без параллельного развития процесса в Польше, в Чехословакии, в Венгрии и других странах Восточной Европы. Поэтому мы придаем такое большое значение усилиям независимых общественных групп, движений, личностей в этих странах.

Когда год назад мы проводили в это же время независимый семинар, собравший почти полтысячи человек, мы были особенно рады единственному среди этих пятисот гостей из Восточной Европы — это был Ян Урбан из «Хартии-77». Мы надеемся, что и впредь нам удастся совместить наши усилия с независимым движением в Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и других странах. Пользуясь случаем поздравить Лека Валенсу с теми успехами, которых польское независимое движение достигло. Я совершенно уверен, что наши совместные усилия приведут к тому, что в наших странах будет установлена атмосфера демократии и ненасилия. Психология и идеология насилия обречены, и это несомненно».

«Навстречу новым переговорам Провокация? Но против кого же?».

Две смерти омрачили сближение позиций ПОРП и оппозиций. Об этом заметки обозревателя еженедельной французской газеты «Русская мысль» (27.01. и 3.02.1989):

«20 января в своей квартире, в доме при костеле святого Карла Боромея на варшавском кладбище Повонзки, найден убитым 74-летний священник Стефан Недзеляк. По данным вскрытия, смерть наступила от перелома позвоночника в результате удара тяжелым орудием. У священника переломаны пальцы — следовательно, он защищался. Пока ничто не подтверждает первоначально выдвинутой гипотезы о том, что убийство совершено с целью ограбления. Однако нет и возможности с уверенностью утверждать, что это было политическое убийство, хотя священник Недзеляк был близок к кругам оппозиции, служил молебны на символической «катынской могиле», а недавно отслужил молебен за невинно замученных в Польше в сталинско-берутовские времена.

После широкого жеста, который сделала власть, объявив в резолюции пленума о снятии ограничений на создание профсоюзов, политическое убийство, тем более убийство священника, ей может быть только невыгодно. Власть сейчас стремится убедить, что у нее не только «мина» хорошая, но и «игра» отличная.

Руководство «Солидарности» с известной сдержанностью, но принимает эту игру. 21—22 января в Гданьске состоялось заседание Все-польской исполнительной комиссии «Солидарности». В коммюнике о заседании, в частности, сообщается, что ВИК, по предложению Леха Валенсы создала группу по подготовке переговоров с властями в составе: Збигнев Буяк, Владислав Фрасынюк, Мечислав Гиль. По мере необходимости в эту группу будут кооптироваться члены ВИК и эксперты профсоюза. На заседании принято следующее заявление:

1. ВИК «Солидарности» рассматривает резолюцию пленума ЦК ПОРП о восстановлении профсоюзного плюрализма и легализации «Солидарности» как принципиальный шаг в направлении общественного диалога. Мы ждем, что вслед за этой резолюцией будут приняты соответствующие решения государственных органов. Мы

констатируем, что возникла возможность вести переговоры относительно «Солидарности» и проблем страны.

2. «Солидарность» ждет со стороны политических и административных властей уважения принципа профсоюзной свободы, определенной конвенцией Международной организации труда. С нашей стороны существует готовность действовать в соответствии с правопорядком и с уставом нашего профсоюза в духе высших национальных интересов. Программу, состав властей и организационную структуру «Солидарности» демократическим путем определяют ее члены. Мы ждем, что все стороны, выступающие на общественной сцене, будут ставить благо страны выше любых групповых интересов. Рекомендуем так изменить предписания законов, чтобы можно было находить легальный и мирный способ разрешения конфликтных ситуаций.

3. Драматическое положение Польши — экономическое, материальное, экологическое — является общеизвестным фактом. Причины этого заключены в существовавшей до сих пор системе власти. «Солидарность» много лет требует глубоких экономических и политических реформ. Сейчас возникает возможность широкого взаимодействия в борьбе с кризисом. Для этого необходимо договориться о программе реформ, действий и о том, как будет осуществляться общественный контроль. Реформы нельзя проводить за счет дальнейшего понижения жизненного уровня общества. Необходимо покончить с разбазариванием средств и пересмотреть бюджетные расходы государства.

4. «Солидарность» с удовлетворением приветствует заповедь политического плюрализма. Мы выступаем за восстановление политических свобод и демократической организации общественной жизни, за свободу организации для групп и кругов общества, за подлинную независимость судов и судей, за свободу слова и свободный доступ к средствам массовой информации.

5. *Общепольская исполнительная комиссия «Солидарности»* считает, что необходимо как можно скорей начать переговоры. Они должны носить деловой, конкретный характер, а о ходе их следует исчерпывающе информировать общественность.

Итак, все вернулось на круги своя: снова ожидается «круглый стол». На этот раз не было широкой забастовочной волны, которая принудила бы власть идти за стол переговоров или делать вид, что идет. Сейчас она все «дарует»: переговоры, легализацию «Солидарности», профсоюзный плюрализм. Не исключено, что эта «щедрость» вызвана страхом перед надвигающейся весной, а с ней — вполне вероятной новой волной забастовок. Собственно, забастовки не прекращаются все время: от нескольких часов до нескольких дней, с требованиями только экономическими или дополняемыми требованием легализации «Солидарности», они перекидываются с предприятия на предприятие, из города в город, но не создают того неудержимого давления, под которым может пасть если не режим, то хотя бы очередное правительство.

«Солидарность» рассматривает эти попытки как стремление саботировать возможное соглашение между нею и властями. Можно предположить и другое:

перехватывая в нечистые руки оружие забастовки, партия со своими «профсоюзными активистами» тренирует «Солидарность» на отказ от забастовок. Если в резолюции ЦК ничего не говорится о тех условиях легального существования «Солидарности», которые выдвинул на пленуме Раковский, то нет сомнения, что аналогичные условия будут выдвинуты на переговорах. Принять их нельзя хотя бы потому, что руководство «Солидарности» не может ручаться, что те или иные шоферы, текстильщицы или металлурги в минуту отчаяния сдержатся ради соблюдения профсоюзной дисциплины. Не принять, идя на соглашение, — трудно.

Соглашение с этой властью невозможно: известно, что она рано или поздно разорвет обязательства, которые подписала. За примерами недалеко ходить: августовские соглашения 1980 г. и объявление военного положения 13 декабря 1981 г., а между ними неполные 16 месяцев, в течение которых власть выполнила один из 21 пункта Гданьского соглашения — разрешила трансляцию по радио воскресного богослужения.

Однако те же соглашения, не выполнявшиеся, а затем и вовсе растоптанные коммунистами, породили «Солидарность», дали ей в течение этих неполных 16 месяцев пережить бурный и по сей день плодотворный опыт, после которого она выжила в подполье, устояла в репрессиях, оказалась не мифом, но живым, жизненно важным фактором для поколений, бывших в 80-м году детьми и подростками. Значит, все-таки оно возможно, «невозможное» соглашение?

Возможно, когда оно не капитуляция. Именно соглашение о капитуляции хотела бы партия сейчас заключить с «Солидарностью»: чтобы за слово, за легальное название «Солидарность» участники будущих переговоров отдали, по существу, все, завоеванное за 16 месяцев и еще 7 лет. Будем надеяться, что они видят эту опасность и не попадутся на крючок.

«27 января в Варшаве Лех Валенса окончательно договорился с генералом Кишаком о том, что «круглый стол» откроется 6 февраля и будет продолжаться полтора месяца. 29 января в Гданьске, во время митинга после богослужения, Валенсу освистали несколько сот молодых рабочих и студентов, которые затем прошли по улицам с криками: «Долой коммунистов», «Долой Раковского». Освистали — это, конечно, крайняя, «экстремистская» реакция, но в ответ на нее Валенса разгневанно заговорил о провокациях... (Не впервые: мы могли бы здесь процитировать, например, пресс-конференцию Валенсы в Гданьске около месяца назад, но, во-первых, это будет слишком обескураживающее чтение для наших читателей, во-вторых, нам предстоит сообщить о действительно трагическом событии.).

Слово «провокация» в эти дни легко срывается с языка в некоторых варшавских и не только варшавских кругах. До пленума ЦК оно тоже звучало, но не так ясно было, кто же кого провоцирует, да и зачем. Сейчас все стало «ясно»: борьба идет внутри партаппарата, ястребы провоцируют общество, настраивая его против голубей.

Так, «провокацией» считается в этих кругах убийство отца Стефана Недзеляка, хотя слово «убийство» произносится нетвердо, чтобы не опровергать до конца версию «несчастливого случая».

«Провокацией», вероятно, будет объявлено и убийство еще одного священника, но тоже подспудно. В конце концов «провокацией» объявят мысль о том, что это убийства...

30 января в Белостоке найден мертвым священник Станислав Суховолец. По первоначальным предположениям, смерть наступила от удушья. По результатам вскрытия, проведенного 31 января, эксперты пришли к выводу, что священник, вероятно, задохнулся угарным газом. Те, кто успел увидеть тело и комнату до того, как тело забрали, а комнату опечатали, задаются вопросами, ставящими под сомнение этот вывод.

Почему собака священника, большой доберман, не учуяла запаха газа и не залаяла? Почему у священника руки черны от сажи, а пижама — чистая? Почему некоторые предметы обстановки покрыты какой-то черной пылью, а на других ничего не осело?

Известно, что эксперты, проводившие вскрытие тела священника Стефана Недзеляка, констатировав (кроме перебитого позвоночника, о чем мы уже писали) переломы носа и челюстей, следы ушибов на лице, плечах и ногах, не исключили возможность «несчастливого случая». Доверять официальным экспертам до конца нельзя, а других к экспертизе не допускают.

Священник Станислав Суховолец — родом из села Суховоля, оттуда же, что и отец Ежи Попелушко. «Ксендз Ежи» был для него другом и образцом поведения. Когда убийцы из ведомства генерала Кишака замучили отца Ежи (кстати, тяжело вспомнить, но и тогда кое-кто в тех же кругах оценил убийство священника как провокацию... против Ярузельского, а сейчас этот мотив подхватил не кто иной, как Ежи Урбан, заявив по поводу нынешних убийств: «Нельзя исключить провокации, как с ксендзом Попелушко (...), но пока ничто не позволяет верить» в то, что «существует, мол, заговор против священников»), тогда отец Станислав был приходским священником костела Святых Петра и Павла в Суховоле. Он создал там скромный мемориал мученика «Солидарности» и, главное, с самого начала взял на себя опеку над родителями отца Ежи. Он сопровождал их на могилу сына в Варшаве. До самой смерти он выплачивал им из своих средств небольшую ежемесячную пенсию — такую же, как посылал родителям сын, пока был жив.

В 1983 г. госбезопасность передала Епископату список «ксендзов-экстремистов». Первым в списке значился Ежи Попелушко. Были в нем и имена обоих ныне убитых священников.

В гебистском понимании отец Станислав Суховолец — конечно, экстремист. Он не только поддерживал «нелегальные структуры», он был единственным священником — членом Комиссии помощи и право-законности при «Солидарности», где он представлял Белостокский регион.

Отец Стефан Недзеляк, как всем было известно, получал анонимные письма с угрозами. Он носил их с собой, но после смерти они не были обнаружены, что служит очень серьезным аргументом против гипотезы как «несчастливого случая», так и «уголовного ограбления с убийством». Зато для официального следствия

пропавшие письма перестают существовать, они больше не вещественное доказательство, и можно с легкостью защищать ту или другую из двух гипотез.

Отец Станислав Суховолец не только получал письма с угрозами — на него неоднократно совершали нападения, устраивали «аварии» машины, в 1985 г. «неизвестные» избили его, в августе прошлого года забросали ветровое стекло идущего автомобиля камнями (точно так за неделю до окончательной, «успешной» расправы забросали камнями машину отца Ежи). Через два дня после этого была подожжена квартира родителей священника. Преследовали прихожан в Суховоле и потом в Белостоке, куда отца Станислава перевели три года назад: вызывали на допросы, добивались «сотрудничества». За священником велась постоянная слежка — последний раз его «проводили» до дому накануне гибели.

Но, наверно, и его смерть позволит экспертам и следователям колебаться только от «несчастливого случая» до «уголовного происшествия».

Лех Валенса не пошел на похороны отца Стефана Недзеляка, чтобы не прерывать переговоры с Кишкаком и, вероятно, чтобы не создавать новую «провокацию» демонстративным присутствием.

Похороны отца Станислава назначены на 31 января».

«21 января на шахте «Морцинек» (Ястшембе) бастовали вторая и третья смены. В забастовке приняло участие около 90% коллектива. Накануне в третью смену произошел несчастный случай — четвертый на этой шахте с октября прошлого года. Забастовщики выдвинули требование о введении выходных по субботам (припомним, что это требование было одним из пунктов августовских соглашений 1980 г., не было выполнено властями и в течение легального периода «Солидарности» составляло один из главных мотивов многочисленных забастовок и иных выступлений протеста, вызывая недоумение сторонних, хоть и сочувствующих наблюдателей: «И чего они такую бурю поднимают из-за этих выходных суббот? Потерпели бы. Вот «Солидарность» окрепнет — будут им выходные по субботам...»). Работа в дни, которые должны быть выходными, приводит к переутомлению и несчастным случаям, поэтому решение о забастовке было принято сразу после того, как несчастный случай произошел. Временная шахтная комиссия «Солидарности» призвала шахтеров не выходить на работу в те субботы, которые должны быть выходными. Дирекция шахты приняла решение, что кроме обычных 300% дневного заработка для работающих по субботам шахтерам будут предоставляться отгулы. Однако работа по субботам будет сохранена.

В Варшаве 24 января прошла объявленная заранее акция протеста учителей 63-го лицея. Для поддержки ранее выдвинутых требований, включающих вопросы зарплаты, организации и структурных перемен в польском просвещении, учителя вместо первых уроков провели во всех классах беседы с учениками, объясняя им причины акции и рассказывая о состоянии просвещения в Польше. Молодежь отнеслась к их требованиям с полным пониманием.

В Воломине под Варшавой 25 января прошла четырехчасовая забастовка в одном из цехов металлургического комбината. Работники этого цеха выдувают внутреннюю часть термоса с применением технологии прошлого века, зарабатывают 60 — 70 тыс. злотых (тем временем доллар по курсу черного рынка достиг 3400 злотых — пересчитайте сами). Работа в этом цехе приводит к болезням легких, язве желудка и двенадцатиперстной кишки и другим тяжелым заболеваниям. Забастовщики требовали повышения зарплаты на 100%. Директор обязался выполнить требование до 10 февраля — на этот срок забастовка прервана.

25 января окружной военный трибунал в Варшаве приговорил Яна Томасевича к двум годам тюрьмы условно с испытательным сроком в три года. (Как раз после вынесения приговора около 40 человек из числа находившихся в зале суда провели демонстрацию у посольства ЧССР под лозунгом «Долой коммунистические диктатуры». Ну чем же, кроме дубинок, расслабляющего газа и задержаний, могли ответить подчиненные генерала Кишака на такую провокацию?).

Ян Томасевич был арестован 13 декабря 1988 г. во время демонстрации возле Варшавского университета. После задержания госбезопасность передала его в распоряжение военной прокуратуры, и он был обвинен в том, что уклонялся от военной службы и скрывался. На него, как внезапно оказалось, даже был объявлен розыск. А он, ничего не зная о розыске, жил у себя дома, ходил в университет, ни от кого не скрывался, никаких повесток или визитов властей не получал. Он действительно в свое время был призван в армию, но отказался служить, и вскоре военкомат уведомил его, что армия не заинтересована в человеке с такими политическими взглядами. Больше его никуда не вызывали и не призывали. Но вот он вышел на демонстрацию и тем, конечно, спровоцировал власти как военные, так и штатские. Два года — спасибо, условно».

«Радикальный минимализм»

Эта пространная статья члена Всепольской исполнительной комиссии «Солидарности» Збигнева Ромашевского, главы комиссии помощи и правозаконности при «Солидарности», была опубликована в парижском журнале польских эмигрантских кругов «Культура» (март, 1989):

«Давно уже меня одолевала мысль написать обширную статью с анализом положения в Польше, но темп событий в стране не оставлял времени, необходимого для того, чтобы отойти в сторону от ежедневной беготни и поглядеть вокруг себя более широко. Майские забастовки, выплата компенсаций забастовщикам, подготовка Международной конференции по правам человека в Кракове, конференция, августовские забастовки, снова выплата компенсаций, на этот раз огромных, массовые увольнения — все это, сплетаясь с то усиливающимися, то слабеющими волнами задержаний, административных судов, избиений и конфискации имущества, составляло наиболее реальную осязаемую

действительность, окружающую Комиссию помощи и правозаконности, и мешало впадать в энтузиазм по поводу «круглого стола», телевизионной дискуссии или триумфа Леха Валенсы во Франции.

Только когда наступили праздники рождества и Нового года и даже самые ярые оппозиционеры уселись за праздничные столы, а телефон звонил лишь изредка, пришло время задуматься и начать подсчет достижений и потерь 1988 года. Итоги получаются, пожалуй, неплохие.

Что дает основания для оптимизма? Вероятно, то, что в обществе преодолена апатия, возродилась жажда деятельности, желание взять свою судьбу в свои руки, медленно, но неуклонно возрождается широкое общественное движение. Забастовки, будь то майские или августовские, — это не реализация каких-то глубоких политических концепций, но весьма однозначное проявление массовых чаяний. Думаю, что для властей они стали сигналом тревоги, велящим предпринять шаги к реальному осуществлению реформ, обещанных чуть ли не с самого начала военного положения.

Что негативного обнаружил 1988 год? Думаю, прежде всего — и это касается как власти, так и оппозиции — отсутствие реформаторских концепций, способных ясно и недвусмысленно дойти до людей и ответить на повседневные трудности, испытываемые народом. Этот весьма опасный процесс я назвал бы «отчуждением элит» — оно чревато потерей общественного авторитета и риском неконтролируемых взрывов социального протеста.

До сих пор, пытаясь описать положение в Польше, мы использовали модель крайне поляризованных противостояний: народ — красные, оппозиция — власть, Валенса — Ярузельский, демократы — тоталитаристы, «Солидарность» — ПОРП, добрые и злые.

Хотя и сегодня эта двухполюсная модель по-прежнему наиболее широко принимается как модель польского общества, она уже не в состоянии объяснить целый ряд общественных явлений, а с существующими противостояниями начинают конкурировать новые, которые, продолжая обостряться, в течение 1989 г. могут совершенно изменить картину польского общества и польских проблем. Молодые и старые, богатые и бедные, радикалы и умеренные, левые и правые (что бы ни означало это сейчас в польских условиях) или, наконец, политически активные элиты и остальное общество — все это проблемы столь весомые, что могут быстро занять первое место в прежней модели.

Быть может, это свидетельствует об эволюции системы и отражает нормализацию обстановки в стране, тем не менее нарастание новых проблем при нерешенных старых трудно считать панацеей от недомоганий, ощущаемых всеми.

Трудно прикинуть и вес отдельных проблем, поскольку успешное блокирование демократических механизмов как властью, так и оппозицией затуманивает картину и заслоняет ее фасадом договоренностей и недоговоренностей, успехов и поражений, которые легко рассматривать в рамках черно-белой модели, но которые не всегда соответствуют реалиям сегодняшней Польши.

Вдобавок все затянато сетью личных эмоций и обид, из-за которых картина отношений в Польше выглядит совершенно бестолковой или, хуже того, толкуется совершенно наоборот.

Августовские забастовки и возникшая в их результате вероятность проведения переговоров за «круглым столом» положили начало процессу фундаментальных перемен в соотношении политических сил в Польше. Это, с одной стороны, создание ряда сильных центров профессионального движения, с другой — поляризация, идущая как в лагере власти, так и в оппозиции.

Если первый пункт, по существу, не нуждается в комментариях и является просто констатацией того факта, что в Ястшембе, Сталево-Воле, Щецине, Гданьске, Белхатове возникли сильные, пусть даже далекие от совершенства центры профессионального рабочего движения, то второй требует более подробного разговора.

Дискуссия на пленуме обнаружила, что внутри ПОРП есть весьма сильные расхождения по поводу как концепции власти, так и переговоров и соглашения с оппозицией.

Ясно, что сама мысль о том, чтобы поделиться властью, для большинства участников пленума была неприемлема. Партия уже давно потеряла мало-мальски отчетливое идейное лицо, и членство в ней практически означало доступ к власти и одобрение тоталитарных механизмов. За это одобрение нередко приходилось платить социальным остракизмом, и оно являлось решающим, когда тот или иной карьерист подбивал итоги. Когда им сообщили, что они являются идейными коммунистами, а властью придется так или иначе делиться с оппозицией, это неизбежно вызвало острое разочарование и горечь, откровенно прорывающиеся в отдельных выступлениях.

Окончательный результат пленума — установку в отношении профсоюзного и политического плюрализма — следует признать недвусмысленным проявлением наличия в партии реформистской группы и ее реальной победы.

Вопрос, действует ли эта группа во имя правильно понятого блага страны или же ее целью является реализация частных групповых интересов, лежит не столько в области фактов, сколько в области эмоционально окрашенных догадок и не слишком поддается оценке. Лично я считаю, что есть и то и другое, как внутри всякой политически действующей группы. Фактом зато остается перемена политической концепции, а проблемами — перспективы ее проведения в жизнь и понимание того, что мы называем благом страны.

Не избежала раскола и оппозиция. Тому я вижу две причины. Первая — подчинение магии социотехнических приемов власти. Вторая — элитарность и, главное, герметичность проводимых переговоров.

Кинутая властью идея наличия конструктивной и неконструктивной оппозиции нашла в оппозиции широкий отклик. Во всяком случае, когда власть в конце концов перестала выставлять возражения против экспертов профсоюза, вопрос сошел с повестки дня, хотя несколько 'довольно серьезных оппозицион-

ных организаций, например Конфедерация независимой Польши, «Борящаяся «Солидарность», ППС-РД*, Рабочая группа Общепольской комиссии**, остались в «неконструктивном» поле. Так простенький прием, пушенный в ход властью, привел к тому, что людей начала больше разделять их «конструктивность» или «неконструктивность», чем объединять их оппозиционность.

Нельзя умолчать и о заслугах в этом благочестивом деле самой оппозиции, как конструктивной, так и той другой. Одни, священнодействуя у алтаря герметичных переговоров и не выдвигая разумных, конкретных требований, подрывали свой кредит доверия, другие не пробовали даже усмотреть возможности, вытекающие из переговоров с властями. Одни беспокоились, как бы за столом переговоров не возникла толкучка, другие, обиженные, априорно осудили идею в целом.

Если речь идет о герметизме и элитаризме ведущихся переговоров, то он, по моему, вышел далеко за пределы, диктуемые тактикой, и в известной мере стал завесой групповых интересов избранных элит «Солидарности». Немалую роль в непроницаемости переговоров сыграло также отсутствие ясной собственной концепции соглашения и вытекающая отсюда пассивность.

Во всяком случае, это подорвало авторитет руководства «Солидарности» (что бы мы ни имели в виду под руководством) и обострило вырисовывающиеся расхождения.

Таким образом, сейчас обстановку в Польше можно описать, констатируя наличие, говоря упрощенно, четырех политических групп — оппозиции в оппозиции, примиренческих групп Валенсы и Ярузельского и партийной оппозиции.

Легко заметить, что параллельно снятию противоречий между «Солидарностью» и партией будут нарастать противоречия внутри отдельных лагерей. Часто встречаемое пренебрежение к группировкам, стоящим в оппозиции к Леху Валенсе, — опасное недопонимание, так как факт широкой поддержки Валенсы в кругах, создающих общественное мнение, вовсе не равнозначен широте социальной базы. Блокирование демократических механизмов в «Солидарности», вызванное введением военного положения, привело к обстановке, в которой наиболее активные сегодня круги студенческой и рабочей молодежи не представлены в руководящих органах «Солидарности».

Таким образом, начавшийся процесс поисков соглашения будет настолько же политически привлекательным, насколько сумеет появляющийся центр собрать вокруг себя широкую социальную базу. В противном случае попытка прийти к соглашению окончится либо провалом, либо необходимостью выработать новую форму авторитарного правления.

Я считаю, что соглашению нет альтернативы, однако если мы хотим, чтобы попытка соглашения закончилась успехом, то следует не меньшее внимание,

* ППС-РД — Польская социалистическая партия, фракция «Революционная демократия».

** Рабочая группа — объединение членов Общепольской комиссии, не введенных во внеуставные руководящие органы «Солидарности».

чем на сам процесс переговоров, обращать на процессы, идущие внутри оппозиции.

Сегодня мы отдаем себе отчет в том, какую цену нам придется платить за восстановление легальности нашего профсоюза. Она, по сути дела, выше, чем мы ожидали, и в первую очередь касается участия в выборах и в распределении депутатских мандатов в сейме.

Почему я считаю эту цену очень высокой? Потому что, не предоставляя реального участия в отправлении власти, она накладывает на нас ответственность за состояние государства — состояние катастрофическое, на которое мы сорок с лишним лет не имели никакого влияния. Сегодня все отдают себе в этом отчет, но через полгода-год в глазах широчайшего общественного мнения мы будем делить ответственность за хозяйственный крах, инфляцию, обнищание общества поровну с Яру-зельским, Раковским и их соратниками.

На мой взгляд, принять такую цену можно лишь при двух условиях: во-первых, чтобы экономическая реформа не проводилась за счет общества и, во-вторых, чтобы участником проблематичной власти стала не «Солидарность».

«Солидарность» как общественное движение не обладает надлежащей организационной структурой, которая могла бы обеспечить ей подлинное участие в управлении, а «Солидарность» как профсоюз должна бояться таких шизофренических решений как огня. Сорок лет опыта с «ведущей силой нации» обязаны служить нам предостережением от создания такого рода чудищ, которые за все отвечают и всем руководят, являясь единственно правильным представительством общества, заботятся об экономике, окружают заботой трудящихся, ведут внешнюю политику и т. д. и т. п. Это мы уже проходили.

Пусть каждый до конца отвечает за то, за что взялся. Профсоюз является институтом, который, если не хочет потерять общественное доверие, должен прежде всего представлять интересы трудящихся. Он может, понимая нужды экономики, заключать компромиссы, но не может одновременно представлять и трудящегося и предпринимателя, будь то государство или акционерное общество с ограниченной ответственностью.

Для политиков и их всеохватных доктрин исправления Речи Посполитой есть политические партии, которые, дай бог, будут развиваться, заключать коалиции и разрывать их, выдвигать своих кандидатов или бойкотировать выборы. «Солидарность», конечно, будет оказывать поддержку одним кандидатам и отказывать в ней другим, в зависимости от того, как в их программах будут учитываться интересы трудящихся и профсоюза. Более того, в начальный период «Солидарность» будет обладать невероятно сильным влиянием на политику, как это происходило на Западе в 50—60-е годы, но лишь в том случае, если сохранит свой профсоюзный характер, если останется представителем трудящихся, если вновь обретет свой облик.

В процессе реформ роль «Солидарности» незаменима. Ей придется быть амортизатором социальных процессов, оказывать влияние на их темп и размах, вести от имени трудовых коллективов переговоры об условиях реформ, но она не

может принимать на себя ответственность за эти условия. Реформы, способные принести экономическое возрождение, будут неизбежно сопровождаться глубокими социальными изменениями, они приведут к потере людьми работы, к необходимости переквалификации, потребуют рассмотрения и решения этих проблем. Это гигантская задача для профсоюза и его основной вклад в дело реформ, и я не очень-то себе представляю, чтобы «Солидарности» хватило на что-то большее. Постараемся в рамках реформ защитить интересы трудящихся — и тогда мы обречем общественное доверие и восстановим «Солидарность». Если мы этого не сделаем, то сомневаюсь, что нам удастся каким бы то ни было способом положительно воздействовать на судьбы польского государства.

Среди многочисленных проблем, которые должны обсуждаться за «круглым столом», кроме политической реформы главное внимание приковывает «столик» экономических реформ. Всем известно, что дела обстоят очень плохо, что без фундаментальных реформ ехать некуда, что кризис, что инфляция, что с этим надо что-то делать. Можно даже предположить, что общие очертания реформ в известной степени приняты общественным консенсусом.

Наверное, Стефан Куровский или Рышард Бугай* отказались бы признать за собой отцовство реформ, подчеркнув целый ряд искажений, непоследовательностей и нелепиц, тем не менее среди всего этого можно при наличии доброй воли обнаружить экономические требования, содержащиеся в программе профсоюза, принятой на I-м съезде делегатов «Солидарности», и повторенные в других профсоюзных документах. Поскольку программа профсоюза, как бы то ни было, отражала чаяния 10 млн его членов, а власти были вынуждены ее принять, можно было бы утверждать, что достигнуто национальное согласие.

Уравнивание прав трех секторов, поддержка независимых хозяйственных начинаний, пуск в ход механизмов рынка, допуск иностранного капитала, оборот валютных средств, изменение структуры промышленности, приоритет, данный сельскому хозяйству, строительству, охране окружающей среды, — все это выглядит правильно. Конечно, реформы, проводимые под руководством премьер-министра Раковского и министра Вильчека с опорой на тот же самый партийно-хозяйственный аппарат, вызывают в памяти nepoтuзм эпохи Терека, но не это возбуждает во мне самую большую тревогу. Больше всего меня беспокоит то, что обе стороны, настроенные в пользу реформ, и власть, и оппозиция, даже не заикнутся о том, какие печальные последствия несут реформы для общества. Не хочу вдаваться в вопрос, есть у власти реформаторские намерения или нет, сможет окаменелый партаппарат — пресловутый «бетон» — заблокировать реформы или же реформы охватят и партию. Меня интересует только успешный случай, а именно когда в рамках антикризисного пакта мы будем реформировать экономику, то, во-первых, откуда мы возьмем на это деньги, а во-вторых, что случится в ходе реформ с обществом?

* Ученые-экономисты — эксперты «Солидарности». — Пер.

Что касается первого вопроса, то ответ, подозреваю, таков: если власть войдет в соглашение с оппозицией и оппозиция гарантирует, что общество не будет бунтовать, то получившая таким образом кредит доверия власть во имя защиты перестройки раздобудет какие-то деньги на Западе.

Хуже дело со вторым вопросом. Власть на него отвечает: «Это все устроит пани Янина Круль из Министерства труда, зарплаты и социальных вопросов». Если реформы действительно вступят в действие, то я не позавидую пани Янине Круль, но ответ властей считаю неубедительным. Что же касается оппозиции, то она не только не отвечает на этот вопрос, но даже не ставит его, и если помнить, что она выросла на основе профсоюза, то это отмалчивание вызывает крайнее недоумение. Нужно либо полностью не верить в возможность реформ, либо представить их себе как гигантский социальный катаклизм. Закрытие предприятий, локальная, а то и повсеместная безработица, необходимость организовать переквалификацию, необходимость перемещения людей при полном отсутствии жилищных резервов и т. д. и т. п. Это лишь проблемы с так называемой рабочей силой, той самой, которую не так давно называли субъектом истории. А ведь это еще не все — это только наиболее ощутимые, наиболее заметные последствия. Реформы, в которых нуждается польское народное хозяйство, требуют изменения иерархии ценностей, изменения умонастроений общества, приведут к выдвиганию или деградации целых социальных групп. Путь от капитализма к реализму был крайне тернист, и нет оснований считать, что переход к нормальному обществу окажется легче. Почему об этом молчат? На чем основаны надежды, что как-нибудь все обойдется? На второй палате парламента? Шуточки! В обстоятельствах, когда взамен на по-прежнему неясные обещания политических реформ власть собирается ограничить права общества в таких сферах, как полная занятость, 42-часовая рабочая неделя, здравоохранение, социальное страхование, права трудящихся, следовало бы, наверное, сосредоточиться именно на этих вопросах. В противном случае и судьба реформ, и судьба исторического компромисса представляются мне весьма печальными.

Если «Солидарность» не создаст ясную программу действий в защиту трудящихся, если она не отвоюет себе соответствующие организационные формы, орудия натиска и материальные средства, позволяющие осуществлять защиту трудящихся во время проведения реформ, то остальные завоевания «круглого стола», даже включая восстановление какого-то неполного профсоюзного плюрализма, хоть и вызовут временный энтузиазм, не будут в состоянии противостоять взрыву обостряющегося общественного разочарования. Взрыву, тем менее контролируемому и тем более опасному, что общество вступит в борьбу за свои права, лишившись элит и отбросив веру в авторитеты. Выросло новое поколение. Накопилось нетерпение. Возрос общественный радикализм. Вопрос о том, в какой степени оппозиционные элиты отражают общественные настроения, становится все более оправданным.

Мы должны ясно отдавать себе отчет в том, что авторитет руководства «Солидарности» и оппозиционных элит резко снизился и что любое соглашение с

властями, которое для людей не будет вполне однозначным, не сохранит облика «Солидарности» и не создаст возможностей независимой и эффективной деятельности в защиту общества, легко может поставить нас по другую сторону баррикады. И в этом состоит возможный провал переговоров за «круглым столом». Как этого избежать?

Думаю, что есть несколько необходимых условий:

1. Борьба за восстановление легальной «Солидарности», а также подготовка программы действий и обеспечение средств ее осуществления (юридических, материальных и организационных), позволяющих легализованной «Солидарности» предпринять успешные действия в защиту трудящихся при одновременной поддержке целей экономических реформ.

2. Ясное и точное информирование общественности о подготовке переговоров и об их ходе. Формулирование простого и однозначно понимаемого «пакета» требований «Солидарности».

3. Восстановление действия демократических механизмов внутри оппозиции, позволяющих создать репрезентативное представительство.

Шаги по восстановлению легального статуса профсоюза происходят, как я уже писал, в атмосфере пассивности и выжидания: что в состоянии предложить нам власть, прижатая к стенке нарастающим кризисом.

Действительно, мы до конца не знаем, чего власть потребует, а что позволит, но эта исключительная нацеленность на наблюдение за шагами власти как будто вообще не принимает во внимание ни чаяний членов возрождающегося профсоюза, ни условий, необходимых для того, чтобы, став легальным, он смог сыграть положительную роль в процессе общественного обновления.

Вне поля зрения остаются такие элементы ситуации, как возрождение и укрепление организованного профсоюзного движения, а также сопутствующий ему и являющийся ответом на затягивающиеся переговоры рост радикализма трудовых коллективов.

С моей точки зрения, это главный элемент оценки положения, который должен заставить нас пересмотреть наши установки и привести к однозначному определению условий восстановления легального статуса «Солидарности». Если мы не добьемся его сегодня, во время переговоров за «круглым столом», то добьемся завтра, в результате новой забастовочной волны.

Каждый, кто хоть как-то связан с трудовыми коллективами, знает, что на предприятиях вместе с увяданием надежд на результаты переговоров растет сознание необходимости провести весной забастовки. Никто этого не скрывает. Об этом говорят шахтеры в Ястшембе, сталевары в Сталевой Воле, докеры и кораблестроители в Гданьске и Щецине.

Попробуем сравнить положение в декабре 1988 г. с декабрем 1987 г. Год назад маразм и неверие были повсеместными. На предприятиях, особенно в Щецине, небольшие группы отчаянных людей создавали учредительные комитеты «Солидар-

ности», рождалась концепция касс самообороны. А потом — май, август, всеобщее ощущение необходимости «Солидарности» и растущая вера в ее легальное восстановление. Сегодня исходная точка совершенно иная. Пять сильных центров «Солидарности» и возрождающееся профсоюзное движение по всей стране. Сегодня «Солидарность» — это не лучшая или худшая политическая концепция решения социально-политического кризиса, а выражение растущей потребности трудящихся. Мы сейчас действительно не должны дожидаться, какой профсоюз разрешат нам власти, а то скомпрометируем саму его идею. Мы имеем право добиваться нашего профсоюза — притом такого, чтобы он стал ответом на общественные ожидания и конструктивным элементом социально-экономических преобразований.

Если я говорю о пессимизме по отношению к 1989 г., то имел в виду в первую очередь не сопротивление власти, хорошо нам знакомое и систематически слабеющее — параллельно осознанию того, что кризис обостряется, а сопротивление общества не слабеет, — а отсутствие у оппозиции конкретной программы и веры в демократическое общественное движение.

Такие установки подрывают доверие к кругам, считающимся элитой «Солидарности», и у власти, и у общества. Если завтра мы хотим иметь «Солидарность», то уже сегодня должны решить, какой ей быть, а создать профсоюз, который, защищая интересы трудящихся, одновременно будет стимулировать ход экономических реформ, вовсе не просто, и опасения, высказываемые партийными реформистами, отнюдь не лишены оснований.

Картина внезапно возникшей «Солидарности» порядком пугает, в то время как обе другие альтернативы мало что обещают. Что поделаешь, так складывается, что главная база профсоюза — индустриальные рабочие. Так к тому же складывается, что сорокалетняя экономическая политика реалсоциализма, не замечая технологических перемен в мире, привела к положению, когда именно численно развитая тяжелая промышленность приносит наибольшие убытки и нуждается в самых радикальных преобразованиях. Сколько еще времени общество и все народное хозяйство будут доплачивать нерентабельным металлургическим комбинатам, верфям и другим индустриальным предприятиям? Я не экономист и не эколог и не могу рассчитать рентабельность или нерентабельность отдельных предприятий или опасность, создаваемую ими окружающей среде. Да и не знаю, не является ли вообще условием понятие рентабельности в рамках абстрактно назначаемых цен.

Тем не менее, пожалуй, никто не ставит под сомнение необходимость изменить структуру польской промышленности, и ликвидация нерентабельных или опасных для окружающей среды предприятий неизбежна. Наступают увольнения, а новых рабочих мест надо ждать. У людей нет достаточной квалификации, чтобы перейти на другую работу. Они выброшены на улицу.

Перед Комиссией помощи, если для нее найдется место в рамках легализованной «Солидарности», начинают выстраиваться очереди, как перед американским посольством летом. Это, конечно, не уменьшает очередей в разные посоль-

ства — они растут лавинообразно, а с ними растет нетерпение и наглость консульских работников.

Начинаются забастовки, демонстрации, может быть, волнения, летят камни. Какое место намерена занять «Солидарность» в таких обстоятельствах? При нынешнем развитии концепции профсоюзной деятельности я вижу только два решения: либо профсоюз, идя за своей базой, то есть поддерживая требования промышленных рабочих, становится элементом совершенно консервативным, блокирующим реформу, либо вместе с прокуратурой он объявляет забастовки нелегальными, «дикими» и посылает своих представителей объяснять рабочим, что ничего, мол, не поделать, надо потерпеть, ибо этого требует благо страны. Я заранее сочувствую таким посланцам. Подобные уговоры ничуть не помешают росту радикальных настроений в стране и только к тому приведут, что руководство «Солидарности» пойдет в одну сторону, а ее члены — в другую. Невозможно объяснить людям то, чего объяснить нельзя. Я гасить забастовочные пожары не поеду.

Нет ли третьего выхода?

Разумеется, есть, но он требует, чтобы мы сосредоточились на проблемах профсоюза, он требует огромной организационной работы и веры в то, что если мы найдем решение, то, хоть бы оно не получило одобрения властей, построенное нами общественное движение будет настолько сильно, чтобы навязать это решение. Надо верить в людей и в себя. Я совершенно не понимаю, каким образом люди, которые не верят в движение, не верят в возможность реализации широких общественных концепций, в независимые профсоюзные начинания, — каким образом они, вступая на политическую арену, преисполняются уверенности, что, только окажись они у руля, жизнь в Польше сразу перейдет на другие рельсы.

Мы можем сейчас констатировать, что возрождающаяся после августовских забастовок «Солидарность» приближается к абсолютному потолку возможностей развития в условиях открытой, но нелегальной деятельности. В сфере действий Комиссии помощи этот потолок уже достигнут: полмиллиарда, выплаченные после забастовок без телефонов, телетайпов, помещений для работы и банковского обслуживания, это больше, чем максимум возможного. Существующие организационные структуры непригодны для обслуживания такого крупного движения, и, если не будут сделаны шаги по приспособлению этих структур к потребностям момента, дальнейшее развитие погрязнет в наплевательстве, хаосе и безразличии. Наверное, есть еще какие-то резервы, которые можно и надо пустить в ход, но для следующего качественного скачка нужно уже восстановление легальной «Солидарности».

Означает ли это, что мы должны принять любое предложение власти? Наверняка нет, ибо меньшее из двух зол — временно ограничить развитие, а не полностью скомпрометировать саму идею, когда они не в силах разрешить вышеизложенную дилемму.

Я — не окаменелый легалист, у меня нет набожного отношения к уставу «Солидарности» 1981 г. Устав — это инструмент, средство деятельности, и почти восемь лет развития общественных отношений — срок достаточно долгий, чтобы

потребовалось внести изменения. Тем не менее существуют некоторые условия, необходимые для сохранения «Солидарностью» своего облика.

Что должна обеспечить себе «Солидарность», чтобы ответственно приступить к роли независимого профсоюза?

Думаю, что, во-первых, полную независимость формирования внутренней организационной структуры, во-вторых, реальное право на забастовку.

Что касается независимости, то закон о профсоюзах 1982 г. предусматривает регистрацию профсоюза на уровне предприятий и тем самым дает низовым организациям статус юридического лица. Эти организации могут создавать федерацию профсоюзов или же, отказавшись от своего юридического лица, создать единую, общепольскую профсоюзную организацию.

Таким образом, ничто не мешает такой организации иметь свободно выбранную, удобную для деятельности промежуточную структуру — отраслевую, профессиональную или территориальную. Следовательно, вопрос о выборе типа внутренней организации «Солидарности» подлежит суверенному решению профсоюза и никак не должен быть предметом обсуждения на переговорах. И если «Солидарность» собирается сохранить свой демократический характер, то тем более предметом согласования не могут быть никакие кадровые вопросы профсоюза. Когда во время дискуссии с Альфредом Мёдовичем Лех Валенса говорил о другом облике «Солидарности» и о необходимых кадровых переменах, он, как я понимаю, имел в виду прежде всего участие во властях профсоюза демократически выбранных представителей молодых коллективов, движущей силы профсоюза, а не вышвыривание давних, ненавидимых властями «экстремистов». То, что я пишу, совершенно очевидно, однако можно ожидать, что именно в этом направлении пойдет натиск властей, пытающихся ограничить независимость и самоуправляемость «Солидарности». Например, весьма характерно, что в новом проекте Трудового кодекса вообще не учтено наличие промежуточных профсоюзных структур — только низовые и общепольские. В таких условиях организации малых предприятий практически теряют всякую опору и вообще перестают играть какую-либо роль.

Куда более трудная проблема — право на забастовку. Было бы полным недоразумением, если бы мы вместе с ВСПС (официальные профсоюзы. — Пер.), который уже произнес это устами некоторых своих представителей, не заявили бы, что предусмотренное законом 1982 г. право на забастовку — чистая фикция. Я прекрасно понимаю, что, как только мы поднимем этот вопрос, Ежи Урбан заявит, что «Солидарность» возвращается к своим анархистским традициям и, следовательно, не может быть достойным доверия партнером в национальном соглашении. Тем не менее я считаю, что «Солидарность» должна прежде всего сохранить доверие своих членов, а проблему, окажет ли ей доверие Ежи Урбан, отодвинуть на задний план. Мы должны отдавать себе отчет в том, о чем, кстати, представитель правительства по Делам печати говорил вполне ясно. 1989 год принесет нам если не волну, то, по крайней мере, немалое число забастовок на раз-

ных предприятиях. В согласии с законом 1982 г., все они будут объявлены нелегальными. Пока вся «Солидарность» нелегальна и за ношение ее значка отдают под административный суд, нас это может не волновать, но что мы сделаем, когда станем легальными? Примемся ли мы отмежевываться от этих забастовок? Или будем поддерживать их, нарываясь на упрек в невыполнении соглашений? Из этого тупика есть один-единственный выход: фронтальное обсуждение проблемы забастовок. Нельзя не согласиться, что забастовки наносят ущерб экономике, но профсоюз создается не для того, чтобы бастовать, а для того, чтобы решать спорные проблемы путем переговоров. Такие переговоры только тогда перестают быть пустой фикцией, когда существует реальное право на забастовку. И мы должны разработать проект такого закона, широко обсудить его на предприятиях, провести на переговорах с властями, а затем весьма скрупулезно соблюдать. Эту проблему не обойти молчанием.

Две следующие проблемы, относительно которых «Солидарность» должна иметь ясно выработанные и всем понятные позиции, — это защита общества от результатов инфляции и защита трудящихся в ходе проведения экономических реформ.

Скачущая инфляция очевидна для всех, чего, к сожалению, нельзя сказать о позициях «Солидарности» по этому вопросу. Похоже, пора уже представить обществу наши предложения. Снимаю шапку перед специалистами в этой области и, если они в состоянии найти какое-то решение, стану их ярым апологетом, но пока что я вижу лишь два возможных решения: либо заморозить цены и зарплату, либо индексировать зарплату по показателю инфляции. Позиции властей — по крайней мере, те, что мы видим до сих пор, — я эвфемистически определил бы как «половинчатые». Все их старания, по сути дела, сводятся к ограничению роста зарплаты, оставляя вопросы цен флуктуациям свободного (ну, не будем преувеличивать) рынка. Другое дело, что властям это не удавалось и жизнь шла своей дорогой, но намерения их, безусловно, были таковы, а инфляция спокойно росла. Поскольку преодоление барьеров зарплаты успешнее шло на крупных предприятиях, можно предположить, что если последствия инфляции были там хотя бы частично компенсированы, то последствия политики в области зарплаты особенно болезненно проявились на малых предприятиях и в так называемых бюджетных единицах. В это понятие входят учреждения народного просвещения, культуры, науки, здравоохранения, судебные органы, пенсии по старости и инвалидности и т. п. Разумеется, сюда же входят и учреждения МВД и Министерства обороны, но здесь власти не были столь принципиальны в соблюдении созданных ими же антиинфляционных барьеров и зарплата более или менее поспевала за инфляцией.

Что я думаю по этому вопросу? Я считаю, что если мы решаемся на проведение реформ, то их основной элемент — создание свободного рынка, а, значит, любые попытки заблокировать цены попросту абсурдны. Цены должны форми-

роваться на уровне, который будет определен спросом и предложением, и с этим нам ничего не поделать, если мы хотим иметь здоровую экономику. До этого они будут расти, потом, может быть, снизятся, но достичь равновесия системой приказов и запретов невозможно.

Наверное, существуют какие-то экономические механизмы, позволяющие влиять на рост цен, притормаживать инфляцию, но это — дело специалистов, которым я желаю в этой области всего наилучшего. С чем я не согласен, так это с тем, чтобы цену реформ и в целом свободного рынка путем создания барьеров зарплаты переложить на плечи общества.

Где я вижу выход? Вероятно, в так называемой индексации зарплаты и других выплат. Экономисты по ее поводу морщатся, считая, что так же, как с карточной системой, в систему индексации легко влезть, но не слишком-то известно, как потом оттуда вылезать. Тем не менее раз они не выдвигают других конструктивных предложений в этом отношении, лучше выступить за индексацию, тем более что в истории «Солидарности» она обладает долгими традициями, идущими еще от 21 требования, предъявленного в Гданьске (во время августовской забастовки 1980 г., положившей начало «Солидарности». — Пер.).

Что, собственно, означает индексация? Она означает автоматическую привязку роста выплат к росту цен. Следовательно, существует некий наделенный общественным авторитетом орган, занимающийся систематическим изучением роста цен и публикующий полученные данные. Ясно, что в нем участвуют представители профсоюзов, проводящих свои исследования по этому вопросу. Исследуют они рост стоимости жизни. Если стоимость жизни возросла за месяц, к примеру, на 5%, то в следующем месяце все по закону получают на 5% больше. Так, если кто-то в этом месяце получил 50 тыс., а в следующем — 52,5 тыс., то не в результате повышения зарплаты по доброй воле дирекции — это всего-навсего выравнивание его зарплаты в соответствии с тем, что он заработал месяцем раньше.

Существует, конечно, весьма не банальная проблема исчисления стоимости жизни, но ее я оставил бы специалистам. Я же хочу рассмотреть вопрос, возможна ли у нас сегодня индексация выплат. Вряд ли я отвечу на этот вопрос до конца, но приведу по меньшей мере два аргумента за то, что это еще не пресловутый «последний удар» в спину рушащегося народного хозяйства.

Трудно сказать, как выглядит положение сегодня, но, заинтересовавшись этой проблемой в прошлом году, я выяснил, что стоимость рабочей силы в окончательной стоимости продукта составляет в Польше 7—10% (эти максимальные 10% — в горнодобывающей промышленности), остальное поглощают производственные затраты, наценки, налоги, амортизация и т. п. Для сравнения укажем, что в Японии эта доля составляет около 20%, а в Италии — 25% и более. Что это значит? Это значит, что если какое-то изделие стоит, скажем, 100 злотых, то в карман работника попадает семь. Если изделие подорожало, скажем, на 50% и стоит 150 злотых, то при индексации в карман работника попадет 10,5 злотого, а остальные 46,5 злотого поглотят затраты, налоги, амортизация и т. п. Таким об-

разом, мне не очень понятно, почему власть воюет именно за эти три с половиной злотых, а не за все остальное. Это напоминает борьбу с энергетическим кризисом путем отключения света в жилых домах, уличных реклам и фонарей, что выглядит весьма демонстративно и весьма раздражающе, но не приносит никакого результата: сэкономленные таким образом 1—2% энергии никак не повлияют на удовлетворение нужд энергоемкой промышленности Бадьей, как известно, реки не вычерпать.

Опасаясь, что подобным же образом обстоит дело с зарплатой. Кстати, вряд ли частники-«капиталисты» из акционерных компаний, «полонинных» фирм (фирм, организованных поляками, постоянно живущими на Западе — Пер.) или иностранных предприятий доплачивают из своего кармана, но жалование в этих заведениях, как минимум, на 100% выше, чем в государственном секторе. Более того, прижатая к стенке майскими и августовскими забастовками 1988 г., власть сумела без особых проблем изыскать резервы на 20—30-тысячные (и более) прибавки к зарплате, чего, правду сказать, никто не ожидал. Лучше инфляция, чем «Солидарность».

Итак, резервы экономии лежат у нас не в зарплате, а в организации или, точнее, дезорганизации труда, в избыточной бюрократии и т. п. Так не лучше ли вместо того, чтобы вести неустанную борьбу вокруг зарплаты и со страхом ожидать новых и к тому же неизбежных забастовок создать четкую, справедливую, для каждого понятную систему компенсации последствий инфляции? Правда, индексация должна охватить не только тех, кто производит изделие стоимостью 100 злотых, но и тех, кто не производит никакого изделия, то есть пенсионеров, учителей, врачей, судей, научных работников, а также чиновников хозяйственного и административного аппарата, милицию и армию, но даже и так, при весьма неблагоприятном у нас соотношении производительных и непроизводительных работников, вероятно, не больше 10 злотых (из тех 50) уйдет на зарплату, а остальное, как и прежде, поглотят затраты нашего бесхозяйственного народного хозяйства.

Если у нас нет другого, лучшего предложения, выдвинем это и попробуем убедить общество в его полезности. Попробуем оказывать давление. Начнем печатать в наших изданиях ежемесячный показатель роста стоимости жизни — это будет уже нечто конкретное.

Такую инициативу взяли на себя когда-то отдельные группы (Рабочая группа ОК., «Сеть»), но потом оставили. Полагаю, что просто из-за отсутствия средств. Ибо на это тоже нужны средства, установить показатель роста стоимости жизни совсем не просто, ежемесячно исчислять его и анализировать — это работа, и надо иметь людей, которые ею займутся. Вдобавок — чего почему-то никто никогда не замечает, — им тоже надо на что-то жить, а значит, им нужно нормально платить и предъявлять нормальные требования. Вместо того чтобы время от времени обращаться к совершенно неподготовленным, пусть даже квалифицированным специалистам, которые в этих обстоятельствах не в силах выйти за пределы сове-

тов, доступных любому сравнительно одаренному дилетанту, попробуем создать институциональные рамки. Создадим институт, рабочие группы, поставим конкретные проблемы и потребуем конкретных ответов. На это у нас сил хватит.

Теперь вторая капитальная для «Солидарности» проблема — защита трудящихся в ходе проведения экономических реформ. Если мы не выработаем в этой области четкой концепции и не обеспечим за собой надлежащих условий ее реализации, то я, по правде говоря, не знаю, стоит ли восстанавливать легальную «Солидарность», ибо это кончится лишь всеобщей компрометацией и расколом. Не думаю, что могу исчерпывающе описать всю проблематику, но мне лично представляются необходимыми для того, чтобы «Солидарность» успешно прошла трудный период реформ и перемен в структуре промышленности, два условия:

1. Обеспечить за собой соответствующие правовые средства.
2. Обеспечить за собой соответствующие материальные средства, позволяющие смягчить социальные последствия реформ при одновре менном стимулировании их проведения.

Что касается пункта первого, то, по-моему, необходимо подготовить проект закона о защите трудящихся в ходе проведения экономических реформ и путем переговоров добиться его принятия. На проблематику защиты трудящихся в период оздоровления экономики власти по-своему отозвались изменениями в Трудовом кодексе, однако изменения эти носят негативный характер и направлены на резкое ограничение прав трудящихся предприятий, подлежащих ликвидации или реорганизации. При этом стоит отметить, что совершенно иным был подход властей при реорганизации центрального аппарата. Работники ликвидируемых министерств, объединений или других учреждений, согласно специальному постановлению Совета Министров, получали возмещение, стипендии на переквалификацию, им давали возможность раньше уйти на пенсию или предлагали кредиты в размере 2 млн злотых, если они хотели заняться частной хозяйственной деятельностью. Это направление представляется верным, и именно таковы должны быть предусмотренные законом решения в отношении всех, рискующих потерять работу в результате реорганизации предприятий.

Такого рода решения известны во всем мире, и даже столь восхваляемая в последнее время нашей властью г-жа Маргарет Тэтчер не ставила их под сомнение, проводя реформу тяжелой промышленности Великобритании. Переговоры о необходимости массовых увольнений и о величине и характере возмещения являются одним из главных полномочий любого профсоюза, и у «Солидарности» нет никаких оснований от этого отказываться.

Справится ли с этим народное хозяйство? Оно справилось, когда реформировали администрацию, должно справиться и теперь. Тем более что, как я это себе представляю, часть возмещения могла бы передаваться рабочему коллективу в виде какой-то части недвижимого имущества предприятия. Я имею в виду передачу, например, здания или машин группе работников, которые на этой основе хотели бы вести свою хозяйственную деятельность (акционерная компания, коо-

ператив). Это, как мне кажется, вполне согласуется с духом реформ и привело бы к подлинному раскрепощению трудящихся. Что касается второго вопроса, то тема финансов «Солидарности» долго считалась не подлежащей публичному обсуждению, потому-то власти так часто поднимали ее, доказывая, что профсоюз работает «на деньги ЦРУ» (как говорилось в худшие моменты) или «вдохновляемый из-за границы» (вариант на моменты «оттепели»). Думаю, что стоило бы взять быка за рога и вместо того, чтобы исполнять странный контрданс вокруг, например, миллионной дотации от конгресса США и подставлять себя под нападки власти, взять и сказать открыто и ясно, что деньги нам нужны и что мы будем искать средства расширения профсоюзных фондов именно ради защиты польского общества. Власти просят займов и кредитов, чтобы финансировать реформы, почему же нам этого не делать в интересах охраны трудящихся? Я в самом деле не имею ничего против того, чтобы власть эти кредиты получила, потому что стране нужны любые деньги, но это вовсе не значит, что все деньги, предназначенные на нужды проведения экономических реформ, на нужды общества, должны оказаться в руках власти и под ее исключительным контролем. Опыт эпохи Терека и ширившегося тогда nepoтизма — достаточное напоминание для польского общества, чтобы оно подумало о каких-то гарантиях. Одна из этих гарантий — несомненно, расширение общественного контроля, расширение политических свобод, демократизация. Другая — создание своего сильного материального обеспечения, которое позволило бы вести конкретную защиту трудящихся в период реформ при одновременном стимулировании их проведения.

Таким образом, мой подход прямо противоположен идее отказа «Солидарности» от заграничных дотаций, которую усиленно внушали власти. Мое предложение таково: создадим легальный Фонд защиты трудящихся в период реформы и постараемся собрать на это необходимые средства. А суммы это немалые. Если деятельность фонда должна выполнить поставленную цель и всерьез повлиять на ход и характер экономических реформ, то необходимые для этого средства составят, наверно, не меньше 200—300 млн долларов.

Какова была бы цель фонда? Ее можно определить очень просто: опека над освобождающейся в результате реформы рабочей силой и создание для нее возможностей активно включиться в реформированное народное хозяйство. Фонд играл бы в этом отношении роль некоего амортизатора, защищающего население от встрясок реформы.

Какие конкретные задачи будут поставлены перед фондом? Задач этих множество, и вряд ли мне удастся перечислить все.

В более общем виде я назвал бы две:

1. Организовать экспертные группы для оценки экономического положения ликвидируемого предприятия, возможностей и потребностей региона, правовой, экономической и организационной консультации при создании новых, независимых хозяйственных единиц.

2. Оказывать финансовую помощь, которая позволит людям, уволенным с работы в результате реорганизации предприятий, развернуть профессиональ-

ную деятельность в рамках независимых—индивидуальных или групповых — хозяйственных начинаний.

Как я вижу деятельность фонда на практике?

Заранее, как только мы узнаем о том, что появилась необходимость ликвидировать предприятие А в местности Б по экономическим или экологическим причинам, мы поручаем группе экспертов изучить этот вопрос и представить конкретный доклад. Действительно ли предприятие А нерентабельно, существует ли реальный план его оздоровления? Какие кредиты требуются для реорганизации предприятия? Что должно быть предпринято, чтобы предприятие не создавало угрозы для окружающей среды? Сколько это стоит? Быть может, экономический расчет покажет, что, с учетом всей социальной стороны задуманной ликвидации, выгоднее предоставить этому предприятию кредиты, чем ликвидировать его и затем создавать новые рабочие места, проводить переквалификацию или переселять трудящихся в другое место. В таких обстоятельствах не исключено предоставление фондом кредитов этому предприятию.

В случае если возможность оздоровления предприятия сомнительна или непомерно дорого обойдется, в докладе должны содержаться данные о состоянии занятости в регионе, о его потребностях в области ремесленничества, мелкого производства, торговли, а также о его сырьевых возможностях.

При наличии таких материалов профсоюз вместе с трудовым коллективом может приступить к переговорам об условиях ликвидации предприятия, о планах перевода уволенных на другие рабочие места и о причитающемся им возмещении. Под возмещением я понимаю не только простейшую его форму — выплату той или иной денежной компенсации, но и, когда денежное возмещение выплатить трудно, передачу группам трудящихся соответствующего эквивалента в виде недвижимого имущества предприятия (зданий, машин). Переданные средства могут послужить этим рабочим, например, для начала индивидуальной или групповой хозяйственной деятельности.

Добившись на переговорах условий, при которых интересы коллектива реорганизуемого предприятия обеспечены, «Солидарность» активно включается в процесс восстановления нормальных условий жизни уволенных работников.

Так, если это нужно, она организует курсы по переквалификации. Если есть необходимость перемещения людей к их новым рабочим местам — помогает им в решении жилищной проблемы или же путем организации транспортного хозяйства обеспечивает человеческие условия дороги на работу и с работы. Наконец, предоставляет им кредиты или помогает приобрести нужное оборудование, если они намерены заняться индивидуальной либо групповой хозяйственной деятельностью. Наши экспертные группы располагают для них подходящими предложениями, способны оценить окупаемость выдвигаемых ими предложений, поправить их планы, наконец, оказать помощь в юридических и административных шагах.

Если реформам предстоит быть реальными, люди не могут нести на них потери, не могут одни за них расплачиваться. Предлагаемый фонд — такая капля в

море задач, которые ставят перед нами реформы, что ни в коей мере не снимает ответственности с государственных властей и ставит генеральное решение проблемы занятости в центр трудных и бескомпромиссных переговоров. Зато его существование даст «Солидарности» возможность активного и конструктивного вмешательства в процесс реформ. Без возможности располагать хотя бы столь ограниченным фондом позиции профсоюза всегда будут отягощены грехом дилетантизма и благих — в целом правильных — намерений.

Опыт Комиссии помощи и правозаконности, по-видимому, представляет собой пример того, как сравнительно небольшие суммы могут вызвать перемены в сознании и стимулировать общественную активность.

Мне кажется, что от этого пути никак нельзя отказаться.

Вероятно, я не назвал все возможности фонда оказывать помощь, а с другой стороны, предложенные общие очертания фонда довольно скромны. Все вышеизложенное представляет собой скорее политическую концепцию, нежели полный проект социально-экономического института, но было бы очень хорошо, если бы эта концепция стала предметом серьезного обсуждения юристов, экономистов и общественных деятелей. Тогда она могла бы принять форму детально разработанного проекта и стать основой для соответствующих шагов как внутри страны, так и за границей.

Разработку такого проекта я считаю одной из самых срочных задач «Солидарности».

Наконец, самый трудный вопрос: откуда взять деньги? Разумеется, в дальнейшем фонд существовал бы за счет возврата кредитов, помещения капитала и проводимой фондом хозяйственной деятельности, тем не менее, если говорить об основном капитале, ответ только один: из-за границы.

Реально ли это? Я убежден, что да. Развивающаяся нормализация отношений Запада с Советским Союзом и огромная политическая и даже экономическая поддержка, которую оказывает Запад перестройке, в то же время являются недвусмысленным проявлением неприязни Запада ко всякой дестабилизации в Центральной и Восточной Европе.

Экономические реформы, проводимые без обеспечения достаточной социальной защиты, — это заведомый очаг конфликта, способного вспыхнуть в любой момент с непредсказуемой силой. И каждый политик должен отдавать себе отчет в том, что номинально существующая «Солидарность» и Лех Валенса — это слишком мало для противостояния такой вспышке. Думаю, что если бы мы представили реальные, детально разработанные предложения, то Запад предпочел бы израсходовать такую в конце концов не слишком значительную сумму, а «Солидарность», добывающаяся средств на проведение конструктивной деятельности, приобрела бы больший кредит доверия и в стране, и за границей.

Тот факт, что «Солидарность» до сих пор вращается в кругу проектов, идей и дискуссии и, по существу, до конца не знает, насколько важную роль играют в

политической деятельности деньги, — это какой-то пережиток реалсоциализма. Любой нормальный политик на Западе знает, что деятельность требует денег, а серьезная деятельность — серьезных денег, и человека, который этого не понимает, подозревают в том, что он либо пи на что не годится, либо мошенник.

В конце концов 200—300 млн — это какая-нибудь половина, а то и четверть современного боевого самолета, а политический эффект такого начинания, как фонд, очевиден. Стабилизация Восточной Европы, демократизация жизни, либерализация экономики, рост экономической независимости общества — все это куда лучшие гарантии безопасности.

Итак, попробуем быть серьезными и братья за серьезные задачи. Вместо того чтобы помогать росту кредита доверия власти и поддерживать ее просьбы о кредитах, постараемся раздобыть денег для себя. Может быть, это окажется намного легче.

Думаю, что замысел фонда окажется для власти крайне неудобным, однако отвергнуть его значило бы для нее признаться в том, что она сохраняет приоритет политико-идеологических принципов над провозглашаемой потребностью экономических реформ. Вдобавок, не думаю, что фонд создаст какую-то конкуренцию в поисках властью денег. Пожалуй, даже наоборот: если власть оценит социально-экономические достоинства фонда, она лишь приобретет лишний кредит доверия и, может быть, уговорит Запад учесть и ее нужды.

Все это, вероятно, не пойдет легко, но я считаю, что за фонд надо бороться, ибо, по моему убеждению, это единственный способ активного участия в реформах, внесения поправок в ходе их проведения и успешной защиты интересов трудящихся».

«Я на вас рассчитываю»

Встреча Леха Валенсы со студентами и преподавателями Ягеллонского университета в Кракове в 1989 г. (стенограмма для прессы, подготовленная польским журналистом Гжегожем Пшебиндой):

«9—10 февраля председатель «Солидарности» Лех Валенса побывал в Кракове. 9 февраля он встретился с прихожанами костела в Мистшеёвицах. 10-го его принял архиепископ Краковский кардинал Махарский, после чего Валенса поехал в старейший польский университет на встречу с университетской общественностью, которая была верна демократическим идеалам «Солидарности» в течение всех прошедших лет. В актовом зале Леха Валенсу приветствовал ректор А. Кой.

Лех Валенса начал встречу вступительным словом.

— *Я всего лишь рабочий и чувствую себя очень нервно. Надеюсь, однако, что вам удастся влить свою мудрость мне и нам, чтобы мы могли сделать для страны как можно больше. Вы в лучшем положении, чем я: вы обо мне почти все знаете из печати и телевидения, которые в последнее время, к моему изумлению,*

постоянно обо мне говорят. Я о вас знаю не очень много: я недостаточно ходил в школу. Как Лех Валенса, как лауреат Нобелевской премии мира, я ищу мест и обстоятельств, чтобы в Польше наступили мир, спокойствие и согласие. Согласие строит, разногласие разрушает. Многие люди на встречах со мной говорили так: «Пане Леху, в 80-м году вы тоже так говорили, и что сделали с вашей наивностью? Теперь будет то же самое». А я отвечаю: «В 80-м году я никому не верил и теперь никому не верю». (Бурные аплодисменты.) Но вам я тоже скажу: «Не верьте и пройдохам вроде Леха Валенсы. Верьте в себя и верьте в культуру». «Круглый стол» может только создать плюралистические возможности, а ваша мудрость должна помочь употребить их в дело. Вы должны верить в себя, выстроить структуры, которые введут Польшу в Европу и мир. Этого не сделает ни Лех Валенса, ни его группа. Вам, вам самим нужно поверить в себя, чтобы вырваться из системы, в которой вам пришлось жить. Партийная, экономическая и профсоюзная монополия привела к тому, что Польша сегодня тормозит развитие мира. Польшу сегодня надо преобразовывать, и этого не сделают одни рабочие. Ваша мудрость должна выстроить другую, лучшую Польшу! А если вы этого не сделаете, тогда начнется рукопашная, тогда-то и вы, поскольку не сделали этого, заплатите, как и все общество, цену, которой можно избежать.

Переходный период — это самая тяжелая проблема: теоретически — как с правительственной стороны, так и с общественной — проклюнулись какие-то возможности, но превратить их в действия очень трудно. Опять-таки вы должны, ваш ум и опыт должны особенно потрудиться, чтобы помочь всем тем людям, которые разрабатывают программы, чтобы сделать это спокойно, хорошо, а в то же время и безопасно, и творчески, чтобы Польша стала нашей Польшей.

Перед тем как отвечать на вопросы, Лех Валенса еще сказал:

— Теперь я хотел бы перейти к прямому разговору с вами не потому, что я не в состоянии говорить дальше, но потому, что я хочу, чтобы вы влили в меня вашу мудрость, ставя вопросы и про блемы, а я постараюсь эту мудрость употребить на общее благо. Чтобы мы могли хорошо работать, мы должны понять друг друга; когда будет понимание, тогда и труд наш принесет результаты. Должно быть ясно, чего мы хотим, что делаем, настолько ли мы серьезны, чтобы на нас делали ставку, чтобы нас тоже сменили, когда настанет необходимость, во имя того, что Польша не принад лежит ни Леху Валенсе, ни генералу, ни Службе безопасности, а при надлежит всем нам, как принадлежала нашим предкам и будет при надлежать нашим детям.

Затем представитель студентов поблагодарил Леха Валенсу за то, что он за «круглым столом» выступил в поддержку Независимого союза студентов. После этого начались вопросы.

— Отдает ли себе отчет Общепольская исполнительная комиссия в том, что правительство ПНР намерено использовать присутствие «Солидарности» за «круглым столом» для успокоения общественных настроений?

— Мы отдаем себе отчет, но, как я сказал вначале, я верю в вас! Верю в вашу мудрость и верю, что вы не поддадитесь! Мы лишь должны привести к такой ситуации, в которой вы сможете сорганизоваться, чтобы не случилось так, как кто-то в этом вопросе предвидит... Верю в вас, в структуры, которые защитятся и не позволят манипулировать обществом или снова оставить его ни с чем.

— Правительственная сторона много говорит об ответственности общества за судьбы страны. Однако отвечать можно только за свои действия. Можно ли принимать ответственность за монополично правящую партию, на которую мы не имеем влияния? Целью «Солидарности», ради блага демократии, должно стать обретение серьезного участия в законодательной и контрольной власти в Польше.

— Вспоминаю свои слова, сказанные в начале заседаний «крутого стола»: «Доля ответственности такова, какова доля участия». Сейчас я везде слышу: «Проведем действительно свободные выборы, и в Польше будет лучше!» А я, практик, отвечаю: «Будет в десять раз хуже». Потому что свыше сорока лет мы жили без плюрализма, программ и организаций. Сегодня на свободных выборах мы злобно предъявим счет и всех их попросту вышвырнем. И придут люди замечательные, но не имеющие представления обо всей стране, а к этому еще прибавится злорадия тех, с кем так обошлись за их столь замечательное сорокалетнее правление... Сегодня нам приходится с огорчением сказать, что мы не можем, как раньше, говорить о бойкоте выборов, сегодня мы можем заменить нескольких нехороших людей хорошими, создать программы и только организованным путем, через сколько-то там лет, когда хорошо узнаем друг друга, сможем претендовать на лучшее управление страной, чем сегодня. Эти «осколочные» организации, такие, как КНП (Конфедерация независимой Польши. — Пер.) и другие, я называю организациями «назло». Однако они не могут претендовать на то, что возьмут в свои руки власть в стране. Для этого надо годами воспитывать людей.

Впервые я не могу сказать «бойкот выборов», потому что за бойкот у меня нет аргументов. Власть говорит так: «Мы открываем плюралистические возможности. Вы можете организовать почти во все структуры». Дают места в парламенте. Сегодня мы в состоянии выдвинуть в 13 воеводствах людей, в которых можем быть уверены. В других местах тоже есть хорошие люди, но мы их не знаем. Вдобавок, как профсоюз мы не имеем права, мы не политическая партия, мы сделаем это плохо... Если они хотят нас обмануть, то будем быстро выжимать плюрализм объединений, плюрализм политический и профсоюзный, экономический и на нем строить, обучать людей и только тогда преобразовывать Польшу в лучшую Польшу.

Молодежь часто отвечает мне: «Пане Леху, с нас хватит, пора браться за камни». А я говорю: «При хорошей организованности можно сделать революцию, такую, как сделали 13 декабря. То есть забрать все у владельцев и фабрикантов, все забрать, поставить сержантов, пересажать, то есть ввести систему типа нашей. Обратный ход не может идти революционным путем. Нельзя навязывать, кому быть пекарем, портным, ученым, это будет строить только жизнь, когда мы созда-

дим возможности. Революционный путь лишен логики. Программу несет жизнь, если созданы возможности. Если мы пойдем путем молодежи, претензии которой справедливы, мы все равно придем к тому, что говорит Валенса, только с набитыми шишками от камней...».

— Видите ли вы в будущем целесообразность создания политической партии «Солидарность»?

— *«Солидарность» с самого начала была и остается реформой, которая назвала себя «Солидарностью». Эта реформа в разное время выглядела по-разному. В 80-м году были эмоции, забастовки, плакаты, и иначе быть не могло, так как один батальон ЗОМО разо гнал бы нас... Можно задавать вопрос, имела ли «Солидарность» шансы перейти от этого отрицания к созданию программы и ее осуществлению. На пути было 13 декабря, и эту реформу остановили. Но не решили никаких проблем. Продолжение должно последовать. 12 декабря, когда меня арестовали, я сказал: «Дорогие господа, на трассе XXI века победили мы — вы победили на трассе XVII века. Встретимся на дороге реформ — на коленях придете». Нехорошо сказал: о коленях было слегка садистски, позднее я от этого отка зался, но мы встречаемся на дороге реформ. То, что мы предлагаем, это не выдумка Леха Валенсы, Горбачева, «Солидарности» — это требование времени, эпохи, в которую мы живем. Чем выше развитие цивилизации, тем больше свободы...»*

Затем слово взял главный редактор «Тыгодника повсехного» Ежи Турович. Он, в частности, сказал:

— Думаю, что присутствие Леха Валенсы среди студентов и пре подавателей Ягеллонского университета, который — чем я горд — и моя Алма Матер — символ великого дела, того, что совершилось на Гдань-ской верфи в августе 80-го года, того союза между миром трудящихся, рабочими и, с другой стороны, интеллигенцией и молодежью. Этот союз был принципиальным элементом силы того большого общественного движения, которое, несмотря на трудности, под руководством Леха Валенсы привело к сегодняшней ситуации, когда легализация «Солидарности» кажется делом ближайшего момента и, пожалуй, также легализация Независимого союза студентов. Думаю, что это поможет нам пре вратить «реальный социализм» в «социализм с человеческим лицом».

В а л е н с а. Мой социализм выглядит так. Представим, себе три пекарни: государственную, кооперативную и частную, — вот та, что печет лучший хлеб и самые дешевые булочки, и будет социалистической. Это мой практический социализм. Я практик. Вы, теоретики, представляете дело теоретически, и это логично. Как практик, я не могу говорить о коммунизме ни хорошо, ни плохо, потому что я его не знаю, я знаю сталинизм, и о нем могу говорить много, потому что сам его испытал на собственной шкуре.

В о п р о с. Оказала ли «Солидарность» влияние на перемены, происходящие в СССР? Считаете ли вы нужной, например, вашу — как представителя польского общества — встречу с представителями властей СССР и как в существующих обстоятельствах видите возможность такой встречи?

— Будучи деятелем, Лех Валенса должен чувствовать себя как тренер. Тяжесть должна соответствовать тренированности. Если тренер при первой встрече заставит молодежь поднимать вес в 500 кг, то одни уронят, другие убегут, а останется мало кто.

Это я, а не, простите, советники Леха Валенсы придумал этот пример: «дробь Валенсы». Во всех странах нашей системы один и тот же «знаменатель», то есть проблемы, связанные с номенклатурой и вообще с беспорядком нашего социалистического устройства. И этот наш «знаменатель» мы все должны сменить. Смена совершается с помощью «числителей», а они в каждой стране разные. У Советского Союза свои «числители», там много проблем великой державы. А у Польши, в «числителе» — независимая Церковь, крестьянство, в большой степени свободное, группа вокруг Валенсы и много чего другого. У ГДР — это ФРГ, которая всегда ей поможет. Можно размышлять, у кого самый интересный «числитель» для реформ. Если бы не психологические комплексы военного типа и другие, лучший «числитель» был бы у ГДР. Если мы хорошо присмотримся, то увидим, что самый интересный «числитель» у Польши, поскольку у нее есть некоторая независимость, много западной культуры, Церковь, крестьянство, папа и т. д. Надо бы постараться, чтобы наши реформы, наша смена «знаменателя» могла быть образцовой сменой. Это не мессианизм и не польский романтизм — это реальность. Когда я был в Париже, у меня был интересный разговор с пани Боннэр и Сахаровым. Они подтвердили то, что я предполагал: что «множитель» Советского Союза очень неинтересный и что люди там не хотят ответственности и не хотят работать. 80% так думают, и не сумеют пользоваться свободой, и не умеют, и не хотят. По моей оценке, у нас около 15% не умеют и не хотят пользоваться свободой. Такие искривления создала система. У меня есть товарищи по работе на верфи, которые тоже не хотят никаких плюрализмов, лишь бы дорваться до пенсии. У нас тоже есть такие проблемы. И поэтому мы должны взяться за работу, создать структуры, которые восстановят нормальное человеческое поведение. Иначе мы станем только «рудником умов», как Ирландия, отсюда будут только уезжать и бежать, этот край будет и дальше рушиться.

Затем слово взял Ян Юзсф Щспаньский. Он, в частности, сказал:

— Я испытываю тревогу, когда речь идет о иерархии проблем, предрасположенных для обсуждения за «круглым столом». Два вопроса капитального значения должны рассматриваться в первую очередь: независимость судов и экология. Для «Солидарности» как профсоюза эта последняя проблема может оказаться хлопотливой, ибо надо закрывать отравляющие предприятия и тем самым входить в конфликт с интересами трудовых коллективов... Шведский туристический путеводитель рекомендует туристу находиться в Кракове не дольше 48 часов! Это, конечно, преувеличение, но не большое. Думаю, что для наших детей это станет действительно вопросом жизни и смерти.

Валенса. *Игра идет командами, и я — капитан команды. А играют все. Решения вопросов должны находить специалисты. Если у вас или у кого-то в этом зале есть что сказать — пожалуйста. Прошу вас, интересы наши общие, Польша наша общая. Где бы вы ни увидели недостатки, ошибки Валенсы и всех нас, сообщайте как можно быстрее через пана Туровича, с которым я в контакте, через Мечислава Гиля, передавайте замечания. Ибо, как я сказал, интересы наши общие, и мы должны этот командный матч хорошо сыграть. Когда-то я сказал: нам угрожает не Варшавский пакт и не НАТО. Я боюсь, как бы мы не встретились в один прекрасный день на облачке и не спрашивали, кто из какого блока, в результате таких опасностей, как Чернобыль, кислотные дожди и т. п.*

На эти темы мы будем говорить. Также и на правовые темы, которые мы считаем важнейшей проблемой. Сделаем мы это в первую или во вторую неделю, не имеет особого значения. Столько лет ждали, наверное, еще будет несколько дурных приговоров, лишь бы не на слишком долгие сроки. Надеюсь (Щепаньскому), что вы присоединитесь к нам и поможете решить эти проблемы.

Следующие вопросы относились к Независимому союзу студентов.

Валенса. *Я в своей речи подчеркнул проблему ЯСС и считаю ее важной. Однако мне нелегко договориться с молодежью. Одни швыряют камнями, другие меня обзывают, третьи хотят организовать, четвертые не хотят и т. д. Молодежь попросту очень сильно расшатана. У рабочей молодежи свои проблемы, у студенческой — свои, еще старшеклассники и т. д. Я не могу хорошо это организовать. Не потому, что не хочу, — очень хочу. Но молодежь очень плюралистична. Может, у меня мало контактов, может, времени не было... Однако все мы заинтересованы в том, чтобы у наших детей была возможность организовать, и о молодежи мы будем говорить за «круглым столом»... Не подозревайте нас в плохом отношении.*

— У нас будет новая «Солидарность». Но ведь старый устав соответствовал конституции. Как вы на это смотрите?

— *Я не имею права принимать решения за съезды, которые примут устав. Я, Лех Валенса, и те, что со мной, должны открыть возможность, чтобы «Солидарность» могла провести свои съезды, но не в костелах и криптах, а на своих рабочих местах, легально и спокойно и чтобы она могла определить свое отношение к уставу и программе. Какая будет «Солидарность»? Не знаю. У меня есть своя точка зрения, но это моя точка зрения! Я исключительно хочу довести дело до съезда, месяцем раньше всюду надо развесить объявления, чтобы никто никого не обманул, не устроил сектантских выборов, чтобы пришли люди борьбы, но не только они. Ибо это будет время, когда откроется больше возможностей труда, чем борьбы. Надо будет тормозить инерцию борьбы и работать не покладая рук. Люди борьбы особенно трудиться не сумеют, поэтому выбирайте хорошо, чтобы мы не только сражались с ветряными мельницами, а прежде всего строили эти мельницы. Вы должны выбрать честно и получше, на другое время. Сейчас мы выбираем только для того, чтобы привести к нормальности, которая*

определяет другие дела. Зато я в этой нормальности принимать участия не буду. Я отдал 18 лет каторжной работе! Я скорее человек борьбы. Это не смирение, не страх, не отсутствие ответственности. Нет, просто я считаю, что есть отличные, замечательные люди, а у меня слишком много накопилось, слишком много я видел, слишком много слышал, это меня отягощает. Я должен открыть дорогу, потому что выхода нет. А вы положите начало, да чтоб это вышло хорошо, потому что мне хотелось бы всему этому радоваться. А если окажется плохо, то придется мне ко всему этому вернуться, конечно, потому что я не позволю... (Аплодисменты).

— По-прежнему продолжается скрытый террор. У нас в университете за последнее время зверски избили и искалечили двух девушек. Можно ли рассчитывать на то, что «круглый стол» не станет эйфорией, за которой исчезнут конкретные сегодняшние человеческие трагедии?

— Я узнал об этих случаях в костеле и обратился: «Господа, укоротите лапки! Мы дознаемся, кто это делает, кто теперь нам мешает в очень трудном положении». Мы обращаемся к «Безпеке» (госбезопасности. — Пер.) и другим: уберите лапки, а то будем наруч ники надевать! Этого делать нельзя! (Продолжительные аплодисменты.) Мы не хотим рассчитывать, не хотим судить, но одновременно обращаемся: Польша нуждается в спокойствии, но Польша нуждается и в праве, и праву вы должны подчиниться.

— Можно ли указать хотя бы представителю правительства по делам печати (и не только ему), что его наглость и агрессивный тон побуждают «неизвестных преступников» к такого рода действиям?

— Я вчера сказал об этом, и поэтому по телевидению почти не было Валенса. Я сказал, что представитель по делам печати стано вится все более непонятным. Пан Урбан, что вы делаете? Вы. про воцируете! И из-за этого я не попал в телепередачи... Но это просто вспышки, все мы изнервничались, не будем ругаться... (Эта фраза, по-видимому, ответ Урбана. — Пер.) Если мы не проведем мирную, эволюционную реформу, то нам грозит революция. Не будем предаваться иллюзиям: молодежь еще чуть-чуть — и выйдет на улицы, будет бить, будет жечь! И поэтому надо сказать, пан Урбан: вас тоже до станут, других тоже достанут, а как Польша мы заплатим дорогой ценой! (Аплодисменты.) Я ко всем и всюду обращаюсь: к рабочим, к учителям, к органам здравоохранения, ко всем людям. В Польше очень тяжело, всякий вправе забастовать... Но в этот момент дадим шанс «круглому столу». Я не знаю, обман ли это. Но в этот момент дадим ему шанс. Если ничего не выйдет, будем бороться вместе, Валенса первым пойдет, но сейчас мы должны сосредоточиться... Снова мне теперь подо жгли, известно, конечно, кто поджег, очеред ную забастовку мне устроили, одну мы погасили, разожгли другую. Правы ли они? Правы! Условия жизни катастрофические! Это правда! Но в этот ли момент, когда мы создаем, когда хотим навести порядок? Я призываю всех обладающих чувством ответственности лю-

дей в этой стране дать шесть недель шансов «круглому столу»! Потом будем бороться, если потребуется. Но организованно. А сегодня не надо бороться, а то раздуют — кто-нибудь скажет, что Валенса, и вот уж мы не на коне! Кто-то хочет нам сорвать реформу! Военное положение ввести из-за этой безалаберности! Где эти герои были в течение семи лет? Где Медович был, а теперь большой герой! (Аплодисменты.) Я не хочу вас обижать, пан Медович. Не хочу обижать членов новых профсоюзов. Хочу, чтоб было место для всех. Это нервы, человек может разнервничаться, Валенса тоже. Я хочу, чтоб был плюрализм, не хочу, чтоб тот профсоюз не существовал, хочу, чтоб было по крайней мере три разных, сильных профсоюза, чтобы мы конкурировали, но не конфронтировались! И в этот момент, пан Медович, обуздай своих людей, я постараюсь — своих, попробуем реформировать и договориться, попробуем, созидать Польшу как можно скорей, как можно лучше. И не будем провоцировать, а то все за это заплатим, и вы, пан Медович, и я тоже!

— Вы сели за «круглый стол» с теми, кто вам — и не только вам — нанес обиды (об одном, Урбане, тут говорилось). Готовы ли вы сесть за «круглый стол» с той оппозицией, которая в настоящий момент этого не одобряет?

— Готов. Польша принадлежит всем, в том числе и тем, кто не согласен. Мало того, я не могу сказать, что они не правы. Если «круглый стол» будет огромным мошенничеством, то окажется, что я был не прав. Я — лауреат Нобелевской премии мира, я ищу всех вас, до самых малых, чтобы было согласие! Я этого не стыжусь и не со страху это делаю! Но в то же время я осторожно отношусь к тем, кто не верит, у кого такой опыт, как у них. Они имеют право, да только я могу быть каскадером сам в одиночку (и не раз бывал), но не могу из вас делать каскадеров. Я должен спросить, проконсультироваться внутри и снаружи, увидеть, какие грозят опасности, использовать все шансы. Но я должен тоже искать решение проблем. У других нет этой нагрузки, но это не значит, что они не правы... Лишь бы боролись не между собой, пусть не борются с единством, пусть не мешают...

Я занимаюсь «круглым столом», а смотрите, что мне устроила молодежь в воскресенье (в Гданьске. — Пер)! Кто-то здешний мне сказал, что была демонстрация против Валенсы. А вот, извините, она была не против Валенсы! А молодежь, поскольку я им сделал внушение за то, что не платят штрафы (ксендз Янковский отказался продолжать выплачивать штрафы, назначенные административными судами молодым демонстрантам. — Г. П.), закричала: «Анджея Гвядзу — за «круглый стол»!» Да ведь Анджей Гвядза — противник стола, так как мне его посадить за стол, когда он это считает ошибкой?! И поэтому, дорогая молодежь, сначала надо послушать программы. Я знаю, что никто не любит лидеров, никто не любит первых. Валенса — первый, но нечего сразу на меня...

Следующий вопрос касался того, как гарантировать за «круглым столом» интересы тех, кто отказывается от службы в армии. Спрашивали также, займется ли «круглый стол» вопросом о помехах отправлению религиозного культа в армии.

— Я борюсь за то, чтобы все течения нашли для себя место. За «круглым столом» уже был епископ, есть два священника... Но одновременно повторяю. Моя вера — мое личное дело, ее нельзя никому навязывать, у каждого своя свободная воля. В профсоюзе, который я возглавляю (это и не левацкий профсоюз, и не правый), я молебнов не буду служить, а в церковь хожу. Но это мое дело. Я буду строить костелы, но в частном порядке. Каждого, у кого другая вера, я уважаю, и с этим у меня не будет никаких проблем, если речь идет о Валенсе. Как вы знаете, очень близко от меня — люди другой веры, мне это не мешает, пусть себе верят: ни они мне не мешают, ни я им. Чего я хочу — это использовать всякую мудрость для Польши. Если кто-нибудь умен, то почему я его как инаковерующего не использую для строительства Польши? Я это делаю и буду делать!

А те дела, думаю, Церковь устроит, у нее долгие традиции! Я рад, что вы этот вопрос затронули, но надо помнить, что я не хочу быть большим католиком, чем сам папа. Я — Лех Валенса, электрик, и я вынужден быть профсоюзным деятелем, а то оставляю людям умным, которые за это отвечают и знают, что делать.

Следующие вопросы касаются Конфедерации независимой Польши.

— Я знаком с паном Лехом (Лешек Мочульский. — Пер.), отношусь к нему с уважением... Только повторяю: КПП — организация больше «назло» этой власти. Их программа не имела времени стать серьезной программой. Меня пригласили на 3-й съезд КНП, который проходил за день до «круглого стола». Милые мои, я все понимаю, тем не менее, когда Лех Валенса, когда большинство общества приглашены за «круглый стол», то надо дать ему этот шанс. Надо было устроиться это раньше или позже. А сейчас это очень опасно, и тут я, пан Лех Мочульский, обращаю ваше внимание публично, что так поступать нельзя... Я хочу, чтобы вы действовали, свобода должна вам это гарантировать. Но дадим шанс другим течениям, не будем устроить коллизий, вступать в конфронтацию, а то, если бы власть посадила всех (участников съезда КНП. — Пер.), «круглый стол» рухнул бы... Вы создали очень нехорошую ситуацию, очень невыгодную, и так коллеги не поступают. Я благодарю за приглашение, на следующий съезд постараюсь приехать, лишь бы он не конкурировал с другими делами, за которые я отвечаю. (Аплодисменты.).

— Реально ли ожидание, что народ выдержит длительный переходный период, притом в нынешнем экономическом положении? Не было бы потрясение единственным способом вызвать перелом в настроениях усталого и ни во что уже не верящего общества?

— Простите, я как слышу «потрясение»... Это значит сколько людей застрелить — тысячу, пять тысяч? Вот что такое потрясение. Всякое иное потрясение мы уже пережили, даже военное положение. Об этом и подумать нельзя! Тогда о каком потрясении идет речь? Забастовки? Тож-е умеем уже устраивать и большие, и малые... Так что это потрясение было бы крайне опасным, и я хотел бы его избежать... Умных и сознательных людей в Польше много, только надо, чтобы они поверили в себя, чтобы больше почувствовали свою миссию и ответственность за тех, кто думает нехорошее, — мы все вместе в этом повинны... Не допустим этого, ибо если наступит потрясение, то посмотрим, кого из нас не будет на следующей встрече. Такие дела не выбирают... скорей случайных людей берут. Поэтому мы не нуждаемся в таких потрясениях. Нам нужно быть более солидарными: там, где это возможно, быть вместе, но там, где хотим отдельно, иметь такую возможность, и чтоб друг другу не мешать... И поэтому повторяю: я очень верю, что нам удастся, потому что иного пути нет, потому что даже после этого потрясения, после этих синяков и шишек мы все равно окажемся в том же месте и надо будет решать те же проблемы.

Потом был передан привет от гуралей и приглашение в Татры, «чтобы и заставшихся рыцарей под Гевонтом разбудить».

— Два года подряд я ездил в Закопане... горы меня приняли... И в этом году хотел поехать, но не было снега, да и условия, «круглый стол» не дали мне покататься. Думаю, в будущем году уже будут профсоюзы, будете уже нормально организованы, а я тогда возьму отпуск и буду кататься с гуралами...

Последний вопрос задал студент от имени НСС. Он спрашивал о смысле нового закона о высшей школе и предлагал ликвидировать деление культуры на официально разрешенную, подпольную и эмигрантскую, чего, по его мнению, можно достичь отменой предварительной цензуры и радикальным пересмотром закона о печати.

— Будете в своей группе и должны эти темы затронуть! Я верю, что там есть умные люди, которые разбираются в проблеме цензуры... Я на этот вопрос тоже обращаю внимание, но думаю, что пан Турович, который с цензурой много имел дела, сделает это лучше, чем я...

В заключение встречи Валенса, в частности сказал:

— Договоримся, что я всегда в вашем распоряжении. В то же время очень прошу: либо отвергните то, что я говорю, либо поддерживайте путь, смысл которого в том, что Польша нуждается в согласии. Согласие строит, разногласие разрушает. Мы все ответственны за Польшу. Не время устраивать трибуналы и не время устраивать битвы. Время нам как можно скорее договориться и взяться каждому в пределах своих возможностей, взяться за Польшу, чтобы оставить ее нашим детям лучшей. Нет другой дороги. Это необходимость, это патриотический долг. 'Я в это ве-

рю, я верю, что разум победит... что нам хватит сил на строительство Польши — впервые — по-другому... Мы должны найти польскую модель согласия, приспособления, перестройки... Чтобы как можно больше строить, чтобы удержать молодежь, у которой жуткие условия жизни и создания семьи... Они бегут из страны, к родине относятся как к мачехе, крестьяне бросают землю... На вас лежит ответственность пробуждать патриотизм и обучать ему. Здесь кровь наших предков, здесь место наших детей... Мир убегает, а мы вовсе не глупей и не хуже, только у нас была дрянная система, система порабощения... Но и сами мы поддались безвольно всему этому. Конечно, была страшная цена, многие ее заплатили, но тем больше это обязывает нас все силы изыскать для Польши, ибо она в этом нуждается.

Если я кого-нибудь обидел, я этого не хотел, прошу прощения. Прошу прощения у тех, кому втык сделал, прошу прощения у тех, кого невольно уколол. Я все хочу отдать Польше. И думаю, что не будем обижаться, подумаем, как из этого лучше выйти. Чтобы Польша доехала до Европы и не была этим больным ребенком Европы. Всего доброго!».

Интервью кандидата на июньских 1989 г. выборах в сенат ПНР Збигнева Ромашевского французским журналистам в мае 1989 г.

— «Зачем коммунистам выборы?»

— *Ответ на этот вопрос сводится, на мой взгляд, к тому, что вне зависимости от того, что они говорили в 1982 г., в нас тоящее время коммунистам, для того чтобы сохранить власть и управлять государством, нужна хоть какая-то база, а база им нужна для того, чтобы у них снова был кредит доверия как в Польше, так и за границей. Предыдущие выборы окончились для них поражением: многие люди отказались в них участвовать, но и те, кто участвовал, голосовали не так, как хотелось бы коммунистам. Но для того чтобы провести выборы, которые действительно могли бы дать им какую-то базу, они должны были предоставить оппозиции возможность в них участвовать, а это означало переговоры с ней. Коммунисты ищут кредит доверия.*

— А зачем им доверие? Раньше ведь они без него обходились?

— *Зачем? Талейран говорил, что со штыками можно сделать все, нельзя только на них сидеть.*

После 13 декабря 1981 г. сотрудничать с властью отказывалась уже не только «Солидарность», но и все общество в целом. Это и вынудило коммунистов менять политику.

— Они идут сегодня на уступки, потому что надеются привлечь к себе общество и таким образом спасти режим, обеспечивающий их пре бывание у власти?

— Это не все, конечно. Есть еще проблема экономики: она попросту разваливается. Чтобы удержать страну от краха, надо искать контактов с обществом. После декабря 1981 г. в Польше возникла такая ситуация, когда власть и общество существовали и действовали сами по себе, отдельно друг от друга, и у власти были очень ограниченные возможности управлять обществом. Это была власть без власти, и я лично считаю, что в 1985—1986 гг. оппозиция общества по отношению к властям была даже большей, чем в 1981 г. Тогда они могли вести какие-то переговоры с «Солидарностью», и если администрации, партийному руководству и «Солидарности» удавалось достичь соглашения, то оно получало всеобщее одобрение. В середине 80-х годов в Польше не существовало ни одного органа власти, способного принять решение, которое одобрили бы все. Любое решение, кем бы оно ни принималось: сеймом, правительством, партийным руководством, — ставилось обществом под сомнение. Нарастала анархизация польской жизни. А это уже угроза для власти, и, чтобы избавиться от этой угрозы, она пошла на сближение с обществом.

— В таком случае можно задать вам такой вопрос: зачем польской оппозиции идти на сближение с этой властью?

— Причин тут много, но главная заключается в том, что польская оппозиция больше не могла работать в конспиративных условиях. Ей нельзя было продолжать действовать в подполье, не имея легального статуса. Я могу это пояснить следующим примером. После прошлогодних августовско-сентябрьских забастовок нам в Комиссии помощи пришлось выплатить бастовавшим компенсации за дни простоя на общую сумму полмиллиарда злотых. Если учесть, что вся комиссия ютится при этом в одной комнате и пользуется телефоном, который подслушивается, что предназначенные для забастовщиков деньги власти могут просто конфисковать, то ста новится очевидно, что дальше так продолжать нельзя: движение зашло в тупик. Вопрос легальных структур мне кажется очень важным. Я считаю, что любая массовая организация должна быть легальной. Нелегальные структуры не притягивают людей. Почему, например, говорится, что наша Церковь сильна? Она действительно сильно окрепла после 1982 г., окрепло ее общественное влияние. А произошло это по той простой причине, что и во время военного положения Церковь сохраняла свою легальную организационную структуру. И к ней потянулись люди, которые, не являясь общественными деятелями, хотели как-то жить, каким-то образом организовать свою жизнь. Но для того, чтобы существовать легально, нам пришлось искать минимального согласия с властью.

Что касается меня лично, то моя цель состоит в том, чтобы создать в Польше независимую экономику. Я хочу создать Фонд защиты трудящихся в период реформ. Но создать такой фонд без договоренности с властями, без сотрудничества с ними невозможно.

— Вы в этом уверены? На Западе, между прочим, очень хотели бы помочь польским реформам, но западные кредиторы и по сей день не знают, как и куда использовались те огромные средства, которые были даны Польше за последние полтора десятка лет. А руководство ПНР, сколько бы оно ни менялось, было, есть и остается безответственным, потому что оно никому не подотчетно. Кто может дать гарантию, что те средства, которые будут идти в Польшу через руки правительства, попадут к тем, кому они предназначены? Возможно, Запад охотнее по мог бы независимым организациям, которые подотчетны своим членам.

— Тут у нас возникла проблема. Для того, чтобы получить эти деньги, нужна организация, нужны банки — трудно представить, чтобы западные правительства и деловые круги, даже если они пол ностью разделяют мои идеи, упаковали мне 300 млн долларов, а я их привез и положил себе под кровать. Фонд, который я хочу организо вать, должен существовать легально, но быть полностью независи мым, в том числе и от «Солидарности».

Я вам скажу, что вопрос денег, которые Запад готов дать польским властям, мне не интересен, хотя я и считаю, что Польше любые деньги нужны, слишком плохи ее дела. Я думаю о том, что если в Польше будет проведена реформа (а она произойдет, иначе все развалится окончательно), то понадобятся общественные средства, которые могли бы в какой-то степени оградить общество от последствий этой реформы, поскольку ее первым следствием будет понижение уровня жизни трудящихся.

На словах переход к свободному рынку выглядит прекрасно, но если ввести в Польше свободные цены на продукты питания, то они повысятся на 300%. Все эти нынешние процессы очень болезненны. Я всегда говорил, что перейти от капитализма к социализму легко: надо сделать революцию и лет на 10—15 задержать нормальное развитие экономики; еще можно ввести иностранные войска. Но как выйти из социализма — никто не знает. А мы сейчас пробуем, и это очень сложно. В Польше всякий вам скажет, что он за то, чтобы в Польше был свободный рынок, что он за независимую экономическую инициативу, за конкуренцию и т. д. Но если того же человека спросить, как он отнесется к дифференциации зарплат, к тому, что его сосед, например, будет зарабатывать на 20—30% больше, чем он, то окажется, что нет, на это он не согласен. Мы не можем не учитывать эти уравнилельные тенденции, поскольку они очень сильны в Польше.

— Не только в Польше...

— Да, в социалистических странах вообще.

— В Венгрии, говорят, сейчас все слышнее голоса тех, кто недово лен нынешней дезорганизацией, кто говорит, что раньше, при Кадаре, им жилось лучше. Можно предположить, что при соответствующей подготовке выборы в Венгрии могли бы принести победу комму нистам, причем не нынешним реформаторам, а наследникам старой гвардии...

— *Я всегда говорил, что в Польше нет лучшего способа укрепить коммунизм, как отдать власть на полгода либералам, — после этого наступит военный коммунизм. Перед нами стоят действительно сложные задачи.*

Я думаю, например, что мы можем попробовать, если у нас будет наш фонд, будут средства, сказать людям: конечно, не все люди равны, одни умнее, другие трудолюбивее, но наш фонд предоставляет каждому шанс. Используй те средства, которые тебе даются, согласно твоему разумению, проявляй инициативу. Равенства между людьми нет, но мы хотели бы, чтобы было равенство шансов. Однако без денег этого не сделаешь.

Без этих средств, я думаю, вообще никакой реформы не будет. Ее никто не будет проводить по той простой причине, что власти боятся собственного населения, боятся его возможной реакции на понижение жизненного уровня. Из этого вытекают переговоры с Валенсии, и все дальнейшее.

— Они хотят, чтобы оппозиция делила с ними ответственность?

— *Нет, они хотят утихомирить население. Представьте себе, что было бы, если бы власти стали закрывать большие предприятия, не заручившись согласием оппозиции.*

— Тут получается какой-то замкнутый круг: если реформы не дадут желанных результатов, то коммунисты могут сказать, что это вина оппозиции, требовавшей неизвестно чего, а если реформа, наоборот, будет иметь успех, то она как бы заново узаконит режим, ответственный за нынешнюю катастрофу, чего коммунисты до сих пор не признали. Не боитесь ли вы укрепить эту власть, сотрудничая с ней?

— *Другого выхода у нас просто нет. Можем ли мы не принимать на себя ответственности? Что нам нужно делать — сидеть и ждать? Ждать чего — новых волнений?*

— Если вы берете на себя ответственность за дела в стране, вы должны также иметь возможность решать, что делать...

— *А вы думаете, что если мы не будем брать на себя ответственность и дойдет до вспышки социального протеста, то мы не будем за это в ответе? Ведь мы, и бездействуя, несем ответственность за последствия, к которым приведет наше бездействие. Воздержавшиеся тоже оказывают влияние на исход голосования. Мы обязаны действовать, искать выход, обязаны пробовать, искать — все равно нам придется пройти этот жуткий путь от реального социализма к нормальному обществу, и пройти медленным шагом. Спешка нам ничего не даст.*

Если, например, завтра коммунистическая власть падет, польская промышленность останется какой была, не изменятся в один день ни шкала ценностей, ни нравы людей. И нам надо будет решать те же проблемы с долгами: мы не можем их с себя списать. Одна будет радость — газеты, в которых мы будем честно писать, что все плохо и будет еще хуже.

Мы можем долго рассуждать о соглашении — плохое оно или хорошее, много мы получили или мало, слишком ли далеко зашли или недостаточно, но ясно, что оно изменило ситуацию. У меня не было сомнений по поводу того, что надо было добиваться легальной «Солидарности», легальной «крестьянской «Солидарности» легализации независимых студенческих и творческих объединений, иначе нельзя организовать общество, нельзя остановить начавшийся процесс его анархизации, которая может стать опасной для страны.

— А вы не боитесь, что, став легальной, «Солидарность» превратится в бюрократическую организацию, которая будет определять, что хорошо, а что плохо? Вы ведь не очень спешили поддержать последние забастовки, даже говорили, что это провокация со стороны организовавших их официальных профсоюзов...

— *Конечно, это была провокация. Эти профсоюзы, ничего не делавшие в течение всего их существования, теперь теряют членов и, чтобы остановить этот процесс, устраивают забастовки. Понятно, что они ставили не экономические, а политические цели.*

— А почему бы и нет? Это вписывается в рамки профсоюзного плюрализма: каждый профсоюз стремится увеличить число своих членов, чтобы иметь больший вес, и использует для этого все доступные законные средства. Это правила плюралистической игры. В конце концов и «Солидарность» не всегда преследовала только экономические цели?

— *Июльские забастовки 1980 г. были чисто экономическими; в августе, когда забастовала Гданьская верфь, появились и политические требования: главное из них касалось создания свободных, проф союзов. Впрочем, я не считаю, что такое требование можно считать в полном смысле слова политическим.*

— Но как же, ведь бастующие требовали прежде всего независимости нашей организации?

— *Ну тогда все вообще — политика.*

— Как бы то ни было, если сегодня официальные профсоюзы ищут себе места под солнцем, то, может быть, это и к лучшему: конкуренция с «Солидарностью» заставит их действительно защищать интересы трудящихся и оказывать давление на власть. Раз вы плюралисты, то будьте плюралистами до конца.

— *Я не совсем с этим согласен. Я, конечно, за плюрализм, но в данном случае я не уверен, что у этих профсоюзов были хоть какие-то чисто профсоюзные цели. Они сейчас, когда партия разваливается, хотят добиться популярности у рабочих, используя для этого «популистские» лозунги. Например, когда мы обсуждали, за «круглым столом» вопрос об индексации зарплаты, официальные профсоюзы требовали, чтобы всем было дано поровну, то есть пропагандировали уравниловку. Если бы мы на это пошли,*

то при нынешней инфляции через несколько лет все действительно получали бы одинаковую зарплату, потому что инфляционная надбавка достигла бы 99%.

— Какие у «Солидарности» есть сегодня конкретные возможности влиять на власть? Как вы можете заставить ее отвечать за свои действия, если она, по существу, неподзаконна?

— *Я не думаю, что нам скоро удастся добиться того, чтобы наше государство стало правовым государством. Политика у нас стоит выше права. Это так, это правила игры. Но я лично думаю, что сейчас главное — не новые законы, а создание общественного натиска, независимых общественных организаций, которые могли бы воздействовать на власть. Это тот способ, который мы, по сути, используем с 1976 г., со времен создания Комитета защиты рабочих, и с помощью которого добились, на мой взгляд, немалых успехов. И меня огорчает то, что за «круглым столом» мы впервые высказали по этому поводу иначе, чем раньше. Раньше мы всегда говорили людям: организуйтесь, создавайте группы натиска, берите в свои руки решение ваших дел. А теперь мы сказали примерно так: вы себе спокойно смотрите телевизор, а мы все, что вам нужно, оформим и разрешим за «круглым столом» — все ваши 5 628 проблем. Так вот никакая куча разных документов, цена которых, по-моему, не выше цены бумаги, на которой все это записано.*

Решения, принятые за «круглым столом», конечно, предоставляют некоторые возможности влиять на власть, но...

— ...завтра их может и не быть...

— *...но их реализация зависит не от бумаг, а от организации общества. Если оно сумеет создать нужное давление и использовать его в нужном направлении, то все станет осуществимо. На это я и надеюсь.*

— Как польская оппозиция видит то, что происходит в СССР, и почему у нас здесь, когда мы узнаем о некоторых высказываниях лидеров оппозиции — Адама Михника, например, или Леха Валенсы, — возникает впечатление, что она сегодня чувствует свою близость не к тем, кто в Советском Союзе представляет общество, а к тем, кто стоит у власти?

— *Думаю, что это впечатление в определенной степени соответствует действительности. Почему? Причин, на мой взгляд, не несколько. Главное, однако, в том, что для нас важнее всего наши собственные интересы. Исходя из них, мы видим прежде всего, что горбачевское руководство и начатая им перестройка дает нам, Польше, возможность проводить реформы. В брежневские времена они были невозможны. Думаю, что при Горбачеве не произошло бы того, что произошло в Польше в 1981 г., то есть не было бы введено военное положение...*

— А появился бы сам Горбачев со своими реформами, если бы в Польше не была произведена очередная неудачная попытка силой заставить людей работать на коммунизм?

— Я уверен, что идея ввести военное положение родилась у польских коммунистов потому, что партаппарат боялся за свои позиции, за свою власть, но эта идея, я уверен, получила горячую поддержку Брежнева и его приближенных.

Сейчас рамки возможного расширились. У Горбачева, как мне кажется, слишком много затруднений внутри страны, чтобы вмешиваться в польские дела в той степени, в какой это делали его предшественники. Ограничения, вероятно, существуют и сейчас, но их намного меньше.

— Но ведь можно было бы воздержаться и не восхвалять Горбачева и его команду, когда в этом нет необходимости? Что это — заклинания? Чтобы не сглазить?

— Подозреваю, да. Это как бы попытка показать, что мы уже не такие экстремисты, не такие плохие, как о нас думали. А что касается происходящего в Советском Союзе, то мне кажется, что сегодня мало кто у нас способен в этом разобраться. Что мы знаем? То, что пишет пресса, а она действительно стала свободнее, поднимает много проблем. И у тех, кто читает эту прессу, как, например, Адам Михник, который, насколько я знаю, в СССР никогда не был (есть ведь разница между тем, что пишут в прессе, и тем, что есть в действительности), возникает впечатление, что либерализация в СССР зашла очень далеко, и это подает полякам надежды.

Я бы сказал, что польская оппозиция вступила в новый этап: удастся ей это или нет, но она пытается стать политической силой. То, что можно назвать диссидентским периодом, кончилось. Нам кажется, что у нас есть теперь возможность не только выражать недовольство, но и действовать как в политическом, так и в экономическом плане. Это тоже может в известной степени объяснить отношение польской оппозиции к советскому руководству.

— Как польское общество относится к компромиссу между «Солидарностью» и властями? На чьей стороне сегодня политическая сила, поскольку сила подавления все равно у коммунистов?

— Что касается польского общества, то оно ко всем этим дого ворам относится с большой осторожностью. Люди сильно сомневаются в том, что из этого что-нибудь выйдет. Это, на мой взгляд, явление отрицательное. Люди заняли позицию наблюдателей, чтобы в случае неудачи сказать: вот видите, мы же говорили, что все равно ничего не получится. Польское общество сейчас очень пассивно, его интересы ограничены; люди во всем сомневаются, и сомнения служат им оправданием отказа от действий. Они воздерживаются от участия и в лучшем случае занимают позицию болельщика. Но и те, кто болеет за нас, смотрят на все критически. Надо сказать, главная забота поляков сегодня — дожить до первого числа. И если нам не удастся сдвинуть людей, чтобы они начали организовываться, организовывать свою жизнь, то мы ничего не добьемся. А поляки так разорарованы всем, что происходит, они так поражены бесперспективностью создавшейся ситуации, что желающих действовать среди них немного. Это проблемы и для «Солидарности», и для властей.

— А как ко всему этому относится молодежь, которой завтра или послезавтра придется решать экономическую и политическую судьбу Польши?

— *Молодежь сейчас выражает свое несогласие...*

— Свое несогласие с вами? Уже?

— *Она выражает несогласие со всем и со всеми. Хотя, должен сказать, часть молодежи пробует найти место внутри того движения, которое представляет «Солидарность», и сейчас активно готовит выборы. А другие нас критикуют, третьи не решаются критиковать, но и к нам не идут.*

— Каковы, по вашим предположениям, будут результаты выборов? Какой процент поляков не пойдет голосовать?

— *Не решаюсь делать прогнозы. Но я уверен, что после этих выборов ситуация в Польше будет иной, даже если в сейме оппозиции отведено ограниченное число депутатских мест, чтобы она не создавала прямой угрозы властям. Власть в Польше разлагается, партия и ее союзники, демократическая и крестьянская партии, начинают распадаться. Они пытаются найти теперь свое лицо, и поэтому их предвыборные программы в ряде пунктов близки к предложениям, выдвигаемым «Солидарностью». Я думаю, что, если даже не 30, а 20% депутатов будут вести себя так, как следует вести себя людям, наделенным депутатскими полномочиями, может оказаться, что некоторые законы приобретут совсем иной вид.*

Между прочим, когда мы говорим о «Солидарности», мы склонны видеть в ней оппозиционную политическую партию, а ведь такой партии не существует. Существует, профсоюз «Солидарность», и пока никто не может сказать, какое отношение будет к нему иметь партия, которая может быть создана на основе предвыборной платформы, разработанной группой людей, близких к Валенсе. В этой группе, как в самой «Солидарности», есть люди разных взглядов. Мы были едины, когда речь шла об общих проблемах: свобода слова, независимая печать, свобода для профессиональных и творческих союзов, но насчет того, как решать политические и экономические проблемы Польши, мнения расходятся. Как это все проявится впоследствии? Будет ли у оппозиции одна программа или несколько? Все это пока похоже на кашу...

— Монолитность власти распалась, но и монолитности оппозиции уже не существует? С чего же надо теперь конкретно начинать?

— *Как я уже сказал, создавать общественную базу. Пока, вы знаете, сейм — это только декорация. От нас зависит, чем сейм и сенат станут в будущем. Если мы не создадим общественной базы, то все сведется к тому, что появится еще сто человек, которые будут сотрясать воздух речами. И наоборот, если мы сумеем создать условия для того, чтобы существовали, свободные, независимые общественные организации, если сумеем сдвинуть с места независимую экономику, тогда сейм и сенат смогут влиять на жизнь в стране. Смогут вести нормальную работу, а не*

просто издавать огромное количество законов и указов, с помощью которых власть до сих пор надеялась организовать общество.

— Это цель «Солидарности»?

— *Мне трудно говорить о «Солидарности» в целом, в ней суще ствуют разные течения и группы. Даже те группы, которые отказа лись участвовать в переговорах с властью — группы Моравецкого, Гвязды, — являются в известной степени «Солидарностью». Их значение и влияние в обществе может даже расти. Я не могу гово рить за них, а о себе скажу.*

Я начал с защиты прав человека, с защиты прав рабочих, с помощи бастующим и репрессированным. Так вот, я бы не хотел больше ездить для этого по тюрьмам. А избежать этого мы сможем только тогда, когда люди поверят, что, если они захотят, у них появится надежда на лучшее будущее.

— Как далеко может пойти «Солидарность» в поисках компромисса с властью?

— *Пока не почувствует, что дальше она теряет себя. Тогда она скажет «нет», и власть пойдет на пятую, потому что у власти нет сил, нет возможности проводить ту политику, которую она хотела бы проводить. Компромисс нужен и ей».*

Церковь в Польше

Газета «Вашингтон пост» (20.05.1989) поместила статью Джексона Дила:

«Польский парламент принял исторический закон, впервые в период правления коммунистов легализовавший католическую церковь и восстановивший имущественные права и привилегии, которых церковь была лишена в послевоенные годы.

Принятый закон, появившийся через несколько лет переговоров между представителями церкви и возглавляемым Войцехом Ярузельским руководством, представляет собой первую полную нормализацию отношений между церковью и государством в коммунистическом государстве и открывает Варшаве путь к тому, чтобы она стала первым коммунистическим правительством, которое установит дипломатические отношения с Ватиканом.

В соответствии с принятым всеобъемлющим законом восстановлено право церкви приобретать и продавать собственность, иметь свои собственные предприятия, издавать газеты и создавать и контролировать школы, больницы и даже радио и телевизионные станции без вмешательства правительства. Религиозные указы и низовые организации Церкви более не будут регулироваться правительством, и будет отменен контроль за строительством новых костелов.

Правительство также согласилось возратить церкви отобранные у нее в 50-х годах больницы и другую собственность и выплатить компенсацию в том слу-

чае, если церковь не пожелает вновь вступить во владение этой собственностью. Согласно оценкам должностных лиц, размеры выплачиваемой компенсации будут составлять «несколько миллиардов злотых», то есть сумму в несколько миллионов долларов.

Представители правительства и церкви охарактеризовали принятый закон как знаменующий прекращение длительного и ожесточенного конфликта между коммунистической партией и влиятельной церковью, прихожанами которой являются 90% 38-миллионного населения Польши. «Созданы необходимые условия для прекращения разделения людей на верующих и неверующих, все еще существующего в общественной жизни со всеми вытекающими из этого последствиями», — заявил член партийного Политбюро Казимеж Барчиковский.

Два других новых закона, принятых парламентом вместе с законом о церкви, гарантируют свободу исповедания всех вер и предоставление предусмотренных государственным социальным страхованием благ 62 тыс. польских священников. Эксперты-юристы считают, что закон о вероисповедании должен положить конец многолетней дискриминации государством секты иеговистов.

Заключение этого комплексного соглашения стало кульминацией процесса политических переговоров между церковью и партией, начавшихся в 1981 г. и оказавших ключевое влияние на принятое в результате Ярузельским решение восстановить политический и профсоюзный плюрализм, запрещенный им после объявления военного положения.

Усиленно обхаживаемое в середине 80-х годов партийным руководством, которое надеялось стабилизировать положение в стране с его помощью, руководство католической церкви решительно выступало в поддержку плюрализма, в значительной мере под влиянием родившегося в Польше папы римского Иоанна Павла II. Когда папа решительно выступил в защиту профобъединения «Солидарность» во время совершенной им в 1987 г. поездки по стране, теплившиеся у властей надежды на сепаратное урегулирование с участием возглавляемого кардиналом Юзефом Глемпом Варшавского епископата растаяли.

После двух волн забастовок, захлестнувших Польшу в прошлом году, высшие представители церкви содействовали организации первых встреч между председателем профобъединения «Солидарность» Лехом Валенсой и министром внутренних дел Чеславом Кишаком и в конечном счете проведению в начале этого года переговоров за «круглым столом».

Крупный успех, достигнутый на переговорах за «круглым столом», позволил партии и церкви вернуться к формуле урегулирования, впервые предложенной до визита папы римского два года назад. Легализация церкви в Польше — решение, которого давно добивался епископат, — должна сопровождаться дипломатическим признанием коммунистического правительства Ватиканом. Эта уступка была ключевой дипломатической целью Ярузельского.

Представители Ватикана и правительство обсуждали на переговорах протокол установления отношений и заявили, что работа над ним почти завершена.

Представители церкви сообщили, что официальное установление дипломатических отношений должно произойти позднее в этом году.

В дополнение к восстановлению прав, которых церковь была лишена в течение десятилетий, закон о легализации имеет важное значение для церкви потому, что он кодифицирует отношения между церковью и государством, которые до сих пор зависели от произвольных административных решений правительственных ведомств, созданных для контроля за религией.

Такая деятельность церкви, как строительство зданий, религиозное образование и даже, очевидно, не вызывающие возражений общественные кампании против алкоголизма и наркомании, зависела от непостоянных подъемов и спадов проявляемой властями терпимости, от внутренней партийной политики и притока государственных бюрократов.

Во многих областях польской жизни новые отношения между церковью и государством представляют собой заметную перемену по сравнению с тем, что было всего лишь несколько лет назад. Хотя самые жестокие репрессии против церкви имели место в начале 50-х годов, отношения между церковью и государством достигли наибольшей взаимной враждебности в конце 1984 г., после того как правительственные силы безопасности оказались причастными к убийству популярного сторонника «Солидарности» — ксендза Ежи Попелушко.

В начале этого года еще два ксендза-активиста погибли при загадочных обстоятельствах. Их убийства произошли с интервалом всего лишь в несколько недель, однако правительство отрицало свою причастность к ним, и деятели церкви замяли эти дела.

Новый статус церкви также резко контрастирует с продолжающейся политической репрессий властей против религии в соседних Чехословакии и Восточной Германии, где власти жестко контролируют деятельность церкви и осуществляют дискриминацию в отношении верующих.

Вместе с тем Венгрия также движется к нормализации отношений с религиозными организациями, и советские власти сделали некоторые шаги к расширению свободы православной церкви, а также католической церкви в Литве».

Интервью Адама Михника

Парижская газета «Монд» (21.07.1989) публикует интервью, взятое ее корреспондентом в Москве у Адама Михника.

«Адам Михник — ответственный редактор печатного органа «Солидарности» «Газета», депутат сейма и теоретик польской оппозиции — стал ныне первым представителем оппозиции в одной из стран Варшавского Договора, посетившим Москву.

Будучи приглашенным для участия в международном коллоквиуме, он использовал неделю, проведенную в советской столице, для того чтобы без лишнего шума установить многочисленные политические контакты. Накануне своего возвращения в Варшаву он дал нашей газете интервью, в котором указывает, что Лех Валенса, возможно, предпримет поездку в Москву до Рождества.

В о п р о с. Как только вы вернетесь в Варшаву, вам придется отвечать на один вопрос, который я предпочитаю поэтому задать вам сразу же: имели ли вы во время своего пребывания какие-то официальные встречи?

О т в е т. *Чтобы иметь официальные встречи, нужно находиться с официальным визитом, чего в моем случае не было. Зато я имел неофициальные контакты с весьма видными деятелями советской общественной и интеллектуальной жизни. Это помогло мне понять нынешний новый этап в истории СССР, динамику происходящих там перемен, и это очень важно не только для «Солидарности», но и для всех людей Центральной Европы, поставивших перед собой задачу восстановления демократии.*

В о п р о с. Хотите ли вы этим сказать, что вы наметили в Москве возможные совместные действия со всеми этими людьми, заложили основы того «нового интернационализма», о котором вы неоднократно говорили в своих публичных выступлениях?

О т в е т. *Если я правильно понимаю нынешнюю обстановку, сталинские силы не ограничены рамками какой-то одной из стран Востока, ни даже рамками нескольких стран. Они интернациональны, и антисталинская деятельность — деятельность за восстановление гражданского общества и за создание новой модели плюралистской демократии — должна также быть интернациональной.*

В о п р о с. Следует ли, по вашему мнению, включить группу Горбачева в число этих антисталинских сил, подлежащих объединению?

О т в е т. *Прекрасный вопрос... но который следует задать самим этим руководителям. Я бы, естественно, хотел, чтобы они ответили решительным «да», но все, что я могу сказать после тех бесед, что я имел в Москве как с членами партии, так и с представителями неформальных групп, это то, что мы, по моему мнению, вступили в период широкого перераспределения политических сил.*

Прежде во всех странах Восточной Европы были, с одной стороны, аппарат, а с другой — демократическая оппозиция — рабочая, интеллектуальная или обе сразу.

Сегодня дело уже обстоит иначе. Линия раздела, куда более сложная, проходит между сторонниками и противниками перемен, развития в направлении демократии, компромиссов — таких, как, например, тот, что был заключен «Солидарностью» с реформаторским крылом ПОРП за «круглым столом».

Эта стратегия имеет своих противников, к которым относятся, естественно, консерваторы-сталинисты, но также — в рамках самой демократической оппозиции — те радикальные течения, для которых компромисс с реформаторами из правящей партии невозможен или, во всяком случае, нежелателен. Речь идет о двух совершенно различных типах политических позиций, поскольку нельзя ставить на одну доску радикалов-тюремщиков и радикалов-заключенных. Проблема, однако, в том, что мятежи, поднимаемые заключенными, часто бывают стихийными, то есть они слепы и самоубийственны.

В о п р о с. Итак, ваше пребывание в Москве позволило вам продвинуть вперед это единство демократических сил в Восточной Европе?

О т в е т. Увидим, но я надеюсь, что да, поскольку дискуссии, которые я имел с депутатами Москвы, позволяют мне думать, что установление систематических контактов между депутатами-реформаторами Советского Союза и Польши стало бы важным шагом вперед на пути демократических преобразований. И я надеюсь, что через несколько месяцев к нам могли бы присоединиться венгерские депутаты-реформаторы, а затем и другие.

В о п р о с. А говоря конкретно, для чего?

О т в е т. Мы имели по этой теме весьма конкретные дискуссии. У нас все проблемы — общие, от перехода к рыночной экономике до создания в наших странах правовых государств, поскольку сейчас они не являются таковыми. Весь этот регион находится на пороге широких перемен, и альтернатива совершенно ясна.

Либо мы находим какие-то формы сотрудничества и обмена, подобные тем, что позволили Западной Европе идти по пути свободно избранного единства, выгодного для каждой из входящих в него стран, то есть либо мы идем тем самым к созданию Европы, объединенной демократией, либо мы идем к балканизации, ненависти, кровопролитию и еще большей нищете. В этом случае все поднимутся против всех, а, вполне вероятно, также все — против евреев.

У нас нет выбора. Нам нужно определить отношения нового типа и всерьез начать подлинные обсуждения по вопросу о десталинизации международных отношений в Восточной Европе.

В о п р о с. То есть?

О т в е т. Это очень просто. Нам нужно порвать с отношениями по принципу центр — сателлиты, определенными Сталиным, и прийти к равноправным отношениям между суверенными нациями. Сегодня национальный вопрос — это в Восточной Европе самый важный вопрос из всех, причем как в рамках самого Советского Союза, так и в его отношениях с другими странами этого региона.

В о п р о с. Вы — сторонник независимости советских республик?

О т в е т. Это их проблема. Каждой из них надлежит решать свою судьбу, но я считаю, что существует некий демагогический и опасный пробел — опасный для самих этих народов, — заключающийся в том, что они могут удовлетворяться лишь лозунгом о национальной независимости.

Я лично отношусь отрицательно к антисоветским демонстрациям в Польше во все не потому, что это огорчает Москву, а потому, что они могут нанести вред моей стране. Что же касается советских республик, я боюсь, как бы слишком радикальные лозунги не вызвали национальную реакцию со стороны русских, что вновь по-

ставило бы под угрозу демократическую эволюцию как самих республик, так и всего Советского Союза в целом, и могли бы создать тенденцию, идущую вразрез со стремлением к суверенитету — естественным, законным стремлением, которое должно быть удовлетворено.

В о п р о с. Но ведь это именно то, что говорит г-н Горбачев. Разве нет?

О т в е т. *Проблема не в том, что он говорит, а что он делает.*

Чтобы удовлетворить национальные чаяния народов Восточной Европы, нужно, чтобы советские центральные власти начали диалог с лучшими представителями этих стран — с прибалтами, как и с армянами, с поляками, венграми и, естественно, с чехами. У членов комитета «Карабах», если ограничиться хотя бы этим примером, должны были бы быть иные собеседники в Москве, чем надзиратели с Лубянки. Правительство должно вести с ними диалог и исключить тем самым наблюдающуюся непоследовательность, три вопиющих примера которой я хотел бы здесь привести.

Нельзя заявлять, как это сделал Горбачев в Париже, что каждая европейская страна свободна в выборе своей судьбы, и одновременно не признать, наконец, что военное вмешательство Варшавского Договора против «пражской весны» было трагической ошибкой, связанной с брежневским застоём. Нужно осудить это вмешательство и, говоря политическим языком, отказаться от подобных методов.

Нельзя точно так же осуждать применение силы в международных отношениях и в то же время не осудить четко и раз и навсегда пакт Молотова — Риббентропа, жертвами которого стали как Прибалтийские республики, так и моя страна. И наконец, нельзя каждый день повторять, что должны быть ликвидированы все белые пятна в преступлениях сталинизма и в то же время не признавать до сих пор реальность совершенных НКВД в Катynie массовых расстрелов польских офицеров, захваченных в плен Красной Армией в 1939 г. Еще многое предстоит сделать, и это должно быть сделано незамедлительно.

В о п р о с. Сможет ли теперь, после вашего пребывания в Москве, начаться прямой диалог, за который вы ратуете, между председателем «Солидарности» Лехом Валенсой и Горбачевым?

О т в е т. *Я почувствовал в Москве, что складывается новый климат в советско-польских отношениях. Я это почувствовал в моих беседах как с членами партии, так и с независимыми деятелями. После этих бесед я думаю, что встреча между главой Советского государства и председателем «Солидарности» возможна, что она будет полезной как для Советского Союза, так и для Польши и что она могла бы состояться уже в этом году.*

В о п р о с. Вы хотите сказать, до рождества?

О т в е т. *Но рождество будет в этом году.*

В о п р о с. И каков должен был бы быть, по-вашему, главный пункт повестки дня этой встречи?

О т в е т. *Но я вам его уже назвал: окончательная десталинизация отношений между нашими двумя странами, их перестройка, то есть отказ от догм, от ограничений и от эпохи диктатов».*

Об избрании М. Раковского Генеральным секретарем ЦК ПОРП

Газета «Нью-Йорк таймс» (5.08.1989) поместила статью Джона Таглиэйбю, приводимую ниже с сокращениями:

«Избрание Раковского, очевидно, указывает на то, что партийное руководство сейчас выступает за дальнейшие политические и экономические перемены.

Раковский, в целом, считается лидером реформистского крыла партии, хотя он также опытный противник «Солидарности».

Раковский показал себя жестким и опытным участником переговоров правительства с «Солидарностью» в 1981 г. В сентябре 1988 г. он был назначен премьер-министром вместо Збигнева Месснера, который подвергся критике за свою экономическую политику.

62-летний Раковский, очевидно, отразил предпринятую в последнюю минуту попытку другого партийного руководителя, Мариана Ожеховского, ортодоксального коммуниста и главного партийного идеолога, оспорить его избрание. Выступая на пленуме Центрального Комитета, Ожеховский подверг критике ориентацию возглавляемого Раковским кабинета министров на рынок и даже предостерег от «возрождения жестоких законов капитализма». Впоследствии Раковский отрицал в ходе телевизионного интервью, что правительство подверглось резкой критике на пленуме Центрального Комитета, избравшего его на новый пост. «Я бы сказал, что правительство не подвергалось критике со всех сторон, — сказал он. — Стоящие перед нами задачи сложны, но не невыполнимы».

Во время перерыва в ходе двухдневного пленума Раковский сказал: «Я также полагаю, что могу рассчитывать на поддержку многих тысяч членов партии. Я думаю, что мы можем найти выход из этой трудной ситуации».

Действительно, Раковский имеет дело с социальной и экономической ситуацией кризисного масштаба. В течение нескольких месяцев государственная казна выпускает в оборот огромные суммы денежной массы, способствующей росту инфляции, для покрытия стремительно увеличивающегося разрыва между государственными доходами и расходами.

Министерство финансов предупредило, что внутреннему рынку грозит опасность краха и во многих магазинах уже нет основных продуктов питания.

Темпы инфляции уже приближаются к 100%, а промышленное производство падает.

Раковский известен своей агрессивной позицией в отношении «Солидарности», и многие руководители профобъединения очень его не любят и не доверяют ему. Вместе с тем он поддержал процесс примирения с профобъединением.

Он подвергся резкой критике со стороны выступающих за жесткий курс коммунистов, после того как партия потерпела унижительное поражение на состоявшихся 4 и 18 июня выборах, когда поддержанные «Солидарностью» кандидаты получили 99 из 100 мест в верхней палате парламента и все 161 место, на которое они баллотировались в нижней палате.

Раковский сам стал жертвой этого поражения. Включенный в национальный список 35 высших партийных руководителей и их союзников, он не сумел получить 50% голосов, необходимых для того, чтобы войти в парламента, получив 48,2% голосов.

Он человек с большим опытом среди партийных работников и пользуется поддержкой многих руководителей на Западе.

Представитель Центрального Комитета Ян Биштыга заявил, что генерал Ярузельский оставил все свои партийные посты, включая членство в правящем Политбюро и Центральном Комитете.

Партийные должностные лица полагают, что Раковский возглавит реформу партии по образцу западных социал-демократических партий, таких, как в Западной Германии и в Испании.

В интервью, которое он дал на этой неделе авторитетному еженедельнику «Политика», Раковский, однако, энергично отрицал, что у него есть такое намерение.

«Я возмущаюсь, когда слышу, например, что партии следует начать переходить на социал-демократический путь, — сказал он. — По моему мнению, это совершенно законное для партии желание — попытаться стать эффективной организацией с большим весом в обществе».

Отвечая на вопрос о своем представлении о более отдаленном будущем Польши, Раковский, который, занимая в течение нескольких десятилетий пост главного редактора «Политики», превратил ее в одно из ведущих в Польше реформистских изданий, сказал: «Я не думаю, что правы те, кто предсказывает начало в скором будущем в Польше периода очень зрелой демократии».

«Я думаю, что Польшу ждет период больших потрясений, период пота, слез и, я надеюсь, период без кровопролития, — сказал он. — Я думаю, что все же замечательно, что нам пока удастся создавать условия, оберегающие нас от наихудших сценариев с настоящей шоковой терапией, через что нам, возможно, придется пройти».

Для партии, по крайней мере, некоторые из тех потрясений, которые предсказывает Раковский, очевидно, вот-вот начнутся.

Выступая на пресс-конференции сегодня вечером, еще когда продолжались дискуссии в Центральном Комитете, Биштыга сообщил о крупной перетряске в высшем партийном руководстве, которая, по его словам, объясняется «потребностью в более молодом поколении». Генерал Ярузельский неоднократно призывал к приливу свежих сил в партийные ряды».

* * *

Корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс (5.08.1989) передал из Варшавы:

«На следующий день после избрания премьер-министра Мечислава Раковского руководителем коммунистической партии возглавляемое им правительство объявило, что его спорная программа отмены контроля над ценами на продукты питания и нормированного распределения мяса вступит в силу через два дня.

Программа рыночной реализации продовольствия ранее критиковалась как плохо подготовленная, о чем заявили «Солидарность» и член Политбюро Владислав Бака, оставивший пост партийного секретаря, ведающего вопросами экономической политики на двухдневном партийном пленуме, избравшем Раковского.

«Мы не можем брать на себя ответственность за социальные последствия этой меры, осуществляемой правительством, — говорится в принятом в субботу заявлении Всепольской исполнительной комиссии профобъединения. — Существует опасность взрыва социального недовольства».

Тем временем в своем первом публичном комментарии по поводу назначения Раковского лидер «Солидарности» Лех Валенса заявил своим сторонникам у костела Святой Бригиды в Гданьске, что он «не намерен вмешиваться в партийные дела...». «Я не избирал его, его избрали члены партии».

Вместе с тем некоторые рядовые члены «Солидарности» заявили, что они оценивают это «очень негативно».

«Раковский сделал за девять месяцев (пребывания на посту премьер-министра) больше вреда, чем другие правительства за 40 лет, — сказал региональный представитель «Солидарности» из Вроцлава Станислав Дебиньский. — Он — один из тех, у кого есть идея оставить у власти сторонников жесткого курса. Поэтому его и выбрали».

В момент избрания Раковского в правящее Политбюро были избраны считающиеся сторонниками жесткого курса региональные партийные руководители, а также 43-летний партийный секретарь, известный как реформист. В отставку ушли четыре старых члена Политбюро.

Представляется, что Раковский пытался сбалансировать влияние различных партийных группировок в Политбюро. До своего избрания в одном из интервью он призвал к единству в партии. Он подчеркнул, что партия должна проявлять прагматичный подход, не забывая о своем марксистском характере, и должна стать партией, способной победить на выборах.

Правительство будет иметь дело с ухудшающимся экономическим положением, с инфляцией, измеряемой трехзначными цифрами, и дефицитом многих основных продуктов питания.

Бака заявил, что программа переориентации на рынок может привести к дополнительному 300—400-процентному повышению цен на продукты питания, что, в свою очередь, может привести к выдвижению новых требований о повыше-

нии заработной платы, если до этого не будут приняты такие меры предосторожности, как накопление запасов для нейтрализации панических закупок.

«Преобладающее в нынешнем правительстве стремление ввести рыночные механизмы независимо от реальных условий является одним из самых важных факторов, усугубляющих как экономическую, так и социальную обстановку», — сообщила на прошлой неделе возглавляемая Бакой партийная комиссия.

«Если сохранится нынешний курс, экономика может в конечном счете развалиться, что настроит общество против идеи реформы экономики с большей ее ориентацией на рынок».

Раковский заявил, что крестьяне не вывозят мясо и зерно на рынки, поскольку цены, по которым оплачивается их продукция, недостаточно высоки и единственная возможность платить им больше для того, чтобы они поставляли в магазины необходимое количество продукции, — это брать с потребителей больше денег.

«И у специалистов, и у представителей общества сложилось мнение, что решение этой (продовольственной) проблемы заключается в «маркетизации» (рыночной ориентации) и в быстром введении рыночных механизмов», — сообщило в воскресенье государственное информационное агентство ПАП.

ПАП сообщило, что любому магазину и предприятию по переработке мяса будет разрешено покупать мясо прямо у крестьян по любой договорной цене.

Талоны на мясо, которые с 1981 г. позволяли каждому члену семьи покупать 2,5 килограмма мяса в месяц в государственных магазинах по контролируемым ценам, будут отменены, говорилось в сообщении.

Потребители всегда могли купить дополнительное количество мяса по более высоким ценам в частных магазинах. Однако для многих поляков это было слишком дорого. Фактически даже то мясо, которое продается в государственных магазинах, теперь будет продаваться почти по ценам свободного рынка.

Например, килограмм свинины по талонам мог стоить одну тысячу злотых, если потребителю везло и он мог купить его в государственном магазине, но такое же количество свинины на свободном рынке стоило 5—8 тыс. злотых. Средняя месячная заработная плата равна приблизительно 107 тыс. злотых. Потребитель обычно должен выстаивать несколько часов в очереди в ожидании доставки продукции в государственные магазины.

Контролируемые цены сохраняются только на такие продукты питания, как молоко с низкой жирностью, сыр, молочные продукты для детей и хлеб, говорилось в сообщении.

Программа предусматривает «определенные денежные суммы» для компенсации потребителям потерь от повышения цен, однако эти суммы недостаточны для полной компенсации повышения цен, говорится в сообщении. Полная информация будет опубликована во вторник.

И Бака, и «Солидарность» заявляют, что они выступают за отмену контроля за ценами на продукты питания и за создание свободного рынка, однако они ут-

верждают, что этот процесс должен осуществляться поэтапно и сопровождаться программой по разъяснению этого процесса общественности.

«Солидарность» и некоторые партийные экономисты выражают прежде всего опасения, что резкие повышения цен в тот момент, когда магазины практически пусты и нет никаких резервов продовольствия, могут привести к взрывоопасной ситуации в обществе.

Общество было бы готово смириться с этими повышениями, если бы товары были в магазинах, утверждают они».

* * *

Корреспондент агентства Рейтер (5.08.1989) передал из Варшавы: «Новый партийный руководитель Польши Раковский сталкивается с экономической катастрофой и призраком народного недовольства, приступая к перестройке своей ослабленной и деморализованной партии.

Возглавляемые коммунистами профсоюзы, входящие во Всепольское соглашение профессиональных союзов, также предупредили о массовом недовольстве. Оба профобъединения заявляют, что поддержат протесты трудящихся. Они называют этот план плохо подготовленным, а предлагаемую компенсацию недостаточной.

Должностные лица сообщают, что цены, возможно, увеличатся на 300—400%, в результате чего почти две трети 38-миллионного населения Польши окажутся за чертой бедности.

Меньшие по масштабам повышения цен на продукты питания вызывали недовольство населения, что привело к падению коммунистических правительств и партийных руководителей в 1970 и 1980 гг.

Сейчас политики боятся катаклизма, который мог бы свести на нет политические и экономические реформы, которые привели «Солидарность» в парламент и наставили Польшу на путь парламентской демократии.

Западные дипломаты сообщили, что Раковский, несмотря на его остро критикуемую деятельность на посту премьер-министра, стал хорошим выбором для возрождения коммунистической партии, глубоко деморализованной после своего сокрушительного поражения на выборах, которое ей нанесла в прошлом месяце «Солидарность».

Вместе с тем они считают, что притом, что Ярузельский стал президентом страны, пост руководителя партии больше не имеет всех тех полномочий, которыми он был наделен прежде.

«Это уже не та роль бесспорного вождя, которую играл обладатель этого поста после войны, — сказал один дипломат. — Но я уверен, что Раковский попытается утвердить себя. Он активный и энергичный человек».

«Его роль заключается в том, чтобы собрать осколки партии и наполнить ее динамизмом и новыми силами».

Один из представителей «Солидарности», однако, сказал, что для Раковского, возможно, слишком поздно спасать партию от внутренних разногласий между реформистами и сторонниками жесткого курса и от ослабления ее роли в государственных делах.

«Все знали, что он уже многие годы метил на пост первого секретаря... Но он стал премьер-министром, а первым секретарем лишь теперь, когда уже пора «гасить свечи», — сказал вышеупомянутый представитель «Солидарности».

Лидер «Солидарности» Лех Валенса повторил требование оппозиционного движения — сформировать правительство — и подтвердил свой отказ вступить в возглавляемую коммунистами коалицию.

«Все или ничего. Мы можем сделать что-то, если будем обладать полномочиями, — сказал он на собрании в Гданьске. — Но, если мы станем марионетками, получившими самые второстепенные посты, мы не добьемся ничего, кроме потери доверия в обществе, и нас сметут».

«Прежде чем предавать кого-либо суду и выносить вердикты, надо дать обвиняемому возможность оправдаться», — заявил Валенса. Парламентская группа «Солидарности» пригрозила подвергнуть импичменту Раковского за ошибки в управлении экономикой, начав против него расследование в государственном трибунале в Варшаве.

Валенса не стал высказывать своего мнения относительно назначения Раковского, старого противника «Солидарности», на пост партийного руководителя.

«Мы не хотим судить о партийных вопросах и не позволим им вмешиваться в наши дела. Я не голосовал и не буду поддерживать членов партии», — заявил Валенса».

О создании независимой школы в Польше

Корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс (4.09.1989) Дебора Сьюард передает из Варшавы:

«После 10 лет борьбы группа учителей открыла в понедельник первую в стране независимую частную среднюю школу на 60 учащихся, которые хотят получить образование по более живой системе.

Около 200 учащихся, их родителей, учителей и гостей собралось в главной аудитории Варшавского университета на церемонию учреждения этой школы.

Лозунг, гласивший «Мы начинаем», с одной из букв которого свисал флаг «Солидарности», был укреплен на занавесе, находившемся позади кафедры.

«Мы вступаем туда, где никто еще не побывал», — заявила Г. Борт-новска, один из членов-основателей организации «Друзья школы», которая разработала эту программу, мать одного из учащихся.

До сих пор все средние школы в Польше были государственными, а несколькими школам, переданным в ведение церкви, была рекомендована государственная программа наряду с религиозными дисциплинами.

Ректор Варшавского университета физик А. Вроблевский заявил, что учащиеся всегда должны иметь возможность воспринимать новые идеи и что только человек, который все подвергает сомнению, может получить подлинные знания.

Многие польские учащиеся выражают недовольство тем, что государственная программа не дает возможности для развития личности и что не допускаются какие-либо сомнения в правильности этой государственной программы.

Набор в первый класс производился на основе конкурсных экзаменов, и, судя по всему, учащиеся с энтузиазмом относятся к своей новой школе.

«Мы надеемся, что эта школа будет лучше и что учиться в ней будет интереснее», — сказала 15-летняя М. Сыровиньски.

«В этой школе будет более благоприятная атмосфера. Мы надеемся, что это действительно будет очень интересно», — заявила А. Стахура, которой также 15 лет.

Позже в информационной программе телевидения была показана часть церемонии открытия школы и выступления учащихся, позитивно отзывавшихся о новой школе.

Министерство народного образования неохотно дало согласие на создание новой школы, однако должностные лица отмечают, что появление таких школ, возможно, облегчит задачи образования, которым в настоящее время занимается почти исключительно государство, а также станет лабораторией для разработки новой учебной программы.

Эта школа, которая пока не имеет названия, будет во многом отличаться от остальных 900 государственных средних школ Польши.

«Сам процесс получения образования и преподавания будет альтернативным по отношению к существующему в государственных школах», — отметил В. Пашинский, один из создателей этой школы.

В классах будет не более чем по 15 учащихся. В программе основное внимание уделено гуманитарным предметам и наукам, однако будут также занятия с целью развития личности, а также посвященные психологии и учащиеся будут поощрять за самостоятельные занятия. Будут преподаваться также религиозные дисциплины.

Изучение русского языка не будет рекомендовано, как в большинстве государственных школ, однако учащимся придется изучать два иностранных языка.

Организаторы заявляют, что они стремились не к «воссозданию экспериментальной школы 60-х годов», а, скорее, к «поиску среднего пути между альтернативными школами Запада и приходящей в упадок системой государственных школ в Польше», — говорится в проспекте, посвященном новой школе.

Идея создания независимой средней школы появилась в конце 70-х годов, почти в тот самый момент, когда преподаватели и ученики, стремившиеся к большей интеллектуальной свободе, проводили независимые занятия по запретным темам на частных квартирах.

С начала 60-х годов польские законы разрешили создание школ, существующих независимо от государства, однако на практике до этого года коммунистиче-

ские власти никогда не разрешали создавать независимые школы, за исключением немногочисленных «семинарий» или «монастырских школ» для детей, стремящихся получить духовное образование.

Министерство народного образования, где главенствующие позиции принадлежат коммунистам, и его аппарат контролировали абсолютно все, начиная от вопроса о том, какие учебники могут использовать преподаватели, до самой программы. Преподавателям разрешалось придерживаться только официально рекомендованной программы.

Независимые преподаватели стремились к созданию школ с программой, которая была бы ближе не к государственной, а к европейской культурной традиции.

После создания в августе 1980 г. независимого профсоюза «Солидарность» появились инициативы снизу по созданию свободных школ, однако введение в декабре 1981 г. военного положения положило конец мечтам о создании независимой системы образования.

Эти проекты были возрождены к жизни в последние два года, когда политическая атмосфера в Польше изменилась.

Министерство народного образования после тщательного изучения этого вопроса дало необходимое согласие на эту программу этим летом, и другие группы уже изучают возможность создания своих независимых школ.

«Мы полагаем, что создание некоторого количества таких школ сможет обеспечить здоровую конкуренцию государственным школам», — отметил представитель этого министерства А. Кавка.

Эта школа пока не имеет постоянного здания, и сотрудники системы образования сообщают, что она не может ожидать финансовой помощи от государства. Занятия временно будут проводиться в общественных помещениях в колоссальном жилом комплексе в пригороде Варшавы.

На данный момент эта школа существует на плату за обучение и пожертвования. Плата за обучение составит в месяц около 1/3 средней ежемесячной зарплаты в Польше. Учитывая быстро растущую инфляцию, можно ожидать, что затраты и плата за обучение, безусловно, возрастут.

Эта школа является некоммерческой организацией, однако ее руководство намеревается платить преподавателям достойную заработную плату. В настоящее время учителя получают заработную плату, которая ниже среднего общенационального уровня.

«Мы не хотим, чтобы эта школа приносила нам прибыль, однако мы хотим, чтобы учителя могли достойно получать заработную плату», — заявил В. Пашинский.

Из-за низкой заработной платы учителям часто приходится дополнительно давать частные уроки, и в результате им остается мало времени, чтобы заниматься подготовкой плана урока и ознакомлением с новейшими тенденциями в образовании».

Организуется государственный заем

Впервые в истории послевоенной Польши правительством принято решение осуществить внутренний заем. Как сообщило агентство ПАП, начиная со 2 октября 1989 г. в 23 отделениях сберегательного банка и 20 главных почтах крупнейших городов можно будет купить облигации, которые дадут владельцам в год 40% чистого дохода. Эти ценные бумаги, выпущенные Министерством финансов ПНР, будут свободно продаваться и покупаться на предъявителя. Причем государство обязалось оплачивать проценты вперед, продавая облигации ниже их номинала на сумму, соответствующую доходу ее держателя. Поскольку заем является краткосрочным, рассчитанным всего на шесть месяцев, то доход за год составит 85,99%. Проще говоря, облигацию стоимостью 100 тыс. злотых можно будет купить за 70 тыс., а за 5-миллионную нужно будет заплатить всего 3,5 млн злотых.

Министерство финансов обязуется выкупать облигации по номиналу через полгода после их продажи, причем дата продажи будет проставляться отдельно на каждой ценной бумаге в момент покупки. Уже через четыре месяца держатель сможет вести с их помощью расчет с государством по всем своим текущим платежам.

Облигации, которые через несколько дней поступят в свободную продажу, могут покупать также предприятия и учреждения. Установленные правила оборота дают право приобретать их с разрешения министра финансов и иностранцам. Ценные бумаги, выпущенные в этом году, утрачивают свою актуальность 31 декабря 1990 г. Ограниченный срок действия облигаций установлен в связи с тем, что предполагается проводить их эмиссию каждый квартал. Но в каждом отдельном случае будут устанавливаться разное их опроцентование и сроки выкупки государством.

Номинал первого выпуска составит 600 млрд злотых. Из них 12 тыс. облигаций будут достоинством 5 млн, 180 тыс. — по одному миллиону, большое количество бумаг выпускается стоимостью по 500 и 100 тыс. злотых. Предполагается, что в результате займа в бюджет государства поступят 420 млрд злотых.

Эта финансовая операция, начатая еще правительством М. Раков-ского, вошла в стадию конкретного воплощения уже в июле 1989 г., и поэтому на облигациях будет стоять подпись бывшего министра финансов А. Врублевского. Это, по мнению нынешнего руководства ведомства, не повлияет на ход их распространения, поскольку условия займа, безусловно, являются выгодными и для держателей, и для государства. Осуществляемая операция является первым существенным шагом в направлении создания рынка ценных бумаг, который должен помочь уменьшить дефицит государственного бюджета и сократить выпуск денег без покрытия. Эти меры направлены на восстановление финансовой стабильности государства.

К вопросу о приватизации экономики

Варшавский центр исследования общественного мнения провел опрос «Какая экономика?». Анкетированию подверглись 3 тыс. рабочих и около 250 командиров производства, занятых на 380 государственных промышленных предприятиях. Их попросили выразить свое мнение относительно возникновения и сосуществования различных форм собственности на средства производства. Речь шла главным образом о том, много ли рабочих высказываются за приватизацию, как они расценивают образование государственных компаний с участием западного капитала, а также обобществление предприятий за счет введения таких форм хозяйственных организаций, которые полностью либо частично становятся собственностью занятых в них рабочих. На вопрос, в какой мере можно допустить частную инициативу в основных областях экономики, решительное большинство (97,9% рабочих и 99,2% руководителей) признало целесообразным провести приватизацию ремесел. За то же самое в торговле высказались соответственно 95,7 и 92,2%. Несколько меньше сторонников имеет приватизация на небольших и средних предприятиях, в заготовительных организациях. Заинтересованность приватизацией заметно падает, хотя и остается значительной во внешней торговле (78,9 и 84,7%) и в банковском деле (75,4 и 81,8%). Что касается приватизации на крупных предприятиях, то за это высказываются 58,9% рабочих и 56,6% руководящих работников. Против приватизации больших заводов и фабрик категорично высказываются 31,7% рабочих и несколько больше 36,1% руководящих работников.

Если сравнить эти данные с результатами опроса, проводившегося два года назад, то придется сделать следующий вывод: одобрение концепции перехода к частной собственности наблюдается во всех областях экономики. Упрочиваются негативные позиции по отношению к монополии государства. Среди рабочих на 57,9% возросло число сторонников приватизации банков, среди руководящего состава — на 78,1% одобрение частной торговли. По мнению ученых, сейчас наблюдается прямо-таки экспансия одобрения частного дела.

Теперь относительно создания государственных фирм с участием иностранного капитала. Около 57% рабочих и 65% руководящих работников решительно высказались за то, что такие фирмы принесут пользу. Только каждый пятый рабочий и каждый четвертый руководитель видел в этом решении отрицательные моменты. По сравнению с истекшими двумя годами положительная оценка фирм с участием западного капитала возросла на 14%.

Примерно то же самое можно сказать об идее создания фирм с участием трудовых коллективов. Причем эта новая форма рабочими одобряется гораздо активнее, чем руководящими работниками.

Какой же вывод можно извлечь из данных социологических исследований? В общественном сознании, отмечает газета «Трибуна робот-пича» (21.09.1989), решительно обретают права гражданства концепция многосекторной экономики,

разного рода варианты собственности. Многие выступают против монополии государства. Вместе с тем отвергаются и помыслы тотальной приватизации хозяйственной жизни. Эволюция точек зрения на состояние и степень приватизации является результатом публичных дискуссий, равно как и углубляющегося кризиса структур экономики, который побуждает к изменению навыков и традиционного мышления. Тоталитарные подходы — или только государственное, или только частное — теряют сегодня, как показало обследование, всякий смысл.

Интервью Т. Мазовецкого

Еженедельник ФРГ «Шпигель» (25.09.1989) опубликовал следующее интервью Председателя Совета Министров Польши Тадеуша Мазовецкого:

В о п р о с. Г-н премьер-министр, вам досталось в наследство обанкротившееся государство. Что вас побудило взять на себя ответственность за все это?

О т в е т. *Чувство, что это исторический час для Польши, когда должны быть решены две важнейшие задачи: сделать государство демократическим и выволить Польшу из экономической катастрофы.*

В о п р о с. Вы верующий католик. Где проходит для вас граница между религией и политикой?

О т в е т. *Да, я черпаю свои внутренние силы в вере. Но боюсь, что применять эти внутренние силы для принятия политических решений — это очень сложное дело. Это одинаково сложно как для верующего, так и для атеиста.*

В о п р о с. Но где для вас как для христианина проходит граница допустимого?

О т в е т. *Не думаю, что я могу точно назвать вам такую точку, такую границу.*

В о п р о с. Приведем вам практический пример. Допустим, польский папа в Риме потребует запрещения в Польше абортот и введения вновь преподавания в школах Закона божьего — какое вы примете решение?

О т в е т. *Нынешний папа, будучи епископом своей епархии, всегда считал, что надо помогать беременным женщинам, чтобы не вынуждать их прибегать к абортотам. Для этого в своей церкви он расставил кружки для сбора денег. Я отвечаю вам этим примером, потому что считаю, что как папа римский, так и нынешнее церковное учение понимают такие проблемы прежде всего как вопрос воспитания общества, а не как догму.*

В о п р о с. После успешных выборов руководство «Солидарности» подчеркивало, что оно только тогда возьмет на себя ответственность и войдет в состав правительства, когда из администрации и промышленности будут удалены представители коммунистической номенклатуры. Сейчас «Солидарность» все

же вошла в состав правительства. Что же изменилось в отношении номенклатуры?

О т в е т. Кстати, в спорах с Адамом Михником я отстаивал тогда ту точку зрения, что было бы лучше сначала установить стабильные отношения между нашей оппозицией и властями и не входить в состав правительства. Но положение изменилось, и мы должны были сделать из этого выводы.

В о п р о с. Что же изменилось?

О т в е т. Состав коалиции в сейме. Коммунисты утратили большинство. В отношении номенклатуры не произошло никаких изменений.

В о п р о с. Это значит, что пока сохранится положение, когда почти один миллион коммунистов будет занимать все важные посты?

О т в е т. В этом отношении надо принять решение о критериях компетентности и лояльности по отношению к государству безотносительно, кто в настоящий момент стоит у власти. Я буду требовать этого и последовательно следить за этим. Я не собираюсь проводить какие-то всеобщие чистки, вызывая таким образом стресс, страх и агрессивность. Я не буду этого делать хотя бы потому, что у меня нет аппарата для замены. Такой аппарат будет создан со временем: в нынешнем аппарате есть много ценных людей. И в других демократических странах сохраняется слой чиновников, если они демонстрируют необходимую квалификацию, независимо от того, как изменилась политическая ориентация правительства.

В о п р о с. Нынешнюю коалицию считают делом рук руководителя рабочих Валенсы. Как распределяются функции между Валенсой и премьер-министром Мазовецким? Вы получаете указания из Гданьска?

О т в е т. Когда я принял решение занять пост премьер-министра, я очень четко договорился с Леком, Валенсой о том, что как при формировании, так и во время работы правительства принимать решение будет премьер-министр. Валенса не предпринимает никаких попыток вмешиваться в мою работу, а я в свою очередь уважаю ту важную роль, которую играет Валенса в нашей стране и для нашего народа.

В о п р о с. Итак, гражданский мир между Варшавой и Гданьском?

О т в е т. Нет, это нечто большее. Мы часто встречаемся и обсуждаем все вопросы. Ведь, знаете ли, о том, окажусь ли я хорошим или плохим премьер-министром, надо будет судить по моей работе. Но я, безусловно, не буду служить прикрытием, и это относится ко всему.

В о п р о с. Ваш гражданский комитет «Солидарность» состоит из самых различных политических течений. Но, чтобы эффективно управлять, надо достичь какого-то политического консенсуса во фракции. Как вы охарактеризовали бы

общий знаменатель: как христианско-демо-кратический, социал-демократический или как синдикалистский?

О т в е т. Выяснение этого представляет собой одну из важнейших задач ближайшего будущего. Но это должен быть совершенно естественный процесс, в котором определенные политические позиции примут более ясные очертания. Я не мог бы сегодня сказать, будет ли это несколько формирований или только одно. Я полагаю, что их будет несколько.

В о п р о с. Не ослабляет ли это силу вашего правительства?

О т в е т. Что касается моего сотрудничества с фракцией, то пока дело обстоит так, что я постоянно поддерживаю тесные контакты с председателем Гражданского парламентского клуба профессором Геремеком и время от времени также с президиумом этого клуба.

В о п р о с. Как вы охарактеризовали бы ваши собственные политические позиции?

О т в е т. Я католик и руководствуюсь нынешним социальным учением церкви, которое вполне доступно, во всяком случае так я его понимаю.

В о п р о с. Видите ли вы в ближайшем будущем опасность раскола гражданского комитета? Уже теперь имеются разногласия между «Солидарностью» рабочих и «сельской «Солидарностью», которая считает, что при формировании правительства ее обделили.

О т в е т. Я полагаю, что теперь положение изменилось. «Сельская «Солидарность» выдвинула министра на довольно важный пост, ответственный за координацию всех действий, направленных на повышение уровня жизни в деревне.

В о п р о с. Чем же тогда объяснить эти волнения?

О т в е т. Существует проблема, которая не имеет никакого отношения к формированию правительства, но связана с восстановлением традиционной крестьянской организации. Председатель «сельской «Солидарности» Юзеф Слии призвал даже к созданию собственной крестьянской партии. Это не входит в сферу влияния правительства. Ясно, что такой раскол гражданского комитета причинит большой ущерб.

В о п р о с. В своем правительственном заявлении вы подчеркнули, что важнейшая цель Польши заключается в том, чтобы остановить инфляцию. Она уже составляет около 500%. Не будет ли целесообразной валютная реформа?

О т в е т. Я не стыжусь сказать, что премьер-министр не может прекрасно разбираться во всех вопросах. Я полагаю, что это вопрос, который вам лучше всего было бы задать моему министру финансов г-ну Бальцеровичу. Прежде всего мы не хотим создавать паники среди населения.

В о п р о с. Ваш специалист по экономике министр Тшечаковский, председатель Экономического совета, полагает, что можно наполнить пустую государственную казну с помощью государственного займа. Разве у поляков в чулках хранится так много денег?

О т в е т. *Есть очень много показателей того, что общество готово пойти на жертвы. Я чувствую это по себе, так как на мое имя поступает очень много пожертвований с благой целью. Один шлет мне поздравления и денежный перевод. Другой даже приглашает меня в гости и говорит, что хотел бы дать мне кое-что. Однако я должен взять это сам.*

В о п р о с. Чрезвычайные пожертвования для того, чтобы сделать родину лучше?

О т в е т. *Может быть. У населения есть желание сделать что-то во избежание катастрофы. В Польше такое поведение — это тоже традиция. В связи с нынешним положением вспоминается реформа Грабского, проведенная в 1924 г., когда для оздоровления государственного бюджета люди жертвовали даже обручальными кольцами. Мы не можем управлять такой готовностью к жертвованиям, но мы не можем также их игнорировать.*

В о п р о с. Но каждому поляку должно быть ясно, что оздоровление польской экономики потребует длительных лишений.

О т в е т. *Поэтому мы задаем себе вопрос: с одной стороны, готовность к жертвам очень велика; с другой — существует опасность возникновения иллюзии, будто достаточно одной этой жертвы, чтобы все было достигнуто.*

Ответить на этот вопрос очень трудно, так как поляков уже не раз обманывали. Но как объяснить им, что на этот раз мы говорим правду?

В о п р о с. Какая судьба ждет 150 крупных государственных предприятий, которые уже ваш предшественник г-н Раковский хотел закрыть ввиду их нерентабельности? Остается ли это решение в силе?

О т в е т. *Мы должны еще раз изучить этот В о п р о с. Мы должны, не отказываясь от этой цели, принять решение об очередности (закрытия предприятий) и о мерах, которые позволили бы провести переквалификацию уволенных рабочих.*

В о п р о с. При этом вы готовы примириться и с безработицей?

О т в е т. *Да. Я заявил об этом и в сейме — кстати, это был первый случай, когда в сейме обсуждался вопрос о безработице.*

В о п р о с. Кое-что вы заявили в сейме впервые.

О т в е т. *Безработица не может быть целью ни для какого правительства. Это — печальная необходимость. Проблема заключается в следующем: что лучше — скрыть неполную занятость или же открыто заявить, что особенно при таких преобразованиях неизбежно должна возникнуть безработица?*

В о п р о с. Западногерманский министр иностранных дел Геншер предлагает для восточноевропейских стран, проводящих реформу, «план Европы». Специалист СДПГ по вопросам экономики Рот предлагает организовать европейский фонд для создания высокопроизводительных предприятий. Поможет ли вам такой европейский «план Маршалла»?

О т в е т. *Обсуждается множество программ. Нам важно получить эту помощь в ближайшее время, чтобы можно было как можно скорее перейти от слов к делу. У нас, к сожалению, нет времени долго обсуждать такие вопросы.*

В о п р о с. Какая экономическая помощь была бы вам наиболее полезна?

О т в е т. *Только что было подписано соглашение с ЕЭС. В конце сентября состоится совещание 24 стран. Там мы изложим нашу точку зрения. На этой неделе заместитель Председателя Совета Министров Бальцерович и профессор Тшечаковский поедут в Вашингтон для участия в сессии МВФ. Но выбирать должны не только мы, но и другая сторона. Если в Западной Европе выкристаллизуется определенный план и если его можно будет быстро реализовать, мы, безусловно, с удовлетворением одобрим такой проект.*

В о п р о с. Неожиданный наплыв беженцев из ГДР стал настоящей европейской проблемой. Польские газеты похвалили венгерское правительство за быстрое и смелое решение этой проблемы. Как поступит польское правительство?

О т в е т. *С точки зрения государства, это проблемы, которые должны быть решены двумя германскими государствами. Если переложить эти проблемы на нас, это создаст трудности и может затруднить нам решение других важных проблем. Об этом следует помнить.*

В о п р о с. Но эта проблема имеет, кроме того, и гуманитарную сторону.

О т в е т. *Мы исходим из договора о правах человека и поддерживаем хельсинкское соглашение. Мы также хотим, чтобы его соблюдали все государства.*

В о п р о с. Как сообщает Бонн, германо-польские переговоры в скором времени успешно завершатся. Визит федерального канцлера Коля в Варшаву, как сообщают, состоится уже в этом году.

О т в е т. *Я надеюсь на это.*

В о п р о с. Почему эти переговоры продолжаются так долго?

О т в е т. *Они затянулись на предыдущем этапе, не при моем правительстве. Я доволен раундом переговоров, который прошел сейчас в Варшаве. На этом месте, где мы теперь сидим, я беседовал с г-ном Тельчиком — в присутствии своего полномочного представителя г-на Пиона. Некоторые вопросы еще не решены. Но я надеюсь, что во время следующего тура переговоров, когда Пион приедет в Бонн, все будет*

урегулировано. И тогда мы подумаем о программе визита федерального канцлера и подготовим общее заявление, которое мы затем сделаем.

В о п р о с. В конце позапрошлой недели Польша впервые со времени войны открыто отомстила день нападения Красной Армии в сентябре 1939 г. и осудила преступления Сталина. Чего вы ожидаете от Советского Союза — вы имеете в виду лишь моральную компенсацию или же речь идет о компенсации понесенных убытков?

О т в е т. Я считаю, что прежде всего очень важно, чтобы обе стороны другими глазами посмотрели на эту войну и осудили пакт Риббентрона — Молотова как преступление против Польши. Надежды, которые вы высказали, существуют. Но я не хотел бы продолжать высказываться по этой теме, так как я еще не говорил об этом с советскими партнерами.

В о п р о с. В своей речи в сейме, когда вы обливались потом и слезами, вы призвали польский народ к дополнительным усилиям и жертвам. Как долго будет продолжаться период лишений в Польше?

О т в е т. Боюсь, что несколько лет. Во всяком случае 2—3 года. Но главный вопрос заключается в том, удастся ли в ситуации, когда положение населения не улучшается, когда польский стол нельзя накрыть богаче, привести в движение энергию общества. Успех в конечном счете будет зависеть от того, удастся ли нам добиться этого. Поэтому мы должны одновременно преследовать две цели: во-первых, преодолеть экономическую катастрофу и, во-вторых, осуществить демократическую перестройку государства.

В о п р о с. Что произойдет, если эти ожидания не сбудутся?

О т в е т. Я не провидец. Но, безусловно, ничего хорошего не будет. Один друг сказал мне по телефону: «Мы все обречены на то, что ты добьешься успеха».

Г-н премьер-министр, мы благодарим вас за эту беседу».

Два интервью Л. Валенсы

Ниже следует полный текст интервью Леха Валенсы римской газете «Джорно» (28.09.1989):

«Варшава. Л. Валенса неловко чувствует себя в роли государственного деятеля, окруженного положенным таким людям вниманием. Бывший электрик с Гданьской судовой верфи в связи с угрозами в его адрес после формирования первого некоммунистического правительства в восточноевропейской стране появляется теперь повсюду в сопровождении двух офицеров БОР (организация, обеспечивающая охрану членов правительства). Полицейская машина следует за его новым автомобилем «Ланча-Тема». По иронии судьбы, он получил ее в наследство

из числа тех, которые нынешний лидер ПОРП М. Раковский приказал закупить накануне своего ухода с поста главы последнего правительства, где монопольное положение занимали коммунисты.

Лидер «Солидарности» не утратил, однако, энергии, а уж тем более любви к полемике. В ходе нашей беседы, состоявшейся в доме, охраняемом круглосуточно, он показал нам под своим письменным столом кнопку, позволяющую ему в случае опасности немедленно вызвать агентов. После тяжелого вздоха он говорит: «И подумать только, что я несколько десятилетий старался обвести полицию вокруг пальца».

В о п р о с. Сформирование первого правительства во главе с одним из лидеров «Солидарности», Т. Мазовецким, вызывает серьезные расколы внутри вашего движения, добившегося блестящей победы на выборах — первых частично демократических выборов в Польше. Каковы наиболее важные проблемы, с которыми сталкиваются Валенса и «Солидарность»?

О т в е т. *Больше всего меня тревожит тот факт, что нам приходится иметь дело с тремя аспектами кризиса одновременно: политическим, экономическим и профсоюзным. Возникли серьезные разногласия по вопросу о мерах по одновременному решению этих проблем. Я пытаюсь найти компромисс, ибо те, кому не удалось его достичь, дорого за это платят. Ясно, что я имею в виду коммунистов.*

В о п р о с. Почему вы упомянули прежде всего политический-аспект кризиса?

О т в е т. *Просто потому, что в политическом плане мы быстрее всего добились своего. Раньше это казалось невозможным, но сейчас у нас свой премьер-министр, и ему надлежит довести до конца введение многопартийной системы. Глава правительства должен добиваться и более труднодостижимых целей, иными словами, денационализации экономики, деполитизации полиции и армии. По моему мнению, у нас возникнет 20 политических партий, которые будут спорить по всем вопросам, а через пять лет из них останется только четыре. Именно им и придется вводить подлинный плюрализм. Я считаю сейчас первоочередной именно эту цель.*

Иными словами, отправная точка, которая должна была ознаменовать начало длительного процесса с целью прихода к ситуации, аналогичной нынешней, была предусмотрена через два года, а точка конечная — через четыре. Именно поэтому я возражал против комитетов. Они были преждевременны, хотя их деятельность и была необходима, ибо приближала момент прихода к ситуации, предусмотренной через четыре года. Но, несомненно, их существование создавало также кое-какие осложнения.

Я хотел прежде всего согласовать программу внутри организации, подготовить кадры, завязать связи с заграницей, имея в виду определенные политические силы в Европе, положить начало смешанным предприятиям и другим формам сотрудничества, чтобы избежать политического нажима и не дать себя приобщить к политической ответственности, заниматься экономикой и оставить на некоторое время в покое политику.

В о п р о с. Когда же решились на великий шаг, который, по признанию самого Мазовецкого, стал доказательством великого политического инстинкта Валенсы?

О т в е т. *Поскольку мне не удалось достигнуть такого результата, как ускорение оживления экономики, мне пришлось добиваться хотя бы политической цели. И теперь люди, способные понять происходящее, получают возможность заняться плюрализмом. Все знают, что наше общество — христианское общество и что, кроме того, имеются социалисты, коммунисты, евреи и прочие. Сейчас, когда все осознают положение вещей, кое-кто хочет перейти из менее многочисленной группы в более крупную, но это будет трудно. «Солидарность» сосредоточится на определенном круге проблем, чтобы стать более крупной группировкой, но это не означает, что она стремится быть единственной. Я противник монополии, независимо от того, кто пытается ее захватить. Поэтому я постараюсь в максимальной степени содействовать плюрализму, с тем чтобы в нашей стране утвердилось подлинное многообразие мнений. Если кто-то попытается создать монополию, я ему этого не позволю. Мне надоели монополии, даже моя собственная.*

В о п р о с. Принимаете ли вы в расчет опасность радикализации определенных группировок внутри вашего профсоюза?

О т в е т. *Фракции в профсоюзе необходимы, и они будут всегда, потому что так и должно быть. Когда завершится этап конфронтации, как я уже сказал, тогда возникнут христианские, коммунистические, социалистические и другие профсоюзы. «Солидарность» останется тем, чем она была с самого начала, — моделью для завоевания свободы и ее гарантии.*

В о п р о с. Какие надежды вы питаете по поводу результатов правительства Мазовецкого?

О т в е т. *У него явно есть возможности соизмерения с ожиданиями общества. Он пользуется поддержкой церкви и общества, но его проблемы гораздо больше этих возможностей. Я хочу помочь ему, но проблема в том, успею ли я это сделать, успеют ли вовремя прийти со своими капиталами все западные страны, от которых мы этого ожидаем.*

В о п р о с. Не опасаетесь ли вы новой волны забастовок после экономических мер, которые правительство Мазовецкого было вынуждено принять для оздоровления экономики?

О т в е т. *Забастовки, несомненно, возможны. Первыми выступают судоверфи, затем другие заводы, и после двух последовательных волн мы придем к той же точке. Поэтому мы хотим, чтобы события развивались по-иному. Я думаю, однако, что благодаря политической подготовленности общества поляки очень скоро поймут, что это не тот путь, что нельзя вновь возвращаться к проблемам 1980— 1981 гг. Неужели нам опять нужны войска на улицах? Я не считаю это возможным. Если выбить определен-*

ный кирпич, рухнет все здание нашего общества. Товар необходим на рынке для заедствия всех других механизмов. И поэтому сейчас нужен эффективный труд.

В о п р о с. Именно поэтому руководство «Солидарности», достигнув своей политической цели, сосредоточило все свое внимание на экономическом аспекте в ущерб профсоюзному?

О т в е т. *Экономический аспект играет решающую роль. Если мы не сценируем этот карточный домик, его сметет первая же волна забастовок. Поэтому я делаю все для того, чтобы экономика сдвинулась с места. И, сказать по правде, кое-что действительно сдвинулось. Положительные результаты со всей ясностью пока незаметны. Но возникает множество предприятий. Что-то предпринимает Норвегия, приобретающая судоверфи одну за другой; что-то предпринимают западные немцы. Словом, на экономическом фронте что-то происходит. Профсоюзы в этих условиях оказались в положении капризного ребенка. Но я считаю, что в данный момент и в нынешней ситуации условий для создания хорошего профсоюза нет.*

В о п р о с. Как-то раз вы сказали, что хотя бы часть вашего профсоюза должна быть преобразована в политическую партию. Наступил ли сейчас этот момент?

О т в е т. *Нет, я попросил премьер-министра закрыть политический аспект раз и навсегда, иными словами, создать условия для организации политических партий. Когда он об этом объявит, а я могу заверить, что сделает он это очень быстро, тогда проявит себя «Конфедерация независимой Польши», борющаяся за строительство новой Польши на развалинах коммунизма. Однако, даже если она выступит с лозунгом независимости, она вряд ли соберет много голосов — разве что произойдут непредвиденные перемены, которых я не сумел выявить. Вслед за ними выступают католики. У нас будет в целом 20 партий.*

В о п р о с. Считаете ли вы, что достичь социального мира с 20 партиями будет легче?

О т в е т. *Противоречия сохранятся, ибо одна партия будет ближе к какому-то епископу, а другая — к какому-то кардиналу. Будет затем и партия «красных». Иными словами, разовьется нормальный плюрализм, который поистине завершит эру конфронтации. Но сейчас мы еще переживаем период конфронтации, ибо сохраняется дух конфронтации старого с новым, коммунистов с коммунистами, коалиций между собой. Коммунисты будут добиваться реванша. Но для этого потребуются много времени, не говоря уж о том, что по другую сторону находятся «Солидарность» и оппозиция, требующие плюрализма и свободы, более быстрого движения к демократии.*

Когда приходится иметь дело с подобной ситуацией, что-то должно произойти. И тогда у нас будет 20 партий, включая «Солидарность», ибо, по-моему, кто-то захочет ее создать, но не я. Я буду и впредь заниматься реформами, ибо должен содей-

ствовать прогрессу экономики. И лишь когда я получу этот результат, я займусь профсоюзами. Я как следует организую их и сразу после этого уйду.

В о п р о с. Многие в Польше думали, что гражданские комитеты, ставшие ключом к блестящей победе на выборах, и станут ядром будущей партии.

О т в е т. *Все мы, включая меня, ошиблись в расчетах. С одной стороны, я хотел сдержать свои обещания, а с другой стороны, остаться верным концепции, предусматривавшей нынешний сценарий с нашим премьер-министром и министрами только через четыре года. Иными словами, отправная точка, которая должна была ознаменовать начало длительного процесса с целью прихода к ситуации, аналогичной нынешней, была предусмотрена через два года, а точка прибытия — через четыре.*

В о п р о с. Лидер официальных профсоюзов А. Медович вскоре после формирования правительства Мазовецкого подверг критике нынешнее руководство ПОРП и подчеркнул необходимость создания «подлинной рабочей партии», которая должна будет дать сражение под популистскими лозунгами. Считаете ли вы, что такая партия сможет стать полюсом притяжения для растущей массы недовольных?

О т в е т. *Такая возможность есть, но подлинная проблема состоит в том, удастся ли устранить «Солидарность». Люди кричат, аплодируют, хотят слушать и смеяться. Но когда речь заходит о серьезных вещах, они становятся серьезными. Нет никакого сомнения в том, что один человек сумеет сорвать громкие аплодисменты, а другой будет с позором выгнан. Если внутренняя ситуация будет развиваться в худшую сторону, Медович мог бы и в самом деле победить на выборах. Но это был бы лишь временный результат, ибо даже ему не удалось бы разрешить бесконечные проблемы, стоящие перед нами.*

Проблемы следует решать другим путем. В течение не более чем года уйдет и он, и мы вернемся к прежней ситуации. При новой системе политических отношений, которая складывается в стране, других выходов нет. В данный момент демократия и плюрализм следуют собственными путями, противоречащими логике прошлого.

В о п р о с. Чего вы ждете от Италии?

О т в е т. *Я жду от нее большего, чем от ФРГ. Потому что, когда мы думаем о немцах, нам тут же вспоминаются танки. И они считают, что мы все еще отождествляем их с убийцами времен войны. Все это мешает их попыткам творить добро. Поэтому я питаю большие симпатии к Скандинавским странам, к Италии и Франции, ибо они нам ближе.*

Поэтому я обращаюсь ко всем странам, хотя до настоящего момента самая лучшая торговля была у нас с западными немцами. Несмотря на это, я ожидаю от Италии, где находится наш папа, большего участия, чем от других стран.

Италия, однако, преподносит нам неприятные сюрпризы. Итальянцы в прошлом вели себя активно, шли нам навстречу с помощью множества акций милосердия, а теперь, когда мы подошли к этапу сотрудничества, их место, возможно, займут другие. Это очень меня огорчает. Они должны были создать банки и не сделали этого. Их не интересует создание совместных предприятий. Чего они ждут? Здесь можно сделать большие дела! Я уже готовлю список 10 тыс. предприятий, который пошлю одновременно в Италию, Западную Германию, Скандинавские страны, Англию и Францию. Я подожду денек, а потом пошлю его и в Соединенные Штаты. Сотрудничество необходимо и с ними, но уже в другом духе: торговые и финансовые связи, а не только наш экспорт угля, как в прошлом.

Я хочу, чтобы около 80% польской промышленности приходилось на смешанные предприятия, с тем чтобы дать возможность польскому обществу заработать деньги, на которые оно сможет закупать продукцию этих же смешанных компаний. Разумеется, этот процесс будет ограничен, например, 20 годами. Если будет построена действительно единая Европа, такое положение сможет сохраниться. Если же европейские границы будут существовать по-прежнему, тогда нужно будет потрудиться над их ликвидацией.

В о п р о с. Среди банков, которые в ближайшее время откроют свои филиалы в Гданьске, нет ни одного итальянского?

О т в е т. Один был, но исчез. В данный момент у нас нет никакой другой информации.

В о п р о с. Каковы ваши планы?

О т в е т. Я хочу активизировать экономику, а затем надлежащим образом перестроить профсоюзы. Я думаю, что на это потребуется максимум два года. Вскоре после этого я уйду на пенсию.

В о п р о с. Собираетесь ли вы в течение года посетить Советский Союз?

О т в е т. Бывают моменты, в которые определенные встречи необходимы, а бывают другие моменты, когда, ссылаясь на загруженность работой, дают понять, что по-настоящему в них не заинтересованы. У меня очень много работы и у Горбачева тоже.

Кроме того, нет такой уж настоятельной необходимости для встречи любой ценой. Когда положение изменится, то, возможно, сами события будут подталкивать нас в этом направлении, но в этом случае встреча будет организована руководителями, которых она будет интересовать.

При всем этом я очень хотел бы встретиться с Горбачевым, потому что это человек больших масштабов. Я хотел бы с ним познакомиться».

* * *

Французская газета «Фигаро» (29.09.1989) опубликовала следующее интервью Леха Валенсы:

В о п р о с. Удовлетворены ли вы тем, как начало свою деятельность правительство Мазовецкого? Вызывает ли у вас особое удовлетворение какое-то из решений этого первого за 40 лет некоммунистического правительства?

О т в е т. *Я понимаю это правительство. Я не хочу говорить ничего больше. Ситуация столь трудная, столь сложная... И я, как председатель профсоюза, не могу ответить на подобный вопрос.*

В о п р о с. Соответствует ли развитие событий в эти последние месяцы сценарию, автором которого вы являетесь?

О т в е т. *Действительно, я немало поработал над этим сценарием. Но на деле я хотел бы следовать другому.*

Реформы в Польше должны осуществляться одновременно в трех областях — экономической, социальной и политической. Не следует слишком быстро идти вперед в какой-то одной области, не подтягивая остальные. В Китае экономические реформы осуществлялись очень быстро, но не было проведено политической реформы. В Польше дело обстоит как раз наоборот: политические реформы зашли слишком далеко, а экономические реформы отстали от них.

Поэтому лично мой проект отличался от того, что произошло. В политическом плане я хотел, чтобы остановились на договоренностях, которые были достигнуты за «круглым столом»; затем нужно было сделать паузу и заняться экономикой и социальной сферой.

Но, к несчастью, мы одержали победу на выборах. И тут машина заработала полным ходом. Победа ко многому обязывает. Нужно было идти дальше. Под давлением событий нам пришлось назначать премьер-министра. Это было изменением плана, импровизацией прямо на ходу, потому что в политическом плане было наметено ничего больше не делать.

Теперь продолжать политические реформы надлежит премьер-министру, депутатам и сенаторам. Что же касается меня, социальному движению, возглавляемому мной, надлежит заняться экономическими и профсоюзными вопросами. Именно это мы и делаем.

В о п р о с. Если правительство не преуспеет в своей деятельности за предстоящий год, не приведет ли это к возврату к власти коммунистов?

О т в е т. *Нет, у них нет никаких шансов на это в столь короткий срок.*

Почему? Потому что именно они виновны в нынешних трудностях. У них есть шанс на возврат к власти, но им потребуется гораздо больше времени.

Почему? Потому что, если они намерены участвовать в процессе, если они принимают демократию, если они соглашаются на плюрализм, у них может быть шанс.

К тому же они располагают мощным аппаратом и могут предложить хорошие программы, возможно, даже наилучшие, например в экономике. Об этом будут судить избиратели на основании их программы.

В о п р о с. Верите ли вы в Ярузельского?

О т в е т. *Я смотрю на это несколько иначе. Я лично верю в структуры плюрализма. Я верю в демократию. Если кто-то — кто бы он ни был — привносит и осуществляет плюрализм и демократию, я верю в него.*

Но если говорить как о человеке, то нет, я в него не верю. Однако недавно генерал хорошо проявил себя. Он поступил мужественно, когда встал вопрос о назначении премьер-министра. Впервые президент-генерал выиграл очки.

В о п р о с. Разве это не ирония судьбы, что вам приходится сегодня ладить с человеком, отправившим вас в тюрьму?

О т в е т. *К этому надо подходить иначе. Это — результат реформы. Любое изменение системы не происходит без жертв. Если хотят победить, нужно быть готовым к опасной борьбе...*

В о п р о с. Не жалеете ли вы иногда — когда вы устали после долгого тяжелого дня — о том, что «Солидарность» вошла в правительство?

О т в е т. *Нет, я об этом не жалею. Я думаю о свободе, о реформах. А моя усталость, мои заботы не имеют значения...*

В о п р о с. Вы часто говорили, что вы хотели бы отойти от политической жизни. Теперь это будет, видимо, сделать все труднее...

О т в е т. *Рано или поздно я уйду сам либо меня отстранят. Вы прекрасно знаете, что было принято решение, что именно я буду формировать правительство. Было проведено голосование. Я уже был премьер-министром, когда я отказался. Почему? Потому что у меня есть своя цель, есть задача, которая меня ожидает. Эта моя цель, эта задача — не для меня, а во имя Польши. Я принес себя в жертву на алтарь отечества.*

В моем собственном представлении Лех Валенса не является какой-то экстраординарной личностью. Это усталый, измотанный человек...

В о п р о с. Не разочарованы ли вы осторожностью, которую проявляют западные страны в том, чтобы прийти на помощь Польше?

О т в е т. *Франция и другие страны прекрасно сотрудничали с нами в эти последние десять лет, в трудные годы военного положения. Но теперь эти страны, как, впрочем, и Польша, оказались перед лицом неожиданной ситуации. И они не знают, что делать. Короче говоря, развитие событий застало вас врасплох. И нас также. Мы не готовы к той широкой либерализации, которая произошла...*

В о п р о с. Бывший французский президент Валери Жискар д'Эс-тен предложил новый «план Маршалла» в пользу Польши. Что вы думаете об этом?

О т в е т. Я лично хочу, чтобы существовала единая Европа. Но я не хочу, чтобы строительство этой Европы осуществлялось силой, как это некоторые уже пытались делать. Я хотел бы, чтобы мы строили ее сообща.

Общества ведут себя подобно сообщающимся сосудам. Особенно с точки зрения экономики, но также и в политическом и социальном отношении. Если их уровни слишком различны, приходится возводить стены. Но, если мы хотим создания единой Европы, нужно начинать выравнивать уровни в этих сообщающихся сосудах. Этот «план Маршалла» или любой другой план может помочь нам в этом.

Я задаюсь лишь вопросом, может ли такой план осуществиться одновременно во всей Европе и сразу же, или же он должен осуществляться постепенно от страны к стране? Но в любом случае это нужно делать, потому что Европа действительно одно целое.

В о п р о с. Бывший премьер-министр Жак Ширак высказал мысль о созыве встречи в верхах между 12 странами — членами ЕЭС и Польшей для обсуждения вопросов о помощи...

О т в е т. Как говорится, все дороги ведут в Рим... Несомненно одно — то, что существует лишь одна Европа и что мы должны строить ее сообща. Нужно только найти наилучший путь для этого.

В о п р о с. Считаете ли вы, что полемика вокруг монастыря кармелиток под Освенцимом осложнила оказание Западом помощи Польше?

О т в е т. Несомненно. Это осложняет дело. Кто-то явно хочет воспрепятствовать достижению соглашения. Но нужно найти какое-то решение.

В о п р о с. Кто-то хочет кризиса? А кто, по-вашему?

О т в е т. Не знаю. Да я и не пытался это выяснять. Единственное, что я знаю, — то, что это затрудняет ход дел...

В о п р о с. А вы в этой полемике вокруг монастыря кармелиток скорее на стороне примаса Польши монсеньора Глемпа или скорее на стороне папы?

О т в е т. Я не хочу высказываться на этот счет. Это не мое дело. Единственное, что я могу вам сказать, это то, что я хочу согласия. Я хочу открытости. И я призываю действовать в этом направлении.

В о п р о с. Как получается, что в Польше существует антисемитизм, в то время как там живет очень мало евреев?

О т в е т. Но это вы говорите об антисемитизме. Я лично его не вижу. Вы пытаетесь обыгрывать это, а не мы. Поляки — не антисемиты. Мы знаем, что может быть достигнуто согласие. Мы знаем, что Израиль поддерживает добрые отношения с Германией. Так почему бы и не с Польшей?

В о п р о с. Не вызывает ли сегодня иронию то, что Варшавский Договор называется именно Варшавским?

О т в е т. Да, это вызывает иронию, это смешно, и это не нужно. Но это зависит от местонахождения...

В о п р о с. Успех вашего предприятия в Польше зависит от успеха Горбачева. Но разве успех перестройки в СССР не зависит от того, что происходит здесь?

О т в е т. Мир настолько взаимосвязан. И очень трудно судить, что от чего зависит...

В о п р о с. Считаете ли вы, что у Горбачева есть шансы на успех? И если да, то больше или меньше, чем у вас?

О т в е т. Его положение очень трудное, очень тяжелое. Но его шансы соответствуют его стране и его личным качествам.

В о п р о с. Вернемся к Польше. Как можно осуществить либерализацию экономики, передать предприятия в частный сектор, не создав при этом, с одной стороны, класса богатых, а с другой — класса безработных?

О т в е т. Конфликты всегда были и всегда будут. Главное — уметь смягчать их. Одни это умеют, другие — нет.

В о п р о с. Вы умеете это делать... Такова ваша роль...

О т в е т. Я буду пытаться разрешать конфликты. В какой-то мере мне удавалось делать это в течение последних десяти лет. Но будет ли это мне удаваться всегда? У меня лично есть сомнения. Окажется ли старый Валенса на высоте?

В о п р о с. «Сельская «Солидарность» только что объявила о создании собственной партии. Не означает ли это начало раскола «Солидарности»?

О т в е т. Нет. Это вполне нормально, и это предвидели давно. Когда я вышел из тюрьмы в 1982 г., я уже тогда предвидел, что будут политические партии. Я даже пошел еще дальше: я сказал, что рано или поздно появится подлинная польская коммунистическая партия. И это произойдет...

В о п р о с. Только вы можете примирить плюрализм и единство «Солидарности».

О т в е т. Я не хочу, чтобы «Солидарность» была монолитной. Я хочу плюрализма. Меня много критикуют. Но я сознательно избрал этот путь в 1982 г. Критика, расколы — все это доказывает, что я был прав...

В о п р о с. Вы в данный момент говорите как председатель профсоюза «Солидарность»?

О т в е т. Не знаю... Во всяком случае, как Лех Валенса. Ну, а что это означает... Я прежде всего поляк. Политический деятель. Профсоюзный деятель. Муж. Любовник... Ну, на это у меня уже не хватает времени... (Смеется.).

В о п р о с. Есть ли исторические личности, которые служат для вас примером? Что вы думаете, например, о генерале де Голле?

О т в е т. *Нет, нет. Я восхищаюсь многими личностями. Но нельзя сравнивать разные эпохи и разные ситуации. Де Голль, несомненно, был выдающейся личностью среди деятелей своего ранга и в свою эпоху... Но оказался ли бы он сегодня, на рубеже XXI в., готовым к той ситуации, с которой сталкиваемся мы, к эпохе микроЭВМ? Я в этом сомневаюсь, потому что и я тоже оказался не готовым...*

В о п р о с. Вас упрекают в авторитаризме...

О т в е т. *Я — самый большой демократ всех времен. Но я люблю, чтобы работа была сделана. Демократия не должна мешать мне работать. Я был избран демократическим путем, потому что у меня была определенная программа. Теперь я должен претворить ее в жизнь...*

В о п р о с. Не считаете ли вы, что на том, кто осуществляет власть, лежит гораздо большая ответственность, чем на том, кто борется за ее завоевание?

О т в е т. *Несомненно. И вы не представляете себе, насколько я устаю от этого. Вот, например, это интервью. Вы к этому подготовлены, этому учились. А мне пришлось отложить отвертку и гаечный ключ, чтобы стать тем, кем я являюсь сегодня. И я должен быть постоянно начеку. Я не могу позволить вам втянуть меня в разговор на какую-то трудную тему. Это крайне утомительно...*

В о п р о с. Прежде вы жили в обычном муниципальном доме. Теперь у вас есть свой особнячок, личная охрана. Что осталось от прежнего простого электрика из Гданьска?

О т в е т. *Как я ему завидую! Он был свободен и мог жить спокойно. У него была прекрасная жизнь. А теперь я, можно сказать, в золотой клетке. Как я был счастлив, когда мог путешествовать с какой-нибудь приятельницей автостопом, имея всего сотню злотых в кармане! Когда хотелось есть, мы ели черствый хлеб. Но как он был вкусен! А теперь, когда я возвращаюсь домой, моя жена ставит на стол ветчину и говорит мне: «Ешь». А мне не хочется.*

Конечно, люди видят мой дом, хотя это просто рига, которую я перестроил. Они видят мою машину, они видят мой телевизор, они думают, что это главное. Они не видят тех усилий, которые стоят за этим. Сверхчеловеческих усилий...

В о п р о с. Вы получали в это последнее время письма, где вам угрожали смертью...

О т в е т. *Да. И даже неоднократно. Но мне на это наплевать. Я выбрасываю их в мусорную корзину. Я никого не боюсь. Я боюсь лишь Бога.*

Я знаю, что рано или поздно я отправлюсь туда. Так какая разница — немногим ранее или немногим позднее? Если я попаду туда раньше вас, я займу вам очередь. Вы сможете сказать, что знаете меня... (Смеется.).

В о п р о с. Какова роль церкви в происходящем ныне процессе?

О т в е т. *Польский пример — уникален. В ходе нашей истории, за тысячу лет испытаний, мы выработали великолепный симбиоз между церковью и обществом. Без церкви не было бы Польши.*

В о п р о с. И последний вопрос: верите ли вы в будущее?

О т в е т. *Да. Я уверен, что добьюсь успеха. Я знаю также, что мне предстоит много работы. И чем больше я буду работать, тем больше я буду давать интервью, подобных этому, тем яснее будут наша деятельность и наши намерения.*

О смене руководства в Гостелерадио

Газета «Нью-Йорк таймс» (1.10.1989) поместила в номере за 1 октября статью Дж. Таглизйбу, приводимую ниже с сокращениями:

«Варшава, 29 сентября. После того как к власти пришло контролируемое «Солидарностью» правительство, число случаев вмешательства цензуры резко уменьшилось. В прошлом месяце польские цензоры произвели 62 изъятия запретных слов и страниц против 198 аналогичных случаев за тот же период прошлого года.

Если недавно пришедшее к власти некоммунистическое правительство выполнит свои обещания изменить деятельность газет, радио и телевидения, то шлюзы информации в Польше, уже являющейся самым открытым в информационном отношении обществом в восточном блоке, раскроются еще шире.

Степень нового подхода проявилась на прошлой неделе, когда премьер-министр Т. Мазовецкий назначил решительного сторонника «Солидарности», писателя и специалиста по советской литературе А. Дравича руководителем Комитета по делам радио и телевидения, длительное время распространявшего коммунистическую пропаганду.

Несмотря на обещания действовать осторожно, Дравич, проведенный 11 месяцев в тюрьме после введения коммунистами военного положения в 1981 г. — для подавления «Солидарности», сразу же уволил трех ведущих программ Центрального телевидения, которые, по его словам, были слишком тесно связаны с коммунистами.

Указывая на дальнейшее направление, в котором хочет следовать правительство «Солидарности», новый 57-летний руководитель телевидения заявил, что одна из наиболее насущных проблем, стоящих перед ним, — это определение статуса тысяч корреспондентов радио и телевидения, которые подверглись чистке в период военного положения.

Сведения о деятельности цензуры сообщила в четверг новая представительница правительства по печати М. Незабитовская на своей первой пресс-конференции, в ходе которой излагались основные принципы информационной политики.

Назначение Незабитовской — еще одно отражение резкого поворота в информационной политике. Незабитовская, бывшая корреспондентом изданий

«Солидарности», сидит теперь в том же кресле, которое после введения военного положения занимал Е. Урбан, представитель прежнего правительства по печати.

Вместе со своим мужем Т. Томашевским, фотографом, Незабитовская написала книгу «Остатки» о жизни нескольких тысяч евреев, которые еще живут в Польше.

Книга была издана в Соединенных Штатах, где Незабитовская три года назад училась в Гарвардском университете. Находясь в Соединенных Штатах, она и ее муж совершили путешествие от побережья к побережью, описав свои впечатления об американской жизни в журнале «Нэшнл джиогрэфик».

Когда после введения военного положения был закрыт еженедельник «Солидарности», в котором она работала, она нашла себе профессиональное убежище, сотрудничая с католическими изданиями, в том числе с либеральным краковским еженедельником «Тыгодник пов-шехны» и с еженедельником «Весь», редактор которого Мазовецкий занимает сейчас пост премьер-министра.

На своей пресс-конференции Незабитовская назвала следующие цели нового правительства:

— Постепенная отмена цензуры: сначала в книгоиздании, затем в ежемесячных журналах и газетах.

— Концессии для частных радио- и телевизионных станций.

— Ликвидация привилегий для издательских концернов, таких, как контролируемый коммунистами издательский гигант — рабочий изда тельский кооператив «Праса», получающий более половины постоянно дефицитной в стране бумаги и отчисляющий часть своей прибыли в казну коммунистической партии.

— Аккредитация корреспондентов западных радиостанций, включая финансируемое американцами радио «Свободная Европа», ведущих на Польшу программы на польском языке из-за границы.

Незабитовская, отмежевываясь от стиля Урбана, обещала избегать полемики и не стремится лично отвечать на все вопросы. «Мы хотим облегчить доступ к источникам», — заявила она.

После подписания соглашений за «круглым столом» коммунистами и «Солидарностью» в апреле польская печать, радио и телевидение резко изменились.

Ежедневная газета «Солидарности» «Газета wyborча», выходящая тиражом 460 тыс. экземпляров, является сейчас крупнейшей в стране газетой, обошедшей по тиражу ежедневную партийную газету «Трибуна люду», издаваемую в количестве 300 тыс. экземпляров. Коммерческий директор «Газета wyborча» Г. Линдэнберг заявил, что можно было бы легко распродать 700—800 тыс. экземпляров этого издания, если бы распространяющая печатные издания монополия смогла доставлять газету во все места в стране в день выхода номера.

Незабитовская заявила, что она ожидает изменения положения в издательском деле. По мере того как для газет, долго субсидировавшихся коммунистическим правительством, вводятся стандарты рентабельности, некоторые газеты будут закрываться или заменяться другими».

Корреспондент американского агентства Ассошиэйтед Пресс (27.09.1989) передал из Варшавы:

«Телевидение — это то средство массовой информации, которое лгало больше всех», — сказал К. Козловский, сенатор, член «Солидарности», который вел переговоры с коммунистами о реформе средств массовой информации во время весенних переговоров за «круглым столом».

Вспоминая, как коммунисты боролись за сохранение за собой контроля над телевидением, «так же упорно, как они отстаивали армию и милицию», Козловский отметил: «Мы полагаем, что без телевидения коммунизм прекратит свое существование».

Установление контроля над органом, который контролировал электронные средства массовой информации, не подлежало обсуждению на переговорах об образовании первого в восточном блоке некоммунистического правительства.

«Правительство хочет сказать правду и обеспечить свободу слова для всех групп общественного мнения», — заявил Мазовецкий в парламенте 12 сентября.

«Право доступа к радио и телевидению должно быть равным для всех», — заявил он. — «Прошли времена ограничения свободы польских журналистов».

«Телевидение вызывало больше всего возражений, обвинений и разочарования», — заявил Козловский. — «И поэтому оно так важно для нового правительства».

После введения военного положения журналисты должны были проходить «проверку» на лояльность коммунистическим властям. Многих вынудили уволиться.

Телевидение «фактически полностью зависело от Центрального Комитета партии», заявил Козловский.

На переговорах за «круглым столом», приведших к восстановлению легального статуса «Солидарности», по словам Козловского, представители профобъединения заключили, что «для коммунистов придуманный телевидением мир, искусственный мир, важнее мира реального».

«Они были готовы отказаться от всего — от министров, от денег, но они не хотели отказываться от своего мира, поскольку это был мир, который не имел ничего общего с реальным миром», — заявил он.

Сейчас, когда «Солидарность» установила свой контроль, сказал Козловский, «первая задача, стоящая перед новым правительством, — это разрыв связей радио и телевидения с партией... Радио и телевидение не должны быть инструментом в руках политической партии, любой партии».

Дравич, который был после введения военного положения интернирован с тысячами других людей, не обладает значительным опытом работы на телевидении. Однако он — уважаемый журналист.

Сейчас идет широкая дискуссия о новой структуре телевидения. Издаваемая «Солидарностью» «Газета выборча», первая независимая газета, созданная после начала реформ, согласованных на переговорах за «круглым столом», публикует

под рубрикой «Каким быть телевидению?» материалы дискуссии, посвященной этому вопросу.

Предлагают предоставить коммунистической партии 45 минут эфирного времени в неделю, столько, сколько получила «Солидарность», добившись ограниченного доступа к эфиру в апреле.

Контроль над радиовещанием будет, очевидно, перенесен из правительства в парламент. Он будет подчинен комитету во главе с Драви-чем, включающему заместителей председателя, представляющих партии коалиции и коммунистов.

Этот комитет будет управляться открыто, сказал Козловский, в отличие от прошлого, когда из членов комитета был известен только его председатель.

Козловский заявил, что он выступает за то, чтобы взять за образец Британскую радиовещательную корпорацию Би-би-си. Эта система гарантирует, что государственные средства массовой информации представляют весь спектр взглядов поддерживающих и несогласных с политикой правительства.

Например, первый секретарь коммунистической партии по-прежнему будет иметь пять минут для выступления после вечерней программы новостей, так же как это было на прошлой неделе, поскольку на лидеров других партий распространено такое же право, заявил Козловский.

Сообщают о большом смятении среди персонала двух польских телевизионных станций и четырех радиоканалов.

«Они думают, что мы всех их уволим, — сказал Козловский. — «Солидарность» не сделает этого. В конце концов мы отличаемся от коммунистов».

Отражая эту тревогу, члены коммунистической партии на радио и телевидении выступили 15 сентября с заявлением, выражающим «готовность сотрудничать» с новым режимом.

Зрители утверждают, что программы новостей стали в последние месяцы более объективными, а одна сатирическая программа даже подшутила над президентом-коммунистом В. Ярузельским, что было бы немислимо год назад.

Однако некоторым работникам радио и телевидения придется оставить связанную с появлением перед камерой работу, говорят лидеры «Солидарности».

«Лица, которые лгали... Те люди, которые плевали и поливали грязью Мазовецкого, Валенсу и нынешних членов правительства. Трудно представить, что эти люди будут теперь говорить о них», — заявил Козловский.

«Они могут делать это... Я знаю, что они готовы изменить свои взгляды прямо сейчас. Однако это не устраивает нас и общественное мнение».

Пресс-конференция М. Незабитовской

18 октября 1989 г. в Варшаве состоялась пресс-конференция представителя правительства ПНР по печати М. Незабитовской, в которой принял участие также заместитель министра финансов ПНР В. Мисенг.

М. Незабитовская проинформировала журналистов, что 18 октября Председатель Совета Министров Польши Т. Мазовецкий отправляется с визитом в Италию. Это первый зарубежный визит главы нового кабинета. Подчеркивалось, что после формирования «Солидарностью» нового правительства заметно активизировались внешние контакты Польши. Страна переживает период новой открытости на мир. По словам М. Незабитовской, одной из главных причин такой открытости Польши по отношению к миру является, несомненно, трудное экономическое положение страны, требующее принятия многочисленных мер и подписания соответствующих соглашений. Другой важной предпосылкой этого процесса служит осознание того факта, что открытость Польши содействует преодолению разделов в Европе.

Характеризуя главные направления новой открытости Польши, представитель правительства по печати перечислила их в следующей последовательности: это — выработка новой стратегии в отношениях с СССР, новый этап сотрудничества с Западной Европой, стремление к ликвидации сфер влияния на Европейском континенте, которые следует отличать от сфер безопасности.

Касаясь новой стратегии в отношениях с СССР, М. Незабитовская подчеркнула, что этот внешнеполитический курс будет базироваться на соблюдении действующих двусторонних соглашений, обязательств, вытекающих из членства Польши в Организации Варшавского Договора, а также интересов Советского Союза.

М. Незабитовская сообщила, что в настоящее время ведется интенсивная подготовка к визиту в ПНР министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе. Ожидается, что в ходе пребывания Э. А. Шеварднадзе будут, в частности, обсуждены вопросы, связанные с подготовкой визита в СССР главы польского правительства Т. Мазовецкого. Польская сторона намеревается заключить новые финансово-экономические соглашения с СССР. Кроме того, она стремится к выяснению так называемых «белых пятен» в двусторонних отношениях, с тем чтобы они не бросали тень на сегодняшние контакты двух стран. Польское правительство заинтересовано также в расширении связей между гражданами СССР и ПНР.

Отвечая на вопрос корреспондента чехословацкого агентства ЧТК, коснувшегося выступления министра иностранных дел ПНР К. Скуби-шевского на последнем заседании сейма, М. Незабитовская заявила, что нынешнее правительство ПНР не ставит под сомнение восточные границы Польши.

М. Незабитовская проинформировала, что Польша подписала Протокол к Декларации прав человека, принятый ООН, который касается рассмотрения жа-

лоб граждан на правительства своих стран. ПНР также намерена присоединиться к другим соглашениям по защите прав человека.

Переходя к внутриполитическим проблемам, М. Незабитовская заявила, что информационная политика нового кабинета становится объектом нападков. Она утверждала, что под видом критики информационной политики критикуется фактически новое правительство, которое действует под сильным нажимом общественного мнения. Результаты деятельности кабинета приводят в настоящее время к тому, что населению живется не лучше, а хуже. Однако без временных трудностей нельзя добиться того, чтобы в будущем дела шли лучше. М. Незабитовская сетовала, что у кабинета узкое поле маневра. Внешнему наблюдателю может показаться, что меры кабинета представляют собой беспомощную возню. Может также сложиться ложное впечатление, что единственным инструментом правительства в экономике является повышение цен. Однако эти шаги преследуют цель внедрения рыночных механизмов. Хозяйственную программу кабинета нужно объяснить населению пункт за пунктом. Информационная деятельность правительства — это не пропаганда. Напротив, она диктуется стремлением информировать население о действиях и намерениях кабинета.

В. Мисенг сообщил, что правительство одобрило проект государственного бюджета на будущий год. Он построен полностью на новых принципах. Цель бюджета — ввести рыночные принципы в экономику и преодолеть кризис. Заместитель министра финансов сообщил, что после шести месяцев нынешнего года 30% расходов бюджета не покрывалось доходами, то есть дефицит покрывался за счет выпуска «пустых денег». Причем планировалось, что к концу первого полугодия 1989 г. дефицит госбюджета составит всего 5%. Однако эти планы не были выполнены.

Дефицит бюджета на будущий год планируется в сумме 4,7 трлн злотых. Для сравнения В. Мисенг сообщил, что дефицит государственного бюджета на данный момент составляет около 5 трлн злотых, а к концу 1988 г. составит 9,2 трлн злотых. С таким дефицитом экономический старт в новом году будет крайне трудным. В этой связи главной задачей остается борьба с инфляцией и выбросом на рынок «пустых денег». В. Мисенг решительно выступил против идеи «замораживания» в нынешних условиях цен. По его мнению, высокие цены служат «поглощению» «пустых денег» на рынке.

Заместитель министра финансов сообщил о намерении правительства отказаться от дотации угледобычи еще до конца нынешнего года, однако признал необходимость сохранить возможность рентабельной работы шахт. В настоящее время дотации в угледобывающую промышленность составляют около 1 трлн злотых.

В качестве других мер по борьбе с инфляцией В. Мисенг назвал ужесточение налоговой политики и выпуск облигаций государственного займа, а также урезание расходной части госбюджета. Будет сокращено финансирование армии и Министерства внутренних дел.

В результате всего этого комплекса мер планируется, что к концу 1990 г. только 13% расходов не будет покрываться доходами. В. Мисенг сообщил, что в

ближайшие дни будут подняты цены на уголь и топливо на 100%, а на электроэнергию на 140%, что вызовет автоматически рост коммунальных платежей.

М. Незабитовская и В. Мисенг ответили на вопросы журналистов. Касаясь дискриминации граждан ПНР властями некоторых государств, представитель правительства по печати отметила, что при поступлении первых же фактов такого рода Совет Министров примет соответствующие меры.

Говоря о намерениях кабинета Т. Мазовского в отношении агентств ПАП и Интерпресс, М. Незабитовская сказала, что правительство намерено создать собственную информационную службу. Она дала понять, что в обоих агентствах произойдут структурные и кадровые изменения. Вместе с тем отмечалось, что функции цензуры остаются. Были приведены примеры ее вмешательства в публикации «Газета выборча», «Тыгодник повшехны» и передач телевидения. Подчеркивалось, что эта служба будет строго пресекать попытки разглашения государственных тайн, оскорбительных заявлений в адрес соседей и союзников ПНР, а также пропаганды порнографии.

М. Незабитовская сказала, что ей ничего не известно о планах правительства Т. Мазовского в отношении польского эмигрантского правительства в Лондоне. По поводу предстоящих изменений в службе безопасности она пригласила журналистов на пресс-конференцию руководства МВД ПНР, которая состоится на будущей неделе.

Представитель польского правительства по печати проинформировала, что во время визита в Италию Председатель Совета Министров ПНР не намеревался передавать официальное приглашение папе римскому совершить поездку в Польшу.

Характеризуя выступления ПОРП и ВСПС против политики реприватизации национального достояния, В. Мисенг назвал эти действия обычным сопротивлением номенклатуры, не желающей расставаться со своими привилегиями. Он при этом отверг использованный журналистом термин «дробление» собственности, отметив, что этому процессу необязательно должно сопутствовать расчленение крупных предприятий на мелкие. Заместитель министра финансов ПНР добавил, что наиболее распространенными формами реприватизации станут создание акционерных обществ, а также покупка облигаций с последующим правом на приобретение соответствующих производств. По его оценке, этот процесс займет не менее десяти лет, так как в данный момент ни у кого нет средств для приобретения распродаваемого с аукционов в первую очередь имущества обанкротившихся или же нерентабельных хозяйственных единиц. Барьером против сопутствующих такого рода мерам махинаций станут биржи ценных бумаг, которые планируется открыть в начале будущего года.

Пятая годовщина смерти ксендза Попелушко

По мнению корреспондента ТАСС (21.10.1989), иллюстрацией разительных перемен в Польше могут служить мероприятия, приуроченные к пятой годовщине трагической смерти варшавского ксендза Е. Попелушко:

«Позавчера утром после выпуска последних известий радиослушатели имели возможность прослушать архивные записи с похорон ксендза. Вечером телезрителям был показан часовой видеофильм о жизни и похоронах Е. Попелушко, созданный Гданьской католической киностудией.

В костеле Святого Станислава Костки состоялось траурное богослужение, которое вел примас католической церкви Польши кардинал Ю. Глемп. На площади возле костела собралось 30—40 тыс. человек со всей Польши. На богослужении присутствовали председатель НСПС «Солидарность» Л. Валенса, делегации из Венгрии и Литвы, депутаты сейма и сената ПНР. Сил охраны общественного порядка, которые обычно присутствовали здесь во время массовых мероприятий, на этот раз около костела не было. Изменился также характер плакатов и транспарантов «Солидарности». Вместо уже ставших традиционными — «Долой коммуну», «Ярузельский должен уйти», «Советы — домой», были подняты лозунги «За единство нации», «За производительный труд», «Любовь к родине».

С проповедью выступил кардинал Ю. Глемп. Он напомнил о жизненном пути и деятельности ксендза Е. Попелушко, подчеркнув, что покойный был настоящим другом трудового народа. Попелушко, сказал кардинал, знал проблемы рабочих, хорошо понимал также существующую в стране парадоксальную ситуацию, суть которой состояла в том, что трудящиеся городов и сел не чувствовали себя полноправными хозяевами, а, скорее, эксплуататорами самих себя, принимая повышенные обязательства об увеличении нормы выработки на 300%.

Прежняя система любила пророчества, основанные на марксистской философии. Многие сторонники этого направления на Западе и Востоке были убеждены, а некоторые такими остаются и по сей день, что марксизм открыл законы управления историей. И уж если такие законы существуют и по их принципам развивается человечество, то достаточно, как считали сторонники марксизма, изучить эти законы, чтобы прогнозировать поведение людей, обществ и стран на длительный период в будущем. Видение бесклассового общества, свободного от пережитков прошлого, живущего в справедливости и равноправии, было таким туманным и нереальным, что было поставлено под сомнение самими трудящимися.

Кардинал напомнил историю рождения «Солидарности» и задал собравшимся вопрос о том, какую они Польшу любят. Таковую, в которой легко, без усилий живется? Не появляется ли желание выбрать жизнь за рубежом ради «спокойствия и полного холодильника»? Ксендз Попелушко отдал свою жизнь за «Солидарность», представители которой сегодня находятся в правительстве, парламенте, на предприятиях. Означает ли это окончательную победу? Не означает ли это, что «Солидарность» должна разделять с народом все трудности жизни? — спросил в заключение верующих кардинал Ю. Глемп.

После богослужения толпа мирно разошлась».

Выступление Дж. Буша

Ниже следует текст выступления президента США Дж. Буша в Вашингтоне по случаю награждения Л. Валенсы 13 ноября 1989 г.:

«Перед самым рождеством в 1981 г. Польша в третий раз в этом столетии погрузилась во мрак. Год, который поначалу обещал стать годом надежды и свободы, стал годом насилия и репрессий.

На заснеженных перекрестках и городских площадях по всей Польше с грохотом остановились железные танки. Лех Валенса перекрестил своих спящих детей и был уведен в темноту ночи. «Солидарность», движение, охватившее польскую нацию, было запрещено. Связь с внешним миром оборвалась. И Польша, проснувшись, увидела снег, металл и молчание, целая нация оказалась за решеткой.

Но нельзя посадить под замок мечту. И вот тогда в окнах домов в городах и деревнях Польши одна за другой загорелись свечи, молчаливые маяки жажды свободы, по-прежнему горевшей в сердцах мужественного и древнего народа. Тогда, в канун рождества, недалеко от того места, где мы сейчас стоим, в Белом доме, как и в других домах по всей Америке, всю ночь горели свечи, зажженные в знак солидарности с польским народом.

Когда наступила весна, время обновления и возрождения, судьба Леха Валенсы все еще была не известна. В тот момент, когда в колледжах и университетах заканчивался учебный год и приближался выпуск, снова и снова звучали одни и те же слова: «Лех Валенса», «Солидарность». Конечно же, Лех Валенса не мог тогда приехать, чтобы получить эти почетные степени. Поэтому в переполненных актовом залах и на сценах по всей Америке, которые были заполнены любящими семьями, которые гордились своими детьми, одно место оставалось пустым, пустой стул со знаменем «Солидарности», в ожидании освобождения Леха Валенсы и освобождения польского народа.

Мы видели такие пустые кресла в штатах Мэн и Пенсильвания, Род-Айленд и Иллинойс. В университете Нотр-Дам собравшиеся стоя в течение трех минут приветствовали пустое кресло и человека, которого там не было в тот момент. В Холи-Кроссе Лейн Керклэнд принял награду от имени Леха Валенсы. А в Польше в скромной деревянной церкви на окраине Гданьска пустой стул был поставлен возле алтаря, где крестили крошечную Марию-Викторию, седьмого ребенка Леха, маленькую девочку, которую он еще не видел.

Восемь лет эти пустые стулья и американский народ ждали вас. Мы ждали, потому что мы верили в свободу. Мы ждали, потому что мы верили в Польшу. Мы ждали, потому что мы верили в вас.

Сегодня это ожидание закончилось. Сегодня Лех Валенса, человек свободы, находится в Белом доме, доме свободы.

Лех Валенса, от имени народа Соединенных Штатов я с гордостью могу сказать вам сегодня: «Займите свое место в этом доме свободы, займите свое место на этом пустом стуле».

Через несколько дней вы станете вторым частным гражданином-иностранцем

за всю нашу историю, который будет выступать на объединенном заседании обеих палат конгресса, — после маркиза Лафайетта, который выступал там в 1824 г.

Как и он, вы помогли одержать победу в исторической борьбе. Как и он, вы представляете не только народ, но и идею, идею, чье время настало. Ничего не может остановить идею, чье время пришло. Эта идея — свобода, а ее время пришло сейчас.

Вас называли «никто». Но Ленин и Сталин были опровергнуты не президентами или князьями, а такими людьми, как электрик из Гданьска и его коллеги — рабочие, члены смелого профсоюза, который носит название «Солидарность».

«Железный занавес» быстро становится ржавой, никому не нужной реликвией, символизирующей потерянную эру и несостоятельную идеологию. Изменения происходят повсюду. Польша. Венгрия. Чехословакия. И, дамы и господа, в ту неделю, когда Лех Валенса приехал в Америку, газеты писали: «Стена рушится».

То, что происходит в Берлине и на экранах наших телевизоров, поразительно. Вторая мировая война, которую вели во имя свободы, по иронии судьбы, оставила мир разделенным на свободный и несвободный. Большинство из нас, живущих сегодня людей, родились в этом разделенном мире.

Прошло почти 50 лет. Все эти годы некоторые удивлялись, зачем мы остаемся в Берлине. Позвольте мне сказать вам, почему мы это делаем. Мы оставались там, потому что мы знали, знали, что этот день наступит.

И вот теперь столетие, которое родилось в условиях войны и революции, может быть, завещает миру наследие, которое казалось невероятным всего несколько лет назад.

История нашего времени — это история мужественных людей, мужчин и женщин, которые воспользовались моментом, которые заняли определенную позицию. Лех Валенса показал нам, как один человек может внушать другим такую сильную веру, что она изменила ход истории целой страны. Может быть, история и делает людей, но Лех Валенса делает историю.

Я считаю, что историю продолжают творить ежедневно своими небольшими мужественными актами люди, которые стремятся изменить мир. Такие люди, говорит Валенса, «есть повсюду, на каждой фабрике, на каждом металлургическом заводе, в каждой шахте и на каждой верфи — словом, повсюду». И мы, безусловно, видели таких людей в американском профсоюзном движении, где все — от руководства во главе с Лейном Керклэндом до рядовых членов — по всей стране, ведут борьбу с авангарде свободного профсоюзного движения всего мира.

Наш скромный электрик Бен Франклин объявил, что «дело, за которое мы боремся, — это дело всего человечества, ибо, защищая свою свободу, мы боремся за их свободу». И как Франклин, который схватил молнию с неба и принес ее на землю, Лех Валенса завладел идеей, могущественной идеей, и с ее помощью наэлектризовал весь мир. Эта идея — свобода. И сейчас настало ее время.

В одной стране за другой, в одном народе за другим год от года звучат смелые новые голоса на сотнях разных языков: испанском, немецком, китайском и русском. Но с губ этих разных людей срывается слово, которое понятно всем. Это

слово — «свобода». Как будто это голос людей всего мира. Свобода. В Америке это наше величайшее естественное достояние, секрет нашего успеха. Свобода принесет успех и Польше тоже. Америка начала оказывать помощь и будет продолжать ее оказывать. От Вашингтона до Варшавы, от Канзас-Сити до Кракова, от Грин-Бей до Гданьска американцы духовно связаны с польским народом в его мужественной борьбе за благоприятные возможности, процветание и свободу.

Лех Валенса! Своей незыблемой верой и благодаря чуду — новому рождению демократии в вашем отечестве — вы олицетворяете собой тот новый ветер, дуновение которого проносится по Востоку и Западу, вы — духовный крестный отец нового поколения демократии.

И хотя «Солидарность» была запрещена, ваш пример и пример польского народа нашли отражение по всей Азии, когда слова «народная власть» стали лозунгом вначале на Филиппинах, затем в Пакистане и в Южной Корее и даже на площади Тяньаньмэнь.

Весь мир следит за вами. И весь мир с вами.

Спасибо тебе, Польша, за то, что ты показала нам, что эта мечта жива.

Спасибо тебе, Польша, за то, что ты показала нам, что мечту во плоти невозможно убить, воздвигнув железные стены. Спасибо тебе, Польша, и спасибо вам, Лех Валенса.

А теперь с чувством огромной гордости я вручаю вам медаль, которой до вас были награждены такие люди, как Мартин Лютер Кинг, Джон Кеннеди, Анвар Садат и мать Тереза. Это наша высшая гражданская награда. Позвольте мне прочитать надпись:

«Леху Валенсе, Гданьск, Польша — президентская медаль Свободы».

Выступление Л. Валенсы в конгрессе США

Ниже с незначительными сокращениями следует текст выступления лидера «Солидарности» Л. Валенсы на совместном заседании обеих палат конгресса США 15 ноября 1989 г.:

«Мы, народ...».

Этими словами я хотел бы начать свое выступление. Мне не надо напоминать никому из присутствующих, откуда эти слова. Мне не надо объяснять, что я, электорик из Гданьска, тоже вправе произнести их.

«Мы, народ...».

Я стою здесь перед вами. Я — второй иностранец, не являющийся главой государства, которого пригласили выступить на совместном заседании обеих палат конгресса США, конгресса, который для многих людей в мире, угнетенных и лишенных своих прав, является светочем свободы и защитником прав человека. И вот я стою перед вами, чтобы обратиться к Америке от имени своей страны. Чтобы обратиться к гражданам страны и континента, порог которого охраняет знаменитая Статуя Свободы. Для меня это такая большая честь и такой волнующий момент, что я даже не знаю, с чем это можно сравнить.

Польский народ связывает имя Соединенных Штатов со свободой и демократией, щедростью и великодушием, с человеческой дружбой и дружественной человечностью. Я осознаю, что не повсюду Америка воспринимается именно так. Я говорю о представлении о ней, сложившемся в Польше. Этот образ подкрепляет богатый благоприятный исторический опыт, и хорошо известно, что поляки отвечают сердечностью.

Мир помнит замечательный принцип американской демократии: «Правительство народа, для народа и избираемое народом». Я тоже помню эти слова; я рабочий из Гданьска, который, как и другие члены движения «Солидарность», посвятил всю свою жизнь служению этой идее: «Правительство народа, для народа и избираемое народом». Против привилегий и монополий, против нарушения закона, против попрания человеческого достоинства, против презрения и несправедливости.

Вот те принципы, ценности и идеалы, напоминающие об А. Линкольне и отцах-основателях американской республики и о принципах и идеях Американской декларации независимости и американской конституции, которые отстаивает великое движение польской «Солидарности», движение, которое эффективно. Мне хотелось бы это особенно подчеркнуть. Я знаю, что американцы — идеалисты, но в то же время они практичные люди, наделенные здравым смыслом и способные на разумное поведение. Они сочетают эти черты с верой в конечную победу добра над злом. Но они предпочитают успешно трудиться, а не произносить речи. И я их прекрасно понимаю. Я тоже не люблю речей. Я предпочитаю факты и работу. Я высоко ценю эффективность.

Вот кардинальный, самый важный факт, о котором я хочу вам рассказать. Общественное движение, носящее прекрасное имя «Солидарность», детище польской нации — это эффективное движение. После долгих лет борьбы оно принесло плоды, которые может увидеть каждый. Оно указывает направление и способ действия, которые сегодня влияют на жизнь миллионов людей. Оно ускорило поход к свободе и демократии, поход, к которому сейчас присоединяется множество людей, говорящих на разных языках. Оно подорвало монополии, а некоторые из них вообще разрушило, открыло абсолютно новые горизонты.

И мы вели эту борьбу, не прибегая ни к какому насилию. И это обстоятельство, значение которого невозможно преувеличить. Нас бросали за решетку, лишали работы, избивали, иногда убивали. Мы же не ударили ни одного человека. Мы ничего не разрушили. Мы не выбили ни одного стекла в окне. Но мы были упорны, очень упорны. Мы были готовы страдать, идти на жертвы, мы знали, чего мы хотим. И в конце концов мы взяли верх.

Движение «Солидарность» получило огромную поддержку и одерживало победы, потому что во все времена и по всем вопросам оно склонялось в пользу более удачного, более гуманного и более достойного решения, противостоя жестокости и ненависти. Это движение было последовательным, упорным, никогда не сдающим своих позиции. Вот почему после всех этих трудных лет, отмеченных столь многими трагическими событиями, «Солидарность» сегодня добивается успеха и указывает путь миллионам людей в Польше и других странах.

Десять лет назад, в августе 1980 г., на Гданьских судоверфях началась знаменитая забастовка, которая привела к появлению первого независимого профсоюза в коммунистических странах. Он стал в скором времени огромным общественным движением, поддерживаемым польским народом. Я был тогда на девять лет моложе, меня никто не знал, кроме друзей на судоверфи, и я был тогда немного тоньше. Это последнее обстоятельство имело весьма важное значение и вот почему: я был тогда безработным, потому что меня уволили за попытки организовать рабочих на борьбу за свои права, и вот я перепрыгнул через стену, оказался на верфи и присоединился к своим коллегам, которые тотчас же поручили мне руководить забастовкой. Вот как все это началось. И, когда я вспоминаю пройденный нами путь, я часто думаю о том, как я перепрыгнул тогда через стену. А теперь другие перепрыгивают через стены и рушат их. Они поступают так, потому что свобода — это одно из прав человека.

Но есть еще одно соображение, которое приходит мне в голову, когда я думаю о пройденном пути. В те дни, в самом начале, из всех районов мира к нам неслись многочисленные предостережения, предупреждения и даже осуждения. Что надо этим полякам? — слышали мы. Они безумны, они ставят под угрозу мир во всем мире и европейскую безопасность. Им надо сидеть тихо и не действовать никому на нервы. Из этих слов мы поняли, что другие страны имеют право жить в спокойствии и благополучии, имеют право на демократию и свободу и что только поляки должны отказаться от своих прав, чтобы не тревожить покой других людей.

Перед второй мировой войной многие люди задавались вопросами: почему мы должны умирать за Гданьск? Не лучше ли оставаться у себя дома? Но скоро война пришла и к ним, и им пришлось начать умирать за Париж, Лондон, Гавайи. Тогда тоже многие жаловались: из-за Гданьска нарушен наш мир.

Но недавние события в Гданьске имели совсем иной смысл. Это было не началом, а подлинным концом этой войны. Это было началом новой, лучшей, демократической и безопасной эры в истории нашего мира. Речь шла уже не о том, чтобы умирать за Гданьск, а о том, чтобы жить ради него.

Когда смотришь на то, что происходит сегодня вокруг нас, можно со всей определенностью сказать, что путь борьбы Польши за права человека, борьбы без насилия, упорство и твердость, проявленные поляками в стремлении к плюрализму и демократии, показывают многим людям и даже странам сегодня, как избежать величайших опасностей. Если что-нибудь угрожает стабильности Европы, то это, безусловно, не Польша. Стремление Польши к глубоким преобразованиям, достигнутым мирными средствами, путем эволюции, на основе переговоров со всеми заинтересованными сторонами, дает возможность избежать самых страшных ловушек и может служить образцом для многих других регионов. И, как нам известно, перемены в других местах носят не столь мирный характер.

Мирными средствами и проявляя осторожность, не закрывая глаза на опасности, но и не отказываясь от того, что правильно и необходимо, поляки посте-

пенно открыли путь к историческим преобразованиям. На этом пути к нам присоединяются, хотя и в разной степени, другие: венгры и русские, украинцы и народы Прибалтийских республик, армяне и грузины, а в последние дни и восточные немцы.

Мы желаем им удачи и радуемся каждому их успеху. Мы уверены, что и другие пойдут по нашему пути, поскольку иного выбора нет.

И вот я спрашиваю: есть ли хоть один здравомыслящий человек, который понимает окружающий его мир и который мог бы сейчас сказать: было бы лучше, если бы поляки вели себя тихо, потому что то, что они делают, создает угрозу для мира во всем мире? Разве не можем мы сказать теперь, что поляки делают больше для сохранения и упрочения мира, чем многие из их испуганных советчиков? Не можем ли мы сказать, что стабильности и миру во всем мире угрожает большая опасность со стороны стран, которые еще не приступили к осуществлению далеко идущих и всеобъемлющих реформ, которые делают все, что в их силах, чтобы сохранить старые и дискредитировавшие себя методы управления вопреки желанию своих обществ.

Иное положение в Польше. Я должен сказать, что к нашей задаче с пониманием относятся наши восточные соседи и их руководитель Михаил Горбачев. Такое понимание закладывает фундамент и основы для новых отношений между Польшей и СССР, гораздо лучших, чем прежде. Улучшение взаимоотношений будет также содействовать стабилизации и миру в Европе, устраняя ненужную напряженность. У поляков долгая и трудная история. И пожалуй, никто так не стремится к мирному сосуществованию и дружбе со всеми народами и странами, и особенно с Советским Союзом, как мы. Мы считаем, что только сейчас появились нужные и благоприятные условия для такого сосуществования и дружбы.

Польша вносит важный вклад в лучшее будущее Европы, в европейское примирение и в необычайно важное польско-германское примирение — в преодоление старого раскола — и в укрепление прав человека на нашем континенте. Но пришло это к Польше нелегко.

Во время второй мировой войны Польша была первой страной, ставшей жертвой агрессии. Ее потери в смысле человеческих жертв и национальной собственности были самыми тяжелыми. Ее борьба была самой долгой, она всегда была преданным членом одержавшего победу союза, и ее солдаты сражались на всех театрах боевых действий. В 1945 г. она теоретически была одним из победителей. Однако теория была мало связана с практикой. А на практике с молчаливого согласия союзников Польше была навязана чуждая система правления, не имеющая прецедента в польской традиции и не принятая страной вместе с чуждой экономикой, чуждым законом и чуждой философией общественных отношений. Законное польское правительство, признанное страной и руководившее борьбой всех поляков на протяжении этой войны, было подвергнуто осуждению, и те, кто остался верным ему, подверглись самым безжалостным преследованиям.

Многие были убиты, тысячи людей исчезли где-то на востоке и севере России. Аналогичным репрессиям подверглись солдаты подпольной армии, воевав-

шей против нацистов. Только теперь мы находим их останки в безымянных могилах. За этими зверствами последовали преследования всех, кто осмеливался независимо мыслить. Все торжественные обещания о свободных выборах в Польше, которые были даны в Ялте, были нарушены.

Это была вторая огромная национальная катастрофа после катастрофы 1939 г. Когда другие страны с радостью праздновали победу, Польша вновь погружалась в траур. Сознание этой трагедии было горьким вдвойне, когда поляки поняли, что союзники бросили их на произвол судьбы. Воспоминания об этом у многих не изгладились и по сей день.

Тем не менее поляки взялись за восстановление своей разрушенной страны и в первые послевоенные годы достигли больших успехов. Но вскоре была введена новая экономическая система, в которой индивидуальная предпринимательская деятельность перестала существовать, и в конечном счете вся экономика оказалась в руках государства, которым правили люди, не избранные народом. Сталин запретил Польше использовать помощь, предоставленную по «плану Маршалла», помощь, которую использовали все в Западной Европе, включая и страны, проигравшие в войне. Необходимо напомнить об этом грандиозном американском плане, который помог Западной Европе защитить свою свободу и мирный порядок. А теперь настал момент, когда Восточная Европа ожидает капиталовложений такого рода — капиталовложений в свободу, демократию и мир, капиталовложений, подобающих величию американского народа.

Поляки прошли большой путь. Всем, кто высказывает замечания о Польше, зачастую критикует Польшу, причем не всегда справедливо, необходимо было бы иметь в виду, что все, что Польша достигла, она достигла благодаря своим усилиям, благодаря своему упорству, своей целеустремленности. Все было достигнуто благодаря непоколебимой вере нашего народа в человеческое достоинство и в то, что характеризуют как идеалы и ценности западной культуры и цивилизации.

Наш народ хорошо знает цену всему этому.

В последние 50 лет польский народ ведет трудную и утомительную борьбу. Вначале он боролся за свое биологическое существование, а затем за спасение национальной самобытности. В обоих случаях решимость поляков одержала верх. Сегодня Польша воссоединяется с семьей демократических и плюралистических стран, возвращаясь к традициям религиозных идеалов и европейских ценностей. Впервые за полвека у власти в Польше находится некоммунистическое независимое правительство, поддерживаемое народом.

Но на нашем пути встает серьезное препятствие, огромная опасность. Это наше долготелее подчинение политической системе, несовместимой с национальными традициями, экономической системе, несовместимой с разумом и здравым смыслом, наряду с удушением независимого мышления и неуважением национальных интересов. Все это привело польскую экономику к краху, на грань полной катастрофы. Первое правительство за 50 лет, избранное народом и находящееся на службе народу, унаследовало от предыдущих правителей страны бре-

мя колоссальных долгов, которые они взяли, а затем разбазарили, экономику, организованную таким образом, что она не способна удовлетворить даже основные потребности народа.

Экономика, которую мы унаследовали после почти 50-летнего коммунистического правления, нуждается в радикальной реорганизации. Это потребует терпения и огромных жертв. Это потребует времени и средств. Нынешнее состояние польской экономики не случайно, и это беда не только Польши.

Сегодня все страны восточного блока стали банкротами. Коммунистическая экономика потерпела неудачу во всех районах земного шара. Одним из результатов этого является массовый исход граждан из этих стран. Это массовое явление хорошо известно в Европе, Азии и Центральной Америке.

Польша вступила на новый путь и никогда не повернет назад. Смысл нашей работы и борьбы заключается в создании условий и перспектив, которые удержали бы поляков от поисков места для себя за границей, которые бы побуждали их искать смысл в работе и надеяться на лучшее будущее в своей стране, в своем доме.

Иногда говорят, что поляки не хотят хорошо работать. Но даже те, кто это говорит, знают, что поляки работают хорошо и эффективно только тогда, когда видят смысл и пользу своего труда. Трудящиеся знают и свою арифметику. Они работают гораздо упорнее и в худших условиях, чем их коллеги за рубежом, и к тому же им платят гораздо меньшую зарплату. Экономическая система, в которой они живут, абсурдна. Что еще хуже, через определенные промежутки времени страна переживает новый кризис и вновь и вновь оказывается, что все прошлые усилия были тщетными. Сколько мы видели в своей жизни этих тщетных усилий, разрушенных надежд и невыполненных обещаний! Покажите мне людей, которые бы стали хорошо работать, десятилетиями находясь в условиях такой системы! Неужели они тоже не поддались бы пессимизму? Но я никому не желаю подобного опыта. Важно, чтобы и мы были избавлены от этого в будущем. Эту систему необходимо изменить, и поляки взяли на себя задачу изменить ее.

Мы знаем, что у Америки есть свои проблемы и трудности, в том числе и очень серьезные. Мы не просим благотворительности, не ожидаем филантропии, но мы бы хотели, чтобы к нашей стране относились как к партнеру и другу. Мы бы хотели осуществлять сотрудничество на достойных и благоприятных условиях. Мы бы хотели, чтобы американцы пришли к нам с предложениями о сотрудничестве, выгодными для обеих сторон. Американцы завоевали репутацию энергичных и практичных бизнесменов. И поскольку мы хотим ввести в нашей стране свободный рынок и свободную конкуренцию, американцы должны проявить к этому интерес, ибо именно на этом основывается их процветание. И мы рассчитываем именно на это.

Мы полагаем, что помощь демократии и свободе в Польше и во всей Восточной Европе — это наилучший вклад в будущее и в мир, лучший, чем танки, боевые корабли и самолеты, вклад, ведущий к укреплению безопасности.

Польша уже многое сделала, чтобы уладить разногласия, существующие в Европе, создать лучшие и более оптимистичные перспективы. На Западе с сочув-

ственным интересом следят за усилиями Польши, и это заслуживает нашей благодарности. Мы считаем, что теперь вклад Запада в этот процесс будет увеличиваться. Мы слышали много прекрасных слов поощрения. Мы признательны за эти слова, но, будучи рабочим и человеком дела, я должен сказать вам, что на мировом рынке нет недостатка в словах, но спрос на них падает. Пусть же теперь за словами последуют дела.

Решение конгресса США о предоставлении экономической помощи Польше открывает новый путь. Я хочу тепло поблагодарить вас за это прекрасное решение. Я обещаю вам, что эта помощь не будет растрочена впустую и никогда не будет забыта.

С этой трибуны я хочу высказать слова благодарности американскому народу. Именно он поддержал нас в трудные времена военного положения и преследования. Именно он посылал нам помощь, защищал нас от насилия. Сегодня, когда я имею возможность свободно обратиться ко всему миру с этой высокой трибуны, я хотел бы с особой теплотой поблагодарить его.

Именно благодаря американскому народу слово «Солидарность» поднялось над границами и проникло во все уголки земного шара. Благодаря американскому народу члены «Солидарности» никогда не были одинокими. В этой цепи людей, связанных солидарностью, было много, очень мною американцев. Я хочу с благодарностью и теплотой упомянуть здесь о наших друзьях из конгресса США, из профсоюзов АФТ — КПП, из институтов и фондов, выступающих в поддержку свободы и демократии, и обо всех тех, кто оказывал нам поддержку в самые трудные для нас моменты. Я хочу поблагодарить всех, кто распространял правду в эфире или печатным словом. Я также хочу поблагодарить и приветствовать всех американцев польского происхождения, которые поддерживают теплые контакты со своей прежней родиной.

Я от всей души благодарю президента США, его администрацию за участие, проявленное к делам моей страны. Я никогда не забуду, как Дж. Буш, который в то время был вице-президентом, выступал в Варшаве на могиле священника Е. Попелушко, мученика, отдавшего жизнь за Польшу. Я не забуду, как президент Дж. Буш выступал в Гданьске перед памятником павшим рабочим судоверфи. Именно там президент США высказал идеи свободы Польше, Европе, всему миру.

Папа Иоанн Павел II как-то сказал: «Свобода — это не просто что-то, что можно иметь и использовать, за свободу надо бороться. Свободу необходимо использовать, чтобы построить с ее помощью личную жизнь и жизнь всей страны».

Я думаю, что эта глубокая мысль может быть в равной мере применима к Польше и Америке.

Я хочу, чтобы вы все знали и помнили, что идеалы, которые являются основополагающими для славной американской республики и которые все еще живы здесь, живы и в далекой Польше. И хотя долгие годы прилагались усилия, чтобы отрезать ее от этих идеалов, Польша стояла на своем и сейчас стремится к свободе, на которую она по справедливости имеет право. Вместе с Польшей другие

страны Восточной Европы следуют тем же путем. Стена, которая отделяла народ от свободы, рухнула. Страны мира никогда не позволят, чтобы она была воздвигнута вновь».

Рейтер об экономике Польши

Корреспондент агентства Рейтер (1.12.1989) передал из Варшавы:

«Экономические реформы по западному образцу в Польше могут оказаться под угрозой, если в ближайшее время не будет санкционирован заем западных правительств в размере 1 млрд долларов», — сообщил американским должностным лицам в четверг министр финансов Польши Лешек Бальцерович.

Он заявил делегации американского правительства и лидеров бизнеса, что этот заем поможет стабилизировать рынок иностранной валюты в Польше, ключевой элемент предпринимаемых возглавляемым «Солидарностью» правительством усилий по сокращению инфляции, достигающей почти 450%.

Другие меры предусматривают сокращение расходов, ужесточение налоговой дисциплины, индексацию заработной платы и ограничение повышения зарплаток.

«Мы действуем, исходя из того, что пойдем в этом направлении в начале следующего года при условии, что мы добьемся стабилизации... В противном случае это было бы слишком рискованно», — заявил Бальцерович.

Соединенные Штаты заявили, что предоставят 200 млн долларов на эти цели, другие западные правительства также обещали помочь.

Однако эта сделка зависит от одобрения Международным валютным фондом отдельного комплексного кредитного соглашения на сумму 700 млн долларов, детали которого еще разрабатываются.

Правительство планирует девальвировать злотый, с тем чтобы выровнять официальный курс и курс свободного рынка. Курс свободного рынка составляет в настоящий момент приблизительно 7 тыс. злотых за один доллар, а официальный курс равен 3800 злотых за один доллар.

В некоторых секторах, особенно заметно в частном, экономические перспективы улучшились, сказал он.

Он сообщил, что правительство, пришедшее к власти в сентябре после более чем 40 лет коммунистического правления, будет использовать уже проверенные формы капитализма по мере отхода от коммунистической системы.

«Мы хотим продвигаться к рыночной экономике со структурой собственности, аналогичной той, которая существует в западных странах. Мы не хотим пытаться идти каким-то «третьим путем». Я думаю, что у нас уже было достаточно экспериментов», — заявил Бальцерович».

Нью-Йорк Таймс» о Польше

Газета «Нью-Йорк таймс» (3.12.1989) опубликовала следующую статью Стивена Гринхауза:

«Варшава. Польше, первой приступившей к тем политическим преобразованиям, которые происходят сейчас в большинстве стран Восточной Европы, предстоит более трудное время, когда она будет прокладывать путь к замене рушащейся коммунистической экономической системы чем-то напоминающим промышленность, ориентирующуюся на рынок.

В самом деле, главный урок для Советского Союза, Венгрии и других стран, которые сейчас внимательно следят за Польшей, состоит в том, что восточноевропейским странам, по-видимому, предстоит гораздо более долгий и мучительный переход к свободной экономике, чем переход к более свободному обществу.

«Это не реформа, — сказал главный экономический советник премьера Вальдемар Кучиньский, имея в виду планируемые здесь перемены. — Мы пытаемся заменить один мотор совершенно другим.

То, что происходит в Польше, да и во всем блоке от Альп до Урала, — это процесс ликвидации коммунизма, — сказал он. — Мы сейчас находимся в процессе выхода из тупика».

Проблема отчасти состоит в том, что польские должностные лица все еще ищут тот новый экономический путь, которым они хотят следовать. Должны ли они подражать свободному рынку Маргарет Тэтчер, продвигаться к социал-демократии в стиле Швеции или выбрать нечто среднее?

В новом экономическом плане, представленном в Международный валютный фонд, Польша стремится отменить контроль над ценами, в результате которого цены на такие важные товары, как хлеб и бензин, были искусственно занижены. Это, в свою очередь, должно поощрить компании увеличить производство и положить конец нехваткам и очередям за этими товарами.

Но страна уже обнаруживает, что избавление от неэффективности, субсидируемой правительством в течение 40 лет, может в ближайшее время больше повредить, чем помочь, так как цены на дефицитные товары зачастую растут гораздо быстрее, чем заработная плата рабочих.

В результате здесь растут опасения, что быстрый слом старой системы может явиться слишком большим потрясением для страны, которая уже сталкивается с бедностью, нехваткой продовольствия и 500-процентной инфляцией.

Существует также беспокойство, что прекращение субсидий может подорвать множество компаний, вызывая сокращение производства. Некоторые экономисты предсказывают, что ударная экономическая программа приведет к 1000-процентной инфляции и спаду, прежде чем цены медленно стабилизируются и объем производства снова начнет расти. Когда 1 октября правительство отменило контроль над ценами на продовольствие, цена на хлеб увеличилась в 30 раз и это вызвало стремительный рост темпов инфляции в целом.

Польша вступает в неизведанные экономические годы в момент, когда новое правительство во главе с Тадеушем Мазовецким пытается найти самый эффективный и политически приемлемый путь передать в частные руки промышленность, находящуюся в руках государства. Оно также усиленно пытается решить, какие давно субсидируемые промышленные компании, угольные шахты и металлургические заводы настолько неэффективны, что они заслуживают того, чтобы позволить им разориться.

Сторонники экономической реформы, сформулированной министром финансов Лешком Бальцеровичем, признают, что это может означать, что у некоторых людей окажется слишком мало денег, чтобы покупать многие товары.

«Это может заставить людей тратить свое время, чтобы попытаться увеличить свой заработок, чтобы купить то, что им нужно, вместо того, чтобы простаивать часами в очередях, чтобы опять-таки купить то, что им нужно, — сказал Кучиньский, — а это поможет экономике».

В стране, где нет официальной безработицы, еще один трудный вопрос заключается в том, не начнут ли бастовать осмелевшие рабочие, в том числе члены профсоюза «Солидарность», когда рыночные силы будут диктовать крупные увольнения.

«Меня беспокоит, что эта ударная программа, возможно, сопряжена со слишком большим риском, — сказал один известный экономист из «Солидарности». — Если мы примем эту программу, ее должны непременно гарантировать наши западные друзья, иначе мы можем столкнуться с катастрофой». Он сказал, что правительство должно обеспечить какие-то гарантии полякам, которые будут уволены или разорены из-за стремительного роста инфляции.

Несмотря на экономические проблемы, подавляющее большинство 37-миллионного населения Польши согласно с тем, что новые программы правительства необходимы, чтобы поставить экономику на прочную основу.

Создается впечатление, что фактически все здесь согласны с тем, что для успеха экономической программы Польши этой стране, которая так нуждается в капитале, нужны крупные иностранные капиталовложения. Конгресс одобрил недавно законопроект, предусматривающий ассигнование Польше 852 млн долларов.

Кроме того, четыре главных советника президента Буша и несколько представителей деловых кругов, профсоюзов и научного мира только что начали 4-дневную поездку в Польшу, чтобы поощрить создание экономики, основанной на свободном предпринимательстве. В эту группу входят министр труда Элизабет Доул, министр сельского хозяйства Клейтон Яйтгер, министр торговли Роберт Мосбакер и председатель экономического совета при президенте Майкл Боскин.

«Без иностранной помощи мы не смогли бы этого сделать, — сказал министр строительства и территориального хозяйства Польши Александр Пашиньский. — Иностранные капиталовложения нужны нам как кислород».

Переход будет еще более трудным из-за тяжелого состояния экономики, в частности иностранного долга в размере 39 млрд долларов, стремительно растущей

инфляции, сокращения выпуска продукции, нехватки хлеба и мяса и средней заработной платы в размере 70 долларов в месяц по официальному обменному курсу.

По словам польских должностных лиц, им нужно какое-то облегчение в погашении задолженности, чтобы страна получила передышку. Они утверждают, что именно из-за погашения долга и произошел недавно спад в экономике, потому что у многих польских компаний нет больше достаточного количества долларов или другой признаваемой многими странами валюты, чтобы импортировать необходимое им сырье.

Например, на металлургическом комбинате имени В. И. Ленина, гигантском металлургическом комплексе в Польше, менеджеры жалуются, что производство в этом году сократится на 10%, так как у них нет достаточного количества твердой валюты, чтобы закупать высококачественную бразильскую железную руду.

Польские должностные лица сильно надеются на то, что Международный валютный фонд одобрит их экономическую программу и план облегчения выплаты долга, а также окажет новую финансовую помощь. МВФ предлагает займы странам, готовым принять жесткие меры для укрепления своей экономики.

Еще одна надежда — ликвидировать бюджетный дефицит, составляющий 30% государственных расходов, и помочь создать стабильную валюту, которую будут охотно принимать западные страны.

«Впервые польское правительство, вообще любое правительство Восточной Европы, проводит такую экономическую политику, хотя она и непопулярна, — сказала живущая в Лондоне Сусана Принкова, специалист по экономике с централизованным планированием из одной консультативной фирмы — Нельзя начинать с середины, начинать надо с начала, и именно это они и делают. Это очень позитивное явление».

И все же существуют опасения, что отмена контроля над ценами вызовет волнения среди рабочих, чья зарплата отстает от роста темпов инфляции. Такое уже происходило в 1956, 1970, 1976 и 1980 гг., когда коммунистическое правительство повышало цены.

Но многие поляки говорят, что на этот раз они готовы мириться с инфляцией, объясняя, что «мы», а не «они», имея в виду коммунистов, находимся у власти.

И самое главное, поляки, по-видимому, стремятся показать всему миру, что они готовы принять горькое лекарство ради выздоровления в конечном итоге.

Некоторые экономисты в Варшаве опасаются, что ударная программа правительства не поможет решению других проблем, с которыми сталкивается экономика. После периода коммунизма в Польше остались тысячи номенклатурных работников, менеджеров, оставленных старым режимом; одни из них некомпетентны, другие — эффективны, и они управляют промышленностью страны. Сейчас новое правительство не знает, кого увольнять и кого оставлять. Они не знают также, должны ли они их увольнять или нужно подождать, пока компании перейдут в частные руки, и тогда это сделают акционеры.

Дело осложняется еще и тем, что часто невозможно определить, являются ли польские компании прибыльными. Этому мешают контроль над ценами, субсидии, инфляция, иногда сомнительные правила бухгалтерского учета.

Многие поляки сомневаются в том, есть ли в стране класс альтернативных менеджеров, готовых взять на себя руководство компаниями, получившими свободу. 40 лет коммунизма не научили в общем-то поляков руководить предприятиями на конкурентной основе. Кроме того, даже до коммунистического правления Польша была в основном крестьянским обществом, где в отличие от Германии не было своего класса промышленников. Франция и Англия обещали помочь подготовить менеджеров.

«Повсюду такая неразбериха, что приходится начинать все с нуля», — сказал Вроблевский, редактор нового экономического журнала.

Все согласны с тем, что самая большая неразбериха царит, в частности, в банковском деле; годами польские государственные банки субсидировали неэффективные, убыточные предприятия. Сейчас многие задают вопрос, как Польша при отсутствии коммерческих банков и квалифицированных специалистов банковского дела сумеет направить свои небольшие капиталы предприятиям, обладающим потенциальными возможностями роста.

Многие экономисты творят, что можно получить деньги, создав фондовую биржу и продав компании их менеджерам. Правительственные должностные лица постоянно говорят о привлечении иностранного капитала через совместные предприятия. Но успех по-прежнему зависит от того, удастся ли найти людей, обладающих достаточно большим капиталом, который они могли бы вложить.

«Нельзя иметь капитализм без капиталистов, — сказал Алик Ноув, профессор экономики университета в Глазго и автор многочисленных книг о социализме. — В Польше нет большого числа капиталистов, имеющих большое состояние».

Когда правительственные должностные лица начинают говорить о приватизации или капитализме, чтобы помочь сделать экономику более эффективной, многие поляки не приходят от этого в восторг.

«Наши люди ненавидят коммунизм, но, когда вы начинаете говорить о приватизации, многие из них начинают вести себя как коммунисты», — заявил Вроблевский».

Американская помощь Польше и Венгрии: проблемы и перспективы

Обзор для советской прессы был передан 4 декабря 1989 г. в Москву корреспондентом ТАСС в Вашингтоне И. Борисенко.

«Во вторник 28 ноября президент Джордж Буш поставил свою подпись под законопроектом «Помощь Польше и Венгрии». «Я удовлетворен тем, что выдвинутые мною летом этого года инициативы в отношении помощи Польше и Венгрии стали реальностью, — заявил президент. — Через несколько минут я подпишу законопроект, предусматривающий выделение 938 млн долла-

ров в виде американской помощи на протяжении трех лет, и таким образом Соединенные Штаты внесут свою лепту в то, чтобы поощрить эти страны продвигаться по пути реформ».

Этот законопроект был одобрен конгрессом 17 ноября после продолжительных дебатов. В частности, он предусматривает выделение 200 млн долларов в виде взноса США в общий фонд, создаваемый западными странами на сумму миллиард долларов, который предназначен для стабилизации экономики. Эти средства разрешено использовать для оплаты польского импорта в конвертируемой валюте или для развития частного сектора, а кроме того, как отметила газета «Вашингтон пост», эти средства «могут быть использованы для того, чтобы превратить польский злотый в свободно конвертируемую валюту». По крайней мере 125 млн долларов администрация имеет право израсходовать на продовольственную помощь. Польша и Венгрия получают отныне право пользоваться общей системой торговых преференций. Особенно важным является то, что Корпорации частных капиталовложений за рубежом позволено страховать американских вкладчиков капитала в Польше и Венгрии (без такой гарантии вложения капитала в экономику других стран практически невозможны). Кроме того, Экспортно-импортному банку США разрешено использовать до 200 млн долларов на кратковременное страхование торговых сделок и на гарантии американского экспорта в ПНР и Венгрию. Польше предоставляется беспрошленный доступ на американский рынок.

Законопроектом предусмотрено расширение образовательных, научных и культурных обменов с ПНР и Венгрией. В частности, в 1990—1992 гг. ЮСИА получает право израсходовать 12 млн долларов на финансирование программ научных и культурных обменов. 10 млн долларов предназначены на финансирование стипендиального фонда для польских и венгерских граждан, обучающихся в США. 6 млн долларов предназначены на предоставление обеим странам помощи медицинским снаряжением и на обучение медицинского персонала. Предусмотрено также финансирование ряда программ защиты окружающей среды, программ технических обменов, деятельности «Корпуса мира», а также предусмотрено выделение средств Управлению международного развития на финансирование мер по осуществлению проектов, перечисленных в законопроекте.

Законопроект «Помощь Польше и Венгрии» определяет общий потолок ассигнований на эти цели на три финансовых года — с 1990 по 1992 гг. Конкретные ассигнования на помощь двум странам в 1990 финансовом году установлены специальной поправкой к законопроекту об иностранной помощи: 293 млн долларов наличными и 240 млн долларов в виде торговых субсидий и гарантий на капиталовложения.

Потолок ассигнований, предусмотренных законопроектом «Помощь Польше и Венгрии», более чем в 2 раза превышает первоначальный запрос администрации на эти цели. Характерно, что на первых этапах обсуждения законопроекта представители администрации в ходе слушаний в комитетах и подкомитетах особо подчеркивали тот факт, что наращивание ассигнований на помощь Польше и

Венгрии «противоречило бы бюджетным принципам» в условиях, когда проблема бюджетного дефицита стоит на повестке дня. В частности, еще в октябре в ходе обсуждения вопроса о помощи в сенатском комитете по иностранным делам представитель государственного департамента Р. Сейтц практически исключал какую-либо возможность увеличения ассигнований, заявив: «Мы считаем, что запрошенные нами уровни ассигнований обеспечат стимул для развития частного сектора в Польше и Венгрии и, таким образом, появится стимул для новых капиталовложений, как внутренних, так и из-за рубежа».

То, что администрация в конце концов согласилась на значительное увеличение ассигнований на помощь Польше и Венгрии, объясняют здесь не только стремлением воспользоваться «открывающимися возможностями» в Восточной Европе, но и опасениями по поводу того, что демократы, обвиняя администрацию в «нерешительности и медлительности», смогут отыграть несколько очков в межпартийном противоборстве. В частности, сенатор Пол Сэрбейнс (демократ, от штата Мэриленд) заявил, что изменения, происходящие в ПНР и ВНР, могут означать «переломный момент» в истории. Заместитель лидера демократического большинства в сенате Алан Крэнстон высказался за увеличение американской помощи в качестве средства для того, чтобы поощрить эти две страны «отойти от коммунизма». А сенатор Пол Саймон в ходе слушаний отметил, что если не считать продовольственной помощи, то окажется, что 46 стран получают большую по размерам американскую помощь, чем Польша. «Польские руководители подчеркивали в беседах со мной, что им необходим решительный сигнал со стороны США, — сказал он. — Я считаю, что если мы просто одобрим те размеры ассигнований, которые предложены администрацией, то это не станет таким ясным и недвусмысленным сигналом, который мы бы хотели подать».

Однако, пойдя в значительной степени навстречу демократам в вопросе о предоставлении помощи, администрация не могла не учитывать и реакцию «с правого фланга». Так, известный своими консервативными взглядами сенатор Джесси Хелмс, хотя и не возражал по существу против предложения администрации по оказанию помощи Польше и Венгрии, во время выступлений в сенатском комитете по иностранным делам требовал «соответствующих мер предосторожности».

О том, какие именно «меры предосторожности» имел в виду Хелмс, свидетельствовала внесенная им поправка к законопроекту об иностранной помощи. В соответствии с предложением Хелмса американским бизнесменам, желающим вести дела в Польше и поддерживающим связь с предприятиями, «которые находятся в руках коммунистов», запрещалось добиваться страхования на вложенный капитал. Такие гарантии, по американскому законодательству, дает Корпорация частных капиталовложений за рубежом. Фактически предложение Хелмса перечеркивало важный пункт программы помощи Польше, разработанный администрацией.

Показательна реакция сенаторов на это предложение: Хелмс оказался в явном меньшинстве. Сенатор Билл Брэдли (демократ, от штата Нью-Джерси) поставил вопрос о том, как поправка Хелмса может сказаться на деловых контактах между

американскими фирмами и польскими сельскохозяйственными кооперативами. А как насчет контактов с судоверфьями в Гданьске? — поинтересовался сенатор Патрик Лихи (демократ, от штата Вермонт). Означает ли это предложение, что помощь нельзя будет предоставлять, даже если «на предприятии с 5 тыс. рабочих окажется один-единственный коммунист на мелкой должности», поинтересовался сенатор Алан Диксон (демократ, от штата Иллинойс). Сенатор Эрнст Холлингс (демократ, от штата Южная Каролина) охарактеризовал предложение Хелмса как попытку «установить железный занавес для продукции американских фермеров».

В то же время сенаторы-демократы явно подумывали о возможности того, что республиканцы в будущем смогут использовать против них дебаты по вопросу о помощи Польше и Венгрии, обвиняя их в «мягкости к коммунистам». Сенатор Барбара Микульски (демократ, от штата Мэриленд), которая все время повторяет, что является «первой женщиной польского происхождения, избранной в сенат США», подала пример своим коллегам-демократам. «Никто не может быть столь яростным антикоммунистом, столь воинственным антикоммунистом, как выходец из Польши», — громогласно заявила она.

В итоге поправка к законопроекту об иностранной помощи, даже смягченная, была провалена подавляющим большинством голосов — 74 против 24. Таким образом, в законопроекте об иностранной помощи осталось положение, в соответствии с которым Корпорация частных капиталовложений за рубежом получила право вести операции в Польше в течение двух лет. По бюджету корпорации выделяется 40 млн долларов на страхование деятельности американских фирм в Польше.

Дебаты вокруг роли корпорации (которая сейчас действует более чем в 100 странах, обеспечивая помимо гарантии капиталовложений и прямые займы в экономику этих стран) в осуществлении программ помощи Польше и Венгрии развернулись отнюдь не случайно. Дело в том, что администрация Буша с самого начала обсуждения вопроса о помощи делала основной упор не на прямые федеральные ассигнования на эти цели, а на планы привлечения частного американского капитала в экономику двух стран.

Однако для привлечения капитала в страны, где нет подробно разработанного законодательства о частных капиталовложениях, необходимы гарантии. Их-то и должна предоставить Корпорация частных капиталовложений за рубежом. Как указывала газета «Вашингтон пост», этой организации придется «выступать от имени правительства США в роли гаранта вкладов в стране с крайне неустойчивым политическим и экономическим климатом». Показательно, что еще 13 октября, то есть почти за месяц до того, как законопроект был окончательно одобрен, США и Польша заключили двустороннее соглашение, разрешающее деятельность корпорации в Польше. А уже 6 ноября первая группа сотрудников корпорации — экспертов по вопросам капиталовложений — отбыла в Польшу.

Как сообщила в канун поездки вашингтонская информационная служба «Пи-Ар-Ньюсуайр», сотрудники корпорации уже определили 250 польских предприятий, которые могли бы представлять интерес для американских вкладчиков.

По мнению «Вашингтон пост», первоначальная цель корпорации состояла в том, чтобы привлечь к «польскому проекту» около 40 американских компаний, каждая из которых могла бы вложить примерно по 2 млн долларов в создание новых или модернизацию старых предприятий в Польше. «Мы рассматриваем этот путь как способ создать стимулы для привлечения капитала в Польшу, — заявил по этому поводу исполнительный вице-президент корпорации Джеймс Берг. — Это действенная идея, и мы ее тщательно рассматриваем». Как разъяснили сотрудники аппарата конгресса, идея использования корпорации в качестве одного из основных элементов крупномасштабной программы помощи была первый раз испробована в Фонде африканского развития, который оказывает помощь в привлечении капиталов в беднейшие африканские страны, расположенные к югу от Сахары.

К настоящему времени, как сообщили в отделе связей с общественностью корпорации, «несколько десятков» американских компаний объявили о намерении рассмотреть вопрос о капиталовложениях в польскую экономику или по крайней мере выразили заинтересованность в такой возможности. Это в первую очередь торговцы сельскохозяйственным оборудованием, фирмы — изготовители одежды, строительные фирмы, фирмы, занимающиеся проблемами защиты окружающей среды. Кроме того, заинтересованность проявили несколько коммерческих банков и инвестиционных фирм. В первой делегации экспертов, отправившихся в Варшаву в начале ноября, насчитывалось около двух десятков представителей крупных и мелких американских фирм. Второй визит этой группы, возможно в расширенном составе, состоится весной 1990 г.

Однако главные результаты ожидаются от начавшегося 29 ноября визита в Польшу и Венгрию делегации на уровне членов кабинета. В ее составе — министр сельского хозяйства Клейтон Яйтер, министр торговли Роберт Мосбакер, министр труда Элизабет Доул, председатель экономического совета при президенте Майкл Боскин, представители деловых и научных кругов. Этой поездке, которую представитель Белого дома Марлин Фицуотер охарактеризовал как «президентская миссия в Польшу», 28 ноября был посвящен специальный брифинг в Белом доме. Как отметил, открывая брифинг, министр сельского хозяйства К. Яйтер, в составе делегации около 50 человек, в том числе около 20 руководителей корпораций. На вопросы журналистов о том, есть ли у них планы, хотя бы предварительные, осуществить капиталовложения в польскую экономику, министр торговли Р. Мосбакер отметил, что коротким ответом на этот вопрос будет «да», — многие либо разрабатывают предварительные планы, либо по крайней мере думают об этом.

Говоря о целях «президентской миссии в Польшу», К. Яйтер неоднократно подчеркивал, что цель делегации не в том, чтобы заниматься оценкой программ помощи. Эти вопросы, по его словам, в ходе визита будут стоять «на втором плане». «В основном мы отправляемся в поездку для того, — заявил он, — чтобы оценить, что можно сделать в плане помощи в предстоящие три — пять лет, с тем чтобы действовать Польше в решении колоссальной задачи: создания экономики, основанной на свободном предпринимательстве, которая могла бы динамично разви-

ваться». Указав, что в ходе предстоящих встреч определенное внимание будет уделено краткосрочным потребностям Польши, в частности в том, что касается продовольствия на предстоящую зиму, Яйтер подчеркнул, что основная задача состоит в оценке долгосрочных перспектив того, как США могут «дополнять и поддерживать» сельское хозяйство, промышленность, финансы и профсоюзное движение в Польше. В области сельского хозяйства, продолжал он, основное внимание будет уделено проблемам переработки сельскохозяйственной продукции, созданию действенной системы цен на сельскохозяйственную продукцию.

В ходе поездки перед нами будут стоять две задачи, отметил в свою очередь министр торговли Роберт Мосбакер. «Первая задача — представить президенту рекомендации о том, что, по мнению представителей деловых кругов, следует сделать для изменения инфраструктуры и остальной польской экономики, с тем чтобы они начали развиваться, — продолжал он. — Вторая задача состоит в том, чтобы представители деловых кругов сами занялись различными аспектами, имеющими отношение к инфраструктуре и системе распределения». Главная задача, по его словам, — добиться выработки американо-польского торгово-экономического соглашения. Это всеобъемлющее соглашение будет представлено в форме проекта, работа над которым началась в сентябре. «Мы будем работать над этим соглашением, с тем чтобы все больше и больше бизнесменов смогли приехать в Польшу и чувствовать себя свободно, а это, в свою очередь, побудит другие американские компании, других американских предпринимателей ехать в Польшу», — заявил он.

В свою очередь министр труда Элизабет Доул, особо отметив, что Польша располагает квалифицированной рабочей силой, средний возраст которой даже ниже, чем в странах Западной Европы, выразила мнение, что возглавляемое ею министерство сможет внести «реальный вклад» в процесс перемен, происходящий в Польше. Конкретно, будет предоставлена техническая помощь в разработке системы страхования на случай безработицы, с участием АФТ — КПП будет оказана помощь в профессиональной подготовке, в частности в области строительства, с тем чтобы решать жилищную проблему; будет оказана помощь в обучении управленческого аппарата; содействие в области сбора трудовой статистики и демографических данных.

Говоря о целях визита в Польшу и Венгрию, К Яйтер подчеркивал в ходе брифинга, что США «не могут определять экономическую политику правительства Польши и не намерены делать это». Не собираемся мы этого делать и в отношении других стран Восточной Европы, добавил он. Они сами должны принимать решения. Наша задача состоит в том, чтобы помочь советом в том, какой путь они могут избрать, чтобы устранить как можно большее количество препятствий. Вновь вернувшись к вопросу о целях поездки, Яйтер подчеркнул: «Наша миссия не состоит в том, чтобы заниматься вопросами торговли и капиталовложений. Наша повестка дня гораздо шире. Хорошо, если поездка приведет к возникновению дополнительных преимуществ в области торговли и капиталовложений. Но это не первоочередная цель. Мы надеемся составить по итогам поездки такие

мнения, рекомендации и позиции, которые помогут создать в Польше привлекательный климат для капиталовложений, убедить поляков в необходимости создания привлекательного климата для капиталовложений, что, в свою очередь, стимулирует капиталовложения в дальнейшем».

На вопрос о том, можно ли ожидать отправки аналогичных миссий в другие страны Восточной Европы, министр сельского хозяйства отметил, что этот вопрос в общем плане обсуждался недавно с президентом. «Я бы сказал, что слишком рано определять, будут ли аналогичные миссии подходящими для других стран, — сказал он. — Но конечно же такое, можно себе представить, поскольку многие из этих стран окажутся перед проблемой функционирования системы свободного предпринимательства, впервые за много лет». Экономические реформы, продолжал он, потребуют времени, и «было бы трагичным, если бы все эти великолепные эмоции превратились бы в разочарование по поводу сроков осуществления реформ. Другими словами, мы должны проявлять осторожность в том, чтобы экономические ожидания не стали нереалистичными. А в той эмоциональной атмосфере, которая существует сегодня, это может произойти. Одна из идей, которую я конечно же подчеркну в ходе визита в Польшу и в другие страны Восточной Европы, если я туда поеду, будет состоять в том, что терпение в данной ситуации просто необходимо. В этих странах нельзя осуществить экономические реформы в одночасье. Возможно, потребуется от трех до пяти лет как минимум, а в некоторых областях, возможно, больше».

По итогам визита участники миссии представляют сначала срочные рекомендации президенту, рассчитанные на ближайшую перспективу (в этих рекомендациях, как ожидается, будут отражены потребности Польши в области продовольствия в течение зимы), а затем — вероятно, еще до Нового года — представляют полный доклад с рекомендациями. После брифинга в ходе обмена мнениями между журналистами была, в частности, высказана мысль о том, что одной из сложнейших проблем, с которой придется столкнуться членам «президентской миссии», является то, каким образом экономика западных стран, вышедших на постиндустриальный этап развития, сможет взаимодействовать с экономикой Польши, Венгрии и других стран Восточной Европы».

«Мрачные прогнозы экспертов для Польши»

Под таким заголовком парижская газета «Монд» (1.12.1989) поместила следующую статью Алена Лебоба:

«Эта точка зрения неофициальна, однако имеет хождение в Комиссии европейских сообществ в главных управлениях, а также среди тех деятелей французских министерств, кто официально имеет дело с поляками. «Мы весьма встревожены», — с грустью признают все, кто знаком с обстановкой в Польше.

Говоря откровенно, итоги экономического положения в Польше сулят в ближайшем будущем катастрофу. «В сельском хозяйстве страны заняты 30% трудоспо-

собного населения; и в случае модернизации у них скорее всего начнется такое же бегство населения из деревни в города, как у нас», — говорит брюссельский эксперт. «Что же касается их промышленности, — продолжает он, — то она представляет собой полный набор традиционных отраслей, на перестройку которых мы потратили 20 лет. Там есть все — судостроение, черная металлургия, угольные шахты».

Там нет ремесленников, говорит этот же эксперт, точно так же, как нет системы мелких и средних предприятий, хотя Польша жестоко страдает от нехватки услуг. С одной стороны, там имеются крупные, устаревшие физически и морально производственные единицы, на которых трудятся 5 млн человек. А с другой стороны, ничего, кроме вакуума. Когда Польше нужно будет приспособливаться к рыночным законам, крах этих предприятий будет грозить крахом всей польской экономике.

«Они настроены крайне либерально и считают, подобно Леху Валенсе, что для полного успеха нужна всего лишь денационализация», — продолжает этот наблюдатель.

Накопления поляков, проживающих в США и Западной Европе (общая сумма их составляет 7 млрд долларов, сейчас невидимых), впечатляют. Значительная часть общественности и руководителей с удовольствием взяла бы за образец г-жу Тэтчер или президента Рейгана, чтобы перевести свою страну без всякого переходного периода из одной системы в другую.

Но дело на этом не останавливается. Поскольку Лех Валенса очень любит Францию, он, по слухам, «серьезно» предложил продать ей 20% польской промышленности в нынешнем состоянии, с тем чтобы французские инвесторы обеспечили ее нормальное функционирование. Этот план, переданный недавно Жаку Делору, — «настоящая поэма и не содержит ничего серьезного». Там фигурируют лишь меры, рекомендованные Всемирным банком или Международным валютным фондом, переход к рыночной экономике, обуздание инфляции и конвертируемость денежной единицы. Зато там очень мало планов, касающихся инфраструктур (они занимают в документе лишь полстраницы). В основном там предусмотрены такие операции, как «трансграничные связи для экспорта». «Они не собираются использовать капиталовложения поляков в ремесленное производство и в производительную мелкую промышленность с соответствующей помощью», — говорит другой специалист — участник одной из недавних делегаций. «Вместо того чтобы поддерживать эти иллюзии, нам, европейцам, лучше было бы вложить капиталы в интеллектуальную сферу. Поляки нуждаются в дополнительных знаниях», — говорит он, напуганный размахом проблем, которые придется решать.

Поэтому некоторые специалисты уже сейчас выступают с самыми мрачными прогнозами. «Они наделают ошибок, рассердят всех, а их провал будет провалом капитализма, — предсказывает высокопоставленный деятель ЕЭС. — Валенса будет обвинять нас в недостаточной помощи, и мы действительно не можем удовлетворить его требования в их нынешнем виде. Западная общественность будет упрекать нас за то, что мы не выполнили свой долг, и мы не сможем оправдаться. Таким образом, их банкротство будет нашим банкротством. И вот тогда-то ста-

рые профсоюзные боссы и ПОРП выйдут на арену и выступят в защиту рабочего класса...».

В условиях такой опасности выбор решений невелик. Нужно было бы привлечь капиталы зарубежных поляков и найти на месте людей, способных восстановить сеть предприятий, включая кустарные мастерские, чтобы начать с азов. Так, например, бывшая работница может купить вязальную машину и изготавливать свитера для покрытия потребительского спроса и т. д. Но есть ли у Польши время ждать?

Эти эксперты, настроенные весьма пессимистически, утверждают, исходя из собственного опыта, что «именно наиболее бедные страны не умеют расходовать предоставляемую им экономическую помощь». По их мнению, поляки не избежат этого правила, разве что используют эти средства для создания инфраструктур, что поглощает много денег, но дает немедленный эффект. Однако нам известно, что они пока об этом не помышляют».

О предоставлении кредитов Польше

Корреспондент агентства АП (7.12.1989) передал из Вашингтона:

«Как сообщили эксперты по финансовым делам, Всемирный банк и Международный валютный фонд — два крупнейших в мире международных кредитора — могут предоставить Польше в следующем году заем в размере около 1,7 млрд долларов.

Предоставление этих займов будет зависеть от того, сможет ли Польша прийти к соглашению с МВФ относительно изменений в своей экономике, сообщили эти должностные лица.

Т. Моран, вице-президент Экспортно-импортного банка США, сказал корреспондентам, что представители МВФ обсуждают в Варшаве вопрос о предоставлении на определенных условиях займа на сумму 700 млн долларов.

Фонд настаивает на том, чтобы получатель обязался принять ряд мер в области экономической политики, к которым обычно относится сокращение правительственных расходов и субсидий на основные товары.

М. Камдессю, директор-распорядитель МВФ, сказал, что он надеется достичь соглашения с Польшей к концу декабря. Затем оно должно быть представлено на рассмотрение представителей 152 стран-членов, владеющих МВФ.

Исполняющий обязанности вице-президента Всемирного банка Э. Лари, который занимается странами Восточной Европы, сказал недавно в Париже, что в следующем году банк может предоставить Польше заем на сумму до 1 млрд долларов.

П. Риддлбергер, представитель банка в Вашингтоне, сказал во вторник, что банк, вероятно, предоставит такой заем лишь после того, как Польша придет к соглашению с МВФ.

По словам Риддлбергера, сотрудники банка рассматривают вопрос о предо-

ставлении кредитов на сумму до 500 млн долларов для осуществления конкретных проектов в Польше, например для оказания помощи фермерам.

По словам Лари, еще 500 млн долларов могут быть предоставлены в виде «займа на цели структурной перестройки», который, как и кредиты МВФ, служит для непосредственного удовлетворения внешнеэкономических потребностей правительства, берущего заем.

Как сказал Моран, Экспортно-импортный банк, который предоставляет займы, с тем чтобы побудить другие страны покупать американские товары, вместе с американским Управлением международного развития работает над выделением Польше кредита в размере 200 млн долларов, одобренного недавно конгрессом США.

Как Всемирный банк, так и МВФ предоставляют займы по частям и могут прекратить выплату, если они придут к выводу, что правительство страны-получателя не выполняет принятые на себя обязательства.

Хотя Польша является членом Всемирного банка и МВФ с 1987 г., она до сих пор не получала займов из-за того, что попытки достичь соглашения по вопросам экономической политики кончались неудачей. Как дали понять должностные лица, переговоры с новым правительством, возглавляемым некоммунистом Тадеушем Мазовецким, представляются более обнадеживающими.

Моран сказал, что Экспортно-импортный банк не предоставлял займов Польше с 1987 г., когда президент Рональд Рейган отменил запрет, действовавший со времени введения военного положения в 1981 г.

Он сказал, что аналогичные гарантийные управления других стран в Польше в последнее время также бездействовали, хотя он недавно слышал, что западногерманское управление откроется вновь через пару недель.

Всемирный банк является владением тех же самых правительств — в том числе и Польши, — которым принадлежит МВФ. Соединенным Штатам принадлежит наибольшее число голосов. Штаб-квартиры и Всемирного банка, и МВФ находятся в Вашингтоне.

Соединенные Штаты готовы предоставить Польше дополнительно 200 млн долларов в виде взноса в многосторонний «промежуточный заем», предназначенный на помощь в реализации экономических реформ. Об этом сообщил в среду, 14 декабря 1989 г., на встрече с журналистами заместитель пресс-секретаря Белого дома Стив Харт.

По его словам, соглашение о предоставлении займа, которое сейчас обсуждается, непосредственно увязано с выработкой соглашения между Польшей и Международным валютным фондом о путях осуществления экономической реформы. «Участие Соединенных Штатов в этом соглашении является свидетельством поддержки программы экономических реформ, осуществляемых в Польше и нацеленных на то, чтобы обеспечить постоянное экономическое развитие», — отметил представитель Белого дома.

200 млн долларов — взнос США в многосторонний «промежуточный заем» на общую сумму в полмиллиарда долларов — дадут возможность Польше выполнять свои международные финансовые обязательства по крайней мере до тех пор, пока не начнут поступать средства, предоставленные Международным валют-

ным фондом и Всемирным банком. Нынешний заем будет предоставлен в дополнение к тем 200 млн долларов, которые США обязались внести в созданный группой западных стран специальный миллиардный фонд, нацеленный на стабилизацию польского злого. В конце ноября, перед самым завершением сессии, конгресс США проголосовал за выделение на программы экономической помощи Польше и Венгрии в общей сложности 938 млн долларов в течение предстоящих трех лет, причем большая часть этих средств — 532,8 млн долларов — будет предоставлена в текущем финансовом году».

Христианская этика и политика

Речь, произнесенная премьер-министром Польши Тадеушем Мазовецким на церемонии вручения ему почетной докторской степени в Лувенском университете в Бельгии 2 февраля 1990 г.:

«Взаимоисключаются ли политика и этика? Многие провозглашают необходимость их разделения — для однозначности и эффективности действий, во избежание самообмана. Вместе с тем мы нередко слышим упрек, что поляки склонны к излишнему морализаторству в политике. Я задумываюсь, что означает этот фундаментальный для политика, для христианина, для поляка вопрос.

Да, это так: этикой и политикой управляют разные законы, но нельзя их разделять. Еще до недавних пор в Польше наша политика была лишь борьбой за основополагающие ценности; ее суть составляло как раз взаимное проникновение принципиальных проблем: вопросов, относящихся к сфере этики и религии, и вопросов политики.

И если я связан с политикой, то я как раз политик того времени, когда подобная связь столь ярко выступала и выступает. Связь, в которой не столь важна была результативность, сколь способ действия: способ борьбы, а не победа.

Уже сам выбор пути определяет, какой будет победа: не станет ли она моральным поражением. Порой отсутствие результата не означает — в долговременной перспективе — отсутствия победы, в том числе и политической.

Нет большой политики без нравственной основы. Мне дороги идеалы и люди, которые не достигли в политике успехов, но были вехами, определявшими направление мышления и ориентации. Для моей системы ценностей существование таких личностей, такого способа мышления и поведения имеет чрезвычайно важное значение. Сфера политической деятельности не была бы столь важна для меня, если бы я не видел людей, которые готовы не обязательно выигрывать, зато ставить на что-то принципиально важное.

До сих пор действия антитоталитарной оппозиции в Польше вращались в сфере того, что иногда принято называть «предполитикой», и относились к вещам элементарным: правам человека и гражданина. Относились к самым фундаментальным для демократического общества вопросам, на базе которых только и

формулируются конкретные политические программы. Главной их целью было создание основ гражданского общества.

В стремлении общества осознать себя субъектом, а не объектом огромную роль сыграло в Польше христианство. Именно оно пробуждало в людях это стремление.

Сначала, в эпоху сталинизма, христианство спасало от потери своего облика. Позднее, в 60-е годы, церковь уже не только защищала находившиеся под угрозой церковные институты, но и все решительнее выступала в защиту прав нации и прав человека. И наконец, во время первого папского паломничества папы в Польшу, был преодолен «барьер страха»; а после введения военного положения и объявления «Солидарности» вне закона церковь поддерживала в обществе сознание его права быть субъектом.

Христианское сознание было в нашей стране сознанием права на гражданский характер общества. В этом смысле христианство, а благодаря ему и общество, одержало верх над огромной тоталитарной машиной.

На пути к этому в Польше произошло нечто чрезвычайно важное: встреча христиан с людьми иной — и до недавних пор недоброжелательно настроенной к христианству светской традиции, агностической или позитивистской. Было преодолено принципиальное расхождение, состоящее, с одной стороны, в отношении к христианству и церкви как к миру прошлого, а с другой — в восприятии этой второй традиции как мира чуждых ценностей, далеких и только враждебных. В значительной мере был преодолен подход к верующим так к людям с интеллектуальным и социальным изъяном, а с другой стороны — к людям другой традиции как к людям с нравственным изъяном.

Эта встреча была не случайной. Христианство вписало в реальность человеческой судьбы некую необратимую черту: меру человеческого достоинства. Можно не разделять христианского учения, но нельзя отрицать, что именно религиозный опыт внес и закрепил в общечеловеческом сознании ценность, ставшую костяком, на который могли опереться права человека. Нельзя отрицать, что, решительно отстаивая существование чего-то вечного, что есть надо мной и выше меня, и чего-то вечного, что есть во мне, чем нельзя завладеть и что нельзя подчинить силой, религиозный опыт заложил основы внутренней свободы, образующей стержень культуры.

На страницах Ветхого Завета, страницах прекрасных, хоть трудных и сложных, мы находим мудрость, открывающую человеку при всем его сопротивлении тайну единого бога, которая должна храниться и передаваться. И то и дело мы наталкиваемся на нечто, подобное гласу, удерживающему руку Авраама, занесенную над головой Исаака, когда даже бог останавливается перед самым глубоким интимным и вечным в человеке. Нечто, что вместе с тайной бога передает в религиозном наследии тайну человека, уважая в человеке раз и навсегда данное ему право внутренней свободы. Евангелие, как ни одна до того книга, связало любовь к богу с любовью к человеку.

Надо осторожно брать на себя риск высказываться о том, что является, а что не является христианским в позициях и действиях людей. Особенно в политиче-

ских действиях. Однако проведение четкой границы в отношении некоторых явлений — необходимый элемент христианского самосознания. Это касается противоречия между христианством, самой его сущностью, и любого рода тоталитарным стремлением к всевластию, которое, в конечном счете, обращено против самого принципа внутренней свободы человека. Права человека определяют эту границу. Христианин может по-разному бороться за них или служить им. Он не может только одного: там, где свобода и человеческое достоинство угнетены и где человек восстает против этого, — позволять себе жест Пилата.

Последние двести лет, так повлиявшие на формирование самосознания поляков, укоренили прочное чувство тою, что история подлежит нравственной оценке, что без этого все рушится, ибо все можно оправдать, и что, таким образом, нравственное сознание общества принадлежит к основным его ценностям, составляет его силу — и оборонительную, и созидательную, — которую оно должно уметь в себе сохранить.

В нашем опыте соприкосновения с тоталитарной действительностью бывало не раз, что наряду с большими проблемами перед нами возникали вопросы, находившие конкретное воплощение в обычных, повседневных жизненных ситуациях. Вопросы выбора между достоинством и карьерой, между честностью и конформизмом, между правдой подлинной и официальной, между солидарностью с другими людьми и личным комфортом и безопасностью, между ответственностью за спокойствие своего ребенка и ответственностью за то, чтобы и он не боялся рисковать в борьбе за правду, солидарность и достоинство.

И есть еще вопросы, касающиеся христианина как такового. О свидетельстве его веры, о цене этого свидетельства. О способе выхода за пределы мистифицированного понимания религии как частной сферы, которое под предлогом, что вера — предмет личного решения человека, загоняет ее в церковную ограду, исключает из сферы массово распространяемой культуры.

Вопросы, касающиеся места, которое занимает в истории человеческой свободы свобода религиозная. И того, что такое человеческая и вместе с тем христианская солидарность.

В пору борьбы за элементарные права человека нашим долгом, долгом христианина и человека, было участие в ней. И это определяло способ понимания политики, того, что в ней всего важнее.

Можно задать вопрос, что имеет решающее значение сегодня, когда мы освободились от тоталитаризма. Какова связь между вопросами политики и этики теперь, когда мы приступили к созданию посттоталитарного будущего? Здесь напрашивается много вопросов. Необходимо и важно не только сокрушить зло, но и построить будущее. До сих пор достаточно было сопротивляться тоталитаризму. Теперь надо строить общественные структуры демократии. До сих пор мы говорили о необходимости плюрализма. Теперь надо уметь на практике осуществлять этот плюрализм. До сих пор мы все адресовали противнику, теперь надо те ценности, за наличие которых в политике мы боролись, прилагать к себе.

По моему убеждению, чрезвычайно важное значение имеет стиль построения будущего на руинах коммунистического тоталитаризма. Речь идет о том, что это будет — взрыв взаимной ненависти или предоставление всем шансов и места в свободном и плюралистическом обществе. Я считаю, что мы достигнем успеха только в том случае, если будем идти по второму пути. Я верю, что мы находимся на нем, и только на этом пути вижу свое место политика и христианина».

Збигнев Бжезинский о проблемах восточного блока

Профессор Збигнев Бжезинский, бывший советник по вопросам национальной безопасности президента США Дж. Картера, в интервью для Польского телевидения, переданном 8 февраля 1990 г., и для правительственной газеты «Речь Посполита» (9.02.1990) дал оценку положения в странах восточного блока:

«...Я был в Советском Союзе в ноябре, имел возможность наблюдать политическое, экономическое положение, вести беседы на очень высоких уровнях. Я вернулся оттуда, будучи убежденным, что внутренний кризис в Советском Союзе продлится еще долгие, долгие годы. Независимо от того, кто будет лидером. Это кризис не только политический и идеологический, а прежде всего — национальный и экономический. Мы имеем дело с принципиальным конфликтом между требованиями преодоления экономического кризиса и требованиями преодоления национального кризиса...

Выход из экономического кризиса требует быстрого проведения широкой децентрализации. Однако децентрализация этой системы повлекла бы за собой последствия весьма существенные для империи. Она привела бы к ликвидации Советского Союза. Чтобы сохранить определенную стабильность в национальной сфере, необходима централизация. В этом состоит конфликт, то противоречие, о котором я говорил. И поэтому, собственно говоря, это безвыходное положение.

По моему мнению, Советский Союз вошел теперь в длительный исторический период кризиса империи. Это кризис в определенном смысле подобный тому, через который прошла Оттоманская империя или Китай в эпоху маньчжурской династии. Я не вижу положительного выхода, однако считаю, что будут иметь место острые перепады от процессов демократизации в сторону жесткой репрессивной политики...

Внутренний кризис продлится там еще долгое время. Если Горбачев не будет отстранен и если не произойдет принципиального изменения курса внешней политики Советского Союза, тогда этот кризис может принять форму нарастающего хаоса, вызванного демократизацией страны. В свою очередь, этот хаос найдет выражение в растущих социальных, политических и национальных требованиях, исключаящих друг друга. В результате, вполне вероятно, подобная ситуация может привести к полному отмиранию Коммунистической партии Советского Союза как организованной силы, что может произойти в течение двух ближайших лет, а также к тому, что Советский Союз, каким мы его знаем сегодня, перестанет существовать.

В общем и целом, последствия этого затягивающегося хаоса, связанного с демократизацией Советского Союза, как кажется, могут скорее способствовать международному миру. Ведь все это означает, что советские руководители будут заняты решением собственных внутренних проблем и будут более склонны идти на определенного рода политический компромисс и достижение договоренностей с Западом.

...Как мы оцениваем с точки зрения Америки положение в Восточной Европе? По моему мнению, мы находимся в переходном периоде. Политическая стабилизация достигнута лишь в Польше. Польша лидирует также в области политических и экономических преобразований. Бывшая демократическая оппозиция продолжает оставаться стабильной, создавая базу для правительства, которое может умело и трезво руководить обществом. Это совершенно исключительная для Восточной Европы ситуация. Ни в одной стране такого положения нет. Более сложным, чем в некоторых других странах, представляется, быть может, — с нашей точки зрения — экономическое положение в Польше. Венгрия в настоящее время более интересна для иностранного капитала, чем Польша.

Восточная Германия будет пользоваться, конечно, специальным покровительством Германии. Чехословакия находится тоже в этом глубоком кризисе, хотя обобществление или социализация экономики пошла там дальше, чем в Польше. Переход в систему свободного рынка может оказаться даже делом более трудным для Чехословакии, чем для Польши. Несмотря на то, что в Польше он может потребовать больших жертв и вызвать более глубокие потрясения в ближайшем будущем.

Я исхожу из предпосылки, что в этой части мира Польша действительно является самой важной для Америки страной, особенно с геополитической точки зрения...

...В Америке господствует убеждение, что номенклатура является большим экономическим обременением для Польши не только в сугубо финансовом смысле, но даже и в субъективном. Мы имеем дело с совершенно иной ориентацией, с людьми, которые являются продуктами определенной политической машины, которые не понимают, в чем состоит система плюрализма и свободного рынка. И поэтому ускорение процесса изменений в государственных кадрах, по моему мнению, очень необходимое дело...».

Отвечая на вопрос, касающийся перетасовок в рядах польских коммунистов и создания новых партий, вышедших из прежней ПОРП, З. Бжезинский сказал:

«Коммунистическая партия в Польше — независимо от того, какое она носит название — всегда будет восприниматься как партия, которая играла роль чужеродного агента в очень трудный исторический период для нашей страны, как партия, которая несет прямую ответственность за расправу над десятками тысяч польских патриотов. Простая перемена названия или имени не ликвидирует этих «красных пятен» в их истории».

Пресс-конференция Л. Валенсы

(ТАСС) На заводе автодеталей «Польмо», близ Гданьска, состоялась 10 февраля 1990 г. еженедельная пресс-конференция Л. Валенсы. В последний период он проводит их на различных предприятиях в ходе встреч с трудовыми коллективами.

Говоря о запланированном визите в Москву, Л. Валенса вернулся к выдвинутому им в ходе встречи с послом СССР в Польше В. И Бровиковым предложению о выводе советских войск из Польши, подчеркнув, что пребывание войск — это пустая трата денег, которые весьма пригодились бы Польше и полякам. Мы должны сами себя защищать, должны быть в разных пактах, но пактах, приведенных в соответствие с современной техникой: недорогих, но эффективных. Если я поеду в Москву, буду решительно добиваться ответа по этой проблеме, а также разъяснения того, что стало с польскими офицерами. Если меня приглашают, то не для того, чтобы кофе пить, делать фотоснимки, а чтобы урегулировать то, о чем мы тихо ропщем.

Отвечая на вопрос, ознакомился ли он с открытым письмом председателя Главного совета СДРП А Квасьневского, Л. Валенса сказал, что намерен ответить на него, но это не означает, что он изменил свою точку зрения (ранее в одном из выступлений он фактически отказал СДРП в праве на существование). Я уважал и уважаю пана Квасьневского, продолжал он, но ожидал более серьезных шагов в левых силах, а не перекраски. И это мне не нравится, хотя я и не принадлежу к этой партии и не вмешиваюсь в ее дела. Одновременно у меня претензия к Квасьневскому: он сказал, что я не за плюрализм. Я за плюрализм, и названия меня не интересуют. Но если СДРП сразу хочет взять имущество, которое у нас забрали, то — нет. Нужно начинать сначала, наживать свое имущество. Тогда вас будут уважать. А то имущество основывалось на несправедливостях, которые чинили людям. Партия не может быть перекрашена, и пусть она не претендует на имущество, которое накапливалось всеми, а весьма часто накапливалось незаконно.

Л. Валенса скептически отнесся к концепции досрочных выборов в сейм и сенат' «Когда нет экономических результатов, то начинают искать, где еще можно что-нибудь заработать. Я — за ускорение выборов в органы территориального самоуправления, чтобы мы могли все взять в свои руки, чтобы новые власти чувствовали себя действительно выбранными. Сейчас в стране хуже, чем при коммунистах, но за полгода мы не в состоянии оздоровить ситуацию. Ведь мы брали власть совершенно неподготовленными. Нет сомнения в том, что будет лучше, хотя на это потребуется время. Но, однако, за все нужно взяться вам самим. Мы только создаем возможности, даем шансы, а без вас дело не пойдет. Мы создали условия, а вы теперь имеете право действовать и достичь большего, — сказал он, — обращаясь к рабочим. Только осторожно, ибо нам грозят анархия, потеря контроля, мы можем проиграть великое дело из-за обычных амбиций, зависти, соперничества».

Отвечая на вопрос о его будущем и возможном вступлении в борьбу за руководство в «Солидарности» и за пост президента Республики Польши, Л. Валенса

сказал: «Если понадобится, я в распоряжении и профсоюзов, и отчизны. Сегодня же больше всего беспокоит анархия, ибо она может нас прикончить, разрушить Польшу, привести даже к гражданской войне. Я не буду бороться за пост президента, но не уклонюсь от ответственности».

Возникает угроза монополии «Солидарности», продолжал Л. Валенса. Мы быстро становимся новой номенклатурой. Так было и с коммунистами: сначала они умирали за идею, а вспомните, во что потом это все превратилось. Чтобы монополии не было, нужны новые партии и программы. Мы завоевали свободу, но нужно снять с профсоюзом груз политических дел, а в рамках партий готовить программы для выборов.

Отвечая на вопрос об экономических переменах в Польше, лидер «Солидарности» подчеркнул, что сейчас в Польше нет лучшей программы, чем та, которая сформулирована заместителем Председателя Совета Министров Л. Бальцеровичем. Он подтвердил поддержку и правительства Т. Мазовецкого, выражая, однако, неодобрение по поводу явления безработицы, которой должна противодействовать так называемая малая приватизация.

О возможности смены президента Польши

В Польше в последнее время все чаще различными силами поднимается вопрос о проведении досрочных парламентских выборов. Это мотивируется тем, что соглашения «круглого стола» потеряли актуальность в свете коренным образом изменившейся расстановки сил на общественно-политической сцене.

Правительственная газета «Речь Посполита» (12.02.1990) пишет: «Заключенный год назад представителями прежних властей и находившийся в оппозиции «Солидарности» за «круглым столом» контракт становится все более анахроничным, и ныне его уже невозможно сохранить. В верности этой мысли, — отмечает газета, — убеждает сокрушительное поражение коммунистов на состоявшихся в прошлом году «полудемократических» выборах в парламент, а также развитие событий в странах «реального социализма», где последние дни доживает эпоха тоталитаризма. Трудно в этой ситуации представить себе, чтобы поляки захотели ждать еще три года полностью свободных выборов. Все громче говорят о том, что новые парламентские выборы должны состояться максимум через год, в 200-ю годовщину Конституции, 3 мая, которая имеет для поляков значение особого символа». Проведение досрочных выборов было бы связано с устранением с политической сцены прежде всего людей, которые несут ответственность за введение военного положения в декабре 1981 года, указывает «Речь Посполита».

С конкретным предложением о досрочных выборах в парламент выступила Польская социалистическая партия, которая занимает место на левом фланге движения, возглавляемого «Солидарностью». В опубликованном ею заявлении содержится примерно такая же аргументация, как в статье газеты «Речь Посполита».

Еще дальше развивает тему досрочных выборов в номере за 9 февраля еженедельник «Тыгодник Солидарность», увязывая ее напрямую с необходимостью

смены президента РП. Если бы свободные всеобщие выборы не только парламента, но и президента проходили сегодня, пишет еженедельник, то Л. Валенса не имел бы ни одного серьезного конкурента. Впрочем, новый парламент, избранный в ходе свободного голосования, был бы вынужден отдать свои голоса за лидера «Солидарности» в соответствии с волей избирателей.

Л. Валенса мог бы стать президентом, если бы захотел в будущем. Пока он говорит, что этого не хочет. Однако он одновременно намекает на то, что согласился бы стать главой государства в критической для Польши ситуации. Вполне вероятно, что такая ситуация могла бы произойти быстрее, чем состоятся свободные выборы, отмечает «Тыгодник Солидарность». Анализируя возможность избрания президентом РП Л. Валенсы даже нынешним составом Национального собрания, еженедельник выражает убеждение, что по разным причинам лидер «Солидарности» имел бы гарантированный успех.

Аналогичную мысль, но в несравненно более прямой и откровенной форме, высказал в интервью «Речь Посполита» бывший помощник президента США по вопросам национальной безопасности З. Бжезинский. Он заявил: «Думаю, что Л. Валенса должен стать через короткий промежуток времени президентом Польши. Нужно найти также достойную формулу выражения признательности генералу Ярузельскому за ответственную роль, которую он сыграл в последние годы».

Многими обозревателями заявление З. Бжезинского было воспринято как прямой призыв Запада к смене польского президента.

О восточной политике Польши

«Уроки действительности» — под таким заголовком 19 февраля 1990 г. «Газета свентечна» (субботне-воскресное издание «Газета wyborcza») опубликовала пространную статью члена редколлегии газеты Эрнеста Скальского о роли Польши в современной Европе, ее отношениях с СССР, другими соседними странами.

Те, кто занимает сейчас «антирусские» или «прорусские» позиции, пишет автор, еще не заметили того, что уже несколько месяцев не существует советский блок, организованный по принципу подчинения, что Польша вместе с недавними сателлитами — уже де-факто независимые страны.

Нет больше России Петра и Екатерины, Сталина и Брежнева, четко действующего централизованного государства, которое свою плохую или хорошую политику может более-менее последовательно реализовывать, чаще всего вводя свои войска или эффективно угрожая вооруженным вмешательством. Страна находится в состоянии не кризиса, а экономической катастрофы, из которой не видно выхода. Ее сотрясают национальные, социальные и политические конфликты, начинает распадаться аппарат власти — с его хребта, каковым является партия. В этой ситуации Россия перестает даже быть военной державой. Закавказье показало, что распад грозит не только Советскому Союзу, но и его армии.

Если принять этот ход рассуждений за правильный, то следовало бы признать, что в ближайший период, измеряемый, видимо, годами, наш восточный сосед, скорее всего, не будет страной, которая угрожала бы нам. Нельзя будет, очевидно, и считать его надежной опорой в серьезных политических намерениях. Но это отнюдь не означает, что эта страна или группа стран перестанут приниматься в расчет в нашей политике. Этот район имеет и будет иметь для нас большое значение. В наших национальных интересах иметь как можно более хорошие отношения с этим регионом и его народами. Слово «регион» мы употребляем потому, что неизвестно, какой будет в будущем его государственная форма. Видимо, вскоре с нами будут соседствовать полностью независимая и самостоятельная Литва, а за ней — Латвия и Эстония. Нашим интересам не отвечает возобновление «марша на Киев» или окружение вместе с Россией Украины и Белоруссии. Только в условиях дружбы удастся урегулировать дела поляков за восточной границей. С чего следует начать самостоятельную политику Польши на Востоке? Может быть, с достоверной декларации намерений, особенно в вопросе границ, незаконно передвинутых на Запад. Не думается, чтобы в польском обществе реваншистские позиции в отношении восточных земель были каким-то весомым фактором. Но проявляются и они. Поэтому необходимо отдавать себе отчет в том, что столь же беспокоенными могут быть украинцы, белорусы, литовцы. Для наших восточных соседей не имеют большого веса договоры, которые подписывали сателлитские правительства ПНР. Поэтому необходима четко выраженная позиция нынешних властей Речи Посполитой и заявления политических сил, несущих сегодня ответственность за Польшу. Это может быть сделано в рамках более широкого заявления о всех границах Польши или европейских границах, но такого, которое не оставило бы сомнения, что восточную границу мы считаем нерушимой. (Ни с какой стороны, ибо нужно считаться с притязаниями в отношении Пшемышля, Ярослава или Хрубешова.) Отдавая отчет в том, сколько крови портит доктрина ФРГ о правовом существовании рейха в границах 1937 года, нельзя поддерживать правовой фикции в виде Речи Посполитой, существующей формально в предвоенных границах, хотя нашлись бы реальные аргументы и в пользу этого.

Объединение Германии, интеграция Европы и ликвидация военных блоков позволят Польше избавиться от доставляющего хлопоты унижительного реликта недавней зависимости, каким является присутствие советских войск в Польше.

Упадок коммунизма поставил под сомнение его военно-политические возможности. В этой ситуации оба военных блока, постепенно разоружаясь и укрепляя контакты между собой, могут служить временным инструментом поддержания политического и военного равновесия. На этих условиях независимая Польша в силу своего суверенного решения может оставаться в Варшавском Договоре до ликвидации обоих блоков. Но все другое в нашей военной политике должно быстро меняться. Независимо от того, что сделает или сделала Москва с военной доктриной и со своими силами, Польша не может участвовать в военной структуре, предусмотренной на случай войны между блоками, и нести связанные с этим расходы. Нужно

также заявить, что она не встала бы на сторону СССР в такой войне. Мы не поддержим также ни в военном, ни в техническом отношении никакие военные и террористические акции государств или движений, которые отвечали бы интересам Москвы, если бы она их по-прежнему инспирировала. И наконец, уже совсем ради формальности: Варшавский Договор не имеет права на существование как организация, вмешивающаяся в дела стран, состоящих в нем членами, а польская армия в любых обстоятельствах выполнит свою обязанность по защите страны.

Интервью В. Ярузельского газете «Ю-эс-эй тудей»

Газета «Ю-эс-эй тудей» (19.02.1990) поместила под заголовком «Польша — мост от Востока к Западу» интервью президента Польши Войцеха Ярузельского. Корреспондент газеты Мэрилин Грин взяла интервью в Варшаве:

В о п р о с: Заместитель государственного секретаря Соединенных Штатов Лоуренс Иглбсргер прибывает с визитом в Польшу на этой неделе. Что вы надеетесь сделать в ходе этой встречи?

О т в е т: *Я надеюсь, что переговоры прояснят нынешние американские и польские оценки положения в Европе и на этом фоне — развитие польско-американских отношений.*

В о п р о с: Что США не делают и что им следует сделать для улучшения отношений?

О т в е т: *Визит президента Буша в прошлом году был в высшей степени важным событием. Он дал важный стимул для перестройки наших отношений. На мой взгляд, самых больших результатов можно было бы достичь в экономической сфере, и не только в том смысле, что мы рассчитываем на кредиты, но и в плане подлинного использования американского капитала, американской технологии, американских систем управления.*

В о п р о с: Является ли экономика самой острой проблемой, стоящей перед Польшей сегодня?

О т в е т: *Да. Необходимо побороть инфляцию, и этот процесс происходит. Еще не началось увеличение производства. И необходимо обеспечить минимальное благосостояние тем, чье материальное положение ухудшилось. Во-вторых, необходимо позаботиться, чтобы общество смогло пережить проблемы в период осуществления самого радикального этапа реформы. До сих пор дело шло успешно.*

В о п р о с: Какова ваша роль в реформе?

О т в е т: *Без моего участия, влияния и убежденности было бы невозможно договориться о проведении «круглого стола». Мне пришлось преодолеть иногда очень серьезное сопротивление. Я следил за тем, чтобы, гарантировать продолжение этого*

процесса в направлении углубления демократии и смены правительства, а также создания парламентской системы. И я продолжаю делать все, что в моих силах, чтобы защитить жизнеспособность этого процесса.

В о п р о с: На какие вопросы вы тратите каждый день больше всего времени?

О т в е т: Я занимаюсь международными делами, германским вопросом и связанными с ним проблемами. Недавно я беседовал с Михаилом Горбачевым, а восточно-германский премьер Ханс Модров посетил Варшаву. У меня много контактов и с американскими должностными лицами.

В о п р о с: Каково ваше отношение к воссоединению Германии?

О т в е т: Польша неоднократно заявляла о своей позиции, состоящей в том, что у каждой нации есть право на самоопределение. Вместе с тем, воссоединение — особый случай. Оно должно быть процессом, который не может происходить лишь между двумя германскими государствами, а должен получить одобрение всех других заинтересованных сторон. У Польши есть еще одно особое обстоятельство — вопрос о границах и гарантии того, что ничто не произойдет без нашего участия. У нас есть и моральные, и политические права, как у крупной страны в этой части Европы.

В о п р о с: Какие вам нужны гарантии?

О т в е т: Одной из форм, которую можно было бы признать в качестве гарантии наших интересов, несомненно, было бы заключение договора. Во-вторых, реальные гарантии такого порядка в Европе, который будет построен на принципах коллективной безопасности и сокращения вооружений — особенно в Германии. Чем меньше в Европе оружия, тем в большей безопасности мы будем себя чувствовать.

В о п р о с: Как нынешняя нестабильность в Советском Союзе влияет на Польшу?

О т в е т: Она не оказывает на нас прямого воздействия, но все же усиливает наше беспокойство. Мы искренне желаем, чтобы обстановка у них в стране не развивалась в направлении, которое могло бы нарушить стабильность.

В о п р о с: Важна ли поддержка Польши для советского руководителя Горбачева?

О т в е т: Мы от всей души поддерживаем Горбачева, прежде всего с точки зрения успеха наших реформ. Если наши реформы будут успешными, Польша, как стабильное государство, будет наилучшей поддержкой для Горбачева, а в противном случае — наоборот. Мы являемся испытательным полигоном для всего региона. Если вырастет, так сказать, новый урожай, он будет очень ценен для перестройки и для других стран.

В о п р о с. Какой вы видите Польшу в составе новой Европы?

О т в е т: *В вопросе о роли Польши в процессе реформ мы являемся своего рода мостом. В историческом и культурном отношении мы близки к Западу. В то же время у нас прочные связи с Востоком. Мы осуществляем реформы, которые приближают нас к Западу.*

В о п р о с: Какую систему вы предвидите в Польше через 5—10 лет?

О т в е т: *У нас будет настоящая парламентская система, точно так же, как в Западной Европе, но не как в Штатах. У нас сейчас существует то, что мы называем парламентской системой, но у нас нет полностью развитой многопартийной, системы. Нам нужно будет пройти через этап создания нескольких партий, которые будут соперничать друг с другом. И через свободные выборы сформируется правящее большинство.*

В о п р о с: Предвидите ли вы проведение выборов до срока?

О т в е т: *Нынешние прогнозы таковы, что следующие всеобщие выборы должны состояться раньше, чем они запланированы, т. е. через 3 года.*

В о п р о с: Какой бы вы хотели для себя оценки в учебниках истории?

О т в е т: *Мне удалось спасти Польшу от катастрофы. Во-вторых, несмотря на драматические события, которые были в то время необходимы, мне удалось довести дело до начала демократических перемен в Польше».*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	3
Ежи Брониславские. УРОК ИСТОРИИ (Вступительная глава)	5
Заговор против Польши	6
О «белых» или черных пятнах	16
Катынь	29
За независимость Польши!	42
Польские обличья сталинизма	61
Поможете?	83
1. СЦЕНАРИЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ	89
Под флагом «Солидарности» 90. Идеологи из КОС — КОР 100. «Кон- федерация» с темным прошлым 101. «Независимый союз студентов» 104.	
ДИАЛОГ РЕЦЕНЗЕНТА С АВТОРОМ	107
Лицо оппозиции, весна 1989 г.	107
Время ПОРП прошло	115
Впервые на польских телеэкранах Лех Валенса	121
Начало встречи за «круглым столом»	126
Мнения интеллигенции	133
2. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ АГРЕССИЯ ЗАПАДА	145
Подрывное радиовещание на ПНР 146. Слухи в буржуазных газетах 150. Антипольское телешоу 151. Лауреаты 153.	
ДИАЛОГ...	159
Дефицит правды и морали в международной публицистике	160
Польская политическая эмиграция	161
Западная «большая пресса» о событиях в ПНР	164
Кто слушает западные радиостанции?	170
Оппозиция застою средствами бизнеса и культуры	175
3. КАК БЕЛЫЙ ДОМ БОРЕТСЯ С СОЦИАЛИЗМОМ	179
В русле «холодной войны» 180. Маски ЦРУ 182. Польская политика Картера — Бжезинского 184. Санкции Рейгана 186.	
ДИАЛОГ...	192
Взгляды Збигнева Бжезинского на социализм	193
Ущерб ПНР от санкций США в 1982—1986 гг. — 15 млрд долларов	198
Януш Онышкевич в конгрессе и в Белом доме	202
Визит Джорджа Буша в Польшу	206
Коварство «публичной дипломатии»	211

4. ПОЛЬША ГЛАЗАМИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙЦЕВ	217
В духе Черчилля и Миколойчика 218. Антипольская истерия в Париже 223. Восточные интересы ФРГ 226. Разногласия в НАТО 232.	
ДИАЛОГ...	238
Тэтчеризм для Польши	239
Новый «план Маршалла».	247
Профессионализм западных средств информации	253
Полное примирение с немцами	259
На пути к выходу из международной изоляции	267
5. ПОМОЩЬ? ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИЯ	271
Экономическая политика ПНР 273. 16 месяцев хаоса и анархии 277. «Кредитное лассо» не затянулось 286. Братская поддержка стран социализма 295.	
ДИАЛОГ...	301
Итоги партийного руководства экономикой	301
Кредитная блокада	309
Кому в Польше жить хорошо?	324
Перспективы социальной политики	343
О советско-польских отношениях	360
6. КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ	365
Разногласия у ксендзов 366. Кардинал из Кракова 380. Визит папы римского в Польшу 383. Кто стрелял в папу? 390.	
ДИАЛОГ...	396
Вера и духовность помогают выжить	396
Взвешенное слово церкви	412
Церковь поддерживает «Солидарность»	434
Политический портрет Иоанна Павла II	456
ПАРАДОКСЫ НА БЕРЕГАХ ВИСЛЫ (Вместо заключения)	506
ПРИЛОЖЕНИЯ	
«Не Декабрь ли приближается?»	515
«Два вопроса Леху Валенсе»	519
«Навстречу новым переговорам	
Провокация? Но против кого же?».	522
«Радикальный минимализм»	527
«Я на вас рассчитываю»	545
Интервью кандидата на июньских 1989 г. выборах в сенат ПНР Збигнева Ромашевского французским журналистам в мае 1989 г.	555
Церковь в Польше	563
	639

Интервью Адама Михника	565
Об избрании М. Раковского Генеральным секретарем ЦК ПОРП	569
О создании независимой школы в Польше	574
Организуется государственный заем	577
К вопросу о приватизации экономики	578
Интервью Т. Мазовецкого	579
Два интервью Л. Валенсы	584
О смене руководства в Гостелерадио	595
Пресс-конференция М. Незабитовской	599
Пятая годовщина смерти ксендза Попелушко	601
Выступление Дж. Буша	603
Выступление Л. Валенсы в конгрессе США	605
Рейтер об экономике Польши	612
Нью-Йорк Таймс» о Польше	613
Американская помощь Польше и Венгрии: проблемы и перспективы	616
«Мрачные прогнозы экспертов для Польши»	622
О предоставлении кредитов Польше	624
Христианская этика и политика	626
Збигнев Бжезинский о проблемах восточного блока	629
Пресс-конференция Л. Валенсы	631
О возможности смены президента Польши	632
О восточной политике Польши	633
Интервью В. Ярузельского газете «Ю-эс-эй тудей»	635

Редактор В. Хведелидзе.

Художник Е. Андрусенко.

Технический редактор З Махарашвили.

Корректоры М. Амашукели, И. Купреишвили.

Сдано в набор 05 1089. Подписано в печать 25.01.90. УЭ 01924. Формат 60х90 1/16. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 41,50. Усл. кр. отт. 50,75. Уч.-изд. л. 58,20. Тираж 100000 экз. Заказ №4403. Цена 4 р. 80 к

г. Тбилиси Издательство «Гэнатлеба», ул. Орджоникидзе, 50.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга». Госкомиздата РСФСР. 127018, Москва, Сушевский вал, 49. Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

**В. Гомулка и Э. Герек
с горняками на IV съезде ПОРП
19 июня 1964 года**

**Б. Берут награждает в 1951 году
маршала К. Рокоссовского**

Съезды ПОРП (1968 г.)
и «Солидарности» (1981 г.)

Ксендз Г. Янковский
и Л. Валенса

Актуальные лозунги на асфальте.
Гданьск, октябрь 1981 года

**Противостояние
1982 года
на улицах
Гданьска**

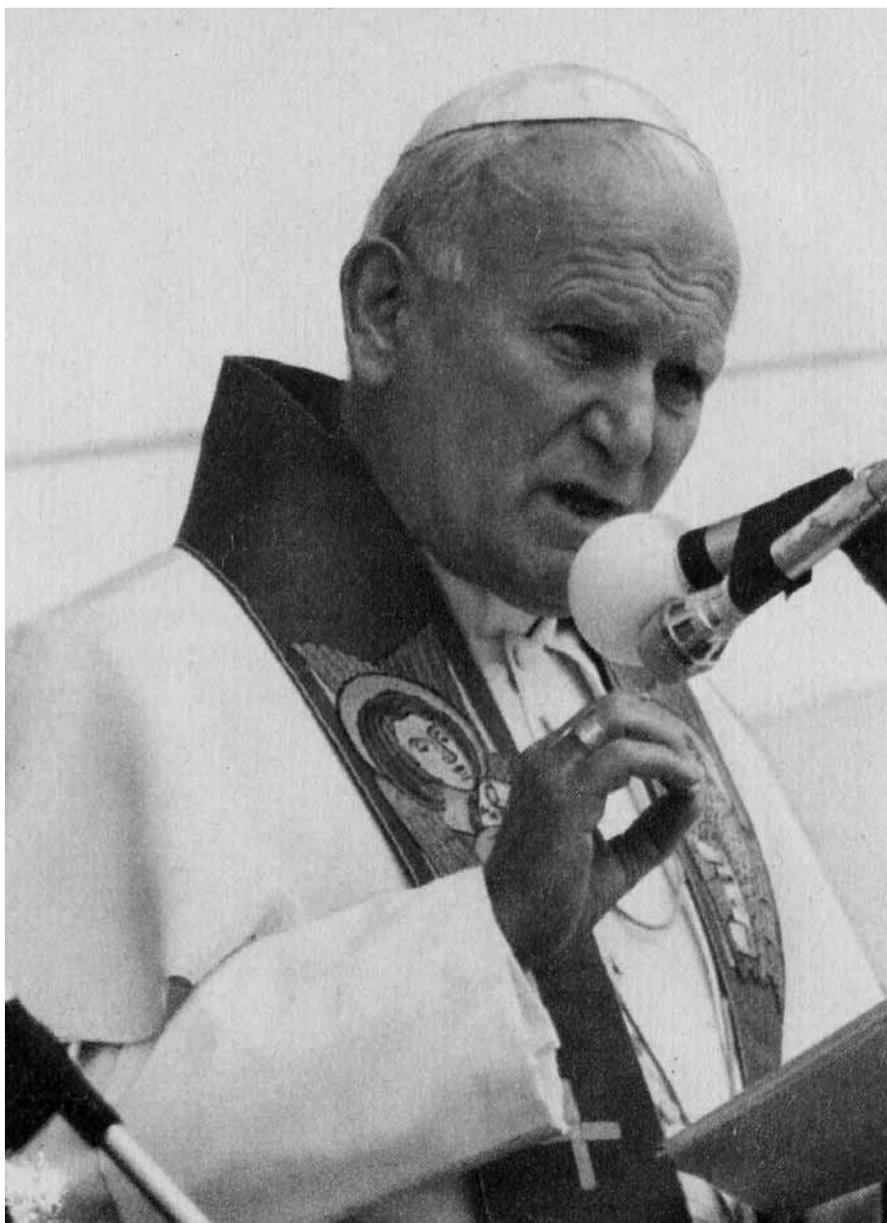

**13 мая 1981 года
в Риме в папу
Иоанна Павла II
стрелял турецкий
террорист**

**Третий визит
папы римского в Польшу.
Встреча в Варшавском аэропорту
6 августа 1987 года**

**На площади
перед собором Св. Петра
за несколько дней
до покушения**

Папа Иоанн Павел II
известен как крупнейший религиозный
и общественный деятель современности

Папу-поляка приветствуют жители
Польши в 1983 году

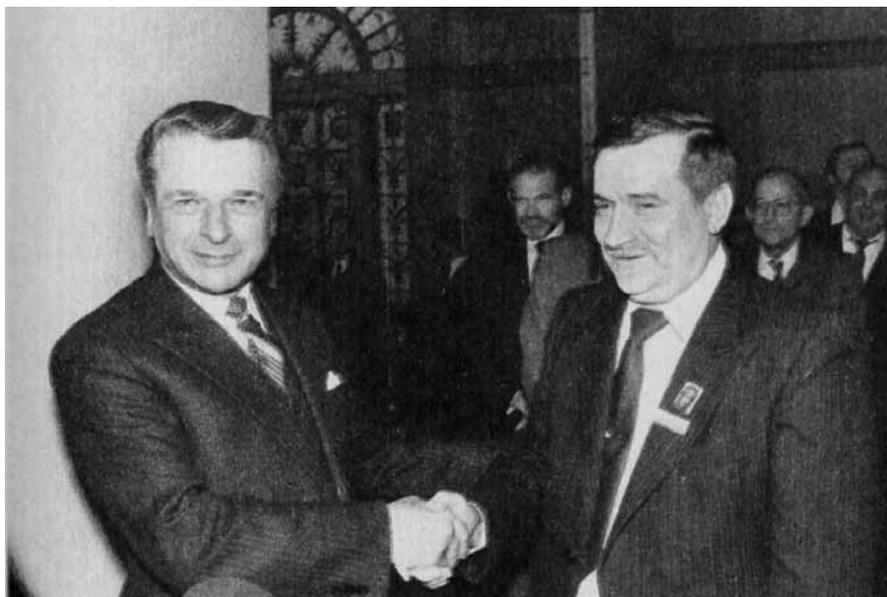
Встреча с семьей
Леха Валенсы

**Забастовка шахтеров в Ястшембе.
21 августа 1988 года**

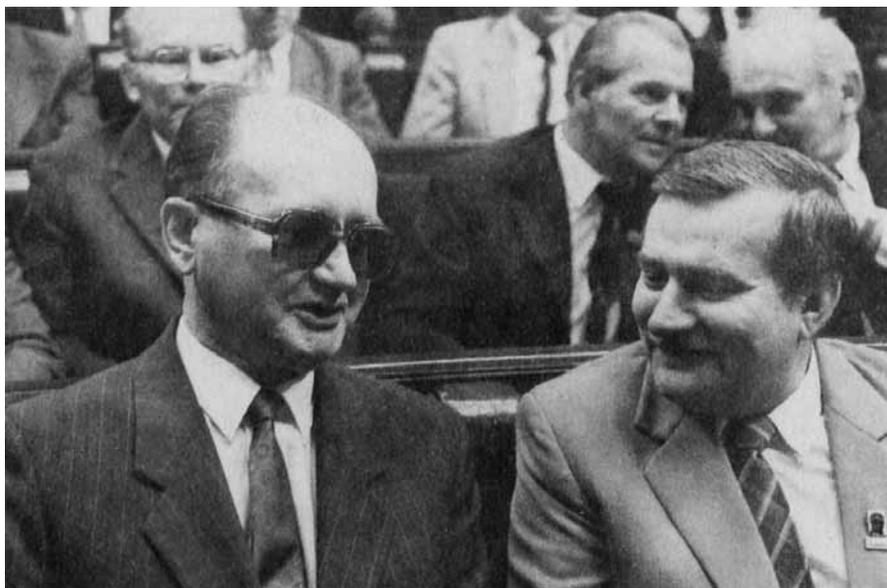

**М. Тэтчер и М. Раковский.
Ноябрь 1988 года**

**Ч. Кишак и Л. Валенса
в начале 1989 года.**

Заседание «круглого стола».

Гости сената.
В. Ярузельский и Л. Валенса.
4 июня 1989 года.

Я. Куронь.

**В. Геремек, А. Михник и А. Вайда
в парламентском клубе.
Июль 1989 года.**

**Б. Геремек и Я. Куронь в сейме.
12 сентября 1989 года.**

**Визит президента США Дж. Буша
в Польшу.**

**Мисс «Польша-89»
Анета Креглицка
в конце 1989 года
была удостоена титула
Мисс Вселенная.**

Т. Мазовецкий возлагает цветы к привезенному из Польши кресту в Катыни.

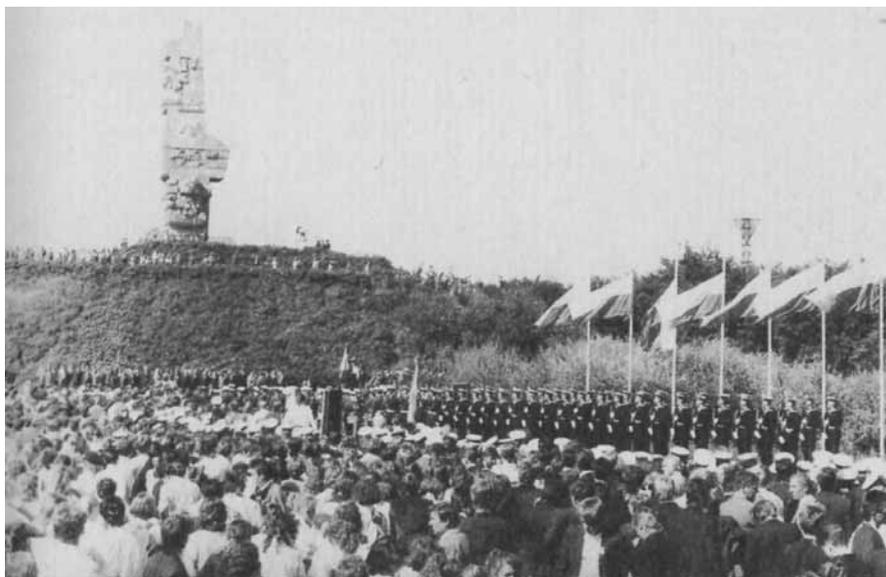
Исповедальня под открытым небом для бастующих рабочих.

Памятник тысячам польских офицеров, расстрелянных в Катыни (высеченная на мраморе надпись обвиняет в этом преступлении гитлеровцев).

Дж. Буш перед домом Л. Валенсы в Гданьске.

**1 сентября 1989 года на полуострове Вестерплатте.
Полвека назад вторая мировая война началась
с нападения гитлеровцев на эту часть
польской территории**

**Т. Мазовецкий и А. Д. Сахаров
в посольстве ПНР в Москве.**

**Встреча Т. Мазовецкого
и М. С. Горбачева
в Кремле**

**Члены кабинета правительства
Т. Мазовецкого**

Представитель правительства по связям с прессой М. Незабитовская и Т. Мазовецкий

Члены правительства Польши, премьер-министр Т. Мазовецкий, президент В. Ярузельский

**На вещевом «польском рынке»
в Западном Берлине
в марте 1989 года**

На карте в итальянском журнале «Эспрессо» (26.11.1989) показаны возможные «горячие точки» будущего в Восточной Европе:

- (1) (2) Польская Силезия и Восточная Пруссия, которых домогаются реваншисты ФРГ;
- (3)(4) в Литве и на Украине проживает много поляков, которые хорошо помнят, что Вильнюс и Львов принадлежали Польше;
- (5) территорию румынской Трансильвании оспаривают в Венгрии;
- (6) Румыния не прочь считать своей территорию Советской Молдавии;
- (7) Югославию раздирают споры между сербами и хорватами

**В. Ярузельский, Л. Валенса
и Б. Геремек.**

**В. Ярузельский и М. Раковский.
Август 1989 года**

Sondaggi / I parlamentari italiani alle prese con il '92
EUROPA? SCONOSCIUTA

Europeo

N. 25 / 23 GIUGNO 1989 / LIRE 3000

IL DIO CHE È FALLITO

ALLA CINA ALL'UNGHERIA
 ALL'URSS AL SUDAMERICA
 I NOSTRI INVIATI RACCONTANO
 LE STORIE DI QUELLI
 CHE HANNO CREDUTO
 NEL COMUNISMO

MARK

le nuove
Obses

**LIBAN
 LA HONTE**

JUFS CATHOLIQUES LA DÉCHIRURE?

M 2228 C20 18.00 F

LE CAMP D'EXTERMINATION D'AUSCHWITZ

AUGUST 28, 1989

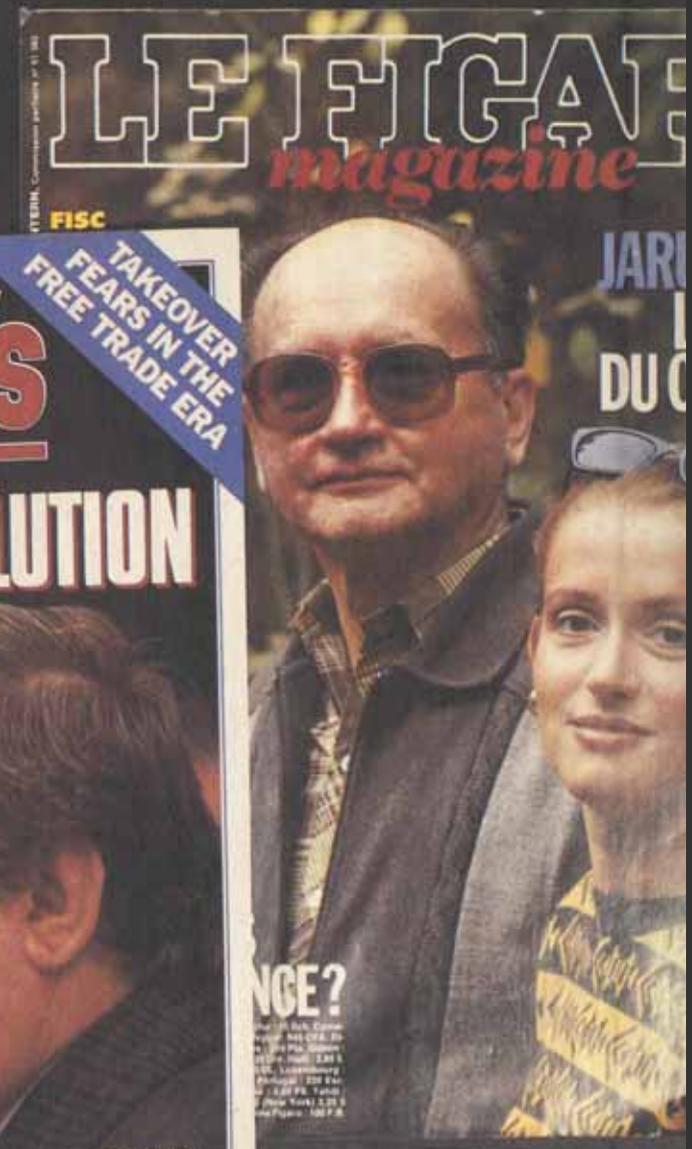
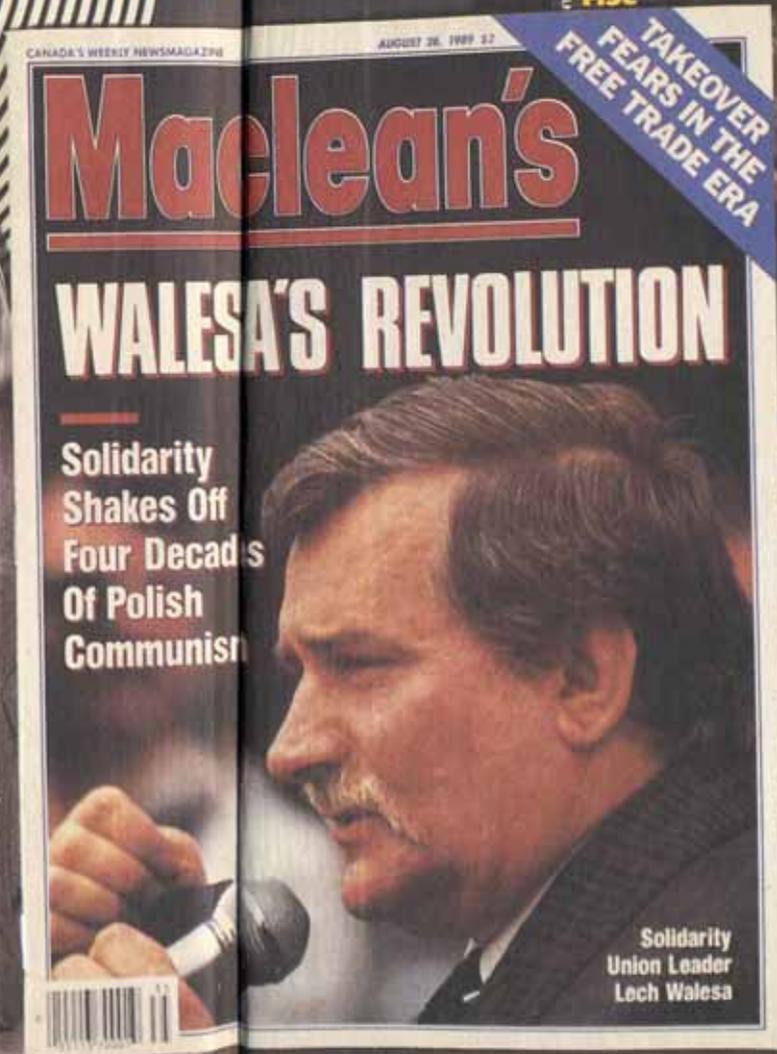
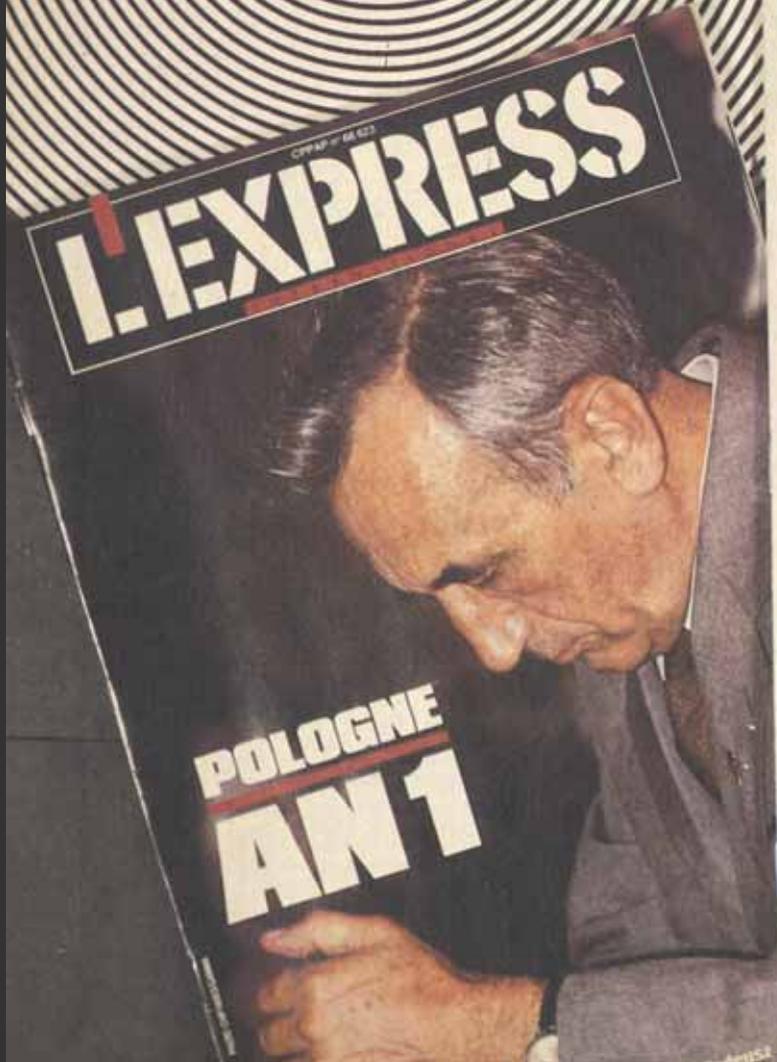
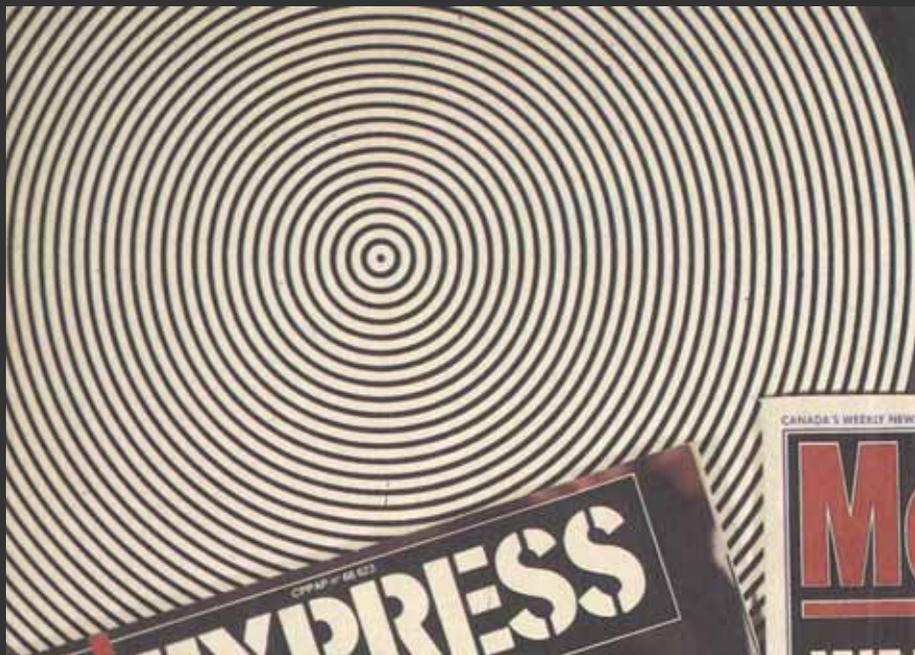
50TH ANNIVERSARY SPECIAL
World War II
 WHEN DARKNESS FELL

TIME

INTERNATIONAL

SOLIDARNOSĆ

The Inconceivable:
 Poland's Communists Yield to
 The Democratic Opposition

Janusz Mazowiecki

